

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ XIX

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2014

Содержание

Вяч.Вс. Иванов. К происхождению этнонима пруссов. Название <i>Purušhanda</i> (княжество и город III–II тыс. до н.э.)	5
Р.А. Агеева. Топонимические работы В. Н. Топорова. II	21
R. Eckert. Studien zur Terminologie der Waldimkerei im Slawischen und Baltischen	40
С. Каралюнас. Названия медведя в балтийских языках и их происхождение	108
V. Blažek. On etymology of the ethnonym <i>Čexъ</i>	116
P.-U. Dini. Zur vergleichend-kontrastiven Analyse der baltischen Fassungen von Martin Luthers «Kleinem Katechismus»: Dt. Büchlein und seine Entsprechungen	134
K. Babaev. Once again on the origins of local case affixes in Baltic languages	145
С.Л. Николаев. К реконструкции акцентных классов балто-славянских глаголов	151
М.В. Ослон. Акцентные дублеты у литовских йотовых глаголов на шумные	251
В.А. Дыбо. О системе акцентных парадигм в прусском языке	269
П.М. Аркадьев, И.Б. Иткин. Аблаут в литовских отглагольных именах: к описанию синхронного распределения. I	315
Б. Вимер. Методические заметки к исследованию смешанных белорусских говоров, часто именуемых «Мовой простой»	334
А. Эркер. Специфика именных парадигм в белорусских смешанных говорах на балто-славянском пограничье	357
Е. Коницкая, Б. Ясюнайте. <i>Заяц топит баню</i> : туман в выражениях с переносным значением в традиционной культуре и в авторской литературе (на материале литовского и русского языков)	394
Д. Разаускас. Символика рыбы в связи с верхним миром: небесные светила и атмосферные явления	431
С.И. Рыжакова. «Латышский ландшафт»: этнокультурный символизм и ландшафтные практики	462

Хроника, рецензии

Toshikazu Inoue, Eiko Sakurai. Studies of Lithuanian and other Baltic Languages in Japan.....	495
Е. Л. Назарова. Человек и источник в истории: К 20-летию Научных Чтений по гуманитарным наукам в Даугавпилсе	505
А. В. Андронов, Л. П. Баршчэўскі, А. Ф. Гуцаў. Кароткая граматыка латышскай мовы. Мінск: Радыёла-плюс, 2008. — 96 с. — (Серыя «Беларускія ЕўраГраматыкі»).....	524
М. В. Завьялова. Marta Eva Běťáková, Václav Blažek. Encyklopedie baltské mytologie	538

Некрологи

А. В. Топорова, М. Евзлин. Николай Михайлов (11 июня 1967 — 25 мая 2010)	543
Е. Л. Назарова, С. И. Рыжакова. Велта Эрнестовна Сталтмане (9 сентября 1926 — 16 апреля 2010).....	559
А. Е. Аникин. Юрий Владимирович Откупщиков (29 августа 1924 — 25 сентября 2010).....	566
Библиография работ Ю. В. Откупщикова.....	572

К происхождению этнонима пруссов Название *Purušhanda* (княжество и город III–II тыс. до н.э.)¹

Название племени, языка и страны пруссов, этимологии которого было посвящено немало исследований (ср. изложение различных точек зрения и литературу в работах: Otrębski 1955; Mažiulis 1996, 360–361; Schmalstieg 1976, 3–6; Karaliūnas 1977; 2004; Eckert 2001; Дини 2002, раздел 6.1.3), не получило пока достаточно широко принятого исторического объяснения. Многие исследователи вслед за Бугой (Būga 1961, 120–121) склонны были считать этот этноним относительно поздним, судя по его появлению в средневековых западных и восточных (арабских) источниках лишь к концу I тыс. н.э. Однако в последнее время для него были найдены и некоторые значительно более ранние соответствия. В.Н. Топоров (1975–1990; 1980; также архивные материалы к прусскому словарю и другие работы), детально исследовавший первые свидетельства о древних балтийских этнических названиях, по отношению ко многим из них, как и к имени пруссов, приводил и вероятные параллели античного времени. Кажется возможным еще больше удревить сравнения. В последние время была указана возможность соотнесения древних форм, связываемых с именем пруссов, и названия древнеанатолийского города Пурусханда (Иванов 2001, 232; Karaliūnas 2004).

Для обоснования этой гипотезы представляются важными четыре вопроса, на которых мы остановимся последовательно: 1) структура древнеанатолийского названия города как словосложения индоевропейского типа; 2) роль города Пурусханды в древних текстах и 3) возможность его археологического отождествления; 4) город Пурусханда в рассказах о походе Саргона Аккадского в Анатолию.

1. Слово принадлежит к тем раннеанатолийским топонимам, которые известны наряду с аналогичными личными именами и немногими

¹ Статья представляет собой расширенный и переработанный текст доклада, прочитанного 16 июня 2009 года во время торжественного открытия Центра балто-славянских исследований в Отделе типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. Автор признателен К. Мелчерту и И. Якубовичу за советы, касающиеся новых гипотез об отождествлении Пурусханды с археологическими центрами Анатолии раннего времени.

заимствованиями в староассирийской передаче в текстах торговцев из Кашаши и других торговых колоний (к числу которых, по-видимому, относилась и Пурусханда) начиная с первых десятилетий II тыс. и соответственно XX–XIX вв. до н.э. Открытие этих слов можно считать наиболее значительным новым достижением в изучении самых ранних письменных свидетельств о древних индоевропейских языках. Отдельные слова этих языков обнаружены в документах XX–XVIII вв. до н. э. на староассирийском диалекте аккадского (семитского) языка из торговых колоний в древней Малой Азии — Анатолии (Tischler 1995; Dercksen 2007; Иванов 2008; Ivanov 2007; 2008). В староассирийских текстах (всего их найдено около 23000) отражены имена богов, личные собственные имена и некоторые термины, заимствованные из языков местных жителей, которые относились к двум разным индоевропейским группам — североанатолийской (к ней принадлежал и представленный позднее большим числом клинописных текстов XVI–XIII вв. до н.э. главный официальный язык Хеттской империи — хеттский, или «несийский», как его называли сами хетты по имени города Несы, ассирийского Каниша) и южноанатолийской² (к ней относится засвидетельствованный несколько более поздними клинописными и иероглифическими документами лувийский язык, на котором во второй половине II тыс. до н.э. говорила основная часть жителей южных и западных областей Анатолии: Yakubovich 2010). В последние годы имена двух главных туземных богов Каниша обнаружены в документах из археологического слоя II, датируемого XX в. до н. э. (Kryszat 2006; Ivanov 2008; Гамкрелидзе, Иванов 2013).

В собственных личных именах и названиях городов туземного древнеанатолийского населения староассирийских колоний сохраняется архаический общиндоевропейский тип образования собственных имен посредством словосложения. Последним элементом в рассматриваемом

² В недавнем курсе исторической грамматики хеттского языка (Brosch 2011/2012) предложен в близком смысле термин «западноанатолийский» (схема его соотношения с хеттским сходна с моими гипотезами за исключением палайского, смыкающегося для меня с хеттским по *sentum*-ной изоглоссе и некоторым другим совпадениям, ср. в учебнике Rieken 2011, 26, Abbildung 1.1, возведение этих двух диалектов к праанатолийскому в отличие от всех остальных, производимых тоже от последнего, но при этом имеющих промежуточный источник в виде пра-юго-западно-анатолийского). Но проблематичным остается отличие праанатолийского от праиндо-хеттского (=раннего праиндоевропейского). Если, как кажется вероятным, они совпадают, можно полагать, что праиндо-хеттский около начала 5-го тыс. до н.э. разделился на три диалекта- позднейноиндоевропейский, празападно(=северно-)анатолийский и пра-восточно (=южно-)анатолийский.

словосложении могло быть слово **ḫant/d-a**, которое в этой форме в древнехеттском получило функцию направительного падежа или директива-аллатива «к, по направлению к» (Richtungskasus: Forrer 1928; directif: Laroche 1970; Kammenhuber 1979; Brixhe 1979; Dunkel 1994; Furlan 2001; Иванов 2001, 139, 181; allative: Hoffner, Melchert 2008, 76, 262-263; Civilleri n.d.). Окончание **-a** в конце слова скорее всего соответствует похожему по значению падежу на ***-ō** (с долготой из ступени растяжения тематического гласного) в других индоевропейских диалектах. Первой частью словосложения в таком случае является основа **Puruš-**, которую и кажется возможным сравнить с этнонимом пруссов. Согласно такому толкованию слово аналогично тому несколько отличному по структуре середине сложения (частому в староассирийских текстах) типу, который представлен также как архаизм в древнехеттском неразложимом сложном слове **men-a-ḫḫanda** '(на)против, перед, по направлению к' < **men-(i/a)** 'лицо, щека' + **-a<*-o-** + **ḫand-a** 'в сторону' (древняя форма направительного падежа-директива от **ḫant-** 'передняя сторона, лоб'; ср. возможное лув. клиноп. *ḫanza* 'лоб, forehead' Starke 1990, 125ff)³. В качестве первой части выступает др.-хеттск. **men-(i/a)** 'лицо, щека', ср. в надписи Аниты ^{URU} *Šalatiwara mēni-mmet nēḫ[ḫun]* 'Я обратил лицо свое к городу Салативара=Ich wandte mein Gesicht der Stadt Saladiwara zu' (KBo 3.22 52). Тип сложения с соединительным гласным **-a-** между первой и последней именными основами, выявляемый в этом слове (Иванов 2001, 181), характерен для многих личных имен в староассирийских текстах, (например, *Šaptam-a-niga* с предположительным значением '7-ая сестра или 7 сестер (= Плеяды?)'⁴, ср. сопоставляемое с этим именем написание 'единства из семи'^{DVII. VII VI} в хеттских списках богов) и названий мест (например, *Ša-lá-aḫ-šu-a* в тексте голенищевской коллекции ГММИ 1554; Янковская 1968, № 64, строка 16, ср. комментарии там же, с. 27,

³ Давно высказано предположение о сочетании в этом слове двух основ со значением *vis à vis*: Friedrich 1952, 141; CDH, 289; Kloekhorst 2008, 276. Моя гипотеза (Иванов 2001, 181) предполагает сходство с архаичным древнеанатолийским и индоевропейским типом сложения (первоначально с первой тематической основой). Альтернативная этимология ищет суффикс **-nt/d-** в конце названия.

⁴ Puhvel 1991; Dale 2011, 28-31. О доводах против чтения названия Плеяд в хеттских более поздних текстах (которые могут и не быть прямо связанными с древнеанатолийскими) ср. однако Archi 2010, 30-31. В пользу более общего предположения о том, что в этом древнеанатолийском словосложении виден след древнеиндоевропейской астрономической терминологии, может говорить сравнение с лат. *septem* '7' (= др.-анат. *šaptam*) в *septen-trion(es)* 'созвездия', *septen-trio maior* 'Большая Медведица', *septen-trio minor* 'Малая Медведица'.

166, 225; ср. те же основы с другими суффиксами в хет. *sall-(i)-+ hašš-atar* ‘царский род’). Сложное слово образуется (при принадлежности первого существительного в числу тематических имен) посредством сложения двух именных основ, связываемых соединительным тематическим гласным **-o-* > анатолийск. *-a-* (ср. родственное **-o-* в сложных именах типа др.-русск. *Свят-о-славь*, др.-греч. *Κλε-ο-πάτρα*, др.-герм. ст.-рунич. *hlew-ǫ-gǫstiR*). Этот тип словосложений принадлежит особому древнему анатолийскому диалекту (условно назовем его «диалект **-o-*»): он отличается от позднейшего состояния древнехеттского, лувийского и других северных и южных анатолийских индоевропейских языков (Иванов 2008). В них словосложение теряло свою древнюю роль (особенно в словообразовании, см. перечни немногих сохранившихся сложных слов: Hoffner, Melchert 2008, 63; Brosch 2011/2012) и при этом полностью исчез тип сложения с соединительной гласной. Его след можно видеть только в уже неразложимых древнехеттских сложных словах, как **men-a-ḫḫanda**. В топониме **Puruš-ḫanda** соединительный гласный отсутствует, что определялось, видимо, атематическим типом основы первого существительного в сложении. О значительной древности слова свидетельствует этимология последнего его элемента, восходящего к основе, общей у индоевропейского с афразиатским (древнеегипетским, как установил Форрер, и чадским). К числу древних словосложений атематического типа (без соединительного тематического гласного посередине) принадлежит древнехеттск. **antu-ḫš-a**⁵. Нострагическая древность может быть предположена и для многих других основ, входящих в древнеанатолийскую ономастику эпохи староассирийских колоний. В том же древнем «диалекте **-o-*», о котором мы знаем только по его следам в староассирийских текстах, архаический тип древнеанатолийских женских собственных имен представляет собой словосложение с последней (второй) основой *-ne/ik/ga-*; в соответствии с упомянутыми выше древними принципами индоевропейского словосложения перед этой основой выступало соединительное **-o-* > *-a-*. За первой именной основой следовал группа морфов *-a-nig/ka*. Основа существительного, в древнеанатолийском «диалекте **-o-*» выступающая как **nika**, в древнехеттском отражена как **nega-** ‘сестра, кровная родственница его

⁵ Первая часть слова, кончающегося (как предположил Чоп) основой **ḫ(a)š-** ‘рождать’ в нулевой ступени, содержит существительное *antu*, которое в славословии царю на древнехеттском с хаттской параллелью может обозначать ‘(на)род’ (царя) (а не ‘имущество’, как предположено в словаре Фридриха-Камменхубер), ср. также построенное по тематическому типу сложное слово *antuw-a-šalli* (Puhvel 1984, 84-85) в качестве обозначения высокопоставленного придворного (из «высокородного?»).

в его поколении', лув. **-niya-**, она принадлежит к архаичным общим элементам анатолийского (древнехеттского и лувийского) словаря (с возможной ностратической этимологией, отраженной в алтайском и вероятно уральском по Чопу), с этнологической точки зрения допускающих интерпретацию ранней системы родства по типу омаха-кроу.

Фонетический облик древнеанатолийского названия Пурусханды отражен в вариантах его клинописной передачи как /Purušhanda/Purušhaddum/ Paršuhunta /Paršuhanda (Forlanini 2012, 298) и в вероятной позднейшей форме (раннего железного века) Parzuta (там же и Weeden 2010). Остается в силе предложенное Отрембским (Otrębski 1955) верное с точки зрения семантической типологии сближение с древнеиндийским *puruṣa-* 'человек', как и этимологии, связывающие с основой **p(e)u-r-(eu)s-*.

2. Наиболее ранние письменные свидетельства о Пурусханде относятся к эпохе староассирийских торговых колоний. В староассирийских текстах она носит переименованное в конце на аккадский лад название **V/ Purušhattum**. Отсутствие отражения носового в предпоследнем слоге можно истолковать как след лувийского произношения, заменявшего сочетание с носовой согласной фонемой назализованным гласным, для которого в клинописи не находилось соответствующего знака. К концу периода староассирийских колоний относится первая хеттская передача названия в документе Анитты (его возраст подтверждается параллельной надписью на кинжале и палеографическим анализом: Иванов 2010 с библиографией и указанием характерных черт древнего пошиба хеттской клинописи).

О городе с этим именем говорят многие документы староассирийского времени, из которых видно, что только царь этого города Пурусханды носил ассирийский титул «господина господ» = «высшего повелителя», сближавший его с царем Каниша. Отдельную (последнюю) часть военной истории победоносного царствования Анитты представляет рассказ о взаимоотношении этого правителя с Пурусхандой (Dercksen 2010). Проиграв в столкновении с Салатиуарой (название лувийского типа по типу соединения с тематическим гласным между двумя именами — топоним ^{URU} **Ša-la-ti-wa-ra** < **sal-a-tiw-ar-*: хет. *šall-(i)-* 'царский, великий' + *-a-* < **-o* + лув. *Tiwar-* < **tiw-at-* 'Бог Солнца' = хет. *šiwat-* 'день'), Анитта возмещает утраченное благодаря союзу с «человеком» из Пурусханды. Приближая его к себе, он решает задачу объединения внутри своей империи разных ветвей древнеанатолийских индоевропейских племен. Хотя он и начал вместе с тем присоединение к этому союзу неиндоевропейских хаттских областей (в частности, Цальпы) и соответственно ввел изменения в официальный

пантеон, окончательно эту задачу попытаются (не всегда удачно) решать хеттские цари следующей династии (Иванов 2010; о лувийском и хаттском этносах в Центральной Анатолии ср. также теперь Goedegebuure 2008). Анитга повествует: **73.** 𐎠𐎡𐎣𐎧 .. [𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧] = ma-a-an × × [(la-ah-ha-ra-a-un)] ‘Когда я отправлялся в бой’, **74.** 𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧 = nu LÚ^{URU} Pu-gu-uš-ḫa-a[(n-da kat-ti-mi ḫe-en-ku-m)u-uš ú-da-aš)] ‘Человек (предводитель) Пурусханды принес дары мне’. **75.** 𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧 Šū-mu I GÍŠ ŠÚ.A AN.BAR I PA.GAM AN.BAR [(ḫé-en-gur ú-da-aš)] ‘И в частности он принес трон из железа и скипетр из железа в качестве даров’.

Выплавка железа была открыта хаттами и перенята хеттами, хранившими технологический секрет и не делившихся им с соседями (детали см. Иванов 1983; Muhly, Maddin, Stech, Özgen 1985; Steadman, McMagon 2011). Железо было редким металлом и ценилось выше других металлов.

Дарения, описываемые в этом месте надписи, имеют символический характер: Анитте преподносятся символы его царской власти⁶.

Последняя часть надписи Анитты описывает установленный им порядок правления, при котором повелителю побежденной Пурусханды отводилось второе место после самого хеттского царя: **76.** 𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧 = ma-a-an a-ap-ra-ma^{URU} Ne-e-ša [ú-qa-n(u-un)], ‘Когда же я назад (обратно) в Несу пришел’, **77.** 𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧 nu [LÚ?] ^{URU} Pu-gu-uš-ḫa-an-da kat-tim-mi ri-e-ḫu-te-nu-un ‘Я привел с собой человека (предводителя, воеводу) Пурусханды’. **78.** 𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧 = ma-a-an tu-un-na-ki-iš-na-ma pa-iz-zi a-p[(a-a-ša)] ‘Когда он идет во внутреннюю (= тронную) сторону пространства (дворца), то он (= этот)...’ **79.** 𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧𐎡𐎠𐎡𐎣𐎧 re-e-ga-am-mi-it ku-un-na-az e-ša-gi ‘(и он) передо мной справа сидит (сядет)’.

Город Пурусханда и его правитель еще упоминаются в древнехеттских документах Древнего Царства вплоть до анналов Мурсилиса I и текста Телепину (Martino 2003, 132-133, 142, 297). Позднее город разрушают и его имя в новохеттский период в прежней форме не встречается.

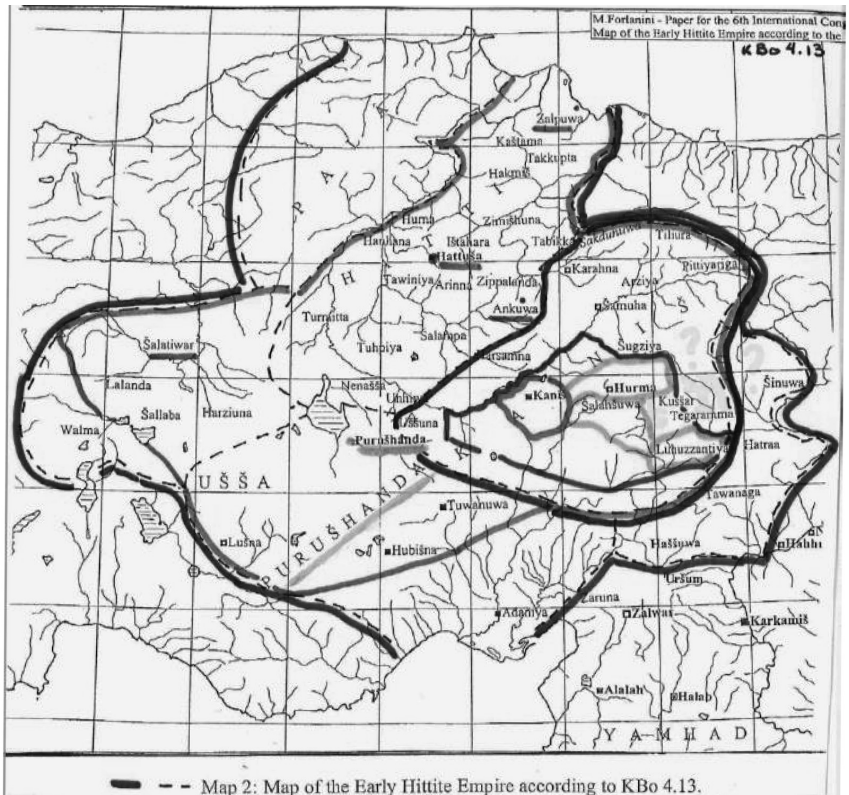
3. Хотя точное географическое приурочение местоположения этого города является дискуссионным, остается в силе допущение о преимущественно лувийском характере его населения (Yakubovich 2010, 247), но пока оно еще не подкреплено материалом, относящимся к лицам, упоминаемым в староассирийских документах в качестве горожан.

⁶ В какой степени, однако, дарение трона связано с культом хаттской по происхождению богини Трона, из текста надписи не видно (иначе это понимает Starke 1979).

На протяжении многих лет сохранялось убеждение в тождестве Пурусханды и современного Ачем-Гююка, где раскопки выявили для этой ранней поры богатую раннюю культуру и следы связей с Мари и другими центрами соседних стран Ближнего Востока. Сравнительно недавно была предпринята попытка пересмотра этого уже ставшего традиционным отождествления, как и ряда других соотношений историко-филологических реконструкций с археологическими (Baġajmović 2008; 2011). По существу у специалиста по исторической географии, работающего с письменными источниками, есть только один способ наметить соотношение различных мест, упоминаемых в документах. Их надо расположить в таком порядке и с такими расстояниями друг от друга, чтобы оказалось возможным проследить движение описываемых в документах людей и грузов (навьюченных на мулов, бывших основным транспортным животным для этого пространства и времени). Сохранились описания торговых путей, позволяющие наметить примерную область, к которой следует приурочить город (в данном случае это Центральная Анатолия к югу от большого соленого озера). Внутри этой области удастся выявить главные пути передвижения караванов, описанные в текстах. Проверка новых гипотез привела к обратным результатам: наиболее тщательное исследование путей староассирийских торговых караванов (Forlanini 2008–2012; Kawakami 2006) подтверждает старую гипотезу, см. карту 1.

Описание караванных путей, проходящих через Пурусханду, можно совместить с данными древнехеттских текстов. В документе Телепинуса Пурусханда упоминается среди мест, входящих в Нижнюю Землю в середине Малой Азии поблизости от Конья. Ассирийским купцам не положено было совершать поездки «дальше Пурусханды», которая, следовательно, оставалась в пределах тех земель, которые в Древней Империи входили в Хеттское царство. Попытка отождествить Ачем Гююк с Уламой оказывается неудачной (Blasweiler 2012), как и предположение о Пурусханде далеко на западе возле Арцавы (Baġajmović 2008; 2011). Между Пурусхандой и Уламой оказывается примерно такое же расстояние, как и между другими главными торговыми точками в описании караванных путей. В той центрально-анатолийской области, которая примерно очерчивается благодаря анализу караванных маршрутов, наиболее близкое археологическое соответствие богатому городу с социальным и экономическим весом можно найти именно в Ачем Гююке. Остальные предположения об отождествлении Пурусханды с другими центрами не выдерживают критики, основанной на письменных источниках.

4. Пурусханда не только называется неоднократно в староассирийских и древнехеттских текстах в плане настоящего времени. Она фигурирует

Карта 1. Староассирийские города эпохи перед началом древнехеттской империи согласно клинописному тексту КВ 4.13 (по докладу М. Форланини на 6 Конгрессе хеттологов)

и по отношению к далекому прошлому, главным образом в связи с аккадским легендарным завоевателем Саргоном 1-ым. В недавнее время был напечатан и оброс целой вспомогательной литературой текст о Саргоне, записанный в документе староассирийского купеческого времени (Günbattl 1997, Hecker 2001). Одни рассматривали его как обычное славословие царю (Derksen 2006), другие — как пародию на серьезные тексты о нем (Mieroop 2000; Torri 2009; Westenholz 2007–2011). В тексте находят возможные следы того, что он представляет собой запись устного ассирийского рассказа. Его могли привезти из Ашшура. Воображались вечера в Канише, которые коротали за рассказыванием удивительных историй о чудесных победах Саргона (Alster, Oshima 2007, ср. Vachvaogva 2012). Отдельную проблему представляет возможность проецирования на более древний период (около

2300 до н.э.) сведений о Пурусханде, содержащихся в хеттском варианте аккадского исторического повествования «Царь битвы», рассказывающего о походе древнеассирийского царя Саргона (1-го) Аккадского в Малую Азию (Güterbock 1969). Главным противником Саргона в рассказе выступает царь Пурусханды по имени Nu-úr-da-aḥ-ḫi (дательн. пад.), Nu-úr-da-ḫi-is (именит. пад.) (I 22, III 8). Как предположил Арки (Archi 2000), вторая часть имени представляет собой хурритскую форму, известную и в других хурритских именах, а первая основа в таком случае могла бы быть аккадизированным (переделанным на семитский лад) хурритским словом Nawar (переосмысленным как популярное семитское Nur-), ср. сочетание этого названия с Уркешем в титуле его царя Атал (или Ари-) шены (Bachvarova 2012, 108, примеч. 33). Соответственно, высказывалось предположение о хурритском происхождении всего текста (Izre'el 1997, 71–75, ср. по поводу грамматики, в частности, эргатива, возражения в книге Haul 2009), что кажется интересным в свете давно открытой роли хурритов в Канише (Янковская 1988), подтверждаемой новыми находками (Wilhelm 2008; Michel 2010), в том числе и касающимися истории хеттско-хурритской клинописи (Hecker 1996). Представляется возможным обнаружение новых свидетельств такого раннего хурритского воздействия на хеттов, которое можно видеть в этом тексте, имеющим особый стиль (доновохеттский или архаизирующий тип языка, Riecken 2001).

Одержав над царем с семито-хурритским именем победу, Саргон в повести, дошедшей до нас и в хеттской версии, повелевает: [(^{nu}Pu)]-ru-uš-ḫa-an-da-aš BÀd-eš-šar KÁ.GAL ḫa-an-ti pí-ip-pa-an-du [eš-š]a-ri-iš-me-et i-ya ne KÁ.GAL-aš a-še-eš-ḫu-ut ^{nu}Nu-úr-da-ḫi-ma-ta [eš-š]a-ri-ši-it pé-ra-an še-[er] ar-ta-ru ne-et-ta GAL-in ḫar-du «Пусть снесут⁷ стены и врата [Пу] русханды. Сделай скульптурные их образы и поставь их у врат. А образ Нур-дахе водрузи перед ними для себя и пусть он держит твою чашу» = ‘Let them knock down the wall(s) (and) the gate(s) of Purushanda separately. Make (sg.) the statues (eššari=šmet) and seat them at the gates. But let the statue (eššari=šit) of Nurdahi stand in front (of them) at your disposal, and let him hold your cup⁸.’

⁷ Ср. в словарных списках, восстановленных по соответствиям в копиях на трех языках: *pí-ip-pu-[u]-wa-ar* ‘to push away, down, to smash’, ‘to knock down, tear down’.

⁸ Пошиб фонта новохеттский, СТН 310, КВо 22.6 iv23'–25', с дубликатом КВо12.liv4–7; перевод по Goedegebuure 2012, 419, fn.36, где правильно указаны значения ešri- ‘образ, скульптура, форма, суть, сущность’, e-eš-ša-ri ‘image, statue’ (Puhvel HED; 1984, 313–315; Scheucher 2012, 639); e-eš-ri ‘image, figure’ ‘image, shape’ (KUB 3, 94); e-eš-ri-me-et — ‘my image, shape’ (Ib.,697) вероятно от eš- ‘быть’,

Исследование этой хеттско-хурритской версии рассказа о походе Саргона Аккадского в Сирию вызвало серию исследований, пробуящих объяснить, когда именно этот текст мог возникнуть. На крайней точке зрения, отрицающей древность рассказа, стоят авторы, предполагающие, что речь идет об отражении древнехеттских отношений с Пурусхандой или об аналогичной ретроспективной проекции в прошлое событий времени староассирийских колоний и царя Анитты (ср. Mieroop 2000; Torgi 2009; Yakubovich 2010; Westenholtz 2009–2011 с обзором различий между сторонниками подобных гипотез, исходящих из поздней датировки рассказа).

Интерес представляет подробная монография Хаула, где обзревается различные предположения, связанные с вариантами легенд о походах и войнах Саргона Аккадского (Haul 2009). Книга впечатляет сочетанием квалифицированного ассириологического анализа с серьезным обсуждением проблем роли воображения в литературе и повествовательном историческом жанре. Используются философские и литературоведческие исследования воображаемого начиная с философии «Якобы» Файнингера; учтен и вклад в изучение проблемы таких логиков, как Н. Гудман. Опыт изучения соотношения мифологии и истории напоминает сходный эскиз, предпринятый несколько раньше В.Н. Топоровым.

При тонкости многих наблюдений остается спорной граница, отделяющая вероятный исторический факт от его возможного преобразования в легенде. Для проблемы ранних упоминаний Пурусханды кажутся особенно значимыми вероятные связи с ранней металлургией железа. Кажется возможным предположение (Там же, 221, 380–381) о том, что интерес к ней и в целом к Анатолии у Саргона и ранних ассирийских купцов мог быть вызван необходимостью достать сырье для изготовления металлического оружия; устанавливаемую таким образом вероятную связь анатолийского легендарного похода с металлургией железа можно подтвердить новыми лингвистическими гипотезами: упоминаемый в одном из ранних текстов, описывающих дальние походы Саргона (Там же, 396, 411–412), ассирийский термин *parzillu* ‘железо’ представляет собой древнее анатолийское заимствование (Valério, Yakubovich 2010). Исследование роли железа по отношению к Пурусханде вызывается цитированным местом из надписи царя Анитты. Но можно задать и более общий вопрос: нельзя ли считать, что минеральные ресурсы тех анатолийских центров, с которыми можно было связываться через Пурусханду, и вызвали столь

см. Иванов 2001, 178; 2007 (публикация текста диссертации, написанной в 1955 г.), с. 57–58 о параллельном архаичном мифологическом рассказе о Боге Грозы.

древние контакты, о которых говорят тексты, касающиеся Саргона? В ассирийских вариантах легенды о нем он спрашивает о дальних путях, ведущих к Пурусханде. Эта часть рассказа, как и участие в нем ассирийских купцов, могло опираться и на реальную историческую традицию, пусть позднее почти забытую и переименованную.

Новейшие открытия показывают, что такие ранние центры, как Аркаим-Синташта на севере от Каспия и Ачем Гююк в середине Анатолии, своим возникновением и развитием обязаны зарождающейся металлургии, требовавшей (в том числе и для изготовления ценных металлических видов оружия) доступа к источникам руд. Ранний финансовый капитал, преуспевавший благодаря торговле, документирован не только архивом Эблы, но и теми же староассирийскими текстами из торговых колоний. Кажется весьма существенным, что именно в этих экономических условиях формируется то представление о глобальном мире, которое засвидетельствовано картой вселенной, входящей в число тех же текстов на аккадском языке, говорящих о Саргоне. Описываемые в этих текстах противники Саргона, к которым относился и царь Пурусханды, могли бы быть истолкованы как коалиция, имеющая конкретный исторический прототип для времени после распада позднеиндоевропейского праязыка⁹.

Археологи надеются на обнаружение в Ачем Гююке следов ранней заинтересованности аккадских властителей и торговцев в минеральных ресурсах древней Анатолии. Меллинк (1989, 178–179) предсказывает: «Торговля серебром осуществлялась по плато через Порсук-Атуну и Ачем-Гююк — Пурушатум. Псевдоисторические тексты («Царь Битвы») говорят о том, как Саргон прибыл в Пурушатум, побужденный к этому аккадскими купцами. Алебастровая стела в Багдадском музее может свидетельствовать о триумфальном возвращении аккадских воинов (Нарам-Сина?) с добычей; это предметы анатолийского типа ранней бронзы III... Поселение Ачем-Гююк-Пурусханда имеет перспективный слой ранней бронзы III. Он пока еще не раскопан, но находки двух кружек рассматриваемого периода ... в одном погребении вне стен позволяют надеяться на новые открытия...».

⁹ В этом плане представляет интерес упоминание среди этих врагов Ассирии (против нее восставших) кутиев и тукри, соотнесенных Хеннингом соответственно с тохарами и кучнцами (Гамкрелидзе, Иванов 2013), возможного названия древнеиндийских туземных племен, прототипа имени армян и т.п. Но в целом проблема, отчасти аналогичная дешифровке имен народов моря тысячу лет позднее, еще далека не только от решения, но и от правильной постановки вопроса. Можно предположить наличие в этот ранний период такого союза врагов Ассирии, где участвовали многие ранние группы индоевропейцев, объединившиеся с частью своих восточных соседей.

Разумеется, остается возможность и здесь подумать о философии «якобы» (*des als-ob*) или кажимости Файннгера: археологам мерещится этот анатолийский контекст Трой-II, но в пользу этих надежд говорят немногие уже сделанные находки и общий фон, о котором речь шла выше.

Предположенная нами интерпретация имени Пурусханды допускает два толкования в зависимости от принимаемой хронологии текстов и культур. Применительно к эпохе староассирийских колоний можно думать об одном из тех совпадений балтийских и анатолийских (в том числе и географических) имен, которые выявляются в достаточно внушительном числе случаев (Иванов 2002 с библиографией), ср. анатолийские топонимы типа карийского *Каunos* и многие гидронимы, совпадающие с балтийскими. По отношению же к более древней эпохе может идти речь о таких ранних наименованиях племен, говоривших на индоевропейских диалектах, которые еще не получили своего позднейшего исторического приурочения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гамкрелидзе, Иванов 2013 — *Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов*. Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений // Вопросы языкового родства, 2013, № 9.
- Дини 2002 — *П.-У. Дини*. Балтийские языки / Пер. А.В. Топоровой под ред. В.Н. Топорова. М., 2002.
- Иванов 1983 — *Вяч.Вс. Иванов*. История славянских и балтийских названий металлов. М., 1983.
- Иванов 2001 — *Вяч.Вс. Иванов*. Хеттский язык. М., 2001 (2 изд.).
- Иванов 2002 — *Вяч.Вс. Иванов*. Балто-южноанатолийские изоглоссы // Балто-славянские исследования. М., 2002.
- Иванов 2007 — *Вяч.Вс. Иванов*. Индоевропейские корни в хеттском языке // Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 1. М., 2007.
- Иванов 2008 — *Вяч.Вс. Иванов*. Анатолийские личные имена и слова в староассирийских текстах XX–XVIII вв. до н.э. — древнейшие свидетельства об индоевропейских языках // Вопросы языкознания, 2008, № 4.
- Иванов 2010 — *Вяч.Вс. Иванов*. Древнейший индоевропейский письменный текст: надпись Анитты, царя Куссара (XVIII в. до н.э.) в истории хеттологии // *Вяч.Вс. Иванов*, Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 7, кн. 2. М., 2010.
- Меллинк 1989 — *М.Дж. Меллинк*. Троя II в контексте раннего бронзового века в Анатолии / Перевод С.Ю. Сапрыкина // Вестник древней истории, 1989, № 4.
- Топоров 1975–90 — *В.Н. Топоров*. Прусский язык. Словарь. Т. 1–5. М., 1975–90.
- Топоров 1980 — *В.Н. Топоров*. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.

- Янковская 1968 — Н.Б. Янковская. Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э. / Автографические копии, транскрипция, пер., ввводн. ст., коммент. и глоссарий Н.Б. Янковской (Памятники Востока XIV). М., 1968.
- Янковская 1988 — Н.Б. Янковская. Хурриты в Канише // Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1988.
- Alster, Oshima 2007 — B. Alster, T. Oshima. Sargonic dinner at Kanesh: The Old Assyrian Sargon legend // Iraq. 2007, vol. 69.
- Archi 2000 — A. Archi. Nawar-taḫe, king of Puruḫanda // N.A.B.U.: Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires. N 4 (décembre). 67, n. 61, 2000.
- Archi 2000a — A. Archi. The Heptad in Anatolia // Studia Anatolica in memoriam Erich Neu dicata, 2010.
- Bachvarova 2012 — M.R. Bachvarova. From “Kingship in Heaven” to King Lists: Syro-Anatolian Courts and the History of the World // Journal of Ancient Near Eastern Religions, Volume 12, 2012, Issue 1.
- Barjamovic 2008 — C. Barjamovic. The geography of trade. Assyrian colonies in Anatolia c. 1975–1725 BC and the study of early interregional networks of exchange // J.G. Dercksen (ed.). Anatolia and the Jazira During the Old Assyrian Period. Old Assyrian Archives, Studies, Volume 3, 2008.
- Barjamovic 2011 — C. Barjamovic. A Historical Geography of Anatolia in the Old Assyrian Colony Period. (CNI Publications, vol. 38). Copenhagen, 2011.
- Blasweiler 2012 — J. Blasweiler. An exploration: Was the city of Ulama from the Bronze Age, located on the site of Acem Höyük? {Leiden:} Academia.edu. 2012 <joostblasweiler@planet.nl>
- Brixhe 1979 — C. Brixhe. Le directif du vieux-hittite et son ascendance indo-européenne // Florilegium Anatolicum. Mélanges offerts à Emmanuel Laroche. Paris, 1979.
- Brosch 2011/2012 — C. Brosch. Hethitische historische Grammatik // WS 2011/2012 <http://www.phill.uni-wuerzburg.de/fileadmin/04080400/heth_hist_gramm-brosch.pdf>
- Būga 1961 — K. Būga. Rinkniai raštai. T. III. Vilnius, 1961.
- CDH — The Dictionary of the Hittite language. Chicago, 1986.
- Civilleri — G.O. Civilleri. Codifica della direzione nel sistema nominale indoeuropeo: un’ipotesi scalare: <http://www.academia.edu/392461/Codifica_della_direzione_nel_sistema_nominale_indoeuropeo_unipotesi_scalare_n.d.>
- Dale 2011 — A. Dale. Topics in Alaman’s PARTHENEION // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 176, 2011.
- Dercksen 2006 — J.G. Dercksen. Adad is king. The Sargon text from Kültepe // Jaarbericht van het Vooraziatisch Egyptisch Genootschap Ex Oriente Lux. 39, 2006.
- Dercksen 2007 — J.G. Dercksen. On Anatolian loanwords in Akkadian texts from Kültepe // Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Bd. 97, 2007.
- Dercksen 2010 — J.G. Dercksen. Anitta and the Man of Purushanda // S. Dönmez (ed.). DUB.SAR E.DUB.BA.A Studies Presented in Honour of Veysel Donbaz. Istanbul, 2010.
- Dunkel 1994 — G.E. Dunkel. The IE Directive // Früh-, Mittel-, Spätindogermanisch. Akten der IX Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 5. bis 9. Oktober 1992 in Zurich. Wiesbaden, 1994.

- Eckert 2001 — *R. Eckert*. Woher hat Preussen seine Namen? // *R. Eckert*. Altpreussische Studien (Tolkemita Texte, N 61). Dieburg, 2001.
- Forlanini 2008 — *M. Forlanini*. The Historical Geography of Anatolia and the Transition from the Karum-Period to the Early Hittite Empire // J.G. Dercksen (ed.). *Anatolia and the Jazira During the Old Assyrian Period*. 2008.
- Forlanini 2009 — *M. Forlanini*. On the middle Kızılırmak, II // *Studia Asiana* 5, Roma, 2009.
- Forlanini 2010 — *M. Forlanini*. New Evidence and Recent Suggestions on the Anatolian Geography in the Old Assyrian Period // DUB.SAR É.DUB.BA.A Studies Presented in Honour of Veysel Donbaz. Istanbul, 2010.
- Forlanini 2012 — *M. Forlanini*. Review of Barjamovic 2011 // *BIBLIOTHECA ORIENTALIS* LXIX N° 3-4, mei-augustus 2012.
- Forrer 1928 — *E. Forrer*. Ein siebenter Kasus im Alt-Kanisischen // *Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft* (MAOG). 4. Altorientalische Studien Bruno Meissner zum sechzigsten Geburtstag gewidmet, von Freunden, Kollegen und Schülern. 1928.
- Friedrich 1952 — *J. Friedrich*. Hethitisches Wörterbuch (HW). Heidelberg, 1952.
- Furlan 2001 — *M. Furlan*. Hethitische Direktivendung -ã und indoeuropäische Quellen // Onofrio Carruba/Wolfgang Meid (Hgg.). *Anatolisch und Indogermanisch. Anatolico e Indoeuropeo. Akten des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft*. Pavia, 22.–25. September 1998. Innsbruck, 2001.
- Goedegebuure 2008 — *P.M. Goedegebuure*. Central Anatolian languages and language communities in the Colony period: The Luwian substrate of Hattian and the independent Hittites // J.G. Dercksen (ed.). *Anatolia and the Jazira during the Old Assyrian period*. (Old Assyrian Archives, Studies, Volume 3. (PIHANS 111)). Leiden, 2008.
- Goedegebuure 2012 — *P.M. Goedegebuure*. Hittite iconoclasm: Disconnecting the icon, Disempowering the Referent // Natalie Naomi May (ed.). *Iconoclasm and Text Destruction in the Ancient Near East and Beyond*. *Oriental Institute Seminars* 8 (OIS 8). Chicago, 2012.
- Günbattı 1997 — *C. Günbattı*. Kültepe'den Akadli Sargon'a Âit Bir Tablet // *Archivum Anatolicum* 3, 1997.
- Güterbock 1969 — *H.G. Güterbock*. Ein neues Bruchstück der Sargon-Erzählung "König der Schlacht" // *Mitteilungen der Deutschen Orientalisten-Gesellschaft*. Bd. 101 (1969).
- Haul 2009 — *M. Haul*. Stelle und Legende (Göttinger Beiträge zum Alten Orient, Band 4). 2009.
- Hecker 1996 — *K. Hecker*. Zur Herkunft der hethitische Keilschrift // Richard F.S. Starr Memorial volume *Studies on Culture and Civilisation of Nuzi and Hurrians* / D.I. Owen and G. Wilhelm (eds.). Bedesda, 1996.
- Hecker 2001 — *K. Hecker*. Ein Selbstpreis Sargons // *Texte aus der Umwelt des Alten Testaments: Ergänzungslieferung*. Gütersloh, 2001.
- Hoffner, Melchert 2008 — *H.A.Jr. Hoffner, H.C. Melchert*. *A Grammar of the Hittite Language*. Part 1: Preference Grammar. Winona Lake, 2008.
- Ivanov 2007 — *V. Ivanov*. Les noms propres et les mots anatoliens dans les texts paléo-assyriens de XXème–XVIIIè siècles avant J.C. — les témoignages les plus anciens des langues indo-européennes // *Societas Anatolica, Bulletin*. No 1, 2007.

- Ivanov 2008 — *V. Ivanov*. Archaic Indo-European Anatolian Names and Words in Old Assyrian Documents from Asia Minor (20th-18th Centuries BC) // Proceedings of the 19th Annual UCLA Indo-European Conference. Washington, DC, 2008.
- Izre'el 1997 — *S. Izre'el*. The Amarna Scholarly Tablets. Groningen, 1997.
- Kammenhuber 1979 — *A. Kammenhuber*. Direktiv, Terminativ und/oder Lokativ im Hethitischen // E. Neu (ed.). Hethitisch und Indogermanisch: Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens (IBS 25). Innsbruck, 1979.
- Karaliūnas 1977 — *S. Karaliūnas*. Dėl Prūsų etnonymo reikšmės ir kilmės // *Baltistica*, XIII (2), 1977.
- Karaliūnas 2004 — *S. Karaliūnas*. Zur Herkunft des Preußennamens // *Historische Sprachforschung / Historical Linguistics*. 117. Bd. 1. H. (2004).
- Kawakami 2006 — *N. Kawakami*. The location of Puruṣhanta // *AL-RA⁻FIDA⁻N* Vol. XXVII, 2006.
- KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig und Berlin, 1916-.
- Kloekhorst 2008 — *A. Kloekhorst*. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon (= Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 5). Leiden — Boston, 2008.
- Kryszat 2006 — *G. Kryszat*. Herrscher, Herrschaft und Kultradition in Anatolien nach den Quellen aus den altassyrischen Handelskolonien. Teil 2. Götter, Priester und Feste Altanatoliens // *Altorientalische Forschungen*. 2006.
- KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin, 1921-.
- Laroche 1970 — *E. Laroche*. Etudes de linguistique anatolien, III // *Revue Hittite et Asiatique* 1970, 28.
- Martino 2003 — *S. De Martino*. *Annali e Res Gestae antico hittiti*. Pavia, 2003.
- Mažiulis 1996 — *V. Mažiulis*. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. 3: L–P. Vilnius, 1996.
- Michel 2010 — *C. Michel*. Deux textes atypiques découverts à Kültepe // *Journal of Cuneiform Studies*. Vol. 62, 2010.
- Mieroop 2000 — *M. Van de Mierop*. Sargon of Agade and his successors in Anatolia // *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*, 42, 2000.
- Muhly, Maddin, Stech, Özgen 1985 — *J.D. Muhly, R. Maddin, T. Stech and E. Özgen*. Iron in Anatolia and the Nature of the Hittite Iron Industry // *Anatolian Studies*. Vol. 35, 1985.
- Otrębski 1955 — *J. Otrębski*. Über die Herkunft des Preussennamens // *Lingua Posnaniensis*, 9, 1955.
- Puhvel HED, 1984, 1997 — *J. Puhvel*. Hittite Etymological Dictionary. Words beginning with A, E<I, ...K. Trends in Linguistics Documentation I, ... 14. Berlin; New York, 1984, 1997.
- Puhvel 1991 — *J. Puhvel*. Names and Numbers of the Pleiad // *Epilecta Indoeuropea. Opuscula Selecta Annis 1978–2001. Excusa Imprimis ad Res Anatolicas Attinentia*, 2001 (= *Semitic Studies. In Honor of Wolf Leslau, Wiesbaden, 1991*. Vol. 2).
- Riecken 2001 — *E. Riecken*. Der hethitisch šar-tamḫari-Text: archaisch oder archaisierend? // *Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie, Studien zu den Bogazköy-texten* 45. Wiesbaden, 2001.
- Rieken 2011 — *E. Rieken*. Unter Mitwirkung von U. Gradmann and J. Lorenz. Einführung in die hethitische Sprache und Schrift. Münstr. 2011.

- Scheucher 2012 — *T.S. Scheucher*. The transmissional and functional context of the lexical lists from Hattusha and from the contemporaneous traditions in Late-Bronze-Age Syria. Leiden University Dissertation 2012: < <http://hdl.handle.net/1887/19986>>
- Schmalstieg 1976 — *W. Schmalstieg*. Studies in Old Prussian. University Park and London, 1976.
- Starke 1979 — *F. Starke*. Halmasuitt in Anitta-Text und hethitische Ideologie von Königstum // Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie. Bd. 69, 1979.
- Starke 1990 — *F. Starke*. Untersuchungen zur Stammbildung des keilschrift-luwischen Nomens. Wiesbaden, 1990.
- Steadman, McMahon 2011 — *S.R. Steadman, G. McMahon*. The Oxford Handbook of Ancient Anatolia: (10,000-323 BCE). Oxford University Press, Sep 15, 2011.
- Tischler 1995 — *J. Tischler*. Die kappadokische Texte als älteste Quelle indogermanischen Sprachgutes // O. Carruba, M. Giorgieri, C. Mora (eds.). Atti del II congresso internazionale di Hittitologia. Pavia, 1995.
- Torri 2009 — *G. Torri*. Sargon, Anitta, and the Hittite Kings against Purušanda // Altorientalische Forschungen. Vol. 36, 2009, No. 1.
- Valério, Yakubovich 2010 — *M. Valério, I. Yakubovich*. Semitic word for ‘iron’ as an Anatolian loanword // Исследования по лингвистике и семиотике. М., 2010.
- Weeden 2010 — *M. Weeden*. Tuwati and Wasusarma. Imitating the behavior of Assyria // Iraq 72, 2010.
- Westenholz 2007 — *J.G. Westenholz*. Notes on the Old Assyrian Sargon legend // Iraq Y. 2007. Vol. 69.
- Westenholz 2009 — *J.G. Westenholz*. Historical Events and the Process of Their Transformation in Akkadian Heroic Traditions // D. Konstan and K.A. Raaflaub (eds.). Epic and History. Wiley-Blackwell, Oxford, 2009.
- Westenholz 2011 — *J.G. Westenholz*. The transmission and reception of the Sargonic Sagas in the Hittite world // Hethitische literature. Überlieferungsprozesse, Textstrukturen, Ausdrucksformen und Nachwirken. Akten des Symposiums. Münster, 2011.
- Wilhelm 2008 — *G. Wilhelm*. Hurrians in the Kültepe texts // Anatolia and the Jazira during the Old Assyrian Period. Leiden, 2008.
- Yakubovich 2010 — *I. Yakubovich*. Sociolinguistics of the Luwian language. Leiden/Boston, 2010.

Топонимические работы В. Н. Топорова. II

Настоящая работа является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем выпуске «Балто-славянских исследований» (вып. XVIII, 2009). Некоторые труды В. Н. Топорова рассматриваются в обеих частях обзора, однако с разных позиций: если в первой части внимание обращено исключительно на традиционно изучаемые топонимикой проблемы — этимологию топонимов, выявление субстратных (в первую очередь балтийских) названий, установление топонимических ареалов и их связи с ареалами археологическими и с исторической географией, то во второй части обзора освещается культурологический (в значительной мере новаторский) подход учёного к топонимии, в результате которого топонимы вовлекаются в широкий культурно-исторический контекст взаимосвязанных концептов и способствуют реконструкции мифа, обрядов, ранней этнической истории и т. д., а также изучению мифопоэтической традиции в раннеисторической и художественной литературе.

Систематизация — по определённым параметрам — топонимического материала в культурологических трудах академика В. Н. Топорова в значительной степени затруднена. Рассмотрение работ в хронологическом порядке не имеет смысла, так как уже начиная со студенческих лет и в дальнейшем Владимира Николаевича интересовали буквально все темы, нашедшие отражение в его публикациях (хронологию работ см. в Биобиблиография 2006, см. там, кроме того, вступительные статьи Вяч. Вс. Иванова и Н. Н. Казанского). Разбиение материала по чётко выделенной тематике также нецелесообразно: круг рассматриваемых проблем в каждой книге, в каждой статье учёного широк и разнообразен; при этом аргументация и примеры, как правило, повторяют, дополняют и углубляют концепцию автора, высказанную в других его работах. Таким образом, вся совокупность научных трудов В. Н. Топорова (употребляя его же собственный термин по отношению к Петербургу) представляет собой некий «сверхтекст», организованный и по горизонтали, и по вертикали.

Исходя из вышесказанного, в данном обзоре принято нестрогое и чисто условное разделение рассматриваемого материала по признаку тематики, превалирующей в каждой из этих работ. Разумеется, здесь присутствуют лишь избранные публикации, имеющие наиболее важное значение

для культурологических и топонимических исследований. Многочисленные переиздания и перепечатки статей в сборниках и журналах в список использованной литературы не вошли.

Топонимы в мифах и народных представлениях. «Основной миф»

Работы В. Н. Топорова в области мифологии включают в себя как обязательный элемент изучение топонимов (названий реальных объектов или вымышленных — мифонимов). В статьях, опубликованных учёным в энциклопедии «Мифы народов мира» (МНМ), рассматриваются названия *Арьяварта* (страна ариев, центр индийской цивилизации), *Сарасвати* (главная река ведийских ариев и её богиня), элемент *dānu* 'поток' в названиях ряда крупных рек Южной Европы (статья «Индоевропейская мифология») и др. Особое значение для гидронимических исследований имеют статьи «Океан мировой» и «Река» (МНМ 1988, 2, 249; 374–375). Образ космической реки, «стержня вселенной», мирового пути, пронизывающего верхний, средний и нижний миры, или образ озера (моря) в центре вселенной, из которого вытекают главные реки, — важный мифологический символ, элемент сакральной топографии. Иногда в роли космической реки выступает символически переосмысленная реальная главная река данного региона (эвенк. *Мумонги хокто бира* («водяная река-дорога»), *Енисей* (ось вселенной у кетов)).

Сакрализация географических объектов приводит к появлению и так называемых «святых» топонимов, см. об этом в статье (Топоров 1987) и в фундаментальной монографии (Топоров 1995в, 1, 8; 471 и сл.). В балтийской гидронимии и ойконимии такие примеры многочисленны, так, в Литве свыше 20 гидронимов типа *Šventupė*. Эпитет **švent-* особенно часто применялся к водным объектам, прежде всего к рекам и озёрам, гораздо реже к возвышенным местам (*kaln-*, *garb-*), где действительно устраивались святилища. Совсем редко — по отношению к лесу, роще в целом, зато отдельные ритуально отмеченные деревья могут носить определение *švent-*. Это предпочтение водных объектов заставляет обратить внимание на семантику: «в физиографическом употреблении балт. *švent-* обозначает блестящую, сияющую водную поверхность». То есть здесь налицо связь «святости» с «блеском», «сиянием», в их предельном проявлении — с золотым и пурпурным цветом. Эта связь подкрепляется и на уровне языка (в индоевропейском — этимологически). Для славянской топонимии характерны сочетания **svęt-* со словами, обозначающими землю или её отмеченные точки — гора, поле, место, камень, река, озеро, вода. Так, многочисленны *Святые горы* в топонимии (реальной и мифопоэтической);

с ними часто связано былинное имя *Святогор*. Ср. также гидронимы типа *Святая* (или оз. *Святое*), *Святая река* и т. п. Но понятие святости распространяется и на небо, и на землю, причём Земля соотносится с матерью, а небо соответственно с отцом, что отвечает известному мифологическому мотиву божественной пары супругов-творцов (ср. Мать-Земля, Отец-Небо). Возможно, за образами с языковой формой **svęť(jь)* и пр., отсылающими к христианской традиции, стояли на более ранних этапах представления о святой супружеской паре и небесной свадьбе. То же отношение существовало между реальными *Святой землёй* (Иерусалим) и *Святой рекой* (Иордан) и эквивалентами этих образов в языческую эпоху. Происходит, таким образом, сакрализация пространства и времени (ср. святые праздники, святые дни, части дня и т. п.). Далее возникают понятия: святой мир, святой народ, святая жизнь, Святой Дух, святое слово, дело. Есть и двучленные личные имена с этим элементом: божество *Свентовит*, рус. *Святослав* (и топоним — г. *Святославль* в Киевской Руси, 1096 г.), *Святополк*, *Святомир* и т. д. В. Н. Топоров приходит к выводу о том, что в первые 100–150 лет после введения христианства на Руси понятие святости претерпевает трансформацию (адаптацию), основные линии которой: троякая переориентация локуса святости — с природы на человека (и сверхчеловеческое), с материально-физического на идеально-духовное, с конкретного и зримого на абстрактное и незримое.

Мифопоэтическая традиция, отразившаяся в народных представлениях и верованиях, сохраняется и в других семантических группах топонимов, в частности в балтийских названиях с корнем **ner-* (а также в этнониме *невры* у древних авторов). Ср. р. *Нарев* (польск. *Narew*, ятв. *Naura*), пр. Вислы (жители ятвяги, галинды; невры, видимо, жили в верхнем течении Нарева); гора в Мазурском округе — *Nauriska Góra* (на Мазурах много гидронимов и ойконимов с корнем **Nar-*); в басс. Оки *Нара*, *Нарка*, *Нарва*, *Неревка* и т. д.; в Верхнем Поднепровье — *Наровля*, *Неропля*, *Нарка* и др.; в Литве и Латвии гидронимы лит. *Neretà*, *Neris*, *Nérka*, *Nóruta*, латыш. р. *Narvele*, *Nareta*, *Nereta* и т. д. (там же много ойконимов и антропонимов). В статье (Топоров 2006) даётся культурологическая интерпретация корня **ner-*, часто встречающегося в гидронимии. Корень этот в индоевропейских языках обозначал магическую жизненную силу и её носителя — мужчину, человека, обладающего этими силами, энергией, активностью. Также здесь просматривается связь с «нижним» царством, с водой, с представлениями «низа» — ср. значение «нырять» (балт. и слав.). Погружение в воду, сама связь с водой предполагают движение, при котором субъект действия устанавливает контакт с низом, в результате чего он приобретает особые качества — мужественность, отвагу,

полноту жизненных сил. Семантика корня **ner-* включает значения ‘под’ (предлог), ‘внизу’, ‘снизу’, ‘нижний’, ‘подземный’ (в греч. — ‘боги подземного царства’, но и ‘жители подземного царства’, т. е. усопшие).

Народные представления о мифических странах — ещё один предмет исследований В. Н. Топорова. Статья (Топоров 1984) посвящена названию страны *Ойум*, упоминаемой готским историком Иорданом. Готы пришли в Скифию, в область *Oium*, которая показалась им одной из «удобнейших» и «подходящих» областей, отличалась «великим изобилием» и была для готов «желанной землёй», была предельно изолирована (окружена болотами и омутами) и недоступна. Об этом говорит и этимология слова *Oium* (Там же, 130): из гот. **Aujōm* — обозначение страны, изобилующей водой, < герм. **áhwo* ‘вода’. В других германских языках семантика «остров», «мокрый луг», «земля у воды», «река» — часто эта основа выступает в топонимии, ср. особенно нем. *Au(e)*, которое может обозначать местность, окружённую водой или богатую водой.

Существуют разные версии локализации Ойума. Частое мнение — что это могут быть низовья Днепра. Но у готов задолго до их прихода на юг России было представление о сказочной южной стране, богатой тёплыми водами. Может быть, Ойум находился и в устье Дуная, в плавнях, гораздо более обширных, чем днепровские, и богатых рыбой и птицами, которые остаются здесь на зимовку. Восточнославянские мифопоэтические представления помещают сюда же сказочную страну *Вырей* (*Ирей*, *Ирий*), откуда прилетают птицы, принося с собой весну, и куда улетают на зиму. *Вырей* — в восточнославянской мифологии древнее название рая и райского мирового дерева, у вершины которого обитали птицы и души умерших. В народных песнях весеннего цикла сохранился мотив отмыкания ключом вырея; согласно украинскому преданию, ключи от него некогда были у вороны, но та прогневала бога, и ключи передала другой птице. С представлением о вырее связаны магические обряды погребения крыла птицы в начале осени (см. об этом статью Вяч.Вс. Иванова и В. Н. Топорова в МНМ 1987, 1, 254).

Основная форма Вырей — из **Ūr-ujь* от *ūr* ‘вода’, может быть, ‘море’ (ср. балт. *jūra* ‘море’). Таким образом оказывается, что готская страна Ойум и восточнославянский Вырей названы по одному и тому же признаку, связаны с Чёрным морем, с низовьями Днепра и Дуная (Топоров 1984, 132). Очевидная связь Вырея и Ойума с Дунаем позволяет и установить более точную этимологию гидронима *Дунай*. Может быть, готы видели в исходе названия Дуная — готское *Dōn-awī* (Gen. *Dōn-aujos*) — тот же элемент, который самостоятельно выступает в **Aujōm* (= *Oium*). «Если это так, то открывается возможность видеть в названии Дуная своего рода

гибридное иранско-германское тавтологическое образование: иран. *Dān* ‘вода’, ‘река’ — герм. **au(j)* ‘то же’. Кстати, готский элемент *-auj-* в названии реки удачно объяснял бы обе славянские формы названия Дуная: **Dun-avъ* и **Dun-ajъ* — и позволял бы реконструировать гипотетическую “суммированную” праформу типа **Dun-auj-os [om]*» (Там же, 132–133).

Для понимания истоков и способов применения культурологического анализа при этимологизации и интерпретации топонимов В. Н. Топоровым важны две его работы, написанные им в соавторстве с Вяч. Вс. Ивановым ещё в 70-е годы прошлого века. Это монография «Исследования в области славянских древностей» (Иванов, Топоров 1974) и статья «Мифологические географические названия» (Иванов, Топоров 1976). Центральным звеном в концепции учёных является так называемый «основной миф», реконструированный ими на основе изучения мифологии, фольклора и этнографии ряда народов Восточной Европы и сохранившийся лучше всего у балтов и славян, но, по всей вероятности, известный всем древним индоевропейским народам. «Основной миф» включает в себя прежде всего представления о верховном божестве — Боге Грозы — и о борьбе этого бога с противником.

В свете «основного мифа» могут быть выявлены и интерпретированы многие топонимы Восточной Европы (Иванов, Топоров 1974). В их числе место *Перынь* (Новгор. III Лет., где стоял идол Перуна), приуроченное к возвышенности (*Перун*, бог грозы, связан с горой); топонимы, связанные с Перуном, на западнославянской и южнославянской территории (в южнославянской Истрии названия гор и возвышенностей *Perun*, *Perunac*, названия поселений, вод); в Литве возвышенность *Perkūnija*. При этом бог грозы связан с камнем, с деревом (особенно дубом), дубравой, лесом. Ср. в грамоте Галицкого князя Льва Даниловича 1302 г.: *А отъ той горы до Перунова дуба горѣ склонѣ*. В балтийских языках известен «Дуб Перкунаса (Перкона)»; отражение этой балтийской традиции можно видеть в сообщении от 1926 г., по которому под большим дубом стоял бог *Перкунас*. Название места, где стоял этот дуб, — *Perkūnija* — совпадает также с гидронимом *Perkūnija*. «Это название чрезвычайно архаично и является общедревнеевропейским, как показывает название леса, сохранённое в кельтском и древнегерманском (по-видимому, либо в качестве доисторического заимствования из пракеельского, либо как общедревнеевропейский топоним): галл. *Arκύνια ὄρη*, *Hercynia silva*, лат.-герм. *Fergunna*, др.-в.-нем. *Virgunnia*...» (Там же, 16). Общеиндоевропейский характер связи Бога Грозы с дубом доказывает также и лат. *quercus* < **perkuus*.

Имя противника Бога Грозы (*Велес* / *Волос*, заменяет его св. *Влас*, *Власий*) также отражается в топонимах: *Велес* (Зап. Сербия), *Велесница* (на

Дунае), *Велестово* (Черногория). На Русском Севере и в Поволжье есть топонимы типа *Волосово*. В ряде случаев их можно соотнести: 1) с легендами о Волосе / Велесе, чей культ отправлялся в соответствующем месте, 2) с археологическими данными о местах святилищ (иногда отражающих древнейшую дославянскую традицию, сохраняющуюся и позднее). В частности это относится к дер. *Волосово* и Волосово-Даниловскому могильнику. Согласно сохранявшемуся долгое время устному преданию, в этом месте на вершине холма стоял деревянный идол Волоса (Там же, 55).

Наличие гидронимов с именем Перуна (Перкунаса) отражает связь с освобождением вод после победы Бога Грозы над его противником — Змеем (Драконом), ср. южнославянские гидронимы *Перунски Поток*, *Перунички Поток*, в Пруссии озёра с именем *Perkune*.

У славян существовал культ Тура (обычай приносить в жертву «богу молний» быков и других животных; образ Зевса-быка в греческой мифологии или в славянской народной поэзии образ тура, ревушего на горах, — олицетворение грома). Мотив тура отражается в топонимах, ср. *Турова божница* (летопись 1146 г.) в Киеве на берегу Почайны (с которой связан и Волос), капище *Турово* на горе над Галицким озером в Костромской губ. и т. п.

В топонимах и антропонимах Карпат и смежного с ними ареала — Прибалтики и Белоруссии, для которых засвидетельствован основной миф, отмечено много различных наименований главных участников мифологического поединка, ср. корень **Vel-* в гидронимах *Velŷs*, *Vilija*, *Велеса*, *Вельна* и т. д.

В не менее важной с точки зрения топонимики статье (Иванов, Топоров 1976) исследуются мифологические топонимы как источник для восстановления ранней истории славян (территория между Доном на востоке и Карпатами и Дунаем на западе и область к северо-западу от указанной). Несмотря на мифологизированный характер раннеисторической традиции, можно увидеть указания на реально существовавшие денотаты (конкретные горы, реки, поселения, исторические персонажи). При этом сохраняется схема основного мифа о поединке Громовержца с его противником (в ипостасях Змея, Велеса и др.), известного в разных вариантах восточнославянской традиции, в частности при описании небесного происхождения Днепра и днепровских порогов. Так, образ Змея в мифах отражён и в названии возвышенных гряд вдоль берегов Днепра *Змиев вал*, причём слово *вал* восходит к корню **vel-* / **vol-*, — им обозначается *Велес* / *Волос*, персонаж основного мифа, противник главного героя. Этот же корень представлен в названии днепровского порога, особенно богатого камнями (кроме βουλνῆτραχ у Константина Багрянородного,

объясняемого как *vol-ьнь* (*vъl-ьнь*) *pragъ*; есть и другое название того же порога — *Гадючий*, с близкой семантикой).

Название самого Днепра (др.-рус. *Дьнѣпръ*) этимологически имеет параллели с фрако-иллирийской и индо-иранской ономастикой. Первая часть названия сопоставляется с др.-инд. *Dānu* (мать демона Вритры, ‘поток’, ср.апеллятив авест. *dānu* ‘поток’), что вполне согласуется с персонификацией Днепра в виде женского образа (*Непра Королевична*). Есть и типологические параллели в культуре других народов: кетский миф о свергнутой с неба жене Громовержца Хошедэм повествует о том, как семь её сыновей становятся семью порогами Енисея. Известный же в гидронимии мотив номинации реки по её красному цвету (как правило, объясняемому кровью мифического персонажа) проявляется и здесь: у Асиновских порогов красный цвет воды Енисея якобы происходит от крови Хошедэм. Аналогичным образом в русских былинах река Дунай ассоциируется с кровью богатыря Дуная. В статье приводятся и другие названия реальных географических объектов, объясняемые в мифологических текстах, например, *Дон*, ср. рус. *Дон Иваныч* — как мужской персонаж, в отличие от женского образа *Непры Королевичны* — отголоски дуалистического мифа, давшего объяснение и порогам Днепра: легенда о двух огромных камнях по обе стороны Днепра как следствие поединка двух богатырей. Затрагиваются славянская легенда об основании города Киева тремя братьями-полянами (отсюда названия: город Киев, горы Щековица и Хоривица), по летописному известию; предания об основании другого крупного древнего поселения славян — города Кракова; раннеисторические и летописные свидетельства об основании города Вильнюса и названии реки Виляя и др.

Статья, богатая идеями и конкретными примерами, явилась концептуальной основой для дальнейших изысканий В. Н. Топорова (часто в соавторстве с Вяч.Вс. Ивановым) в области культурологической интерпретации онимов разных классов, в том числе географических имён. О широте предмета исследования и значимости результатов такого подхода, в частности для этнической истории индоевропейцев, свидетельствуют уже выводы авторов в данной сравнительно ранней работе: «Рассмотренные выше мифологические имена засвидетельствованы, по существу, на всей рассматриваемой территории древнего расселения славянских и балтийских племён подобно тому, как “древнеевропейские” гидронимы в смысле Краэ известны по всей области от Скандинавии до Италии и от Британских островов до Балтийского моря <...> перенесение одного и того же сценария, восходящего к основному мифу, приспособление его каждый раз к конкретным локальным условиям и обыгрывание амбивалентного

характера имён участников мифа постоянно фиксируется на всей указанной территории (в отличие, видимо, от других смежных ареалов). В этой особенности с полным основанием можно видеть ещё один важный источник сведений об этногенезе и ранней истории славян, хотя этот источник выступает в сильно мифологизированной форме и нуждается в предварительной реконструкции» (Там же, 127–128).

Топонимы и ранняя этническая история

В начале своих топонимических штудий В. Н. Топоров привлекал топонимические данные в связи с балтийским субстратом на территориях далёких от современных балтоязычных стран. Так, основная цель его большой статьи «“Baltica” Подмосковья» (Топоров 1972) — выявить пласт балтоязычных названий с помощью этимологического анализа. В то же время здесь уже проявляется интерес учёного к культурологическому аспекту топонимов. Особенно это видно на примере названия московского Кремля.

Этимологический анализ нарицательного слова уже предполагает поиски его родственных связей внутри определённого семантического поля. Установление этих связей и объяснение в конечном счёте этимона, в свою очередь, имеет выход в культурно-исторический контекст понятий и соответствующих реалий. В данной статье Владимир Николаевич отмечает тот обычно игнорируемый факт, что «Кремль не только род крепостного сооружения, но и топографическое понятие» <...> «Характерно, что понятия града и Кремля (в Москве) совпали не сразу (это видно по документам, относящимся к Москве)», — пишет автор (Там же, 276). [Действительно, московский *Кремль* — это уже внутригородской топоним, урбаноним, возникший на основе нарицательного слова *кремль* и, как таковой, обросший большим количеством культурно-исторических коннотаций; в том числе в языковом употреблении название вызывает ассоциации и отождествление с Москвой, т. е. и в России, а ещё больше за рубежом (ср. публикации в СМИ) *Кремль* — синоним Москвы и страны в целом — России или в прошлом СССР. — Р. А.]

Разбирая этимологии слова *Кремль* и приводя соответствия ему в балтийских языках, В. Н. Топоров подчёркивает историческую значительность балтийского элемента уже в первые века возвышения Москвы. Возможно, воспоминания о балтийском элементе оставались живыми и позднее, когда закладывались основы концепции Москвы — третьего Рима. Русские источники конца XV в. и более поздние отражают распространённые в то время представления о связи пруссов с Римом и предками

русских (легендарный Прус, брат Августа и отдалённый предок Рюрика). Автор считает, что в связи с топонимическими данными (балтийский субстрат в топонимии Подмосковья) следует более внимательно отнестись и к сильно мифологизированной версии связи пруссов, т.е. западных балтов, с русскими. В частности следует привлечь целый ряд этнографических, фольклористических и лингвистических исследований Подмосковья (подкрепляемых археологией), свидетельствующих о балтийском элементе в данном регионе.

В дальнейшем В. Н. Топоров углубляет эту тему. В статье «Древняя Москва в балтийской перспективе» (Топоров 1982) он приводит фольклорные сведения, имеющие отношение к балтийскому племени *голядь*, некогда жившему в Подмосковье (предание о разбойнике Голяге / Голяде, жившем на горе и бросавшем топор на 30 вёрст, см. подробнее Топоров 1980а), а также рассматривает ряд московских топонимов, встречающихся в мифологизированных квазиисторических сочинениях. Так, упоминается отшельник Букал и его хижина Букалова, на месте которой великий князь Данил Иванович заложил город Москву. В 1615 г. упоминается урочище: «церковь Воскресения Христова, что на Букалове» (может быть, Спас на Бору — на Боровицком холме). Имя Букал существует в балтийской (прусской) ономастической традиции.

Другое имя — *Кучково*, *Кучково поле* (образ боярина Стефана Ивановича Кучки в раннемосковской истории), которому есть соответствия в балтийских именах. «В имени и образе Кучки в связи с темой раннемосковской истории существенны две особенности: имя Кучки относится и к обозначению урочища, и к историческому персонажу (или даже целому роду), во-первых, и образ Кучки одновременно фигурирует и в реальной истории, и в мифологизированных квазиисторических построениях, во-вторых. Сочетанию этих особенностей мы обязаны первой топографической схемой Москвы и своего рода её “предпейзажем”, подчёркивающим тему красоты города, как бы особой его отмеченности» (Там же, 44).

Московская микротопонимия с начала XVI в. (а возможно, и с гораздо более раннего времени) «хранила в себе этот как бы нейтрализованный литовско-польский элемент». Литовцев и поляков, селившихся в Москве, обычно называли панами. Ср. *Панское подворье* (1508 г. у Великого торго, на Ильинке, теперь *Старопанский пер.*), *Панье* (урочище на Никольской ул.), урочище *Старые паны*, *Панской ряд* в Китай-городе и за Москвой-рекой, в Ямской Рогожской слободе, *Панскую слободу* и *Панскую улицу* в Бутырках и т. п.

В этой же работе В. Н. Топоров даёт интересную и новую интерпретацию следов схемы «основного мифа» в коде «церковных наименований»

в г. Москве (Там же, 55–57). Этот миф, реконструированный прежде всего на балтийском материале, отражается и в микропонимии Москвы, где присутствуют локусы возвышенного места (гора), огороженного места (где скот) и атрибуты Громовержца (каменные топоры, «перуновы стрелы» — белемниты) и его противника (белемниты как «чёртовы пальцы») и др. В более позднее время примечательно соотношение церквей и ворот внутри Кремля и вблизи Кремля: церкви святых Николы, Флора /Лавра, Ильи. В названиях церквей и ворот рядом с ними проглядывается актуализация на новых основаниях старого противостояния дохристианских предшественников этих святых (замещение святыми соответствующих языческих персонажей): Илья → Громовержец, Перун, [(Флор и Лавр) — Никола → Волос / Велес]. В соседстве с Никольскими воротами в старом Кремле была церковь св. Пятницы; доказано, что св. Параскева Пятница функционально продолжает образ языческого персонажа Мокоши (балт. Лауме), в реконструкции — жены Громовержца. Таким образом по названиям церквей в центре Москвы (и не только Москвы, но и других старых городов, например Серпухова) восстанавливается первоначальная связь трёх персонажей «основного мифа» (Перун — Волос — Мокошь, соответственно Илья — Никола — Пятница).

В статье «Galindai — Galindite — голядь ...» (Топоров 1980а) Владимир Николаевич продолжает тему западнобалтийского племени голядь, которое в древности населяло Москву и ближайшее Подмосковье. Помимо чисто топонимических и исторических источников привлекается и большой культурологический материал для локализации этого племени. В том числе предание, зафиксированное в «Истории лангобардов» (VIII в.) Павла Диакона. Это лангобардское сказание о переселении галиндов, обнаруживающее следы связи с готским источником, видимо с эпическими «историческими» песнями, о которых упоминает Иордан, описывая передвижение готов к югу.

В данной статье многочисленны примечания, в которых расширяются дополнительные сведения культурологического характера о галиндах (голяди). Привлекаемый этнолингвистический термин **Galind-* дал обозначение одной из 11 прусских земель и её населению, а также широко отразился в этнопонимах и антропонимах других «галиндских» территорий. Согласно раннеисторической традиции (Хроника Симона Грунау), существовало предание о 12 сыновьях Видевута, давших свои имена разным прусским землям, среди сыновей был и Galindo. Более поздние и достоверные примеры обнаруживаются в иной культурно-языковой среде — у поляков и у русских. Так, согласно одному старому польскому преданию, около Нидборка была *Góra Galindzka*, на которой, по версии

Грунау, и жил *Galindo*, сын Видевута. Что касается русских, то В. Н. Топоров указывает на русские фамилии *Голядов* (XVI в., Москва), *Голядкин* (у Достоевского), на противопоставление этнонимов *голядь* — *берендеи* в русских летописях и топонимов *Голядь* — *Берендеево* (названия подмосковных урочищ); в Дмитровском у. — *Голяцкие земли* (*Голяди*) и *Берендеев стан*. Имеется в виду «свое» (голядь) и «чужое», «периферийное» (берендеи).

Культурологический контекст в этой работе постоянно сопровождает топонимические изыскания учёного, и наоборот: данные топонимики (и в целом ономастики) приводятся для подкрепления его общей культурологической «голядской» гипотезы. Например, говоря о балтийском слое в гидронимии Рязанской Мещёры и о прозвищах жителей с. Курша, которых окружающее местное население называет «куршей головастой» и «литвой некрещёной», а также о балтизмах в говорах этого села, В. Н. Топоров добавляет (Там же, 131), что ввиду возможного появления здесь балтийского (литовского) населения в период тесных взаимоотношений Московского и Литовского княжеств в XIII–XV вв. (это предположение было высказано Г. П. Смолицкой), можно было бы объяснить и традиционно пролитовские симпатии рязанских князей. В этом же примечании Владимир Николаевич говорит и о постоянно интересующей его фамилии *Голядкин* в «Двойнике» Ф. М. Достоевского. Учёный не исключает того, что фамилия эта связана не только с московским субстратом, но и с голядским, ср. название с корнем *Голяд-* неподалёку от Достоева и на Воляни, откуда был родом отец писателя (а «отцовская» тема в скрытом виде также присутствует в романе).

Интересны здесь и размышления по поводу названия народа / страны *Goltescytha* у Иордана (Там же, 133–134) в аспекте балто-иранских языковых контактов (на территории между Сожем и Десной, где, судя по топонимам, была переходная смешанная зона). В доказательство этой гипотезы приводятся археологические, этнографические и фольклорные данные. В их числе мотив о богатырях, перебрасывавшихся камнями или каменными топорами и иногда превращавшихся в камни (каменные горы), — он сохранился в преданиях о голяди у литовцев, латышей и белорусов, а также отмечен в «Авесте» в сюжете о богатыре Снавидке и в истории русского былинного богатыря Святогора.

Раннеисторические источники («Киевское письмо» начала X в. и сообщение Аль Масуди на рубеже IX–X вв.) привлекаются и в статье (Топоров 1989), где предлагается иранская этимология названия г. Киева из личного имени *Кйуа*. Дополнительным аргументом служит включение князем Владимиром (2-я половина X в.) в киевский пантеон иранских

божеств: Хорса и Симаргла и вообще наличие широких языковых и культурных славяно-индоиранских связей.

Упомянем также о большой работе (Топоров 1980б), посвящённой ранней истории и мифологии г. Вильнюса (подробнее о ней см. ниже). С городом связаны многочисленные мифы и легенды: 1) версия конца XV в. о римском происхождении литовцев (имена *Вильнюс* и двух рек *Вильня* и *Виляя*, на которых он стоит, якобы происходят от имени основателя города, выходца из Италии, князя Вилюса); 2) легенды, связанные с предысторией города (цикл Швинторога) и с его основанием (цикл Гедимины); 3) предания, связанные с отдельными названиями внутри Вильнюса и вне его, объяснение этимологии топонимов.

Пространство. Город

Концепты «Пространство» и «Город» — темы, особенно занимавшие учёного.

В. Н. Топоров философски осмысляет мифопоэтическое пространство, которое отлично от реального. В архаичной модели мира пространство не противопоставлено времени. В наиболее сакральных ситуациях они образуют пространственно-временной континуум.

Космос выделился из Хаоса. Пространственно-временной континуум связан неразрывно с вещественным наполнением, куда входят: первотворец, боги, люди, животные, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты из сферы культуры и т. п., т. е. всё то, что так или иначе «организует» пространство, собирает его, сплачивает, укореняет в едином центре (Топоров 1983, 231–234).

Известны мифы о происхождении частей космического или (чаще) земного пространства из членов тела Первочеловека (ср. мифы о Пуруше, Гайомарте, Адаме, Имире и т. п.) или, наоборот, Первочеловека из разных частей космического пространства. Макрокосм и микрокосм параллельны. Например, в мусульманстве и иудаизме Адам: его голова — небо о семи сферах, тело — земля, волосы — деревья, кости — горы, жилы — реки и т. д.

Существуют разные точки зрения на то, что в соотношении мира (пространства) и Первочеловека (тела) является моделирующим, а что моделируемым (Первочеловек — модель Вселенной или последняя — модель человека). Но роль источника, по мнению В. Н. Топорова, должна быть отдана человеку и его телу, ср. «очеловечение» вселенского пространства через его связь с членами тела в таких примерах, как *подножье горы, горный хребет, устье реки, глава горы, горловина* и т. п. (Там же, 244).

Следует заметить, что топонимисты и диалектологи, изучающие географические апеллятивы, уделяют этому явлению метафоризации большое внимание, называя данное семантическое поле «анатомической лексикой» (Мурзаев 1974, 126–135).

Структура пространства и ориентация в нём предполагают наличие центра и периферии. Сакральная отмеченность объекта постепенно нарастает по мере движения от периферии к центру. В горизонтальной плоскости Космоса пространство становится всё более сакрально значимым по схеме: своя страна → город → его центр → храм → алтарь → жертва, из частей которых вырастает новый Космос. Центр отмечается алтарём, храмом, крестом, мировым деревом, мировой осью, пупом Вселенной, камнем, мировой горой, высшей персонифицированной сакральной ценностью (или её изображением). В вертикальном разрезе наиболее сакрально отмеченная точка пространства — небесный конец «мировой оси», т.е. абсолютный верх (иногда это Полярная звезда) или там, где «мировая ось» входит в землю, тогда этот центр совпадает с центром горизонтальной плоскости. «Мировая ось» проходит через верхний, средний и нижний миры. Есть путь вниз — в царство смерти и путь вверх — на небо. Есть и особый водный путь: космическая (родовая, шаманская) река, проходящая через все три мира по вертикали: с неба через землю в нижний мир. Горизонтальный путь может развёртываться не только на земле, в среднем мире, но и в нижнем, и в верхнем, на небе (наиболее типичный пример — образ Млечного Пути, он же Птичий путь, Дорога душ, ср. указание Пиндара о душах, направляющихся за Океан путём Зевса, ср. также Небесную реку, путь, по которой герой преследует своего противника или животное, на которого идёт охота) (Топоров, 1983, 256–263).

«Выврожденный вариант мифопоэтического пути — улицы в городе, определяющие сеть связей между частями целого с подчёркиванием иерархических отношений (выделение главной улицы; нахождение на ней или на площади, в которую она впадает, символов высшей сакральной или десакрализованной светской власти и т.п.). В некоторых сильно геометризованных культурах известны улицы, указывающие стороны света и, следовательно, участвующие в более глубокой символической игре. <...> Ср. обычай обозначения улиц города по названиям объектов, находящихся во внешнем пространстве (в частности, по названиям других городов, в направлении которых ориентированы улицы данного города)» (Там же, 267). «Несомненно, что «разыгрывание» темы города в художественной литературе (как и в живописи) нового времени нередко выводит наружу те скрытые мотивы, которые осознавались первыми творцами города как

модели космоса (ср. соотнесения типа дом — вселенная, поселение — вселенная)» (Там же, 283).

Концепция мифопоэтического пути и его отражения в таком культурном феномене, как город, позволила В. Н. Топорову создать цикл статей, посвящённых мифологии крупных городов (в том числе Вильнюса, Москвы, Петербурга) и объединённых одной общей идеей, истоки которой — в особенностях мифопоэтического сознания («основной миф», мифологема пути, локусы пространства и пути и т. п.). Модель города была подобна модели мира, созданной в космологическую эпоху. С одной стороны, человек связывал с городом идею прогресса, процветания и благополучия; с другой стороны, он сознавал и негативные особенности большого города: грешность, трагедийность и проклятость (Вавилон, Рим, Константинополь и др. в эсхатологических концепциях, см. также Топоров 1981). Поэтому город противоречив, он выполняет функцию медиатора между верхним и нижним мирами.

В мифопоэтическом сознании отдельные части города (и соответственно его название и вся внутригородская топонимия) подвергаются процессу семантизации, возникает индивидуальный подход к ним (что отражается и в литературе). Так появляется мифология города; античное представление о *Genius loci* трансформируется в *Genius urbis* или *Spiritus urbis*, чем и предопределяется «власть места» (в городе), его магическая сила (Топоров 1980б, 7). Например, с Вильнюсом связаны многочисленные мифы и легенды (в целом с городом, и с отдельными урочищами, святилищами и иными зданиями, ср. места Кальвария, Вифлеем и т. п. и связанные с ними обряды).

Изучая топографию Вильнюса, Владимир Николаевич принимал во внимание эти мифы и легенды в раннеисторических сочинениях и сопоставлял их с данными современной науки, в результате чего пришёл к выводу о том, что «мифопоэтическая хронотопия довольно точно накладывается на реальную картину, восстанавливаемую археологическими и историческими источниками» (Там же, 40). Топонимия древнего Вильнюса вскрывает такую особенность номинации, как совпадение названия города и реки, на которой он стоит (нулевое словообразование), что характерно именно для мифопоэтических моделей называния (некоторая нерасчленённость производного и производящего, места и деятеля, связанного с этим местом или создающего его).

Для топонимики, как и для культурологии вообще, чрезвычайно важен вывод автора о том, что изучение особенностей рельефа города и его окрестностей может открыть возможность «перевода» содержательной схемы мифа на язык топографии, «привязки» к конкретным локальным

объектам. Элементы рельефа приобретают новую для себя знаковую функцию, а вся совокупность этих элементов становится своего рода мифологическим текстом. Место будущего города ещё до начала своей истории становится сакрально отмеченным и особо выделенным среди других мест. Интерпретация ряда древних топонимов внутри города и в его окрестностях значительно облегчается при учёте реконструированной мифопоэтической топографии и преданий, связанных с отдельными частями города. Тем самым древняя топонимия может быть описана системно. Схема мифа, лежащего в основе топографии древнего города, может быть одинаковой для городов, возникших в одну и ту же историческую эпоху, поэтому необходимо и типологическое сравнение мифологии этих городов (Там же, 35; 40).

Статья о Вильнюсе изобилует этимологиями многих названий, интерпретируемых с точки зрения мифопоэтического субстрата: р. *Вильна* и р. *Вилия*, Турья гора и Замковая гора, Долина Швинторога, р. *Vėlnio upėlis* и р. *Vėlių upėlis*, место *Vilkpėdė* (на юго-западе Вильнюса), р. *Neris* и др. Большинство этимологий можно считать вполне убедительными, за исключением одной, вызывающей известные сомнения. Упомянув *Кривой город* (часть древнего Вильнюса), связывая его с именем легендарного верховного жреца *Криве-Кривайтуса*, В. Н. Топоров отмечает наличие в литовском языке многих слов гнезда *kreivė* ‘кривой’, *kreivkelis* ‘кривой путь’, причём имя жреца, по мнению автора, связано с этим понятием, тем более что основной атрибутом этого жреца — искривленная палка. В качестве дополнительного аргумента Владимир Николаевич добавляет, что в Литве есть много ойконимов и гидронимов типа *Kreivėžeris*, *Kreivakraištis*, *Kreivė*, *Krivaičiai*, *Krivuliai*, *Krivėnai* и др., есть и антропоним Иван Кривой. [Однако вряд ли можно считать литовские географические названия с основой *Kreiv-* как-то связанными с мифопоэтической традицией. Географические объекты могут быть названы по их форме, или же названия образуются от антропонимов; в составе последних прозвищные имена (данные по признаку физического недостатка, и фамилии, образованные от этих имён). В Литве (по сообщению г-жи Грасилды Блажене, которую благодарю за любезно предоставленную информацию) зафиксированы около 90 подобных фамилий: *Kreiva*, *Kreivaitis*, *Kreivėnas*, *Kreivėnis*, *Kreivis*, *Kreivys*, а также топонимы, которые определённо происходят от антропонимов: *Kreivenai* от *Kreivenas* и *Kreiviai* от *Kreivys*. — *P. A.*]

«Петербург и “Петербургский текст”» (Топоров 1995a), возможно, и нельзя отнести к топонимическим работам *sui generis*, однако она тесно связана с топонимическими исследованиями благодаря тем культурным коннотациям, которые сопровождают всякий денотат в виде

географического объекта такого ранга, как крупный город. Культурологические исследования в этом случае дополняют и обобщают традиционные для ономастики темы (пограничные с литературоведением и фольклористикой) вроде «Ономастика в фольклоре» и «Ономастика в художественной литературе».

Цикл работ В. Н. Топорова, посвящённый Петербургу, организации его пространства, петербургской идее русской истории, антитезе Петербурга и Москвы, генезису и структуре этого города, — особое явление в российской науке. Основные положения Владимира Николаевича выражены следующим образом:

«Как и всякий другой город, Петербург имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определённая система знаков, реализуемая в тексте. Как некоторые другие значительные города, Петербург имеет и свои мифы, в частности аллегоризирующий миф об основании города и его демиурге». Но есть и «особый “Петербургский” текст, точнее, некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели. Только через этот текст Петербург совершает прорыв в сферу символического и провиденциального. Петербургский текст может быть определён эмпирически указанием круга основных текстов русской литературы, связанных с ним, и соответственно хронологических рамок его» (Там же, 12).

Мифы, связанные с Петербургом, разнообразны; их основные типы: миф творения («основной» тетический миф о возникновении города), эсхатологические мифы о конечной катастрофической гибели города, исторические мифологизированные предания, связанные с императорами, видными историческими фигурами, персонажами покровителями, святыми в народном мнении и т. п., литературные мифы (Пушкин, Гоголь, Достоевский, Блок и т. п.), «урочищные» и «культовые» мифы и др., в том числе «языковые» мифы: ономастические или ономастически-этимологические, прежде всего — *Маркизова лужа, Васильевский остров, Васина деревня, Голодай, Охта, Мишин остров, Каменный остров, Крестовский остров, Волково поле, Коломна* и т. п. (Там же, 61; см. ещё Топоров 1995б).

Последняя категория — «языковые» мифы — представляет особый интерес для лингвиста. В частности, упоминая об анаграммах и связанных с ними попытках создания нового смысла в произведениях русских поэтов, Владимир Николаевич пишет: «... уже опыты анаграммирования подталкивают поэтов к упражнениям на тему *figura etymologica*, граница

между которой и анаграммой иногда почти неразличима. Как известно, слово *Нева* происходит от корня и.-евр. **neu-*: **nou-* ‘новый’, что подтверждается и очень поздним происхождением реки, уже на глазах населения этого ареала, и передачей её названия на некоторых других языках элементом ‘новый’. В русской поэзии нередко *Нева* и слова с корнем *нов-* находятся в непосредственном соседстве...» (Там же, 73).

[Здесь необходимо уточнить, что сближение гидронима *Нева* со словом *новый* можно считать именно анаграммой, и ничем иным; оно неоправданно этимологически, несмотря на наличие подобной точки зрения в лингвистической литературе. Большинство исследователей (как лингвисты, так и географы) обоснованно полагают, что названия р. *Нева* и оз. *Нево* (древнерусское название оз. Ладожского) происходят из прибалтийско-финских языков, ср. фин. р. *Nevajoki*, оз. *Nevajärvi*, оз. *Невово* в Великолуцком у., дер. *Невуя* Демянского у. — от фин. и кар. *neva* ‘топь’, ‘трясина’, вепс. *nova* ‘болото’, ‘болотистая почва’, кар. ливвик. ‘водоём, река’; по другому предположению возможна связь и с саам. *nävve* ‘стремнина, межозёрный проток’, что прямо соответствует палеогеографическим условиям образования р. Невы. Ср. также русский диалектный географический термин *невь* (Новг., Ленингр. обл.), болото *Невий мох* близ оз. Ильмень и др. Шведское и средненижнемецкое название Невы *Nu* было в результате народной этимологии воспринято как ‘Новая (река)’ — *P. A.*]

Культурологический анализ в фундаментальной работе В. Н. Топорова о петербургском тексте позволяет автору сделать интересные наблюдения сопоставительного характера, например, относительно организации пространства в Петербурге и Москве, что отражается также и в топонимии: Петербург — «прямой», Москва — «кривая». Но есть и перекличка между городами: дуги малых рек и извивающийся Екатерининский канал (*Кривуши*) на Адмиралтейской стороне ↔ концентрический («дуговой») принцип московской планировки. Из анализа стихотворения М. А. Дмитриева «Подводный город» вытекает противопоставление: чужое имя — как бы не имя, подлинное имя — «внутренне» (до 30-х годов XVIII в. петербургские улицы действительно не имели названий, что весьма удивляло иностранцев). Наводнения и представления об эсхатологичности Петербурга приводят к тому, что в литературе неслучайны частые сравнения Петербурга и Невы (или даже прямые определения их) с Аидом, Стиксом, Коцитом, Некрополем, царством мёртвых;

3. Гиппиус при этом называет Петербург *Чертоградом*; в художественной литературе возникают антонимы для названия Заячьего острова: *Lust-Eiland* (=Весёлый остров) — *Teufel-Eiland* (=Чёртов остров) и т. п. (Там же, 24; 28; 30).

В заключение следует подчеркнуть, что труды академика Владимира Николаевича Топорова, связанные с топонимической (и шире — ономастической) тематикой, внесли неоценимый вклад в культурологию благодаря привлечению такого значимого лингвистического компонента, как имя собственное. В этом отношении В. Н. Топоров продолжил традиции выдающихся отечественных филологов: А. Н. Афанасьева, А. А. Поттебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. Н. Веселовского и других. Что же касается более специализированной научной области — топонимики, то труды В. Н. Топорова придают ей новый стимул для дальнейшего развития и открывают перед ней новые перспективы исследований с широким использованием достижений культурологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биобиблиография 2006 — Владимир Николаевич Топоров. 1928–2005 / Сост. Г. Г. Грачёва. Авторы вступит. статей Вяч. Вс. Иванов, Н. Н. Казанский. М., 2006. (Сер. «Материалы к биобиблиографии учёных» Российской академии наук. Литература и язык. Вып. 28).
- Иванов, Топоров 1974 — Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов, Топоров 1976 — Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
- МНМ — Мифы народов мира. Т. 1–2. М., 1987–1988.
- Мурзаев 1974 — Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974.
- Топоров 1972 — В. Н. Топоров. «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Топоров 1980а — В. Н. Топоров. Galindai — Galindite — голядь (балт. *Galind- в этнолингвистической и ареальной перспективе // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980.
- Топоров 1980б — В. Н. Топоров. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.
- Топоров 1981 — В. Н. Топоров. Текст города-девы и города-блудницы в мифопоэтическом аспекте // Структура текста-81. М., 1981.
- Топоров 1982 — В. Н. Топоров. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982.
- Топоров 1983 — В. Н. Топоров. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Топоров 1984 — В. Н. Топоров. Oium Иордана (Getica, 27–28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984.

-
- Топоров 1987 — В. Н. Топоров. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре — *Svět- // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- Топоров 1989 — В. Н. Топоров. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.
- Топоров 1995а — В. Н. Топоров. Петербург и «Петербургский» текст русской литературы (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. Электронная версия: http://philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm
- Топоров 1995б — В. Н. Топоров. Петербургские тексты и петербургские мифы (Заметки из серии) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.
- Топоров 1995в — В. Н. Топоров. Святость и святые в русской духовной литературе. Т.1. Первый век христианства на Руси. М., 1995; Т.2. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.). М., 1998. Электронная версия: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/topor/index.php
- Топоров 2006 — В. Н. Топоров. Ещё раз о *неврах* и *селах* в общебалтийском этноязыковом контексте (народ, земля, язык, имя). Из истории и.-евр. **neur-* : **nour-* и **sel-* (неумирающая память об одном балтийском племени) // Балто-славянские исследования. XVII. М., 2006.

R. ECKERT

Studien zur Terminologie der Waldimkerei im Slawischen und Baltischen¹

Diese Arbeit widme ich meinem lieben und getreuen Freund (lit. *bičiulis*)
Prof. Dr. Algirdas Sabaliauskas

Vorwort

Die Veröffentlichung der vorliegenden Monographie in den «Balto-slavjanskije issledovanija» erheischt einige einführende Bemerkungen. Bereits im Jahre 1981 habe ich unter dem Titel «Untersuchungen zur historischen Phrasologie und Lexikologie des Slawischen und Baltischen (Systemfragmente aus der Terminologie der Waldimkerei)» in der Publikationsserie «Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte», Nr. 81, der Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, eine Arbeit von 158 Seiten (Eckert 1981) veröffentlicht. Diese Reihe — wie übrigens eine Anzahl weiterer Publikationsserien, die in der DDR herausgegeben wurden — war mit Mängeln behaftet, die die Wirksamkeit und Nachhaltigkeit der Publikationen wesentlich einschränkten: 1) sie erschien ohne den Vermerk ISBN oder ISSN und war damit von vornherein vom internationalen Buchvertrieb ausgeschlossen; 2) sie wies technische Unzulänglichkeiten auf (kein fester Deckel, mangelhafter Einband, sodass sie nach wenigen Jahren zerschissen war) und 3) die Auflage war niedrig gehalten. Aus diesen Gründen habe ich mich entschlossen, die oben genannte Monographie in einer seriösen Reihe in korrigierter, erweiterter und aktualisierter Form zu publizieren, nachdem mir im Juni 2009 der verantwortliche Redakteur der Serie «Balto-slavjanskije issledovanija» Akademiemitglied Prof. Dr. Vjač. Vs. Ivanov das ehrenvolle Angebot unterbreitet hatte, dieselbe im Jahrbuch des Instituts für Slavenkunde der Russischen Akademie der Wissenschaften in Moskau zu veröffentlichen. Dafür möchte ich meinen tiefsten Dank zum Ausdruck bringen.

Zur Forschungsgeschichte

Im Herbst 1967 absolvierte ich einen mehrmonatigen Studienaufenthalt an der Lomonosov-Universität Moskau. Während dieser Zeit bereitete ich meinen Vortrag zum 6. Internationalen Slawistenkongress 1968 in Prag vor. Ich stieß

¹ Für wertvolle Hinweise und die mühevoll und äußerst akribische Korrekturlesung meines Beitrages danke ich herzlich Herrn *Lutz-Rainer Howe* /Treuen im Vogtland/.

dabei auf den exzellenten Aufsatz von Robert Gauthiot «Des noms de l'abeille et de la ruche en indoeuropéen et en finno-ougrien» (*Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*. T. 16. Paris, 1910, fasc. 4, S. 264–279). Dies war der Ausgangspunkt für meine Forschungen zur Terminologie der Waldimkerei im Slawischen und Baltischen, die mich bis in die Gegenwart beschäftigt haben. Gleichzeitig war dies meine erste Arbeit zur historischen Phraseologie und mein zweiter Beitrag zur balto-slawischen Thematik für den Internationalen Slawistenkongress. Noch im Winter 1967/1968 reichte ich ihn an die Redaktion der «Zeitschrift für Slawistik» ein, denn eine Teilnahme am Kongress setzte die Publikation des Vortrages voraus. Die Redaktionsleitung jedoch legte meinen Beitrag beiseite und veröffentlichte ihn nicht, was zur Folge hatte, dass ich nicht am Prager Internationalen Slawistenkongress teilnehmen konnte. Ich forderte das Manuskript zurück und veröffentlichte meinen Aufsatz «Minimale Textfragmente im Slawischen und ihre Entsprechungen im Baltischen» (Eckert 1968) noch vor Beginn des Prager Kongresses in Vilnius in der Zeitschrift «Baltistica», IV (1), S. 79–91.

Zur Erforschung der Terminologie der Waldimkerei habe ich in den 60er und 70er Jahren die Zettelsammlungen des SRJ XI–XVII (DRS, K) in Moskau, des SSRLJ, des SRNG, des SORDRJ, des SRJ XVIII im damaligen Leningrad, des Sł. stp., des Sł. g. p., des Sł. pol. 16. w. und (z. T.) des Sł. prasł. in Krakau sowie des LKŽ in Vilnius benutzt (woraus sich die Abkürzungen mit dem K für Kartothek im Quellenverzeichnis erklären) und natürlich die einschlägigen Lexika und Spezialabhandlungen, soweit ich ihrer habhaft werden konnte, ausgewertet. Das Studium der Realien führte mich zweimal nach Białowieża, wo ich das Museum besuchte und in der freien Natur auch einige alte Bienenbäume mit allerdings nicht mehr belebten Beuten besichtigen konnte. Auch sah ich mich in den ethnographischen Freilichtmuseen in Vilnius und Riga um und studierte natürlich eine Reihe historischer Beschreibungen der Waldimkerei bei den Slawen, Balten, finnougriischen Völkern und bei den Deutschen.

TEIL 1: Systemfragmente, die das Ausnehmen des Waldbienenhonigs durch den Zeidler betreffen bzw. das Plündern (räuberische, diebische) oder zerstörerische Ausnehmen der Beuten

SYSTEMFRAGMENT I: Das Ausnehmen des Waldbienenhonigs (Zeideln) — Termini, in denen als Komponenten Wörter oder Stämme mit der Bedeutung 'klettern' vorkommen

A. Das slawische Material

I. Wendungen (Mehrwortlexeme) und Komposita

1. Der Typ **laziti* & **bъčely* = 'klettern' & 'Bienen'; Bedeutung: 'zeideln'

Im Altpolnischen und Ostslawischen (Ukrainisch ausgenommen) war für das Ausnehmen des Honigs aus den Waldbienenstöcken eine idiomatische Wendung verbreitet, die aus den Komponenten 'klettern' & 'Bienen' bestand. Die innere Form oder das ursprüngliche Bild dieses Phrasems deutet unmissverständlich auf die altertümliche Art der Honiggewinnung, das Erklettern der Bäume, auf denen sich Bienennester befanden, hin. Auf Grund der älteren Textbelege lässt sich eine Vorform **laziti bъčely* ermitteln, eine archaische Konstruktion mit dem Akkusativ des Zieles, der auch sonst in einer Reihe alter sprachlicher Beispiele bei den Verben der Bewegung steht². Die späteren Belege zeigen bereits den Bienennamen in der für die Kategorie der Belebtheit charakteristischen Form des Akkusativs-Genetivs, vgl. russ. *lazit' pčel*.

a) Altpolnisch

In den Sammlungen altpolnischer Eidesformeln sind folgende Beispiele belegt

(1) *Czo...Jalbrik lasbil pczoli, to laszbil na swim* 'Dass Jalbrik Honig ausgenommen hat (Bienen gezeidelt hat), geschah auf seinem (Territorium)' (1400 — Sl. stp. IV, 106):

(2) ... *Jaco czo Micolay poczowal y laszbil pczoli... ..* 'Wie Mikołaj sagte, hat er gezeidelt...' (1406 — Sl. stp., K);

Im folgenden Belegsatz wechselt ein Stück lateinischen Textes mit altpolnischen Formen, wobei die altpoln. Verbalform *laszbil* mit dem Pronomen *ich* verknüpft ist, das sich auf lateinisches *apes* 'Bienen' bezieht. Wir haben somit die hybride Konstruktion *łaźbić apes* vor uns, vgl.

(3) *Czibor in sorte Stanislai simplices apes re furtius ne widarl /.../, ich ne laszbil* (1400 — nach Sl. stp. IV, 106). Derartige hybride Wendungen sind auch andernorts in den lateinischen Quellen in Polen anzutreffen, vgl. *apes nyelazwy* 'Bienen, die nicht gezeidelt wurden'; *polazić apes*, das dieselbe Bedeutung wie *łaźbić apes* 'zeideln' hatte.

Auch aus dem Polnischen des 16. Jahrhunderts sind Belege für das behandelte Phrasem bezeugt:

² Fraenkel 1928, 164 führt zu diesem Akkusativ des Ziels Beispiele aus dem Litauischen an, u.a. lit. *bitès kópti* 'Honig aus den Waldbienenbeuten entnehmen; zeideln', eigentlich 'Bienen klettern'. Siehe dazu sowie zu den von mir angeführten Beispielen aus dem Litauischen, Altpolnischen und Altrussischen Schmalstieg 1987, 239–240.

(4) *Dosyć tylko raz do roku pczoly laźbić* 'Es genügt nur einmal im Jahr den Honig auszunehmen (zu zeideln)' (1549 — nach PSDP, 191).

Zu den altpolnischen Beispielen sind Entsprechungen im Russischen und Weißrussischen bezeugt, die die Wendung **laziti bčely* fortsetzen. Die Unterschiede sind gering. Im Polnischen tritt uns die Verbalform als Derivat von **lazьba* in Gestalt von *laźbić* entgegen (vgl. weiter unten nach dem Beispiel 61), in den beiden ostslawischen Sprachen ist in der erwähnten Wendung der alte Akkusativ entsprechend den Normen der modernen Schriftsprachen dem Akkusativ-Genetiv zum Ausdruck der Belebtheitskategorie gewichen. Vgl.

b) Russisch

(5) volkstümlich *lazit' pčel* 'Honig aus den Bienenstöcken nehmen' (SCRJ, 1867- 1868, II, 508);

(6) dial. *lazit' pčel* 'den Honig aus dem Bienenstock ausschneiden' (SRJ, AN SSSR, 117).

Sicher hängt auch die folgende Stelle aus dem Smolensker Dialektwörterbuch (Dobrovol'skij 1914 — nach SSRLJ, K mit Beibehaltung der alten Schreibung) mit den erwähnten russischen Beispielen zusammen:

(7) *Voskь mьdamь (prigovorь, kogda pčelь laźjatь)* 'Wachs dem Honig' (Spruch, wenn man Bienen zeidelt).

c) **Weißrussisch**

Bereits im Altweißrussischen ist das Phrasem anzutreffen, wie ein Beispielsatz aus dem Historischen Wörterbuch des Weißrussischen nahelegt. Die Wendung als solche ist nicht erkannt und steht unter dem Lemma *laziti* 'klettern', vgl.

(8) *Sego lěta vь lipu tye žь ichь bčoly mocno laźili* 'Diesen Sommer sind jene in die Linde nach ihren Bienen stark geklettert' (wohl so zu verstehen: 'Diesen Sommer haben jene in der Linde viel gezeidelt') (1495 — GSBM, 16, 278). Vgl. ferner aus den weißrussischen Dialekten:

(9) *Sjanni chorošo laźić pčelь* 'Heute ist gut (günstig) Honig zu zeideln', d. h. 'Heute lässt sich gut Honig zeideln' (Nosovič 1870, 264).

d) Wendungen des Alt- und Mittlerrussischen, Weißrussischen und Altpolnischen, die verneinte (z.T. auch nicht verneinte) Formen des Part. Prät. Pass. von **laziti* enthalten

(10) aruss....*ože pčely vyderetь, žь grivny, a za pčely. ože budutь nelaženy žь kumь* ... 'wer aber die Bienen herausreißt, (bezahlt) 4 Grivna, aber für Bienen, wenn diese noch nicht ausgebeutet sind, sodann 10 Kuna..' (Zakon Sud. ljud. 1961, 53)

Bereits I.I. Sreznevskij (Mat. II, 4) überträgt *ože budutь bčely ne laženy* folgendermaßen: 'Wenn aus dem Bienenstock der Honig noch nicht

herausgenommen wurde'. Den affirmativen Satz aruss. *Pčely laženy* übersetzt Kočín (Kočín 1937, 290) mit 'Bienenstock, aus dem der Honig entnommen ist'. M. Vasmer (REW II, 6) deutet hier *lažennyj* als 'ausgebeuteter (Bienenstock)' und stellt die Form zu russ. *lazit* 'klettern' als 'erkletterter (Bienenstock)', was eindeutig mit der alten Zeidelwirtschaft in Zusammenhang steht, deren Terminologie häufig in die spätere Hof- und Hausbienenwirtschaft übernommen wurde.

Der Artikel über die nicht ausgenommenen bzw. ausgenommenen Waldbienenstöcke aus der Russkaja Pravda wird später auch im sog. Litauischen Statut in folgender Form wiederholt:

(11) *Chto komu wyderet' bczoly nelažonyje, cziniaczi szkodu, a derewa ne kazit': tohdy powinen budet' za pczoly nelažonyje, tyle ich komu wyderet', platiiti po polu kopiu hroszej, a za lažonyje, po piatnadcat hroszej* 'Wer jemandem Bienenbeuten herausreißt, aus denen der Honig nicht entnommen ist, und (somit) Schaden zufügt, den Baum aber nicht verdirbt, (so) muß (er) für jede der nicht ausgenommenen Beuten, soviel er jemandem herausreißt (ausplündert), ein halbes Schock Groschen bezahlen, für bereits gezeidelte je 15 Groschen' (Statut ziemski, 340).

Ich verfüge außerdem über ein Beispiel aus dem mittelrussischen Schrifttum, das beweist, dass diese Konstruktion nicht nur in den juristischen ostslawischen Sprachdenkmälern vorkommt, vgl.

(12) *Petruška Klimov da Ondrosko Zaniń u starodubca u Vaski Ustinova vydrali 10 pčely nelaženoj...* 'Petruška Klimov und Ondrosko Zaniń haben bei Vaska Ustinov aus Starodubec 10 nicht ausgenommene (Wald)bienenschwärme ausgeplündert' (1550 — nach DRS, K).

Es scheint, dass sich auch im Weißrussischen die hier behandelte altertümliche Wendung erhalten hat, wie der bei Nosovič 1870, 264, angeführte Beispielsatz beweist:

(13) *Pčoly laženyja kim-to* 'Die Bienenstöcke sind von jemandem ausgenommen (geleert) worden'.

Einige spätere ostslawische Quellen zeigen, dass die Wendung **bčely nelaženy* noch in alter Zeit idiomatisiert worden ist und die Partizipialform mit der Verneinung (bzw. auch ohne sie) etymologisch nicht mehr in jedem Falle durchsichtig war. Daher wurden aus *ne laženy* Umformungen vorgenommen wie *nalaženy* oder gar *neloženny* bzw. *loženy*, vgl.

(14) *Iže pčely vyderet', 3 grivny prodaži, a za med', ože budut' pčely nalaženy, to 10 kun'* 'Wer aber Bienenstöcke (Beuten) ausplündert, (hat) 3 Grivna Strafgeld (zu bezahlen), für den Honig jedoch, wenn die Bienenstöcke nicht gezeidelt waren, 10 Kuna' (nach der sog. Severnaja letopis' des 15. Jhs. unter dem Jahre 1019 — aus DRS, K).

(15) *Kto vyderet neložennyx pčel to platiti: (po) Statutu 1529 polkopu grošej, po Statutu 1558 po dva kopy grošej, a založenyja* (wohl zu lesen als: *za loženyja*) 15 grošej 'Wer nicht ausgenommene Bienenbeuten plündert, hat zu zahlen: nach dem Statut von 1529 ein halbes Schock Groschen, nach dem Statut von 1558 je zwei Schock Groschen, für ausgenommene (gezeidelte) 15 Groschen' (Selivanov 1896, 34).

Wahrscheinlich hängt mit diesen Verformungen der besprochenen Wendungen auch der Ansatz *laditi pčely*, den Kočin (Kočin 1937, 169) neben dem normalen *laziti pčely* 'Honig sammeln' anführt, zusammen.

Die alte ostslawische idiomatische Wendung **bčely (ne) laženy* besitzt eine genaue Entsprechung im Altpolnischen, was bisher m. E. in der Forschung unberücksichtigt geblieben ist. Erst die reichen Materialien des Altpolnischen Wörterbuches (Sl. stp.) gestatteten mir, die Isoliertheit der erwähnten ostslawischen Wendung zu überwinden und seinen archaischen Charakter weiter zu erhärten. Es handelt sich um die apoln. Wendung *pszczoły nielazwy* mit der Bedeutung 'nicht ausgenommene (Wald)bienenstöcke, d.h. solche, aus denen die (Honig)waben nicht entnommen wurden'; 'alvearia non exempta, e quibus favi non sunt exempti' (Sl. stp. V, 191). Es folgen die vier a. a. O. zitierten Belege:

(16) *akom ya nye viszekl samotrzecz Grzymkowa snamya, anym mv vi [...] czworych psczol nyelazew silq* (1456) 'Dass ich nicht abgehauen habe ein Drittel der Zeidlerzeichen des Grzymek, und ebenso ihm nicht 4 nicht ausgenommene Waldbienenstöcke mit Gewalt (entrissen habe)';

(17) *Jakom ya Mytkowy nya vcradl pyanczorych psczol nyelazew w gego boru pod gego znamyenyv* (1456) 'Dass ich dem Mytek fünf nicht ausgenommene Bienenbeuten in seinem Walde unter seinem Zeidlerzeichen nicht gestohlen habe';

(18) *Jakom ya Maczeyewy nye vcradl myodu po trzy latha za trzy kopyy *samwdzesthv psczol nyelazew...* 'Dass ich dem Maciej Honig über drei Jahre für drei Schock (der) zehn nicht ausgenommenen Bienenbeuten... nicht gestohlen habe'.

Der älteste Beleg enthält eine hybride lateinisch-polnische Wendung, die obigem *pszczoły nielazwy* voll entspricht, vgl.:

(19) *Veniens metsecundus vi ad borram domini ducis, extraxisti in binos apes nyelaswy* (1450).

e) Wendungen mit **podbłaziti*, **podbłażivati* im Ostslawischen

Im folgenden Abschnitt gelangen Wendungen zur Darstellung, die sich von den eben behandelten dadurch unterscheiden, dass die verbale Komponente Präfigierung mit Hilfe von *podb-* aufweist. Es sind ausschließlich Fakten aus den russischen Mundarten und aus dem älteren russischen Schrifttum. Den

Übergang zu den analysierten Wendungen des Typs *pčely nelaženy* stellt mittelruss. *pčely nepodlaživajuči* dar, das in folgendem Beispiel vorkommt:

(20) *A kto budet u kogo pčely vydral nepodlaživajuči a derevo ne portil, tomu povinen budet platit za vsjakie pčely po polutora rublja* 'Wer aber bei jemandem die nicht gezeidelten Bienenbeuten plündert und den Baum nicht beschädigt, der ist verpflichtet, für jeden Bienen(stock) je anderthalb Rubel zu zahlen' (Moskovskij Sudebnik von 1550 — nach Selivanov 1896, 35). Der Bedeutung und dem Gebrauch nach ist diese Wendung *pčely nepodlaživajuči* gleichzusetzen mit *pčely nelaženy*, die Form des Part Präs Akt jedoch widerspricht dieser Bedeutung. Wahrscheinlich ist auch hier der ursprüngliche Sinn der verbalen Komponente der Wendung bereits verblasst, so dass es zu einer geradezu paradoxen Form kommen konnte. Ich halte diese Veränderungen für Begleiterscheinungen der Idiomatisierung der Wendung.

Die Phraseologische Wendung *podlaživat' pčel* ist aus den russischen Mundarten noch bekannt und zwar in der Bedeutung 'Honig aus den Waldbienenstöcken, aus den stehenden und aufgehängten Klotzbeuten und aus den Bienenstöcken heraus schneiden' (Burnašev 1843–1844, I, 70) sowie 'einen Teil der Honigwaben heraus schneiden, den Bienenstock teilen' (aus dem ehemaligen Gouvernement Vjatka nach SRNG, K). Was die zuletzt zitierte Bedeutung betrifft, so hat hier das Präfix wohl die Bedeutung der attenuativen Aktionsart. Zur imperfektiven Form *podlaživat'* gehört die perfektive *podlazit'*, die wir auch in Mundartbelegen des Russischen vorfinden. Vgl.

(21) *Kogda pčely podlazjajut, to jest' vynymajut iz' ul'evy medy, vypolokat' vodoju posudu, v kotoroj kladeny byly medy* 'Wenn man *pčely podlazjat*, d.h. wenn man aus den Bienenstöcken den Honig herausnimmt, hat man das Gefäß, in dem Honig war, mit Wasser zu spülen...' (Levšin 1795–1797, 6; 1796, 240);

(22) russ. dial. (um Dorogobuž, Smolensk) *padlážit' pčol* 'den Honig heraus schneiden, von den Bienen entnehmen' (nach SRNG, K). Die Form *padlážit'* stellt wiederum eine irreguläre Form zu *podlazit'* — *podlaživat'* dar, was wohl mit der bereits oben erwähnten Idiomatisierung der Wendung zu tun hat.

Zu Beginn des 20. Jhs. fixierte der russische Dialektologe N. Vasnev den «technischen Ausdruck» *podlazit' pčel*, d.h. 'einen Teil der Waben abschneiden und aus dem Bienenstock heraus nehmen'; 'Honig aus den Bienenstöcken gewinnen zu einer nach Brauchtum und örtlichen Gegebenheiten bestimmten Zeit' (nach SRNG, K).

Inhaltlich gehören die Belege (3), (10), (11), (12), (14), (15), (16), (17) und (19) zu den unter Systemfragment II beschriebenen Fällen des räuberischen, diebischen Ausnehmens von Waldbienenstöcken, doch hier ging es mir in erster Linie um den Verknüpfungstyp **laziti & *bčely*.

In einer Reihe von Beispielen liegt bereits ein Weiterleben der alten Waldimkerterminologie in der späteren Bienenwirtschaft mit Klotzbeuten und Bienenstöcken im Rahmen der Haus- und Hofbienenwirtschaft vor.

Von besonderem Interesse sind die Verformungen bestimmter Komponenten als Folge ihrer semantischen Verblassung durch die einsetzende Idiomatisierung.

2. Der Typ **laziti* & **medb* = 'klettern' & 'Honig'; Bedeutung: 'zeideln'

Die hier untersuchte phraseologische Wendung unterscheidet sich von der im vorhergehenden Abschnitt behandelten nur hinsichtlich der zweiten Komponente (Wörter für 'Honig' statt für 'Biene'). Bedeutungsmäßig stehen sich beide Wendungen sehr nahe, sodass man geneigt sein kann, beide als Varianten eines Phrasems zu betrachten (Bedeutung: 'Honig aus Waldbienenbeuten entnehmen; zeideln'). Wahrscheinlich ist der Grad der Idiomatisierung der Wendung infolge der Komponente 'Honig' nicht so weit fortgeschritten wie im Falle von **laziti* & *bčely*.

a) Der Grundtyp 'klettern' & 'Honig'

Er weist Entsprechungen im Altpolnischen, in den čakavischen Dialekten des Kroatischen, im Mittlerrussischen und in den russischen Mundarten auf, was auf seine urslawische Verbreitung schließen lässt. Vgl.

(23) apoln. *Gidzyk owyész schyeczye, thesz Maria myod laszbi* 'Aegidius erntet den Hafer, während Maria den Honig zeidelt' (1471 — Sl. stp. IV, 106);

(24) kroat. dial. (čakavisch — Insel Brač, Insel Hvar) *lāzit mēd* 'Honig(waben) ausnehmen' (Hraste & Šimunović 1979, 489); 'Waben aus dem Bienenstock entnehmen' (RHSJ 1898–1976, 134; Sławski SEJP, V, 66):

(25) *Otāc je išao lāzit mēd* 'Der Vater ist gegangen Honig zu zeideln';

(26) mittlerruss. ... *i vь tomь znameni mně bortniku medь lazitb i novodēlb dēlatb...pticb i zvērja bitb* '...und unter diesem Zeidlerzeichen habe ich, der Zeidler, Honig zu zeideln und eine neue Beute anzulegen...Vögel und Tiere zu töten' (1660 — Akty juridičeskie 1838, Nr. 202; siehe auch SRJ XI–XVII, vyp. 8, 163);

(27) russ. dial. (um Nižnij Novgorod) *lazit' med* 'Honig aus den Bienenstöcken schneiden, herausnehmen' (SRNG, K).

Zu den zuletzt erwähnten Phrasemen sind uns aus russischen Mundarten Beispiele bekannt, die anstelle der archaischen Form des Akkusativs des Zieles eine den heutigen syntaktischen Normen entsprechende präpositionale Konstruktion aufweisen. Vgl.

(28) russ. dial. (um Nižnij Novgorod) *lazit' za mēdom* 'Honig aus dem Bienenstock herausnehmen; Honig aus dem Bienenstock gewinnen' (SRNG, K).

b) Die Wendung mru. *vylazitb medb* und apoln. *wyłaźbić*

In den Kungursker Akten aus dem Ural, mitterrussischen schriftlichen Aufzeichnungen, sind zwei Textstellen bezeugt, die die Wendung *vylazitʹ medʹb*, d. h. die verbale Komponente mit dem Präfix *vy-* enthalten:

(29) mitterruss. ...*vʹb prošlychʹb de goděchʹb ukralʹb u nego Aksarka verchʹšakvinskoj tatarinʹb derevni Isenjaevy Kutjučko Semenovʹb žiluju borbʹ i vyložilʹb medʹb i pčely vydrabʹ* ‘In den vergangenen Jahren — heisst es - hat bei ihm, dem Aksarek, der Verchʹšakvinsker Tatare des Dorfes Isenjaeva Kutjučko Seměnov eine lebende Beute (einen Waldbienenstock mit Bienen — R.E.) gestohlen, den Honig ausgenommen und die Bienen geplündert’ (1675 — Kungurskie akty, Nr. 13 nach SORDRJ, K);

(30) mitterruss. ...*lazilʹb de onʹb Košaj na boju* (statt: *moju* — R.E.) *žiluju borbʹ vorovski ukralʹb u nego žiluju borbʹ i volozilʹb medʹb i pčely vydrabʹ* ‘...er, der Košaj, kletterte, wie man sagte, auf meine lebende Beute (meinen Waldbienenstock mit Bienen) in diebischer Art stahl er bei ihm die lebende Beute und nahm den Honig aus und die Bienen riss er heraus’ (1675 — Kungurskie akty, nach DRS, K). Meiner Meinung sind sowohl *vyložilʹb medʹb* als auch *volozilʹb medʹb* Entstellungen der Wendung *vylazilʹb medʹb*. Die verbale Komponente (*vylaziti*) in der genannten Wendung war semantisch verblasst, ja sie wurde mit *laziti* ‘klettern’ wohl gar nicht mehr in Zusammenhang gebracht. Das ebnete den Weg für die hier beobachteten formalen Deformierungen der verbalen Komponente. Bereits im vorangegangenen Abschnitt hatte ich darauf hin gewiesen, dass die verbale Komponente der Wendung **laziti bʹčely* ebenfalls bestimmten formalen Veränderungen unterworfen wurde, vgl. apoln. *lazbić pczoly*, *lazbić myod*; mitterruss. (bzw. westruss.) *pčely nalažennyj*; *neložennyh pčelʹb*; *založenyja (pčely)*.

Die von mir vorausgesetzte Wendung **vylaziti medʹb* findet eine Stütze in apoln. *wyłaźbić*, das ebenfalls einen alten Terminus der Waldimkerei darstellt. Vgl. den Abschnitt Apoln. *wyłaźbić*, der auf Beispiel (86) folgt.

c) Die russ. Wendung *ulazʹnoj (ulazʹnyj) medʹb*

Für diese Wendung verfüge ich über drei Belege. Der erste davon stammt aus dem Mitterrussischen:

(31) *Iz borbnychʹb uchožeev medvenoj obrok veletʹb imatʹb z borbnykov i s Mordvy med samoj dobroj ulaznoj* ‘Es wird befohlen, aus den Liegenschaften der Waldimker die Honigabgaben einzutreiben von den Waldimkern und aus dem Land der Mordwinen den allerbesten Waldbienen-Honig’ (1659 — SRJ XI–XVII, I, 300). Hier ist die ursprüngliche Bedeutung von *ulaznoj* (ihr Zusammenhang mit **laziti medʹb* als Terminus der Waldimkerei) aus dem Kontext noch spürbar, obgleich die wohl spätere Bedeutung, dass es sich um Honig von besonders hoher Qualität handelte, bereits vorliegt. Das Adjektiv *ulazʹnoj* ist unmittelbar von *ulazʹb* ‘Ausschneiden der Waben aus den Bienenstöcken; Zeit des Honigausschneidens’ abgeleitet, siehe weiter unten Abschnitt Russ. dial. *ulaz* und

apoln. *ulaźbić*, der auf Beispiel (78) folgt. Es kommt auch in der Verknüpfung mit *vremja* vor als *ulazьnoe vremja* 'Zeit des Honigausschneidens'. M. Vasmer (REW III, 181) überträgt russ. *ulaznyj med* mit dtsh. 'Jungfernhonig'. Es ist jedoch nicht gesagt, dass diese Bedeutung allein zutrifft; denn mit *ulaznoj medь* wurde wohl zuerst der Honig aus den Waldbienenstöcken (Beuten) bezeichnet, der zu «erklettern» war. Später trat wohl auch hier die ältere, mit der Wurzel **laz-* in Zusammenhang stehende Bedeutung zurück und *ulaznoj* bzw. *ulaznyj med* war nun ein Honig von besonders hoher Qualität. Diese Evolution wird im Wörterbuch der kirchenslawischen und russischen Sprache aus der Mitte des 19. Jhs (SCRJ I–IV, 711) wie folgt gespiegelt: *ulaznyj* alt. (über den Wabenhonig) 'frischer, reiner, durch Selbstabtropfen gewonnener Honig':

(32) *Obročnyj med davat dobryj, samyj ulaznyj* 'Zur Abgabe (als Grundzins) bestimmter Honig ist zu liefern, der beste, reinste' (ibidem: Akty juridičeskie 1838, 213).

Die Wendung *ulaznoj medь* stellt eine spezifische Verknüpfung eines Derivats von *laziti* 'klettern' mit dem Honignamen (*medь*) dar, die nicht nur in Zusammenhang mit dem schon erwähnten *ulaz* zu sehen ist, sondern auch mit dem altpolnischen Terminus der Waldimkerei *ulaźbić* 'zeideln' sowie mit den russischen Wendungen *bort' ulazit'*, *bort' s ulazom*, *bort' bez ulaza*. Siehe das weiter unten Gesagte, das nach dem Beispiel (78) folgt.

d) Die mruuss. Wendung *medovye ulazy*

Im Mittlerrussischen ist die Wendung *medovye ulazy* 'Zeidelweiden; Bienenbaumbestände' anzutreffen:

(33) *Da oni že de zavladěli po Sylve pašennymi zemljami i sennymi pokosy...i medovye ulazy* 'Und sie ergriffen Besitz (wie man sagte) von dem Ackerland und den Heuschlägen am Flusse (entlang der) Sylva...und den Zeidelweiden' (1650 — SRJ XI–XVII, vyp. 9, 62)

e) das Kompositum *medolazь*

Zum einen tritt im Mittlerrussischen ein Nomen temporis *medolazь* 'Zeit des Honigausnehmens' auf, vgl.

(34) *Da u derevni u Oseja velikogo knjęžę bortь s pčelami ...a vь medolazь ezditь podlaščykь izь Novgoroda* 'Und beim Dorfe Osej (ist) ein dem Großfürsten gehörender Waldbienenstock (eine Beute) mit Bienen ...und zur Zeit der Honigernte hat ein Honig(zins)sammler aus Novgorod zu kommen' (1500 — SRJ XI–XVII, vyp. 9, 63). Das Wort *medolazь* wird bei Kočín 1937, 187 als 'Saison der Honiggewinnung' und bei Mal'm 1956, 132 als 'Periode des Honigeinsammelns' interpretiert.

Zum anderen ist aus russischen Mundarten noch das Nomen agentis *medoláz* 'einer, der Honig aus einem fremden Bienenstock stiehlt' (SRNG, K) bekannt.

3. Der Typ **laziti* & **bьrtь* = 'klettern' & 'Waldbienenstock (Beute)'; Bedeutung: 'zeideln'

a) Der Grundtyp 'klettern' & 'Waldbienenstock'

Zu den bereits betrachteten Wendungen für das Zeideln (**laziti bьčely*; **laziti medь*) gesellt sich noch eine dritte, in der die Bezeichnung für den Waldbienenstock (Beute) auftritt: бьрть, -і.

(35) Russ. *lazit' bort'* 'dobyvat' iz neja soty', d.h. 'aus der Beute Honigwaben gewinnen' (Dal' 1955, I, 118): *Bort' ne lažena* 'Der Waldbienenstock ist nicht gezeidelt (ausgenommen) worden':

(36) russ. *lazit' bort'* 'dolazit' 'Honigwaben kontrollieren (in Augenschein nehmen); etwas beschneiden; Waben ausnehmen' (Dal' 1955, II, 234). Das Verb *dolazit'* (ibidem, 460) behandelt Dal' 1955, II, 463 unter *dolžat'*, *dolžt'* mit dem Zusatz:

dolazit' borti, ul'ji 'die Honigernte beenden'. Die letztgenannten Wendungen (*dolazit' bort'*; *dolazit' ul'jej*) enthalten bereits das durch *do-* präfigierte *lazit'*.

b) Weißruss. *barcjalaz*

In neueren Veröffentlichungen zur Lexik der weißrussischen Dialekte habe ich das entsprechende Kompositum zu dem hier erörterten Phrasem gefunden, das natürlich als Ergebnis der Univerbierung der Wendung entstanden ist, weißruss. *barcjaláz* 'Imker'. Vgl.

(37) *Kalis' byli barcjalazy, dzaržali pčol u lese.* (Mackevič 1975, 206) 'Als es *barcjalazy* (= Waldbienenstockkletterer = Waldimker) gab, hielt man die Bienen im Walde'. Es handelt sich (und das wird durch die Struktur des zusammengesetzten Wortes und seine Bedeutung unterstrichen) eindeutig um den Waldimker.

Aus einer speziellen Arbeit zur Lexik der Imkerei im Weißrussischen (Mackevič 1975, I, 172) ist das Beispiel *barcjaláz = bortnik* 'Waldimker' mit folgendem Belegsatz:

(38) *Dañej barcjalazy byli* 'Früher gab es Waldimker'. Das Kompositum geht sicher auf die weißrussische Wendung **lazič' borč'* zurück.

b) Russ. *do-, pod-, u-lazit' bort'*

Unsere Kenntnis über den Typ **laziti bьrtь* wird durch eine Reihe russischer dialektaler Wendungen vervollständigt, in denen die verbale Komponente durch die Präfixe *pod-* bzw. *u-* erweitert ist. Natürlich wäre hier auch das oben unter dem Beispiel (36) erwähnte *dolazit' bort'* einzureihen. Es handelt sich um die Wendung:

russ. dial. *podlazit' bort'* 'Honig aus dem Waldbienenstock heraus schneiden, herausnehmen', zu dem sich noch ein russ. dial. *ulazit' bort'* gesellt, das wohl eine ähnliche Bedeutung hatte (Klykovskij 1855–1856, I, 685). Zum selben Verknüpfungstyp (**ulaz-* & **bьrtь*) sind auch die folgenden, bei Klykovskij (ibidem) angeführten Wendungen zu rechnen:

(39) russ. dial. *bort' s ulazom* 'ein Waldbienenstock, aus dem bereits Honig entnommen wurde' und *bort' bez ulaza* 'ein unberührter (nicht ausgekommener) Waldbienenstock'. Klykovskij führt weiter aus, dass diese beiden Ausdrücke häufig beim Verkauf und Kauf benutzt wurden und in diesen Fällen folgende Bedeutungsnuancen aufwiesen: *prodal bort' s ulazom* bzw. *kupil bort' s ulazom* heißt, dass der Waldbienenstock ver- oder gekauft wurde und zwar mit dem darin enthaltenen Honig; *prodal bort' bez ulazu* bzw. *kupil bort' bez ulazu* (oder *ulaza*) bedeutete, dass der Käufer, der im Sommer den Waldbienenstock erwarb, im Herbst den Honig dem Verkäufer zu geben hatte.

d) Der sekundäre Typ **laziti na bɔrtɔ*

Die Wendungen **laziti bɔčely*, **laziti medɔ* und **laziti bɔrtɔ* enthalten ein Verb der Bewegung und ein davon abhängiges Objekt mit dem Akkusativ des Zieles, der Richtung, d. h. es liegt eine altertümliche syntaktische Struktur vor. Bereits im Altschechischen, z.T. im Mittlerrussischen und umso mehr im Russischen des 19. Jhs. wird diese archaische synthetische Konstruktion zugunsten einer jüngeren, analytischen aufgegeben, die den späteren syntaktischen Normen besser entspricht:

(40) altschech. *ten li med pije, ješto na brti leze, neb ten li vino pije, ješte kopá?* Für die volle Form des altschechischen Sprichwortes bin ich durch eine briefliche Mitteilung seitens der seligen Frau Prof. Dr. Eva Havlová (Brünn) zu Dank verpflichtet. In einer verkürzten Form ist es bei Gebauer 1970, I, 107 verzeichnet, nämlich folgendermaßen: *Ten-li med pije, ješto na brti leze?* Der volle Wortlaut der Parömie kann wohl wie folgend übertragen werden: 'Ob der jenen Honig(trank) trinken wird, für den er noch auf den Waldbienenstock klettern (muss), oder ob er den Wein trinken wird, für den er noch graben (muss)?'. Selbst wenn hier nicht die Wendung in ihrer alten Form erhalten ist, so ist dieses unikale altschechische Beispiel meines Erachtens von unschätzbarem Wert. denn es zeigt eine alte, bis ins Urslawische reichende Verknüpfung der Lexeme **lězti / laziti & *bɔrtɔ*.

Dieselbe Konstruktion (**laziti na bɔrtɔ*) ist in folgendem mittlerrussischen Textausschnitt anzutreffen:

(41) mittlerruss. ...*lazil de onɔ Košaj na boju* (zu verbessern in: *moju* — R.E.) *žiluju bɔrtɔ vorovski ukraɔ* '...er, der Košaj, kletterte, wie man sagte, auf meine lebendige Beute (Waldbienenstock mit Bienen) (und) auf räuberische Art stahl (er)...' ...(Kungurskie akty XVII veka — nach DRS, K; siehe auch unter Beispiel 30). Es ist hier sicher so, dass die Kollokation *laziti na bɔrtɔ* in ihrer direkteren Bedeutung auftritt (ohne Bedeutungsübertragung); dennoch ist der Beleg wertvoll, des Verknüpfungstyps wegen. Das trifft wohl auch auf das nächste Beispiel in gewisser Weise zu:

(42) *Ja po borcjuškam, duša, mnogo laživala* ‘Ich bin, (mein) Lieber, viel auf den Waldbienenbeuten herumgeklettert’ (aus: «Stich, nazyvaemyj grešnica» nach SRJ, AN SSSR, 106).

Den freien Gebrauch von *lazit’* und *bort’* im Russischen illustriert eine Quelle aus dem letzten Drittel des 18. Jhs., die gleichzeitig eine genaue Beschreibung der Waldimkerei bei den Baschkiren liefert. Vgl.

(43) *...Prizvav odnogo baškirca, (g. štatskij Sovetnik) prikazal emu pokazat’ sposob, kak oni lazjat v svoi borti i sochranjajut soty ot lakomych do medu medvedej: ibo baškiry, živuči v lesistych mestach, delajut svoi ul’ji na vysokich sosnach, i tol’ko vremennoj imejut prismotr; to est’ s vesny i s oseni* ‘Nachdem (der Herr Staatsrat) einen Baschkiren herbeigerufen hatte, befahl er ihm, die Art zu zeigen, wie sie auf ihre Waldbienenstöcke klettern und die Waben vor den Bären, die fressgierig nach dem Honig sind, schützen; denn die Baschkiren, die in walddreichen Gegenden leben, legen ihre Bienenstöcke auf hohen Kiefern an und beaufsichtigen sie nur zeitweilig, d.h. im Frühjahr und im Herbst’ (Lepechin 1771–1805, 192).

Der Verknüpfungstyp ‘klettern’ & ‘Waldbienenstock’ ist nicht nur durch **laziti bɔrtɔ* bezeugt, sondern im Altpolnischen noch durch **po-laz(b)-iti dębje*, d.h. als Zweitglied des Phrasems konnte das dem ursl. **bɔrtɔ* synonymische **dębje* auftreten. Vgl.

(44) *...esz Zauischa polazbil dzenye na Staschcowo dzerszenye (pro Staschcowem dzerszenyu), kv yemusz on prawo ma* ‘...dass Zaviša in des Stašec Revier gezeidelt hat, wozu er das Recht hat’ (1402 — Sl. stp. VI, 352).

Dieses altpolnische Phrasem ist deshalb von außerordentlicher Bedeutung, weil es erlaubt, die in diesem Teil I beschriebenen Fakten mit denen im kommenden Teil II in Zusammenhang zu bringen. Es zeigt, dass die verschiedenen Systemfragmente der Waldimkerei (und hier handelt es sich um die beiden größten Systemfragmente, die einerseits die Honigentnahme aus der Beute betreffen, andererseits das Anlegen der Waldbienenstöcke) untereinander in Beziehungen standen. Auf dieselbe Art und Weise lassen sich die weiter oben betrachteten Phraseme **laziti bɔčely* und **laziti medɔ* mit os. *džědžić pčol* und *džědžić měd*, die ebenfalls ‘Waldbienenhonig ausnehmen = zeideln’ bedeuten, vergleichen. Vgl. dazu weiter unten den Abschnitt 6. Ostbaltische Wendungen des Typs ‘beuten’ & ‘Honig’, der nach dem Beispiel (181) folgt.

4. Der Typ **laziti* & **uljb*, **uljb* = ‘klettern’ & ‘Bienenstock’; Bedeutung: ‘Honig ausnehmen’

In diesem Abschnitt werden die Wendungen behandelt, die als zweite Komponente das Wort für ‘Bienenstock, -nest’ im Slawischen aufweisen, das

sicher in seinem älteren Gebrauch mit der Waldimkerei in Zusammenhang stand und erst in späterer Zeit den 'Bienenstock' in der Terminologie der Haus- und Hofbienenwirtschaft bezeichnete. Im Gegensatz zu meiner Darstellung (Eckert 1981, 21) betrachte ich nun **ulb*, **ulbjb* ebenfalls als einen Terminus der Waldimkerei, der sogar Entsprechungen im Baltischen und Lateinischen aufweist. (Siehe in Teil II). Wendungen mit dieser Komponente kann ich jedoch nur aus dem Russischen beibringen und selbst da sind in der Erstkomponente ausschließlich präfixale Bildungen bezeugt. Diese Umstände sowie ihre Bezeugung in nur einer Sprache (Russisch) lassen wohl eine spätere Herkunft dieser Wendungen vermuten. Es handelt sich um folgende Beispiele:

(45) russ. dial. *podlaživat' ulej* (Klykovskij 1855–1856, I, 685);

(46) russ. *dolazit' ul'ja* 'die Honigentnahme beenden' (SCRJ 1867–1868, II, 719); *dolazit' ul'ji* 'die Honigernte beenden' (Dal' 1955, I, 463);

(47) mittelrussisches Sprichwort: *Medь estь v ulej lęztb* 'Will man Honig essen, so muss man in den Bienenstock klettern' (1553 SORDRJ, K).

5. Ein nominales Kompositum des Typs **dervo-* & **lazьcb* resp. **lęzьcb* im Ostslawischen und die Kollokationen **lęzti na dervo* resp. **lazanije na dervo*

O. Schrader (Reallexikon 1917–1923, 141) ging in seiner Beschreibung der Waldbienenzucht darauf ein, dass die Imker hoch über der Erde die Waldbäume für die Bienen auszuhöhlen hatten und daher emporklettern mussten, was seinen Niederschlag in dem Worte für Waldimker aruss. *drevolazecь*, eigentlich 'Baumkletterer' fand. Der erste Bestandteil des Kompositums enthält die russisch-kirchenslawische Lautung *drevo-*. Das Wort ist mehrfach in der aruss. «Povest' o Petre i Fevronii» belegt, wobei von besonderem Interesse ist, dass in den einzelnen Abschriften dieses altrussischen originalen Schriftdenkmals mehrere Textstellen ermittelt werden können, die diesen Terminus ergänzend beleuchten. Zum anderen spiegeln die Abschriften auch eine gewisse Tendenz der Verdunkelung und Veränderung dieses Kompositums wider, was uns zeigt, dass die zweite Komponente (*-lazecь bzw. lęzecь*) wohl frühzeitig ihre ursprüngliche Bedeutung aufgegeben hatte. Während die früheste Abschrift (Pervaja redakcija Avtorskij variant) noch einen korrekten Gebrauch des Terminus und der entsprechenden Periphrasierung zeigt, liegen in den späteren Abschriften (Pričudskaja redakcija, Muromskaja redakcija und Četvertaja redakcija) bereits starke Verformungen vor und es tauchen sogar Komposita mit einem anderen Zweitglied auf. Ich führe im Folgenden die relevanten Fakten der in der neuesten Ausgabe der «Povest'...» (Dmitrieva 1979) abgedruckten Beispiele an, um diese Evolution deutlich zu machen. Die Ergebnisse der Textanalyse stimmen gut mit den bereits weiter oben (Siehe das nach Beispiel

(15) Gesagte) festgestellten Veränderungen überein, denen die Komponente 'klettern' (**laziti*) in einer Reihe von Wendungen unterworfen war und die mit ihrer Deetymologisierung zusammenhängen. Es folgen die Textstellen nach der Ausgabe Dmitrieva 1979:

(48) ...otec moj i brat *drevolazcy/drevolisicy/ sutь*, v lese bo med ot drevija v zemljut. Brat že moj nyne na takovo delo ide, i jako že *lesti* (emu) *na drevo* v vysotu '...mein Vater und Bruder sind Waldimker (eigentlich 'Baumkletterer'), denn im Wald nehmen (sammeln sie) Honig von den Bäumen. Mein Bruder aber geht jetzt einem solchen Gewerbe nach (und) wenn er auf den Baum in die Höhe zu klettern hat...' (Dmitrieva 1979, 214);

(49) *Kako knjazju sušču (u) drevolazca/drevolisca/ dšči pojati sebe ženu!* 'Wie kann (ich) als Fürst, die Tochter eines Waldimkers mir zur Frau nehmen!' (Dmitrieva 1979, 215). Spätere Abschriften dieses einzigartigen Sprachdenkmals enthalten anstelle des Wortes *drevolazecь* noch *drevolěžecь* (SRJ XI–XVII, vyp. 4, 354) und dann wohl schon verderbt *drevodelь*, *drevodelecь* (Dmitrieva 1979, 244, 255, 256), die die Bedeutung 'Zimmermann; Tischler; Holzschnitzer' haben. Auf Grund der Erstkomponente liegt in *drevolazecь* eine russisch-kirchenslawische Mischform vor, zu der die Variante *drevolěžecь* recht gut passt (vgl. *laziti* — *ležti*). Während *drevolizecь* mit dem — *i* — entweder als dialektaler Reflex von — *ě* — oder bereits als Verformung angesehen werden kann. Die Textstelle (48) enthält neben dem Kompositum die verbale Kollokation *lesti na drevo*, auf die das Kompositum zurückgeht. Vom Kompositum *drevolazecь* ist übrigens eine adjektivische Ableitung *drevolaznyj* bekannt, die jedoch im SRJ XI–XVII fehlt. Das Adjektiv kommt in folgendem Zusammenhang vor:

(50) ...po mertvym remennaję pleteniję *drevolaznaję s nimi v zemlju pogrebajušče* '...nach den Toten vergrub man gemeinsam mit ihnen in die Erde das Riemen- und Seilzeug zum Erklettern der Bienenbäume' («Povest o vodvorenii christianstva v Murome» nach «Pamjatniki starinnoj russkoj literatury» pod red. N. Kostomarova. Vyp. 1. Sanktpeterburg, 1869, S. 235).

Mit der Christianisierung des vormalig von finno-ugrischen Stämmen besiedelten Muromer Gebietes setzten sich die Missionare mit solchen heidnischen Bräuchen, wie dem erwähnten, auseinander, der darin bestand, dass den toten Waldimkern die Gerätschaften, mit deren Hilfe sie die Bäume erkletterten, mit ins Grab gegeben wurden. Es ist nicht ausgeschlossen, dass diese heidnischen Waldimker der finno-ugrischen Völkerschaft um Murom angehörten. Wir verfügen auch sonst über eine Reihe von Informationen, die besagen, dass die finno-ugrischen Stämme, die unmittelbare Nachbarn der Ostslawen waren, sich von altersher mit der Waldimkerei befassten. Gleichzeitig können wir aus dem heidnischen Brauchtum der Waldimker den Schluss ziehen, dass die Honiggewinnung

aus eigens hergerichteten Beuten seit alten Zeiten in Osteuropa betrieben wurde. Vom linguogeographischen Gesichtspunkt ist bemerkenswert, dass sowohl das Substantiv *drevolazecъ* als auch das von ihm abgeleitete Adjektiv *drevolaznyj* aus altrussischen Schriftdenkmälern Muromer Provenienz stammen. Bekanntlich war Petръ in der oben zitierten «Povest o Petre i Fevronii» Fürst von Murom.

Das Adjektiv *drevolaznyj* liefert gleichzeitig einen Beleg dafür, dass es sich bei dem Wort *drevolazecъ* nicht um einen hapax legomenon handelt.

Aus den Mundarten des Poles'je kann ich weitere Fakten anführen, in denen die freie Wortfügung (Kollokation) *lazit'na derevo* bzw. die entsprechende Nominalisierung in Textstellen Verwendung findet, die die Waldbienenwirtschaft betreffen. Im ersten Zitat sind auch die Gerätschaften zum Erklettern der Bienenbäume erwähnt, die in ihrem sprachlichen Ausdruck verblüffende Übereinstimmungen mit dem oben erwähnten Zitat aus der «Povest' o vodvorenii christianstva v Murome» aufweisen. Vgl.

(51) *Dl'a lazén'n'a na derevo robyli žen', ce taka dovga vorovka, spletena iz ramen'a* 'Zum Klettern auf den Baum machte (verfertigte) man die *žen'*, es ist dies eine lange Schnur, geflochten aus Riemen' (Leksika Poles'ja, 331).

Innerhalb der Erklärung des Wortes *povisli* (Pluraletantum) kommt ebenfalls die freie Wortfügung russ. *lzanija na derevo* vor. Vgl.

(52) *Povisli — prisposoblenie dlja lzanija na derevo s cel'ju vydalblivani-ja borti, podnimanija kolody* 'Povisli sind eine Vorrichtung zum Hinaufsteigen (Klettern) auf den Baum, um einen Waldbienenstock auszumeisseln (bzw.) um die Klotzbeute auf den Baum zu befördern' (Ibidem, 349).

Ein weiteres Beispiel dieser Art stellt folgender Satz dar:

(53) *In'čije (wohl für in'sie) laz'jat ostroveju sseče derevjaku s suč'jem i leze na derevo* 'Andere klettern mit Hilfe der *ostrova*, behauen ein Bäumchen mit Ästen und klettern auf den Baum' (Ibidem, 345–346). Unter *ostrova* (auch *ostrovec, ostruvl'ja*) ist ein abgehauener junger Baum mit Ästen zu verstehen, der so hergerichtet wird, dass man mit seiner Hilfe andere Bäume besteigen kann. Es handelt sich wohl um eine Art primitiver Leiter, die aus einem kleineren Baume angefertigt wird.

II. Einwortlexeme

Nach der Analyse der Wendungen (Phraseme) und Komposita, die als Komponente oder Stamm das Element 'klettern' (**laz-iti*) enthalten, komme ich nun zu den Einwortlexemen (Wörtern), die Ableitungen von der Wurzel **laz-* / **lěz-* darstellen und Bestandteil der Terminologie der Waldimkerei sind. Sie stehen häufig in Zusammenhang mit den bereits betrachteten Wendungen. Auf diese Beziehungen werde ich jeweils dort, wo sie festzustellen sind, kurz verweisen.

1. Allgemein zu **laziti*

Das slawische indeterminierte Verb **laziti*, Iterativum zu **lězti* (ĚSSJ 14, 66), hat vor allem die Bedeutungen 'kriechen, klettern', aber in einigen Slavinen auch '(langsam) gehen, schlendern'. Das entsprechende determinierte Verb lautet **lězti* 'kriechen, klettern' (Kopečný 1981, 180, 185). Daneben wird noch ein nur im Serbischen/ Kroatischen, Slovinzischen und Russischen (dial.) vorkommendes **lazati* als (sekundäres) Iterativum zu *laziti* erwähnt (ĚSSJ, 14, 60). Im leider nicht abgeschlossenen etymologischen Wörterbuch von F. Sławski (SEJP, V, 64–67) findet sich neben dem allgemeinen Artikel über **laziti* (pol. *lazić*) ein spezieller Wörterbuchartikel über **laziti* in der Bedeutung 'Honig ausnehmen' unter Verweis auf apol. *polazić*. Auch das ĚSSJ (vyp. 14, 66) reiht an den allgemeinen Artikel über **laziti* einen speziellen Absatz mit Beispielen, die eine besondere, aus der Waldimkerei stammende Bedeutung aufweisen, wobei undifferenziert einige Beispiele aus den oben behandelten Phrasemen (serb/kroat. *laziti med*; aruss. *laziti pčelb, medb*; russ. dial. *lazit' bort*; *lazit' pčel*; weißruss. *lazić pčol*) neben Einwortlexemen stehen. Letztere sind hier von besonderem Interesse, nämlich: serb./kroat. *lazit* 'Bienenwaben ausnehmen' (Hraste & Šimunović 1979, I, 489); russ. dial. *lozit* 'Waben aus dem Bienenstock zum Schleudern des Honigs herausnehmen' (SRNG, vyp. 17, 112); weißruss. *lazić* 'Bienen(waben) herauschneiden, Bienen(stöcke) entleeren' und apoln. *polazić* 'Honig aus der Bienenbeute entnehmen'. Ich schließe mich hier erst einmal der Herausbildung der terminologischen (die Waldimkerei betreffenden) Bedeutung dieser Wörter ('Honig aus den Beuten entnehmen' und zu diesem Zwecke auf den Baum klettern) an und meine nur, dass die hier behandelten Einwortlexeme in einigen Fällen vielleicht auch durch Univerbierung aus den Wendungen entstanden sein können. Die Wendungen zeigen durch ihre urslawische Provenienz wohl ein höheres Alter als die in der Slavia vereinzelt vorkommenden Einwortlexeme, die zudem entweder präfixale Verben oder suffixale Derivate sind. Nur in relativ wenigen Fällen hat **laziti* außerhalb bestimmter Wendungen die Bedeutung 'Bienen ausnehmen; zeideln'. Vgl. weißruss. *lazenne* in:

(54) *V pervoe lăzenne dostali povpuda medu* 'Beim ersten Zeideln (Bienenbruch) gewannen sie ein halbes Pud Honig' (Nosovič 1870, 264).

Exkurs: Russ. dial. (sibir.) *lazit'* im Zusammenhang mit dem Einbringen der Zirbelnusernte

Eine typologische Parallele zur Verwendung des Verbs *lazit'* für die Gewinnung bestimmter Produkte von den Bäumen durch Erklettern stellt die Terminologie dar, die in russischen Dialekten Sibiriens und des Urals zur Einbringung der Zirbelnüsse von den Zirbelkiefern (*kedry*) benutzt wird. Man vgl. die Wendung *lazom lazit'*:

(55) *Uechali šiškovat'. Sborščik sobiraet šiški. Lazom lazili na kedr* 'Man fuhr Zirbelnüsse sammeln. Der Sammler trägt die Zapfen zusammen. Man kletterte mit viel Schwung auf die Zirbelkiefer' (SRG Obi I, 783).

Das Iterativum *laživat'* ist anzutreffen in:

(56) *Srodu ne lažival na kedr* 'In meinem ganzen Leben pflegte ich nicht auf die Zirbelkiefer zu klettern, (keine Zirbelnüsse zu ernten)' (Ibidem I, 780; II, 124).

Das Wort *lázka* hat die Bedeutung 'Art des Sammelns der Zapfen der Zirbelkiefer durch Erklettern der Bäume':

(57) *Posle lazku-to nelazovye kedry ostajutsja* 'Nach dem Einbringen der Zirbelnüsse durch Erklettern der Bäume (nach der Zirbelnußernte) blieben nur die Zirbelkiefern übrig, die nicht zu erklettern waren' (SRGS Urala I, 779).

(58) *Lazovyj kedr est', na kotorom nizko sučki rastut, na kotoryj možno lažat', a kotory ne lazovy, k im lazki podrubajut* 'Lazovyj kedr ist eine Zirbelkiefer, deren Äste tief wachsen, auf die man klettern kann; die aber nicht erkletterbar ist (*ne lazovy*), für die haut man sich *lazki* zurecht' (SRG Obi I, 783).

Russ. dial. (sib.) *lazki, -ov* Pl ist 'eine Vorrichtung zum Erklettern hoher Bäume' (Ibidem). Man vgl. weiter oben in den Poles'je-Dialekten die als *ostrova, ostrovec, ostruwl'ja* bekannte primitive Baumleiter, sowie russ. *laznja* 'Leiterbrett; Steigbrett' (REW II, 7). Schließlich ist der *lazal'sčik* (russ. dial. Ural) 'ein Mensch. der die Zapfen der Zirbelkiefer sammelt' (SRNG, K).

Vor mehr als 200 Jahren beschrieb P. S. Pallas (1741–1811) die Zirbelnußernte (*urožaj kedrovych orechov*) auf folgende Weise:

(59) *V sie vremja valjat s kornej množestvo derev edinstvenno dlja togo, čtob izbavit' sebja ot truda lažit' na onyja...* 'Zu dieser Zeit werden viele Bäume nur deshalb gefällt, um sich die Mühe auf diese zu klettern, zu ersparen' (Pallas. *Rastenija Rossijskogo gosudarstva*, 1786, 13 — nach SRJ 18. v., K).

Der hier eingeschobene Exkurs zeigt deutlich, wie auch in jüngerer Zeit und einzelsprachlich das Verb für 'klettern' und seine Ableitungen terminologisch für die Bezeichnung der Gewinnung von Produkten, die von Bäumen geerntet werden, genutzt wird.

2. **lazьba* und Ableitungen

Mit Hilfe des alten slawischen Suffixes *-ьba* wurde von **laziti* das Substantiv **lazьba* gebildet, das im Polnischen und Weißrussischen einen wichtigen Terminus der Waldimkerei darstellt. Vgl. poln. *łaźba* 'das Ausnehmen des Honigs aus dem Bienenstock; das Zeideln; actus favos eximendi, demetendi':

(60) *Ipsis (sc. hominibus)...precepit viginti duas arbores, apes in se continentes in melle expoliare al. przy lasbie et hoc idem mel in suam domum inducere* (1426 — Sl. stp. IV, 106). Die Glosse *przy lasbie* aus einem lateinischen

Text aus dem ersten Viertel des 15. Jahrhunderts zeigt, dass apoln. *łaźba* ein alter Terminus der Waldimkerei ist, der gleichzeitig das Bindeglied zwischen einigen wenigen Bildungen ohne *-b-*, die auch zur Zeidelterminologie gehören, und den vielen Termini mit *-b-* aus diesem Bereich darstellt. Mit ihm hängt das Verb für 'zeideln' im Altpolnischen zusammen:

(61) *Jako á kiedy miod pszolam podbierać albo łaźbić* 'Wie und wann der Honig den Bienen zu entnehmen ist oder zu zeideln ist' (1571 — Sł. pol. 16. w., K);

(62) *Pszczoły trzebá tego czasu podbierać (albo łaźbić iáko bártnicy zową)* 'Es ist notwendig zu dieser Zeit den Honig auszunehmen (oder zu zeideln, wie die Waldimker (es) nennen)' (1572 — Ibidem).

Auf dieselbe Weise wird das Wort auch für die spätere Zeit semantisiert, nämlich folgendermassen: 'von den Bienen aus den Waldbienenstöcken Honig und Wachs nehmen' (Kozłowski 1846, 233: *od pszczól w barci miód i wosk podbierać*).

Poln. *łaźbić*, das natürlich etymologisch mit *łazić* 'klettern' zusammenhängt, hat sein *-b-* aus dem Verbalsubstantiv (Nomen actionis) *łaźba* (siehe Brückner 1957, 308; Sławski SEJP, 69–70). Diese Erscheinung ist ausschließlich aus dem Polnischen bekannt. Hier ist eine Herauslösung von *-b-* durch den Vergleich mit apoln. *połazić* 'Honig aus dem Waldbienenstock ausnehmen; mellationem facere' möglich. Die Entwicklung von *łazić* zu *łaźbić* macht die letztgenannte Form zu einem Terminus der Waldimkerei par excellence. Es hat nur noch die Bedeutung 'zeideln' und unterscheidet sich sowohl auf der Inhalts- als auch auf der Ausdrucksebene von seiner Ausgangsform *łazić*.

Das Verbalsubstantiv zu *łaźbić* lautet *łaźbienie* (Nomen actionis > nomen acti). Wie K. Moszyński 1967, 147 schreibt, bestand die Arbeit des Waldimkers im Herbst im sogenannten *łaźbienie*, d. h. im Zeideln (Ausnehmen = *podbieranie*) des Honigs. Davon ist eine Nomen temporis abgeleitet, wie Sławski SEPJ, V, 70–71 unter Berufung auf I. Chodźki bezeugt: *łaźbiny* Pl 'Zeit des Zeidelns, des Ausnehmens des Honigs'.

Ein altweißruss. *lazьba* 'ein Bienenstand im Walde' ist bereits aus der Mitte des 16. Jhs. bekannt:

(63) *Oni tamъ do tychъ lazьebъ svoichъ priechali i medъ u večnychъ uchodechъ svoichъ po zemli bortnoj podlaživati choteli* 'Sie sind dort bis in jene, ihre Waldbienenstände gekommen und wollten in ihren uralten Zeidelweiden zeideln' (1555 — nach GSBM XVI, 281). Von Bedeutung ist noch das ebenfalls hier vorkommende Verb *podlaživati*.

In der weißrussischen Volkssprache ist das Pluraletantum *ládz'binь* (auch *laz'binь*, *lac'binь* — SBGPZ Belarusi II, 606–607) 'Bewirtung am Tage der Honigernte' anzutreffen:

(64) *Byla na lădz'binach, ugoščali mēdam* 'Ich war auf dem Honig-Fest, man bewirtete mich mit Honig'.

(65) *Jak padgljadajuc' pčol i častujuc' mēdam, to kažuc' što ū tago sēnnja lădz'biny* 'Wenn man die Bienen ausnimmt und (die Leute) mit Honig bewirtet, so heisst es, dass bei dem heute Honig-Fest ist' (beide Beispiele stammen aus: Mackevič 1975, 211). Auf Grund des *-b-* in weißruss. *lădz'biny* und der Tatsache dass mir aus dem Weißrussischen in der originären Terminologie der Waldimkerei keine Formen mit *-b-* bekannt sind, nehme ich Entlehnung des weißruss. *lădz'biny* aus dem Polnischen an. Aus dem Polnischen ist auch lit. *lazbynos* Pl 'das Ausnehmen des Honigs' (LKŽ VII, 211) übernommen.

3. Russ. *dolazit'*

V. Dal' (1955, II, 234) verzeichnet ein russ. *dolazit'* als Synonym zur Wendung *lazit' bort'* in der Bedeutung 'Honigwaben kontrollieren (in Augenschein nehmen), beschneiden, herausnehmen'.

4. Russ. *podlazit'* und Derivate

Russ. dial. (um Vjatka) *podlazit'* hat die Bedeutung 'Honig aus den Bienenstöcken ausnehmen' (SRNG, K). Im Kirchenslawischen und russischen Wörterbuch (SCRJ 1867–1868, III, Sp. 550) wird es mit der Bedeutung 'Honig von den Bienen entnehmen' versehen. Das retrograde Derivat dazu, nämlich *podlaz*, hat mehrere Bedeutungen: 1) 'das Herausnehmen der Honigwaben aus den Bienenstöcken; das Herausschneiden der Honigwaben; die Honiggewinnung':

(66) *Na podlaze i med edjat* (als ein Vorzeichen, Omen gedacht) 'Beim Honigbrechen ißt man auch Honig' (wohl ein Phraseotextem);

(67) *Podlaz — m'ot dystajut'* 'Podlaz heißt, dass man Honig gewinnt' (SRNG, K);

2) In den Mundarten um Kostroma und Vladimir' ist *podlaz* in einer ganz speziellen Bedeutung fixiert und zwar bezeichnet es: 'eine Vorrichtung an den Bienenbäumen (meist in Form eines Kranzes spitzer, nach unten gerichteter Pfähle um den Stamm des Bienenbaumes herum), um die Waldbienenstöcke oder aufgehängenen Klotzbeuten vor Bären zu schützen, die auf die Bäume nach dem Honig klettern' (SRNG, K); 3) im mittellRussischen Schrifttum tritt das Wort in der Bedeutung 'Abgabe (Tribut) von den Waldbienenstöcken' (Kočin 1937, 246 schreibt: *podlaz — obrok s bortej*) auf. Vgl.

(68) *A starogo dochodu šlo manastyrju sь odinnatcati sochъ, ... a za rybu i za mjaso pol-tret'yi grivny, ... a podlaza 2 dengi...* '...Und alte Einkünfte gingen an das Kloster von elf Höfen (Pflügen),...und für Fisch und für Fleisch zweieinhalb Grivna,...und Abgabe von den Waldbienenstöcken (Beuten-Zins) 2 denga...' (1498 — Nov. pisc. kn. t. V, 39). Daneben ist auch die substantivierte Form des Adjektivs *podlaznoe* in der Bedeutung 'Honigzins; Abgabe von den Waldbienenstöcken' bekannt. Vgl. Kočin (ibidem): *podlaznoe* vgl. *podlaz*.

Von besonderem Interesse ist ein weiterer Terminus, der ebenfalls als Ableitung von russ. *podlazъ* bzw. *podlaznoe* 'Honigzins' zu betrachten ist und der zur Bezeichnung des Beamten des Feudalherrn diente, der diese Abgaben einzutreiben hatte: russ. *podlaznikъ*, *podlazčikъ* (mit der Variante *podlaščykъ*). Kočin definiert *podlazčik* als 'sluga feodala, sborščik podlaza' (ibidem). Unter dem Lemma *podlaznikъ* wird in SRJ XI–XVII, 15, 275 ein Beispiel angeführt, das nichts mit der dort angeführten Semantik ('Jäger, der das Wild aufscheucht und aus dem Wald jagt während der Treibjagd') zu tun hat (für die nur das erste dort angeführte Beispiel zutrifft). Es handelt sich um folgende Textstelle:

(69) *I kolko bortej ni budet so pčelami, i to esmi dal svjatomu Nikolě na Rožok, a v to sja u nich moi podlazniki ne vstupajut i nikotorych pošlin ne emljut* 'Und wie viel es auch Beuten mit Bienen sein werden, wir haben sie dem heiligen Nikola (-kloster) auf dem Rožok gegeben, und dort haben sich meine Honigzinseintreiber nicht bei ihnen mit Besitzforderungen aufzudrängen und keinerlei Abgaben zu erheben' (1499 — ASVR II, 450). Aus dem Kontext dieses Beispiels geht eindeutig hervor, dass die *podlazniki* keine Jäger waren, die das Wild aufzuscheuchen hatten, sondern Beamte, die den Honigzins eintrieben. Das Wort *podlaznikъ* ist in eine Reihe zu stellen mit den synonymischen Bildungen *podlazčikъ*, das Kočin (a. a. O.) als 'sluga feodala, sborščik podlaza' definiert sowie mit der dazugehörigen Variante *podlaščikъ*, die auf derselben Seite des SRJ XI–XVII als 'sborščik meda' (Honigsammler) ebenfalls ungenau, jedoch zur Terminologie der Waldimkerei gehörig, bestimmt wird. Ich gehe davon aus, dass russ. *podlaščikъ* mit den graphischen Varianten *podlaščykъ* und *podlazčikъ* ein Derivat von *podlaz-* mit Hilfe des Suffixes *-čik-* darstellt und die Bezeichnung für den Eintreiber des Honigzinses ist. Das geht aus den folgenden Beispielen überzeugend hervor:

(70) *Da u derevni u Oseja velikogo knjazja bort so pčelami...a v medolaz ždit polaščyk iz Novgoroda* 'Und bei dem Dorfe Osej (ist) eine Waldbienenbeute des Grossfürsten... zur Zeit der Honigernte kommt (immer) ein Honigzinseintreiber aus Novgorod' (1500 — Nov. pisc. kn. T. III, 5). Warum sollte ein Zeidler (Honigsammler) auch noch dazu aus Novgorod dorthin fahren? Viel logischer ist es doch in diesem Buch über Abgaben (Tribute, Zins) anzunehmen, dass es sich um einen Beamten des Großfürsten handelt, der den Honigzins einzutreiben hat und aus Novgorod kommt. Dies wird auch durch weitere Beispiele bekräftigt in denen der *podlazščikъ* bzw. *polazčikъ* mit anderen Beamten des Fürsten genannt wird:

(71) *A ključniku grivna i poltory dengi. A podlazčiku grivna i pol-pjaty dengi* 'Und dem Schließer eine Grivna und anderthalb Denga. Und dem Honigzinseintreiber eine Grivna und viereinhalb Denga' (1495 — Nov. pisc. kn. T. II, 745);

(72) *I vsego dochoda denygami i sь ključničimъ...i sь podlazčikom...* (ibidem) 'Und insgesamt Einkünfte an Geld und mit dem Schliebergeld... und mit dem Honigzinseintreiber(geld)'. Ich nehme an, dass in Korrespondenz zu *ključničje* hier ein *podlazčičje* stehen müsste. Dieses substantivierte Possessivadjektiv liegt vor in:

(73) *A dochoda dengami i sь ključničimъ i sь podlazčičimъ... tri rubli Novgorodskie i tri grivny polosmy dengi* 'Und Einkünfte an Geld und zusammen mit dem Schliebergeld und mit dem Honigzinseintreiber(geld)... drei Novgoroder Rubel und drei Grivna und siebeneinhalb Denga' (1499 — nach DRS, K).

Auch zu *podlaznikъ* existiert ein substantiviertes Possessivadjektiv *podlazničje*, vgl.

(74) *A novogo dochoda s 31 obžy dengami i sь ključničimъ i s podlazničimъ* 'Und neue Einkünfte von 31 Höfen (Deichseln) an Geld zusammen mit dem Schliebergeld und mit dem Honigzinseintreiber(geld)' (Nov. pisc. kn. T. II, 771).

Im Falle von russ. *podladnikъ*, das nach Kočin (ibidem) einen Beruf, einen Diener des Feudalherrn bezeichnet und zu *podlaz* gehört, liegt wohl eine verderbte Form für *podlaznikъ* vor. Charakteristisch ist hier wieder, dass die Verformung erneut die wurzel *-laz-* betrifft, für die bereits eine Reihe von Veränderungen infolge der Verblassung ihrer ursprünglichen Bedeutung konstatiert worden sind.

5. Apoln. *polazić*, *połaz* und *połaźbić*

Im altpolnischen Schrifttum, das die Terminologie der Waldimkerei recht gut widerspiegelt, sind Derivate mit dem Präfix *po-* bezeugt. Der besondere Wert von apoln. *polazić*, *połaz* besteht aber darin, dass hier ältere Formen ohne *-b-* erhalten sind, die für die Geschichte der zahlreichen Bildungen des Typs *połaźbić* von erstangiger Bedeutung sind; denn sie gestatten die Zurückführung der letzteren auf die ursprünglichen, einfacheren Bildungen des Typs *-lazić*. Ich gebe daher diese Fakten mit der notwendigen Ausführlichkeit wieder. Es geht erst einmal um apoln. *polazić* 'den Honig aus den Waldbienenstöcken entnehmen; mellationem facere'. Man vgl. die apoln. Glossen in lateinischen Textstücken:

(75) *Proposuit contra... Petrum, quo (pro quod?) violenter apes... Maleschconis, ..., mellificidarii domini regis, vlg. (= vulgo oder vulgariter). liepiecz polaszyl* (15.Jhd. — Sl. stp. VI, 352);

(76) *Petrus respondit: Domini, non feci, nec apes suas ascendi vlg. ne polaszyl* (ibidem). Im letztgenannten Beispiel kommt im lateinischen Text ein *ascendo apes* 'ersteigen (erklimmen, emporsteigen, hinaufsteigen) Bienen' vor, d.h. eine Wendung, die apoln. *łaźbić pczoli* ziemlich genau entspricht, sie ist allerdings nur mit der Verbalform *polaszyl* wiedergegeben.

Es existiert ferner ein apoln. *połaz* 'Bienenstand; Ort, wo die Bienenstöcke mit den Bienenschwärmen stehen; locus, ubi alvearia sunt; apiarium':

(77) *Do (sc. ecclesiae)...quatuor homines...cum ipsorum legitimis successoribus, necnon, mericis, pratis...et cum duabus urnis crudi mellis al. vssathky, et cum eorundem mellificiis al. polaz* (1460 — Sl. stp. VI, 352). Neben *polaz* tritt in dieser lateinischen Textstelle ein zweiter alter Terminus der Bienenhaltung auf: *vssathky* (wohl altweißbrussischer Provenienz, da ohne Nasal!), vgl. russ. *vzjatok, -tka* 'Honig, der sich im Bienenstock über eine bestimmte Zeit angesammelt hat' (SSRLJ II, 332). Auch hier liegt wohl ein alter ostslawischer Terminus vor.

Apoln. *polazbić* 'Honig aus den Waldbienenstöcken entnehmen; mellationem facere':

(78) *Quod Zauischa recepit fructus mellis de meliviciis vlg. polasbil* (1402 — Sl. stp. VI, 352). Es handelt sich hier um die mit Hilfe des Präfixes *po-* erweiterte Form von apoln. *lazbić* 'zeideln'.

6. Russ. dial. *ulaz* und altpoln. *ulazbić*

In den russischen Mundarten hat sich das Wort *ulaz*, eine retrograde Bildung zu *ulaziti* erhalten sowie einige Derivate von **ulazь*. Dass auch diese Wörter Fortsetzer recht alter Derivate sind, beweist die Entsprechung im Altpolnischen und natürlich ihr Zusammenhang mit dem Verb für 'klettern'. Für die russischen Mundartwörter ist wieder kennzeichnend, dass sie bereits Übertragungen der alten Terminologie der Waldimkerei auf die späteren Verhältnisse der Hof- und Gartenbienenwirtschaft darstellen. Man vgl. im Einzelnen:

Russ. dial. (um Vjatka) *ulaz, -a* 1. 'Zeit, Periode, zu der die Waben aus den Bienenstöcken geschnitten werden':

(79) «*Ulaz rannij*» *ko vtoromu Spasu, pozdnij — k Ivanu postnomu* (29. avgusta) 'Die frühe Honigernte ist zum Zweiten Erlöser-Feiertag, die späte zum Johanni-Fastentag (29. August)' (SRNG, K); 2. 'Die Honigernte selbst; die Menge; der Ertrag':

(80) *Kakovy u vas nyne ulazy* (*Kakov mēd, dobyča*) 'Was haben Sie in diesem Jahr für eine Honigernte? (Wie ist der Honig, der Ertrag)' (SRNG, K):

(81) *Nynešnie ulazy choroži* 'Die diesjährigen Honigerträge sind gut' (um Vjatka; Dopolnenie k Opytu, I, 51 — nach SRNG, K);

(82) *Nyně ulazy choroši* 'Diesjährig sind die Honigerträge gut' (SRNG, K).

D. Zelenin (1927, 82) teilt mit, dass das Herausnehmen des Honigs am 20. Juli, am Elias-Tag bzw. am 1. August, dem Pervyj Spas, oder am 6. August, dem Vtoroj Spas, erfolgte. Dabei wurden alle Anwesenden mit frischem Honig bewirtet und es wurde dazu gesagt:

(83) *Na ulaze i mēd edjat* 'Beim ersten Herausschneiden des Honigs isst man (auch) Honig'. Es ist wahrscheinlich schon sprichwörtlich.

Klykovskij (1855–1856, I, 685) führt die mundartlichen Ausdrücke *vremja ulaznoe, v ulaznoe vremja* an und erläutert, dass damit die Imker den Zeitpunkt der Honigernte bezeichnen. Man sagte dann häufig:

(84) *Pridi svat v ulaznoe vremja, ja tebja i medkom pokormlju i bražkoj napoju* ‘Komm, Schwiegervater, zur Zeit der Honigernte, ich werde dir Honig (Deminutivum) zu essen geben und selbstgebrautes Dünnbier (Diminutivum) zu trinken geben’. Hierher passt m. E. auch russ. dial. (um Kursk) *ulaznaja*, ein substantiviertes Adjektiv mit der Bedeutung ‘ein Becher mit alkoholischem Getränk, der dem Gast entgegengebracht wird, wenn er zum Gelage kommt’:

(85) *Nu-ka, kum, vykušaj, ulaznuju* ‘Nun, Gevatter, nimm den Eintrittstrunk zu dir!’ (SRNG, K). Möglicherweise wurde *ulaznaja* zuerst nur bei den Gastmählern anlässlich der Honigernte gebraucht, später aber fand es bei jeder Art von Gelagen Verwendung. Wir haben hier ein eindrucksvolles Beispiel dafür, wie weit sich die Bedeutung eines Derivats von *-laz-* von seiner ursprünglichen Bedeutung entfernen konnte.

Zu russ. *ulaz* und den von ihm abgeleiteten Wörtern weist das Altpolnische eine Entsprechung auf. Es handelt sich um apoln. *ulaźbić*, das, wie aus folgendem Textbeispiel hervorgeht, wohl dieselbe Bedeutung wie *łaźbić* ‘zeideln; Honig ausnehmen’ hatte. Das Wort ist hapax legomenon: in Sl. stp., K liegt ein einziger Beleg aus den «Roty przysiąg sieradzkie od r. 1405 do 1411 włącznie» (Z księgi grodzkiej) 1406: 9, «Testes Nicolaj de Gowori contra Albertum de Sobepani» vor:

(86) *Sic nos deus adiuuat et sancta crux, sicut scimus et protestamur, Iaco czo Micolay pocazował y laszbił pczoli, to yest wlaszbił w swej zastawie, ale new-woytkowe dzedzine* ‘So wie uns Gott beisteht und das heilige Kreuz, so wissen wir und bezeugen wir, dass Mikolaj pocasował (?) und Bienen ausgenommen hat, d. h. er zeidelte in seinem Revier, aber nicht auf Wojteks Eigentum (Bodenbesitz)’. Die Verbalform *pocasował* ist mir nicht klar. Wahrscheinlich hatte *ulaźbić* dieselbe Bedeutung wie *łaźbić*, zumindest aus dieser Textstelle lässt sich kein semantischer Unterschied zwischen diesen Wörtern ermitteln.

7. Apoln. *wylaźbić*

Als hapax legomenon ist apoln. *wylaźbić* bezeugt, das wohl die Bedeutung ‘den Honig bis zu Ende aus den Waldbienenstöcken ausnehmen’, vielleicht sogar ‘ausrauben’ hatte, vgl.

(87) *Kazimirus Dei gr. Rex Pol. tibi gse. Heduigi de Lanzeysko... consensu ipsius mellificia in borris et in silvis existencia violenter et temerarie depopulaverunt vulgariter wylaźbily...* (1451 — Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek funkcij sp. Aleksandra hr. Stadniskiego, wydane staraniem Galicyjskiego wydziału krajowego, We Lwowie 1888, 318 — nach Sl. stp., K).

Der Form nach (vgl. die gleichen Präfixe) läßt sich apoln. *wylaźbić* in gewisser Weise mit dem oben von uns angenommenen *vy-laziti (*medь*) in *wylozilь medь* bzw. *volozilь medь* vergleichen.

8. Weißruss. und russ. dial. *laz'ben'*, poln. *łaźbień*

In den weißrussischen und (schwächer) in den russischen Mundarten fand eine Bezeichnung für ein Gefäß, in dem vor allem Honig aufbewahrt wurde, und die vom Stamm **lazb-* (vgl. **lazьba*) abgeleitet ist, Verbreitung. Das weißrussische Material schicke ich voraus, während das spärlicher bezeugte russische Material hinsichtlich der Verbreitung dieses Wortes ein peripheres Gebiet darstellt.

Weißruss. dial. *lazben'*, *-nja* 'Fässchen aus Linden- oder Eichenholz, das von den Imkern beim Ausnehmen der Bienenstöcke zur Aufnahme des Honigs benutzt wird';

'viereckiges Behältnis aus Lindenbast zur Aufnahme von Honig':

(88) *Prines celyj lazben' medu* 'Er brachte ein ganzes Honigfäßchen Honig' (Nosovič 1870, 264);

(89) *Lazben'* — *na med taka korobka, z lutka na vugly robjac' z večkom* '„Lazben" ist eine solche Schachtel für Honig, die aus Bast viereckig gearbeitet ist mit einem Deckel' (Z nar. sl., 195);

(90) *Poŭny laz'ben' mēdu prydzali* 'Ein volles Fässchen Honig haben sie dazu gegeben' (Bel'kevič 1970, 246, 263);

(91) *Daŭno rabili laz'ben' z lipy, z laz'benem chadzili na mjod u les, u kago buli ŭ lese pčoly* 'Früher verfertigte man den *laz'ben'* aus Lindenholz, mit dem *laz'ben'* ging man nach Honig in den Wald, wer im Walde Bienen hatte' (Arašonkava 1976, 16). Das letztgenannte Beispiel ordnet das Wort eindeutig der Terminologie der Waldimkerei zu.

Als Variante zu weißruss. dial. *laz'ben'* tritt noch ein *lázuben'* mit derselben Bedeutung wie *laz'ben'* auf:

(92) *A šče kolys' med deržaly ŭ lázubnevy* 'Früher noch bewahrte man den Honig im *lázuben'* auf' (Z nar. sl., 195).

Aus den russischen Mundarten kann ich nur wenige Belege anführen. Vgl. *laz'ben'* (um Voronež) 'großer Topf', (um Kursk) 'Schachtel, Fäßchen mit Deckel als Truhe dienend' (Dal' 1955, II, 234); (aus dem vormaligen Kreis von Belgorod des Kursker Gouvernements) 'breites aus Lindenholz verfertigtes Fässchen zum Einsalzen von Speck':

(93) *Isportilsja celyj laz'ben' sala* 'Ein ganzes Fässchen Speck ist schlecht geworden' (P. Čefranov 1911, 777–778). Čefranov hält das Wort für eigenständig und spricht sich berechtigt gegen die Ansicht von A. I. Sobolevskij über Entlehnung von russ. *laz'ben'* aus lit. *lazdà* aus.

M. Vasmer (REW II, 6) äußert die Vermutung, dass *lazben'* «ursprünglich vielleicht aus der Sprache der Bienenzüchter» stammt und mit **lazьba* 'das Zeideln' und *lazit'* 'klettern; zeideln' zusammenhängt. Dies ist sehr einleuchtend.

Von besonderem Interesse ist ein mittell russischer Beleg, der für *lazbenʹ* eindeutig die Bedeutung ‘Gefäß für Honig’ festhält und wohl mit den Abgaben an Waldbienenhonig zusammenhängt. Vgl.

(94) *Javil dorogobuženin Ivan Palcov medu trinacat gorškovʹ da tri lazbenja ešče ž šestʹ gorškov ešče ž tri kadki da goršok ešče ž dve kadki medu... Javil dorogobužanin posadckoi čelovekʹ Klimʹ Grigorevʹ medu šestʹ lazbenei da goršok vesomʹ devjatʹ pud* ‘(Auf dem Gericht) zeigte vor (präsentierte) Ivan Palcov, der Mann aus Dorogobuž, an die 13 Töpfe Honig und 3 Honiggefäße zudem 6 Töpfe und noch 3 Kübel und einen Topf und noch zwei Kübel Honig... der abgabepflichtige aus dem Handwerks- und Handelsviertel (*posadʹ*) von Dorogobuž stammende Klim Grigorev legte 6 Honiggefäße Honig und einen Topf mit einem Gewicht von 9 Pud vor’ (1676 — SRJ XI–XVII, 8, 162). Es handelt sich hier um große Mengen von Honig, wie sie zu dieser Zeit in den Aufstellungen über die Abgaben (Tribute) an Waldbienenhonig auftauchen, wobei verschiedene Arten von Gefäßen erwähnt werden: Töpfe, Kübel und *lazbeni* (spezielle Honiggefäße, die ursprünglich aus Lindenbast gefertigt waren). Im SRJ (XI–XVII, 8, 162) werden unter dem Lemma *lazbenʹ* (*lozbenʹ*) in völliger Verkenntung der Tatsachen zwei Bedeutungen angeführt, von denen die erste (‘Art Korb, Kübel mit einem Deckel und Verschluss zur Aufbewahrung von Kleidern und Wäsche’) eindeutig als sekundäre, spätere für *lazbenʹ* anzusehen ist, während die zweite (‘Art Kübel mit Deckel zur Aufbewahrung von Eßvorräten’) äußerst ungenau ist; denn sie wird mit dem Zitat unter (94) belegt und ist völlig eindeutig als ‘spezielles Gefäß für Honig (ursprünglich aus Bast hergestellt, das die Waldimker beim Zeideln benutzen)’ zu bestimmen. Von Interesse ist hier auch die Variante *lozbenʹ*, die die spätere Bedeutung (‘Behältnis zur Aufbewahrung von Kleidern und Wäsche’) aufweist und die bereits etymologisch verdunkelt ist, was zu der (verderbten) Lautung *loz-* (anstelle des ursprünglichen *laz-*) führte.

Für apoln. (aus dem Litauischen Statut) *laźbień*, einem speziellen Wort aus dem Bereich der Waldimkerei, ist die Bedeutung ‘Bänkchen, auf das sich der Waldimker beim Zeideln setzt; Zeidelbrett’ bekannt:

(95) *Łubia na laźbień i na insze potrzeby bartnicke tyllie, ile im potrzeba, wziąć* ‘Bast für den *laźbień* und für andere Bedürfnisse des Waldimkers (können sie) nehmen soviel, wie sie brauchen’ (SW II, 803). Wie aus dem Zitat hervorgeht, steht hier *laźbień* sicher nicht für Zeidelbrett. Auf Grund dieses Zitats aus dem Litauischen Statut bezweifelt F. Sławski (SEJP V, 70) mit Recht die Bedeutung ‘Zeidelbrett’, die seiner Meinung nach auf S. B. Linde zurückgeht, der die Semantik des altpolnischen Wortes aus dieser Textstelle nicht richtig rekonstruiert hat. (Von Linde ist diese ungenaue Bedeutungsbeschreibung dann in andere Wörterbücher, u. a. in SW gelangt — R.E.). Sławski geht sogar so weit, dass er Entlehnung von poln. *laźbień* aus dem Weißrussischen annimmt. Dem steht

jedoch m. E. entgegen, dass das Polnische unter allen slawischen Sprachen über die größte Zahl alter Derivate von **lazьba* verfügt und dass es in den polnischen Mundarten Fakten gibt, die eher auf eine eigenständige Bildung zu *lazьb-* aus **lazьba* schließen lassen. Vgl. poln. dial. *lazbiń* 'Schachtel aus Lindenbast':

(96) *lazbiń zawieszony* (Sl g. p., K) 'Die Schachtel aus Lindenbast ist aufgehängt'. Die hier ermittelte Bedeutung stimmt gut mit den angeführten dialektalen weißrussischen, russischen und mittlrussischen Fakten überein, in denen ausschließlich Bezeichnungen für Behältnisse vorliegen.

In den erstgenannten Mundarten war neben *laz'ben* noch ein weiteres Wort verbreitet: weißruss. *lazóbka* und russ. *lozóbka*. Das weißrussische Dialektwort hat die Bedeutung 'ein in einem Stück aus Holz gemachtes Fässchen für Honig mit extra gefertigtem Boden', vgl.

(97) *Lazobku medu prodav* 'Ein Holzfässchen Honig habe ich verkauft' (Nosovič 1870, 264). Nosovič erblickt in dem Wort eine Diminutivform zu weißruss. dial. *laz'ben*.

Auch in den jüngsten Dialektwörterbüchern des Weißrussischen findet das Wort noch Aufnahme. Man vgl. *lazóbka* 'kleines, aus einem Stück (nicht aus Dauben) gemachtes Fässchen zur Aufbewahrung von Honig':

(98) *Naliŭ ná zimu lazóbku mĕdu — i spakóin* 'Ich habe für den Winter ein kleines Fässchen mit Honig gefüllt und bin beruhigt' (Jurčanka 1966, 119). Es hatte auch die Bedeutung 'Fässchen, ausgehöhltes Gefäß, am häufigsten aus Lindenhholz':

(99) *Lazobka poŭna mĕdu* 'Die Lazobka ist voller Honig' (Bel'kevič 1970, 246).

In einigen russischen Mundarten kommt *lozóbka* in zwei Bedeutungen vor: 1) 'Bienenstock' (= ulej) (Dal' 1955, II, 264) und 2) 'ein aus Lindenhholz ausgehöhltes Fässchen zum Verkaufe von Honig' (SRNG, K). Die Form der Wurzel in russ. *lozóbka* ist wohl ebenso zu erklären wie die zahlreichen anderen Fälle mit *-o-*, in denen der Zusammenhang mit **laz-iti* längst verblasst ist und derartige Abweichungen möglich wurden.

Ich meine, dass das Material aus dem Mittlrussischen und aus den weißrussischen, russischen und polnischen Mundarten die Ermittlung von zwei Bezeichnungen für das Gefäß (**lazьben* und *lazobka*) zulassen, das die Waldimker beim Besteigen (Erklettern!) der Bienenbäume mit sich führten und das beim Ausnehmen (Zeideln) der Waldbienennester zur Aufnahme des Honigs diente.

9. Bezeichnungen für die Vorrichtung zum Erklettern der Waldbienenbäume, die mit **laz-* zusammenhängt

Weiter oben unter Beispiel (50) hatte ich die altrussische Wendung *remennoe drevolaznoje pletenije* behandelt, die zur Bezeichnung der Gerätschaften

diente, die der Waldimker zum Erklettern der häufig sehr hohen und dicken Bienenbäume benutzte. Aus dem Polnischen und den ostslawischen Sprachen sind weitere Benennungen dieser vor allem aus Stricken bestehenden Vorrichtung in Form von Einzelexemen bekannt, die alle von der Wurzel *laz- // *lěz-abgeleitet sind.

a) Polnisch

Eine suffixlose Bildung liegt in poln. dial. *lezy* Pluraletantum vor, das dieselbe Bedeutung wie das im Folgenden näher beschriebene poln. *leziwo* besitzt. Nach F. Sławski (SEJP IV, 191–192; V, 68–69) ist das Wort im SW fixiert. Es stellt wohl ein ursprüngliches Nomen actionis dar (vgl. tschech. *lez*; osorb. *lěz* ‘das Klettern, Kriechen’; slowen. *léza* ‘das Hochklettern’), das später zum Nomen instrumenti geworden ist.

Der Haupttyp innerhalb dieser semantischen Gruppe wird repräsentiert durch die Derivate **lězivo*, **lěziva*, **lazivo*, die Fortsetzer im Polnischen und in den ostslawischen Sprachen haben. Vgl. apoln. (16. Jh.) *leziwo* ‘Waldbienenstock = *barc* im Litauischen Statut und bei W. Potocki nach Ausweis von F. Sławski (ibidem). J. Lelewel (1856, 520–522) führt jedoch bereits für das 16. Jh. apoln. *leziwo* in der Bedeutung ‘Vorrichtung zum Erklettern der Bienenbäume’ an:

(100) *Na sejmie brzeskim 1512 do karńnosci wojskowej dopisano: leziwo czyli krzeselek, albo składadanych drabinek do podbierania pszczół w całym wojsku mieć nie można* ‘Auf dem Sejm zu Brześć 1512 wurde der militärischen Disziplinarordnung hinzugefügt: Zeidelstricke oder Bänckchen oder zusammenlegbare Leitern zum Ausnehmen der Bienen darf im ganzen Heer keiner haben’.

Vgl. weiterhin poln. dial. *leziwo* (aus der Berufssprache der Waldimker) ‘Gerät in Form eines kleinen Sessels oder eine zusammenlegbare Leiter (Strickleiter) zum Erklettern von Föhren’:

(101) *Leziwo znaczy łyczaną drabiną, na której bartnik chodzi do podbierania pszczół* (...) ‘Leziwo bedeutet eine Bastleiter, auf die der Waldimker (Zeidler) zum Ausnehmen der Bienen geht’;

(102) *Po co chować gdzieś po barciach pszczoły, w króbkę zbierać miody na leziwie?* (...) ‘Wozu soll man irgendwo Bienen in den Waldbienenstöcken (Beuten) halten, in den Eimer Honig sammeln auf der Bastleiter?’;

(103) *Gdy leziwo się urwie, tó bartnik kark skręci* ‘Wenn die Bastleiter abreißt, so bricht sich der Waldimker den Hals’ (SW II, 727 — übrigens wird hier die Bedeutung ‘Vorrichtung in Form eines Sessels oder einer Leiter zum Hinaufklettern auf die Föhre’ verzeichnet).

Aus der Zettelsammlung des Słownik gwar polskich in Kraków (Sl. gw. pol, K) habe ich folgende Belege für poln. dial. *leziwo* exzerpiert: ‘Gerät der

Waldimker zum Erklettern der großen Föhren, auf denen sich Waldbienenstöcke befinden' (Chętnik 1961, 8 — Hier befinden sich auch Abbildungen des *leziwo*); 'Vorrichtung zum Emporklettern auf den Baum' (Kurpie, Puszcza Sol-ska).

F. Sławski (SEJP IV, 191–192; V, 68) bestimmt die Bedeutung des Wortes *leziwo* folgendermaßen: 'Gerät zum Hinaufklettern auf die Bäume, das vor allem bei den Waldimkern zum Aufsteigen zu den hochgelegenen Waldbienenstöcken Anwendung fand'.

Zu poln. *leziwo* existiert eine Dialektvariante (Kurpie) *leziwa* (Sl. gw. polsk, K) 'Brettchen, das an einer Leine befestigt ist und zum Aufstieg auf den Baum dient'. Nachdem sich der Waldimker auf das festgebundene Brettchen gesetzt hatte, zog er sich mit Hilfe einer windenartigen Vorrichtung hoch.

Außerdem kommt die Nebenform poln. *laziwo* (SW II, 803; ferner Kozłowski 1846, 233) 'Hanfseile, mit denen der Waldimker am Baum empor zum Waldbienenstock kletterte' vor.

Als letzte zu dieser Gruppe gehörige Ableitung möchte ich pol.dial. *lazidło* 'Vorrichtung zum Erklettern des Baumes' (SW II, 803) erwähnen, das sicher von **laziti* mit Hilfe des Suffixes *-dło-* in instrumentaler Bedeutung gebildet worden ist.

In den polnischen Mundarten sind zu *leziwo* noch folgende Varianten auszumachen: *lezajo* (SW II, 727); *lezaja* (Kozłowski 1846, 233) und *leżaja* (Sławski SEJP IV, 194), die anstelle des *-v-* Suffixes ein *-j-* Suffix enthalten. Was poln. dial. *leżaja* 'Gerät der Waldimker, das zum Emporklettern zu den hochgelegenen Waldbienenstöcken dient' (ibidem) anbelangt, so kann ich der etymologischen Deutung, die F. Sławski gibt, und nach der es zu **leżati* 'liegen' gehören soll, nicht zustimmen. Ich glaube viel eher, dass es wieder als eine der zahlreichen Verformungen des bereits verdunkelten **lęzti*, **laziti* in einigen Termini der Waldimkerei anzusehen ist.

b) Russisch

Im ÆSSJ (vyp. 15, 35) ist unter Berufung auf Sreznevskij (Mat., II, Sp. 16), ein aruss. *leziwo* festgehalten:

(104) *A kotorye tri leziwa Vilenskoj zemli deržali panъ Senъko Gotskij, a panъ Andrej Čapličъ ...ino bilъ namъ čelomъ (panъ Petraško Myl'skij), izъ bychъ podtverdił emu tye pisanje tri leziwa i zъ ich zemljami* 'Und die drei Zeidelstrickleitern des Vilnaer Gebietes besaßen der Herr Sen'ko Gotskij und der Herr Andrej Čaplič... aber untertänigst bat (der Herr Petraško Myl'skij), dass man ihm beständige (dokumentiere) jene beschriebenen Zeidelstrickleitern (und) zusammen mit ihren Ländereien (vielleicht: Zeidelgründen) (als Besitz)' (Žalovannaja gramota vel. kn. Svidrigajla na imenie v Luckom pověte 1445 g.).

Es kommt fernerhin noch ein russ. dial. *lezevo* 'Seilzeug, Leiter, Vorrichtung zum Erklettern der Waldbienenstöcke' (Dal' 1955, II, 234) vor.

c) Weißrussisch

Recht gut ist das Wort im Weißrussischen bewahrt und zwar mit Beginn des 16. Jhs. bis heute in den Dialekten. Vgl. altweißruss. *lezivo*, *lezyvo* 'Vorrichtung in Gestalt eines Seiles mit einem Haken zum Erklettern der Bienenbäume für die Honiggewinnung' (GSBM vyp. 16, 336) in den folgenden 6 Beispielen:

(105) *U kogo najdutʹ lezivo, totʹ maetʹ viny zaplatiti rublʹ grošej, a lezivo zsěči* (1507) 'Bei wem man eine Zeidelstrickleiter findet, der hat einen Rubel Groschen Strafe zu zahlen, die Zeidelstrickleiter (aber ist) zu verbrennen';

(106) *Choditi imʹ bortnuju zemlju odnytmʹ lezivomʹ pospolu sʹ nami* (1514) 'Sie haben in die Zeidelgründe zu gehen mit einer Zeidelstrickleiter zusammen mit uns';

(107) *Bortnikom volno lyk na lezivo abo lubʹ na lazben i na inšie potreby ich bortnickie* (1529) 'Den Waldimkern ist es freigestellt, Bast für eine Zeidlerstrickleiter oder Linden- bzw. Ulmenbast für ein Honiggefäß oder für ihre anderen Waldimkerbedürfnisse (zu gewinnen)';

(108) *Do togo dereva bortnogo dva bortniki zʹ dvěma lezivym chodjaty* (1547) 'Bis zu diesem (Auf diesen) Bienenbaum gehen zwei Waldimker mit zwei Zeidelstrickleitern';

(109) *Majutʹ dati... sʹ dereva bortnogo grošy tri zʹ leziva* (1557) 'Haben zu entrichten... von (jedem) Bienenbaum drei Groschen je Zeidelstrickleiter'. Gemeint ist hier der Honigzins, der nach Anzahl der Strickleitern berechnet wurde.

(110) *Potrafilemʹ vʹ pušči susedovʹ moichʹ... zʹ lazbnjami čotyрма i zʹ lezivomʹ idučichʹ* (1646) 'Ich traf im Urwald meine Nachbarn... mit vier Honiggefäßen und der Zeidelstrickleiter gehend'.

Aus den weißrussischen Dialekten sind zahlreiche Belege für das anstehende Wort bekannt.

Ein weißruss. *láziva* Neutr. (Mackevič 1975, 211) hat die Bedeutungen: 1) 'Vorrichtung, die aus einem Strick und einem Sitzbrettchen besteht und die dem Aufstieg des Waldimkers auf den Baum dient' 2) 'Strickleiter zum Erklettern des Baumes durch den Waldimker'. Ein Beispielsatz mit dem weißrussischen Wort ist unter *borc* im I. Band des «Wörterbuchs der weißrussischen Mundarten» zu finden:

(111) *Borci byli ũ ljasy, da ich na lazivach lazili lapacʹ pščol* 'Die Beuten waren im Wald, zu ihnen kletterte man auf den Zeidelstrickleitern, um die Bienen auszunehmen' (SBGPZ Belarusi, T. I, 207).

Man vgl. noch weißruss. dial. (Poles'je) *lezivo* = *liezivo* (Lysenko 1974, 114 und 115): 'Vorrichtung in Gestalt eines Strickes und Ringes, mit deren

Hilfe man eine Klotzbeute auf den Baum befördert'. Ferner weißruss. dial. *liəzivo* (Seržputovskij 1911, 51); *lėzivo* Neutr. 'eine Vorrichtung zum Hinaufsteigen bei den Imkern'.

Ein von *lezivo* abgeleitetes Adjektiv altweißruss. *lezivnyj* ist aus dem Ende des 16. Jhs. bekannt:

(112) ...*uzjali... pletej lezivnychъ čotyri, saľ svinychъ šestnadcatъ* '... sie haben genommen vier Zeidelstricke, sechszehn (Stück) Schweinespeck' (1590 — GSBM XVI, 336).

(113) *Lezivo — taka došečka z dzirkami i voroŭka doŭga, kine ee za suk, voroŭku cjagne i sam sebe cjagne* 'Lezivo ist ein Brettchen mit Löchern und ein langer Strick, den man um einen Ast wirft, den Strick zieht man an und selbst zieht man sich (hoch)' (Turaŭski sl. T. 3, 19).

d) Ukrainisch

Auch das Ukrainische hat diesen alten Terminus bewahrt. Vgl. *lėzyvo* Neutr. 'Leiter aus Bast (des Waldimkers) (Grinčenko SUM II, 353) bzw. 'Strickleiter des Waldimkers' (Preobraženskij, ĖSRJ I, 429); *līzyvo* 'eine Art Strickleiter mit einem eisernen Haken am Ende, um auf die Bäume zu klettern (für Waldimker u. dgl.) (Grinčenko SUM II, 368); *lėzivo* 'Bastleiter, auf der die Waldimker auf die Bäume zu den Beuten klettern; Leiter überhaupt' (16. Jh. — Kartothek des Wörterbuches von Timčenko — nach ĖSSJ, vyp. 15, 35); ukr. dial. *lezivo, liezivo* 'Vorrichtung aus einem Strick und Rad bestehend, mit dessen Hilfe man die Klotzbeute auf den Baum hob' (Lysenko 1966, 32); *lezivo* 'aus Bast oder Riemen hergestellte Leiter, mit deren Hilfe der Waldimker auf den Baum klettert; überhaupt 'eine Leiter' (Moskalenko 1971, 190).

Auch die bei Ślawski und anderswo (Rozov 1972, 34; Moszyński 1967, I, 148; 491) angeführten ostslawischen Nebenformen mit -ž- (russ. dial. *ležejá*; weißruss. *ležėjá*; *ležaja*) lassen sich m. E. durch Verdunkelung des ursprünglichen Zusammenhangs mit **lėzti* // **laziti* erklären. Man vgl. russ. dial. (unbekannt woher) *ležejá* 'Vorrichtung, mit deren Hilfe man Honig aus den in hohen Bäumen befindlichen Waldbienenstöcken gewinnt' (SRNG, vyp. 16, 334).

Suffixale Varianten zu **lėzivo* stellen ukr. dial. *lėz'vo* sowie *lez'vije* 'Vorrichtung, die aus einem Strick und einem Brettchen als Sitzfläche besteht, die zum selbständigen Aufstieg des Waldimkers auf den Baum bestimmt ist; Leiter aus einem Riemen, die dem Hinaufsteigen des Waldimkers auf den Baum dient' (Anochina & Nikončuk 1968, 338) dar. Hierher gehört auch weißruss. dial. *lėzva* 'Vorrichtung aus Stricken, die zum Hinaufsteigen auf den Baum dient' (SBGPZ Belarusi II, 639).

Eine verkürzte Fassung dieses Abschnitts erschien als Beitrag in russischer Sprache unter Ėkkert 1993, 226–237.

B. Das baltische Material

I. Wendungen und Komposita

1. Allgemein zum baltischen Material

In den ostbaltischen Sprachen, im Litauischen und Lettischen, sind eine Reihe von Wendungen und Wörtern, die zur Bezeichnung des Ausnehmens des Honigs aus den Waldbienenstöcken dienen, mindestens ebenso gut überliefert, wie in den slawischen Sprachen. Besonders reich ist das Material aus dem Litauischen, wenn wir jene Termini im Auge haben, die als Komponenten der Wendung das Wort für 'klettern' enthalten bzw. einen Stamm mit dieser Bedeutung aufweisen (in Komposita oder Einwortlexemen). Im Litauischen ist das mundartliche Material besonders wertvoll, denn in der Schriftsprache sind vor allem die jüngeren Termini der Hof- und Gartenbienezucht verbreitet, um deren Entwicklung und Kodifizierung sich besonders der große litauische Sprachwissenschaftler Prof. Dr. Juozas Balčikonis (1885–1969), den ich 1967 in Vilnius noch gesprochen habe und der selbst ein leidenschaftlicher Imker war, verdient gemacht hat. (Von ihm habe ich eine Zettelsammlung zur litauischen Terminologie des Imkerwesens im Institut für Litauische Sprache und Literatur in Vilnius in den 70er Jahren einsehen können. In einigen wenigen Verweisen darauf benutze ich die Abkürzung Balčikonis, K).

Im Gegensatz zu den slawischen Sprachen spielt im Ostbaltischen das ältere sprachliche Material, das sehr spärlich ist und relativ spät fixiert wurde, eine untergeordnete Rolle. Die Hauptinformationen liefern die Dialekte, ferner die Volkspoese bzw. schöngeistige Quellen, die auf die Volkssprache bzw. Folklore zurückgreifen, und natürlich das spezielle Schrifttum zur Bienezucht, das aber erst im 18. und besonders 19. Jh. einsetzt. Die recht gute Bewahrung der Terminologie der Waldimkerei in den ostbaltischen Sprachen hängt nicht zuletzt mit der starken Verbreitung dieses Wirtschaftszweiges im ausgehenden Mittelalter und den danach folgenden Jahrhunderten zusammen. So wurden z.B. noch im Jahre 1507 aus Litauen 1 061 390 kg Wachs ausgeführt (LE III, 1288). Bereits im 16. Jh. ging aber die Wachs- und Honigproduktion, die vor allem aus der Waldimkerei kam, rapide zurück. Dennoch spielt auch im 17. und 18. Jh. die Waldimkerei noch eine bedeutende Rolle. Mitte des 19. Jhs. erstreckten sich von Kaunas bis Prienai grosse Lindenwälder «voller Waldbienenstöcke und aromatischen Honigs» (LE III, 1290; 1287). Für das Jahr 1852 werden im ehemaligen Vilnaer Gouvernement in den Wäldern noch 466 Waldbienenstöcke gezählt. Erst seit der Mitte des 19. Jhs. schwindet die Waldbienezucht (*dravinė* oder *girinė bitininkystė*) (Ibidem).

Im alten Lettland hat sich die Waldimkerei wohl ähnlich lange gehalten. Eine hervorstechende Besonderheit ist hier, dass der weit überwiegende Teil des Materials aus der Folklore, vor allem aus den lettischen Volksliedern bezeugt ist.

2. Wendungen des Typs ‘klettern’ & ‘Bienen’ im Ostbaltischen

a) Litauisch

Im älteren Litauischen und in den litauischen Mundarten ist dieser Typ der Lexemverknüpfung ebenfalls wie im Slawischen bereits phraseologisiert, vgl. lit. dial. *bites kópti* ‘Honig aus den Bienenstöcken entnehmen; zeideln’:

(114) *Laiks jau butų bites kópti, ale pati aš bijau iš tolo bičių* ‘Es wäre schon lange an der Zeit, den Honig auszunehmen, aber ich selbst fürchte mich (schon) von Weitem vor den Bienen’ (LKŽ, K);

(115) (aus der Gegend um Lukiava) *Jų geros bites tris kart per vasara kopa* ‘Ihre guten Bienen werden drei Mal pro Sommer ausgenommen (gezeidelt)’ (LKŽ, K).

E. Fraenkel überträgt die Wendung *kópti bitis* mit ‘den Bienen nachsteigen, zeideln’ (Fraenkel LEW I, 282), wogegen einzuwenden ist, dass die erste Übertragungsart nur eine wortwörtliche Übersetzung des litauischen Phrasems ist, die nicht befriedigt. Vielmehr lautet die phraseologische Bedeutung nur ‘zeideln; den Honig der Waldbienen ausnehmen’, was Fraenkel als zweite Möglichkeit der Semantisierung angibt. In den Beispielen (114 und 115) liegt der *ē*-Stamm von *bitē* vor, während das von Fraenkel zitierte Beispiel den *i*-Stamm *bitis*, *-ies* aufweist, der daneben vorkommen konnte. Zum *i*-Stamm vgl. auch *bitis kopinėjo* bei Jablonskis 1928, 66.

In den angeführten Phrasemen liegt außerdem die altertümliche syntaktische Konstruktion des Akkusativs des Zieles oder der Richtung vor. Wie bereits oben unter der Fußnote 1 vermerkt, konstatiert Fraenkel 1928, 164, hier eine archaische Kasusform, die im Baltischen nur sporadisch vorkommt. Er schreibt: «Mit Sicherheit liegt Richtungsakk. vor in *bitēs kópti, kopinėti* ‘den Bienen nachsteigen, um Honig zu brechen’, lett. *bites kâpt*. Daneben finden wir auch direkt *medų kopinėti*... Dass sich in *bites kópti* usw. der altertümliche Richtungsakk. allenthalben erhalten hat, erklärt sich daraus, dass diese Verbindung frühzeitig zu einer stehenden Redensart mit der Bedeutung ‘zeideln’ geworden ist». Für mich ist von besonderer Wichtigkeit, dass Fraenkel völlig zu Recht die Bewahrung der archaischen syntaktischen Konstruktion als Ergebnis der Phraseologisierung der Wortverbindung betrachtet.

Die alten Verhältnisse (Richtungsakkusativ vom *i*- bzw. *ē*-Stamm) liegen vor in:

(116) *Vakar bitis kopēm* ‘Gestern nahmen wir Honig aus (zeidelten wir)’ (aus den Werken von J. Žemaitė, LKŽ VI, 353);

(117) *Bartininkas* — *žmogus, katras bites kópią* ‘der *bartininkas* (< ostsl. *bortnikъ* ‘Waldimker’) ist ein Mensch, der Bienen zeidelt’ (Marcinkonys. LKŽ, *ibidem*). Es fällt gleich auf, dass sich im Litauischen die Wendungen *bites kópti* und *medų kópti* bedeutungsmäßig sehr nahe stehen, ja semantisch fast identisch sind. Vgl. zum letztgenannten Beispiel:

(118) *Bitinykas medų kopia* ‘Der Imker nimmt Honig aus (zeidelt)’ (aus Daukantas, LKŽ, *ibidem*). Dies kommt auch im folgenden Beispielsatz zum Ausdruck:

(119) *Eisime bičių (medaus) kopia* ‘Gehen wir Honig ausnehmen (zeideln)’ (Širvintos, LKŽ, *ibidem*). Im eben angeführten Beispiel ist der alte Richtungsakkusativ dem Genitiv Plural gewichen und im folgenden Beispiel ist die Konstruktion ebenfalls den Normen der modernen Schriftsprache angepasst worden:

(120) *Šiandien(n) bus gera diena bitėms kopti, medui imti* ‘Heute wird ein schöner Tag zum Zeideln, zum Ausnehmen des Honigs sein’ (Das Beispiel stammt von J. Jablonskis, LKŽ VI, 353; VII, 992).

Ähnlich wie im Altrussischen und Altpolnischen konnte auch die litauische Wendung transformiert werden, sodass die Verbalform die Gestalt des Part Präs Prät annimmt und das direkte Akkusativobjekt zum Subjekt wird, d.h. die Form des Nom Sg erhält, vgl.

(121) *Jų bitės dar nekóptos* (ebenfalls aus Jablonskis, LKŽ VI, 353), was man genau mit russ. ‘*Ich pčěly eščě ne laženy* = ‘Ihre Bienenstöcke sind noch nicht ausgenommen (gezeidelt)’ übersetzen könnte.

Zu lit. *kópti* existiert das Frequentativum *kopinėti* ‘fortgesetzt auf- und nieder-, hin- und herklettern’ (F. Kurschat 1883, 196), das sich noch weit häufiger mit *bitės* verbindet als *kópti* und dann ebenfalls die Bedeutung ‘zeideln’ hat. Man vgl. bei K. Donelaitis, «Metai», Rudenio gerybės, Zeile 45 (Donelaitis 1977, 173 sowie LKŽ VI, 348):

(122) *Ten, kur meškins ant kelmų bites kopinėjo* ‘Dort, wo der männliche Bär auf dem Bienenbaum zeidelte’. In der letzten Donelaitis-Übertragung ins Deutsche von H. Buddensieg («Die Jahreszeiten», München 1966, 63) heißt es poetischer, aber auch ungenauer: ‘Dort, wo der Bär, am Baum kletternd, Bienenstöcke bestohlen’.

Bereits in den älteren Wörterbüchern ist die Wendung fixiert: vgl. *bittes kopinėju* ‘(ich) breche Honig’ (Mielke 1800, II, 279); ‘Honig brechen; Bienen brechen’ (Ruhig 1747, II, 209); *bittes kopinēti* ‘den Honig brechen’ (Nesselmann 1851).

Wie aus zahlreichen Belegen hervorgeht, die vor allem aus den litauischen Mundarten stammen, bezieht sich die Wendung *bites kopinėti* häufig bereits auf das Ausnehmen der Bienenstöcke im Garten, da die Waldimkerei zu dieser Zeit schon ausgestorben oder weit zurückgedrängt worden war. Dennoch verrät die

Komponente *kopinėti* den Zusammenhang mit der Terminologie der Waldimkerei. Vgl. LKŽ VI, 348 *kopinėti* 'Honig aus dem Bienenstock, aus der Beute ausnehmen'. Es folgen zwei Beispielsätze aus den Dialekten:

(123) *Reiks kopinēc bites, ba jau daug medaus prisirinko* 'Man wird Honig ausnehmen (zeideln) müssen, denn es hat sich schon viel Honig angesammelt' (Alovė — nach LKŽ, K);

(124) *Su šaukštu kopiněk bitis* 'Mit dem Löffel nimm Honig aus dem Bienenstock' (Juška LS; LKŽ VI, 348).

Auch in der modernen litauischen Prosa habe ich ein Beispiel gefunden:

(125) *Kada senis baigė kopinėti bites, mes pasisveikinome, ir aš pasakiau, ko atėjęs* 'Als der Alte aufhörte Honig auszunehmen, begrüßten wir uns und ich sagte, weshalb ich hergekommen war' (J. Mikelinškas. «Senas po laikrodis», 1960).

Ebenfalls schriftsprachlich ist folgendes Beispiel:

(126) *Tevas vakar bites kopinėjo* 'Der Vater hat gestern Honig ausgenommen (hat gezeidelt)' (Jablonskis, LKŽ VI, 348).

In einigen Fällen sind Determinierungen enthalten, die sich auf die Komponente *bites* beziehen, wodurch in gewisser Weise die Ganzheitlichkeit der idiomatischen Wendung abgeschwächt wird. Vgl.

(127) *Šiandien mūsų bites kopinėja* 'Heute werden unsere Bienen ausgenommen', d.h. 'Heute wird bei uns gezeidelt' (Liduokiai — nach LKŽ, K):

(128) *Ar visas bites kopinejot? Jau pritirta, bites kai kopinėja, vaikų pilna* 'Haben sie alle Bienenstöcke schon ausgenommen? Es steht schon fest, wenn Honig ausgenommen wird, sind viele Kinder da' (Tauragnai — nach LKŽ, K);

(129) *Rytoj mūsų bites kopinės, todėl gausime medaus pavalgyti* 'Morgen werden unsere Bienen ausgenommen, daher werden wir Honig zu essen bekommen' (aus «Krosna» von V. Valatkevičius — nach LKŽ, K).

Im folgenden Beispiel liegt eine Variante des Phrasems *bites kopinėti* hinsichtlich der Wortbildung der ersten Komponente (Diminutivum *bitelė* zu *bitė*) vor:

(130) *Paprašyk šiandien bitniką, reikejo biteles kopinėt* 'Lade heute den Imker ein, es muß Honig ausgenommen werden' (Sėla — nach LKŽ, K).

Im Weiteren führe ich einige Derivate des Phrasems *kópti bites, kopinėti bites* an, die sich dadurch auszeichnen, dass die verbale Komponente präfigiert ist, was mitunter zu einer Modifizierung der Bedeutung führt:

(131) *Pakopinėjau bites, radau godniai medaus* 'Ich habe etwas (ein wenig) gezeidelt, ich fand (aber) reichlich Honig' (Dauroniai — nach LKŽ, K). Denselben Belegsatz führt LKŽ VI, 348 — jedoch mit der Mundartangabe *Laz(d)ūnai* — an.

(132) *Šiandien iškopiau dvejas bites, o rytoj reiks kópti visos* 'Heute habe ich zwei Bienenvölker ganz ausgenommen, aber morgen werde ich alle ausnehmen' (Strumbagalvė — nach LKŽ, K);

(133) *Eisiu iškopsiu bites* 'Ich werde Honig ausnehmen gehen' (Lazdijai — nach LKŽ, K);

(134) *Šiandien kopsime bites. Nesenai dar tik iškopome bites* 'Heute werden wir Honig ausnehmen. Unlängst haben wir auch schon Honig ausgenommen' (Leipalingis — nach LKŽ, K). In den letzten beiden Beispielen unterscheiden sich die Bedeutungen von *kópti bites* und *iškópti bites* kaum.

Im «Lexikon Lithuanicum» aus der ersten Hälfte des 17. Jhs. ist bereits ein *iškopineti bites* mit der Bedeutung 'Honigbruch halten', d.h. 'Honig ausnehmen' bezeugt (LL, 228). Die Wendung *iškopinėti bites* hat die Bedeutung 'den Honig brechen' (Nesselmann 1851). In LKŽ IV, 84 wird das Phrasem *medų išimti* durch folgende synonymische Wendung wiedergegeben: *pažiūrėti, iškopinėti bites*. Also scheint auch hier der Bedeutungsunterschied zwischen *kopinėti bites* und *iškopinėti bites* minimal oder überhaupt nicht vorhanden zu sein. Das würde bedeuten, dass die hier betrachteten Derivate phraseologischer Wendungen sich dem Status von Varianten nähern.

Schließlich lässt sich im Litauischen auch eine Nominalisierung der Wendung *kopinėti bites* zu *bičių kopinėjimas* 'das Ausnehmen des Honigs; das Zeideln' beobachten. Hier liegt sicher die Entstehung eines eindeutigen Derivats zu einem bestimmten Ausgangsphrasem vor:

(135) *Kuomet prasideda jusų krašte medaus ėmimas iš avilio (meduėmis, bičių kopinėjimas, bitkopis)?* 'Wann fängt das Ausnehmen des Honigs aus dem Bienenstock (das Honigausnehmen, das Bienenbrechen, das Zeideln) an?' (aus Jablonskis Schriften, LKŽ VI, 347 und VII, 991)

Letztlich liegt wohl eine Univerbierung des Ausdrucks in folgendem Beispiel vor:

(136) *Ankstibas kopiniėjymas ira potogiausis* 'Das frühe Ausnehmen des Honigs ist am günstigsten' (Niezabitawski 1823, 43).

b) Lettisch

Die genaue Entsprechung zu lit. *bites kópti* lautet im Lettischen *bites kápt* 'Honig brechen, wo die Bienen in einem Baum nisten' (ME II, 193–194. Hier wird übrigens gesagt, dass *bites kápt* ebenso ursprünglich wie *mėdu kàpt* sein kann). Wie aus der Bedeutung zu ersehen ist, liegt ein alter Terminus der Waldimkerei vor, der sich auch als solcher erhalten hat. Dazu wird in ME, ibidem, noch die prosodische Variante *bites kâpt* 'vom Besteigen der Bienenstöcke in Bäumen' angeführt. Nach ME I, 301 heißt *bites kâpt* 'dravēt, zeideln' und in ME I, 493 wird es nochmals mit 'den Honig aus den Bienenstöcken ausnehmen, zeideln' semantisiert. Lett. *kâpt* bedeutet 'steigen, klettern' und entspricht lit. *kópti* (ME II, 193–194). Ähnlich wie in den entsprechenden litauischen und slawischen Wendungen liegt in lett. *bites kápt* 'zu den Bienen (auf den Baum) steigen, (um den Honig auszunehmen)', jetzt einfach 'zeideln' (Endzelin 1923,

434–435), syntaktisch der Akkusativ der Richtung vor, der nach seiner Meinung nach den Verba simplicia nur noch vereinzelt im Volkslied vorkommt. Hierfür bezieht sich Endzelin auf Beispiele wie lett. *Muora tiergu guoja* ‘Marie ging zum Markt’; lit. *kelliáusiu tólimą šaleį* (Juška LD, 271) ‘ich werde wandern (ins) ferne Land’. Häufiger steht der Richtungsakkusativ bei präfigierten Verben.

P. Rizga (1940, 339) schreibt: «Vārds << bites kāpt >> ir mūsu valodā palicis līdz šai dienai, kaut gan mums bites nav vairs jākāpj, jo stropi novietoti tuvu pie zemes. Senču dravnieku terminoloģija uzglabājusies arī citiem apzīmējumiem, tā, piem. modernos dēlu stropus vēl bieži sauc par bišu kokiem» ‘Der Ausdruck << bites kāpt >> ist in unserer Sprache bis auf den heutigen Tag erhalten, obwohl wir die Bienen nicht mehr erklettern, ihre Stöcke sind nahe der Erde aufgestellt. Die altväterliche Waldimkerterminologie ist auch für andere Bezeichnungen bewahrt, so z. B. werden die modernen Rahmen-Bienenstöcke noch immer häufig Bienenbäume genannt’. An dieser Stelle möchte ich auch ein Lemma aus Debkin 2005, vol. 1, 177, anführen, nämlich lett. *draggah* ‘zeideln. bienen besteigen’:

(137) *kas ta Masuma Meddus labbad nu thas bites ees draggah* ‘wer will um so wenig honigs willen die bienen besteigen’. Hier handelt es sich wohl um ein Sprichwort, wobei das deutsche *bienens besteigen* sicher ein lett. *bites kāpt* zur Vorlage hat, denn lett. *dragāt* weist die Bedeutungen ‘schmettern, schlagen’ (ME I, 488), nach Debkin aber ‘schinden, beschädigen, drängen, überwältigen’ auf. Schon bei Fürecker (FD: C 2000, I, 136) ist diese Parömie festgehalten, die er leicht abgewandelt zur obigen folgendermassen übersetzt: ‘wer wird des wenigen Honigs wegen nun gehen u. zeideln’.

Auch im Lettischen wird die altertümliche Konstruktion mit dem Richtungsakkusativ aufgegeben und es steht anstelle von *bites* die Form des Gen Pl: *bišu*; vgl. aus dem populären lettischen Wiegenlied «Aija žužu, lāču bērni»:

(138) ... *Tēvs aizgāja bišu kāpt // Aija žužu, // Māte ogas pelesitu // Žu-žu-žu...* ‘Der (Bären)vater ist weggegangen, um Honig auszunehmen (zu zeideln) // Aija žužu // Die (Bären)mutter, um Beeren zu sammeln // Žu-žu-žu’.

Eine Nominalisierung und somit ein Derivat zu *bites kāpt* konnte ich aus dem Altlettischen ermitteln. Es handelt sich um *Bittes-kahpschana* ‘Ausstoßen der Imme’ bei Georg Mancel. Vgl. den Artikel «Atvasinājumi ar izskaņu — šana G. Manceļa vārdnīcā» in: Zemzare 1961, 426. Mit dem *Ausstoßen der Imme* ist sicher der *Bienenbruch*, das *Entnehmen des Honigs aus dem Bienenstock* gemeint, der wie lett. *kāpšana* suggeriert, ursprünglich zu erklettern war, d. h. es handelt sich um den *Waldbienenstock* (oder die *Beute*). Es ist dies aus meiner Sicht das einzige Beispiel aus dem Altlettischen des 17. Jhs., in dem ein Terminus der Waldimkerei, der **kāp-* enthält, überliefert ist.

Die Wendung **apkāpt bites* perf. lässt sich auf Grund des folgenden Beispiels unter dem Lemma veralt. *apkāpt* (ME Ergbd. I, 90) mit der Bedeutung 'eine ganze Anzahl von Bienenstöcken) zeideln' rekonstruieren:

(139) *Visas bites nu ir apkāptas* 'Alle Bienenstöcke sind nun ausgenommen (gezeidelt)'. Das Beispiel ist von besonderem Interesse, weil es eine genaue lettische Entsprechung zu den bereits oben besprochenen lit. *bitės (ne) koptas*; aruss. *pčely (ne) laženy* und apoln. *pszczoły (nie)lazwy* darstellt. Als einziges unterschiedliches Moment ist auf die präfigierte Form des Verbs, von dem das Part Prät Pass abgeleitet ist, hinzuweisen.

Eine weitere präfigierte Bildung von **kāp-* liegt in lett. dial. veraltet *izkāpt bites* '(den Bienen) die Waben herausnehmen' (ME I, 749 sowie LLVV III, 557) vor. Ihm entspricht exakt lit. *iškopti bites*.

3. Komposita mit den Stämmen 'Bienen' & 'klettern' im Litauischen

Für das Slawische gelang es mir nicht, für die Wendung **laziti bčely* ein entsprechendes Kompositum zu ermitteln, im Litauischen liegt jedoch ein verzweigtes Wortnest vor, das im Ergebnis der Kondensierung (Univerbierung) der Wendung *kópti bitės* entstanden ist.

Ich gliedere die hierher gehörigen Beispiele nach ihrer Bedeutung und führe innerhalb der einzelnen Gruppen die Varianten nach dem Grad ihrer Veränderungen im Vergleich zu der einfachsten Form an.

a) *Nomina actionis*

In einer Reihe von Fällen beobachtet man hier bereits einen Übergang von der Bezeichnung der Handlung zum Resultat der Handlung. Man vgl. lit. *bitkopis* 'Honigbruch' (nach einem handschriftlichen Wörterbuch aus dem Jahre 1784. LKŽ, K); 'der Bienenbruch' (Mielcke 1800, I, 28 und F. Kurschat 1883, 49); *bitkopis, -io* mask. 'Ausnehmen des Honigs' (LKŽ I, 702); *bitkuopis* 'Ausnehmen des Honigs aus den Bienenstöcken'; *bitkuopys* mask. 'Ausnehmen des Honigs' (LKŽ, ibidem sowie Miežinis 1894). Zu *bitkuopis* vgl. den mundartlichen Beispielsatz:

(140) *Prašau ateiti ant bitkuopia* 'Ich bitte zum Honigausnehmen zu kommen' (Skirsnava — nach LKŽ, K). In diese Gruppe gehört noch die Variante lit. dial. *bitkaupis*, das wahrscheinlich nach Ausweis des Belegsatzes bereits die Bedeutung 'Honigertrag' hat, vgl.

(141) *Šimet bus geras bitkaupis* (LKŽ I, 702) 'In diesem Jahr wird ein guter Honigertrag sein'. Wahrscheinlich aus dem Žemaitischen stammt die Variante mit *-ē-* Stamm lit. dial. *bitkopė* fem. 'das Honigschneiden; das Ausnehmen des Honigs', vgl.

(142) *Apei bitkopė arba medaus išėmimą ir kuriuo laiku reik medų išimti arba drevėti* 'Über das Honigschneiden oder das Ausnehmen des Honigs und

zu welcher Zeit man den Honig ausnehmen oder zeideln muß' (aus Daukantas 1848, 65. Siehe auch LKŽ I, 702).

Es folgen Varianten, die im Erstglied den Stamm *bič-* (wahrscheinlich aus der Form des Gen Pl verallgemeinert) aufweisen: Lit. dial. *bičkopis* mask. = *bičkuopis* 'Ausnehmen des Honigs aus den Bienenstöcken':

(143) *Jų bičkopis šiandien, ims medų* 'Ihr Honigausnehmen (Ihre Honigernte) ist heute, sie werden Honig erhalten' (Palėvenė — nach LKŽ I, 659);

(144) *Ateik medaus, šiandie pas mus bičkuopis* 'Komm Honig (holen), heute ist bei uns Honigausnehmen' (Veliuona — nach LKŽ I, 659).

Es ist ferner ein *bičkoptis* bzw. *bičiakoptis* anzutreffen, vgl.

(145) *Pernai nekoks bičkoptis buvo, nedaug medaus radom* 'Im vergangenen Jahr war ein geringer Honigertrag, wir haben nicht viel Honig gefunden' (Anykščiai — ibidem);

(146) *Prašom, kai ateis vasara, į bičiakoptį medučio pavalgytų* 'Wir bitten, wenn der Sommer kommen wird, zum Honigausnehmen (zu kommen, um) etwas lieben Honig /Diminutivum/ zu essen' (aus Tumas-Vaižgantas, vgl. LKŽ I, 657).

b) Übergang der Nomina actionis zu den Nomina temporis

Hierher gehören lit. *bitkopis* und *bitkuopis* 'Zeit des Ausnehmens der Bienenstöcke':

(147) *Apie žolinę bitkopis, apie šilinę bulbkasis* 'Im Frühsommer ist die Zeit der Honigernte, im Herbst ist das Kartoffelroden' (Juška LS, 212. Vgl. noch LKŽ I, 702 und Sereiskis 1932, 93);

(148) *Bitkuopis tai kaip rugpiūtę — kada bites kuopinėja* 'Die Zeit des Honigausschneidens das ist im August, wenn die Bienen ausgenommen (gezeidelt) werden' (Griškabudis — nach LKŽ, K).

c) Nomina agentis

Hier fallen zwei Beispiele mit den bereits erwähnten Nomina actionis in ihrer Form zusammen und nur das dritte hat ein eigenes Bildungssuffix. Lit. *bitkopis*, *-pia* mask. und *bitkopė*, *-ės* fem. heißt 'der Bienenausnehmer, Bienenbrecher' bzw. 'die Bienenausnehmerin, Bienenbrecherin' (F. Kurschat 1883, 49); 'wer den Honig ausnimmt' (LKŽ I, 702), vgl.

(149) *Kas medų kopia, tas bitkopis* 'Wer Honig zeidelt, ist ein Bienenbrecher (Zeidler)' (Juška LS, 212);

Lit. dial. *bitkopyš*, *-ė* mask. und fem. 'wer Waldbienen ausnimmt' (F. Kurschat 1883, I, 239); 'qui mel ex alveari eximit' (Kossakowski 1832) tritt also ebenfalls als Nomen agentis auf.

Aus dem Žemaitischen ist ein Wort mit typischem Suffix des Handlungsträgers bekannt: *bitkopejs*. Vgl.

(150) ...*wadinamis buwo bittinikays o jû antwejazaj bitkopejs* '(sie) wurden Bienenzüchter und ihre Aufseher Waldimker genannt...' (Daukantas 1848).

c) Denominale verbale Bildungen

Das Nomen actionis *bitkopis* bildete wahrscheinlich die Ausgangsform für die sekundäre denominale Verbalableitung *bitkopauti* 'sich mit Bienenausnahmen beschäftigen' (F. Kurschat 1883, I, 49); 'Bienen erklettern' (F. Kurschat 1883, II, 239); 'die Bienen, den Honig brechen' (LKŽ, K); 'Honig aus den Bienenstöcken ausnehmen; Bienen züchten' (Sereiskis 1932, 93); 'Honig ausnehmen' (LKŽ I, 702). Dazu existiert wohl eine Variante mit langem *-ī-* im Erstglied, vgl. lit. *bytkopauju* 'ich nehme Honig aus; pszczoły podbieram' (LKŽ, K). F. Kurschat (1883, I, 239) gibt hier die Bedeutung 'Bienen brechen bei Waldbienen' an. Zu *bitkopauti* lautet das Verbalsubstantiv *bitkopavimas* 'das Ausnehmen der Bienen' (LKŽ I, 702).

In einer Textstelle aus Ivinskis' Kalender ist die Wendung *bitkopauti medu* enthalten, die eigentlich tautologischen Charakter trägt, denn bereits *bitkopauti* bedeutet 'Honig ausnehmen', vgl.

(151) ...*niekumet wasara ne bitkopaun medu, bet tiktai pawasari ...*'niemand nimmt den Honig im Hochsommer aus, sondern nur im Frühjahr' (52 m. Ivinskio Kalendorius, 31 — nach LKŽ, K).

4. Wendungen des Typs 'klettern' & 'Honig' im Ostbaltischen

a) Litauisch

Im Litauischen ist dieser Typ ebenfalls sehr verbreitet und es treten z.T. verschiedene Derivate dieser phraseologischen Wendung mit unterschiedlichen Präfixen in der verbalen Komponente auf, die gelegentlich die gleiche Bedeutung besitzen wie die Wendung mit dem Verbum simplex, d. h. auch hier sind fließende Übergänge zwischen den Derivaten und Varianten phraseologischer Wendungen zu beobachten.

Ich beginne die Darstellung mit der Wendung *kópti medų*, für die ich bereits weiter oben festgestellt hatte, dass Endzelin sie wohl gleich alt mit der Wendung *kópti bitės* einschätzte. Gleichzeitig sind diese Wendungen als synonymische zu betrachten. Vgl.

(152) *Eisime bičių kópti — medaus kópti* 'Gehen wir zeideln — Honig ausnehmen' (LKŽ, K);

(153) *Kóp medų, bites* 'Bienen nehmt den Honig aus, zeidelt' (J. Jablonskis — nach LKŽ, K). Ein ähnliches Beispiel führt Juška, LS, vyp. 3, 201–202, an: Lit. dial. (Alytus, Kvedarna) *Medų, bitis kópti* und *medų kópti* mit poln. *łaźbić* wiedergegeben. Die nominale Komponente kommt entweder in der wohl älteren Form des Akk Sg *medų* vor bzw. in der jüngeren Form des Genitivus partitivus *medaus*:

(154) *Jie šimet jau tretį kartą medų kopa* 'Sie nehmen in diesem Jahr schon das dritte Mal Honig aus' (Luksava — nach LKŽ, K), d.h. 'sie zeideln schon das dritte Mal';

(155) *Medaus kópti atėjau* 'Ich bin hergekommen, Honig auszunehmen (zu zeideln)' (Juška LS, vyp. 3, 201–202).

Zwei immer wieder zitierte Beispiele stammen aus den Schriften des Valančius, d. h. sie sind dem Žemaitischen zuzuordnen:

(156) ...*iszeje i kruma dreviesi ir ikilusi medaus kopti* (bei Valančius; auch Buga, RR, II, 63 sowie Juška LS, ibidem). Letztgenannter führt folgende Version des eben zitierten Beispielsatzes an: *Išėja į krūmą drevėse (bort') ir įkiluse medaus kopti*. Ich schlage folgende Übersetzung vor: ... (Er) ging in den Wald, (um) aus den Beuten und (natürlichen) Baumhöhlungen Honig auszunehmen (zu zeideln)';

(157) lit. dial. (žemaitisch) ...*buwa tuokart giriosi daug meszku; kurios nepadiedamas zmoniams ikilu tajsiti, giebieje bicziulautis ir kopti ikilusi medu* '...Es gab damals in den Wäldern viele Bären, die den Menschen nicht hilfreich waren (d. h. die hinderlich waren, störten), um Waldbienenbeuten anzulegen, um gemeinsame Bienenvölker zu besitzen und aus den (natürlichen) Baumhöhlungen Honig zu nehmen (zu zeideln)' (bei Valančius; Juška, LS, ibidem).

Der Bär als Zeidler (eigentlich als Honigräuber) tritt auch in folgendem Beleg auf:

(158) *Meška medų kopinėjo* 'Der Bär zeidelte (nahm räuberisch den Honig aus)' (Kudirkos Naumiestis — nach LKŽ VI, 348).

Ebenso wie bei den vorhergehenden alten Wendungen für 'zeideln', «Honig ausnehmen» beobachtet man auch hier, zum ersten, einen Ersatz durch eine neue Wendung, vgl. z. B. anstelle von *medų kopa, kopinėja* die jüngere Wendung *medų ima* (Balčikonis, K) «Honig ausnehmen = *otbirat' mēd*». Zum zweiten, kommt es auch zu einer Erweiterung der alten Konstruktion, vgl.

(159) *Aš kapu medų iš avilio* 'Ich nehme Honig aus dem Bienenstock aus' (Juška LS, 201–202). Hier und in anderen Beispielen ist der Terminus *kópti medų* bereits auf die Hausbienezucht übertragen worden. Man vgl. noch weiter unten Beispiel (183).

Auch mit dem frequentativen *kopinėti* konnte die Komponente *medus* in der bekannten Wendung verknüpft werden, vgl.

(160) ...*ataidawi...aplunkytu biczū ir kapinėdawi medu* '...sie pflegten zu kommen...die Bienen zu besuchen und den Honig auszunehmen (zu zeideln)' (Baranowski 1920, 66).

Unsere Kenntnisse über das litauische Phrasem *kopinėti medų* werden ergänzt durch einen mundartlichen Beleg, der allem Anschein nach ein Sprichwort (also ein Phraseotextem) darstellt, vgl.

(161) *Nēr medžių (mišky), nēr ir medų, nē ko kopinēt* 'Wo keine Bäume sind (kein Wald ist), dort ist auch kein Honig, dort ist nichts auszunehmen (zu zeideln)' (Armoniškės, Weißbrußland — nach LKŽ, K). Wie bereits die

Übersetzung zeigt, liegt nicht direkt die Wendung *kopinėti medų* vor, sondern nur der Gebrauch der Komponenten *medus* und *kopinėti* innerhalb eines engeren Kontextes, eben im Rahmen des Sprichwortes. Letzteres spiegelt eindeutig Verhältnisse wider, die auf die Waldimkerei zutreffen. Es liegt hier ausserdem ein Beispiel dafür vor, wie die verbale Komponente der entsprechenden Wendung selbständig verwendet werden konnte und dann die ganze Semantik 'Honig ausnehmen = zeideln' übernommen hat. Siehe weiter im Abschnitt, der auf Beispiel (191) folgt.

Das Phrasem *kópti medų* 'Waldbienenhonig ausnehmen; zeideln' kann auch in einer passivischen Konstruktion mit der sogenannten neutralen Form des Part Präs Pass auftreten, wobei eine Eigenart des Litauischen darin besteht, dass die nominale Komponente im Akkusativ oder partitiven Genitiv gebraucht wird, vgl.

(162) *Su geiniu iš drevių medų kopiama* 'Mit dem Zeidelstrick wird aus den Waldbienenstöcken (Beuten) Honig gewonnen (gezeidelt)' (Leipalingis — nach Grammatika 1985, 250). In der erwähnten Grammatik wird der Satz in russischer Sprache auf folgende Weise wiedergegeben: 'So stremjankami iz borti med dobyvajut (bukval'no: med dobyvaemo)'. Die Abkürzung der mundartlichen Lokalisierung (Lp = Leipalingis) lässt vermuten, dass die Autoren der Grammatik das Beispiel wohl aus der Zettelsammlung des LKŽ (also LKŽ, K) bezogen haben.

Zu *kópti medų* bzw. *kopinėti medų* existieren im Litauischen Nominalisierungen, vgl.

(163) *Prasidėjo medaus kopimo laikas...* 'Es begann die Zeit des Honigausnehmens...' (Aus der Zeitung «Jaunasis ūkininkas», 12, 1937, LKŽ VI, 347);

(164) *Medaus kopinėjimo metu jis dosniai vaišino visus* 'Während der Zeit des Honigausnehmens (Zeidelns) bewirtete er alle freigebig' (aus Werken von Cvirka — nach LKŽ, K).

Wie bereits erwähnt, liegen auch im Falle der Wendung *kópti medų* eine Anzahl von Derivaten (eventuell auch Varianten) vor, die präfigierte verbale Komponenten haben, vgl. z. B. *prikópti medaus*:

(165) *Prikopiau medaus indus kurie mano buvo, ir iš svetimų dar pasikolijau* 'Ich habe Gefässe (voller) Honig ausgenommen, die mir gehörten, und auch noch weitere habe ich mir bei Fremden ausgeborgt' (LKŽ, K).

Es kommt des weiteren *iškópti medų* bzw. *iškopinėti medų* vor:

(166) *Eik pas bites ir iškopk medų* 'Geh zu den Bienen und nimm den Honig aus' (Merkinė — nach LKŽ, K);

(167) *Medų iškópti, vakar bitis kópem* 'Honig ausnehmen, gestern zeideln wir' (aus den Werken von J. Žemaitė — nach LKŽ, K);

(168) *Iškopė medų iš drevės* 'Er (Sie) hat Honig aus dem Waldbienenstock ausgenommen' (LKŽ II, 2. Aufl., 692). Hier stimmt das Präfix *iš-* in *iškopė* mit der Präposition *iš* in der Präpositionalgruppe *iš drevės* überein.

Einen Beleg kann ich für die Wendung beibringen, die das Reflexivverb *išsikopti* enthält:

(169) ...*išsikopsime medų* '... wir werden uns (für uns) Honig ausnehmen' (Šlapelis 1921, wo hierfür die Bedeutung 'vybrat' *sebe mēd* 'gegeben wird — nach LKŽ, K).

Das Präfix *iš-* tritt auch an den Stamm des Verbum frequentativum *kopinėti*, sodass auch die Wendung *iškopinėti medų* belegt ist, vgl.

(170) *Visą medų iškopinėjo* 'Den ganzen Honig hat er (sie) ausgenommen' (Daukšiai — nach LKŽ, K);

(171) ...*yr kad galetuse nukielus bytes medų yszkopinieti* '...und wenn wir nach dem Öffnen den Honig der Bienen ausnehmen können' (Zetegasas 1848, 44).

Schließlich tritt die hier behandelte Wendung auch mit der reflexivischen verbalen Komponente *susikopinėti* auf, vgl.

(172) *Kad gaspadorius...Rudenije Medaus tikt saw ant wiso Meto susikopinėja. tai ir jau labay geray* 'Wenn der Herr...im Herbst nur für sich auf das ganze Jahr den Honig ausgenommen hat, so ist das schon sehr gut' (Radžiunas 1882, 10 — nach LKŽ, K. Man vgl. noch LKŽ VI, 348 mit Bezug auf Daukantas).

Die Wendung *kópti medų* bzw. *kopinėti medų* hat in Kontexten, in denen als Subjekt die Biene (*bite*) auftritt, die Bedeutung 'sammeln'. Hier tritt sehr deutlich der idiomatische Charakter der Wendungen hervor, denn es kommt nur zur Bedeutungsverschiebung 'Honig ausnehmen; zeideln' zu 'Honig sammeln', d.h. zur Übertragung einer Tätigkeit des Menschen (des Waldimkers) auf das Insekt (die Biene). Vgl.

(173) */Bitės/ po žiedus:...kopė medus (medų)* 'Die Bienen sammelten von den Blüten den Honig' (LKŽ, K und LKŽ VI, 353);

(174) *Bitė medų kopia* 'Die Biene sammelt Honig' (LKŽ, K);

(175) *Bitutė po laukelį medų kopinėjo. / O mergelė pas bernelį praudos klausinėjo* 'Die Biene (Dim.) sammelte auf der Wiese (Dim.) Honig, / Das Mägdlein aber fragte beim Burschen nach der Wahrheit' (Linkuva — nach LKŽ, K. Man vgl. noch LKŽ VI, 348).

Wahrscheinlich stellt das folgende Beispiel eine Variante der ersten Zeile des soeben zitierten litauischen Volksliedes dar, vgl.

(176) *Žalioji laukelej bitele medų kopinėjo* 'Auf der grünen Wiese (Dem.) sammelte die Biene (Dem.) Honig' (LKŽ, K).

b) Lettisch

Für die dem lit. *kópti medu* entsprechende Wendung im Lettischen verfüge ich über nur wenige Beispiele. Sie sind aber umso wertvoller, da sie noch unmittelbar mit der Waldimkerei in Zusammenhang stehen. Vgl. lett. dial. veraltet *među kápt* 'Honig brechen, wo die Bienen in einem Baume nisten' (ME II, 193–194. — Hier wird auch vermerkt, dass *bites kápt* /vom Besteigen der Bienenstöcke in Bäumen/ ebenso ursprünglich sein kann wie *medu kápt*). Es kommt auch ein *izkápt medus* 'die Waben herausnehmen, den Honig erlangen' vor, vgl.

(177) *Kas nebij slinks ievilkta kādu stropu koka galotnē, vasaras beigās izkāpa pa pieci podi medus* 'Wer nicht faul war, irgendeinen Bienenstock in den Baumwipfel zu ziehen (es handelt sich wohl um eine Klotzbeute, die in den Bäumen angebracht wurde — R.E.), der nahm am Sommerende fünf Töpfe Honig heraus' (aus Upīts' Werken, XV, 207 — nach LLVV III, 557). Der alte Akk (*medu*) ist hier einer normalisierten Form mit dem Gen (*medus*) gewichen. Auch in der wissenschaftlichen Literatur ist mir ein Beispiel für lett. *izkāpt medu* begegnet, vgl.

(178) *Rudeni, kad «izkapa» medu, to sadalīja līdzīgās daļās starp visiem dalībniekiem* 'Im Herbst, wenn man den Honig «zeidelt», teilt man ihn zu gleichen Teilen unter allen Beteiligten' (Rizga 1940, 338).

5. Wendungen des Typs 'klettern' & 'Waldbienenstock' im Litauischen

Für das slawische Phrasem **laziti bърть* tritt als einzige Entsprechung im Baltischen die litauische Wendung *kopinėti drevės* in Erscheinung. Entsprechende lettische Materialien konnte ich bisher nicht ausfindig machen. Das litauische Phrasem ist durch zwei Belege aus der Volksliedersammlung von A. Juška bezeugt und zwar handelt es sich um ein Jägerlied (*medžiotojų daina*). Vgl.

(179) <i>Vaikščioj, vaikščioj lokė</i>	'Die Bärin spazierte, spazierte
<i>Pūstynėms, pustynėms,</i>	Im Ödland, im Ödland (hin und her),
<i>Klostė sau patalą</i>	Sie bereitete ein Lager
<i>Laužyne, laužyne;</i>	Im Gehölz, im Gehölz;
<i>Jai nečestis ir patiko,</i>	Und es geschah ihr Unglück,
<i>Naktį pėdas neužsnigo,</i>	Nachts wurde ihre Fährte nicht verschneit
<i>Pėdsaks ir paliko.</i>	Und die Spur ist geblieben'
<i>Ein medlinčius rytą</i>	'Es geht ein Jägersmann am Morgen
<i>Nedėlios, nedėlios,</i>	Des Sonntags, des Sonntags,
<i>Randa pėdas eitas,</i>	Er findet die getretene Fährte,
<i>Dyvojos, dyvojos:</i>	Er staunte sehr, er staunte sehr:
<i>Bene toji bičiulienė,</i>	Ist es nicht die Frau Zeidlerin,
<i>Kuri drevės kopinėjo</i>	Die Waldbienenstöcke ausnahm
<i>Pėtnyčoj, pėtnyčoj?</i>	Am Freitag, am Freitag?'

(Juška LD II, Nr. 965, 784)

Das Wort *bičiulienė* 'Freundin' (aus 'Frau, mit der man gemeinsam Bienen besitzt') ist hier Euphemismus für *lokė* 'Bärin'.

Auch der zweite Beleg stammt aus derselben Liedersammlung und stellt wohl eine Variante des angeführten Volksliedes dar:

- (180) *Vaikščioji, vaikščioji lokys...* 'Es ging, ging der Bär (hin und her)...
Ein šaudiklis anksti... Es geht ein Jäger in der Frühe...
Tai vis mūsų bičiulaitis, Das ist doch unser Freund (Zeidler)
gewesen
Kuris drevės kopinėjo Der Waldbienenstöcke ausgenommen hat
Pėtnyčioj, pėtničioj Am Freitag, am Freitag'

(Juška LD I, Nr. 410. Vgl. noch Juška LS, vyp. 3, 201, wo auch die Nominalisierung *Medaus kopinėtiė* 'die Herausnahme (Entnahme) des Honigs' angeführt wird).

Die Bedeutung von *kopinėti drevės* beschreibt K. Būga wie folgt: 'Honig aus den Waldbienenstöcken ausnehmen' (eigentlich 'klettern') (Būga RR, I, 327). Er setzt diese Wendung hinsichtlich ihrer Semantik mit lit. dial. (Salantai) *drevėti* 'Honig aus den Waldbienenstöcken ausnehmen; beuten' gleich.

Ein *drevės kopinėjo* 'nahm eine Waldbienenbeute aus (zeidelte eine Beute)' (LKŽ VI, 348) ist im Litauischen Akademie-Wörterbuch bezeugt.

In der Schrift über die Bienezucht von Zetegastas aus der Mitte des 19. Jhs. ist eine hybride balto-slawische Wendung enthalten:

(181) *apej kopiniejiymo bareziu* (Zetegastas 1848, 60). Es ist eine Nominalisierung der Wendung *kopinėti drevės*, allerdings mit der Besonderheit, dass nur das Verbalsubstantiv litauisch ist, während das Zweitglied eine Entlehnung aus dem Slawischen, sicher aus dem Polnischen (vgl. *barć* 'Waldbienenstock'), darstellt. Das Beispiel ist deshalb von besonderem Interesse, weil es die Stabilität des Verknüpfungstyps der Lexeme im Phraseologismus deutlich erkennen lässt und zeigt, dass die lexikalische Füllung dieses strukturell-semantischen Schemas sogar aus zwei verschiedenen Sprachgruppen, nämlich dem Baltischen (Litauischen) und Slawischen (Polnischen) erfolgen konnte. Es muss jedoch einschränkend gesagt werden, dass es sich bei dieser hybriden Wendung um einen Beleg aus der Autorensprache einer populärwissenschaftlichen Arbeit handelt.

Freie Wortfügungen mit den Lexemen *kópti*, *ikópti* und *dravė*, die einmal den Hintergrund für die verfestigten Wendungen des Typs *kopinėti drevės* abgegeben haben, liegen in folgenden Fällen vor: lit. dial. (Marcinkonys) *kopć dravėn* (LKŽ, K) 'klettere zum Waldbienenstock!' und in lit. *ikópau dravėn* (LKŽ, K) 'klettere zum Waldbienenstock'.

6. Ostbaltische Wendungen des Typs 'beuten' & 'Honig'

Im Litauischen und Lettischen werden von den Bezeichnungen für den Waldbienenstock, die Beute, lit. *drevė, dravė*; lett. *drave, drava*, die entsprechenden Verben abgeleitet: lit. *drevėti, išdrevėti* und lett. *dravēt*, die zusammen mit der alten Honigbezeichnung *medus* feste Wendungen bilden. Wenngleich das Beispielmaterial karg ist, so zeigen zum einen die litauisch-lettische Entsprechung und zum anderen die noch zu erläuternde ostbaltisch-sorbische Entsprechung, dass es sich um ziemlich alte Wendungen handeln kann. Der Typ an sich ist auch lehrreich, denn er beweist, wie aus dem vorhandenen, begrenzten Repertoire von Lexemen eine größere Anzahl gleichbedeutender fester Wendungen (Phraseme) sich herausbildete.

Die litauische Wendung *drevėti medų* ist als solche nicht erkannt worden und selbst im Litauischen Akademie-Wörterbuch steht sie unter dem Verb *drevėti* (auch *drėvėti*), dessen zweite Bedeutung mit 'kopti medų iš drevės', d. h. 'Honig aus den Waldbienenstöcken ausnehmen (= zeideln)' umschrieben wird. Vgl.

(182) *Apei Mikolą, kad bitės paliaun perėti ir siūti, tai tad tikras čėsas yra medų drevėti* 'Um Michaelis, wenn die Bienen aufhören zu brüten und Waben zu bauen, dann ist es die rechte Zeit, den Honig zu beuten (d.h. den Honig auszunehmen = zu zeideln)' (LKŽ II, 2. Aufl., 692. Es könnte sein, dass es sich um eine žemaitische Wendung handelt, denn der Textbeleg stammt aus S. Daukantas).

Auch bei Zetegas (1848, 65) findet sich folgender interessanter Textbeleg:

(183) *Prasciausije bittiu gaspadorej rudini drewie medu bittims* 'Die schlechtesten Bienenwirte beuten im Herbst den Honig von den Bienen'.

Die Wendung *išdrevėti medų* kommt auch bei Zetegas vor:

(184) *Bet kou tada tokij bitinikaj rand sawo aviluse, korietajp ankstij medu iszdrewie?* 'Aber was finden solche Imker in ihren Bienenstöcken, aus denen sie so zeitig den Honig gebeutet haben?' (Zetegas 1848, 66).

Auch im Lettischen habe ich die entsprechende feste Wendung gefunden, obgleich sie auch hier nicht als solche hervorgehoben war. Es handelt sich um lett. *dravēt medu*, für das im vorzüglichen Wörterbuch von Mühlenbach/Endzelin zwei Bedeutungen angeführt werden: 1) 'einen Waldbienenstock aushöhlen' (diese Bedeutung verbindet das Phrasem mit dem Systemfragment III (siehe Teil II).

und 2) 'den Honig aus den Bienenstöcken ausnehmen, zeideln', wobei m. E. allein schon die Komponente *dravēt* darauf hinweist, das erst einmal die Waldbienenstöcke gemeint waren. Bei ME werden zu dieser Bedeutung die synonymischen Wendungen *bites dravēt* bzw. *bites kāpt* hinzugefügt. Als einzigen Beleg kann ich nur folgenden anführen:

(185) *Bišu guodu te svin, kad među dravē* ‘Man feiert hier das Fest des Honigbrechens, wenn Honig gezeidelt wird’ (ME I, 493). Nach ME I, 691, ist *bišu guods* ‘das Fest des Honigbrechens’.

In ihrer semantischen Struktur entspricht diesen ostbaltischen Wendungen recht genau os. *džědźić měd* ‘Honig ausnehmen; zeideln’, eigentlich: ‘Honig beuten’. Die beiden ostbaltischen Wendungen (lit. *drevėti medų*, lett. *dravēt među*) und das obersorbische Phrasem *džědźić měd* ‘Honig ausnehmen, zeideln’ weisen als gemeinsame Komponente die Bezeichnung des Honigs auf (lit. *medūs*, lett. *mėdus* und os. *měd*), während die verbale Komponente auf unterschiedliche Weise mit der Bezeichnung des Waldbienenstocks (im Ostbaltischen) bzw. mit dem Anlegen der Beuten in Verbindung steht (siehe Systemfragment III, Teil II).

7. Eine lettische Wendung des Typs ‘beuten’ & ‘Bienen’

Dem unübertroffenen lettisch-deutschen Wörterbuch von K. Mühlenbach und J. Endzelin habe ich auch das Phrasem *bites dravēt* ‘den Honig aus den Bienenstöcken ausnehmen, zeideln’ (ME I, 301; 493) zu verdanken. Leider besitze ich dazu kein Satzbeispiel. Auf Grund der großen Verlässlichkeit des angeführten Wörterbuches ist jedoch meines Erachtens an der Existenz der Wendung *bites dravēt* nicht zu zweifeln. Man könnte die Bedeutung der Wendung in konsequenter Fortsetzung meiner Beschreibung auch wie folgt wiedergeben: ‘Bienen beuten’.

Auch hier bietet sich als exakte semantisch-strukturelle Entsprechung im Slawischen der obersorbische Phraseologismus *džědźić pčoly* ‘Honig ausnehmen, zeideln’ an. Auch für die Semantisierung dieser Wendung könnte man ‘Bienen beuten’ anbieten. Diese sorbisch-lettischen Übereinstimmungen in den letzten beiden Abschnitten bewahren uns m.E. vor der voreiligen Annahme eines deutschen Einflusses auf das Sorbische in diesem Falle, wenn man an dtsh. *Honig beuten, Bienen beuten, Honigbeute, Bienenbeute* denkt. Der Annahme, dass auch die lettischen Wendungen deutschem Einfluß zuzuschreiben wären, steht das litauische Beispiel *drevėti medų* entgegen, sowie Überlegungen, die das ganze System der Terminologie der Waldimkerei im Baltischen und Slawischen betreffen.

8. Die litauische Wendung des Typs ‘klettern’ & ‘Bienenstock’

Ähnlich der russischen dialektalen Wendung *podlaživat’ ulej* ‘Honig aus dem Bienenstock herausschneiden, ausnehmen’ ist auch für das Litauische ein Phrasem *iškópti (iškopinėti) avilį* bekannt, das wohl ebenfalls die Bedeutung ‘Honig ausnehmen (aus dem Bienenstock) hat, vgl.

(186) *Avilį iškopinėję (iškopę), bites papenėkit kystu sirupu (siropu)* ‘Nachdem der Honig (aus dem Bienenstock) ausgenommen ist, füttert

(Imperativ) die Bienen mit flüssigem Sirup' (aus den Schriften von J. Jablonskis, Bd. V, 161 — nach LKŽ, K. Siehe noch LKŽ VI, 348). Das Beispiel bezieht sich eindeutig bereits auf die Hof- und Gartenbienenwirtschaft, zeigt aber durch das Element *kop-* seinen Ursprung in der Waldimkerterminologie.

Hierher gehört noch folgender Beleg:

(187) *Aš kapū medū iš avilio* 'Ich nehme Honig aus dem Bienenstock aus' (Jablonskis, LKŽ VI, 353). Das gleichlautende Beispiel oben unter (159) habe ich aus einer anderen Quelle bezogen. Zu diesem Verbalphrasem ist noch eine Ableitung vorhanden, vgl.

(188) *Laisvės Alėja... vakarais tikras kopinėjamas avilys* 'Die Allee der Freiheit... gleicht an den Abenden einem Bienenstock, der ausgenommen wird' (aus «Naujas žodis», Nr. 20, 1929 — nach LKŽ, K.; vgl. noch LKŽ VI, 348), wo noch auf den übertragenen Gebrauch durch den Hinweis 'summen, rauschen' aufmerksam gemacht wird). Für beide Beispiele ist charakteristisch, dass sie nicht aus der Volkssprache, sondern aus der Publizistik bzw. aus dem populärwissenschaftlichen Stil stammen. Mit dieser zweifellos jüngeren und sekundären Wendung ist meine Darstellung des phraseologischen Materials und der entsprechenden Komposita erschöpft.

II. Die (nicht zusammengesetzten) Einwortlexeme

Da im vorhergehenden Kapitel die Wendungen und Komposita bereits behandelt wurden, steht nur noch die Beschreibung der nicht zusammengesetzten Einwortlexeme der Terminologie der Waldimkerei aus, die von der Wurzel lit. *-kop-*, lett. *-kāp-* 'klettern' abgeleitet sind. Ihre Zahl ist nicht sehr groß und sie stehen natürlich mit den bereits behandelten Wendungen in engem Zusammenhang, ja in einer Reihe von Fällen kann angenommen werden, dass sie sogar aus Wendungen durch elliptische Weglassung einer Komponente (Univerbierung) entstanden sind.

1. Die Ableitungen von der Wurzel *kop-* im Litauischen

Lit. *kópti* hat eigentlich die Bedeutung 'steigen, klettern, vgl.

(189) *Vaikas kopa į medį* 'Der Knabe (das Kind) klettert auf den Baum' (Merkinė — nach LKŽ, K). Das entsprechende frequentative Verb *kopinėti* heißt 'fortgesetzt auf- und nieder-, hin- und herklettern' (F. Kurschat 1883, 196). Der Autor vermerkt hier noch, dass *kopinėti* in Preußisch-Litauen wenig bekannt sei und man dort eher *lipinėti*, von *lipti* 'steigen, klettern' abgeleitet, sagt. (Siehe für letzteres 'hin- und herklettern, herumsteigen' *medžiais* 'in Bäumen': A. Kurschat 1968–1973, II, 1330). Zu *kopinėti* vgl.

(190) *Ko jus po tuos medžius be reikalo kopinėjot* 'Was klettert ihr ohne Grund in jenen Bäumen herum?' (Veiveriai — nach KLŽ, K).

Ebenso bedeutet lett. *kāpt* 'steigen, aufsteigen; klettern', vgl.

(191) *kapt kokā* 'auf einen Baum klettern (steigen)' (LVV 1980, 333).

Im Folgenden gehe ich nur auf jene Ableitungen von lit. *-kop-* bzw. lett. *-kāp-* ein, die Termini der Waldimkerei darstellen oder mit ihnen zusammenhängen, vgl. lit. *kopinėju* 'ich steige oft herauf, breche Bienen' (Mielcke 1800, 126); 1. 'ich steige herum, oft' 2. 'ich breche die Bienen' (Ruhig 1747, I, 65); 'ausnehmen (den Honig aus dem Bienenstock)' (Sereiskis 1932, 413). Auch in folgendem Textausschnitt hat *kopinėti* diese Bedeutung:

(192) *Ir del to kad kopiniesym: auli reykia ing užunksnia parkielti* 'Und deshalb, wenn wir Honig ausnehmen werden: (dann) ist der Bienenstock in den Schatten zu stellen' (Niezabitawski 1823, 43). Wahrscheinlich steht hier *kopinėti* verkürzt für *kopinėti bitės* oder *kopinėti medų*. Auch bei Zetegas-tas kommt ein solcher Gebrauch vor und zwar hier die Nominalisierung von *iškopinėti* — *iškopinėjimas*:

(193) *O po yszkopiniejsymo* 'Und nach dem Ausnehmen des Honigs...' (Zetegas-tas 1848, 61). Im populärwissenschaftlichen Text der «Litauischen Enzyklopädie» wird das Wort *atkopti* verwendet, das hier soviel wie 'bezeideln; Honig ausnehmen' bedeutet:

(194) 1587 *Golovinas, Berženy v. bajoras, turėjo vieno tik bičiulinių (duodamų bajoro ar valstiečo priežiūrai, apeiti, apkopti, už pusę ar trečdaliį viso per metus gaunamojo medaus) bičių 47 kelmus...* 'Golovinas, der Bojare vom Amtsbezirk Berženai, besaß 1587 allein an gemeinsamen Bienenvölkern (d. h. solchen, die dem Bojaren bzw. den Bauern zur Aufsicht, Pflege und zum Bezeideln für die Hälfte oder ein Drittel des ganzen Honigertrages pro Jahr gegeben wurden) 47 Stöcke' (LE III, 1289).

2. Die Ableitungen von der Wurzel *kap-* im Lettischen

Für die lettische Sprache lassen sich auch nur wenige Beispiele des Gebrauches von Einwortlexemen, die von der Wurzel *kāp-* abgeleitet sind, anführen. In der wissenschaftlichen Darstellung von Rizga über die Bienenzucht kommt zwei Mal das Verbalsubstantiv *kāpšana* 'das Zeideln; das Ausnehmen des Honigs aus dem Waldbienenstock' vor. Vgl.

(195) *Kāpšanai uzkarināts dzeinis* 'Ein zum Honigausnehmen aus der Beute aufgehängter Zeidelstrick' (Rizga 1940, 165);

(196) *Virves cilpas kāpšanai bišu koks* 'Schlingen eines Strickes zum Zeideln des Bienenbaumes' (Ibidem, 340).

Als einen letzten Beleg kann ich noch lett. volksspr. veralt. *izkāpt* 'die Waben herausnehmen, den Honig erlangen' anführen. Vgl.

(197) *Krauklišu tēva tēvs reiz vakarā uzrāpies ar bļodu un dūci kaimiņa ozolā pie bitēm, gribēdams tās slepen izkāpt...* 'Der Vater des Vaters von Krauklitis ist einmal am Abend mit einer großen Schüssel und einem Schlachtermesser in die Eiche des Nachbarn zu den Bienen hinaufgeklettert, da er sie heimlich ausnehmen (zeideln) wollte' (Apsišu, J. II, 32 nach LLVV III, 557).

Das Studium der Einwortlexeme ergab auch hier, dass sehr enge Beziehungen zwischen ihnen und den semantisch entsprechenden Wendungen bestanden, die auch sonst aus dem engen Verhältnis von Lexik und Phraseologie bekannt sind.

C. SYSTEMFRAGMENT II : Das Plündern (räuberische, diebische und zerstörerische Ausnahmen) von Waldbienenstöcken (bzw. ihre unsachgemäße Behandlung)³

Allgemeines

Da Honig und Wachs sehr begehrte und einträgliche Waren darstellten und zwar zu Zeiten, als Honig das einzige Süßungsmittel von Speisen und Getränken war und Wachs für die Kerzenherstellung größte Bedeutung besaß, kam es nicht selten vor, dass die Waldbienenstöcke (Beuten) von Dieben und Räubern heimgesucht wurden, d.h. Honig und Wachs eigneten sich Personen an, die weder Besitzer der Beuten, noch von diesen mit der Bewirtschaftung der Zeidelweiden beauftragt waren. Dabei wurden häufig die Waldbienenschwärme dezimiert, ja vernichtet und die Beuten beschädigt, die Zeidlerzeichen (russ. znamena) liquidiert und durch neue ersetzt. Diese räuberischen Akte wurden natürlich verfolgt und hart bestraft. Sie bildeten einen zentralen Tatbestand im Zeidlerrecht. Es muss jedoch einschränkend darauf verwiesen werden, das hierher auch die Fälle gestellt werden, in denen es sich nicht um eine ungesetzliche Aneignung von Honig und Wachs handelte, sondern die Stöcke der Waldbienen nur unsachgemäß behandelt wurden, d.h. beim Ausnehmen wurden die Honignester zerstört, was natürlich sehr negative Folgen für die Schwärme der Waldbienen und ihren Fortbestand hatte. Somit ist hierher wohl auch die z.T. sehr frühe, primitive Aneignung des Honigs der wilden Waldbienen zu stellen, die wohl teilweise auch noch in Zeiten praktiziert wurde, als die primitive Sammelwirtschaft bereits einer gezielten, die Schwärme schonenden Bewirtschaftung durch Waldbienenbeuten gewichen war, die mit der künstlichen Anlegung derselben (und natürlich enormen Vergrößerung ihrer Anzahl) einherging.

Sprachlich ist von großer Bedeutung, dass dieses Ausplündern der Waldbienenbeuten mit ganz bestimmten phraseologischen Wendungen (und Lexemen) bezeichnet wurde, die in enger Korrespondenz zu den in SYSTEMFRAGMENT I (Ausnahmen der Beuten durch den Waldimker) beschriebenen standen. Ausgehend davon erfolgt die Gliederung des anstehenden Materials.

³ Bedeutende Teile dieses Kapitels habe ich in einem Aufsatz dargestellt, der in russischer Sprache erschien, s. Ékkert 1979, 533–540. Hier erfolgt eine deutsche Fassung, die erweitert und aktualisiert worden ist.

A. Das slawische Material

I. **dybrati* (resp. *vydybrati*) *bьčely*

Ich beginne mit einem Beispiel aus den Mundarten des Poles'je, in dem die Wendung *drat' pčoly* folgende Bedeutung besitzt: 'den Honig entnehmen, indem man das Bienennest zerstört', vgl.

(198) *Čolovék moj d'jor pčoly i zabirav méd* 'Mein Arbeiter (Mann) hat Honig ausgenommen, wobei die Bienennester zerstört wurden' (Anochina & Nikončuk 1968, 330).

In den alt- und mittlerrussischen Sprachdenkmälern und Schriften des 13. bis 17. Jhs. und darüber hinaus bis ins 18. Jh. habe ich 15 Beispiele dieser Art gefunden, von denen ich 10 im Folgenden anführe. Die meisten von ihnen stammen aus der Kartothek des DRS (Signum: DRS, K), nämlich alle, die nicht besonders gekennzeichnet sind:

(199) altruss. *Aže bortь. podьtnetь. to 4 prodaže, za derevo polь grvně. aže bčely vyderetь* 'Wenn (jemand einen Baum mit einem) Waldbienenstock fällt, so hat er 4 (Grivna) Strafgeld (zu bezahlen), für den Baum eine halbe Grivna, wenn er den Bienenstock ausplündert' (SRJ XI–XIV. T. II, 241);

(200) altruss. ...*Aže pčely vyderetь, to 3 griv(ny) prodaži, a za medь, aže budetь pčely ne laženy, to 10 kunь* '...wer aber die Bienen herausreißt, (bezahlt) 4 Grivna Strafe, aber für den Honig, wenn die Bienen noch nicht ausgenommen sind, so 10 Kuna' (Pravda Rus., 112, XIV v. ∞ 1282 g. nach: SRJ XI–XVII, vyp. 3, 199). Für aruss. *vydrati pčely* wird hier die Bedeutung 'das in einer Waldbienenbeute oder in einem Bienenstock Enthaltene stehlen' gegeben;

(201) mross. ...*i oni ich (sojuzniki Velikogo Moskovskogo knjazja obizajut Mcenskich bojar) samichь eščo imajutь i v tjurmy sažajut... I derevo bortnoe kazjatь i pčely derutь* (1498) 'aber sie (die Verbündeten des Großfürsten beleidigen die Bojaren aus Mcensk) fangen sie selbst und setzen sie in die Gefängnisse... Und den Waldbienenbaum beschädigen (sie) und die Bienen reißen (sie) heraus (d.h. die Waldbienenstöcke nehmen sie räuberisch aus)';

(202) mross. ... *Petruška Klimovъ da Ondrosko Zaniň u starodubca u Vaski Ustinova vydrali 10 pčely nelaženoj...* (1550) '...Petruška Klimov und Ondrosko Zaniň haben bei Vaska Ustinov aus Starodubec 10 Waldbienenstöcke, die noch nicht ausgenommen (geerntet) waren, geplündert';

(203) mross. ...*na kuznecěchъ na filkě Ostapově da na Ofonkě Ivanově monastyrskie peni, čto pčely vydrali, vzjato dva rubli...* (1593–1607) '...den Schmieden Filka Ostapov und Ofonka Ivanov wurden Strafen des Klosters auferlegt, da sie Bienenstöcke ausgeraubt hatten, (und zwar) zwei Rubel wurden genommen...';

(204) mruss. ... *Въ 6 день взято на Ignatъevskich krestъjanech na Partheně i Semenově syně, da na Selujaně, da na Michajlě na Omelъjanovych dětech, da na Ivaně na Ōedorově syně peni dva rubli, čto oně posěkli monostyrъskoj dubъ so pčelami i vydrali* (1593–1607) ‘... Am 6. Tag wurden den Ignat’evsker Bauern, dem Parfen und dem Sohne von Semën sowie dem Selujan und dem Michajl und den Kindern des Omel’jan sowie dem Ivan, dem Sohne des Fedor, Strafen (im Ausmaß von) zwei Rubel auferlegt, weil sie eine Eiche des Klosters gefällt hatten, die eine Bienenbeute enthielt und sie ausgeplündert hatten’;

(205) mruss. ... *vydral on Baris u menja cholopa tvoeg<o> pčely pjatery* ‘... Er, der Boris, hat bei mir, deinem Leibeigenen, fünf Bienenstöcke ausgeplündert’ (1653 — nach SRJ XI–XVII, vyp. 3, 199). In den Beispielen (202) und (205) sind mit der Komponente **bъčela* Numeralia verknüpft, d.h. in ihrer Entstehung sind die phraseologischen Wendungen auf Wortverbindungen des Typs «*x*» & *bъčela* & *dyrati* zurückzuführen, wobei dieses **bъčela* ursprünglich die Bedeutung ‘Waldbienenschwarm’ hatte;

(206) mruss. ... *ukralъ u nego žiluju bortъ i volozilъ medъ i pčely vydral* ‘... er stahl von ihm eine lebendige (d.h. mit Waldbienen besetzte) Beute und nahm den Honig aus und hat den Waldbienenstock geplündert und zerstört’ (1675 — nach SDR, K). In diesem Beispiel fasse ich *volozilъ medъ* als verderbt für *vylazilъ medъ* auf mit der Bedeutung ‘Waldbienenhonig ausnehmen, gewinnen’ (Dazu siehe unter Beispiel (14); sowie die mittlerruss. (bzw. westruss.) Beispiele *pčely nalazeny, neloženyja* (*pčely*) und Beispiel (49). In einer Reihe von Fällen ist auch die Partizipialkonstruktion *pčely vydrany* anzutreffen.

Aus dem Russischen des 18. Jhs. stammen die folgenden Beispiele:

(207) ... *Oni že kazaki... vsjakuju rybu lovjat i v lesach bortnye ugodъja so pčelami i vsjakoj choromnoj les rubjat i zveri lovjat i pčely derut i skotinu vsjakuju v te lesa, gde byvaet zverinaja lovlja, puskajut. Da v prošlom že 1700-m godu porubili v lesach i vydrali roev z 20 i bolъši* (1703) ‘... Die Kosaken aber... fangen allerlei Fisch und in den Wäldern die Zeidelgründe mit den Bienen (betreten sie — ist wohl zu ergänzen — R.E.) und allerlei als Bauholz (nützlichen) Wald fällen sie und Tiere fangen sie und Bienen (beuten) plündern sie und allerlei Vieh lassen sie in die Wälder, wo Jagdgründe sind. Ja und im vergangenen Jahre 1700 fällten sie im Wald (Bäume) und plünderten an die 20 (Bienen)schwärme und mehr’. Hier liegt bereits die Variante *vydrati roj* mit der Bedeutung ‘Waldbienenschwärme plündern’ vor, die durch den Kontext «Zeidelgründe» nahegelegt wird;

(208) ... *da tě žъ de draguny vydrali pčely i prinesli v šljapach i nas to de estъ sviděteli* (1715) ‘... ja und jene Dragoner plünderten Bienen (stöcke) und brachten in ihren Hüten (wohl zu ergänzen: Honig oder Waben — R.E.) und wir sind sozusagen Zeugen’.

Für die erwähnten russischen Belege existieren Entsprechungen im Altweißrussischen, Altukrainischen und Altpolnischen. Vgl.

Altweißrussisch

a) drati, drat' pčoly 'herausreißen; gewaltsam entnehmen (von Bienen) (GSBM, 9, 67):

(209) ...*ljudi tvoi, zъ tvoee zemli, vъ našoj zemli zvěrbъ bьjutъ, a pьčoly derutъ* (1456) '...deine Leute, aus deinem Lande, töten Wild in unserem Lande und nehmen räuberisch Waldbienenstöcke aus';

(210) ...*ich bito i ogrableno i bčoly pana ego milosti drali kgvaltomъ* (1514) '...es waren ihrer getötet und geraubt worden und Waldbienenstöcke des Herrn seiner Gnaden waren mit Gewalt ausgeplündert worden';

(211) ...*mne uradnikъ kazalъ zъ soboju iti, a ja muselъ zъ nimъ tye pčoly drati* (1594) '...mir befahl der Wachtmeister (der Landpolizei) mit ihm zu gehen, ich aber musste mit ihm jene Waldbienenstöcke (räuberisch) ausnehmen'.

Im GSBM (a. a. O.) wird das Phrasem *bčoly dratъ* nicht als solches kenntlich gemacht, sondern die angeführten Beispiele werden unter der Bedeutung 4 von *drati, dratъ*, nämlich 'vyryvac'; vydzirac' (pra pčol)' behandelt.

b) vydarti pčoly = vydrati pčoly; vydartye pčoly 'ausgeraubte Bienenstöcke':

Die folgenden 3 Beispiele, alle aus: GSBM 5,157 enthalten wohl Entlehnungen aus dem Polnischen, vgl. poln. *wydarćie* 'Herausreißen':

(212) ...*potaemne, zlodejskimъ obyčaeмъ pčolъ vъ uljachъ semery na koreнь vydarъ i vykralъ* (1630) '...geheim, auf verbrecherische Art hat (er, man) sieben Bienenschwärme bis auf den Grund (räuberisch) herausgerissen (entleert, gezeidelt) und gestohlen';

(213) ...*za pobrane grabеži apartye cerkovnye sovito, i vydartye pčoly... se do prava peredъ sudomъ vašъ (sic!) mostej ne stanovitъ* (1653) '...für die gescholtenen Räubereien das Zusammengerollte, die kirchlichen Requisiten und die ausgeraubten Bienenstöcke... was das Recht vor dem Gericht betrifft, so sind keine Brücken zu errichten (?)'. Die *Brücken* sind wohl wohl übertragen gemeint, eventuell 'Kompromisse'.

Hierher gehört sicher noch altweißruss. *vydarte* — Nomen actionis zu *vydarti*:

(214) *Polъchovski opytъ čynilъ o tomъ vydartju tychъ pčolъ svoichъ vъ pasece svoej* (1645) 'Pol'chovski ordnete einen Verhör an über das Ausplündern (diebische Herausreißen, Zeideln) jener seiner Bienen(stöcke) in seinem Bienengarten im Walde'.

c) vyderti pčoly = vydrati pčoly (GSBM 5, 168; 170–171):

(215) ...*chto vyderet bčoly, ino zaplatiti polkopy* (1507) 'wer räuberisch Bienen ausnimmt (zeidelt), der hat zu zahlen 30 (Groschen)';

(216) ...*chto komu vyderet pčoly nelažonye... togdy povinen budet za koždye pčoly nelaženyje... po polukopju grošej* (1529) ‘wer jemandem einen nichtgezeidelten Bienenstock (räuberisch) ausnimmt... der wird dann verpflichtet sein, für jeden (einzelnen) nicht gezeidelten Bienenschwarm... 30 Groschen (zu zahlen)’.

d) *vydranye pčoly* ‘ausgeraubte Bienenstöcke’ (mit den folgenden 3 Beispielen aus: GSBM 5, 170):

(217) *videlъ esmi pčoly odny vydrany* (1590) ‘ich habe gesehen, dass ein Bienenstock ausgeraubt (räuberisch gezeidelt) worden ist’;

(218) *pjatъ ulъevъ pčolъ, na koreny toe prošloe nočy svežo vydranye* (1615) ‘fünf Bienenstöcke (sind) bis auf den Grund in dieser vergangenen Nacht frisch ausgeplündert worden’;

(219) *drugie pčoly v Gatovščyne z ležnja vydrano* (1670) ‘die anderen Bienen(stöcke) im Gatov-Gebiet (sind) von einer liegenden Klotzbeute räuberisch ausgenommen (gezeidelt) worden’;

e) *vydrati pčoly* ‘Honig aus dem Bienenstock entnehmen, (dabei) die Bienen vernichten (mit den folgenden 5 Beispielen aus: GSBM 5, 170–171):

(220) *vъ toj žo zemli dvadцetery bčoly vydrali, ni čimъ ne ružanychъ* (1514) ‘in jenem Landstrich (sind) zwanzig Bienenschwärme räuberisch ausgenommen (gezeidelt) worden, (die) mit keiner Bezahlung (ausgeglichen waren)’;

(221) *onъ totъ medъ vydralъ zъ dereva bortnogo našogo* (1540) ‘er hat den Honig räuberisch ausgenommen (gezeidelt) aus dem unserem Beutenbaum’. Hier ist allerdings die Wendung *vydrati medъ* bezeugt.

(222) *odno jako estъ obyčaj u osenъ vydrati staryi pščoly, na koreny ne kažeči dereva; a što molodychъ sjadetъ pščolъ, tye maetъ ropъ na sebe deržati* (1556) ‘es ist eine bestimmte Gewohnheit, im Herbst die alten Bienen herauszureissen, ohne den Grund des Baumes zu beschädigen, aber was die jungen Bienen, die eingesetzt werden (angeht), so hat der Pope sie für sich zu halten’;

(223) *dvoji pčolъ u sosnach bortnych podanogo ego milosti pana moego... so pčolami vydral i med pobral, i odnu sosnu bortnuju spalil* (1582) ‘zwei Bienenschwärme in den Fichten mit Beuten des Untertanen meines gnädigen Herrn... hat (er) räuberisch gezeidelt und den Honig genommen, und eine Fichte mit einer Beute (einen Bienen-Fichtenbaum) verbrannt’;

(224) *pčoly na koren vydravši, do domov svoich do sela Zagrydkova volosti Derevenskoe otvezli i otprovadili* (1606) ‘(nachdem) sie die Bienen bis auf den Grund räuberisch ausgenommen (gezeidelt) hatten, führten (sie) (das Erbeutete) weg und verbrachten es zu sich nachhause ins Dorf Zagrydkov des Derevensker Bezirks’. Es fällt auf, dass es sich im Beispiel (222) nicht um ein räuberisches Entnehmen des Waldbienenhonigs handelt, sondern um eine Art Säuberung der Beute vom alten Bienenschwarm, um einen neuen einsetzen zu können.

f) *vydranʹe pčolʹ* 'Plünderung des Bienenstocks' (mit den folgenden 3 Beispielen aus: GSBM 5, 170):

(225) *ljudi pana voevodiny na boechʹ i na grabežochʹ svoichʹ i na vydranʹy bčolʹ prisjagnuti choteli* (1514) 'die Männer (Landsknechte) des Herrn Statthalters wollten in den Kämpfen und in ihren Räubereien und Plünderungen der Bienenstöcke ein Gelöbnis (einen Schwur) ablegen';

(226) *онъ ты [i] pčoly vydrati kazalʹ s kotorogo vydranʹja vžo žyvy ne buduty* (1539) 'er hat da auch befohlen die Bienen auszuplündern, die von jener Plünderung nicht mehr lebendig sein werden';

(227) *v sele Chranove byla kupa o potajnoe vylupene i vydrane z ulʹja pčolʹ* (1624) 'in der Gemeinde Chranovo gab es eine Versammlung (von Menschen; besondere Gruppe), die sich mit dem geheimen Stehlen und Ausplündern der Bienen aus den Bienenstöcken (befasste)';

Das Altweißrussische Wörterbuch (GSBM) liefert ein ausführliches und wertvolles Material für die hier analysierten Erscheinungen, wobei noch besonders hervorzuheben ist, dass es den phraseologischen Charakter der anstehenden Wendungen durch gesperrten Druck und explizite Semantisierung hervorhebt, was dieses historische Lexikon ganz besonders auszeichnet. Nur in einem einzigen Falle, nämlich unter dem Lemma *vydarte* (GSBM 5, 157) wird nur auf *vydarti* verwiesen und erfolgt keine Hervorhebung der Wendung *vydarte pčolʹ*.

Aus dem Altukrainischen kann ich auf folgendes Beispiel verweisen:

(228) *...Žalovala sę pani Vasilevaję Kopačeviča na pani Michajlovuju Naceviča, moveči, iżь ona z ymenę svoego Zelvi za most perechodeči, senožati kosit i popasju paset... bobry ukradomʹ bʹjut, derevo bortnoe, bčoly derut i škody velikie činęt* '...die Herrin Vasilevaja Kopačeviča hat Klage geführt gegen die Herrin Michajlova Naceviča, indem sie sagte, dass sie von ihrem Gut Zelvi aus, die Brücke überschreitend, Heuschläge mäht und die Viehweide abweidet... man heimlich Biber tötet, (sich eines) Waldbienenbaums (bemächtigt), die Bienenbeuten räuberisch ausnimmt und großen Schaden anrichtet' (1478 — SSUM I, 134). Im SSUM, ibidem, wird die als figürliche Wendung gekennzeichnete Wortverbindung *bčoly derti* mit 'Honig aus den Waldbienenbeuten nehmen' übersetzt, was m.E. nicht ganz genau ist; denn es handelt sich nicht um ein gewöhnliches Ausnehmen der Waldbienenbeuten, sondern um ein räuberisches, diebisches Plündern der Beuten.

Letztendlich verfügt das Altpolnische über eine Entsprechung zu den angeführten Wendungen aus dem Ostslavischen, was zumindest ein urslavisch dialektales Areal für dieses Phrasem vermuten läßt. Vgl.

(229) *...Czibor in sorte Stanisłai simplices apes re furtiua ne widarl..., ich ne laszbił* (Sł. stp. IV, 106). Es liegt ein gemischtes lateinisch-altpolnisches Textstück vor, das vielleicht wie folgend interpretiert werden kann: 'Czibor hat

auf dem Besitz des Stanislaus einzelne Bienen(stöcke) auf diebische Art nicht ausgenommen (geplündert)..., hat sie nicht gezeidelt'.

In diesem Abschnitt haben wir die phraseologische Wendung **dbrati* (*vydbrati*) *bščely*, die die Bedeutung 'Honig aus der Waldbienenbeute herausreißen; den Inhalt von Waldbienenbeuten stehlen, plündern und dabei die Bienenschwärme beschädigen bzw. vernichten' hatte, behandelt. Es muss aber in einer Reihe von Fällen auch mit der ganz gewöhnlichen Bedeutung 'Waldbienenbeuten ausnehmen' gerechnet werden. Das Letztere ist im Terminologischen Wörterbuch des alten Russland (Kočin 1937, 104) gespiegelt, wo *drati pčel* nur mit 'vybirat' soty' = 'Honigwaben ausnehmen' erklärt wird, was in vielen Fällen nicht genügt, wie ich versucht habe darzustellen.

In den Mundarten des Poles'je liegt auch das Resultat der Univerbierung der Wendung vor, nämlich in ukr. dial. *pčalad'or* 'einer, der Honig auf dem Bienenstand sammelt' (Lysenko 1974, 181) bzw. weißruss. dial. *deropčol* = *pčolod'or* 'ein Mensch, der Bienen bestiehlt, indem er den Honig herausreißt; ein Dieb'. Auch das Kompositum zeigt beide Bedeutungen: 1. 'Honigausnehmer'; 2. 'Plünderer, Dieb des Bienenstockes'. Die Wendung und ihre Univerbierung spiegeln in gewisser Weise den langen Entwicklungsweg von der z. T. zerstörerischen Sammelei des Honigs der Wildbienen über die Plünderung, den Diebstahl von Waldbienenbeuten, bis zum Honigausnehmen aus den Bienenstöcken in der späteren Haus- und Hofbienenwirtschaft wider.

II. *(iz-, po-, vy-) *dbrati bčrtb*

Ebenso wie im vorangegangenen Abschnitt, hat diese Wendung nicht nur die Bedeutung 'Waben mit Honig aus den Waldbienenstöcken (Beuten) nehmen', wie im SRJ XI–XVII, vyp. 4, 350 angegeben wird, sondern dient vor allem der Wiedergabe des Plünderens, Bestehlens der Waldbienenbeuten, wie eindrucksvoll durch die Beispiele aus dem Alt- und Mittlerrussischen, aus dem Altweißrussischen sowie aus dem Altukrainischen erhärtet wird. Vgl.

(230) aruss. ...*A vč knęžč borti tri grivnč. ljubo požgubč ljubo izoudrouč* '...Aber für eine Beute des Fürsten drei Grivna, wenn (man sie) verbrennt oder wenn (man sie) ausplündert' (Russk. Pravda po Ak. spisku nach: Sreznevskij Mat. I, 155). In anderen Abschriften kommt die Form *izderouč* vor, sodass für *izoudrouč* wohl eine Kontamination der Präfixe *iz-* und *u-* vorliegt.

Als erste Beispiele aus dem Mittlerrussischen führe ich drei an, in denen ein gewisser Übergang des ersten Absatzes zu diesem zweiten vorliegt, denn hier geht es um **dbrati bčrtb sč bščelami*:

(231) mru. ...*A o tčm by im govorit, čtob ljudi ich [i] krestčjane ezdja v les, bortej so pčelami ne drali* '...Und darüber sollte man mit ihnen sprechen,

dass ihre Leute und Bauern, wenn sie in den Wald fahren, die Beuten mit den Bienen nicht plündern' (1648 — nach DRS, K);

(232) ...*i bortno 'ich uchože pustošat borti so pčelami bez ostatku derut i svoi vorovskie znamena na ich bortjach kladut* '...und ihren Zeidelgrund verwüsten (sie), die Beuten mit den Bienen plündern (sie) gänzlich aus und ihre räuberischen Zeidlerzeichen bringen sie auf den fremden Beuten an' (1665 — nach DRS, K);

(233) ...*bort so pčelami bez ostatku ne drat i ničem ne pustošit i v čužie ni po čto v ugodja i po znamenam čužim ne chodit...* '...Beuten mit Bienen (sind) nicht total auszunehmen und nicht zu verwüsten und keinesfalls (oder: unter keinen Umständen) (ist) in fremde (Zeidler)gründe mit fremden Zeidlerzeichen zu gehen' (1676 — nach DRS, K).

Es folgen nun weitere mitterrussische Beispiele mit **bьrtь dьrati*:

(234) ...*i bortej ne drali i lěsu ne sěkli* 'und Waldbienenbeuten haben sie nicht ausgeplündert und Wald nicht gefällt' (1576 — nach DRS, K);

(235) ...*istoronnija del ljudi ego obidjaty, vь votčinu ego chodjaty nasilьstvomy, borti derut i lěsь sekuty* '...und der Sache fremde (nicht die eigenen) Leute beleidigen ihn, in sein Erbgut gehen sie mit Gewalt, die Waldbeuten plündern sie und den Wald fällen sie' (1576 — nach DRS, K).⁴

Aus dem Altukrainischen ist für diese Wendung ebenfalls ein Beleg bekannt. Vgl.

(236) ...*I my pytali pani Michajlovoe, po čomouby ona ou pouščou za rekou ouěždzala, senožati kosila i borti drala, derevo vozila na oselene?* '...Und wir fragten die Herrin Michajlovoe, warum sie in den dichten Wald hinter dem Fluss gefahren ist, die Heuschläge mähte und die Waldbienenbeuten ausplünderte, das Holz für die Ansiedlung gefahren hat?' (1478 nach: SSUM I, 114).

III. *(*vy-*; *u-*) *dьrati medь*

Die vorliegende Wendung hat im Grunde genommen dieselbe Bedeutung wie die Wendungen in den beiden vorhergehenden Abschnitten. Sie weist aber, soweit ich das überschauen kann, wohl eine geringere Verbreitung auf, nämlich nur in den russischen Dialekten, in den Mundarten des Poles'je, in den weißrussischen Dialekten und im mitterrussischen Schrifttum. Vgl.

(237) russ. dial. (um Vjatka) *Medved' vydral med iz ul'ev* 'Der Bär plünderte Honig aus den Bienenstöcken' (Vasnečov 1907, I, 46; SRNG, vyp. V, 273). Im SRNG wird die Bedeutung der Wendung wie folgt beschrieben:

⁴ Im SRJa XI–XVII, vyp. 4, 350, wird ein etwas verändertes Textstück zitiert: *I storonnije de ljudi... vь votčinu ego chodjaty nasilьstvomy, borti deruty i lěsь sěkuty* (1576) 'Und die fremden (sagt man) Leute... gehen in sein Erbgut mit Gewalt, die Waldbienenbeuten plündern sie und den Wald fällen sie'.

‘ausnehmen; herausholen von irgendwoher, indem man herunterreißt’. Die Waldbienenstöcke und in späteren Zeiten auch die Bienenstöcke um Haus und Hof wurden nicht selten von Bären geplündert. Vgl.

(238) dial. (aus dem Poles’je) *Buli zlodeje, vdirali mjad* ‘(Es) waren Diebe, sie stahlen (plünderten) den Honig’ (Anochina & Nikončuk 1968, 326);

(239) russ. ... *vitebskie i surožskie kazaki... i rybu lovjat, i bobry gonjaty, i med deruty* i vsjakie... *ubytki dělajut* ‘die Kozaken von Vitebsk und Surožesk... fangen Fische, jagen Biber, und Honig plündern sie und allerlei Schaden verursachen sie’ (1565 — nach SDR, K; siehe auch SRJ XI–XVII, vyp. 4, 350);

(240) ... *I vy by ego Zanku Šjumačkina beregli vo vsemy nakrečko, čto by te krestyjane by ego bortnoj uchožej ne chodili i bortej ne sėkli i medu iz bortej ne drali* ‘...Und ihr hättet Zanka Šjumačkin in allem sehr behüten sollen, damit jene Bauern in seinen Zeidelgrund nicht gingen und die Waldbienenbeuten nicht fällten und den Honig aus den Beuten nicht diebisch entwendeten’ (1585 — nach DRS, K);

(241) ... *i ich budto bortnaja uchožeja razorili do osnovanija: medy deruty i bortnyja derevja posekajuty*... ‘...und ihre Zeidelgründe haben sie angeblich bis auf den Grund (gänzlich) verwüstet: den Honig haben sie geplündert und die Waldbienenbäume gefällt...’ (1653 — nach DRS, K);

(242) ... *sz kotorym de medom on Bogdaška priveden, i tot de medy vydrat on by sumežnoj votčině odni pčely sz bratom svojim rodnym sz Malkoju, a čby te pčely, togo on ne vėdaet* ‘...und mit welchem Honig er Bogdaška herbeigeführt wurde, und (so sagt man) er jenen Honig geplündert hat im Stammgut zwischen den Grenzen (wo) Bienen(schwärme waren) mit seinem leiblichen Bruder, mit Malka, und wem jene Bienen(schwärme) gehören (wesen jene Bienenschwärme sind), weiß er nicht’ (1677 — nach DRS, K);

(243) ... *vsjakova zverja lovitv vmeste i delitv popolam, i borti delatv, i med drat emu, Tagimu, v svoich bortjach odnomu* ‘...und zusammen jedwede (wilde) Tiere fangen und sie der Hälfte nach teilen, und Waldbienenbeuten anlegen, und ihm, dem Tagim, (ist) Honig ausnehmen, nur aus seinen Waldbienenbeuten (gestattet)’ (1687–1688 — nach DRS, K).

Das letztgenannte Beispiel zeigt, dass *medy dbrati* nicht immer im Zusammenhang mit dem Ausplündern und diebischen Entwenden des Honigs aus den Beuten zusammenhing (obwohl das der größte Teil der angeführten Fälle beweist), sondern einfach auch ‘Honig (der Waldbienen) entnehmen’ bedeuten konnte. Die Beispiele (227) und (237 und 240) zeigen einen gewissen Übergang zu Abschnitt II, da hier die Wendung *dbrati medy* erweitert ist durch *izv ul’ev, izv bortej*.

Aus den weißrussischen Dialekten ist weiterhin folgendes Beispiel bekannt:

(244) weißruss. *Mjadz’vedz’ vydziraja mjad z vul’jov dy es’c* ‘Der Bär raubt den Honig aus den Bienenstöcken aus und frisst (ihn)’ (Šatėrnik 1929, 52).

IV. Zu einigen Systemzusammenhängen

1. Als erstes fällt besonders der Parallelismus der behandelten Wendungen **dbrati b̄čely (b̄rtb, medb)* mit **laziti b̄čely (b̄rtb, medb)*, die in Systemfragment I erörtert wurden, ins Auge. Man kann eine besondere Nähe in semantischer Hinsicht konstatieren, denn erstgenannte können auch 'Honig aus Waldbienenbeuten (und später: aus Bienenstöcken) entnehmen' bedeuten. Der Kern der Semantik der Wendungen des Typs **dbrati b̄čely (b̄rtb, medb)* aber liegt in der Wiedergabe der Bedeutung des Plündern, Zerstörens der Beuten bzw. Bienenstöcke. Daher werden die Wendungen gebraucht, wenn es sich um das Ausnehmen der Bienenbeuten (später Bienenstöcke) auf zerstörerische Art handelte und die Bienenschwärme dabei teilweise oder sogar gänzlich vernichtet wurden. Dies war charakteristisch für die primitive Gewinnung des Honigs der wilden Bienen, die auf Grund von Höhlenzeichnungen bis in die Steinzeit zurückverfolgt werden kann. Gleichzeitig konnte sich hier auch die Semantik 'unsachgemäße Entleerung der Waldbienenbeuten' und schließlich 'der Raub, die Plünderung der Waldbienenbeuten; der Diebstahl des Waldbienenhonigs' entwickeln, was durch die Masse der Belege aus dem alten ostslawischen und altpolnischen Schrifttum bekräftigt wird. In den Fällen, in denen sich für **dbrati b̄čely (b̄rtb, medb)* die erwähnten zwei Bedeutungen unterscheiden, können wir wohl von synonymischen Phrasemen ausgehen. Kommen aber die Wendungen des Typs **dbrati b̄čely (b̄rtb, medb)* nur in der Bedeutung 'räuberisches Entnehmen des Honigs aus den Beuten (gleich ob vom Menschen oder dem Bären)' vor, so bin ich geneigt, in **dbrati b̄čely*, **dbrati b̄rtb* und **dbrati medb* Varianten eines Phrasems zu erblicken, deren Idiomatizität im Falle von **dbrati b̄čely* am größten und im Falle von **dbrati medb* am geringsten ist.

2. Die drei Wendungen unterscheiden sich auch hinsichtlich ihrer Verbreitung (soweit ich das bis jetzt feststellen konnte): **dbrati b̄čely* — altostslawisch und altpolnisch; **dbrati b̄rtb* — alt- und mittlerrussisch und altukrainisch und **dbrati medb* — alt- und mittlerrussisch und altweißbrussisch.

B. Litauische Entsprechungen

1. Eine semantisch genaue Entsprechung von ursl. dial. **dbrati b̄rtb* liegt m. E. nur in lit. *iš-plėšti drevės* vor. Vgl.

(245) lit. *Meszka išzpliesze kietures drevės* 'Der Bär plünderte vier Waldbienenbeuten' (Valančius — nach LKŽ, K — die ursprüngliche Schreibung wurde beibehalten — R.E.). Die Übereinstimmung mit dem urslawisch dialektalen Phrasem erstreckt sich nicht nur in semantischer Hinsicht auf die

Wortverknüpfung ‘reissen’ & ‘Waldbienenstock’ (bzw. ‘Honig’ in anderen Beispielen), sondern auch auf die Subjektsposition, in der der Bär als Agens auftritt, vgl. die obigen Beispiele unter (237) und (244).

2. Mit **dbrati bbrtb (uljb)* lässt sich folgendes litauische Beispiel, das *išplėšti aulį* enthält, vergleichen:

(246) *Tokį [be motinos] aulį svetimos bitės išplėš rudinį* ‘Einen solchen Bienenstock [ohne Bienenmutter] raubten (plünderten) die fremden Bienen aus’ (Daukantas — nach LKŽ X, 184). Hier handelt es sich wohl bereits um ein Beispiel, das die Hausbienenwirtschaft betrifft. Es ist dennoch von Interesse; denn es beinhaltet die Verknüpfung von ‘ausreissen’ & ‘Bienenstock’, wobei hier in der Subjektsposition ein fremder Bienenschwarm (mit Bienenmutter) auftritt, der den Schwarm ohne Bienenmutter ausplündert.

3. In den folgenden drei Belegen liegt die Verknüpfung ‘reissen’ & ‘Bienen’ vor, die ihre semantische Entsprechung in ursl. dial. **dbrati bččely* hat:

a) Die wohl veraltete Form *pa-iš-plėšti* ist mit *bitės* als Objekt verknüpft:

(247) *Buvo paišplėšę bitės tada* (Gervėčiai, Litauische Sprachinsel in Weißrußland — nach LKŽ X, 185) ‘Damals waren die Bienen ausgeraubt (ausgeplündert) worden’.

b) Hier liegt das Part Präs Akt von *plėšti*, nämlich *plėšiančios* ‘raubende, plündernde’ & *bitės* ‘Bienen’ vor:

(248) *Plėšiančios (plėšiančios) bitės pradžoj it tokios pat geros bitės yra, kaip ir kitos* ‘Räuberbienen sind am Anfang als ob sie ebensolche gute Bienen sind wie die anderen’ (Daukantas — nach LKŽ X, 181). Wie oben in Beispiel (246) sind in der Subjektsposition (und als Agens) die Bienen. Sie werden durch das von *plėšti* abgeleitete Part Präs Akt charakterisiert.

c) Auch das folgende Beispiel reiht sich hier ein:

(249) *Dažnai apiplėšiamos susilpnėjusios bitės* ‘Häufig werden geschwächte Bienen beraubt (ausgeplündert)’ (Kriščiūnas Raštai — nach LKŽ X, 182). Auch dieser Beleg bezieht sich wohl auf die Hausbienenwirtschaft. In der Subjektsposition steht das Wort für Bienen, d.h. ein starker Schwarm plündert einen schwachen.

Als eindeutig in den Bereich der Waldimkerei reichend kann nur das erste Beispiel

(245) gelten. Der Beleg aus Gervėčiai gehört wahrscheinlich auch zur Waldimkerei, die anderen Beispiele stammen wohl eher aus der Hausbienenwirtschaft, die nicht selten alte Bezeichnungsformen der vorausgehenden Zeidelwirtschaft bewahrt hat. Von besonderem Interesse sind die genauen semantischen Entsprechungen zu den oben behandelten Wendungen *dbrati bbrtb*, *dbrati bččely* in Form von lit. — *plėšti dreves (aulį, bites)*. Diese urslawisch dialektal-litauischen Übereinstimmungen können nur als semantische

Übereinstimmungen betrachtet werden. Eine Beeinflussung des Slawischen auf das Litauische ist nicht ganz auszuschließen, was besonders durch das Beispiel aus Gervėčiai und die Form *pa-išplėšti* nahegelegt wird.

C. Deutsch-russisch-lettische Entsprechungen

Der hier erörterten Thematik stehen die Wendungen dtsh. *Bienen (Beuten, Honig) brechen*; aruss. *bortʹ razlomitʹ (podlomitʹ)*; russ. (18. Jh.) *med lomātʹ* und lett. *medu lauzt* nahe.⁵

Es folgt eine ausführlichere Beschreibung dieser Wendungen:

1) Dtsch. *Bienen brechen* 'Honig ausnehmen'

Diese Wendung kann ich vorerst nur aus den ostpreußischen Dialekten ermitteln, vgl. Frischbier 1882, 106 und Ziesemer 1939, 596. Letzterer führt für dtsh. *Bienenbruch* die Bedeutungen 'Bienenstand im Walde; Honigernte' an (bereits aus dem Jahre 1604 belegt). Außerdem zitiert er ein niederdeutsches Beispiel:

(250) *Op Bartelmä motte de Beene gebroake wāre* 'Zu Bartholomae muss die Biene gebrochen (d.h. gezeidelt) werden'.

Die anderen Belege für *Bienen brechen*; *Bienenbruch* 'das Ausnehmen des Honigs'; *Bienenbrecher* 'Bienenausnehmer' habe ich aus dem deutschen Teil der Wörterbücher von Mielcke 1800, 28 und F. Kurschat 1883, 49; 196 bezogen.

2) Dtsch. *Beuten brechen*

Dieses Phrasem ist ebenfalls aus den ostpreußischen Mundarten bekannt und zwar bereits aus dem 16. Jh. Vgl.

(251) ...*das der... Byschof zu Ermland... sich gegen uns vber... heuptmann zu Neidenburg, Als solle derselbe hiebeuorn eczlicje Beuten im Allensteinschen vnbefugter wise brechen lassen, gar hochlich beschwehret...* (Bonk 1912, 254. — Das Beispiel ist einer Urkunde aus dem Jahre 1559 entnommen);

(252) *Also soll auf die Beuten, dass dieselbigen ohne Beyseyen der Diener nicht gebrochen, gute Achtung geben werden* (Ziesemer 1939, 790. — Beispiel aus dem Jahre 1589).

3) Dtsch. *Honig brechen*

Dtsch. *Honig brechen* (auch *Honig ausbrechen*) ist nach Armbruster 1940, 141 ein Fachterminus für 'Honig ernten'. H. Klose (Klose 1931, 323) zitiert ein Schriftdokument aus Thorn (Thoruń), das sich auf die Jahre 1446/1447 bezieht, in dem es heißt:

(253) ...*da man den Honigk brach.*

⁵ Dazu siehe Eckert 1984, 263–268.

4) Lett. *lauzt bites*

Ulmann 1880 (II, 778) erklärt lett. *bites lauzt* (das wörtlich 'Bienen brechen' heißt) mit 'Honig brechen', lett. *bites dravēt = zeideln*. In ME I, 301 wird mit Bezug auf *zeideln* ein lett. *lauzt bites* ohne weitere Bedeutungserklärung angeführt und auf das lettische Volkslied BW 2956 verwiesen.⁶

(254) *Zalu, zalu, man' putriņ,* 'Nicht gar gekocht // ⁶, ist meine Grütze (Dim.),
Kā kaimiņa medutiņš! Wie des Nachbarn Honig (Dim.)!
Kaimiņš gāja bišu lauzt, Der Nachbar ging Bienen brechen (zeideln),
Es putriņu zalināt Ich kein vollständiges Grütze-Essen geben'

Für lett. dial. *zalināt* wird in ME I, 684 'neduot pilnīgu ēšanu' (kein volles Essen geben) angegeben.

5) Lett. *lauzt medu*

Diese Wendung, die wortwörtlich 'Honig brechen' heißt, ist bei Ulmann 1880 (II, 778) verzeichnet.

Mielcke 1800 (II, 279) überträgt lit. *bittes kopineju* mit 'Honig brechen' In ME II, 194 steht für lett. *medu kapit* 'Honig brechen, wo die Bienen in einem Baume nisten'.

Ich kann mich des Eindrucks nicht erwehren, dass dtsh. *Bienen (Beuten, Honig) brechen* vor allem aus östlichen Gebieten (Ostpreußen, Polen, Baltikum) bekannt ist und sicher z. T. auch niederdeutsch war und wohl über das Baltendeutsche ins Lettische als Übertsetzungsentlehnung (Kalkierung) — nämlich als *bites lauzt* bzw. *medu lauzt* gelangte.

6) Entsprechungen dazu im Ostslawischen

Neben dieser Verbreitung der deutschen Wendung *Bienen (Beuten, Honig) brechen* und den spärlichen Entsprechungen dazu im Lettischen finden sich Parallelen zu dtsh. *Bienen brechen, Beuten brechen* und *Honig brechen* im Ostslawischen. Vgl.

(255) russ. *U nas isstari s vami znakomstvo! Ešče pokojnik tjaten'ka ežžal k nam pčel-to lomāt* 'Wir haben mit Ihnen schon von früher her Bekanntschaft! Schon der selige Herr Vater pflegte zu uns zu kommen zum Honigausnehmen' (N. Uspenskij «Pčelobity» — nach SSRLJ, K);

(256) russ. *Ože bortь podlomitь, 3 grivny prodaži* 'Wenn (einer) eine Waldbienenbeute räuberisch erbricht (zeidelt), (so hat er) 3 Grivna Strafe (zu bezahlen)' (Russische Pravda, Karamzin-Abschrift nach Sreznevskij Mat. II, Sp.1061).

⁶ Das Zeichen // bedeutet Wiederholung des vorhergehenden Segments.

Aus den Dialekten des Poles'je ist ein *lomat' bort'* mit der Bedeutung 'den Honig wilder Bienen ausraufen, plündern' (Anochina & Nikončuk 1968, 339) bekannt, deren idiomatischer Charakter außer Zweifel steht.

Ferner liegt ein *lomat' med* 'Honig aus dem Bienenstock entnehmen, indem man einige Waben beschneidet' (SSRLJ, K); 'die Waben aus dem Bienenstock entnehmen' oder 'Honig entnehmen' (Dal' 1955, II, 265) vor. Diese Wendung war bereits im 18. Jh. gängig. Vgl.

(257) *A v samo éto vremja, / Prišli tut med lomat' / I vynimat'; / Prišli lomateli vo pčelinnja anbary, / I vzjali na sebja pčelinnja tovary* 'Und zu derselben Zeit, / Kamen sie her, Honig zu brechen / Und zu entnehmen; / Die (Honig)brecher kamen in die Bienenscheunen, / Und nahmen für sich selbst die Bienenwaren' (A. P. Sumarokov. Sočinenija 1787, VI, 272 nach einem Beleg aus SRJ 18 v. K).

Außerdem ist eine Wendung russ. *lomat' soty* (wörtlich: 'Waben brechen') 'Honig ernten' bereits sei dem 18. Jh. bekannt (nach SSRLJ, K), die den erwähnten Ausdrücken nahe steht.

Unter den hier besprochenen Wendungen des Deutschen, Ostslawischen und Lettischen, die die Komponente «brechen» enthalten, sind einige (zumindest die mit der Komponente «Beute»), die Beziehungen zur Phraseologie des Waldimkerwesens aufweisen. Eine Reihe von Beispielen bezieht sich jedoch auf die sich später entwickelnde Haus- und Hofbienenwirtschaft.

Das Baltische nimmt in diesem Systemfragment eine Randstellung ein (wohl Einfluss des Ostslawischen auf das Litauische und des Deutschen auf das Lettische).

Eine Ergänzung des Autors:

Zur Problematik in den letzten beiden Absätzen auf S. 44 und den ersten beiden Absätzen auf S. 45 (Verformungen von Phrasemen als Folgen ihrer Idiomatisierung) vgl. meine jüngst erschienene Arbeit: R. Eckert. Verformungen von Komponenten phraseologischer Wendungen als Ergebnis ihrer Idiomatisierung // *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*. Ed. by I. Janyšková & H. Karlíková, Praha 2012, S. 301–306.

ABGEKÜRZTE LITERATUR

- Akty juridičeskie 1838 — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства (1425–1705). Издание Археографической Комиссии. Санкт-Петербург, 1838.
- A. Kurschat 1968–1973 — *Alexander Kurschat*. Litauisch-deutsches Wörterbuch. Bde I–IV. Göttingen, 1968–1973.

- Anochina & Nikončuk 1968 — *B. B. Анохина, Н. В. Никончук*. Полесская терминология пчеловодства // Лексика Полесья. М., 1968.
- Arašonkava 1976 — *Г. У. Арашонкава*. У слоўнік народнай мовы // Народнае слова. Мінск, 1976.
- Armbruster 1940 — *L. Armbruster*. Über germanische, bes. nordische Imkerei. Berlin, 1940.
- ASVR I–III — Акты социально-экономической истории Северно-Восточной Руси конца XIV — начала XV в. I–III. М., 1952–1964.
- Balčikonis — Zettelsammlung von Prof. Dr. Juozas Balčikonys zur litauischen Terminologie des Imkerwesens im LKŽ des Instituts für Litauische Sprache und Literatur, Vilnius.
- Baranowski 1920 — Litauische Mundarten, gesammelt von A. Baranowski. Bd. I: Texte aus dem Weberschen Nachlass herausgegeben von Dr. Franz Specht. Leipzig, 1920.
- Bel'kevič 1970 — *Я. К. Белькевич*. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Bonk 1912 — *H. Bonk*. Urkundenbuch zur Geschichte Allensteins, 1. Teil: Allgemeine Urkunden bis 1815. Allenstein, 1912.
- Brückner 1957 — *A. Brückner*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957 (Przedruk z pierwszego wydania. Kraków, 1927).
- Būga RR — *K. Būga*. Rinktiniai raštai, I–III. Vilnius, 1958–1961.
- Burnašev 1843–1844 — *В. Бурнашев*. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. I–II. С.-Петербург, 1843–1844.
- BW I — Latvju dainas. Kr. Barons un H. Wissendorffa izdotas: I (sējums). Jelgavā, 1894.
- Chętnik 1961 — *A. Chętnik*. Strój kurpiowski Puszczy zielonej. Wrocław, 1961.
- Čefranov 1911 — *П. Чэфранов*. О слове «лазбень» // Фиологические записки, год 51, выпуск 5. Воронеж, 1911.
- Dal' 1955 — *В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. С.-Петербург — Москва, 1880–1882 (издание М., 1955).
- Daukantas 1848 — *S. Daukantas*. Bittiu knigele, 1848.
- Debkin 2005 — *L. Depkin*. Lettisches Wörterbuch. The original manuscript transcribed and annotated by Trevor G. Fennell. Vol. 1. Rīga, 2005.
- Dmitrieva 1979 — Повесть о Петре и Февронии. Подготовка текста и исследование *Р. П. Дмитриевой*. Ленинград, 1979.
- Dobrovolskij 1914 — *В. Добровольский*. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Donelaitis 1977 — *K. Donelaitis*. Raštai. Vilnius, 1977.
- Dopolnienie k Orytu — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». С.-Петербург, 1858.
- DRS, K — Картоотека Словаря русского языка XI–XVII вв. (Институт русского языка, Москва)
- Eckert 1968 — *R. Eckert*. Minimale Textfragmente im Slavischen und ihre Entsprechungen im Baltischen // Baltistica. IV (1). Vilnius, 1968.
- Eckert 1981 — *R. Eckert*. Untersuchungen zur historischen Phraseologie und Lexikologie des Slawischen und Baltischen (Systemfragmente aus der Terminologie der Waldimkerei). Reihe «Lingustische Studien». Nr. 81. Berlin, 1981.

- Eckert 1984 — *R. Eckert*. Aus dem Fachwortschatz der Waldimkerei (Deutschslawisch-baltische Parallelen) // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Jg. 13, H. 2. Berlin, 1984.
- Ėkkert 1979 — *P. Эккерт*. Фрагмент исторического изучения устойчивых сочетаний в восточнославянских языках // *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 24, H. 4. Berlin, 1979.
- Ėkkert 1993 — *P. Эккерт*. Бортническая терминология славян, содержащая дериваты корня **laz-* 'лазить' // *Philologica slavica*. К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993.
- Endzelin 1923 — *J. Endzelin*. Lettische Grammatik. Riga, 1923.
- ĖSSJ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 1–33. М., 1974–2007 (1–32 Под ред. О.Н. Трубачева; 33 Под ред. А.Ф. Журавлева).
- FD : C 2000 — Fürecker's Dictionary: a Concordance. Trevor G. Fennell, I. Rīga, 2000.
- F. Kurschat 1883 — *F. Kurschat*. Litauisch-deutsches Wörterbuch. Halle a. d. Saale, 1883.
- Fraenkel 1928 — *E. Fraenkel*. Syntax der litauischen Kasus // *Tauta ir Žodis*. 4 und 5. Kaunas, 1926–1928.
- Fraenkel LEW — *E. Fraenkel*. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bde I–II. Heidelberg-Göttingen, 1962–1965.
- Frischbier 1882 — *H. Frischbier*. Preußisches Wörterbuch. Berlin, 1882.
- Gebauer 1970 — *J. Gebauer*. Slovník staročeský. Díl I–II. Druhé, nezměněné vydání. Praha, 1970.
- Grammatika 1985 — Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Grinčenko SUM — *Б. Гринченко*. Словник української мови. Т. I–IV. Київ, 1907–1909.
- GSBM — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–22 (*A — Осм*). Мінск, 1982–2002.
- Hraste & Šimunović 1979 — *M. Hraste* und *P. Šimunović*. Čakavisch-deutsches Lexikon. Unter Mitarbeit und Redaktiion von R. Olesch. Teil I. Köln — Wien, 1979.
- Jančoŭsky 1960 — Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы / Пад рэд. Ф. Янчоўскага. Мінск, 1960.
- Jurčanka 1966 — *Г. Юрчанка*. Дыялектны слоўнік (3 гаворак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966.
- Juška LS — Литовский словарь А. Юшкевича с толкованием слов на русском и польском языках. Т. I (1897), II (1904), III (1922). С.-Петербург — Петроград.
- Juška LD — Lietuviškos dąjnos užrašytos par Antaną Jušėvičę, I–III. Kazane, 1880–1882.
- Klose 1931 — *H. Klose*. Über die Waldbienenwirtschaft in der früheren Provinz Westpreußen // *Beiträge zur Naturdenkmalpflege*. Bd. XIV, H.4. Neudamm, 1931.
- Klykovskij 1855–1856 — *Я.Г. Клыковский*. Материалы для русского сельскохозяйственного словаря // *Записки Казанского экономического общества*. Казань, 1855–1856.
- Kočin 1937 — Материалы для терминологического словаря Древней Руси / Составил *Г.Е. Кочин*. Москва — Ленинград, 1937.
- Korečňý 1981 — *F. Korečňý*. Základní všeslovenská slovní zásoba / Spolupracovali: E. Havlová, H. Pleváčová, A. Mátl. Praha, 1981.
- Kossakowski 1832 — Grammatyka języka żmudskiego ułożona przez X.K. Kossakowskiego... Wilno, 1832.

- Kozłowski 1846 — *Kozłowski*. Słownik lesny, bartny, bursztyniarski i oryjski. Warszawa, 1846.
- Kriščiūnas Raštai — *J. Kriščiūnas* (1888–1973), jo raštai (žemės ūkio mokslai).
- Jablonskis 1928 — *J. Jablonskis*. Linksniai ir prielinksniai. Kaunas, 1928.
- LL — *Lexicon Lithuanicum*. Rankraštis XVII a. vokiečių-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1987.
- LE, III — Lietuviškoji enciklopedija. T. III. Kaunas, 1935.
- Leksika Poles'ja — (Sammelband) Лексика Полесья. Москва, 1968.
- LKŽ 1941–2002 — Lietuvių kalbos žodynas. I–XX, Vilnius (LKŽ I–II, Vilnius 1941 und 1947. LKŽ I–II (Vilnius 1968 ir 1969 — antras leidimas).
- LKŽ, K — Lietuvių kalbos žodynas — Kartothek (Institut für Litauische Sprache und Literatur, Vilnius).
- Lelewel 1856 — *J. Lelewel*. Polska, dzieje i rzeczy jej. T. 4. Poznań, 1856.
- Lepetchin 1771–1805 — Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства ... С.-Петербург, 1771–1805. Ч. 1–4.
- Levšin 1795–1797 — *В. А. Левшин*. Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистилляторский... М., 1795–1797. Ч. 1–6.
- LVV 1980 — Latviešu-vācu vārdnīca sastādījis autoru kolektīvs V. Bisenieka un I. Niseloviča redakcijā. Pārstrādāts otrais izdevums. Rīga, 1980.
- LLVV — Latviešu literārās valodas vārdnīca, I–VIII. Rīga, 1972–1996.
- Lysenko 1966 — *П. С. Лысенко*. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины // Славянская лексикография и лексикология. М., 1966.
- Lysenko 1974 — *П. С. Лысенко*. Словник польських говорів. Київ, 1974.
- Mackevič 1975 — *Ю. Ф. Мацкевич*. Лексика пчалярства // 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975.
- Mal'm 1956 — *В. А. Мальм*. Промыслы древнерусской деревни. Бортничество // Труды государственного исторического музея. Вып. 32. М., 1956.
- ME — *K. Mühlenbachs*. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgeführt von J. Endzelin. Bde I–IV. Riga, 1923–1932.
- ME Ergbd I — *J. Endzelin* und *E. Hausenberg*. Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs «Lettisch-deutschem Wörterbuch». I. Bd. Riga, 1934–1938.
- Mielcke 1800 — Littauisch-deutsches und Deutsch-littauisches Wörterbuch... von *Ch.G. Mielcke*... Königsberg, 1800.
- Miežinis 1894 — *M. Miežinis*. Lietuviszkai-Latviszkai-Lenkiskzai-Rusiskzas žodynas. Tilsit, 1894.
- Moskalenko 1971 — *А. А. Москаленко*. Лексико-семантические диалектизмы в памятниках украинской деловой письменности XIV–XVI вв. // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.
- Moszyński 1967 — *K. Moszyński*. Kultura ludowa słowiań. T. I. Kultura materialna. Wydanie drugie. Warszawa, 1967.
- Nesselmann 1851 — *G.H.F. Nesselmann*. Wörterbuch der Littauischen Sprache. Königsberg, 1851.
- Niezabitawski 1823 — Surinkimas dasekimu par Mokintus Žmonias... daritu apey bytes... par C.I. Niezabitawski... pargulditas. Wilniuje, 1823.

- Nosovič 1870 — *И. Носович*. Словарь белорусского наречия. Петербург, 1870.
- Nov. pisc. kn. t. II — Новгородские писцовые книги. Т. II. Переписная оброчная книга Деревской пятины ок. 1495 г. ... С.-Петербург, 1862.
- Nov. pisc. kn. t. III — Новгородские писцовые книги. Т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. С.-Петербург, 1868.
- Nov. pisc. kn. t. V — Новгородские писцовые книги. Т. V: Книги Шелонской пятины 1571 г. С.-Петербург, 1905.
- Preobraženskij ĖSRJ — Этимологический словарь русского языка / Составил *А. Преображенский*. Т. I–II (А–С). М., 1910–1914; выпуск последний (*тело — ящур*) // Труды Института русского языка. Т. I. Москва — Ленинград, 1949.
- PSDP — Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.
- Radžiunas 1882 — *C. Radžiunas*. Naudingos Biczūi knygėles wisiems Lietuwinkams pagal naujūsus Izmislijimus sustatytos ir ant Gėro suraszytos nū S. Radžiuno. Mokįtojaus Tussėinūs'. Memel, 1882.
- Reallexikon 1917–1923 — Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde von *O. Schrader*. I. Berlin — Leipzig, 1917–1923.
- RHSJ 1880–1976 — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1–23. Zagreb, 1880–1976.
- Rizga 1940 — *P. Rizga*. Biškopība pagātnē un tagadnē. Rīgā, 1940.
- Rozov 1972 — *С.А. Позов*. Очерки по истории отечественного пчеловодства. Научно-исследовательский институт пчеловодства. Вестник. №. 21. Рязань, 1972.
- Ruhig 1747 — *Ph. Ruhig*. Littauisch-deutsches und deutsch-littauisches Lexikon... Königsberg, 1747.
- SBGPZ Belarusi — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5. Мінск, 1979–1986 (рэдактар: Ю. Ф. Мацкевіч).
- Schmalstieg 1987 — *W.R. Schmalstieg*. A Lithuanian Historical Syntax. Ohio, 1988.
- SCRJ 1867–1868 — Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. I–IV. С.-Петербург, 1867–1868.
- Selivanov 1896 — *А.Ф. Селиванов*. Исторический очерк развития пчеловодства в России. С.-Петербург, 1896.
- Sereiskis 1932 — *B. Sereiskis*. Lietuviškai — rusiškas žodynas. Kaunas, 1932.
- Seržputovskij 1911 — *А.К. Сержпутовский*. Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чудина, Слуцкого уезда, Минской губернии // Сб. ОРЯС. Т. LXXIX, Nr. 1. Санкт-Петербург, 1911.
- Ślawski SEJP — *F. Ślawski*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Т. I–V. Kraków, 1952–1979.
- Śl. g. p., K — Słownik gwar polskich, Kartothek (Kraków).
- Śl. pol. 16. w., K — Słownik polszczyzny 16 wieku, Kartothek (Kraków).
- Śl. prasł., K — Słownik prasłowiański. Zakład słowianoznawstwa PAN. Pracownia języka prasłowiańskiego (Kraków).
- Śl. stp. — Słownik staropolski. Т. 1–8. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1953–1980.
- Śl. stp., K — Słownik staropolski, Kartothek (Kraków).
- Sreznevskij Mat. — *И.И. Срезневский*. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. I–III. С.-Петербург, 1893–1903.

- SRG Obi — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1967.
- SRGS Urala — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1. Свердловск, 1964.
- SRJ XVIII, K — Словарь русского языка XVIII века. Картотека (Ленинград).
- SRJ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 1–28 (*A — Сулебный*). М., 1975–2008.
- SRJ XI–XVII, K = DRS, K — Словарь русского языка XI–XVII вв. Картотека (Москва).
- SRJ, AN SSSR — Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку АН СССР. Т. 5. Выпуск 2, 2-ое издание. Ленинград, 1930.
- SRNG — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–25. Москва — Ленинград, 1965–1990.
- SRNG, K — Словарь русских народных говоров. Картотека (Ленинград).
- SORDRJ, K — Словарь обиходной речи древнерусского языка. Картотека (Б. А. Ларин. Словарный кабинет Ленинградского университета).
- SSRLJ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. Москва — Ленинград, 1950–1965.
- SSRLJ, K — Словарь современного русского литературного языка. Картотека (Ленинград).
- SSUM — Словник староукраїнської мови. XIV–XV ст. Т. I–II. Київ, 1977–1978.
- Statut ziemski — Statut ziemski od Zygmunta I roku 1529.
- SW — Słownik języka polskiego ułożony pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwieckiego. I–VIII. Warszawa, 1900–1927.
- Šatėrnik 1929 — *M. B. Шатэрнік*. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.
- Šlapelis 1921 — *J. Šlapelis*. Lietuvių ir rusų kalbų žodynas. Vilna, 1921.
- Turaŭski sl. — Тураўскі слоўнік. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.
- Ulmann 1880 — Lettisches Wörterbuch von *Ulmann* und *Brasche*, II. Teil. Deutsch-lettisches Wörterbuch. Riga — Leipzig, 1880.
- Vasmer REW — *M. Vasmer*. Russisches etymologisches Wörterbuch. I–III. Heidelberg, 1953–1958.
- Vasnesov 1907 — *H. Васнецов*. Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора. Вятка, 1907.
- Zakon Sud. Ijud. 1961 — Закон Судный людем. Археографический список XV в. М., 1961.
- Zelenin 1927 — *D. Zelenin*. Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927.
- Zemzare 1961 — *D. Zemzare*. Latviešu vārdnīcas (līdz 1900 gadam). Rīga, 1961.
- Zetegastas 1848 — *D. Zetegastas*. Naudinga bitūņu knygele... Petropīlie, 1848.
- Ziesemer 1939 — *W. Ziesemer*. Preußisches Wörterbuch. I. Königsberg, 1939.
- Z nar. sl. — 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975.

[Der zweite Teil der Abhandlung erscheint im folgenden Band der «Balto-slavjanskije issledovanija»]

Названия медведя в балтийских языках и их происхождение

Название медведя в литовском языке *meškà* считается славизмом: это заимствование из славянского *meška*, ср. др.-рус. *мешька* ‘маленький медведь’ (Būga I, 199; ME, 606; Skardžius 1931, 187; LEW I, 443). Однако русский лингвист Б. Ларин, учитывая более широкий семасиологический контекст, нашел аргументы, позволяющие считать, что лит. *meškà* может быть исконным словом, пришедшим из древности. Прежде всего исследователь высказал заслуживающую внимания мысль, что рус. *мичка* ‘медведь’ появилось вовсе не из уменьшительной формы антропонима *Михаил* (*Миша*), как считают многие, но, весьма вероятно, является продолжением древнерусских *мечька* или *мешька*, существование которых подтверждается русскими памятниками письменности и соответствиями в родственных языках — болгарские *мечка* ‘медведица’, *мече* ‘медвежонок’, сербские *мечак* ‘медведь’, *мече* ‘медвежонок’, *мечка* ‘медведь, медведица’. Все это свидетельствует о древности этого слова. По мнению Б. Ларина, рус. *мечка* — фонетическая деформация более древней формы *мешька*, кроме того, намеренная под влиянием табу. Марийское *maska* ‘медведь’ может быть заимствованием из русского языка. Таким образом, в древнерусском языке скорее всего была славянская протоформа **mesьka* (**mesьka*), из которой развились современные формы — русское *мешька* и упомянутые южнославянские формы (Ларин 2003, 95). Имея в виду такой контекст, по мнению Б. Ларина, лит. *meškà* можно считать этимологическим соответствием славянских слов и смело связывать с лит. *miška* ‘поросшее лесом место; лес’. В таком случае литовское *meškà* вначале могло означать ‘лешиха, лесная’ (Ларин 2003, 95).

В русском языке самка медведя называется *мечка* (Даль 1881, II, 844), а также *мечька* с вариантом *мешька* (Срезневский 1902, 132–134), кроме того, в диалектах используется *мишка* ‘медведь; имя вола’ (СРГН 18, 180). В новом «Этимологическом словаре белорусского языка» названия в обоих языках: белорус. *мишка* ‘медведь; детская игрушка’ и рус. *мишка*, а также рус. *мишуха* ‘медвежонок’ по традиции считаются табуистическими вариантами антропонима *Михаил* (*Михаил*) (ЭСБМ 7, 53). Однако интересно то, что в «Этимологическом словаре славянских языков», издаваемом Институтом русского языка РАН (ЭССЯ), нет статьи, посвященной этим

названиям медведя в славянских языках — видимо, из-за сомнений в их славянском происхождении.

По имеющимся данным, в белорусском языке употребляются *мишка* ‘медведь’ (только в разговорном языке) (БРС 1962, 453) и *мёшка* ‘медлительный, неуклюжий, неповоротливый, вялый (человек)’, последнее, по данным Е. Гринавецкене (СБР 3, 64), считается заимствованием из литовского языка (ср. лит. *meškà* ‘медведь’). Также указываются другие славянские слова: а именно болг. *мёшко*, *мешко́* ‘толстый, упитанный человек’, белорус. *мешкаваты*, *мяшкаваты*, *мишкаваты(ў)* ‘медлительный, неуклюжий, неповоротливый, вялый’ и добавляется, что, по-видимому, вместе с польским *Mieszko* — именем первого князя из династии Пястов (около 960 г.) — все они балтийского происхождения (ЭСБМ 7, 30).

Ср. польск. *meszka*, *mech*, *marucha* ‘медведь’ (Brückner*).

В литовском языке название медведя *meškà* широко использовалось как в древних литовских памятниках, так и в современном языке в таких значениях: ‘медведь’ (древние памятники и словари, аукштайтские и жемайтские диалекты), в переносном значении ‘переодетый, надевший маску не приглашенный гость на свадьбе’ (Гауре, Таурагский р-н); ‘колода, надеваемая на сани при перевозке бревен’ (Римше, Игналинский р-н); ‘охапка хвороста, используемая при утрамбовке печи’ (Пасвалис); ‘опора перед мостом для разбивания льдин, ледокол’ (Паграмантис, Турагский р-н); ‘приспособление для выжимания масла из семян’ (Купишкис); ‘приспособление для сгибания лука’ (Йонишкелис, Пасвалиский р-н); ‘приспособление для изготовления пазов, шпунтовки’ (Гегренай, Плунгский р-н, Пагегяй, Шилутский р-н); ‘вбитый в верстак колышек для подпорки строгоемого предмета’ (Плунге); ‘якорь’ (Ивинскис, Кашараускас, Прусская Литва); ‘вентерь’ (окрестности Каунаса); ‘гиря весов’ (Сведасай, Аникщяйский р-н) (LKŽ VIII, 86–87). Как мы видим, семантическое содержание слова *meškà* довольно богатое, развернутое. Поэтому прежде всего следует выяснить, какие значения первичные: ‘медведь’ или ‘колода, надеваемая на сани при перевозке бревен; вбитый в верстак колышек’ или подобные. Не стоит упускать из виду и то, что слово *meškà* в основном значении ‘медведь’ засвидетельствовано в древних памятниках и используется на всем пространстве литовского языка, однако в значениях ‘колода на санях...; охапка хвороста...; вбитый колышек’ и др. известно в отдельных аукштайтских и жемайтских диалектах, но это вряд ли означает, что эти значения новые, поздние (см. ниже).

Название медведя *meškà* в разговорном языке акцентируется как по второй, так и по четвертой акцентной парадигме, ср. *niu mēšky* (gen.

plur.) (Būga II, 187), *mėškos* gen. sing. в восточно-аукштайских говорах, а в западных говорах произносится *mėškōs* (Būga III, 73); gen. sing. *mėškōs* — в жемайтских говорах, gen. sing. *mėškos* в Дусетах, Меркине, Тверечюсе (LKŽ VIII, 86–87). Не следует упускать из виду также то обстоятельство, что форма мужского рода *mėškas* (без ударения) ‘медведь’ встречается в древних литовских памятниках — книге Библейских изречений (LKŽ VIII, 88) — и что в отдельных говорах известны также формы *é*-основы: *mėškė*, *mėškė* и *mėškė* ‘медведица (самка)’ (в словарях Ширвида и Куршата), ‘(в переносном значении) говоря о большой, толстой и неуклюжей женщине или животном’ (Гейстарай, Вилкавишский р-н — LKŽ VIII, 88). Формы *-(i)io*-основы: *mėškis*, *mėškis* subst. masc. ‘медведь (самец); (в переносном значении) о большом неуклюжем человеке или животном’ (в первом значении — Таурагнай, Утена; во втором — Кведарна, Калналис, Кретингский р-н, Дусетос, Зарасайский р-н, Гейстарай, Вилкавишский р-н — LKŽ VIII, 92).

Лит. *mėškelė* ‘такой жук’ (Песни Юшки, 219, 26: *vabals mėškelė*), *mėškėlė* ‘скорпион’ (переведено на польский как *niedźwiadek*) (LKŽ VIII, 88) тоже считаются производными от *mėškà* (LEW I, 443). Обнаруживаемое в словаре литовского языка Нессельманна (LKŽ IX, 294) *pamėškys* ‘неуклюжий, медведеподобный человек’ — префиксальное производное от *mėškà*.

Разнообразие форм названия медведя и его семантическое разветвление должны указывать на исконность этого слова — что оно издревле принадлежит балтийским языкам (см. ниже). Это подтверждают и латышские данные.

Латышское соответствие — *mėška* ‘медведь (der Bär)’ (ME II, 606) — тоже считается славянским заимствованием. Но на самом деле его лучше не отделять от таких ранее употреблявшихся латышских слов, как *mėškus* ‘(пренебрежительно) глуповатый человек или животное’, *mėškāns* ‘очень упитанный, жирный (о поросятах)’ (EH I, 803), которые, видимо, являются производными с окончанием *-u*- и суффиксом *-ān-*. Интересно, что в латышском языке использовалось, возможно, и сейчас еще где-то используется *miška* ‘медведь (der Bär)’ (ME II, 637 с примечанием и вопросительным знаком: возможно, преобразованное по образцу рус. *Мишка*). Лтш. *miška* ‘медведь (der Bär)’ можно исторически связать с литовской лексемой *miškis* masc. ‘зверь (?)’, известной из сказки и дополнений К. Масюса к словарю Юшки (LKŽ VIII, 291) (см. ниже).

Чтобы надлежащим образом объяснить происхождение лит. *mėškà* ‘медведь’ и лтш. *mėška* ‘медведь (der Bär)’, следовало бы начать с литовского слова *mėdžias* masc. ‘многолетнее растение с твердым стеблем

и ветвями; ствол срубленного дерева, древесный материал (древно и др.); лес', которое в значении 'лес' используется в самых юго-восточных аукштайтских говорах (Дусетос, Зарасайский р-н, Рудишкес, Тракайский р-н, Мариямпольс, Вильнюсский р-н, Эйшишкес, Шальчининкский р-н, Марцинконис, Рудня, Валькининкай, Варенский р-н, Варена, Лазунай, Ивийский р-н, Белоруссия, Гервяты, Астравский р-н, Белоруссия, Армонишкес, Пеляса, Вороново, Белоруссия) (LKŽ VII, 996; LKA I, 191–192 (карта № 113)). Наряду с ним употребляются также *mēdis* masc. 'многолетнее растение с твердым стеблем и ветвями; ствол срубленного дерева, древесный материал (древно и др.); лучина, палка; лес' (LKŽ VII, 988–989) — в значении 'лес' это слово известно в ареале (Асава, Ночя, Пеляса, Родуна, р-н Вороново, Белоруссия, Лазунай, Ивийский р-н, Белоруссия, Валькининкай, р-н Вороново, Девенишкес, Шальчининкский р-н, Аукштадварис, Тракайский р-н, Варена, Онушкис, Тракайский р-н) — и *mēdē* fem. 'лес' (Библия Бреткунаса, песни Юшки, Тельшяй, Мажейкяй, Грушлаукис, Кретингский р-н, Седа, Мажейкский р-н, Скуодас, Моседис, Шатес, Скуодский р-н, Шилале — LKŽ VII, 983).

Как мы видим, самым древним и первичным значением лит. *mēdžias* мы смело можем считать 'лес'. Это подтвердили бы этимологические соответствия как лтш. *mežs* 'лес (der Wald, das Gehöz); дерево (der Baum)' (ME II, 611, EH I, 805), где форма генитива с названиями зверей, птиц или растений означает 'дикий, -ая', например, *meža pile* 'дикая утка', *meža cūka* 'кабан', *meža gailis* 'глухарь', *meža suns* 'волк' (ME II, 611), так и прус. *median* neutr. 'лес (walt)', развившиеся из балт. **medjan*, nomen collectivum neutrum с первичным значением 'совокупность деревьев' (Mažiulis III, 119–120). Но в значении 'дерево' лит. *mēdis* и лтш. **medis* раньше были мужского рода (LEW I, 425).

Возможно, литовские слова *meškà*, *meškas* (без ударения) 'медведь', как и лтш. *meška* 'медведь (der Bär)', при посредничестве формы **meška(s)*, продолжают первичную форму **medž(ia)ka(s)* 'лесной, принадлежащий лесу (зверь)', где к корневой форме **medja-* 'лес' мог присоединяться суффикс *-k-*, — в связи с возможностью такого производного и в фонетическом отношении ср.: 1) лит. *meškōtis* 'нож с деревянной рукояткой' (Байсогала, Радвилишский р-н, Вашкай, Пасвалиский р-н — LKŽ VIII, 92) : *medžkōtis* 'то же' (Гружяй, Пасвалиский р-н, Скайстгирис, Йонишкяйский р-н, Шедува, Радвилишский р-н — LKŽ VII, 999) : *medkōtis*, *mēdkotis* 'то же' (больше всего жемайтские говоры — LKŽ VII, 990) : *medžiakōtis* 'нож с деревянной рукояткой' (Баготойи, Даукшяй, Людвинавас, Мариямпольский р-н, Шета, Кедайняйский р-н — LKŽ VII, 995); то есть сложное из *mēdžias* и *kotas*; 2) *mašnà* 'небольшой мешочек для денег или табака;

scrotum...’ (LKŽ VII, 905), — это заимствование из польск. *moszna* ‘мешок, корзина; анат. мошонка’: *mačnà* ‘то же’ (Куршат — LKŽ VII, 724); *mašnelninkas* (без ударения) ‘вор-карманник’: *maškelninkas* (без ударения) ‘то же’ (LKŽ VII, 904, 905). Таким образом, мы видим фонетическое чередование в конце слова *-š(k)/-čk/-dž-*, фонетически развившееся из сочетания звуков *-džiak- < *-dja-k-*.

По поводу такого фонетического развития еще ср. *mečečerškė* (без ударения) (Иванаускас — LKŽ VII, 980); *mėdšerkė, medšerkė, medšėrkė* ‘птица из отряда воробьиных семейства сорокопудов с толстым гнутым клювом и толстыми загнутыми когтями (*Lanius*)’ (LKŽ VII, 991), *medšėrka* ‘то же’, *mėdšarkė* ‘то же’ (К, Кос, Юшка, Науяместис, Рамигала, Паневежский р-н, Линкува, Грузжай, Пасвалиский р-н, Гаргждай, Клайпедский р-н), *mėdšarka* ‘то же’ (R, MŽ, N., К, песни Юшки) (LKŽ VII, 991); таким образом *mečečerškė* (без ударения) < **mečia-šerkė* (без ударения) < **medžia-šarkė*: синхронизация гласных (*e-e < e-a*) и ассимиляция согласных (*dž-š- > -č- -č-*).

Примеров похожего, иногда тождественного словообразования трудно найти и больше; так *dėčkus* ‘дядя...’ (Гейстарай) — производное от *dėdė* ‘брат матери или отца...’ (LKŽ II, 353), возможно, из первичной формы **dėd-šk-* или **dėd(ja)-k-*. Лит. *drūčkis, drūčkis* ‘толстый человек или животное’ (LKŽ II, 751), скорее всего, имело первичные формы **druč(ia)kis* resp. **drūč(ia)kis* (< **drut[ia]k-* resp. **drūt[ia]k-*), основой их образования скорее всего были прилагательные *drūtas* ‘толстый (о круглом)...’ (LKŽ II, 770), а также *drūktas* ‘толстый (dick)’ (Bezenberger 1882, 109) с кратким гласным основы (которого нет в «Словаре литовского языка»!). Лит. *dėčkus* ‘дядя...’ (Гейстарай) является производным от *dėdė* ‘брат матери или отца...’ (LKŽ II, 353), начальную форму которого мы могли бы реконструировать в виде **dėdjak-*.

В слове *mešk-à*, видимо, следует выделять суффикс *-k-*, как в словах *láiškas, sliekas, ožkà* и др. (Skardžius 1943, 121–122). Кроме того, суффикс *-k-* могут иметь такие литовские слова: 1) *márška* ‘простыня; покрывало; тканое одеяло из толстых нитей, занавеска, одеяло; большой мешок или простыня для корма, щепок или вообще легких и сыпучих предметов...’ (LKŽ VII, 879), ср. лтш. *mařsna*; 2) *ožkà* наряду с *ožys*, прус. *wosee* ‘коза’, *wosux* ‘козел’; 3) *šàškus, šàškus* ‘покрытый струпами, паршивый’ (LKŽ XIV, 538), с помощью суффикса *-k-* производное от *šàsti* (*šàšta, šàšo*) ‘покрываться струпьями, паршиветь, шелудиветь’; 4) *šlāpkus* ‘мокрый, промокший’, *šlāpkis* adj. ‘дождливый’ (LKŽ XIV, 1022) с помощью *-k-* выведено из прилагательного *šlāpias* или глагола *šlāpti* (*šlāmpa, šlāpo*) ‘становиться мокрым, влажнеть, мокнуть...’; 5) *rupkė, rupkė* ‘жаба; scom. негодник, мерзавец...’, *rupkis, rupkys* ‘то же’, *rupkus* ‘scom. негодник, мерзавец’

(LKŽ XI, 1000–1001) : *rūpti* (*rum̃pa*, *rūpo*) ‘становиться неровной (о коже), со следами от оспы или морщинистым...’.

Как в фонетическом, так и в словообразовательном отношении достойны внимания также латышские слова: прежде всего, лтш. *mička*, которым пренебрежительно называются *mice* и *mica* ‘шапка’ (ME II, 623); во-вторых, *mička* ‘имя коровы; корова с белой головой’ наряду с *mice* ‘корова с белой головой’ (EH I, 811), из которых явно видно, как рядом с *-c-* появляется *-čk-*.

В научной литературе обычно связывают происхождение лит. *miškas* с древнегреческими словами *μίσχος* masc. ‘черенок (стебель) листка, плода или цветка’, *μίσκος* ‘стручок, кожура, кожаца, корка’, *ἀμίσχος* ‘бесстебельный’, к которым причисляется также глосса Гесихия *μίσκαίος*, *κῆπος* ‘сад; охраняемая земля, занятая посадками’ (Specht 1944, 255 (сноска 2); LEW I, 461). Однако Х. Фриск сомневался, можно ли эту греческую глоссу причислить к тому лексическому гнезду, к которому относится и лит. *miškas*, поскольку, по его мнению, семантически все это повисает в воздухе, если не опираться на значение литовского слова ‘ствол дерева, жердь, палка (Baumstamm, Stange)’ (Frisk 1970, 245). П. Кантрен добавил, что в Тессалии *μίσχος* означало приспособление для пахоты, названное так по названию рукоятки, кроме того, слова *μίσκαίος* и *miškas* имеют отдаленные значения (Chantraine 1968, 706). Можно полностью согласиться с этим замечанием и попробовать поискать другое объяснение.

По данным «Словаря литовского языка» (LKŽ VIII, 288), значения слова *miškas* таковы: ‘место, поросшее деревьями; лес’ (словарь Ширвида, Summa 1653, словари Ф. Куршата и Юшки, аукштайтские говоры, но и жемайты — Гадунавас, Тельшайский р-н, Кражай, Кельмский р-н, Шилале, Шилуте), ‘строительные деревья’ (словарь Краузе из архива Каралаяучоса XVII, Гейстарай, Вилкавишский р-н, Варнай, Тельшайский р-н, Йонишкис, Пабирже, Биржайский р-н, Рамигала, Неменчине, Вильнюсский р-н, Гервечай, Астравский р-н, Белоруссия). В комментариях к «Атласу литовского языка» отмечается, что «Иногда *miškas* отличается от других названий, употребляемых в том же месте, количественным значением», например, *miškas* ‘большой лес’, но *mėdė* ‘маленький лес’ (Пикеляй, Юодейский округ, Мажейкяйский р-н); *miškas* ‘большой лес’, но *mėdė* ‘маленький лес’ (Алседжяй, Плунгский р-н) (LKA I, 192). Отсюда видно, что древнее значение слова *miškas* скорее всего было ‘большой лес; большое пространство, поросшее деревьями’. Скорее всего по этой причине северо-восточные аукштайты имеют суффиксальное производное *miškavà* ‘лесное пространство, лес’ (Салакас, Зарасайский р-н, Даугайляй, Таурагнай, Утянский р-н — LKŽ VIII, 289), — по значению и словообразованию

ср. *kelmavà* ‘луг с пнями’ (Линкува) (Skardžius 1943, 379) (← *kélmás* ‘нижняя часть ствола дерева (или другого растения) с корнями; ствол дерева, пень; куст, растение со стволом и корнями...’).

Поэтому можно сделать предположение, что слово *miškas* в старом значении ‘большой лес; большое пространство, поросшее лесом’ скорее всего фонетически развилось из производных от слова *mėdžias* ‘лес’ с помощью суффикса *-k-*, таких, как **med(ia)-k-* > **medž(ia)k-* > **mešk-* > **metš-k-* > **mešk-* > *mišk(as)*. Таким образом слово *miškas* скорее всего является производным с суффиксом *-k-*, то есть новообразованием (с корневым *i*), сохранившим старое значение, а *mėškas* (без ударения) ‘медведь’ — значение новое, но его форма архаична (та же, как и у слова *mėdžias*). По наблюдениям Ф. Фортунатова, в литовском языке гласный *i* вместо *e* чаще появляется в окружении носовых согласных *m*, *n*, например, *midūs* : *medūs*, *knibtì* : *knebinėti*, *knisti* : греч. κνώ (Фортунатов 1961, 62). Кроме того, гласную *i*, развившуюся из *e*, может иметь лит. *ielikštis* (Юрбаркас) наряду с *ielekštis* и *ielakštis* (LKŽ IV, 13); *vidigà* (Скапишкис, Купрялишкис, Ализава, Палевене, Панямуnelis, Купишкис, Панделис) (ЛКА, 87) наряду с *vedegà*, *vėdegà*; также греч. ἵπλος ‘лошадь’ < ἔπλος (< и-е. **ekulos*), ср. лит. *ešva* ‘кобыла’ (Karaliūnas 2004, 194).

Таким образом, превращение литовского слова *mėdžias* ‘лес’ в *miškas* в старом его значении ‘большой лес; большое пространство, поросшее лесом’ соответствует всем фонетическим условиям.

Из-за этой фонетической трансформации появилось не только лит. *miškis* ‘зверь (?)’ (из сказки; дополнения К. Мацюса к словарю Юшки — LKŽ VIII, 291), но и упомянутые названия медведя в славянских языках, заимствованные из балтийских диалектов — белорусское *мішка* ‘медведь; детская игрушка’ и русское *мишка* ‘медведь’, *мишюха* ‘медвежонок’. Из балтийских форм *meška*, *meškas* ‘медведь’ < **medž(ia)ka(s)* ‘лесной, принадлежащий лесу (зверь)’ также образовались болгарское *мѣчка* ‘медведица’, *мечѣ* ‘медвежонок’, сербское *мѣчак* ‘медведь’, *мѣче* ‘медвежонок’, *мѣчка* ‘медведь, -ица’.

Перевод с литовского языка М.В. Завьяловой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- БРС — Беларуска-рускі слоўнік. М., 1962.
 Даль 1881 — Вл. Даль. Толковый словарь живаго великарускаго языка. Второе издание. С.-Петербург — Москва, II, 1881.
 Ларин 2003 — Б. А. Ларин. Филологическое наследие. С.-Петербург, 2003.

- Срезневский 1902 — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка. II. С.-Петербург, 1902.
- СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. 3. Мінск, 1982.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. 18. Ленинград, 1982.
- Фортунатов 1961 — *Ф. Фортунатов*. Лекции по фонетике литовского языка // *Årsbok 1957/1958*. Lund, 1961.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуски 1–. М., 1974–.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. 7. Мінск, 1991.
- Bezenberger 1882 — *A. Bezenberger*. *Littauische Forschungen*. Göttingen, 1882.
- Būga I–III — *K. Būga*. *Rinkiniai raštai*. Vilnius. I — 1958; II — 1959; III — 1961.
- Chantraine 1968 — *P. Chantraine*. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris, 1968.
- EH — *J. Endzelin und E. Hausenberg*. *Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenschachs Lettisch-deutschem Wörterbuch*. I. Riga, 1934–1938.
- Frisk 1970 — *H. Frisk*. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. II. Heidelberg, 1970.
- Karaliūnas 2004 — *S. Karaliūnas*. *Baltų praeitis istoriniuose šaltiniuose*. I. Vilnius, 2004.
- LEW — *E. Fraenkel*. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. I. Heidelberg-Göttingen, 1962.
- LKA — *Lietuvių kalbos atlasas*. I. *Leksika*, Vilnius, 1977.
- LKŽ — *Lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius, VII — 1966; VIII — 1970.
- Mažiulis III — *V. Mažiulis*. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. III. Vilnius, 1996.
- ME — *K. Mühlenschachs*. *Lettisch-deutsches Wörterbuch*. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. II Band. Riga, 1925–1927.
- Skardžius 1931 — *P. Skardžius*. *Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen*. Kaunas, 1931 [= *Skardžius P. Rinkiniai raštai*. IV. Vilnius, 1998].
- Skardžius 1943 — *P. Skardžius*. *Lietuvių kalbos žodžių daryba*. Vilnius, 1943 [= *Skardžius P. Rinkiniai raštai*. I. Vilnius, 1996].
- Specht 1944 — *F. Specht*. *Der Ursprung der Indogermanischen Deklination*. Göttingen, 1944.

On etymology of the ethnonym *Čechi*¹

1. The first attempt to explain the name of his country was proposed by Cosma of Prague in his «Chronica Boemorum», finished in the year of his death, AD 1125. He began with characterization of the natural conditions of the country, originally without inhabitants, and continued with a description of the arrival of the first settlers, who were to form the Czech nation. The «first» migration was lead by *Boemus*, apparently named on the basis of the country name: *Boemia* (see Appendix II), according to the usual model of a secondary creation from the name of a *heros eponymos*:

Mira res, et unde perpendere potes, quam in alto aere hec pendeat regio, cum nulla peregrina hanc influat aqua, sed quotquot amnes, parvi et inmanes ex diversis montibus orti, a maiori aqua que dicitur Labe recepti usque aquilonale fluunt in mare. Et quia hec regio tempore in illo intemptata iacebat aratro et homo, qui temptaret, adhuc eam non intrarat, de fertilitate sive sterilitate eius magis placuit tacere, quam inexpertam rem dicere. has solitudines quisquis fuit ille hominum — incertum est quot in animabus — postquam intravit, querens loca humanis habitationibus oportuna, montes, valles, tesqua, tempe visu sagaci perlustravit et, ut reor, circa montem Rip inter duos fluvios, scilicet Ogram et Wlitauam, primas posuit sedes, primas fundavit et edes et quos in humeris secum apportarat, humi sisti penates gaudebat. Tunc senior, quem alii quasi dominum comitabantur, inter cetera suos sequaces sic affatur: 'O socii, non semel mecum labores per devia nemorum perpessi, sistite gradum, vestris penatibus litate libamen gratum, quorum opem per mirificam hanc vobis olim fato predestinatam tandem venistis ad patriam. Hec est illa, hec est illa terra, quam sepe me vobis promississe memini, terra obnoxia nemini, feris et volatilibus referta, nectare mellis et lactis humida, et, ut ipsi perspicitis, ad habitandum aere iocunda. Aque ex omni parte copiose et ultra modum piscose. Hic vobis nihil deerit, quia nullus vobis oberit. Sed cum hec talis, tam pulchra ac tanta regio in manibus vestris sit, cogitate, aptum terrenomen quod sit.' Qui mox quasi ex divino commoniti

¹ The present study was prepared thanks to the grant of the The Czech Science Foundation (GAČR), P406/12/0655. The first version, written in Czech, was published together with Václav Klain in 2002. In the first English version published in 2010 the bibliographical sources were significantly supplemented, especially thanks to Jana Villnow Komárková and Petr Svobodný. My deepest thanks belong to Steven Young for a substantial help with revision of my English text and to Georg Holzer for his careful editorial supervision. The present contribution is a slightly modified version from 2010.

oraculo: 'Et unde', inquit, 'melius vel aptius nomen inuenimus, quam, quia tu, o pater, diceris Boemus, dicatur et terra Boemia?'

It is probable that Cosma mechanically translated the proper names *Čech* and *Čechy* as *Boemus* and *Boemia* respectively. Perwolf (1886, 622) was certainly right, to conclude that the ethnonym formed from the proper name *Čech* would appear as ⁺*Čechovici* (cf. *Čechovice* near Olomouc, Polish *Czechowice* south of Kraków, maybe also Croatian *Čahovići*).

2. The oldest evidence of the use of the ethnonym *Čech* has been sought in the record of «*Annales Tiliiani*» from AD 805: *Sclavi, qui vocabantur Cinu*; together with the information from the «*Chronicon Moissuacense*» about the campaign of the army of Charles the Great *ad Euhuvinides* (in other ms. *super Windones*) some scholars (e.g. Pertz) offer the emendation ⁺*Cichu*, accepted e.g. by Niederle (1927, 201) or Spal (1990). Other scholars prefer to see here a scribal error (for details see Trěštík 1997, 493). From the oldest texts, where the occurrence of the ethnonym *Čech* or choronym *Čechy* is unquestioned, the following alternatives are offered by Old Church Slavonic and Church Slavonic, Old Russian and Czech traditions.

2.1. The First Old Church Slavonic legend about Saint Wenceslaus, composed in Bohemia around 940, but preserved only in later redactions:

— Croatian Glagolitic with the basic text from the Novi Breviary from the 15th century: *bisi že k'nez eterь v Česěxь imenemь Vratislavь, žena že ego naricaema Dragomira* 'There was a certain Duke called Vratislav in Bohemia and his wife, named Dragomira'.

— South Russian (of Vostokov) after the Russian Church Slavonic ms. «*Toržestvennik*» from the 16th century: *bě že knęzь velikь slavoju v Čexax živi imenemь Vorotislavь i žena ego Dorogomirь* 'There was a Duke, great in glory, living in Bohemia, called Vratislav, and his wife Dorogomir'.

— North Russian (Minean) with the basic text after ms. of great mineas of the library of Sofia from the 16th century: *bě že někto k(ъ)nězь velikь i slavoju čestьnъ vь Čexexь živi, imenemь Vratislavь i podružie ego zovomo estь Dragomirь* 'There was a certain Grand Duke, by glory famous, living in Bohemia, called Vratislav, and his wife called Dragomir' (cf. J. Vais; MMFH II, 181–83).

The second Old Church Slavonic legend about Saint Wenceslaus, the protograph in Glagolitic from the end of the 10th or beginning of 11th century, quoted after the Kazan' ms. from the 15th century: *azь li byx ne uměl s'vami Čexi na komoni obresti protiv'nik našix* 'Was I not able to overcome our antagonists with you Czechs on horseback?' (Večerka 1990, 140–41).

2.2. From Old Russian chronicles the most important evidence is found in the «*Povešť vremennyx let*» of monk Nestor from the Pechera Monastery in Kyjev (1056–1116?), see MMFH I, 190–97:

[4] *Vo mnozěxъ že vremjaněx sěli sutъ Slověni po Dunaevi, gđe estъ nyne Ugorьska zemlja i Bolgarьska. I ot těxъ Slověnъ razidošasja po zemlě i prozvašasja imeny svoimi, gđe sědše na kotoromъ městě jako i prišedše sědoša na rěčě injanemъ Marava i prozvašasja Morava a družii Česi narekošasja. A se ti že Slověni Xrovate Bělji i Serebъ i Xorutane ...* ‘Over a long period of time the Slavs settled along the Danube, where the Hungarian country and Bulgaria are now. And from these Slavs they dispersed across the land and called themselves by the names of the places in which they had settled: if they came to the river named Morava, [the country] was called Morava and others were called Czechs; and the White Croats, Serbians, and Carantians are the same Slavs’ [17] *I načasja voevati na Moravu i na Čexi. Bě edinъ jazykъ slověneskъ: slověni, iže sědjaxu po Dunaevi, ix že prijaša Ugri, i Morava, i Česi, i Ljaxove, i Poljane, jaže nyně zovomaja Rusъ* ‘And they began to wage war against Morava and against the Czechs. There was a single Slavic people the Slavs, settled along the Danube, subjugated by Hungarians; and Moravians and Czechs and Ljachs and Poljans, now called Rus’ (cf. K. J. Erben).

2.3. The oldest Czech evidence for use of the ethnonym *Čech* occurs in several Old Czech texts, originating in the 12–14th centuries (see Porák 1979, 34, 35, 56–57):

— The song «Oh, Saint Wenceslaus», perhaps from the 12th century, is quoted after the so-called Volume of Miličov from the eighties of the 14th century: *Swaty Waczlawe | wewodo czeske zemye | knyzeze nass | pros za ny boha | swateho ducha!*

— The Legend of Judas from the beginning of the 14th century, here quoted after the so-called Museum fragment: *Znamenajmy při tom zvlasti | jež sě stalo v Čechách [Chzechach] nenie | gdež přivuzných králóv nenie.*

— The so-called Dalimil Chronicle from the beginning of the 14th century (finished in 1314), here quoted after the so-called Cambridge ms. from the first half of the 14th century: (4b, 1–5) *O poczatzcye nasseho yazika w Czechach W syrbskem yazyku yest zemye | giesto Charwaty yest gmye. | W tey zemy byesse lech | gemuzto gmye byesse Czech. (4b, 42–43) Ale ze gych starostye Czech diechu | pron zemy Czechy wzdiechu.*

2.4. There are also important historical records from medieval Hungary (1075 *ceh-ti* [Monumenta Ecclesiae Strigoniensis], 1146 *ceh*, 1405 *chēh*, today *Cseh*, see MNTESz, 490–91), and Byzantium (Τζέχοι, Τζέχον ἔθνος of Kinnamos, 1143–1180, see Niederle 1927, 202). Old Church Slavonic, Church Slavonic Old Russian and Old Czech, Old Hungarian and Byzantine Greek sources give evidence of a common starting point *Čexъ and exclude the protoform *Čexъ (the later Old Russian form Čaxъ is generally interpreted as a result of the influence of *Ljaxъ* < *Ləxъ). The rather doubtful example from

the «Annales Tiliani» dated to AD 805 can be interpreted as a transcription of a hypothetical Slavic **Čьxъ*. The reduced vowel **ь* continues as *e* in most of the Slavic languages, and as *a* in some of the Old Russian / Russian Church Slavonic monuments and in Serbo-Croatian. The Serbo-Croatian toponyms of the type *Čahovići* confirm this starting point. But in weak position the reduced vowel should be missing, cf. Czech *pes*, gen. *psa* ‘dog’, from **pьsъ*. To reconstruct the protoform **Čьxъ*, it is necessary to accept the model of an early paradigmatic levelling, but there is no other evidence for it.

3. Seeking the origin of the ethnonym **Čexъ*, it is necessary also to take into account toponyms formed from the same base. Outside of Bohemia and Moravia, there are surprisingly many place names from the root **čex-* in the territory of historical Galicia, from West Ukraine (the tributary of the Styr *Čexi*, villages *Čexi* known from the 12th century, *Čexov* near Bučač, *Čexova* near Kolomyje) to the area south of Kraków (*Czchów*, 1230 *Czechow* on the middle Dunajec, *Czechowka* near Wieliczka, *Czechowice-Dzidzice* near Bielsko-Biała from 1300 etc., further *Czechy* in Silesia, already 1253 *Czechy*, etc. — see Niederle 1927, 203). Remarkable is the presence of the toponym Τζέχοβῆ (**Čexovo*) near the mouth of the Marica in Greece already in 1152 (Vasmer 1941, 232 finds the parallel in Slovenian *Čehovec*).

4. Among Slavic, and perhaps all Indo-European ethnonyms, **Čexъ* sets a record in the number of proposed etymological attempts. Let us mention them (see details in Niederle 1927, 202; Kolomeic 1983, 290–97):

(1) Kochanowski (1585): Origin in the name of the nation of *Zichs/Zechs*, described by ancient and Byzantine authors of the 1st millennium AD (apud Perwolf 1884, 619). Similarly Dobner 1761, occasionally Dobrovský, further Obermüller 1874, Wirth 1906, Petitot 1889, Baum 1908 — all apud Niederle 1927, 180, fn. 2, with his critical comments.

(2) Dobrovský (1782; 1827): From **čęti* > Old Czech *čieti* ‘to begin’, *Češi* = ‘beginnings’, i.e. the first Slavs in the territory of Bohemia, while Silesians must be ‘the followers’. For an expected hypocoristic **Čęxъ* there is however no support.

(3) Jungmann (1835): Hypocoristic from the personal name of the type *Čes(t)slav*. Similarly Prusík 1885 (referring to the name of the village *Ctiněves*, AD 1383 *de Cstyniwi*, on the foot of the *Říp* mountain), Holub & Kopečný 1952; Rospond 1968, 22f. The first component reflects **čьsti-*, implying the hypocoristic **Čьxъ*, after the fall of the reduced vowels *Čech*, gen. **Čcha*. But traces of this paradigm in the continuants of this root are missing in Old Czech (and all later) records.

(4) Kollár (apud Niederle, l.c.): In the root of the word *po-těch-a* ‘pleasure’ (even the reserved Niederle called this attempt absurd).

(5) Šafařík (1865): From **čekati*/**čajati* ‘to wait’. But both verbs are continuants of various roots (Trubačev 4, 10,11,36). It is difficult to defend it from both phonetic and semantic points of view, despite the attempt of Vacek (1905) to derive the ethnonym from the primary meaning ‘one who waits on guard’.

(6) Perwolf (1884, 623): From **čexati* > Serbo-Croatian *čehati* ‘to break out’, Russian *čexanuť* ‘to lash’, *čexor* ‘wrangler, bully’; hence **Čexъ* = ‘warrior, bully’. He seeks support in the parallel name of *Czechs*, formed from the base *Boiem-* etc., which, together with such Central Bohemian place names as *Bojmice* (today *Bohnice*) and *Bojmany* (near Čáslav), he interprets as derivatives of Slavic **bojъ*. Similarly Trubačev (1974, 65), who saw in the ethnonym **Česi* (pl.) a calque of the Celtic ethnonym *Boii*, traditionally interpreted as ‘warriors’, but more probably as ‘inhabitants’ (so Bammesberger; see Blažek 2000, 10). It is also accepted by Kolomic (1983, 295–97), who assumes **čex-* < **keks-* and mentions the opposite sequence of the same consonants in the name *Ščekъ* (**Škeko-*) of a mythical hero, the founder of Kyjev together with his brothers Kyj, Choriv and sister Lybed’ according to Nestor’s chronicle [§ 5, 6, 14].

(7) Hošek (1891): Hypocoristic from **čeladinъ* ‘groom’, in Ukrainian also ‘adult son/daughter’, alternatively from **čelověkъ*. Similarly Novotný 1912, 235; see also Otrębski 1947; Vasmer 4, 353; Spal 1953; 1990. Fraenkel (1950, 268) assumed an intermediate **čelexъ* (similarly Skok 1, 302). A proof of its existence he saw in the names of the Czech village *Čelechovice* (first 1358) near Nové Strašecí. There are still two *Čelechovice* in Haná in central Moravia (first 1234 and 1258; Hosák & Šrámek 1970, 157 reconstructed the starting point **Čelech*, which must have been a hypocoristic from the personal name *Čělub*. Fraenkel also included Slovenian *čèh* ‘boy’ in this etymon.

(8) Mikkola (1902): Hypocoristic from Slavic **četa*. Admitted by Brückner 1927 [74], 74, Vasmer 4, 353 and Skok 1, 303.

(9) Sobolevskij (1905, 245) — Borrowing from Germanic **kabisia-* > Old Norse *kefsir* ‘servant, slave’, Old High German *kebisa*, Middle High German *kebse*, Middle Low German *keves*, Old Saxon *kevis*, Old English *c(i)efes* ‘concubine’ (Vries 1962, 304). The hypothetical borrowing should have been realized after the umlaut **a > e* in Germanic, but before the end of the process of the first palatalization (5–6th century AD after Shevelov 1964, 252), further after the syncope of **i* in the second syllable, leading to the creation of the cluster **-Ps-*. But the cluster **-Ps-* is regularly simplified into *-s-* in common Slavic. Slavic **-x-* cannot be a continuant of **-Ps-*, only **-Ks-*. After the simplification **-Ps-* > **-s-* the occurrence of **-x-* is explainable only as a result of a hypocoristic change.

(10–13) Sutnar (1908, 612–617) proposed several solutions, not always compatible:

(10) The ethnonym *Čech* is related to the Slovenian appellative *čèh* ‘boy from 10 to 15 years; herdsman’. Bezljaj (1, 77) added the diminutive *čèško* ‘demon, guarding cows’, *čèhelj* ‘stout man’, *čèhinja* ‘stout woman’. The Slovenian word *čèh* is compared by Borys & Popowska-Taborska (1994, 227) with Kashubian *ceχ* ‘youngster, child’.

(11) Sutnar found further relations in the *o*-grade **koxati* ‘amare’, **orkošb* ‘voluptas’; implying ‘boy’ = ‘a fruit of love’. For defenders of this etymology, the Baltic cognate in Lithuanian *kėkšė* ‘prostitute’ (cf. Fraenkel 1962–65, 235) would probably be rather indigestible.

(12) Sutnar sought the primary verb in **čexati* ~ **česati* ‘to comb, scrape’. He ascribed to it the original meaning ‘to divide’ on the basis of Slovenian *čes* ‘chip, splinter’, *čésec* id. The semantic dispersion of the Slavic etymon and external IE parallels confirm the primary meaning ‘to comb; scribble’ (Pokorny 1959, 585).

(13) Sutnar surprisingly also considered a relationship with Slavic **čędo* ‘child’, which reflects older **kendo-* or **kindo-*, irrespective of whether it was inherited or borrowed from Germanic. Similarly Jakobson (1938) and Nahtigal (1949–50). But the hypocoristic formed from **čędo* would appear as **Čęxъ*, leading to Czech **Čach* and Kashubian **čęχ* (Kolomicz 1983, 290; Borys & Popowska-Taborska 1994, 227).

(14) Jagić (1913, 284): From Slavic **čęstъ* ‘dense’, cf. **čęšča* ‘dense forest’, i.e. ‘inhabitants of the dense forests’. But the expected hypocoristic should again preserve the nasal vowel: **Čęxъ*.

(15) Sutnar (1929, 288–94): A borrowing from Middle High German *Zēch* ‘guild’ (cf. also Bezljaj 1, 77). But Middle High German *z-* > Slavic *c-*.

(16) Kelemina (1928, 141): A borrowing from German dial. *Zoche* ‘fork, club, cudgel’, which itself represents an adaptation of Slavic **soxa* (cf. Bezljaj 1, 77).

(17) Koranda (1940, 90–104; in reality Závíš Kalandra): *Čechy* from the base **čax-* > Russian *čaxnut’* ‘to wither; get dry’, *čaxlyj* ‘withered’, i.e. ‘dry earth’. Vasmer (4, 319f) explained *čaxnut’* as the expressive variant of **čaznōti* ‘to disappear’ etc.

(18) Rudnicki (1961): **Čęxъ* < **keksos* ‘cock’, which must be related to Church Slavonic *kokotъ* id. The connection of *Czechs* to cocks is explained on the basis of Latin *gallus*, meaning not only ‘cock’, but also ‘Gaul’. However, Gauls never lived in Bohemia (cf. Trubačev 4, 35).

(19) Ondruš (1975; 1985): From a hypothetical root **ček-* postulated on the basis of an imaginary Lithuanian *keka* ‘hill’, lacking in all Lithuanian

dictionaries. The difference $k : x$ cannot be considered a result of a usual alternation. For a critical analysis see Spal 1990.

(20) Erhart (1998, 291): From a hypothetical inhabitant name $^+čelēninь$, pl. $^+čelēne$ * 'highlander' (cf. Lithuanian *kėlti* 'to raise' : *kálnas* 'hill'), which stood in opposition to the actually attested *Lęxь and *Lędēninь 'lowlander'.

5. There are not many Slavic ethnonyms terminating in $^*-xь$. They could be part of an ethnonym (*Volxь) or a hypocoristic (*Lęxь from *Lędjaninь / *Lędēninь , $Polęxь$ from $Polęšaninь$ 'inhabitant of *Polęsьbe*', see Vasmer 2, 553; 3, 309; *Skomorox* : lat. *Scamarus*, see Šafařík 1835 [65], 428–29). Let us mention that $^*-xь$ also forms *nomina agentis* (*ženixь : $^*ženiti se$) and *nomina actionis* (*smęxь : $^*smęjati se$), see Sławski 1974, 70–71. The brevity of the name *Čexь indicates the first two possibilities.

6. In agreement with the principle of Occam's razor, from among the proposed solutions the most promising seems to be etymology (10), based on the identity $^*Čexь = ^*čexь$ 'boy, youngster'. Before any deeper etymological analysis it is necessary to answer the question, whether the semantic shift reflects representatives of some ethnic group, who had fallen into captivity, becoming servants or slaves. Consequently the ethnonym became a synonym for 'servant' or 'slave' and from here the development could lead to 'youngster, boy'.

The first shift is well-known. Besides the name of Slavs, let us mention Finnish *orja* 'slave', Olonets *orju* 'subject, servant, beggar', Mordvinian *Erzya urę* 'slave, servant', representing the adaptation of Indo-Aryan $^*ārya-$ 'Ariyan' > Old Indic $ārya-$, Avestan *airiia-*, Old Persian *ariya-*; the southern origin of the 'servants' among Fenno-Ugrians is indicated by Saamish (Lule) *ārjān* 'weit im Süden oder Südwesten' (Joki 1973, 297). On the other hand, the shift 'servant / slave' → 'boy' is significantly less probable than the opposite shift, as was convincingly demonstrated by Kopečný (1968, 58). In spite of the fact that Bohemia of the early Premyslids was well-known thanks to its slave markets, it is difficult to imagine their export just to Kashubians, causing the development $Čexь = \text{'servant/slave'} \rightarrow \text{'boy'}$. It is much easier to demonstrate the semantic development from 'child/youngster' to the ethnonym. A good example of a parallel development is the ethnonym *Buri* (Tacitus, *Germania*, 43) = Βούροι (Ptolemy II, 11.20), related to the Germanic tribe located in the territory between the sources of the Odra and Vistula, if it is correctly derived from Germanic $^*buri-$, reconstructed after Gothic *baur* 'born', Old Norse *burr*, Old English *byre* 'son' (Schönfeld 1911, 58; Schwarz 1956, 72). Similarly for the name of Goths. It is generally accepted that it is related to Old Norse *goti* 'Goth; man, hero; stallion', *gotnar* 'men, warriors', Old Runic (Eggjum, AD 700) gen. pl. *gotnA* (Vries 1962, 183). Otrębski (1950, 94) added Norwegian *gut*, Swedish *gutt* 'boy' and assumed the semantic development

‘boy/youngster’ → ‘man’ → ‘men’. A similar semantic motivation may be ascribed to the Gaulish personal and ethnic names *Sunucus*, pl. *Sunuci* (Holder II, 1669–70; Delamarre 2007, 175), if it is derivable from **sūnu-* ‘son’. In this case it formally agrees with the Slavic diminutive **synъkъ* ‘little son’ < **sūnuko-*, attested e.g. in Russian *synók*, Czech *synek*, Serbo-Croatian *s`inak* etc. (Blažek 2011, 81).

A formally parallel semantic development occurs in the Slavic collective **čędb*: Old Church Slavonic *čędb* ‘children; suite; men’, archaic Serbo-Croatian *čed* ‘children and servants, domestics, kin’, Old Russian, Russian Church Slavonic *čędb*, *čadb* ‘children’ (to 1188), ‘men, people’ (1076), ‘people’ (11th century), ‘companions; suite’ (1073), cf. the formulation *A my Slověni prosta čadb ...* ‘but we Slavs are simple people ...’ from the «Life of Methodius», preserved from the Russian Church Slavonic copy in the collection of the Uspenskij Sobor from the 12.–13. century (Večerka 1990, 87–88), further Old Czech *čadský* ‘brave’, Old Russian *čadbъskъi* ‘human’ (Trubačev 4, 104). Trubačev (1999, 55–56) believed that the appellatives ‘descendants, children, people’ served as a self-designation of early Slavic populations before the creation of concrete ethnonyms. Accepting the preceding ideas, it remains to etymologize the appellative **čexъ*. It is again possible to accept the idea of Sutnar to start from the verb which is closest, namely **česati* ~ **čexati* ‘to comb; scrape’ (but not **to divide*, as Sutnar himself thought). The rich lexical and semasiological material collected by Sutnar allows him to offer a semantically more transparent etymology without any irregular changes. The verb **česati* ~ **čexati* in some of its derivates means ‘hair, tow’: Russian *česka* ‘tuft of hair, tow’, Czech *pačes* = Russian *páčesy* ‘scraps after combing flax’, Ukrainian *páčosъ* ‘id., tow’ (Vasmer 4, 349), similarly also the derivatives of the corresponding IE root **kes-*: Greek *κεσκέον* ‘tow’ (**keskes-*), Old English *heord* ‘hair’ (**hezdā*), pl. *heordan* ‘tow’, Lithuanian *kęz(d)ulas* ‘hair’ (< **kezdas* < **kesd^ho-* after Būga, see Toporov 3, 358), Old Prussian *kexti* ‘hair braided into a plait’ (**kesti/-jā*); **kos-*: Slavic **kosa* ‘hair’, Lithuanian *kasà* ‘plait, braid’, Old Norse *haddr* ‘woman’s hair’ (**hazdaz*), cf. also *Hasdingi* ‘the kin of Vandal kings’ by Cassiodorus (Pokorny 1959, 585; Schönfeld 1911, 129; Vries 1962, 200). The Gauls were also ‘hairy’: *Gallia omnis Comata uno nomine appellata* (Pliny IV, 31). Summing up, the Slavic word **čexъ* apparently designated a young man, with the following features indicating his manhood: long hair, beard and moustache and body hair. Let us mention that the Czech word *hoch* describes a ‘younger stage of a male individual’, representing a hypocoristic from *holobrádek* (beardless) or *holomúdec* = p. *gotomąd* (‘one with a bare testicle’), all from **golъ* ‘bare’, cf. also the feminine *holka* (Machek 1968, 174–75). Just this semantic motivation is confirmed by parallels in both Slavic

(Old Russian pl. *kloky* ‘hair’ : Czech *kluk* ‘boy’), and other IE languages, e.g. Latin *pūbēs* f. 1. ‘body hair around genitals’; 2. ‘adult age’, m. 3. ‘young male adult able to bear arms’ (cf. Adams 1985, 1–16).

Conclusion

From various etymologies of the ethnonym *Čexŕ* the most probable seems to be the solution based on the homonymous appellative **čexŕ*, attested in two peripheral and archaic dialects, Kashubian and Slovenian. Its primary meaning was ‘a young man with the hair, beard and pubic body hair of an adult’. The relatively late introduction of this ethnonym into the written records (safely from the 10th cent.) may not be an accident. It could result from a late ethnonymization of the corresponding appellative. An indirect proof may be seen in the absence of the derivational suffixes **-itjŕ* or **-’aninŕ/*-’ėninŕ*, pl. **-’ane/*-’ėne*, forming most frequently Slavic ethnonyms. A relatively high density of toponyms from the root **čex-* in the territories south of Kraków and in Galicia indicates the most probable trajectory of the ancestors of the Czechs from the common Slavic homeland, probably north of the Carpathian mountains, to their historical area in the middle Elbe (Labe) and lower Vltava. It is symptomatic that the state of the first historical Premyslids in the 10th cent. expanded in the East to «Red Russia», following back the trail of its ancestors to their homeland.

Appendix I: On the hypothetical Iranian or Caucasian origin of the ethnonym *Čech*

Let us return to the attempt to explain the ethnonym *Čech* on the basis of the east Pontic ethnonym Ζήχοι, beginning from a hypothetical penetration of this ethnonym to the Central European Slavs. Procopius of Caesarea in his book «Persian Wars» (II, 29) described the events of AD 545: «The river Boas rises close to the territory of the Tzani among the Armenians who dwell around Pharangium. And at first its course inclines to the right for a great distance, and its stream is small and can be forded by anyone with no trouble as far as the place where the territory of the Iberians lies on the right, and the end of the Caucasus lies directly opposite. In that place many nations have their homes, and among them the *Alani* and *Abasgi*, who are Christians and friends of the Romans from of old; also the *Zechi* [Ζήχοι], and after them the *Huns* who bear the name *Sabeiri*. But when this river reaches the point which marks the termination of the Caucasus and of Iberia as well, there other waters also are added to it and it becomes much larger and from there flows on bearing the name

of Phasis instead; and it becomes a navigable stream as far as the so-called Euxine Sea into which it empties; and on either side of it lies Lazica». The river Phasis, in the upper stream called Boas, should correspond to the contemporary Georgian river *Rioni*, emptying into the Black Sea near the city called Poti today. The Georgian name of its upper stream is *Cxiens aqali* which may be interpreted as 'warm water' (cf. modern Georgian *cxeli aqali* 'warm water'), but alternatively also the 'water of the Zechi', if the river formed the southern border of the territory controlled by Zechi. Let us confront, this with the information of Constantine Porphyrogenitus in his «De Administrando Imperio», written 400 years later (CP 42, 95–110): «After Tamatarcha [= Old Russian *Tmutarakanъ*], some 18 or 20 miles from it, is a river called Oukrouch, which divides Zichia and Tamatarcha, and from the Oukrouch to the Nikopsis river, on which stands a city with the same name as the river, is the country of Zichia; the distance is 300 miles. Beyond Zichia is the country called Kasachia, and beyond Kasachia are the Caucasian mountains, and beyond the mountains is the country of Alania. Off the seaboard of Zichia lie islands, the great island and the three islands; and, closer to shore than these, are yet other islands, which have been used for pasturage and built upon by the Zichians, Tourganirch and Tzabaganin and another island; and at Pteleai another island; and in the harbour of Spalaton another island; and at Pteleai another, where the Zichians take refuge during Alan incursions. The coastal area from the limit of Zichia, that is, from the Nikopsis river, is the country of Abasgia, as far as the city of Sotirioupolis; it is 300 miles». The name of the country Zichia and its inhabitants are known in variants *Zixia/Zexia*, *Zixoi/Zexoi* (cf. CP 187, 285). Accepting the starting-point **Zexos*, it is possible to consider an adaptation of a hypothetical Scythian appellative **čāha-* 'source, spring', developed from Iranian **čāθa-* 'spring, source' > Baluchi *čāθ*, Middle and Modern Persian *čāh*, Pashto *tsāh* id.; besides the forms without aspiration: Iranian **čāta-* > Avestan *čāt-* 'pit of a well' (loc. sg. *čāiti-*), Sogd. *č't /čāt/* id., Khotanese *tcāta-* 'pool, lake', Ossetic Iron *cad / Digor cadā* 'lake'; Khovar (i.e. Dardic) *čāt* 'lake' can be of East Iranian origin (Abaev I, 285; Bailey 1979, 138–39; Bartholomae 1904, 583). A connection with the word 'spring' indicates the information of Constantine Porphyrogennitus about petroleum springs in Zichia (53, 493–501). An ethnonym motivated by the term 'spring' is quite natural, cf. the name of the Slavic tribe from the territory of Greece **Αμπλιανη*, i.e. **qbljane* 'people from a spring', where **qbъlъ* 'spring' continues in Bulgarian *ubel*, dial. *vumbel*, Serbo-Croatian *ubao*, Polabian *wūbal* (Vasmer 1941, 80). (Indo-)Iranian influence on the Slavic languages has in fact been demonstrated. There are numerous borrowings and for some of them a typical Scythian feature, i.e. *h* < Iranian **θ*, can be identified, e.g. Slavic **čirъ* 'pellucid' < Scythian **čihra-*, cf. Khotanese

cira- ‘clear’, Avestan *čiθra-* id.; Slavic **mirь* ‘peace’ < Scythian **mihra-*, cf. Khotanese *mīrai* ‘kindness’, Avestan *miθra-* ‘kind’ etc. (see Blažek 1996, 111–12; Komárková & Blažek 2011, 124–25), but also the transfer and adaptation of such ethnonyms as **X̣rvaṭ* < Iranian **har-vat-* ‘belonging to women’ = Indo-Aryan **sar-mat-*, cf. the gloss Σαρμάται Γυναικοκρατούμενοι; **Ṣrḅ* < Indo-Aryan **śir-* and **ḅ^hi-*, reconstructed on the basis of *Ser[b]i Cephalotomi* recorded by Pliny, VI, 16 (see Trubačev 8, 151; Id. 1999, 74, 116f; similarly already Dobrovský).

The variant differing only in a nasal also existed. Thus Ptolemy (V, 9.18) had recorded the ethnonym Ζιγχοί in the 2nd century AD. He localized the Zinchi to the east of Lake Maeotis, i.e. the Sea of Azov together with the Ἄριχοι, and other tribes, namely, the Κονωπηνοί, Μέτειβοι, Ἀγορίται. Similarly Ammianus Marcellinus in his *Rerum gestarum libri qui supersunt* (finished before AD 400), who gathered his information from this region from Ptolemy, named the *Arichi*, *Sinchi* and *Napaii* in this region (XXII, 8.31–33). The variant with the nasal implies another etymology. A good candidate seems to be Ossetic Iron *cäxx*, Digor *cänxä* ‘salt’ (Abaev I, 310). The fact that it represents an apparent borrowing from North Caucasian plays no role. Geographically closest are the West Caucasian forms: Abazin *ç^ca*, Abkhaz *a-çá* ‘salty’; the East Caucasian cognates such as Andi *ççon*, Akhwakh *ççani*, Bagvalal *ççãⁱ*, Lak *ç^u* etc. ‘salt’ better reflect the reconstructed North Caucasian protoform **ççwēnhV* (Nikolaev & Starostin 1994, 371–72). The ethnonym motivated by ‘salt’ indicates that its bearers lived in the neighborhood of a salt source or that they mediated the transit trade. In the case of the Zi(n)chi one may consider both possibilities. The close eastern shores of the Sea of Azov offered a direct source of salt. The richest Pontic deposits of salt occurred in the limans along the western shores of the Crimean Peninsula and the northwest Black Sea coast. It was already Herodotus who mentioned that near the mouth of the Borysthenes, i.e. the Dnieper, there were large deposits of salt (IV, 53). Thirteen centuries after him Constantine Porphyrogennitus provided similar evidence: «From the Dnieper river to Cherson is 300 miles, and between are marshes and harbours, in which the Chersonites work the salt» (42, 69–71). Let us add that the main trade route in the easterly direction lead through the territory of the Zi(n)chi or along their coast.

Illič-Svityč (1965, 336) tried to prove that the ethnonyms Ζιγχοί and Ἰάζυγες (Ptolemy III, 5.19) are identical and continue in the modern self-designation of Adygheans and Kabardins *Adəge*, corresponding to the Ubych term *Ažəγγe*, for speakers of the Caucasian languages, Abkhas *Ažəx^a* ‘Cherkesian’ (= Kabardinan). His idea is acceptable only for *lazyses*, while the Zi(n)chi should represent another ethnic group, because both ethnonyms occur together

in the same sources (e.g. Ptolemy, l.c., Ammianus Marcellinus, l.c.). Despite the negative conclusion of the equation $\text{Ζιγγοί} = \text{Ἰάζυγες}$, the idea of Illič-Svityč remains inspirational in another direction. During the first cent. AD the Iazyges moved from the eastern shores of the Sea of Azov to the area between the Danube and Tisa rivers (Vulić, RE 9 [1916], 1189). Tacitus in his «Annales» (XII, 29) informed us that the cavalry of Vannius, king of the Quads, living in the territory of contemporary Slovakia in the 1st cent. AD «consisted of Sarmatian Iazyges». And it is not the only documented case of a migration from the eastern coast of the Azov and Black Sea into Central Europe. The following tribes can be cited: Alans (from the second half of the 4th century AD in the Hungarian puszta, afterwards leaving together with Vandals for Gaul and Iberia); Heruls (in the 3rd and 4th cent. near the Sea of Azov, c. AD 500 in Central Europe); Avars (AD 558 neighbors of the Alans north of the Caucasus, around AD 562 they already occupied the middle and lower Danube; to say nothing of the Goths and Huns, later also the Bulgarians and Hungarians).

In his comments to the chronicle «De facto Ungariae magnae a fratre Riccardo invento tempore domini Gregorii Pape Noni» completed in 1236, R. Pražák (1988, 277) mentions the Georgian tradition, of a relation between Czechs and the Caucasus was still alive in the 18th century, when the Czech language was placed beside Georgian in the so-called Petersburg Comparative Dictionary («Vocabularium Sibiricum») of J. E. Fischer. Let us suggest still another solution. Pliny (VI, 14) called the people *Cissianthi* between *Scythae, Cimmerii et Georgi, Amazonum gens*. The ethnonym *Cissianthi* is usually analyzed as *Cissi* (= Κίσσιοι by Ptolemy V, 6.6), a part of *Anti*. The Slavic affiliation of *Anti* is generally accepted from Jordanes' «Getica» (AD 551), although their name has been interpreted in the Indo-Iranian context as 'those from periphery', cf. the Slavic equivalent associated with the same territory 'Ukrajina' (Old Indic *ánta-* 'end; periphery', Ossetic *ætt'iyæ* 'in the rear', see Vasmer 1, 376; Trubačev 1999, 116, 225). The etymology of the ethnonym **Cissi*/ Κίσσιοι can be paradoxically similar to the most preferred Slavic etymology of the ethnonym *Čexť* = 'young man', if it is related to *cista-* 'young' (Bailey 1979, 103). More probably the ethnonym was motivated by such geographical names as the East Pontic mountain ridge *Cissi Montes* (Pliny VI, 21) or the river Κίσσα (Ptolemy V, 6.6). The question of the root vowel *-i-* was already discussed in § 2.4.

For the readers who are not satisfied with any of the presented etymologies, the following alternative is proposed: From the point of view of Slavic historical phonology the source of **Čexť* can also be part of the Iranian verb **čaš-* 'to drink', cf. Sogdian *čš-* 'to drink', Khotanese *cāša* 'measure for liquids' (**čaš-* *ya-*); Iranian > Armenian *čašak* 'cup'; an Iranian origin is also probable for late

Old Indic *caṣaka-* ‘cup’ (Bailey 1979, 101; Mayrhofer 1, 380). This idea opens new perspectives, but if we accept the borrowing of this Iranian etymon into Slavic, there is a much more apparent candidate for this role, namely Slavic **čāša* ‘cup’ (Trubačev 4, 30).

Appendix II: **Boiohaimon*

The designation of the territory of Bohemia was first used by Strabo (64 BC — AD 19) in the form Βουίαιμον (VII, 1.3: Ἐνταῦθα δ’ ἐστὶν ὁ Ἡρκύντιος δρυμὸς καὶ τὰ τῶν Σοήβων ἔθνη, τὰ μὲν οἰκοῦντα ἐντὸς τοῦ δρυμοῦ, ἐν οἷς ἐστὶ καὶ τὸ τοῦ Μαρροβόδου βασιλείον, εἰς ὃν ἐκεῖνος τόπον ἄλλους τε μετανέστησε πλείους καὶ τοὺς ὁμοεθνεῖς ἑαυτῶ Μαρκομμάνους ‘Here the Hercynian Forest is also found and the tribes of the Suevs settle there, who live partially in the Forest like the tribes of Quads; in their territory Buiaimon is located — the king’s residence of Marobud, where he moved not only other tribes, but also his relatives — the Marcomanns’). The Latin form *Boiohaemum* is first attested by Velleius Paterculus living 19 BC — AD 31 (II, 109.5: *Sentio Saturnino mandatum, ut per Cattos excisis continentibus Hercyniae silvis legiones Boiohaemum (id regioni, quam incolebat Maroboduus, nomen est) duceret ...* ‘Sentius Saturninus had instructions to lead his legions through the country of the Catti into Boiohaemum, for that is the name of the region occupied by Maroboduus, cutting a passage through the Hercynian Forest which bounded the region ...’; translation F. W. Shipley). In his «Germania» Tacitus wrote in AD 98: *Manet adhuc Boihaemi nomen significatque loci veterem memoriam quamvis mutatis cultoribus* ‘There still remains a place called Boihaemum, which denotes the primitive name and antiquity of the country, although the inhabitants have been changed’ (28.5–6; translated by S. A. Handford & H. Mattingly).

In Ptolemy’s «Geographia» this proper name can be identified in two ethnonyms, (i) Βαιανοχαῖμαι: ὧν πρὸς ἀνατολὰς περὶ τὸν Ἄλβιν ποταμὸν Βαιανοχαῖμαι (II, 11.20); (ii) Βαῖμοι: ὑφ’ ἧν μέγα ἔθνος οἱ Βαῖμοι μέχρι τοῦ Δανουβίου (II, 11.26). They probably reflect various transcriptions of the Germanic adaptation of the proper name **Baia-haima-*.

The starting point **Boio-haimon* has been explained as a compound of the Celtic ethnonym *Boii* and the Germanic appellative **haima-* (Gothic *haims* ‘village’, pl. *haimos* also ‘country’, Old Norse *heimr* ‘place of abode, world’, Old English *hām*, Old Saxon *hēm*, Old High German *heim* ‘home’). But the Celtic **ō* has been adapted as **a* in Germanic, cf. the ethnonym *Boii* occurring in the West Germanic ethnonym **Baj-warjōz* (6th century: *Baioarii*; the second component is formed from a verb of the type Gothic *warjan* ‘to hinder, forbid’), lit. ‘keepers [of the country of] Boios’, or the place-name *Baia* attested by the

so-called Geographer of Ravenna. I suggest that the compound **Boio-haimon* is purely Celtic. Following Prohaska (1960, 540–41), in the second component it is possible to see a hypothetical Celtic **saimon* ‘mountain ridge’ < **sH₃ei-mon-*, maybe a derivative from the form of the type Irish *sim* ‘chain’ < **sHim-*; cf. Old Indic *sīmán-* ‘rope; border; crown, top’ < **siH-men-*. In the ancient toponymy of Central Europe the same base can be recognized in the name of the mountains Σημανοῦς ὄλη (Ptolemy II, 11.7), in medieval Latin *Semānus silva*, probably contemporary *Thüringer Wald* or *Krušné hory* = *Erzgebirge*. The difference *s* vs. *h* does not represent any problem. In the late Gaulish inscriptions the change **s* > \emptyset , apparently via **h*, is well attested, cf. the word *suiorebe* from the Gaulish inscription from Nérís-les-Baines, which reflects Celtic dat. pl. **suesorebi*. In the language of the Central European Celts the change **s* > **h* was probably realized even in initial position, cf. the base **hal-* in such toponyms as *Halle* (Sachsen-Anstalt) and *Hallstatt* (Upper Austria), usually derivable from Celtic **sal-* ‘salt’, hence a change of the Brythonic type: Welsh *halen* vs. Old Irish *salann* ‘salt’ (see e.g. Schrijver 1995, 443). The change **ai* > **ē* is reflected e.g. in the Gaulish theonym *Ēsus* ~ *Āesus* vs. Oscan dat. pl. *aisuis* ‘god’, Venetic *aisus* etc. The ethnonym *Boios* has been etymologized in various ways. The most convincing seems to be the solution proposed by A. Bammesberger (1997, 60–66), who started from the text *ZHΘ BOIOS* from two graffiti found at the Bavarian oppidum Manching near Ingolstadt. In the first word he sees a truncated Greek imperative *ZHΘI* ‘live!’, while *Boios* must be derived from **g^woiH₃-o-* (cf. Avestan *gaiia-* ‘life’, Lithuanian. *gajùs* ‘easily healing’, Slavic **gojъ* > Serbo-Croatian *gôj* ‘world’, Old Czech *hoj* ‘wealth’, Belorussian *hoj* ‘hero’), which are the derivatives of the verbal root **g^weiH₃-* ‘to live’. The original *figura etymologica* reflected in the inscription allows us to interpret the ethnonym as ‘live, o Boios!’, where *Boios* may be understood as ‘who lives here’.

REFERENCES

- Abajev 1958 — *B. И. Абаев*. Историко-этимологический словарь осетинского языка. I. Москва — Ленинград, 1958.
- Adams 1985 — *D. Q. Adams*. Sanskrit *pūmān*, Latin *pūbēs*, and Related Words // *Die Sprache*, 31/1, 1985.
- Bailey 1979 — *H. W. Bailey*. Dictionary of Khotan Saka. London — New York — Melbourne, 1979.
- Bammesberger 1997 — *A. Bammesberger*. Celtic *BOIOS* // *Festschrift for Eric P. Hamp*. Vol. I / Ed. D. Q. Adams. Washington D.C.: Journal of Indo-European Studies, Monograph Nr. 23, 1997.

- Bartholomae 1904 [1961] — *Ch. Bartholomae*. Altiranisches Wörterbuch₂. Berlin, 1904 [1961].
- Bezlaj 1 — *F. Bezlaj*. Etimološki slovar slovenskoga jezika. I (A-J). Ljubljana, 1976.
- Blažek 1996 — *V. Blažek*. Some Slavic-Iranian Parallels (1–3) // *Lingua Posnaniensis* 38 (1996).
- Blažek 2000 — *V. Blažek*. Keltové — Germáni — Slované. Lingvistické svědectví o kontinuitě a diskontinuitě osídlení střední Evropy // *Čeština — univerzália a specifika* 2 (2000).
- Blažek 2010 — *V. Blažek*. Czechs = Young Men? // *Sprache und Leben der frühmittelalterlichen Slaven*. Festschrift für Radoslav Katičić zum 80. Geburtstag / hrg. von E. Stadnik-Holzer & G. Holzer. Frankfurt am Main (Schriften über Sprachen und Texte 10; pp. 224), 2010.
- Blažek 2011 — *V. Blažek*. Indo-European **suHnu-* ‘son’ // *Indogermanistik und Linguistik im Dialog*. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft von 21. bis 27. September 2008 in Salzburg / hrg. T. Krisch & T. Lindner. Wiesbaden, 2011.
- Blažek & Klain 2002 — *V. Blažek, V. Klain*. Etnonymum *Čech* v kontextu slovanských a indoevropských etnonym // *Čeština: univerzália a specifika* 4, 2002 / Eds. Z. Hladká & P. Karlík. Praha, 2002.
- Boryś & Popowska-Taborska 1994 — *W. Boryś, H. Popowska-Taborska*. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. I. Warszawa, 1994.
- Brückner 1927 [1974] — *A. Brückner*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1927 [1974].
- Cosma 1923 — *Cosma Pragensis*. *Chronica Boemorum* / Ed. B. Bretholz. Berlin, 1923. (= *Monumenta Germaniae Historica, scriptores Rerum Germanicarum, nova series, Tomus II*).
- CP — *Constantine Porphyrogenitus*. *De Administrando Imperio* / Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R.J.H. Jenkins. Washington, 1967.
- Delamarre 2007 — *X. Delamarre*. *Nomina Celtica Antiqua Selecta Inscriptionum*. Paris, 2007.
- Dobner 1761 — *G. Dobner*. *Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum. Pars I*. Prage, 1761.
- Dobrovský 1782 — *J. Dobrovský*. Über den Ursprung des Namens Tschech (Czech), Tschechen // *Introduction to Geschichte der Böhmen* / 3rd ed. by F.M. Pelcl. Prag — Wien, 1782.
- Dobrovský 1827 — *J. Dobrovský*. Čech nebo Čechové — odkud tak slují? // *Časopis českého musea*, I/2, 1827.
- Erhart 1998 — *A. Erhart*. K původu etnonyma Čech // *Slavia* 67, 1998.
- Flajšhans 1925 — *V. Flajšhans*. Jméno «Čech» a některá jiná // *Naše řeč*, 9, 1925.
- Fraenkel 1950 — *E. Fraenkel*. Review of Jan Otrębski, *Słowianie: Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw* (Poznań 1947) // *Lingua Posnaniensis*, 2, 1950.
- Fraenkel 1962–65 — *E. Fraenkel*. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Göttingen — Heidelberg, 1962–65.
- Havránek 1940 — *B. Havránek*. Poznámka k článku ‘O původu jména Čech’ // *Slovo a slovesnost*, 6, 1940.
- Holder I–III — *A. Holder*. *Alt-Celtischer Sprachschatz*. Bd. I–III. Leipzig, 1896–1907.

- Holub & Kopečný 1952 — *J. Holub, F. Kopečný*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
- Hosák & Šrámek 1970 — *L. Hosák, R. Šrámek*. Místní jména na Moravě a ve Slezku. I. Praha, 1970.
- Hošek 1891 — *I. Hošek*. O významě jmen Čechové, Morava, Slované // *Časopis Matice moravské*, 15, 1891.
- Illič-Svityč 1965 — *B. M. Иллич-Свитыч*. Caucasia // *Этимология* 1964. М., 1965.
- Jagić 1913 — *V. Jagić*. Review of A. I. Sobolevskij, *Lingvističeskija i arheološkičkija nabljudenija*, Выр. I–II (Varšava 1910–1912) // *Archiv für slavische Philologie*, 34, 1913.
- Jakobson 1938 — *R. Jakobson*. Die Reimwörter Čech — Lech // *Slavische Rundschau* 10/6, 1938.
- Joki 1973 — *A. Joki*. Uralier und Indogermanen (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 151). Helsinki, 1973
- Jungmann 1835 — *J. Jungmann*. Slownjk česko-německý. Djl I (A–J). Praha, 1935.
- Kelemina 1928 — *J. Kelemina*. Slovarsko gradivo // *Časopis za zgodovino in narodopisje*, 23, 1928.
- Klain 2001 — *V. Klain*. Slovanská etnonyma. Brno, 2001.
- Kolomic 1983 — *B. T. Колумиц*. Этимология этнонима *Чех* // *Slavia*, 52, 1983.
- Komárková & Blažek 2011 — *J. Villnow Komárková, V. Blažek*. Slovanské *širь & *širokь // *Linguistica Brunensia*, 59, 2011.
- Kopečný 1968 — *Ф. Копечный*. К этимологии слав. *отрокъ* // *Этимология* 1966. М., 1968.
- Koranda 1940 — *Z. Koranda* [= Závěš Kalandra]. O původu jména Čech // *Slovo a slovesnost*, 6, 1940.
- Kosmas 1975 — *Kosmova Kronika česká* / Translation K. Hrdina a M. Bláhová. Praha, 1975.
- Machek 1968 — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968
- Mayrhofer I–III — *M. Mayrhofer*. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, I–III. Heidelberg, 1956–1980.
- Mikkola 1902 — *И. Ю. Миккола*. Объяснения некоторых славянских слов // *Русский филологический вестник*, 48, 1902.
- Mikkola 1913 — *J. J. Mikkola*. Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen, I. Heidelberg, 1913.
- MMFH — *Magnes Moraviae Fontes Historici*. I–IV. Praha-Brno, 1966–71
- MNTESz — *A Magyar nyelv történeti-etimológiai szótara*. I (A–Gy). Budapest, 1967.
- Nachtigal 1949–50 — *R. Nachtigal*. O zadnjem pokusu razlage imena češkego naroda // *Južnoslavenski filolog* 18, 1949–50.
- Nestor — *Nestorův letopis ruský* / Přeložil K. J. Erben. Praha, 1940.
- Niederle 1927 — *L. Niederle*. Slovanské starožitnosti III: Původ a počátky Slovanů západních₂. Praha, 1927.
- Nikolajev & Starostin 1994 — *S. L. Nikolajev, S. A. Starostin*. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994.
- Novotný 1912 — *V. Novotný*. České dějiny I.1.: Od nejstarších dob do smrti knížete Oldřicha. Praha, 1912.

- Ondruš 1975 — *Š. Ondruš*. Pôvod etnonyma *Slovák, Slovan, Slověn* a etnonyma *Čech* // *Studia Academica Slovaca*, 4, 1975.
- Ondruš 1985 — *Š. Ondruš*. Etnické meno *Slověn* — *Slovan* — *Slovák* a kmeňové meno *Čech* // *Slovakistické štúdie* / zostavil J. Mistrík, Martin, 1985.
- Otrębski 1947 — *J. Otrębski*. Słowiane. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznań, 1947.
- Otrębski 1950 — *J. Otrębski*. Miscellanées onomastiques // *Lingua Posnaniensis*, 2, 1950.
- Perwolf 1884 — *J. Perwolf*. Slavische Völkernamen // *Archiv für slavische Philologie*, 70, 1884.
- Pliny — *Plinius Secundus*. *Naturalis historiae libri XXXVII. Buch VI. Geographie: Asien* / Hrsg. und übersetzt von Kai Brodersen. Zürich, 1996.
- Pokorny 1959 — *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-München, 1959.
- Porák 1979 — *J. Porák*. Chrestomatie k vývoji českého jazyka (13.-14. století). Praha, 1979. Pražák 1988 — *R. Pražák (ed.)*. Legendy a kroniky koruny Uherské / Přeložily J. Nechutová a D. Bartoňková. Praha, 1988.
- Procopius — *Procopius of Caesarea*. *History of the wars: Persian wars* / Transl. H. B. Dewing, London — Cambridge, 1914[1971].
- Prohaska 1960 — *D. Prohaska*. Boiohaimon // *Slavia*, 29, 1960.
- Prusík 1885 — *F. Prusík*. Původ jména Čech // *Věstník Královské české společnosti nauk*, 1885.
- Ptolemy — *Claudii Ptolemaei Geographia* edidit C.F.A. Nobbe. Hildesheim, 1966.
- RE — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1893–1980.
- Rospond 1968 — *S. Rospond*. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich. Cz. II. Formacje po rozpadzie dialektalnym (IX. w. i nn.) // *Rocznik slawistyczny*, 29, 1968.
- Rudnicki 1961 — *M. Rudnicki*. Prasłowiańczyzna — Lechia — Polska, II. Wspólnota słowiańska — wspólnota lechicka — Polska. Poznań, 1961.
- Schönfeld 1911 — *M. Schönfeld*. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911.
- Schrijver 1995 — *P. Schrijver*. *Studies in British Celtic Historical Phonology*. Amsterdam-Atlanta, 1995.
- Schwarz 1956 — *E. Schwarz*. *Germanische Stammeskunde*. Heidelberg, 1956.
- Shevelov 1964 — *G. Y. Shevelov*. *Prehistory of Slavic*. Heidelberg, 1964.
- Sławski 1974 — *F. Sławski*. *Zarys słowotworstwa prasłowiańskiego* // *Słownik prasłowiański*. I. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974.
- Skok 1–4 — *P. Skok*. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. 1–4. Zagreb, 1971.
- Slavík 1890 — *F. A. Slavík*. O významu jména Čech // *Časopis českého musea*, 64, 1890.
- Sobolevskij 1905 — *A. I. Sobolevskij*. Čech (чехъ) und Čach (чახъ) // *Archiv für slavische Philologie*, 27, 1905.
- Spal 1953 — *J. Spal*. Původ jména Čech // *Naše řeč* 36, 1953.
- Spal 1990 — *J. Spal*. Ještě ke jménu Čech // *Onomastický zpravodaj Československé Akademie věd*, 31, 1990.
- Strabo — *Strabonis Geographica* recognovit A. Meinecke. Lipsiae, 1909f.

- Sutnar 1908 — *J. Sutnar*. Čech // Zborník u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908
- Sutnar 1929 — *J. Sutnar*. Dva problémy Dobrovského // J. Dobrovský. Sborník statí k stému výročí smrti J. Dobrovského / uspořádal J. Horák et alii. Praha, 1929.
- Šafařík 1835 [65] — *P. J. Šafařík*. Přehled národních jmen v jazyce slovanském // Sebrané spisy III: Rozpravy z oboru věd slovanských (Časopis Českého musea 4[1835]). Praha, 1865.
- Tacitus Annales — *Publius Cornelius Tacitus*. Annales ab excessu divi Augusti. Leiden, 1954–56.
- Tacitus Germania — *Publius Cornelius Tacitus*. Germania / Edited and translated by E. Fehrle. Heidelberg, 1959.
- Торогов 3 — *В. Н. Торогов*. Прусский язык, 3 (I-K). М., 1980.
- Trubačev 1974 — *О. Н. Трубачев*. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания 1974, 6.
- Trubačev 1–35 — *О. Н. Трубачев* (ред. и др.). Этимологический словарь славянских языков, 1–35. М., 1974–
- Trubačev 1999 — *О. Н. Трубачев*. *Indoarica* в северном Причерноморье. М., 1999.
- Třeštík 1997 — *D. Třeštík*. Počátky Přemyslovců. Praha, 1997.
- Třeštík 2001 — *D. Třeštík*. Vznik Velké Moravy. Praha, 2001.
- Vacek 1905 — *F. Vacek*. Sociální dějiny české doby starší. Praha 1905:
<<http://archive.org/stream/socialdjinyeskd00vacegoog#page/n22/mode/2up>>
- Vasmer 1941 [70] — *M. Vasmer*. Die Slaven in Griechenland. Leipzig, 1941 [70].
- Vasmer 1–4 — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. 1–4. М., 1986–87.
- Večerka 1990 — *R. Večerka*. Staroslověnské texty. Brno, 1990.
- Velleius Paterculus — The Roman History by C. Velleius Paterculus. Cambridge (Mass.), 1924 (Loeb Classical Library 152):
<http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Velleius_Paterculus/2D*.html>
- Vondrová & Blažek 2000 — *M. Vondrová, V. Blažek*. Slovanské archaismy a dialektismy v toponymii Čech // Čeština — univerzália a specifika 3, 2000.
- Vries 1962 — *J. de Vries*. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.

Zur vergleichend-kontrastiven Analyse der baltischen Fassungen von Martin Luthers «Kleinem Katechismus»: Dt. *Büchlein* und seine Entsprechungen*

In memoriam Anatolij P. Nepokupnij

0. Vorbemerkung

Die Verbreitung und Bedeutung, die Martin Luthers «Kleiner Katechismus» im frühen baltischen Schrifttum erfahren hat, ist schon mehrmals hervorgehoben worden (z. B. vgl. Eckert 1987; Ritter 2005; Ostaszewska-Nowicka 2004). Innerhalb des baltischen Sprachraumes konnte kein anderes Werk zu einem ähnlich erfolgreichen «Paralleltext» avancieren.

Wie bereits an anderer Stelle (vgl. Dini 2007; 2009; 2011) ausgeführt worden ist, gehe ich davon aus, daß ein Vergleich der frühesten baltischen Fassungen des «Kleinen Katechismus» von Nutzen ist, um sowohl philologische als auch sprachliche Einzelfragen der Zielsprachen erklären zu können¹.

Bei dieser Gelegenheit möchte ich ein Beispiel aus dem Bereich des Lexikons erörtern. Und zwar werde ich mich mit den Entsprechungen des deutschen Wortes 'Büchlein' und dessen Wiedergabe in den baltischen Fassungen des «Kleinen Katechismus» befassen. Den Ansporn, mich mit dieser Frage zu beschäftigen, empfing ich bei der Lektüre eines Artikels von Anatolij Nepokupnij (1994; siehe auch 1997, 12), in dem der ukrainische Baltologe feststellte, daß das altlitauische «Derivat» *knygelės* ein eigenständiges Wort sei, dessen Bedeutung 'Handbuch' genau dem heutigen litauischen Lexem *vadovėlis* entspreche. Die folgenden Erwägungen mögen als kleine Ergänzung zu einem Thema betrachtet werden, das erstmals von Anatolij Nepokupnij akribisch untersucht worden ist.

* Für die Revision des deutschen Textes bin ich Herr Prof. Werner Lehfeldt (Göttingen) sehr dankbar.

¹ Die Nützlichkeit einer vergleichend-kontrastiven Untersuchung aller drei baltischen Textüberlieferungen in bezug auf die entsprechenden Grundlagen und auch untereinander wurde bereits von Adalbert Bezzenberger gegen Ende des 19. Jahrhunderts betont: «Um den wert der [altpreußischen] übersetzung wirklich objektiv zu würdigen, muss man übrigens die ältesten litauischen und lettischen texte mit ihr vergleichen» (Bezzenberger 1897, 293).

1. Textentsprechungen

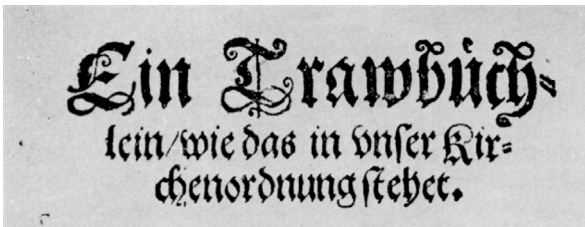
Wie seine deutsche Vorlage, so enthalten auch alle drei ältesten baltischen Fassungen des «Kleinen Katechismus» Vorschriften sowohl für die Eheschließung als auch für die Taufe. Diese Textteile heißen auf deutsch *Traubüchlein* und *Taufbüchlein*. Es handelt sich hierbei um ein kleines Handbuch, in dem Vorschriften für die christliche Ehe bzw. für die Taufe enthalten sind.

Die Entsprechungen zwischen dem deutschen Text und den baltischen Fassungen sehen wie folgt aus:

Deutsch	<i>Ein Trawbüch=lein</i>	<i>Das Taufbüchlein</i>
Altpreußisch 1561 Will-Megott	<i>Ains Sallübs Laiſkas</i>	<i>Stas Crixtilāi=ſkas</i>
Altlitauisch 1579 Willent	<i>Wenczawoghima knigeles</i>	<i>Chrikf-tima knigeles</i>
Altlettisch (= Dt.) 1586 Rivius	<i>Ein Trauwbüchlin</i>	<i>Das Tauffbüchlin</i>

In der altpreußischen Übersetzung von Will entsprechen einander die Formulierungen *Ains Sallübs Laiſkas* und *Ein Trawbüch=lein* bzw. *Stas Crixtilāi=ſkas* und *Das Tauffbüchlein*². Man sieht, daß der deutsche Wortbestandteil °-büchlein in beiden Fällen durch °-lāiſkas bzw. *Laſkas* übersetzt worden ist³.

Etwas anders ist die Lage bei Willent, wo man geschrieben findet: *Wenczawoghima knigeles* und *Chrikf-tima knigeles*, also kein Kompositum, sondern beidesmal eine Konstruktion mit dem Gen. Sg. Übrigens kommt *knigeles* 'Büchlein' in der altlitauischen Überlieferung auch an anderen Stellen vor.

² Es ist nicht ohne Interesse, darauf hinzuweisen, daß sowohl das Preußische (*Sallübs*, vgl. poln. *ślub* 'Ehe') als auch das Litauische (*venčiavoti* 'Eheschließen', vgl. bielorusisch *vjančaćs* 'id.') den Begriff der Eheschließung durch Slavismen ausdrücken.

³ Mažiulis 1982, 192, 212, versteht: *Viena santuokos knyga* im ersten und *Ta krikšto knyga* im zweiten Fall; Mažiulis 1996, 28, gibt gleichfalls an erster Stelle die Bedeutung 'knyga' an.

2. Luthers Büchlein im deutschen und im baltischen Sprachraum

Aus den oben dargestellten einzelsprachlichen Sachverhalten ergibt sich das folgende Bild:

Deutsch	Altpreußisch	Altlettisch	Altlitauisch
°-büchlein	°-lāifkas	Ø	<i>Knigeles</i>

Das deutsche °-*büchlein*, d.h. das zweite Element der oben angeführten Komposita⁴, besitzt Entsprechungen in der altpreußischen und in der altlitauischen, nicht jedoch in der altlettischen Fassung des «Kleinen Katechismus» von Martin Luther.

Es lohnt sich, das deutsche Wort °-*büchlein* ~ *Büchlein* in seinem historischen Kontext kurz zu erörtern und danach seine Wiedergabe in den baltischen Sprachen zu untersuchen.

Für das Mittelhochdeutsche führt Lexers (1986, 28; kein Anzeige bei Henning 1997) sowohl *buoc* 'buch, dichtung, sammlung von gedichten, gesetzen usw.' als auch *buochelin* wie auch *büechelin* und *büechel* an. Die Bedeutung des zweiten Wortes lautet: 'kleineres lehrendes oder erzählendes gedicht; gerimtes liebesgedicht; gerichtl. protokoll'⁵.

Tatsächlich trugen im 15.-16. Jahrh. viele Publikationen allgemein vorschriftlicher Orientierung das Wort 'Büchlein' schon in ihrem Titel, wie z. B. «Daz Būchli der Warheit» (~1329) von Heinrich Seuse oder auch «Eyn deutsch Theologia: das ist Eyn edles Buchlein, wo rechtem vorstand...» (1518) von Luther selbst und sogar eine Sammlung von Kochrezepten wie «Kuchenmeisterey: Ein schön nutzlich buchlein» (1508) und noch viele andere. Ähnlich wie lat. *libellus* oder *opusculum* ist auch mhd. *buochelin* eine selbstständige Bezeichnung und nicht (nur) ein Derivat (Diminutiv) (vgl. Nepokupnij 1997).

⁴ Anders denkt darüber Endzelins 1943, 242, der hier kein Kompositum sondern lediglich eine Konstruktion mit dem Gen. Sg. einsieht.

⁵ Über *Büchlein* als literarisches Begriff vgl. auch Grewehr 1972 mit weiteren Bibliographie. Ich danke Frau Prof. Donatella Bremer für den Hinweis.

In jüngerer Zeit wird das Lemma im Wörterbuch von Jakob Grimm (= DWB II, 366) folgendermaßen erklärt: «**Handbüchlein**, n. kleines handbuch: *manualis* handbuchelein, handbüchlin Dief[ff]enb.[ach] 348^a; handbüchlin *enchiridion* Alberus r3^b; handbüchlein, *enchiridion, hoc libelli, qui in manu gestetur*. Serranus *synom.* 93^a; Stumpf *nennt seine Schwitzer chronica* aus der groszen in ein handbüchle zûsamen gezogen; hat vornen in sein handbüchlein folgende sprûch eingeschrieben. Zinkgref 3, 30».

Man bemerkt in der chronologischen Anordnung den Übergang von einem Simplex *Büchlein* zu einer Zusammensetzung von *Hand* + *Büchlein* oder + *Buch*.

2.1 Altlitauisch *knygelės*

Die (alt)litauischen Entsprechungen für das deutsche -^o*büchlein* lauten ausnahmslos *knygelės*. Jeder Litauer versteht dieses Wort heutzutage nur als Deminutivform von *knyga* 'Buch' (also etwa ein kleines Buch). Aber schon Skardžius (1931, 105) hat festgestellt, daß *knygelės* als Deminutivform klar von *knygelės* (einem Wort, das nur als *pluralis tantum* bekannt ist) in der Bedeutung des heutigen litauischen Lexems *vadovėlis* 'Handbuch' unterschieden werden muß. Auch in Sirvydas «*Dictionarium trium linguarum*» (= DTL I und III) kommt die Eintragung *knigieles* mit lateinischen und polnischen Entsprechungen vor. Dennoch bezeichnet Ford (1969, 179) litauisch *knygelės* erneut als 'little book'. Inzwischen hat man für Skardžius' These aus der Erforschung der in Ostpreußen im 17. Jahrh. entstandenen deutsch-litauischen lexikographischen Werke neue Bestätigungen erhalten. So findet man die Entsprechungen: «Buch. Knygos, ū. Pl. F.» und «Büchlein. Knygeles, ū. Plur. F.» in dem handschriftlichen «*Clavis germanico-lithvana*» (= CGL I, 405) und die Entsprechungen: «Buch knygos» und «Handbuch knygeles» in dem handschriftlichen «*Lexicon Lithuanicum*» (= LL, 107, 207) ganz klar zum Ausdruck gebracht.

An dieser Stelle sei beispielsweise noch an die Entsprechungen *Gebeth=Büchlein* ~ *Maldų knygelės* im Titel der Werke von Jonas Rikoviuijs, (1685) und Daniel Klein (1685), erinnert. Außerdem möchte ich (auf der Grundlage eigener Einsichtnahmen⁶) noch die folgenden Entsprechungen anführen:

a) Bei Haack (1730, 51, 165): «**Knygeles, liū** ein Büchlein 2 Decl. Gen. mafc.» und «**Knygôs, gū** das Buch 2 D. gen. foem.» wie auch «**Buch** Knygos» und «**Büchlein** Knygeles».

b) Bei Ruhig (1747, I Theil, 65; II Theil, 87): «**Knygôs, gū** f. pl. ein Buch» und «**Buch**, Knygos, gū, f. pl.» wie auch «**Büchlein**, Knygelės, liū, f. pl.».

⁶ Göttingen Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek, Altbau.

c) Bei Mielcke (1800, Theil II, 114): «**Buch**, Knygos, gû, f. pl.» und «**Büchlein**, Knygélès, liû, f. pl.».

Die Eintragung von *knygelès* als Substantiv fem. plur. ist in der Lexikographie bis zum Anfang des 18. Jahrhunderts ganz normal gewesen. Auch Daukantas hat sie in sein polnisch-litauisches Wörterbuch aufgenommen: *Książeczka, kningéle* (vgl. Subačius 1993, 316).

Erst mit Nesselmann (1851, 222) wurde *knygelès* nur als Derivat anerkannt:

«**Knyga, ôs, f.** im Singular veraltet; jett nur noch im Plur. **Knygos, û**, ein Buch; auch ein gewisser Rinderdarm, ein Nebenmagen, wegen feiner blättrigen Gestalt das Buch, der Pfalter genannt.»

«**Knygélès, iû, f. pl.** Dim. daŕf.»

Man sollte schließlich auch bedenken — wie Nepokupnij (1994) feststellte —, daß die ersten gedruckten litauischen Wörter *Knygieles paczios byla...* (MM 54₁₋₂) lauten und derselbe Mažvydas seinen Katechismus als *Makšlas įkai=tima rafčhta* (MŽK 1₃₋₄), also als 'Handbuch'⁷ verstanden hat⁸.

Aufgrund der gesammelten litauischen Materialien ergibt sich das folgende Bild für das Wort *knygelès*:

Deutsch	Lateinisch	Polnisch	Litauisch	
—	—	—	<i>KNIGIELES</i>	Mažvydas, 1547
°-büchlein	—	—	<i>knigeles</i>	Willent, 1579
— —	<i>libellus, opusculum</i> <i>Libellus</i>	<i>książka &</i> <i>książeczka</i> <i>książeczka</i>	<i>knigieles</i> <i>Knigieles</i>	SPr, 67 SD ³ , 137
<i>Büchlein</i>	—	—	<i>Knygeles</i>	Haack, 1730
<i>Büchlein</i>	—	—	<i>Knygélès</i>	Ruhig, 1747
<i>Büchlein</i>	—	—	<i>Knygélès</i>	Mielcke, 1800
—	—	<i>Książeczka</i>	<i>Kningéle</i>	Daukantas

⁷ Es ist etwas enttäuschend, daß Palionis 2004 ein so typisches Wort der altlitauischen Überlieferung nicht berücksichtigt hat.

⁸ Es würde nicht sehr überraschen, wenn dieselbe Bedeutung vielleicht sogar im katholischen Katechismus von Daukša (1595, 69₁₂₋₁₆) zu erblicken wäre: *Maldas fitas kurės qg= | sti rito / ir wakaro m etq tu= | ri bilót / rafsi qnt' galo tu | knigėly draugia ir fu | rokūnda fielos* (vgl. *Modlitewki te ktore porānu y wieczor maš mowic, naydzieb ná końcu tych to książek, wespolek z y rāchunkiem funnienia*; Sittig 1929, 65–66).

2.2 Alettisch *gramatiņa* ~ *rokasgrāmata*

Das deutsche Wort *Büchlein* findet in den Werken von Rivius (1586) und Mancelis (1630) keine lettische Entsprechung. Ohne nützliche Angaben ist auch Christophor Füreckers — ältestes und kürzestes — handschriftliches *Let-tisch-Deutsches Wörterbuch* (vgl. Fennell 1997).

Viel interessanter ist zunächst, was man in Depkins *Würter=Büchlein* (1705, 26–27) liest: «Deutsch *Das Büchlein*, Schwed. *Liten Book*, | Poln. *Książeczka*, Lett. *Ta Gramatina*«. Es sieht also so aus, als wenn noch altlett. *Grahmatina* dem dt. *Büchlein* und dem altlit. *knygelės* sowohl morphologisch (vgl. Derivation von *Buch* bzw. *knyga*) wie auch semantisch (‘Handbuch’) entspricht. Zu dieser Zeit war schon die Konkurrenz von *Rohkas-Gramata* stark, wie in einem anonymen Handbuch aus dem Jahre 1708 (vgl. Sehwers 1953, 340) angenommen wird. Dieser Typus wurde später (Jelgava, 1766) im Titel eines katholischen Buches, nämlich der *Katoliška | Rohkas | Grahmata | un | Pilnīga Tīzīibas Mahžiba...*, benutzt (vgl. Apinis 1999, 121–122).

Verallgemeinernd gab lett. *gramatiņa* noch zu Anfang des XVII. Jahrhunderts die Bedeutung von dt. *Büchlein* wieder, wobei das heutige *rokasgrāmata* ‘Handbuch, Nachschlagebuch’⁹ eine jüngere Lehnübersetzung von dt. *Handbuch* zu sein scheint.

2.3 Altpreußisch *°laiḥkas* ~ *Lāiḥkas*:

Blatt, Buch aber auch Büchlein?

Was hier über das Altlitauische und das Altlettische gesagt wurde, erlaubt es nun, einen neuen Blick auf das altpreußische Material zu werfen. Das preußische Wort wird — in den schon erwähnten Zusammenhängen¹⁰ — etymologisch

⁹ Vgl. LVV, 679: «grāmata, kurā apkopotas kādas nozares speciālistam nepieciešamās ziņas un praktiski padomi». Das Wort ist im ME nicht verzeichnet.

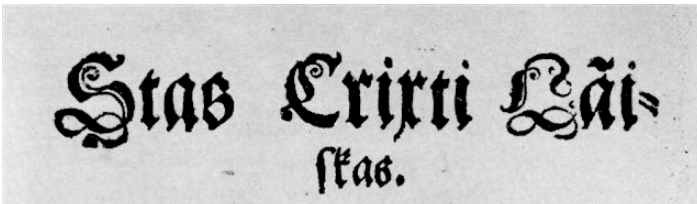
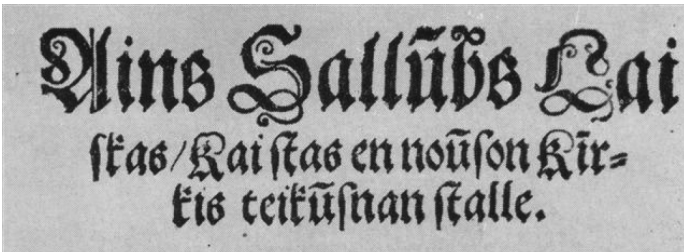
¹⁰ Der altpreußischen Überlieferung ist auch ein — einmal belegter — Acc. Sg. *laiḥken* bekannt. Zu diesem Punkt sind aber die Paralleltexte höchst unterschiedlich, weil sie auf verschiedenen Überlieferungen beruhen:

Deutsch 1561	<i>Alfo schreibt Moses im ersten Buch /... (Wills Begleittext)</i>
Will 1561	<i>Tīt peifī Moifes en pirmannien lāiḥken... (101.)</i>
Rivius 1586	<i>lese er Gottes Wort Genesis 2. (43)</i>
Mancelis 1631	<i>eeḥchan to pirmo Ghramatu Moḥis / ohtrā weetā (506)</i>
Willent 1579	<i>ijch knigu Gimines antrame perḥkirime. (50; Ford 1969, 236)</i>
Lysius 1719	<i>taip nēs rāḥ'a Moyfēḥbus pirmoḥ kny= gofe 2. Pērḥkirime (45₅₋₆)</i>

in eine Reihe mit dem litauischen Lexem *laiškas* 'Brief' gestellt¹¹, wobei die Grundbedeutung 'Blatt, Papierblatt' gewesen wäre.

Die Wortentsprechung ist trotzdem klar. Nun, Blatt statt Buch ist ja eine antike Metapher. Gr. *σελίς* bedeutete zuerst das geschriebene Blatt eines Buches und später das ganze Buch. Sogar die Ilias und die Odyssee wurden vom Pseudo-Plutarch als *δισσαί σελίδες* bezeichnet. Eine ähnliche semantische Entwicklung durchlief auch das lateinische *pagina*, und bei vielen späten Autoren wird die Bibel als *pagina sancta* bezeichnet (de Ghellinck 1947, 23 ff.).

Die hier erörterten Paralleltextfälle erlauben es wenigstens, die Hypothese aufzustellen, daß apr. *°laiškas* ~ *Lāiškās* nicht nur 'Blatt' und 'Buch' bedeutet haben, sondern auch 'Handbuch' ebenso wie die Entsprechungen *Büchlein* und *knygelės*.

3. Synopsis und Schluß

Zum Schluß dieser kurzen Erörterung der Wiedergabe des deutschen Wortes *Büchlein* in den baltischen Fassungen des «Kleinen Katechismus» mit seinen kulturell-religiösen Implikationen erscheint es angebracht, die zusammengestellten Materialien in einem synoptischen Bild zusammenzufassen:

¹¹ Zur etymologischen Erklärung des Wortes vgl. Mažiulis 1982, 212n.; Toporov 1990, 37–41; Mažiulis 1996, 28–29. Sowohl Mažiulis als auch Toporov berücksichtigen die Bedeutung 'Handbuch' nicht sehr.

Autoren	(Alt)Litauisch	Altpreußisch	(Alt)Lettisch	
	<i>knygelės</i>	<i>Lāiſkas</i>	<i>gramatiņa</i>	<i>rokasgrāmata</i>
1547, Mažvydas	+			
1561, Will		+		
1579, Willent	+			
1586, Rivius			—	—
1630, Mancelis			—	—
1705, Depkin			+	—
1708, anonym			—	+
1730, Haack	+			
1747, Ruhig	+			
1766, anonym			—	+
1800, Mielcke	+			
~1850 Daukantas	+			
1851, Nesselman	—			
1880, Ulmann & Brasche				

Dies ist natürlich ein «offenes» Bild, das noch um andere Belege ergänzt werden kann. Es erlaubt — wenn man will — in einer eigenartigen Art des «Zirkels im Verstehen» zwischen Varianten eines und desselben Textes zu operieren, die von gemeinsamen und homogenen Vorlagen herrühren.

QUELLE

CGL — Clavis germanico-lithvanica. 5 Bd. / Hrsg. V. Drotvinas. Vilnius, 1995–1997.

Daukša 1595 — Mikalojaus Daukšos 1595 metų katekizmas / Hrsg. J. Palionis. Vilnius, 1995.

Depkin 1705 — Wörter=Büchlein? (1705). Vārdnīciņa, kā dažas parastas lietas tiek dēvētas vācu, zviedru, polu un latviešu valodā / Ar P. Vanaga komentāriem un latviešu vārdu indeksu. Rīga-Stockholm, 1999.

Deutsch 1561 — M. Luther. ENCHIRIDION | Der Kleine | Catechismus | Doctor Martin Lu=thers / | Teutfch vnd Preußisch. | Gedruckt zu Königsberg in Preußen | durch Johann Daubman. | M. D. LXI.

DTL I — Senasis Konstantino Sirvydo žodynas / Hrsg. K. Pakalka. Vilnius, 1997.

- DTL III — Pirmasis lietuvių kalbos žodynas. Konstantinas Sirvydas Dictionarivm trivm lingvarvm / Hrsg. K. Pakalka. Vilnius, 1979.
- Haack 1730 — VOCABVLARIVM LITTHVANICO-GERMANICVM, ET GERMANICO-LITTHVANICVM, Darin alle im Neuen Testament und Pfalter befindliche Wörter nach dem Alphabet enthalten sind; nebst Einem Anhang einer kurtgefaßten Litthauifchen GRAMMATIC / Ausgefertiget von F. W. Haack / S. S. Theol. Cultore, für Zeit Docente im Litthauifchen Seminario fu Halle. HALLE, Druckts Stephanus Orban, univerf. Buchdr. [8° Ling. IX 5298].
- Klein 1685 — Neues Littauifches / Sehr nöhtiges und Seelen=erbauliches GEBET-
BUCHLEIN / Oder: Naujos labbay Privvalingos ir duzoms naudingos MALDU
KNYGELES... soj mufu Prufu Lietwoj' isdütos nū M. DANIELO KLEINIO, Lie-
tun. Klebono Tilžej. Szwežey perweifdetas p. M.J. R.N.K. KARALAUZUJE, PRI-
DERIKIO REUSNERO / palikta Nasle / 1685.
- Lizijus 1719 — *H. J. Lizijus*. Mažasis Katekizmas // Pagal Berlyno rankraščių parengė
P. U. Dini. Vilnius, 1993.
- LL — Lexicon Lithuanicum / Hrsg. V. Drotvinas. Vilnius, 1987.
- Mancelis 1631 — Georg Manzel (Mancelis). Der kleine | Catechismus | D. MARTINI LU-
THERI, | Seliger gedächtnis. | Von newen uberfehen | durch | GEORGIVM MANCE-
LIVM | Semgallum P. | Ad Zoilum: | Serviat omne DEO studium, fremat Orbis et
Orcus | Rumpatur Momus: Sat placuiffē DEO | Cum Grat. & Privileg. Seren Reg.
Maj. Svec. | Gedruckt in der Kōniglichen Häupt vnd See= | Statt Riga in Lieffland /
durch vnd in Verle= | gung Gerhard Schröders.
- Mielcke 1800 — Littauifch-deutfches und deutfeh-littauifches Würter=Buch, worin das
vom Pfarrer Ruhig zu Walterkehmen ehemals heraus gegebene zwar zum Grunde
gelegt, aber mit sehr vielen Wörtern, Redens=Arten und Sprüchwörtern zur Hälfte
vermehret und verbessert worden von Christian Gottlieb Mielcke, Cantor in Pillckal-
len. Nebst einer Vorrede des Verfaßers, des Herrn Prediger Jenifch in Berlin, und des
Hrn. Krieges= und Domainen=raths Heidelberg, auch einer Nachfchrift des Herrn
Profeflor Kant. Kōnigsberg, 1800. Im Druck und Verlag der Hartungfchen Hofbuch-
druckerey. [8° Ling. IX 5303: 1/2].
- MM — Mažvydas Martynas. Katekizmas ir kiti raštai / Hrsg. G. Subačius. Vilnius, 1993.
- Nesselmann 1851 — Wörterbuch der Littauifchen Sprache von G.H.F. Nesselmann. Kö-
nigsberg, 1851.
- Rikoviuis 1685 — Neues Abermahl verbessert= und mit vielen neuen Liedern vermehrtes
Littaufches Gefang=Buch / Sambt einem sehr nütlichen Gebeth=Büchlein. Naujos
Su pritarimu willū Bažicōs mufu Lietuwojē Mokitojū pagėrintos GIESMJU KNY-
GOS, Taipojeg MALDU KNYGELES, Labjaufey Bažnycofē Wartojimos Patogiejy
futaifitos ir swežey isdutos per M. Iona Rikowia / Norkiū Kleboną. KARALAU-
UJE, Isfpauptos per PRIDRIKIO REUSNERO, paliktą Naslę / 1685.
- Rivius 1586 — J. Rivius. ENCHIRIDION | Der kleine Ca= | techismus: Oder Christ= |
liche zucht für die gemeinen Pfar= | herr vnd Prediger auch Hausueter etc. | Durch D.
Martin. Luther. | Nun aber aus dem Deud= | schen ins vndeutsche gebracht / vnd von
| wort zu wort / wie es von D. | M. Luthero gefetz / gefasf= | fet worden. | Gedruckt
zu Königsberg bey George Osterbergern | Anno M.D. LXXXVI. ||

- Ruhig 1747 — Littauifch=Deutsches und Deutch=Littauifches Lexicon, Worinnen ein hinlänglicher Vorrath an Wörtern und Redensarten, welche sowol in der H. Schrift, als in allerley Handlungen und Verkehr der menschlichen Gefellſchaften vorkommen, befindlich ist: Nebst einer Historischen Betrachtung der Littauifchen Sprache; Wie auch einer gründlichen und erweiterten Grammatick, mit müglichster Sorgfalt, vieljährigem Fleiß, und Beyhülfe der erfahrensten Kenner dieser Sprache gesammelt von Philipp Ruhig, Pfarrern und Seniore zu Walterkehmen, Inſterburgiſchen Hauptamtes. Königsberg, druckts und verlegt J. H. Hartung, 1747. [8° Ling. IX 5301].
- Will 1561 — A. Will. ENCHIRIDION | Der Kleine | Catechismus | Doctor Martin Lu=thers / | Teutſch vnd Preußiſch. | Gedruckt zu Konigspurg in Preußen | durch Johann Daubman. | M. D. LXI.
- Willent 1579 — B. Willent. ENCHIRIDION | Catechifmas | masas / dæl pašpalitu | Plebonu ir Koznadiju / | Wokifchku liebuwiu para= | ſchits per Daktara Mar= | tina Luthera. | O ifch Wokifchka liebuwia ant | Lietuwifchka pilnai ir wiernai pergul= | ditas / per Baltramieju Willentha | Plebona Karalauczui ant | Scheindama. | Iſchſpauſtas Karalau= | czui per Iurgi Ofterber= | gera / Metu Diewa M. D. LXXIX.

BIBLIOGRAPHISCHE HINWEISE

- Apinis 1999 — *A. Apinis*. Die älteren Drucke in lettischer Sprache 1525–1855. Gesamtkatalog. Riga, 1999.
- Berneker 1896 — *E. Berneker*. Die preussische Sprache. Texte, Grammatik, etymologisches Wörterbuch. Strassburg, 1896.
- Bezenberger 1897 — *A. Bezenberger*. Rez. zu Berneker 1896 // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, 1897.
- Dini 2007 — *P. U. Dini*. Allgemeine Ansätze zur vergleichend-kontrastiven Analyse der baltischen Fassungen des lutherschen «Kleinen Katechismus» // Baltistica, 42–1, 2007.
- Dini 2009 — *P. U. Dini*. Zur vergleichend-kontrastiven Analyse der baltischen Fassungen des lutherschen «Kleinen Katechismus»: Dt. 'leyder' und seine Entsprechungen // Балто-славянские исследования XVIII. М., 2009.
- Dini 2011 — *P. U. Dini*. Zur vergleichend-kontrastiven Analyse der baltischen Fassungen von Luthers «Kleinen Katechismus»: schlecht Wasser und der morphologische Status von Apr. 61_{20,2} ains // Salix Sonora. Памяти Николая Михайлова. М., 2011.
- DWB — *J. u. W. Grimm*. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 voll. Leipzig, 1854–1954 [Nachdruck, 1984. Bearbeitet von Theodor Kochs, Joachim Bahr und anderen Mitarbeitern in den Arbeitsstellen des Deutschen Wörterbuches zu Berlin und Göttingen, 33 voll., Deutscher Taschenbuch Verlag].
- Eckert 1987 — *R. Eckert*. Martin Luther und das frühe baltische Schrifttum // Polata Kъnigorisъnaja, 16, 1987.
- Endzelīns 1943 — *J. Endzelīns*. Senprūšu valoda. Ievads, gramatika un leksika. Riga, 1943.
- Fennell 1997 — *T. G. Fennell*. Fürecker's dictionary: the first manuscript. Rīga, 1997.

- Ford 1969 — *G. Ford*. The Old Lithuanian Catechism of Baltramiejus Vilentas (1579). A phonological morphological and syntactical investigation. The Hague Paris, 1969.
- de Ghellinck 1947 — *J. de Ghellinck*. Pagina et Sacra Pagina. Histoire d'un mot et transformation de l'objet primitivement désigné // Mélanges Auguste Pelzer. Études d'histoire littéraire et doctrinale de la Scolastique médiévale offertes à Monseigneur A. Pelzer à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire. Louvain, 1947.
- Hennig 1997 — *B. Hennig*. Kleines Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Tübingen, 1997.
- Lexer 1986 — *M. Lexer*. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig, 1986.
- LVV — Latviešu valodas vārdnīca. Rīga, 1987.
- Mažiulis 1982 — *V. Mažiulis*. Prūsų kalbos paminklai. II. Vilnius, 1982.
- Mažiulis 1996 — *V. Mažiulis*. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1996.
- Nepokupnij 1994 — *A. Nepokupnij*. M. Mažvydo «Katekizmo» — bylojančio vadovėlio (knygelių) vaizdas istorijos ir kultūros kontekste // Protestantizmas Lietuvoje: istorija ir dabartis. Vilnius, 1994.
- Nepokupnij 1997 — *A. Nepokupnij*. К проблеме дериватов в исторических и этимологических словарях балтийских и славянских языков // Lietuvių kalbotyros klausimai. Leksikografijos ir leksikologijos problemos, 1997.
- Ostaszewska-Nowicka 2004 — *J. Ostaszewska-Nowicka*. Altprussische, litauische und lettische Übersetzung von Luthers Enchiridion im Spiegel der großen Reformationsbewegung. Eine sprachpolitische Studie // Aspekte der Reformation im Ostseeraum, NOA, n. F., 13, 2004.
- Palionis 2004 — *J. Palionis*. XVI–XVII a. lietuviškų raštų atrankinis žodynas. Vilnius, 2004.
- Ritter 2005 — *R.-P. Ritter*. Luthers Katechismus als Sprachdenkmal im Baltikum // J. Gelumbeckaitė und J. Gippert. Das Baltikum im sprachgeschichtlichen Kontext der europäischen Reformation. Bibliotheca Archivi Lithuanici, 2005.
- SD³ — [Kostantinas Sirvydas,] DICTIONARIUM TRIVM LINGVARVM, In vfum Studiofæ Iuuentutis, AVCTORE Constantino Szyrwid è Societate Jesv; Cum Superiorum permiffu editum. Tertia editio recognita & aucta, VILNÆ, Typis Academicis Societatis JESV. Anno Domini M.DC.XLII [1642].
- Schwers 1953 — *J. Schwers*. Sprachlich-kulturhistorische Untersuchungen vornemlich über den deutschen Einfluß im Lettischen. Berlin-Wiesbaden, 1953.
- Sittig 1929 — *E. Sittig*. Der polnische Katechismus des Ledezma und die litauischen Katechismen des Daugša und des Anonymus vom Jahre 1605 nach den Krakauer Originalen und Wolters Neudruck interlinear herausgegeben. Göttingen, 1929.
- Skardžius 1931 — *P. Skardžius*. Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen // Tauta ir žodis, Kaunas, 7, 1931.
- SPr — Promptuarium dictionum Polonicarum Latinarum et Lituanicarum.
- Subačius 1993 — *G. Subačius*. Simono Daukanto raštai. Didysis lenkų-lietuvių kalbų žodynas. Pirmas tomas a-m. Vilnius, 1993.
- Toporov 1990 — *B. H. Топоров*. Прусский язык, L. Москва, 1990.

Once Again on the Origins of Local Case Affixes in Baltic Languages

0. The present paper deals with the origins of the secondary noun case markers found in the Baltic languages, namely some of the locative case affixes in Latvian and Lithuanian. Their peculiarities and genesis have long been subject to discussions among the scholars, producing a considerable amount of literature to date. The objective of this paper is to briefly summarize data and views on the chronology of the origins and development of three local case markers in Lithuanian: adessive, allative and illative, and to re-analyse a well known typological parallel of secondary case forms in Tocharian for comparative analysis. A short summary is the first step, and this is what this paper is trying to produce.

1. The so called secondary local case forms are frequently met in both Old Lithuanian texts and a number of modern local varieties of the language. Dialectal forms have mostly survived in the Aukštaitian (High Lithuanian) area, for a survey see Palionis 1995. In the contemporary official and colloquial language some adverbial forms containing old secondary local cases have also been preserved.

The local case forms include the following:

- 1) adessive: sg. *mišk-iep(i)* ‘by the forest’, pl. *miškuosemp(i)*
- 2) allative: sg. *mišk-op(i)* ‘towards the forest’, pl. *miškuõmp(i)*
- 3) illative: sg. *mišk-añ(a)* ‘in(to) the (area of the) forest’, pl. *miškuosna* (Ambrazas 1997, 68).

These forms should be treated as grammemes expressing the nominal category of localisation (Плунгян 2003, 175–176) built into the case system. The term «secondary» means that the localisation markers are bound to other case forms but not the stem of the noun. This witnesses their chronologically later appearance in the language (Бурлак & Старостин 2005, 244). The secondary noun cases express localisation meanings in addition to the primary locative (more precisely, inessive) case with *-è / -ojè / -yjè* endings in the singular, *-uosè / -osè* in the plural.

The illative markers are suffixed to the noun in the accusative case both in the singular and the plural. The allomorphs witnessed across the sources are *-na, -no, -nu, -nq* and the reduced *-n*.

The adessive marker is *-pi* or *-p*. In the plural, it is fused with the primary case affix: forms such as *dievuosemp* ‘in gods’ provide us with the *-m-p* ending. The nasal element in the affix is thought to emerge due to the analogy with the plural allative forms like *dievūsump* ‘to gods’.

It is traditionally considered that the adessive is fused with the old locative case: new arguments supporting this idea are presented by Seržant (Сержант 2004), as opposed to Rosinas (1999) who suggested the dative case instead. The plural adessive forms strongly support the traditional view.

The allative uses phonetically the same marker as the adessive, which is bound to the genitive case affix in both the singular and the plural.

The category of localisation is not limited to nouns only in Lithuanian: adessive and allative markers are witnessed with numerals and pronouns: *mu-sumpi* ‘to us’, *pirmop* ‘to the first’, etc. Some of the noun case forms have grammaticalised to adverbs (Ambrasas 1997).

2. Latvian does not use an extensive category of localisation within the nominal morphology, but presents a lot of valuable data for the comparative analysis of this phenomenon. Middle Latvian used the illative case affix *-an* analysed by Vanags (1992; 1994) and Seržants (2004) which is a direct cognate to the illative marker of Lithuanian. In contemporary Latvian, illative forms are widely used among adverbs of location and direction: *zemien* ‘down there’, *starpan* ‘between’, *teitan* ‘thither’ (Forssmann 2001, 349–350).

Allative or adessive are not witnessed in the Latvian nominal declension. However, adverbs with the directive affix *-p* are numerous in the contemporary language, and they are diachronically derived from nouns, pronouns or numerals: *ārūp* ‘outside’, *galvup* ‘headlong’, *kurp* ‘whither?’, *manup* ‘to me’ (Forssmann 2001, 353). The drop of the final vowel is characteristic for Latvian. Therefore, the view that the Old Lithuanian localisation category is a feature of only one language (Nieminen 1957; Zinkevičius 1978) cannot be supported, and it should at least be «upgraded» to Proto-East Baltic.

The origin of the secondary case markers is clear: it seems a consensus that they are derived from the older postpositive constructions which are seen in Latvian and Lithuanian. Postpositions are not typical for Indo-European, but in the East Baltic languages they are productive and widespread. Lithuanian postpositions *dėl* ‘for’, *dryn*, *dryl* ‘for the sake of, because of’, *tarp* ‘between’ are used as suffixes in both older texts and the contemporary language: *todėl*, *todryn* ‘because’, *kodrilei* ‘for what?’ etc. (Bezzenberger 1877). These morphemes are clitics, not affixes, as they are separable from the pronoun itself: cf. Lithuanian *todėl* and *dėlto* ‘because’. Postpositive locative nouns are still in use

in Latvian, and some of them developed quite recently, such as in *lauka vidū* ‘in the middle of a field’ vs. Lithuanian *vydury lauko* id.

The postpositions have gradually been morphologised to become nominal case markers declension. It has been argued (Serafini Amato 1976; Дини 2002) that postpositive nominal constructions existed on already the Proto-Baltic level. They were met much more frequently in older texts, including Old Lithuanian and Old Latvian which also used postpositions.

If we start analysing the mechanism of functioning of all the three secondary local cases, we will note that adessive and allative have much in common both phonetically and semantically. Seržant (Сержант 2004, 49–50) argues that both of them were formed after the changes made by Leskin Law were completed in the language, i.e. the acute-stressed long vowels were dropped in a final position. This could not take place in or before the Proto-Baltic period, but must have happened at earliest in the Proto-East-Baltic time.

The origin of the adessive marker is the Proto-Baltic adposition **prie* ‘at’ (Zinkevičius 1982, 21), Lithuanian *prie*, Latvian *pie* which was apparently also used postpositively. The total absence of comparable forms in Old Prussian does not allow us to call this feature Proto-Baltic. In the neighbouring Slavic languages, the genetically close particles are used as prepositions. There are more Indo-European parallels, including Hittite (and Lydian) *pe-* which is a verbal prefix with a lative meaning (Иванов 1963, 192), but it is nowhere postposited.

3. While the adessive and allative markers must have morphologised to become case markers in Proto-East Baltic, the illative ending **(a)n* (Lithuanian *-n(a)*, Latvian *-an*) is said much earlier, as Zinkevičius (1982) suggested basing on the internal reconstruction.

This marker has long been compared with the Slavic preposition *na* (Zubatý 1896), which, in its turn, has got genetically related forms across Indo-European: Avestan *ana* ‘across’, Gothic *ana*, Greek *ανα* etc. (Фасмер 1986–1987, III, 33). Besides East Baltic, though, it never acts as a postpositive nominal case marker.

The only exception among the Indo-European languages is Tocharian, which has a locative case marker *-ne* (Tocharian B) / *-am* (Tocharian A) phonetically identical to the East Baltic illative. In Tocharian, locative (as well as some other cases) is also called «secondary», and its markers are bound to the accusative case form of the noun: e.g., Tocharian A *k_uli* ‘woman’ — loc.sg. *k_uleyam*, loc.pl. *k_ulewāsam* (Бурлак & Иткин, в печати).

It is necessary to note that the Tocharian system on nominal declension resembles the Lithuanian in terms of forming the secondary noun case forms

based on earlier syntactically independent postpositions. Indeed, in Tocharian postpositions absolutely prevail over prepositional nominal markers (Penney 1989). Some of the postpositions still act independently in Tocharian manuscripts of A or B languages, like the comitative marker (A) *-śśāl* versus (B) *śle* ‘together with’. Adams (1988, 143) suggests that the locative case form was a grammaticalisation of *(e)ne* ‘on, upon’ cognate to Slavic *na*.

The detailed survey of grammatical meanings of Tocharian case forms is presented in (Krause & Thomas 1960, 83–90). We shall only notice that apart from the general inessive meaning of the locative case, it can express the semantic roles of purpose, recipient, or direction (in terms of Плу́нґя́н 2003, 165–166) as in the following examples from (Бурлак & Иткин, в печати):

ksaluney-aṃ kalkam ‘to Nirvana will I go’;

śomine kloś[n]-aṃ plāṅkāmāṃ trāṅkāš (171 b5) ‘leaning to the girl’s ears he says’;

tñi ṅsaṃ tunk (201 a3) «ТВОЯ ЛЮБОВЬ КО МНЕ (МУЖЧИНЕ)».

The lative meaning is seen in the contaminated form of dative/locative cases found in just a few examples in Tocharian A texts:

(jeta)vaṃ saṃkrām-aṃ-c yeš ‘to the monastery of Jetavana he went’;

tmāš wcaṃ tsāṅkr-añ-c ytsī oñtar ‘then to the other summit he will start going’.

In Tocharian, adjectives do not agree with nouns in the locative case form, preserving the accusative case.

Therefore, we may conclude that the East Baltic and Tocharian forms of the illative case correspond semantically, syntactically, phonetically and typologically. In general, the two Tocharian languages are somehow comparable to the two East Baltic languages in terms of diachronic development: one of them (B) is more conservative than the other, preserving old postpositions together with bound case markers. It is interesting to notice how the reduction of final vowels in both Tocharian A and Latvian resulted into virtually the same locative case forms, while Tocharian B and Lithuanian preserved them in CV shape.

4. It was argued that the development of older (Pre-)Baltic prepositions into Proto-East Baltic postpositions and further into noun case endings must have been the result of the Fennic areal influence. This point of view is not universally supported (Дини 2002, 177) but is quite widespread. Balto-Fennic influence indeed took place both in syntax and in morphology of the East Baltic languages. The only geographical puzzle lies in the distance between High Lithuanian, the dialect cluster containing the most extensive system of local cases, and the present area populated by the Balto-Fennic language speakers: Fennic areal features in morphosyntax influenced Latvian, Semigalian or Low

Lithuanian (Žemaitian) dialects, while High Lithuanian does not border any Fennic people at the moment. We will have to support the hypothesis of pre-historic existence of a Fennic-speaking population in east Lithuania, which, however, will need further research beyond the scope of the present paper.

East Baltic and Tocharian may coincide in the source of their development of secondary noun cases. Tocharian is said to be influenced by Uralic, most probably Fenno-Ugric languages in the prehistoric period, and the presence of the agglutinative secondary noun declension unusual for Indo-European was attributed to this influence among other features (van Windekens 1962). Krause & Thomas (1960) went as far as to compare the Tocharian locative ending *-ne* to the Uralic locative affix in Finnish *koto-na* ‘zu Hause’, Hungarian *lovo-n* ‘zu Pferd’, and Samoyedic locative forms in *-na*. It would be tempting to analyse this form’s possible Nostratic cognates in line with the proposed Proto-Nostratic locative **na* / **nV* ending (Иллич-Свитыч 1971). However, since this formant has a lot of cognates in syntactically independent morphemes of other Indo-European languages (and beyond), it would be more logical to suggest the similar development of **na* from a clitic locative / directive adposition into a local case marker in both the East Baltic and Tocharian languages under the influence of the Fenno-Ugric morphological structure and the concrete noun case affix *-na*.

5. To conclude, we must stress that the secondary locative noun case markers are not a particular East Baltic morphosyntactic feature, they are typologically known across Indo-European including Greek and Anatolian languages which used older postpositions to serve as bound markers of localisation.

However, there is no evidence allowing to postulate a Proto-Indo-European or even Proto-Baltic locative noun case in **-na* / **-nV*. While it definitely existed in Indo-European as an auxiliary morpheme of location / direction, its inclusion into the system of nominal declension is not an isogloss of East Baltic and Tocharian, but rather a typological parallel which built the postposition into a system of secondary cases in both of these language groups under the external Uralic (Fenno-Ugric) influence.

REFERENCES

- Adams 1988 — *D. Adams*. Tocharian Historical Phonology and Morphology. New Haven, 1988.
- Ambrazas 1997 — *V. Ambrazas* (red.) Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1997.
- Bezenberger 1877 — *A. Bezenberger*. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI. und des XVII. Jahrhunderts. Göttingen, 1877.

- Forssmann 2001 — *B. Forssmann*. Das baltische Adverb — Morphosemantik und Diachronie. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae. Jena, 2001.
- Krause & Thomas 1960 — *W. Krause, W. Thomas*. Tocharisches Elementarbuch. Band I: Grammatik. Heidelberg, 1960.
- Nieminen 1957 — *E. Nieminen*. Über einige Eigenschaften der Baltischen Sprache, die sich in den ältesten baltischen Lehnwörtern der ostseefinnischen Sprachen abspiegelt // Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1956, 1957.
- Palionis 1995 — *J. Palionis*. Lietuvių rašomosios kalbos istorija. Vilnius, 1995.
- Penney 1989 — *J.H. W. Penney*. Preverbs and Postpositions in Tocharian // Transactions of the Philological Society. Vol. 87: 1, 1989.
- Range 1995 — *J. Range*. Allativ und Adessiv in altlitauischen Texten des 16. Jahrhunderts // *Linguistica Baltica*, 4 (1995).
- Rosinas 1999 — *A. Rosinas*. Inesyvo ir adesyvo formų kilmės ir raidos klausimu // *Baltistica* 34 (2), 1999.
- Serafini Amato 1976 — *L. Serafini Amato*. La distribuzione della postposizione nel lituano antico // *AION-SI, Suppleta II*, 8. Napoli, 1976.
- Seržants 2004 — *I. Seržants*. Einige Bemerkungen zur Geschichte des Illativs // *Baltu filoloģija*, 13 (1), 2004.
- van Windekens 1962 — *A.J. van Windekens*. Éléments ouraliens en tocharien // *Orbis. Bulletin international de Documentation linguistique*. Vol. 11, 2, 1962.
- Vanags 1992 — *P. Vanags*. Locative in the earliest Latvian writings // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 23, issue 4, 1992.
- Vanags 1994 — *P. Vanags*. Die Entwicklungstendenzen der Kasusendungen in den ältesten lettischen Sprachdenkmälern // *Linguistica Baltica*. Vol. 3, 1994.
- Zinkevičius 1982 — *Z. Zinkevičius*. Lietuvių kalbos postpoziciniai vietininkai // *Baltistica* 18 (1), 1982.
- Zinkevičius 1978 — *Z. Zinkevičius*. Lietuvių kalbos dialektologija. Vilnius, 1978.
- Zubatý 1896 — *J. Zubatý*. Baltische Miscellen // *Indogermanische Forschungen*. Vol. VI, 3–4, 1896.
- Бурлак & Иткин, в печати — *С. А. Бурлак, И. Б. Иткин*. Грамматика тохарского А языка (Фонология. Морфонология. Морфология) (в печати).
- Бурлак & Старостин 2005 — *С. А. Бурлак, С. А. Старостин*. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.
- Дини 2002 — *П. У. Дини*. Балтийские языки. М., 2002 [1997].
- Иванов 1963 — *Вяч. В. Иванов*. Хеттский язык. М., 1963.
- Иллич-Свитыч 1971 — *В. М. Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1. М., 1971.
- Плунгян 2003 — *В. А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
- Сержант 2004 — *И. А. Сержант*. К вопросу об образовании адессива // *Acta Linguistica Lithuanica*, 2004.
- Фасмер 1986–1987 — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

К реконструкции акцентных классов балто-славянских глаголов*

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена реконструкции морфонологических валентностей балто-славянских глагольных корней. Рефлексами морфонологических валентностей и их сочетаний в словоформе являются как место ударения, так и просодические признаки, называемые «балто-славянскими интонациями», и на их реконструкцию и происхождение имеются разные, порой противоположные точки зрения.

Работе предпослано введение, в котором обсуждается ряд проблем, связанных с реконструкцией просодии балто-славянского слога и слова, а также уточняется терминология. Далее следует часть, посвященная реконструкции славянского глагола с атематическим, тематическим, *je-*, *ne-* и *i-*презенсом. В части, посвященной латышскому языку, в которой рассматриваются только глаголы с акутированными корнями (различие между валентностями циркумфлектированных и краткостных корней в латышском утрачено), одновременно реконструируются балто-славянские валентности корней с исходом на сонанты и долгие гласные. В литовской части статьи, помимо анализа акцентуации литовского глагола с атематическим, тематическим, *je-* и *st-*презенсами, обосновываются балто-славянские реконструкции корней с исходом на шумные согласные.

Продолжение статьи, которое предполагается опубликовать в следующем выпуске «Балто-славянских исследований», будет посвящено анализу акцентуации балто-славянских девербативов, а также реконструкции индоевропейских валентностей глагольных корней.

1.1. Балто-славянские интонации

Балто-славянские «интонации» долготных слогов — циркумфлекс и акут — имеют сегментное происхождение. В общем случае акут развивается на долгих гласных¹ и.-е. происхождения, циркумфлекс — на кратких² — см.

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта»). Автор благодарит своих коллег М.В. Ослона, Мате Каповича (Mate Karović) и М.Н. Толстую за бесценную помощь в подготовке настоящей статьи.

¹ Включая долгие сонанты — сочетания долгих гласных фонем с сонантами.

§ 1.4. По случайности в именных окончаниях литовский акут³ соответствует греческому акуту (восходящему тону), а литовский циркумфлекс — греческому циркумфлексу (восходяще-нисходящему тону). Из этого был сделан вывод об индоевропейской оппозиции двух интонаций, представленных в греческом и литовском⁴. Однако как единая интонация балто-славянский акут представлен только в литовском, тогда как в латышском литовскому акуту соответствуют две интонации — плавная и прерывистая, а в славянском — «старый акут» и «циркумфлекс». В латышском интонации противопоставлены только на рефлексах балто-славянских дифтонгов и долгих гласных. Литовскому циркумфлексу соответствует единая нисходящая интонация в латышском, но две славянские — «новый акут (неоакут)» и «циркумфлекс». Ниже в таблице 1 приведены регулярные соответствия между балто-славянскими интонациями (в литовском и праславянском — под ударением; в праславянском различались и безударные интонации).

Таблица 1

Соответствия между балто-славянскими интонациями

Балто-славянский	Праславянский	Латышский ⁵	Литовский ⁶
доминантный акут	ˊ (старый акут)	˘ (плавная интонация)	ˊ (акут)
рецессивный акут	˘ (циркумфлекс)	˘ (прерывистая интонация)	ˊ (акут)
доминантный циркумфлекс	˘ (неоакут)	˘ (падающая интонация)	˘ (циркумфлекс)
рецессивный циркумфлекс	˘ (циркумфлекс)	˘ (падающая интонация)	˘ (циркумфлекс)

² Включая дифтонги — сочетания кратких гласных с сонантами.

³ В литовском литературном языке — интонация с высоким тоном и/или большей интенсивностью первой моры долгого гласного или дифтонга. На дифтонгах с узкими гласными краткая нисходящая интонация (*ùr, ùl, ùi* и т. д.), на широких гласных — долгая (*ár, ár, ái, ó* и т. д.).

⁴ Ф. де Соссюр выбрал термины «акут» и «циркумфлекс» для литовских нисходящей и восходящей интонаций, по его признанию, «вполне произвольно» (Соссюр 1977, 559). Г. Хирт, обнаруживший греко-литовское соответствие в окончаниях, исходил из первичности греческих акута и циркумфлекса (обосновав «контракционное» происхождение последнего) (Hirt 1882).

⁵ В говорах с тремя интонациями.

⁶ Литовский литературный и диалекты с просодической системой «литературного типа». В других диалектах представлены, в частности, системы с различием аналогов лтш. плавной и прерывистой интонаций (Zinkevičius 1966).

Примечания к таблице 1.

1. В таблице представлены рефлексы циркумфлекса на долгих гласных и дифтонгах. На балто-славянских кратких гласных не в составе дифтонгов оба циркумфлекса в литовском отражаются как циркумфлекс (на удлинённых широких гласных) или гравис (на узких, в особых случаях на неудлинившихся широких гласных); в латышском как краткостная интонация.

2. Балто-славянские слоги с «рецессивными» интонациями были фонологически безударными. В частности, в архаичных языках-потомках с «рецессивных» слов (*формы-энклиномены*) ударение переносится на проклитики и энклитики.

3. Нет общего мнения, отражает ли латышская прерывистая интонация соответствующую балто-славянскую слоговую интонацию («низкотональный акут»), является ли результатом собственно латышской ретракции иктуса⁷ на акутированный слог или обобщившимся рефлексом безударного акута в подвижной а. п. По нашему убеждению, прерывистая интонация — прямой рефлекс балто-славянского рецессивного акута.

1.2. Метатония акут ⇒ циркумфлекс

До конца 1980-х гг. балто-славянская акцентуационная система в ее морфонологической интерпретации представлялась следующей. Каждая балто-славянская морфема имела одну из двух *акцентуационных валентностей* — доминантную (высшую) или рецессивную (низшую). Сокращенное обозначение доминантной валентности — (+), рецессивной — (-). Интонациями (+)морфем являются доминантные акут и циркумфлекс, (-)морфем — рецессивные акут и циркумфлекс⁸. Балто-славянское ударение в фонетическом слове непосредственно зависит от соположения валентностей. Первоначальное место иктуса (ударения) в акцентной кривой любого производного от балто-славянского корня определяется контурным правилом В.А. Дыбо: «иктус ставится в начале первой последовательности морфем высшей валентности» (Дыбо 2000, 14). «Безударные» слова, состоящие из морфем низшей валентности, имеют иктус на 1-м слоге, если находятся в абсолютной позиции. Ниже балто-славянская акцентуационная система будет изложена на примере корней, но так же в точности ведет себя любая морфема.

⁷ Иктусом (который обозначается диакритикой ^l) называется место ударения безотносительно к интонационной (краткость ≈ циркумфлекс vs. акут) и количественной характеристике слога.

⁸ Эти термины не употреблялись до 1990-х гг., так как интонации рецессивных морфем считались реализациями акута и циркумфлекса в безударных слогах. Морфонологически так оно и есть, однако в фонетическом слове безударными могут быть как рецессивные, так и доминантные морфемы, и в праславянском интонации этих морфем были фонологически противопоставлены. «Рецессивные» интонации отличаются от «доминантных» в словах в абсолютной позиции: слав. *lěto ⇔ *tělō, *sŕdъ 'суд' ⇔ *sŕdъ 'сосуд'.

Балто-славянскими интонациями (+)корней являются доминантный акут (сокращенно — *δ*-акут) и доминантный циркумфлекс (*δ*-циркумфлекс). Суффиксы не оказывают на (+)корни акцентуационного влияния. Если корень является первой морфемой слова, то вся парадигма имеет неподвижное ударение на корне. В глагольной парадигме, за исключением форм с немногими префиксами с *δ*-акутом (слав. *vŭ-, вост.-балт. *rēg-), (+)корень является первой (+)морфемой в словоформе. Формы с (+)корнями являются оротоническими — обладающими фонологическим ударением. Акцентная парадигма (+)корня является *терминологически неподвижной*. И в прабалтийском, и в праславянском ударение в вариантах неподвижной а. п. было разноместным в результате позиционных перемещений иктуса. Иначе говоря, термин «неподвижная а. п.» применительно к прабалтийскому и к праславянскому обозначает акцентную парадигму доминантных корней, независимо от наличия в ней реальной подвижности.

Интонациями (–)корней являются рецессивный акут (сокращенно — *p*-акут) и рецессивный циркумфлекс (*p*-циркумфлекс). Рецессивный корень морфонологически безударен. Если словоформа состоит из цепочки (–)морфем (начиная с корня), то она является формой-энклиноменом — фонологически безударным словом. Собственное ударение на 1-м слоге формы-энклиномены получают только в абсолютном употреблении. В результате чередования в парадигме (–)корня форм-энклиноменов (в абсолютном употреблении с автоматическим ударением на 1-м слог) и оротонических форм (с ударением на 1-м слог) (+суффикса) акцентная парадигма становится *терминологически подвижной*. Иначе говоря, термин «подвижная а. п.» обозначает акцентную парадигму только рецессивных корней.

К 1980-м гг. был исследован единственный известный к тому времени «разлом» в подвижной а. п., когда (–)корни с *p*-акутом становились доминантными и получали интонацию, идентичную *δ*-акуту, напр. в славянском спряжении: *l*-part. *dāľ, *dālo, *dāli, *dāly (формы-энклиномены), *dalā (оротоническая форма с (+)суффиксом), 2–3 sg. aor. *dātъ, sup. *dātъ (формы-энклиномены) ⇔ inf. *dāti, 1 sg. aor. *dāхъ, 1 pl. dāхомъ, 2 pl. aor. *dāste, 3 pl. aor. *dāšę (формы от рецессивного корня, ставшего доминантным). В именном склонении: *nŭ ⇔ *nāsъ, *nāju, *nātъ, *nāmi (Дыбо 2000, 62).

Такие же примеры были известны и из внешнего сравнения, когда при греко-индийской окситонезе, регулярным соответствием которой является балто-славянская подвижная а. п., обнаруживалась вост.-балт. или слав. форма с *δ*-акутом: др.-инд. *dhūmās*, греч. θῦμός — лит. *dūmai* а. п. 1, лтш. *dūmi*, слав. *dŭть а. п. а (а также лат. *fūmus* с долгим гласным, не сократившимся под ударением). Объяснением таких парадигматических «разломов» и внешних соответствий была оттяжка ударения на «неапофонический» акут (ларингальную долготу) по закону Хирта–Иллич-Свитыча. Со-

отношение слав. **dalá* ~ **đāti* показывает, что оттяжка не была всеобщей, но ее позиции не были известны — просто констатировались формы, в которых она происходила (см. полное изложение реконструкции системы праславянских акцентных парадигм, в общих чертах тождественной балто-славянской, в [Дыбо 1981]). Об «оттяжке ударения по закону Хирта–Илич-Свитыча», по нашему мнению являющейся балто-славянской метатонией *рецессивный акут* ⇒ *метатонический акут*, см. § 1.5.

Исследование акцентуации славянских и балтийских deverbativов с односложными прикорневыми суффиксами, содержащими краткие гласные, подтвердило, что балто-славянские суффиксы deverbativов, как и прочие морфемы, делятся на два морфонологических класса — доминантный и рецессивный. Однако наряду с этим тривиальным результатом был получен результат, который непосредственно теорией не предсказывался: оказалось, что в производных с односложными краткостными (+)суффиксами от (–)корней с акутом происходит *метатония акут* ⇒ *циркумфлекс*⁹, тогда как в производных с теми же суффиксами от (+)корней метатония отсутствует. Метатония была обнаружена и в сложных суффиксах, состоящих из рецессивного и доминантного компонентов (Николаев 1989; ОСА, 85–108; Николаев 2012, 32–49; Дыбо 2008; 2009)¹⁰.

В морфонологических терминах *метатония акут* ⇒ *циркумфлекс* происходит в слоге *рецессивной морфемы*, непосредственно за которым находится первый слог *вторичнодоминантной морфемы*. Метатония происходит как перед краткими гласными (включая гласные в составе дифтонгов), так и перед акутированными долгими гласными и дифтонгами.

Более точное описание данной метатонии — *метатония рецессивный акут* ⇒ *вторичнодоминантный циркумфлекс*. Метатония акут ⇒ циркумфлекс является проявлением общего правила, по которому (–)морфема перед односложной (первично)доминантной и содержащей краткий гласный становится *вторичнодоминантной*¹¹.

⁹ Перед вторичнодоминантными морфемами происходит метатония *p-акут* ⇒ *m-акут*, см. ниже.

¹⁰ Ф. де Соссюр называл эту метатонию *métatonie douce*. Однако это более широкая категория, чем рассматриваемая здесь метатония в рецессивных корнях. Как *métatonie douce* рассматривается метатония в именах на *-é*, *-ys / -is*, которая связана не с акцентом, а с удлинением корневого гласного перед контракционными *-ī* < **-i(y)ā*, *-ē* < **-i(y)ā*. В этих образованиях наблюдаются метатонии *доминантный акут* ⇒ *доминантный циркумфлекс* и *рецессивный акут* ⇒ *рецессивный циркумфлекс*. В частности, ударение в литовских образованиях на *-é* и *-ys / -is* ставится по контурному правилу Дыбо: от рецессивных корней на суффиксе, от доминантных — на корне (ОСА, 86–87).

¹¹ До этого В.А. Дыбо (Дыбо 1981, 259) отметил «иммобилизацию» а. п. корневых (–)морфем перед презентным *-je-* и итеративным *-i-* и предположил особый

Морфема, в которой произошла метатония, называется *вторичнодоминантной*. Сокращенное обозначение вторичной доминантности — (\pm). По этой причине «вторичнодоминантным» может быть назван и циркумфлекс, в который преобразуется *p*-акут. В настоящей статье он будет называться *метатоническим циркумфлексом*, сокращенно *m*-циркумфлексом. В праформах вторичнодоминантная валентность обозначается диакритическим знаком \pm («плюс-минус») — в отличие от рецессивной (–) и (первично)доминантной (+). Эти диакритики ставятся под гласными (CaC, CaC, CaC). В дальнейшем термин «метатония акут \Rightarrow циркумфлекс» будет использоваться только для обозначения метатонии *p*-акут \Rightarrow *m*-циркумфлекс.

Например, литовские производные с (+)суффиксами **-to-*, **-sto-*, **-tlo-* от (–)корней (судя по балто-славянской подвижной парадигме производящих глаголов и прерывистой интонации в латышском), как правило неподвижной а. п., имеют регулярный *m*-циркумфлекс (литературные и диалектные формы приводятся без помет): *paḅūklas* (2)¹² ‘орудие’ ~ слав. *bŭ- (аог. *bŭ, *l*-part. *bŭlŭ, *bylŭ) а. п. *c*; *nuodėtas* (2) ‘грех’, *dėklas* (2) ‘чехол’, *padėklas* (2) ‘подкладка, подставка’ ~ лтш. *dēt* ‘legen’, слав. *dęjŏ, *dęjetŭ а. п. *c* ‘класть’; *dōtas* (2) ‘долг’ ~ лтш. *duōt* ‘geben’, слав. *dājŏ, *dajetŭ а. п. *c*; *klōstas* (2) ‘половик; пласт, слой’, *klōtas* (2) ‘выкладка, выстилка’ ~ лтш. *klāt* ‘ausbreiten’, слав. *klādŏ, *kladetŭ а. п. *c*; *kliūtas* (2) ‘карша, замоина’ ~ лтш. *kļāūt* ‘neigen, schmiegen’, диал. ‘hauen’; *lamstas* ‘разводы, узор’ ~ лтш. *lemt*, *lemt*² ‘bestimmen’; *apmaūtas* ‘чехол’ ~ лтш. *maūt* ‘streifen’; **mōtas* (2) в adv. (*instr. pl.) *mōtais* ‘нет дела’ ~ лтш. *māt* (наряду с *māt*) ‘winken’, слав. *majāti, *mājŏ, *majetŭ а. п. *c*; *pañtas* ‘сарай для хранения сена, зерна’¹³ ~ лтш. *pīt* ‘flechten’, слав. *rŭnŏ, *rŭnetŭ а. п. *c*; *plaiūtas* ‘viena iš dviejų šoninių kelminio avilio lentelių’, pl. t. *plaiūtai* (2) ‘полок’ ~ слав. *rļvŏ, *plovetŭ а. п. *c*; *spīrklas* (2) ‘подпорка’ ~ слав. *rĕrŏ, *rĕrĕtŭ; **rŭrŏ*, **rŭrĕtŭ* а. п. *c* ‘попирать; (за-, от)переть’; *sīdōtas* (2) ‘стать, осанка, фигура’ ~ лтш. *sīāt* ‘sich stellen, hinzutreten’, слав. *-stājŏ, *-stajetŭ а. п. *c*; *šluōstas* (2) ‘тряпка для вытирания’ ~ лтш. *sluōt* ‘ohne Zweck umhergeben, schlendern, bummeln’ и т. д. Литовские производные с (+)суффиксами **-to-*, **-sto-*, **-tlo-* от (+)корней (балто-слав. неподвижная парадигма, плавная интонация в латышском) метатонию, как правило, не имеют: *būrtas* (1)

просодический характер некоторых йотовых суффиксов, но не связал это явление с метатонией.

¹² Литовские а. п. обозначаются развернуто (а. п. 1, а. п. 2...) или сокращенно (1), (2)...

¹³ Первоначальное значение *pañtas* ‘приспособление для сушки сена’, на котором сено «распинали», ясно из его синонима *prėslas*, заимствованного из русского сев.-зап. (псковск., арханг.) *прясло* ‘приспособление из продольных жердей на столбах для просушки снопов сена, сушило’ (СРНГ 33, 93).

‘жребий’ при лтш. *buīt* ‘zaubern’; *dūrklas* (2) ‘клинок, кинжал’ при лтш. *duīt*; *gīnklas* (1) ‘оружие; защита’ ~ слав. *žĕti, *žьп(ĭ)ǫ, *žьп(ĭ)еть а. п. b_1 ¹⁴; *gьnāti, *ženǫ, *ženеть а. п. b_2 ; pl. t. *milai* (1) ‘мука’ ~ лтш. *māit* ‘mahlen’; слав. *mēliti, *meljǫ, *mēljеть а. п. b_1 ; *pjūklas* (1) ‘пила’ ~ лтш. *plāūt* ‘mähen’; *siūtas* (1) ‘apsivilkimas, drabužiai’ ~ лтш. *šūt* ‘nähen’, слав. *šĭjǫ, *šĭjеть а. п. a ; *žióstas* (1) ‘tai, kiek vienu kartu galima apžioti’ ~ слав. *žĕjǫ, *žĕjеть а. п. a и т. д. Такое же распределение производных с метатонией и с сохранением акута характерно для славянского и сохраняется в латышском¹⁵.

Метатония акут \Rightarrow циркумфлекс происходит и в составных суффиксах (подробности см. в [Николаев 1989; Дыбо 2002; Дыбо 2003; 2009]), в том числе в таких, которые в результате контракции становились односложными — в частности, в окончаниях с «греко-литовским» циркумфлексом¹⁶. Акцентологический анализ и.-е. атематического склонения с привлечением вторичной доминантности окончаний см. в (Дыбо 2003, 147–150; Николаев 2012, 45 и табл. 4).

Разную валентность могут иметь также окончания, включающие *-s. Окончание ном. sg. * ̣ доминантно, поэтому сложные окончания ном. sg. * ̣ -is, * ̣ -us (лит. *naktis*, *ledius*) вторичнодоминантны (форманты *-i-, *-u- рецессивны — i- и u-основы имеют подвижную а. п.). Рецессивное *-es в ном. pl. (слав. *dьktere) противопоставлено доминантному *-es в gen. sg. (слав. *dьktēre)¹⁷.

¹⁴ Глаголы а. п. b подразделяются на два подкласса — b_1 и b_2 — согласно валентности презентного основообразующего аффикса. Глаголы а. п. b_1 имеют доминантные презентные форманты (-e-, -ne-, -je-, -i-), глаголы b_2 — рецессивные (-e-, -i-). Циркумфлектированные корни обеих валентностей с (+)формантами имеют а. п. b_1 (*pĭsĕjĕṭ̅̅̅, *vǫdĭṭ̅̅̅). Акутированные (+)корни с (+)формантами имеют а. п. a (*lĕzĕṭ̅̅̅, *lāzĭṭ̅̅̅). Циркумфлектированные (+)корни с (-)формантами имеют а. п. b_2 (*nĕsĕṭ̅̅̅ > *nesĕt̄, *lǫžĭṭ̅̅̅ > *ložit̄); циркумфлектированные и акутированные (-)корни — а. п. c (*vedeṭ̅̅̅, *rojĭṭ̅̅̅). Доминантный формант -i- является суффиксом итеративных глаголов, рецессивный -i- — суффиксом каузативных и деноминативных глаголов (Дыбо 2000, 463–480).

¹⁵ В латышском во многих deverбативах на месте балто-славянского метатонического циркумфлекса восстановлен акут по инфинитиву производящего глагола.

¹⁶ Анализ балтийских падежных окончаний o- и ā-основ с точки зрения их акцентуационных модальностей и интонаций (с использованием «вторичнодоминантной» валентности) см. в (Дыбо 2003: 153–156).

¹⁷ Ряд аффиксов с акутом можно трактовать как «морфонологически контракционные» — например, *-eh₂ ном. (но не асс.?) pl. н. (бывшие collectiva) и исторически тождественное ему окончание ном. sg. f. являются вторичнодоминантными по аналогии с * ̣ -is, * ̣ -us и могут быть представлены как eh₂ \leftarrow {eh₂=Q}. В этом окончании, однако, реконструируется вторичнодоминантный акут (м-акут), а не м-циркумфлекс, см. § 1.5. Сам аффикс -ā- (< *-eh₂-) является рецессивным — балто-слав. ā-основы имеют подвижную а. п. от (-)корней.

Из контурного правила Дыбо следует, что балто-славянский иктус представляется автоматически — он всего лишь фонологический маркер первой (+)морфемы в словоформе. По отношению к расстановке иктуса вторичнодоминантный слог ведет себя как доминантный, однако не вызывает метатонию акут \Rightarrow циркумфлекс в предшествующем слоге (–)морфемы. Морфемы с вторичной доминантностью, одним из признаков которой является метатония акут \Rightarrow циркумфлекс, несут на себе ударение, если перед ними в словоформе нет других (+)морфем. Образования типа **d̥hēh₁-tl̥q-m*, состоящие из (–)корня и (+)суффикса, фонетически преобразуются в **d̥hēh₁-tl̥q-m* — с восходящим тоном и автоматическим балто-славянским ударением на корне (лит. *dėklas*, слав. **dědlo* > **dědlō*¹⁸).

1.3. Тонологическая интерпретация балто-славянских акцентуационных валентностей

То, что интонация морфемы с *p*-акутом меняется в случае правостороннего примыкания к этому слогу слога морфемы с доминантной маркировкой, позволяет предполагать, что оппозиции двух морфонологических валентностей предшествовала фонологическая оппозиция двух супрасегментных единиц, «склеивающихся» с циркумфлексом и акутом, вследствие чего мы имеем «рецессивные» и «доминантные» акуты и циркумфлексы. Это является доказательством того, что балто-славянская акцентная система оппозиции двух валентностей является отображением индоевропейского противопоставления регистровых тонов — высокого (на доминантных слогах) и низкого (на рецессивных слогах), как это уже давно предполагал В. А. Дыбо, исходя из типологии развития систем со слоговыми тонами в морфологизированные системы с парадигматическим акцентом (Dybo, Nikolayev, Starostin 1978; Дыбо 1980; 2003). «Вторичная доминантность» в рамках гипотезы тонологического происхождения валентностей трактуется как восходящий тон, являющийся результатом ассимиляции низкого тона к высокому. Метатония акут \Rightarrow циркумфлекс — «видимый глазу» процесс преобразования низкого тона *p*-акута в восходящий тон *m*-циркумфлекса.

Многие из балто-славянских односложных окончаний были вторичнодоминантными с (±)валентностью — например, уже упоминавшиеся выше **-j̥s*, **-s̥*, **-ḁ̄*, анализируемые как сочетания (–)темы с (+)окончанием. Предполагается, что эти морфемы характеризовались восходящим тоном. Од-

¹⁸ Ударение с неакутового слога сдвигалось на последующий слог в позднепраславянскую эпоху, позиции этого сдвига варьировали от одного диалекта к другому (АССЯ, 7–27). Здесь и далее праславянский непосредственный рефлекс балто-слав. *ð*-циркумфлекса — неоакут — обозначается знаком $\tilde{}$, а сдвинутое вправо в результате позднепраславянского диалектного дрейфа иктуса ударение — знаком $\grave{}$, например: **s̥q̄da* > **s̥q̄dā*, **n̥ēsēt̃* > **nēsēt̃*.

нако имеется ряд балто-славянских вторичнодоминантных окончаний — в частности, окончания тематического презенса (*-t_±, *-mo_±/-me_±/-m_±), вторичная доминантность которых проявляется в том, что они не трансформируют рецессивный тематический гласный во вторичнодоминантный (см. примеч. 3 к табл. 5)¹⁹. Мофонологически они анализируются как {t_±} ⇒ {t_±}, {m=ø} ⇒ {m_±} и т. п., однако фонетической интерпретации ни на прабалто-славянском, ни на индоевропейском уровне подобные абстрактные построения не имеют. Еще одним таким окончанием является loc. pl. *-su_±, которое не вызывает метатонии *ð*-циркумфлекс ⇒ *m*-циркумфлекс на предшествующих морфемах: балт. *sūnusù, *grindisù; слав. *ledъхъ, *zvěгъхъ (ОСА, 48–49).

В. А. Дыбо предположил также и и.-е. нисходящий тон (иными словами, (F)валентность в нашей нотации) для финалей числительных *septm_± и *h₃ektoh₂²⁰: др.-инд. *saptá, ástá*, греч. *σαττά, ὄκτώ* при балто-славянской окситонезе: *sedmǔ, gen. *sedmī; *osmǔ, gen. *osmī; лит. *septyni*, gen. *septynios; aštuoni*, gen. *aštuonios* (Дыбо 2003, 148–149). В балто-слав. морфонологии и.-е. (F) и (±)валентности не различаются, по-видимому, нейтрализовавшись в единой «вторичнодоминантной» валентности.

1.4. К происхождению балто-славянского акута

Если оставить в стороне *m*-циркумфлекс на долгих гласных и дифтонгах, то балто-славянский акут регулярно находится на поздне-и.-е. долгих («постларингальных») гласных (включая долгие слоговые сонанты и сочетания долгих гласных с таутосиллабическими сонантами — «долгие дифтонги»), циркумфлекс — на поздне-и.-е. кратких гласных (включая их сочетания с таутосиллабическими сонантами — «краткие дифтонги») и кратких слоговых сонантах. Очевидно, что просодия «пред-балто-славянских» долгих гласных отличалась от просодии кратких. Вполне вероятно, что балто-славянские *ð*- и *p*-акуты (иными словами, «акутовые трансформации» высокого и низкого тонов) — рефлекс фонации, свойственной только долгим «пред-балто-славянским» гласным.

¹⁹ В балто-славянском атематическом спряжении эти окончания, возможно, вели себя как (первично)доминантные (§ 2.3.3.3).

²⁰ В работах В. А. Дыбо различаемые им две и.-е. вторичнодоминантные валентности обозначаются следующим образом: «минус-плюс» валентность (= восходящий тон) — диакритика с минусом, расположенным над плюсом (F); «плюс-минус» валентность (= нисходящий тон) — диакритика с плюсом, расположенным над минусом (±). В (Николаев 2012) последняя диакритика используется как общее обозначение вторичнодоминантной валентности. В настоящей работе балто-славянская вторичная доминантность (независимо от предполагаемого движения тона) будет обозначаться единым знаком ±.

Балто-славянские долгие гласные с акутом происходят как из так называемых «неапофонических», так и из «апофонических» долгих гласных.

«Неапофонические» долгие гласные — рефлексy и.-е. сочетаний кратких гласных с ларингалами, и.-е. *VN > балто-слав. *V̇ («соссюрровский» акут, *rās- < *reh₂-s-). В этом случае «ларингализация» является прямым рефлексом ларингалов. «Неапофоническую» долготу имеют также гласные, удлинившиеся перед и.-е. звонкими согласными: и.-е. *V[]D > балто-слав. *V̇ («винтеровский» акут, *sēd- < *sed-). Не исключено, что фонетическая «ларингализация» гласных присутствовала и в последнем случае, если предположить «пред-балто-славянскую» систему трех серий смычных, каждая из которых характеризовалась «ларингализацией», причем у звонких «ларингальный» призвук находился в препозиции, а у глухих и звонких придыхательных — в постпозиции: и.-е. /t/ ~ /d/ ~ /dh/ > пред-балто-слав. [t^h] ~ [d^h] ~ [dh^h]²¹. В этом случае идентичность рефлексов и.-е. *VN и *V[]D объяснима, и балто-славянский акут действительно является «ларингальной» фонацией²². Балто-славянский акут обнаруживается также на дифтонгах и дифтонгических сочетаниях, восходящих к и.-е. последовательностям *VRH, в «постларингальной» нотации *VṘ («беценберге-

²¹ «Пред-балто-славянская» система *t^h ~ t^hd ~ d^h может реконструироваться и как «европейская индоевропейская» (с учетом непоследовательного удлинения гласных перед звонкими согласными + -tu-, -to- в латыни — закон Лахманна), с дальнейшим развитием *t^hd > *t^ht и утратой преаспирации *t^ht и спонантизацией постаспирированных смычных > герм. *θ ~ t ~ ð.

²² Фонологически объяснимо отсутствие удлинения перед звонкими согласными, находящимися в кластерах вида -sD- (перед сочетаниями «сонант+шумный» гласный удлиняется). Отсутствие винтеровского удлинения перед кластерами «звонкий гласный + сонант» (Dybo 2002, 502) ожидает фонологической интерпретации. Впрочем, приводимые В. А. Дыбо «исключения» в балтийских суффиксальных глагольных основах с *-D-sk-, *-D-st- > *-sk-, *-st- на морфемном шве и презенсах с n-инфиксом (Dybo 2002: 485–491; 498–501), возможно, исключениями не являются. В. А. Дыбо считает восточнобалтийские презенсы с n-инфиксом восходящими к презенсам с ne-суффиксом, так как перед корневым *NC удлинение по закону Винтера было регулярным. Однако циркумфлекс в n-презенсах, по-видимому, должен быть отнесен на счет метатонии, а сокращение гласного в инфинитиве — на счет вторичной перестройки парадигмы по образцу корней с циркумфлексом. Парадигма švīsti, praes. švīsta = *švīsta, švido перестроена из *švīsti, *švīnda, *švīdo; парадигма svīsti, sviñda, svīdo — из *svīsti, *sviñda, *svīdo — ср. параллельную парадигму švīsti, svīsta, svīdo со st-презенсом. Аналогичное вторичное сокращение происходит и в глаголах с ð-акутом «невинтеровского» происхождения, напр. в trúakti (см. сноску 111). Вероятно, таким образом можно решить противоречие между и.-е. (точнее, индо-хеттским) происхождением n-инфикса и наблюдаемым отсутствием удлинения гласных в корнях восточнобалтийских глаголов с инфиксальным презенсом.

ровский» акут). В этой позиции акут также имеет «ларингальную» природу.

Однако балто-славянский акут обнаруживается и на «апофонических» долготах — например, в слав. *a-/aje-*имперфективах от (+)корней, в словообразовательном типе с и.-е. *vrd̥dhi*, представленном, в частности, в греч. τρωπάω, τρωχάω: *b̥rati²³ от *b̥d̥rjet̥ а. п. *b*₁; *gr̥abati²⁴ от *greb̥tī, *gr̥ēbety > *greb̥ety а. п. *b*₂; *n̥asati²⁵ от *nestī, *n̥ēsety > nes̥ety а. п. *b*₂; *kr̥ētati²⁶ от *kr̥ētātī, *kr̥ētnet̥ а. п. *b*₁, *kr̥ōtīt̥ а. п. *b*₂ и т. д. Праславянский список имперфективов с акутом на удлинённом гласном корня нетрудно продолжить, добавив к нему многочисленные вост.-балт. имперфективы с акутом, образованные от краткостных и циркумфлектированных корней. Славянские глаголы класса *kaz̥ātī, *k̥āzjet̥ также не являются доказательством первичности балто-славянского циркумфлекса на «апофонических» долготах. Слав. *je-/a-*глаголы с удлинением в большинстве своем образованы от (-)корней, по этой причине в их корнях *p-*акут на удлинённом гласном (*vrd̥dhi*) развился в *m-*циркумфлекс: *x̥āpjet̥, *x̥ap̥ātī (ср. *xopit̥ а. п. *c*), *x̥r̥āmjet̥, *x̥ram̥ātī (ср. *x̥r̥ōmъ а. п. *b/c*), *k̥āzjet̥, *kaz̥ātī (ср. *kazit̥ а. п. *c*), *l̥āmjet̥, *lam̥ātī (ср. лтш. диал. *lem̥t*), *str̥ādjet̥, *str̥ad̥ātī (ср. *str̥āsty а. п. *c*²⁷), так же *t̥ičjet̥ с удлинением вторичного слав. *-b-* (ср. *gьčety а. п. *c*) (Дыбо 2000, 396)²⁸.

Формы типа лит. *dukt̥ē*, слав. *d̥ьktī = др.-инд. *duhit̥ā* приводятся как хрестоматийные примеры того, что на «апофонических» долгих гласных возникает именно балто-славянский циркумфлекс, а не акут. Суффикс имен родства является рецессивным (*-(t)er-), так как образования с ним могут иметь подвижную а. п. (ср. формы-энклиномены лит. асс. sg. *dūkterj*, асс. pl. *dūkteris*, слав. *d̥ьkterь, *d̥ьkteri и т. д.). Следовательно, циркумфлекс в *-t̥ē(r), равно как в *-m̄ō(n), *-ō̄(n) (греч. -τήρ, -μῶν, -ών; лит. *dukt̥ē*, *sraumiō*, *šir̥siuō* и т. д.) < *-t̥ēr-ṣ̌, *-m̄ōn-ṣ̌, *-ō̄n-ṣ̌ — метатонический, возникший из *p-*акута перед (+)окончанием *-ṣ̌ номинатива, см. § 1.2. Славян-

²³ Болг. *b̄aram* ‘трогать’; словн. *b̄arati* ‘fragen’ с генерализованным «новым циркумфлексом».

²⁴ Болг. *gr̄abam*, чеш., словц. *hrabati*, русск. диал. *gr̄abaty* (вторично *grabaty*) ‘хватать; сгребать’.

²⁵ Русск. диал. *n̄asaṭься* ‘бегать, суетиться’.

²⁶ Русск. диал. *kr̄yaṭь* ‘сдвигать’, укр. *kr̄yaṭься* ‘хлопотать’. В срб.-хрв. *ōkretati*, *-čēt* контаминация *kr̥ētati, -ajō (рефлекс корня с *vrd̥dhi*) и *kr̥ētati*, *kr̥čēt* с рефлексом первичного циркумфлекса.

²⁷ По данным староболгарских и древнерусских памятников.

²⁸ Валентность корней глаголов *dr̥ēmjet̥, *n̄izjet̥, *m̄āčjet̥ неизвестна. Исключением является *t̥ičjet̥ (ср. *t̥ičety а. п. *b*₂?), однако это глагол с позднейшим *-i-*, так как алломорф *ṭьk- — нефонетического происхождения.

ские формы сигматического аориста с циркумфлексом на удлинённом гласном — *gěxъ, *basъ (альтернативная реконструкция *gěxъ, *bāsъ) — образуются только от глаголов подвижной а. п. (Дыбо 1961; 2000, 375–376), т. е. от рецессивных корней.

Из вышеизложенного следует, что поздниеиндоевропейские долгие гласные и дифтонги приобретали балто-славянскую фонацию, называемую «акутом», независимо от происхождения долготы. По-видимому, на предбалто-славянские долгие гласные и дифтонги любого происхождения распространилась «ларингальная» фонация, первоначально свойственная рефлексам *VH, *VRH.

Балто-славянские гласные, произносимые с низким или высоким тоном, могут быть нейтральными (циркумфлектированными) или маркированными «ларингальной» фонацией (акутированными). На гласных, произносимых с восходящим тоном, фонации нейтрализуются в нейтральную, таким образом «акут становится циркумфлексом». В тонологических терминах метатония акут \Rightarrow циркумфлекс (низкий акут \Rightarrow восходящий циркумфлекс) — преобразование \underline{V} (+«ларингализация») \Rightarrow $\underline{\underline{V}}$ (–«ларингализация»). Метатония акут \Rightarrow циркумфлекс — утрата «ларингализации» в связи с заменой низкого тона на восходящий. Параллельная метатония, происходившая в этой же позиции, — изменение \underline{V} (–«ларингализация») \Rightarrow $\underline{\underline{V}}$ (–«ларингализация»), т. е. замена низкотонального циркумфлекса восходящим: *weġh-s-tlŏ- > балто-слав. *wežstlo- > слав. *vēslo (> *veslò). Здесь краткостный слог с низким тоном превращается в слог с восходящим тоном, рефлексами которого являются литовский циркумфлекс и славянский неоакут.

1.5. Метатония *рецессивный акут* \Rightarrow *метатонический акут* («оттяжка ударения по закону Хирта–Иллич-Свитыча»)

С разобранный выше метатонией акут \Rightarrow циркумфлекс в дополнительном позиционном распределении находится так называемая «оттяжка ударения по закону Хирта–Иллич-Свитыча». Понятие «оттяжка ударения» бессмысленно для описания балто-славянской системы с автоматической расстановкой иктуса, ср. (Николаев 2012, 38). В действительности закон Хирта–Иллич-Свитыча описывает метатонию *рецессивный акут* \Rightarrow *вторичнодоминантный акут*. В морфонологических терминах эта балто-славянская метатония формулируется следующим образом²⁹: *метатония рецессивный акут* \Rightarrow *вторичнодоминантный акут* *происходит в слоге рецессивной морфемы, непосредственно за которым находится вторичнодоми-*

²⁹ Ср. (Николаев 2012: 38–42), где недостаточно последовательно обозначены позиции метатоний «*r*-акут \Rightarrow *m*-циркумфлекс» и «*r*-акут \Rightarrow *m*-акут».

нантный слог³⁰. Перед *м*-циркумфлексом на долгих гласных и дифтонгах контракционного происхождения эта метатония, возможно, не происходит, ср. ст.-лит. парадигму *sūnus* (Николаев 2012, 39–41).

Акут, возникший вследствие трансформации рецессивного акута во вторичнодоминантный, далее будет называться *метатоническим акутом* (сокращенно — *м-акутом*). О том, что метатония *р-акут* ⇒ *м-акут* не является результатом отяжки ударения, говорит «внутрислоговая метатония», в результате которой *р-акут* трансформируется в *м-акут* в основах с доминантным *п*-инфиксом: **sĕdēt* а. п. *a* — ср. **sĕditĭ* а. п. *c*; **vŷk-* (< **ū-n-k-ne-*, с балто-слав. удлинением **u*, **i* перед *nC*³¹) в **vŷkti*/**vŷknoŭi*, **vŷknetĭ*, аог. **vŷkŭ*, **vŷče* а. п. *a* — ср. лит. *jáukti*, *jáukia*/*jaũkti*, *jaũkia*³², **bŏdēt* а. п. *a* (инфикс инкорпорирован в презентную основу **bhŭ-dhe-*) — ср. слав. **bŷti*, аог. **bŷ* а. п. *c*. *М-акут* реконструируется также в балто-слав. окончаниях *nom. sg. f., collectiva* и *nom.-acc. pl. n.* **-ā* (< и.-е. **-eh₂*, см. сноску 17); *loc. sg.* **-ĕi*, **-āu* *i-* и *u-*основ (и.-е. **-ĕy*, **-ōw*); *nom. sg. n.* **-mŭ* (слав. **vermĕ*)³³.

Слог, в котором произошла метатония рецессивный акут ⇒ вторичнодоминантный акут, по отношению к контурному правилу Дыбо ведет себя как любой доминантный слог, т. е. на нем находится иктус, если он оказывается первым слогом в слове.

³⁰ В праславянском глаголе детали действия этого правила, вероятно, различались в слогах с беценбергеровским акутом (**CVRH*), с одной стороны, и в слогах с акутом иного происхождения, с другой, — см. ниже в этом же параграфе.

³¹ Речь идет именно о цепочках **inC*, **unC*, а не о балто-слав. **inC*, **unC* (? **iC*, **uC*) < и.-е. **nC*.

³² Рецессивный корень, на что указывает как *м*-циркумфлекс в лит. *j*-презенте, так и слав. каузатив **uĕŭti*, **uĕtiŭ* а. п. *c*.

³³ Можно подозревать, что односложные акутированные (±)окончания влияют и на предшествующие слоги с *р*-циркумфлексом в более чем двусложных словоформах. Это видно, в частности, из соотношения древнечешских парадигм числительных: *pĕt* (< **rĕŭtĭ*), *gen., dat., loc. pĕti*, но *devĕt*, но *dĕvĕŭtĭ*, **dĕŭŷĕtĭ* и *loc. devĕte*, *desĕte* (< **dĕvĕŭte*, **dĕŷĕte*) ⇒ *gen., dat., loc. devieti*, *desieti* (Gebauer 1896, 350–358). Соотношение между чередованием чешских количеств и стандартной реконструкцией а. п. числительных, основанной, в частности, на русском материале, может интерпретироваться как слав. **rĕŭtĭ*, *gen. *rĕŭi*, *loc. *rĕŭi* = русск. *пять* (*на пять*), *пяти*, но **dĕvĕŭtĭ*, *gen. *devĕŭi*, *loc. *devĕŭi* = русск. *девять* (*на девять*), *девятю* (окситонеза локатива в результате правостороннего дрейфа ударения). Аналогичное соотношение акцентуации дву- и многосложных форм в склонении других имен с консонантными и *i*-основами, вероятно, утрачено — в засвидетельствованных системах они имеют акцентуацию двусложных форм. К доминантным суффиксам, сходным образом воздействующим на корневую просодию, относится *-*uŷ-* компаратива: *м*-циркумфлекс в образованных от рецессивных корней **tŭnje* (ср. **tŭnĕkŭ* а. п. *c*), **sŭŷje* (ср. **sŭxŭ* а. п. *c*) при *м*-акуте в **mŏldjĕ* (ср. **mŏldŭ* а. п. *c*).

В тонологических терминах эта метатония — преобразование низкого «ларингализованного» тона в восходяще-нисходящий (?) «ларингализованный»: движение тона в слогах с вторичнодоминантным акутом не было восходящим, так как «ларингализация» сохраняется. Вторичнодоминантные слоги с акутом, возникшим в результате метатонии рецессивный акут ⇒ вторичнодоминантный акут, не оказывают воздействия на предшествующие слоги с рецессивным акутом, что предполагает низкий (или средний, но не высокий) тон в начале слога, подвергнувшегося метатонии.

Фонетические рефлексy м-акута в засвидетельствованных балто-славянских языках совпадают с рефлексами д-акута. Примеры на м-акут в славянской глагольной парадигме см. ниже, табл. 5, 6. Чрезвычайно сложные балто-славянские акцентные кривые основ с корневым р-акутом выравнивались и зачастую «расщеплялись», что приводило к возникновению парадигматических дублетов и даже триплетов (§ 2.2.1.1.1): слав. *strěxa а. п. а ⇔ *strěxǎ а. п. с, *pěna а. п. а ⇔ *pěná а. п. с; слав. *běrmę а. п. а ⇔ *bêrmę а. п. с; слав. *žīla а. п. с, лит. *gýsla* а. п. 1 ⇔ лтш. *dzīsla*; слав. *pŕǫgvъ а. п. с ⇔ лит. *pīrmas* а. п. 1 DP, лтш. *pīrmai*; лит. *káina* а. п. 1 ⇔ *kainà* а. п. 4 (< *3); лит. *krėslas* а. п. 1, слав. *krěslo а. п. а ⇔ лтш. *krėsls* и т. п. (Николаев 2012, 38–41). Колебания наблюдаются и в служебных морфемах: например, в литовских диалектах loc. pl. имеет ударение на окончании: Tverečius *šakāsù*, *žarnāsù* (OG, 228 и сл.) ⇔ слав. *golvǎxъ с регулярным м-акутом³⁴.

В качестве иллюстрации (табл. 2) приведем гипотетические парадигмы -men-основ (-суффикс) от рецессивных корней с балто-слав. циркумфлексом и акутом: *vermę (и.-е. *wert-men-) и *pŕŏlme (n.), *pŕŏlmy (m.) (и.-е. *pŕŏlH-men-). Акцентная кривая *vermę в основном сохранена в сербско-хорватских штокавских говорах: *vrijemě*³⁵, gen. *vrĭjemenà*, pl. *vretněna* (в косвенных падежах ед. ч. обобщены энклитомены). В словенском отражены формы gen. sg. с предконечным ударением (без правостороннего дрейфа ударения по причине трехсложности формы): *vréme* (< *vermę), gen. *verména* (субститут *vermêne); *plámen* (вероятно, с ударением nom. sg. *pŕŏlmy), gen. *plaměna* (субститут *pŕŏlmêne). Обобщен «старый акут»: срб.-хрв. *plàmenъ*, в.-луж. (архаическое) *plómjo*, ст.-болг. центр. nom.-acc. sg. *плáменьъ*; gen. sg. *плáменеъ*; *ѡ плáменеъ*, *ѡс плáмѣ*; loc. sg. *въ плáмени*

³⁴ Также слав. *mǎti < *meh₂ter(s) при лит. *mōtė* и диал. *moitė* с интонацией косвенных падежей; слав. *děver-/děver- (словенск. *děver* наряду с *devêr*) < *deh₂ywēr(s), *deh₂ywēr-.

³⁵ Праславянский nom. sg., ср. энклитомен *nǎ vrijeme* с акцентуацией асс. sg. Ранее nom. sg. рассматривался как «новый ортотон» (АССЯ, 30–31; Дыбо 2000, 94–96).

(Сб., Писм.); карпатоукр. Луг *połútn'a* 'пламя'. Обобщена интонация форм-энклиноменов: русск. диал. *пóломя*, нижегор., курск. *пóломя*; брянск., ворон. *пóлымя*; орл. *пóлымье*, петерб. *пóломень*, уфим. *пóлымь* 'пламя' (СРНГ); белор. *пóлымя*; укр. *пóломя*, *пóломінь*, *пóлум'я*, *пóлумінь*, Черный Поток Иршавского р-на Закарпатской обл. *połotn'a* (МКЭ); ст.-болг. тырн. энклиномен асс. sg. *нѧ пѧдмѧнь*, *нѧ пѧдмѧнь* (ОСА, 210).

Таблица 2

Праславянские акцентные кривые образований
с суффиксом *-men- от рецессивных корней

	*wert-men-	*połH-men-	
	neutra	neutra	masculina
nom. sg.	*vermĕ	*pólme	*pólmy
acc. sg.	*vĕrme	*pólme	*pólmenь
gen. sg.	*vermĕne	*polmĕne	
dat. sg.	*vĕrmeni	*pólmeni	
instr. sg.	*vermenьmъ	*polmenьmъ	
loc. sg.	*vermenĩ	*polmenĩ	
nom. pl.	*vermená	*polmená	*pólmene
acc. pl.			*pólmeni
gen. pl.	*vermenĕ	*polmenĕ	
dat. pl.	*vermenьmъ	*polmenьmъ	
instr. pl.	*vermenỹ	*polmenỹ	
loc. pl.	*vermenьxъ	*polmenьxъ	

В.М. Иллич-Свитыч предоставил доказательства гипотезы Г. Хирта о том, что в балтийском произошла оттяжка индоевропейского ударения с конечного слога на корневой, если в последнем был долгий согласный. Закон Г. Хирта, уточненный В.М. Иллич-Свитычем, заключается в том, что «оттяжка ударения» на акутированный слог происходит, если его долгота имеет ларингальное происхождение (соссюрровский акут), и не происходит на слоги с беценбергеровским и «апофоническим» акутами (к последнему В.М. Иллич-Свитыч относил и позднее открытый винтеровский акут) (Иллич-Свитыч 1963, 78–82).

Среди восточнобалтийских примеров на предположительно регулярное отсутствие «оттяжки по правилу Хирта» на слоги с беценбергеровским и «апофоническим» акутами, приводимых В.М. Иллич-Свитычем (ibid, 71–72), не имеет рефлекса *м*-акута только одна основа с надежно установленным беценбергеровским акутом: лтш. *tiēvs* (и лит. *tėvas* — это прилагательное неизвестно из памятников, различающих подвижную и неподвижную а. п. прилагательных) < и.-е. *tenh₂w-, греч. *ταναΐος*. В формах лтш.

laiūzs, лит. *láužas* а. п. 3 и.-е. корень может быть реконструирован как **leuHǵ-* или **leHwǵ-*, свидетельств о позиции ларингала нет. Также неизвестна позиция ларингала в и.-е. **woyH-no-* или **woHy-no-*³⁶, в восточнобалтийских рефлексах которого *м*-акут присутствует: лит. *vienas* а. п. 1 DP (35×) ⇔ *vienas* а. п. 3 DP (38×), лтш. *viēns*. У остальных основ (акут в которых винтеровский) есть и формы с рефлексом *м*-акута: лит. *pėdas* а. п. 1 (P.Skar DA, 39) (в районе Dovydai³⁷) ⇔ *pėdas* а. п. 3 (в большинстве говоров) и лтш. *pėds*; лит. *jūngas* а. п. 1 (также слав. **ǵgo*, gen. **ǵžese* а. п. *a* < балто-слав. **yūngos* [OCA, 221]) ⇔ лит. *jūngas* а. п. 3, лтш. *jūgs*. Соотношение в этих парах такое же, как между лит. *krėslas* а. п. 1, слав. **krěslo* а. п. *a* ⇔ лтш. *krėsls*, с «рецессивным выбором» в латышском (Иллич-Свитыч 1963, 82). Частотность *о*-основ с «апофоническим» акутом, в которых отсутствует действие закона Хирта (**měšo* а. п. *c* и т. д. [Иллич-Свитыч 1963, 150–152]), сопоставима с частотностью отсутствия его действия в *о*- и *и*-основах с ларингальными долготами: **dāgъ*, **jāgo*, **mīgъ*, **pīgъ*, **pīvo*, **sūpъ*, **žīgъ* а. п. *c* и т. д.

В балто-славянских глаголах и deverbatives с рецессивными корнями винтеровский акут ведет себя как сосюрковский, регулярно трансформируясь в *м*-акут: слав. **sěditi*; ст.-лит. part. nom. sg. m. **sėdįs* DP; прусск. *Sīdāns* III, 127 'sitend' (Дыбо 2011a) — лтш. *sēst*, слав. **sėdiitъ* а. п. *c* (балто-слав. **sēd-* < и.-е. **sed-*); лит. pl. t. *spāustai* а. п. 1 (< балто-слав. **spōwd(s)tā* < и.-е. **spewd-(s)teh₂*) — рецессивный корень (§2.3.4.2.2); pl. *s(ō)ráigtai* а. п. 1 (< балто-слав. **strōygtā* < и.-е. **streyg-teh₂*) — слав. **strižetъ* а. п. *c*; лит. pl. *áukštai* а. п. 1 (< балто-слав. **āwgštā* < и.-е. **h₂ewg-steh₂*) — лтш. *áugt* и т. п.

В балто-славянском словообразовании метатоническим становится и беценбергерский акут: лит. *pántis* m., слав. pl. t. **pŏta* а. п. *a* (лтш. *pīt* < и.-е. **peH-*, ср. слав. **peťi*); слав. (nom.) **běrmę* а. п. *a* (в большинстве

³⁶ Во всех индоевропейских языках рефлекс *и*-е. «долгий дифтонгов» (в ларингалистской нотации перепиываемые как *VHR) перед согласными практически совпадают с рефлексами кратких, кроме балто-славянского, в котором долгота отражается в виде акутовой интонации. Это верно и для индо-иранского, собственные долгие дифтонги и дифтонгические сочетания в котором не имеют отношения к и.-е. «долгим дифтонгам» (Dybo 2002, 362). Однако во всех и.-е. языках долгота гласных сохраняется в позиции перед гласными, благодаря чему возникает чередование CVR-C (долгота в котором опознается только по балто-слав. акуту) ~ CŪR-V. Вследствие перераспределения алломорфов корней на -у и -w, глайды которых в интервокальном положении воспринимались как суффиксальные, возникло чередование, подобное греч. *λω-/λῆ-*, др.-инд. *pā-/pī-*, такое же в соотношении лит. *puotā* 'пир' и слав. **pīti*. Во многих случаях различить рефлекс *и*-е. корней вида *CVRH- и *CVHR- затруднительно, особенно в случае, если R = носовой или плавный сонант.

³⁷ Северный центральноаукштайтский говор.

языков) и (асс.) *bêrme а. п. с³⁸ (< и.-е. *bherh₁-, греч. φαρέτρα), *pólme а. п. а (в большинстве языков) и *pólme а. п. с (и.-е. *pəlH- [Dybo 2002, 334]); слав. *órdlo а. п. а (с интонацией pl. *órdla), лтш. диал. *ārklis* ⇔ лит. *ārklas* а. п. 3, лтш. *ařkls* (лтш. *ařt* < и.-е. *h₂erh₃-, ср. греч. ἄροτρον) и др.

Позицией, где метатония *p*-акут ⇒ *m*-акут регулярно не происходит на бещенбергеровском акуте, является славянское спряжение корней с исходом на сонанты и долгие гласные. Формы от (-)корней с сосюроевским (*m*)-акутом (и формами-энклиноменами): inf. *píti, аог. *píxь, *píxомь, *píste ~ 2–3 sg. аог. *pítъ; *víti, *víxь ~ *vítъ; *žiti, *žixь ~ *žitъ; *pěti, *pěxь ~ *pětъ; *bŷti, *bŷxь ~ аог. *bŷ. Формы от (-)корней с бещенбергеровским акутом с насуффиксальным ударением (и формами-энклиноменами): inf. *žertí, аог. *žerxъ, *žerxōмь, *žerstē ~ 2–3 sg. *žêrtъ; *nertí, *nerxъ ~ *nêrtъ; *peŷi, *peŷъ ~ *pêtъ; *stertí, *sterxъ ~ *stêrtъ, см. (Дыбо 1981, 230–238; 2000, 305). Таково же объяснение окситонированных инфинитивных и аористных форм на *-nɔ-: *minɔŷi, *minɔxъ ~ *mínɔŷ; *manɔŷi, *manɔxъ ~ *mânɔŷ и т. п., где *-nɔ- < и.-е. *-nu-n-H- (Дыбо 1981, 240–243).

Причины двоякого поведения бещенбергеровского акута по отношению к правилам метатонии неясны. Возможно, что дело в расщеплении рефлексов и.-е. *VRH на балто-слав. *VR̄ и *VR̄ə (ср. лит. *žėrti* ~ *žėrė* < *g^werh₁-), и метатония *p*-акут ⇒ *m*-акут фонетически происходит только в алломорфах с *VRH > *VR̄.

³⁸ Укр. Турья Поляна Перечинского р-на *bêremn'a*, Керещки Свалявского р-на Закарпатской обл. *bêremeno* (МКЭ); слвн. *bréme* (< *bêrme), gen. *breměna*. Греч. фέρμα 'плод в утробе' не свидетельствует только об и.-е. *bhértm̄, вопреки (Иллич-Свитыч 1963, 150). В греческом ларингал после корневого сонанта регулярно выпадает в ауслауте корней I (доминантного) класса перед суффиксами II класса с сонантным анлаутом и нулевыми суффиксами, а *bherh₁- ведет себя в греческом как морфонологически лабильный корень, образующий формы как по модели I (доминантного) класса, так и по модели II (рецессивного): imper. фёрте Nom., ср. аог. γέντο Nes. от доминантного *gēnh₁- (Николаев 1983, 78–80) ⇔ fut. εἰσφρήσω Ag., praes. εἰσπίφρησι Agist. «Безларингальный» алломорф (φόρτος Nom.+ и фёртрон Nom.) выделен из форм фёрте, фёрма и т. п. — ср. регулярные φарέтра Nom.+ и φέρετης Dion. H. Поэтому альтернативной праформой для фёрма является и.-е. *bherh₁m̄. Наряду с др.-инд. *bhārman-* 'ноша', с которым В.М. Иллич-Свитыч сравнивает слав. *bêrme, последнее регулярно соответствует и др.-инд. *bhārman-* п. с -ī-, указывающим на (-)корень (Николаев 1986а, 187–197). Все образования на *-men- ср. р. в древнеиндийском и греческом имеют накоренное ударение, тогда как в праславянском основы на *-me бывают как неподвижной (*a* и *b*), так и подвижной а. п. (с) (Николаев 1989, 63–72).

Таблица 3

Тонологическая интерпретация прабалто-славянских интонаций

	Нейтральные гласные	Ларингализованные (?) гласные
Высокий тон	д-циркумфлекс	д-акут
Восходящий тон	м-циркумфлекс	м-циркумфлекс
Восходяще-нисходящий тон	?	м-акут
Низкий тон	р-циркумфлекс	р-акут

Примечание к таблице 3. Славянский неоакут в формах *ios. *desęti, *devęti*; *comp. *tęlje, *bōlje*, возможно, восходит к балто-славянскому метатоническому восходяще-нисходящему циркумфлексу.

Таблица 4

Индоевропейское происхождение прабалто-славянских интонаций

	И.-е. высокий тон	И.-е. низкий тон		
		перед низким тоном	перед высоким тоном	перед восходящим тоном
Балто-славянские рефлексy				
И.-е. краткие гласные и дифтонги	д-циркумфлекс	р-циркумфлекс	м-циркумфлекс	р-циркумфлекс
И.-е. долгие гласные и дифтонги	д-акут	р-акут	м-циркумфлекс	м-акут

Примечания к таблице 4.

1. Под «ларингализованными» гласными и дифтонгами здесь понимаются и.-е. долгие фонемы любого происхождения.

2. Под и.-е. восходящим тоном здесь понимается интонация вторичнодоминантных слогов.

1.6. Закон Дерксена и соотношение праславянской окситонезы с индоевропейской

Балтийской метатонии акут \Rightarrow циркумфлекс (в смысле *métatonie douce* Ф. де Соссюра) посвящена монография Рика Дерксена (Derksen 1996). В ней учтена моя гипотеза происхождения метатонии акут \Rightarrow циркумфлекс перед балто-славянскими суффиксами *-to-, *-sto-, *-tlo-, однако происхождение этой метатонии Р. Дерксен объясняет иначе: «In my opinion, <Niko-

laev's> observation that in a certain class strong roots have been become weak can hardly be regarded as a satisfactory explanation for the occurrence of metatony. Nevertheless, Nikolaev's findings are highly interesting because they would corroborate Stang's theory that in *o*-stems *métatonie douce* is due to a retraction of the stress: metatony is only found in nouns which were originally end-stressed».

Судя по тексту книги, Р. Дерксен не делает принципиального различия между позднейшей «метатонией» в подвижной акцентной парадигме в литовских диалектах, утративших оппозицию безударных акута и циркумфлекса (замена акута циркумфлексом в подвижной а. п.: *gèlà* 4, *laidà* 4, *sodà* и т. п., ср. *augà* 3/4, *duobà* 3/4 и т. п. — см. соответствующий раздел в [Stang 1966]), и балто-славянской *métatonie douce*, происходившей в системе, в которой безударные интонации различались — и продолжают различаться в латышском и в ряде литовских говоров.

Р. Дерксен считает, что образования от (–)корней с суффиксами *-to- (subst.), *-sto-, *-tlo- имели балто-славянское конечное ударение. В «пралитовском» языке происходила оттяжка с кратких гласных на предшествующий слог, в результате чего ударение оказывалось на слоге с превратившимся в циркумфлекс безударным акутом, в том числе и в образованиях типа *dēklas* < *dē-tlā-. Эту гипотетическую литовскую оттяжку ударения принято называть законом Дерксена (Derksen's law). Р. Дерксен рассматривает в одном ряду с типом *dēklas* метатонию в образованиях на *-iy-o-, *-iy-eh₂-, которую он также считает результатом оттяжки ударения (см. выше, сноска 10).

Закон Дерксена подразумевает, что праславянская окситонеза в таких образованиях с (+)суффиксами от (–)корней, как *dēdlò, *bydlò, соответствующих лит. *dēklas*, *pa-būklas*, является первичной и имеет индоевропейское происхождение. Как известно, латышским рефлексом акута в подвижной акцентной парадигме является прерывистая интонация. Она присутствует и в формах, в которых в литовском ударение не находится на слогах с акутом и, судя по всему, не находилось на них в балто-славянском, так как восточнобалтийские акцентные кривые подвижных акцентных типов регулярно соответствуют праславянским, как было установлено Х. Стангом. В частности, в латышском прерывистая интонация регулярно наблюдается в подвижных именных основах, которые в литовских диалектах переходят из 3-й а. п. в 4-ю в результате утраты оппозиции предударных интонаций — следовательно, в латышском стабильно сохраняется оппозиция безударных акута и циркумфлекса. При этом балто-славянская метатония акут ⇒ циркумфлекс имеет рефлексы и в латышском и обнаруживается только в образованиях от (–)корней перед (+)суффиксами:

1. *àukla* ‘eine aus Flachs oder Hanf gedrehte Schnur, dünne Leine’ — лтш. *aûst, aûžu* ‘weben, wirken’
2. *gràusts* ‘schlechte Hütte’ — лтш. *graût, grâst*
3. pl. *lùmsti* ‘Weberhefteln, Nietenhölzern’ — лтш. *lemt, limt*
4. *tikls* ‘Netz’ — лтш. *tît*.

Этот список продолжают латышские глаголы, в которых прерывистая интонация чередуется с падающей, т. е. *p*-акут чередуется с *m*-циркум-флексом (§ 2.2, 2.3.4.2).

Р. Дерксен считает окситонезу девербативов на **-tro-/-tlo-* от рецессивных корней индоевропейской, однако это противоречит древнеиндийским и греческим фактам. Ведийское ударение образований от рецессивных корней *-set* (**CVRH > CVRə*, где R — любой сонант) было парокситонным, т. е. находилось на корне, а не на суффиксе. Ударение таких ведийских форм от (-)корней, как *pavitra-*, *bhavitra-*, *bharitra-*, *khanitra-*, *caritra-* от корней *-set*, анализируемых как {*pavī-tra-*} ⇒ *pavītra-*, {*bhavī-tra-*} ⇒ *bhavītra-*, {*bharī-tra-*} ⇒ *bharītra-*, {*khanī-tra-*} ⇒ *khanītra-*, {*carī-tra-*} ⇒ *carītra-*, аналогично ударению баритонированных форм от (-)корней типа *tántra-* < **tén-tlo-* < **tenH-tlō-* (Николаев 1986а, 194; Дыбо 2003, 151–152). Это приводит к выводу, что развитие вторичной доминантности (фонологически — восходящего тона) не было характерным только для балто-славянского. Ведийская парокситонеза в образованиях от корней *-set* регулярно соответствует греческой баритонезе (φέρетρον, βάραθρον)³⁹ и балто-славянской баритонезе, а не окситонезе. Ударение ведийских двусложных образований на *-tra-* зависит от класса корня, и окситонированные формы в таких образованиях регулярны только от (+)корней. В греческом формы на *-tro-/-tlo-/-θρο-/-θλο-* от корней обоих классов имеют закономерное накоренное ударение (АССЯ, 59–63). Соответствие греко-индийских баритонированных основ балто-славянским баритонированным (с неподвижной акцентной парадигмой), а греко-индийских окситонированных основ — балто-славянским основам с подвижной а. п. было доказано В. М. Иллич-Свитычем (Иллич-Свитыч 1963). Возведение таких слав. форм, как **věrdlo* (с поздненепраславянским развитием в **verdlo*), к и.-е. **werh₁-tlō-m* некорректно, так как в традиционной и.-е. акцентологической реконструкции праформа имела бы вид **wérh₁-tlo-m*.

Специального комментария требуют славянские краткосложные формы а. п. *b* среднего рода, соответствующие греческим окситонированным и литовским подвижным формам (Иллич-Свитыч 1963, 120–123): слав. **però* — греч. πτερόν (и лит. *spařnas* 4); **gnězdò* — лит. *lizdas* а. п. 4, **dъ(b)нò* — лит. *dùgnas* а. п. 4. Слав. **gъrнò* имеет пару м. р. **gъrнь* а. п. *c*; именно

³⁹ Возможно, из **φέρетρον*, **βάραθρον* по закону Уилера.

*gǫpnъ является точным и регулярным соответствием др.-инд. *ghṛnás* м. р. Приводимые В.М. Иллич-Свитычем *jǝdrò ≈ др.-инд. *āṇḍám*, *ǫtrò = др.-инд. *āntrám* неубедительны в качестве примеров на соответствие славянских окситонированных образований таким же индоевропейским. Др.-инд. окситонированные формы восходят как к «низкотональным», так и к «высокотональным» платформам. Первым регулярно соответствует окситонеза в других и.-е. языках и балто-славянская подвижная а. п., вторым — дардская, иранская, греческая, германская баритонеза и балто-славянская неподвижная (баритонированная) а. п. (АССЯ, 69–74; Дыбо 2011в; Николаев 2012, 44–52). В частности, ряд *ǫtrò = др.-инд. *āntrám* должен быть дополнен столь же регулярными (с поправкой на качественный аблаут) греч. *ἔντερον* и герм. **épnθrō*, которые В.М. Иллич-Свитыч отдельно сравнивает с pl. t. **ętra* (в его реконструкции **jétrā*/*jętrá*). Слав. **sidlò* ‘силок, петля’ сравнивается с герм. **saila*, вероятно восходящим к **soydhlom*, с упрощением геминаты после долгого слога (Иллич-Свитыч 1963, 121), однако закономерность такого развития именно после безударных слогов не доказана. При этом слав. **sidlò* является образованием от (+)корня — ср. с (–)суффиксом **-ti*- **sěth* а. п. *b*, поэтому позднепраслав. **sidlò* < **sīdlò* < и.-е. **sóydhlom*.

Славянские образования **gǫpnò* (наряду с **gǫpnъ*), **però*, **gnězdò*, **dьpnò* являются вторичными славянскими формами им.-вин. с *-ò, выделенным из склонения (+)основ. Формы на *-ò являются субститутами форм с им.-вин. ед. на *-ъ, восходящих к балто-слав. формам на *-an — таким как **gòlsъ* ≈ герм. **kalzà* < и.-е. **golsom* («**golsóm*») (Николаев 2012, 51–52). Формы на *-ò образуют пары к формам на *-ъ, как правило от (+)основ: **černò* ~ **čěrnъ*, **čexlò* ~ **čěxьlъ*, **pěstò* ~ **pěstъ*, **tyrnò* ~ **tьrnъ*, **koltò* ~ **kòltъ*, **rykьlò* ~ **rьkьlъ*, **xьlstò* ~ **xьlстъ*, **pertrò* ~ **pětrъ*, **bolnò* ~ **bòlnъ*, **udò* ~ **ũdъ* а. п. *b*, **zvонò* (наряду с **zvěno*, gen. **zvěnese* а. п. *d*) ~ **zvòpnъ* а. п. *d* (АССЯ, 302–304), **žezlò* ~ **žězlъ* а. п. *d* («*c/b*» в [Зализняк 1985, 137]) и т. д. В этом же ряду находится **gǫpnò* а. п. *b* от **gǫpnъ* а. п. *c*. Формант *-o фонетически восходит к *-os (*es*-основы ср. р.) и к местоименно-адъективному *-od. В.М. Иллич-Свитыч считал, что славянские окситонированные формы на -o «следует рассматривать как преобразование развившихся фонетических форм с -ъ в Nom.-Acc. Sing. в тот период, когда они еще сохраняли первоначальный средний род (имели согласование имен среднего рода), преобразование, осуществленное под влиянием продуктивных классов *neutra* на -lo (-*dlo*, -*slo*), -to, -no» (Иллич-Свитыч 1963, 130). К этим продуктивным суффиксам надо добавить -ro. Суффиксы существительных -*dlò*⁴⁰, -*stlò*, -*tò*⁴¹, -*rò* являются (первично)доминант-

⁴⁰ См. (Николаев 1989, 84–88). Слав. формы на *-*dlo*- от (–)корней с акутом имеют метатонию, а. п. *b* и соответствуют и.-е. баритонированным формам: **žьrdlò*/**žěrdlò* > **žьrdlò*/**žěrdlò* а. п. *b* ≈ греч. βάρθρον/βέρεθρον.

ными. По этой модели образованы *gъrnò и *dъbnò; в *però вычленяется «субморф» *-ro*. Формант им.-вин. ед. *-ò преимущественно присоединяется к основам, в ауслaute которых находятся сочетания согласных (см. также сноску 56): *čerslò, *černò, *rěstò, *tъrnò, *koltò, *xъlstò, *però, *bolnò, *qòtrò, *rebrò, *bedrò, *vedrò, *stegnò и т. д. Этот ряд продолжают *gnězdò, *dъbnò (< *dъbnò), *gъrnò, *qòtrò. В образованиях на *-ò затруднительна реконструкция раннепраславянского (до правостороннего дрейфа) места ударения — в частности, в формах от (-)корней типа *però, *gnězdò скорее всего *-o присоединялось к корню в качестве (±)морфемы (*p_{er}+ò), и таким образом создается иллюзия тождества греч. πτερόν = слав. *però, хотя в слав. форме *-o* даже фонетически не соответствует греч. *-ov*.

Р. Дерксен предполагает, что если бы в образованиях типа *dhē-tó-, *dhē-tlò-, *stā-tó-, *stā-tlò- долгота была балто-славянской, то в них должна была произойти оттяжка ударения по закону Хирта-Иллич-Свитыча в эпоху, когда безударные акут и циркумфлекс различались. По его мнению, метатония в *děklas*, *pa-būklas* появилась позже замены регулярной редуцированной ступени аблаута на полную в эпоху, когда закон Хирта-Иллич-Свитыча уже не действовал. Однако нулевая ступень аблаута в подобных и.е. образованиях, вопреки Р. Дерксену, не была обязательной⁴².

Балто-славянские метатонии, описываемые как *p-акут* ⇒ *м-циркумфлекс* (метатония акут ⇒ циркумфлекс) и *p-акут* ⇒ *м-акут* («закон Хирта-Иллич-Свитыча») — дополнительно распределенные по позициям син-

⁴¹ Например, слав. *plūto > *plutò а. п. *b* ≈ лит. *plūtas* а. п. 2 < и.е. *pl_uh₂-t_o-m («pl_uh₂tom») с метатонией от (-)корня, слав. *ploveŭ а. п. *c*.

⁴² Р. Дерксен считает балто-славянскую долготу в образованиях типа *bū-tlo-, *stā-tlo- вторичной. В качестве обоснования Р. Дерксен приводит греч. φύτλον < *bh₂hu-tlo-, однако в действительности это эпиграфическая форма φύτλον Epigr. Gr. 1036.4 (Nicomedia) ‘plant’ с произвольными ударением и количеством корневого гласного (последнее не установлено и в φύτρα Hesych., φύτλη Pind. O. 9.55, P. 9.33, Orph. A. 430, Besant. Ara 9). Дерксен предполагает вторичность балто-славянских долгот в подобных образованиях в исконно безударной позиции, в которой гипотетически регулярным был *laryngeal break* *VH > *HV. Огласовка в *-būklas* нерелевантна, так как в балто-славянском (как и в греческом) исчезла полная ступень корня *bhewH-, и редуцированный алломорф *bhuH > *bhū стал употребляться в позициях, требующих полную ступень аблаута. Лит. *-būklas* морфонологически соответствует др.-инд. *bhavitra-* с ударением, этимологически тождественным балто-славянской баритонезе. К *bh₂hu-to- входят лит. *būtas* ‘жилище’ и греч. φύτόν ‘растение’, однако эти образования являются субстантивированными причастиями с (-)суффиксом *-to- (при котором балто-славянская метатония не происходит), они не могут служить доказательством вторичности полной ступени (-)корней с широкими гласными *dheh₁-, *steh₂- в балто-славянских образованиях с (+)суффиксами *-to- и *-tlo-.

хронные трансформации. Метатония *p*-акут \Rightarrow *m*-циркумфлекс происходит перед краткими высокотональными гласными, метатония *p*-акут \Rightarrow *m*-акут — перед слогами под восходящим тоном, и хронологического разрыва между действиями этих правил нет. То, что «оттяжка ударения по Хирту» происходит в том числе и с кратких слогов, уже подвергшихся метатонии *p*-циркумфлекс \Rightarrow *m*-циркумфлекс (аог. 1 sg. *dǫ́xъ < *dō-sǫ́), говорит только о последовательности морфонологических правил, а не о действии их в разные эпохи. Сосуществование в засвидетельствованных балто-славянских системах отдельных парадигм циркумфлектированных основ с метатонией и акутированных основ с «оттяжкой ударения по Хирту» объясняется «разломом» парадигмы с чередующимися *p*- и *m*-акутами и *m*-циркумфлексом (Николаев 2012, 39–42). Доминантные аффиксы *-tlǫ-, *(s)to мотивировали метатонию акут \Rightarrow циркумфлекс в предшествующем (–)слоге, отсюда *dheh₁-tlǫ-m > *dheh₁-tlǫ- > *dēklas*. Параллельно этому перед такими (±)аффиксами, как nom.-acc. pl. coll./neut. *-t-ā̄, *-st-ā̄, *-tl-ā̄ с -ā̄ < *-eh₂, *p*-акут превращался в *m*-акут, отсюда соотношение nom.-acc. sg. *ponH-tǫ-m > *pañ-tǫ-m (лит. *pañtas*) и nom.-acc. pl. *ponH-tēh₂ > *pántā (слав. pl. t. *pǫ́ta).

1.7. Чередование акцентологических алломорфов корней в балто-славянской глагольной парадигме

Балто-славянская парадигма (+)корней характеризуется неизменными (+)интонациями — *δ*-циркумфлексом или *δ*-акутом. Так как иктус ставится на первой доминантной морфеме, парадигма, в которой корень занимает первое место в словоформах, имеет колонное ударение на корне. Такая акцентная парадигма называется *неподвижной* (§ 1.2). Рефлексами балто-славянской неподвижной а. п. являются славянские а. п. *a* и *b*, литовские 1-я и 2-я а. п. Несмотря на то, что в реальности подвижность ударения в них есть (возникшая в результате позиционно обусловленных сдвигов ударения), эти парадигмы также называются неподвижными.

Балто-славянская парадигма (–)корней с циркумфлексом имеет акцентную кривую с позиционным чередованием корневых алломорфов:

- 1) с балто-славянским *p*-циркумфлексом;
- 2) с балто-славянским *m*-циркумфлексом, развившимся перед последующими (+)морфемами.

Балто-славянская парадигма (–)корней с акутом имеет сложную акцентную кривую с чередованием интонаций и включает следующие алломорфы:

- 1) с балто-славянским *p*-акутом — если корень находился перед низкотональным слогом суффикса (исходный *p*-акут);

2) с балто-славянским *м*-акутом — результатом развития *р*-акут \Rightarrow *м*-акут;

3) с балто-славянским *м*-циркумфлексом — результатом развития *р*-акут \Rightarrow *д*-циркумфлекс.

Рефлексами сложно устроенной балто-славянской а. п. рецессивных корней — *подвижной* а. п. (§ 1.2) — являются подвижные а. п. языков-потомков: славянская а. п. *с* и литовские а. п. 3 и 4. В отличие от «классической» подвижной а. п. с чередованием форм-энклиноменов и форм с ударением на (+)аффиксах, современная теория включает в нее позиции («разломы» в терминах В. А. Дыбо), в которых рецессивный корень в результате метатоний становится доминантным: слав. *dājo, *dajetĭ, *dālĭ, *dalǎ, *dālo, *dātĭ (стандартная подвижность) \Leftrightarrow *dāti, *dāxĭ («разлом»). В результате «разломов» нередко возникает чередование акцентных парадигм между производными от одного и того же корня: слав. *mestĭ, *metlĭ, mĕto, *metetĭ а. п. *с* [парадигма (–)корня] \sim *metāti, *metǎlĭ, *metjǒ (< *mĕtati, *mĕtalĭ, *mĕtjo в результате правостороннего дрейфа ударения), *mĕtjetĭ а. п. *б* [парадигма (±)корня].

Приведем в качестве примера выборку форм из славянской глагольной парадигмы, с добавлением ряда девербативов.

1.7.1. Циркумфлектированные корни

Начнем с краткостных и циркумфлектированных корней, которые имеют единую акцентную парадигму. Из табл. 5 видно, как две акцентные кривые (а. п. *b*₂ и *с*) взаимодействуют друг с другом в процессе генерализации. Курсивом показаны формы, в которых (–)корни и (–)суффиксы приобрели вторичную доминантность.

После знака > приводятся позднеславянские диалектные формы, возникшие в результате правостороннего сдвига иктуса с неоакута на слоги с краткими гласными⁴³ и оттяжки с ауслатных -ь, -ь. Курсивом показаны формы с развитием *р*-циркумфлекс и *р*-акут \Rightarrow *м*-циркумфлекс в корнях.

⁴³ В отличие от правостороннего дрейфа ударения на долготы, дрейф на краткости был характерен для подавляющего большинства позднеславянских диалектов.

Таблица 5

Корни с балто-славянским циркумфлексом. Личные формы презенса

Категории	Рецессивная тема		Доминантная тема	
	Доминантные корни: *n̥s- < и.-е. *h ₁ n̥sk-, *ž̥n- < и.-е. *ǵ ^w n(H)-	Рецессивные корни: *ved- < и.-е. *wedh-, *p̥r̥- < и.-е. *p̥r̥-	Доминантные корни: *ǵm- < и.-е. *h ₁ ǵm-	Рецессивные корни: *m̥t̥- < и.-е. *m̥t̥-, *p̥r̥- < и.-е. *p̥r̥-
1 sg. praes.	*-o̅ < *-o-h ₂ -m̅	*n̥s̅o̅, *ž̅n̅o̅ ⁴⁴	*j̅m̅o̅ ⁴⁶ > *j̅m̅o̅; *n̅aj̅m̅o̅	*m̅ej̅o̅, *p̅r̅j̅o̅ ⁴
3 sg. praes.	*-e̅t̅ < *-e-t̅	*n̅s̅e̅t̅, *ž̅n̅e̅t̅ > *nes̅e̅t̅, *žen̅e̅t̅	*-j̅t̅-ṭ̅, *-n̅e̅-ṭ̅ < *-y̅e̅-t̅; *-n̅e̅-t̅	*m̅ēj̅e̅t̅, *p̅r̅ēj̅e̅t̅
2 pl. praes.	*-e̅t̅ < *-e-t̅	*n̅s̅e̅t̅e, *ž̅n̅e̅t̅e > *nes̅e̅t̅e, *žen̅e̅t̅e	*-j̅t̅-ṭ̅e, *-n̅e̅-ṭ̅e < *-y̅e̅-ṭ̅e, *-n̅e̅-ṭ̅e	*m̅ēj̅e̅t̅e, *p̅r̅ēj̅e̅t̅e
om- plc. m.	*-o-m̅ < *-o-m̅o-m̅	*n̅s̅o-m̅, *ž̅n̅o-m̅ > *nes̅o-m̅, *žen̅o-m̅	*-j̅t̅-m̅ < *-y̅o-ṭ̅o-m̅	*m̅ēj̅e̅m̅, *p̅r̅ēj̅e̅m̅

Примечания к таблице 5

1. Различие между акцентуацией презенса а. п. b_2 ⁴⁸ и c сохранилось в староболгарских и старосербских текстах, в карпатоукраинских и псковских говорах, т. е. в карпато-балканском и кривичским ареалах. В карпато-балканском ареале глаголы а. п. b_2 отмечены с так называемой презентной «полуотметностью» — чередованием бесприставочных форм с ударением на теме и приставочных форм с ударением на корне: карпатоукр. *nesè* ~ *ponése* (Николаев 2001). В системах с «полуотметностью» а. п. b_2 **něsetь*, -te > *nesèть*, -te; **pōnesetь*, -te > *ponèsetь*, -te; а. п. c *(po)vedetĭ, -tĕ — ср. подобную систему рефлексов в i -глаголах в старосербском «Апостоле» XV в. (Николаев 2013). По-видимому, презентная «полуотметность» восходит кстройной системе с метатонией p -акут \Rightarrow m -циркумфлекс в приставке перед (+)корнями: **vĭdĭtĭ* ~ **nāvĭdĭtĭ* (> **navĭdĭtĭ*), **lĕžĭtĭ* (> **ležĭtĭ*) ~ **nāležĭtĭ* (> **nalēžĭtĭ*). Неоакутовая долгота префиксов отражена в чешских \acute{e} -/ i -глаголах «полуотметного» класса: др.-чеш. *přidržĕti sĕ*; *náležĕti*, *záležĕti*, *příležĕti*, *přínáležĕti*; *snábdĕti*; *nástátĭ* (< **nāstòjati* или **nāstojati*), также в глаголах а. п. a : *závidĕti*, *návidĕti*, совр. *závisĕti*, *souvisĕti*, *příslušetĭ*. Аналогичные формы известны из словацкого и ле-

⁴⁴ Ниже в праславянских формах 1 sg. а. п. b_2 , а также в производных с акутированными суффиксами (**gǫpālĭ* > **gǫpālĭ*) ударение будет реконструироваться на корне (все засвидетельствованные славянские акцентуационные системы показывают правосторонний сдвиг неоакутового ударения на слог с p -акутом).

⁴⁵ Окончание с и.-е. «плюс-минус» валентностью.

⁴⁶ Согласно сформулированному В. А. Дыбо праславянскому варианту закона де Соссюра, «ударение с краткостного или циркумфлектированного слога переносилось на непосредственно следующий акутированный слог, если оба слога имели одинаковую акцентуационную валентность». По крайней мере относительно двух (–)слов можно сделать уточнение, что перенос ударения с (–)слога на слог с p -акутом происходил не всегда, а в зависимости от количества слогов в фонетическом слове (Дыбо 2000, 94–96). Ниже для простоты изложения на месте таких пар будут реконструироваться формы-энклиомены (**prĕdŏ*). Перенос иктуса с (+)слога всегда происходит на последующий неауслутный слог с d - и m -акутами (**nošĭti*, **ložĭti*). Что касается позиции перед ауслутным слогом, то в ней по крайней мере перед m -акутом (ранне)праславянский иктус мог сохраняться на (+)слоге, а его правосторонний дрейф осуществлялся независимо в позднепраславянских диалектах, ср. сноску 54.

⁴⁷ Регулярная метатония в приставках в славянских языках сохранилась только перед слабыми **ъ*, **ь*, перед гласными полного образования парадигма генерализована по формам от (–)корней: **přisĕžjĕtĭ* как **namĕtjĕtĭ*. Неоакут, традиционно (по Хр. Стангу) считающийся результатом оттяжки ударения со слабых редуцированных в открытом слоге, за исключением случаев генерализации является рефлексом метатонии p -циркумфлекс/акут \Rightarrow m -циркумфлекс.

⁴⁸ Глаголы а. п. b_1 образованы презентными (+)суффиксами — в отличие от глаголов а. п. b_2 , имеющих (+)корни при (–)суффиксах.

хитских языков, а также из штокавских говоров: срб.-хрв. *nástojati, pristojati se (pristoji se)*, по аналогии с ними *dóstojati se, sástojati se; závidjeti, závisiti*, Ožrinići (Crna Gora) *zāvīdet*, Prčanj (Boka Kotorska u Crnoj Gori) *nenāvīdijet* (Rešetar 1900, 160). Любопытны украинские формы от *ě-/i-*глаголов а. п. а с ударением на приставках — укр. *návidīti, nenávidīti*, в карпатоукраинских говорах от глаголов **viděti* и **visěti*: *návid'iti, nenávid'iti, závisiti* (АССЯ, 41)⁴⁹.

Во многих юго-западных украинских говорах в презенсе тематических глаголов представлено ударение а. п. *b*₂ — в отличие от *i-*глаголов, имеющих ударение а. п. *c*: 2 pl. *neséte* — в отличие от *sudimé* (АУМ II, 53, комментарий к карте 241) (*i-*презенысы имеют ударение на *-te* в подавляющем большинстве украинских говоров). Не исключено, что в части староболгарских говоров (например, в «Норовской псалтыри») из а. п. *b*₂ была заимствована конечноударная форма 1 sg. глаголов а. п. *c* (Дыбо 1989).

2. Глаголы с корнями на сонант в карпато-балканском и кривичском регионах обобщают акцентный тип презенса, или восходящий к а. п. *b*₂ («полуотметность» в закарпатских говорах, баритонезу в западноболгарских, штокавских и псковских говорах), или восходящий к а. п. *c* (этот рефлекс характерен для большинства славянских систем) (Николаев 2001, 111). Глаголы с презентной а. п. *b*₂ сохраняют различия в акцентуации аористо-инфинитивной *a-*основы в различных славянских регионах: **gьnǎľ*, **gьnǎla* (неподвижная а. п.) от глагола а. п. *b*₂, ср. **dьgǎľ*, **dьgǎľǎ* (подвижная а. п.) от глагола а. п. *c*.

3. Личные окончания презенса в тематическом спряжении ведут себя как вторичнодоминантные — не исключено, что этот их морфонологический статус имеет и.-е. происхождение. В спряжение (–)корней с циркумфлексом нет препятствий ввести (+)окончания и реконструировать **nesěťǫ*, **nesěťǫ* и т. д., однако в этом случае аналогичные формы корней с акутом выглядели бы как **prĕdětǫ*, **prĕdětǫ* и т. д., и акцентные кривые личных форм презенса а. п. *a* и *c* различались бы только в 1 sg.: **krǎdǫ* ⇔ **prĕdǫ*⁵⁰.

⁴⁹ Расширение использования глагольных долготных префиксов отмечается в мазовецких польских говорах: *nálezli, nǎpǎlic, nǎpoić, nǎvijać, nǎziva, zǎguń, zǎkladǎ, zǎmika, zǎraźić, zobivali, zojde* и т. д. (Basaga 1965). Карпатоукраинская презентная «полуотметность» в долгосложных глаголах а. п. *c* (*kladě ~ poklade*) также вторична, имеет морфонологическую природу и связана с сокращением безударных долгот в а. п. *c*.

⁵⁰ В презентных причастиях оппозиция парадигм сохраняется: **krǎdy* (–ĕ), **krǎdomь* ⇔ **prĕdy* (–ĕ), **prĕdomь*.

Таблица 6
Корни с балто-славянским циркумфлексом. Формы парадигмы, кроме презенса

Категории	История форманта	Доминантные корни		Рецессивные корни	
		*nes- < и.-е. *h ₁ neǵ- и.-е. *gēm-	*em- < и.-е. *h ₁ em-; *žem- < и.-е. *gēm-	*ved- < и.-е. *wedh-	*reg- < и.-е. *reg-
inf.	*-tī < loc. *-tēy	*nēs _ī	*etī	*ves _ī	*per _ī
sup.	*-tū < acc. *-tū-m	*nēs _{tū}	*ētū	*vēstū	*pētū
l-ptc. m.	*-lū < *-lō-m и *-lū	*nēs _{lū}	*ēlū вместо *ē _{lū}	*ved _{lū}	*pēt _{lū}
l-ptc. n.	*-lō < *-lō-[d] и *-lō	*nēs _{lō} > *nes _{lō}	*ēlō вместо *ē _{lō}	*ved _{lō}	*pēt _{lō}
l-ptc. f.	*-lā < *-lch ₂ ⁵¹	*nēs _{lā}	*ēlā вместо *ē _{lā}	*ved _{lā}	*pēt _{lā}
t-ptc. m.	*-tū < *-tō-m		(новое *ētū)	[*vēstū]	*pētū
t-ptc. n.	*-tō < *-t-ō-[d]		(новое *ētō)	[*vēstō]	*pētō
t-ptc. f.	*-tā < *-t-eh ₂ ⁵²		(новое *etā)	[*vēstā]	*pētā
en-ptc. m.	*-enp _z < *-eno _z -m	*nēs _{enp_z} > *nes _{enp_z}	*ž _l mēn _z > *žymēn _z	(новое *ved _{enp_z})	
en-ptc. n.	*-eno _z < *-eno _z -[d]	*nēs _{eno_z} > *nes _{eno_z}	*ž _l meno _z > *žymēno _z	(новое *ved _{eno_z})	

Категории	История форманта	Доминантные корни		Рецессивные корни	
		*nēs- < и.-е. *h ₁ neǵ- и.-е. *geŋ- *žī, mēna > *žymēna	*ęm- < и.-е. *h ₁ ęm-; *žęm- < и.-е. *geŋ- *žī, mēna > *žymēna	*ved- < и.-е. *wedh- (новое *vedēná)	*peŋ- < и.-е. *peŋ-
<i>en-pts. f.</i>	*-enā < *-enēh ₂	*nēsena > *nesēna			
1 sg. аог. (тематич.)	*-t̄ < *-o-ŋ	*nēs̄t̄			
1 pl. аог. (тематич.)	*-om̄ < *-o-m̄s	*nēsom̄			
3 sg. аог. (тематич.)	*-ē < *-e-t	*nēsē		*vēde	
3 sg. аог. (дентальн.)	*-t̄ < *-t-h ₂		(новое *ęt̄)		*pēt̄
1 sg. аог. (сигматич.)	*-s̄t̄, -x̄ < *-so-ŋ		(новое *ęs̄)	*vēs̄ ⁵³	*pēt̄
1 pl. аог. (сигматич.)	*-som̄, *-xom̄ < *-so-m̄s		(новое *ęsom̄)	*vēsom̄	*pēt̄om̄
*-(s)t̄o-	*-(s)t̄o < -(s)t̄o-		*čędl̄o, *s̄jdl̄o > *čędl̄o, *s̄jdl̄o а. п. b	*vēs̄l̄o, *čīs̄l̄o > *vēs̄l̄o, *čīs̄l̄o а. п. b	

Категории	История форманта	Доминантные корни		Рецессивные корни	
		*nēs- < и.-е. *h ₁ nēk- и.-е. *gēm- и.-е. *gēm-	*ēm- < и.-е. *h ₁ ēm-; *zēm- < и.-е. *gēm-	*ved- < и.-е. *wedh-	*pēg- < и.-е. *pēg-
*-(s)tlā (n. pl. и sg. f.)	*-(s)tlā < -(s)tl-eh ₂		pl. *čādlā, *s ₁ dlā ⁵⁴	pl. *veslā, *čislā	
*-to- (существ.)	*-to, *-t ₊ < *-to- > *pěst ₊ , *pěst _o (> *pěsto) а. п. b: *lĕ(k)tl ₊ , gen. *lĕktā (> lĕktā) а. п. d, *lĕkt _o > *lĕkt _o а. п. b		*s ₁ tl ₊ а. п. b	*pō(k)tl ₊ , gen. *pōtā (> *poā) а. п. d	

⁵¹ О происхождении славянского окончания поп. sg. п. -ь из аккузативного * -om и происхождении -o ср. р. см., в частности, (Иллич-Свищыч 1963, 132, сноски).

⁵² См. сноску 17.

⁵³ Список реконструкций сигматических аористов от корней с исходом на шумный см. в (Дыбо 2000, 551–554).

⁵⁴ Баритонеза этих форм противоречит окситонезе *ženā, *travā а. п. b (а-основы с (+)корнями), однако чешские диалектные формы *grīza, kása* (инструмент), *māra, smāla, sūva, pūla* (АССЯ, 13–14), а также рефлекс *gōra в западнославянских языках (польск. *góra* и т. д.) и в северо-западных русских говорах (псковск. *gōra*, также в памятниках северо-западной локализации [ОСА, 171]), возможно, позволяют реконструировать для праславянского праформы поп. sg. *gōra, *gōra, *kōsa и др., а формы с подударным «старым акутом» типа *ženā считать вторичными, заимствованными из а. п. с или из многосложных основ, ср. соотношение поп.-acc. pl. п. *sēla ~ *nebešā в карпатоукраинских и штокавских говорах.

Примечания к таблице 6.

1. Праславянская оппозиция ударения в инфинитивах глаголов а. п. b_2 и c сохраняется в карпатоукраинских говорах, в частности, в говоре с. Тисов Долинского р-на Ивано-Франковской обл. (запись автора, 1993 г.): а. п. b_2 — *(za)cvísti*, *(za)hrépsti*, *(po)něsti*, *(za)plěsti* (с вариантом *(za)plesti*), *(op)skúpsti*, (вторично *(po)věsti* от *vezǫ а. п. c под влиянием *nesti); а. п. c — *(po)boští*, *(za)mesťi*, *(za)rostí*, *(po)tepstí*, *(po)tr'ístí*, *xropstí*, *(po)vestí* (от *vedǫ)⁵⁵. Циркумфлектированные глаголы обоих классов с корнями на заднеязычный обобщили окситонезу: *(pere)močí*, *(na)pečí* и т. п. Глаголы с корневым акутом имеют баритонированные инфинитивы независимо от праславянской а. п. и типа основы: *(za)hrépsu*, *(po)klástu*, *(u)krástu*, *(po)l'ístu*, *upástu*, *(na)prjěstu*, *(na)s'iči*, *(po)striči*, *vérci*. Западнославянская долгота в инфинитивах от циркумфлектированных глаголов а. п. b_2 и c (чешск. *třásti*, *růsti*, *zábsti*, *tlouci*; *klíti*, *mříti* и т. д. и соответствующие лехитские и словацкие формы) может объясняться генерализацией акцентного типа а. п. b_2 (баритонированные инфинитивы: *třásti*, *růsti* по аналогии с *zábsti*, *tlouci*). См. примечание 2.

2. В старохорватских глаголических текстах глаголы с корнями на шумные а. п. b_2 образуют тематический, глаголы а. п. c — сигматический аорист (Дыбо 2000, 375–376). В старославянском языке глаголы а. п. b_2 образуют сигматический аорист, что указывает на переход этих глаголов в а. п. c (Дыбо 1961), аналогична ситуация в древнесербских рукописях (Дыбо 2000, 551–554). В древнечешском, напротив, наблюдается генерализация тематического аориста, первоначально свойственного глаголам неподвижной а. п. (Дыбо 2000, 376), включая глаголы а. п. b_2 .

3. Оппозиция акцентуации причастий на *-en-* сохранилась в южнопсковских говорах: *nésen* < *něsěp а. п. b_2 и *veděn* < *veděnp а. п. c (Николаев 2001, 111–116). Ударение в псковских страдательных причастиях восходит к ударению в приставочных формах (без правостороннего дрейфа ударения) — бесприставочные формы несовершенного вида от тематических глаголов малоупотребительны. В западнорусском ареале уже в XV–XVI вв. господствовала система с неподвижным ударением на *-en-* от глаголов а. п. b_2 и c : *приведěнь*, *-а*, *-о* (Зализняк 1985, 339).

Для а. п. c реконструируется формант страдательных причастий прош. вр. *-ēno- (≡)валентностью. Тип *veděnp, *vedenā, *veděno несомненно праславянский, так как представлен в не связанных между собой группах диалектов (восточнорусские, штокавские, чакавские, кайкавские и словенские) и в памятниках письменности. Иначе, чем через вторичную доминантность *-ēno-, нельзя объяснить его поведение в сочетании с акутированными корнями (*макут* в *grǫděnp). Вторичная доминантность *-ēno-, предполагающая первичную доминантность *-nǫ-, противоречит (–)валентности *-nǫ-* в причастиях от

⁵⁵ В говоре с. Тисов оппозиция а. п. b_2 и c представлена и в презенсе, см. материал в (АССЯ, 48–51).

(-)корней — *dānp, *dāno. Представляется, что доминантность *-eno-* заимствована из спряжения (+)корней, так как от рецессивных корней на шумный первоначально образовывались причастия на *-to-. Распределение было аналогично тому, что мы наблюдаем у корней с сонантным ауслутом: у последних формант *-eno- оформляет доминантные, а *-to- — рецессивные корни. Реконструкция причастий на *-to- от (-)корней на шумный основывается на ст.-слав. формах *отверъсть* (< *vʏgz-), *оувастъ* (< *vʏz-) [(-)корни с балто-слав. акутом], *шьсть (< *šyd-) в *шьстие* «шествие», также от глагола с атематическим презенсом: *извѣсть* (< *vêd-) [(+)корень с балто-слав. акутом]. Также вероятна реконструкция регулярных в акцентологическом отношении форм с (-)суффиксом *-eno- от (-)корней, судя по окситонезе девербативов на *-епъе: сrb.-хрв. *реѡење* 'жаркое, жареное мясо'; русск. диал. *печеньѣ* 'изделие из (сдобного) теста' Вельск. и Арх. Арх., Сиб. (СРНГ 26, 349); *введеньѣ* Смол., Белозер. Новг., Новг., Ленингр., *введеньѣ* Пошех., Молог. Яросл., Яросл., Влад., Волг., Арх., Петерб., Пск., Твер., Тул., Орл., Курск. (СРНГ 4, 81, 90) 'праздник Введения во храм Богородицы'. Этот тип акцентировки последовательно представлен в прекурском диалекте словенского языка (Дыбо 2000, 651–659).

4. Из таблицы видно, что акцентуация *l*-причастий (-)корней на шумный на первый взгляд уподоблена парадигме (+)корней, акцентуация (+)корней на сонант — парадигме (-)корней. Однако если формы типа *žǝlʔ очевидно вторичны, то поздний генезис *vedlǝ, *vedlō и т. д. маловероятен. В акутированных корнях на шумный в формах на *-lo-* происходит замена рецессивного акута на метатонический, что заставляет для корней с исходом на шумный реконструировать алломорф с метатоническим *-lǝ-, в отличие от рецессивного *-lǝ- у корней на сонанты и долгие гласные. С одной стороны, вторичная доминантность *-lǝ- аналогична таковой у причастий на *-eno-, поэтому также могла быть заимствована из парадигмы (+)корней. С другой стороны, известно, что некоторые суффиксы (например, презентный *-ne-*) являются доминантными в сочетании с корнями на шумные согласные и рецессивными в сочетании с корнями на сонанты и долгие гласные: *grǝznetʔ а. п. *b*₁, но *minetʔ а. п. *c* от (-)корней. В ведийском и латыни носовые аффиксы (инфикс и суффикс), как правило, используются как форманты корней на шумные согласные I (доминантного) класса, тогда как при корнях на долгие гласные и сонанты их употребление от класса корней не зависело (Николаев, Старостин 1982, 281–282, 299–302). Не исключено, что морфонологическая лабильность ряда балтославянских суффиксов имеет индоевропейское происхождение⁵⁶.

⁵⁶ Мате Капович (личное сообщение) высказал остроумную гипотезу, что уже в праславянском (после того, как перестали действовать правила двух балто-слав. метатоний) прошла метатония «низкий тон ⇒ высокий тон» перед кластерами вида CR (R = r, l), таким образом формы **vêdlo (с *p*-циркумфлексом) и **prǝdlo (с *p*-акутом) фонетически преобразовались в *vêdlo (> *vedlō) и *prǝdlo. Действи-

1.7.2. Акутированные корни

В образованиях от (–)корней, помимо форм-энклиноменов и форм с насуффиксальным ударением, имеются также формы с *м*-циркумфлексом в корне, *м*-акутом и с отсутствием *м*-акута — в формах от корней с бещенбергеровским акутом.

В табл. 7 формы-энклиномены и формы с насуффиксальным ударением показаны прямым шрифтом, формы с *м*-циркумфлексом в корне — курсивом, формы с *м*-акутом — полужирным прямым шрифтом, формы от корней с бещенбергеровским акутом с отсутствием *м*-акута — полужирным курсивом.

тельно, подавляющее число прилагательных на *-Cl-, *-Cl- относятся к неподвижной а. п. (*a* или *b*): *bāgь, *b̄dgь, *b̄ystь, *dōbь и *dobrō, *dr̄xlь, *d̄xlь, *ędrō, *kr̄ōglь, *mōkь, *nāglь, *r̄bьstь, *ščēdgь, *t̄ęglь, *t̄ēplь/*t̄ōplь и *teplō, *xōbrь, *x̄ytь а. п. *b* и *k̄yslь, *v̄ędlь а. п. *a* (а также многочисленные образования на *-tlō, *-stlō с заведомой (+/±)валентностью корня). Анализ корней перечисленных выше образований показывает, что некоторые из них образованы от (–)корней, причем акут в них подвергается балто-славянской метатонии акут ⇒ циркумфлекс (*b̄ystь, *nāglь, *x̄ytь), что указывает на первичную доминантность балто-славянских адъективных суффиксов *-го-/*-гу- и *-lo-/*-lu-. Таким образом, поиски доказательств для правила Каповича должны лежать за пределами прилагательных и деадъективов типа *dobrō и *teplō. Здесь также большинство основ имеют неподвижную а. п.: *bōbь, *j̄kr̄á (acc. *j̄kr̄ō), *m̄zdr̄a (acc. *m̄zdr̄ō), *(n)ōtrь (с метатонией акут ⇒ циркумфлекс), *ōdgь, *rebrō, *sestr̄a (acc. *sestr̄ō), *st̄yklō, *s̄yreb̄rō, *v̄ędrō (с метатонией акут ⇒ циркумфлекс), *v̄br̄gь а. п. *b* и *m̄yslь, *ōglь, *n̄ędro, *ūt̄ro, *v̄ętrь, *v̄ydra, *z̄ōbь а. п. *a*. Исключениями являются основы а. п. *c*, в первую очередь *v̄ędro ‘ясная погода’ (в современных восточнославянских языках вторичная а. п. *a* вследствие «иммобилизации» форм-энклиноменов) < и.-е. *w̄ędhr̄om. Менее значимы *-ōrstlь (в *ōtorstlь, r̄ōorstlь и т. д.), а также *d̄bbь (а. п. *c* по скудным древнерусским и карпатоукраинским данным). Эти контрпримеры пока не позволяют принять гипотезу о славянской метатонии Каповича, которая объяснила бы неподвижность *l*-причастия от (–)корней.

Таблица 7

Корни с балто-славянским акутом. Личные формы презенса

Категории	Рецессивная тема		Доминантная тема	
	История формантов	Доминантные корни: *krǫd- < и.-е. *krǫh ₂ -d ^(h) -	История формантов	Доминантные корни: *tǫg- < и.-е. *tǫgH-
1 sg. praes.	*-Q < *-o-h ₂ -m	*prǫd _Q , *dǫi _Q ⁵⁷	*-j _Q , *-n _Q < *-y _Q -h ₂ -m, *-n _Q -h ₂ -m	*tǫg _Q ; *tǫgn _Q ⁺
3 sg. praes.	*-ǫ-t _ǫ < *-ǫ-t _i	*prǫdet _ǫ , *dǫiet _ǫ	*-j _ǫ -t _ǫ , *-n _ǫ -t _ǫ < *-y _ǫ -t _ǫ , *-n _ǫ -t _i	*tǫg _ǫ t _ǫ , *tǫgn _ǫ t _ǫ
2 pl. praes.	*-ǫ-t _ǫ < *-ǫ-t _ǫ	*prǫdet _ǫ , *dǫiet _ǫ	*-j _ǫ -t _ǫ , *-n _ǫ -t _ǫ < *-y _ǫ -t _ǫ , *-n _ǫ -t _ǫ	*tǫg _ǫ t _ǫ , *tǫgn _ǫ t _ǫ
om- ptc. m.	*-o-m _ǫ < *-o-mo-m	*prǫdom _ǫ , *dǫiem _ǫ	*-j _ǫ -m _ǫ < *-y _ǫ -mo-m	*tǫg _ǫ m _ǫ , *tǫgn _ǫ m _ǫ

⁵⁷ Возможно, более точная реконструкция — *prǫd_ǫ, но *nǫrǫd_ǫ, см. сноску 46.

Таблица 8

Корни с балто-славянским акутом. Формы парадигмы, кроме презенса

Категории	История форманта	Доминантные корни		Релессивные корни		
		*krād- < и.-е. *krēh₂-d(h)-	*tęr- < и.-е. *tęrh₁-, *zną- < и.-е. *ǵnęh₃-; *dę- < и.-е. *dhh₁-	*pręd- < и.-е. *(s)prēmH-dh-	*dā- < и.-е. *deh₃-, *pi- < и.-е. *peh₃u-	*žer- < балто-слав. *gʷerę- < и.-е. *gʷerH-
inf.	*-ī̄ < loc. *-tęy	*krāstī *krāstī	*tęrī, *dętī	*pręstī	*dātī	*žerī̄
sup.	*-tę < acc. *-tę-n̄	*krāstę	*tęrtę, *dętę	*pręstę	*dātę	*žertę
l-ptc. m.	*-lę < *-lę-n̄ и *-lę̄	*krādlę	*tęrlę, *dęlę	*prędlę	*dālę	*žrlę
l-ptc. n.	*-lō < *-lō-[d] и *-lō̄	*krādlo	*tęrlo, *dęlo	*prędlo	*dālo	*žrlo
l-ptc. f.	*-lā < *-lęh₂	*krādla	*tęrlā, *dęlā	*prędlā	*dalā (вместо *dālā)	*žrlā (вместо *žrlā)
l-ptc. m.	*-tę < *-tę-n̄		*dętę	[*pręstę]	*pitę	*žrtę
l-ptc. n.	*-tō < *-tō-[d]		*dęto	[*pręsto]	*pitō	*žrto
l-ptc. f.	*-tā < *-tęh₂		*dęta	[*pręstā]	*pitā (вместо *pitā)	*žrtā (вместо *žrtā)

Категории	История форманта	Доминантные корни		Рецессивные корни	
		*krǫd- < и.-е. *krǫh ₂ -d(h)-	*tǝr- < и.-е. *tǝrh ₁ -, *znǫ- < и.-е. *ǵnǝh ₃ ; *dǫ- < и.-е. *dhh ₁ -	*rǫd- < и.-е. *(s)rǝmH-dh-	*dǫ- < и.-е. *deh ₃ -, *rǝ- < и.-е. *rǝh ₃ u-
<i>en-ptc. m.</i>	*-ǝnǫ < *-ǝno- <i>n</i>	*krǫdǝnǫ *krǫdǝnǫ	*tǝrǝnǫ > *tǝrǝnǫ (новое * prǫdǝnǫ)		
<i>en-ptc. n</i>	*-ǝnǫ < *-ǝno-[d]	*krǫdǝno	*tǝrǝno > *tǝrǝno (новое * prǫdǝno)		
<i>en-ptc. f.</i>	*-ǝnǫ < *-ǝneh ₂	*krǫdǝna	*tǝrǝna > *tǝrǝna (новое * prǫdǝna)		
<i>n-ptc. m.</i>	*-nǫ < *-no- <i>n</i>		*znǫnǫ		*dǫnǫ
<i>n-ptc. n.</i>	*-no < *-no-[d]		*znǫno		*dǫno
<i>n-ptc. f.</i>	*-nǫ < *-neh ₂		*znǫna		*danǫ (вместо * dǫna)
1 sg. aor. (темапич.)	*-ǝ < *-o- <i>n</i>	*krǫdǝ			
1 pl. aor. (тем.)	*-omǫ < *-o- <i>m</i> ǫ	*krǫdomǫ	*tǝrǫomǫ		

Категории	История форманта	Доминантные корни		Репессивные корни		
		*krād- < и.-е. *krēh₂-d(h)-	*tēr- < и.-е. *tēr _h ₁-, *znq- < и.-е. *ǵnēh₃-; *dǵ- < и.-е. *dhh₁-	*prēd- < и.-е. *(s)prēmH-dh-	*dā- < и.-е. *deh₃-, *pi- < и.-е. *peh₃y-	*žer- < балто-слав. *gʷerǵ- < и.-е. *gʷerH-
3 sg. aor. (тем. и атем.)	*-ē < *-e-t; -0 < *-t	*krāde	*tēr, *dǵ	*prēde		
3 sg. aor. (дентальн.)	*-t₂ < *-t-h₂ǵ				*dāt₂	*žert₂
1 sg. aor. (сигматич.)	*-sʰ-, -xʰ < *-so-ṃ		*tēr _h ₁, *dǵ _h ₁	*prēsʰ	*dāxʰ	*žerxʰ
1 pl. aor. (сигматич.)	*-soṃṃ̃, *-xoṃṃ̃ < *-so-ṃys			*presom̃ṃ̃		*žerxoṃṃ̃
*-s)to а. п. a	*-s)tlq < -(s)tlq-	*māslo	*tēr _h ₁, *bīdlq, *dūdlq, *mǃdlq, *rǃdlq, *šǃdlq, *mǃḍlo, *čǃdlq а. п. a	*prēslo, *vǃslo > *prēslo, *vǃslo а. п. b	*bīdlq, *dēdlq, *gʷrdlo, *pēdlq, *stādlq, *vǃdlq, *tvǃrdlo, *zīdlq, *zēdlq, *žērdlo, а. п. b (> *dēdllo и т. л.)	*pērdlo, *vǃrdlo, *žērdlo а. п. b (> *pēdllo и т. л.)

Категории	История форманта	Доминантные корни		Релессивные корни		
		*kr̥ad- < и.-е. *kr̥eh₂-d(h)-	*t̥er- < и.-е. *t̥erh₁-, *zn̥q̥- < и.-е. *ǵneh₃-; *d̥ǵ̥- < и.-е. *dhh₁-	*pr̥ed- < и.-е. *(s)pr̥emH-dh-	*d̥a- < и.-е. *d̥eh₃-, *pi- < и.-е. *peh₃y-	
*-(s)l̥a (pl.)	*-(s)l̥a < -(s)l̥i-e-h₂	*m̥asla	*t̥r̥dla, *b̥īdla, *d̥ūdla, *m̥y̥dla, *r̥y̥dla, *s̥īdla, *m̥ēdla, *č̥ūdla а. п. а	pl. *pr̥ēsla, *v̥ēsla (к ним достроены sg. *pr̥ēslo, *v̥ēslo)	pl. *b̥y̥dla, *d̥ēdla, *ǵ̥r̥dla, *p̥ēdla (к ним достроены sg. *p̥ēdlo и т. д.), *v̥īdla	*ž̥et- < балто-слав. *g̥w̥et̥- < и.-е. *g̥w̥et̥H-
-to/-t̥b (существ.)	*-t̥o, *-t̥b < *-t̥o-		*s̥īto а. п. а, *b̥īt̥b а. п. а, *j̥t̥o а. п. а	*d̥ol̥bito / *d̥ēl̥bit̥o > *dol̥bit̥o / d̥el̥bit̥o а. п. б	*pl̥ūto > *pl̥uto а. п. б	
-ta (существ.)	*-ta < -t̥-e-h₂	*c̥s̥ta а. п. а	*k̥ōl̥ta а. п. а	(*d̥ōl̥bta / *d̥ēl̥bta ?)		pl. *p̥ōta а. п. а (вторично sg. p̥ōto)

Примечания к таблице 8.

1. Ударение *тыгѣнь, -о, -а сохраняется в древнерусском Чудовском Новом Завете и в более поздних русских церковнославянских текстах (Дыбо 1981, 218).

2. Ударение 1 pl. аог. *p̄r̄s̄om̄, *das̄om̄ реконструируется по формам «имперфекта в форме аориста» от *byti: бѣхѡмъ Ев.-апр. 7364, л. 216б и (с двумя знаками ударения) и бѣхѡмъ НБКМ № 93, л. 95б при последовательно накоренном ударении во всех остальных ортогонических формах этой категории. Формы 2–3 sg. — энклиномены: нѣ бѣ Ев.-апр. 7364, л. 2а, нѣ бѣ НБКМ № 889, л. 33а. Подобная акцентовка спорадически отмечается в форме 1 pl. аог. и у глаголов на -i-: насладихѡм сѧ Служ. Евф., л. 70а.

3. Формы ж. р. типа *dalā, *danā, *pīta (вместо закономерных *dāla, *dāna, *pīta) образованы по общему правилу имен с а-основами, по которому формы на -а являются конечноударными в а. п. с независимо от состава корня.

4. В парадигмах deverbativov на *-dlo, *-stlo-, *-to- от (-)корней с акутом наблюдается «разлом» единой парадигмы sg. *p̄r̄s̄lo, pl. *p̄r̄s̄la. В дальнейшем большинство существительных этих типов стало образовывать параллельные парадигмы с метатоническими циркумфлексом и акутом (Николаев 2012, 39–41).

2. РЕКОНСТРУКЦИЯ ВАЛЕНТНОСТЕЙ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОРНЕЙ

Ниже приводятся списки глаголов, сгруппированных по валентностям. Славянские формы приводятся в реконструкциях, восточнобалтийские — в засвидетельствованных формах. Для сокращения объема статьи балто-славянские сравнения и обоснования реконструкции валентностей корней совмещены с материалом: валентности балто-славянских корней на сонанты и долгие гласные реконструируются в латышской части работы, валентности корней с шумным аусллаутом — в литовской.

Требующие объяснения разделительные знаки в списках:

+ — разделительный знак для аблаутных и конъюгационных вариантов;

⇔ — формы, находящиеся между собой в историческом дополнительном распределении по анализируемому параметру, или просто противоречащие друг другу формы;

⇨ [.....] — в § 2.3 предположительно вторичные формы, противоречащие установленному регулярному соответствию;

≈ — формы, исторически тождественные или не противоречащие друг другу по анализируемому параметру.

2.1. Корни двух валентностей в праславянском

2.1.1. Корни с исходом на шумные согласные

Праславянская реконструкция валентностей глагольных корней с шумным аусллаутом сопряжена со значительными трудностями, и ее результаты

не очень надежны. Наибольшие затруднения вызывает различие а. п. b_2 и c — акцентных парадигм презенсов, образованных презентными (–)суффиксами $-e/-o-$ и $-i-$ (у $\check{e}/i-$, $a/i-$ глаголов). I -презенс у значительной части $\check{e}/i-$, $a/i-$ глаголов является субститутотом тематического, что проявляется в их морфонологии. Акцентуация $\check{e}/i-$ глаголов развивается параллельно акцентуации тематических и принципиально отличается от акцентуации $i/i-$ глаголов: презентное $*-i-$ $\check{e}/i-$ и $a/i-$ глаголов морфонологически ведет себя как краткий гласный (АССЯ, 51–52). Постепенное уточнение а. п. тематических и $\check{e}/i-$ глаголов (а также более редких $\check{e}/e-$, $a/e-$, $a/i-$ глаголов) с корнями на шумные содержится в ряде работ (Николаев 2001; 1991; 1995; Дыбо 2011б; 2000, 376; 1981; АССЯ), однако шаткость и фрагментарность материала и затруднительность окончательного выбора одного из вариантов реконструкции не позволяет говорить о точности реконструкции одной из а. п. (b_2 или c) тематических презенсов от корней на шумный согласный. Распределение глаголов по а. п. менялось от работы к работе в связи с поступлением нового материала и переинтерпретацией старого. Приводимые ниже праформы уточнены по сравнению с последним по времени вариантом реконструкции в (АССЯ, 31–43) ($\check{e}/i-$ глаголы) и в (Николаев 2001, 112–117) (тематические глаголы). Здесь материал не приводится за недостатком места. Славянская реконструкция надежна для глаголов, у которых согласуются реконструкция а. п. глаголов в карпатоукраинских говорах, акцентуация en -причастий в южнопсковских говорах, тип аориста в старохорватских глаголических миссалах (сигматический или тематический) (Дыбо 2000, 375–376) и рефлексы долготы/краткости в южнолехитских говорах. Для уточнения реконструкции принимается во внимание также акцентуация каузативов, производных $o-$ и $u-$ основ м. р. (Николаев 2012) и других образований с прикорневыми суффиксами.

В отличие от восточнобалтийских языков (§ 2.2, 2.3), славянские глаголы с корнями на шумные согласные образуют пары, состоящие из тематического презенса, с одной стороны, и $je-$ и $ne-$ презенсов — с другой. Славянские $je-$ и $ne-$ презенсы всегда имеют неподвижную а. п. (a или b_1), так как презентные суффиксы $*-ye-$ и $*-ne-$ в сочетании с корнями на шумные доминантны. $Je-$ и $ne-$ презенсы а. п. a образуются от (+)корней с акутом. Перед этими суффиксами в (–)корнях происходит метатония акут \Rightarrow циркумфлекс.

Ниже перечислены глаголы, по презенсам которых можно определить валентность корня. Исключены звукоизобразительные $\check{e}/i-$ глаголы («группа *kričati*»), у которых в карпатоукраинских говорах (основном источнике по акцентологии этих глаголов) генерализован рефлекс а. п. b_2 .

2.1.1.1. Доминантные корни

2.1.1.1.1. Корни с балто-славянским циркумфлексом

1. *bergǫ, *bēržety (*beŕgti) — а. п. b_2 ?
2. *bredǫ / *brǫdǫ, *brēdetь / brēdetь (*brēsti) — а. п. b_2 ⁵⁸
3. *gnetǫ, *gnētete (*gnēsti) — а. п. b_2 ?
4. *grebǫ, *grēbetь (*grēbti) — а. п. b_2 ⁵⁹
5. *kvьtǫ, *kvьtety (*kvīsti/*kvьtēti) — а. п. b_2 ⁶⁰
6. *letjǫ / *letǫ, *lētity / *lētety (*letēti) — а. п. b_2 ?
7. *ležjǫ, *lēžity (*ležāti) — а. п. b_2
8. *mьrsjǫ, *mьrsity (*mьrsēti) — а. п. b_2 ?
9. *nesǫ, *nēsetь (*nēsti) — а. п. b_2
10. *pletǫ, *plētety (*plēsti) — а. п. b_2
11. *pręǫ, *pręžety (*pręgti) — а. п. b_2 и *pręgnǫ, *pręgnety (*pręgnōti) — а. п. b_1
12. *pьršjǫ, *pьršity (*pьršāti) — а. п. b_2
13. *sęǫ, *sęžety (*sęgti) — а. п. b_2 ?; *sęžjǫ, *sęžety (*sęžāti/*sęgāti) и *sęgnǫ, *sęgnety (*sęgnōti) — а. п. b_1
14. *skubǫ, *skūbetь (*skūbti) — а. п. b_2 ⁶¹
15. *šibǫ, *šibety (*šibti) — а. п. b_2 ?
16. *tekǫ, *tēčety (*tēkti) — а. п. b_2
17. *(s)тырǫ, *(s)тырity (*(s)тырāti) — а. п. b_2
18. *svьrbjǫ, *svьrbity (*svьrbēti) — а. п. b_2 ?
19. *vьrtjǫ / *vьrtǫ, *vьrtity / *vьrtety (*vьrtēti/*vьrtēti) — а. п. b_2
20. *zębǫ, zębetь (*zębti) — а. п. b_2 ?⁶² и *zębnǫ, *zębnety (*zębnōti) — а. п. b_1

Перечисленные выше глаголы имеют презенс с рецессивным тематическим гласным. По-видимому, он опосредованно соответствует др.-инд.

⁵⁸ При реконструкции а. п. b_2 следует в первую очередь учитывать баритонезу карпатоукр. inf. *brėstu/brėstu* (passim), а не окситонезу 1 sg. в говоре с. Верхний Ясенов (так как ударение в этой форме не очень устойчиво) и южнопсковских причастий, образованных по модели *i*-глаголов (на *-лен*-) (Николаев 2001, 114).

⁵⁹ При реконструкции а. п. b_2 следует учитывать баритонезу карпатоукр. inf. *grėpstu* (passim), а также производное *grǫbь, gen. *grǫba > *grǫbā а. п. d и b с (+)корнем («доминантная тема» исключается ввиду «пассивного» значения слова — «нечто выгребенное»), ср. (Николаев 2001, 114).

⁶⁰ При реконструкции а. п. b_2 следует в первую очередь учитывать баритонезу inf. *kvīsti* в ряде карпатоукраинских говоров и девербатив *květь, gen. *kvēta > *kvētā а. п. d с (+)корнем, ср. (Николаев 2001, 114).

⁶¹ При реконструкции а. п. b_2 следует в первую очередь учитывать баритонезу карпатоукр. inf. *skūpstu* (passim), которому акцентуационно соответствует ю.-пск. Миритиницы *saskūbl'ęn*, ср. (Николаев 2001, 116).

⁶² Ср. (Николаев 2001).

презенсу I класса (*čĕtati*)⁶³. Наряду с этим в праславянском представлены глаголы с презенсом, образованным (+)темой и нулевой ступенью огласовки, соответствующие др.-индийскому VI классу (*tudāti*). Доминантность тематического гласного у данного класса славянских глаголов доказывается а. п. *b*₁ презенса (а не а. п. *b*₂, которую образует рецессивный тематический гласный). Древнеиндийские презенсы VI кл. образовывались только от корней I (доминантного) класса (Николаев, Старостин 1982, 262–271), а ударение на теме объясняется «высокой платформой», которую образовывали (+)корень и (+)суффикс (Николаев 2012, 44–49). Также и в праславянском презенс с (+)темой образовывали только (+)корни — за исключением модального глагола *mogǫ, корень которого, возможно, рецессивен⁶⁴. Все остальные глаголы с (+)темой имеют инфинитивно-аористную *a*-основу. Часть тематических презенсов имеет парную форму *je*-презенса.

21. *lǫgǫ/lǫžjǫ, *lǫž(j)еть (*lǫgǫti, *lǫgǫlǫ) — а. п. *b*₁
22. *sǫkǫ, *sǫčеть (*sǫkāti, *sǫkǫlǫ) и *sǫčjǫ, *sǫčjеть (*sǫkāti) — а. п. *b*₁⁶⁵
23. *sǫsǫ, *sǫsеть (*sǫsāti, *sǫsǫlǫ) — а. п. *b*₁ [и с удлинением *sǫsǫjǫ, *sǫsǫjеть (*sǫsāti) — а. п. *a*]
24. *tǫkǫ/*tǫčjǫ, *tǫč(j)еть (*tǫkāti, *tǫkǫlǫ) — а. п. *b*₁

2.1.1.1.2. Корни с балто-славянским акутом

Доминантные корни с акутом не имеют метатонии акут ⇒ циркумфлекс в *je*- и *ne*-презенсах.

25. *brĕkņo, *brĕknetь (*brĕkņoti) — а. п. *a*
26. *gāsno, *gāsnetь (*gāsnoṭi) — а. п. *a* ? [caus. *gasjǫ, *gasitĭ (*gasīti) указывает на рецессивность корня]
27. *po-jāsjo, *-jāsjetь (*-jāsati) ‘опоясывать’ — а. п. *a*
28. *jĕdo, *jĕdetь (*jĕti) (*de*-презенс) и *jĕšjo, *jĕšjetь (*jĕxati) — а. п. *a*
29. *kārpjo, *kārpjetь (*kāpati) — а. п. *a*
30. *kāsłjo, *kāsłjetь (*kāsłjati) — а. п. *a*

⁶³ Правосточнобалтийский имеет редуцированную или полную огласовку в *e/o*-презенсе (лит. *reĩka* ≈ др.-инд. *čĕtati*) при нулевой в инфинитиве и претерите (*riĩkti, riĩko*). В праславянском соотношении аблаутных рядов обратное литовскому: *vylkǫ ⇔ *velkti, однако многие глаголы имеют полную огласовку в презенсе и инфинитиве: *bergo, *bergti. Ряд (-)корней с исходом на сонант образуют по две парадигмы, противопоставленные огласовкой презенса: *dĕrǫ ~ *dĕrāti ⇔ *dĕrǫ ~ *dĕrti.

⁶⁴ Об этом может свидетельствовать *mōgtь а. п. *c* — подвижная а. п. в староболгарских памятниках, последовательно сохраняющих оппозицию а. п. *b* и *c* у *i*-основ.

⁶⁵ Неподвижная а. п. устанавливается по устойчивому prt. (*на*)скал, (*на*)скала, (*на*)скали в восточнорусских говорах, хотя не всегда можно установить, какой презенс соответствует *l*-форме (*сучу, сучешь* или *ску, скѣшь*) (МДАРЯ).

31. *klĕkno, *klĕknetь (*klĕknoṭi) — а. п. а
 32. *lĕzō, *lĕzety (*lĕzti) — а. п. а
 33. *māzjo, *māzjetь (*māzati) — а. п. а
 34. *mĕkno, *mĕknetь (mĕknoṭi) — а. п. а
 35. *mĕrkno, *mĕrknetь (*mĕrknoṭi) — а. п. а
 36. *mĕrznō, *mĕrznety (*mĕrznōṭi) — а. п. а
 37. *nīčjo, *nīčjetь (*nīcati/*nīkati) и *nīkno, *nīknetь (*nīknoṭi) ‘поникать’ — а. п. а
 38. *plāčjo, *plāčjetь (*plākati) — а. п. а
 39. *prāgnō, *prāgnety (*prāgnōṭi) — а. п. а
 40. *rĕzjo, *rĕzjetь (rĕzati) — а. п. а
 41. *slýšjo, *slýšity (*slýšati) — а. п. а
 42. *smĕrčjo, *smĕrčjetь (*smĕrkati) — а. п. а
 43. *tĕržjo, *tĕržjetь (*tĕržati/*tĕrgāti) — а. п. а
 44. *vĕdno, *vĕdnetь (*vĕdnoṭi) — а. п. а
 45. *vĕmь, *vĕsty (*vĕdĕti) — а. п. а ?
 46. *vīdjo, *vīditь (*vīdĕti) — а. п. а

В ряде тематических глаголов с корневым акутом представлена презентная окситонеза без «полуотметности», формально совпадающая с рефлексом а. п. b_2 (с дальнейшим переходом в а. п. c в диалектах, в которых а. п. $b_2 > c$). Для этих глаголов можно предположить вторичную замену колонной баритонезы первоначальной а. п. а на колонную окситонезу, как это наблюдается с глаголами а. п. а в истории славянских языков (по-видимому, начиная с позднепраславянской эпохи): карпатоукр. *krásti*, (*u*)*kradú*, (*u*)*kradé*; *pádati*, *padú*, *padé* несов. (но *upásti*, *upádu*, *upáde* сов.); русск. *пасть*, *падú*, *падĕт*; *красьт*, *крадú*, *крадĕт* (диал. *кράду*, *кράдем*); *висĕть*, *вишú*, *висúт*; срб.-хрв. *krásti*, *krádĕт*, сев.-чак. Нови *pàst*, *pādĕ*; слвн. *visĕti*, *visím*; ст.-болг. *врѣжѣтъ*, *падѣтъ* (Дыбо 2000, 349–350); болг. *кpaдá* и т. п.

47. *bĕgti, (?) *bĕžati [вторичны *bĕžáti; *bĕgō, *bĕžiti] и *bĕgnō, *bĕgnety (*bĕgnōṭi) — а. п. а
 48. *grýzjo [вторичны *gryzō, *gryzĕti]
 49. *krádo, *krádetь (*krásti) — а. п. а [вторично *kradō, *kradĕti]
 50. *pádo, *pádetь (*pásti) — а. п. а [вторично *padō, *padĕti]
 51. *pásti [вторичны *pasō, *pasĕti]; рефлекс первичного *pásō, *pásĕti а. п. а, наряду с окситонированным вариантом, отмечен в ст.-тырновском (Дыбо 2000, 369–370).
 52. *pĕlzjo, *pĕlzjetь (*pĕlzati) а. п. а и *pĕlzi [вторично *pĕlzō, *pĕlzĕti]
 53. [вторичны *pĕrdĕti; *pĕrdjo, *pĕrditi]
 54. *rĕtjo, *rĕtjetь а. п. а (сочетание *n*-инфикса и суффикса *-je-) и *rĕtō, *rĕtety (*rĕsti) а. п. а [вторичны *rĕtō, *rĕtĕti]
 55. *stĕrgti [вторичны *stergō, *stĕrĕti]
 56. *tĕlko, *tĕlketь (*tĕlkoṭi) — а. п. а [вторичны *telkti; *tĕlō, *tĕlĕti]

57. *vísjǫ, *vísity (*vísēti) [вторичны *visēti, *visjǫ, *visity] и *vísno, *vísnetь (*vísnoŋi) — а. п. а
58. *vǫldǫ, *vǫldetь (*vǫldēti) [вторично *voldēti]) — а. п. а
59. *vьrgǫ, *vьrgetь (*vьrgiti) — а. п. а [вторично *vьrgǫ, *vьržetь]

2.1.1.2. Рецессивные корни

2.1.1.2.1. Корни с балто-славянским циркумфлексом⁶⁶

1. *bjǫdǫ, *bjudetь (*bjustǐ) — а. п. с ?
2. *bǫdǫ, *bodetь (*bostǐ) — а. п. с
3. *čerpjǫ, *čerpitь (*čerpēti) — а. п. с ?
4. *čьrgǫ, *čьrgetь (*čьrptǐ) — а. п. с ? и [*čerpjǫ, *čьrgrjetь (*čьrpati) — а. п. b₁]
5. *čьtǫ, *čьtetь (*čistǐ) — а. п. с
6. *drgьžjǫ, *drgьžitь (*drgьžati) — а. п. с
7. *dьrgьžjǫ, *dьrgьžitь (*dьrgьžati) — а. п. с
8. *grędǫ, *grędetь (*gręstǐ) — а. п. с ?
9. *mētǫ, *metetь (*messtǐ) — а. п. с [и *metjǫ, *mętjetь (*metati) — а. п. b₁]
10. *mętǫ, *mętetь (*męstǐ) — а. п. с ?
11. *mьlčjǫ, *mьlčitь (*mьlčati) — а. п. с [и *mьlknǫ, *mьlknеть (*mьlknōti) — а. п. b₁]
12. *ǫrstǫ, *ǫrstetь (*ǫrstǐ) — а. п. с
13. *rękǫ, *ręcetь (*ręktǐ) — а. п. с
14. *rьkǫ/*rękǫ, *rьčetь/*ręčetь (*ręktǐ) — а. п. с
15. *skrębǫ, *skrebetь (*skrebǐ) — а. п. с ?
16. *sьrpjǫ, *sьrpitь (*sьrpati, *sьrpalь) — а. п. с [и *sьrпǫ, *sьrпеть (*sьrпōti) — а. п. b₁]
17. *sьčjǫ, *sьčitь (*sьčati, *sьčalь) — а. п. с
18. *tępǫ, *tępetь (*tęptǐ) — а. п. с
19. *tręsǫ, *tręsetь (*tręstǐ) — а. п. с [однако ст.-слав. тематический аорист *сьтрасж са* (Дыбо 2000, 369) может указывать на (+)корень]
20. *vędǫ, *vedetь (*vestǐ) — а. п. с
21. *vьlǫ/*vьlkǫ, *vьlčetь/*vьlčetь (*vьlktǐ) — а. п. с
22. *vęzǫ, *vezetь (*vezstǐ) — а. п. с ?⁶⁷
23. *xotjǫ, *xǫtjetь, *xotitē, *xotętь (*xotēti) — а. п. с/b₁ (за счет доминантно-сти *-je-*)
24. *xǫpǫ, *xǫpētь (*xǫpēti) — а. п. с ?
25. *žęgǫ, *žęzetь (*žęgtǐ) — а. п. с ?
26. *židǫ, *židetь (*žьdati, *žьdalь) — а. п. с

2.1.1.2.2. Корни с балто-славянским акутом

Ниже перечислены глаголы а. п. с, а также глаголы с *je-* и *ne-*презенсами а. п. b₁, в которых произошла метатония акут ⇒ циркумфлекс.

⁶⁶ Презенсы а. п. b₁ образованы (+)суффиксами *-je-* и *-ne-*.

⁶⁷ Вопреки (Николаев 2001, 116).

27. *klâdŏ, *kladetĭ (*klâsti) — а. п. с
 28. *dristjŏ, *dristjetĭ (*dristâti) — а. п. b₁ (с м-циркумфлексом)
 29. *dĕlbŏ, *dĕlbetĭ (*dĕlbtĭ) — а. п. с ?
 30. *mĕrzjŏ, *mĕrziĭtĭ (*mĕržĕti) — а. п. с ?
 31. *prĕdŏ, *prĕdetĭ (*prĕsti) — а. п. с
 32. *sĕdŏ, *sĕditĭ (*sĕdĕti) — а. п. с
 33. *sĕkŏ, *sĕcĕtĭ (*sĕkti) — а. п. с ?
 34. *smĕrdŏ, *smĕrditĭ (*smĕrdĕti) — а. п. с
 35. *strĭgŏ, *strĭzetĭ (*strĭgtĭ) — а. п. с ?
 36. *stružjŏ, *stružjetĭ (*strugâti) — а. п. b₁ (с м-циркумфлексом)
 37. *tĕžjŏ, *tĕžjetĭ (*tĕžâti/*tĕgâti) и *tĕgnŏ, *tĕgnĕtĭ (*tĕgnŏti) — а. п. b₁ (с м-циркумфлексом)
 38. *tĕgrjŏ, *tĕgritĭ (*tĕgrĕti) — а. п. с и *tĕrnŏ, *tĕrnĕtĭ (*tĕrnŏti) — а. п. b₁ (с м-циркумфлексом)
 39. *vĕzŏ, *vĕzetĭ (вторично vĕztĭ) — а. п. с ? и *vĕzjŏ, *vĕzjetĭ (*vĕzâti) и *vĕznŏ, *vĕznĕtĭ (*vĕznŏti) — а. п. b₁ (с м-циркумфлексом)
 40. *vĕrzŏ, *vĕrzetĭ (*verzti) — а. п. с⁶⁸

2.1.1.3. Корни неопределенной валентности

2.1.1.3.1. Je- и ne-презенты а. п. а с удлинением *i ⇒ *ī > слав. *ī и

*u ⇒ *ū > слав. *y (балто-славянский акут)

*brŭžjŏ, *brŭžjetĭ (*brŭžgati); *dvĭzjŏ, *dvĭzjetĭ (*dvĭzati/*dvĭgati) и *dvĭzŏ, *dvĭgnĕtĭ (*dvĭgnŏti); *gŭbnŏ, *gŭbnĕtĭ (*gŭbnŏti); *kŭsnŏ, *kŭsnĕtĭ (*kŭsnŏti); *mŭčjŏ, *mŭčjetĭ (*mŭkati); *nĭknŏ, *nĭknĕtĭ (*nĭknŏti) ‘прорастать, возникать’; *prŭščjŏ, *prŭščĕtĭ (*prŭskati) и *prŭskŏ, *prŭskĕtĭ (*prŭskati); *smŭčjŏ, *smŭčjetĭ (*smŭkati); *stĭzjŏ, *stĭzjetĭ (*stĭzati/*stĭgati) и *stĭgnŏ, *stĭgnĕtĭ (*stĭgnŏti); *stŭdnŏ, *stŭdnĕtĭ (*stŭdnŏti); *sŭpjŏ, *sŭpjĕtĭ (*sŭpati); *sŭsjŏ, *sŭsjetĭ (*sŭsati); *tĭxnŏ, *tĭxnĕtĭ (*tĭxnŏti); *tŭčjŏ, *tŭčjetĭ (*tŭkati); *vŭknŏ, *vŭknĕtĭ (*vŭknŏti).

Среди этих глаголов с удлинением есть корни, восходящие к балто-славянским инхоативным основам с *n*-инфиксом (лит. *tuñka*). Инфикс является (+)морфемой⁶⁹, переводит корневую морфему в доминантный класс и мотивирует метатонию *p*-акут ⇒ *m*-акут (§ 1.5): *sĕdetĭ а. п. *a* — ср. *sĕditĭ а. п. *c*; *vŭkti, аог. *vŭkĭ (< *ū-n-k-ne-, с балто-слав. удлинением *u, *ī перед *nK*) а. п. *a* — ср. лит. *jáukti, jáukia/jaŭkti, jaũkia* и *jũnkti* ‘привыкать’. Балто-слав. *ī, *u удлинялись перед *-ŋ-С > *-ŋnС, *-ŋnС (> слав.

⁶⁸ На а. п. с указывает западноболг. вариант с презентной баритонезой, южно-псковск. (Байлово) part. *nav'érz'ena* и ст.-слав. part. *отвьръсть*. Вариант *vĕzŏ окситонированной а. п. — скорее всего, под влиянием *vĕzŏ а. п. *a*, ср. (Николаев 2001, 114).

⁶⁹ В древнеиндийском и латыни инфикс использовался для образования презенса только от (+)корней (Николаев, Старостин 1982).

-ǰC, -ǰC) и приобретали акутовую интонацию, отсюда «славянское удлинение *ъ, *ь» в *gŷbnǫti, *stǰnǫti, *nǰknǫti ('прорасти; возникнуть') (Дыбо 2000, 403), ср. еще слав. *ǰgo (gen. ǰzese) ≈ лит. *jungas*. В праславянском огласовка инфигированных основ заимствовалась формами *je*-презенса: *gŷbjety, *stǰǰjety, *nǰǰjety. Балто-славянские сочетания *inC, *unC, где *-n* является инфиксом, фонетически отличались от рефлексов и.-е. *nǫC (формально также > *inC, *unC), в которых гласные не удлинялись.

2.1.1.3.2. *Je-* и *ne-*презенсы а. п. *b*₁ (корни с балто-слав. циркумфлексом)

*česjǫ, *česjety (*česāti); *dǰxnǫ, *dǰxnetь (*dǰxnǫti); *glodjǫ, *glodjety (*glodāti); *glǰxnǫ, *glǰxnetь (*glǰxnǫti); *gręznǫ, *gręznetь (*gręznǫti); *gǰbnǫ, *gǰbnetь (*gǰbnǫti); *iščjǫ, *iščjety (*jǰskāti); *klepjǫ, *klępjety (*klepāti); *kresjǫ, *kręsjety (*kresāti); *krętojǫ, *krętojety (*krętāti); *krǰsnǫ, *krǰsnetь (*krǰsnǫti); *lęčjǫ, *lęčjety (*lękāti); *lizjǫ, *lizjety (*lǰzāti); *lobǰzjǫ, *lobǰzjety (*lobǰzāti); *ločjǫ, *ločjety (*lokāti); *lǰpnǫ, *lǰpnetь (*lǰpnǫti); *moknǫ, *mǫknetь (*moknǫti); *mǰknǫ, *mǰknetь (*mǰknǫti); *pisjǫ, *pǰsjety (*pǰsāti); *plęščjǫ, *plęščjety (*plęskāti); *plęsjǫ, *plęsjety (*plęsāti); *pǰsjǫ, *pǰsjety (*pǰxāti); *ristjǫ, *ristjety (*ristāti); *rǰzjǫ, *rǰzjety (*rǰzāti); *ščǰpjǫ, *ščǰpjety (*ščǰpāti); *šęknǫ, *šęknetь (*šęknǫti); *slęknǫ, *slęknetь (*slęknǫti); *slǰpnǫ, *splǰpnetь (*slǰpnǫti); *smučjǫ, *smučjety (*smukāti); *stręčjǫ, *stręčjety (*stręčāti/*strǰkāti); *sǰxnǫ, *sǰxnetь (*sǰxnǫti); *tesjǫ, *tęsjety (*tesāti); *topnǫ, *tǫpnetь (*topnǫti); *trepetjǫ, *trepetjety (*trepetāti); *trepjǫ, *trępjety (*trepāti); *trepjǫ, *trępjety (*trepāti); *žędjǫ, *žędety (*žędāti); *zidjǫ, *zǰdety (*zǰdāti); *zobjǫ, *zǫbjety (*zǫbāti).

Также (+)тему (и поэтому а. п. *b*₁) имеет глагол с презентным **-d(h)e-*: *jǰdǫ, *jǰdety (*jǰǰti) — а. п. *b*₁. Балто-славянская валентность его корня неизвестна.

2.1.1.3.3. Тематические презенсы

Некоторые тематические глаголы, для которых реконструируется а. п. *c*, в действительности могут иметь а. п. *b*₂, *c* либо вторичную окситонезу презенса на месте а. п. *a*, в частности *blędǫ, *blędety (*blęsǰti); *lękǫ, *lęčety (*lęktǰti); *mǰzǫ, *mǰzety (*męlztǰti).

2.1.2. Корни с исходом на сонанты и долгие гласные⁷⁰

Акцентные парадигмы славянских глаголов с корнями на сонанты и долгие гласные в основном реконструировал В. А. Дыбо, см. (Дыбо 1982а;

⁷⁰ В глаголах с корнями на сонант презентный *-je-* ведет себя двояко — как (+)морфема (переводящая глагол в неподвижную а. п.) и (вторично по языкам) как (-)морфема, будучи морфологическим субститутом тематического гласного. В случае, когда представлен только *je*-презент, неподвижная а. п. и инфинитивно-аористная основа только на *-a-*, надежность определения валентности корня снижается. У корней на долгие гласные презентные *-je-* и *-ne-* рецессивны, кроме *dęǰǫ, *dęǰnǫ и *stǰnǫ с *m*-акутом. Ср. также *pǰlnǫ (§ 2.1.2.3, № 33) от корня на сонант.

1983; 2000, 263–331; 2011б). В приводимый ниже список включен ряд дополнений и уточнений. Указываются акцентные парадигмы презенса.

2.1.2.1. Доминантные корни

Корни с исходом на долгие гласные имеют а. п. *a*. Глаголы с корнями на сонанты, образующие презенс с (+)темой (*d̥mǫ̯, *d̥mьtь), имеют а. п. *b*₁, образующие презенсы с (–)темой (*ženǫ̯, *žēnеть) — а. п. *b*₂⁷¹. Часть глаголов имеет только *ję*-презенс, валентность их корней определяется по другим парадигматическим формам. Доминантные корни с *-е- имеют нулевую ступень аблаута в инфинитивно-аористной основе, в отличие от рецессивных корней: *t̥rti, *t̥rġx̥ ⇔ *žertī, *žerġx̥ и т. д. (Дыбо 1981, 249–251).

1. *bájǫ, *bájеть (*bájati, *bájalь) — а. п. *a*
2. *berǫ̯, *bēреть (*bьrāti, *bьrālь) — а. п. *b*₂ ?⁷² ‘рвать траву, собирать ягоды’⁷³
3. *bīǫ̯, *bījеть (*bīti, *bīlь) — а. п. *a*
4. *borjǫ̯, *bōrjеть (*bōrti, *bōrġlь) — а. п. *b*₁
5. *brġjǫ̯, *brġjеть (*brġti, *brġlь); *brę̊jo, *brę̊jеть (*brġjāti, brġjālь) — а. п. *a*
6. *čīǫ̯, *čījеть (*čīti, *čīlь); *čīnǫ̯, *čīnеть (*čīnǫti) — а. п. *a*
7. *čūjǫ̯, *čūjеть (*čūti, *čūlь) — а. п. *a*
8. *čьnǫ̯, *čьnеть (*čьtī, *čьġlь) — а. п. *b*₁

⁷¹ Аналогично тому, что *i*-глаголы с итеративным (+)суффиксом имеют а. п. *b*₁, а *i*-глаголы с каузативно-деноминативным (–)суффиксом — а. п. *b*₂: iter. *nōšj̥t̥ а. п. *b*₁ ⇔ caus. *lǫ̯žīt̥ > *ložit̥ а. п. *b*₂ (ОСА, 109–120; Дыбо 2000, 463–480).

⁷² Реконструкция а. п. *b*₂ презенса тематических глаголов с корнями на плавные и носовые сонанты (*bēреть, *žēнеть...) делается из системных соображений и поддерживается неподвижными формами (а. п. *a*) *l*-причастия и аориста. Во всех известных системах презентная акцентуация глаголов а. п. *b*₂ не отличается от акцентуации а. п. *c*. В карпатоукраинских системах с презентной «полуотметностью» все глаголы с корнями на сонант спрягаются по «полуотметному» типу, т. е. имеют акцентуацию а. п. *b*₂: *beré* – *nabére* и т. д. В этих говорах вполне вероятно недавнее различие акцентуации глаголов с корнями на сонант по модели глаголов с корнями на шумный: *žené – *požéne а. п. *b*₂ и *deré – *poderé а. п. *c*.

⁷³ Противопоставлен глаголу *beret̥ а. п. *c* ‘брать’ в словенских диалектах. «<Резьянский супин> *brāt (*lipa mà jehǫdy brāt*) Mat. II, 55. Глагол *brat* ‘sammeln, lesen (pflücken)’ в резьянском диалекте, по-видимому, отражает неподвижный акцентный тип, ср. количество и ударение *l*-причастия при том же лексическом значении: *nýsy brāl tráve* 93 (338), *na ubrála trávo* 114 (1204). Примеры подвижности акцента у глагола *pobrat* ‘взять, найти, встретить’ приведены выше <...> Характер этой аномалии — инновация или региональный архаизм — требует дополнительного изучения. Следует иметь в виду наличие варианта супина с тем же акцентом в литературном словенском: *brāt*, наряду с нормальным *brāt*; ни в вост.-штир<ийском>, ни в бедн<янском> этот акцентуационный вариант не отмечен» (Дыбо 1982б, 123).

9. *dějō, *dějjetь (*dējati, *dējaľь) ‘делать’ — а. п. *a*
10. *dūjō, *dūjjetь (*dūti, *dūľь); *dūnō, *dūnjetь (*dūnōti) — а. п. *a*
11. *dъmǫ, *dъmjetь (*dǫti, *dǫľь) — а. п. *b*₁
12. *grъmjǫ, *grъmjjetь (*grъmǣti) — а. п. *b*₂ ?
13. *jъmǫ, *jъmjetь (*jǣti, *jǣľь) — а. п. *b*₁; *emjǫ, *ēmjjetь (*jъmāti, *jъmāľь)⁷⁴
— а. п. *b*₁
14. *kājō, *kājjetь (*kājati, *kājaľь) — а. п. *a*
15. *koljǫ, *kōljjetь (*kōlti, *kōľľь) — а. п. *b*₁
16. *krýjō, *krýjjetь (*krýti, *krýľь) — а. п. *a*
17. *lājō, *lājjetь (*lājati, *lājaľь); *lānō, *lānjetь (*lānōti) — а. п. *a*
18. *meljǫ, *mēljjetь (*mēlti, *mēľľь) — а. п. *b*₁
19. *sъ-mějō, *mějjetь (-mǣti, *-mǣľь) — а. п. *a*
20. *mýjō, *mýjjetь (*mýti, *mýľь) — а. п. *a*
21. *mъnǫ, *mъnjetь (*mǣti, *mǣľь) — а. п. *b*₁
22. *nýjō, *nýjjetь (*nýti, *nýľь) — а. п. *a*
23. *rjújō, *rjújjetь (*rjъvāti/*rjūti, *rjъvāľь/*rjūľь); *rjūnō, *rjūnjetь (*rjūnōti)
— а. п. *a*
24. *roljǫ, rōljjetь (*rōlti, *rōľľь) ‘трясти, провеивать (в решете)’ — а. п. *b*₁
25. *rogjǫ, *rōgjjetь (*rōrti, *rōrľь) — а. п. *b*₁?⁷⁵
26. *rǣjō, *rǣjjetь (*rǣjati/*rǣjāti, *rǣjaľь/*rǣjāľь); *rīnō, *rīnjetь (*rīnōti) — а. п. *a*
27. *rýjō, *rýjjetь (*rýti, *rýľь) — а. п. *a*
28. *serjǫ, *sērjjetь (*sǣrāti, *sǣrāľь) — а. п. *b*₁ [и *serǫ, *sēretь (*sǣrāti, *sǣrāľь) —
а. п. *b*₂ ?]⁷⁶
29. *sějō, *sějjetь (*sǣti/*sǣjati, *sǣľь/*sǣjaľь) ‘сеять’ — а. п. *a*
30. *sējō, *sējjetь (*sǣjāti, *sǣjāľь) ‘сиять’ — а. п. *a*
31. *sǣjō, *sǣjjetь (*sǣjati, *sǣjaľь) ‘просеивать’ — а. п. *a*⁷⁷
32. *spǣjō, *spǣjjetь (*spǣti/*spǣjati, *spǣľь/*spǣjaľь) — а. п. *a*
33. *stenjǫ, *stēnjjetь (*stēnāti, *stēnāľь) — а. п. *b*₁ ?
34. *steljǫ, *stēljjetь (*stǣlāti, *stǣlāľь) — а. п. *b*₁
35. *sújō, *sújjetь (*sovāti, *sovāľь); *sūnō, *sūnjetь (*sūnōti, *sūnōľь) — а. п. *a*
36. *sъljǫ, *sъljjetь (*sъlāti, *sъlāľь) — а. п. *b*₁
37. *šǣjō, *šǣjjetь (*šǣti, *šǣľь) — а. п. *a*
38. *tājō, *tājjetь (*tājati, *tājaľь) — а. п. *a*
39. *tǣjō, *tǣjjetь (*tǣjati, *tǣjaľь) — а. п. *a*
40. *trýjō, *trýjjetь (*trýti/*trъvāti, *trýľь/*trъvāľь) — а. п. *a*

⁷⁴ И *ēmjō, *ēmjjetь (*jъmāti, *jъmāľь) а. п. *c* — видимо, под влиянием вторичной а. п. *c* глагола *ǣti.

⁷⁵ Вторичный (?) вариант слвн. *rōrjet* (а. п. *c*).

⁷⁶ Русск. *серу́*, *сереши́* и *сру*, *срѣшь* (с перестроенной основой); последний вариант, возможно, восходит к слав. *serǫ, *sēretь а. п. *b*₂.

⁷⁷ И.-е. корень *seuh₁-/*syueh₁- ‘процеживать, просеивать’ (также лит. *sijóti* ‘просеивать’, *sietas* ‘сито’; греч. ἠθέω ‘sift, strain’, διαττάω ‘sift, riddle’), рефлексы которого контаминируют с *seh₁- ‘сеять (семена)’.

41. *тыг(ǫ)ǫ, *тбг(ǫ)еть (*тбгти, *тбгль) — а. п. *b*₁
 42. *ўјџ, *ўјеть (*-ўјти, *-ўјль) — а. п. *a*
 43. *veljǫ, *vĕliti (*velĕti) — а. п. *b*₂
 44. *vĕjo, *vĕjеть (*vĕjati, *vĕjаль) ‘дуть (о ветре); провеивать’ — а. п. *a*
 45. *vьgǫ, *vьгеть (*vьgti, *vьгль) ‘от-/запереть’ — а. п. *b*₂?⁷⁸
 46. *zĕjǫ, *zĕjеть (*zĕjati, *zĕjаль); *zino, *zinetь (zinoṭi) — а. п. *a*
 47. *znājǫ, *znājеть (*znāti, *znālь) — а. п. *a* ⇔ *znājǫ, *znajetь (*znajāti) — а. п. *c*⁷⁹
 48. *zьgĕjǫ, *zьgĕjеть (*zьgĕti/*zьgĕjati, *zьgĕль/*zьgĕjаль) — а. п. *a*
 49. *zьmǫ, *zьmеть (*zьmti, *zьmль) — а. п. *b*₁
 50. *zьn(ǫ)ǫ, *zьn(ǫ)еть (*zьnti, *zьnль) — а. п. *b*₁; *ženǫ, *ženetь (*gьnāti, *gьnаль) — а. п. *b*₂
 51. *zьg(ǫ)ǫ, *zьг(ǫ)еть (*zьgti, *zьгль) ‘приносить жертву’ — а. п. *b*₁?⁸⁰

2.1.2.2. Рецессивные корни

1. *bĕrǫ, *beretь (*bĕrāti, *bĕraль) — а. п. *c*
2. *blĕjǫ, *blĕjetь (*blĕjāti, *blĕjaль) — а. п. *c*
3. *bljǫ, *bljujetь (*bljvāti, *bljvаль) — а. п. *c*
4. *bǫjǫ, *bojiti (*bojāti, *bojaль)⁸¹ — а. п. *c*
5. *bǫljǫ, *boliti (*bolĕti) — а. п. *c*
6. *bŷti, *bŷль; aor. *bĕxь, *bĕ; *bŷxь, *bŷ — а. п. *c*
7. *ĉajǫ, *ĉajetь (*ĉajāti, *ĉajaль) — а. п. *c*
8. *dājǫ, *dajetь (*dājāti, *dājaль) и *damь, *dastь (*dāti, *dālь) — а. п. *c*
9. *dĕrǫ, *deretь (*dĕrāti, *dĕraль) и *dĕrǫ, *dĕretь (*dĕrti, *dĕrль) — а. п. *c*
10. *dĕjǫ, *dĕjetь (*dĕjāti, *dĕjaль) — а. п. *c*; prs. *dedjǫ, *dĕdjetь (*dĕti, *dĕль) а. п. *b*₁⁸² ⇔ prs./fut. *dĕjǫ, *dĕjеть, fut. *dĕnǫ, *dĕnetь ‘класть’ — а. п. *a* (см. сноску 70).
11. *gnjǫ, *gnijetь (*gnāti, *gnalь) — а. п. *c*
12. *golǫljǫ, *golǫljеть (*golǫlāti) — а. п. *b*₁?⁸³

⁷⁸ Слвн. *zavrĕti, zavrĕm* ‘hemmen, spengen, zaumen’; срб.-хрв. *zàvrjeti, zàvrĕm* ‘спрятать’; русск. диал. *завереть, заверь, заврѹ* ‘запереть’ Ряз., Орл., ‘сунуть не на место’ Пск. (СРНГ). Подвижная парадигма *vьgǫ, *vьгеть (*verti, *vьгль) заменила а. п. *b*₁ *vьgǫ, *vьгеть (*vьgti, *vьгль) — ср. саус. *ot-vorjǫ, *-võgiti (*-vorĕti) а. п. *b*₂ с (+)корнем.

⁷⁹ Варианты корня, представленные также в литовском (*žėnklas*, (-)корень) и в латышском (*pažīt*, (+)корень).

⁸⁰ Неподвижная а. п. восстанавливается по косвенным свидетельствам (по огласовке аориста и страдательного причастия).

⁸¹ Редкая форма глагола без возвратной частицы записана М.Н. Толстой в с. Быстрица Надворнянского р-на Ивано-Франковской обл.: *bojaty, bǫju, bojyt* (+ ас. + *před* + instr.) ‘ревновать’ (МКЭ). Основа *boja- с суффиксом *-ā- (лит. *bijoti*).

⁸² *M*-циркумфлекс в *je*-презенте.

⁸³ «Иммобилизация» в *je*-презенте: (-)корень, судя по *gǫljǫ, *golǫliti (*golǫliti); *gǫlgolь, gen. *gǫlgola а. п. *c*.

13. *gōrjɔ/*gōrɔ, *goritḗ/*goretḗ (*gorēti) — а. п. с
14. *grējɔ, *grējetḗ (*grēti/*grējāti) — а. п. с⁸⁴
15. *klēnɔ, *klēnetḗ (*klētī, klēlḗ) — а. п. с
16. *kljūjɔ, *kljujetḗ (*kljvāti, *kljvalḗ) — а. п. с
17. *kōvɔ, *kovetḗ (*kūti, *kūlḗ); *kūjɔ, *kujetḗ (*kovāti, *kōvalḗ) — а. п. с
18. *lējɔ, *lējetḗ (*lējāti, *lējalḗ) и *lījɔ, *lijetḗ (*līti, *līlḗ); *līnɔ, *līnetḗ (*līnɔtī, *līnɔlḗ) — а. п. с
19. *mājɔ, *majetḗ (*majāti, *mājalḗ); *mānɔ, *manetḗ (*manɔtī, *mānɔlḗ) ‘двигать, махать’ — а. п. с
20. *mānɔ, *manetḗ (*manɔtī, *mānɔlḗ) ‘обмануть, заманить’ — а. п. с
21. *ro-mēnɔ, *-mēnetḗ (*-mēnɔtī, *-mēnɔlḗ) — а. п. с
22. *mīnɔ, *minetḗ (*minɔtī, *mīnɔlḗ) — а. п. с
23. *mḗrɔ, *mьretḗ (*merḗ, *mḗrlḗ) — а. п. с
24. *nḗrɔ, *nьretḗ (*nērti, *nērlḗ) ‘нырять’ — а. п. с
25. *ōrɔ, *oretḗ (*orāti, *ōralḗ) а. п. с и *or(ɔ)ḗ, *ōr(ɔ)etḗ⁸⁵ (*orāti, *ōralḗ) а. п. b₁
26. *rēlvɔ, *relvetḗ (*relī, *rēlvlḗ) — а. п. с
27. *rērɔ, *reretḗ (*rьrāti, *rḗralḗ) а. п. с и *rējɔ, *rējjetḗ (*rьrāti, *rьrālḗ) а. п. b₁⁸⁶ ‘стирать, колотить вальком’
28. *rērɔ, *reretḗ (*rьrāti, *rḗralḗ) ‘попирать’ и *rḗrɔ, *rьretḗ (*rertī, *rḗrlḗ) ‘от-/запирать’ — а. п. с
29. *rījɔ, *rijetḗ (*rīti, *rīlḗ) — а. п. с
30. *rļvɔ, *rļvetḗ (*rļutī, *rļūlḗ); *rļvɔ, *rļvetḗ (*rļvɔtī, *rļvɔlḗ) — а. п. с
31. *rōjɔ, *rojetḗ (*rēti, *rēlḗ) — а. п. с
32. *rḗjɔ, *rḗjetḗ (*rḗtī/*rḗjāti, *rḗḗlḗ/*rḗjḗalḗ) — а. п. с⁸⁷
33. *rḗlɔ, *rḗljetḗ (*rḗlḗti/*rḗlāti) — а. п. с? (о реконструкции а. п. см. [Николаев 1989, 70–72]⁸⁸); *rōlɔ, *rōljetḗ (*rōlti, *rōllḗ) — а. п. b₁⁸⁹ ⇔ *rōlvɔ, *rōlvetḗ (*rōlvɔtī, *rōlvɔlḗ) — а. п. a (?) ‘гореть; опаливать’⁹⁰

⁸⁴ Реконструкция по согласующимся данным северо-западных и западных русских и севернобелорусских диалектов (МРЭ).

⁸⁵ Вариант а. п. b₁ по данным ю.-зап. укр. говоров (*orāti, óru, óresh passim*) и слвн. *orāti, órjet*.

⁸⁶ Вариант а. п. b₁ по данным ю.-зап. укр. говоров (*nrāti, néru, néresh passim*).

⁸⁷ Реконструкция по согласующимся данным северо-западных и западных русских и севернобелорусских диалектов (МРЭ).

⁸⁸ Ср. еще русск. диал. *плеть* (вторичный презенс *плетет*) ‘тлеть, гореть без пламени; краснеть от стыда; сердиться’ (СРНГ 27, 132) (ударение презенса неизвестно).

⁸⁹ Глагол *полóть, полиó, полét* ‘опаливать (поросенка, курицу)’ отмечен в западнорусских говорах (МРЭ), в частности в д. Дубровка Селижаровского р-на Тверской обл. и д. Лучинское Истринского р-на Московской обл. (запись автора). В СРНГ глагол не попал, по-видимому, по той причине, что формы *полешь, полét* обычно принимаются за гиперкорректные формы глагола *палить*.

⁹⁰ Рецессивный корень, ср. асс. *rōlme, -мень а. п. с (ном. *rōlme, -ту а. п. а с м-акутом). Относительно *rōlvɔ (с м-акутом) см. сноску 70.

34. *r̥b̥n̥q̥, *r̥p̥net̥ (*r̥eṭī, *r̥ēl̥) — а. п. с
35. *r̥ōv̥q̥, *r̥ovet̥ (*r̥ūti / *r̥j̥v̥āti) ‘реветь’ — а. п. с
36. *r̥b̥v̥q̥, *r̥bv̥et̥ (*r̥ūti, *r̥ūl̥)⁹¹; *r̥ūj̥q̥, *r̥uj̥et̥ (*r̥v̥āti, *r̥b̥val̥) ‘рвать’ — а. п. с
37. *skv̥b̥r̥q̥, *skv̥b̥ret̥ (*skv̥ērti, *skv̥ērl̥) ‘жарить’ — а. п. с
38. *sl̥ōv̥q̥, sl̥ovet̥ (*sl̥uti, *sl̥ūl̥); *sl̥ūn̥q̥, *sl̥yn̥et̥ (*sl̥yn̥q̥tī, *sl̥ūn̥q̥l̥) — а. п. с
39. *sm̥ēj̥q̥, *sm̥ējet̥ (*sm̥j̥āti, *sm̥j̥al̥) — а. п. с
40. *sn̥ōv̥o, *sn̥ovet̥ (*sn̥ūti, *sn̥ūl̥); *sn̥ūj̥o, *sn̥uj̥et̥ (*sn̥ov̥āti, *sn̥ōval̥) — а. п. с
41. *st̥āj̥q̥, *st̥aj̥et̥; *st̥ōj̥o, *st̥oj̥it̥ (*st̥oj̥āti) — а. п. с ⇔ *st̥ān̥q̥, *st̥ānet̥ (*st̥āti / *st̥āj̥ati, *st̥āl̥ / *st̥āj̥al̥) — а. п. а (см. сноску 70)
42. *st̥b̥r̥q̥, *st̥b̥ret̥ (*st̥ertī, *st̥ērl̥) — а. п. с
43. *tr̥āj̥q̥, *tr̥aj̥et̥ (*tr̥āj̥āti, *tr̥āj̥al̥) ‘длиться, продолжаться’ — а. п. с
44. *tr̥ōv̥q̥, *tr̥ovet̥ (*tr̥ūti, *tr̥ūl̥); *tr̥ūj̥o, *tr̥uj̥et̥ (*tr̥ov̥āti, *tr̥ōval̥) — а. п. с
45. *t̥ūj̥q̥, *t̥uj̥et̥ (*t̥ūti, *t̥ūl̥) — а. п. с
46. *t̥b̥n̥q̥, *t̥b̥net̥ (*t̥eṭī, *t̥ēl̥) — а. п. с
47. *v̥ēj̥q̥, *v̥ējet̥ (*v̥j̥āti, *v̥j̥al̥) ‘мести (о метели), бушевать (о непогоде)’ — а. п. с ?; *v̥īj̥o, *v̥ij̥et̥ (*v̥īti, *v̥īl̥) ‘взметать, вскидывать; увлекая своим движением, нести (снег, песок)⁹² — а. п. с ?; *v̥īn̥q̥, *v̥inet̥ (*v̥īn̥q̥tī, *v̥īn̥q̥l̥) ‘взметнуть, подбросить’ — а. п. с
48. *v̥īj̥q̥, *v̥ij̥et̥ (*v̥īti, *v̥īl̥) ‘вить’; *v̥īn̥q̥, *v̥inet̥ (*v̥īn̥q̥tī, *v̥īn̥q̥l̥) ‘вить, вертеть’ — а. п. с
49. *v̥ūj̥q̥, *v̥uj̥et̥ (*v̥ūti / *v̥uj̥āti, *v̥ūl̥ / *v̥ūjal̥) — а. п. с

⁹¹ Не очень надежная реконструкция по соответствию слвн. диал. *rūti* : чешск. диал. *routi* : слвц. диал. *ru' sa* (Dybo 2002, 321).

⁹² Этот глагол этимологически тождествен лит. *vūti, vėja* ‘гнать’. В одних случаях значение глагола *v̥j̥o (viti) / *v̥j̥et̥ (*v̥j̥ati) ‘гнать, двигать(ся) с силой’ контактирует с *v̥iti ‘вить’, в других с *v̥j̥(ati) ‘дуть’. Наиболее распространенный девербатив — pl. или du. t. *v̥īdla / *v̥īdl̥e ‘вилы’. Вариант *v̥j̥e, *v̥j̥et̥ (*v̥j̥āti, *v̥j̥al̥) отражен в русских говорах: *вьять* ‘полюхать (об огне, пламени)’ Волог., *вьяить* Моск., Волог. ‘крутить, вертеть (о метели); полюхать (об огне, пламени)’ (СРНГ 6, 71), *вьять* ‘(о вьюге) крутить, завиваться’ (ПОС 6, 111); *завьять* ‘занести, замести снегом’ Пск., Новг., Болог. Калин., Боров. Калуж., Пенз., Смол.; ‘застрять, остановиться’ Влад. (СРНГ 9, 348); *завьять, -яет* ‘замести, засыпать, вздымая, крутя (снег); начать мести, падать (о снеге); быть занесенным, запорошенным; не прийти куда-н., запропасть’ (ПОС 11, 114); *завьять* ‘заносить, засыпать снегом’ (ПОС 11, 58); *навьяать* ‘дуя, приносить с собой (снег, песок)’ (ПОС 19, 250), *навьять* ‘дуя, вея, насыпать, нанести (снег, пыль) в кучу, в одно место (о сильном ветре)’ (ПОС 19, 301). Отсюда же русск. литерат. *завьять* (снегом), *навьять* (о снеге). Рефлексы второго варианта *v̥j̥o, *v̥ij̥et̥ (*v̥īti, *v̥īl̥) ‘завить, вить, вьѐ(т) мести, вздымая, крутя (снег, песок); быстро бежать, мчаться’ (ПОС 4, 29); *завиуть* ‘замести, вздымая, крутя (снег); с силой начаться, подняться (о непогоде, буре)’ (ПОС 11, 84–85); *навиуть, навьѐ(т)* в значениях ‘придавая вороху (сена, травы, соломы) определенную форму уплотнением, утрамбовыванием, уложить вилами на телегу, машину; увлекая своим движением, нанести (о сильном ветре)’ (ПОС 19, 275–276).

50. *vêrǫ, *veretĭ̄ (*vǣrāti, *vǣraľ) ‘говорить, обманывать’ — а. п. с. ?⁹³
 51. *vǣrǫ, *vǣretĭ̄ (*vǣrēti) ‘кипеть’ — а. п. с
 52. *xājǫ, *xajetĭ̄ (*xajāti, *xājalĭ) — а. п. с
 53. *zōvǫ, *zovetĭ̄ (*zǣvāti, *zǣvalĭ) — а. п. с
 54. *žêrǫ, *žeretĭ̄ (*žǣrāti, *žǣraľ) и *žǣrǫ, *žǣretĭ̄ (*žertī, *žǣrľ) — а. п. с
 55. *žīvo, *živetĭ̄ (*žīti, *žīľ) — а. п. с
 56. *žǣvǫ, *žǣvetĭ̄ (*žīti, *žīľ); *žūjo, *žujetĭ̄ (*žǣvāti, *žǣvalĭ) — а. п. с

2.2. Акутированные корни двух валентностей в латышском языке.

Балто-славянская реконструкция валентностей в корнях с исходом на сонанты и долгие гласные

2.2.1. Глаголы с корнями с шумным аусласутом

В латышских диалектах с различением трех интонаций плавная интонация является рефлексом балто-слав. *ǫ*- и *м*-акутов, прерывистая — *р*-акута, нисходящая — балто-слав. *ǫ*-, *р*- и *м*-циркумфлексов.

В парадигмах глаголов с акутированными корнями на шумные согласные с тематическим, *ж*- и *ст*-презенсами обнаруживаются три интонации — плавная, прерывистая и падающая. Интонация в непереходных парах со *ст*-презенсами, как правило, дублирует интонацию *ж*-презентов. Интонация корневого инфинитива и *ē*-, *ā*-претеритов совпадает с интонацией презенса. Прерывистая и плавная (реже падающая) интонации обнаруживаются также в *ī/ā*-итеративах, образованных от глаголов с тематическим, *ж*- и *ст*-презенсами.

Количество итеративов с прерывистой и плавной интонациями приблизительно равно, тогда как количество производящих глаголов с прерывистой интонацией почти в 2 раза превышает количество глаголов с плавной интонацией. По всей видимости, прерывистая интонация могла заменять плавную в связи с тенденцией к унификации просодии глаголов с корнями на шумный (Николаев, Старостин 1982, 309–310), а в итеративах этот процесс шел медленнее. У многих глаголов формы с плавной интонацией сохраняются лишь в отдельных говорах, в остальных заменившись формами с прерывистой интонацией. В ряде производящих глаголов с акутированными корнями в *ī/ā*-итеративе обнаруживается падающая интонация — рефлекс *м*-циркумфлекса. В непереходных глаголах, имевших, наряду с тематическими, восточнобалтийский атематический презенс, по говорам представлены формы с прерывистой, плавной и падающей интонациями. Эта синхронная «чересполосица» восходит к регулярному чередованию форм с *р*- и *м*-акутами и *м*-циркумфлексом в парадигме (–)корней.

⁹³ Реконструируется по данным русских диалектов (МДАРЯ; МРЭ). Ввиду устойчивой инфинитивной основы *vǣga-, русская огласовка презенса вторична (вместо *веру, *верешь) — ср. подобную перестройку у глаголов *sǣgati, *pǣgati. Судя по девербативу *vǣgъ, gen. *vǣga а. п. с, (–)корень.

Список глаголов приводится по (Endzelin 1923) с уточнениями по (MEV).

2.2.1.1. Глаголы с плавной интонацией

2.2.1.1.1. У следующих глаголов отмечены все три интонации:

nīkt, nīkstu, nīku Lautb., Dond., Wandsen и т. д. ⇔ *nīkt* Mar. ⇔ *nīkt* Wohlfahrt, PS., Trik., Serbigal ‘quienen, siechen, nicht gedeihen’

strēgt, strēdzu, strēgu Roop, Serben, Schujen, Smilten, Sermus ⇔ *strēgt* Saikava ⇔ *strēgt* Jürg., Arrasch ‘einschiessen, einsinken; sich anstauen’.

2.2.1.1.2. У следующих глаголов отмечены плавная и падающая интонации:

gremžt, gremžu, gremzu L., St., U., Wandsen⁹⁴ ⇔ *grēmzties* Trik. ‘nagen, beissen’

jēgt, jēdzu, jēdzu ⇔ *jēgt* N.-Peb., Ramkau ‘verstehen, begreifen’

kāst, kāšu, kāsu (ē) AP., Frauenb., Iw. и т. д. ⇔ *kāst* Trik., Wolm., N.-Wohlfahrt ‘sehen’

līgt, līgstu, līgu Bl., Iw., Wandsen, *līkt, -kstu, -ku* Kand., Dunika, Lautb., Līn., Dond. и т. д. ⇔ *līgt* PS., Serbigal, Drosth. и т. д., *līkt* Wolmarshof, Smilten ‘sich vereinbaren; vermischt, sich biegen, einsinken’

sīrgt, sirgstu/sērgu, sirgu PS., C., Pilten ⇔ *sirgt* Viltis 1908, 82 (также *sirgt*² Kl., *sīrgt*² Dunika, Dond., Salisb., Siuxt, Salis, Widdrisch) ‘krank sein, kränkeln’

skūrbt, skurbstu, skurbu (ā) Bl., Zabeln, Ugalen, Dond., Wandsen, Dunika, Iw., Līn. и т. д. ⇔ *skūrbt* C., Ermes ‘schwindlig, ohnmächtig werden’

traūkt (-cu) Bl., Iw. и т. д. ‘schlagen, hastig anfallen usw.’ + *trūkt (-stu, -ku)* ‘entzweigen, reißen, brechen, auseinanderspringen; zusammenfahren, erschrecken’ ⇔ *trāukt (-cu)* C., PS., Schujen, Wenden, N.-Wohlfahrt, Nōtk. + *trūkt (-kstu, -ku)* ‘mangeln, fehlen’

vīst, vīstu, vītu A.-Ottenhof, Jürg., Kaugershof, Līn., Schnehpehn, Siuxt, Trik. ⇔ *vīst* Wolmarshof, N.-Wohlfahrt, PS. ‘welken’

vārgt, vārgstu, vārgu AP., Arrasch, C., Jürg., Dunika, Līn. и т. д. (также *vārgt*² Kl., Lös. и др.) ⇔ *vārgt* N.-Wohlfahrt, Serbigal (*vārgt*² Dond., Frauenb., Ruj. и др.) ‘siechen, quienen, elend sein’

vēikt, -cu, -cu ‘делать’ Iw., Līn., Bl. + *vīkt, -kstu, -ku* Dunika ‘gedeihen’ ⇔ *vēikt* C., U., Serbigal, Wolm.

2.2.1.1.3. У следующих глаголов отмечена только плавная интонация:

graūst, graužu, graudu (ē) Bl., Dunika ‘poltern, donnern’

*īlgt, īlgst, īlga*⁹⁵ ‘dauern lange’

liēst, liēstu, liēsu ‘mager werden’

slābt, slābstu, slābu ‘schlaff werden, zusammenfallen (vom Körper, von einem Geschwür)’

snaūst, snaūzu, snaūdu ‘schlummern, schlafen’

spraūgt, spraudzu, spraiģu U. ‘grob mahlen, (vorzüglich Grütze) schroten’

⁹⁴ В (MEV) используются немецкие названия населенных пунктов Латвии. Их современные названия см. в списке сокращений в конце статьи.

⁹⁵ Без указаний на диалекты даются общелатышские формы.

2.2.1.1.4. У следующих глаголов отмечены плавная и прерывистая интонации:

- brāzt, brāžu, brāzu* Bl., Bächhof, Grünwald ⇔ *brāzt* Kr., Kl., Salisb. и т. д. ‘brausen, toben; streifen, schleudern’
- drāzt, drāžu, drāzu* Wolm., PS., C., Jürg., Nigr., AP., Iw., Dunika, Salisb., Siuxt, Orellen ⇔ *drāzt* C., Dond., Selg. ‘schnitzen; prügeln, schelten’
- griēzt, griēžu, griezu* Katzd., Ladenhof, Wainse; iter. *graīžīt* Nigr. ⇔ *griēzt* ‘schneiden’; iter. *graīžīt, -u*
- mēgt, mēdz, mēdza* Lautb., Gr.-Essern, Wandsen, Selg., Kand. ⇔ *mēgt* Wolm., *mēdz, mēdza* Wolm., Bers. ‘vermögen, taugen’
- muōst, muožu/muostu, muodu* Sessau ‘erwachen; merken’ ⇔ *muōst* PS., Lis., Bl., Kl., Schujen, C., Nitau, Linden
- nākt, nāku, nācu* ⇔ *nākt* (prs. *nācu*) Auleja ‘kommen’
- nīst, nīst* Iw., BL., *nīdēt, nīd* Iw., Bl., Gr.-Essern, Dond., Dunika и т. д. ⇔ *nīdēt* Wolm., Nigr., Lautb., PS., Ruj., *nīst* Wolm. ‘hassen, nicht leiden; leise brüllen’
- skliēst, skliēžu, skliedu* ‘ausbreiten, umblättern’; *kliēst, kliežu, kliedu* ‘schlagen’; iter. *sklaīdīt* ⇔ *kliēst* Kr. ‘ausbreiten, ausstreuen’
- snīegt, sniedz, sniedzu* Tr., Bl., Selg. и т. д. ⇔ *snīegt* Wolm., Arrasch, Saikava и т. д. ‘reichen’

2.2.1.1.5. У следующих глаголов плавная интонация представлена только в *ī/ā*-итеративах, прерывистая интонация — в *j-* и *st*-презенсах:

- iter. *blaīžīt, -u* ⇔ *bliēzt, bliēžu, bliēžu* C., PS., Lis., Salisb., Bers. ‘schlagen, hauen, schleppen’; iter. *blaīžīt, -u*
- iter. *graūžīt* Līn. ⇔ *graūzt, graūžu, graūžu* ‘nagen’
- iter. *kuōdīt* Līn. ⇔ *kuōst, kuožu, kuōdu* ‘beissen’; iter. *kuōdīt, -u*
- iter. *laužīt* Tr., Dond., Wandsen, Līn., Nigr., Gr.-Essern ⇔ *laužt, laužu, laužu* ‘brechen (tr.)’ + *lūzt, lūstu, lūzu* (ā) ‘brechen (intr.)’; iter. *laužīt*
- iter. *svaīdīt, -u* Tr., Ruj., Alt-Salis, Widdrisch, *svaīdīt*² Kl., Sessw. ⇔ *sviēst, sviēžu, sviēdu* ‘werfen’; iter. *svaīdīt*

2.2.1.1.6. Неясные случаи:

- gnaūzt, gnauzu, gnauzu* Dond. ‘(jemand) bösen Leumund machen’, iter. *gnāuzīt* Nigr. ⇔ *gnaūzt*² Bl. ‘kniellen, ausdrücken’
- spraūst*² Kr. ⇔ *spraūst, spraūžu, spraūdu* Wolm. u. a. ‘einstecken’ + *sprūst, sprūžu* ‘klemmen’ + *sprūst, sprūstu, sprūdu* (ā) ‘eingeklemmt werden’; iter. *spraūdīt, -u*

2.2.1.2. Глаголы с прерывистой интонацией

2.2.1.2.1. У следующих глаголов отмечены падающая и прерывистая интонации (т. е. рефлекс метатонии):

- bełzt, bełžu, bełzu* ⇔ *bèlzt* PS., C. ‘schlagen’
- vākt, vācu, vācu* C., Serben, Skaista ⇔ *vākt, vācu, vācu* Neuenb., PS. ‘deckeln, ernten, (ein Kind) warten’

2.2.1.2.2. У следующих глаголов отмечена только прерывистая интонация, включая итеративы:

bâzt, bâžu, bâzu ‘stecken, stopfen’; iter. *bâzît, bâzu*

diêgt, diêdzu, diêdzu ‘stechen, nähern’ + *diġt, diġstu, diġu* intr. ‘keimen’; iter.

daidzît, -u

diêgt, diêdzu, diêdzu ‘schnell, mit grossen Schritten gehen, laufen’; iter. *daidzît, -u*

gâzt, gâžu, gâzu ‘giessen, umstürzen’; iter. *gâzît, -u*

grûst, grûžu, grûdu (ē) ‘stossen, stampfen’; iter. *grûdît, -u*

kliêst, kliêžu, kliêdu (ē) ‘aubreiten, -streuen’ + *klîst, klîstu, klîdu* (ā) ‘irren’; iter.

klaidît, -u

kniêbt, kniêbju, kniêbu ‘kneifen’; iter. *knaibît, -u*

laîst, laîžu, laîdu (ē) ‘lassen’; iter. *laidît, -u*

luôbt, luôbju, luôbu ‘schälen, ablösen; rasch laufen; die kleine weiblichen Arbeiten im Hause verrichten’; iter. *luôbît, -u*

miêdzu, miêdzu, miêgt ‘stark drücken, schlagen’; iter. *maidzît, -gu*

plêst, plêšu, plêsu (ē) ‘reissen’; iter. *plaisitiês* и *pluošît, -u*

rauġt, rauġdu Gr.-Buschhof ‘einsäuern’, *rauġtiês², -uoš, -dzuoš* ‘rülpsen’ + *rûgstu,*

rûġu, rûġt ‘säuern, gären’; iter. *rauġzît* Warkl.

slêgt, slêdzu, slêdzu ‘schliessen’; iter. *sluôdzît, -gu*

spiêst, spiêžu, spiêdu ‘drücken’; iter. *spaidît, -u*

šġiêst, šġiêžu, šġiêdu (ē) ‘verstreuen, vertun’ + *šġist, šġistu, šġidu* ‘auseinanderfallen, vergehen’; iter. *skaidît, -u*

2.2.1.2.3. У следующих глаголов отмечена только прерывистая интонация, интонация итеративов неизвестна:

âłkt, âłkstu, âłku ‘hungern, schmachten’; *aųgt, aųgu, aųgu* ‘wachsen’; *aųst,*

aųžu, aųdu (ē) ‘weben’; *bêgt, bêgu, bêgu/bêdzu* ‘fliehen’; *bežt, bežžu, bežžu*

‘reiben’ + *bižt, bižst, bižžu* (ā) ‘zerbröckeln’; *blîst, bližu, blîdu* + *blîst, blîstu, blîdu*

‘schnell zunehmen, quellen’; *blîzt, blîstu, blîžu* ‘schnell zunehmen, quellen’; *briêst,*

briêžu/briêstu, briêdu ‘quellen, schwellen’; *êst, êdu/êmu, êdu* ‘essen’; *dâbt,*

dâbju, dâbu (ē) ‘schlagen’; *glâbt, glâbju, glâbu* (ē) ‘retten, schützen’; *glêbt, glêbju,*

glêbu ‘retten, schützen’; *grâbt, grâbju, grâbu* ‘greifen’; *grâztiês, grâžuoš, grâžuoš*

‘schwerfällig hinsetzen’; *ġgt, ġgtu, ġgu* ‘vergehen, verschmachten’; *at-jaųcu* ‘ge-

wöhne ab’ + *jųkt, jųkstu, jųku* ‘sich gewöhnen’; *juôzt, juôžu, juôžu* ‘gürten’; *jųgt,*

jųdzu, jųdzu ‘(ins Joch) spannen’; *kâpt, kâpju, kâpu* ‘steigen’; *kařst, kařstu, kařsu*

‘heiss werden’; *krâpt, krâpju, krâpu* ‘betrügen’; *kųpstu, kųpu, kųpt* intr. ‘qualmen,

dampfen, rauchen’; *liêbju, liêbu, liêbt* ‘laufen’; *liêgt, liêdzu, liêdzu* ‘versagen,

verweigern’; *lîst, ližu* (субститут атем. *lienu* Lautb.), *lîdu* (ē) ‘roden’; *iz-mâkt,*

-mâkstu, -mâku ‘erlernen’, *mâcêt, mâku* ‘verstehen’; *mêzt, mêžu, mêžu* (ē) ‘den

Mist fortschaffen, misten; fegen’; *miłzt, mēłzu/miłstu, miłzu* (ā) ‘schwellen, schwa-

ren’; *miřgt, mirdzu/mirgst, mirgu* ‘blinken’; *piřst, pēřdu, piřdu* (ā) ‘futzen’; *sâkt,*

sâku/sâcu, sâku/sâcu ‘anfangen’; *ies-iřst(iês), iesiřstu, iesiřdu* ‘zörnig, böse wer-

den’; *plaukt, plaukstu, plauku* + *plûkt, plûkstu, plûku* ‘auschlagen, aufblühen’; *plaušt,*

plaužu, plauđu ‘ausgiessen’ + *plūst, plūstu, plūdu* (ā) ‘sich ergiessen’; *plīst, plīstu, plīsu* (ā) ‘reissen, bersten’; *riēbt, riēbju, riēbu* ‘ekeln, zuwider sein’; *riēzt, riēžu, riēzu* (ē) ‘emporstecken’; *saŕkt, saŕkstu, saŕku* ‘rot werden’; *sēst, sēslu/sēžu, sēdu/sēdu* ‘sich setzen’; *skābt, skābstu, skābu* ‘sauer werden’; *slāpt, slāpstu, slāpu* ‘durstig sein’; *smiŕst, smiŕstu, smiŕdu* ‘stinkend werden’, *smiŕdēt, -u, -ēju* ‘riechen’; *snēgt, snēdzu, snēdzu* ‘bevorzugen, verteidigen’; *at-spīst, -spīstu, -spīdu* ‘wiederer-glänzen’; *sprāgt, sprāgstu, sprāgu* ‘platzen’; *spriēst, spriēžu, spriēdu* (ē) ‘strecken, spannen’; *spriēst, spriēžu, spriēdu* (ē) ‘urteilen’; *sviŕst, sviŕst, sviđu* ‘schwitzen’; *tūkt, tūktu, tūku* ‘schwellen’; *uōst, uōsu, uōdu* (ē) ‘riechen’; *vāzt, vāzu, vāzu* ‘decken’; *veļdzu, veļdzu, veļgt* ‘waschen; feucht machen’ + *viļgt, viļgstu, viļgu* ‘feucht werden’; *zīst, zīžu, zīdu* ‘saugen’.

2.2.2. Глаголы с акутированными корнями с исходом на сонанты и долгие гласные. Балто-славянская реконструкция валентностей в корнях с исходом на сонанты и долгие гласные

В латышских глаголах с акутированными корнями на сонанты и долгие гласные противопоставлены плавная и прерывистая интонации. Так как литовские парадигмы глаголов с корнями на сонанты и долгие гласные малоинформативны для балто-славянской реконструкции, приводим в этом списке праславянские соответствия латышским глаголам, на которых в основном строится балто-славянская реконструкция акцентуационных валентностей в корнях данного типа.

Регулярные соответствия: праславянские глаголы неподвижной а. п. (*a* и *b*) — латышские глаголы с плавной интонацией; праславянские глаголы подвижной а. п. (*c*) — латышские глаголы с прерывистой интонацией. Следует обратить внимание на метатонический акцент в инфинитивах в ряде латышских говоров: inf. *duōt*, praes. *duōdu Dond.*, Līn., Tr. при *duōt, duōdu* в большинстве диалектов. Ниже в списках формы с *m*-акутом, производным от *p*-акута, не приводятся.

2.2.2.1. Доминантные корни⁹⁶

1. Лтш. *bārt* ‘schelten’ ≈ слав. **botjǫ*, **bōrjetь* (**bōrti*, **bōrlь*) а. п. *b*₁
2. Лтш. *bērt* ‘streuen’⁹⁷ + *biŕt* ‘aus-, abfallen’ ≈ слав. **berǫ*, **bēretь* (**byrāti*, **byrālь*) ‘собирать ягоды, траву’ а. п. *b*₂ ?
— Лтш. *buŕt* ‘zaubern’
3. Лтш. *dēt* ‘(einen Waldbienenstock) anlegen; (einen Stück Eisen oder Stahl) anlegen, anschwiessen; machen (Würste)’ ≈ слав. **dějǫ*, **dějetь* (**dējati*, **dējālь*)

⁹⁶ Не приводятся глаголы с вторичной плавной интонацией на месте циркумфлекса, источником которой, по-видимому, являются *st*-презенты: лтш. *miŕt*, ср. чередование в лит. *miŕti*, *miŕšta*.

⁹⁷ Лит. *beŕti*, однако есть и диал. *bėrti*, *bėria*, *bėrė J*, BŽ497, OG281, Кр, Mlt, поэтому вариант с *ð*-акутом может считаться правосточнобалтийским.

- ‘делать’ а. п. *a* [контаминация и.-е. корней **dhēh*- ‘класть’ и **dhēh*₁- ‘делать’]
- Лтш. *duřt* ‘stechen’
4. Лтш. *dziřitiēš* ‘ein Absicht äussern’ ≈ слав. ? **žьг(ј)ǫ*, **žьг(ј)еть* (**žьrti*, **žьгль*) ‘приносить жертву’ а. п. *b*₁
5. Лтш. *grem̃(iēš)* ‘brummen, dumpfe Laute von sich geben; drohen’ ≈ слав. **грьмјǫ*, **грьмить* (*грьмѣти*) а. п. *b* (?); **grōmь*, gen. **grōma* а. п. *d*, (+)корень (АССЯ, 199–202)
- Лтш. *grim̃t* ‘sinken’
- Лтш. *gūt* ‘haschen; bekommen’
- Лтш. *iřt* ‘rudern’
6. Лтш. *kaļt* ‘schmieden’ и *kuļt* ‘dreschen’ ≈ слав. **koljǫ*, **kōljеть* (**kōlti*, **kōllь*) а. п. *b*₁
- Лтш. *kařt* ‘hangen’
7. ? Лтш. *krāt*, однако праes. (и praet.?) *krāju* ‘sammeln’ ≈ слав. **krādǫ*, **krādetь* (**krāsti*) а. п. *a*
8. Лтш. *křaūt* и *kraūt* ‘haufen’ ≈ слав. **krýjǫ*, **krýjеть* (**krýti*, **krýль*) а. п. *a*
9. Лтш. *kuřt* ‘heizen’ ≈ слав. caus. **kuřǫ*, **kūřitь* (**kuřiti*) а. п. *b*₂, (+)корень
10. Лтш. *lāt* ‘bellen, schelten, verleumden’ ≈ слав. **lǎjǫ*, **lǎjеть* (**lǎjati*, **lǎjaль*); **lǎnǫ*, **lǎnеть* (**lǎnǫti*) а. п. *a*
- Лтш. *ļaūt* ‘zulassen, erlauben’
11. Лтш. *maļt* ‘mahlen’ ≈ слав. **meljǫ*, **mēljеть* (**mēlti*, **mēllь*) а. п. *b*₁
12. Лтш. *mīt* ‘treten’ ≈ слав. **mьnjǫ*, **mьnjеть* (**męti*, **męль*) а. п. *b*₁
- Лтш. *nērt* ‘zusammenziehen’
- Лтш. *ņaūt* ‘miauen’
- Лтш. *pūit* ‘faulen’
- Лтш. *rāt* ‘schelten’
- Лтш. *rīt* ‘schlingen’
- Лтш. *rim̃t* ‘ruhig werden’
13. Лтш. *saūt* и *šaūt* ‘schiessen’ ≈ слав. **sǔjǫ*, **sǔjеть* (**sovāti*, **sovālь*); **sūnǫ*, **sūnеть* (**sūnǫti*, **sūnǫль*) а. п. *a*
14. Лтш. *sēt* ‘sahen’ ≈ слав. **sějǫ*, **sějеть* (**sěti*/**sějati*, **sěļь*/**sějаль*) ‘сеять’ а. п. *a*
- Лтш. *seřt* ‘stecken (Getreide in die Rije)’
- Лтш. *siļt* ‘warm werfen’
- Лтш. *skūt* ‘rasieren’
- Лтш. *sa-slim̃t* ‘erkranken’
15. Лтш. *spēt* ‘vermögen’ ≈ слав. **spějǫ*, **spějеть* (**spěti*/**spějati*, **spěļь*/**spějаль*) а. п. *a*
16. Лтш. *splaūt* ‘spucken’ ≈ слав. **prǔjǫ*, **prǔjеть* (**prjāvati*/**prǔiti*, **prjāvālь*/**prǔļь*); **prǔnǫ*, **prǔnеть* (**prǔnǫti*) а. п. *a*
- Лтш. *stum̃t* ‘schiebend stossen’
- Лтш. *šķiļt* ‘Feuer ausschlagen’
- Лтш. *šķīt* ‘pflücken’
- Лтш. *šķiřt* ‘scheiden’

17. Лтш. *šūt* 'nähen' ≈ слав. *šijjo, *šijjetь (*šiti, *šilь) а. п. а
 18. Лтш. *trīt* 'reiben, schleifen' ≈ слав. *tьr(г)jǫ, *tьr(г)jetь (*tьrti, *tьr(г)ь) а. п. b₁
 — Лтш. *veīt* 'vomieren'
 — Лтш. *veřt* 'fädeln'
 19. Лтш. *veřt* 'auf-/zumachen' ≈ слав. caus. *ot-vorjǫ, *-vōgitiь (*-voriti) а. п. b₂
 [(+)корень]; *vьrǫ, *vьgetь 'от-/запереть' а. п. b₁ ?
 — Лтш. *veřtiēs* 'schauen'
 20. Лтш. *vilt* 'trügen' ≈ слав. *veljǫ, *vĕlitiь (*vĕliti) а. п. b₂ (?)
 — Лтш. *vīt* 'welken'
 21. ? Лтш. *pa-zīnt* 'kennen' ≈ слав. *znājjo, *znājjetь (*znāti, *znālь) а. п. а ⇔ *-znājjo,
 -znajetь (-znajāti) а. п. с; (-)корень также в лит. *žėņklas* NdŽ с метатонией.

2.2.2.2. Рецессивные корни

1. Лтш. *art* 'pflügen' ≈ слав. *ōrǫ, *oretь (*orāti, *ōraьь) а. п. с
 2. Лтш. *bītiēs* 'sich fürchten' ≈ слав. *bōjǫ, *bojitiь (*bojāti) а. п. с
 3. Лтш. *blaut* 'brüllen' ≈ слав. *bljūjǫ, *bljujetь (*bljvāti, *bljvaьь) а. п. с
 4. Лтш. *blēt* 'bloken' ≈ слав. *blĕjǫ, *blĕjetь (*blĕjāti, *blĕjaьь) а. п. с
 5. Лтш. *būt* 'sein' ≈ слав. *bŭti, *bŭьь; аог. *bĕхь, *bĕ; *bŭхь, *bŭ а. п. с
 — Лтш. *celt* 'heben'
 — Лтш. *dēt* 'saugen (die Brust)'
 6. Лтш. *dēt* 'legen (Eier)' ⇔ *dētiēs* 'sich legen' ≈ слав. *dĕjǫ, *dĕjetь (*dĕjāti,
 *dĕjaьь) а. п. с; prs. *dedjǫ, *dĕdjetь (*dĕti, *dĕьь) а. п. b₁⁹⁸ ⇔ prs./fut. *dĕjǫ,
 *dĕjetь, fut. *dĕnǫ, *dĕnetь 'класть' а. п. а
 7. Лтш. *duōt* 'geben' ≈ слав. *dājǫ, *dajetь (*dajāti, *dājaьь) и *damь, *dastь
 (*dāti, *dālь) а. п. с
 — Лтш. *dzel̄t* 'stechen'
 8. Лтш. *dzeřt* 'trinken' ≈ слав. *žĕrǫ, *žeretь (*žrāti, *žraьь) и *žьro, *žьretь
 (*žertī, *žьr(г)ь) а. п. с
 9. Лтш. *dzīt* 'heilen (itr.)' ≈ слав. *živo, *živetь (*žiti, *žilь) а. п. с
 — Лтш. *àiz-kařt* 'anrühren'
 10. Лтш. *kaūt* 'schlachten' ≈ слав. *kōvǫ, *kovetь (*kŭti, *kŭьь); *kŭjǫ, *kujetь
 (*kovāti, *kōvaьь) а. п. с
 — Лтш. *ķeřt* 'greifen, fassen'
 11. Лтш. *klāt* 'ausbreiten' ≈ слав. *klādo, *kladetь (*klāsti) а. п. с
 — Лтш. *klūt* Windau (*klūt, судя по *kliēt*, *klist* — тот же корень с дентальным
 расширением) 'aubreiten, -streuen'
 12. ? Лтш. *lemt* Serbical, Linden, Kl., Nerft, Kr. '(als Schicksal) bestimmen' ⇔
lemt PS., Kand. (м-акут?) и *lĕmt* С. (м-циркумфлекс?) ≈ слав. caus. *lomjǫ,
 *lomitiь а. п. с (рецессивный корень)⁹⁹
 13. Лтш. *liēt* 'giessen' + *lit* 'regnen' ≈ слав. *lĕjǫ, *lĕjetь (*lĕjāti, *lĕjaьь) и *ljo,
 *lijetь (*liti, *lilь); *lino, *linetь (*linotī, *linoьь) а. п. с

⁹⁸ Рефлекс м-акута в *je*-презенте (?).

⁹⁹ Лит. *lĕmti*, *lĕmtia*, *lĕmė* К наряду с *lemti*, *lĕmtia*, *lĕmė* и Кv, Všt, Jrb.

14. ? Лтш. *mât* и *mât* ‘winken’ ≈ слав. *mâjǫ, *majetĩ (*majāti, *mâjaľ); *mânǫ, *manetĩ (*manǫtĩ, *mânǫľ) ‘двигать, махать’ а. п. с
 — Лтш. *maût* ‘streifen’
 — Лтш. *maût* ‘brüllen’
15. Лтш. *mît* ‘tauschen’ ≈ слав. *měňǎ, асс. *měňǫ а. п. с (/а), *měňjǫ, *měňitĩ (*měňitĩ) а. п. с, (–)корень
 — Лтш. *nemît* ‘nehmen’
16. Лтш. *niřt* ‘tauchen’ ≈ слав. *nĕrǫ, *nĕretĩ (*nĕrti, *nĕrľ) а. п. с
 — Лтш. *pel̃t* ‘verleumden’
17. Лтш. *pît* ‘flechten’ ≈ слав. *rĕňǫ, *rĕnetĩ (*rĕtĩ, *rĕľ) а. п. с
 — Лтш. *plitiĕs* ‘sich aufdrängen’
18. Лтш. *raût* ‘reissen’ ≈ слав. *rĕvǫ, *rĕvetĩ (*rĕti, *rĕľ); *rĕjǫ, *rĕjetĩ (*rĕvǎti, *rĕvǎľ) а. п. с
 — Лтш. *riĕt* ‘bellen’
 — Лтш. *saľt* ‘frieren’
 — Лтш. *ap-skaût* ‘umarmen’
19. Лтш. *smiĕt(iĕs)* ‘lachen’ ≈ слав. *smĕjǫ, *smĕjetĩ (*smĕjāti, *smĕjaľ) а. п. с
 — Лтш. *smel̃t* ‘schopfen’
20. Лтш. *speřt* ‘mit dem Fuss stossen’ ≈ слав. *rĕrǫ, *rĕretĩ (*rĕrāti, *rĕraľ) ‘попирать’ и *rĕrǫ, *rĕretĩ (*rĕrtĩ, *rĕrľ) ‘от-/запирать’ а. п. с
 — Лтш. *spraũtiĕs* ‘emporkommen, empordringen’
 — Лтш. *striĕtiĕs* ‘sich versteifen’
 — Лтш. *řkel̃t* ‘spalten’
21. Лтш. *stāt* ‘sich stellen, hinzutreten’ ≈ слав. *stājǫ, *stajetĩ; *stōjǫ, *stojitĩ (*stojāti) а. п. с ⇔ *stāňǫ, *stānetĩ (*stāti/*stājati, *stāľ/*stājaľ) а. п. а (см. сноску 70)
 — Лтш. *tīt* ‘winden, wickeln’
 — Лтш. *tveřt* ‘fassen’
22. Лтш. *vel̃t* ‘walken, walzen’ ≈ слав. caus. *vālǫ, *valitĩ (*valĩti) а. п. с
23. Лтш. *viřt* ‘kochen’ ≈ слав. *vĕrǫ, *vĕretĩ (*vĕrĕti) ‘кипеть’ а. п. с?¹⁰⁰
24. Лтш. *vīt* ‘winden, flechten’ ≈ слав. *vĕjǫ, *vĕjetĩ (*vĕti, *vĕľ) ‘вить’; *vĕňǫ, *vĕnetĩ (*vĕňitĩ, *vĕňǫľ) ‘вить, вертеть’ а. п. с
25. Лтш. *zel̃t* ‘grünend wachsen’ ≈ слав. part. praet. *zĕleňь а. п. с
 — Лтш. *zmel̃t* ‘(stark) schlagen’
 — Лтш. *zvel̃t* ‘umwerfen; (stark) schlagen’
 — Лтш. *žaũt* ‘trocknen’ + *žūt* ‘trocken werden’
 — Лтш. *žaũt* ‘giessen’.

2.2.2.3. Корни с неясной валентностью

Балто-славянская валентность большинства перечисленных ниже «лабильных» глаголов выясняется только по акцентуации девербативов (см. продолжение настоящей статьи в следующем выпуске).

¹⁰⁰ Реконструируется по данным русских диалектов (МДАРЯ; МРЭ).

Лтш. *graût* и *graût* ‘stürzen (tr., intr.)’ + *grût* и *grût* ⇔ *grūt* PS., Salis ‘einstürzen’
 Лтш. *iřt* ⇔ *iřt* С., Jürg. ‘sich auf-, lostrennen, sich bröckeln’
 Лтш. *jât* ‘reiten’ ⇔ слав. *jědǫ, *jědetь (*jěti) и *jěšjǫ, *jěšjetь а. п. а
 Лтш. *kļaût* ‘sich anstemmen (-lehnen)’ + *kļūt* Mar. ‘hängen bleiben; gelangen, werden’ ≈ слав. *kljǫjǫ, *kljujetь (*klъvǫti, *klъvalь) а. п. с ⇔ лтш. *kļūt*
 Лтш. *maût* ‘schwimmen, tauchen’ ⇔ слав. *mъjǫ, *mъjety (*mъti, *mъlь) а. п. а
 Лтш. *pļaût* ‘mahen’ ⇔ *pļaût* Marienburg ‘schlagen’.

2.3. Глагольные корни в литовском.

Реконструкция балто-славянских валентностей корней с исходом на шумные согласные

2.3.1. Предварительные замечания

Ниже демонстрация литовского материала будет объединена с реконструкцией балто-славянских валентностей акутированных корней с шумным аусласом¹⁰¹.

Балто-славянская парадигма (+)корней характеризовалась неизменностью корневой просодии. Парадигма (–)корней характеризовалась чередованием балто-славянских интонаций, а также подвижностью ударения (иктуса).

В праславянском глаголе актуальна оппозиция подвижной а. п. с [(–)корни] и дополнительно распределенных по интонации корня неподвижных а. п. а и b [(+)корни]. Оппозиция рецессивных и доминантных корней последовательно сохраняется и в девербативах. Праславянские валентности корней, как правило, могут быть спроецированы на балто-славянский уровень.

В латышском языке различие между валентностями циркумфлектированных корней не сохранилось. Различие между акцентуационными классами сохраняют глаголы с акутированными корнями. У многих глаголов плавная интонация замнена на прерывистую. Однако привлечение диалектного материала и итеративов, в целом лучше сохраняющих плавную интонацию, позволяет использовать и латышские данные для реконструкции балто-славянских валентностей. Тенденция к замене доминантной валентности корней на рецессивную, которая выражалась в замене *ǫ*-акута на *p*-акут, по-видимому, начала действовать еще в правосточнобалтийском, так как она прослеживается (не в таком объеме, как в латышском) и в литовском языке.

¹⁰¹ Несколько поспешным представляется вывод В. А. Дыбо, что «распределение акцентных парадигм глаголов с корнями на шумные, по-видимому, уже в балто-славянском приобрело категориальный характер <...> таковым оно, в основном, было уже в индоевропейском» (Дыбо 2003, 159).

В современной литовской глагольной парадигме оппозиция по валентностям корней практически утрачена — за исключением редких форм типа *paliēka* с накоренным ударением, разноместного ударения в презентных причастиях (этот вопрос требует дополнительного изучения) и ряда рудиментарных явлений. Распределение подвижного и неподвижного акцентных типов стало по большей части категориальным. Оппозиция глагольных а. п. представлена у Н. Даукши, однако «*Postilla Catholica*» не содержит нужной нам информации по большинству литовских глаголов.

Литовские валентности акутированных корней с шумным ауслатом устанавливаются по наличию/отсутствию метатонии акут \Rightarrow циркумфлекс в парадигматических формах. Рецессивные и доминантные корни (циркумфлектированные и акутированные) акцентуационно различаются также в литовских девербативах. В девербативах, образуемых вторичнодоминантными (*-tuw-) и рецессивными (*-ti-, *-tā-) суффиксами, валентность корней предопределяет акцентные парадигмы производных, что позволяет установить валентность ряда корней с корневым циркумфлексом, которую мы не можем вычислить из глагольной парадигмы. Валентность корней с акутом определяется также по девербативам с (первично)доминантными суффиксами (*-to-, *-sto-, *-tlo-): только в (–)корнях регулярна метатония акут \Rightarrow циркумфлекс (Николаев 1989, 57–61; ОСА, 99–102). Подробности см. в продолжении настоящей статьи в следующем выпуске.

Две акцентные парадигмы глагола различаются в прусском (Дыбо 2011a), однако полноценному использованию прусского материала мешает его скудость.

2.3.2. Балто-славянские циркумфлектированные корни в литовском.

Реконструкция балто-славянских валентностей с циркумфлексом

Согласно акцентуации девербативов, литовские корни с балто-славянским циркумфлексом делятся на два класса. Ниже в списках приводятся праславянские соответствия литовским глаголам, которые показывают, что литовская дистрибуция имеет балто-славянское происхождение. Относительно акцентуации литовских образований на *-tuv-* см. (ОСА, 99–102). Детальный разбор материала см. в продолжении настоящей статьи.

2.3.2.1. Доминантные корни

1. Лит. *beŕti, bēria, bērė* (\Leftrightarrow *bėrti* OG281, Кр, Mlt) ‘сыпать’. На (+)корень указывает *ber•tuvė* (**bėrtuvė*) (1) J, *bertuvė* ($3^b < *1$) Skd, Kl, Šts, Nt, Žr, Lp, Ds \approx слав. *berǫ, *bēretь (*bьrǫti, *bьrǫlь) а. п. *b₂* (?) ‘рвать траву, собирать ягоды’ — Лит. *braũkti, -ia, -ė* ‘трепать, вытирать, совать’. На (+)корень указывают *braũktuvus* (1) Mlt, Švnč; *brauktuvė* ($3^b < *1$) Ds, Grg, Pls, Krkl, Klm, Pns, Švnč, Vm, Dglš; *brauktuvỹs* ($3b < *1$) Dov.

2. Лит. *bristi, brė̃nda (brė̃da, briū̃da), brido* ‘идти вброд’. На (+)корень указывает *brastà* (2; 4 < *2) ‘брод’ ≈ слав. *bredŏ (/ *brę̃dŏ), *brė̃det̃ (/ *brę̃det̃) (*brė̃stĩ) а. п. *b*₂
- Лит. *gim̃ti, gė̃ma (-sta, gė̃msta), gimė̃* [и *gim̃ti, -sta (-a; gė̃ma* Skr), *-ė̃*] ‘родиться’. На (+)корень указывают pl. *gim̃tuvės* (1) KI596; *gim̃tuvė̃* (3^b < *1) K; *gam̃tà* (2; 4 < *2) ‘природа’.
- Лит. *kiř̃sti, keř̃ta, kiř̃to* ‘рубить, жать’. На (+)корень указывает *kiř̃tuvė̃* (1) Paį.
- Лит. *liė̃ti, -ja (lė̃ja, lienà), -jo* ‘отливать (в форму)’. На (+)корень указывают *liė̃tuvas* (1) [K] ‘liejimo forma’; *liė̃tuvė̃* (3^b < *1) K ‘lydomasis indas, tirpyklė’.
3. Лит. *nė̃šti, nė̃ša, nė̃šė̃*. На (+)корень указывает *nař̃tà* (2; 4 < *2) ‘ноша’ ≈ слав. *nesŏ, *nė̃sete (*nė̃stĩ) а. п. *b*₂.
- Лит. *plàkti, plàka, plàkė̃* ‘бичевать, пороть, сечь’. На (+)корень указывают *plàktuvė̃* (1) Ktč, pl. *plàktuvės* (1) Grřl, *plaktuvė̃* (3^b < *1) Rs, Trg, Kv, Pvn, Erž.
- Лит. *praũ̃sti, -ia, -ė̃* ‘умывать, мыть’. На (+)корень указывают *praũ̃tuvė̃* (1) Pgg, *praustuvė̃* f. (3^b < *1) K, Jr̃b, Slnt, Kp, Km.
- Лит. *riė̃sti, riė̃čia (riė̃ta), riė̃tė̃* ‘выгибать; мотать’. На (+)корень указывает *riė̃stuvas* (1) KŽ.
- Лит. *riĩkti, reñ̃ka, -o* ‘собирать, выбирать’. На (+)корень указывает *rinktuvė̃* (3^b < 1).
- Лит. *riř̃ti, -a, -o (-ė̃)* ‘вязать’. На (+)корень указывает pl. *riř̃tuvaĩ* (4) KI658.
- Лит. *siaũ̃sti, siaũ̃čia* (атем. *siaũ̃sti*), *siaũ̃tė̃* ‘бить’. На (+)корень указывают *siaũ̃stuvas* (1) LKAII16 (Mřk, Přl, An); *siaũ̃stuvė̃* (1) NdŽ; *siaũ̃stvis* (1) LKAII16 (Jnř), *siaustuvė̃* (3^b < *1) DŽ, LKAII37 (Dt), Ln, Trs, Pl, Ldk, Ukm, Anč.
4. Лит. *siė̃ti, -ja (-na, sė̃ja, sina), -jo (-nė̃, sė̃jo, sinė̃)* ‘связывать’. На (+)корень указывают *siė̃tuva* (1) J, Brs, Grdm; *siė̃tuvas* m. (1) Ms; *sietuvà* (3^b < *1) Rtr, DŽ, NdŽ, Kv, ř̃v, Lkv, Ll, Kl̃p, ř̃ts, ř̃n, Gl, Gs, Srv, ř̃t, Sb, Alks, Ps, Km ≈ слав. *sě̃ть а. п. *b*.
5. Лит. *sik̃ti, -a, -o (-ė̃)* ‘крутить, свивать’. На (+)корень указывают *sik̃tuvas* (1) LKAII29 (Skd); *sik̃tuvė̃* (1) LKAII37 (Dov); *sik̃kuvis* (1) LKAII37 (Prk, Kv, ř̃v); *suk̃tuvė̃* f. (3^b < *1) NdŽ; *suk̃tuvỹs* (3^b < *1) LKAII41 (Lz), LKAII37 (Jdr), LKAII32 (Kv), LKAII43 (Vvr) ≈ слав. *sъkŏ, *sъčėt̃ь (*sъkãti) и *sucŏjŏ, *sũčjėt̃ь (*sъkãti) а. п. *b*₁.
6. Лит. *veř̃sti, veř̃čia, veř̃tė̃* ‘переворачивать, перевертывать’. На (+)корень указывают *veř̃stuvas* (1) LKAII06 (Kri, Př, Kair, Přř, Vad), *veř̃stuvė̃* (1) ř̃d, *vers̃tuvė̃* (3^b < *1) I, J.Jabl, K.Bũg, ř̃, BŽ328, DŽ, NdŽ, KŽ ≈ слав. *vьrtjŏ / *vьrtŏ, *vьrtiti / *vьrtět̃ь (*vьrtė̃ti / *vertĩ) а. п. *b*₂.
7. Лит. *vė̃žti, vė̃ža, vė̃žė̃* (переход в доминантный класс: *vař̃tà* (2; 4 < *2) ‘багаж’) ⇔ слав. *vė̃zŏ, *vezet̃ь (*vezĩ) а. п. *c*.

2.3.2.2. Рецессивные корни

- Лит. *baĩgti, -ia, -ė̃* ‘завершать, заканчивать’. На (-)корень указывают pl. *baigtuvai* (2) ř̃lv; pl. *baigtuvės* (2) Als, Pn, Srv.

1. Лит. *gaũbti*, *-ia*, *-ė* ‘гнуть; покрывать’. На (–)корень указывают *gaubtuvas* (2) BŽ616; pl. *gaubtuvės* (2) JR98, Grž ≈ слав. caus. *gũbjŏ*, **gubitiŭ* (**gubitiŭ*) а. п. с.
2. Лит. *kėpti*, *kėpa*, *kėpė* ‘печь’. На (–)корень указывают *keptivas* (2) GK1934,8, BŽ515, Š; *keptivė* (2) NdŽ, pl. *keptivės* (2) J.Jabl (Šd) ≈ слав. **pěkoŭ*, **pečetě* (**pektiŭ*) а. п. с.
— Лит. *leĩkti*, *-ia*, *-ė* ‘гнуть’. На (–)корень указывают *lenktivas* (2) Dbk, Ps, Ds, Vdšk, Rd и т. д., *lenktivė* (2) [K], Jnšk.
3. Лит. *mėsti*, *mėta*, *mėtė* ‘бросать’. На (–)корень указывает pl. *mestuvai* (2) J, Smn, Gl, Brž ≈ слав. **mětoŭ*, **mętetě* (**męstiŭ*) а. п. с.
4. Лит. *mirĩti*, *miršta* (диал. *mira*), *mirė* ‘умирать’. На (–)корень указывает pl. *mirtuvės* (2) Šts, Rd ‘поминки, похороны’ ≈ слав. **mьrŏ*, **мыгетě* (**merŭtiŭ*) а. п. с.
— Лит. *mũšti*, *-a*, *-ė* (–o) ‘бить’. На (–)корень указывают pl. *muštuvai* (2) Grk, Alk; *muštivas* (2) Yl, Kri; *muštivis* (2) Snt, Ptn; *muštivė* (2) Trgn.
— Лит. *pėšti*, *pėša*, *pėšė* ‘драть, рвать’. На (–)корень указывают *peštivas* (2) Akm; pl. *peštivės* (2) K, J, Ad.
— Лит. *skalĩbti*, *-ia*, *-ė* ‘мыть, стирать’. На (–)корень указывают *skalbtivas* (2); *skalbtivė* (2) Rtr, NdŽ 1.
5. Лит. *šviėsti*, *šviėčia* (*šviėta*), *šviėtė* ‘чистить’. На (–)корень указывают *šveistivas* (2) BŽ95, 233, Š, RŽ, DŽ, NdŽ, KŽ, Švnč; *šveistivis* m. (2) Sem; *šveistivė* (2) Skr ≈ слав. **svěť*, gen. **světa* а. п. с (Николаев 2012, 114–115).
— Лит. *veĩpti*, *-ia*, *-ė* ‘прясть’. На (–)корень указывают *verptivas* (2) [K], Š, Rtr, BŽ458, NdŽ; *verptivis* (2) KŽ; *verpiuvė* (2) OGL I290, DŽ, NdŽ.
6. Лит. *vėsti*, *vėda*, *vėdė* ‘вести’. На (–)корень указывают *vestivė* (2) Pls, Pns, Žž, Klvr, Kdn, Grz; pl. *vestivės* (2) J.Jabl, K.Bũg, Rtr, DŽ, NdŽ, KŽ ≈ слав. **vědoŭ*, **vedetě* (**vestiŭ*) а. п. с.
— Лит. *žėĩti*, *žėria*, *žėrė* ‘грести’. На (–)корень указывают *žertivas* (2) PolŽ168; *žertivė* (2) NdŽ, KŽ, Ut, Sv, Vj, Rš и др.

2.3.3. Позиции метатонии акут ⇒ циркумфлекс в литовском глаголе

В литовской глагольной парадигме — вернее, в диалектных вариантах глагольной парадигмы — (–)корни распознаются по метатонии акут ⇒ циркумфлекс, а также по рудиментам подвижности ударения в категориях, в которых генерализована его неподвижность.

2.3.3.1. *Балто-славянская метатония* *перед доминантными презентными суффиксами*

В литовском *m*-циркумфлекс богато представлен в парадигмах глаголов с *je*- и *st*-презенсами.

Балто-славянская метатония акут ⇒ циркумфлекс регулярно происходит в (–)корнях перед (+)суффиксами, в частности, перед презентными суффиксами *-уѣ- и *-нѣ-. В праславянском *-уѣ- образует оротонические

основы от доминантных и (-)корней с исходом на шумный суффикс: **metājt̥j*, **metjō*, **mētjēt̥* а. п. *b*₁ — ср. **mestj̄*, **mētō*, **metetj̄* а. п. *c*. В *je*-презенсах от корней с *p*-акутом обнаруживается закономерный *m*-циркумфлекс: **sēžjēt̥*, **strūžjēt̥*, **tēžjēt̥*, **vēžjēt̥* а. п. *b*₁, также **māšjēt̥*, **pāšjēt̥* от (-)корней **meh*₂-, **peh*₂- с *s*-расширением. Суффикс *-*ne-* также является (первично)доминантным: слав. **tō(p)nejt̥* а. п. *b*₁ — ср. **torip̄t̥* а. п. *c*. В *ne*-презенсах от (-)корней с акутом происходит метатония: **tēgnēt̥*, **vēznēt̥*, **sēgnēt̥*.

Исконная валентность восточнобалтийского суффикса *-sta-* (восходящего то ли к перфектному окончанию *-*sth*₂, то ли к форме на *-*s-to* сигматического аориста) неизвестна, можно высказать гипотезу о его (+)валентности.

Восточнобалтийский презентный инфикс *-n-*, как правило, оформляет корни с циркумфлексом. В образованиях от акутированных корней он встречается в основах с *m*-циркумфлексом, при этом в инфинитивно-претеритной основе обычно «восстанавливается» гиперкорректный краткий гласный: *slisti*, *slīnda*, *slīdo* ⇐ *sl̄ysti*, *slēnda* [вместо **slīnda*], *sl̄ydo* ⇐ *sl̄ysti*, *sl̄ysta*, *sl̄ydo*. Презенсы типа *sl̄ysta* и **sl̄ysta*, как правило, восходят к *st*-презенсу, скомбинированному с носовым инфиксом (**sl̄ista* или **sl̄jsta*); этот тип презенса характерен и для латышского. По-видимому, восточнобалтийские презенсы с *n*-инфиксом образовывались от акутированных корней столь же регулярно, как от циркумфлектированных, и лишь потом долгосложные *n*-формы присоединяли суффикс *-st-*. Презенсом алломорфа с акутом был «**sl̄ista*» и презенсами от алломорфа с циркумфлексом — «*slīnda*» и «*sl̄jsta*». Судя по *slīnda*, в восточнобалтийских *n*-презенсах был обобщен *m*-циркумфлекс, тогда как в соответствующих славянских образованиях — *m*-акут: **sĕd-*, **bōd-*, **vŷk-* < **ū-n-k-* и т. п. (§ 2.1.1). Как и праславянский, правосточнобалтийский *n*-инфикс является доминантной морфемой, так как презенсы с ним имеют неподвижную а. п. в литовском.

Метатония обычна в литовском инфинитиве (и в *é-* и *o-*претеритах) в тех случаях, когда она есть презенсе, но в этом случае она может объясняться распространением интонации презенса на всю парадигму¹⁰².

В балто-славянской парадигме переходных глаголов с первоначальным *p*-акутом в корне, включавшей тематический и *j*-презены и непере-

¹⁰² «Пралитовский» инфинитивный суффикс *-*tie* имел интонацию *p*-акута — ср. его поведение как формы-энклиномена в сочетании в возвратной частицей **sie*. Однако в ряде латышских говоров в инфинитивах обнаруживается плавная интонация, противопоставленная прерывистой в презенсе: inf. *duōt*, praes. *duōdu* Dond., Līn., Tg. и др. Плавная интонация соответствует «старому акуту» в слав. **dāti* и в прочих инфинитивах от (-)корней, т. е. восходит к *m*-акуту и заставляет реконструировать формант *-*tie* с *ð*-акутом. Видимо, славянский и латышский инфинитивы восходят к локативу с и.-е. *-*tēu*, тогда как литовский — к дативу с и.-е. *-*teī* («греко-литовский» контракционный циркумфлекс).

ходные пары с нулевой ступенью аблаута (у которых презенс образовывался аффиксами *-n-* и *-st-*), чередовались *p*-акут и *m*-циркумфлекс, но рефлексы *m*-акута (лтш. плавная интонация) практически отсутствуют.

2.3.3.2. Отсутствие метатонии в тематическом презенсе

Метатония акут \Rightarrow циркумфлекс не происходила в формах балто-славянского тематического презенса, образуемого рецессивной темой **-e-/*-o-*. В праславянском метатония акут \Rightarrow циркумфлекс в тематическом презенсе не отмечена. Из приводимого ниже списка литовских глаголов видно, что стабильный акут в тематическом презенсе соответствует *m*-циркумфлексу в параллельных *je-* и *st-*презенсах и итеративах: *ráuga* \Leftrightarrow *rũgsta*; *sópa* \Leftrightarrow *sõpsta*; *spinda* \Leftrightarrow *spĩsta*; *dũlka* \Leftrightarrow *dũlkia*; *spirga* \Leftrightarrow *spĩrgsta*; *virpa* \Leftrightarrow *viĩrpa*; *bilda* \Leftrightarrow *beĩdžia*; *gnýba* \Leftrightarrow *gnýbia*; *grũda* \Leftrightarrow iter. *graũdo*; *mýga* \Leftrightarrow *miẽgia*; *skieda* \Leftrightarrow *skiẽdžia*; *spẽnda* \Leftrightarrow *speĩndžia*; *sprẽnda* \Leftrightarrow *spreĩndžia*; *spinga* \Leftrightarrow *speĩgia*; *mirga* \Leftrightarrow *maĩrgsta*.

В глаголах с возможным *p*-акутом: *sẽda* и формы подвижной а. п. *sẽdaũs*, *sẽdõs*, *sẽdomẽš* и т. д. — лтш. *sẽst*; *smirda* и part. **smirdĩš* DP (подвижная а. п.) — лтш. *smĩrdẽt*; *áuga* — лтш. *aũgt*; *dirba* — лтш. *diĩrbt*; *kópa* — лтш. *kãpt*; *ráuda* — лтш. *raũdãt*, *raũdu*; *žinda* — лтш. *zĩst*.

Метатония в тематических презенсах редка и может быть объяснена аналогией с другими формами парадигмы: *trẽnda* (в парадигме *trẽndẽti*, *trẽnda*, *-ẽjo*) наряду с *traĩnda* (в парадигме *traĩndẽti*, *traĩnda*, *-ẽja*); *rieda* наряду с *riẽda* в парадигме *riedẽti*, *riẽda/rieda*, *-ẽjo*; *seĩga* — в последнем глаголе метатония проведена по всей парадигме. Метатония в парадигме *sẽsti*, *sẽda* приведена только Ф. Куршатом: inf. *sẽstis*, *pasisẽsti*, *sẽskis*.

Метатония не отмечается также в тематических глаголах с экспрессивным значением с инфинитивно-претеритной *ẽ*-основой. В этом классе глаголов, по-видимому, обобщена подвижная а. п., первоначально принадлежавшая (–)корням: *burgẽti*, *bũrga*, *-ẽjo* ‘бурлить’; *gĩrgẽti*, *gĩrga*, *-ẽjo* ‘скрипеть’; *gurgẽti*, *gũrga*, *-ẽjo* ‘журчать’; *kĩrbẽti*, *kĩrba*, *-ẽjo* ‘кишеть’; *pauškẽti*, *páuška*, *-ẽjo* ‘трещать, хлопать’; *poškẽti*, *póška*, *-ẽjo* ‘стучать’; *tauškẽti*, *táuška*, *-ẽjo* ‘болтать, трещать, стучать’ и др. В праславянском подобные *ẽ-/i-* глаголы (бывшие *ẽ-/e-* глаголы¹⁰³), напротив, обобщили неподвижную а. п. *b₂* (АССЯ, 32–33).

2.3.3.3. Чередования интонаций в атематическом презенсе

В литовском атематическом спряжении представлена колонная бари-
тоне́за, по-видимому, состоящая из ортотонических форм с *m*-акутом:

¹⁰³ Глаголы с *ẽ-/e-*, *a-/e-* основами как конъюгационные типы сохраняются в юго-западных украинских говорах: *зудіти*, *зуде́*; *хроніти*, *хроне́*; *пóззати*, *пóззе́*; *па́дати*, *паде́* и т. д. (МКЭ).

ěsti/ěsta (ĕdma); *dáužti*; *gíesti* (gíema); *griáuusti*; *léidmi*; *ráusti*; *ráugti*; *sěsti*; *smírsti*; *sópti*; (*svíema*); (*triéma*); *kliēsti*; *dilgsti*¹⁰⁴. В отличие от праславянских (кроме 2 sg.), литовские атематические окончания ед. ч. восходят к медиальным *-mh₂e-i, -sh₂e-i, *-th₂e-i, перед которыми появление *м*-акута закономерно. При этом в парадигмах (–)корней, включающих атематический и другие презенсы, наряду с *м*-акутом были также *р*-акут и *м*-циркумфлекс — это следует из латышского чередования трех интонаций.

Славянская парадигма атематического презенса от (–)корней с акутом теоретически может быть реконструирована тремя способами.

1) С (+)окончаниями (кроме *-s_i) и чередованием *м*-циркумфлекса, *м*-акута и форм с *р*-акутом в безударном корне: *dām_ṽ, *dās_i, *dāst_ṽ, *dāmV_ṽ, *dāst_ṽ, *dādōt_ṽ, *dāv_ṽ, *dāst_ṽ, *dāst_ṽ. Однако в тематическом спряжении краткостные окончания *-t_i, *-mV, *-te и т. д. вторичнодоминантны — см. § 1.3 и примечание 3 к табл. 5. Из этой реконструкции (с учетом правостороннего дрейфа иктуса) выводится др.-русс. парадигма *дамь*, *даси́* (аналогическая окситонеза), *дасть*, *дамы́*, *дастé*, *дадять* и т. д.

2) С (±)окончаниями и закономерным *м*-акутом в корне: *dām_ṽ, *dās_i, *dāst_ṽ, *dāmV_ṽ, *dāst_ṽ, *dādōt_ṽ, *dāv_ṽ, *dāst_ṽ, *dāst_ṽ. Эта реконструкция, которую нельзя считать удачной, подразумевает последующую замену почти всех баритонированных форм на окситонированные, а «старый акут» на неоакут, иными словами — заимствование акцентной кривой циркумфлектированных корней: *даси́*, *дамы́*, *дастé* как *еси́*, *есмы́*, *естé*.

3) С (±)окончаниями и допущением, что окончания не вызывали метатонию в корне: *dām_ṽ, *dās_i, *dāst_ṽ и т. д. В этом случае нарушается общий принцип системы, в которой как (+)суффиксы, так и (±)суффиксы вызывают метатонию в предшествующей акутированной морфеме.

2.3.3.4. Метатония акут ⇒ циркумфлекс в \bar{i} -/ \bar{a} -итеративах

Метатония в литовском представлена в итеративных глаголах с \bar{i} -/ \bar{a} -основой: *daigýti*, *daigo*, *daigė*.

Судя по праславянскому, итеративный суффикс *- \bar{i} - был доминантным. Славянские *i*-итеративы имеют а. п. *a* (акутированные) или *b*₁ (циркумфлектированные)¹⁰⁵ независимо от валентности корня (Дыбо 1981, 259): *vozít_i, *vōzít_i а. п. *b*₁ от *vezít_i, *vezet_ṽ а. п. *c*; *volčít_i, *vōlčít_i а. п. *b*₁ от *velkt_i, *vylčet_ṽ а. п. *c*. Итеративы от (+)корней с акутом имеют а. п. *a*: *lázit_i, *lāzít_i; *pólziti, *pólzít_i. От (–)корней с акутом образуются ите-

¹⁰⁴ Исключения *seřgsta* и *širšti* — от глаголов, в которых метатония проведена по всей парадигме.

¹⁰⁵ Славянские деноминативы и каузативы образуются с помощью квазиомонического рецессивного \bar{i} -суффикса, эти формы от (+)корней имеют а. п. *a* или *b*₂.

ративы с *м*-циркумфлексом: **davíti*, **dāvity*; **travíti*, **trāvity*¹⁰⁶; **vabíti*, **vābity* а. п. *b*₁. Первичная доминантность реконструируется также и для итеративного **-ā*¹⁰⁷. Что касается правосточнобалтийского, то в нем соотносимые со славянскими итеративы имеют смешанную *ī*-/*ā*-парадигму, которая в славянском соответствует двум морфологическим классам итеративов: **vožíti*, **vōžity* и **grābati*, **grābajety*.

Латышский не дает возможность определить валентность обоих итеративных суффиксов, так как чередование «прерывистая интонация *i*-суффикса в инфинитиве и презенсе (*sklaidīt* и *plaisītiēs*) ↔ плавная интонация в претерите (*sklaidīju*)» свойственна и другим конъюгационным классам производных глаголов и, во-видимому, является генерализованной. В латышских итеративах интонация корней с акутом в основном выравнивалась по производящему глаголу, в результате мы имеем *sklaidīt* от *skliēst* (доминантный корень) и *plaisītiēs* от *plēst* (рецессивный корень). Однако в некоторых случаях итератив сохраняет плавную интонацию, замененную прерывистой в производящем глаголе. В диалектных итеративах отмечена также метатония, аналогичная литовской: *plāītīt* ‘ausbreiten’, *slaucīt* ‘fegen’ (Endzelin 1923, 30; 639).

Литовские глаголы с акутированными корнями имеют итеративы с колонным акутом, формально образованные от (+)корней: *grāizyti*, *grāizo*, *grāizė* (= лтш. *graizyti*), и итеративы типа *graudyti*, *grāudo*, *grāudė* с *м*-циркумфлексом, по-видимому, образуемые только от (–)корней (по крайней мере «пралитовских»). В литовском утрачена парадигма вида **graudyti*, **grāudo*, **grāudė* с *p*-акутом, которая была бы тождественна латышскому типу *plaisītuōs*. По-видимому, такие итеративы были заменены на тип *grāizyti*, *-o*, *-ė*, вследствие этого итеративы с колонным акутом нерелевантны для реконструкции валентности корня. Правосточнобалтийская парадигма итеративов от (–)корней включала формы с *p*-акутом и с *м*-циркумфлексом — соотношение, аналогичное тому, что мы находим в парадигме глаголов с *j*- и *st*-презенсами.

¹⁰⁶ В каузативах от аналогичных алломорфов (–)корней представлены славянские рефлексy *p*- или *м*-акутов: **plāviti* а. п. *a* (от **plovětŭ* а. п. *c*), **slāviti* а. п. *a* (от **slovětŭ* а. п. *c*), с одной стороны, и **varitŭ* а. п. *c* (**vyrētŭ* а. п. *c*), **valitŭ* а. п. *c* (рп. лтш. *vēlti*) — с другой.

¹⁰⁷ В старотырновских и вообще в староболгарских памятниках восточной локализации имперфективы на *-ja-* имеют накоренное ударение, будучи производными от *i*-глаголов а. п. *a* и *b*, и насуффиксальное, будучи производными от *i*-глаголов а. п. *c* (ОСА, 251–252). В прочих славянских языках (в связи с правосторонним дрейфом неоакута) итеративы, производные от *i*-глаголов а. п. *a*, имеют накоренное, производные от *i*-глаголов а. п. *b* и *c* — насуффиксальное ударение.

2.3.4. Акутированные корни с шумным ауслаутом в литовском.
Реконструкция балто-славянских валентностей
акутированных корней с шумным ауслаутом

Ниже восточнобалтийские глаголы разбиты на две условные группы — 1) непереходные и аффективные глаголы, 2) переходные.

Непереходные и аффективные глаголы — группа, включающая большинство глаголов с восточнобалтийскими атематическим и тематическим презенсами. Эти же глаголы могут образовывать другие типы презенсов. В эту группу входят глаголы с необязательным объектом ('есть, пить'), глаголы движения ('идти', 'моргать'), глаголы звукопроизводства, стати-вы ('дремать') и инхоативы ('вянуть'), а также аффективные глаголы — нейтральные ('видеть, нюхать, слышать') и бене-/малефактивные ('любить, спасать, стеречь, ругать, ненавидеть'). Выделение этой группы полезно для анализа рефлексов (-)корней, так как в ней наблюдается чередование трех интонаций — *p*-акута, *m*-акута и *m*-циркумфлекса.

Другая группа включает переходные глаголы с обязательным объектом действия. Многие из них образуют две парные восточнобалтийские парадигмы — с переходным (активным) значением (*j*-презенс, *é-/jo*-пре-терит) и с непереходным (пассивным) значением (*st-/n*-презенс, *o*-пре-терит). Лишь для немногих глаголов этой группы предпочтительна реконструкция восточнобалтийского тематического и даже атематического презенса. У глаголов, относящихся к «переходным», в рефлексах наблюдаются только две интонации — *p*-акут и *m*-циркумфлекс. Иначе говоря, в парадигме переходных глаголов не было позиций для возникновения *m*-акута, или эти позиции были очень редки.

2.3.4.1. *Доминантные корни*

В литовских глаголах с балто-славянскими (+)корнями как правило нет *m*-циркумфлекса — формы с ним могут считаться литовской инновацией (перевод корня в «пралитовский» рецессивный класс, диалектные aberrации и т. д.). Признаки подвижной а. п. (лит. парадигмы типа *sergėti*, *sėrgi*; лтш. прерывистая интонация) также вторичны — они, как правило, сосуществуют с регулярными баритонированными формами. Об условном обозначении «а. п. *a* > *b*₂» в праславянском см. § 2.1.1.1.2.

2.3.4.1.1. *Непереходные и аффективные глаголы*

1. Лит. *bėgti*, *bėga*, -o 'бежать' [↔ лтш. *bėgt*, *bėgu*, *bėgu*/*bėdzu* 'fliehen'] ≈ слав. *bęgo, *bęžitъ (*bęžati)¹⁰⁸ а. п. *a* > *b*₂¹⁰⁹; *bęgnoti, *bęgnety, aor. *bęže а. п. *a*.

¹⁰⁸ Восходит к балто-слав. парадигме *bęgtei/*bęgētei, *bęge(ti), *bęge(t)/*bęgē(t).

¹⁰⁹ Колонная окситонеза реконструируется по карпатоукраинским и западно-болгарским данным. Вост.-ляшк. *bęžeć* с рефлексом краткости, возможно, восходит к *bęžati а. п. *a* (АССЯ, 39).

2. ? Лит. *brĩnkti*, *-sta*, *-o* [⇔ *brĩnkti* (Tvr, Jrb, Lp, Ml, Arm)] ‘набухать’ ⇔ слав. *bręknę, *bręknęть (*bręknęti) а. п. а. Поскольку в праславянском нет метатонии, вероятнее предположить правосточнобалтийский (или даже «пралитовский») перевод корня из доминантных в рецессивные.
3. ? Лит. *ęsti*, *ęda* (атем. *ęsti*, *ęsta*, *ęma* Lz, *ędma*, *ędę* (*ędo*) ‘есть’ [⇔ part. *ędęs* DP (подвижная а. п. глагола) (Дыбо 2011а) [⇔ лтш. *ęst*, *ędu* (и производный от атем. *ęmu*), *ędu* ‘essen’] ≈ слав. *ędmъ, *ęсть (*ędти) а. п. а (?). Рефлексы *д*-акута в славянских производных *ęsla, *ęslo, *ęslъ (pl. *ęsli), *ędlo, *ędja, *ędivo а. п. а, *ędъкъ а. п. а (/с) [⇔ *ędā, асс. *ędo а. п. б с м-циркумфлексом (?)]. И.-е. *h₁ed-/*h₁od- > балто-слав. *ęd-/*ād- с удлинением по закону Винтера.
4. Лит. *gęlbęti*, *-ęja* (*-a*, *-i*, *-ia*; атем. *gęlbti*, *-sta*, *-sti*), *-ęjo* (*-ę*) [⇔ вторично *gęlbęti*, *-ęja*, *-ęjo* J] ‘помогать, спасать’ ≈ прусск. *gālbimai ‘[wir] helfen’ неподвижной а. п. (Дыбо 2011а).
5. ? Лит. *griāusti*, *griāudžia* (атем. *griāusti*; *griāuna*), *griāudę* (J, Grz, Švnč, Kp, Lš, Š, Sml ‘гремять’ [⇔ *griāusti*, *griāudžia*, *griāudę* (Sb, Slm, Rk, Vžns, Sdk, Užp, Tr, Kp) ‘будоражить’; iter. *graudyti*, *graudio*, *graudę*] ≈ лтш. *grāust*, *grāūzu*, *grāūdu* (ē) Bl., Dunika ‘poltern, donnern’. По-видимому, переход глагола в (-)класс в литовском.
6. ? Лит. *kąsti*, *kānda*, *kāndo* ‘кусать(ся)’ ≈ лтш. iter. *kuōdīt* Līn. [⇔ *kuōst*, *kuōžu*, *kuōdu* ‘beisen; iter. *kuōdīt*].
7. Лит. *klęnkti*, *-ia*, *-ę* ‘с трудом идти’ ≈ слав. *klęknę, *klęknęть (*klęknęti) а. п. а.
8. Лит. *kōsęti*, *-i* (атем. *kōsti*; *kōsa*, *kōso*, *kōsta*, *-ęja*), *-ęjo* (*-ę*) К ‘кашлять’ ≈ слав. *kāslję, *kāsljęть (*kāsljati) а. п. а. Ср. *д*-акут в лтш. *kāsus*, *kāsa*, *kāsis* ‘кашель’.
9. Лит. *męgti*, *-sta* (*-ia*, атем. *męgti* DP100, K), *-o* ‘любить’ ≈ лтш. *męgt*, *mędz*, *mędza* Lautb., Gr.-Essern, Wandsen, Selg., Kand. [⇔ *męgt* Wolm., Bers. ‘vermögen, taugen’].
10. Лит. *nōkti*, *-ia* (*-sta*, *-a*), *-ę* (*-o*) ‘идти следом’; *nōkti*, *-sta*, *-o* ‘поспевать’ ≈ лтш. *nākt*, *nāku*, *nācu* [⇔ *nākt* (prs. *nācu*) Auleja] ‘kommen’.
11. Лит. *pęrsti*, *pęrdžia*, *pęrdę* К ‘fурzen’ ≈ [⇔ лтш. *pīrst*, *pęrdu*, *pīrdu* (ā) ‘fурzen’] ≈ слав. *pъrdęti, *pъrdję, *pъrditi а. п. а > b₂.
12. ? Лит. *rūpęti*, *rūpi* (*rūpia* Ob, Ag, *rūpa* Krš), *-ęjo* ‘заботить’ (безличн.) ⇔ лтш. *rūpēt*, *rūp*, *rūpęja* Bl. ‘Sorge machen, bekümmern’. Учитывая тенденцию перехода (+)корней в рецессивный класс, можно предположить, что старая валентность сохранена в латышском.
13. Лит. *sęrgęti*, *-i* (*-ia* Vlkš, *-a* Dk), атем. *sęrgti* KBII165, *sęrgsti* LD350, Snn, Lp, Aln, Sv, Lkm, *-sta* ž., *-ęja* Švnč), *-ęjo* K, Rtr, DŽ; на неподвижную а. п. указывает ст.-лит. part. *sęrgas DP (Дыбо 2011б, 151) [⇔ *sęrgęti* DP237, VzBkXXI206] ‘стеречь’ ≈ слав. *stergę, *steržęть (*stęrgti) а. п. а > b₂. Ср. квазиомоним лит. атем. *sęrgsta* ‘болеть’ с м-циркумфлексом.
14. Лит. *snāusti*, *snāudžia*, *snāudę* ‘дремать’ + *snūsti*, *-ta* (атем. *snūsti*), *snūdo* K, Rtr, Š, BŽ128, DŽ, NdŽ, KŽ ‘задремать’ ≈ лтш. *snaūst*, *snaūzu*, *snaūdu* ‘schlummern, schlafen’.

15. Лтш. *slābt, slābstu, slābu* ‘schlaff werden, zusammenfallen (vom Körper, von einem Geschwür)’ ≈ слав. *slābnq, *slābnеть (slābnqti) а. п. а; ср. *slābь а. п. а.
16. ? Лит. *smūrgti, -sta, -o* Š, BŽ598, NdŽ [↔ *smūrgti* (Jnšk, Trgn, DŽ¹, Up, Krs, J)] ↔ слав. *smǫrčĭjo, *smǫrčĭjetь (*smǫrčĭkati) а. п. а, а также лтш. *smūrga* ‘Schmutz’ указывают на (+)корень, тогда как лит. *smūrgas* (3) ‘сopли’ — на (-)корень. Можно предположить вторичный переход корня в (-)класс в литовском.
17. ? Лит. *sprōgti, -sta, -o* K, Š, DŽ, NdŽ ‘лопаться; распускаться (о почках)’ ≈ [лтш. *sprāgt, sprāgstu, sprāgu* ‘platzen’] ≈ слав. *prāgnq, *prāgnеть (*prāgnqti); саус. *prāžĭjo, *prāžĭtĭ (*prāžĭti) а. п. а. Однако в другой ступени аблаута и с *s*-mobile лит. *spīrgti, -sta, -o* Š, Rtr, NdŽ, FrnW; *spīrgēti, spīrga, -ėjo* ↔ *spīřgti, -sta, -o* NdŽ, FrnW ‘жариться’, где форма с *м*-циркумфлексом указывает на (-)корень.
18. Лит. *stūgti, -sta, -o* K, NdŽ, KlбXIV133 ‘торчать’ ≈ слав. *stŭdnq, *stŭdnеть (*stŭdnqti) а. п. а. В литовском и славянском разные корневые расширения, ср. греч. στŭμα ‘priapism’ (Aesch.).
19. Лит. *vėizdėti, -i, -ėjo* DP533, DrskŽ, *vėizdi* (*vėizdžia, vėizčia, vėiza* Lš, атем. *vėizti* DV; *vėima, vėina* [↔ *veizdėti, -ėjo* K, LD351] + *vŭysti, -ta* (*vŭda, vŭdo*; ст.-лит. part. **pavŭdĭs* DP ‘видеть’ (неподвижная а. п. ↔ вторичная подвижность в part. **veizdĭs*) (Дыбо 2011б, 150, 154)¹¹⁰ ≈ слав. *vĭdĭjo, *vĭdĭtĭ (*vĭdĭti) а. п. а.
20. Лит. *vėldėti, -i* (-а KŽ, -ėja Rtr); *vėldžia* MT204, -ėjo Š, P.Skar, NdŽ, KŽ; KIM132; на неподвижную а. п. указывает ст.-лит. part. **vėldamas, -a* DP (Дыбо 2011б, 152) [↔ *vėldėti, vėldi* (*vėlda* [K], NdŽ, KŽ, -ėja NdŽ; -ėjo J, K.Bŭg, NdŽ) ‘владеть’ ≈ слав. *vŏldq, *vŏldеть (*vŏldĭti [вторично *voldĭti]) а. п. а.
21. Лит. *vėsti, -sta, vėdo* (*vėsti, vėdzia, vėdē* SD301,356, N) и *vėsti, -ta, -o* K, Š, FrnW, DrskŽ ‘остывать’ ≈ без корневого расширения: слав. *vĕjĭjo, *vĕjĭjetь (*vĕjĭja)ti, *vĕjĭja)ь а. п. а.
22. ? Лит. *žiedėti, -ėja* (*žiedi*, атем. *žiesti*), -ėjo K, Rtr, Š, DŽ, FrnW, NdŽ, Sr, KŽ, Plk, Rd, Slnt, *žiedėti, -ėja, -ėjo* Š, RŽ, DrskŽ, Jrb, L [↔ *žydzėti, žydi* (*žydzia, žysti, žydi*), -ėjo KBIII166, KI175,249, KGr330, FrnW) ‘цвести’ [↔ лтш. *ziēdēt, ziēdu/ziēzu* ‘Blüten treiben, blühen’]. О доминантности корня предположительно свидетельствует отсутствие форм с *м*-циркумфлексом и баритонеза лит. *žiedėti*.

2.3.4.1.2. Переходные глаголы

23. Лит. *brōžti, -ia, -ė* ‘вытирать, стирать’ + *brēžti, -ia, -ė* ‘резать’ ≈ лтш. *brāzt, brāžu, brāzu* Bl., Bāchhof, Grünwald [↔ *brāzt* Kr., Kl., Salisb. и т. д.] ‘brausen, toben; streifen, schleudern’.

¹¹⁰ Метатония отмечена только в субституте атем. праes. *vŭta* (место фиксации в LKŽ не указано).

24. Лит. *drōžti*, *-ia*, *-ė* ‘строгать’ ≈ лтш. *drāzt*, *drāžu*, *drāžu* ‘schnitzen; prügeln, schelten’ Wolm., PS., C., Jürg., Nigr., AP., Iw., Dunika, OB., Salisb., Siuxt, Orellen [⇔ *drāzt* C., Dond., Selg.].
25. Лит. *glōšti*, *glōdžia*, *glōdė* К. Būg ‘гладить’ ≈ слав. *glādĭjŏ, glāditi (*glāditi); ср. *glāďькъ а. п. а (Дыбо 2000, 171).
26. Лит. *gniáužti*, *-ia*, *-ė* ‘стискивать; сжимать’¹¹¹ ≈ лтш. *gnaūzt* Dond. ‘(jemand) bözen Leumund machen’; iter. *gnāuzīt* Nigr.
27. Лит. *gōžti*, *-ia*, *-ė* ‘рушить’ [⇔ лтш. *gāzt*, *gāžu*, *gāžu* ‘giessen, umstürzen’; iter. *gāzīt*, *-u*] ≈ слав. *gāzĭjŏ, *gāziti (*gāziti)¹¹² а. п. а.
28. ? Лит. *grōbtī*, *-ia*, *-ė* ‘хватать; похищать’ [⇔ форма подвижной а. п. 2 sg. *grobī* Lel]; *grēbtī*, *-ia* (*grēbia* Al), *-ė* ‘сгребать’ [⇔ *grēbtī* (Slm, Sn)] [⇔ лтш. *grābt*, *grābju*, *grābu* ‘greifen’] ≈ слав. *grābĭjŏ, *grābiti (*grābīti) а. п. а. Доминантен также корень без удлинения: слав. *grebŏ, *grēbьti (*grebīti) а. п. b₂.
29. Лит. *grāužti*, *-ia*, *-ė* К, DŽ ‘грызть, глодать’ ≈ лтш. iter. *graužīt* Līn. ‘knabbern’ [⇔ *graužt*, *graužu*, *graužu* ‘nagen’] ≈ слав. *gryzŏ, *gryzetь (*grŭziti) а. п. а > b₂.
30. ? Лит. *grēmžti*, *-ia*, *-ė* К ‘скоблить, скрести’, iter. *grāmžyti*, *-o*, *-ė* ≈ лтш. *gremžt*, *gremžu*, *gremzu* L., St., U., Wandsen ‘nagen, beissen’ [⇔ *grēmžties* Trik.].
31. ? Лит. *griežti*, *-ia*, *-ė* umreissen, kreisförmig einschneiden, quer durchschneiden, plagen, schikanieren, aufsässig sein, (auf Instrument) spielen, schreiben (vom Wachtelkönig) [⇔ *griēžti* (Slm, Kp, Vs, Lp, Arm, Lš, Bsg); iter. *graižyti*, *graižo*, *graižė* J, Š ≈ лтш. *griēzt*, *griežu*, *griežu* Katzd., Ladenhof, Wainsel; iter. *graižīt* Nigr. [⇔ *griēzt* ‘schneiden’; iter. *graižīt*, *-u*]. Судя по латышской плавной интонации, надо предполагать вторичный переход корня в (–)класс в литовском (ср. аналогичную ситуацию с синонимичным корнем под *rēžti*).
32. ? Лит. *jāugti*, *-ia*, *-ė* Š, NdŽ ‘надевать ярмо’ + *jūngti*, *-ia*, *-ė* ‘соединять’; iter. *jūngyti*, *-o*, *-ė* Š [⇔ лтш. *jūgt*, *jūdzu*, *jūdzu* ‘(ins Joch) spannen’]. Ср. лит. *jūngas* (1 > 3), слав. *ĭgo, gen. *ĭžese — а. п. а этой *es*-основы (балто-слав. *yūngos, gen. *yūnges-es) указывает на доминантность балто-слав. основы с носовым инфиксом *jū-n-g-.
33. ? Лит. *jūosti*, *-ia*, *-ė* К [⇔ *juōsti* (Slm, Kp, J) ‘опоясывать’] [⇔ лтш. *juōzt*, *juōžu*, *juōžu* ‘gürten’] ⇔ слав. *po-jāsĭjŏ, *-jāsĭjetь (*-jāsati) а. п. а. По-видимому, следует считать первичной славянскую (+валентность корня).
34. ? [Лит. *jēgti*, *-ia*, *-ė* К (J.Jabl, Š, Jrb, PG276, Vdžg, Bgs, Ds, FT, JD1435, Plv, J, Vlkv) ‘быть в состоянии, мочь’] ≈ лтш. *jēgt*, *jēdzu*, *jēdzu* ⇔ *jēgt* N.-Peb., Ramkau ‘verstehen, begreifen’. Латышская плавная интонация указы-

¹¹¹ Вторична огласовка в *gniūžti*, *gniūžta*, *-o* ‘сжиматься, пригибаться’, с *gniūžta* < *gniūžta*. Эта парадигма — субститут **gniūžti*, *gniūž(s)ta*, **gniūžo*.

¹¹² Слвн. *gāziti*, *gāzim*; срб.-хрв. *gāziti*, *gāzim* и т. д.

- вает на доминантность корня, с этим согласуется баритонеза греч. ἦβη, ἄβᾱ ‘strength and vigour of youth; youthful prime’, поэтому можно считать вост.-балт. доминантный вариант корня первичным. Судя по лит. *jėgti* и лтш. *jėgt*, существовал и вост.-балт. рецессивный вариант корня.
35. Лит. *kóšti*, -ia, -ė К ‘педить’ ≈ лтш. *kāst*, *kāšu*, *kāsu* (ē) AP., Frauenb., Iw. и т. д. [↔ *kāst* Trik., Wolm., N.-Wohlfahrt] ‘sehen’. Латышский рефлекс *м*-циркумфлекса неясного происхождения.
36. Лит. *mérkti*, -ia, -ė К ‘жмурить; макать’ ≈ слав. *mьrkno, *mьrknetь (*mьrknoṭi) а. п. а.
37. ? Лит. *laužti*, -ia, -ė К ‘ломать’ + *lūžti*, -ta, -o К ‘ломаться’ ≈ лтш. iter. *laužīt* Tr., Dond., Wandsen, Līn., Nigr., Gr.-Essern [↔ *laužt*, *laužu*, *lauzu* ‘brechen (tr.)’ + *lūzt*, *lūstu*, *lūzu* (ā) ‘brechen (intr.)’; iter. *laužīt*]. Не исключено, что корень стал доминантным в балто-славянском из-за распространения *м*-акута на всю глагольную парадигму, а *р*-акут сохранился в девербативе: лит. *laužas* (3), лтш. *laužs*.
38. Лит. *mėžti*, -ia, -ė ‘унавоживать’ [↔ лтш. *mėžt*, *mėžu*, *mėzu* (ē) ‘den Mist fortschaffen, misten; fegen’] ≈ слав. *māzjo, *māzjetь (*māzati) а. п. а.
39. ? Лит. *milžti*, *mėlžtia* (*mėlža*), -o; *mėlžti*, -ia, -ė ‘доить’; iter. *málžyti*, -o, -ė [↔ лтш. *milzt*, *mėlžu*, *milzu* (ā) + *milzt*, *milstu*, *milzu* (ā) ‘schwellen, schwären’]. Ср. слав. *mēlživo а. п. а, которое указывает на доминантность корня: *ivo- (-)суффикс, и *м*-акут здесь был бы нерегулярен.
40. ? Лит. iter. *minkyti*, -o, -ė ‘мять, месить’ [↔ лтш. *mikt* C., *miksu*, *miku* ‘weich werden’] ≈ слав. *mękno, *męknetь (męknetь) а. п. а (однако прилагательное *mękькь а. п. с — вторичная подвижность?).
41. ? Лит. *sklēisti*, *sklēidžia*, *sklēide* Š ‘расправлять, распростирать’; *klēisti*, -džia, -dė (-do) ‘расточать, растрчивать’; *klīdėti*, -i (-ėja Lnkv), -ėjo RŽ, BŽ27,104, Sb и *klīdėti*, *klīdi* (*klīda*, атем. *klīesti*), -ėjo J, J.Jabl ‘бредить’ + *klýsti*, -ta, *klýdo* ‘заблудиться’; *sklýsti*, -ta, *sklýdo* ↔ *sklēisti*, *sklēidžia* (*sklēičia*), *sklēidė* (*sklēitė*?) + *sklisti*, *skliñda*, *sklido*¹¹³ Š ‘распространяться; заблудиться’ ≈ лтш. *skliēst*, *skliežu*, *skliedu* ‘ausbreiten, umblättern’; *klīēst*, *kliežu*, *klīedu* ‘schlagen’; iter. *sklaiđīt* [↔ вторично *klīēst* Kг.] ‘ausbreiten, ausstreuen’. Судя по плавной интонации в латышском, корень (в варианте с *s*-mobile) перешел в (-)класс в литовском.
42. ? Лит. *rėžti*, -ia, -ė ‘резать’ + *ryžtis*, -tasi (*ryžasi* Kos51), -osi (-ėsi Kos51) FT, BŽ496 ‘решаться’ [↔ *rėžti* (Eiš, Slm, Kp), iter. *raižyti*, *raižo*, *raižė* DŽ, NdŽ] ↔ лтш. *riēzt*, -žu, -zu ‘schneiden’ Dunika ≈ слав. *rězjo, *rězjetь (*rězati) а. п. а [↔ *rāzь, gen. *rāza а. п. с (от него деноминатив *raziti, *rāzjo, *razitь а. п. с)]. Несомненное предпочтение надо отдать плавной интонации в латышском, согласующейся со славянским «старым акутом». По-видимому, вариант с (-)валентностью вторичен.

¹¹³ Вместо *sklýsti, *skliñda, *sklýdo.

43. ? Лит. *sviēsti, sviēdžia* (преобразованный атем. *sviēta* LKKXIV222 (Grv, Lz), *sviēdē (sviēdo)* ‘швырять’ + *svy̅sti, -ta, svy̅do* ‘lėkti oru (apie metamą daiktą)’ [⇔ *sviēsti* (Lp, Arm); iter. *svaidyti, svaído, svaïdē* NdŽ] ≈ лтш. iter. *svaīdīt, -u* Tr., Ruj., Alt-Salis, Widdrisch [⇔ *sviēst, sviēžu, sviēdu* ‘werfen’; iter. *svaīdīt*]. Латышские формы дают основание предположить, что корень получил вторичную рецессивность в литовском.
44. ? Лит. *tráukti, -ia, -ė* I, K, J, Š, Rtr, DŽ, KŽ ‘тянуть’ + *tráukti, -sta (-a, truňka* Msn), *-o* K, DŽ ‘рваться, лопаться, доставать’ ≈ лтш. *traūkt (-cu)* Bl., Iw. и т. д. + *trūkt (-stu, -ku)* ‘entzweigen, reissen, brechen, auseinanderspringen; zusammenfahren, erschrecken’ [⇔ *tráukt* C., PS., Schujen, Wenden, N.-Wohlfahrt, Nötk. ‘schlagen, hastig anfallen usw.’]¹¹⁴.
45. Лит. *vėlgti, -ia, -ė* ‘мочить, увлажнять’ + *vilgti, -sta, -o* DŽ, NdŽ, OGLIII169 ‘влажнить, сыреть’; iter. *válgyti, -o, -ė* ⇔ [лтш. *vėldzu, vėldzu, vėlgt* ‘waschen; feucht machen’ + *vilgt, vilgstu, vilgu* ‘feucht werden’] ≈ слав. *vǒlžiti а. п. а, *vǒlga а. п. а, *vǒlgnǫti а. п. а (?), *vǒlǫgьь(ǫ) а. п. а указывают на доминантность корня.

2.3.4.2. Рецессивные корни

В парадигмах (–)корней в литовском, латышском и праславянском, кроме исходного *p*-акута, представлен *m*-циркумфлекс. В латышском и славянском (в группе непереходных и аффективных глаголов) нередки рефлексы метатонического акута.

Литовские варианты глаголов с акутом и циркумфлексом распределены по диалектам, реже представлен «общелитовский» циркумфлекс, являющийся рефлексом метатонического циркумфлекса. Литовская метатония в большинстве случаев является надежным критерием для определения рецессивности корней. В латышском варианты с метатонией отмечаются реже, чем в литовском.

По-видимому, в одних литовских говорах выравнивание парадигмы чаще происходило по формам с циркумфлексом, а в других — по формам с акутом. Генерализация акута характерна для жемайтских и западноукштайтских говоров, включая сувалкийские, акцентология которых в основном соответствует литературной литовской. Обращает на себя внимание значительное число глаголов с циркумфлексом на месте литературного акута в словаре Ю. Шлапялиса, уроженца Восточной Аукштайтии (д. Галсишкяй Купишского *p*-на). В двух ареалах на территории восточноукштайтских и южноукштайтских (дзукских) говоров процент форм с цир-

¹¹⁴ Вариант этого корня с циркумфлексом — лтш. *tráuçu, tráuçu, tráukt*, по всей видимости, возник под влиянием непереходной пары *trūkt, trūktstu, trūku* ‘fehlen, mangeln’, где praes. *trūktstu* < **truňkstu*. С аналогическим сокращением гласного лит. *trūkti, truňka, trūko* ‘длиться, продолжаться’ (вместо **trūkti, *truňka, *trūko* и далее **trūkti, *truňka*).

кумфлексом заметно выше, чем в остальных диалектах; их почти нет в жемайтских говорах (Ослон (в печати)).

В части восточно- и южноаукштайтских говоров слоговые интонации на долгих гласных и полифтонгах (*ie*, *uo*) различаются, но фонетически «сглажены», и их различие может вызвать проблему для неискушенного собирателя¹¹⁵. Подтверждением циркумфлексовой интонации глагольного корня служит подвижная а. п., включающая формы с ударениями на приставке, которые не образуются от корней с акутом: у глаголов, в которых фиксируется стабильный акут в корне, нет форм с ударением на приставках. Любопытные данные о лингвогеографии глагольных форм с акутом и циркумфлексом см. в (Ослон (в печати)). Интересно отметить, что географическое распределение *м*-циркумфлекса в литовских говорах отчасти перекликается с ареалом сохранения 2-й а. п. *о*-основ м. р. (ОСА, 130–131), что может указывать на древнее членение литовских диалектов, перекрытое позднейшими инновациями, которые образуют синхронные пучки изоглосс.

Формы глаголов с ударением перед частицей *si* и на ней не обязательно говорят о метатонии: формы *sėdaĩs* Rod, *sėdõs* Žrm, *sėdõs* Ml, Dbč, Tvr, Dv (2×), Grv, GrvT75, Kls, Rod (2×), Arm, Vlk (2×), *sėdaĩs* Kls, *sėdiẽs* Dglš, *sėdomẽs* Rod, *sėdõmẽs* Dsn, *sėduos* Žrm, *sėdasi* LKKIX210(Dv), *sėdis* GrvT91, *sėsciõs* Ds, *sėsiuos* Kls, *sėdusiys* Lp образованы от глагола, в котором презенс и претерит имеют стабильный корневой акут в большинстве говоров, в которых записаны приведенные выше формы. Однако возвратные формы от *sėsti* с насуффиксальным ударением, образованные от презенса и претерита с акутом, являются редким архаизмом, и обычно подвижное ударение скоррелировано с корневым циркумфлексом.

Помимо этого, формы итеративов с *м*-циркумфлексом как правило не имеют ареальной привязки¹¹⁶, а зачастую являются «общелитовскими».

¹¹⁵ Утверждение Й. Казлаускаса (Kazlauskas 2000, 14) об исчезновении различия интонаций на *ie* и *uo* во всех восточноаукштайтских говорах, по-видимому, ошибочно. См. (Урбанавичене 2011), где продемонстрировано фонетическое различие между интонациями на долгих гласных и полифтонгах в говоре д. Свиркай Швянчёнского р-на.

¹¹⁶ В (Mikalaukaitė 1957, 89) отмечается, что в дзукских говорах метатония используется в словообразовании. В итеративах она обозначает «повторяющееся действие, выполняемое по-чуть-чуть» (в отличие от стандартных итеративов с акутом). Однако в работе приводится только один пример, когда итератив с акутом противопоставлен итеративу с циркумфлексом по значению: *gná'ibo'* (диалектное значение не приведено) ⇔ *gnā'ibo'*, последний в *nespėjo bulvukės užsimėgti ir jau gnaibo* (po truputį kasinėja) (по LKŽ — Rudamina, Lazdijų г.). При этом итератив *gnaibyti* с метатонией известен из других диалектов и источников (включая словари Ю. Шлапялиса и Ф. Куршата), где, по-видимому, не имеет специфического значения. Для итератива *smaugyti* от *smaugti* (*visūs paršiukūs išsmaugė* —

Итеративы с циркумфлексом как правило коррелируют с циркумфлексом в парадигме глаголов с тематическим, *j-* и *st-*презенсами. Сравнение с другими балто-славянскими языками демонстрирует рецессивность большинства корней, имеющих метатонию в литовском глаголе.

Литовский материал здесь и далее приводится по LKŽ — приводятся формы, позволяющие удостовериться в реальности акцентуационных вариантов, а также необходимая морфологическая информация. Литературные и диалектные формы даются в порядке «акут» — «циркумфлекс». Ссылки на источники по умолчанию относятся как к основной (непрефиксальной), так и к префиксальным и возвратной формам глагола. Конкретные формы можно найти в LKŽ, где префиксальные и возвратная формы глагола приведены в одной словарной статье с основной формой. При вариантах корней с циркумфлексом дается по возможности полная документация; варианты с акутом документируются, если они представлены в ограниченном числе говоров. Не учитываются формы с циркумфлексом в конечных закрытых слогах (рефлекс акута во многих говорах), а также в формах на *-tu-* (условное наклонение) и в причастиях на *-ta-*, циркумфлекс в которых в ряде говоров соответствует акуту в прочих парадигматических формах.

В связи с тем, что в приводимых ниже списках, помимо демонстрации литовских глаголов с *m*-циркумфлексом, приводится обоснование реконструкции балто-славянских валентностей, в списки включены глаголы с литовским тематическим презентом (для которого *m*-циркумфлекс не характерен) и стабильной прерывистой интонацией в латышском и/или подвижной а. п. в праславянском. В некоторых случаях при отсутствии метатонии в литовских диалектах рецессивность корня подтверждается старолитовской подвижной а. п. глагола и/или внешними данными.

2.3.4.2.1. Непереходные и аффективные глаголы

1. Лит. *álkti*, *-sta*, *-o* К ↔ *alkti* (атем. *alksta* Dglš, OG340) ‘хотеть есть’ ≈ лтш. *alkt*, *alkstu*, *alku* ‘hungern, schmachten’ ≈ слав. *olčǫ, *ōlčjetь (*olkāti)¹¹⁷

plg. *iškardē*, т.у. по *viņā išķerdē*) не приводится параллельный дзукский итератив с акутом в обычном значении. Дзукский итератив *išmaugyti* образован от *smaugti* с (+)корнем, в нем метатония действительно инновационна. В LKŽ на *smaugyti*, кроме приведенной выше цитаты, есть еще пример из жемайтского говора: *Ka galētum, ana visus išmaūgytum iš pasiūtimo* (Luokė, Telšiai г.), однако здесь *smaugyti* реконструируется по именной форме на *-tu*, в которой метатония может быть не связана с остальной глагольной парадигмой.

¹¹⁷ Слвн. *lákati*, *-am* ‘hungern’, чешск. *lákati* ‘vábit, loudit’ (вторичная *a*-основа презенса), возможно, указывают на а. п. *b₁ je-/a-*глагола и во всяком случае на *m*-циркумфлекс в корне; др.-русск. *алькати* а. п. *a* — церк.-слав. форма. Относительно анлаута ср. ст.-слав. *алькати* и *лакати*.

- а. п. b_1 (корневой м-циркумфлекс) и парт. * $\dot{a}lkom\check{t}$, *-а, *-о а. п. а от атематического презенса с м-акутом.
2. Лит. *áugti, áuga, -o* ‘расти’ ≈ лтш. *aúgt, aúgu, aúgu* ‘wachsen’. Рецессивность корня видна из девербативов — напр., лит. *aũkštas* а. п. 2 ‘чердак’ с м-циркумфлексом.
3. Лит. *áusti, áudžia* (атем. *áusti*), *áudė* ‘ткать’ ≈ лтш. *aúst, aúžu, aúdu* ‘weben’, ср. метатонию в *aukla* ‘eine aus Flachs oder Hanf gedrehte Schnur, dünne Leine’.
4. Лит. *bélsti, bėldžia, bėldė; bildėti, bilda, -ėjo* ⇔ *bełsti, bełdzia, bełdė* Š ‘стучать’ ≈ лтш. *ie-, pie-, uzbilst, -bilstu, -bildu* ‘sagen’.
5. ? Лит. *brėkšti, -ta, brėško* ‘брезжить’ ⇔ *brėkšti* Grg. Ср. слав. *brězžijǫ, *brězžiti (*brězžiti) а. п. b_1 (м-циркумфлекс); *bręskъ, gen. *bręska а. п. с¹¹⁸. И.-е. *bhreh₁ǵ-sk- (бессуффиксальный корень в др.-инд. *bhrájaīē*).
— Лит. *dáužti, -ia, -ė* (Jnšk, Pls, Šn, KzR); атем. *dáužti* (с непереходным значением) Dkšt ⇔ *daužti* ‘ударять, раскалывать’¹¹⁹; iter. *daužyti, daužo, daužė*
— Лит. *dilgti, -sta* (атем. *dilgsti*), -o ‘зудеть’ ⇔ *dilgti (sùdilgė Sb)* ‘колоть’.
— Лит. *dùlkti, -sta, -o; dulkėti, dùlka (-ėja), -ėjo* ‘пылиться’ ⇔ *dulkti, -ia, -ė K* (Lnkv, Žml, Skp) ‘моросить’.
6. Лит. *giedóti, gieda (giesta, атем. giesti; giema, gíeva, -oja), -ójo + gýsti, gýsta, gýdo* ‘петь’ ≈ лтш. *dziėdát, dziėdu / dziėzu* ‘singen’.
— Лит. *gùngti, -ia (-sta BŽ100), -ė (-o)* ⇔ *guñgti* (Šn, Vv) ‘идти сгорбившись’.
7. Лит. *ilgti, -sta, -o* ⇔ *ilgti (prailgti SIm)* ‘удлиняться, длиться’ ≈ лтш. *ilgt, ilgst, ilga* ‘dauern lange’. Ср. др.-инд. *dīrghá-*, греч. долхός, окситонеза которых указывает на (–)корень, как и м-циркумфлекс в литовском *ilgti*. В лит. *ilgas* (3 < 1), лтш. *ilgs*, слав. *dǫlgъ а. п. а ‘длинный, долгий’ м-акуг, как и в лит. *ilgti*, лтш. *ilgt*.
8. Лит. *jùnkti, -sta, -o K, BŽ494* ‘привыкать’ ⇔ *nujaukti BŽ313, -sta, nujaũko Jd* ‘отвыкнуть’ ≈ лтш. *at-jaũcu, -jaũcu, -jaũkt* [Endzelin 1923] ‘abgewöhnen’ [⇔ вторично *jũkt, jũkstu, jũku* ‘sich gewöhnen’] ≈ слав. *vŭknetъ, аор. *vŭče (*vŭkneti) а. п. а, однако саус. *učiti, *učitъ а. п. с. Слав. *vŭk- < балтослав. *ũnk- < и.-е. *u-n-Hk- с позиционным удлинением в образовании с (+)инфиксом -n- от (–)корня *ewHk-, представленного также в *nujaukti, at-jaũkt, *učitъ*. Вторичная доминантность *ũnk- мотивирована инфиксом *-ŋ-, ср. соотношение слав. *sědetъ а. п. а и *sěditъ а. п. с. Прерывистая интонация лтш. *jũkt*, вероятно, возникла по аналогии с -*jaũkt*.
9. Лит. *karšti, -ta, -o (užkaršta Gs)* ‘нагреваться’ ≈ лтш. *karst, karstu, karšu* ‘heiss werden’.
— Лит. *káršti, -ia (-a), -ė* (диал. -o) ⇔ *karšti (Užp, J.Jabl)* ‘дряхлеть’.

¹¹⁸ Слвн. *bręsk*, чешск., слвц. *bresk* ‘рассвет’; чешск. диал. *bříziti se*, слвц. *brieždit’* ‘светать’ (в слвн. *brežďžiti, -im* ‘светать’ отражена а. п. с производящего имени).

¹¹⁹ Основа с циркумфлексом **dūžti, *duñž(st)a, *dūžo* преобразована в *dūžti, dūžta (dužna, duñžta), dūžo* ‘разбиваться, биться’.

- Лит. *kirsti*, *-ta*, *kirdo* (J.Jabl, BŽ453, Kv) ⇔ *kīrsti*, *-ta*, *kīrdo* (Slnt, Als, Šn, Sr, Lzd, Šl) ‘просыпаться’.
10. Лит. *kláusti*, *-ia*, *-ė*, диал. inf. *klaustis* (Казлаускас 1966, 146) ‘спрашивать’ ≈ iter. *klausyti*, *klaūso*, *klaūšė* К ‘слушать, слушаться’ ≈ лтш. *klàust*, *klàuša*, *klàusu* ‘fragen’; iter. *klàusīt* С., PS., Trik., Walk, N.-Peb., Jürg., Serbigal, Agrasch ⇔ *klāušīt* [Kand., Salis, Tr., Dond., Neuenb., Līn., Bl., Lautb., Gr.-Essern, Selg., Dunika, Ruj. ‘hin-, gehörcchen’. В литовском следы подвижности (*klaustis*). Алломорф с *м*-циркумфлексом обобщился в парадигме презенса в латышском, в литовском присутствует только в итеративе. В латышском итеративе чередование рефлексов метатонических акута и циркумфлекса. Корень без *s*-расширения имеет а. п. *с* в славянском: *slufī, *slovetī. Корень с *s*-расширением имеет рефлекс *м*-акута: слав. *slýšjō, *slýšiti (*slýšati) а. п. а.
11. Лит. *kūpėti*, *kūpa* (*kūpi*), *-ėjo* ‘кипеть’ ≈ лтш. *kūpēt*, *kūpu*, *kūpēju*, *kūpt*, *kūpstu*, *kūpu* ‘qualmen, dampfen, rauchen’ ≈ слав. *kŭpŭ, *kypitŭ (*kypēti) а. п. *с* ?
12. Лит. 1) *lėisti*, атем. 1 sg. *lėidmi* К, *lėidžia*, *lėido* (диал. *lėidė*) ‘пускать, заставляя’ + *lysti*, *-ta*, *lydo* ‘расходовать, разрешать’; диал. inf. *laisis* (Казлаукас 1966, 146) ≈ лтш. *laist*, *laīzu*, *laīdu* (ē) ‘lassen’; iter. *laidīt*. 2) Лит. *lōsti*, *-ta*, *lōdo* ‘изнеживаться’ ? ⇔ *palōsti* ([FmW, 384] со ссылкой на словарь К. Ширвида, в котором интонации не обозначались). На (–)корень указывает лит. inf. *laisis*, в меньшей степени лтш. *laist* и, возможно, *palōsti*, если циркумфлекс в этом глаголе подтвердится.
13. Лит. *lygti*, *-sta*, *-o* ‘выравниваться’) ≈ лтш. *līgt*, *līgstu*, *līgu* Bl., Iwanden, Wandsen, *līkt*, *-kstu*, *-ku* Kand., Dunika, Lautb., Līn, Dond. и т. д. ⇔ *ligt* PS., Serbigal, Drosth. и т. д., *likt* Smilten, Wolmarshof ‘sich vereinbaren; vermischt, sich biegen, einsinken’. В латышском рефлекс *м*-акута и *м*-циркумфлекса.
- Лит. *maūsti*, *maūdžia*, *maūde* ‘тосковать, ныть (о душе, сердце; о зубе)’ — *м*-циркумфлекс во всех лит. диалектах. Ср. греч. μῦθος, μῦθεομαι, и.-е. *m[e]wHdh- или *m[e]Hwdh- (Dybo 2002, 390).
14. ? Лит. 1) *mīrgti*, *-sta* (*-a*), *-o* ‘мелькать, рябить в глазах’ ≈ лтш. *mīrgt*, *mīrdzu*/*mīrgst*, *mīrgu* ‘blinken’ ≈ неясно слав. *mĕrkŋ, *mĕrknetŭ (*mĕrkŋoti) и caus. *mōrgċjo, *mōrgċiti (*mōrgċiti) а. п. а (*м*-акут по аналогии с другими инхоативными глаголами?), также *mōrka а. п. а (*с* *м*-акутом?) ⇔ *mōrkъ, gen. *mōrka а. п. *d* (?) (ОСА, 143) (*м*-циркумфлекс?) и 2) инхоатив с *о*-огласовкой лит. *mārgti* Als, Pgg ‘пестреть’ [⇔ *maġti*, *-sta*, *-o*]. И.-е. *h₂merk-/ *h₂merg-, балто-славянский акут регулярно соответствует «ларингальной протезе» (Николаев 1986б)¹²⁰, ср. греч. ἄκυρος ‘защитающий, отражающий (от ветров)’.

¹²⁰ В указанной работе не учтено действие закона Винтера, поэтому большинство примеров амбивалентно. Однако остается фактом то, что практически во всех корнях с «протетическим ларингалом» обнаруживается балто-славянский акут.

15. Лит. *mokėti, móka, -ėjo*; part. **mokā̃s* DP (подвижная а. п.) (Дыбо 2011б, 155); *mókti, -sta, -o* К и ‘уметь; платить’ ≈ лтш. *iz-mâkt, -mâkstu, -mâku* ‘erlernen’, *mâcêt, mâku* ‘verstehen’.
16. Лит. *neikti, -ia, -o -ê* ‘осквернять, порочить’; *neikti, -sta (-ia), -o (-ê)* ⇔ *neĩkti, neiktè* J ‘слабеть, млеть’ + *nũkti, -sta, -o*; iter. *naikyti, naiko, naikè* К ≈ лтш. *nĩkt, nĩkstu, nĩku* Lautb., Dond., Wandsen и т. д. ⇔ *nĩkt* Mar. ⇔ *nĩkt* Wohlfahrt, PS., Trik., Serbigal ‘quienen, siechen, nicht gedeihen’ ≈ слав. **nĭčjo, *nĭčjety* (**nĭcati/*nĭkati*) и **nĭkno, *nĭknetь* (**nĭknoŭti*) а. п. а ‘поникать’ (с м-акутом, по-видимому, возникшим в презентной основе **nĭ-n-k- > nĭk-*)¹²¹. Как литовский, так и латышский указывают на рецессивность корня, причем в латышском отмечены все три интонации (рефлексы *p-* и *m-*акутов и *m-*циркумфлекса). И.-е. **neh₁y-* ‘низ(кий)’ с различными суффиксами: лит. *neivoti*, слав. **nĭz* а. п. *d*, др.-инд. *nĭpa-* ‘tiefliiegend’, возможно, также греч. *νῆκη* (Дыбо 2000, 381). Видимо, этот корень содержится в греч. *νεῖος, νεός* f. ‘fallow-land’ (< **neh₁ywó-*¹²²), окситонеза свидетельствует о рецессивности корня. Слав. **nĭva* а. п. а ‘нива’¹²³, лтш. *niēva* ‘Schmähung’ с м-акутом — ср. лит. *paivà* а. п. 4 < 3 с *p-*акутом.
- Лит. *nerėti, -ėja (nėrta), -ėjo* ‘свирепствовать’ ⇔ *niřsti, -ta* (ст.-лит. атем. *nersti; neřsta*), *niřto* ‘злиться, злобствовать’. По-видимому, (–)корень. Представлены формы с *m-*циркумфлексом (*niřsti, neřsta* и др.) и *m-*акутом (*nerėti*).
- Лит. *niaukti, -ia, -ê* [К] ⇔ *niaũkti* NdŽ, Bs ‘хмуриться (о небе)’.
- Лит. *nũsti, nũsta (nũdzia), nũdo* BŽ563 ⇔ *nũsti* Als, Up (J, Jrk119) ‘желать, возделеть’.
- Лит. *parpėti, párpa, -ėjo* ‘сопеть, гудеть’ ⇔ *pařpti, -ia, -ê* ‘издавать высокий монотонный звук’.
- Лит. *raĩsti, -ta (-ia, -a), -o (-ê) + rỹsti, -ta, -o* Als ⇔ *rỹsti* (apryšo LI) ‘хромать’.
17. Лит. *raudoti, rauda* (атем. *rausti* J.Jabl, LD350; *rausta* Skr, LD350, *ráuma* K, LD350, *-ója* KBII198, NdŽ, Als, Auk, Drsk, Dv), *-ójo* Rt ‘рыдать’ + *rũsti, -ta (rũda), rũdo* ‘зарыдать’ ≈ лтш. *raudāt, raudu/raũžu* ‘weinen’ ≈ слав. **rydāti, *ājō* (с рефлексом *m-*циркумфлекса) и **rỹdati, *-ajō* (с рефлексом *m-*акута)¹²⁴.

¹²¹ Не имеет отношения к **nĭkno, *nĭknetь* ‘прорасти, вырасти, возникнуть’ (**nĭk- < *nĭk- < *nĭnk- < *ni-n-k-*), корень с балто-слав. циркумфлексом: лит. *nĩkti, niĩka* ‘браться с жаром’, *apnĩkti* ‘нападать’, лтш. *nĩktiēs* ‘навязываться, одолевать просьбами’, *naiks* ‘злой, яростный, гневный, быстрый’, греч. *νεῖκος* ‘ссора’ (Дыбо 2000, 403).

¹²² Dybo 2002, 373.

¹²³ Приводимое в литературе ударение греч. *νεῖά* гипотетическое — слово известно только из надписи *παρᾱσκαφεῖ την ὑην νεῖαν* SIG 963.46.

¹²⁴ 1) Русск. *рыдаты*, укр. *rudati*, болг. *rudajа*; 2) срб.-хрв. *ridati, -am*; чешск. *rydati*. *P-*акут также и в восточнобалтийских производных: лит. *raudà* а. п. 3/4, лтш. *raũda, m-*акут в лит. *ràuda* а. п. 1.

18. Лит. *ràugėti, -ėja* (*ràuga* DŽ, *-i* NdŽ, атем. *ràugti* K, NdŽ), *-ėjo* ‘рыгать’ при *ràugti, -ia, -ė* ‘квасить’ + *rùgti, -sta* (*ruŋga, -ia*), *-o* (*-ė*) ⇔ *rūgti* Krkš, Vs, Ut (*atsrūgo* Ut; *atsirūgāi* SIm) ‘киснуть’ ≈ лтш. *raūgt, raūdzu* Gr.-Buschhof ‘einsäuern’, *raūgtiēs², -uōs, -dzuōs* ‘rūlpesen’ + *rūgt, rūgstu, rūgu* ‘säuern, gären’; итер. *raūdžit* Warkl. ≈ слав. *rŭgati, *rŭgajō с *м-акутом*¹²⁵ и *rŭgāti, *rŭgājō с *р-акутом* или *м-циркумфлексом*. По совокупности данных, (–)корень: *м-циркумфлекс* (*rūgti*), *р-акут* (*raūgt, rūgt*), *м-акут* (*ràugėti*).

— Лит. *riedėti, rieda, -ėjo* Š, J.Jabl, Jnš, Jrb ⇔ *riedėti, riēda, -ėjo* Jž ‘катиться’.

19. Лит. *sėsti, sėda* (*sėdžia, -ta*, атем. *sėsti*), *sėdo* (*sėdė* K) ‘сидеть’ ≈ лтш. *sėst, sęslu/sędu, sėdu* (ē) ‘sich setzen’ ≈ слав. *sĕdjo, *sĕditĭ (*sĕdĕti) а. п. *с*¹²⁶, caus. *sādjo, *sādītĭ (*sādītī) а. п. *с*; ср. *sādĭ, gen. *sādū а. п. *с*¹²⁷ (Николаев 2012, 211–213) (*р-акут*); *sĕdetĭ (*sĕstī) а. п. *а* (*м-акут*). Балтийские рефлексы *м-акута* в part. praes.: ст.-лит. *sĕdĭs DP; прусск. part. nom. sg. m. *Sīdāns* III, 127 ‘sitzend’ (Дыбо 2011a). В литовских диалектах в сочетании с возвратной частицей следы подвижной а. п. (resp. *р-акута*): *sėdaūs* Rod, *sėdōs* Žrm, *sėdōs* Ml, Dbč, Tvr, Dv (2×), Grv, GrvT75, Kls, Rod (2×), Arm, Vlk (2×), *sėdaūs* Kls, *sėdiēs* Dglš, *sėdomēs* Rod, *sėdōmēs* Dsn, *sėdiūs* Žrm, *sėdasī* LKKIX210 (Dv), *sėdis* GrvT91, *sėsciōs* Ds, *sėsiūs* Kls, *sėdusūs* Lp¹²⁸, ср. еще *sėdĕ* Tvr. Помимо этого, в парадигме корня были позиционно обусловленные формы с метатонией. Формы с циркумфлексом приведены в «Литовской грамматике» (1876 г.) Ф. Куршата: *sĕsti* [KGr § 1225, Anm. 2], и (только возвратные) в его «Немецко-литовском словаре» (1870–74 гг.) *sĕstis* I 630b, 647a, II 8a, 184b, 334a, 374a, *pasisĕsti* I 630b, 647b, II 189a, 220a, также *sĕskis* I 648a, II 184b [K]¹²⁹. Общелитовская метатония присутствует и в итеративе (одновременно каузативе) *sodŭti, sōdo* (-*ija* Srj, *sōdžia, sōdĕ* (-*ijo*) NdŽ. В латышском устойчивая прерывистая интонация. Реконструируется балто-славянский (–)корень с чередованием *р-акута* (подвижная а. п. в литовском), *м-акута* (а. п. *а* в славянском) и *м-циркум-*

¹²⁵ 1) Белор. *рыгаць*, болг. *р̀игам*, срб.-хрв. *rigati, -ām* (судя по краткости корневого гласного) вместо **rigati, -ām*, слвн. *rigati, rigam*. 2) Русск. *рыгать*, укр. *ригати*, чешск. *ryhati*, слвц. *ryhat*.

¹²⁶ Парадигма с вторичным *i*-презентом вместо атематического, восходящая к балто-слав. *sĕdtei/*sĕdĕtei, *sĕdmi, *sĕdĕt.

¹²⁷ Не исключена и реконструкция *и*-основы с *м-циркумфлексом* *sādĭ, gen. *sādū а. п. *д* на основании стабильной окситонезы падежей ед. ч. в карпатоукраинских говорах и чешск. диал. *sád* ‘межевой камень’.

¹²⁸ Относительно окситонированных форм с возвратной частицей от глаголов подвижной а. п. в литовском см. (Казлаускас 1966).

¹²⁹ К. Буга предположил, что циркумфлекс в этих формах фиктивен, так как в «Литовско-немецком словаре» (1883 г.) все формы от *sėsti* приведены с акутом (Būga 1959, 429). Однако замена Ф. Куршатам циркумфлекса на акут может быть объяснена и тем, что за время подготовки словаря автор осознал свое произношение форм *sėsti(s), sėskis* с циркумфлексом как узкодиалектное.

- флекса. И.-е. *sed-/*sod- > балто-слав. *sēd-/*sād- с удлинением по закону Винтера.
- Лит. *siēkti, -ia, -ė (-o Vn, Pvn) Rtr, Š, DŽ* ‘доставать, стремиться’ ⇔ *siēkti Š* (Alv, Arm, Btrm, Dbč, Dv, Gdr, Klt, Kp, Krkn, Krs, Ktk, LnkV, Lp, Mrc, Mrj, Mžš, Ob, Pls, PnmR, Pns, Ps, Pv, Rm, Rod, Sb, Srv, Šmn, Trgn, Ūd, Vdš, Vrn); iter. *saikýti, saiko, saikė NdŽ*.
- Лит. *siēkti, -ia* (атем. *siekti*), *-ė (-o Jn) K, Rtr* ⇔ *siēkti (siēkias Lp, siektė Aps)* ‘присягать’.
20. Лит. *siŕgti, seŕga* (атем. *seŕgsta; -a, -sta*), *-o* ‘болеть’¹³⁰ ≈ лтш. *siŕgt, sirgstu/ sērgu, sirgu PS.*, C., Pilten ⇔ *sirgt Viltis 1908*, 82 (также *sirgt² Kl., siŕgt² Dunika, Dond.*, Salibš, Siuxh, Salis, Widdrich) ‘krank sein, kränkeln’. В литовском глаголе генерализован циркумфлекс.
21. Лит. *skuŕbti, -ia, -ė* ‘печалить’ ≈ лтш. *skuŕbt, skurbstu, skurbu (ā) Bl.*, Zabeln, Ugalen, Dond., Wandsen, Dunika, Iw., Līn. и т. д. ⇔ *skūrbt C.*, Ermes ‘schwindlig, ohnmächtig werden’ ≈ *skŕrbjō, *skŕrbīt̃ (*skŕrbēti) а. п. с (?). Ср. слав. *skŕrbь а. п. с/а¹³¹.
- Лит. *slýsti, -ta, slýdo K, Š, DŽ, NdŽ* ⇔ *slýsti, sleñda*¹³², *slýdo* (Alks, Ktk) ‘скользить’.
- Лит. *slúgti, -sta, -o BŽ106*, Rtr ⇔ praes. *sluñga LKKXI134*¹³³ ‘спадать (о воде)’.
22. Лит. *smirdėti, smirdi* (атем. *smirsti Smn; smirda Š, DŽ¹, smirdžia Jrb*), *-ėjo K, J, DŽ, NdŽ*; на подвижную а. п. указывает part. **smirdīs DP* (Дыбо 2011б, 154) + *smirsti, -ta, smirdo* ‘вонять’ ≈ лтш. *smīrst, smīrstu, smīrdu* ‘stinkend werden’; *smīrdēt, smīrdu* ‘stinken’ ≈ слав. *smŕrdjō, *smŕrdit̃ (*smŕrdēti) а. п. с (?). Ср. слав. *smoŕdъ, gen. *smoŕda а. п. с и (с м-акутом) *smoŕgъ, gen. *smoŕda а. п. а (Николаев 2012, 122–123).
23. Лит. *sópti, -sta* (атем. *sópsti*), *-o Rtr, Š, NdŽ, KŽ, DŽ¹* (Rtr, Ds, Antz, Vl, Upn, J.Jabl, Dglš, Slm); *sopėti, sópa* (атем. *sópti*), *-ėjo* ‘болеть’ (по-видимому, рефлекс м-акута в ст.-лит. part. **sópas DP* [Дыбо 2011б, 151]) ⇔ *sōpti, -sta, -o DŽ, NdŽ, OGLI153* (Str, Lp, Alv, KŽ, Rmš, Rdš, Ob, Dglš, Švnč, Užv, Slk); praes. *sōpi [K]* ≈ лтш. *sāpēt, sāpu* ‘schmerzen’.
- Лит. *spingėti, spinga NdŽ (spingi NdŽ)*, *-ėjo Nd* ⇔ *speñgti, speñgia, -ė K, Rtr, BŽ107, DŽ, NdŽ, FrnW; spingėti, spiñgi* ‘звенеть, шуметь (в голове, ушах)’.
24. Лит. *spįsti, -ta, spindo K, NdŽ, DŽ¹; spindėti, spindi NdŽ (spindžia K, spinda Sg, Kv)*, *-ėjo* ⇔ *spįsti, -ta, spiñdo Š, NdŽ, DŽ¹, -ėjo (spindė), praspįndo* A. Baran ‘сиять, сверкать’ ≈ лтш. *at-spīst, -spīstu, -spīdu* ‘wieder erglänzen’, *spidēt, 3 sg. prs. spid* ‘glänzen’.

¹³⁰ С аблаутным чередованием, которое свойственно корням с циркумфлексом: *riñkti, reiñka* и т. д.

¹³¹ А. п. а/с в древнерусских памятниках (Зализняк 1985, 138), а. п. с в староболгарских (ОСА: 206).

¹³² Вторично вместо **slýsti, sliñda, slýdo*.

¹³³ Inf. *slúgti LKKXI134* вторично достроен к *sluñga*.

- Лит. *staugti*, *-ia*, *-ė* Š, DŽ, NdŽ, Nm, Ds, Lkm ‘выть’ + *stūgti*, *-sta*, *-o* NdŽ ‘завыть’ ⇔ *staugti* K163, K, Rtr (NdŽ, KŽ, Ėr, DūnŽ, Grž).
- Лит. *stygti*, *-sta*, *-o* Š, Rtr, DŽ, NdŽ, KŽ, Srd, Rdd, Lkš ⇔ *stygti* K ‘прекратиться’.
25. Лит. *strėgti*, *-ia*, *-ė* BzBkVI240 ‘цепенеть, коченеть’ ≈ лтш. *strėgt*, *strėdzu*, *strėgu* Saikava ⇔ *strėgt* Jürg., Agrasch ⇔ *strėgt* Roop, Serben, Schujen, Smilten, Sermus ‘einschiessen, einsinken; sich anstauen’. Судя по чередованию всех трех интонаций в латышском, рецессивный корень.
26. ? Лит. *stūlbtii*, *-sta*, *-o* (*apstūlbtii* Rtr) ⇔ *stūlbtii* Š, NdŽ ‘столбенеть’, ср. *stūlbas* (2) RŽ, NdŽ, *stūlpas* (4) KBI51, Rtr, Š, DŽ, (2) RŽ, NdŽ ‘столб’ ≈ лтш. (с м-циркумфлексом) *stūlbt*, *stūlbstu*, *stūlbu* (ā) ‘betäubt werden’. Ср. однокоренные образования *stūlbs* ‘betäubt’, *stūlbs* ‘Stiefelschaft’, *stiūbs* ‘Schienbein’ и *stūlbs*² ‘Schienbein, Wade’; слав. *стъльбъ, *стъльр а. п. б (м-циркумфлекс?).
27. ? Лит. *svýsti*, *-ta*, *svýdo* ‘светать’ Š, NdŽ ≈ *svisti*, *sviūda* (*svysta* DP610, Kos54), *svido* intr. DŽ, NdŽ, KŽ [перестроенная парадигма *svýsti, *sviūda / *sviūdsta, *svýdo] ≈ лтш. *svíst*, *svíst*, *svidu* ‘anbrechen, hervorbrechen (vom Licht); beschlagen (intr.)’.
28. Лит. *šiřsti*, *-ta* (атем. *šiřsti*), *šiřdo* intr. Š, BŽ510, Rtr, DŽ, NdŽ, FrnW, KŽ, Btrm, Al, Kpč, Srj, Pun, Ds, Kp ⇔ *širsti* (*priširdau* Zt) ‘осерчать’ ≈ лтш. *iesiřsti(ies)*, *iesiřstu*, *iesiřdu* ‘zörnig, böse werden’. Ср. слав. *sърdjo, *sърditě (*sърditi) а. п. с, *sърdьсе а. п. с (с вариантом *sърdьсе а. п. а, т. е. с рефлексом м-акута).
29. Лит. *sókti*, *šóka* (*šóksta* Š, Pg, Mžš, Pnm, Aln, Dg), *-o* K, Š ‘прыгать, плясать’ ≈ лтш. *sákt*, *sáku/sácu*, *sáku/sácu* ‘anfangen’ ≈ слав. *skačjǫ, *skāčjety (*skakāti) а. п. b₁¹³⁴ — метатония в (-)корне перед -je-.
30. Лит. 1) *tingėti*, *tingi* (*tingia*), *-ėjo* KBII166 K, I, Rtr, Š, DŽ, NdŽ, FrnW, KŽ ‘лениться’; на подвижную а. п. указывает part. **tingĩs* DP (Дыбо 2011б, 154); *tingti*, *-sta*, *-o* K, J.Jabl, Rtr, Š, DŽ, FrnW, NdŽ, KŽ ‘становиться ленивым’ ⇔ *teĩgti*, *-ia*, *-ė* (*teĩgia* Kb) ‘можжить, болеть’; iter. *tangyti*, *taĩgo*, *taĩgė*; 2) *stėngti*, *-ia*, *-ė* ‘напрягать силы’ + *stĩngti*, *-sta*, *-o* Š, NdŽ, KŽ ‘застывать, затвердевать’ ≈ слав. *tęžjǫ, *tęžjety; *tęgnǫ, *tęgnety а. п. b₁ (м-циркумфлекс).
31. Лит. *trándėti*, *trándžia*, *-ėjo* J; *trėndėti*, *trėnda* (-i), *-ėjo* NdŽ, Kv; *trendėti*, *-ėja* (*trėnda* K, Rtr, *trėndžia* K, Rtr), *-ėjo* ⇔ *trandėti*, *-ėja* (*trañda* NdŽ, KŽ, *trañdzia* J), *-ėjo* K, Rtr, KŽ, Jrb (вторичная баритонеза: *trañdėti*, *-ėja*, *-ėjo* Krtv) ‘быть изъеденным червями’ ≈ лтш. *trūdēt*, *trūdu* ‘modern, verwittern, faulen’.
32. Лит. *triesti*, *triedžia* (преобразованный атем. *triema* LZ), *triedė* (*triedo* DūnŽ) K, Š, NdŽ, DrskŽ, Jnk, Yl, Jdr ⇔ *triėsti* DrskŽ, Sl (Kpr, Slim, Mžš, Vs, Svn, Kp, Užp, Azr, Krs, Ėr, Mrj) ‘страдать поносом’ ≈ слав. *dristjǫ, *dristjety (*dristāti) а. п. b₁ с м-циркумфлексом (по-видимому, генерализация презенса *dreyd-st- [Дыбо 2000, 388]).

¹³⁴ В. А. Дыбо (Дыбо 2000, 393) считает *-a-* в *skakati результатом славянского удлинения *-o-* в *skočiti.

- Лит. *tilkti*, *-sta* (-a FrnW, KŽ), *-o* MitI315, Rtr, DŽ, NdŽ, FrnW, KŽ, J.Jabl, J. Upt, Užr ‘стихнуть (о ветре), успокоиться’ ⇔ *teĩkti*, *-ia*, *-ė* tr. FrnW, NdŽ, KŽ ‘созывать, собирать’ + *tiĩkti* (*nutiĩko* Ps) ‘стихнуть (о ветре), успокоиться’ ≈ ср. слав. **tolká*, асс. **tólko* а. п. с — рецессивный корень.
- Лит. *tivĩrkti*, *-sta*, *-o* Š, Rtr, RŽ, DŽ, NdŽ, KŽ, DrskŽ ⇔ *tivĩrkti*, *-sta*, *-o* Vrn, Mlt, Krš, Dkk, Mrj, Klt, Jrb, Gdr, Dglš, Ps ‘портиться’.
- Лит. *viėžti*, *-ia*, *-ė* DŽ¹, KŽ, Slv, Grš, Ktk ⇔ *viėžti* K, Rtr, KŽ, Š, J.Jabl, BŽ34, NdŽ, Alk, Jrb, Škn, Šl, Žg, Grz ‘терпеть’.
- Лит. *virĩkti*, *-sta* (-*ia*), *-o* (-*ė*) intr. K, Š, Rtr, NdŽ, KŽ, DrskŽ ‘заплакать’ ⇔ *veĩrkti*, *-ia*, *-ė* KBII154, KII343, K, Rtr, Š, RŽ, DŽ, FrnW, NdŽ, KŽ ‘плакать’ + *virĩkti* NdŽ, KŽ, Klt, Sld, Bsg, Ds ‘заплакать’.
- Лит. *virĩpti*, *-sta*, *-o* Š, NdŽ, KŽ; *virpėti*, *virpa* (*virpia* KBII166, K, K.Būg, KŽ; L, -*i*), *-ėjo* KI385, Rtr, Š, RŽ, NdŽ, KŽ, FrnW, OGLII358 ⇔ *virĩpti*, *-sta*, *-o* RŽ, NdŽ, FrnW ‘колебаться’.
33. Лит. *vỹsti*, *-ta*, *vỹto* ‘вянуть’ KBII149, K, Rtr, K.Būg, RŽ, NdŽ, KŽ ⇔ *vỹsti*, *-ta* (*viĩta* LKK XII134, Šr), *vỹto* Š ≈ лтш. *vĩst*, *vĩstu*, *vĩtu* A.-Ottendorf, Jürg., Kaugershof, Lín., Schnehpeln, Siuxt, Trik. ⇔ *vĩst* Wolmarshof, N.-Wohlfahrt, PS. ‘welken’ ⇔ слав. **vědnetь* (**vědnoti*) а. п. а: *м-акут* в балто-слав. основе с инфиксом **-ŋ-*, инкорпорированным в корневой алломорф **wĩd-*: **věd-* < **wĩ-ŋ-d-*. Рецессивный корень представлен в слав. *caus.* **võdjo*, **võditĩ* (**võdĩti*) а. п. с ‘коптить, вялить (мясо)’¹³⁵ — в этом случае *-n-* не «иммобилизовало» основу, так как не воспринималось как презентный формант (вторичный корень **wõnd-* ≈ герм. **swant-*). Производные от и.-е. *(*s*)*weh*₁*y-* ‘вянуть’. Ср. также лит. (с суффиксом *-s-* и метатонией) *vỹsti*, *viĩsa* LD82 (Kp), iter. *vaisỹti*, *vaiso*, *vaisė* Š, Rtr, NdŽ, FrnW. И.-е. **sweh*₁*-n-d-*/**swoh*₂*-n-dh-* > герм. **swend-an-* (др.-англ. *swindan*, др.-в.-нем. *swintan*), *caus.* **swantian-* (ср.-в.-нем. *swenden*), **sweh*₁ без денгального расширения: **swĩ-na-n-*: др.-исл. *svina* ‘schwinden, nachlassen’, др.-в.-нем. *swĩnan* ‘schwinden’ (Дыбо 2000, 401–402). Также в лтш. *vĩt* AP., С., Dond., Dunika, Gold., Mitau, Salis, Salisb., Šelg., Wandsen ‘welken’ — плавная интонация, вероятно, вторична («*м-акут* непереходных пар», как в паре *kļait* : *kļūt*); русск. диал. *завьять*, *-нет* ‘завянуть, затрухляеть, стать дряблым (о плодах, овощах)’ Север., Даль (СРНГ 9).
- Лит. *võkti*, *-ia*, *-ė* tr. K, Rtr, NdŽ ‘понимать’ ⇔ *võkti* DrskŽ (Drsk, Š, Snt, Kkl, J.Jabl, Klt).

2.3.4.2.2. Переходные глаголы

Характерной особенностью восточнобалтийской просодии (–)корней в парадигме, состоящей из *j*-презенса и парного к нему *st*-презенса, является практическое отсутствие *м-акута*: латышские глаголы показывают чередо-

¹³⁵ Слвн. *vodĩti*, *-ĩm*, кашубск. *vązєc*, *vązĩ*, малопольск. *weźić*, *weżony*, *weźić*, *węzєr* (Kucala 1957), чешск. *udĩti*.

вание прерывистой и падающей интонаций, но почти нет примеров на плавную интонацию.

- ? Лит. *bóstis, bódžiasi, bódėsi* К ‘брезгать, страшиться’; *bósti, -ta, bódo* ‘kirti, gristi’ (*atbósti* ‘наскучить, надоест’); на подвижную а. п. указывает ст.-лит. 3. praes. **bōdis ~ *nė bodis* DP (Дыбо 2011б, 154).
34. Лит. *dėlbtī, -ia, -ė* (*nudėlbęs* Alk, *padėlbė* J.Jabl) ⇔ *dėlbtī* (в большинстве говоров); итер. *dalbýtis, dalbosi, dalbėsi* J ‘потупить (глаза), склонить (голову)’ ≈ слав. **dǫlbŏ, *dǫlbeŭ* (**dǫlbtī*) а. п. с.
- Лит. *dėngti, -ia, -ė* (*dėngiau, nudėngė* Lpl, *uždėngiau* Gs) ⇔ *dėngti* Gd (Alv, Všt, Brt, Klvr, Al, Rdm, Plv, Škn, Švn, Kl, Mrj) ‘бить; быстро идти, бежать’.
- Лит. *dėrgti, -ia, -ė* ‘гадить, осквернять; идти (о снеге с дождем)’ + *dėrgti, -sta, -o* ‘портиться, становиться ненастным’ ⇔ *dėrgti* (Slnt, J, Grg, Kal, Šts, Vlk, Vks, Sd, JR24) + *diėrgti* (*diėrgsta* Ll, *išdiėrgęs* Dgl, *nudiėrgsta* Svn, *nudiėrgę* Jnš, *nudiėrgsta* Škn).
35. Лит. *diegti, diegia, -ė* ‘колоть; сажать (растения)’ + *dýgti, dýgsta, -o* ‘прорастать, прорезаться’ ⇔ *diėgti* (Dov, Lp, Rod, Ml, Grž, Gdl, Pls, Grž, Kpv, Smn, Rdm) ‘колоть; сажать (растения)’; итер. *daigýti, daigo, daigė* ≈ лтш. *diėgt, diėdzu, diėdzu* ‘stechen, nähēn’ + *digt, digstu, dīgu* intr. ‘keimen’; итер. *daidzti*.
36. Лит. *dōbti, -ia, -ė* ‘бить’ ⇔ *dōbti* Rdm (*užsidōbti* Mrc) ≈ лтш. *dābt, dābju, dābu* (ē) ‘schlagen’.
- Лит. *duōbti, -ia, -ė* К (Š, J, Jnšk, Grž, Ig) ⇔ *duōbti* К ‘выдалбливать’.
37. Лит. *ėngti, -ia, -ė* ‘угнетать, притеснять’ ⇔ *eņgti* (*eņgiat* Krok) + *ingti, -sta, -o* ‘застывать (о вязких жидкостях), плешиветь, протекать’ ≈ лтш. *igt, igstu, igu* ‘vergehen, verschmachten’.
38. Лит. *glėbti, -ia, -ė* [К] и *glōbti, -ia, -ė* ‘охватывать, закутывать’ ⇔ *glėbti* (Gs, Rud, Vlkv, Lkm, Mrk, Lš, Arm, Lp, Kp) и *glōbti* (Ds, Krs, Sb, Jnšk, Lš) ≈ лтш. *glėbt, glėbju, glėbu; glābt, glābju, glābu* (ē) ‘retten, schützen’.
39. Лит. *gnýbti, gnýba (-ia K), -o (-ė K) и žnýbti, -ia (-a, žniūba, žnėmbia), -ė (-o)* ‘щипать’ ⇔ *gnýbti, -ia, -ė* Rdm, Mrk ‘щипать, щемить’; итер. *gnaibýti, gnaibo, gnaibė* K, Š ≈ лтш. *zniėbr̃, zniėbju, zniėbu* ‘stark derücken, würgen; stibitzen’.
- Лит. *gōbti, -ia, -ė* К ⇔ *gōbti* (Dglš, Km, Kp) ‘окутывать, покрывать’.
40. Лит. *grūsti, grūda (-džia K), -do (-de)* ‘толочь, пихать’ ⇔ итер. *graudýti, graūdo, graūdė* J ≈ лтш. *grūst, grūzu, grūdu* (ē) ‘stossen, stampfen’; итер. *grūdīt, -u*.
41. ? Лит. *kliāusti, -džia, -dė* ‘причинять вред, мешать’. Генерализованный м-циркумфлекс, ср. *p*-акут в корне без *d*-расширения: лтш. *kļauīt* (лит. *kliāuti, kliūti*). В лтш. непереходной паре *kļūt* рефлекс *м*-акута.
- Лит. *kniāubti, -ia, -ė* ⇔ *kniāubti* (Vb, Jnšk, Vlk, Sdk, Jž, Vj, Blnk) ‘наклонять (голову)’ + *kniūbti, kniūmba, -o* ‘падать на колени, склоняться’ (преобразование **kniūbti, *kniūmba, *kniūbo*).

- Лит. *kópti*, -ia, -ė Kv (Up, Skdv, J, Lkv, Užv) ⇔ *kōpti* (*pasikōpęs* Rt) ‘охватывать, окутывать’.
42. Лит. *knėibti* (*iknėibė* Srv) ‘выковыривать’ ⇔ *kniēbti*, -ia, -ė (J, Skr, Vdžg, Dglš, Jrb); *kneibti*, -ia, -ė (Gs, Brt, Lp, Šts, Šmk); iter. *knaibyti*, *knaibo*, *knaibė* ≈ лтш. *kniēbt*, *kniēbju*, *kniēbu* ‘kneifen’; iter. *knaibūt*, -u.
43. Лит. *miēgti*, -ia, -ė ‘колоть (о боли)’ + *mýgti*, *mýga* (-ia), -o (-ė) ‘жать, давить’ ⇔ *miēgti* (Ūd, Lp, Kb, Dkš) ‘побаливать, колоть (о боли)’; iter. *maigyti*, *maigo*, *maigė* Š ≈ лтш. *miēdzu*, *miēdzu*, *miēgt* ‘stark drücken, schlagen’; iter. *maidzūt*, -gu.
- Лит. *néigti*, -ia, -ė BŽ339 ⇔ *neigti* (в большинстве говоров) ‘отрицать’.
44. Лит. *pláukti*, -ia, -ė SchL127, K, Skr, Als, *pláukti*, -sta, -o K ⇔ *plaukti*, -ia (-sta), -ė (-o) (Nv, J, Sn, Švnč, Ml, Slk, Aps, Šlčn, Jnš, Trgn, Dglš, Krš) ‘выбрасывать (побег, колос)’ ≈ лтш. *plaukt*, *plaukstu*, *plauku* + *plūkt*, *plūkstu*, *plūku* intr. ‘auschlagen, aufblühen’.
45. ? Лит. *pláusti*, *pláudžia*, *pláudė* ‘полоскать, промывать’ + *plústi*, -ta (*plūdžia* [K]), *plúdo* (*plúde* [K]) ‘литься’ ≈ лтш. *plauist*, *plauizu*, *plaidu* ‘ausgiessen’ + *plūst*, *plūstu*, *plūdu* (ā) ‘sich ergiessen’ ≈ слав. *plovetъ (*plutī, *plŭly); *plynetъ (*plynqtī) а. п. с, формы, образованные непосредственно от (-)корня *plewH-.
46. Лит. *plėšti*, -ia (*plėšia*), -ė ‘рвать, обдирать’ + *plyšti*, -ta, -o ‘рваться’ ⇔ *plėšti* (Ktk, Pb, Šlčn, Rdš, Krš, Rod, Al, Skp, Dbč, Trgn, Krs, Srv, Skdt, Pjv, Str, Ut, Dbk, Mžš, Vvs, Arm, Žml, Btr, Ėr; Nč) ≈ лтш. *plėst*, *plėšu*, *plėsu* (ė) ‘reissen’; iter. *plaisitiės* и *pluošti*, -u.
- Лит. *pliekti*, -ia, -ė Jn ⇔ *pliėkti* (Ktk, Sb, Glv, Ut, Krš, Dbk, Jrb, Lp, Vžns, Trgn, Skr, Rk, Vdšk, Ds, Škn) ‘хлестать, бить’.
- Лит. *puošti* Slnt, Krg ⇔ *puošti*, -ia, -ė (в большинстве говоров) ‘украшать’.
- Лит. 1) *rengti*, -ia, -ė (LnkV, Mšk, Klvr, Vlkš, Dkš) ⇔ *reñgti* (в большинстве говоров) ‘готовить, снаряжать’; 2) *rėžti*, -ia, -ė ⇔ *rėžti* (Slm) ‘напрягаться, пружинить’; iter. *rąžytis*, *rąžosi*, *rąžėsi* Bgs, Šl, Grv, Žgč, Kv¹³⁶.
- Лит. *rėpti*, -ia, -ė DŽ, Žvг ⇔ *rėpti* NdŽ, Rd, Kt, Mrj, Lš, Ig, Skr, Vv, Krns ‘охватывать’.
- Лит. *ruošti* Kl, Lk, Lc ⇔ *ruošti*, -ia, -ė (в большинстве говоров) ‘готовить, прибирать’.
- Лит. *skėlbt*, -ia, -ė K, DŽ ⇔ *skeľbti* Jrb, Ad, Tl ‘объявлять’.
47. Лит. *skiesti*, *skiedžia* (*skieda*), *skiedė* (*skiedo*) K, Š, Rtr ‘разбавлять’ + *skýsti*, -ta (*skyda*), *skýdo* Š, Rtr ‘разжижаться’ ⇔ *skiėsti*, *skiėdžia*, *skiėdė* Srv (Dkš, Lkš, Al, Vlk, Lš, Mrj, Ėr, Srv, Upt, Mrc) + *skýsti* Sg ≈ лтш. *škiėst*, *škiėžu*, *škiėdu* (ė) ‘verstreuen, vertun’ + *škišt*, *škištu*, *škiđu* intr. ‘auseinanderfallen, vergehen’; iter. *skaidit*, -u.
- Лит. *skrōsti*, *skrōdžia*, *skrōdė* K, BzF171, Š, NdŽ ⇔ *skrōsti* (Arm, Lp, Km, Mrc) ‘резать’.

¹³⁶ В (Дубо 2002, 475) не учтен вариант с акутом, а потому литовские формы сочтены исключением из закона Винтера.

48. Лит. *slėgti*, *-ia* (*slėgia* DŽ), *-ė* (*-o*) K, Š, NdŽ, LD341(Krš, Škn, Vlkv, Brž, Ds) ‘давить, жать’ ⇔ *slėgti*, *slėgia*, *-ė* Š, Rtr, NdŽ, DŽ¹ ≈ лтш. *slėgt*, *slėdzu*, *slėdzu* ‘schliessen’; iter. *sluôdzît*, *-gu*.
49. Лит. *slôpti*, *-ia*, *-ė* G110, NdŽ ‘сжимать, душить’ + *slôpti*, *-sta*, *-o* ⇔ *slôpti* Š ‘задыхаться, затухать’ ≈ лтш. *slâpt*, *slâpstu*, *slâpu* ‘durstig sein’.
50. Лит. *smėlkti*, *-ia*, *-ė* Š, Rtr, DŽ, DŽ¹, Lnkv, Sml, Rm, Jnšk, Skp (Pšl, Jnš, NdŽ, Mžš, Sdb, Kp) ⇔ *smėlkti* ‘колоть, ныть (о боли)’ (в большинстве говоров); iter. *smalkýti*, *smalko*, *smalkė* NdŽ ⇔ лтш. (с м-циркумфлексом) *smėlkti*, *smėlcu*, *smėlcu* ‘schmerzen; weinen leise’.
51. Лит. *smėgti*, *-ia*, *-ė* J, Ps ⇔ *smėgti*, *-ia*, *-ė* LVIII957, FmW (Grnk, Pc, Užp, Jnš, Sv) ‘колоть, ныть (о боли)’ ⇔ лтш. *smilgt̃*, *smilgstu*, *smilgu* ‘winseln, heulen’.
- Лит. *spáuсти*, *spáudžia*, *spáudė* Š ‘сжимать’ ⇔ iter. *spaudýti*, *spauđo*, *spauđė* ArchXXXIV375 (DP553, Pls).
52. Лит. *spėsti*, *spėndžia* (*spėnda* Snt), *spėndė* (*spėndo*) K, DŽ, NdŽ, FmW ⇔ *spřesti*, *spřėndžia*, *spřėndė* Rtr ‘устанавливать западно’ ≈ лтш. *spiēst*, *spiēžu*, *spiēdu* ‘drücken’.
53. ? Лит. *spráuсти*, *spráudžia*, *spráudė* DŽ ‘втискивать; бежать’ + *sprúсти*, *-ta*, *sprúdo* Rtr, NdŽ ‘выскальзывать, вырываться’ ≈ лтш. *spraúst*, *spraúžu*, *spraúdu* ‘einstecken’ + *sprúst*, *sprūžu* ‘klemmen’ + *sprúst*, *sprústu*, *sprúdu* (ā) ‘eingeklemmt werden’; iter. *spraúdit̃*, *-u*. Корень без расширения *-d-* рецессивен: лтш. *spraútiēs* (*spraújuōs*, *správuōs*) ‘emporkommen, empordringen’. Лтш. *spráust*² Kp., по-видимому, отражает форму с м-циркумфлексом.
54. Лит. *spręsti*, *sprėndžia*, *sprėndė* Š, Rtr, BŽ154, DŽ ‘решать, судить’ ⇔ *sprřesti*, *sprřėndžia*, *sprřėndė* (Krs, LKT225 (Plm)) ≈ лтш. *sprīēst*, *sprīēžu*, *sprīēdu* (ē) ‘urteilen’.
55. Лит. *spręsti*, *sprėndžia* (*sprėnda*), *sprėndė* (*sprėndo*) ‘пялить, распирать’ ⇔ *sprřesti*, *sprřėndžia*, *sprřėndė* (Mžš, Kp, Skdv, Pl, Sb); iter. *sprandýti*, *spraňdo*, *spraňdė* ≈ лтш. *sprīēst*, *sprīēžu*, *sprīēdu* (ē) ‘strecken, spannen’ ≈ слав. *prędō, *prędetь (*pręsti) а. п. с.
- ? Лит. *stiegti*, *-ia*, *-ė* ⇔ *stōgti* (*ūžstogė* Rz) ‘крыть (крышу)’.
56. Лит. *strięgti*, *-ia*, *-ė* ‘насаживать (наживку на крючок)’ BŽ263, NdŽ, FmW, KŽ, Dov ⇔ *strięgti* NdŽ, FmW (DŽ, Dr, Vlkv, Krt) + *srięgti*, *-ia*, *-ė* NdŽ ⇔ *srięgti* Š, NdŽ, J, Grg ‘нарезать резьбу’; iter. *sraigýti*, *sraigō*, *sraigė* NdŽ, Ds ‘втыкать’ ≈ лтш. *strięgt̃*, *striędzu*² ‘Lockspeise auf Angelhaken legen’¹³⁷ ≈ слав. *strīgō, *strižetь (*strīgti) а. п. с.
57. Лит. *tėrpti*, *-ia*, *-ė* ‘вставлять’ Rtr, NdŽ, DŽ¹, KŽ, J.Jabl, Rtr, Sv ⇔ *teřpti* DŽ¹, Trgn, Škt, Grš, KzR, Rmš, Ktk, Krč, Vžns, Aln, Sdk, Ut, Bsg; iter. *tarpýti*, *tařpo*, *tařpė* ≈ слав. *tęrpjō, *tęrpitь (*tępřeti) а. п. с.; *tęrnō, *tęrnеть (*tęrnōti) — а. п. b₁ (м-циркумфлекс).

¹³⁷ Парадигма лит. *strīgti*, *strīnga*, *-o* ‘застревать’, лтш. *strigt*, *strīegu*, *strigu* ‘einsinken’, по-видимому, субститут парадигмы *strīgtie, *strīnga.

- Лит. *trėkšti, trėškia* (*trėškia* DŽ), *trėškė* Jn (Kv), K.Būg, Š, DŽ, NdŽ, K, Rtr, KŽ, Ilg, Snt, Kv, Mrj, J, Štk, Žr, Krš, Prk, Krž, Als + *trykšti, -ia* (*tryška, tryškia*), *tryško* ‘хлестать’ ⇔ *trėkšti, trėškia* (*trėškia* Š), *trėškė* BŽ119, NdŽ, KŽ, Ker, Prn, DŽ¹, Bgs, Mžš ‘раздавливать, выжимать’.
58. Лит. *uosti, uodžia, uodė* (*uodo* DūnŽ) KBII149, K, Š, DŽ ‘нюхать’ ⇔ *uōsti, uōdžia, uōdė* DrskŽ (Drsk, Žln, Krok, Sn, Pv, Pls, Kpč, Dg, Krs) ≈ лтш. *uōst, uōšu, uōdu* (ē) ‘riechen’.
59. Лит. *urbtī, -ia* (-a Š), -ė Jn, Š, K.Būg, Rtr, P.Skar, BŽ37,503, NdŽ, DŽ, Kv, Všv ‘буравить’ ≈ лтш. *ūrbt, ūrbju, ūrbu* ‘bohren’; обобщенный м-циркумфлекс как в литовском, так и в латышском глаголе. Р-акут в лтш. *īfbs* ‘Stricknadel’.
- Лит. *vėngti, -ia, -ė* KBII149, K, Š, Rtr, FmW, KŽ, OGLII336, NdŽ ⇔ *veñgti* Mžš, Vžns, Klt, Adm, Dgl, Jnš ‘уклоняться, избегать’; iter. *vangytis, vañgosi, vañgėsi*.
60. Лит. *vėrgti, -ia, -ė* DŽ, NdŽ ⇔ *veřgti* KŽ, DŽ², NdŽ, KŽ ‘поработать’. Инхоативный глагол *vařgti, -sta, -o* KBII59, K, Rtr, Š, DŽ, NdŽ, KŽ ‘мучиться’ также с (-)корнем, но с другой огласовкой (и.-е. *worg- > балтослав. *wārg-) ≈ лтш. *vārgt, vārgstu, vārgu* AP., Arrasch, C., Jürg., Dunika, Līn. и т. д. (также *vārgt²* Kl., Lōs. и др.) ⇔ *vārgt* N.-Wohlfahrt, Serbigal (также *vārgt²* Dond., Frauenb., Ruj. и др.) ‘siechen, quienen, elend sein’. Ср. однокоренные прилагательные: лит. *vargūs* (4), ст.-лит. и диал. *vařgus* (2) ‘трудный’ и лтш. *vārgs* ‘siech, elend’.
61. Лит. *veřti, -ia, -ė* KBII154, KII499, K, Rtr, Š, DŽ, KŽ ‘стягивать’; iter. *varžyti, varžo, varžė* ≈ лтш. *vėrzt²* Karls. ‘wenden’ ≈ слав. *vьrzo, *vьrzetĭ (*verztĭ) а. п. с. Балто-славянский м-циркумфлекс в глагольной парадигме; р- и м-акуты в девербативах: лит. диал. *vāržas* (3), *varžā* (3 > 4), лтш. *vařza*; м-акут в лит. *vārža* (1), лтш. *vařza* и слав. *vōrza а. п. а.
62. Лит. *vōkti, -ia, -ė* Jn (Kv), J.Jabl, Ms ‘собирать, убирать’ ⇔ *vōkti* Ppl ≈ лтш. *vākt, vācu, vācu* C., Seren, Skaista ⇔ *vākt* Neuenb., PS. ‘deckeln, ernten, (ein Kind) warten’.
- Лит. *vōžti, -ia, -ė* (в большинстве говоров) ⇔ *vōžti* Krn (Slm, On, Nmn, Rmš, Pgg, Al, Kpr, pavožė Pv) ‘закрывать’ ≈ лтш. *vāzt, vāzu, vāzu* ‘decken’.
- Лит. *žaisiti, žaidžia, žaidė* (J.Jabl, Š, K.Būg, Rtr, RŽ, DŽ, DŽ¹, NdŽ, KŽ, K, KI, KII) ⇔ *žaišti, žaidžia, žaidė* DŽ (также диал. *žeisti*) ‘играть’.

Особый случай представляет следующий глагол:

63. Лит. *veikti, -ia, -ė* ‘делать’ + *vỹkti, -sta, -o* KBII159, K, K.Būg, Š, DŽ, KŽ ‘отправляться, совершаться’ ≈ лтш. *vėikt, -cu, -cu* ‘делать’ Iw., Līn., Bl. ⇔ *vėikt* C., U., Serbigal, Wolm. + *vĩkt, -kstu, -ku* Dunika ‘gedeihen’. В глаголе представлен восточнобалтийский корень с р-акутом — ср. еще прилагательное лит. *vėikas, -ā* (3) KŽ, *vėikus, -i* (3) DŽ², (1) DŽ, NdŽ, *veikūs, -i* (3) K, DŽ, NdŽ. Циркумфлекс в *veikas, -ā* (4) [K] может быть и результатом метатонии, и рудиментом интонации другого и.-е. корня. Вост.-балт. *vāik-/ *vāik- и (с акутом и перфектной огласовкой) *vāik-/ vīk-, по-видимому,

является контаминацией двух и.-е. корней — *weyk- ‘to compel, to win’ и *h₁weyk- ‘to fit, to resemble’. Последний корень, в частности, представлен в греч. гом. perf. без дубликации $\epsilon\omicron\kappa\alpha/\omicron\check{\kappa}\alpha$, $\epsilon\iota\kappa\acute{\omega}\varsigma/\epsilon\omicron\kappa\acute{\omega}\varsigma$ (< *h₁weyk-), praes. $\epsilon\dot{\iota}\sigma\kappa$ (< *h₁wik-sk-) и т. д. В правосточнобалтийском отражается эта же основа «атематического» перфекта *h₁woyk- (> лит. и лтш. *veik-*). Корень *h₁weyk- имеет рефлекс «ларингальной протезы» в виде балто-славянского акута (Николаев 1986б). И.-е. корень *weyk- не содержал причины для развития балто-славянского акута: др.-ирл. *fichim* ‘ich kämpfe’, герм. *wīhan- и *wīgán- (др.-исл. *vega*), с нулевой ступенью *-i-, а не *-ī-, как ожидалось бы в «ларингальном» корне. Латинская парадигма *vincō*, perf. *vīcī* указывает на и.-е. доминантность корня *weyk-. Именно этот корень содержится в *wqyko-s > слав. *věкъ, gen. *věka а. п. *d* (Николаев 2012, 151); лит. *viėkas* (2) ‘сила, мощь’ (значение ‘век’, по-видимому, заимствовано из славянских языков) К. Būg, KŽ, DrskŽ, (4) LzŽ [однако единично и *viėkas* (1) К. Būg] и *vaikas* (4) ‘ребенок’.

2.3.4.3. Глаголы с неопределенной валентностью

Следующие литовские глаголы (и их латышские соответствия) не позволяют установить правосточнобалтийскую (resp. балто-славянскую) валентность корней. Отсутствие рефлекса *м*-циркумфлекса может быть случайностью, прерывистая интонация в латышском — вторичной.

1. Глаголы, у которых в литовском отсутствует *м*-циркумфлекс, в латышском представлена прерывистая интонация, других данных о балто-славянской валентности корней нет.

Лит. *brėsti*, *brėsta* (*brėndžia*), *brėndo* (*brėndė*) ‘зреть, наливаясь соком’ ≈ лтш. *briēst*, *briēžu*/*briēstu*, *briēdu* ‘quellen, schwellen’.

Лит. *dirbti*, *dirba* (-*ia*), -*o* (-*ė*) ‘работать’ ≈ лтш. *dīrbt* ‘schnell laufen’.

Лит. *kópti*, -*ia* (*kópa*), -*ė* (-*o*) ‘лезть, взбираться’ ≈ лтш. *kāpt*, *kāpju*, *kāpu* ‘steigen’.

Лит. *krópti*, -*ia*, -*ė* ‘обманывать’ ≈ лтш. *krāpt*, *krāpju*, *krāpu* ‘betrügen’.

Лит. *réižti*, -*ia*, -*ė* ‘пружинить’ ≈ лтш. *riēzt*, *riēžu*, *riēzu* (*ē*) ‘emporstecken’¹³⁸.

Лит. *skóbtī*, -*sta*, -*o* Jn, К. Būg, Rtr, Š, DŽ, NdŽ ‘киснуть, кваситься’ ≈ лтш. *skābt*, *skābstu*, *skābu* ‘sauer werden’.

Лит. *žįsti*, *žinda* (*žindi*, *žindžia*), *žindo* К. Būg, Š, Rtr, RŽ, DŽ, FmW, NdŽ, KŽ ‘сосать’ ≈ лтш. *zįst*, *zįžu*, *zįdu* ‘saugen’.

2. Литовские глаголы без рефлекса *м*-циркумфлекса, других данных о балто-славянской валентности корней нет.

áušti, -*ta*, -*o* ‘остывать’; *blėsti*, -*ia*, -*o* ‘гаснуть’; *brėsti*, *brėndžia*, *brėndė* Lnkv ‘скрежетать, скрипеть (как коростель)’; *brángti*, -*sta*, -*o* ‘дорожать’; *búgti*, -*sta*, -*o* ‘бояться’; *diežti*, -*ia*, -*ė* Mit1224 ‘бить’ + *dýžti*, -*ia*, -*ė* (-*o*) ‘пороть; сечь’; *drėkti*, -*sta*, -*o* К ‘сыреть, влажнеть’; *galąsti*, *galánda*, *galándo* (-*ė*) и *gelėsti*,

¹³⁸ Ср. также лит. *rėžti*, -*ia*, -*ė* ⇔ *rėžti* ‘напрягаться’ от сходного корня *reġ-.

gelénda (geléndzia), geléndo ‘точить’; *gręsti, gręndzia (gręnda), gręndé (gręndo K)* ‘скоблить; скрести’; *gúosti, gúodzia, gúodé* ‘утешать’; *káisti, -ia (-a), -é [K], Š, K. Būg, BŽ517* ‘скоблить’; *láukti, -ia, -é* ‘ждать’; *liegti, -sta (-ia), -o (-é)* ‘тяжко болеть, хворать’; *lyžti, -ta, -o NdŽ* ‘смягчаться’; *máugti, -ia, -é tr. K, Rtr* ‘душить’; *plėkti, -sta, -o K, Jš, Lzd, Alvt, Slnt* ‘плесневеть, преть’; *reikišti, reiškia, reišké (reikšké PK154)* ‘означать, заявлять’ + *rykšti, -ta, ryško DŽ* ‘становиться ясным’; *rykšti, -ta, ryško KI416, BŽ565, DŽ, DūnŽ, Slnt, Prk, Krkl, Sml* ‘отрепываться’; *skųsti, skundzia, skundé Š* ‘доносить, жаловаться’; *sviesti, sviédzia, sviédé K. Būg (Šl), NdŽ* ‘мазать’¹³⁹; *šiaųsti, -ia, -é Š, Rtr, DŽ, NdŽ* ‘кытать’; *trinkti, -sta, -o Š, NdŽ, FmW* и *trinkėti, trinka, -ėjo* ‘стучать’; *tróksišti, -ta, tróško KBII149, K, Rtr, DŽ, NdŽ, KŽ* ‘хотеть пить’; *tvilkti, -sta, -o Š, Rtr, BŽ458, RŽ, NdŽ, FmW, KŽ, Slnt* ‘испаряться’; *žvėngti, -ia, -é KBII150, K, Rtr, DŽ, NdŽ, KŽ* ‘ржать’.

2.3.5. Количественное соотношение корней двух валентностей

Обращает на себя внимание численное превосходство восточнобалтийских рецессивных акутированных корней с исходом на шумные — 63 (§2.3.4.2) над доминантными — 45 (§2.3.4.1). Это позволяет предположить тенденцию к переходу корней из доминантного в рецессивный класс. В праславянском реконструируются 40 (–)корней и 59 (+)корней (§2.1.1), что указывает на противоположную тенденцию в раннепраславянский период¹⁴⁰.

В реконструкции индоевропейских акцентуационных классов (валентностей) глагольных корней с шумным аусллаутом, сделанной по морфологическим признакам в латыни и древнеиндийском, по греческой морфонологии корней *-set* и по акцентуации древнеиндийских и греческих тематических девербативов¹⁴¹, количество корней I (доминантного) класса замет-

¹³⁹ Следует отделять от *sviesti* ‘швырять’. От этого корня образовано *sviēstas* ‘масло’. И.-е. корень **ksweyd-*: др.-инд. *kṣvīyati, kṣvédate* ‘wird feucht, schwitzt aus, entlässt einen Saft’, авест. *xšvīd-* м. ‘Milch’. Неясна этимологическая связь с и.-е. **sweyd-* ‘пот, потеть’: др.-инд. *svīdyati, svēdatē*, авест. *xʾaēda-* м. ‘Schweiss’, лтш. *svīst, svīst, svīdu* ‘schwitzen’ и т. д., ср. (Dybo 2002, 419, 438).

¹⁴⁰ В позднепраславянских диалектах и в истории отдельных славянских языков действовала тенденция, аналогичная восточнобалтийской: глаголы а. п. *b₂* переходили в а. п. *c*; глаголы а. п. *a* — в окситонированную а. п., далее в а. п. *c* (§2.1.1).

¹⁴¹ Классы древнеиндийских, греческих и латинских корней определяются по процедуре, впервые описанной в (Николаев, Старостин 1982). За время после выхода работы в этой процедуре произошли изменения в части, касающейся балтославянского материала: не подтвердилось предположение об исконной принадлежности к I (доминантному) классу всех глаголов с полной огласовкой корня в презенсе; неверно и обратное утверждение о том, что все глаголы с тауосиллабическим дифтонгом, имеющие нулевую ступень в славянской презентной основе, относятся ко II классу. Также, видимо, неверным было предположение о нереле-

но превышает количество корней II (рецессивного) класса (Николаев, Старостин 1982, 326–333). При этом во многих случаях доминантность восстанавливается только по древнеиндийским данным, что вызывает предположение о морфологическом переходе значительной части корней из II в I класс в древнеиндийском.

В латыни, где морфо(но)логическая оппозиция двух классов корней близка к праславянской (в частности, несигматический претерит образуется от доминантных, сигматический — от рецессивных корней), насчитывается почти равное число корней I и II классов:

I (доминантный) класс: 1. *agō* ~ *ēgī*; 2. *co-epiō* (**ariō*) ~ *co-epī* (**ērī*); 3. *cadō* ~ *cecīdī*; 4. *caedō* ~ *cecīdī*; 5. *capiō* ~ *cēpī*; 6. *currō* ~ *cucurrī*; 7. *edō* ~ *ēdī*; 8. *faciō* ~ *fēcī*; 9. *fallō* ~ *fefellī*; 10. *de-fendō* ~ *-fendī*; 11. *findō* ~ *fīdī*; 12. *fiŋgō* (вторичный сигм. перф. *fīnxī*, *fictus*); 13. *fodiō* ~ *fōdī*; 14. *frangō* ~ *frēgī*; 15. *fugiō* ~ *fūgī*; 16. *fundō* ~ *fūdī*; 17. *pre-hendō* ~ *-hendī*; 18. *iaciō* ~ *iēcī*; 19. *īciō* ~ *īcī*; 20. *in-*, *ac-cendō* ~ *-cendī*; 21. *iungō* (вторичный сигм. перф. *iūnxī*, ср. *iugāre*); 22. *legō* ~ *lēgī*; 23. *linquō* ~ *liquī*; 24. *mingō* (вторичный сигм. перф. *mīnxī*, ср. *mictus*); 25. *tordeō* ~ *tomordī*; 26. *pangō* ~ *pepigī*/*pēgī* (вторичный сигм. перф. *pānxī*); 27. *parcō* ~ *pepercī*; 28. *pendeō* ~ *pependī*; 29. *pendō* ~ *pependī*; 30. *pingō* (вторичный сигм. перф. *pīnxī*, ср. *pictus*); 31. *prandeō* ~ *prandī*; 32. *pungō* ~ *perugī* (вторичный сигм. перф. *pūnxī*); 33. *rumpō* ~ *rūpī*; 34. *sānciō* (-*īre*; вторичный сигм. перф. *sānxī*, ср. *sacer*); 35. *scandō* ~ *scandī*; 36. *scindō* ~ *scicidī*/*scīdī*; 37. *sedeō* ~ *sēdī*; 38. *spondeō* ~ *spopardī*; 39. *di-*, *īn-stinguō* (вторичный сигм. перф. *-stīnxī*, и.е. **steyg*^(*)- ‘колоть’); 40. *stringō* (вторичный сигм. перф. *strīnxī*, ср. *strictus*); 41. *tangō* ~ *teigī*; 42. *tendō* ~ *teitendī*; 43. *tondeō* ~ *totondī*; 44. *tundō* ~ *tutudī*; 45. *vellō* ~ *vellī*; 46. *vertō* ~ *vertī*; 47. *videō* ~ *vidī*; 48. *vincō* ~ *vīcī*.

II (рецессивный) класс: 1. *ardeō* ~ *arsī*; 2. *augeō* ~ *auxī*; 3. *carpō* ~ *carpsī*; 4. *cēdō* ~ *cessī*; 5. *cingō* ~ *cīnxī*; 6. *claudō* ~ *clausī*; 7. *coquō* ~ *cōxī*; 8. *dīcō* ~ *dīxī*; 9. *dūcō* ~ *dūxī*; 10. *in-dulgeō* ~ *-dulsī*; 11. *faciō* (-*īre*) ~ *farsī*; 12. *fiŋgō* ~ *fīxī*; 13. *flectō* ~ *flēxī*; 14. *af-*, *cōn-flīgō* ~ *-flīxī*; 15. *fricō* ~ *frixī*; 16. *gerō* ~ *gessī*; 17. *haereō* ~ *haesī*; 18. *hauriō* (-*īre*) ~ *hausī*; 19. *iubeō* ~ *iussī*; 20. *il-liciō* (**laciō*) ~

валентности латышской прерывистой интонации в корнях на шумный для установления и.-е. класса корня, хотя во многих случаях она действительно должна быть признана вторичной. Балто-славянские и греческие презентные формы нерелевантны для установления и.-е. валентности. Релевантными для установления классов (валентностей) и.-е. глагольных корней представляются следующие критерии: 1) в древнеиндийском — не только морфологические, но и морфонологические признаки корней двух классов и акцентуация не только тематических, но и иных deverбативов (Николаев 1986а; АССЯ, 53–69); 2) в греческом — морфонологические признаки двух классов корней *-set*, форма корня в атематическом презенте и тематическом аористе и ударение deverбативов (Николаев 1983; 1986а; АССЯ, 53–69); 3) в латыни — формы презенса и перфекта глаголов с корнями с исходом на шумные согласные и сонанты; долгота/краткость гласных в *t*-формах от «ларингальных» корней; 4) в балто-славянском — валентности корней (и мотивируемые ими морфологические особенности).

il-lexī (**laxī*); 21. *laedō* ~ *laesī*; 22. *lūceō* ~ *lūxī*; 23. *lūdō* ~ *lūsī*; 24. *lūgeō* ~ *lūxī*; 25. *mergō* ~ *mersī*; 26. *metō* ~ *messuī* (вместо **messī*); 27. *mittō* ~ *mīstī*; 28. *mulgeō* ~ *mulstī*; 29. *nūbō* ~ *nūpsī*; 30. *pectō* ~ *pēxī*; 31. *pīnsō* ~ *pīstī*; 32. *plaudō* ~ *plausī*; 33. *plectō* ~ *plēxī*; 34. *quatiō* ~ *quassī*; 35. *radō* ~ *rāsī*; 36. *rīdeō* ~ *rīstī*; 37. *scribō* ~ *scripsī*; 38. *sentīō* (-īre) ~ *sēnsī*; 39. *spargō* ~ *sparsī*; 40. *speciō* ~ *spēxī*; 41. *suādeō* ~ *suāsī*; 42. *tegō* ~ *tēxī*; 43. *torqueō* ~ *torsī*; 44. *trahō* ~ *trāxī*; 45. *ūrō* ~ *ussī*; 46. *vādō* ~ *vāsī*; 47. *vehō* ~ *vēxī*; 48. *vergō* ~ *versī*; 49. *di-vidō* ~ *di-vīsī*; 50. *vinciō* (-īre) ~ *vīnxī*.

Приблизительно равное количество славянских корней обеих валентностей с исходом на сонанты и гласные [51 (+)корень и 56 (-)корней] и таких же балто-славянских [21 (+)корень и 25 (-)корней] подтверждает, что индоевропейские глагольные корни равномерно распределялись по двум акцентуационным классам.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а. п. — акцентная парадигма	русск. — русский
авест. — авестийский	сигм. перф. — сигматический перфект
арханг. — архангельский	слав. — праславянский
атем. — атематический презенс	слвн. — словенский
балто-слав. — балто-славянский	слвц. — словацкий
белор. — белорусский	сов. — совершенный вид
вост.-балт. — восточнобалтийский	ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий
вост.-ляшк. — восточноляшкский	срб.-хрв. — сербохорватский
герм. — прагерманский	ст.-болг. — староболгарский (= сред- неболгарский)
гом. — гомеровский	ст.-лит. — старолитовский
греч. — древнегреческий	укр. — украинский
диал. — диалектный	чешск. — чешский
др.-англ. — древнеанглийский	эпигр. — эпиграфический
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий	
др.-инд. — древнеиндийский	
др.-ирл. — древнеирландский	
др.-исл. — древнеисландский	
др.-чеш. — древнечешский	
и.-е. — индоевропейский	
карпатоукр. — карпатоукраинский	
кашубск. — кашубский	
лит. — литовский	
лтш. — латышский	
малопольск. — малопольский	
несов. — несовершенный вид	
позднепраслав. — позднепраславянский	
прош. вр. — прошедшее время	
псковск. — псковский	
	A. Baran — Antanas Baranauskas (1835– 1902), сочинения
	асс. — аккузатив
	A.-Ottenhof — Vec-Ate, Латвия
	Ad — Adučiškis, Švenčionių r., Литва
	Adm — Adomynė, Kupiškio r., Литва
	Akm — Akmenė, Литва
	Al — Alytus, Литва
	Alk — Alksnėnai, Vilkaviškio r., Литва
	Alks — Aleksandravėlė, Rokiškio r., Литва
	Aln — Alanta (Alunta), Molėtų r., Литва
	Als — Alsėdžiai, Plungės r., Литва
	Alt-Salis — Vec-Salaca, Латвия

- Alv — Alvitas, Vilkaviškio г., Литва
 Alvt — Alvitas, Vilkaviškio г., Литва
 An — Anykščiai, Литва
 Anč — Ančiškis, Panevėžio г., Литва
 Antz — Antazavė, Zarasų г., Литва
 aor. — аорист
 AP. — Alt-Pebalg = Vecpiebalga, Латвия
 Aps — Apsas = Опса, Браславский р-н, Витебская обл., Белоруссия
 Ar — Ariogala, Raseinių г., Литва
 Arm — Armoniškės = Германишки, Вороновский р-н, Гродненская обл., Белоруссия
 Arrasch — Araiši, Латвия
 Auk — Aukštadvaris (Aukšdvarys), Тракų г., Литва
 Azr — Azierkai = Озерки, Гродненский р-н, Гродненская обл., Белоруссия
 Bächhof — Upesmuīža, Латвия
 Bers. — Bersohn = Berzaune, Латвия
 Bgs — Bagaslaviškis, Širvintų г., Литва
 Bl. — Blieden = Blidene, Латвия
 Blnk — Balninkai, Molėtų г., Литва
 Brs — Barstyčiai, Skuodo г., Литва
 Brt — Bartninkai, Vilkaviškio г., Литва
 Brž — Biržai, Литва
 Bs — Jonas Basanavičius (1851–1927), сочинения
 Bsg — Baisogala, Radviliškio г., Литва
 Btr — Butrimonys, Alytaus г., Литва
 Btrm — Butrimonys, Šalčininkų г., Литва
 C. — J. Cīrulis из Drusti, Латвия
 caus. — каузатив
 dat. — датив
 Dbč — Dubičiai, Varėnos г., Литва
 Dbk — Debeikiai, Anykščių г., Литва
 Dg — Daugai, Alytaus г., Литва
 Dgl — Daugailiai, Utenos г., Литва
 Dglš — Daugėliškis, Ignalinos г., Литва
 Dk — Mikalojus Dauša (1527–1613), сочинения
 Dkk — Duokiškis, Rokiškio г., Литва
 Dkš — Daukšiai, Marijampolės г., Литва
 Dkšt — Dūkštas, Ignalinos г., Литва
 Dond. — Dondangen = Dundanga, Латвия
 Dov — Dovilai, Klaipešos г., Литва
 Dr — Darbėnai, Kretingos г., Литва
 Drosth. — Drostenhof = Drusti, Латвия
 Drsk — Druskininkai, Литва
 Ds — Dusetos, Zarasų г., Литва
 Dsn — Dysna, Ignalinos г., Литва
 Dt — Dotmuva, Kėdainių г., Литва
 Dv — Dieveniškės, Šalčininkų г., Литва
 Eiš — Eišiškės, Šalčininkų г., Литва
 Ėr — Ėriškiai, Panevėžio г., Литва
 Ermes — Erġeme, Латвия
 Erž — Eržvilkas, Jurbarko г., Литва
 Frauenb. — Frauenburg = Saldus, Латвия
 Gd — Gadūnavas, Telšių г., Литва
 Gdl — Gudeliai, Marijampolės г., Литва
 Gdr — Giedraičiai, Molėtų г., Литва
 gen. — генитив
 Gl — Gelgaudiškis, Šakių г., Литва
 Glv — Gelvonai, Širvintų г., Литва
 Gold. — Goldingen = Kuldīga, Латвия
 Gr.-Buschhof — Birži, Латвия
 Gr.-Essern — Lielezere, Латвия
 Grdm — Gardamas, Šilutės г., Литва
 Grg — Gargždai, Klaipešos г., Литва
 Grk — Girkalnis, Raseinių г., Литва
 Grnk — Grinkiškis, Radviliškio г., Литва
 Grš — Griškabūdis, Šakių г., Литва
 Gršl — Grūšlaukis, Kretingos г., Литва
 Grünwald — Zālīte, Латвия
 Grv — Gervėčiai, Островский р-н, Гродненская обл., Белоруссия
 Grz — Gruzdziai, Šiaulių г., Литва
 Grž — Grūžiai, Pasvalio г., Литва
 Gs — Geistarai (Didvyžiai), Vilkaviškio г., Литва
 I — Laurynas Ivinskis (1810–1881), сочинения
 Ig — Igliauka, Marijampolės г., Литва
 Ilg — Ilguva, Šakių г., Литва
 instr. — инструменталис
 intr. — переходный
 iter. — итератив
 Iw. = Iwanden — Īvande, Латвия
 J.Jabl — Jonas Jablonskis (1860–1930), сочинения
 Jd — Juodaičiai, Jurbarko г., Литва
 Jdr — Judrėnai, Klaipešos г., Литва

- Jn — Kazimieras Jaunius (1848–1908),
 сочинения
 Jnk — Jankai, Šakių г.
 Jnš — Joniškis, Литва
 Jnšk — Joniškėlis, Pasvalio г., Литва
 Jrb — Jurbarkas, Литва
 Jürg. — Jürgensburg = Jaunpils (Vidze-
 me) = Zaube, Латвия
 Jž — Jūzintai, Rokiškio г., Литва
 K.Būg — Kazimieras Būga (1879–1924),
 сочинения
 Kair — Kairiai, Šiaulių г., Литва
 Kal — Kalnalis, Kretingos г., Литва
 Kand. — Kandau = Kandava, Латвия
 Karls. — Karlsons из Naukšēni, Латвия
 Katzd. — Katzdangen = Kazdanga, Латвия
 Kaugershof — Kauguri, Латвия
 Kb — Kabeliai, Varėnos г., Литва
 Kdn — Kėdainiai, Литва
 Ker — Kernavė, Širvintų, Литва г.
 Kkl — Kiaukliai, Širvintų г., Литва
 Kl — Kuliai, Plungės г., Литва
 Kl. — prof. J. Kauliņš из Sausnēja, Лат-
 вия
 Klm — Kelmė, Литва
 Klp — Klaipėda, Литва
 Kls — Kalesninkai, Šalčininkų г., Литва
 Klt — Kaltanėnai, Švenčionių г., Литва
 Klvr — Kalvarija, Marijampolės г., Литва
 Km — Kamajai, Rokiškio г., Литва
 Knv — Kaniava, Varėnos г., Литва
 Kp — Kupiškis, Литва
 Kpč — Kapčiamiestis, Lazdijų г., Литва
 Kpr — Kupreliškis, Biržų г., Литва
 Krc — Krinčinas, Pasvalio г., Литва
 Krg — Kretingalė, Klaipėdos г., Литва
 Kri — Kriukai, Joniškio г., Литва
 Krkl — Karklėnai, Kelmės г., Литва
 Krkn — Kruonis, Kaišiadorių г., Литва
 Krkš — Krikštonys, Lazdijų г., Литва
 Krn — Kruonis, Kaišiadorių г., Литва
 Krns — Kriaunos, Rokiškio г., Литва
 Krok — Krokialaukis, Alytaus г., Литва
 Krs — Karsakiškis, Panevėžio г., Литва
 Krš — Kuršėnai, Šiaulių г., Литва
 Krt — Kartena, Kretingos г., Литва
 Krtv — Kurtuvėnai, Šiaulių г., Литва
 Krž — Kražiai, Kelmės г., Литва
 Kt — Keturvalakiai, Vilkaviškio г.,
 Литва
 Ktč — Katyčiai, Šilutės г., Литва
 Ktk — Kuktiškės, Utenos г., Литва
 Kv — Kvėdarna, Šilalės т., Литва
 KzR — Kazlų Rūda (Kazlai), Marijampolės г., Литва
 Ladenhof — Lāde, Латвия
 Lautb. — J. Lautenbachs из Matkule,
 Латвия
 Lc — Leckava, Mažeikių г., Литва
 Ldk — Lyduokiai, Ukmergės г., Литва
 Lel — Leliūnai, Utenos г., Литва
 Lln. — K. Līniņš
 Linden — Liepkalne, Латвия
 Lis. — Lisohn = Lizums, Латвия
 Lk — Luokė, Telšių г., Литва
 Lkm — Linkmenys, Ignalinos г., Литва
 Lkš — Lukšiai, Šakių г., Литва
 Lkv — Laukuva, Šilalės г., Литва
 Ll — Lioliai, Kelmės г., Литва
 Ln — Lėnas, Ukmergės г., Литва
 Lnkv — Linkuva, Pakuojo г., Литва
 loc. — локатив
 Lōs. — Lösern = Liezēris, Латвия
 Lp — Leipalingis, Lazdijų г., Литва
 Lpl — Lieplaukė, Telšių г., Литва
 Lš — Liškiaiva, Varėnos г., Литва
 Lz — Laz/d/ūnai = Лаздуны, Ивьевский
 р-н, Гродненская обл., Белоруссия
 Lzd — Lazdijai, Литва
 Mar. — Marienburg = Alūksne, Латвия
 Mitau — Jelgava, Латвия
 Ml — Mielagėnai, Ignalinos г., Литва
 Mlt — Molėtai, Литва
 Mrc — Marcinkonys, Varėnos г., Литва
 Mrj — Marijampolė, Литва
 Mrk — Merkinė, Varėnos г., Литва
 Ms — Mosėdis, Skuodo г., Литва
 Msn — Musninkai, Širvintų г., Литва
 Mšk — Meškuičiai, Šiaulių г., Литва
 Mžš — Miežiškiai, Panevėžio г., Литва
 N.-Peb. — Neu-Pebalg = Jaunpiebalga,
 Латвия

- N.-Wohlfahrt — Neu-Wohlfahrt = Ve-
cjeršeni, Латвия
- Nč — Nočia = Нача, Вороновский р-н,
Гродненская обл., Белоруссия
- Nd — Nida, Neringos miestas, Литва
- Nerft — Nereta, Латвия
- Neuenb. — Neuenburg = Jaunpils (Zem-
gale), Латвия
- Nigr. — Nigranda, Латвия
- Nitau — Nītaure, Латвия
- Nm — Kudirkos Naumiestis, Šakių г.,
Литва
- Nmn — Nemunaitis, Alytaus г., Литва
- nom. — номинатив
- Nötk. — Nötkenshof = Taurene, Латвия
- Nt — Notėnai, Skuodo г., Литва
- Nv — Nevarėnai, Telšių г., Литва
- Ob — Obeliai, Rokiškio г., Литва
- On — Onuškis, Rokiškio г., Литва
- Orellen — Ungurmuiža, Латвия
- P.Skar — Pranas Skardžius (1899–1975),
сочинения
- Paį — Paįstryš, Panevėžio г., Литва
- part. — participium
- Pb — Paberžė, Vilniaus г., Литва
- Pc — Pociūnėliai, Radviliškio г., Литва
- perf. — перфект
- Pg — Pagiriai, Kėdainių г., Литва
- Pgg — Pagėgiai, Šilutės г., Литва
- Pilten — Piltene, Латвия
- Pjv — Pajevonys, Vilkaviškio г., Литва
- Pl — Palėvenė, Kupiškio г., Литва
- pl. — множественное число
- Plk — Plokščiai, Šakių г., Литва
- Plm — Palomenė, Kaišiadorių г., Литва
- Pls — Pelesa = Пелеса Вороновский р-
н, Гродненская обл., Белоруссия
- Plv — Pilviškiai, Vilkaviškio г., Литва
- Pn — Panevėžys, Литва
- Pnm — Panemunėlis, Rokiškio г., Литва
- PnmR — Panemunis, Rokiškio г., Литва
- Pns — Punkskas = Puńsk, Подляское
воев., Польша
- Ppl — Papilys, Biržų г., Литва
- praes. — презен
- praet. — претерит
- Prk — Priekulė, Klaipėdos г., Литва
- Prn — Prienai, Литва
- Ps — Pasvalys, Литва
- PS. — prof. P. Šmits из Rauna, Латвия
- Pš — Pašvitinys, Pakuoja г., Литва
- Pšl — Pušalotas, Pasvalio г., Литва
- Pšš — Pašušvys, Radviliškio г., Литва
- Pun — Punia, Alytaus г., Литва
- Pv — Pivašiūnai, Alytaus г., Литва
- Pvn — Pavandenė, Telšių г., Литва
- Ramkau — Ranka, Латвия
- Rd — Radviliškis, Литва
- Rdd — Raudondvaris, Kauno г., Литва
- Rdm — Rudamina, Lazdijų г., Литва
- Rdš — Rūdiškės, Trakų г., Литва
- Rk — Rokiškis, Литва
- Rm — Ramygala, Panevėžio г., Литва
- Rmš — Rumšiškės, Kaišiadorių г., Литва
- Rod — Rodūnia = Радунь, Вороновский
р-н, Гродненская обл., Белоруссия
- Roop — Straupe, Латвия
- Rs — Raseiniai, Литва
- Rš — Rimšė, Ignalinos г., Литва
- Rt — Rietavas, Plungės г., Литва
- Rud — Rudnia, Varėnos г., Литва
- Ruj. — Rujen = Rūjiena, Латвия
- Rz — Rozalimas, Pakuoja г., Литва
- Salis — Salaca, Латвия
- Salisb. — Salisburg = Mazsalaca, Латвия
- Sb — Subačius, Kupiškio г., Литва
- Schnehpeln — Snėpele, Латвия
- Schujen — Skujene, Латвия
- Sd — Seda, Mažeikių г., Литва
- Sdb — Sidabras, Radviliškio г., Литва
- Sdk — Sudeikiai, Utenos г., Литва
- Selg. — Selgrben = Dzirciems, Латвия
- Sem — Semeliškės, Trakų г., Литва
- Serben — Dzėrbene, Латвия
- Serbegal — Cirgaļi, Латвия
- Sermus — Sėrmūkši, Латвия
- Sessw. — Cesvaine, Латвия
- Sg — Saugos, Šilutės г., Литва
- sg. — единственное число
- Siuxt — Džūkste, Латвия
- Skd — Skuodas, Литва
- Skdt — Skudutiškis, Molėtų г., Литва

- Skdv — Skaudvilė, Tauragės r., Литва
 Skp — Skapiškis, Kupiškio r., Литва
 Skr — Skirsnemunė, Jurbarko r., Литва
 Sl — Salos, Rokiškio r., Литва
 Sld — Saldutiškis, Utenos r., Литва
 Slk — Salakas, Zarasų r., Литва
 Slm — Salamiestis, Kupiškio r., Литва
 Slnt — Salantai, Kretingos r., Литва
 Slv — Slavikai, Šakių r., Литва
 Smilten — Smiltene, Латвия
 Sml — Smalvos, Zarasų r., Литва
 Smn — Simnas, Alytaus r., Литва
 Sn — Seinai = Sejny, Подляское воев.,
 Польша
 Snt — Sintautai, Šakių r., Литва
 Sr — Feliksas Sragys (1860–1951), со-
 чинения
 Srd — Seredžius, Jurbarko r., Литва
 Srg — Seirijai, Lazdijų r., Литва
 Srv — Surviliškis, Kėdainių r., Литва
 Str — Strūnaitis, Švenčionių r., Литва
 Sv — Svėdasai, Anykščių r., Литва
 Svn — Suvainiškis, Rokiškio r., Литва
 Šd — Šeduva, Radviliškio r., Литва
 Škn — Šakyna, Šiaulių r., Литва
 Škt — Šaukotas, Radviliškio r., Литва
 Šl — Šiauliai, Литва
 Šlčn — Šalčininkai, Литва
 Šlv — Šiluva, Raseinių r., Литва
 Šmk — Šimkaičiai, Jurbarko r., Литва
 Šmn — Šimonys, Kupiškio r., Литва
 Šn — Šunskai, Marijampolės r., Литва
 Šr — Širvintos, Литва
 Št — Šėta, Kėdainių r., Литва
 Štk — Šateikiai, Plungės r., Литва
 Šts — Šatės, Skuodo r., Литва
 Šv — Švėkšna, Šilutės r., Литва
 Švn — Šventežeris, Lazdijų r., Литва
 Švč — Švenčionys, Литва
 Tl — Telšiai, Литва
 Tr — Traupis, Anykščių r., Литва
 Tr. — Treilanda, Латвия
 trans. — переходный
 Trg — Tauragė, Литва
 Trgn — Tauragnai, Utenos r., Литва
 Trik. — Trikatėn = Trikātā, Латвия
 Trs — Truskava, Kėdainių r., Литва
 Tvr — Tverečius, Ignalinos r., Литва
 Ūd — Ūdrija, Alytaus r., Литва
 Ugalen — Ugāle, Латвия
 Ukm — Ukmergė, Литва
 Up — Upyna, Šilalės r., Литва
 Upn — Upinkai, Jonavos r., Литва
 Upt — Upytė, Panevėžio r., Литва
 Ut — Utena, Литва
 Užp — Užpaliai, Utenos r., Литва
 Užv — Užventis, Kelmės r., Литва
 Vad — Vadokliai, Panevėžio r., Литва
 Vb — Vabalinkas, Biržų r., Литва
 Vdš — Vidiškės, Ignalinos r., Литва
 Vdšk — Vidiškiai, Ukmergės r., Литва
 Vdžg — Vadžgirys, Jurbarko r., Литва
 Viltis — „Viltis“ («Надежда»), общест-
 венно-политическая и литератур-
 ная газета, издавалась в Вильнюсе
 в 1907–1915 гг.
 Vj — Vajasiškis, Zarasų r., Литва
 Vks — Vieksniai, Mažeikių r., Литва
 Vl — Veliuona, Jurbarko r., Литва
 Vlk — Valkininkai, Varėnos r.
 Vlkš — Vilkyškiai, Šilutės r., Литва
 Vlkv — Vilkaviškis, Литва
 Vn — Vainutas, Šilutės r., Литва
 Vrn — Varėna, Литва
 Vs — Veisiejai, Lazdijų r., Литва
 Všt — Vištytis, Vilkaviškio r., Литва
 Všv — Viešvėnai, Telšių r., Литва
 Vv — Veiveriai, Prienų r., Литва
 Vvr — Veiviržėnai, Klaipėdos r., Литва
 Vvs — Vievis, Trakų r., Литва
 Vžns — Vyžuonos, Utenos r., Литва
 Wainsele — Vainiži, Латвия
 Walk — Valka = Valkus, Латвия
 Wandsen — Vandzene, Латвия
 Warkl. — Warkland = Varakļāni, Латвия
 Wenden — Cēsis, Латвия
 Widdrisch — Vidridži, Латвия
 Wohlfahrt — Jērceņi, Ēvele, Латвия
 Wolm. — Wolmar = Valmiera, Латвия
 Wolmarshof — Valmiermuiža, Латвия
 Yl — Ylakiai, Skuodo r., Литва
 Zabeln — Sabile, Латвия

Zt — Zietela = Дятлово, Гродненская обл., Белоруссия	Žml — Žeimelis, Pakruojo г., Литва
Žg — Žagarė, Joniškio г., Литва	Žr — Žarėnai, Telšių г., Литва
Žgė — Žygaičiai, Tauragės г., Литва	Žrm — Žarėnai, Telšių г., Литва
Žln — Žilina, Varėnos г., Литва	Žvr — Žvirgždaičiai, Šakių г., Литва
	Žž — Žiežmariai, Kaišiadorių г., Литва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- АССЯ — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Вып. 1. М., 1993.
- АУМ II — Атлас української мови. Том другий. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі. Київ, 1988.
- Дыбо 1961 — В. А. Дыбо. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. № 30. М., 1961.
- Дыбо 1980 — В. А. Дыбо. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.
- Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 1982a — В. А. Дыбо. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). I. Реконструированное распределение в целом. Замечания по классификации и реконструкции глагольных классов. Материалы к реконструкции распределения акцентных типов у презенсов I группы // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.
- Дыбо 1982b — В. А. Дыбо. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. VI. Zagreb, 1982.
- Дыбо 1983 — В. А. Дыбо. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). II. Некоторые дополнения и уточнения к характеристике ряда древних южнославянских акцентных систем презенса. III. Материалы к реконструкции распределения акцентных типов у презенсов II группы. Балто-славянские истоки описанного распределения // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983.
- Дыбо 1989 — В. А. Дыбо. Акцентологический комментарий к Норовской псалтыри // Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века: В 2-х чч. / Изд. подг. Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Князевская, Л. А. Науменко. София, 1989.
- Дыбо 2000 — В. А. Дыбо. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. I. М., 2000.
- Дыбо 2003 — В. А. Дыбо. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003.

- Дыбо 2008 — В. А. Дыбо. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском языке и балто-славянская метатония // XIV Международный славистический конгресс. Охрид, 10–16 сентября 2008. Сборник резюме. Охрид, 2008.
- Дыбо 2009 — В. А. Дыбо. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском языке и балто-славянская метатония // Вопросы языкового родства. Международный научный журнал. № 2. (Вестник РГГУ. № 16. Серия «Филологические науки. Языкознание».) М., 2009.
- Дыбо 2011a — В. А. Дыбо. Система акцентных парадигм в прусском глаголе // Accent Matters. Papers on Balto-Slavic accentology / T. Pronk, R. Derksen (eds.). Rodopi, Amsterdam — New York, 2011.
- Дыбо 2011b — В. А. Дыбо. *Ē/i-* и *ē/ě-* глаголы в балто-славянском и их акцентные типы // Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлёва. М., 2011.
- Дыбо 2011в — В. А. Дыбо. Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии // Лексика, этимология, языковые контакты: Сборник посвящается юбилею Д. И. Эдельман. М., 2011.
- Ев.-апр. 7364 — старосербская рукопись нач. XV в. «Евангелие-апракос» / ГБЛ, ф. 178, № 7364. Расписал В. А. Дыбо.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
- Казлаускас 1966 — И. Казлаускас. О месте возвратной морфемы и ее ударении в литовском языке // *Baltistica* I (2). Вильнюс, 1966.
- МДАРЯ — Ответы на вопросы «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М.; Л., 1947), хранившиеся в Отделе диалектологии и лингвогеографии Ин-та русского языка РАН.
- МКЭ — материалы Карпатских диалектологических экспедиций Института славяноведения РАН под рук. С. Л. Николаева.
- МРЭ — материалы диалектологических экспедиций в русские говоры Института славяноведения РАН под рук. С. Л. Николаева.
- НБКМ № 93 — староболгарская рукопись XIV в. «Апостол» / НБКМ, № 93 (по Цоневу). Расписал В. А. Дыбо.
- НБКМ № 889 — старосербская рукопись первой половны XV в. «Апостол» / НБКМ, № 889 (по Цоневу). Расписали В. А. Дыбо, С. Л. Николаев, И. С. Пекунова.
- Николаев 1983 — С. Л. Николаев. Морфонология древнегреческого глагола. Ч. 1–2 // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983.
- Николаев 1986a — С. Л. Николаев. К исторической морфонологии древнегреческого глагола. Ч. 3–4 // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986.
- Николаев 1986b — С. Л. Николаев. Греческая протеза и балто-славянский акцент // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. М., 1986.
- Николаев 1989 — С. Л. Николаев. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. Москва, 1989.

- Николаев 1991 — *С.Л. Николаев*. К реконструкции праславянских тематических глаголов с корнями на шумный // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. Тезисы конференции. М., 1991.
- Николаев 1995 — *С.Л. Николаев*. К реконструкции акцентных парадигм праславянских тематических глаголов с корнями на шумные // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.
- Николаев 2001 — *С.Л. Николаев*. Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001.
- Николаев 2012 — *С.Л. Николаев*. Восточнославянские рефлексии акцентной парадигмы *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с *o-* и *u-*основами // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011. Вып. 2. М., 2012.
- Николаев 2013 — *С.Л. Николаев*. История штокавской акцентуации *i*-глаголов в свете данных старосербской рукописи XV в. «Апостол» (НБКМ № 889) [in litt.]
- Николаев, Старостин 1982 — *С.Л. Николаев, С.А. Старостин*. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.
- ОСА — *В. А. Дыбо, Г.И. Замятина, С.Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Ослон (в печати) — *М.В. Ослон*. Акцентные дублеты литовских йотовых глаголов на шумные // Балто-славянские исследования XIX (в печати).
- Писм. — староболгарская рукопись книги Константина Костенечского «О писменех», факсимильное издание: *К. Куев, Г. Петков*. Събрани съчинения на Константин Костенечки. София, 1986. Расписали В. А. Дыбо и С. Л. Николаев.
- ПОС — Псковский областной словарь. Вып. 1–. Л., СПб., 1967–.
- Сб. — староболгарская рукопись XV в., возможно, написанная Константином Костенечским / Б-ка Зографского монастыря, № 151 (по Ильинскому). Расписали по фотокопии В. А. Дыбо и С. Л. Николаев.
- Служ. Евф. — староболгарская рукопись XIV в. «Служебник» / Б-ка Зографского монастыря, № 1. Цит. по изд.: *П. Сырку*. К истории исправления книг в Болгарии. Т. I. Вып. II. СПб., 1890.
- Соссюр 1977 — *Ф. де Соссюр*. Труды по языкознанию / Пер. с франц. под ред. А. А. Холодовича. М., 1977.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. Л., СПб., 1965–.
- Урбанавичене 2011 — *Й. Урбанавичене*. Слоговые интонации в восточно-аукштайтских говорах литовского языка: экспериментально-фонетическое исследование монофтонгов и полифтонгов // *Baltistica VII. Priedas*. Vilnius, 2011.
- Arch — Archiv für slavische Philologie. Berlin 1876–1929. Bd. I–XLII.
- Basara 1965 — *A. Basara*. Studia nad wokalizmem w gwarach Mazowsza (Samogłoski ustne). Wrocław; Warszawa, 1965.
- Būga 1959 — *K. Būga*. Die Metatonie im Litauischen und Lettischen // *K. Būga. Rinkiniai raštai*. Т. II. Vilnius, 1959.
- BzBk — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von Dr. Bezzenger (und Dr. W. Prellwitz). Göttingen (1877–1906).

- BzF — Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volkstumes der Litauer. Von Adalbert Bezzenberger. Göttingen, 1882.
- BŽ — *J. Baronas*. Rusų lietuvių žodynas. Antras naujai parašytas kirčiuotas leidimas. Kaunas, 1933 (в ссылках на издание 1967 г. указывается том).
- Dersken 1996 — *R. Dersken*. Metatony in Baltic. Amsterdam; Atlanta, 1996.
- DP — Postilla Catholica. Išguldimas Ewangeliu kiekvienos Nedelos ir švętes per wissus metus. Per Kunigą Mikaloiv Davkszą Kanoniką Mednikų, iš ękiszko perguldita. Su wala ir dałaidimu wireusiuų. Wilniui, Drukarnioi Akademios Societatis Iesv, A. D. 1599.
- DrskD — Druskininkų dainos. Užrašė Juozas Balčikonis. Vilnius, 1972 (указываются номера песен).
- DrskŽ — *G. Naktinienė, A. Paulauskienė, V. Vitkauskas*. Druskininkų tarmės žodynas. Vilnius, 1988.
- DūnŽ — *V. Vitkauskas*. Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas. Vilnius, 1976.
- Dybo 2002 — *V. A. Dybo*. Balto-Slavic accentology and Winter's law // *Studia Linguarum*. No 3. Moscow, 2002.
- Dybo, Nikolayev, Starostin 1978 — *V. Dybo, S. Nikolayev, S. Starostin*. A Tonological Hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems // *Estonian papers in phonetics*. 1978. Tallinn, 1978.
- DŽ — Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954. DŽ¹ = 2-е изд. (1972), DŽ² = 3-е изд. (1993), DŽ³ = 4-е изд. (1999 и его интернет-вариант), DŽ⁴ = 5-изд. (компьютеризованное, 2004).
- Endzelin 1923 — *J. Endzelin*. Lettische Grammatik. Heidelberg, 1923.
- FrnW — *E. Fraenkel*. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg; Göttingen, 1956–1965.
- FT — Bendroji filosofijos terminija. LKD Terminologijos Sekcijos apsvastyta, papildyta ir priimta. Paruošė prof. St. Šalkauskis. Kaunas, 1938.
- G — Litauische studien. Auswahl aus den ältesten denkmälern, dialectische beispiele, lexikalische und sprachwissenschaftliche beiträge von Dr. Leopold Geitler. Prag, 1875.
- Gebauer 1896 — *J. Gebauer*. Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vidni, 1896.
- GK — Gimtoji Kalba. Bendrinės kalbos laikraštis. Kaunas, 1933–1941.
- GrvT — *J. Kardelytė*. Gervėčių tarmė. Vilnius, 1975.
- Hirt 1882 — *H. Hirt*. Vom schleifenden und gestossenen Ton in den indogermanischen Sprachen // *Indogermanische Forschungen*. Bd. I. 1892.
- J — Литовский словарь А. Юшкевича с толкованием слов на русском и польском языках. Том I, вып. 1. СПб., 1987; вып. 2. СПб., 1904; вып. 3 (тома II-го вып. 1). Петроград, 1922 (A – kukštuoties).
- JD — Lietuviškos dainos užrašytos par Antaną Juškevičę. 3 tomai. Kazanė, 1880–1882 (ссылки даются на номера песен).
- JR — Svothinė rėda Veluonyčiu Liėuviu surašyta par Antaną Juškevičę 1870 metuose. Kazanь, 1880.
- Jrk — Litauische Märchen und Erzählungen. Aus dem Volke gesammelt und in verschiedenen Dialecten, vornehmlich aber im Galbraster Dialekt mitgeteilt von C. Jurkschat. Pf. Gedruckt im Auftrage der litauisch-litterarischen Gesellschaft zu Tilsit.
- Jš — Jd. Juškýtės žodynėlis (рукопись 1932–33 гг.).
- K — Littauisch-deutsches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. Halle a. S. 1883.

- Kazlauskas 2000 — *J. Kazlauskas*. Rinktiniai raštai 1: Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 2000.
- KB — Beiträge zur Kunde der littaaischen Sprache, von Friedrich Kurschat <...> Erstes Heft. Deutsch-littaaische Phraseologie der Präpositionen <...> Königsberg, 1843; Zweites Heft. Laut- und Tonlehre der littaaischen Sprache. Königsberg, 1849.
- KGr — Grammatik der littaaischen Sprache von Dr. Friedrich Kurschat. Halle a. S. 1876.
- KI, KII — Deutsch-littaaisches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. Bd. I, II. Halle, 1870, 1874.
- KIb — Kalbotyra. Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Vilnius, 1958.
- KIM — Naujos Giesmju Knygos ... Taipajeg Maldu Knigeles didžausey Baznyczose wartojamos ... Karalauzjuje ... MDCLXVI. (Leidėjas D. Kleinas. Skaitmenys rodo puslapius.)
- Kos — Litwanica czyli Wiadomosci o Litwie zebrane przez ... Ambrozego Kossarzewskiego. (Рукопись. Годы жизни автора 1821–1880 гг.)
- Kr. — Krumberga (iz Odziena) vardu saraksts Mag. XVI. 2. 62 sk. (= Die Wortliste Krumbergs Mag. XVI. 2. 62 ff.)
- Kucala 1957 — *M. Kucala*. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
- KŽ — *A. Kuršaitis*. Lietuviškai-vokiškas žodynas ... Göttingen. T. I – 1968, t. II – 1970, t. III – 1972, t. IV – 1973.
- L — Lietuviškos ir angliškos kalbų žodynas. Sutaisė A. Lalis. Pirma dalis: lietuviškai-angliška. Antra dalis: angliška-lietuviška. Trečias, iš naujo taisytas ir gausiai papildytas, spaudimas. Chicago, 1915. (L su puslapio nurodymu = angliška-lietuviška dalis.)
- L. — *J. Lange*. Vollstaendiger Lettisch-deutsches Lexikon. Steffenhagen, 1773.
- LD — *Z. Zinkevičius*. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
- LKA — Lietuvių kalbos atlasas. I. Leksika, II. Fonetika, III. Morfologija. Lietuvos TSR Mokslų akademijos Lietuvių kalbos ir literatūros (c 1990 r. Lietuvių kalbos) institutas. Vilnius 1977–1991.
- LKK — Lietuvių kalbotyros klausimai. Lietuvos TSR Mokslų akademijos Lietuvių kalbos ir literatūros (c 1990 r. Lietuvių kalbos) institutas. Vilnius, 1957–.
- LKT — Lietuvių kalbos tarmės, chrestomatija. Lietuvos TSR Mokslų akademijos Lietuvių kalbos ir literatūros institutas. Vilnius, 1970.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002): elektroninis variantas / Redaktorių kolegija: G. Naktinienė (vyr. redaktorė), J. Paulauskas, R. Petrokienė, V. Vitkauskas, J. Zabarskaitė. Vilnius, 2005 // www.lkz.lt.
- LzŽ — *J. Petrauskas, A. Vidugiris*. Lazūnų tarmės žodynas. Vilnius, 1985.
- Mat. II — Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии, собранные И. А. Бодуэном де-Куртенэ. II. Рукопись И. А. Бодуэна де Куртенэ (Архив АН СССР в Санкт-Петербурге, ф. 102, оп. 1, № 1), цифры обозначают сквозную нумерацию страниц рукописи (цит. по фотокопии).
- MEV — *K. Mühlenschach*. Lettisch-deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Bd. I–IV. Riga, 1923–1925.
- Mikalauskaite 1957 — *E. Mikalauskaite*. Kirčio ir priegaidės kaita, arba metatonija, pietvakarių dzūkų tarmėje // Lietuvių kalbotyros klausimai. T. I. Vilnius, 1957.

- Mit — Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft. Bd. I–VI. Heidelberg, 1883–1912.
- MT — Margarita Theologica, Collecta et conscripta a M. Adamo Francisci, Iegerndorfense, Monasterij Heilsbrunnensis Abbate. Žemczuga Theologischka Kuri Sawieje aptur, trumpa parodima, ir ischguldima, Wiriausiuoiu daliu moxlo Chriksconischkoio <...> Lituwischkai jra perguldita per Simona Waischnora warnischki Plebona Ragaines. Ischspausta Karaliaucziuię Prusu, per Jurgi Osterbergerą, maetuą Christaus 1600.
- N — Wörterbuch der Littauischen Sprache von G. H. F. Nesselmann. Königsberg 1851. N с номерами песен = Litauische Volkslieder gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt von G. H. F. Nesselmann. Berlin, 1853.
- NdŽ — Lietuvių rašomosios kalbos žodynas. Lietuviškai-vokiška dalis. I–V tm. Sudarė M. Niedermann'as, A. Senn'as, F. Brender'is ir A. Salys. Heidelberg, 1932–1968.
- OG — *Jan Otrębski*. Wschodniolitewskie narzecze twereckie. Cz. I. Gramatyka. Kraków, 1934.
- OGL — *Jan Otrębski*. Gramatyka języka litewskiego. I–III. Warszawa, 1958, 1965, 1956.
- P.Skar DA — *P. Skardžius*. Daukšos akcentologija. Kaunas, 1935.
- PG — Pagerintos Giesmju Knygos <...> iš Naujo perweizdetos per F. Kurszą, Königsberg, 1888 (1922).
- PK — Polski z Litewskim Katechism Albo Krotkie w jedno mieysce zebranie, wiary y powinnošci Krzešciańskiey ... Nakładem Jego Mšci Pana Malchera Pietkiewicza, Pisarza ziemskiego Wileńskiego. W Wilnie, Drukował Stanislaw Wierzeyski, Roku 1598. (Skaitmenys rodo puslapius.)
- PolŽ — Rusų-lietuvių kalbų politechnikos žodynas / Sudarė G. Daugėla. Vilnius, 1984.
- Rešetar 1900 — *M. Rešetar*. Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien, 1900.
- Rtr — Lietuviškai-latviškas žodynas / Sudarė J. Ryteris. Ryga, 1929.
- RŽ — Lietuvių kalbos rašybos žodynas. Kaunas, 1948.
- SchL — Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. XI Band, I Heft, 1853. Litanica von Prof. A. Schleicher (79–159 psl.).
- SD — Dictionarium trium lingvarum, In usum Studiosae Iuventus, Avctore <...> Constantino Szyrwid <...> Qvinta editio <...> Vilnae ... M. DCC.XIII.
- St. — *G. F. Stender*. Lettisches Lexikon. Mitau, 1789.
- Stang 1966 — *Chr. S. Stang*. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966.
- Š — Lietuvių ir rusų kalbų žodynas / Sudarė D-ras J. Šlapelis. Vilnius, 1921 (A–jūšė).
- U. — *Ch. Ulman, G. Neiken*. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Riga, 1872.
- Zinkevičius 1966 — *Z. Zinkevičius*. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

Акцентные дублеты у литовских йотовых глаголов на шумные¹

Многие литовские глаголы, имеющие в литературном языке корневой акут, засвидетельствованы в говорах с циркумфлексом; реже бывает наоборот (циркумфлекс в литературном, акут только в говорах). Так, в книге А. Пакериса (Pakerys 2002), где подробно разобраны все морфологические и акцентные типы литовских глаголов, после перечня литературных форм даются некоторые отклоняющиеся от нормы диалектные варианты. Из «непроизводных» глаголов (с инфинитивом на *-ti*) в массовом порядке варианты есть, по большому счёту, только у йотовых глаголов и глаголов на *-sta*. Тематические глаголы (на *-a*) имеют либо устойчивый акут (на долгих монофтонгах), ср. *bėgti* 'бежать', наст.3. *bėga*, прош.3. *bėgo*, либо устойчивый циркумфлекс (на дифтонгах), ср. *riñkti* 'собирать', *reñka*, *riñko* (с различными типами чередований, которых мы здесь не будем касаться, как и кратких гласных). Правда, в списках глаголов этого типа (нейотовых) приводятся также варианты *sėsti* ~ *sėsti* 'сесть' и *gnỹbti* ~ *gnỹbti* 'щипать'.

Об этих двух глаголах А. Пакерис сообщает, что в говорах они «редко» выступают с циркумфлексом, и перечисляет варианты: *gnỹbti*, *gnỹba* (*-ia*), *gnỹbo* (*-ė*); *gnỹbti* (LKŽ III, 456); *sėsti*; *sėsti* (BūgRR II, 429), *sėsti*, *sėda*, *sėdo*; *sėsti* (LKŽ XII, 439) (Pakerys 2002, 75). В LKŽ читаем: *gnỹbti*, *-a* (*-ia* K), *-o* (*-ė* K), *gnỹbti* Rdm [Rudamina, Lazdijų r.²], Mrk [Merkinė, Varėnos r.]. Примечательно, что примеров из пункта Меркине в статье LKŽ нет, а в единственном примере из Рудамины имеем акут: *nusignỹba*; правда, инфинитив *gnỹbti* с циркумфлексом может относиться к йотовому варианту, но установить это невозможно. Во всех примерах йотового варианта тоже выступает только акут, ср. *Šaltis gnỹbia*, *griebia*, *ima*³ Grž. [Grūžiai, Pasvalio r.].

¹ Автор благодарит С.Л. Николаева за идею статьи и В. Ринкявичюса за помощь в её написании.

² Здесь и далее важные сокращения раскрываются по списку сокращений LKŽ. Если речь идёт о населённом пункте, то даётся его литовское название (с административной принадлежностью); если сокращение относится к печатной работе, то в тексте оно не раскрывается, а полное название даётся в конце статьи.

³ Отдельные формы и диалектные примеры предложений ниже часто приводятся без перевода. Семантика нам менее важна, чем акцентологическая и морфологическая информация (которую мы в примерах даём).

Более сложное положение с глаголом *sėsti*, ср. шапку статьи LKŽ: *sėsti, sėda (sėdžia, -ta, -ti), sėdo (sėdė K) intr. Rtr, sėsti; N, Sut, L, M.* Со-кращения, приведённые после «;» не относятся к акцентным свойствам, т.е. инфинитив *sėsti* приводится без ссылок, но в примерах есть формы с циркумфлексом: *sėstis* КП8; наст.1.ед. *sėduos* Žrm. [Žirmūnai, Varanavo r., Gardino sritis, Baltarusija]; *sėstis* КП374; прош.1.ед. *sėdaūs* Rod. [Rodūnia, Varanavo r., Gardino sritis, Baltarusija]; *Aš gi pats* [буд.1.ед.] *nesėsiuos, kap višta* [наст.3.] *nesėdi* Lz. [Laz/dūnai, Yvijos r., Gardino sritis, Baltarusija] и др. Во всех этих примерах фигурируют только возвратные формы⁴. В личных формах окончание ударение ничего не говорит об интонации корня, а, скорее всего, свидетельствует о вхождении глагола в подвижную акцентную парадигму, ср. ещё примеры из восточноаукштайтских говоров: наст.3. *sėdasi*, прош.3. *sėdosi, sėdōs* (с усечённым возвратным местоимением) и мн. др. (Казлаускас 1966, 148), ср. также акут в невозвратной форме *nesėdi* при *nesėsiuos* в одной и той же фразе в ладзунском примере. Циркумфлекс возвратного инфинитива *sėstis* приводится только со ссылкой на Куршата. Теперь обратимся к работе К. Буги, на которую ссылается А. Пакерис: «Kurschat Gramm. § 1225, Anm. 2 sagt, daß *sėdu* im Futur und Infinitiv, sowie in den von denselben abhängigen Formen statt der gestossenen oft eine geschleifte Stammsilbe hatte, Bsp.: *sėsti*. Dies Zeugnis wird auch durch Angaben in Kurschats „Deutsch-litauischen Wörterbuch“ bestätigt, wo man *sėstis* I 630b, 647a, II 8a, 184b, 334a, 374a, *pasisėsti* I 630b, 647b, II 189a, 220a, *sėskis* I 647a, II 184b findet. In dem später erschienenen „Litauischen-deutschen Wörterbuch“ setzt Kurschat in allen Formen von *sėsti* den Akut. Gibt es tatsächlich die Formen *sėsiu, sėsti*? Jaūnius und ich kennen nur *sėsiu, sėsti*, womit auch le. *sėst* Krb „sitzen“ übereinstimmt» (BūgRR II, 429). По этому замечанию К. Буги трудно понять, различал ли он ударение возвратных и невозвратных форм. Однако отметим, что в архаичных восточноаукштайтских говорах (где бывает ударное *-si*) такие инфинитивы конечноударны: *sėstis*, ср. ещё *dėtis, duotis, gultis, imtis, klaustis, laistis* (= *leistis*), *mestis, rastis, renktis, stotis, vilktis* (Казлаускас 1966, 146). Неясной остаётся также форма Куршата *pasisėsti* (с возвратной частицей в приставке). Как бы то ни было, циркумфлексивный вариант *sėsti* представляет собой неразгаданную загадку, но очевидно, что это единичный случай. Более того, неясно как циркумфлекс соотносится с йотовым вариантом, ср. наст.3. *sėdžia* (LKŽ).

⁴ Непоказательны формы будущего времени типа *sėš, apsėš* (фонетический циркумфлекс вместо акута), как и формы условного наклонения *jisėštumi* Lk. [Luokė, Telsių r.] (в них часто обобщён циркумфлекс).

Перейдём к йотовым глаголам с основой на шумный согласный. Среди них явно имеется много несомненных случаев наличия дублетов. Однако и тут не обходится без подводных камней. Например, об акутированных йотовых глаголах А. Пакерис сообщает, что вне литературного языка «немало» по-разному ударяемых глаголов, например: *bélsti* ‘стучать’, *béldžia*, *béldė*; *beľsti* (Pakerys 2002, 75 со ссылкой: LKŽ I, 741; далее перечисляются ещё 15 глаголов со ссылками на LKŽ и др. словари). По приводимому таким образом материалу невозможно судить об «удельном весе» циркумфлекса в глаголах данного типа в литовских диалектах (а также о том, насколько исчерпывающи эти списки). В таких случаях необходимо обращаться непосредственно к LKŽ хотя бы для установления источников этих форм. Так, в заголовке статьи «*belsti*» в LKŽ⁵ даётся два варианта: *béłsti*, *béldžia*, *béldė*, *beľsti*, *beľdžia*, *beľdė* (Š) со ссылкой на словарь Шлапялиса (или на его записи), относящейся, судя по всему, только к циркумфлексовому варианту. В этой же статье даётся много акцентованных примеров этого глагола с акутом, ср.: *Dyki ratai labai* [наст.3.] *béldžia per tokį gruodą* Grž. [Grūžiai, Pasvalio r.], притом что циркумфлекс выступает только в одном примере буд.3.возвр. *išsibėls* Paį. [Pajstrys, Panevėžio r.], где он скорее всего является фонетическим преобразованием акута в последнем слоге. Таким образом, циркумфлексовый вариант *beľsti* не находит убедительной поддержки в LKŽ, где он приведён лишь опосредованно из другого словаря (что ни в коей мере не указывает на ошибочность этой формы, но заставляет относиться к ней с большей осторожностью⁶).

Однако многие йотовые глаголы действительно представлены с обеими интонациями многочисленными примерами в LKŽ. Задача настоящей статьи — разобраться в их акцентных вариантах по диалектным примерам из LKŽ и выяснить, имеем ли мы дело с колебаниями в пределах одних и тех же говоров; если же это не так, то попытаться выявить их лингвогеографическое распределение. Для этого были просмотрены соответствующие статьи LKŽ на предмет акцентованных примеров, а акцентные варианты, обильнее всего снабжённые примерами, были нанесены на карты в целях обнаружения изоглосс. Затем были сделаны обобщающие карты (8, 12) с ареалами по двум группам глаголов.

⁵ Далее все наши ссылки на электронный вариант.

⁶ Ещё один потенциальный источник неверных цитат из LKŽ, ср.: *uždvelkti*, *-ia*, *uždvelkė* intr. *užeiti* kvarpi ‘дохнуть, повеять’: *Kad uždvelkė, tai net nosį suka* J.Jabl., где заглавная приставочная форма приведена с иной интонацией, нежели единственный призванный подтвердить её пример.

Итак, выделяется несколько групп йотовых глаголов: (1) с повсеместно устойчивым корневым акутом, (2) с повсеместно устойчивым корневым циркумфлексом, (3) с вариантами корневой интонации акут ~ циркумфлекс. Здесь нас интересует только последняя группа; мы не рассматриваем глаголы с устойчивым акутом, для которых полностью отсутствуют примеры с циркумфлексом (таких как *bróžti*, *kláusti*, *rėži*, *sviesti*, *žvéngti* и др.): перечень таких глаголов с их латышскими и славянскими соответствиями см. в статье С.Л. Николаева (Николаев 2014) в настоящем издании. Там же приведены и интересующие нас глаголы, имеющие варианты, — со списками населённых пунктов, где они зафиксированы (по LKŽ).

При картировании вариантов из LKŽ выбирались примеры, однозначно показывающие интонацию: акут — все случаи с акутом в корне (ср. инф. *diegti* ‘колоть, сажать’, наст.3. *diegia*, буд.1. *diegsiu*, буд.3. *diegs*, прош.3. *diegē*, императив *diek*, усл.3. *diegtu*, различные причастные формы *diegtas*, *diegqs*, *diegēs*, *diegdamas*); циркумфлекс — такие же формы с явной интонацией в корне, кроме буд.3. (ср. *diēgs*, где циркумфлекс может появляться в результате фонетического преобразования акута) и условных (ср. *diēgtu*, в которых циркумфлекс в части говоров обобщён); кроме того, в качестве признака циркумфлекса брались личные и причастные формы с ударением на приставке (ср. *nūdiegē*, *nūdiegtas*) и на окончании в невозвратных формах (ср. прош.1. *diegiai*).

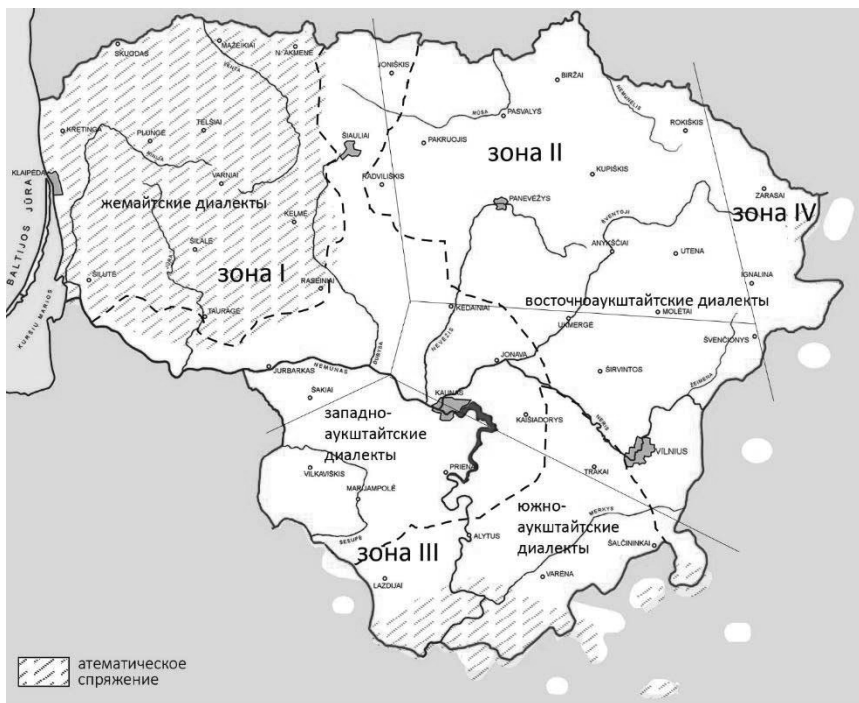
Картирование диалектных форм йотовых глаголов позволило условно выделить четыре зоны, по которым распределены их варианты (см. карту 1). В частности, стало ясно, что варианты одного глагола обычно не сосуществуют в одном ареале в порядке колебания, а в каждом ареале представлено как правило по одному варианту (а значит, эти варианты неправомерно считать «дублетами»). Эти зоны не соответствуют точно каким-либо ареалам, а выделяются лишь по факту возможности вхождения в них одного из ареалов: например, для части глаголов, имеющих в литературном языке акут, ср. *diegti*, в зоне I как правило представлен акут, а в зонах II и III имеются циркумфлексовые ареалы (обычно не занимающие всей соответствующей зоны). Как будет показано ниже, сочетание акцентных вариантов, представленных в каждой из зон, может служить для объединения глаголов по группам. Эти зоны не имеют чёткого диалектологического смысла, а выделяются для удобства анализа.

Кроме выделенных четырёх зон, есть ещё одна область на юго-востоке Литвы (не подписанная на карте 1), примеров из которой слишком мало, а имеющиеся данные не позволяют делать выводов о лингвогеографическом распределении. В частности, в эту область входит район

Вильнюса, в котором диалектологические сведения не собираются по причине отсутствия там коренных носителей-литовцев.

Сразу отметим, что некоторые йотовые глаголы имеют редкие атематические, а также чистые тематические (без йота) варианты (ареал сохранения атематических форм см. на карте 1). Судя по маргинальному положению атематических вариантов в системе, их, по-видимому, следует считать остатками древнего состояния. Важное наблюдение: при наличии морфологических вариантов у какого-либо глагола, чей корень бывает акутирован, атематический или нейотовый вариант всегда имеет акут. Мы наносим на карту только примеры регулярного йотового спряжения, но наличие морфологических вариантов спряжения оговаривается в комментариях к каждому глаголу в таблице (см. ниже). Атематические варианты ряда глаголов сохраняются в зоне I (включающей всё жемайтское наречие), а также на самой периферии зон III и IV (в т.ч. вне территории Литвы) (LKA III, 83).

Карта 1. Границы литовских диалектов и условных зон

Не рассматриваются такие глаголы, как *slègti* ‘гнести’, *trèkšti* ‘раздавливать’, имеющие в настоящем времени варианты с долгим и кратким гласными, ср. *slègia* ~ *slègia*, *trèškia* ~ *trèškia*.

В таблице 1 приводится основная масса йотовых глаголов, данных в LKŽ с двумя акцентными вариантами. Из LKŽ извлекались варианты по четырём из цитируемых там словарей конца XIX — начала XX вв. (словари Куршата, Яблонскаса, Юшкевича и Шлапялиса), по относящимся к интонации указаниям в заголовках статей и по акцентованным диалектным примерам, снабжённым указанием населённого пункта. Каждый пункт был нами отнесён к одной из четырёх условных зон. Глаголы механически разбиты на группы по сочетанию вариантов в каждой зоне (группы разделены жирной линией). Сверху размещены «наиболее акутовые» глаголы (т.е. имеющие только по одному примеру циркумфлекса), затем возрастает удельный вес циркумфлекса (подробности см. ниже). При этом учитывались только диалектные данные, а не показания словарей.

В левом столбце даётся литературная форма глагола (глагол *žāīsti* имеет два литературных варианта; для сугубо диалектных глаголов — вариант, приводимый первым в LKŽ). При глаголах, данных в LKŽ как омонимы, приводятся подстрочные цифры, как в LKŽ. Тут же даётся номер карты для картированных глаголов.

В таблице применяются следующие обозначения:

«А» (или «а») – акут;

«Ц» (или «ц») – циркумфлекс;

Для вариантов из словарей:

одна заглавная буква – один или более примеров одной интонации;

две буквы вместе – наличие в словаре примеров с обеими интонациями;

Для диалектных примеров:

заглавная буква – два или более примера из одной зоны, образующие более или менее чёткий ареал;

строчная буква – один пример (или два-три в достаточно удалённых друг от друга точках)⁷;

⁷ При выявлении ареалов принимались во внимание только плотно расположенные вблизи друг к другу две или более точек. Единичные точки, стоящие на отшибе, картировались, но специально не обсуждаются (они могут объясняться ошибкой собирателя или иными случайностями). Это оправдывается тем, что в большинстве случаев основной массив точек для того или иного варианта конкретного глагола, как выяснилось, сосредоточен в одном районе. Кроме того, единичные примеры часто окружены примерами той же интонации от другого глагола той же группы, так что всё равно вписываются в ареал.

- жирная буква – достаточно много примеров (обычно более пяти) в тесном ареале;
- нежирная буква – несколько примеров одного варианта, не позволяющих делать чётких выводов (например, если в данной зоне вообще мало примеров или большая часть зоны оказалась пустой);
- одна заглавная буква – наличие ареала в данной зоне (но необязательно отсутствие других вариантов в той же зоне вокруг этого ареала);
- две буквы вместе – наличие ареала данного варианта, но, по-видимому, не исключительного; в таких случаях можно говорить лишь о преобладании одного из вариантов в одном ареале (первая буква).

В последнем столбце даются варианты спряжения (и их зональная принадлежность, если таковая дана в LKŽ, а также сведения о вариантах, представленных в литовских анклавах на территории Белоруссии и Польши (мы не включаем их ни в одну зону и поэтому специально оговариваем). Сокращения названий этих населённых пунктов:

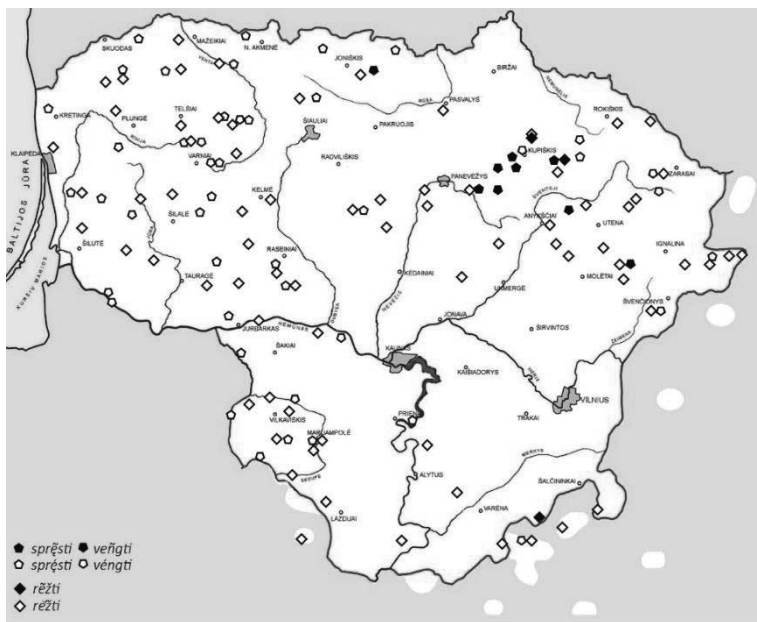
- Pns = Punksas, Suvalkų vaivadija, Lenkija; (Пунск, Польша)
- Sn = Seinai, Suvalkų vaivadija, Lenkija (Сейны, Польша);
- Arm = Armoniškės, Varanavo r., Gardino sr., Baltarusija (Германишки, Белоруссия);
- Lz (LzŽ) = Laz/d/ūnai, Yvijos r., Gardino sr., Baltarusija (Лаздуны, Белоруссия);
- Aps = Apsas, Breslaujos r., Vitebsko sr., Baltarusija (Опса, Белоруссия);
- Grv = Gervėčiai, Astravo r., Gardino sr., Baltarusija (Гервяты, Белоруссия);
- Pls = Pelesa, Varanavo r., Gardino sr., Baltarusija (Пелеса, Белоруссия);
- Nč = Nočia, Varanavo r., Gardino sr., Baltarusija (Ноча, Белоруссия).

Таблица 1. Акцентные варианты по зонам и словарям

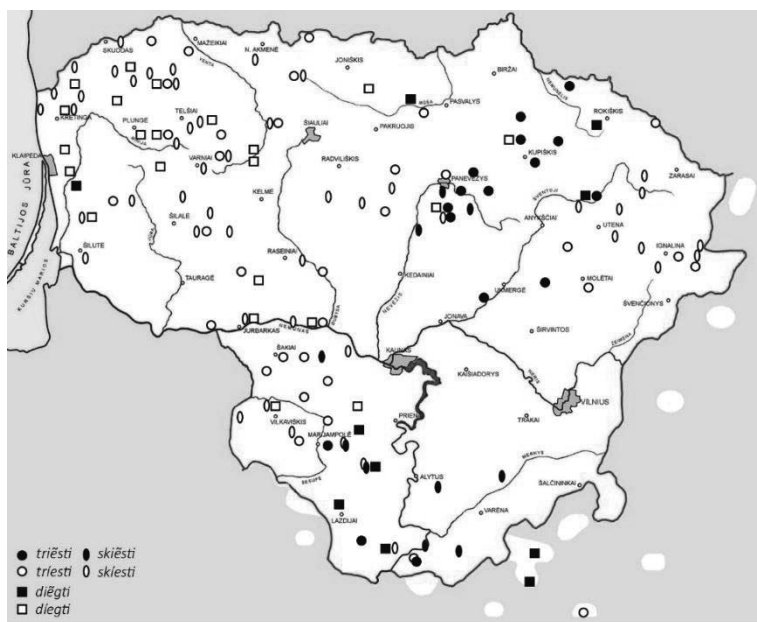
		[K]	[Jabl]	[J]	[Š]	I	II	III	IV	примечания
А	<i>spėsti</i>	А		А		А	А	А	А	Ц только [Rtr]
	<i>niáukti₁</i>	А				А		А		Ц только [NdŽ]
	<i>ėngti</i>	А		А		А	А	Ац	А	
	<i>kópti₁</i>		А	А	А			А		нейот. -а, -о; п-ров Ц нет
	<i>kópti₂</i>			А		Ац				
	<i>rūngti</i>						Ац	А	А	
	<i>bėlsti</i>			А	Ц	А	А	А	А	Ц только [Š]
Б	<i>rėžti₁</i> {2}	А		А	А	А	ЦА	Ац	А	
	<i>plėsti</i>			А	А	А	ЦА	Ц	А	
	<i>rėžti</i>		А	А	А	А	Ц	Ац		
	<i>sprėsti₁</i> {2}		А	А	А	А	Ц	А	А	
	<i>sprėsti₂</i> {2}		А	А		А	Ц	А		нейот. <i>sprėnda</i> , <i>sprėndo</i>
	<i>vėngti</i> {2}	А	А	А	Ац	А	Ц	А	А	
	<i>jūosti</i>	А		Ц	А	А	Ц	А	А	

	[K]	[Jabl]	[J]	[Š]	I	II	III	IV	примечания
В	<i>diegti</i> {3}		A		A	Ц	Ц		Ц Pls.
	<i>triesti</i> {3}	A		A	A	Ц	Ц	A	атем. <i>triema, triedo</i> (I, LzŽ)
	<i>skiesti</i> {3}	A		A	A	Ц	Ц	A	нейот. <i>skieda, skiedo</i> (I)
	<i>uosti</i>	A		A	A	ЦA	Ц	A	
	<i>griežti</i> {4}	A	A	A	A	Ц	Ц		
	<i>vóžti</i> {4}	A		A	A	Ц	Ц	A	
	<i>pliekti₁</i> {5}			A	A	Ц	Ц		
	<i>siekti₁</i> {5}	A		A	AЦ	A	Ц	A	
	<i>siekti₂</i>	A				A		Ц	A
	<i>repti</i> {7}					A		Ц	
	<i>glēbti</i>	A		A		A	Ц	Ц	A
	<i>glóbti</i>			A		A	Ц	Ц	A
	<i>dóbti</i>			A		A	ц	AЦ	
	<i>grēbti</i>			A	A	A	Ц	Ц	
	<i>skrósti</i>	A		A	A	A	ц	Ц	A
	<i>góbti</i>	A	A	A		A	Ц	A	A
	<i>gróbti</i>			A		A		ц	
	<i>kničubti</i> {6}			A	A	a	ЦA		
	<i>delbti</i>		A			a	AЦ	AЦ	
	<i>tēpti</i>		A		A		ЦA	Ц	ЦA
	<i>miegti</i> {6}						?	Ц	a
	<i>duóbti</i>	AЦ		A	A		Ц	Ц	a
	<i>stáugti</i>	Ц		A	A		Ц	AЦ	A
									A Pns., Nč.
Г	<i>ruóšti</i>			Ц	Ц	A	Ц	Ц	Ц
	<i>vókti₁</i>		A	A		A		ц	
	<i>vókti₂</i>	A	A		Ц	A	ц	Ц	ц
	<i>vižti</i>	A	A	Ц		A		Ц	
	<i>skélbti₁</i>	A		AЦ	A	AЦ		Ц	
	<i>dvelkti</i>		A		Ц		ц	ц	
	<i>puóšti</i>	A		A	Ц	Aц	Ц	Ц	Ц
	<i>dérgti</i>	A		AЦ		AЦ	Ц	Aц	
	<i>pláukti₂</i>	(A)		A		AЦ		Ц	Ц
	<i>déngti₂</i>		A			ЦA		Ц	
									Ц Pns.
Д	<i>smelkti₁</i> {10}				A	Ц	A	Ц	
	<i>smelgti₁</i>			A		Ц	a		
	<i>daužti</i> {9}	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	a	AЦ	Ц
	<i>reŋgti</i> {11}	Ц		Ц	Ц		A	ЦA	
	<i>žáisti₁</i> {9}	A	A	A	A	ЦA	ЦA	AЦ	Ц
									ср. <i>žeisti</i> (в осн. I)
Е	<i>neŋgti₁</i>						Ц		A только [BŽ]
	<i>kařti₁</i>			Ц		Цa	Ц	Ц	Ц
	<i>sriegt₁</i>			Ц	Ц	ц			нейот. <i>-a, -o</i>
	<i>striēgti</i>					a	Ц		A Grv.; <i>sreŋgti</i> (только IV)
	<i>kneibti</i>			Ц		Ц		Ц	A 1x вне зон; вар. <i>kniēbti</i>

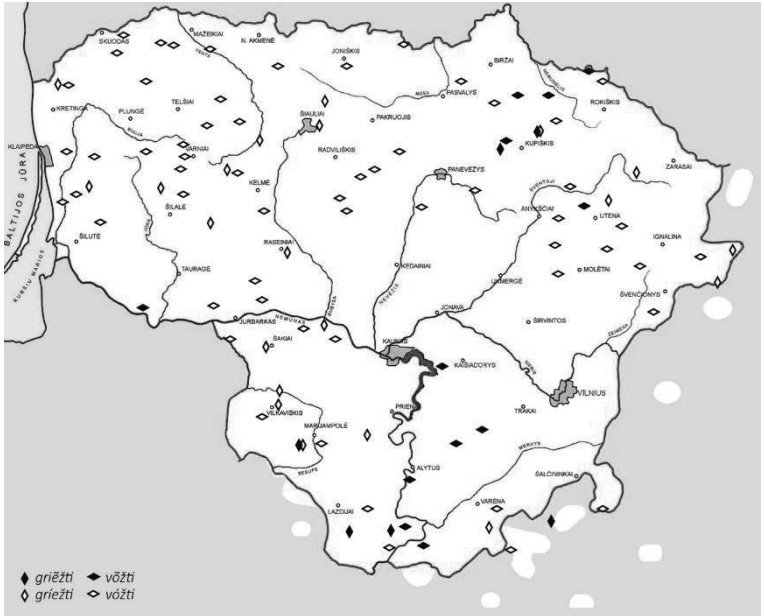
Капра 2

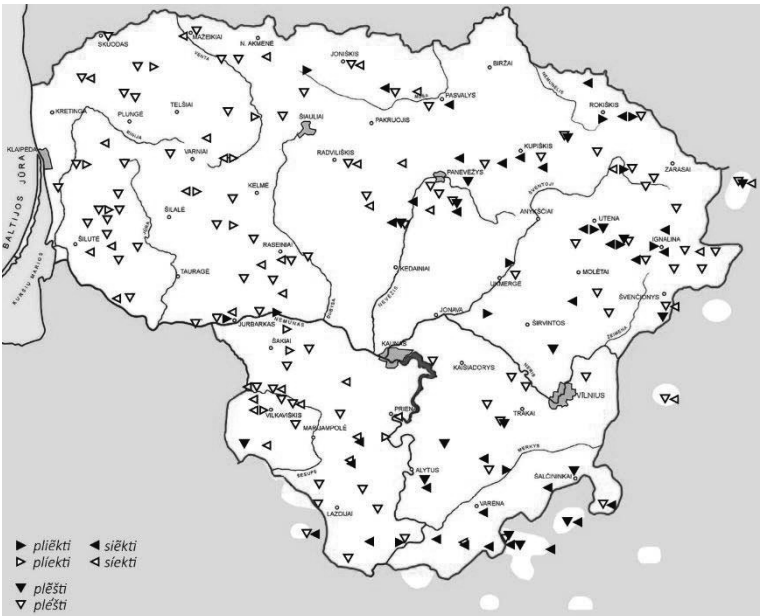
Капра 3

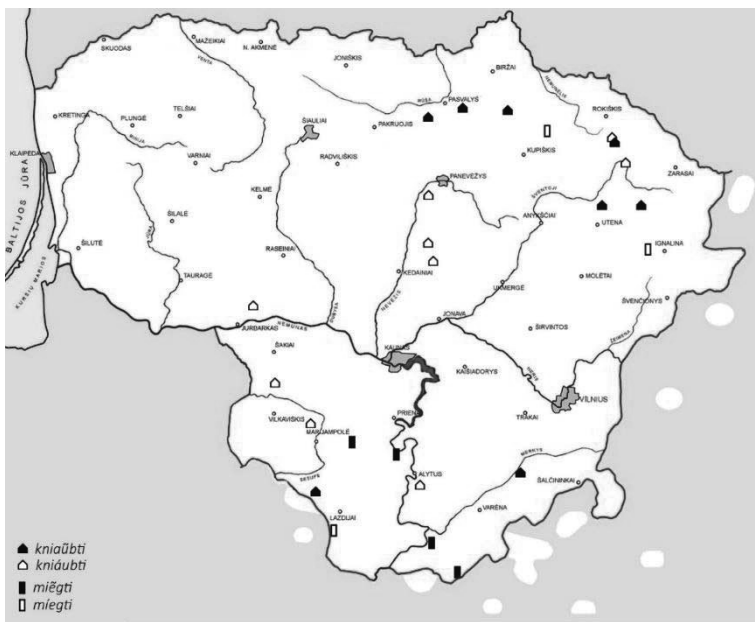
Карта 4

Карта 5

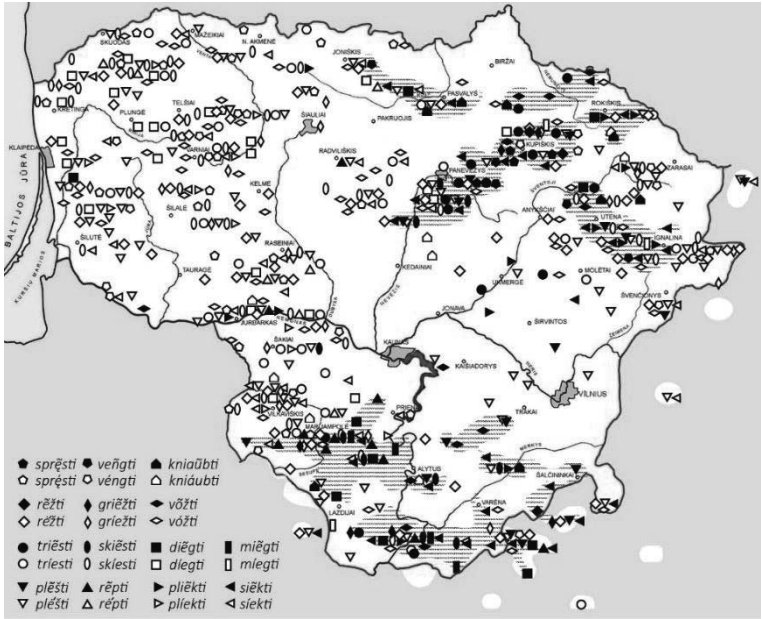
Карта 6

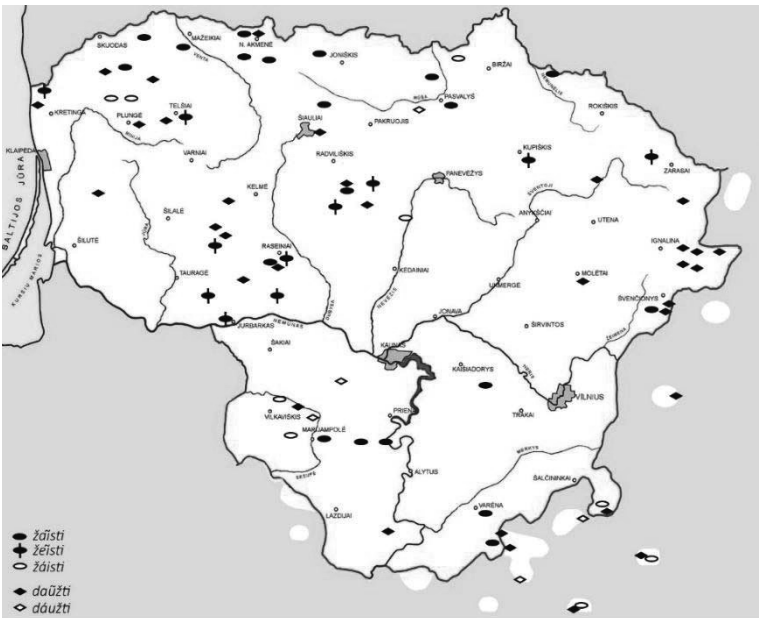
Карта 7

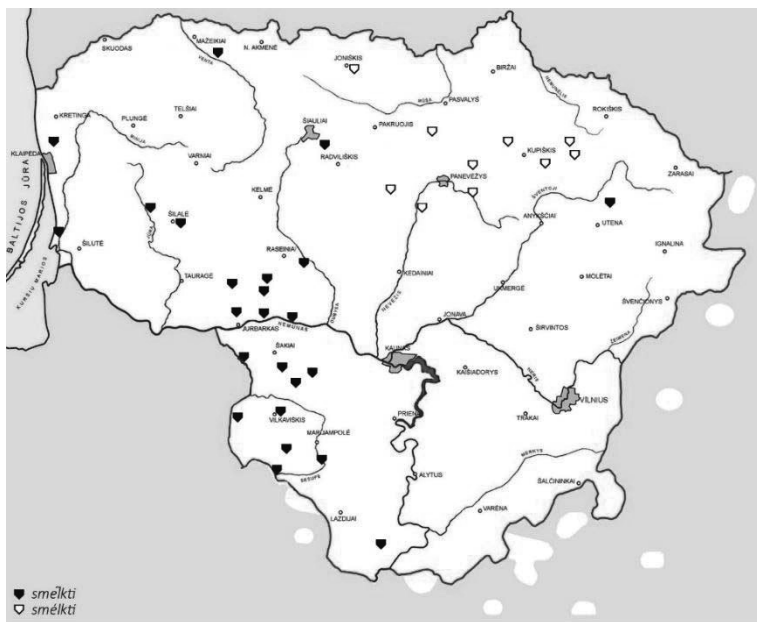
Карта 8

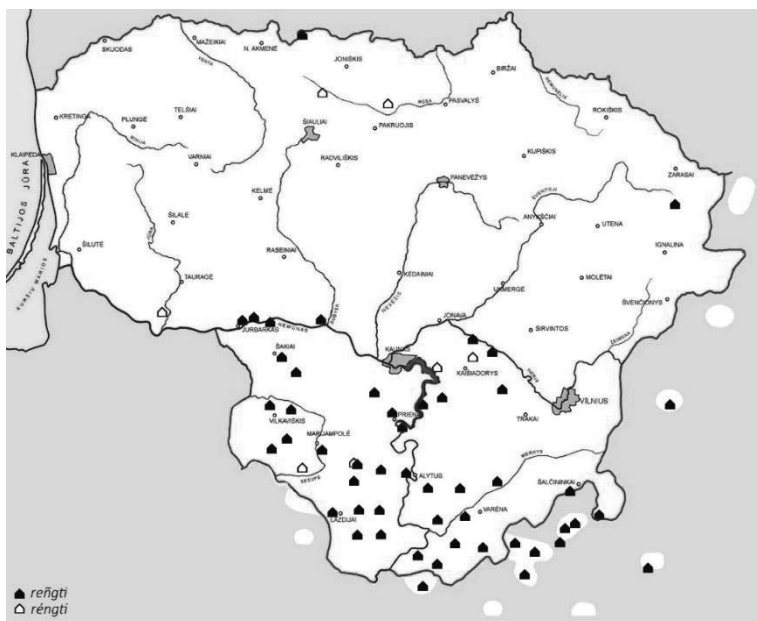
Карта 9

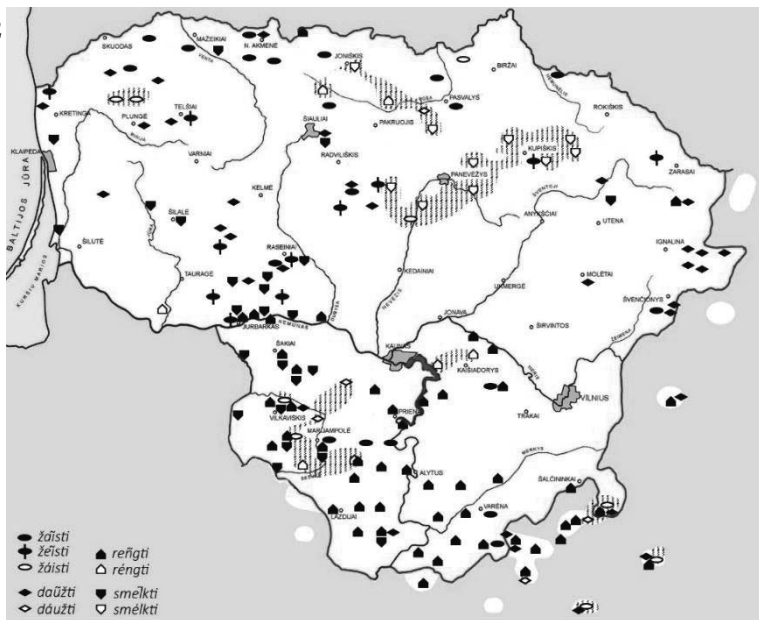
Карта 10

Карта 11

Карта 12

Проделанное нами механическое разбиение всех глаголов по сочетанию вариантов даёт следующие группы:

- группа А:** акут повсеместен; за неимением большего числа примеров циркумфлекса (по одному) невозможно уверенно говорить о вариативности (по крайней мере в современных говорах);
- группа Б:** акут в зонах I, III, IV (и в литературном языке); циркумфлекс в центре или на севере зоны II;
- группа В:** акут в зонах I, IV (и обычно в литературном языке); циркумфлекс в центре или на севере зоны II и в центре или на юге зоны III.
- группа Г:** акут только в зоне I; в остальных — повсеместен циркумфлекс (если есть данные);
- группа Д:** повсеместно (не обязательно в литературном языке) представлен циркумфлекс, однако имеются нечёткие ареалы с акутовыми вариантами в зоне II, а некоторые ещё и в зоне III (на западе и на крайней периферии, в т.ч. вне Литвы), т.е., грубо говоря, как раз там, где глаголы групп Б и В выступают с диалектным циркумфлексом;
- группа Е:** циркумфлекс повсеместен; примеров акута слишком мало.

Отбросив крайние группы А и Е, дающие слишком мало оснований для усмотрения в них вариативности, получаем следующую общую схему распределения (см. таблицу 2).

Таблица 2. Преобладание акцентных вариантов по зонам

группа	число. гл.	I	II	III	IV
Б	7	А	Ц	А	А
В	23	А	Ц	Ц	А
Г	10	А	Ц	Ц	Ц
Д	5	Ц	АЦ	АЦ	Ц

Как видно, в группе Д наблюдается «эффект», противоположный группе В: ареалы «необычных» вариантов (циркумфлекс в зонах II и III на месте акута в зонах I и IV — акут в зонах II и III на месте циркумфлекса в зонах I и IV) в какой-то степени накладываются друг на друга (см. карту 13). При этом можно говорить лишь о предположительной тенденции, т.к. эти глаголы немногочисленны и представлены не во всех зонах.

Что касается самих получившихся ареалов (см. карты 8 и 12), то видно, что, например, циркумфлексовый ареал одного глагола может не точно совпадать с таким же ареалом другого глагола из той же группы, т.е. близ границ зон изоглоссы могут образовывать несколько рыхлый пучок, однако все они более или менее вписываются в одну из зон. Часть глаголов употребляется только в части Литвы; отнести такие глаголы к одной из групп можно лишь предположительно на основании варианта, представленного там, где глагол встречается (см. карты 7, 10, 11).

Приведённая выше таблица позволяет сделать ряд наблюдений: например, о том, какой вариант утвердился в современном литературном литовском. Однако главное, что видно по таблице и по картам, — это то, что распределение вариантов по зонам не является случайным или хаотичным. В целом, можно заметить, что восточная граница зоны I грубо совпадает с важной для литовской диалектологии изоглоссой отвердения согласного *l*- перед *-e* (*-ei*), разделяющей запад и восток Литвы (на юго-западе, в зоне II, эта изоглосса почти точно совпадает с границей между акутовым и циркумфлексовым ареалом глаголов группы В по линии Пунск—Каунас). Возможно, более детальное исследование лингвогеографии рассматриваемых акцентных вариантов (по большему числу пунктов, чем позволяет LKŽ) выявит и менее тривиальные диалектологические факты.

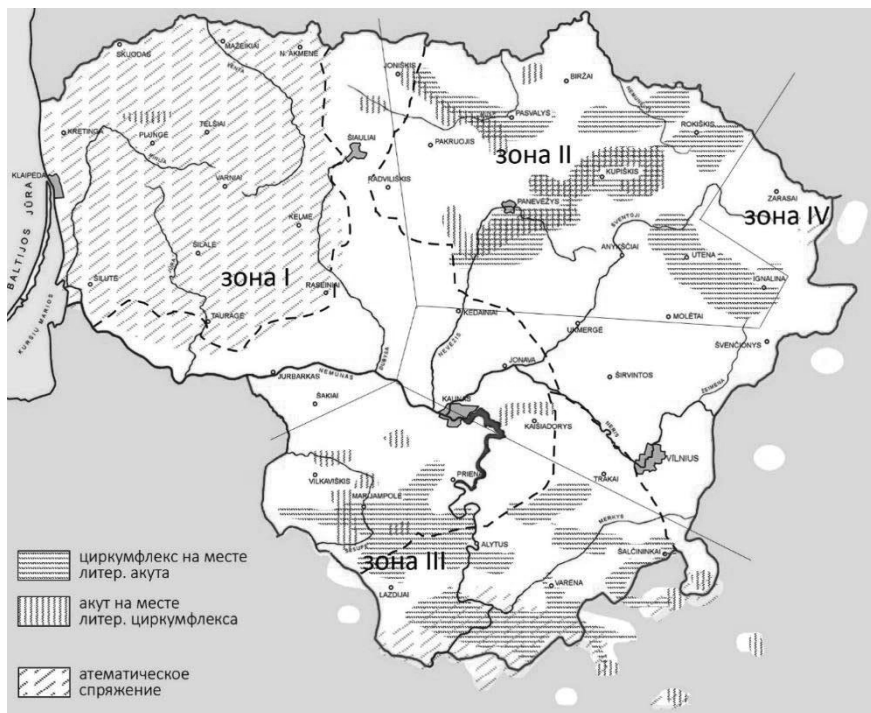
Сделанные наблюдения могут представлять интерес для исторической балто-славянской акцентологии. Дело в том, что интонация корней йотовых глаголов, по-видимому, может в части случаев быть результатом древней «метатонии», приведшей к появлению циркумфлекса там, где в других морфологических условиях возник акут. Так может объясняться, например, акцентный вариант лит. *sprę̃sti* ‘пялить’ (ареалы в зонах II и III), наряду с *spręsti* (зоны I и IV), соответствующий лтш. *sprīēst* ‘тж.’. Латышская прерывистая интонация обычно (без метатонии) соответствует литовскому акуту, ср. лит. *áugti* ‘расти’ ~ лтш. *aúgt* ‘тж.’. Литовским йотовым глаголам с акутом чаще (но не всегда) соответствует латышская плавная интонация, ср. лит. *dróžti* ‘строгать’ ~ лтш. *drāzt* ‘вырезать’. Один из путей рассуждения может состоять в том, что в данном морфологическом типе жемайтские и периферийные аукштайтские говоры, в отличие от центральных, ведут себя подобно латышскому языку, не обнаруживая следов метатонии в данной позиции.

Другое объяснение можно искать в следующем. Метатония, очевидно, не происходила в нейотовых тематических, а также, судя по всему, в атематических глаголах. Впрочем, большинство атематических (и часть нейотовых тематических) глаголов теперь спрягается по йотовому типу при сохранении в жемайтском наречии и на самой периферии аукштайтского реликтов атематических форм (см. карты 1, 13). Некоторые атематические глаголы лишь частично перешли в йотовый тип, ср. глагол *lėisti* ‘пускать’: 1.ед. *lėidmi* (у Куршата), 3. *lėisti* (Stang 1966, 310), теперь везде *lėidžia*, с преобладанием, однако, нейотового претерита *lėido* (при более редком диал. *lėidė*). Ввиду лтш. *laist* ‘тж.’, 1.ед. *laižu*, можно предположить, что, по крайней мере в ряде случаев, следов метатонии в йотовых глаголах не наблюдается именно в связи с бывшей атематичностью (или, по крайней мере, нейотовостью) глагола.

Это предположение подкрепляется приблизительным совпадением акутовых ареалов в зонах I, IV и на периферии зоны III с ареалом сохранения атематических форм. Что касается нашей группы Д, в которой в зоне I наблюдается циркумфлекс, то тут дело может быть в каких-то других древних морфологических различиях.

Подробный разбор акутированных глаголов на шумные (в т.ч. с метатонией) см. в работе (Николаев 2014) в настоящем сборнике.

Карта 13. Пересекающиеся ареалы вариантов йотовых глаголов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Казлаускас 1966 — *И. Казлаускас*. О месте возвратной морфемы и ее ударении в литовском языке // *Baltistica* 1 (2). Vilnius, 1966.
- Николаев 2014 — *С.Л. Николаев*. К реконструкции акцентных классов балто-славянских глаголов // *Наст. сб.*
- BūgRR — *К. Būga*. *Rinktiniai raštai (I–III)*. Vilnius, 1958–1961.
- LKA — *Lietuvių kalbos atlasas III: Morfologija*. Vilnius, 1991.
- LKŽ — *Lietuvių kalbos žodynas, t. I–XX*. Vilnius, 1941–2002; электронный вариант (2005): <http://www.lkz.lt>
- Mikalauskaitė 1957 — *E. Mikalauskaitė*. Kirčio ir priegaidės kaita, arba metatonija, pietvakarių džiukų tarmėje // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. I. Vilnius, 1957.
- Pakerys 2002 — *A. Pakerys*. *Akcentologija II. Skaitvardis, įvardis, veiksma-*

žodis, prieveiksmis, dalelytė, prielinksnis, jungtukas, jaustukas, išiktukas. Vilnius, 2002.

Stang 1966 — *Chr.S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen.* Oslo, 1966.

ИСТОЧНИКИ, ЦИТИРУЕМЫЕ ПО LKŽ

BŽ — *J. Baronas. Rusų lietuvių žodynas. Antras naujai parašytas kirčiuotas leidimas.* Kaunas, 1933.

DūnŽ — *V. Vitkauskas. Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas.* Vilnius, 1976.

J. Jabl — тексты Йонаса Яблонскиса (1860–1930).

J — *А. Юшкевич. Литовский словарь А. Юшкевича с толкованием слов на русском и польском языках. Т. I, вып. 1, СПб., 1897; вып.2, СПб., 1904, вып. 3 (тома II-го, вып. 1), Петроград, 1922.*

K — *F. Kurschat. Littauisch-deutsches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. Halle a. S. 1883. Deutsch-littauisches Wörterbuch von Friedrich Kurschat, Halle. I – 1870, II – 1874.*

LzŽ — *J. Petrauskas, A. Vidugiris. Lazūnų tarmės žodynas.* Vilnius, 1985.

NdŽ — *M. Niedermann, A. Senn, F. Brenner. Lietuvių rašomosios kalbos žodynas. Lietuviškai-vokiška dalis. I–V tm. / Sudarė M. Niedermann'as, A. Senn'as, F. Brender'is ir A. Salys. Heidelberg, 1932–1968.*

Rtr — *J. Ryteris. Lietuviškai-latviškas žodynas.* Ryga, 1929.

Sut — *D. Sutkiewicz. Žodinis Letuwiszkay-Łotinizkay-Lenkiszkas. Par Kuniga Dominika Sutkiewiczze Dominikona tikra Letuwnika su didelė wargu Isztaysitas (1848), рукопись.*

Š — *J. Šlapelis. Lietuvių ir rusų kalbų žodynas.* Vilnius 1921. [Тем же знаком обозначаются слова из других его словарей и записей.]

О системе акцентных парадигм в прусском языке

2. ГЛАГОЛЬНАЯ АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА

Установление генетического тождества двух глагольных акцентных типов в праславянском и балтийском (точнее, правосточнобалтийском) осуществляется посредством постановки в однозначное соответствие двух акцентных типов славянских первичных глаголов с корнями на нешумные с двумя латышскими рефлексами акута в соответствующих глаголах:

Балто-славянские истоки праславянского распределения акцентных типов (Праславянские акцентные типы и латышские интонации)

Подвижный акцентный тип		
№№	Праславянский	Латышский
1	*žbr̥ǫ, *žbr̥èť (парн. *žèr̥ǫ, *žer̥èť)	<i>dzeřt</i> (praes. <i>dzeřu</i> ; praet. <i>dzèru</i>)
2	*p̥br̥ǫ, *p̥br̥èť (парн. *p̥èr̥ǫ, *per̥èť)	<i>speřt</i> (praes. <i>speřu</i> ; praet. <i>spèru</i>)
3	*p̥br̥nǫ, *p̥br̥nèť	<i>pît</i> (praes. <i>pinu</i> , <i>piņu</i> ; praet. <i>pinu</i>)
4	*ör̥jǫ, *or̥jèť	<i>ar̥t</i> (praes. <i>ařu</i> ; praet. <i>aru</i>)
5	*l̥ijǫ, *l̥ijèť (парн. *l̥èj̥ǫ, *l̥èj̥èť)	<i>liêt</i> (praes. <i>leju</i> ; praet. <i>lèju</i>)
6	*v̥ijǫ, *vijèť	<i>vît</i> (praes. <i>viju</i> , <i>vinu</i> ; praet. <i>viju</i> , диал. <i>vînu</i>)
7	*r̥v̥ǫ, *r̥v̥nèť (парн. *r̥uj̥ǫ, *ruj̥èť)	<i>raût</i> (praes. <i>raûju</i> , <i>raûnu</i> ; praet. <i>râvu</i>)
8	*živ̥ǫ, *živèť	<i>dzît</i> (ст.-литш. praes. <i>dzīvu</i>)
9	*bl̥j̥ūǫ, *bl̥j̥ujèť	<i>bl̥aût</i> (praes. <i>bl̥aûju</i> , <i>bl̥aûnu</i> ; praet. <i>bl̥âvu</i>)
10	*k̥ov̥ǫ, *k̋ovèť (парн. *k̋uj̥ǫ, *kuj̥èť)	<i>kaût</i> (praes. <i>kaûju</i> , <i>kaûnu</i> ; praet. <i>kavû</i> , <i>kâvu</i>)
11	*sm̋ěj̥ǫ s̋é, *sm̋ěj̥èť s̋é	<i>smiêt(iês)</i> (praes. <i>smeju(ôs)</i> ; praet. <i>smèju(ôs)</i>)
12	*bl̋ěj̥ǫ, *bl̋ěj̥èť	<i>bl̋èt</i> (praes. <i>bl̋èju</i> ; praet. <i>bl̋èju</i>)
13	*d̋ěj̥ǫ, *d̋ěj̥èť ‘девать’ (но: *d̋èñǫ, *d̋ènet̋èť)	<i>dèt</i> (praes. <i>dèju</i> ; praet. <i>dèju</i>) ‘класьть (<i>яйца</i>), нестись’
14	*d̋aj̥ǫ, *d̋aj̥èť	<i>duôt</i> (praes. <i>duômu</i> , <i>duôdu</i> ; praet. <i>devu</i>)
15	*m̋aj̥ǫ, *m̋aj̥èť	<i>mât</i> (praes. <i>mâju</i> ; praet. <i>mâju</i>)

Подвижный акцентный тип		
№№	Праславянский	Латышский
16	* <i>stājō</i> , * <i>stajē̃t</i> (но: * <i>stānō</i> , * <i>stānēt</i>)	<i>stāt</i> (praes. <i>stāju</i> ; praet. <i>stāju</i>)
Неподвижный акцентный тип		
№№	Праславянский	Латышский
1	* <i>žbrjǫ</i> , * <i>žbr(j)et̃</i>	<i>dziřt(iês)</i> (praes. <i>dzīru(ôs)</i> ; praet. <i>dzīru(ôs)</i>)
2	* <i>ʔbr(j)ǫ</i> , * <i>ʔbr(j)et̃</i>	<i>trīt</i> (praes. <i>trīnu</i> , <i>trīnu</i> ; praet. <i>trīnu</i> , <i>trīnu</i>)
3	* <i>mьnǫ</i> , * <i>mьnēt̃</i>	<i>mīt</i> (praes. <i>minu</i> , <i>miņu</i> ; praet. <i>minu</i> , <i>mīnu</i>)
4	* <i>meljǫ</i> , * <i>mēljēt̃</i>	<i>maļt</i> (praes. <i>maļu</i> ; praet. <i>malu</i>)
5	* <i>koljǫ</i> , * <i>kōljēt̃</i>	<i>kaļt</i> (praes. <i>kaļu</i> ; praet. <i>kalu</i>)
6	* <i>borjǫ</i> , * <i>bōrjēt̃</i>	<i>bārt</i> (praes. <i>baņu</i> ; praet. <i>bāru</i>)
7	* <i>šjǫ</i> , * <i>šjēt̃</i>	<i>šūt</i> (praes. <i>šuju</i> , <i>šuvu</i> , диал. (Ērg.) <i>šūnu</i> ; praet. <i>šuvu</i>)
8	* <i>krjǫ</i> , * <i>krjēt̃</i>	<i>kraūt</i> (praes. <i>krauju</i> , <i>kraūnu</i> ; praet. <i>kravu</i>)
9	* <i>spějǫ</i> , * <i>spējēt̃</i>	<i>spēt</i> (praes. <i>spēju</i> ; praet. <i>spēju</i>)
10	* <i>sějǫ</i> , * <i>sējēt̃</i>	<i>sēt</i> (praes. <i>sēju</i> ; praet. <i>sēju</i>)
11	* <i>pljǫ</i> , * <i>pljēt̃</i>	<i>spļauīt</i> (praes. <i>spļauju</i> ; praet. <i>spļāvu</i>)
12	* <i>sūjǫ</i> , * <i>sūjēt̃</i>	<i>šauīt</i> (praes. <i>šauju</i> , <i>šānu</i> ; praet. <i>šāvu</i>)
13	* <i>lājǫ</i> , * <i>lājēt̃</i>	диал. <i>lāt</i> (praes. <i>lāju</i>)
14	* <i>dějǫ</i> , * <i>dējēt̃</i> ‘делать’	<i>dēt</i> (praes. <i>dēju</i> ; praet. <i>dēju</i>)

Единственный славянский глагол, который отклоняется от приведенной системы соответствий, это **mъjǫ*, **mъjēt̃*. Ему соответствует лтш. *maūt* (praes. 1.sg. *mauju*, *maunu*; praet. 1.sg. *māvu*) ‘untertauchen, schwimmen’ (Mühl.–Endz II: 570). Учитывая трудности, с которыми сталкивается восстановление акцентных типов в славянских глаголах с корнями на -y-, трудно настаивать на первичности славянской акцентной парадигмы этого глагола, однако совпадение в латышском ряда различных глагольных корней *mau-* легко могло привести к их тональному выравниванию и к вытеснению первичной плавной интонации данного корня. Более полные материалы латышских диалектов, может быть, в дальнейшем снимут и эту неопределенность.

В литовском языке это распределение было потеряно, что в значительной степени, по-видимому, было связано с деформациями, вызванными законом де Соссюра и дальнейшими выравниваниями; но следы старого распределения акцентных типов были обнаружены в акцентовке отглагольных производных, которые выбирали акцентный тип в зависимости от первичного акцентного типа глагола:

Суффиксы *-tuvas* и *-tuvė*

I. От глаголов балтийского неподвижного акцентного типа

1. *dūmtuvė* (l) 'мех' (лит. *dūmti* 'дуть') ~ слав. **dьmǫ*, **dьmetь*; l-part. **dǫľь*, f. **dǫľa*, n. **dǫľo* (а.п. *b/a*) 'дуть' || см. (Дыбо 2000, 263, 503, 510);

2. *kāltuvė* (l) 'ковальня' (Škn) (лит. *kālti* 'ковать') ~ лтш. *kaļt* 'schmieden, schlagen'; слав. **koljǫ*, **kǫljetь*; inf. **kǫľti*, sup. **kǫľть*; aor. 1.sg. **kǫľхь* (то же ударение в pl.), 2–3.sg. **kǫľ*; l-part. **kǫľľь*, f. **kǫľľa*, n. **kǫľlo* 'колоть' || см. (Дыбо 2000, 265, 488, 491, 503);

3. *kārtuvės* (l) 'виселица' (лит. *kārti* 'вешать') ~ лтш. *kārt* 'hängen, behängen';

4. *kūltuvas* (l) 'цеп' (лит. *kūlti* 'молотить') ~ лтш. *kuļt* 'schlagen, prügeln, dreschen';

5. *kūrtuvės* (l) 'новоселье' (лит. *kūrti* 'разжигать огонь') ~ лтш. *kuřt* 'Feuer anmachen, heizen';

6. *māltuvė* (l) 'молотьня' (Škn) (лит. *mālti* 'молоть') ~ лтш. *maļt* 'mahlen, drehen, schwatzen'; слав. **meljǫ*, **měljety*; inf. **měľti*, sup. **měľть*; aor. 1.sg. **měľхь* (то же ударение в pl.), 2–3.sg. **měľ*; l-part. **měľľь*, f. **měľľa*, n. **měľlo* 'молоть' || см. (Дыбо 2000, 265, 488, 491, 503);

7. *mīntuvai* (l) 'мяло, льномялка, трепало' (лит. *mīnti* 'мять') ~ лтш. *mīt* 'treten'; слав. **mьnǫ*, **mьnetь*; l-part. **měľь*, f. **měľa*, n. **měľo* || см. (Дыбо 2000, 263, 503);

8. *pjāutuvas* (l) 'серп' (уже в древнелитовском зафиксирован переход в подвижный акцентный тип: др.-лит. *pieutuwu* instr.sg. DP 605₄₆, *pieautuwų* gen. pl. DP 38₄₄) (лит. *pjāuti* 'жать, косить') ~ лтш. *plaūt* 'rezать, жать', 'mähen, ernten';

9. *rietuvė* (l) Sk. ŽD 'штабель, поленница' (лит. *rieti* 'складывать в штабели') ~ лит. *rieklas* (l) 'zwei hängende Stangen bzw. Gerüst unter der Stubendecke (beim Ofen) zum Trocknen des Brennholzes oder der Kleider', также *rieklas* и pl. *rieklai* 'Dachboden' (отсутствие метатонии свидетельствует о первичности неподвижного акцентного типа производящего глагола);

10. *sėtuvė* (l) 'лукошко (с зерном), посевной ящик' (лит. *sėti* 'сеять') ~ лтш. *sēt* 'säen, besäen'; слав. **sějǫ*, **sějety*; part. praes. act. **sěję*, **sějotj-*; aor. 1.sg. **sějasь* (то же ударение в pl.), 2–3.sg. **sěja*; l-part. **sějalь*, f. **sějala*, n. **sějalo* || см. (Дыбо 2000, 289–290, 486–487, 498; 512);

11. *skiltuvas* (l) 'огниво; ударник' (лит. *skilti* 'высекать') ~ лтш. *škilt* 'Feuer anschlagen';

12. *šiąutuvas* (l) 'винтовка, ружьё; ткацкий челнок' (лит. *šauti* 'стрелять') ~ лтш. *šaūt* 'eine heftige Bewegung nach einer Richtung hin machen; schnell schieben oder stoßen'; слав. **sūjǫ*, **sūjety*; inf. **sovāti*, sup. **sovātь*; l-part. **sovālь*, f. **sovāľa*, n. **sovālo*; part. praet. act. f. **sovāvьši* || см. (Дыбо 2000, 289, 489, 512, 517);

13. trintuvai (1) в варажении *mintuvai-trintuvai* 'móterų darbas' (Būga RR III 67 [лит. *trinti* 'теретьь']) ~ лтш. *trīt* 'reiben, schleifen, schärfen'; ср. слав. **tbr(j)ǫ*, **tbr(j)etъ*; inf. **tbrti*, sup. **tbrъ*; аог. 1. sg. **tbrъхъ* (то же ударение в pl.), 2–3. sg. **tbr*; l-part. **tbrlъ*, f. **tbrla*, n. **tbrlo*; part. praet. act. nom. sg. m. **tbrъ*, f. **tbrъši* || см. (Дыбо 2000, 263, 488, 491, 503, 514).

II. От глаголов балтийского подвижного акцентного типа

1. artūvas (2) 'darbininkas arklys' (Sk. ŽD, 383) (лит. *arti* 'пахать') ~ лтш. *arīt* 'pflügen'; слав. **or(j)ǫ*, **or(j)etъ*; inf. **orāti*, sup. **oratъ*; аог. 1. sg. **orāхъ* (то же ударение в pl.), 2–3. sg. **ora*; l-part. **oralъ*, f. **oralā*, n. **oralo* || см. (Дыбо 2000, 274–275, 488, 494, 507);

2. bliautivė (2) 'kas vis bliauja, rėkia', 'сквернослов, похабник' (лит. *bliauti* 'блеть, реветь') ~ лтш. *blāūt* 'blöken, schreien'; слав. **bljǫjǫ*, **blju-jetъ* || см. (Дыбо 2000, 293);

3. dētūvai (2) 'укладчик; кладовая; хранилище' (лит. *dėti* 'класть, ставить; помещать') ~ лтш. *dēt* '(Eier) legen'; слав. **dějǫ*, **dějjetъ*; l-part. **dējalъ*, f. **dējālā*, n. **dējalo* || см. (Дыбо 2000, 296–298, 512);

4. nuduotivės (2) 'обет, брак' (др.-лит. *nudūtiūvių* 'šlub' gen. pl. DP 281₃) (лит. *duoti* 'давать') ~ лтш. *duōt* 'geben'; слав. **dājǫ*, **dajjetъ*; l-part. **dājalъ*, f. **dajālā*, n. **dājalo* и **dālъ*, f. **dalā*, n. **dalo*; part. praet. act. nom. sg. m. **dāvъ*, nom. pl. **davъšē*, nom. sg. f. **davъšī* и **dajavъšī* || см. (Дыбо 2000, 299–300, 512, 513, 516, 517);

5. pragertivės (2) J⁹, **užgertivės** (2) Šl. 'zapicie, wypicie (po załatwie-niu jakiejś sprawy; za czyjeś zdrowie)' (лит. *gėrti* 'пить') ~ лтш. *dzeřt* 'trinken, saufen, zechen'; слав. **žbrǫ*, **žbrētъ* и **žērǫ*, **žerētъ*; аог. 1. sg. **žeřхъ*, **prožeřхъ* (pl. 1. **žerxōmъ*, **prožerxōmъ*, 2. **žerstē*, **prožerstē*, 3. **žeršē*, **prožeršē*), 2–3. sg. **žērtъ*, **prōžertъ* и 1. sg. **žbrāхъ* (то же ударение в pl.), 2–3. sg. **žbra*; l-part. **žbrlъ*, f. **žbrlā*, n. **žbrlo* и **žbralъ*, f. **žbrālā*, n. **žbralo* || см. (Дыбо 2000, 266, 273, 490, 493, 501, 506);

6. keltivės (2) 'обряд поднимания молодых с постели в первое утро после свадьбы' (лит. *kėlti* 'поднимать')¹ ~ лтш. *celt* 'heben';

7. klotūvas (2) tech. 'укладчик' (Lyb.), **paklotivė** (2) Sk. ŽD 385 'простыня', 'paklodė' ~ лтш. *klāt* 'hinbreiten, decken';

¹ Но также *keltuvių* (1) *ryšs* Škn; *keltivės* (1) J, (LKŽ V, 552: Brs, LMD, Sk, Sr) и *keltivės* (2) J, (LKŽ V, 552: NdŽ); *keltūvas* (1) J, DLKŽ, LRKŽ; *keltūvas* (3^a) Šl.; *keltūvas* (1? 3^a?) (Sk. ŽD, 382: Skr.); *keltuva* (1) J, DLKŽ, LRKŽ; *keltuvà* (3^a) (Sk. ŽD, 384: Ad., Vkn.); *keltuvė* (1) J; *keltuvė* (3^a) J, KLD, (Отр. Tver. 148). Столь широкая фиксация накоренного неподвижного акц. типа и его рефлексов свидетельствует, по мнению С. Л. Николаева, о переходе этого корня в лит. языке в доминантный тип, об этом же свидетельствует и отсутствие метатонии в словах *kėltas* (1), *kėlta* (1), *kėltas*, -a (1) > *kėltas*, -à (3).

8. *lietùvai* (2) ‘форма, в которой отливают свечи, фигуры’ (лит. *lieti* ‘лить’) ~ лтш. *liêt* ‘gießen, vergießen’; слав. **lĭjъ*, **lĭjětъ* и **lĕjъ*, **lĕjětъ*; inf. **lĭti*, sup. **lĭtъ* и inf. **lĭjāti*, sup. **lĭjātъ*; аог. 1.sg. **lĭxъ* (то же ударение в pl.), 2–3.sg. **lĭtъ* и аог. 1.sg. **lĭjāxъ* (то же ударение в pl.), 2–3.sg. **lĭja*; l-part. **lĭlъ*, f. **lĭlā*, n. **lĭlo* и **lĭjalъ*, f. **lĭjalā*, n. **lĭjalo*; part. praet. act. nom.sg. f. **lĭvъšĭ* || см. (Дыбо 2000, 282, 294, 489, 495, 498, 508, 512, 517);

9. *pintùvès* (2) Šl.: *pintùvių vākaras* — ‘wieczór przed ślubem, na którym dla młodej wiją wianek’ (лит. *pinti* ‘плести, вить; сплестать’) ~ лтш. *pīt* ‘flechten’; слав. **pъnъ*, **pъnětъ*; аог. 1.sg. **pĕxъ* (pl. 1. **pĕxōtъ*, 2. **pĕstē*, 3. **pĕšĕ*), 2–3.sg. **pĕtъ*; l-part. **pĕlъ*, f. **pĕlā*, n. **pĕlo*; part. praet. pass. **pĕtъ*, f. **pĕtā* || см. (Дыбо 2000, 267, 491, 502, 525);

10. *vytùvai* (2) ‘мотовило, моталка’ (лит. *vūti* ‘вить, свивать’) ~ лтш. *vīt* ‘winden, flechten’; слав. **vĭjětъ*; inf. **vĭti*, sup. **vĭtъ*; аог. 1.sg. **vĭxъ* (то же ударение в pl.), 2–3.sg. **vĭtъ*; l-part. **vĭlъ*, f. **vĭlā*, n. **vĭlo*; part. praet. act. nom. m. **vĭvъ*, f. **vĭvъšĭ* || см. (Дыбо 2000, 283, 489, 495, 508, 515);

11. *virtùvas* (2) Šl. ‘rondel; samowar’ (лит. *virti* ‘кипеть, вариться; кипятить, варить’) ~ лтш. *vīft* intr. ‘kochen, sieden’, tr. ‘kochen’;

12. *tintùvas* (2) ‘прибор для отбивки кос’² (лит. *tinti* ‘отбивать, направлять, точить (косу)’) ~ слав. inf. **tĕti*, praes. 1.sg. **tъnъ*, 3.sg. **tъnětъ* (а.п. с; см. Дыбо 2000, 267 и Дыбо 1981, 235).

Балто-славянский характер этого распределения подтверждается славянскими соответствиями:

Слав. subst. суфф. -tъv-ā-

I. От глаголов неподвижного акцентного типа

1. слав. **bĭtъvā*, acc.sg. **bĭtъvъ* [схрв. *bĭtva*; ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) **Бĭтѡѡ** Гр. 29, 49, 52; словен. *bĭtva*; чешск. *bitva*] ~ слав. **bĭti*, praes. 1.sg. **bĭjъ*, 3.sg. **bĭjětъ* || см. (Дыбо 2000, 276);

2. слав. **brĭtъvā*, acc.sg. **brĭtъvъ* [схрв. *brĭtva*; ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) **Брĭтѡѡ** Гр. 29, 52; словен. *brĭtva*, чешск. *břitva*] ~ слав. **brĭti*, praes. 1.sg. **brĭjъ*, 3.sg. **brĭjětъ* || см. (Дыбо 2000, 276–277);

² Зафиксировано также *tintuvās* (1) и *tintuvai* (1) pl. ‘прибор для отбивки кос’, что указывает на первично неподвижный акцентный тип литовского глагола; но в латышском соответствие отсутствует, в славянском глаголе реконструируется а.п. с на основании словенской и ст.-хорватской акцентовки презенса, поддержанной ст.-словацкими и ст.-хорватскими данными по акцентовке инфинитивной основы, см. (Дыбо 2000, 267) и (Дыбо 1981, 235); однако словен. *zatèt* (SSKJ V, 791: = *zatĕt*), супин от *zatĕti* ‘hineinhauen; übergehen, ereilen’, может оказаться реликтом первичного неподвижного акцентного типа.

3. слав. *žǫrtvā, acc.sg. *žǫrtvŏ [схрв. žřtva, словен. žřtva] ~ лтш. dziřt(iēs) (praes. dziřu(ōs), praet. dzřru(ōs)) || см. (Дыбо 2000, 330);

4. слав. *žětvā, acc.sg. *žětvŏ [схрв. žětva; ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) ЖѢТВА Гр. 29, 49, 52; словен. žětva, чешск. žatva] ~ слав. *žěti, praes. 1.sg. *žьnŏ, 3.sg. *žьnetь || см. (Дыбо 2000, 263);

5. слав. *sětvā, acc.sg. *sětvŏ [схрв. sjetva; ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) СѢТВА Гр. 29, 49, 52; словен. sětva] ~ лтш. sēt 'säen, besäen'; слав. *sěŏ, *sějetь; part. praes. act. *sěje, *sějŏtj-; aor. 1.sg. *sějasъ (то же ударение в pl.), 2–3.sg. *sěja; l-part. *sějalь, f. *sějala, n. *sějalo || см. (Дыбо 2000, 280–281, 289–290, 486–487, 498; 512);

6. слав. *lětvā, acc.sg. *lětvŏ [схрв. ljětva; словен. lětva] ~ слав. *lězti, praes. 1.sg. *lězŏ, 3.sg. *lězetь || см. (Дыбо 2000, 349–350).

II. От глаголов подвижного акцентного типа

1. слав. *klětvā, acc.sg. *klětvŏ > *klětvŏ [схрв. klětva, схрв. диал. посав. klětva (зафиксировано М. Каповичем 1.09.2007), ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) КлѢТВА Гр. 29, 49, 52; польск. kłątwa] ~ слав. praes. 1.sg. *klьnŏ, 3.sg. *klьnеть || см. (Дыбо 2000, 268);

2. слав. *pastvā, acc.sg. *pastvŏ > *pāstvŏ [ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) ПаствѦ Гр. 29; польск. диал. *pāstwa (по Kucala, 253, sub. v. p a s w i c s i e 'pastwić sie? : ne pācf'iubyi_se)] ~ слав. *pāsti, praes. 1.sg. *pāsŏ, 3.sg. *pasetь || см. (Дыбо 2000, 355);

3. слав. *plytvā, acc.sg. *plytvŏ > *plýtŏ [ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) ПлѣтвѦ Гр. 29, ПлѣтвѦ Гр. 52, acc.sg. plūtwi Пол. 14, bis; ст.-чешск. plýtva и совр. чешск. ploutev] ~ слав. *plŏvŏ, *plovetь и *plýnŏ, *plynetь (а.п. с) || см. (Дыбо 2000, 286, 318–319, 329);

4. слав. *prestvā, acc.sg. *prestvŏ > *prěstvŏ [чешск. přástva] ~ слав. *prěsti, praes. 1.sg. *prēŏ, 3.sg. *prēdetь || см. (Дыбо 2000, 354);

5. слав. *žbratvā, acc.sg. *žbratvŏ > žbrātŏ [русск. жрѡтвѦ] ~ слав. praes. 1.sg. *žerŏ, 3.sg. *žeretь || см. (Дыбо 2000, 273);

6. слав. *vbrstvā, acc.sg. *vbrstvŏ > *vbrštŏ [польск. диал. vāřtfa F., vāřtfe S. (Kucala, 112, sub. v. w a r s t e w 'warstwa snopów w stodole')] ~ слав. *vbrtětŏ, praes. 1.sg. *vbrtjŏ, 3.sg. *vbrtītь.

Таким образом, очевидно, что реконструированное распределение акцентных типов праславянских глаголов с корнями на нешумные и сами эти акцентные типы непосредственно связаны с балтийскими просодическими типами и их распределением и восходят к акцентной (просодической) системе, которую можно охарактеризовать как прабалтославянскую. Естественно, что эта система не может быть непосредственно связана с системой

акцентовки древнеиндийского глагола, ввиду тех особенностей последней, о которых я неоднократно писал, и все поиски индоевропейских непосредственных истоков балто-славянской глагольной акцентной системы следует вести, опираясь преимущественно на рефлексы индоевропейского ударения в западных индоевропейских языках. Конечно, и акцентологические свидетельства западных индоевропейских языков относительно ударения имен, особенно имен, связанных с глагольной системой: девербативов, причастий и под., — оказываются более важными для индоевропейской акцентологической реконструкции, чем соответствующие факты древнеиндийского и греческого языков.

Индоевропейский характер приведенного выше балто-славянского распределения глагольных акцентных типов доказывается соответствием их германским акцентным типам, устанавливаемым по сокращению в прагерманском индоевропейских долгот и действию закона Хольцмана (*Verschärfung*) (соответственно, по отсутствию сокращения долгот и действия закона Хольцмана), а также по прагерманскому ударению отглагольных прилагательных на *-to-* и прагерманскому ударению слабого претерита от первичных глаголов [см. (Дыбо 2007) и (Дыбо 2011)].

Как ясно из предшествующего, формы презенса от бесприставочных глаголов в современном литовском языке не обнаруживают следов морфологической подвижности ударения. Их акцентные различия зависят лишь от интонации (и количества) корня:

1 л. ед. ч. през. *velkù* (при 3 л. ед. ч. през. *vel̃ka*), но:

1 л. ед. ч. през. *áugu* (при 3 л. ед. ч. през. *áuga*).

Однако включение в анализ приставочных форм глаголов и форм с отрицанием и размещение их по типам ударения действительных презентных причастий (а также по интонации корня) приводит к следующей схеме:

			П (подвижные)		Н (неподвижные)	
			—	α	—	α
Презенс	Простые глаголы	1 л. ед. ч.	<i>áugu</i>	<i>nešù</i>	<i>tráukiu</i>	<i>šaukiù</i>
		3 л. ед. ч.	<i>áuga</i>	<i>něša</i>	<i>tráukia</i>	<i>šaũkia</i>
	Приставочные глаголы	1 л. ед. ч.	<i>neáugu</i>	<i>nènešu</i>	<i>netráukiu</i>	<i>nešaukiù</i>
		3 л. ед. ч.	<i>neáuga</i>	<i>nèněša</i>	<i>netráukia</i>	<i>nešaũkia</i>
Причастие	Им. п. ед. ч. м. р.	<i>augāš</i>	<i>nešāš</i>	<i>tráukiaš</i>	<i>šaũkiaš</i>	
	Вин. п. ед. ч. м. р.	<i>áugantį</i>	<i>něšantį</i>	<i>tráukiantį</i>	<i>šaũkiantį</i>	

Установив это распределение, Ф. де Соссюр тем самым открыл первоначальную двухпарадигменность презенса. Отсюда вытекает, что для доказательства закона де Соссюра в глагольной системе основное значение

имеет трансформация Н/а, а трансформация П/а менее значима, так как исходная акцентная кривая подвижной парадигмы неясна.

Из таблицы видно, что приставочные акутированные глаголы типа П (подвижные) в презенсе несут ударение на корне, в отличие от глаголов типа П/а с ударением на приставке (на отрицании). Это исключение из правила представляет собой также позицию действия закона Ф. де Соссюра, ибо объясняется как деформация старой подвижной парадигмы в результате его действия:

*neáugu, neáuga < *nĕáugô, *nĕáuga*

Однако из факта установления наличия двух первичных акцентных парадигм в презенсе литовского глагола не вытекает, что было установлено их первоначальное распределение. Это мы можем увидеть, если мы выпишем группу литовских глаголов, соответствующих глаголам неподвижного акцентного типа, установленного посредством славянско-латышского акцентно-тонального сравнения, и рассмотрим их поведение при присоединении приставки или отрицания:

1. лит. *pagirti*, praes. 3. *pàgiria, nègiria* ‘похвалить, хвалить’, ср. слав. *žbrjǫ, *žbr(j)etъ ~ лтш. *dziřt(iĕs)* (praes. *dziřu(ôs)*; praet. *džřu(ôs)*);
2. лит. *užtrinti*, praes. 3. *užtrina, nètrina* ‘затереть, тереть’, ср. слав. *tbr(j)ǫ, *tbr(j)etъ ~ лтш. *trīt* (praes. *trinu, triņu*; praet. *trinu, trīnu*);
3. лит. *raminti*, praes. 3. *pàmina, nèmina* ‘затоптать, попруть; топтать’, ср. слав. *mъnǫ, *mъnetъ ~ лтш. *mīt* (praes. *minu, miņu*; praet. *minu, mīnu*);
4. лит. *ramàlti*, praes. 3. *pàmala, nèmala* ‘(некоторое время) помолоть, молоть’, ср. слав. *meljǫ, *mèljety ~ лтш. *maļt* (praes. *maļu*; praet. *malu*);
5. лит. *užkàlti*, praes. 3. *užkala, nèkala* ‘забить, заколотить; бить, колотить’, ср. слав. *koljǫ, *kòljety ~ лтш. *kaļt* (praes. *kaļu*; praet. *kalu*);
6. лит. *pabàrti*, praes. 3. *pàbara, nèbara* ‘побранить, поругать, сделать выговор; бранить’, ср. слав. *borjǫ, *bòrjety ~ лтш. *bàrt* (praes. *baņu*; praet. *bāru*);
7. лит. *pasiūti*, praes. 3. *pàsiuva, nèsiuva* ‘сшить, пошить; шить’, ср. слав. *šjǫ, *šjĕty ~ лтш. *šūt* (praes. *šuju, šuvu*, диал. (Ērg.) *šūnu*; praet. *šuvu*).

Причина этого отклонения от предсказанного славянско-латышским акцентно-тональным сравнением легко объясняется сравнением с поведением той группы «неподвижных глаголов», которые сохраняют долготу корневого слога в презенсе: они не переносят ударение на приставки и отрицание. Общий характер этого морфонологического процесса показывает сравнение его с аналогичным явлением в именном словообразовании, см. (Дыбо 2006, специально с. 158 и 163–164).

Сохранение рефлексов или реликтов балто-славянских и балтийских акцентных парадигм в презенсе прусского глагола было установ-

лено Н. Ван Вейком в его работе (*Van Wijk, N. Altpreussische Studien. Beiträge zur baltischen und zur vergleichenden indogermanischen Grammatik.* Haag, 1918). Ниже мы используем его результаты, введя поправку в его интерпретацию, опираясь на закон Кортландта.

Комментарии. В X главе «Die I. Person Plural auf *-imai* und der Stammesauslaut des Indikativs» своих *Altpreussische Studien* Н. Ван Вейк рассматривает прусские формы I.pl. *giwammai, giwemmai* ‘leben’; *klantemmai* ‘fluchen’, *per-klantemmai* ‘verraten’; *po-prestemmai* ‘fühlen’; *per-weckammai* ‘verachten’; *wertemmai* ‘schwören’ как парoxyтона, а формы *turrimai* ‘haben, sollen’; *girrimai* ‘loben’; *immimai* ‘nehmen’, *en-immimai-sin* ‘annehmen’; *er-sinnimai* ‘erkennen’, *po-sinnimai* ‘bekennen’; *gunnimai* ‘treiben’ как проparoxyтона. Это соответствует бытовавшему тогда, да и до сих пор господствующему представлению об орфографическом указании на ударные краткости в прусском. Иначе говоря, первую группу словоформ он рассматривает как *giwǎmmmai, giwěmmmai; klanǐemmai, per-klanǐemmai; po-prestěmmmai; per-weckǎmmmai; wertěmmmai*, а вторую — как *túrrimmai; girrimmai; immimmai, en-immimmai-sin; er-sinnimmai, po-sinnimmai; gúnnimmai*. Это дает возможность Ван Вейку сопоставить акцентовку *giwǎmmmai, giwěmmmai* и под. со слав. *nesēmū, nesēte*, (русск.) *živú, -ěš* и под. Ван Вейк, конечно, не мог надежно поставить в соответствие с праславянскими вторую группу словоформ, для этого необходимо было реконструировать акцентные типы презенса славянских тематических глаголов с редуцированными в корне [это было сделано мной лишь в 1972 г. (Дыбо 1972а)], но в прусском были формы и с долготным корнем: *pīdimmai, po-gaunimmai, kirdimmai, po-stānimmai*, которые явно соответствовали барионизированному славянским: серб. I.sg. *stānu* и под. Ван Вейк, отметив эти акцентологические совпадения, не сделал решительных выводов, этому мешала господствующая «парадигма», согласно которой всё, что отличается от древнеиндийского, то вторично; сделал эти выводы уже Хр. Станг (см. Stang 1957, 157].

Сейчас, учитывая закон Кортландта и принимая нормальную орфографию, при которой удвоенные согласные указывают на сокращение гласных в предударном положении (см. первую часть статьи³), мы получаем в прусском у тематических глаголов две акцентных парадимы: 1. неподвижная с двумя вариантами, и 2. подвижная:

Рассмотрение системы глагольного ударения в третьем прусском катехизисе (*Enchiridion*) следует, по-видимому, начать с глагольных классов, инфинитивная основа которых на один слог меньше основы презенса (включая тематический гласный) или обе основы по количеству слогов равны:

³ Балто-славянские исследования XVIII. М., 2009, 130–134.

Praesens

I. Immobilia

A. Тип с накоренным ударением

1. прусс. **ind. praes.:** *poštānimai* 1.pl., III 113₂₁ [71₉] „[wir] werden – pastojame“ (≠ **postānimai*); **conj. praes. 3.sg.:** *poštānai* (конъюнктив) „werde – pastoja (tampa)“ III 49₃ [35₂]; *poštānai* (конъюнктив) „werde – pastotu“ III 111₁₁ [69₁₈], III 115₂₈ [71₃₆], III 123₁₃ [77₃], III 125₈ [77₁₈], III 133₇ [81₁₄], *ni...poštānai* (конъюнктив) 3.pl. „nicht ... werden – nepastotu“ III 93₁₉ [59₂₀]; **praet. 3.sg.:** *poštāi* „ward – pastojo (tapo)“ III 75₂ [49₆], *poštai* „ward – pastojo (tapo)“ III 113₁ [69₂₉]; **fut.:** *poštāfei* 2.sg. „wirst – pastosi“ III 105₃ [65₂₁]; **part. praet. act.:** *poštāuns* nom.sg. m. „worden (geworden) – pastojęs“ III 93₁₅ [59₁₆]; cp. **inf.:** *poštātwei* „werden – pastoti (tapti)“ III 63₁₆ [43₂], *poštāt* „werde – pastoti“ III 113₁₇ [71₆], III 117₁₄ [73₁₁], III 129₄ [79₁₄]; (для балтийского акцентного типа ср. слав. praes. 1.sg. **stānoq*, 3.sg. **stānetb*) || Endzelīns IV (2), 287; Mažiulis 3: 331–332; Дыбо 2000, 330, 331, 501, 513, 516;

2. прусс. **ind. praes. 1.pl.:** *pogaunimai* „[wir] empfangen (empfangen) – gauname“ III 111₁₂ [69₁₉] (≠ **pogāunimai*, *augaunimai*, „gewinnen – išgauname“ III 55₂₃ [39₃] (≠ **augāunimai*, отсутствие геминации *-m-* свидетельствует о неподвижном акцентном типе с накоренным ударением); **3.sg.:** *ni poga|uni* „nicht empfehhet (empfangt) – gauna“ III 113₅₋₆ [69₃₃]; **conj. praes. 3.sg.:** *pogāunai* <Si!>⁵ „empfahe (empfangt) – gautu“ III 65₁₁ [43₁₉]; **3.pl.:** *pogaunai* „empfehhet (empfangt) – gauna“ III 77₉ [49₃₂], cp. **inf.:** *pogaūt* „empfahen (empfangen) – gauti“ III 53₇ [37₈₋₉]; **part. praet.act.:** *pogaunus* nom.sg. m. „empfahen (empfangen) – gavęs“ III 95₁₇ [61₄]; **part. praet. pass.:** *pogaunts* nom. sg. m. „empfan|gen – pradėtas (gimimui)“ III 41₂₂ [31₁₁], *po|gauts* nom. sg. m. „entpfangen (empfangen) – pradėtas (gimimui)“ III 127₈₋₉ [77₃₄], *pogauton* acc.sg. f. „empfangenen – gautu“ III 133₃ [61₁₁], *pogauti* nom.pl. m. „empfangen – pradėti (gimimui)“ III 113₂₀₋₂₁ [71₉] (для балтийского акцентного типа ср. лит. *gauti*, praes. 1.sg. *gāumu* ‘получить, получать’; лтш. *apgaut* (Lems., Salisb., Trik., Wolmarsh.) ‘bewältigen’, Endz.–Haus. I, 81; *sagaūt* (N.-Bartau) ‘Mit Mühe aufsuchen, finden, bekommen’, ср. лтш. *gūt* ‘fangen, greifen, haschen, erlangen, bekommen’) || Endzelīns IV (2), 284; Mažiulis 1: 111; 3: 306; Mažiulis PKP I, 225; Mažiulis PKP II, 215;

3. прусс. **ind. praes.:** *galbimai* 1.pl., „[wir] helffen (helfen) – gelbime“⁶ III 31₁₄ [25₁₇], „[wir] helffen (helfen) – gelbime“ 33₁₃ [27₄] (≠ **gālbimai*, отсутствие геминации *-m-* свидетельствует о неподвижном акцентном ти-

⁴ Примечание Мажюлиса: «Čia *gauna* – „prima“».

⁵ Явное отклонение от предложенного Ф. Ф. Фортунатовым правила изображения слоговых интонаций в прусском: какие-либо условия для метатонии в этой словоформе отсутствуют.

⁶ Примечание Мажюлиса: «T. y.: *gelbētume*».

пе с накоренным ударением, акутовая интонация корневой морфемы уславливается сравнением с литовским); (**conj. fut. =**) **opt. 3.sg.:** *galbsai* „walt (walte) – tegelbėja“ III 81₅ [51₃₁], *galbse* „hilff (helfe) – tegelbėja“ III 49₇ [35₆] „walt (walte) – tegelbėja“ III 79₅ [51₁₃], „hilff (helfe) – tegelbėja“ III 107₁₈ [67₂₄]; (для балтийского акцентного типа ср. лит. *gėlbėti*, praes. 1.sg. *gėlbu* и *gėlbiu*, новое и нормативное *gėlbėju* ‘спасать’) || Endzelīns IV (2), 216; Mažiulis 1: 316–317; Топоров 1979, 134–136; Fraenk. 144;

4. прусс. **ind. praes. 1.pl.:** *pīdimai* „[wir] bringen – nešame“ III 35₁₄ [27₂₃], *pīdimai* „[wir] bringen – nešame“ III 33₁₁ [27₃] (≲ **pīdimai* < **pēdimai*); **conj. praes. 3.sg.:** *ni|pīdai* „tregt (trägt) ... nicht – neneš(ioj)a“ III 89_{24–25} [57₁₅]; ср. **inf.:** *pīst* „tragen – atnešti“ III 105₁₃ [65₃₀] (≲ **pīd-ti* < **pēd-ti*); **part. praet.act.:** *pīdauns* nom.sg. m. „getragen – nešiojēs“ III 115₁₁ [71₂₃] для балтийского акцентного типа ср. лит. жемайт. *pýdyti*, -o, -ė tr. Tl, Kl, Slnt ‘sunkiai traukti, tempti, vilkti, nešti’ || Endzelīns IV (2), 278–279; Mažiulis 3: 278–279, 363;

5. прусс. **praes.:** *ferrīpī|mai* 1.pl., „erfarens (wir erfahren) – patiriame, susekame“ III 113_{18–19} [71₇]; **imperat. (conj.) 2.pl.:** *rīpaiti* conj. „folget – sekite“ III 89₁₀ [57₄]; **part. praes. act. rīpintin** acc.sg. f. „folgende – sekančia“ III 85₁₁ [53₃₁], *rīpinton* acc.sg. f. „folgende – sekančia“ III 83₁₃ [53₁₇] || Endzelīns IV (2), 296, 304; Mažiulis 4: 29, 102–103;

6. прусс. **ind. praes.:** **1.pl.** *kīrdimai* „[wir] hören (hören) – girdime“, ‘(мы) слушаем, слышим’ III 113₉ [89₃₆], „hören (hören) – girdime“, ‘слушаем, слышим’ III 113₁₇ [71₆] (≲ **kīrdimai*, циркумфлексовая интонация корневой морфемы подтверждается действием закона де Соссюра в инфинитивной основе); **imperat. (conj.) 2.pl.:** *kīrdēiti* „hört (hört) – girdēkite“, ‘слушайте’ III 101₄ [63₁₃] < **kīrdī-ai-tē*; **imperat. (conj.?) 2.pl.:** *kīrdijiti* conj. „höret (höret⁷) – girdēkite“, ‘слушайте’ III 103₃ [63₃₅] < **kīrdītē* (-ij- < *-ī-, дифтонгизация -ī- под акутовым ударением); ср. **inf.:** *kīrdītwei* „hören (hören) – girdēti“, ‘слушать, слышать’ III 67₁₅ [45₆] (≲ **kīrdītwei*); *kīrdīt* „hören (hören) – girdēti“, ‘слушать, слышать’ III 111₁₇ [69₂₃] < **kīrdīt* (для балтийского акцентного типа ср. лит. *girdėti*, praes. 3. *girdi* ‘слышать’, др.-лит. 2.sg. ***ne girdi** [*Ne gir|di* DP 164_{18–19}]; praes.3. ***ne girdi** [*ne gir|di* DP 202₄₁, 323₁₉, 538₁₃]; а также др.-лит. part. praes. **girdjīs:** *iis kaip ne girdīs* DP 116₂₂); ср. лтш. *dzirdēt*, praes. 1.sg. *dzirdu*, диал. также *dziržu*, praet. 1.sg. *dzirdēju* ‘hören’ || Endzelīns IV (2), 230; Mažiulis 2: 191–193; Топоров 1980, 374–376;

7. прусс. **ind. praes. 1.pl.:** *mēntimai* „[wir] Liegen [lügen] – meluojame“, ‘(мы) лжём’ III 29₄ [23₁₈] (≲ **mēntimai*), *Mēntimai* III 34₁₉ [26₂₇], *ep|məntimai* „[wir] beliegen [belügen] – (ap)meluojame“, ‘(мы) обманываем’ III 33_{20–35}₁ [27₁₀, 12] (≲ **epmēntimai*, циркумфлекс предполагается на этимологических основаниях: см. греч. соответствия); ср. лат. *mentior*, *menŕi* ‘lügen’; греч.

⁷ Мажюлис исправляет на hört, но это неверно, так как в немецком тексте Konjunktiv I, оправданный тем, что передаются слова Павла.

μάτη f. ‘vergebliches Beginnen, Unbesonnenheit, Torheit’, ‘пустая затея, напрасный труд’, *μάτην* adv. ‘напрасно, безуспешно, бесцельно, без пользы; безрассудно; ложно, лживо’, ? *ἄματος* ‘nicht ersonnen, ohne Hintergedanken’ (Schwyzer RhM. 72: 435); вероятно, ранняя контаминация с и.-е. корнем **men(ə)*- ‘denken’; ностратические сближения, указывающие на отдельный и.-е. корень, см. в Иллич-Свитыч III, 52–55 || Endzelīns IV (2), 260; Mažiulis 1: 281; 3: 131–133; Trautmann BSW, 181; WH II, 68–69; Топоров 1979, 65–66; WH II, 68–69; Иллич-Свитыч III, 52–55; Pok. 726–728;

8. прусс. **ind. praes. 1.pl.**: *ernertimai* „[wir] erzürnen (erzürnen) – nirtina-me“ III 31₄ [25₈₋₉] (≪ **erneřtimai*, отсутствие геминции *-m-* свидетельствует о неподвижном акцентном типе с накоренным ударением, циркумфлекс корневой морфемы предполагается на основании вероятного действия закона де Соссюра в инфинитивной основе); ср. **part. praet.act.** *ernertūns* nom.sg. m. „gezürnet (gezürnt) – įnirtinęs, įpykinęs“ III 69₄ [45₁₈] (так как основа **part. praet. act.** *ernertī-* = основе инфинитива, возможно восстановление инфинитива в форме **ernerūtwei* ‘nartinti, pykinti’, при зафиксированном у Даукши др.-лит. inf. *nėrtet* ‘gniewać się’ DP 297₂₂ и praes. 3.sg. *nėrfti* DP 292₂₅, *nėrft* DP 296₂₂; ср. прусс. *nierties* gen.sg. f. „Zornes (Zornes) – įniršio (pykčio)“ III 115₂₄ [71₃₃]; *nertien* acc.sg. f. „zorn (Zorn) – įnirši“ III 39₃ [29₁₂] ~ лит. *nėrtėti*, praes. 3. *nėrtėja*, praet. 3. *nėrtėjo* intr. ‘неистовствовать’; *išnėrtėti* intr. ‘упрямиться, упираться, капризничать’, ‘kurį laiką ožiūotis, buti užgyusiam’ LKŽ; *sunėrtėti* intr. ‘imti nirsti, supykti’ LKŽ; но с циркумфлексом в других ступенях огласовки: *ap-niřsti* ‘рассердиться, разозлиться’, *nartėti* || Endzelīns IV (2), 211; Mažiulis 1: 287; 3: 186–188; Fraenk. I, 504–505; Топоров 1979, 82–83;

9. прусс. **ind. praes. 1.pl.**: *etwėrpimai* „[wir] verlařsen – atleidžiame“; ‘отпускаем (грехи), прощаем’ III 53₂₁ [37₁₉₋₂₀] (≪ **etweřpimai*, отсутствие геминции *-m-* свидетельствует о неподвижном акцентном типе с накоренным ударением, циркумфлекс корневой морфемы предполагается на основании действия закона де Соссюра в производном имени с доминантным суффиксом *-snā*, см. ниже); **praes. 1.sg.**: *etwerpe* „vergebe – atleidžiu“ III 71₁₈ [47₁₇]; *etwiėrpei* praes. 3.sg. „vergift – atleidžia“ III 45₂₁ [33₁₄], ср. лит. *veřpti*, praes. 3. *veřpia* ‘прясть’, ср. *etwerpsnā* „vergebung (Vergebung) – atleidimus“; ‘отпущение’ III 75₁₉ [49₈] || Endzelīns IV (2), 215; Mažiulis 1: 307–308, 306; Топоров 1979, 115–117;

10. прусс. **praes.**: *schlūřimai* 1.pl., „dienen – tarnaujame“ III 31₅ [25₉]; *per-schlūřimai* praes. 1.pl., „verdienen – užtarnaujame“ III 55₉₋₁₀ [37₂₈] (≪ **řlūřimai*, акутовое ударение на корне этого заимствования устанавливается по отсутствию переноса ударения по закону де Соссюра в форме инфинитива, см. ниже); *schlūřiti* 2.pl. „dietet – tarnaujate“ III 95₁₆ [61₃]; *schlūři* 1.sg. „ich diene – tarnauju“ III 67₂₁ [45₁₂] ~ **inf.** *schlūřitwei* „dienen – tarnauti“ III 41₁₆ [31₆] || Endzelīns IV (2), 301; Mažiulis 4: 85–86, 3: 271;

11. прусс. **praes.:** *aufschpāndi=|mai* 1.pl., „[wir] abðringen – nu(s)traukia-me, pa(s)weržiamē“ (= *attrauktumbim*), ‘переманиваем, отбираем’ III 37₄₋₅ [27₃₃] (≤ **spādimai*) ~ лит. *spāndyti* ‘dažnai spęsti; įtempti (lanką)’, ‘сжимать, давить’ (LKŽ XIII: 318); интенсив к лит. *spęsti*, praes. 1.sg. *spėndžiu*, praet. 1.sg. *spėndžiau* ‘spannen; mittels Spannens stellen, legen’, ‘ставить западню’; лтш. *spiēst*, praes. 1.sg. *spiēžu*, praet. 1.sg. *spiēdu* ‘drücken, pressen, drängen, zwingen, nötigen, fangen’; алб. *fend* ‘fart’ (< **fenda* < **spenda*); др.-инд. *spān-date* ‘to shiver’; греч. *σφαδάζω* ‘to shiver, to tremble’, что указывает на закон Винтера как на причину акута ударного слога в балтийских, см. (Дыбо 2002: 466–467 и другие с дифтонгическими сочетаниями) || Endzelīns IV (2), 184; Mažiulis 1: 122–123; Топоров 1975, 166–167; Fraenk. 859, 865–866; Orel Alb.: 95; Frisk II, 825; Дыбо 2002: 295–515; Pok. I, 989;

12. прусс. **praes.:** *waidimai* 1.pl., „wir willen – žinome“, ‘мы знаем’ III 65₂₂ [43₂₇] (< **waidimai*, отсутствие геминации *-m-* свидетельствует о неподвижном акцентном типе с накоренным ударением; акут корневой морфемы устанавливается по славянским соответствиям и объясняется, по-видимому, законом Винтера, см. Дыбо 2002, 445); *waiditi* 2.pl. „willet – žinote“, ‘вы знаете’ III 105₁₉ [67₂] (≤ **waidite*), *tou waiwei* 2.sg. ‘du weißest – tu žinai’ III 69₂₄ [45₃₃], *Waiwfetu* 2.sg. ‘Weyflestu – (Ne) žinai tu’ III 71₁ [47₂] (≤ **waid-sei*, атематические формы, см. (Endzelin 1944: 162 (§ 224) [IV, 2: 132]); **imper.** 2.pl. *waiditi* „willet – (te)žinote“, ‘знайте’ III 95₁₆ [61₃] (≤ **waidite*) ~ обычно указывается **inf.** *waijt* „willen – žinoti“, ‘знать’ III 73₃ [47₂₄]; но ср. ст.-слав. **вѣдѣти** при praes. 3.pl. **нѣ вѣдѣтъ бо сѧ** Лк 23:34 (Зогр. [219]; Мар. [395₂₁₋₂₂]; Acc. 104d 4–5; Сав.Кн. [137об.]); др.-русск. (Чуд.) **вѣдѣти** 133⁴, 162⁴; praes. 3.pl. **нѣвѣдѣтъ** 92³ || Endzelīns IV (2), 332; Mažiulis 4: 215–216; Trautmann BSW, 338; Fraenk. 1183–1184; Stang Vergl. Gr. 405–410; Дыбо 2002, 445;

13. прусс. **praes.:** *grikimai* 1.pl., „[wir] lūn=ðigen (sündigen) – nusidedame“, ‘(мы) грешим’ III 55₉ [37₂₇] (≤ **grikimai*, акут устанавливается по фонетическому изменению первичного *-ē-* в этом и соответствующих заимствованиях); *grikifi* 3.pl. (refl.) „verfūnðigen (sich versündigen) – (jie) nusideda“ III 55₁₂ [37₃₀] (= *griki fi*); ср. прусс. *grīkan* acc.sg. m. „Sünden (Sünden) – nuodėmė“ III 79₁₅₋₁₆ [51₁₉]; *grikas* gen.sg. m. „Sünden (Sünden) – nuodėmės“ III 117₉ [73₇]; *griku* dat.sg. m. „Sūnde (Sünde) – nuodėmėje“ III 115₂ [71₁₆]; *grīkai* nom.pl. (m.) „lūn-ðe (Sünde) – nuodėmės“ III 65₁₂₋₁₃ [43₂₀]; *grikan* gen.pl. m. „Sünden (Sünden) – nuodėmių“ III 75₁₈ [49₁₇]; *grijkan* gen.pl. m. „Sünden (Sünden) – nuodėmių“ III 45₆ [33₂] (где *-ij-* указывает на акутовую интонацию этого заимствования) || Endzelīns IV (2), 332; Mažiulis 1: 408, 410; Топоров 1979, 308;

14. прусс. **praes.:** *madimai* 1.pl., „[wir] bitten – prašome“ III 49₂ [31₁]; III 49₁₇ [35₁₄]; III 53₆ [37₇]; III 55₂ [37₂₂]; III 55₆ [37₂₅]; III 55₁₇ [37₃₄]; III 57₅ [39₁₁]; III 89₅ [55₃₆]; III 109₁₁ [69₄]; III 119₂₇ [75₉]; *mad=|limai* 1.pl., „[wir] bitten – prašome“

III 51₉₋₁₀ [35₂₆] (≪ **mādlimai*, отсутствие геминации *-m-* свидетельствует о неподвижном акцентном типе с накоренным ударением; ударение интерпретируется как циркумфлекс в связи с удлинением корневого *-a*⁸, акут исключен переносом ударения по закону де Соссюра в инфинитиве, см. ниже); *madli* 1.sg. „[Jch] bitte – maldauju (prašau)“ III 67₁₄ [45₅]; „bitte – maldauju (prašau)“ III 69₆ [45₁₉], III 79₁₄ [51₁₈], III 81₁₄ [53₁]; „bitte [ich] – maldauju (prašau)“ III 115₁₆ [71₂₇]; *madli* 3.sg. „bittet – maldauja (prašo)“ III 117₂₁ [73₁₆]; III 117₂₉ [73₂₃] ~ **inf.:** *madlīt* „Beten – maldauti (melsti)“ III 117₁₅ [73₁₂]; *madlit* „bitten – maldauti (prašyti)“ III 47₁₂ [33₂₉], III 111₁₇ [69₂₂]; „Bitten – maldauti (prašyti)“ III 131₁₁ [79₃₃]; „Beten – maldauti (melsti)“ III 121₁₇ [75₂₅]; *Ma, lit* „Beten – maldauti (melsti)“ III 109₅ [67₃₄]; „maldauti (melsti)“ III 119₈ [73₃₀]; *ma, litwei* „beten – maldauti (melsti)“ III 57₁₈ [39₂₁] (≪ **madlīt(wei)*) || Endzelīns IV (2), 255; Mažiulis 3: 95–96; БСИ XVIII. М., 2009, 139 (sub v. *Maddla*);

15. прусс. **praes.:** *life* 3.sg. „kreucht (kriecht) – šliaužia“ III 107₃ [67₁₃] (≪ **līže* < **lēghe*); **partic. praet. act.** *Semmai lifuns* nom.sg. m. „nidergefaren (niedergefahren) – žemyn leidēsis“ III 127₁₂ [79₁]; *semmailisons* nom. sg. m. „nidergefaren (niedergefahren) – žemyn (nu)lipēs (nusileidēs), nušliaužēs“ III 43₂ [31₁₅] (≪ **līžyō(n)s* < **lēghyōs*, *-n-* вставлено по аналогии с причастием настоящего времени); для балтийского акцентного типа ср. лтш. *lēžēt*, praes. 1.sg. *lēžēju* ‘langsam, lauernd gehen’ || Endzelīns IV (2), 253; Mažiulis 3: 70–72; Топоров 1999, 314–316; Stang Vergl. Gr. 265–267;

16. прусс. **partic. praet. act.** *Sīdons* nom.sg. m. „sitzende (sitzend) – sēdēs“ III 43₄ [31₁₆]; *Sīdans* nom.sg. m. „Sitzend – sēdēs“ III 127₁₃ [79₃] (≪ **sīdyō(n)s* < **sēdyōs*, *-n-* вставлено по аналогии с причастием настоящего времени); ср. **part. praes. act.** nom.sg. m.: *Sin|dats* „Sitzend – Sēdintis (sēdas)“ I 9₁₋₂ [5₃₂] и *Syndens* „Sitzend – Sēdintis (sēdas)“ II 9₂ [11₃₁] (< **sīnda(n)ts*) || Endzelīns IV (2), 304; Mažiulis 4: 109–110; Дыбо 2000, 351, 367; Stang Vergl. Gr. 265–267;

17. прусс. **ind. praes. 1.pl.:** *etfkīmai* „aufferftehen (auferstehen) – atsikeliamē“ III 63₁₈ [43₄]; **conj. fut. (opt.) 2.sg.** *etfkīfai* „fehrefst (fährst) – atsikeli“ III 79₂ [51₁₁]; **partic. praet. act.** nom.sg. m. *etfkīuns* „aufferftanden (auferstanden) – atsikēlēš“, ‘воскресший, восставший’ III 43₃ [31₁₅] || Endzelīns IV (2), 214; Mažiulis 1: 301–303; Топоров 1979, 110–113.

В. Тип с ударением на тематическом гласном.

1. прусс. **praes.:** *girrimai* 1.pl. „[wir] loben – girriame“ III 29₅ [23₂₀] (≪ **gīrīmai*) ~ **inf.** *girtwei* „loben (loben) – girti“ III 41₁₅ [31₅] (для балтийского акцентного типа ср. лтш. *dziīrt* ‘rühmen’, *dziīrtiēs* ‘sich brüsten, prahlen, sich etw. vornehmen, versprechen’, praes. 1.sg. *dziīru(ōs)*; praet. 1.sg. *dzīru(ōs)*; слав. praes. 1.sg. *žbrjǫ*, 3.sg. *žbr(j)etb*, а.п. *a/b* [акцентный тип устанавливается на основа-

⁸ См. Балто-славянские исследования XVIII. М., 2009, 139 (sub v. *Maddla*).

нии акцентно-морфологического правила распределения форм аориста и страдательного причастия прошедшего времени в ст.-славянском] || Endzelīns IV (2): 221; Mažiulis I: 374; Топоров 1979, 247–249; Дыбо 2000, 263, 330;

2. прусс. **praes.**: *guntimāi* 1.pl. „[wir] führen, treiben) – varome“ III 29₂ [23₁₇] (≪ **gūnīmai*); ср. **inf.** *guntwei* „treiben – varyti“ III 87₅ [55₁₃] (для балтийского акцентного типа ср. слав. **inf.** **gьnāti* ~ **sup.** **gьnāть*, **aor.** 2–3. **sg.** **gьnā*, **l-part. sg.**: м. **gьnālь*, ф. **gьnāla*, п. **gьnālo*, реконструкция и отношение к акцентному типу презенса подробно разобраны в Дыбо 1982, 241–248; ср. praes. 1.sg. *žьn(j)ǫ*, 3.sg. *žьn(j)etь*: др.-русск. (Чуд.) **и жнѣ** 37⁴, **и пбжнѣ** 119³, 124², **пбжнѣ** 124², **пбжнемъ** 111¹; сред.-болг. (зап.) **жънѣ** (1.pl. praes., Ис.Сир. 84а), **жънжи** (part., Ис.Сир., 88а), болг. диал. (банат.) *жъна*, *ужъна*, *пужъна*, 3.pl. *пужънат* (81, 246, 190); сев.-чак. *žānen* (Раб), ст.-хорват. (Ю. Крижанич) **Жъньем** (Гр. 91², 215) || Endzelīns IV (2), 226; Mažiulis I: 424; Топоров 1979, 341–345; Дыбо 2000, 263, 271–273;

3. прусс. **praes.**: *immimāi* 1.pl. „[wir] nemen [nehmen] – imame“ III 83₁₆ [53₂₀]; *ni immimāi* „[wir] nicht nemen [nehmen] – neimame“ III 33₁₀ [27₂] (≪ **imīmai*); *immati* 2 pl. „nemen – imate“ III 115₁₉ [71₂₉]; *As imma tin* praes. 1 sg. „ich neme (nehme) – aš imu“ III 107₁₅ [67₂₂]; *ebimmai* 3.sg. „begreift (begreift) – arima, tūri“ III 65₈ [43₁₇]; **praet.**: *imma* 3.sg. „nam (nahm) – èmè“ III 75₂ [49₆], *im-mats* „nam er (nahm er) – èmè jis“ III 75₇ [49₁₀], „nam (nahm) – èmè“ III 101₁₃ [63₂₁], III 101₁₇ [63₂₄], **imperat.**: *imais* 2.sg. „nimm – imk“ III 71₃ [47₄], *immais* 2.sg. „nimm – imk“ III 117₂₃ [73₁₈]; *immaiti* 2.pl. „nemet (nehmt) – imkite“ III 75₄ [49₇], *imaiti* 2.pl. „nemet (nehmt) – imkite“ III 75₉ [49₁₁]; **inf.**: *imt* „nemen (nehmen) – imti“, ‘братъ’, III 99₁₄ [63₅]; ; **part. praet.act.** nom.pl. m. *immufis* „ne-men (nehmen, inf.) – èmè“ III 117₂₅ [73₁₉]; **partic. praet.pass.** nom.sg. m. *animts* „genommen – paimtas“ III 105₁₆ [65₃₃], nom.sg. f. *imtā* „genomen (genommen) – imta“ III 101₂₁ [63₂₇]; (для балтийского акцентного типа ср. слав. praes. 1.sg. **jьmǫ*, 3.sg. **jьmetь*: др.-русск. (Чуд.) **возмо** 52¹, **да възмешн** 50², **да възмѣ** 51³, **и възмѣ** 51³, ср.-болг. (зап.) **вън’мешн** (Ис.Сир. 46а), **да възмѣ** (Ис.Сир. 184б), **и възмѣ** (Ис.Сир. 88б, bis), **не възмѣ** (Ис.Сир. 44б), **възмѣса** (Ис.Сир. 39б), **възмѣса** (Ис.Сир. 168б), **възмѣте** (Ис.Сир. 115б), **възмѣса** (Ис.Сир. 214б), болг. диал. (банат.) *зъма*, *зѣма*, 3.sg. *зѣме*; *прейѣме* и под. (вариантность, вероятно, объясняется контаминацией с основной *jemje-*) (90, sub v. *зѣме*; 182, sub v. *прейѣме*); сев.-чак. (Нови) *zāmēn*, *znāmēn*, *primēn*, *prijāmēn*, (Раб) *zājmen*; ст.-хорват. (Ю. Крижанич) **Јъмем**) || Endzelīns IV (2), 227–228; Mažiulis 2: 25–26; 1: 30, 245; Дыбо 2000, 264, 268–270, 275;

4. прусс. **praes. I. pl.**: *turrimāi* „[wir] follen – turime“ III 27₉ [23₈], 27₁₆ [23₁₄], 29₁₁ [23₂₄], 31₁ [25₆], 31₁₀ [25₁₄], 31₁₉ [25₂₂], 33₇ [27₈], 33₁₈ [27₁₃], 35₂ [27₁₉], 35₉ [27₃₀], 37₁ [29₁₁], 39₇ [29₁₅], *turri=mai* „[wir] follen – turime“ III 39₂₋₃ (≪ **tūrīmai*); **2. pl.** *turriti* „muffet – turite“ III 91₆ [57₂₂]; *turriti* „habt – turite“ III 95₂₃; *turriiti*

„habt – turite“ III 89₇₋₈ [57₂] (≤ **tūrīti*); **I.sg.:** *turri* „ich foll – aš turiu“ III 57₁₅ [39₁₉]; **2.sg.:** *niturri* „folt nicht – ne turi“ III 27₇ [23₆], *turri* „folt – turi“ III 27₁₃ [23₁₁], „turi“ III 29₈ [23₂₂] ir kt., *turai toū* ‘foltu – turi tu’ III 81₂ [51₂₉], „folt – turi“ III 89₁ [55₃₃], III 105₉ [65₂₇], III 105₁₁ [65₂₉], III 105₁₃ [65₃₀], III 105₁₇ [65₃₄]; **3.sg.:** *turri* „folle – tūri“ III 27₄ [23₄], III 39₁₅ [29₂₃], III 47₅ [33₂₃] ir kt., *turai* ‘fol – tūri’ III 63₁₆ [43₂], III 87₁ [55₁₀], „habe – tūri“ III 87₇ [55₁₅] ir kt., *turerei* ‘foll – tūri’ III 105₁₂ [65₃₀], *turedi* „fol man – tūri tai“ III 65₁₅ [43₂₂]; cp. **inf.** *turīt* ‘haben – turētī’ III 27₁₀ [23₉]; *turrit* „haben – turētī“ III 99₁₉ [63₇]; *turritwei* „haben – turētī“ III 27₇ [23₆]; **opt. 3.sg.:** *turīlai* „turētū“ III 99₁₁ [63₃], *niturrīlai* „nicht habe – neturētū“ III 103₁₂ [65₅], *turrīlai* „folt – turētū“ III 111₂₁ [69₂₆], „mülte – turētū“ III 115₅ [71₁₈], **I.pl.:** *turrīlimai boūt* „fein mülten – turētume būti“ III 113₂₃ [71₁₁] [для балтийского акцентного типа ср. др.-лит. praes. 3.sg. *ne tūri* DP 87₃₅, 1.pl. *ne tūrime* DP 161₃₀; 3.pl. *ne tūri* DP 98₂₇; praes. 3.sg. *vžtūr* DP 97₃₈ ‘zatrzymać’ ~ совр. лит. praes. sg. 1. *neturiù*, 2. *neturi*, 3. *neturi*, pl. 1. *neturime*, 2. *neturite*, 3. *neturi* (*turėti* ‘иметь’) ~ при новом *pāturi* (*paturėti* ‘поддержать’); ср. также др.-лит. part. praes. act. от этого глагола **tūrīs** : *tūrīs* nom.sg. m. DP 378₅₁, 385₃₄, 390₂₈, *tūris* nom.sg. m. DP 28₄₉, 28₅₀, 189₃₁, 192₂₅, *tūrinti* nom.sg. f. DP 261₁₀, *tūrinčjem* dat. sg. m. DP 385₃₃, 385₃₄, 389₃₁, *tūrinčjem* dat.sg. m. DP 367₂, 390₂₅, *tūrj* nom.pl. m. DP 30₁₅, 136₂₆, 209₃₉, 277₃₁, 278₃₇, 304₄, 306₆, 464₂, *ne tūrj* nom.pl.m. DP 80₁₅, *tūrintiemus* dat.pl. m. DP 299₄₂ (при вторичном *ne turintiēmus* dat.pl. m. DP 476₁₈) || Endzelīns IV (2), 329; Mažiulis 4: 204–205; Mažiulis PKP II, 99–240;

5. прусс. **praes. I.pl.:** *erfinnimai* „erkennen – pažįstame“ III 65₁₈₋₁₉ [43₂₄] (≤ **eržīnimai*); *Pofinnimai* „bekennen – pripažįstame“ III 29₅ [23₂₀] (≤ **požīnimai*); **2.pl.:** *erfinnati* „erkennet – pažįstate“ III 89₆ [55₃₆]; **I.sg.:** *pofinna* „bekenne – pripažįstu“ III 67₁₈ [45₉], 69₁₀ [45₂₂], 69₂₅ [45₃₃]; *pošinna* „bekenne – pripažįstu“ III 67₁₉₋₂₀ [45₁₀]; **3.sg.:** *pofinna* „bekenne – pripažįstu“ III 65₉ [43₁₈]; cp. **inf.** *erfinnat* „erkennen – pažinti“ III 53₇ [37₈], III 117₇ [73₆], *pofinnat* „bekennen – pripažinti“ III 65₂₁ [43₂₇]; **part.praet. pass. nom.sg. m.:** *pofinnāts* „bekant (bekannt) – pripažintas“ III 125₇ [77₁₇] (для балтийского акцентного типа ср. лтш. *pažīt* ‘kennen’, *zīt*, praes. 1.sg. *zīstu*, praet. 1.sg. *zinu* ‘kennen, wissen, wahrnehmen, vermuten’; гот. *kunþs*, др.-исл. *kunnr*, др.-англ. *kūþ*, др.-в.-нем. *kund* < **kunþaz* < **ǵnþtos*) || Endzelīns IV (2), 211, 286; Mažiulis 1: 288; 3: 328; Дыбо 2011, 39–55;

6. прусс. **praes. I.pl.:** *maššimai* „mūgen (mögen) – galime“ III 91₁₇ [57₃₁], *masšimai* „mūgen (mögen) – galime“ III 123₂₄₋₂₅ [77₁₀] [„wir können“] (≤ **māššimai* < **magšimai*); **I.sg.:** *mašši* „kan (kann) – galiu“ III 45₁₁ [33₇]; **2.sg.:** *mašši* „magst – gali“ III 79₉ [51₁₅], III 81₉ [51₃₃]; **3.sg.:** *mašši* „kan (kann) – gāli“ III 61₁₄ [41₁₇], III 71₂ [47₃], III 75₂₃ [49₂₂], III 87₉ [55₁₇]; *nimašši* „nicht ... mōge (möge) – negāli“ III 115₂₅ [71₃₃], *mašši* „mōge (möge) – gāli“ III 117₁₃ [73₁₁]; **3.pl.:** *mašši* „mōgen (mögen) – gāli“ III 17₁₆ [19₁₆], III 99₁₁ [63₂]; *nimašši* „nicht ... mōgen (mögen) – negāli“ III 113₁₇ [71₆]; cp. **opt. 3.sg.:** *mušfi-*

lai „möge (möge) – (jis) galētu“ III 121₁₂ [75₂₂] (ср. лит. *tagėti*, praes. 3. *māga* ‘хотеться’; для балтийского акцентного типа ср. слав. praes. 1.sg. **to-gŕ*, 3.sg. *mōžetŭ*, inf. *mogti* (русск. praes. 1.sg. *могу*, 3.sg. *может*, inf. *мочь*, ср.-болг. **възмѡжѣ** Пс. Кипр., 69а, **и не|изнемѡжетѣ** Пс. Кипр., 15б; **не вѡ мѡгѣ** Леств., 20б; схрв. praes. 1.sg. *mōzu*, 2.sg. *mōžēu*, inf. *mōhu*) || Endzelīns IV (2), 258; Mažiulis 3: 113–115; 160–161; Дыбо 2000, 352.

II. Mobilia

1. прусс. **praes. 1.pl.**: *gīwammāi* „[wir] leben – gyvename“ III 33, [25₂₅], III 49, [35₆] (< **gīwā_amāi* < **gīwemāi*), *gīwemāi* „[wir] leben – gyvename“ III 51₂ [35₂] (≲ **gīwā_amāi* < **gīwimāi*); **2.sg.**: *gīwaffi* „lebest (lebst) – (tu) gyveni“ III 29₁₈ [25₃], „gyveni“ III 105₁₂ [65₂₉] (≲ **gīwā_asi* < **gīwesī*); **3.sg.**: *gīwa* „lebet (lebt) – gyvena“ III 43₂₄ [31₃₁], III 49₉ [35₇], III 63₂₀ [43₆], III 97₁₃ [61₂₂]; также: *kai tebbei labban ēit bhe ilga gīwafi nofem|mien* „Das dirs wol|gehe vnd lange lebest (lebst) auff Erden – lai tev labi klājas un ilgī живется уз zemes“ III 95₃ [59₂₈] (≲ **gīwa* < **gīwa si*, с отражением делимитативного акцента, характерного для единственного числа, как в древнелитовском); **inf.** *gīwūt* „lebe⁹ – gyventi“ III 43₂₁ [31₂₉] (≲ **gīwūt* < **gīwēt*); **praes.** с переносом в парадигму презенса основы инфинитива: 3.sg. *gīwe* „lebet (lebt) – gyvena“ III 83₁₁ [53₁₆] (< **gīwēia*) [для балтийского акцентного типа ср. слав. praes. 1.sg. **zīvo*, 3.sg. **zīvětŭ*: очень большой материал по всем слав. языкам: др.-русск. (Чуд.) praes. 1.sg. **жѣвоу** 122₄, **бис, жѣвѣ** 49₂, **живоу жѣ** 122₄, 2.sg. **живешѣ** 122₃, 2.pl. **живетѣ** 62₂; ср.-болг. (вост.) **живѣ** Пс. Кипр. 136б, (зап.) **пѣживѣ** Ис. Сир. 108а, **пѣживѣ** Ис. Сир. 108а, ст.-хорват. (Ю. Крижанич) **Живем, Уживем** (Гр. 212)] || Endzelīns III (I), II9 (13); Endzelīns IV (2), 221; Mažiulis 1: 375–376; Топоров 1979, 254–255; Дыбо 2000, 287–288;

2. прусс. **praes. 1.pl.**: *paikemmai* „triegen (wir trügen) – argauname, pavilojame“, ‘(мы) обманываем’ III 29₄ [23₁₉] (≲ **paikā_amāi* < **paikimāi*) [ср. лит. *paikti*, praes. 3. *paiksta*, praet. 3. *paiko* „verdummen“, ‘глупеть, дуреть’; лтш. *paikt²* intr. ‘verzärtelt, verhätschelt werden’]; но также форма с переносом в парадигму презенса основы инфинитива: *auraickēmai* praes. 1.pl. „abfrannen (abspenstig machen – nuvilojame“, ‘отобрать (обманом)’ III 37₄ [27₃₃], где перенос в презенс основы инфинитива с её акцентовкой (стяжение *-ēja-*) || Endzelīns IV (2), 269; Mažiulis 3: 210–211; Топоров 1975, 159; Mühl.–Endz. III, 34; Fraenk. 525 (sub v. *paikas*); Stang Vergl. Gr. 363;

3. прусс. **praes. 1.pl.**: *ni perweckamāi* „nicht verachten – neapšaukiame“ III 29_{13–14} [23₂₆]; *ni|perweckammai* „nicht verachten – neapšaukiame“ III 31_{3–4} [25₈] (≲ **wēkā_amāi* < **wekemāi*) ~ **inf.** *wackītwei* „locken – kviesti,

⁹ В немецком тексте дано 1 л. ед.ч. през. как представляющее общее значение глагола, чему в прусском тексте соответствует инфинитив.

(pa)šaukti“ III 47₈ [33₂₆] (≪ *wǎkǫtwei < *wekǫtwei) || Endzelīns IV (2), 278; Mažiulis 3: 275; 4: 216; Stang Vergl. Gr. 420, 453;

4. прусс. **praes. 1.pl.:** *ni wertem|mai* „[wir ...] nicht Fluchen – nekeikia-me“ III 29₂₋₃ [23₁₇₋₁₈] (≪ *wertǫmǫi < *vertimǫi, ср. лит. *veršti* ‘валить, опрокидывать; валить, сваливать (на кого)’¹⁰, и лит. *vértėti*, praes. 3. *vėrti*, praet. *vértėjo* ‘валиться, разваливаться’, а также слав. **vьrtěti*, praes. 1.sg.: **vьr-tiŕ*, 3.sg. **vьrtiŕь*, ср. (Дыбо 2000, 572–574) || Endzelīns IV (2), 336; Mažiulis 4: 231; Mažiulis РКР II, 108, сн. 26; Дыбо 2000, 572–574;

5. прусс. **praes. 1.pl.:** *klantemmai* „[wir nicht ...] Schweren [schwören] – pri-siekiaime“ III 29₃ [23₁₈]; **1 pl. perklantemmai** praes. 1.pl. „[wir] verrathen – išduo-dame“ III 35₁ [27₁₂] (≪ *klantǫmǫi < *klantimǫi); ср. прусс. **part. praet. act. nom. sg. m.** *klantūns* „geflucht (geflucht) – keikęs“ III 69₁₃ [45₂₄]; *klantūwuns* nom.sg. m. „gefluchet (geflucht) – keikęs“ III 69₅ [45₁₉]; *perklantūns* nom.sg. m. „verdampft (verdammt) – pasmerkęs“ III 119₁₂ [73₃₃]; **part. praet. pass. nom. sg. m.:** *perklantūs* „verdampft (verdammt) – pasmerktas“ III 61₁₂ [41₁₅]; „verflucht – prakeiktas“ III 105₁₀ [65₂₈]; **acc.sg. m.:** *perklantūton* „verdampften (verdammten) – pasmerktą“ III 43₁₄ [31₂₄]; **nom. sg. n.:** „verdampft (verdammt) – pàsmerkta“ III 113₂₂ [71₁₀]; (акцентовка part.praet.pass. явно перестроена по акцентовке формы инфинитива **klantī-*, старое ударение, возможно, отражено в форме *proklantitz* part. praet. pass. nom. sg. m. „verdampft (verdammt) – pasmerktas“ I 11₁₇ [7₁₇] (= **prōklantits*), чему во втором катехизисе соответствует *preclantys* II 11₁₈ [13₁₆] (что можно рассматривать как исправление ⇒ **prāklantīs*, так Bezzenberger KZ XLIV, 306; Mažiulis 3: 354); формы part. praet. act. также с переносом акцентовки основы инфинитива, поэтому можно восстановить формы инфинитива с его акцентовкой: **klantīt*, **klantītwei*; **perklantīt*, **perklantītwei*; **prāklantīt*, **prāklantītwei* ~ слав. part.praet. pass. m. **klĕtь*, f. **klĕtǫ*, n. **klĕto* [русск. *про́клят*, f. *про́клята*; др.-русск. *про́кля* nom.sg. m. Хрон. 13, 100, *про́клята* nom.sg. f. Кормч. 59₁₆]; прусский глагол следует рассматривать как *-t*-деноминатив, образованный от *-to*-причастия первичного тематического глагола того же типа, что и сохранившийся в славянском (образование, распространённое в прагерманском и не чуждое балто-славянскому; для балтийского акцентного типа ср. слав. praes. 1.sg. **klĕnŕ*, 3.sg. **klĕnĕtь*; part. praet. pass. **klĕtь*, f. **klĕtǫ* (а.п. *c*) > южнослав. praes. 1.sg. **kĕnŕ*, 3.sg. **kĕnĕtь*: [др.-русск. (Чуд.) **не кленѣши** 5¹, **кленѣтса** 144⁴; ср.-болг. (зап.) **кльнѣшиса** Ис. Сир. 60а, **не кльнѣтса** Ис. Сир. 6б, болг. диал. (банат.) *кльнѣ, кльнѣ се*, 3.pl. *кльнѣт, се кльнѣт* 123; сев.-чак. (Нови) *кĕнѣ, (Раб) кĕнѣт*, ст.-хорват. (Ю. Крижанич) **Кѡнѣм** Гр. 92¹, 215, **кленѣм** Гр. 215, **Прокѡлнѣм** Гр. 215] || ср. лит. диал. (Lš) *klenóti* ‘keikti, plūsti’, *išklenóti*; *klenojimas* и лтш. *klenĕt* ‘проклинать’,

¹⁰ В РКР II, 108, ішн. 26 Мажюлис предлагает это сближение, основываясь на семеме ‘keikti, plūsti’ < ‘versti(s)’, ср. лит. *plūsti* ‘keikti, koneveikti’ < ‘versti(s) (vandeniu ir pan.)’.

Карулис толкует этот куршский глагол как итератив от курш. **klenst* 'lādēt', ср. русск. *клясть*, укр. *клясті*, *клянү* (*кленү*), *-нѣш* 'проклинать; поносить, ругать'; блрс. *кляси* || Endzelīns IV (2), 240; Mažiulis 2: 209–211; 3: 264, 265, 354, 360; Karulis 483 (sub v. *lādēr*^a); Mühl.–Endz. II, 223; Топоров 1984, 44–47;

6. прусс. **praes.:** *poprefstemmai* 1.pl. „[wir] fūlen (fühlen) [verstehen] – suprantame, suvokiamo“ III 65₂₂ [43_{27–28}] (≪ **pra₁stimai* ?) ~ прусс. **sup.** *iffpřestun* „zu uerfſehen (verstehen) – supraſti“, III 113₁₃ [71₃]; обычно рассматривается как глагол с суффиксом *-st-* в презенсе (так Mažiulis 3: 327; Stang Vergl. Gr. 345–346); что, однако, сомнительно из-за подвижной а.п. этого глагола. Супин, вероятно, относится к первичному глаголу, а форма *praes.* 1.pl. — к *-i*-деноминативу, образованному от *-to*-причастия первичного глагола; ср. прагерм. **frafjanan*: гот. *frafjan* 'denken, erkennen, verstehen', праэт. 3.sg. *frop*, 3.pl. *frapun* || Endzelīns IV (2), 229, 286, 289, 291; Mažiulis 3: 327; Fraenk. 646–647; Orel 112, 115; Feist 165–166, 169; Pok. I, 815;

7. прусс. **praes.:** *puietti* 2.pl. „[ihr] trincket“ (≪ **puið₁ti* < **puið₁tē*) II 15₂ [13₃₁] ~ **inf.:** *poūt* „trincken (trinken) – gerti“ III 53₁₂ [37₁₃]; *pūton* „trincken (trinken) – gerti“ III 41₆ [29₃₃]; *poūton* „trincken (trinken) – gerti“ III 75₂₄ [49₂₂], III 77₁ [49₂₅], III 77₅ [49₂₉]; *pout|wei* „trincken (trinken) – gerti“ III 73_{17–18} [47₃₆] (≪ **pūt-* < **pōt-*); **imperat. 2.pl.:** *poieiti* „trincket (trinkt) – gerkite“ III 75₉ [49₁₂], III 87₁₇ [55₂₂]; [ср. *pogeitty* „trinckt (trinkt) – gerkite“ I 15₃ [7₃₀]; *pugeitty* „trincket (trinkt) – gerkite“ I 13₁₆ [7₂₆]; *puieyti* „trincket (trinkt) – gerkite“ II 13₁₆ [13₂₇]; *puietti* „trincket (trinkt) – gerkite“ II 15₂ [13₃₁] (≪ **pūjaitē*)]; **2.sg.:** *pogeis* „trincken (trink) – gerk“ GrG 35 [для балтийского акцентного типа ср. слав. *praes.* 1.sg. **pъjō*, 3.sg. **pъjětъ* < **pъjetъ* (< **pъjetъ* ?)] || Endzelīns IV (2), 136, 293; Endzelin 1944, 166; Mažiulis 3: 364–365;

8. прусс. **inf.:** *billit* „ſpre₁chen – byloti“ III 67₁₆ [45₆], „ſagen – byloti“ III 81₄ [51₃₀], „ſpreche (*imp.* 2.sg.) – byloti“ III 107₁₃ [67₂₀]; *billit* (первый акцент ошибочен) „ſagen – byloti“ III 79₄ [51₁₂]; *billit* „ſprechen – byloti“ III 83₇ [53₁₃], *billitwei* „byloti“ III 67₁₃ [45₄]; *billitwei* „ſagen – byloti“ III 71₈ [47₇], 131₁₀ [79₃₃]; *billitwei* „ſprechen – byloti“ III 83₂₀ [53₂₂]; **praes. A: 1.sg.:** *billi* „ſpreche – byloju“ III 107₂₃ [67₂₉]; **3.sg.:** *billi* „ſpreche (er) – (te)byloja“ (*opt.*) III 69₉ [45₂₁], III 71₁₆ [47₁₅]; **praes. B 3.sg.:** *billē* „heift (heißt) – byloja“ III 53₉ [37₁₀]; *bilē* „hies (hieß) – vadi_{no}“ III 93₁₄ [59₁₅], „ſpricht – byloja“ III 61₉ [41₁₃], III 63₂₄ [43₈], „ſagt – byloja“ III 63₃ [41₂₆], „ſie ſagen – byloja“ III 77₇ [49₃₀], „ſpreche – (te)byloja“ (*opt.*) III 111₆ [69₁₄]; *bille* „ſpricht – byloja“ III 59₁₂ [41₁], III 89₁ [55₃₃] (< **bilēja*), **1.pl.:** *billēmai* „(Wir) ſagen – bylojame“ III 131₁₅ [81_{1–2}] (< **bilėjamai*) (во всех формах презенса презентная основа заменена инфинитивной основой **bilē-* и её ударением); **praes. C:** прусс. *billā* 3.sg. „ſagt – byloja“ III 37₈ [27₃₆], III 37₁₁ [29₂], III 107₅ [67₁₄], „ſpricht – byloja“ III 107₅ [67₁₄]; *billa* 3.sg. „So ſpricht – byloja“ III 103₄ [63₃₇] (< **bilāja*); **praet. 1.sg.:** *billai* „(Jch) ſprach – bylojau“ III 105₉ [65₂₇];

3.sg.: *billa* „sprach – byloja“ III 101₉ [63₁₈], III 101₁₇ [63₂₅], III 105₁ [65₂₀], III 105₆ [65₂₅]; *billäts* „sprach – bylojo“ III 75₄ [49₇], III 75₉ [49₁₁], III 113₂ [69₃₀]; *bil̥|läts* „sprach – bylojo“ III 105_{25–26} [67₇]; *bilats* „sprach – bylojo“ II 13₁₅ [13₂₆]; **imper. 2.pl.:** *billītei* „Sprecht – bylokite“ III 131₁₃ [79₃₆]; **part. praet. act.:** *billiuns* nom.sg. m. „gefagt – bylojēs“ III 117₂₄ [73₁₉], III 101₂₀ [63₂₇]; **part. praet. pass.:** *billiton* nom.sg. n. „bylota“ III 27₈ [23₇], III 27₁₅ [23₁₃], III 29₁₀ [23₂₃], III 29₂₀ [25₄], III 31₉ [25₁₃], III 33₆ [25₃₀], III 33₁₇ [27₇], III 35₈ [27₁₈], III 36₂₀ [27₂₈], III 37₂₀ [29₈], III 41₁ [29₂₉], III 43₈ [31₁₉], III 47₇ [33₂₅], III 47₁₆ [33₃₃], III 49₁₅ [35₁₂], III 51₇ [35₂₄], III 53₁ [37₅], III 55₁₃ [37₃₃], III 57₄ [39₁₀], III 57₁₄ [39₁₈], *billicon* [= *billiton*] „bylota“ nom. sg. n. III 31₁₈ [25₂₁], *billiton* „bylota“ nom.sg. n. III 45₈ [33₄], III 55₁ [37₂₁] (≪ **bill-tōn* < **billētōm*) || Endzelīns IV (2), 187; Mažiulis 1: 140–142; Stang Vergl. Gr. 363.

Суффиксальные глаголы

В эту группу мы относим глаголы с максимальным вторжением основы инфинитива в парадигму презенса:

1. прусс. **praes. 2.sg.** *gīwu* „lebeft (lebst) – gyvenì, gyvuoji“ III 85₁₄ [53₃₃] (≪ **gīwāa*, ср. лит. *gývoti* ‘leben’, praes. 3. *gývoja*; лтш. *dzīvāt* ‘arbeiten; leben’; **part. praet. act.** (adv. part.) *giwāntei* „lebending – gyvenant (gyvenančiai)“ III 97₁₄ [61₂₃] (≪ **gīwāntiai* с переносом ударения и основы инфинитива в презентную форму или < **gīwāntiāi* с оттяжкой ударения с ударного циркумфлектированного слога, см || Endzelīns IV (2), 221; Mažiulis 1: 375–376, 377; ME I, 559; Stang Vergl. Gr. 452; Топоров 1979, 254–255, 257;

2. прусс. **inf.** *etwinūt* „entfchuldigen – dovanoti, išteisinti, pateisinti“ (прощать, извинять) III 35₃ [27_{13–14}] (≪ **et-vīnōt*, ср. ст.-лит. *vinoti* ‘züchtigen, straffen’, ‘наказывать, карать’; **part. praet. pass.** *niebwinūts* nom.sg. m. „vnstrefflich (unsträflich) – neapkaltintas“ (‘ненаказуемый, безупречный’) III 87₁ [55₁₀], *niebwinūtei* nom.sg. f. „vnstrefflich (unsträflich) – neapkaltinta“ III 103₁₄ [65₇], *niwinūton* acc.sg. m. „vnfchuldigen (unschuldigen) – nekaltintą, nekaltą“ (‘невинного’) III 43₁₈ [31₂₇]; обычно рассматривается как славянское заимствование, но возможен и балтославянский источник || лит. *vainóti* ‘schmähen, verleumden, in Verruf bringen’; лтш. *vaināt, vaīnuôt, vainēt* ‘beschuldigen, eine Schuld zuschreiben, tadeln, schmähen, schädigen, verletzen, verwunden’; *at-vainuot* ‘извинить’ || Endzelīns IV (2), 215, 265–266; Mažiulis 1: 308–309; 3: 185; 3: 191; Топоров 1979, 117–120; Fraenk. II, 1182;

3. прусс. *dwibugūt* (вместо *dwigubūt*) inf. „zweyffeln (zweifeln) – abejoti“ (‘сомневаться’) III 65₁₂ [43₂₀]; *dwigubbū* praes. 3.sg. „zweyffelt (zweifelt) – abejoja“ (‘сомневается’) III 77₁₇ [51_{2–3}]; ср. прусс. *dwigubbus* gen.sg. f. „zwifacher (zwiefacher) – dvigubas“ (‘двойной’, ‘сугубый’: Топоров 1975, 396) III 87₂₆ [55₂₉] || Endzelīns IV (2), 204; Mažiulis 1: 244;

4. прусс. *po-glabū* praet. 3.sg. „hertzete (herzte) – paglamonėjo“ III 113₇ [69₃₄] || лит. *glabóti* ‘aufheben, aufbewahren, besänftigen’, *globóti, globójo* ‘für jmd. sorgen, sich jemds. annehmen, bevormunden, beschützen’, лтш. *glabāt* ‘hüten, retten, schützen, beaufsichtigen, nähren, aufbewahren, begraben, bestatten’; ср. лтш. *glēbt, glābt* ‘retten, schützen’ || Endzelīns IV (2), 284; Mažiulis 3: 307–308; Fraenk. I, 156;

5. прусс. *laikūt* inf. „leiften – atlikti; laikyti“ III 107₁₀ [67₁₈]; praes.: 1.pl. *lāikumai* „halten – laikome“ III 29₁₄ [23₂₆]; 3.pl. *lāiku* „halten – laiko“ III 37₁₈ [29₇]; imper. 2.pl. *lāikutei* „halte (haltet) – laikykite“ III 87_{25–26} [55₂₉]; praes. 1.pl. *enlāikūmai* „anhalten – palaikome“ III 37₆ [27₃₄]; praes. 2.pl. (в значении imper. 2.pl.) *enlāikuti* „haltet an – laikote (laikykite)“ III 97₁₈ [61₂₆]; *etlāikufin* praes. 3.sg. „enthalt sich (enthalte sich) – (te)atsilaiko“ III 99₁₃ [63₄]; *iflāiku* praes. 2.sg. „erhelteft (erhältst) – išlaikai“ III 131₁₆ [83₃]; *iflāi=ka* praes. 3.sg. „erhelt (erhält) – išlaiko“ III 41_{5–6} [29₃₃]; part.praet.act. nom.sg. m. *iflai=kūuns* „erhalten – išlaikęs“ III 119_{14–15} [73₃₄]; *polaikūt* inf. „behalten – palaiyti“ III 35₁₃ [27₂₃]; praes. 1.pl. *po=lāikumai* „behalten – palaikome“ III 55_{23–24} [39₆]; part. praet. pass. nom.sg. m. *polaikūts* „behalten – palaikytas“ III 121₇ [75₁₈]; *prei lai=kūt* „fürhalten (vorhalten, zeigen) – išsakyti“ III 39_{14–15} [29_{22–23}]; *preilaikūt* III 47₅ [33₂₃]; III 59₅ [39₂₉]; III 73₁₂ [47₃₂] || лит. *laikyti* ‘держать’ || Endzelīns IV (2), 208, 214, 229, 248, 284, 290; Mažiulis 1: 271–272, 207, 297; 2: 42–43; 3: 22–23, 314–315, 315, 350;

6. прусс. *teikut* inf. „schaffen – (pa)daryti, kurti“ III 105₂ [65₂₁]; praet. 3.sg. *teikū* „Schuff (schuf) – (su)kūrė, (pa)darė (sutvėrė)“ III 105₂₂ [67₄]; part. praet. act. nom.sg. m. *teikūuns* „Schöpffer; ge[schaf=]fen – (su)kūręs (pa)daręs ((su)tvėręs)“ III 39₁₉ [29_{26–27}], III 127₄ [77₂₉]; III 109₇ [67_{35,1}], „gemacht – (su)kūręs, (pa)daręs ((su)tvėręs)“ III 107₄ [67₁₃], *Teikūuns (= Teikūuns)* III 41₂ [29₃₀]; *enteikūuns* part. praet. act. nom. sg. m. „verordnet – patvarkęs“ III 109₇ [69₁]; *enteikūtōn* part. praet. pass. nom.sg. n. „ge=|ordnet – patvarkyta“ III 89₂₁ [57₁₂]; ср. прусс. *Enteikūfna* nom. sg. f. „form (Form) – tvarka, forma“ III 111₃ [69₁₃]; *enteikū=fna* nom.sg. (vok.) f. „weise (Weise) – tvarka, darysena“ III 73_{5–6} [47₂₆]; *teikūfna* acc.sg. f. „Ge=|schöpf (Geschöpf) – kūriniui“ III 109₁₃ [69₅]; *Teikūfnā (= Teikūsnan)* acc.sg. f. „Schöpfung (Schöpfung) – kūrimā“ III 39₁₇ [29₂₅]; *enteikū=fnan* acc.sg. f. „Ordnung [= Ordnung] – patvarkymas“ III 89_{22–23} [57₁₃]; *Enteikūfnans* acc.pl. f. „Orden (Beruf) – pareigū“ III 85₁₈ [55₃] || Endzelīns IV (2), 209, 325; Mažiulis 4: 188–189;

7. прусс. *popeskūt* inf. „behüten (behüten) – pasaugoti, pagloboti“ III 33₁₃ [27₄]; „bewaren (bewahren) – pasaugoti, pagloboti“ III 109₁₆ [69₇]; *popeskiūt* inf. „behüten (behüten) – pasaugoti, pagloboti“ III 81₁₇ [53₃]; praes. 3.sg. *popeskuwi* „bewart (bewährt) – pasaugo, pagloboja“ III 41₁₁ [31₂] || Endzelīns IV (2), 286; Mažiulis 3: 326–327;

8. прусс. *perweddā* praes. 3. pl. „verfüre (verführe) – atveda“ III 55₂₀ [39₃] (< **uedā-a*), предполагает приставочный глагол (inf.) **per-vedā-tvei*, от

глагола (inf.) **vedā-tvei*, обобщено ударение инфинитивной основы || Endzelīns IV (2), 240; Mažiulis 3: 275;

9. прусс. praes. 3 pl. *peifāi* „schreiben (sie schreiben) – (jie) rašo“ III 73₂₁ [43₇], *peifāton* „geschrieben – rašyta (написанно)“ III 105₂₁ [67₄] || русс. *писать* || Endzelīns IV (2), 273; Mažiulis 3: 243;

10. прусс. praes. 3 sg. *maitā* „neeret (nährt) – maitina, pēni“ III 103₁₈, inf. (< sup.) refl. *maitātunfin* „sich ... neeren (sich nähren) – maitintis“ III 87₂₁ [55₂₅], (ср. *is-maitint*) || лтш. *maitāt* || Endzelīns IV (2), 229, 256; Mažiulis 3: 99;

11. прусс. *waitiāmai* praes. 1 pl. „redde (reden) – kalbėti“ III 35₁ [27₁₄] (< **waitiājamai* с переносом в презенс основы инфинитива с её акцентровкой), inf. *waitiāt* „redde (reden) – kalbėti“ III 35₁ [27₁₄] || ст.-слав. **ВѢШТАТИ** || Endzelīns IV (2), 332; Mažiulis 4: 216;

12. прусс. *ebfignāuns* partic. praet. act. nom. sg. masc. „gefegnet – palaiminęs“ III 109₈ [69₂₁] (< **ebžignāũō(n)s* < **žignāũōs*); *ebfignāts* partic. praet. pass. nom. sg. masc. „gefegnet – palaimintas,“ III 105₂₁ [67₃]; *eb-[i]gnāðins* praes. (Wijk AS 147), (Endzelīns SV 116) 3 sg. „fegnet fie“ (segnete) – laimino juos“ III 113₈ [69₃₅], *ebfignāfi* 3 sg. opt. „fegne – telaimina“ III 133₁₂ [81₁₈] || лит. *žegnóti* ‘крестить’ || Endzelīns IV (2), 204; Mažiulis 1: 245–246; Fraenk. II, 1295;

13. прусс. praes. 3 pl. *kelfāi* „lauten – skaĩba“ III 61₆ [41₁₁], *kaltzā* „lauten – skaĩba“ III 77₇ [49₃₁] (< **kalsāja*, см. Топоров 1980, 182–184) || греч. *καλέω*, лат. *calāre* || Endzelīns IV (2), 233; Mažiulis 2: 99–100; Toporov PJ III 182–184;

14. прусс. praes. 1 pl. *quoitāmai* „wollen – norime“ III 55₁₀ [37₂₈]; praes. 2 pl. *quoitēti* „wolt (wollt) – norite“ III 107₉, [67₁₇], III 115₂₀ [71₃₀]; praes. 3. sg. *quoitē* „will – nori (jis)“ III 57₁₉ [39₂₂], praes. 3 pl. *quoitē* „wollen (wollen) – nori (jie)“ III 99₅ [61₃₅], *ni-quoitā* „wollen (wollen) – nori (jie)“ III 51₁₆ [35₃₁] || Endzelīns IV (2), 247; Mažiulis 2: 330–331; Stang Vergl. Gr. 363.

Oxytona

1. прусс. praes. 1.pl. *aupaickēmai* „abspannen (abspenstig machen) – nuviliojame“ III 37₄, [27₃₃] ‘отобрать’ обманом (< **-paikēje-mai*); praes. 1.pl. *paikemmai* „triegen (wir trügen) – argauname, paviliojame“ III 29₄ [23₁₉] (< **paikējmai*); ср. лит. *paikti* и *paikėti* ‘глупеть, дуреть’; лтш. диал. *paikt* ‘sich verwöhnen’ || Endzelīns IV (2), 183, 269; Mažiulis 1: 119; 3: 210–211; Stang Vergl. Gr. 363;

2. прусс. praes. 1.pl. *feggēmai* „(wir) thun (tun) – darome“ III 65₁₉ [43₂₅], III 31_{13–14} [25_{16–17}]; praes. 2 pl. *feggētei* „(jr) thut (tut) – darote“ III 95₁₄ [61₁], III 75₆ [49₉], III 75₁₂ [49₁₄]; praes. 2 sg. *fegēfei* „thust (tust) – darai“ III 71₅ [47₅] || Endzelīns IV (2), 302; Mažiulis 4: 91–92; Stang Vergl. Gr. 363;

3. прусс. praes. 1.pl. *stallēmai* „trachten – stovime (gviešiamės)“ III 35₁₂ [27₂₂], 3. pl. *stallē* „stehen – (jie) stovi“ III 77₂ [49₂₆] || Endzelīns IV (2), 313; Mažiulis 4: 149–150; Stang Vergl. Gr. 363;

4. прусс. praet.3.sg. *ifmigē* „entschlieff (entschliefl) – užmigō“ (заснул) III 101₁₃ [63₂₁] (< **miġĕjā*); ср. ст.-слав. **мѣжати** (Вайян) и прусс. *entmiguns* „geschlafen (geschlafen) – ĳimigēs“ (заснувший) III 81₂₂ [53₇] (< **miġiūō(n)s* < **miġiūōs* || Endzelins IV (2), 208, 229; Mažiulis 2: 45–46; Stang Vergl. Gr. 363.

Два акцентных типа *é/i-* и *é/a-* глаголов в древнелитовском языке

Для понимания некоторых моментов отношения основы инфинитива к основе презенса в балто-славянском нам понадобится обзор группы *é/i-* и *é/a-* глаголов в древнелитовском языке. Это глаголы, у которых инфинитивной основе на *-ē-* в презенсе могла соответствовать тематическая основа и *i-*основа. Такие глаголы имелись и в славянских языках, но там их не много:

1. inf.: ст.-слав. (**и о своѣи женѣ**) **довѣлѣти** *св. Клоу.* 2b 1–2 [I, 121–122] ~ основа презенса: praes. 3.sg.: ст.-слав. **довѣлетъ** *Мт* 6:34 (*Мар.* [18₁₄]; *Сав. Кн.* [34]), *Мт* 10:25 (*Мар.* [31₂₄]), *Ио* 14:8 (*Зогр.* [271]; *Асс.* 29b 17); **довѣлѣти** *Ио* 14:8 (*Мар.* [375_{14–15}]); **довѣлѣтъ** *Ио* 14:8 (*Сав. Кн.* [100]); **довѣлетъ** *Клоу.* 9b 2 [I, 524]; *Син. Треб.* 91b 1; **довѣлет** *Мт* 10:25 (*Асс.* 124a 7); **довѣлетъ** *Мт* 6:34 (*Зогр.* [11]), 10:25 (*Зогр.* [21]); *Супр.* 41_{2–3, 7, 29}; **довѣлетъ** *Ио* 6:7 (*Асс.* 22a 15); **довѣлѣтъ** *Ио* 14:8 (*Асс.* 93b 4–7); praes. 3.pl.: ст.-слав. **довѣлѣтъ** *Ио* 6:7 (*Мар.* [335₂₂]); ср.-болг. (ст.-тырн.) **не дѡвѣлетъ** E74¹¹⁶;

2. inf.: **цвѣтѣти** *Иппол. Антихр.* 8 ~ основа презенса: praes. 3.sg.: ст.-слав. **цвѣтетъ** *Супр.* 354₄; **отъцвѣтетъ** *Пс* 102:15 (*Син. Пс.* [263]); **процвѣтетъ** *Пс* 131:18 (*Син. Пс.* [346]); **процвѣтетъ** *Пс* 71:16 (*Син. Пс.* [178]); **процвѣтетъ** *Пс* 91:13 (*Син. Пс.* [243]); praes. 3.pl.: ст.-слав. **процвѣтѣтъ** *Пс* 91:14 (*Син. Пс.* [243]); ср.-болг. (ст.-тырн.) **цвѣтѣтъ** *Зогр.* B43^{21a}; part.praes.act.: nom.sg. m.: ст.-слав. **цвѣтѣшѣи** *Супр.* 399₁₁; др.-серб. **цвѣты** *Ст.* 18; dat.sg. m.: ст.-слав. **цвѣтѣшѣоу** *Супр.* 352₇; acc.sg. m.: ст.-слав. **цвѣтѣшѣи** *Супр.* 352_{18–19};

3. inf.: ср.-болг. **владѣти** *1Тим.* 2:12; 5:14 (Козм.); part.praes.act.: nom.sg. m.: ст.-серб. **владѣвь** *Л.* 82 ~ основа презенса: praes. 2.sg.: ст.-слав. **владѣши** *Пс* 88:10 (*Син. Пс.* [233]); praes. 3.sg.: ст.-слав. **владѣтъ** *Супр.* 360₂₄; ср.-болг. (ст.-тырн.) **владѣтъ** *Зогр.* B49^{30a}; др.-серб. **не владѣтъ** *Апост.* 183^{18–19a}, **не владѣтъ** *Апост.* 183^{20–21a}; part.praes.act.: nom.sg. m.: ст.-слав. **влады** *Супр.* 367₁₃; gen.sg. m.: ст.-слав. **владѣшѣаго** *Супр.* 412₆; **владѣшѣаго** *Клоу.* 4b 33 [II, 150]; dat.sg. m.: ст.-слав. *Лк* 2:2 **владѣшѣи** (*Зогр.* [136], *Мар.* [196₁₁]), **владѣшѣи** (*Асс.* 132b 12); **владѣшѣи** *Лк* 2:2 (*Сав. Кн.* [137_{об.}]); nom.pl. m.: ст.-слав. **владѣшѣи** *Супр.* 323₅; dat.pl. m.: ст.-слав. **владѣшѣи** *Син. Треб.* 13a 2;

4. inf.: др.-русск. **пльзѣти** *Сбор. Троиц. XII в.* ~ praes. 3.sg. *plyzèti*;

5. inf.: ст.-слав. **изгорѣти** *Супр.* 140₂₄, **изгорѣти** *Супр.* 131₁₃; **сыгорѣти** *Супр.* 565₂₅ ~ основа презенса: part. praes. act.: instr.sg. m.: ст.-слав. **горѣшѣи** *Супр.* 89₂₄; loc.sg. m.: ст.-слав. **горѣшѣи** *Супр.* 5₂₆; dat.sg. f.: ст.-слав. **горѣшѣи** *Супр.* 540₂₉; acc.sg. f.: ст.-слав. **горѣшѣи** *Супр.* 541₁; nom.

sg. n.: ст.-слав. **горты** Лк 24:32 (*Acc.* 2d 13); nom.pl. m.: ст.-слав. **горжштѣ** Лк 12:35 (*Зогр.* [18(1)], *Мар.* [256₄]), **горжце** Лк 12:35 (*Acc.* 6lc 5); instr.pl. m.: ст.-слав. **горжштѣ|ми** Пс 119:4 (*Син.Пс.* [334]); dat.pl. f.: ст.-слав. **горжцимъ** Пс 7:14 (*Син.Пс.* [13]); acc.pl. f.: ст.-слав. **горжштѣ** *Супр.* 13₁; instr.pl. f.: ст.-слав. **горжштами** *Супр.* 109₆; dat.du. f.: ст.-слав. **горжштѣма** *Супр.* 540₂₀;

и ряд тематических причастных форм от других глаголов.

В древнелитовском таких глаголов значительно больше, и достаточно легко устанавливается их акцентный тип по переносу ударения на приставку и по акцентовке презентного причастия.

1. Неподвижный акцентный тип

Не переносят ударение на отрицание и приставку в формах презента в текстах Н. Даукши и относятся к неподвижному акцентному типу следующие основы:

1. *galėti* 'мочь': др.-лит. praes. 1.sg. ***galù** [*galù* DP 11₁₄, *galù* DK 66₄, 66₈, 137₁₀, 152₁₃, 155₈, *Ir galù* DP 626₄₃] ~ ***ne galù** [*negalù* DP 94₃₃, 388₅₃, *ne galù* DP 154₂₆, 308₅, 362₃₁, *ne galù* DP 274₁₈, *ne gâ|lu* DP 614₂₄₋₂₅ (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога) и один раз с двумя ударениями: *né galù* DP 305₁₅]; praes. 2.sg. ***gali** [*gali* DP 64₃₆, 74₂, 74₂₂, 74₂₄, 76₄₈, 221₃₆, 231₇, 236₃₄, 255₄₄, 283₁₈, 284₃, 315₉, 324₁₄, 331₁₇, 383₁₃, 444₂, 460₃₈, (?) 555₄₃, 558₃₂, 585₄₄, 626₆, DK 137₄, 137₆, 137₉, *gali* DK 159₁₀, *Gali* DP 74₄₈, 558₃₇, 598₃₆, *Gali* DK 188₅, *gali* DP 369₃₄, *gali* DP 36₂₀]; (случаи с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *gáli* DP 526₅₀, *gáli* DP 526₂, с двумя акцентами: *gáli* DP 84₃₈] ~ ***ne gali** [*negali* DP 74₁₇, *ne gali* DP 133₁₇, 200₃₂, 598₃₀, 612₂ (случаи с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *ne gáli* DP 349₅₁, 598₃₇, *Ne gáli* DP 558₂₉, 558₃₅; с двумя акцентами: *negáli* DP 40₁)]; praes. 3. ***gáli** [*gáli* DP 10₃₅, 90₃₂, 98₃₃, 102₂₄, 103₃₉, 108₄₆, 120₂₆, 133₄₀, 137₃, 168₂₁, 170₃, 174₂₅, 177₁₃, 239₃₀, 255₃₁, 267₃₉, 279₃₃, 283₁₅, 301₄₀, 306₂₀, 325₃₉, 331₂₁, 340₄₆, 347₃, 348₁₄, 349₁₈, 355₃₁, 356₁₄, 357₂₈, 364₄₁, 364₄₂, 364₄₄, 366₅, 374₂₂, 378₂₀, 380₂₉, 388₄₁, 388₅₀, 393₄₀, 403₉, 409₃₄, 411₄, 411₄₂, 412₂₆, 417₂₃, 475₂₈, 483₄₉, 537₄₉, DK 29₁₈, 38₁₅, 51₃, 116₇, 126₁₂, *gâ|li* DP 348₄₋₅, 388₅₃₋₅₄, 436₂₄₋₂₅, *ir gáli* DP 115₇, 355₁₅, *ir gáli* DP 328₁, *gáli* DP 435₄₈, *gáli* DP 84₁₄, 122₁₈, 137₄₃, 208₁₇, 266₆, 301₃₃, 303₂₈, 360₄₈, 368₂₈, 378₃₈, 389₁₈, 404₁₆, 518₁₂, 526₄₆, 526₄₈, 527₁, 529₉, 529₂₅, 537₂, 537₄₀, 541₁₆, 550₄₅, 556₄, 558₅₄, 565₄₅, 596₁₅, 607₄₀, 613₄₉, *gáli* DK 61₁, 71₁₃, 93₈, 93₁₅, 117₄, 117₁₇, 121₂₀, 125₁₀, 130₇, 130₁₇, *gáli* DK 113₅, *gáli* DP 522₃₁, *Gáli* DP 598₃₇ (?), 607₂₅, с двумя знаками ударения: *gáli bût* DP 134₂, *gáli* DP 587₁₇] ~ **ne gáli** [*negáli* DP 349₃₆, *ne gáli* DP 86₁₄, 128₂₈, (*ne gáli* ?) 136₂₈, 150₂₁, 161₅₀, 172₂₇, 319₃₆, 324₁, 344₄₆, 355₃₁, 364₄₅, 378₅₄, 388₂₃, 394₅₂, 434₁₅, 434₄₇, 517₄₂, *Ne gáli* DP 88₄₀, 120₁; *negáli* DP 100₂₉, *negáli* DP 103₄₁, 166₃₂, *ne gáli* DP 98₄₂, 99₃₂, 100₃₄, 116₂₉, 119₂₅, 129₁₉, 133₃₂, 137₁₁, 139₅, 146₃₀, 147₂₃, 149₇, 204₁₁, 204₄₀, 232₁₁, 251₃₇, 251₄₄, 290₁₇, 302₁₉, 325₄₀, 329₁₄, 330₃₉, 331₂₀, 366₁₀, 374₃₅, 399₂₆, 402₅₃, 411₁₄, 421₄₂, 435₁₅, 526₁₄, 536₅₁,

540₄, 547₁₀, 547₂₇, 549₁₂, 553₄₄, 554₃₃, 572₃₉, 574₆, 575₁₀, 579₄₃, 580₇, 598₃₇, 600₃₀, 601₄₉, 622₃₈, *negāli* DP 104₄₇₋₄₈, 161₁₈₋₁₉, 167₁₁₋₁₂, 417₃₆₋₃₇, *ne gāli* DP 89₃, *Ne gāli* DP 408₁₃, с двумя знаками ударения: *ne gāli* DP 86₁₃, 350₂, 420₁₆; 3.pl. *ne gāli* DP 101₂₁, 138₅₃, (*ne gāli* ?) 143₈; *ifigāli* DP 85₄₀, 613₃₈; 1.pl. ***gālime** [*gālime* DP 119₃₅, 120₁₆, 131₈, 142₂₅, 214₃₇, 259₇, 263₆, 294₃, 309₇, 309₈, 314₈, 325₁₃, 334₃₇, 336₁₂, 337₂₀, 339₃₁, 357₁₇, 372₃₄, 383₇, 394₄₀, 426₂₁, 432₃₆, 434₃₉, 447₁, 490₂₂, 490₂₃, 538₂₅, 539₃₆, *gā|lime* DP 396₃₉₋₄₀, *gāli|me* DP 215₃₉₋₄₀, *Gālime* DP 430₁₀, *gālimē* DP 7₁₃, *gālime* DP 137₈, 162₃₇, 186₁₈, 277₄₇, 296₄, 298₁₀, 370₂₆, 388₄₉, 419₂₃, 430₇, 485₂₀, 520₁₇, *gāli|me* DP 382₃₅₋₃₆, *Gālime* DP 430₈, *gālime* DP 33₁₃, 124₃₇, 257₂₅, 522₃₈, 525₃₄, 536₅₂, 542₄₃, 594₁₂, 597₁₄, 606₄₃, *gālimē* DP 19₅₃, 22₆, *gālime* DP 449₂, 595₅₄, *Gālim* DP 482₂₁, с двумя знаками ударения: *gālime* DP 299₁₆, *gālime* DP 253₁₁, с отмеченным ритмическим ударением: *gālimē* DP 457₃] ~ **ne gālime** [*ne gālime* DP 81₂₈, 103₁₄, *ne gā|lime* DP 606₃₂₋₃₃, *negālime* DP 452₃₈, *ne gālime* DP 394₃₉, 449₁, 454₃₉, *negālime* DP 363₁₅, *ne gālime* DP 30₃₇, 111₁₂, 129₄₂, 237₇, 249₂₈, 317₁₆, 327₂₄, 329₁₈, 360₃, 526₁₈, 532₁₈, 559₁₉, 585₂, 587₂₁, 606₃₅, 606₃₇, *ne gāli|me* DP 405₃₃₋₃₄, *ne gā|lime* DP 213₃₁₋₃₂, *nē gālimē* DP 11₁₉, 24₃₉, *ne gālime* DP 222₂₇, *ne gālime* DP 121₄₃]; 2.pl. ***gālite** [*gālite* DP 457₅, *gālite* DP 34₂₃, *gālitē* DP 19₁₄, *gālitegu* DP 482₂₀, 485₁₄; с отмеченным ритмическим ударением: *gālitē* DP 276₁₁] ~ ***ne gālite** [*ne gālite* DP 128₁₈, *Ne gālite* DP 331₂₀, *ne gālitē* DP 500₆, *ne| gālitē* DP 488₄₇₋₄₈, *ne gālite* DP 125₄₈, 215₂₅, 217₄₅, 606₁₂, 606₃₂, *Ne gālitē* DP 331₁, *ne gālite* DP 603₁₂] || part.praes. act. **gālis** [*gālis* nom.sg.m. DP 56₂₇, 107₄₁, 191₂₁, 242₃, 329₁₂, 334₉, *gālis* nom.sg.m. DP 327₄₀, 371₃₄, 378₄₈, *gālis* nom.sg. m. DP 191₂₅, *gālis* nom.sg.m. DP 528₃₅, *gālis* nom.sg.m. DP 9₂₄, 189₁₇, 537₄₇, *gālinti* nom.sg. f. DP 459₂₀, 466₂₁, *gālinzios* gen.sg. f. DP 398₁₈, *gālintj* acc.sg. m. DP 81₁₂, 104₄₃, *negālinzjiūu* instr.sg.m. DP 39₄₀, *gālij* nom.pl.m. DP 472₂₃, *gālij* nom.pl.m. DP 148₂, 617₁₁, *negālinzjių* gen.pl. DP 243₅, *gālicziūų* gen.pl.m. DP 14₁₈, *negālinzjius* acc.pl.m. DP 178₃₀, 341₉, *ne gālinzjius* DP 482₆, *gālinzjiuosius* acc.pl.m. чл.ф. DP 471₁₈];

2. *gulėti* ‘лежать’: др.-лит. praes. 2.sg. **ne guli** [*ne guli* DP 349₄₇, *ne guli* DP 133₁₀]; praes. 3. ***gūli** [*gūli* DP 39₄₆, 73₁₈, 188₃₃, 374₁₅, *gūli* DP 105₃₅] ~ praes. 3. **už-gūli** [*vžgūli* DK 114₁₄, *vž|gūli* DK 131₇₋₈, *vžgūli* DP 69₁₂, 91₅₂, 144₂₆, 145₄₈, 251₇, 339₃₂, 344₂₃, 357₄₇, 415₁₂, 415₁₈, *vžgūli* DP 364₅, *ne vžgūli* DP 142₁₆, 437₅, *vžgūl·* DP 18₂₉, 207₄₁, 208₃₀, 211₂₉, 218₂₁, 247₃₈, 254₁₅, 256₃₅, 292₃₅, 434₅, 557₃₄, *ne vžgūl·* DP 136₃₃, 595₄₁, *vžgūl* DP 17₃₅, 19₅₀, 62₁₆, 91₄₆, 122₂₇, 146₃₈, 147₂₂, 190₁₆, 233₂₈, 248₃, 256₄₄, 265₄, 332₁₁, 430₂₅, 435₄₁, 453₁₈, *vžgūl* DP 462₄₆ ‘przyleżeć, należeć; tyczyć się; tknąć się; zależeć; ku?’]; 1.pl. ***gūlime** [*gūlime* DP 221₁₈] ~ 1.pl. ***nugūlime** [*nugūlime* DP 360₁₀]; 2.pl. ***gūlite** [*gūlite* DP 405₁₇] || part. **gūlis** [*gūlis* nom.sg.m. DP 186₁₇, *vžgūlinzjių* gen.pl. DP 33₃₈; *vžgūlinzjiump* allat.pl. DP 281₃₀] || (с отмеченным ритмическим ударением?) *gūlinzjiūų* gen.pl. DP 551₂];

3. *turėti* ‘иметь’: др.-лит. praes. 1.sg. ***turiū** [*turiū* DP 35₃₃, 106₁₈, 107₃₈, 150₃₇, 167₄₉, 167₄, 197₃₈, 206₁₄, 314₃₇, 448₄, 475₁₇, 476₁₅, 485₁₆, 564₁₆, 574₂₅, *turiū* DK

69₆, *tú|riú* DP 614₄₋₅, *Turiú* DP 432₃₉, *turiú* DP 67₃₄, 482₂₀] ~ ***ne turiù** [*neturiú* DP 154₂₅, *ne turiú* DP 127₁₂, 415₁₁, 558₂₇, 624₃₂, *ne turiú* DP 257₄₂, *ne turiú* DP 524₄]; praes. 2.sg. ***turi** [*turi* DP 4₃₉, 28₄₈, 39₃₆, 76₂₉, 101₆, 104₈, 133₁₅, 134₂₉, 177₄₆, 178₁₁, 178₂₇, 236₂₅, 246₁₀, 253₂₃, 265₁, 284₂₄, 295₁₀, 304₁₅, 306₁₁, 308₁₂, 308₄₆, 310₃₅?, 342₃₃, 350₆, 353₃₄, 362₃₃, 364₁₈, 369₈, 369₁₁, 369₁₂, 369₁₃, 371₄₂, 382₃₈, 384₅₀, 389₂₃, 391₁₁, 392₁₈, 399₃₂?, 399₃₇, 414₁₀, 441₄₆, 490₇, 523₅₂, 525₃₃, 530₆, 530₇, 540₅, 552₂₂, 552₂₃?, 582₅₂, 587₃₆, 628₈, *Turi* DP 615₅, 615₆] ~ ***ne turi** [*ne turi* DP 74₁₅, 133₁₀, 133₁₄, 169₂₂, 267₃, 343₃₇, 350₃, 590₃₉, *Ne turi* DP 80₉, *ne turi* DP 127₂₆]; praes. 3. ***tùri** [*tùri* DP 46₂, 80₃₁, 83₄, 83₈, 83₂₆, 83₃₉, 84₁₅, 85₁₉, 85₂₂, 87₂₉, 90₅, 90₂₆, 91₆, 96₅₄, 97₂₅, 98₁₅, 99₂₁, 99₃₂, 103₃₃, 114₃₈, 119₃₃, 119₄₀, 121₂, 122₁₃, 122₂₁, 123₂₇, 123₃₈, 125₃, 125₁₃, 128₂₉, 128₄₇, 128₄₉, 130₁₁, 130₁₅, 134₂₀, 136₃₄, 141₅₀, 142₄₇, 150₄₈, 151₄₀, 151₄₆, 155₄₉, 160₄, 165₂₀, 165₄₃, 167₁, 168₁₄, 173₃₈, 173₄₀, 174₅, 174₄₁, 174₄₂, 182₁₂, 204₉, 204₁₈, 238₁₄, 280₅₀, 282₂₄, 284₂₅, 285₂₈, 289₅₀, 291₉, 295₅₃, 296₈, 296₁₂, 296₁₅, 306₁₇, 306₁₉, 306₂₆, 307₄₈, 312₇, 325₄₂, 331₂₂, 333₅, 337₄₀, 344₂₄, 345₅, 345₄₂, 348₄₄, 352₄₉, 354₉, 354₁₇, 354₂₅, 354₂₆, 355₂₁, 361₃₂, 367₉, 367₁₁, 369₃₇, 371₃₅, 372₃₃, 373₁₃, 373₃₇, 374₁₃, 379₁₉, 379₄₂, 379₄₇, 379₄₈, 380₂₆, 381₂₄, bis, 382₁₈, 382₄₄, 385₃₃, 385₅₂, 385₅₃, 387₁₈, 387₃₁, 390₂₈, 390₄₁, 390₄₅, 391₁, 396₄₅, 404₄, 405₂₂, 409₃₄, 409₃₇, 410₃₇, 412₁₁, 413₃₈, 417₄₀, 419₁₀, 420₁₁, 421₉, 428₄₉, 435₆, 435₂₇, 436₄, 437₂₁, 443₂₁, 464₄, 466₃₉, 481₁₉, 484₁₄, 488₂₆, 518₂₈, 520₁₄, 524₂₅, 534₁₃, 539₄₉, 544₈, 547₁₄, 547₃₂, 569₇, 569₂₂, 608₅, *tùri* DK 26₁₅, 39₁, 41₄, 50₁, 65₁₁, 67₆, 78₁₀, 83₁, 83₉, 83₁₉, 84₄, 97₆, 99₂₁, 102₁₀, 102₁₃, 102₁₆, 102₁₉, 107₁₁, 119₁₈, 126₄, 127₁₆, 129₁₄, 129₁₉, 158₆, 182₇, *tú|ri* DP 81₁₁₋₁₂, 84₄₃₋₄₄, *Tùri* DP 228₁₅, 228₁₆, *Tùri* DK 83₃, 97₉, 100₅, 126₈] ~ praes. 3. ***ne tùri** [*ne tùri* DP 84₅, 87₃₅, 90₃₃, 98₂₇, 99₃₃, 100₅, 120₁₅, 120₁₇, 125₃₈, 344₈, 368₁₈, 384₉, 390₂₅, 402₁₈, 402₂₂, 404₁₄, 414₂₆, 418₂₇, (3.pl.) *ne tùri* DP 98₂₇, *ne|tùri* DP 111₂₈₋₂₉, *ne tú|ri* DP 316₂₅₋₂₆, *Ne tùri* DP 169₅₀, *ne tùri* DP 396₁₀, *ne|tùri* DP 417₄₅]; 1.pl. ***tùrime** [*tùrime* DP 7₁₂, 22₄, 30₁₅, 31₂₆, 31₄₄, 33₁₂, 33₄₁, 35₁₁, 52₃₆, 55₄₂, 57₂₄, 57₂₈, 60₄₁, 62₃₄, 62₃₆, 71₂₂, 74₂₈, 74₃₁, 79₇, 81₁₁, 96₄₄, 96₅₂, 99₅, 99₉, 103₁₅, 103₂₄, 107₃₃, 107₄₃, 108₃₀, 110₁₅, 110₂₁, 111₄, 111₁₇, 112₁, 112₃₂, 114₃₅, 115₁₆, 116₂₁, 116₂₃, 123₅, 123₈, 124₂₄, 125₂₉, 125₃₆, 130₃₀, 130₃₉, 132₅, 137₂₀, 137₂₉, 138₁₈, 141₃₀, 146₄₅, 151₁₀, 151₃₆, 152₅, 152₂₁, 152₃₁, 167a₄₂, 174₂₃, 182₄₇, 183₁₇, 185₃₀, 186₁₅, 186₁₆, 188₄, 188₁₉, 188₂₃, 192₁₀, 195₇, 197₁₇, 214₁₂, 214₁₄, 217₄₆, 221₂₂, 222₂₆, 222₂₈, 223₁₃, 223₂₀, 223₄₉, 224₁₉, 224₃₄, 224₃₈, 226₄₅, 227₁₆, 230₂₀, 230₂₃, 230₃₃, 232₂₇, 232₄₅, 233₁, 233₃₂, 233₄₆, 237₄₈, 238₉, 238₂₀, 245₂₄, 245₂₆, 246₂, 257₁₃, 258₃₀, 261₃₂, 270₇, 271₂₀, 273₃₇, 280₄₆, 289₁₀, 289₂₄, 291₂₄, 295₂₃, 299₂₃, 299₂₄, 299₂₉, 299₄₆, 300₁₃, 301₁₆, 301₄₆, 302₁₁, 304₄₇, 309₅, 314₂₁, 317₁₄, 318₃₃, 319₄₇, 319₄₈, 319₄₉, 322₃₅, 323₄₁, 325₁₅, 326₄₀, 327₁, 327₂₉, 328₂₂, 328₂₃, 328₂₅, 333₁₁, 333₁₂, 333₂₂, 335₃₆, 337₄₈, 338₂₈, 338₂₉, 338₃₆, 341₄₂, 346₇, 359₂₄, 360₁₄, 364₃₂, 374₁₉, 375₉, 380₂₃, 380₃₃, 387₄₄, 392₄, 393₂₃, 404₂₄, 406₄₉, 407₃₈, 415₂₈, 416₁₈, 434₅, 435₁₁, 436₄₉, 448₈, 448₃₁, 453₄, 463₄₁, 465₂₀, 472₂₆, 477₈, 479₁₁, 481₅₄, 523₄, 526₃₅, 530₂₉, 532₃₁, 540₄₆, 553₂, 566₁₂, 618₃₅, 619₂₂, *tùrime* DK 18₁, 27₂₂, 80₂, 182₁₈, *tú|rime* DP 107₃₁₋₃₂, 245₃₄₋₃₅, *tú|rime* DK 28₈₋₉, *tùri|me* DP 144₁₂₋₁₃, 252₃₈₋₃₉, 327₂₈₋₂₉, 336₄₉₋₅₀, 339₄₋₅, 553₂₋₃,

584₃₉₋₄₀, *Túrime* DP 24₄₅, 55₃₁, 69₁₃, 77₄₆, 253₂₅, 434₁₂, *túrime*^a DK 27₅, 45₄, 49₄, 50₁₀, 70₅, 70₁₃, 70₁₄, 82₂₁, 84₁₃, 90₁₂, 90₁₄, 96₁, 115₅, *túrime*^a DK 57₇, *Túrime* DP 57₈, *túrime*^a DP 1₃₄, 2₁₄, 11₁, 13₂₂, 18₁, 24₃₉, 24₄₂, *tú|rimé*^a DP 18₄₂₋₄₃, *túri|me*^a DK 85₄₋₅, *Túrime*^a DK 81₁₅, *túrime* DP 18₃₉, 23₂₆, 23₃₉, 24₁₄, 29₄₃, 33₁₆, 35₂, 49₃₇, 55₂₇, 55₄₂, 57₁₄, 57₃₄, 73₃₆, 96₄₆, 103₄, 150₄₂, 155₃₁, 156₁₆, 159₃₂, 165₆, 186₁₇, 187₂₄, 222₂₃, 252₃₆, 273₁, 280₁₀, 284₈, 299₂₄, 300₁₀, 356₂₇, 360₅, 364₂, 370₃₂, 371₉, 381₃₈, 382₃₆, 382₃₉, 396₂₇, 409₄₅, 413₂₅, 414₈, 414₁₃, 415₁₆, 416₁₃, 416₂₂, 416₂₆, 424₃₈, 434₇, 438₃₃, 444₂₀, 448₃₄, 450₂₈, 450₃₀, 452₂₆, 455₆, 455₁₆, 455₂₀, 457₃₆, 458₅₁, 475₃₂, *tú|rimę* DP 182₃₉₋₄₀, 270₄₋₅, 301₄₇₋₄₈, *túri|me* DP 290₂₃₋₂₄, 416₁₃₋₁₄, *túrime* DP 55₂₄, 463₃, *ir túrime* DP 383₅, *túrime* DP 71₄₉, 74₃₉, 131₁₇, 140₁₉, 259₁₈, 309₆, 314₂₆, 327₄, 360₁₁, 364₁₈, 368₂₈, 407₂₁; *túrime* DP 85₁₃, 128₄₃, 321₂₆, 416₆, 450₃₇, *ir túrime* DP 277₄₈, *túrime* DP 55₃₉, 327₃₁, *túrime* DP 288₂₂, *túrime* DP 151₃₉, 195₄₄, *túrime* DP 328₄₀, 432₃₆, *túrime* DP 154₁₈, *túrim* DP 187₁₄, 252₂₅, 282₄₁, 416₃₀, 461₂₄, 483₁₉, *túrim* DP 447₂₈, 447₃₈, *túrim* DP 57₃₁, 57₃₂, 462₄₉, 464₃₇, 471₂₇, 475₄₆] ~ 1.pl. ***ne túrime** [*ne túrime* DP 30₂₇, 62₄₀, 72₄₇, 79₄₄, 103₁₉, 125₅, 125₁₁, 139₁₇, 142₁₀, 145₃₈, 146₂₆, 147₁₉, 159₄₀, 161₃₀, 193₄₀, 216₃₁, 223₂₃, 229₄₁, 234₁₀, 266₃₃, 299₂₉, 320₄₆, 321₂₃, 340₄₉, 352₃₁, 382₃₇, 383₃₉, 418₉, *ne túrime* DP 161₃₀ (?), *ne túri|me* DP 103₆₋₇, 281₁₀₋₁₁, *Ne| túrime* DP 167₁₆₋₁₇, *nétúrimé*^a DP 21₂, *nétúri|me*^a DP 29₅₁₋₅₂, *ne túrime* DP 416₉, *ne| túrime* DP 155₂₈₋₂₉, *ne tú|rimę* DP 81₂₃₋₂₄, *ne túrime* DP 30₂₆, *ne túrime* DP 360₁, *Ne túrime* DP 281₁₁, *ne túrim* DP 493₃₉]; ***betúrime** [*be|túrime* DP 383₁₁] ~ 2.pl. ***túríte** [*túríte* DP 129₄₄, 180₂₀, 198₄₃, 211₁₁, 299₃, 332₂₇, 339₁₄, 425₂₃, *túríte* DK 15; *Tú|rite* DP 194₁₈₋₁₉, *túríte* DP 12₂, 12₃, 12₁₁, 223₉, 272₂₀, 273₄₆, *Túri|te* DP 424₃₃₋₃₄, *Túríte* DP 167₁₈]; || part. **túrįs** [*túrįs* nom.sg. m. DP 378₅₁, 385₃₄, 390₂₈, *túrįs* nom. sg. m. DP 28₄₉, 28₅₀, 189₃₁, 192₂₅, *túrįnti* nom.sg. f. DP 261₁₀, *túrįnczem* dat.sg. m. DP 385₃₃, 385₃₄, 389₃₁, *túrįnczem* dat.sg. m. DP 367₂, 390₂₅, *túrį* nom.pl. m. DP 30₁, 136₂₆, 209₃₉, 277₃₁, 278₃₇, 304₄, 306₆, 464₂, *ne túrį* nom.pl. m. DP 80₁₅, *túrįntiemus* dat.pl. m. DP 299₄₂ || (с отмеченным ритмическим ударением?) *ne túrįntiemus* dat.pl. m. DP 476₁₈];

4. *gailėtis* ‘созалеть’: др.-лит. praes. 3.sg. ***ne gailis** [*ne gailis* DP 36₃₁], ***ne pasi gaili** (?) [*ne pasigaili* DP 165₄₅] || part. **gailis** [gen.pl. *gailincziųs* DP 283₂₈, *gailintiemus* dat.pl. m. DP 268₃₇ || (с отмеченным ритмическим ударением?) *gailincziós* gen.sg. f. DP 477₂₇, *gailintiemus* dat.pl. m. DP 348₂₂];

5. *girdėti* ‘слышать’: др.-лит. praes. 1.sg. ***girdžiū** [*girdžiū* DP 306₄₉ (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *girdziū* DP 305₁₂)]; 2.sg. ***girdi** [*girdi* DP 67₂₁, 197₂₆, 236₃₂, 252₃, 282₃₀, 282₃₂, 296₁₀, 340₁₄, 349₃₉, 352₄₈, 353₁₀, 353₂₁, 414₅, 435₅₄, 451₄₂, *Girdi* DP 190₂₀, 285₄₀] ~ 2.sg. ***ne girdi** [*Ne gir|di* DP 164₁₈₋₁₉]; praes.3. ***girdi** [*girdi* DP 17₈, 19₂, 19₁₁, 116₂₄, 248₂₆, 248₃₅, 323₁₈, *ir girdi* DP 535₄₁, 537₄₄, *ir| girdi* DP 282₃₆₋₃₇] ~ praes.3. ***ne girdi** [*ne girdi* DP 202₄₁, 323₁₉, 538₁₃]; 1.pl. ***girdime** [*girdime* DP 243₁₆, 328₇, 328₃₁, 341₂₅?, 368₂₇, *girdime* DP 318₉, 401₃₂, *ir girdime* DP 403₃; *girdime* DP 49₂₇, 232₉, 314₁₀, 327₃₇, 549₃₉, *ir girdime* DP 292₃₄, 323₁₆, 323₃₉, *girdime*^a

DP 21₃₈, *gîrðime* DP 155₃₁, 298₆, 327₂₀, 409₈, 409₁₁, *gîrði|me* DP 59₈₋₉]; 2. pl. ***gîrðite** [*gîrðite* DP 399₁, *gîrðite* DP 19₁₀; *O gîrðitegu* DP 100₄₄; *gîrðitê* DP 321₄₅] || part. **gîrðis** [*iis kaiþ ne gîrðis* DP 116₂₂].

К этому же неподвижному акцентному типу относились глаголы, которые в соответствующих презентных формах не засвидетельствованы или имели акутовый корень, поэтому акцентовка их презентных форм не показательна, их первичный акцентный тип устанавливается по акцентовке причастия настоящего времени:

6. part.praes. act. ***liūdjs** [*lūðintiemus* dat. pl. m. DP 550₄₃].

Акутированные корни

7. part.praes. act. ***mýlis** [*mîlis* nom.sg. m. DP 237₃₆, 325₁₉, *mîlinczioio* gen. sg. m. чл.ф. DP 576₁₂, *mîlinczem* dat.sg. m. DP 186₄, *mîlinczem* dat.sg. m. DP 186₅, *ir mîlin|czei* dat.sg. f. DP 617₃₅₋₃₆, *mîlinti* acc.sg. m. чл.ф. DP 241₂₆, *ir mîlincziuiu* instr.sg. m. чл.ф. DP 191₄₉, *mîli* nom.pl. m. DP 13₃₅ (inf. *mýlēti* ‘любить’, praes. 3. *mýli*; но лтш. *mîlēt* ‘lieben, gern haben’)]; др.-лит. praes. 1.sg. ***mýliu** [*mîlu* DP 35₆, 235₄₂, 236₄₂, 236₄₅, 240₂];

8. part.praes. act. ***nóris** [*nóris* DP 130₃₄, *nóris* nom. sg. m. DP 116₂₂, *nóris* nom. sg. m. DP 236₁₇, 277₄₈, *nórinti* nom. sg. f. DP 261₂₀, *nórintj* acc. sg. DP 104₄₃, *nórintj* acc. sg. DP 411₂₂, *nórij* nom. pl. m. DP 61₂₅, 302₄₃, 365₂₅, 370₂₄, 411₃₈, bis, *nórinčios* nom. pl. f. DP 462₁₆, *ne nórinčiju* gen. pl. DP 411₁₇, *nórinčius* acc. pl. m. DP 577₄₀ (inf. *norēti* ‘желать, хотеть’, praes. 3.sg. *nóri*)]; др.-лит. praes. 1.sg. **nóriu** [*nóriu* DP 75₅, bis, 75₇, 148₄₀, 168₃₄, 200₃₉, 362₄₂, 432₄₆, 476₃₄ и др.];

9. part.praes. act. ***pavýdjs** [*butj pa|wîðis* nom.sg. m. DP 626₂₋₃, *pawîðinti* acc.sg. m. DP 437₂₄ (inf. *pavydēti*, др.-лит. *pawîdet* DP 626₇, но и *pawîdēt* DP 281₁₁ ‘завидовать, ревновать’, praes. 3.sg. *pavýdi*, где удлинение нулевой ступени и.-е. корня **ueid-* по закону Винтера)]; лтш. **pavîdēt** ‘missgönnen’ [„*jūs man pavîdējāt*“ Wilzen; *pavîdēt* „*laumu vėlēt*“ Autz, Hofzumberge (Mühl.–Endz. III, 139); *pavîdēt* „*skaust*“ РКУр. (Endz.–Haus.II, 191)] (ср. с полной ступенью вокализма в корне: лтш. диал. Эргеме (Ērg.) *viðēt* ‘sehen’; слав. praes. 1.sg. **uīdjo*, 3.sg. **uīdītь*; акут в результате удлинения по закону Винтера);

10. part.praes. act. ***stóvjs** [*stówinczios* gen. sg. f. DP 478₄₅, *stówintj* acc. sg. DP 196₃₅, *stówinti* acc. sg. DP 173₁, 374₂₃, *stówincziuj* gen. pl. DP 173₈, 595₁₇, *stówincziuiu* gen. pl. DP 158₁₂, *stówintiemuſiemus* DP 381₂₃, *stówinczius* acc. pl. m. DP 7₄₂, *bestówinczius* acc. pl. m. DP 92₃₉, *stówincziuj* gen. du. DP 287₃₈ (inf. *stovēti* ‘стоять’, praes. 3.sg. *stóvi*; лтш. *stāvēt*, praes. 1.sg. *stāvu*, praet. 1.sg. *stāvēju* ‘stehen, bestehen, sein; sich aufhalten, wohnen; sich halten; passen, anstehen’)]; др.-лит. praes. 1.sg. ***stóviu** (*stóviu* или *stóviuj* DP 160₃₄) (лтш. *stāvēt*, praes. 1.sg. *stāvu*, praet. 1.sg. *stāvēju* ‘stehen’);

ср. реликты подвижной а.п. у глагола *stóti(s)*: praet. 3. *stóiós* DP 2₅₂, 21₃₁, 24₅, 231₁₂, 403₄₇, 438₃₉; *Stóiós* DP 24₃, *stóiós* DP 243₂₂, 394₉, cnd. *stóiys* DP 167_{b25}, *stóiys* DP 33₅₀; part. praet. act. nom. *stóiys* DP 39₄₈, *stóiys* DP 314₃₄, *stóiys* DP 315₈.

В текстах Н. Даукши к этому типу относился и глагол *sédēti*: part. praes. act. **sédjys* [*šédjys* nom. sg. m. DP 1₁₅, 163₉, 449₃, *šédjys* nom. sg. m. DP 229₄₇, *sédjys* nom. sg. m. DP 319₅₁, *besédjys* nom. sg. m. DP 66₂₂, *sédinczjo* gen. sg. m. DP 430₁₀, 617₂₇, 625₃₆, *sédinczjem* dat. sg. m. DP 200₃₁, *sédinti* acc.sg. 158₂₉, 158₄₀, *sédjntj* acc. sg. DP 261₄₇, *befédjntj* DP 63₂₈, 180₁₀, 184₃₇, *sédinczju* gen. pl. DP 338₂₂, *sédinczjuiu* gen.pl. DP 350₄₀, *šédintiemus* dat. pl. DP 125₂₀, *šédintiemus* dat. pl. DP 123₃₂, 625₉, *sédinczjus* acc.pl. m. DP 350₄₁, *šédinczjeis* instr.pl. m. DP 350₄₀ (inf. *sédēti* ‘сидеть’, praes. 3.sg. *sédj*]; но показания лтш. *sédēt* ‘sitzen’, praes. 1.sg. *sēdu* или *sēžu*, praet. 1.sg. *sédēju*, и слав. **sěděti*, praes. 1.sg. **sědĭti*, 3.sg. **sědĭti*, а самое важное, показания других литовских источников: см. Kurschat DL *sédjys* sub v. *Arrestant*, — заставляю́т призна́ть эту акцентовку не только не общебалтийской, но и не общелитовской, возможно, на эту основу оказал влияние глагол *stovėti*.

Ė/a-глаголы

I. Неподвижный акцентный тип

11. (1.) *derėti* ‘годиться’: др.-лит. praes.3. **ne dėra* [*ne dėra* DP 360₂₉], **ne indėra* [*ne indėra* DP 607₁₅], **pridėra* [*pridėra* DP 459₁₉, 581₃₁], **ne pridėra* [*ne pridėra* DP 520₂₂] || part.praes. act. **dėraš* и **derāš* [*pridėraš* nom. sg. m. DP 446₇, *pridėraš* DP 423₂₇, *pridėraš* nom. sg. f. DP 536₄₇, [*nedėraščiu* gen.pl. m. DK 41₁₀] || *derāš* DK 78₁₅, *nė derāš* DK 137₁ [25₉], *nėderāš* DK 148₈, *ne derāš* DP 255₁₃, *pridėraš* DP 54₂₃, *pridėraš* DP 227₄₇, 389₂₁, *pridėraš* DK 120₁₆₋₁₇, *pridėraš* DK 125₂₀, [39₂], gen.sg. m. *pridėraščio* DK 87₃₋₄, gen. sg. f. *nė derāščio* DP 331₉, allat.sg. m. *pridėraščio* DK 138₂₀ [44₂₆], nom.pl. m. *nė derāš* DK 73₂, *nederāš* DP 370₁₁, *ne fuderāš* DP 193₃₄, *derāščiu* DP 122₅₃, *nederāščiu* DP 344₄₇ || *nėderāščiu* DP 603₃₉, *fuderāš* DP 330₃₆, *nė derāščius* DP 188₃₇, *fuderāš* DP 112₄₆, nom. pl. *nėderāščios* DP 535₃₄ (inf. *derėti* ‘годиться, подходить’, praes. 3.sg. *dėra*);

12. (2.) лит. *sužadėti* ‘помолвить’: др.-лит. praes.1.pl. **užsižadame* [*vjsižadame* DP 157₃₄] ‘zarzekać się’;

13. (3.) part.praes. act. **sópas* [*šopantiii* nom. sg. f. DP 542₁₀ (inf. *sopėti* ‘болеть’, praes. 3.sg. *sópa*, диал. *sópi*; но лтш. *sápēt*, praes. 1.sg. *sápu*, praet. 1.sg. *sápėju* ‘schmerzen’)];

14. (4.) part.praes. act. **sérgas* ‘sergis, saugojaš’ [*šėrga* nom. pl. m. DP 38₁, *šėrga* nom. pl. m. DP 179₁₀ (inf. *sėrgėti*, praes. 1.sg. *sėrgiu*, др.-лит. *sėrgmi*; первичен атематический презенс: др.-лит. *šėrkti* praes. 3. sg. DP 516₂₀)];

15. (5.) лит. *veldėti*, praes. 1.sg. *vėldu* и *vėldžiu* ‘besitzen, regieren, an sich bringen, in Besitz nehmen’ и ‘(er)erben’, ‘наследовать’, praes.3. *vėldi*; part.praes. pass.

***wēldamas, -a:** *wēldamy* gen.pl. DP 4₉, *wēldamy* gen.pl. DP 484₄₃, ‘подданных’, acc.pl. *wēldamus* DP 85₄₂; в прусском корень также сохраняет свою доминантную валентность: прусс. производное **wēldniks* (в сочетании *sendraugi wēldnikai* nom.pl. m., III 93₈ „Miterben – bendraveldetojai“) при рецессивном корне должно было иметь ударение \sim на суффиксе *-nik-*, как это обнаруживается в словах с соответствующими корнями; так же ведет себя и вариант этого корня с *-o*-огласковой: прусс. *Wāldnikans* acc.pl. m., III 91₁₅ „Kōnige – valdovus“; среднеболгарские и древнесербские тексты дают материалы, указывающие на доминантность глагольного корня **wold-* в праславянском: ср.-болг. (ст.-тырн.) **владѣтъ** Зогр. Б49³⁰а; др.-серб. **не владѣтъ** Апост. 183¹⁸⁻¹⁹а, **не влѣдѣтъ** Апост. 183²⁰⁻²¹а || герм. praet. I.sg. **wūlpa* < **u^l-to-* [др.-исл. praet. I.sg. *olla* ‘herrschte’ (< **wolpa*) [др.-исл. inf. *valda*, praes. *veld*] (у германского и балто-славянского корней наблюдается только то отличие, что в прагерманском сохраняются следы презентного характера форманта *-dh-*, а в балто-славянском он уже распространен на всю глагольную парадигму и стал частью корня) || лат. *valēre* || Noreen 352; Feist 548; de Vries 640; Seebold 536–537; WH II, 727–728.

II. Подвижный акцентный тип

Переносят ударение на отрицание и приставку в формах презенса в текстах Н. Даукши следующие основы:

1. *minėti* ‘вспоминать’: др.-лит. praes. I.sg. ***miniū** [*miniū* DP 597₄₃]; praes. 3. ***mini** [*mini* DP 2₅, 2₁₀, 2₂₅, 10₁₀, 43₃₆, 137₃₅, 138₁₄, 138₂₂, 193₁, 257₃₆, 258₄₀, 265₃₀, 335₂₉, 339₄₃, 341₂, 343₁, 355₃₉, 373₂₇, 374₉, 393₄₅, 410₂₅, 418₃, 418₃₀, 456₁₇, 545₂₂, *mi^zni* DP 214₃₄₋₃₅, 253₄₅₋₄₆, *Mini* DP 26₄₉, 108₄₀, *mini* DP 450₃₉, *mini* DP 347₉] ~ ***nė mini** [*nėmini* DP 402₈, 410₂₁, *nėmini* DP 114₂₅, 117₅, 133₃₇, 139₃₂, 193₃, 347₄₈, *nė mini* DP 241₂, 270₂₃?, 316₃₄, 600₃₅, *nėmini* DP 140₄₉, *Nėmini* DP 186₈; *pāmini* DP 80₃₉, 81₃];

2. *regėti* ‘видеть’: др.-лит. praes. I.sg. ***regiū** [*regiū* DP 399₁₇, 519₁₃, 519₁₄, 602₉; *regiū* DP 121₁₉], 2.sg. ***regi** [*regi* DP 104₂₅, 352₈, 399₃₀, 536₄₄; *re^zgi* DP 126₃₅₋₃₆, *Regi* DP 357₄₉, 371₃₄, 473₃₃, *regi* DP 284₂, 286₄₅, 348₄, 349₂₂, 356₂₁, *re^zgi* DP 349₃₂, *Regi* DP 41₂₃, 186₂₀, 272₁₁, 272₁₄, 290₃, 357₄₆, 418₅₁, 448₂₅, 464₂₀, *Riagi* DP 479₄₂ (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *re^zgi* DP 283₁₇, *Rėgi* DP 476₂₁, *rėgi* DP 587₃₅, *Rėgi* DP 399₄₀, *re^zgi* DP 392₁₇, *Rėgi* DP 414₄₃)] ~ **nė regi** [*nė regi* DP 370₃₇, *nė regi* DP 226₂₈], praes. 3. ***rėgi** [*rėgi* DP 17₇, 176₄₂, 434₄₃, 447₇, bis, 450₉, 450₁₆, 484₁₉, *rėgi* DP 79₄₇, 105₄₇, 151₄₉, 153₈, 153₁₀, 153₁₄, 196₃₁, 206₈, 217₁₆, 232₃₇, 234₅₃, 236₄₆, 273₂, 306₄, 323₁₈, 351₄₄, 403₇, 541₁₉, 549₉, 559₂₆, bis, 583₃₄, 587₃₄, 594₂₉] ~ ***nė regi** [*nėregi* DP 255₃₂, *nė regi* DP 213₄₂, 236₄₆, 255₃₃, 255₃₄, 276₄₂, bis, 323₁₉, 570₁₇, 611₃₀, *nė regi* DP 105₄₁, *nė regi* DP 286₃₇, 323₂₁, 323₂₃, 323₂₅, *nė regi* DP 221₁₂]; I.pl. ***rėgime** [*rėgime* DP 264₄₀, 605₁₉, 607₁₁, *Rėgime* DP 479₃₆, *rėgime* DP 292₃₄, 403₃, *Rėgime* DP 489₅₄, *rėgime* DP 60₂₃, 181₄₈, 226₂₁, 264₅, 272₂₅, 290₂₅,

318₁₅, 318₃₈, 320₁₀, 323₁₆, 334₉, 339₂₈, 421₆, *rê*≠*gime* DP 237₃₃₋₃₄, *rêgi*≠*me* DP 100₁₂₋₁₃, *Rêgime* DP 323₂₃, *rêgime* DP 212₁₁, *rêgimę* DP 150₂₄, 155₃₀, 292₃₇, 292₃₉, 377₃₁, 402₂, 410₄₅, 415₂₁, *Rêgimę* DP 415₂₄, 421₈, *ir rêgimę* DP 318₉, *Riâgime* DP 481₄₂] ~ 1.pl. ***nê regime** [*nê rêgime* DP 198₃₉, 226₂₉, *nê rêgimę* DP 414₃₈, *nê rêgimę* DP 272₂₆; *nê rêgime* DP 585₃₁, *ne rêgime* DP 581₁₅]; 2.pl. ***rêgite** [*rêgite* DP 194₁₆, 195₂₃, 321₄₃, 321₄₅, 322₃₇, *Ir rêgite* DP 348₁₆, *rêgite* DP 424₂₆] ~ 2.pl. ***nê regite** [*Nê rêgite* DP 558₃₈] || part.praes. act. ***regis** || part.praes. pass. ***rêgimas**, -à [*rêgimafis* nom.sg. m. DP 51₃₁, *nê regimas* nom.sg. m. DP 249₂₃, *nêregimu* instr.sg. m. DP 131₃, *rêgimûiu* instr.sg. m. DP 204₂₉, *regimamé* loc.sg. m. DP 249₂₄, *regimâiime* loc.sg. m. DP 134₁₀, *regimû* gen.pl. DP 293₁₀, *regimâ* nom.sg. f. DP 88₃₄, *ne regimâ* nom.sg. f. DP 249₄₂, *nê regima* instr.sg. f. DP 88₂₈, 250₁₂] || *rêgimû* gen.pl. DP 156₂₇];

3. *tikëti* ‘верить’: др.-лит. praes. 1.sg. ***tikiû** [*tikiû* DP 101₄, 404₃₂, *Tikiû* DP 351₇, 573₂₀, 573₂₄, 617₁₀]; 2.sg. ***tiki** [*tiki* DP 226₂₈, 267₂, 337₂₅?], *ir tiki* DP 133₁₃, *Tiki* DP 226₂₈] ~ 2.sg. ***nê tiki** [*Nêtiki* DP 447₈, *Nê tiki* DP 450₁₂]; praes.3. ***tiki** [*tiki* DP 43₆, 46₁₆, 61₄₂ (pl.), 85₂₇ (pl.), 97₃₃, 111₂₃, 111₃₀?, 122₄₆, 124₃₉, 144₈, 146₃₅, 218₄₅, 236₄₀, 240₂₇, 240₃₁, 242₁₉, 242₂₅, 243₁₂, 250₂₅, 257₂₃, 276₃₆, 278₁₄, 290₂₁, 343₃₁, 344₂₂, 344₃₂, 357₂₆, 369₁₉ (pl.), 371₈, 374₂₆(pl.), 391₄₃, 417₄₁, 467₁₅, 467₂₄, 518₁₁, 526₅₂, 533₄₇, 578₁₁, 578₁₂, 584₃₂, *tiki* DP 255₅₃, 402₃₄], *ir tiki* DP 122₅₀, 133₁₄, 327₃₅] ~ praes.3. ***nê tiki** [*nêtiki* DP 257₂₄, 404₁₂, *nê tiki* DP 404₁₅, 444₁₇(pl.), 462₈, *nêtiki* DP 217₈(pl.), 254₁₁, *nê tiki* DP 217₂₂, 226₂₇, 243₁₃, 243₂₁, 243₂₄, 243₂₆, 243₂₇]; 1.pl. ***tikime** [*tikime* DP 32₄₀, 89₉, 185₁₃, 198₃₉, 220₁₈, 229₃₅, 229₃₇, 249₂₇, 257₂₀, 264₃₃, 265₅, 266₃₈?, 345₂₉, 406₁₉, 407₃₈, 578₃₉, *tikimę* DP 16₂₆, 252₄₃?], *ir tikime* DP 224₄₉] ~ 1.pl. ***nê tikime** [*nê tikimę* DP 291₄₃, *nê tikimę* DP 272₄₁]; 2.pl. ***tikite** [*tikite* DP 294₂₆, *tikite* DP 100₄₇, 447₃₆?, 448₆, *tikite* DP 100₄₅] ~ 2.pl. ***nê tikite** [*nê tiki*≠*te* DP 252₈₋₉, *nêtikite* DP 127₇, *nê tiki*≠*te* DP 128₁₈₋₁₉, 128₃₅₋₃₆, *nêtikite* DP 100₄₆, bis, *Nêtikité* DP 447₁₁] || part.praes. act. ***tikis** [*ištikifis* DP 168₇, *tikincjém* dat. sg. m. DP 94₁₇, *tikincziûiu* gen. pl. DP 470₂₆, *tikincziûiu* gen. pl. DP 44₂, *tikincziûiu* gen. pl. DP 198₄₂, 470₁₂, 470₂₆, *tikincziûiu* gen. pl. DP 297₃₉, *tikincziûiu* gen. pl. DP 508₁₃, *tikincziûiu* gen. pl. DP 401₂₂, *tikintiémus* DP 291₄₆, 490₄₂, *netikintiémus* dat. pl. DP 194₁₈] || part.praes. pass. ***istikimas**, -à [*ištikimafis* nom. sg. m. DP 384₂₅, *ištikimâ* nom. sg. f. DP 80₄₉, *ištikimói* nom. sg. f. DP 1₃₀, *nêistikimu* instr. sg. m. DP 419₈, *nêistikimûiu* instr. sg. m. DP 404₂₄, *ištikimiémus* dat. pl. m. DP 238₄₃, 149₄₁, 490₃₄, *ištikimâifeis* instr. pl. m. DP 161₅₀];

4. *baisëtis* ‘ужасаться’: др.-лит. praes. 2.sg. ***nê baisies** [*nêbaisies* DP 285₄₁]; praes.3. ***baïsis** [*báïfis* DP 107₁₄ ‘strachac się; brzydzić się’];

5. *biaurëtis* ‘гнушаться’: др.-лит. praes. 1.sg. ***biauriúosi** [*biaur*≠*riúfi* DP 316₄₄₋₄₅]; praes. 2.sg. ***biauríes** [*bieuríes* DP 184₅]; praes.3. ***biaūrisi** [*bieurifi* DP 371₁₆, *bieuris* DP 226₂₂, *biéuris* DP 248₄₄, *biéuris* DP 366₅, *bi*≠*éuris* DP 183₂₂₋₂₃, *biáuris* DP 20₁₂, *biéuris* DP 231₄] ~ praes.3. **nê biauris** [*nê biauris* DP 421₃₉, *nêbieuris* DP 115₂₅, *nê biauris* DP 281₄₂ (но также *nêbiáuris* DP 431₂₁)]; praes. 1.pl. ***biaūrimes** [*biéur*≠*rimes* DP 272₂₄₋₂₅, *biáur*≠*rimes* DP 289₂₁₋₂₂];

6. *bodētis* ‘брезгать’: др.-лит. praes.3. ***bōdis** [*bōdis* DP 102₃₁, 585₂₆] ~ ***nē bōdis** [*nē bodis* DP 431₂₁];

7. *gardēti* ‘становиться вкуснее’: др.-лит. praes.3. ***gārđi** [*gārđi* DP 216₄₁] ~ ***pāgardī** [*pāgardī* DP 276₄₆] ‘zasmakować’;

8. *gērētis* ‘любоваться’: др.-лит. praes. 3. ***gērīsi** [*gērīsi* DP 166₄₃, 464₆, *gērijsi* DP 41₂₈₋₂₉, *gērīs* DP 568₄₇, *gērīs* DP 222₉, 291₁₇, 378₁₈, 379₃, *gērīs* DP 147₁₆, 190₄₀, 216₃₇, 244₂₀, *gērīs* DP 271₁₇; *ir gērīffi* DP 100₅] ~ ***nē gērīs** [*nēgerīs* DP 166₁₈];

9. *lydēti* ‘проводить’: др.-лит. praes.3. ***ne pālīdi** [*ne pālīdi* DP 307₄₃] ‘popuszczać’; praes.3. ***prālīdi** [*prālīdi* DP 174₁₂, *prālīdi* DP 407₄, 550₁₀¹¹, *prālīdy* DP 431₉ (но также *prālīdi* DP 247₂₃)];

10. *lytēti* ‘касаться’: др.-лит. praes.3. ***lītis** [*lītis* DP 568₄₈]; ***nē lytis** [*Nē lītis* DP 614₃₁ (*lytētis* ‘dotykać się’)]; praes.3. ***pālīti** [*pālīti* DP 191₄₈, 356₃₂, *pālīti* DP 339₂₆ (*palytēti* ‘dotykać się’)]; ***pālītis** [*pālītis* DP 203₄₁, 476₁₄, 479₄₁, *pālītis* DP 321₈]; ***ne pālītis** [*Ne pālītis* DP 614₃₀ (*palytētis* ‘dotykać się’)];

11. *žvilgēti* ‘kurz hinblicken’: др.-лит. praes. 3.[sg.] ***pāžvilgi** [*pāžvilgi* DP 162₄₂] ‘wejrzieć, pojrzieć’; ***ir ne ātžvilgis** [*ir nótžvilgiš* DP 380₂₇] (**ātžvilgiu* ‘im Hinblick auf, mit Rücksicht auf etw., in betreff von’).

К этому же подвижному акцентному типу относились глаголы, которые в соответствующих презентных формах не засвидетельствованы или имели акутовый корень и потеряли приставочное ударение по закону де Соссюра, их первичный акцентный тип устанавливается по акцентовке причастия настоящего времени:

12. part. praes. act. ***stebj̄s** [*bestebintiēmus* dat. pl. m. DP 194₁₈, *bēstebis* DP 49₂]; др.-лит. praes. 2.sg. ***stebies(i)** [*stebieš* DP 134₁₂, *stēbieš* DP 133₄₆, 134₃, 134₇];

13. part. praes. act. ***dēvj̄s** [gen. pl. *dewincziū* DP 542₂₀ (inf. *dēvēti* ‘носить’), praes. 3.sg. *dēvi*; но лтш. *dēvēt* ‘nennen, für etwas ausgeben, wofür halten’)].

Акутированные корни:

14. part.praes. act. ***smirdj̄s** [*smirdinczēis* instr.pl. m. DP 145₂₀ (inf. *smirdēti* ‘плохо пахнуть, вонять’, praes. 3.sg. *smirda*; лтш. *smirdēt*)] : др.-лит. praes. 3.sg. ne *smirdi* [*Ne smirdi* DP 425₄₀] (лтш. *smirdēt*, слав. **smьrděti*, praes.1.sg. **smьrdjō*, 3. sg. **smьrdītь*),

15. part.praes. act. ***tingj̄s** [*tingincziūiū* gen. pl. DP 384₁₂, *tjgincziūiū* gen. pl. DP 385₃₉, *tjgincziūiū* gen. pl. DP 387₂₁ (inf. *tingēti* ‘лениться’, praes. 1.sg. *tingiu*, 3. *tingi*)] : др.-лит. praes. 2.sg. ***tingi** [*tingi* DP 35₁₅, 231₃, *ne tingi* DP 64₂₇, *ne tigi* DP 472₃₇] (слав. **tęžāti*, praes. 1.sg. **tęžjō*, 3.sg. **tęžītь*, по-видимому, лишь в текстах Ю. Крижанича);

¹¹ Знак ударения п̄лохо пропечатан, но все же, по-видимому, так, а не *prālīdi*, как у (Kudzinowski).

16. part.praes. act. ***veizdīš** [*beweiždincziós* gen.sg. f. DP 440₁₇, *weiždincziūiū* gen.pl. DP 590₁₆, *weiždintiemiūmūs* dat.pl. m. DP 590₁₈ || *be weiždinti* DP 180₁₀ (inf. *veizdēti* ‘смотреть, глядеть’, praes. 3.sg. *vēizdi*; но лтш. диал. Эргеме (Ērgē) *viē-dēt* ‘sehen’)]: др.-лит. praes. 3.sg. *prīweiždis* DP 291₂₉ (*prisiveizdēti* ‘przypatrzyć’) ~ совр. лит. praes. 3.sg. *vēizdi* (inf. *veizdēti* ‘смотреть, глядеть; шупать (*куруциу*)’).

Ē/a-глаголы

II. Подвижный акцентный тип

17. (1.) inf. *mokēti* ‘уметь, знать; платить’: praes. 3.sg. *mōka*; др.-лит. praes. 3.sg. ***užmōka** [*vjzmōka* DP 102₃₂, 270₃₂ ‘karac; zapłacić, płacić’ (совр. лит. praes. 3.sg. *užmōka*; inf. *užmokēti* ‘заплатить, уплатить; поплатиться’) || part.praes. act. ***mokāš** [*ne mokā* nom.pl. m. DP 389₂, *nemokacziūiū* gen.pl. DP 286₃₉, *nemokancziūiū* gen.pl. DP 340₆ || acc.sg. m. *Nēmōkantī* DK 106₁₄] || part.praes. pass. ***užmōkamas, -ā** [*vjzmokamā* nom.sg. f. DP 380₂₈] ~ лтш. *mācēt* ‘verstehen, können’;

18. (2.) part.praes. act. **skelāš** : др.-лит. *škelāš* nom.sg. m. DP 359₃₉, *škelāš* nom.sg. m. DP 481₃₄ (совр. лит. inf. *skelēti* ‘быть должным’, praes. 3.sg. *skēli*; прусс. part.praes. *skellānts* ‘schuldig’ [*škelē|lānts* ‘,schuldig – skolingas’ nom.sg. m. III 41₁₆₋₁₇; *škellants* ‘,schuldig – kaltas’ nom.sg. m. III 67₁₉; *skellāntei* ‘,schuldig – skolingi’ nom. pl. m. III 37₇; *skellāntai* ‘,schuldig – skolingi’ nom.pl. m. III 87₁₆]);

19. (3.) *kalbēti* ‘говорить’: др.-лит. praes. 1.sg. ***nē kalbu** [*nēkalbu* DP 224₂₉]; 2.sg. ***āpkalbi** [*āpkalbi* DP 285₂, 285₄]; praes. 3. ***nē kalba** [*nēkalba* DP 74₂₃, 138₁₅]; ***āpkalba** [*āpkalba* DP 284₅₀] || part.praes. act. **kalbāš** [*kalbāš* nom. sg. m. DP 121₁₈, 595₃₈, *bekalbanczēm* dat. sg. m. DP 159₁₂, *kalbanczēi* dat. sg. f. DP 547₁₆, *be kalbantīemus* dat. pl. m. DP 591₃₉ || *ne kálbašis* DP 339₂₀ (inf. *kalbēti* ‘говорить’, praes. 3.sg. *kalba*)] || part.praes. pass. ***iškalbamas, -ā** [*nē iβkalbamus* acc.pl. m. DP 354₁₈, *nē iβkalbamā* nom.sg. f. DP 241₁₂, 95₅, *nēiβkalbamā* acc.sg. DP 420₄₂ || *ne ižkálbamas* (Sic!) acc.pl. f. DP 489₃₅];

20. (4.) *tekēti* ‘течь’: др.-лит. praes. 1.pl. ***nē tekame** [*nē tekame* DP 543₂₈]; совр. лит. praes. 3.sg. *pàteka* (inf. *patekēti* ‘взойти; подтечь’); *sùteka* (inf. *sutekēti* ‘слиться, стечься’);

21. (6.) *viskēti* ‘ruszać się’: др.-лит. praes. 3.[sg.] ***nē viska** [*nēwiška* DP 60₄₄]; совр. лит. praes. 3.sg. *sùviska* (inf. *suviskēti* ‘заколыхаться, заволноваться’);

22. (7.) **žibāš** [*žibāš* nom.sg. m. DP 593₃₉, instr.sg. m. *žibacziū* DP 265₁₄, *žibātimé* loc.sg. DP 258₃₅, *žibancziū* gen.pl. DP 622₁₉, *žibanczēis* instr. pl. m. DP 120₃₉, 358₈, 509₁₃, *žibanczēis* instr.pl. m. DP 349₃₄ (inf. *žibēti* ‘блестеть, сверкать’, praes. 3.sg. *žiba*)].

¹² Страница ошибочно обозначена как 490.

Латышские соответствия

Mobilia

лтш. *aúdzêt*, praes. 1.sg. *aúdzēju* ‘wachsen lassen’; *apaúdzêt* ‘bewachsen lassen’;
лтш. *jaúcêt* ‘gewöhnen’; *arjaúcêt* ‘gewöhnen’; лит. *jaukėti* ‘делаться ручным, домашним’;

лтш. *kûpêt* ‘rauchen, dampfen, qualmen, stäuben’, praes. 1.sg. *kûpu*, praet. 1.sg. *kûpēju*; *àizkûpêt* ‘anfangen zu dampfen’; *apkûpêt* и *apkûpt* ‘ringsum räucherig werden, verräuchern’;

лтш. *lâdêt* ‘fluchen; schimpfen’, praes. 1.sg. *lâdu*, praet. 1.sg. *lâdēju*; *aplâdêt* ‘verfluchen; verzaubern’;

лтш. *aplékšêt* или *aplékšt* ‘schmutzig werden’;

лтш. *liêdêt* ‘оставлять (мочить) под дождем’, praes. 1.sg. *liêdēju*; *apliêdêt* ‘verregnen’;

лтш. *mâcêt* ‘verstehen, können’, praes. 1.sg. *mâku*, praet. 1.sg. *mâcēju*; лит. *mokėti* ‘уметь, знать; платить’, praes. 3. *môka*;

лтш. *mir̄dzêt*, praes. 1.sg. *mir̄gu* ‘отливать, мерцать, сверкать’; лит. *mirgėti* ‘мерцать’, praes. 3. *mirga*, praet. 3. *mirgėjo*;

лтш. *sêdêt* ‘sitzen’, praes. 1.sg. *sêdu* или *sêžu*, praet. 1.sg. *sêdēju*;

лтш. *smir̄dêt*, praes. 1.sg. *smir̄du*, praet. 1.sg. *smir̄dēju*; лит. *smirdėti* ‘плохо пахнуть, вонять’, зап. лит. praes. 1.sg. *smirdžiu*, вост. лит. praes. 1.sg. *smirdu*; praet. 1.sg. *smirdėjau*;

Barytona

лтш. *dêvêt*, praes. 1.sg. *dêvēju* ‘nennen, für etwas ausgeben, wofür halten’; лит. *dėvėti*, praes. 3.sg. *dėvi*, praet. 3.sg. *dėvėjo* ‘носить (одежду, шапку)’;

лтш. *mîlêt* ‘lieben, gern haben’, praes. 1.sg. *mîlu* или *mîlēju*, praet. 1.sg. *mîlēju*;

лтш. *stâvêt*, praes. 1.sg. *stâvu*, praet. 1.sg. *stâvēju* ‘stehen, bestehen, sein; sich aufhalten, wohnen; sich halten; passen, anstehen’; *àizstâvêt* ‘verteidigen, beschützen; vertreten’; лит. inf. *stovėti* ‘стоять’, praes. 3.sg. *stóvi*;

лтш. диал. Эргеме (Ērg.) *viêdêt*, praes. 1.sg. *viêdēju* ‘sehen’; лит. inf. *pa-
vydėti* ‘завидовать; ревновать’, praes. 3.sg. *pavýdi*;

Вторичные латышские образования

лтш. *appânêt* ‘verschmähen, geringachten’;

лтш. *applêvêt* ‘sich mit dünnem Häutchen, mit Flockasche (*plêve*) bedecken’.

Теперь выберем из разобранного материала архаичные формы, руководствуясь правилом Ван Вейка и поправкой, согласной с законом Кортландта.

Тематические (?) глаголы

I. Неподвижная а.п.

а) Вариант с накоренным ударением

прусс. *po-stānimai* '[wir] werden' (= *po-stānimai*) ~ слав. praes. 1.sg. **stāno*, 3.sg. **stānetь*, а.п. а || см. (Дыбо 2000, 330, 331);

прусс. *po-gaunimai* '[wir] empfangen' (= *po-gaunimai*) ~ лтш. *gūt* 'fangen, greifen, haschen, erlangen, bekommen'; *apgaūt* (Lems., Salisb., Trik., Wolmarsh.) 'bewältigen', *sagaūt* (N.-Bartau) 'Mit Mühe aufsuchen, finden, bekommen'.

б) Вариант с передвинутым ударением

прусс. *immimai* '[wir] nehmen' (= **imīmai*) ~ слав. praes. 1.sg. **jmǫ*, 3.sg. **jmety*, а.п. б || см. (Дыбо 2000, 264);

прусс. *girrimai* '[wir] loben' (= **gīrimai*) ~ лтш. *dziīt* 'rühmen', *dziītiēs* 'sich brüsten, prahlen'; слав. praes.1.sg. *žbrjǫ*, 3.sg. *žbr(j)ety*, а.п. а/б || см. (Дыбо 2000, 330, 263);

прусс. *er-sinnimai* '[wir] erkennen' (= **erzīnimai*) ~ лтш. *pažīt* 'kennen', *zīt* 'kennen, wissen'; гот. *kunþs*, др.-исл. *kunnr*, др.-англ. *kūþ*, др.-в.-нем. *kund* < **kunþaz* < **ġn̄tos*);

прусс. *gunnimai* '[wir führen, treiben]' (= **gūnimai*) ~ слав. inf. **gьnāti* ~ sup. **gьnāть*, аор. 2–3. sg. **gьnā*, l-part. sg.: м. **gьnāть*, f. **gьnāla*, н. **gьnālo*, реконструкция и отношение к акцентному типу презенса подробно разобраны в (Дыбо 1982);

2. Подвижная а.п.

прусс. 1.pl. *giwetmai* '[wir] leben' (= **giwǣmai*); 2.sg.: *gīwafi* и *giwaffi* (= **giwǣsi*); ~ слав. praes. 1.sg. **živŏ*, 3.sg. **živèть* (а.п. с, см. Дыбо 2000, 287–288);

прусс. *paikemmai* III 29₄ „[wir] trügen“ (= **paikǣmai*) ~ лит. *paikti*, *paiksta* 'глупеть, дуреть'; лтш. диал. *paikt*² (так Mühl.–Endz.) 'sich verwöhnen' (Mažulis 3: 211);

прусс. *puietti* (≦ **puiēti*) '[ihr] trinket' [для балтийского акцентного типа ср. слав. praes. 1.sg. **pъjŏ*, 3.sg. **pъjèть* < **pъjetь* (< **pъjetь* ?)].

Ė/i, e-глаголы

I. Неподвижная а.п.

а) Вариант с накоренным ударением

Акутированный тип

прусс. *galbimai* „[wir] helfen (helfen)“ (= **gālbimai*) ~ лит. *gėlbėti*;

прусс. *ferrīpi=mai* III 113_{18–19} „erfarens – susekame“ [‘(wir) erfahren’];

прусс. *waidimai* III 65₂₂ (1.pl.) „[wir] wissen – žinome“ ~ др.-русск. (Чуд.) вѣдѣти 133⁴, 162⁴; praes. 3.pl. невѣдѣтъ 92³;

Циркумфлектированный тип

прусс. *kīrdimai* '[wir] hören' (= *kīrdimai*) ~ лит. *girdėti*, praes. 3. *girdi* 'слышать'; др.-лит. praes.3. *ne girdi* DP 202₄₁, 323₁₉, 538₁₃; part.praet.act. *ne girdįs*: (*iis kaip ne girdis* DP 116₂₂);

b) Вариант с передвинутым ударением

прусс. *turrimai* '[wir] sollen' (= **tūrimai*) ~ лит. praes. 3. *netūri*, др.-лит. praes. 3.sg. *ne tūri* DP 87₃₅, 1. pl. *ne tūrime* DP 161₃₀; 3.pl. *ne tūri* DP 98₂₇; ср. также др.-лит. part.praes. act. от этого глагола *tūriš* (DP, большое количество примеров);

2. Подвижная а.п.

прусс. *ni perweckam|mai* III 29₁₃₋₁₄, *ni|perweckammai* III 31₃₋₄ „nicht verachten – neapšaukiame“ (≤ **-wěkǎmai*);

прусс. *perweckammai* '[wir] verachten' (= **-wǎkǎmai*) ~ согд. *prw''ē-verleumden*?

прусс. *ni wertem|mai* III 29₂₋₃ „[wir nicht] Fluchen¹³ – nekeikiame“ (≤ **wertǎmai*, ср. лит. диал. *apveřsti*, praes. 3. *àpverta* и *àpverčia* LKŽ);

i/i-глаголы**I. неподвижная а.п.****Акутированный тип**

1. прусс. *pīdimai* III 35₁₄ „[wir] bringen – nešame“ (= **pīdimai*) ~ лит. *pūdyti* '(eine schwere Last) schnell tragen';

2. прусс. *aufšpāndi|mai* III 37₄₋₅ (1.pl.) „[wir] abdringen – paueržiamė“ (= *attrauktumbim*) ~ лит. *spānd-yti*;

3. прусс. *schlūfimai* praes. 1.pl., III 31₅ „dienen – tarnaujame“; *per|schlūfimai* III 55₉₋₁₀ (1.pl.) „verdienen – užtarnaujame“ ~ inf. *schlūfitwei*;

4. прусс. *grīkimai* praes. 1.pl., III 55₉ „[wir] fündigen – nusidedame“; *grīkifi* praes. 3.pl., III 55₁₂ „verfündigen – nusideda“;

Циркумфлектированный тип

1. прусс. *madlimai* praes. 1.pl., III 89₅ „[wir] bitten – prašome“ (≤ *mādlimai*) ~ inf. *madlīt* 'bitten, beten';

2. прусс. *ernertimai* praes. 1.pl., III 31₄ „[wir] erzürnen – nirtiname“ (≤ **ernertimai*); ср. part. praet.act. nom.sg. m. *ernertūms* III 69₄ „gezürmet (gezürnt) – įnirtinęs, įpykinęs“;

2. Подвижная а.п.

1. прусс. *klantemmai* '[wir] fluchen' (= **klantǎmai*), *perklantemmai* III 35₁ „[wir] verrathen – išduodame“ ~ inf. *perklantīt* 'verdamm't sein'; part. *klantī-*

¹³ О значении этого слова см. РКР II, 108, сн. 26.

wuns III 69, „gefлuchet – keikęs“; deverb. *prei klantifnan* acc.sg., III 69, „zu fluchen – prie keiksmo“; слав. praes. 1.sg. **klъnъ*, 3.sg. **klъnětъ*; part. praet. pass. **klētъ*, f. **klētā* (а.п. с, см. Дыбо 2000);

2. прусс. *poprefstemmai* III 65₂₂, „wir fülen [verstehen] – suprantame“ (≤ **prāstāmāi* < **prāstīmāi*) (не -*st*-глагол, как предлагает Эндзелин, а отыменный *i*-глагол от -*to*-причастия, как предшествующий глагол) ~ прусс. *iffpreftun* sup., III 113₁₃, „zu uerfsehen – suprastī“ (супин от первичного глагола).

Этот тип глагольной деривации наблюдается в германских языках и, возможно, именно контактам западных балтов с германцами обязана своим возникновением эта небольшая группа; ср. подборку аналогичных германских глаголов:

1. гот. *dāuþjan* (‘νεκροῦν’; *af-dāuþjan*, *ga-dāuþjan* ‘θανατοῦν’) ‘töten’; др.-англ. *dēaðian* ‘to kill’ (DR 48⁷); др.-в.-нем. *tōden* ‘töten’;

2. др.-исл. *mœða* ‘утомлять’; др.-в.-нем. *tuoden* ‘утомлять’;

3. гот. *balþjan* ‘kühn sein, wagen’; др.-исл. *bella* schw. V. ‘kräftig machen, aufmuntern, ausführen’; др.-в.-нем. *balden* ‘ermutigen’;

4. гот. (*ga*)*þiuþjan* ‘εὐλογεῖν, segnen’, *unþiuþjan* ‘καταρᾶσθαι, (ver)fluchen’; др.-исл. *þýða* ‘freulich machen’;

5. гот. *bleiþjan* (только part.praes. nom.pl.m. *bleiþjandans* Лк 6:36), *ga-bleiþjan* ‘οἰκτεῖρειν, sich erbarmen’; др.-в.-нем. *blīden* ‘sich freuen’;

6. гот. *blāuþjan* (только part.praes. nom.pl. m. *blāuþjandans* ‘ἀκυροῦν, abschaffen’ (eig. ‘schwach machen’), *ga-blāuþjan* (только part. praes. *ga-blāuþjands* Кол 2:15) ‘θριαμβεύειν, triumphieren’; др.-исл. *bleyða* schw.V. ‘weich machen, demütigen’; др.-в.-нем. *blōden* ‘schwach machen’;

7. др.-исл. *hella* ‘ausgießen’; др.-в.-нем. *helden* ‘neigen’;

8. др.-исл. *halla* ‘neigen, sinken lassen’; др.-в.-нем. *haldōn* ‘sich neigen’ (но др.-англ. *hieldan*; др.-сакс. *afheldian* не релевантны);

9. др.-исл. *hyllask* ‘sich beliebt machen’, ‘to cultivate, pay homage to’ (CV); др.-швед. *hylla* ‘gnädig stimmen’ (VG); др.-в.-нем. *hulden* ‘geneigt machen, versöhnen’ [O, N (GI)]; др.-исл. *holla* (но не релевантно др.-англ. *hyldan*);

10. гот. *freidjan* ‘φείδεσθαι, schonen’.

Participia praesentis activa

I. Immobilia

1. прусс. *Sīdans*¹⁴ nom.sg. m., III 127₁₃ [79₃] „Sitzend – sēdęs“, *Sīdons* nom.sg. m., III 43₄ [31₁₆] „sitzende – sēdęs“ (≤ **sīdans*); ср. лит. *sėdąs* || Endzelīns IV (2), 304; Mažiulis 4, 109–110;

¹⁴ К этой форме В. Мажюлис дает сноску: Partic. praet. act. (t. y. turbūt ne partic. praes. act.), см. (Mažiulis 1981, 235, išn. 792).

2. прусс. *dīlants* nom.sg. m., III 87₁₈ [55₂₂], 89₃ [55₃₅] „Arbeiter – darbininkas“ [‘работник’] (≪ **dīlants*) || Endzelīns IV (2), 198; Mažiulis 1, 200;

3. прусс. *stānintei* III 79₇ [51₁₄] „stehend (stehend) – stovinčiai“; *stāninti* dat.sg., III 81₇ [51₃₂] „stehend (stehend) – stovinčiai“, в качестве gerundium ‘stehend’ || Endzelīns IV (2), 313; Mažiulis 4, 151; 3, 331–332;

4. прусс. *rīpintin* acc.sg., III 85₁₁ „folgende – sekančia“ [‘folgendes (Gebet)’]; *rīpintinton*¹⁵ III 83₁₃ [= *rīpintinion* part.praes., acc.sg., чл.ф.] || Endzelīns IV (2), 296; Mažiulis 4, 29;

II. Mobilia

1. прусс. *giwāntei* dat.sg., III 97₁₄ [61₂₃] „lebendig – gyvenančiai“, dat. в качестве gerundium ‘lebendig’ || Endzelīns IV (2), 221; Mažiulis 1, 375–376;

2. прусс. *schkelānts* nom.sg. m., III 41_{16–17} [31₆] „schuldig – skolingas“, *skelānts* nom.sg. m., III 65₁₈ [43₂₃], *skellants* III 67₁₉ [45₁₀] „schuldig – kal̄tas“, *skelānts* nom.pl. m. III 91₉ [57₂₄] „schuldig (schuldig) – skolingi“ (< **skelantes*); *skellāntei* nom.pl. m., III 37₇ [27₃₅] „schuldig – skolingi“; *skellāntai* nom. pl. m., III 87₁₆ [55₂₁] „schuldig – skolingi“ || Endzelīns IV (2), 307; Mažiulis 4: 83, 119;

3. прусс. *nīdruwīntin* acc.sg., III 119₁₂ [73₃₃] „ungleubige (ungläubige (Welt)) – netikinti“ || Endzelīns IV (2), 265; Mažiulis 3, 185.

Participia perfecti activa

I. Immobilia

1. прусс. *līfuns* III 127₁₂ [79₁] „[Nīder]gefahren – leidžsis“ [‘gefahren’]; *Semmailfons* III 43₂ [31₁₅] „Nīdergefahren – žemyn leidžsis“ (≪ **līzuns*) (для балтийского акцентного типа ср. лтш. *lēzēt*, praes. 1.sg. *lēzēju* ‘langsam, lauernd gehen’) || Endzelīns IV (2), 253; Mažiulis 3: 70–72;

2. прусс. *īduns* III 105₈ „geffēn (‘gegessen’) – valgēs“ (≪ **īduns* < **ēdyōs*) || Endzelīns IV (2), 229–230; Mažiulis 2, 51; Stang Vergl. Gr.;

3. прусс. *vñfei gūbans* III 127₁₃ [79₂] „Auffgefahren (aufgefahren) – nuvykēs“; *pergūlbans* nom.sg. m., III 113_{6–7} [69₄] „kommen – atvykēs“, *pergūbons* nom.sg. m., III 43₆ [31₁₇] „kommen – atvykēs“, *pergūbons* nom.sg. m., III 127₁₅ [79₄] „kommen – atvykēs“ (ср. *pergubuns*) [‘gekommen’] (≪ **gūbuns*) || Endzelīns IV (2), 225; Mažiulis 3: 263;

4. прусс. *etwiērāpons* nom.sg. m., III 129_{18–19} [79₂₄] „vergeben – atleidēs“ (≪ **wērpuns*) || Endzelīns IV (2), 215; Mažiulis 1: 307–308;

5. прусс. *grīmons* part. praet.act. nom.sg. m., III 79₂₄ [51₂₆] „gesungen – (su)gieđojes“ || Топоров 1979, 308–308, 308–311; Mažiulis 1: 410–411; Endzelīns IV (2), 224;

¹⁵ См. примечание В. Мажюлиса к этой форме: Taisytinias galbūt į *rīpintinion* (part. praes., acc.sg., pronominal.forma), см. Mažiulis 1981, 170, išn. 384.

6. прусс. *pūdauns* nom.sg. m., III 115₁₁ [71₂₃] „getragen – nešiojęs“ || Endzelīns IV (2), 278–279, 292; Mažiulis 3: 363;

7. прусс. *polikins* nom.sg. m., III 131₁₇ [81₃] „verliehen – paskyręs“ (≠**polikivuns* < **polikivō(n)s*) || Endzelīns IV (2), 285; Mažiulis 3: 318;

8. прусс. *stīnons* nom.sg. m., III 41₂₄ [31₁₂] „gelitten – kentėjęs“ (≠**stīn(v)ō(n)s* < **stēn(v)ōs*) || Endzelīns IV (2), 316; Mažiulis 4: 157–158;

9. прусс. *poftāuns* nom.sg. m., 93₁₅ [59₁₆], III 131₂₂ [81₇], III 133₃ [81_{10–11}] „worden (geworden) – pastojęs“ (≠**postā(v)ō(n)s*) || Endzelīns IV (2), 287; Mažiulis 3: 331–332;

10. прусс. *baiūns* nom.sg. m., III 67₆ [43₃₄], III 69₄ [45₁₇] „geweft (gewesen) – buvęs“, *baiūns* nom.sg. m., III 69_{26–27} [45₃₅] „geweft – buvęs“; 101₂₃ [63₂₉] || Endzelīns IV (2), 192; Mažiulis 1: 166–167;

11. прусс. *dāuns* nom.sg. m., III 41₅ [29₃₂] „laflēn – davęs, leidęs“ III 69₂ [45₁₆], „gegeben – davęs“ III 69₁₄ [45₂₅], „gegeben – davęs“ III 69₁₇ [45₂₇]; III 103₈ [65₂], III 121₁₇ [75₂₄]; *sendāuns* nom.sg. m., III 109₂ [67₃₂] „gefūget (zusammengefügt) – sujungęs (sudavęs)“ || Endzelīns IV (2), 194–195; Mažiulis 1: 180–181; 4: 99;

12. прусс. *perščlūfuns* III 55_{6–7} [37₂₅] „verdienet (verdient) – užtarnavęs“ (≠**ščlūživō(n)s*, с акутовым ударением на корне этого славянского заимствования, что доказывается отсутствием передвижения ударения по закону де Соссюра || Endzelīns IV (2), 277; Mažiulis 3: 271;

13. прусс. *pokūntuns* „behūtet (behütet) – pasaugojęs“, III 79₁₄ [51₁₈]; *pokūnētons* III 81_{13–14} [53₁] || Endzelīns IV (2), 284; Mažiulis 3: 313–314;

II. Mobilia

1. прусс. *prawedduns* nom.sg. m., III 119₁₈ [75₃] ‘hindurch geführt (durchgeführt) – pravedęs’ (≠**vedū(n)s* < **vedvō(n)s*), ср. лит. *pravėsti*, praes. 3. *praveda*, praet. 3. *pravedė* ‘провести, проводить’ || Endzelīns IV (2), 289; Mažiulis 3: 345;

2. прусс. *embaddufifi* nom.pl. m., III 113₁₅ [71₄] „stecken – tuno“, *embaddufifi* nom.pl. m. III 115₂₂ [71₃₁] „stecket – tuno“ (= **en-bad-usis* + **-si*) (≠**badūsiai* + *si*) || Endzelīns IV (2), 205; Mažiulis 1: 249–251;

3. прусс. *Gemmons* nom. sg. m. III 41₂₃ [31₁₁] „geborm (geboren) – gimęs“, *gemmons* III 43_{11–12} [31₂₂], „гепорн (geboren) – gimęs“, *gemmons* III 113₂₁ [71₉], 127₉ [77₃₅] „geboren – gimęs“, *gemmans* III 129₁₆ [79₂₃], „geborm (geboren) – (pa)gimdęs“ (ср. *pėrgimmans* acc. pl. „Creaturen (Kreaturen) – tvarinius“ III 41₃ [29_{30–31}]) (≠**gēmūns* и контаминация с формой acc.pl. m. от *-a*-основ); *engemmons* III 121₄ [75₁₅], „angeborm (angeboren) – įngimęs“ (≠**engēmūns*); ср. также *ainangimmufin* III 113₂₄ [71_{11–12}], „den Eingebornen (eingeborenen) – vieną gimusį“ || Endzelīns IV (2), 218; Mažiulis 1: 347–349, 265, 52; 3: 262–263;

4. прусс. *enmiggun*s nom.sg. m. III 81₂₂ [53₇], „geschlaffen (geschlafen) – įmigęs“ (≠**enmigūns*) || Endzelīns IV (2), 208; Mažiulis 1: 272;

5. прусс. *erlaikūns* nom.sg. m., III 45₁₄ [33₉] „erhalten – išlaikiusi“; *įflai|kūns* nom. sg. m., III 119₁₄₋₁₅ [73₃₄] „erhalten – išlaikęs“ (≲ **laikūns*) || Endzelīns IV (2), 211; Mažiulis 1: 285; 2: 42–43;

6. прусс. *teikūns* nom.sg. m., III 39₉ [29₂₆₋₂₇] „Schöpffer (geschaffen) – (su)kūręs, (pa)daręs ((su)tvėręs)“; III 107₄ [67₁₃] „gemacht – (su)kūręs“, *teikūns* nom. sg. m., III 109₇ [67₃₅] „gefchaffen (geschafen) – (su)kūręs“; *enteikūns* III 109₇ [69₁] „verordnet – patvarkęs“ || Endzelīns IV (2), 325; Mažiulis 4: 188–189; 1: 276;

7. прусс. *klantūwuns* nom.sg. m., III 69₅ [45₁₉] „gefлuchet (gefлucht) – keikęs“, *klantūns* nom.sg. m., III 69₁₃ [45₂₄] „gefлucht – keikęs“, *klantī|uns* nom.sg. m., III 69₂₅₋₂₆ [45₃₄] „gefлuchet – keikęs“; *perklantūns* III 119₁₂ [73₃₃] „verdampft – pasmerkęs“ (≲ **klantiuns*) || Endzelīns IV (2), 240; Mažiulis 2: 209–211; Mažiulis PKP 1: 181; PKP 2: 154; Trautmann. AS 45;

8. прусс. *feggūns* nom.sg. m., III 69₁₅ [45₂₆], 69₁₈ [45₂₈] „gethan (getan) – daręs“, *ni feggūns* nom.sg. m., III 67₂₃ [45₁₃] „nicht gethan (getan) – nedaręs“, *feggī|uns* III 67₆₋₇ [43₃₄₋₄₅], III 81₁₅₋₁₆ [53₂] „gethan (getan) – daręs“ || Endzelīns IV (2), 302; Mažiulis 4: 91–92;

9. прусс. *pertennūns* nom.sg. m., III 67₈ [45₁₋₂], 69₂ [45₁₆] „verfeumet (versäumt) – užtrukęs“, *pertennūns* nom.sg. m., III 69₂₇ [45₃₅] „verfeumet (versäumt) – užtrukęs, uždelsęs“ || Endzelīns IV (2), 277; Mažiulis 3: 273;

10. прусс. *ernertūns* nom.sg. m., III 69₄ [45₁₈] „gezūrnet (gezürnt) – įnirtinęs, įpykinęs“ || Endzelīns IV (2), 211; Mažiulis 1: 287;

11. прусс. *įfrankūns* nom.sg. m., III 43₁₄ [31₂₄], 115₁₃ [71₂₅] „Erlōfet (erlöst) – išvadavęs, išgelbėjęs“ || Endzelīns IV (2), 229; Mažiulis 2: 47–49;

12. прусс. *peldī|uns* nom.sg. m., III 43₁₄₋₁₅ [31₂₄] „erworben – nupelnęs, įgijęs“ || Endzelīns IV (2), 274; Mažiulis 3: 247–248.

Акцентная система прусского глагола оказалась довольно сильно разрушенной. Наряду с действием закона Соссюра процессу разрушения парадигматического выбора акцентных типов производных способствовала сдвигжка акцента с кратких слогов на следующий слог (закон Кортландта). Но, по-видимому, наиболее сильный удар по парадигматическому выбору акцентных типов производных произвел чисто морфонологический процесс включения инфинитивной основы в парадигму презенса и основы прошедшего времени в парадигму причастий.

Так в презентных причастиях по отдельным формам можно выделить подвижный тип, а в причастиях прошедшего времени характер форм с ненакорненным ударением скрывается за вторжением инфинитивной основы, в которой акцент мог быть перемещён по закону Соссюра или по закону Кортландта.

Рассмотренный материал, по-видимому, достаточно наглядно показывает, как широко был представлен парадигматический принцип выбора акцента в прусском языке и сколь интенсивны были процессы, приведшие к замене

этого принципа у большинства словообразовательных типов категориальным принципом организации акцентовки. Естественно думать, что и у словообразовательных типов, здесь не рассмотренных, происходила подобная же замена.

В реконструкции этого фрагмента системы выбора акцентных типов производных обнаруживается, что все суффиксы делились на два класса: I. класс рецессивных суффиксов, при которых производные от имен подвижного акцентного типа получали подвижную акцентную парадигму; II. класс доминантных суффиксов, при которых производные от имен подвижного акцентного типа получали неподвижную акцентную парадигму с ударением на суффиксе. При этом класс доминантных суффиксов делился, по-видимому, на два подкласса: а) первично доминантные суффиксы (вероятно, таковыми были *-uot-*, *-um-*) и б) вторично доминантные суффиксы, доминантность которых возникла в результате тонального ассимиляторного процесса, подробно разобранным мною в Дыбо 1997, 159–184, который приводил к переводу производных первично подвижного акцентного типа в неподвижный акцентный тип с ударением на суффиксе.

Приведенный выше разбор глагольного материала явно показывает, что закон де Соссюра в прусском языке действовал, это согласуется и с выводами первой части статьи. К этому же выводу приходил и В. Н. Топоров. Однако было бы интересно изучить позиции, в которых закон де Соссюра не действовал или результаты его действия были устранены. Но к этому мы вернёмся в следующей части статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апост. — Ст.-сербская рукопись начала XV в. «Апостол и въскресни евангелия» // НБКМ № 889 (по Цоневу).
- Вайян — А. Вайян. Руководство по Старославянскому языку / Под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова. М., 1952 [*André Vaillant. Manuel du vieux slave. Paris, 1928*].
- Васильев — Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI – XVII вв. К вопросу о произношении *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Гр. — Грамагично искъзанѣ оѣ рѣскомъ језикѣ, по па Јѣрка Крижанѣца, презвѣнѣмъ Сѣрбѣлѣнина, мѣджу Кѣпојѣ и Вѣнојѣ рѣкама, во ѣјѣздехъ Бѣхѣца града, околъ Дѣвовца, Озѣла и Рѣвѣника Острѣговъ / Пѣсано въ Сѣвѣри / Литга „Зрѣд“ / Издано Бодяньскимъ. М., 1859. [Арабские цифры передают славянскую пагинацию книги.]
- Дыбо 1980 — В. А. Дыбо. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // БСИ. 1980. М., 1981.
- Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 1982 — В. А. Дыбо. Праславянское распределение акцентных типов в презенте тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции) // БСИ 1981. М., 1982.

- Дыбо 2000 — В. А. Дыбо. Морфологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I. М., 2000.
- Дыбо 2002 — В. А. Дыбо. Balto-Slavic accentology and Winter's law. *Studia Linguarum* 3/2 (Memoriae A.A. Korolev dedicata) М., 2002, 295–515.
- Дыбо 2007 — В. А. Дыбо. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология (глагольные акцентные системы западных индоевропейских языков) // *Tones and Theories: Proceedings of the International Workshop on Balto-Slavic Accentology*. Zagreb, 1–3 July 2005. Edited by Mate Kapović and Ranko Matasović. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, 2007, 47–73.
- Дыбо 2011 — В. А. Дыбо. Еще о балтославянско-германских акцентных соответствиях (Парадигматический выбор акцентных типов в прагерманском глаголе) // *Elena Stadnik-Holzer* (Hrsg.) *Baltische und slavische Prosodie*. International Workshop on Balto-Slavic Accentology IV (Scheibbs, 2.–4. Juli 2008). Schriften über Sprachen und Texte. Herausgegeben von Georg Holzer. Bd. II. Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, Frankfurt am Main–Berlin–Bem–Bruxelles–New York–Oxford–Wien, 2011, 39–60.
- Зогр. — Сборник слов и житий [Восточноболгарская рукопись XIV в. // Б-ка Афонского Зографского монастыря, № 171 (по Ильинскому), ранее была известна как: Зогр. № 103; под данным номером ряд отрывков этой рукописи был издан в: *Йорданъ Ивановъ*. Български старини изъ Македония. София, 1931].
- Иллич-Свитыч III — В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (p–q) (по карточкам автора) // Ответственный редактор В. А. Дыбо. Издательство «Наука», М., 1984.
- Ис. Сир. — Поучения Исаака Сирина: западноболгарская рукопись 1381 г. (1-й почерк) // РГБ, отдел рукописей, ф. 304, № 172.
- Кормч. — Кормчая 1650 г. Воспроизведено съ ... оригинала патриарха Иосифа съ буквальной точностью. М., 1912. Т. I–II.
- Леств. — Лествица. Среднеболгарская рукопись 1387 г. // ГПБ. Отдел рукописей, ф. 173, № 152.
- Нови — северночакавский диалект г. Нови приводится по: *Беличь, А.* Замѣтки по чакавскимъ говорамъ // ИОРЯС, т. XIV, кн. 2, СПб., 1909.
- Пс. Кипр. — Псалтырь Киприана: среднеболгарский текст конца XIV – начала XV в. // РГБ. Отдел рукописей, ф. 173, № 142.
- Топоров [1975, 1979, 1980, 1984, 1990] — В. Н. Топоров. Прусский язык: Словарь. A–D: 1975; E–H: 1979; I–K: 1980; K–L: 1984; L: 1990. М.
- Хрон. — Хронографъ по списку библиотеки князя П. П. Вяземскаго (4° № 238). Издание Общества любителей древней письменности, XVI–XXXIX. СПб., 1888.
- Чуд. — Чудовский Новый Завет XIV в. [Цит. по фототипическому изд.: Новый Заветъ Господа нашего Иисуса Христа. Трудъ святителя Алексія, митрополита Московскаго и всея Руси (издание Леонтія, митрополита Московскаго). М., 1892].
- Būga RR — К. Būga. Rinktiniai raštai. I: 1958; II: 1959; III: 1961. Vilnius.
- CV — An Icelandic-English Dictionary: based on the manuscript collection of the late *Richard Cleasby* / Enlarged and completed by *Gudbrand Vigfusson*, M.A. : with an Introduction and life of *Richard Cleasby* by *George Webbe Dasent*, D.C.L. Oxford, 1874.
- de Vries — *Jan de Vries*. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961.

- DK — *Mikalojaus Daukšos* 1595 metų katekizmas. Vilnius, 1995 [буква К (вместо №-а строки) указывает на колоннитулу].
- DLKŽ — *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius, 1954, 1972 и др. [сокращение LKŽ; <http://www.autoinfa.lt/webdic/>].
- DP — Postilla Catholica (Vilniuje 1599), цитируется по изданию: *Daukšos Postilė. Fotografuotinis leidimas*. Kaunas, 1926.
- Endz–Haus. — *J. Endzelīns un E. Hauzenberga*. Papildinājumi un labojumi *K. Mūlenbacha* Latviešu valodas vārdnīcai. Sēj. I (A–M): 1934–1938. Sēj. II (N–Ž): 1938–1946. Rīgā / *J. Endzelin und E. Hausenberg*. Ergänzungen und Berichtigungen zu *K. Mühlensbachs* Lettisch-deutschem Wörterbuch. Bd. I (A–M): 1934–1938. Bd. II (N–Ž): 1938–1946. Riga.
- Endzelin 1944 — *J. Endzelin*. Altpreussische Grammatik. Rīga, 1944.
- Endzelīns — *J. Endzelīns*. Darbu izlase ~ Избранные труды ~ Ausgewählte Werke. I sēj.: 1971; II sēj.: 1974; III (1) sēj.: 1979; III (2) sēj.: 1980; IV (1) sēj.: 1981; IV (2) sēj.: 1982. Rīga.
- Ērg. — E. Kagaine, S. Raģe. Ērgemes izloksnes vārdnīca. I. Sēj. (A–I): 1977; 2. Sēj. (J–P [pažvadināt]): 1978; 3. Sēj. (P [pēc]–Ž): 1983. Rīga.
- Feist — *S. Feist*. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939.
- Fraenk. — *E. Fraenkel*. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I (A–privėkiūoti): 1962; II (Privykėti–žvolgai. Nachträge. Wortregister. Berichtigungen. Nachwort): 1965. Heidelberg.
- Gl — *Elias Steinmeyer, Eduard*. Die alihochdeutschen Glossen. Bd. I: 1879; Bd. II: 1882; Bd. III: 1895; Bd. IV: 1898; Bd. V: 1922. Berlin.
- Heidermanns — *Frank Heidermanns*. Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive. Berlin, 1993.
- Jušk. — A. Юшкевичъ. Литовскій словарь. Вып. I–III. СПб., 1904–1922.
- [*Kašar, Marcel*. Rapski dijalekat. Rad 118, 1894.]
- KLD — Littauisch-deutsches Wörterbuch von *Friedrich Kurschat*. Halle, 1883.
- Kucała — *Marian Kucała*. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
- Kudzinowski — *Cz. Kudzinowski*. Indeks-słownik do «Daukšos Postilė», T. I (A–N); T. II (O–Ž). Poznań, 1977.
- Kurschat DL — Deutsch-litauisches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. 2 Theile. Halle a. S. I: 1870; II: 1874.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. T. I (A[A]–B): V[ilnius], 1941. — 2-asis leid.: V., 1968; t. II (C–F): Kaunas, 1947. — 2-asis leid.: V., 1969; t. III (G–H) V., 1956; t. IV (I[Ī], Y)–J): V., 1957; t. V (k–³klausinys): V., 1959; t. VI (klausyti–kvaunkinti): V., 1962; t. VII (L–mėlti): (1966, V.); t. VIII (melūda–ožvilnis): V., 1970; t. IX (p–pirktuvės): V., 1973; t. X (piirm–pūžioti): V., 1976; t. XI (R): V., 1978; t. XII (s–slėpūnas): V., 1981; t. XIII (slėсна–stvoti): V., 1984; t. XIV (‘sū–šliuodži): V., 1986; t. XV (šliup–²telžti): V., 1991; t. XVI (‘temà–tūlē): V., 1995; t. XVII (tūlē–valgūs): V., 1996; t. XVIII (vali–vėsūs) V., 1997; t. XIX (vešà–zvumterėti): V., 1999; t. XX (Ž): V., 2002. [<http://www.lkz.lt/>].
- LRKŽ — *A. Lyberis*. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius, 1962, 1971 и др.
- Mažiulis 1966 — *V. Mažiulis*. Prūsų kalbos paminklai. [I], Vilnius, 1966.
- Mažiulis 1981 — *V. Mažiulis*. Prūsų kalbos paminklai. II, Vilnius, 1981.
- Mažiulis — *V. Mažiulis*. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. I (A–H): 1988; t. 2 (I–K): 1993; t. 3 (L–P): 1996; t. 4 (R–Z): 1997. Vilnius.
- Mühl.–Endz — *K. Mühlensbachs*. Latviešu valodas vārdnīca / Rediģējis, papildinājis, turpinājis *J. Endzelīns*. I. Sēj. (A–Īz): 1923–1925; II. Sēj. (Ie–Or): 1925–1927; III. Sēj. (Pa–Sv):

- 1927–1929; IV. Sēj. (Ša–Žv): 1929–1932. Rīgā ~ K. Mühlenbach. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. I. Bd. (A–Īz): 1923–1925; II. Bd. (Ie–Or): 1925–1927; III. Bd. (Pa–Sv): 1927–1929; IV. Bd. (Ša–Žv): 1929–1932. Riga.
- Noreen — *Adolf Noreen*. Altnordische Grammatik I. Altisländische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Urmordischen. Vierte vollständig umgearbeitete Auflage. Halle (Saale), 1923.
- Notk. — *P. Piper*. Die Schriften Notkers und seiner Schule. Freiburg i. Br. und Tübingen. 3 Bde., 1882.
- Otrf. — *P. Piper*. Otrfrids Evangelienbuch. 2. Ausgabe. I. Theil: Einleitung und Text. Freiburg und Tübingen, 1882; II. Theil: Glossar und Abriss der Grammatik. Freiburg, 1887.
- Otr. Twer I — *Jan Otrębski*. Wschodniolitewskie narzecze twereckie, częśc I: Gramatyka. Kraków, 1934.
- Raven — *Frithjof A. Raven*. Die schwachen Verben des Althochdeutschen. B. I–II. Alabama, 1964–1967
- Seebold — *Elmar Seebold*. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague–Paris: Mouton, 1970.
- SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika. Zv. I (A–H): 1970; Zv. II (I–Na): 1975; Zv. III (Ne–Pren): 1979; Zv. IV (Preo–Š): 1985; Zv. V (T–Ž; Dodatki A–Š): 1991. Ljubljana.
- Sk. ŽD — *Pr. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Šl. — *J. Šlapelis*. Kirčiuotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas. Antroji laida. Vilnius, 1940.
- Stang 1957 — *Chr. S. Stang*. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
- Stang Vergl. Gr. — *Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo–Bergen–Tromsø, 1966.
- Trautmann AS — *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. 2. Aufl. Göttingen, 1970.
- Trautmann BSW — *R. Trautmann*. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- [*Van Wijk, N.* Altpreussische Studien. Beiträge zur baltischen und zur vergleichenden indogermanischen Grammatik. Haag, 1918.]
- WH — *A. Walde, J. B. Hofmann*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. I Bd. (A–L): 1930; II Bd. (M–Z): 1956. Heidelberg.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- III — третий прусский Катехизис — Enchiridion, цитируется по изданию: [Mažiulis 1966; Mažiulis 1981].
- IV, 2 = Endzelīns IV (2).
- а.п. — акцентная парадигма.
- БСИ — Балто-славянские исследования.
- НБКМ — Народна библиотека «Кирил и Методи». София.
- Раб — примеры из диалекта о. Раб [Цит. по: *Kašar, Marcel*. Rapski dijalekat. Rad 118, 1894].
- РГБ — Российская Государственная библиотека (бывш. ГБЛ). М.
- Ad — (диал.) Adūtiškis [sen. c., Švenčionių raj. sav., Vilniaus aps.], buv. Švenčionių raj. (лит.) [сокращение (сокр.) LKŽ]
- Ad. = Ad [сокр. Sk. ŽD].
- арг.; арг. р. — ariņķis; ariņķa pilsēta (лтш.) ‘уезд (округ)’; ‘уездный город’.
- арс.; арс. м. — apskritis; apskrities miestas (лит.) ‘уезд (округ)’; ‘уездный город’.

- Autz (нем.) [ранее Alt-Autz(en)] = (диал.) Aūce (ранее Vęsaūce, Vęc-Aūce) [nov. c. (+ Vęc-aūces pag.), 3I.XII.1949–1956 bij. Aūces raj. c., 1956–I.VII.2009 bij. Dōbeles raj.; 3I.V.1920–3I.XII.1949 Jęlgavas apr., līdz 3I.V.1920 Dōbeles apr.] (лтш.) [сокр. ME].
 bij. — bijušaīs (лтш.) ‘бывший [при топонимах здесь: до I.VII.2009]’.
 Brs — (диал.) Barstūčiai [sen. c., Skuōdo raj. sav., Klaipėdos aps.], buv. Skuōdo raj. (лит.) [сокр. LKŽ].
 buv. — buvęs (лит.) ‘бывший [при топонимах здесь: до I.VII.1994]’.
 C. — J. Cīruļa (no Drustiem [Drusti: pag. c., Raūnas nov., bij. Cēsu raj.; līdz 3I.XII.1949 Cēsu apr.]) dotais vārdu saraksts ~ die von J. Cīrulis aus Drostenhof gegebenen Wörter: [RKr., XV: 70–103] (лтш.) [сокр. ME].
 Ērg. — (диал.) Ērgeme [pag. c., Vālkas nov., bij. Vālkas raj.; līdz 3I.XII.1949 Vālkas apr.] (лтш.) = Ermes (нем.)]
 F. — (диал.) Facimiech [gm. Skawina, pow. Kraków (krakowski), woj. małopolskie (1975–1998 krakowskie)] (пол.) [сокр. (Kucała)].
 gm. — gmina (пол.) ‘волость, *гмина*’.
 Hofz(um), Hofzumberge (нем.) = (диал.) Tērvete (до 1925 Kaļnāmuīža) [pag. c., nov. c., bij. Dōbeles raj.; 3I.V.1920–3I.XII.1949 Jęlgavas apr., līdz 3I.V.1920 Dōbeles apr.] (лтш.) [сокр. ME].
 J = Jušk. [сокр. LKŽ].
 [K] — Littauisch-deutsches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. Halle a. S. 1883. (Žymimas tik K, o [K] dedamas prie žodžių, kurių tikrumu Kuršaitis abejoja ir rašo juos laužtiniuose skliausteliuose.) Deutsch-litauisches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. 2 Theile. Halle a. S. I: 1870; II: 1874. (Skaitmens rodo dalis ir puslapius.) (лит.) [сокр. LKŽ].
 Kl. — Prof. J. Kauliņš no Sāusnējas [Sāusnēja: Sāusnējas pag., Ērgļu nov., bij. Madōnas raj.; līdz 3I.XII.1949 Madōnas apr.] (лтш.) = (нем.) Saussen [сокр. ME].
 Klр — (диал.) Klaipėda [miesto sav., aps. m.], buv. raj. c. (лит.) [сокр. LKŽ].
 Kudz — Kudzinowski.
 Lems. — (диал.) Lemsal (нем.) = Liñbaži [pag. c., nov. c., 3I.XII.1949–1962, 1967–I.VII.2009 raj. c., 1962–1967 bij. Vālmīēras raj.; līdz 3I.XII.1949 Vālmīēras apr.] (лтш.) [сокр. ME].
 Lyb. — LRKŽ
 Lš — (диал.) Liškiavà [Merkinės sen., Varėnōs raj. sav., Alytaūs aps.], buv. Varėnōs raj. (лит.) [сокр. LKŽ].
 LMD — buv. Lietuvių mokslo draugijos archyvo rankraščiai (лит.) [сокр. LKŽ].
 ME = Mühl.–Endz + Endz–Haus.
 N — Wörterbuch der Littauischen Sprache von G. H. F. Nesselmann. Königsberg, 1851. N su dainos numeriu = Litauische Volkslieder gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt von G. H. F. Nesselmann. Berlin, 1953. [сокр. LKŽ].
 N = Notk. [сокр. (Raven)]
 N.-Bart(au) — (диал.) Nieder-Bartau [совр. Niederbartau] (нем.) = Nīca [pag. c., nov. c., bij. Liēpājas raj.; 9.VIII.1920–3I.XII.1949 Jęlgavas apr., līdz 9.VIII.1920 Grōbiņas apr.] (лтш.) [сокр. ME].
 NdŽ — Lietuvių rašomosios kalbos žodynas. Lietuviškai-vokiška dalis. I–V tm. Sudarė M. Niedermann’s, A. Senn’s, F. Brender’is ir A. Salys. Heidelberg, 1932–1968 (лит.) [сокр. LKŽ].
 nov.; nov. c. — novads; novada centrs (лтш.) ‘край (муниципалитет)’; ‘краевой центр’.
 O — Otf. [сокр. (Raven)]
 pag.; pag. c. — pagasts; pagasta centrs (лтш.) ‘волость’; ‘волостной центр’.

- PIKur. — kursenieku vārdi Latv. Univ. Rakstos XVI, 79–124 (Wörter aus der Kur. Nerung bei *Plāķis* Acta Univ. Latv. XVI, 79–124) [сокр. МЕ].
- pow. — powiat (пол.) ‘повет, *пóвят* (район)’.
- raj. — rajonas (лит.) ~ rajons (лтш.) ‘район’.
- raj. c. — rajono centras (лит.) ~ rajona centrs (лтш.) ‘районный центр’.
- RKkr. — Rīgas Latviešu Biedrības Zinātņu Komitejas rakstu krājums (лтш.) [сокр. МЕ].
- S. — (диал.) Sidzina [gm. Bystra-Sidzina (do 1954 Bystra), pow. Sucha (suski), woj. małopolskie (1975–1998 krakowskie)] (пол.) [сокр. (Kucala)].
- Salisb. — (диал.) Salisburg [также Waltenberg, Wallberg] (нем.) = Maz-Salaca [совр. Mazsalaca] (также Valtēnbeģa, Valtēnbeģi, Vālbeģi) [Mazsalacas (līdz 1925 Valtēnbeģu) pag. c., nov. c., bij. Vālmīēras raj.; līdz 31.XII.1949 Vālmīēras apr.] (лтш.) [сокр. МЕ]
- sav.; sav. c. — savivaldybė; savivaldybės centras (лит.) ‘самоуправление (муниципалитет)’; ‘центр самоуправления’.
- sen.; sen. c. — seniūnija; seniūnijos centras (лит.) ‘староство (округ старосты)’; ‘центр староства’.
- Sk — (диал.) Skaistgirys [sen. c., Jōniškio raj. sav., Šiaulių aps.], buv. Jōniškio raj. (лит.) [сокр. LKŽ].
- Skr. — Skrd [сокр. Sk. ŽD].
- Skrd — (диал.) Skriaudžiai [Veiverių sen., Prienu raj. sav., Kauno aps.], buv. Prienu raj. (лит.) [сокр. LKŽ].
- Slnr — (диал.) Salantaĩ [sen. c., Kretingės raj. sav., Klaipėdos aps.], buv. Kretingės raj. (daugausia P. Sragio žinios) (лит.) [сокр. К. Буги и LKŽ].
- Sr — *Feliksas Sragys* (1860–1951), salantiškis, jo užrašyti žodžiai (kai nenurodytas šaltinis) (лит.) [сокр. LKŽ].
- Škn — (диал.) Šakyna [sen. c., Šiaulių raj. sav., Šiaulių aps.], buv. Šiaulių raj. (лит.) [сокр. LKŽ].
- Tl — (диал.) Telšiai [raj. sav. c., aps. m.], buv. raj. c. (лит.) [сокр. LKŽ].
- Тороров PJ III = Тороров 1980 [сокр. Mažiulis].
- Trik. — (диал.) Trikatēn (нем.) = Trikāta [pag. c., Beverīnas nov., bij. Vālkas raj.; līdz 31.XII.1949 Vālkas apr.] (лтш.) [сокр. МЕ].
- Tv — (диал.) Tvėrai [sen. c., Rietāvo sav. (iki 1999 Plūngēs raj. sav.), Telšių aps.], buv. Plūngēs raj. (лит.) [сокр. LKŽ].
- VE — Enchiridion. Catechifmas maņas ... per Baltramieju Willentha ... Iščfprautas Karalauzui... 1579 [Цит. по (Mažiulis)].
- VG — Västgötalagen [сокр. (Heidermanns)]
- Vkn. = Vlk [сокр. Sk. ŽD].
- Vlk — (диал.) Valkiniškai [sen. c., Varėnės raj. sav., Alytaus aps.], buv. Varėnės raj. (лит.) [сокр. LKŽ].
- W. — (диал.) Więciórka [gm. Tokarnia (do 1954 Łętownia), pow. Myślenice (myślenicki), woj. małopolskie (1975–1998 krakowskie)] (пол.) [сокр. (Kucala)].
- Wilzen (нем.) = (диал.) Vilce [pag. c., Jeļgavas nov., bij. Jeļgavas raj.; līdz 31.XII.1949 Jeļgavas apr.] (лтш.) [сокр. МЕ].
- woj. — województwo (пол.) ‘воеводство’.
- Wolmarsh., Wolmarshof (нем.) — (диал.) Vālmīērmuiža [Vālmīēras pag., Viŗtniēku nov., bij. Vālmīēras raj.; līdz 31.XII.1949 Vālmīēras apr.] (лтш.) [сокр. МЕ].

Аблаут в литовских отглагольных именах: к описанию синхронного распределения. I

1. Постановка проблемы

Система аблаута¹ (фонетически не мотивированных чередований гласных) в литовском языке весьма сложна и сочетает в себе как черты, унаследованные от праиндоевропейского состояния, так и целый ряд инновационных явлений (Stang 1966, 120–125). При этом вокалические чередования достаточно продуктивны и вполне могут рассматриваться как синхронный морфонологический механизм. Аблаут чрезвычайно распространён в словообразовании (см. например Leskien 1884; Венцкуте 1971; Akelaitienė 1996; Ambrazas (ed.) 1997, 67–73) и особенно характерен для образования отглагольных существительных, ср. показательное замечание Г. Акелайтене: «В литовском языке едва ли найдётся одно отглагольное существительное со значением овеществлённого действия (*sudaiktinto veiksmo reikšmė*), которое бы сохраняло краткий гласный исходного глагола» (Akelaitienė 1996, 24).

Сложность системы аблаутных чередований в литовском отглагольном словообразовании усугубляется тем, что между способами образования имён и происходящими при этом чередованиями нельзя установить сколько-нибудь простого и тем более однозначного соответствия. Более того, от одного и того же глагола одним и тем же способом (например, рассматриваемым в настоящей работе бессуффиксальным) могут быть образованы имена с разными ступенями вокализма, ср. *santykis* ‘отношение’ и *santaika* ‘согласие’ < *sutikti* ‘встретить; согласиться’, *polinkis* ‘склонность’ и *palanka* ‘загиб’ < *palinkti* ‘согнуться, склониться’.

Несмотря на то, что литовскому именному словообразованию посвящён целый ряд исследований, как специальных (ср., например, Leskien 1891; Urbutis 1961; Ambrazas 1993), так и в рамках более общих описательных работ (ср., например, Skardžius 1943; Ulvydas (red.) 1965, 303–306, 423–436), нам неизвестно ни одно систематическое описание

¹ Данная статья основана на докладе, прочитанном авторами на конференции «Современные подходы к балтийскому языкознанию» (Москва, 7–8 октября 2009 г.). Авторы благодарят А. В. Андронову, М. В. Ослона, Ю. Пакериса и Б. Стундю за ценные комментарии и иную помощь.

распределения ступеней аблаута, которое отвечало бы общепринятым критериям строгости. Самое большое, что можно найти в перечисленных работах, — это относительно полные списки слов, демонстрирующих аблаут. Очевидный, казалось бы, вопрос о классификации типов аблаута и тем более о правилах, регулирующих выбор корневого гласного, указанными авторами обычно даже не ставится. Исключение составляют работы Г. Акелайтене (в частности, Akelaitienė 1996; 1997a; 1997b; 2001), где отмечены некоторые из закономерностей, которые мы более эксплицитно формулируем ниже.

В нашем исследовании мы попытаемся заполнить эту досадную лакуну в описании литовского словообразования и литовской морфонологии. Наша задача — на основании анализа представительного и одновременно чётко ограниченного материала классифицировать наблюдаемые типы аблаута и выявить правила их распределения. Подчеркнём, что работа носит сугубо синхронный характер. В частности, мы полностью отвлекаемся от того, насколько древними являются те или иные из рассматриваемых нами лексем, а также от того, с какой пра(восточно)балтийской или праиндоевропейской моделью аблаута соотносится корневой вокализм, наблюдаемый в современном литовском языке.

В качестве основного предмета настоящей статьи мы выбрали лишь небольшой фрагмент системы отглагольных имён, а именно приставочные бессуффиксальные образования (*galūnių vediniai*, см. Urbutis 1961) от первичных (образующих форму инфинитива непосредственно от корня) глаголов с корневым гласным *i*. Выбор именно этого типа отглагольных имён не случаен и связан с тем, что, во-первых, этот класс весьма многочислен (всего мы рассматриваем ок. 200 лексем от ок. 80 корней), а во-вторых, он демонстрирует наибольшее многообразие моделей аблаута². Основным источником материала нам послужила полная роспись ориентированного на современную литературную норму литовско-русского словаря (Lyberis 2005), при необходимости дополнявшаяся данными электронного варианта большого Словаря литовского языка (LKŽ). Помимо этого в статье — с несколько меньшей подробностью — рассматриваются также бесприставочные бессуффиксальные имена, образованные от глаголов того же класса.

² Необходимо отметить, что немалое число первичных глаголов с вокализмом *i* имеет первичные же корреляты с вокализмом *e*, ср. *palinkti* ‘согнуться’ и *palenkti* ‘погнуть’. Поскольку ни способность образовывать отглагольные имена интересующего нас типа, ни представленные в таких производных ступени аблаута никак не зависят от наличия у глагола с корневым *i* парного ему глагола с корневым *e*, мы (в отличие от Г. Акелайтене (Akelaitienė 1997b)) по умолчанию соотносим все такие отглагольные имена с основами с вокализмом *i*.

2. Модели *i*-аблаута и их распределение в приставочных именах

Имена, образованные от глаголов с корневым *i*, демонстрируют следующие типы корневого вокализма: дифтонг *ai* (*santaika* ‘согласие’), краткий гласный *a* (*palanka* ‘загиб’), долгий гласный *y* /i:/ (*santykis* ‘отношение’) и, наконец, тот же краткий гласный *i*, что и в производящем глаголе (*polinkis* ‘склонность’). Все эти типы в той или иной мере продуктивны, так что их относительная частотность, как нам кажется, не представляет большого интереса. Обратимся поэтому непосредственно к выяснению закономерностей распределения указанных четырёх типов вокализма. Сразу подчеркнём, что правила, которые мы предлагаем, обладают разной степенью общности и не носят абсолютного характера: к ним имеется определённое, иногда значительное число исключений (важно отметить, однако, что в ряде случаев сами исключения поддаются обобщению в виде более частных правил). Ниже, излагая выявленные нами правила, мы приводим полные списки как подтверждающих, так и противоречащих примеров.

Наиболее общая из обнаруженных нами закономерностей связывает корневой вокализм с типом склонения, точнее, с выбором твёрдого vs. мягкого (йотированного) варианта склонения³:

(1) У отглагольных имён твёрдых типов склонения (NomSg *-a*, *-as*, NomPl *-os*, *-ai*) в корне выступает *a* (перед сонантом) или *ai* (перед шумным). У отглагольных имён мягкого типа склонения (NomSg *-is*, NomPl *-iai*) в корне выступает *i* (перед группой «сонант + шумный») или *y* (в прочих случаях).

Подтверждающий материал, классифицированный по типам корней (корни на сонант, на шумный, на комплекс «сонант + шумный»), приведён в таблице 1. Поскольку наибольшей доказательной силой обладают случаи, когда производные с разным вокализмом образованы от одного корня, мы группируем примеры по корням и приводим «твёрдые» и «мягкие» отглагольные имена параллельно.

³ На связь ступени аблаута с противопоставлением твёрдого и мягкого типов склонения указывает и Г. Акелайтене (Akelaityenė 1996, 31; 1997a, 50), однако в её работах не сформулировано каких-либо точных правил. Статья же (Akelaityenė 1997b), выводы которой в целом соответствуют нашим, написана на существенно более ограниченном материале и, что представляется нам важным, не содержит систематического анализа примеров-исключений.

Таблица 1

Корень	Твёрдое склонение	Мягкое склонение
1. Корни на сонант		
-gim-	<i>išgama</i> ‘выродок’ < <i>išginti</i> ‘выродиться’	
-gin ₁ -	<i>išgana</i> ‘выгон’ < <i>išginti</i> ‘выгнать’, <i>užnogana</i> ‘загон’ < <i>užginti</i> ‘загнать’	
-kil-		<i>pokylis</i> ‘подъём; пир’ < <i>pakilti</i> ‘подняться’
-mir-	<i>išmara</i> ‘заморыш’ < <i>išmirti</i> ‘вымереть’	
-rim-	<i>atrama</i> ‘опора’ < <i>atrimti</i> ‘прислониться’, <i>parama</i> ‘тж.’ < <i>parimti</i> ‘тж.’	
-skil-	<i>įskalas</i> ‘разрез’ < <i>įskilti</i> ‘треснуть’, <i>nuoskala</i> ‘осколок’ < <i>nuskilti</i> ‘отколоться’, <i>praskala</i> ‘расщеп’ < <i>praskilti</i> ‘расщепиться’	
-skir-		<i>atskyris</i> ‘спортивный разряд’ < <i>atskirti</i> ‘отделить’, <i>poskyris</i> ‘подотдел’ < <i>paskirti</i> ‘назначить’
-spir-	<i>atspara</i> ‘упор’ < <i>atspirti</i> ‘подпереть’, <i>paspara</i> ‘тж.’ < <i>paspirti</i> ‘тж.’	<i>atospyris</i> ‘отпор’, <i>atspyris</i> ‘подпорка’ < <i>atspirti</i> ‘подпереть’, <i>paspyris</i> ‘тж.’ < <i>paspirti</i> ‘тж.’, <i>sąspyris</i> ‘спор’ < <i>suspirti</i> ‘упереть’
-svir-	<i>persvara</i> ‘перевес’ < <i>persvirtti</i> ‘перевешиваться’	<i>nuosvyris</i> ‘инклинация’ < <i>nusvirtti</i> ‘наклониться, нависнуть’, <i>posvyris</i> ‘наклон’ < <i>pasvirtti</i> ‘наклониться’
-šil-		<i>atšylis</i> ‘оттепель’ < <i>atšilti</i> ‘потеплеть’, <i>įšylis</i> ‘нагрев’ < <i>įšilti</i> ‘разогреться’
-tir-		<i>potyris</i> ‘опыт’ < <i>patirti</i> ‘испытать’, <i>prietyris</i> ‘тж.’ < <i>pritirti</i> ‘тж.’
-tvin-	<i>atatvanas</i> ‘наводнение’ < <i>atitvinti</i> ‘много натечь’, <i>patvanas</i> ‘половодье’ < <i>patvinti</i> ‘выйти из берегов’	<i>potvynis</i> ‘наводнение’ < <i>patvinti</i> ‘выйти из берегов’

Продолжение табл. 1

Корень	Твёрдое склонение	Мягкое склонение
2. Корни на шумный		
-drik-	<i>nuodraikos</i> ‘раструшенная солома’ < <i>nudrikti</i> ‘протягиваться’, <i>padraika</i> ‘ветреник’ < <i>padrikti</i> ‘рассеяться’	
-kiš-	<i>užkaiša</i> ‘шибер’ < <i>užkišti</i> ‘засунуть’	<i>iškyšis</i> ‘выступ’ < <i>iškišti</i> ‘высунуть’, <i>pakyšis</i> ‘взятка’ < <i>pakišti</i> ‘сунуть’, <i>prakyšis</i> ‘проигрыш’ < <i>prakišti</i> ‘просунуть, проиграть’, <i>užkyšis</i> ‘задвигжка’ < <i>užkišti</i> ‘засунуть’
-kit-	<i>pakaita</i> ‘смена’ < <i>pakisti</i> ‘измениться’	<i>pokytis</i> ‘изменение’ < <i>pakisti</i> ‘измениться’
-krit-		<i>atkrytis</i> ‘рецидив (болезни)’ < <i>atkristi</i> ‘отпасть; наступить (о рецидиве)’, <i>įkrytis</i> ‘впадина’ < <i>įkristi</i> ‘запасть’
-lik-	<i>atlaikas</i> ‘остаток’ < <i>atlikti</i> ‘остаться’, <i>palaikai</i> ‘останки, прах’ < <i>palikti</i> ‘оставить; остаться’	<i>išlykis</i> ‘кавальер’ < <i>išlikti</i> ‘остаться’
-mig-		<i>įmygis</i> ‘глубокий сон’ < <i>įmigti</i> ‘заснуть глубоким сном’, <i>nuomygis</i> ‘первый сон’ < <i>numigti</i> ‘поспать’, <i>sąmygis</i> ‘глубокий сон’ < <i>sumigti</i> ‘заснуть’
-miš-	<i>įmaišas</i> ‘примесь’ < <i>įmišti</i> ‘примешаться’, <i>priemaiša</i> ‘тж.’ < <i>primišti</i> ‘тж.’	<i>sąmyšis</i> ‘смятение’ < <i>sumišti</i> ‘смешаться’
-nik-		<i>įnykis</i> ‘жар, пыл’ < <i>įnikti</i> ‘увлечься’
-riš-	<i>prieraiša</i> ‘привязанность’ < <i>pririšti</i> ‘привязать’, <i>sąraiša</i> ‘связь’ < <i>surišti</i> ‘связать’	<i>paryšis</i> ‘подвязка’ < <i>parišti</i> ‘подвязать’, <i>perryšis</i> ‘перевязка’ < <i>perrišti</i> ‘перевязать’, <i>sąryšis</i> ‘связь’ < <i>surišti</i> ‘связать’
-rizg-	<i>sąraizga</i> ‘сплетение’ < <i>surigzti</i> ‘спутаться’	

Продолжение табл. 1

Корень	Твёрдое склонение	Мягкое склонение
-skrid-		<i>poskrydis</i> 'полёт' < <i>paskristi</i> 'полететь', <i>sąskrydis</i> 'слёт' < <i>suskristi</i> 'слететься'
-smig-	<i>sąsmaiga</i> 'насадка игл' < <i>susmigti</i> 'вонзиться'	
-stig-		<i>priestygis</i> 'недостаток' < <i>pristigti</i> 'не хватать'
-švit-		<i>prošvytis</i> 'проблеск' < <i>prašvisti</i> 'рассвети, просветлеть'
-tik-	<i>nuotaika</i> 'настроение' < <i>nutikti</i> 'случиться', <i>santaika</i> 'согласие' < <i>sutikti</i> 'согласиться, встретить'	<i>atotykis</i> 'соответствие' < <i>atitikti</i> 'соответствовать', <i>nuotykis</i> 'приключение' < <i>nutikti</i> 'случиться', <i>santykis</i> 'отношение' < <i>sutikti</i> 'согласиться, встретить'
-vis-	<i>prievaisa</i> 'приплод' < <i>privisti</i> 'расплодиться'	
3. Корни на группу «сонант + шумный»		
-blind-	<i>prieblanda</i> 'сумерки' < <i>priblįsti</i> 'стемнеть'	
-dirb-		<i>atodirbis</i> 'отработка' < <i>atidirbti</i> 'отработать', <i>įdirbis</i> 'задел' < <i>įdirbti</i> 'обрабатывать', <i>išdirbis</i> 'выработка' < <i>išdirbti</i> 'выработать'
-dirg-	<i>išdarga</i> 'баловень' < <i>išdirgti</i> 'избаловаться'	
-grīnž-	<i>atogrąža</i> 'поворот' < <i>atgrįžti</i> 'вернуться', <i>sangrąža</i> 'возвратность' < <i>sugrįžti</i> 'вернуться'	

Продолжение табл. 1

Корень	Твёрдое склонение	Мягкое склонение
-kimš-	<i>įkamša</i> ‘набивка’ < <i>įkimšti</i> ‘запихнуть’, <i>iškamša</i> ‘чучело’ < <i>iškimšti</i> ‘набить’, <i>sankamša</i> ‘толкотня’ < <i>sukimšti</i> ‘запихать’, <i>užkamša</i> ‘затычка’ < <i>užkimšti</i> ‘заткнуть’	
-kirp-	<i>atkarpa</i> ‘отрез’ < <i>atkirpti</i> ‘отрезать’, <i>iškarpa</i> ‘вырезка’ < <i>iškirpti</i> ‘вырезать’, <i>nuokarpa</i> ‘обрезок’ < <i>nukirpti</i> ‘обрезать’, <i>prakarpa</i> ‘пройма’ < <i>prakirpti</i> ‘прорезать’	<i>įkirpis</i> ‘надсечка’ < <i>įkirpti</i> ‘надрезать’
-kirt-	<i>įkarta</i> ‘зарубка’ < <i>įkirsti</i> ‘надрубить’, <i>iškarta</i> ‘вырубка’ < <i>iškirsti</i> ‘вырубить’, <i>nuokarta</i> ‘обрубок’ < <i>nukirsti</i> ‘отсечь’, <i>prakarta</i> ‘просека’ < <i>prakirsti</i> ‘прорубить’, <i>užkarta</i> ‘засечка’ < <i>užkirsti</i> ‘зарубить’	<i>sankirtis</i> ‘пересечение’ < <i>sukirsti</i> ‘порубить’, <i>atkirtis</i> ‘отпор’ < <i>atkirsti</i> ‘отрубить’, <i>užkirtis</i> ‘засечка’ < <i>užkirsti</i> ‘зарубить’
-krimt-	<i>pakramta</i> ‘огорчение’ < <i>pakrimsti</i> ‘погрызть’	
-lind-	<i>įlanda</i> ‘лазейка’ < <i>įlįsti</i> ‘влезть’, <i>išlanda</i> ‘лаз’ < <i>išlįsti</i> ‘вылезти’, <i>pralanda</i> ‘лаз, брешь’ < <i>pralįsti</i> ‘пролезть’, <i>užuolanda</i> ‘притон’ < <i>užlįsti</i> ‘залезть’	
-link-	<i>atlanka</i> ‘разворот’, <i>atlankas</i> ‘отворот’ < <i>atlinkti</i> ‘отогнуться’, <i>įlanka</i> ‘залив’ < <i>įlinkti</i> ‘выгнуться’, <i>išlanka</i> ‘изгиб’ < <i>išlinkti</i> ‘выгнуться’, <i>nuolanka</i> ‘склонение (астрономическое)’ < <i>nulinkti</i> ‘склониться’, <i>palanka</i> ‘загиб’ < <i>palinkti</i> ‘согнуть-ся’, <i>užlankas</i> ‘фальц’, <i>užuolanka</i> ‘излучина’ < <i>užlinkti</i> ‘загнуться’	<i>įlinkis</i> ‘прогиб’ < <i>įlinkti</i> ‘вогнуть-ся’, <i>išlinkis</i> ‘выгиб’ < <i>išlinkti</i> ‘выгнуть-ся’, <i>perlinkis</i> ‘перегиб’ < <i>perlinkti</i> ‘перегнуться’, <i>polinkis</i> ‘склонность’ < <i>palinkti</i> ‘согнуть-ся, склониться’, <i>užlinkis</i> ‘загиб’ < <i>užlinkti</i> ‘загнуть-ся’
-milž-		<i>išmilžis</i> ‘удой’ < <i>išmilžti</i> ‘выдоить’
-mirk-	<i>įmarka</i> ‘мочило’ < <i>įmirkti</i> ‘намочить’	

Окончание табл. 1

Корень	Твёрдое склонение	Мягкое склонение
-mirš-	<i>už(uo)marša</i> ‘забвение’ < <i>užmiršti</i> ‘забыть’	
-nirt-		<i>įnirtis</i> ‘ожесточение’ < <i>įnirsti</i> ‘ожесточиться’
-rink-	<i>atranka</i> ‘отбор’ < <i>atrinkti</i> ‘отобрать’, <i>išrankos</i> ‘оборыши, последки’ < <i>išrinkti</i> ‘отбирать, перебирать’, <i>paranka</i> ‘подбор’ < <i>parinkti</i> ‘подобрать’, <i>sąranka</i> ‘сбор’ < <i>surinkti</i> ‘собрать’	
-sirg-	<i>pasarga</i> ‘недомогание’ < <i>pasirgti</i> ‘поболеть’, <i>persargos</i> ‘простуда’ < <i>persirgti</i> ‘переболеть’, <i>posargos</i> ‘насморк’ < <i>pasirgti</i> ‘проболеть’	
-slink-	<i>nuoslanka</i> ‘оползень’ < <i>nuslinkti</i> ‘сползти’, <i>paslanka</i> ‘подвижность’ < <i>paslinkti</i> ‘смочь двигаться’	<i>poslinkis</i> ‘сдвиг’ < <i>paslinkti</i> ‘подвинуться’
-tilp-	<i>įtalpa</i> ‘вместимость’ < <i>įtilpti</i> ‘вместиться’, <i>patalpa</i> ‘помещение’ < <i>patilpti</i> ‘поместиться’	
-vilk-	<i>apvalkas</i> ‘наволочка’ < <i>apvilkti</i> ‘надеть’, <i>išvalka</i> ‘прорубь, через которую выгаскивают сети’ < <i>išvilkti</i> ‘вытащить’, <i>pavalkai</i> ‘хомут’ < <i>pavilkti</i> ‘потащить’, <i>pervalkas</i> ‘волок’ < <i>pervilkti</i> ‘перетащить’, <i>sqvalkos</i> ‘сброд’ < <i>suvilkti</i> ‘стащить’	
-virt-	<i>atvarta</i> ‘оборот пласта’, <i>atvartas</i> ‘отворот’ < <i>atvirsti</i> ‘отвалиться’, <i>išvarta</i> ‘бузелом’ < <i>išvirsti</i> ‘вывалиться’, <i>nuovarta</i> ‘лавина’ < <i>nuvirsti</i> ‘падать’, <i>pervarta</i> ‘изменение’ < <i>pervirsti</i> ‘перевернуться’, <i>sqvarta</i> ‘свалка’ < <i>suvirsti</i> ‘свалиться’, <i>užvarta</i> ‘завал’ < <i>užvirsti</i> ‘завалиться’	

На первый взгляд, число исключений из правила (1) весьма велико, но, как уже было сказано выше, при более внимательном рассмотрении оказывается, что по крайней мере некоторые из них поддаются обобщению и сами могут быть описаны в виде более частных правил. Таково правило (2), соотносящее вокализм отглагольного существительного с наличием количественного чередования в парадигме глагола:

(2) Отглагольные существительные твёрдого склонения, образованные от глаголов с удлинительной ступенью претерита, могут иметь (и как правило имеют) ступень *u* вместо ожидаемой ступени *a*.

Подтверждающие примеры приведены в таблице 2.

Таблица 2

-gig-	<i>pagyra</i> ‘похвала’ < <i>pagirti</i> ‘похвалить’ (Pret. <i>gyrė</i>)
-min ₁ -	<i>nuomynos</i> ‘истоптанный хлеб’ < <i>numinti</i> ‘наступить, отдавить’ (Pret. <i>myņė</i>)
-pil-	<i>išpylos</i> ‘помой’ < <i>išpilti</i> ‘вылить’, <i>nuopylos</i> ‘сливки, остатки’ < <i>nupilti</i> ‘отлить, отсыпать’, <i>sampyla</i> ‘насыпь’ < <i>supilti</i> ‘насыпать’ (Pret. <i>pylė</i>)
-pin-	<i>sampyna</i> ‘сцепление’ < <i>supinti</i> ‘сплести’ (Pret. <i>pyņė</i>)
-skin-	<i>išskynos</i> ‘вырубленные кусты’ < <i>išskinti</i> ‘вырубить’, <i>nuoskyna</i> ‘лесосека’ < <i>nuskinti</i> ‘сорвать’, <i>praskyna</i> , <i>proskyna</i> ‘просека’ < <i>praskinti</i> ‘прорубить, расчистить’ (Pret. <i>skynė</i>)
-skir-	<i>išskyros</i> ‘выделения’ < <i>išskirti</i> ‘выделить’, <i>paskyra</i> ‘наряд (на что-л.)’ < <i>paskirti</i> ‘назначить’, <i>perskyra</i> ‘разделка’ < <i>perskirti</i> ‘разделить’ (Pret. <i>skyrė</i>)
-tir-	<i>patyra</i> ‘опыт’ < <i>patirti</i> ‘испытать’ (Pret. <i>tyrė</i>)

От глаголов данного типа образуются также имена твёрдого склонения с кратким *i* вместо долгого *u*, но их несколько меньше, см. таблицу 3.

Таблица 3

-min ₁ -	<i>išminos</i> ‘вытоптанные посевы’ < <i>išminti</i> ‘истоптать’ (Pret. <i>myņė</i>)
-pil-	<i>sampilas</i> ‘(засыпанный в закрома) запас муки или зерна’ < <i>supilti</i> ‘ссыпать, засыпать’, <i>užpilas</i> ‘наливка, засыпка’ < <i>užpilti</i> ‘налить, засыпать’ (Pret. <i>pylė</i>)
-pin-	<i>įpinas</i> ‘лента, бант’ < <i>įpinti</i> ‘вплести’, <i>papina</i> ‘подплетина’ < <i>rapinti</i> ‘поплести’ (Pret. <i>pyņė</i>)
-spir-	<i>paspira</i> ‘подпорка’ < <i>paspirti</i> ‘подпирать’ (Pret. <i>spyrė</i>)

Следует обратить внимание на то, что два из корней данного типа — *-pil-* ‘лечь, сыпать’ и *-pin-* ‘плести’ — образуют отглагольные имена как с кратким, так и с долгим /i/. Напротив, имён твёрдого склонения с ожидаемой по основному правилу (1) ступенью /a/ эти корни не образуют. Собственно, исключений из правила (2) «в сторону» правила (1) всего два, и оба они образованы от одного корня: *atspara* ‘упор’ < *atspirti* ‘подпереть’, *paspara* ‘тж.’ < *paspirti* ‘тж.’ (Pret. *spyré*). Заметим, что это один из корней, который, строго говоря, не полностью соответствует правилу (2), поскольку от него образуются имена твёрдого склонения с кратким, но не с долгим /i/. Тем самым, корней, которые образовывали бы одновременно имена твёрдого склонения с вокализмом у и а, нет вообще.

Интересно, что имена типа *pagyra* образуются также от двух глагольных корней, у которых синхронная ступень у наблюдается не в претерите, а в презенсе и являет собой не аблаут в строгом смысле слова, а компенсаторное удлинение при упрощении сочетания назального инфикса с последующим сонантом (о морфонологии таких образований см., например, Regier 1977, 71–72), см. табл. 4.

Таблица 4

-kil-	<i>iškyla</i> ‘гребень’ < <i>iškilti</i> ‘возвыситься’, <i>pakyla</i> ‘помост’ < <i>pakilti</i> ‘подняться’ (Pres. <i>kyla</i> < * <i>ki-n-l-a</i> , Pret. <i>kilo</i>)
-svir-	<i>nuosvyra</i> ‘провес’ < <i>nusvirti</i> ‘нависнуть’ (Pres. <i>svyra</i> < * <i>svi-n-r-a</i> , Pret. <i>sviro</i>)

Корень *-svir-* образует имена и по общему правилу (1), ср. *persvara* ‘перевес’ < *persvirti* ‘перевешиваться’, а корень *-skil-* ‘расщепляться’, от которого также образуются глаголы с инфиксальным презенсом, вообще не образует отглагольных имён по правилу (2), см. выше *įskalas* ‘разрез’, *nuoskala* ‘осколок’, *praskala* ‘расщеп’ (Pres. *skyla* < **sk-i-n-l-a*, Pret. *skilo*).

Как явствует из таблиц 2–4, при образовании производных по правилу (2) обнаруживается важное различие между существительными женского и мужского рода. Если в первых может выступать как ступень у, так и ступень *i*, причём выбор между этими вариантами, очевидно, закреплён лексически (ср. *samryna* vs. *rapina*), то во вторых — только ступень *i*. В соответствии с этим в сферу действия правила (2) должен быть включён корень *-svil-*: в образованном от глагола *pasvilti* ‘подгореть’ (Pres. *svyla* < **svi-n-l-a*, Pret. *svilo*) существительном *pasvilai* ‘пригар’ ступень *i* «мотивирована» чередованием *i* ~ у в презенсе.

Ещё одно частное правило, описывающее исключения к закономерности (1), которое нам удалось обнаружить, весьма неожиданно, поскольку оно соотносит вокализм корня с выбором префикса:

(3) Отглагольные существительные твёрдого типа склонения, образованные от глаголов с корнем на шумный (безразлично — единичный или группу), содержащих префикс *iš-*, имеют в корне гласный *i*.

Подтверждающие примеры приведены в таблице 5; исключений из этого правила нет, кроме существительного *iškyša* ‘выступ’, демонстрирующего вместо краткого гласного долгий.

Таблица 5

-brizg-	<i>išbrizga</i> ‘лоскут, обрезок’ < <i>išbrizgti</i> ‘истрепаться’
-drisk-	<i>išdriskos</i> ‘рвань’ < <i>išdriksti</i> ‘прорваться’
-kiš-	<i>iškyša</i> ‘выступ’ < <i>iškišti</i> ‘высунуть’ (NB! у вместо <i>i</i>)
-knis-	<i>išknisa</i> ‘разрытое место’ < <i>išknisti</i> ‘изрыть’
-krit-	<i>iškritos</i> ‘осадки’ < <i>iškristi</i> ‘выпасть’
-lik-	<i>išlika</i> ‘остаток’ < <i>išlikti</i> ‘остаться’
-plik-	<i>išplika</i> ‘оголённая земля’ < <i>išplikti</i> ‘оголиться’
-tiž-	<i>ištiža</i> ‘вялый человек’ < <i>ištižti</i> ‘стать вялым’
-vis-	<i>išvisa</i> ‘выродок’ < <i>išvisti</i> ‘выродиться’

Помимо систематических исключений из основного распределения, описываемых правилами (2) и (3), имеется ряд исключений, по-видимому, не поддающихся обобщению. Они приведены в таблице 6; знак // означает, что от данного корня образуются также и отглагольные имена с регулярной ступенью аблаута.⁴

Таблица 6

Корень	Твёрдое склонение	Мягкое склонение
1. Корни на сонант		
1.1. <i>i</i> вместо ожидаемого <i>a</i> (т. е. без аблаута)		Исключений нет
-gin ₁ - //	<i>pragina</i> ‘прогон’ < <i>praginti</i> ‘прогнать мимо’	
-min ₂ -	<i>užuomina</i> ‘намёк’ < <i>užminti</i> ‘намекнуть’	
-vir-	<i>išviros</i> ‘выварки’ < <i>išvirtti</i> ‘сварить’ ⁴	

⁴ Все глаголы, составляющие данный подкласс, имеют одно нетривиальное общее свойство: они демонстрируют аблаут *i ~ e* в основе презенса, ср. *gena* ‘гонит’, *mena* ‘помнит’, *verda* ‘варит’.

Продолжение табл. 6

Корень	Твёрдое склонение	Мягкое склонение
2. Корни на шумный		
2.1. <i>i</i> вместо ожидаемого <i>ai</i> (т. е. без аблаута)		Исключений нет
-brizg-	<i>atbrizgos</i> 'бахрома' < <i>atbrizti</i> 'обтрепаться', <i>nuobrizga</i> 'отрепье' < <i>nubrizti</i> 'тж.'	
-kib-	<i>priekiba</i> 'адгезия' < <i>prikibti</i> 'прицепится', <i>sankiba</i> 'сцепление' < <i>sukibti</i> 'сцепиться'	
-kiš- //	<i>atkiša</i> 'относ' < <i>atkišti</i> 'протянуть, отодвинуть'	
-krit- //	<i>nuokritos</i> 'падалица' < <i>nukristi</i> 'упасть'	
-lip ₁ -	<i>palipa</i> 'подножка лестницы' < <i>palipti</i> 'полезть', <i>perlipa</i> 'перелаз' < <i>perlipti</i> 'перелезть'	
-lip ₂ -	<i>pielipas</i> 'приклей' < <i>prilipti</i> 'прилипнуть'	
-riš- //	<i>aprišas</i> 'повязка' < <i>aprišti</i> 'обвязать'	
-rit-	<i>paritas</i> 'брусочек, подкладываемый под брёвна' < <i>paristi</i> 'подкатить'	
-tiž-	<i>santiža</i> 'размазня' < <i>sutižti</i> 'размякнуть'	
2.2. <i>y</i> вместо ожидаемого <i>ai</i>		
-krit- //	<i>sankrytos</i> 'бурелом' < <i>sukristi</i> 'упасть'	
2.3. <i>a</i> вместо ожидаемого <i>ai</i>		2.4. <i>a</i> вместо ожидаемого <i>y</i>
-brid-	<i>atabradas</i> 'отмель' < <i>atbristi</i> 'подойти вброд'	
-kib-	<i>apkaba</i> 'обойма' < <i>apkibti</i> 'быть увешанным', <i>atkaba</i> 'отцеп' < <i>atkibti</i> 'отстать', <i>jkaba</i> 'уключина' < <i>jkibti</i> 'вцепиться', <i>pakaba</i> 'подвеска, вешалка', <i>pakabas</i> 'вешалка' < <i>pakibti</i> 'повиснуть', <i>priekaba</i> 'прицеп' < <i>prikibti</i> 'прицепиться', <i>sankaba</i> 'сцепление' < <i>sukibti</i> 'сцепиться', <i>užkaba</i> 'захлобучка', <i>užkabas</i> 'зацепка' < <i>užkibti</i> 'зацепиться'	<i>priekabė</i> 'придирка' < <i>prikibti</i> 'прицепиться, придраться'

Окончание табл. 6

Корень	Твёрдое склонение	Мягкое склонение
3. Корни на группу «сонант + шумный»		
3.1. <i>i</i> вместо ожидаемого <i>a</i> (т. е. без аблаута)		3.2. <i>a</i> вместо ожидаемого <i>i</i>
-dirb- //		<i>įdarbis</i> ‘разгар работы’ < <i>įdirbti</i> ‘обрабатывать’, <i>uždarbis</i> ⁵ ‘заработок’ < <i>uždirbti</i> ‘заработать’
-gird-	<i>nuogirdos</i> ‘слухи’ < <i>nugirsti</i> ‘услышать’	
-grind-	<i>pagrindas</i> ‘основа’ < <i>pagrįsti</i> ‘обосновать’	
-kirp- //	<i>prakirpa</i> ‘прорез’ < <i>prakirpti</i> ‘прорезать’	
-kirt- //	<i>atkirta</i> ‘отсечка’ < <i>atkirsti</i> ‘отрубить’, <i>sankirta</i> ‘пересечение’ < <i>sukirsti</i> ‘порубить’	
-pirk-	<i>išpirka</i> ‘выкуп’ < <i>išpirkti</i> ‘выкупить’, <i>papirka</i> ‘взятка’ < <i>papirkti</i> ‘подкупить’	
-spirg-	<i>išspirga</i> ‘шкварка’ < <i>išspirgti</i> ‘изжариться’	
-švilp-	<i>pašvilpa</i> ‘мот’ < <i>pašvilpti</i> ‘свистеть’	
-tirp-	<i>atotirpa</i> ‘проталина’ < <i>atitirpti</i> ‘оттаять’, <i>protirpa</i> ‘гж.’ < <i>pratirpti</i> ‘гж.’	

Как легко видеть, подавляющее большинство исключений из основного правила — это «тривиальные» образования, сохраняющие переднерядный вокализм исходного глагола, несмотря на твёрдый тип склонения. Исключения же в обратную сторону, т. е. отглагольные имена мягкого склонения со ступенью аблаута *a*, единичны.⁵

⁵ В Интернете отмечено и слово *uždirbis* с тем же значением и с «правильной» ступенью аблаута; этот вариант не фиксируется словарями и статистически встречается реже: *uždirbis* — около 600.000 вхождений, *uždarbis* — более 1.500.000 вхождений по состоянию на 11 октября 2012 г.

3. Бесприставочные имена

У бесприставочных отглагольных имён степень идиоматизации несколько выше, чем у приставочных; кроме того, не всегда можно с уверенностью утверждать, что то или иное бесприставочное существительное образовано от глагола (а не, скажем, оба они являются непроизводными). Несколько больше у бесприставочных имён также разнообразие типов мягкого склонения: среди них встречаются производные мужского рода с NomSg на *-ys* (NomPl *-iai*), относящиеся к подвижной акцентной парадигме, и женского рода с NomSg на *-ė* (NomPl *-ės*), почти отсутствующие среди приставочных дериватов. Тем не менее в целом ситуация с бесприставочными именами вполне ясна: они демонстрируют в точности то же распределение ступеней аблаута, что и приставочные, — вплоть до того, что и большинство исключений приходится на те же самые корни. Приведём примеры:

1. В соответствии с правилом (1) (ср. табл. 1):

Твёрдое склонение:

Корни на сонант:

-gin₁-: *ganas* ‘пастух’ < *ginti* ‘гнать’

-nir₂-: *naras* ‘гагара; водолаз, ныряльщик’ < *nirti* ‘нырять’

-žir-: *žara* ‘заревое’ < *žirti* ‘сверкать’

Корни на шумный:

-brizg-: *braizgas* ‘тряпка’ < *brigzti* ‘обрёпываться’

-drik-: *draikai* ‘разбросанная солома’ < *drikti* ‘путаться, рассыпаться’

-kit-: *kaita* ‘смена, изменение’ < *kisti* ‘меняться’

-krik-: *kraikas* ‘подстилка’ < *krikti* ‘рассыпаться’

-rizg-: *raizgai* ‘силлок’ < *rigzti* ‘переплетаться’

-smig-: *smaiga*, *smaigas* ‘шест, жердь’ < *smigti* ‘вонзаться’

-vis-: *vaisa* ‘размножение’ < *visti* ‘плодиться’

Корни на группу «сонант + шумный»:

-blind-: *blanda* ‘туман’ < *blišti* ‘темнеть, смеркаться’

-dirb-: *darbas* ‘работа’ < *dirbti* ‘работать’

-dirg-: *darga* ‘слякоть’ < *dirgti* ‘портиться, становиться ненастным’

-griNž-: *grąža* ‘сдача; солнцеворот’ < *grįžti* ‘возвращаться’

-kimš-: *kamša* ‘давка, толкотня’ < *kimšti* ‘запихивать’

-krimt-: *kramta* ‘огорчение’ < *krimsti* ‘грызть’

-lind-: *landa* ‘лазейка’ < *lišti* ‘лезть’

-mirk-: *marka* ‘мочило; ливень’ < *mirkti* ‘мокнуть’

-mirš-: *marša* ‘забвение’ < *miršti* ‘забывать’

- rink-: *ranka* 'рука' < *rinkti* 'собирать'
 -tilp-: *talpa* 'вместимость' < *tilpti* 'помещаться'

Мягкое склонение:

Корни на сонант:

- gil₁-: *gylys* 'жало; овод' < *gilti* 'жалить'
 -ir-: *yris* 'гребок' < *irtis* 'грести'
 -min₁-: *myne* 'мятьё льна' < *minti* 'мять'
 -ni₁-: *nyris* 'вывих' < *nirti* 'вывихиваться'
 -pin-: *pynė* 'плетёнка, гирлянда' < *pinti* 'плести'
 -skin-: *skynė* 'сбор плодов' < *skinti* 'рвать, рубить'
 -stir-: *styrys* 'ропак' < *stirti* 'коченеть, цепенеть'
 -šil-: *šylis* 'тепло' < *šilti* 'теплеть'
 -tin₁-: *tynis* 'битьё; точка, отбивка' < *tinti* 'бить; отбивать, точить'

Корни на шумный:

- brid-: *brydė* 'след в траве' < *bristi* 'брести, идти вброд'
 -knis-: *knysis* 'рытьё' < *knisti* 'рыть'
 -krit-: *krytis* 'падение' < *kristi* 'падать'
 -riš-: *ryšys* 'связь' < *rišti* 'связывать'
 -skrid-: *skrydis* 'полёт' < *skristi* 'лететь'
 -tik-: *taika* 'мир' < *tikti* 'годиться; соглашаться'

Корни на группу «сонант + шумный»:

- milž-: *milžis* 'надой' < *milžti* 'доить'
 -pirk-: *pirkis* 'прикуп' < *pirkti* 'покупать'
 -spind-: *spindis* 'просека, просвет' < *spįsti* 'сиять, лучиться'
 -spirg-: *spirgė* 'шкварка' < *spirgti* 'жариться'
 -švilp-: *švilpis* 'свист, свисток' < *švilpti* 'свистеть'
 -tirp-: *tirpys* 'шкварка' < *tirpti* 'таять, плавиться'

Как и в случае с приставочными производными, наиболее наглядными и доказательными представляются те случаи, когда разные огласовки отмечены у дериватов от одного и того же корня. Ниже перечислены все наиболее надёжные примеры такого рода:

Корни на сонант:

- gim-: *gamas* 'природа' // *gymis* 'рождение; природа' < *gimti* 'рождаться'
 -mir-: *maras* 'смерть; чума' // *myris* 'смерть, кончина' < *mirti* 'умирать'
 -skil-: *skala* 'лучина', *skalas* 'тж.' // *skylė* 'дыра' < *skilti* 'раскалываться'

-spīr-: *spara* ‘стропилина’, *sparas* ‘подпорка’ // *spyris* ‘пинок’, *spyrus* ‘подпорка’ < *spirti* ‘пинать; подпирать’

-svīr-: *svara* ‘вес’, *svaras* ‘фунт’ // *svyris* ‘наклон’ < *svirti* ‘наклоняться, свисать’

-tvīn-: *tvanas* ‘потоп’ // *tvynis* ‘наводнение’ < *tvinti* ‘разливаться’

Корни на шумный:

-kiš-: *kaišas* ‘жердь в изгороди’ // *kyšis* ‘взятка’ < *kišti* ‘совать’

-lik-: *laikas* ‘время’ // *lykis* ‘остаток’ < *likti* ‘оставаться’

Корни на группу «сонант + шумный»:

-grind-: *grandai* ‘настил’ // *grindis* ‘половица’ < *grīsti* ‘мостить’

-kirp-: *karpas* ‘зарубка’ // *kirpis* ‘надрез’ < *kirpti* ‘резать’

-kirt-: *karta* ‘поколение, род’, *kartas* ‘раз’ // *kirtis* ‘удар’ < *kirsti* ‘рубить’

-link-: *lanka* ‘поклон’, *lankas* ‘дуга’ // *linkis* ‘изгиб’ < *linkti* ‘гнуть’

-nirt-: *nartas* ‘норов’ // *nirtis* ‘ожесточение’ < *nirsti* ‘гневаться, ожесточаться’

-slink-: *slanka* ‘движение; оползень’ // *slinkis* ‘продвижение’ < *slinkti* ‘двигаться’

2. В соответствии с правилом (2) (ср. табл. 2–4):

С чередованием *i ~ y* в претерите:

-gin₂-: *gyra* ‘защита’ < *ginti* ‘защищать’ (Pret. *gynē*)

-gir-: *gyra* ‘хвостовство; хвостун’ < *girti* ‘хвалить’ (Pret. *gyrē*)

-min₁-: *myra* ‘определённое количество мягкого льна’ < *minti* ‘мять’ (Pret. *myne*)

-pil-: *pyla* ‘насыпь’, *pilas* ‘сосуд’ < *pilti* ‘сыпать, лить’ (Pret. *pylē*)

-pin-: *pyra* ‘плетёнка, гирлянда’, *pinas* ‘прут из плетёной изгороди’ < *pinti* ‘плести’ (Pret. *pyne*)

-skir-: *skyra* ‘различие’ < *skirti* ‘отделять, отличать’ (Pret. *skyrē*)

-tin₁-: *tyna* ‘битьё’ < *tinti* ‘бить; отбивать, точить’ (Pret. *tyne*)

-tir-: *tyra* ‘исследование’ < *tirti* ‘исследовать’ (Pret. *tyrē*)

С компенсаторным удлинением в презенсе:

-dil-: *dyla* ‘медлительный человек, копуша’ < *dilti* ‘мешкать’ (Pres. *dyla* < **di-n-l-a*, Pret. *dilo*)

-svil-: *svyla* ‘ожог’, *svilai* ‘пригар’ < *svilti* ‘пригорать’ (Pres. *svyla* < **svi-n-l-a*, Pret. *svilo*)

(?) -tvil-: *tyyla* ‘угрюмый человек, бирюк’ < *tvilti* ‘тлеть’ (Pres. *tyyla* < **tvi-n-l-a*, Pret. *tvilo*)

Примечательным образом, в бесприставочных именах, подчиняющихся правилу (2), обнаруживается уже строгое дополнительное распределение между производными женского и мужского рода: в первых выступает только ступень *y*, в гораздо менее многочисленных вторых — только ступень *i*. Нам известно единственное отклонение от этой закономерности:

-ir-: *iros* ‘развалины’ < *irti* ‘разваливаться’ (Pres. *yra* < **i-n-r-a*, Pret. *iro*).

3. Исключения (ср. табл. 6; ввиду небольшого числа примеров указывается только исходная и ожидаемая ступень):

i вместо ожидаемого *ai* (т. е. без аблаута):

-brizg- // : *brizga*, *brizgas* ‘лоскут, тряпка, лохмотья’ < *brigzti* ‘обтрёпываться’

-drisk-: *driska* ‘тряпка’ < *driksti* ‘рваться’

-lip-: *lipai* ‘клей’ < *lipti* ‘липнуть’

-rit-: *ritas* ‘шар’ < *risti* ‘катать’

-tiž-: *tiža* ‘весенняя распутица’ < *tižti* ‘размякать, размокать’

a вместо ожидаемого *ai*:

-brid-: *brada* ‘брод’ < *bristi* ‘брести, идти вброд’

-kib-: *kaba* ‘сцепление’ < *kibti* ‘цепляться’

i вместо ожидаемого *a* (т. е. без аблаута):

-grind- // : *grinda* ‘мостовина’ < *grįsti* ‘мостить’

-spirg- // : *spirga*, *spirgas* ‘шкварка’ < *spirgti* ‘жариться’

-švilp- // : *švilpa* ‘свисток’ < *švilpti* ‘свистеть’

Среди бесприставочных имён представлены также две (впрочем, немногочисленные) группы исключений нехарактерного для приставочных дериватов вида:

y вместо ожидаемого *a*:

-gil₂-: диал. *gyla* ‘боль, ломота’ < *gilti* ‘начинать сильно болеть’

-tin₂-: *tyna* ‘опухание’ < *tinti* ‘опухать’

i вместо ожидаемого *y* (мягкое склонение):

-mig-: *migis* ‘логовище’ < *migti* ‘засыпать’

-rit-: *ritė* ‘катушка’ < *risti* ‘катать’

-tiž-: *tižė* ‘размокшая масса’ < *tižti* ‘размякать, размокать’

4. Заключение

Несмотря на то, что основное правило, определяющее выбор степени аблаута в бессуффиксальных дериватах от первичных *i*-глаголов, отличается исключительной простотой и доступно непосредственному наблюдению на уровне словарных форм («***a* в окончании — *a* в корне, *i* в окончании — *i* в корне»)⁶, нам, как уже было сказано, неизвестна ни одна работа, где оно бы формулировалось в явном и строгом виде (ср., однако, упомянутые работы Г. Акелайтене и Leskien 1884, 417, 423–427; указанные исследователи отмечают связь ступеней огласовки корня с типом склонения — по терминологии Лескина, с «основообразующими суффиксами», — но не приводят полных списков исключений и не рассматривают обнаруженных нами дополнительных факторов, влияющих на выбор вокализма). В то же время, согласно интересному наблюдению А. В. Андропова (устное сообщение), обилие среди таких дериватов построенных по абсолютно регулярным образцам узкоспециальных профессиональных терминов — ср. *įmarka* ‘мочило’, *išlykis* ‘кавалер’, *išlinkis* ‘выгиб’, *nuodraikos* ‘раструшенная солома’, *nuosvyris* ‘инклинация’, *sangrąža* ‘возвратность’, *sąsmaiga* ‘насадка игл’, *užkaiša* ‘шибер’ и т. д., — часть которых могла быть создана искусственно, косвенно свидетельствует о том, что, как нередко бывает, это правило в той или иной степени осознавалось (и поныне осознаётся) как лингвистами-практиками, так и в целом носителями языка⁷.**

По-видимому, противопоставление твёрдых и мягких типов склонения вообще играет в литовском бессуффиксальном словообразовании чрезвычайно важную роль. Как показывают наши предварительные наблюдения, именно оно лежит в основе правил выбора степени аблаута в производных от двух других обширных классов литовских первичных глаголов — с корневыми гласными *u* и *e*. В первом случае речь идёт о выборе между степенями *u* и *ū* (см. Akelaitienė 1997, 52), во втором — между степенями *a* и *ė*. Подробному рассмотрению соответствующих моделей мы планируем посвятить вторую часть нашего исследования.

⁶ Г. Акелайтене (Akelaitienė 1997a, 50; 1997b) даже трактует эти соответствия между вокализмом корня и типом склонения как «гармонию морфем» или «морфологическую ассимиляцию».

⁷ Показательно, что приведённые выше слова *pilas* ‘сосуд’ и *tyra* ‘исследование’, отмеченные в LKŽ как неологизмы, образованы в полном соответствии с предложенным нами более частным правилом (2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Венцкute 1971 — *P. Венцкute*. Литовский аблаут (современное состояние и индоевропейская модель). Диссертация ... кандидата филол. наук. М., 1971.
- Akelaitienė 1996 — *G. Akelaitienė*. Morfonologinės balsių kaitos žodžių daryboje. Vilnius, 1996.
- Akelaitienė 1997a — *G. Akelaitienė*. Morfoliginės balsių kaitos funkcija // *Baltistica*. T. 32. No. 1, 1997.
- Akelaitienė 1997b — *G. Akelaitienė*. Balsių derinimo polinkis galūnių vediniuose // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. V. 38, 1997.
- Akelaitienė 2001 — *G. Akelaitienė*. Šaknies balsių kaita: morfonemų modeliai ir struktūriniai šaknies tipai // *Žmogus ir žodis*, 2001, No. 1.
- Ambrasas 1993 — *S. Ambrasas*. Daiktavardžių darybos raida. Lietuvių kalbos veiksmožodiniai vediniai. Vilnius, 1993.
- Ambrasas (ed.) 1997 — *Lithuanian Grammar / Ed. by V. Ambrasas*. Vilnius, 1997.
- Leskien 1884 — *A. Leskien*. Der Ablaut in den Wurzelsilben im Litauischen. Abhandlungen der Phil.-Hist. Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. 9, Nr. 4, 1884.
- Leskien 1891 — *A. Leskien*. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Abhandlungen der Phil.-hist. Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. 12, Nr. 3, 1891.
- Lyberis 2005 — *A. Lyberis*. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Apie 65 000 žodžių. 4-oji laida / Red. V. Čekmonas. Vilnius, 2005.
- LKŽ — *Lietuvių kalbos žodynas*. T. I–XX. (<http://www.lkz.lt/>)
- Regier 1977 — *Ph.J. Regier*. Lithuanian conjugation: A closer examination // *Linguistics*. 1977. Nr. 190.
- Skardžius 1943 — *P. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Stang 1966 — *Chr. Stang*. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966.
- Ulvydas (ed.) 1965 — *Lietuvių kalbos gramatika*. T. I / Red. K. Ulvydas. Vilnius, 1965.
- Urbutis 1961 — *V. Urbutis*. Dabartinės lietuvių kalbos galūnių darybos daiktavardžiai // *Kalbotyra*. T. 3, 1961.

Методические заметки к исследованию смешанных белорусских говоров, часто именуемых «Мовой простой»

В предлагаемом наброске¹ хотелось бы представить рассуждения, необходимые для более систематического изучения некоего агломерата белорусских говоров в балто-славянском пограничье (далее БСП). Эти рассуждения нацелены в первую очередь на методику изучения структуры этих говоров и причин вариативности многих ее черт. Кроме того, хочется выявить причины, которые привели к тому, что смешанные белорусские говоры, которые часто подводились под псевдотермин «Мова проста», до сих пор плохо изучены, несмотря на то, что их, по всей видимости, правомерно считать наиболее распространенной на этом пограничье разновидностью контактирующих там языков.

В заглавии статьи появляется выражение «Мова проста». Точнее было бы сказать, что фокусом внимания настоящей статьи являются смешанные белорусские говоры БСП, применительно к которым сами исследователи нередко использовали выражение «Мова проста». В некоторой части БСП это выражение, взятое как бы из уст информантов-диалектоносителей, употребляется в противопоставлении к местной разновидности польского языка, «польщизне кресовой» (см. ниже). Выражению «Мова проста» нельзя приписать статус термина, а проблема с этим названием заключается прежде всего в его неясной референтной отнесенности: хотя чаще всего оно употребляется в применении к тем белорусским говорам БСП, которые, видимо, не очень «вписываются» в картину принятых диалектных делений белорусских говоров, но в более редких случаях этим выражением назывались разные формы смешанной белорусско-польской речи или просто какие-либо формы «деревенского просторечия». Как бы то ни было, смешанные белорусские говоры БСП с точки зрения традиционной диалектологии (см. Аванесаў и др. 1969) не обладают системностью черт, которые бы свидетельствовали об их преемственности, т. е. о непрерывной связи с диалектами, которые в глазах

¹ За помощь в упорядочении лингвистических фактов по восточнославянским говорам, а также за правку первого варианта предлагаемой статьи я выражаю свою благодарность А. Эркер. Разумеется, за возможные недочеты или ошибки в интерпретации данных отвечаю только я.

диалектологов и историков языка стоило бы соотносить с языковым прошлым на восточнославянской территории. Видимо, именно поэтому до недавнего времени никакого лингвистического анализа признаков не велось, хотя из приведенных фактов очевидно, что смешанные говоры, часто называемые «Мовой простой», обнаруживают явно восточнославянскую основу (см. раздел 5). В итоге получается, что псевдотермин «Мова проста» (далее: МП) до сих пор бытует в научном обороте скорее как выражение с социолингвистической оценкой, которая соответствует социальной оценке, вкладываемой в это слово диалектоносителями некоторой части БСП (см. ниже).

На этом фоне нелишне будет для избежания недоразумений подчеркнуть, что как при устном обмене информацией среди специалистов, занимающихся лингвистическими (диалектологическими) вопросами БСП, так и в публикациях, посвященных этим же вопросам, референтная область, стоящая за выражением МП, как правило, оставалась размытой. Подчас трудно определить, отождествляет ли данный автор МП просто с «белорусским говором» или с «местной белорусской речью»². В дальнейшем я буду относить МП исключительно к белорусским говорам смешанного характера на БСП и понимать эти названия как синонимы.

1. Явление МП мало изучено, несмотря на то, что о нем достаточно часто, хотя бы вскользь, упоминалось в диалектологических и этнографически ориентированных работах, посвященных восточнославянским или литовским говорам или «польщизне кресовой», точнее ее северному варианту (в дальнейшем ПК), на территории бывшего Великого княжества Литовского. Судя по этой литературе, МП засвидетельствована по всей северной части Беларуси и прилегающим к ней районам Латгалии и Литвы. Но несмотря на ее «вездесущность» на рассматриваемом пограничье она осталась практически неизученной с точки зрения (а) ее структурных черт и (б) факторов, приведших к ее несомненно весьма смешанному характеру. См. однако недавно опубликованную статью (Budźko 2011), в которой проводится анализ черт белорусской речи на Браславщине с указанием ее смешанного характера (с точки зрения как традиционного членения белорусских диалектов, так и проявлений влияния других, контактирующих языков).

² Так, например, Янковяк оба выражения использует как своего рода синонимы: «Gwary białoruskie w rejonie krasławskim funkcjonują od wielu dziesiątków lat. Zwrócił już na ten fakt uwagę Karski w czasie swoich badań na przełomie XIX i XX wieku (...). Występowanie *mony prostej* potwierdziła również białorusko-litewsko-łotewska wyprawa naukowa filologów z 1977 roku (...).» (Jankowiak 2009, 130; см. там же, стр. 123, 171–176). Еще Е. М. Коницкая (1996) писала о «польском интердиалекте белорусского говора», а Т. М. Судник (1975) — просто о «белорусском говоре».

МП как лингвоним берет свое начало из самоназвания белорусской речи у ее носителей на белорусско-литовском пограничье, причем не на всей его протяженности, а всего лишь в его южной части, в окрестностях Лиды и Новогрудка. В более северных участках БСП это понятие в речи самих носителей не употребляется вовсе или используется в значительно меньшей степени (личное сообщение А. Зелиньской)³. Так, например, во время экспедиций в окрестности Адутишкиса (лит. *Adutiškis*, на северо-востоке Литвы) в 2000 г., в окрестности Римше (лит. *Rimšė*, Игналинский район, Литва) в 2001 г. и в Браславский край (Северная Беларусь) в 2002 г. местные жители, говорящие на той или иной разновидности белорусского языка, практически никогда свою речь не определяли как «мова проста», а скорее как «местная», «смешанная» или «нечистая»⁴. Эти наблюдения более или менее совпадают с наблюдениями М. Янковяка: исследуя белорусский язык в Латгалии, он отмечал высказывания, в которых местные жители употребляли то или иное словосочетание с прилагательным *просты* (Jankowiak 2009, 60–70 et passim), и пришел к выводу, что использование такого типа самоопределений распространено в тех районах, в которых исторически сложилось особенно четкое противопоставление между местным восточнославянским и польским языком, причем белорусский воспринимался как деревенский и неотесанный, но все равно как «свой», между тем как польский считался языком с престижной нормой, привнесенной извне и характерной для города: «*Pojęcie mowa prosta jest rozpowszechnione w zachodniej części Białorusi, gdzie Białorusini od stuleci mieli kontakt z Polakami i polską kulturą. Forma język mieszany występuje z kolei w północno-wschodniej części Białorusi*» (Jankowiak 2009, 70). С этими наблюдениями полностью согласуются выводы Э. Смукловой. Она установила, что в отличие от Гродненщины (на юго-западном полюсе БСП), где утвердилось довольно четкое

³ Важно осознавать, что название МП охватывает некий агломерат нетрадиционных белорусских смешанных говоров, которым пользовались и пользуются исключительно в устной форме в социально сугубо ограниченной сфере. Подчеркнуть нужно также, что МП не обладает никакой преемственной связью с «Простой мовой», которая сложилась на основе западных говоров восточнославянских языков и была в течение XVI–XVII вв. административным языком в ВКЛ. Уже по этой причине «Проста мова» имела совсем другой социолингвистический статус и родословную, чем МП. С этим статусом хорошо перекликается факт, что «Проста мова» была отменена в 1698 году обыкновенным распоряжением, уступив свои официальные функции польскому языку (Moser 2002; Wiemer 2003b, 110–113). Трудно обнаружить какую бы то ни было связь между «Простой мовой», исчезнувшей к XVIII столетию, и современной МП, первое упоминание о которой относится, видимо, только к началу XX века (см. раздел 3).

⁴ См. своего рода «отчет» по этой экспедиции в Kardelis et al. 2003.

противопоставление между крестьянским населением (всегда говорившим, как правило, на местном восточнославянском, т. е., по сути, на белорусском) и шляхтой и землевладельцами (которые стремились говорить на разновидности польского языка, возможно, наиболее приближенной к литературной), на Браสลавщине (т. е. на северо-восточном конце БСП) такого социального противопоставления не было. Вследствие этого на Браславщине польский язык и не стал твердо ассоциироваться с «культурным, более деликатным» языком и соответственно не стоял он в какой-либо социально значимой оппозиции к белорусскому (местному восточнославянскому) языку. Поэтому «понятие» ‘Мова проста’ как таковое информантам в этом регионе неизвестно, а «простым» может быть и польский, если пользуется им местный, деревенский житель и осознает, что использует он польский не так, как приезжие поляки (например, диалектологи) или жители городов: «(...) na Braślawszczyźnie mówić *po prostu* / *po prostemu* nie musi oznaczać ‘mówić gwara białoruską’, bowiem znaczy także ‘mówić lokalnym językiem polskim’ (...). (...) proces polonizacji wsi pierwotnie litewskich obejmował obszar byłego powiatu brasławskiego i stąd między innymi wziął się tzw. *prosty polski* (...), bo język prosty w świadomości użytkowników to gwara, mowa wiejska, mowa ludzi prostych w opozycji do mowy miejskiej, mowy osób wykształconych, a zwłaszcza osób przyjezdnych z Polski» (Smułkowa 2011, 106).

Нужно добавить, что представители деревенской белорусской речи часто определяют свою речь как «тутэйшу(ю)». Перед полевыми исследователями могут подчеркнуть, что «*γavórim po tutéjszemu*» (или *tutejszému*) или как-то похоже. Вместе с неизученностью МП как предмета лингвистического описания она вызывает любопытство еще и потому, что хотя ее белорусская основа неоспорима (см. раздел 5), у МП огромное количество структурных признаков совпадает с ПК (см. Wiemer 2003a, 232–235; Wiemer & Erker 2011, 192–197). На основании одних только списков признаков МП и ПК различить действительно очень трудно. Между тем, ни у исследователей БСП (диалектологов, этнографов и т. п.), ни у самих носителей разновидностей славянских (польского или восточнославянских), а также литовского языков почти не бывает случаев сомнения в том, когда кто говорит на ПК, а когда — на МП. Это интуитивное умение однозначно определять принадлежность речи к МП или ПК в многоязычной среде свидетельствует о том, что здесь срабатывают механизмы, отличные от простого «сличения признаков» (см. раздел 5).

2. Обратится теперь к часто упоминаемой цитате *γavórim po tutéjszemu*. Нельзя не заметить, что такого рода цитаты из уст самих информантов (см. выше) как бы в перформативном порядке изображают (и отображают) смешанный характер их речи, который становится заметным

на фоне исконно белорусских говоров, русского и польского языков. Одна такая короткая цитата содержит целый ряд структурных черт, относящихся к разным языкам, влияние которых наложились на реальный облик МП. Если для аналитических целей мы исходим здесь из представления об исконно северно-белорусском говоре, то на фоне такого исконного говора в данной цитате как «чуждый», польский элемент выделяется вокализм в окончании прилагательного, а также возможный перенос ударения на предпоследний слог и отсутствие аканья в предлоге *po*; при этом аканье осуществляется в предударном слоге предшествующего глагола. Чужда северозападным белорусским говорам также и реализация сочетания [r'i] вместо [ri], т. е. палатализованное произношение [r'], отмечаемое в глагольной форме. Уже одна эта словоформа представляет собой русско-белорусский гибрид. В этой форме сохранены ударение на корне /govóɫ/ и фрикативное произношение [ɣ] этимологического [g]. Последнее, однако, свойственно не только белорусскому языку (причем в целом), но всем севернославянским говорам южнее известной коренной изоглоссы, пронизывающей в направлении восток—запад всю севернославянскую территорию, начиная от средневеликорусских говоров вплоть до территории лужицких языков в Германии. Поэтому данный признак может быть использован разве что для противопоставления русскому и польскому литературным языкам, но он не годится для характеристики самих смешанных белорусских говоров ни внутри балто-славянского ареала, ни в рамках более обширных ареалов, в которые можно включить БСП. Вышесказанное по аналогии распространяется и на целый ряд других черт (см. ниже).

Далее, словоформу *tutejszemu* в целом, независимо от места ударения, можно считать заимствованием из польского языка на том основании, что взрывно-зубной согласный перед [e] произносится без палатализации, что в общем-то не характерно для северно-белорусских говоров, которые известны так наз. дзеканнем-цеканнем. Интерпретировать эту форму как заимствование имеет смысл и в том случае, если учесть упомянутое отсутствие аканья в предшествующем предлоге и ситуативный контекст, в который погружена данная цитата: само название выступает как противопоставление сугубо локальной, «неправильной» речи более престижному польскому языку, особенно его литературному варианту.

Если поменять угол зрения и, наоборот, исходить из польского языка, точнее его литературной разновидности, в обсуждаемой цитате как «непольские» элементы выделяется все, что относится к глагольной форме: и сама лексема, и фрикативный [ɣ] вместо [g], и окончание {Vm} вместо {Vmu}. Здесь, однако, следует учесть, что окончание {Vm} как показатель 1 л. мн. числа основ настоящего времени свойственно

не только белорусским (и другим восточнославянским) говорам в целом, но и ряду восточнопольских говоров; см., например, (Maryniakowa 1992, 155; Pelcowa 1994, 164). Поэтому возникает вопрос, следует ли это окончание оценивать как влияние белорусского языка или его надо рассматривать скорее как проявление факта, что {Vm} с этой грамматической функцией вписывается в диалектный континуум, охватывающий также часть исконно польскоязычной территории. Конечно, оценка таких фактов будет зависеть от прояснения происхождения данной словоформы и от выяснения вопроса, считать ли ее обособленным явлением или проявлением продуктивного образования (сочетаемости с глагольными основами). Кроме того, и независимо от уже затронутых вопросов, нельзя упускать из виду возможность, что форма *γavórim* заимствована полностью из белорусской речи при попытке говорить на какой-нибудь разновидности польского языка с исследователями, являющимися в глазах информантов носителями более престижных вариантов.

То, что определение принадлежности разных «кусков» речи, трактуемой как МП, к белорусскому или польскому языку нередко зависит от решения, какой из этих языков принимается за отправную точку, т. е. какой из них служит фоном, на котором признаки или отдельные вкрапления могли бы рассматриваться как «отклонения», можно показать и на других отрывках, причем даже совсем коротких; ср., например:⁵

(1) *n'e maɥ'u vu'izɛxac'* (Ad.)

Гибридность таких минимальных кусков речи очевидна уже в сочетании восточнославянского образца ударения во вспомогательном глаголе (*maɥ'u*) и явно не восточнославянского, а польского ударения после приставки {*vu*} в глаголе сов. вида (*vu'izɛxac'*). См. также примеры (2–5) ниже.

Помимо того, что даже беглый анализ довольно случайных и коротких отрывков речи, относимых информантами и исследователями к смешанным белорусским говорам БСП, выявляет гибридный характер данного типа говора, ясно, что даже более подробный анализ таких отдельных примеров не может ответить на большинство возникших выше вопросов.

⁵ В скобках приводятся либо условные сокращения местностей (см. их ключ в конце статьи), если они взяты из моих собственных полевых записей, либо указывается публикация, если данные берутся из источников других исследователей. Транскрипцию примеров из таких источников я слегка изменил и переоформил так, чтобы письменная передача устной речи больше соответствовала стандартам международного фонетического алфавита (IPA). Знак ' обозначает ударение и ставится непосредственно перед ударным гласным.

Этому мешает не только то обстоятельство, что подавляющее большинство признаков этих говоров подвержено значительным колебаниям, которые отмечаются в речи одних и тех же информантов даже в рамках одного и того же высказывания (Судник 1975; Wiemer 2003a; Jankowiak 2009). На самом деле подобный идиолектальный разброс следует оценить как отражение неоднородности проявления многих признаков, причем как на уровне относительной частотности, так и в отношении количества вариантов, приходящих по отдельности на тот или иной признак. Такая вариативность, по всей вероятности, свойственна белорусским говорам на протяжении всего БСП. О том, как далеко заходит их локальная вариативность (в целом и отдельных ее признаков), можно только догадываться.

Для того, чтобы ответить на вопросы по системности черт этих в основе своей белорусских говоров, по диапазону и причинам их вариативности, необходим анализ большого количества пространных отрезков сплошного дискурса информантов из максимально возможного числа населенных пунктов вдоль белорусско-литовской и белорусско-латышской границ, причем с как можно бóльшим контролем за ситуативными параметрами и с учетом социального соотношения между информантами, а также между ними и ведущими запись. Подробный анализ приведенной выше цитаты должен был послужить всего лишь иллюстрацией того, как важно изначально и эксплицитно установить угол зрения: смотрим ли мы на «голые факты» диалектной речи сквозь призму литературных языков или же стремимся отвлечься от них по возможности полностью, учитывая лишь непосредственный диапазон знакомства информантов (диалектоносителей) с региональными разновидностями контактирующих с данными говорами языков и предполагаемые нормы и установки, из которых исходят именно информанты (а не исследователь). Практика, хотя бы до недавнего времени, показывала, что оценка собранных наблюдений велась не в отрыве от «шаблонов» литературных языков (см. ниже). Но к тому же велась она слишком (i) статично и (ii) атомистично, в том смысле, что (а) сравнивались прежде всего структурные (фонетические, морфонологические, морфосинтаксические) особенности без учета условий их возникновения в речи,⁶ и (б), как правило, не задавался при этом вопрос их взаимной обусловленности. Вместе с тем, как уже говорилось, ни в одной подсистеме структурные черты белорусских говоров, подводимых под псевдотермин «Мова проста», до сих пор не описаны сколько-нибудь систематически, с некоторым исключением для звуковой стороны речи.

⁶ Насколько мне известно, единственное существенное исключение (в этом, как и в других отношениях) составляет исследование Т.М. Судник (Судник 1975); см. ниже.

3. До настоящего времени только фонетика и фонология этих говоров не раз делались предметом исследования; наиболее систематически она была описана в (Судник 1975) на основании ряда деревень, расположенных в южной и средней частях БСП и отличавшихся тем, что в многоязычную среду был включен литовский говор. К сожалению, работа Т. М. Судник доньше осталась практически единственным монографическим трудом, в котором не только систематически описывался один из структурных слоев смешанных белорусских говоров, но в котором это описание было осуществлено в рамках всестороннего рассмотрения многоязычной ситуации, а контактные языки рассматривались таким же образом. В таком же ключе был написан и эскиз (Лекомцева 1972а). После работ этих двух исследовательниц было опубликовано совсем немного статей, посвященных звуковой стороне смешанных белорусских говоров; (см. Чекман 1973; 1980; Гринавецкене и др. 1977; Wiemer 2006). В диалектологической литературе впервые о МП как о типе белорусского говора написал, видимо, О. Броч (Broch 1958). Однако основанием ему послужили ручные записи начала XX века, сделанные всего лишь у одного (!) мужского информанта. Другим аспектам структуры говоров, относимых к МП, и их генезиса было отведено еще меньшее число статей; (см. Лекомцева 1972б; Коницкая 1995; 1996; Wiemer 2003а), и только совсем недавно вышла монография М. Янковяка (Jankowiak 2009), объектом которой стали белорусские говоры смешанного характера в системном освещении.

4. В результате обрисованного только что положения дел создалась парадоксальная ситуация, что говоры, с которыми так или иначе ассоциируется псевдотермин МП, могут оцениваться всего лишь на основе разрозненных, нередко анекдотических данных (как хотя бы выше разобранная «ходовая» цитата *γavórim po tutejszému* или ее менее «полонизированный» вариант *γavórim pa próstu*). Как правило, диалектологи (как польские и белорусские, так и литовские) оставляли в стороне материал и факты, которые приписывали более не определенному типу смешанных белорусских говоров. Но такие факты, которые откладывались в своего рода «кучу ненужной рухляди», регулярно «выплывают» при более пристальном разборе данных, которые накапливались как для славянских, так и для литовских говоров. Так, например, в словарях и статьях по литовским островным и приграничным говорам (лит. *paribio (pa)tarmės*) очень часты гибридные формы в словообразовании разных частей речи, которые объяснимы либо как кальки, либо как прямые заимствования из окружающей славянской среды; см. обзор в (Wiemer 2009). При этом самым вероятным источником калек и заимствований нужно считать белорусские

говоры, т. е., вероятнее всего, разновидности белорусского языка, стоящие за МП. Как бы обратной стороной славяно-литовского взаимодействия, в котором такие белорусские говоры, видимо, служили посредником, являются следы литовского фонетического (точнее фонотактического) субстрата в ПК, описанной еще Г. Турской (Turska 1995 [1982]). Польская исследовательница указывала на сильную регрессивную ассимиляцию согласных в довоенной ПК, причем она отстаивала тезис о том, что значительная часть литовского сельского населения в Вильнюсском крае (пол. *Wileńszczyzna*) старалась перейти на польский язык без посредничества белорусского языка. Однако нельзя не заметить, что результаты этой ассимиляции удивительно совпадают с тем, что можно было наблюдать в соответствующих белорусских говорах еще до 1980-х годов (см. Wiemer 2006) и что отмечал для своего белорусского информанта также О. Броч (Broch 1958). В заключение следует обратить внимание на еще одно обстоятельство: факт, что смешанные белорусские говоры выступали как своеобразная питающая среда на БСП, становится прямо или косвенно заметным и во многих послевоенных исследованиях, посвященных ПК, в которых для объяснения свойств ПК приходится опираться на данные по этим говорам (см., например, Кузнецова 1973; Kozłowska-Doda 1999).

Итак, избегая отражения фактов из смешанных белорусских говоров на БСП, диалектологи систематически уменьшали роль той разновидности, которая, вероятно, на всем БСП сказывалась (и во многих местах продолжает сказываться) как субстратное или адстратное явление, служа своего рода передаточным ремнем между отдельными славянскими и балтийскими разновидностями. Контактные языки, в свою очередь, оставили на ней свои следы, но и ее отпечаток на них неизгладим. Поэтому умаление или умалчивание значения белорусских говоров, объединяемых под псевдопонятием МП, для объяснения структурных характеристик языков (говоров) на территории этого пограничья, мягко говоря, не пошло на пользу адекватному научному освещению как социолингвистической ситуации в этом регионе, так и описанию и объяснению их структурных черт. Они ценны, не в последнюю очередь, и с ареально-типологической точки зрения (см. Wiemer & Erker 2011; Wiemer 2013).

5. Сказанное подтверждает более частный парадокс. На основании анализа записей из окрестностей Лиды, Налибок, Эйшишек, Девянишек и Адутишкиса в статье (Wiemer 2003a, 232–235) был сделан вывод, что случаев явного влияния со стороны польского языка в белорусских говорах, называемых «Мовой простой», весьма мало. По крайней мере, они не встречались в словоизменении, а из словообразовательной морфологии зарегистрировано только несколько случаев польского синтетического

образования сравнительной степени прилагательных (напр., *i my zdar'ofšyje / na'še n'ervy zdar'ofšy* — Еіš.). Немного больше проявленный польского влияния можно было отметить в фонетике, особенно в фонотактике. Так, например, наблюдалось оглушение [v → f] после [s]; ср.

(2) *parv'au sfaj'u 'majku* (Еіš.)

(3) *tam zargan 'izav'lala 'sfoja k 'vojsku* (Str.).

Также отсутствие аканья или яканья можно в отдельных примерах объяснить как следствие польского способа артикуляции неударных гласных; ср.⁷

(4) *tr'ysta s'orak b'er'e* [=запатабываем] (Еіš.)

(5) *nu n'ex'aj ka'rovy n'e m'ajom / a . kaz'u m'ajom* / (Еіš.)

Следует однако иметь в виду, что в данном случае в качестве эталона польского влияния принималась литературная норма, а не местная разновидность польского языка, т. е. ПК. Эта последняя сама находится скорее под сильным влиянием белорусских говоров, а не наоборот. Такое впечатление усугубляется, если мы учтем, что из обсужденных в Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999, 19–41 признаков ПК по меньшей мере 17 совпадают с типичными признаками белорусских говоров, называемых МП; подобное впечатление складывается и при пересмотре признаков (особенно морфосинтаксических), представленных в Morita 2006. Сюда относятся: (i) отсутствие клитик и (ii) свободное ударение (со всеми вытекающими отсюда последствиями, как, например, отсутствие перехода ударения на предлог, если тот сочетается с односложной словоформой; ср. *do ĭ'ej, n'e m'am* и т. п.); (iii) как правило, звонкая реализация /v/ после [s] (см. выше комментарии к примерам 2–3); (iv) {u} вместо {ov'i} в дат. падеже ед. числа мужского рода; (v) {aj} вместо {o} в твор. падеже ед. числа существительных *a*-склонения; (vi) обобщение окончания {of} в род. падеже мн. числа существительных всех родов и склонений; (vii) употребление «застывшей» формы 3 лица ед. числа наст. времени глагола *musieć*, т. е. *musi*, в качестве эпистемической частицы; ср., пример (6) из ПК (Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999, 41)⁸ и (7) из МП (Jankowiak 2009, 155):

⁷ Попутно эти примеры снова показывают, что бывает трудно решить, нужно ли рассматриваемые словоформы оценивать как заимствования из польского языка или как отражение продуктивных артикуляционных навыков. При решении этого вопроса необходимо также учитывать, что данные словоформы подвергаются свободному ударению, свойственному восточнославянским языкам, но не польскому.

⁸ Эту частицу для ПК засвидетельствовал также Morita 2006, 93.

(6) *no to, mus'i, pšyie'e*

‘ну тогда, **значит**, придет’.

(7) *vot / yetyx yrošaŭ u m'en'a bylo / mus'i iak'ix dv'enaccac» tys»ač*

‘вот / у меня были деньги / **должно быть** каких-то двенадцать тысяч’.

(viii) предикативное употребление причастий с неизменяемым окончанием на {šy} (см. ниже); (ix) употребление род. падежа для обозначения неопределенного количества референтов в позиции подлежащего или дополнения.

Эти и большинство других признаков, выделяемых как особенности ПК, встречаются также в МП. См. примеры по признаку (ix):

(8) *xl'eba byla / kart'ofle b'lyo // (Str.)*

(9) *i an'li tak'ix sm'ešn'yx anegd'ot'ikaf rask'azyval'i // (Ad.)*

На основании такого количества совпадений возникает вопрос, в чем же тогда отличие МП (или: соответствующих белорусских говоров) и ПК. То, что между ними есть различия, неоспоримо, и то по двум, казалось бы, независимым друг от друга причинам. Во-первых, помимо всяких совпадений с ПК структурная основа МП явно восточнославянская, если опираться на общепризнанные критерии: (а) свободное ударение (см. выше, признак (ii), отмечаемый для ПК); (б) переоформление корней, восходящих к общеславянской слоговой структуре *CVrC/*CVIC, как CVrVC/CVIVC (т.е. с полногласием, например *gorad, galava*), а не по образцу CrVC/CIVC, который наблюдается в западнославянских языках (например, пол. *gród, głowa*), в том числе в ПК; (в) появление эпентического [ʹ] в конце основы у определенных грамматических форм (напр., в 1 лице ед. числа основ наст. времени). В дополнение к этому в МП отмечаются явно белорусские признаки⁹: (г) морфонологическое чередование {d} → {dž} в 1 лице ед. числа основы наст. времени (напр. *ʹl'adʹ'-ec' → ʹl'adž'-u*); (д) расширение основ глаголов с помощью суффикса {va} (а не {iva/yva}),

⁹ Для того, чтобы оправдать белорусский характер изучаемого говора, опираться на чисто фонетические признаки, как, например, фрикативный [ɣ] (< [g]), неслоговой [ɥ] (< [l]), дзеканне-цеканне или тип аканья, недостаточно, так как они являются не столь надежным критерием, как полагается в некоторых исследованиях (см., например, Jankowiak 2009, 169–170). Причина в том, что либо данные признаки подвержены особо настойчивым колебаниям (по поводу аканья и дзеканья-цеканья см. Wiemer 2003a: 232 и сл.), либо они вписываются в гораздо более широкий диалектный пояс, иногда выходящий за пределы восточнославянского ареала, что лишает эти признаки их исключительно белорусского характера (особенно это касается аканья и фрикативного [ɣ]).

которое используется прежде всего для образования глаголов несовершенного вида (напр. *raskazac'* ⇒ *raskazyac'*).

Во-вторых, как сами носители (информанты), так и полевые исследователи, побывавшие в БСП, интуитивно, но очень четко, разграничивают МП и ПК и умеют определять, когда кто говорит на какой разновидности. Можно предполагать, что за этим перцептивным осознанием различий стоят такие глобальные и легко заметные свойства, как только что названные признаки (а-б). Предположительно частотность остальных трех признаков (в-д) значительно ниже, к тому же признаки (г-д) осуществляются непоследовательно и, видимо, подавляются конкурирующими русскими (см. раздел 8). Несоразмерна также и частотность многих признаков на фонетическом (фонотактическом), морфологическом и синтаксическом уровнях, которые как раз не различают белорусские говоры, относимые к МП, и ПК, и «подборка» которых приводилась выше вслед за Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999. По-видимому, объяснение своеобразного факта, что МП и ПК, с одной стороны, воспринимаются как четко отделенные друг от друга (и поэтому легко определяемые) разновидности на БСП, но, с другой стороны, не могут быть «разведены» достаточно четко на основании одних статично выделенных критериев, нужно искать в том, что эти признаки в соответствующих белорусских говорах и ПК распределены с неодинаковой частотностью и что они в разных пропорциях выступают в речи. Кроме того, нельзя не учесть, что МП и ПК, при всей общности лексического фонда, отличаются друг от друга целыми пластами употребительной лексики, включая и функциональные единицы. Хотя и этот аспект слишком мало изучен, чтобы можно было отважиться на эмпирически достаточно выверенные утверждения, но интуитивно он ясен для всех, кто когда-либо сталкивался с обеими славянскими разновидностями в полевых условиях.

6. При оценке наблюдений над говорами на БСП исследователи не раз останавливались на ряде особо ярких случаев, сходных с фактами, упоминаемыми в связи с МП. Ср., например, предикативное употребление причастий на {šy}¹⁰ или употребление окончания {of, 'ef} в род. падеже мн. числа существительных всех родов (для МП см. Erker 2009, 300 и сл.). Конечно, такие случаи особенно резко бросаются в глаза на фоне литературных славянских языков. Но они приобретают совершенно другую значимость, если мы учтем, что, во-первых, подобные факты отмечались уже достаточно давно для других некодифицированных славянских разновидностей далеко за пределами балто-славянского ареала, причем подчас

¹⁰ Эта запись охватывает все аллоформы данной грамлеммы.

в местах, расположенных на противоположных концах славяноязычного ареала. Так, например, предикативные причастия на {šy} часто упоминались как особенность русского городского просторечия, где их образование, скорее всего, менее регулярно, чем в балто-славянском ареале. Этот пример показывает также, что распространение тех или иных структурных особенностей иногда нужно рассматривать с точки зрения диастратической дифференциации, т. е. их вертикального расслоения в обществе. Что касается окончания {of, 'ef}, то его унификация по всем родам весьма распространена и в западнославянских говорах, но встречается и в восточнославянских говорах далеко от БСП, так же как в смоленских говорах (см. Расторгуев 1960, 101 и сл.; Липовская 1983)¹¹. В результате создается широкий пояс распространения также и этого признака, так что крайне трудно установить, где корни этой инновации (как в диахронном смысле, так и в плане ее очага). Подобное замечание можно сделать и по поводу постепенной потери среднего рода, уже хорошо описанной для БСП (для обзора и оценки см. Wiemer 2004, 511–515), но продвинувшейся также и в других восточнославянских районах, отдаленных от БСП (например, в курской-орловской и тульской группах говоров; см. Кузнецов 1973, 253), а также по поводу типов оформления категории одушевленности—неодушевленности. Что касается последней, то белорусские говоры представляют собой как бы зону переходов между той системой, которая отражена, соответственно, в литературных русском и польском языках (см. комментарии к картам 20 и 46 в Аванесаў и др. 1969). Вместе с тем нужно учесть, что в большинстве польских говоров (причем не только в восточной Польше) обнаруживается система, похожая на русскую, а не на литературную польскую, поскольку во множественном числе одинаково трактуются существительные всех родов; (см. Dejna ³1993, 232–240 + карта 70, а также Wiemer 2004, 507–511). Как видно, лингвогеографические данные для выяснения источников, влияющих на облик смешанных белорусских говоров (как и других говоров в БСП), сами по себе могут оказаться довольно бесполезными.

Во-вторых, только что упомянутые структурные особенности станут в другом свете, если мы обратимся к балтийским языкам. Тогда обнаружится, что и предикативные причастия на {šy} и тенденция к унификации окончаний в род. падеже мн. числа имеют «поддержку» в литовском языке, с носителями говоров которого сталкивалась хотя бы часть говоривших на том или ином белорусском говоре (а частично сталкивается

¹¹ Унификация этого окончания была отмечена также в говорах южной и восточной зон среднерусского наречия, см. Кузнецов 1973, 250–260.

до сих пор). В литовском языке (как в литературном, так и в говорах) существительные в род. падеже мн. числа обладают единым окончанием {u:}. А эквивалент причастий на {šy} в литовском (а также в латышском и латгальском) языке, причастия действит. залога прош. времени, служит стержневым компонентом при образовании перфекта¹². Вместе с тем, нельзя не заметить, что за причастиями на {šy} стоит длинная, вероятно, даже непрерывная история функционального развития с древних времен, восходящих, по меньшей мере, к древненовгородскому диалекту, изученному Андреем А. Зализняком (Зализняк 1995). Есть основание считать, что во всей западной окраине западновеликорусских и севернобелорусских говоров, граничащей с балтийским ареалом, т.е. примерно от Пскова до Лиды, причастные формы на {šy}, оказавшись вследствие утраты именного склонения у прилагательных и причастий в парадигматической изоляции, сохранялись в качестве самостоятельных предикатов для обозначения антериорных состояний или событий. На севере от Пскова и Великих Лук причастные формы на {šy} гораздо более редки (детали и ссылки см. в Wiemer & Giger 2005, разделы 3 и 5.2). Бросается в глаза, что в отмеченной выше функции причастия на {šy} выступают на всем протяжении БСП, так что не удивительно, что отмечаются они и в белорусских говорах, и в ПК. Можно предположить, что контакты с балтийскими говорами сыграли своего рода консервирующую роль¹³.

7. Далее, стоит подчеркнуть, что наряду с только что обсужденными яркими морфосинтаксическими особенностями в БСП необходимо тщательно рассматривать также и явления на первый взгляд менее заметные. Из них особенно ценны, с одной стороны, признаки, частотность которых

¹² Правда, следовало бы еще проверить, насколько часто и регулярно перфект используется в юго-восточных литовских говорах.

¹³ В речи русских старообрядцев выявляется очень много совпадений с признаками МП, в том числе и причастия на {šy}. В своей монографии по этим причастиям в речи старообрядцев, живущих в северо-восточной Польше, И. Марынякова указывала на преемственность этих форм из некогда родного говора польских старообрядцев, бежавших в свое время из окрестностей Великих Лук (Maruniakowa 1976). Сохранение причастий на {šy} в речи старообрядцев в Польше, где нет подобной поддержки в контактирующих языках, свидетельствует о том, что в известных социолингвистических условиях архаизмы могут сохраняться очень долго. К собственно диалектному континууму они не относятся. Решение, какой фактор — принадлежность к диалектному континууму или замкнутость группы, говорящей на архаическом говоре — дает перевес, очень затрудняется (если оно вообще возможно) в случае старообрядцев, проживающих в Прибалтике близко к восточнославянской языковой границе. У этих старообрядцев причастия на {šy} тоже отмечались (см. Šekmonas 2001, 119–122).

на уровне дискурса высока; такие признаки легче подвергнуть количественному анализу, особенно если вариантов реализации много, а стоящая потенциально за ними функциональная оппозиция включает более чем два члена. Сюда можно отнести окончания флексии. Часто различия на уровне словоизменения бросаются в глаза гораздо меньше, чем уже упомянутые маркеры {of, 'ef} или {u} vs. {ov'i} в дат. падеже ед. числа существительных мужского рода. Поскольку смешанные белорусские говоры БСП малоисследованы, а признаки, которые можно рассматривать с целью их характеристики, как правило, в высокой мере подвержены колебаниям, особенно трудной становится задача определения алломорфов и отграничения их от вариантов, распределение которых является свободным, т. е. не подлежит сколько-нибудь заметным условиям выбора (для обзора по именной флексии см. Эркер, наст. сборник).

С другой стороны, ценен разбор и тех признаков, которые хотя и гораздо менее частотны, но зато особенно показательны в плане распространения в географическом и социальном (диастратическом) пространстве. Ценность таких признаков возрастает тогда, когда по ним имеется достаточно много надежных данных из разных говоров внутри и вне рассматриваемого ареала, и если они позволяют реконструировать непрерывные изменения, уходящие возможно глубоко в диахронию.

Однако в любом случае следует считаться с тем, что разброс признаков по более узкому или широкому ареалу не даст достаточно оснований, чтобы исключить или, наоборот, подтвердить одну из возможных причин для появления (или сохранения) данного признака в исследуемом говоре. Кроме фактора контактов нельзя не учитывать и такие внутрисистемные факторы, как диаграмматическая иконичность (в духе Естественной морфологии)¹⁴ или типологическая отмеченность (см. Croft 2003), о которых можно предполагать, что они в конечном счете опираются на общекогнитивные процессы. С этими процессами не обязательно согласовываются факторы, связанные с коммуникативными потребностями говорящих. К ним относятся разные обстоятельства, склоняющие говорящего к тому, чтобы приспособиться к речи окружения. В отношении такого рода адаптации следует дальше различать ориентацию на (предполагаемую говорящим)

¹⁴ «Естественная морфология» в первую очередь преследует изучение системности морфологических парадигм и причин их изменения. При этом ее представители стремятся показать, каким образом в (пере)устройстве грамматических парадигм сама их структура (как своего рода «система ячеек») приводится в соответствие с содержательным соотношением между окончаниями и лексическими основами, а также — между множеством грамматических значений (часто кумулятивно выражаемых в показателях словоизменения). Ср. Mayerthaler 1981; Wurzel 1984.

норму той или иной престижной разновидности и ориентацию на навыки того коллектива, к которому говорящий чувствует себя привязанным и с которым он солидарен. Эти два вида нормы (осознанной vs. подсознательной) можно назвать соответственно ориентацией на престижность и ориентацией на солидарность. Как кажется, этот последний вид нормативной ориентации принимался во внимание в гораздо меньшей степени, чем первый.

Здесь хочется лишь обратить внимание на то, что различные причины могут взаимодействовать, и тогда становится крайне трудным установить, какая из них является решающей. Вместе с тем, на территории с очень интенсивными и многовековыми контактами между говорами языков и без того структурно близких часто оказывается невозможным установить «первоисточник» той или иной инновации или архаизма. Именно с такими проблемами мы сталкиваемся на примере причастий на {šy} и унификации окончаний род. падежа мн. числа, обсужденных выше. Правда, иногда факты, известные из других славяноязычных ареалов, позволяют если не исключить, то хотя бы значительно уменьшить роль «наследия» территориально смежных говоров. Иллюстрацией к сказанному могут послужить два других признака, засвидетельствованных в МП, если мы сопоставим их с данными, которые относительно тех же признаков приводились в литературе по восточнославянским диалектам:

- Синтетическое образование форм сравнительной степени прилагательных с помощью суффикса {(e)š}, упоминавшееся уже выше (см. раздел 5), в основном засвидетельствовано только в говорах Верхне-Деснинской группы южного великорусского наречия (Кузнецов 1973, 262). Поэтому причину ее появления в белорусских говорах, относимых к МП, действительно справедливо искать в той или иной разновидности польского языка.
- То же самое верно и для окончания {ov'i} (вместо {u}) в дат. падеже ед. числа мужского рода. На восточнославянской территории это окончание как исконное сохранилось только на юге Белоруссии и в украинском языке, причем там оно по аналогии распространилось и на местный падеж тех же классов существительных (Мацкевич и др. 1964, 40). Насколько мне известно, такое аналогическое распространение в релевантных здесь белорусских говорах не наблюдал никто; зато в польском языке, в котором окончание {ov'i} в дат. падеже ед. числа существительных мужского рода почти единственно возможное, подобное аналогическое распространение не отмечено. Поэтому появление этого окончания в МП естественнее всего искать именно в контакте с польскоговорящими.

8. Напоследок, ряд черт, встречаемых в записях по МП — особенно последнего времени, — свидетельствует о явном влиянии со стороны разновидностей русского языка, приближенных к его литературной норме¹⁵. К этим признакам принадлежит ударное окончание {á} существительных мужского рода мн. числа именит. падежа. Эта черта проникла в русскую литературную норму из севернорусских говоров, наименьшее распространение она имеет именно в говорах, граничащих с белорусской и украинской территориями (Бромлей & Булатова 1972, 102 и сл.). В белорусские говоры БСП оно попадает только спорадически¹⁶ и справедливо считать, что в них оно появляется целиком как заимствование из русского литературного языка. И в таких случаях очевидно, что для объяснения таких явлений в белорусских говорах БСП нельзя опираться на методы диалектной географии.

По предварительным наблюдениям влияние русского языка, причем в первую очередь литературного, отражается больше всего на уровне фонетики и лексики. Попеременное употребление белорусского и русского типа аканья (а также иканья; ср. *jin'a* vs. *jan'a*), появление мягкого {r'} прежде всего в заимствованиях из русской речи, неустойчивая мена [u : ɨ] в начале словоформ хорошо видны в следующем примере:

- (10) *a mn'e kalx'oz zaplac'liu— i mašlynu d'al' i što p p'er'ei—ež3 × 'ac"/ (...)*
nu / u— vai—n'u / rab'i / zai—m'om / i—a tut stai—'u / i—in'a tam sta'ic"
/ i—an'a tam sta'ic" / us"e γav'oruc" / us"e razγav'aryvai—uc" / us"e
lap'očuc" / (...) *dyk bryγa3'ir sam i—'exau da ž'enščynau— i gavar'lit*
tak (...) *muž i—ak 'um'er / 3"ev'ac' m'es"acau— pražlyu— [bol'noj] /*
sk'lorui—u [vyzvala] i 'u—m'er / tak raš'yla / us"o prγdal'a i kup'ila tut
'etu b'hudačku / i tak s"až'u i žyv'u / (...) *a pak'a s"až'u tut na m'es"ci (...)*
 (Латгалия; цит. из Jankowiak 2009, 177).

Заметно, что русские фонетические особенности (как, например, [r']) проявляются особенно часто в заимствованиях, причем такие заимствования из-за этимологической близости общих корней не всегда легко распознать. Как правило, русизмы «выдают себя», когда ударение данной словоформы отличается от белорусского; в (10) ср., например, *gavar'lit* ([r'] и [g] вместо [r] и [γ]). Однако регулярности таких соответствий нет, как показывает хотя бы словоформа *razγav'aryvaiuc'*: этот случай лексического

¹⁵ Коротко о русизмах на лексическом, а также морфологическом уровне см. Wiemer 2003a, 231 и сл.

¹⁶ См. Эркер, наст. сб.: раздел 3, где отмечен всего лишь один пример (*paspartá*).

заимствования сохраняет все белорусские фонетические особенности (по сравнению с русским). В других заимствованиях сохраняются словоизменительные особенности белорусского языка (ср., например, *ž'enščyna* и *m 'les 'acaŭ*), а иногда и фонетические признаки (ср. *bryŭaŭ'ir*).

9. В итоге этих рассуждений можно сказать, что при исследовании особенностей смешанных белорусских говоров БСП и их отличий от наиболее близких по строю и происхождению контактных диалектов особое значение приобретают количественные данные, в том числе как раз такие, которые учитывают перцептивный аспект структуры контактирующих языков (диалектов). Лишь учет распределения черт и анализ условий их появления в речи могут разрешить парадокс, на который обращалось внимание в разделах 4–5. Первые шаги в таком направлении сделаны, кроме (Судник 1975), некоторыми исследователями в Польше, причем имеется всего лишь одно исследование (а именно Jankowiak 2009), в котором фокус интереса сосредоточивается на белорусских говорах, между тем как в остальных работах, ставящих акцент на количественный аспект (см. среди других Morita 2006; Zielińska 2002), изучается ПК, а МП (т. е. белорусские говоры) упоминается скорее мимоходом. В названных только что исследованиях последних 10–15 лет преобладает социолингвистический взгляд на ситуацию «на Кресах», причем здесь находят свое отражение убедительные корреляции между различиями в общественной обстановке, в условиях и истории языковых контактов, но в них не хватает взгляда на структурные феномены с точки зрения ареальных конвергенций, которые стали развиваться в типологии за последние 30 лет. Иными словами: интерес диалектологов, изучающих ту или иную разновидность в БСП, был направлен в первую очередь на выявление различий, отличающих данную разновидность от соответственной литературной нормы за пределами изучаемого пограничья; или они стремились к определению если не изоглоссы, то обнаруживаемых в изучаемой разновидности черт, которые можно признать общими с теми или иными особенностями «традиционных» говоров, идеальными представителями которых считаются переходные, а не смешанные говоры наподобие МП¹⁷.

¹⁷ Смешанный характер какого-либо говора в большой мере выражается в том, что в нем трудно или невозможно выявить черты, укладывающиеся в обычные изоглоссы. В этом отношении смешанные говоры гораздо менее «удобны» с точки зрения ареальных континуумов и выяснения их генезиса. См. подробный обзор и обсуждение в Wiemer/Erker 2012–13.

Вместе с тем, если уж сопоставлялись особенности контактирующих разновидностей, не принимался в учет более широкий ареал, в который эти разновидности как бы погружены. На фоне более обширных ареалов — как славяноязычных, так и включающих районы за пределами славянской территории — значимость структурной вариативности легче релятивизировать.

10. Итак, в совокупности своих структурных черт белорусские говоры, которые имеют в виду, когда говорится о «Мове простой», мало чем отличаются от ПК, если эта последняя описывается сквозь призму польского литературного или ее исследование ограничивается статичным перечислением черт. Простые перечни особенностей как ПК, так и МП (или: белорусских говоров в БСП) неминуемо в большинстве своем будут совпадать, если мы будем сосредоточиваться на различиях по сравнению с той или иной литературной (кодифицированной) разновидностью. Если же перевести акцент с различий на черты, сходные между смешанными белорусскими говорами и ПК, а также контактирующими с ними (хотя бы в части данного пограничья) разновидностями других языков, угол зрения изменится кардинальным образом. Подход к этому пограничью с такой перспективы обладает по меньшей мере двумя преимуществами: во-первых, разновидности внутри данного ареала могут рассматриваться изнутри, а явления, выступающие в них (часто как конвергентные), будут признаваться как феномены *sui generis*. А во-вторых, признаки, выделяемые как характерные для всех или большинства разновидностей этого ареала или хотя бы одной из них, можно использовать как своего рода «список для проверки данных». Такому списку можно подвергнуть каждую разновидность и, таким образом, постепенно установить относительный коэффициент их взаимной структурной близости. В случае, если какая-нибудь разновидность обнаруживает исключительно много колебаний в осуществлении тех или иных структурных признаков и если в разных участках балто-славянского ареала эта разновидность обладает данными признаками неравномерно, ее можно «проводить» по этому списку отдельно для каждого участка. Тем самым мы бы сразу получили более объективную основу для проверки предположений по причинам такой территориальной неоднородности данных признаков. Такой подход кажется неизбежным для смешанных белорусских говоров, а для ПК он в некоторой степени был уже осуществлен в вышеназванных польских работах и в исследовании Т. М. Судник с конца 60-х и начала 70-х годов.

Выводы

1. Необходимо различать две принципиально разные задачи:

- (а) Описание самих смешанных белорусских говоров с точки зрения их структуры, включая весь диапазон вариативности
 - (i) отдельных их черт (учитывая возможную их взаимную обусловленность) и
 - (ii) в географическом аспекте.
- (б) Изучение роли этих говоров в образовании конвергентных характеристик говоров, выступающих в БСП. Эту роль, в свою очередь, нужно рассматривать с двух точек зрения:
 - (i) смешанные белорусские говоры как своеобразный фильтр или, наоборот, катализатор распространения конвергентных черт, который сам во многом повлиял на структурные изменения контактирующих в БСП языков (говоров);
 - (ii) смешанные белорусские говоры как результат и отражение многосторонних и долгих контактов.

2. Для справедливой оценки структурных свойств как белорусских, так и всех других взаимодействующих в БСП говоров необходимо рассматривать эти свойства на фоне более широких ареалов. При этом акцент нужно ставить не столько на различия между сосуществующими в БСП говорами, сколько на сходства, которые БСП в целом отделяют от более крупных ареалов, в состав которых оправданно включать БСП. Различия внутри БСП помогают уточнить масштаб микровариации, знакомство с которой, в свою очередь, полезно для описания самих смешанных говоров (как и любого другого говора в БСП).

3. Не следует ожидать пучков изоглосс. Реалистичнее ожидать ступенчатое наложение сходных черт внутри БСП, которые отчасти будут пересекаться с чертами, характерными для прилегающих регионов.

4. Вместе с подходами, используемыми в диалектной географии, часто может оказаться полезным или даже необходимым обратиться к данным диахронии, поскольку как раз они позволяют лучше понять, подкреплялся ли тот или иной случай структурной вариативности заранее заложенными тенденциями и соответствовал ли им некоторый диапазон вариантов и колебаний. Колебания создают благодатную почву для укрепления того или иного варианта, выбор (или возрастание частотности) которого может поддерживаться другими факторами, влияющими на структурные изменения.

5. Методы традиционной диалектологии не способны в полном объеме дать адекватную оценку наблюдаемой в говорах БСП вариативности структурных явлений в той мере, в какой на эту вариативность оказывают влияние надрегиональные и, как правило, кодифицированные разновидности славянских и балтийских языков, а также другие диастратические («вертикальные») факторы. Эта оговорка справедлива прежде всего в отношении роли русского и литовского литературных языков (и разновидностей, приближенных к ним).

Сокращения местностей

Ad. — Adutiškis
 Eiš. — Eišiškės
 Str. — Стрэльцы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесаў і др. 1969 — *Р. І. Аванесаў, К. К. Атраховіч, Ю. Ф. Мацкевіч*. Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969.
- Бромлей & Булатова 1972 — *С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова*. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Гриनावецкене и др. 1977 — *Э. Й. Гриनावецкене, Ю. Ф. Мацкевич, Е. М. Романович, Е. И. Чеберук*. Нерегулярные явления в фонетике, акцентуации и грамматике белорусских говоров западной зоны // *Lietuvių arealinės lingvistikos klausimai (= Lietuvių kalbotygos klausimai 17)*. Vilnius, 1977.
- Зализняк 1995 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Кузнецов 1973 — *П. С. Кузнецов* (ред.). Русская диалектология. (Учебное пособие для студентов пед. ин-тов). М., 1973.
- Кузнецова 1973 — *А. М. Кузнецова*. О характере фонетической реализации рядов свистящих и шипящих согласных в условиях многоязычия (на материале двух польских говоров на территории СССР) // *Польские говоры в СССР. Ч. 2: Исследования и материалы 1969–1971 гг.* Минск, 1973.
- Лекомцева 1972а — *М. И. Лекомцева*. О взаимодействии фонологических систем в районе балто-славянского пограничья // *Балто-славянский сборник*. М., 1972.
- Лекомцева 1972б — *М. И. Лекомцева*. Система значений глагольных граммем в пограничных литовско-славянских говорах // *Балто-славянский сборник*. М., 1972.
- Липовская 1983 — *Н. А. Липовская*. Форма родительного падежа множественного числа существительных женского рода с основой на парный твердый согласный // *Русские народные говоры (лингвогеографические исследования)*. М., 1983.
- Мацкевич и др. — *Ю. Ф. Мацкевич, А. Г. Мурашко, А. В. Орешонкова*. Об итогах работы по составлению атласа белорусских народных говоров // *Вопросы диалектологии восточнославянских языков*. М., 1964.

- Расторгуев 1960 — П. А. Расторгуев. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.
- Судник 1975 — Т. М. Судник. Дialeкты литовско-славянского пограничья (очерки фонологических систем). М., 1975.
- Чекман 1973 — В. Н. Чекман. Фонетические особенности говоров села Колесники Эйшишкского района Литовской ССР // Польские говоры в СССР. Ч. 1: Исследования и материалы 1967–1969 гг. Минск, 1973.
- Чекман 1980 — В. Н. Чекман. К проблеме литовско-белорусской фонетической интерференции в Пелясе // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.
- Эркер — А. Эркер (наст. сб.). Специфика именных парадигм в 'Мове простой'.
- Broch 1958 — O. Broch. Über einen weißrussischen Dialekt aus der Gegend südlich von Vilna // Zeitschrift für slavische Philologie 26, 1958.
- Budźko 2011 — I. Budźko. Gwary białoruskie rejonu brasławskiego: geneza, geografia, uwarunkowania socjolingwistyczne // E. Smułkowa (red.): Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność. T. 1: Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadectwo mieszkańców. Warszawa, 2011.
- Croft 2003 — W. Croft. Typology and Universals. Cambridge etc., 2003.
- Čekmonas 2001 — V. N. Čekmonas. Russian varieties in the southeastern Baltic area: Rural dialects // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Circum-Baltic Languages. Vol. 1: Past and Present. Amsterdam, Philadelphia, 2001.
- Dejna 1993 — K. Dejna. Dialekty polskie. Wrocław etc., 1993.
- Erker 2009 — A. Erker. Фактор языкового контакта в исследовании особенностей флективной морфологии 'Мовы прастай' (на примере окончаний родительного падежа существительных) // L. Scholze, B. Wiemer (Hgg.). Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten (Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag). Bochum, 2009.
- Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999 — I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa. Współczesne gwary polskie na dawnych Kresach północno-wschodnich. Warszawa, 1999.
- Jankowiak 2009 — M. Jankowiak. Gwary białoruskie na Łotwie w rejonie krasławskim. Warszawa, 2009.
- Kardelis et al. 2003 — V. Kardelis, B. Sinočkina, B. Wiemer & A. Zielińska. Sytuacja językowa na terenie od Wisagini do Hoduciszek na Litwie (raport z badań terenowych) // Acta Baltico-Slavica 27.
- Kozłowska-Doda 1999 — J. Kozłowska-Doda. O sytuacji języka polskiego w rejonie woronowskim na Białorusi // J. Rieger (red.). Język polski dawnych Kresów wschodnich. T. 2: Studia i materiały. Warszawa, 1999.
- Maryniakowa 1976 — I. Maryniakowa. Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław etc., 1976.
- Maryniakowa 1992 — I. Maryniakowa. Północno-wschodnie obszary polszczyzny wobec języków wschodniosłowiańskich i bałtyckich // Z polskich studiów slawistycznych, seria VIII. Warszawa, 1992.
- Mayerthaler 1981 — W. Mayerthaler. Natürliche Morphologie. Frankfurt/M., 1981.
- Morita 2006 — K. Morita. Przemiany socjolingwistyczne w polskich społecznościach na Litwie (region trocki) i Białorusi (region iwieniecki). Warszawa, 2006.
- Moser 2002 — M. Moser. Что такое «простая мова»? // Studia Slavica Hungarica 47, 2002.

- Pelcowa 1994 — *H. Pelcowa*. Głos w dyskusji nad gwarami przejściowymi i mieszanymi wschodniej Polski // J. Rieger (red.). *Studia nad polszczyzną kresową VII*. Wrocław etc., 1994.
- Smułkowa 2011 — *E. Smułkowa*. Sytuacja socjolingwistyczna i proces konwergencji języków na Braślowszczyźnie w świetle badań terenowych (1997–2007) // E. Smułkowa (red.). *Braślowszczyzna. Pamięć i współczesność*, t. 1: Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadek mieszkanców. Warszawa, 2011.
- Turska 1995 [1982] — *H. Turska*. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. Vilnius, 1995 [1982] [Репринт издания в: *Studia nad polszczyzną kresową I.*]
- Wiemer 2003a — *B. Wiemer*. ‘Mowa Prosta’ – Präliminaria zu einer strukturellen Beschreibung // R. Blankenhorn, J. Błaszczak, R. Marzari (Hgg.). *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 6*. München, 2003.
- Wiemer 2003b — *B. Wiemer*. Dialect and language contacts on the territory of the Grand Duchy of Lithuania from the 15th century until 1939 // K. Braunmüller, G. Ferraresi (eds.). *Aspects of Multilingualism in European Language History*. Amsterdam, Philadelphia, 2003.
- Wiemer 2004 — *B. Wiemer*. Population linguistics on a micro-scale. Lessons to be learnt from Baltic and Slavic dialects in contact // B. Kortmann (ed.). *Dialectology Meets Typology (Dialect Grammar from a Cross-Linguistic Perspective)*. Berlin, New York, 2004.
- Wiemer 2006 — *B. Wiemer*. Осуществление согласных в «мове простой» как показатель изменений в условиях контактов // *Acta Baltico-Slavica* 30, 2006.
- Wiemer 2009 — *B. Wiemer*. Zu entlehnten Präfixen und anderen morphosyntaktischen Slavismen in litauischen Insel- und Grenzmundarten // L. Scholze, B. Wiemer (Hgg.). *Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten (Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag)*. Bochum, 2009.
- Wiemer 2013 — *B. Wiemer*. Zur arealen Stufung im baltisch-slavisches Kontaktgebiet (und dabei auftretenden methodischen Desideraten) // N. Franz, M. Jakiš, S. Kempgen, M. Wingender (eds.). *Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress, Minsk 2013*. München, 2013. (Die Welt der Slaven, Sammelbände 50.)
- Wiemer & Erker 2011 — *B. Wiemer, A. Erker*. Manifestations of areal convergence in rural Belarusian spoken in the Baltic-Slavic contact zone. // *Journal of Language Contact* 4, 2011.
- Wiemer, Erker 2012–13 — *B. Wiemer, A. Erker*. Übergangs- und Mischdialekte: eine unnötige begriffliche Differenzierung? // *Zeitschrift für slavische Philologie* 69–1, 2012–13.
- Wiemer & Giger 2005 — *B. Wiemer, M. Giger*. Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (Bestandsaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten). München, Newcastle, 2005.
- Wurzel 1984 — *W.U. Wurzel*. Flexionsmorphologie und Natürlichkeit: Ein Beitrag zur morphologischen Theoriebildung. Berlin, 1984.
- Zielińska 2002 — *A. Zielińska*. Polska mniejszość na Litwie Kowieńskiej. Studium socjolingwistyczne. Warszawa, 2002.

Специфика именных парадигм в белорусских смешанных говорах на балто-славянском пограничье

1. Введение

Предметом представленного в данной статье исследования являются словоизменительные парадигмы имени существительного и прилагательного в белорусских смешанных говорах¹, сформировавшихся в условиях контакта между славянскими и неславянскими языками на белорусско-балтийских приграничных территориях (подробнее об истории формирования белорусских смешанных говоров см. Wiemer 2003, 227; Erker 2009, 293–295; Wiemer (в данном сборнике)).

Используемые для исследования диалектные данные были собраны в 2003 году в Браславском и Лидском районах на территории Белоруссии. Выбор именно этих двух точек не случаен. Сопоставление данных из Лидского и Браславского районов, представляющих собой — с территориальной точки зрения — два наиболее отдаленных пункта распространения белорусских смешанных говоров, позволит получить более комплексную картину данных в области именных парадигм. В общей сложности для исследования были использованы диктофонные записи диалектной речи² 55 информантов (28 — из Браславского района и 27 — из Лидского). Примеры в тексте обозначены соответственно: Браславский район имеет обозначение (Бр.), Лидский — (Лид.). Информанты подбирались по возрастным (от 65 до глубокой старости) и социальным (посещение начальной польской школы, владение, как минимум на уровне понимания, региональным вариантом польского языка) факторам. Для всех опрошенных информантов региональный белорусский

¹ Белорусские смешанные говоры вслед за самими информантами часто именуются «мовой простой». Подробнее о проблематике терминологии, а также об ограничении белорусских смешанных говоров от других контактирующих идиом балто-славянского пограничья, в частности, от северной польщизны кресовой, см. Wiemer (в данном сборнике).

² Письменное оформление устной речи информантов в данной статье производится с учетом стандартов, приближенных к международному фонетическому алфавиту (IPA). При этом звуки [i] и [y] передаются при помощи двух знаков: *i* — после мягких согласных и *y* — после твердых. Учитывая это положение, дополнительное обозначение мягкости/твердости согласного, как [ˈi], излишне.

вариант (т. е. белорусский смешанный говор) является основным средством общения.

В дальнейшем будут представлены словоизменительные парадигмы имен существительных и прилагательных согласно их грамматическим признакам. Последующее исследование включает, там, где это необходимо, возможные объяснения возникновения, сохранения или постепенного исчезновения тех или иных черт, наблюдаемых в этой области. Особое внимание уделяется исследованию и объяснению присущей белорусским смешанным говорам вариативности. При этом в рассмотрение в равной степени принимаются внутриязыковые тенденции развития, непосредственный языковой контакт, а также распространение и развитие определенных черт внутри более широких ареалов.

2. Склонение существительных в единственном числе

2.1. Существительные мужского рода на согласный

Преобладающее большинство существительных мужского рода оканчивается в белорусском смешанном говоре на согласный и имеет следующую словоизменительную парадигму:

Таблица 1. Словоизменительная парадигма существительных мужского рода на согласный в единственном числе

Падеж	Браславский район	Лидский район
Именительный	{Ø}	{Ø}
Родительный	{a}/{u}	{a}/{u}
Дательный	{u}	{u}
Винительный	= Им. (неодушевл.) = Род. {a} (одушевл.)	= Им. (неодушевл.) = Род. {a} (одушевл.)
Творительный	{am/óm}, спорадически {em}	{am/óm}, спорадически {em}
Предложный	{u}, {e}, {y/i}	{u}, {e}, {y/i}

В родительном падеже единственного числа у существительных мужского рода наблюдаются окончания {a} и {u}, причем {a} может выступать у всех существительных, как одушевленных, так и неодушевленных, а окончание {u} — только у части неодушевленных существительных. Речь в этом случае идет о вариативном употреблении окончания {u}, распространяющегося на некоторые существительные

мужского рода в качестве факультативного варианта. Группу таких существительных можно наметить лишь схематически, для получения более конкретных результатов необходимы дополнительные исследования непосредственно в этой области. Окончание {u}, за некоторыми очень редкими случаями смешения³, не свойственно неодушевленному существительным, обозначающим конкретные предметы, которые можно видеть, посчитать. За пределами выражения функции партитива⁴, наблюдаемого (непоследовательно) во всех славянских языках, его употребление в белорусских смешанных говорах отмечается в основном в сфере существительных, обозначающих абстрактные понятия, явления природы и социальной жизни, при этом окончание {u} здесь может наблюдаться и у существительных, выступающих с предлогом, см. следующие примеры:

- (1) *n'amá s'enakósu* (Лид.); *s fróntu* (Бр.); *jéxali da šl'úbu* (Бр., Лид.).

Случай, в котором оба окончания показывают наиболее высокую вариативность, наблюдаемую даже у одного и того же информанта, представляет собой существительное *kas'c'ol*, управляемое предлогом *da*, ср. примеры в (2):

- (2) *xažú da kas'c'óla* (Лид.); *jon xódzic'da kas'c'ólu* (Лид.); *išlí da kas'c'ólu* (Бр.); *us'é xódzim da kas'c'óla* (Бр.).

Та же особенность отмечена и для северной польщизны кресовой, ср. «*pojexac'tam do kos'c'ólu obok do kos'c'óla u tego samego informatora* (Rakowskiе)» (Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999, 33).

³ Речь здесь идет о непоследовательности распределения окончаний {a} и {u} по семантическим признакам в белорусском смешанном говоре. Ср., напр., спорадическое употребление окончания {u} у существительных, обозначающих конкретные предметы, как *zapytác'yádrasu, úlicy, dómu* (пример из Судник 1975, 205), и окончания {a} у существительных, обозначающих (часть) вещества, как *daváli kip'atká nam u daróy'e* (Лид.).

⁴ Сохранившиеся в белорусских смешанных говорах в качестве реликтовых формы партитива, ср., например, *my š sáxaru n'e májem* (Бр.); *prynasila róslaya yaróxu* (Бр.); *páni prasíla ukrópu* (Бр.); *sóku výpje* (Лид.), наблюдаемые у некоторых отдельных неодушевленных существительных мужского рода на согласный, относятся к явлениям общевосточнославянским, чье происхождение часто связывается с партитивом в финском языке (об этом подробнее в Dahl & Koptjevskaja-Tamm 2001, 540–544).

Наличие окончания {u} в родительном падеже у существительных мужского рода свидетельствует в современных славянских языках⁵ о реликтах исторического склонения на **й*, совпавшего в последствии со склонением на **о*, что привело к вариативности этих окончаний и их перераспределению внутри родительного падежа по специфическим для каждого языка правилам, см. подробнее в (Greu 1994, 48). Вариативность окончаний {a}/{u} у неодушевленных существительных мужского рода в форме родительного падежа наблюдается во всех русских, белорусских и украинских говорах. В северной польщизне кресовой окончание {u} в родительном падеже закрепилось в сфере неодушевленных существительных с основой на согласный, одушевленные существительные имеют здесь окончание {a}, ср. следующие примеры, представленные Коницкой (1996, 76):

(3) *ojcá, gospodáža*, но *majóntku, vórku, dómu*.

Подробнее о распределении окончаний {a} и {u} в родительном падеже единственного числа у неодушевленных существительных мужского рода на согласный в белорусских смешанных говорах см. в Erker 2009, 293–305.

В дательном падеже единственного числа у существительных мужского рода на согласный в обоих регионах наблюдается окончание {u}⁶:

(4) *pryn 'ós ks 'anzú* (Бр.), *k kan 'ú* (Бр.), *pryn 'asú atcu, brátu* (Лид.).

При выборе окончаний в винительном падеже непосредственное значение у существительных мужского рода имеет признак одушевленности/неодушевленности⁷: у неодушевленных существительных форма винитель-

⁵ Речь здесь идет только о тех языках, в которых окончание {u} в родительном падеже сохранилось, т. е. такие славянские языки, как боснийский/сербский/хорватский, а также болгарский и македонский, по причине полного отсутствия в последних падежной системы, здесь не учитываются.

⁶ В этом и последующих случаях соответственно подразумеваются также и варианты окончаний после мягких согласных, т. е. {i}, {'a}, {'u}.

⁷ В белорусских смешанных говорах морфологическое выражение одушевленности/неодушевленности осуществляется по «восточнославянскому образцу», т. е. категория одушевленности находит свое морфологическое выражение у существительных мужского рода с основой на согласный в форме винительного падежа единственного числа, совпадающей с формой родительного падежа единственного числа у одушевленных и с формой именительного падежа у неодушевленных существительных; существительные женского и среднего рода в единственном числе не имеют формального разграничения на одушевленные и неодушевленные,

ного падежа совпадает с формой именительного падежа, см. примеры в (5а), у одушевленных существительных — с формой родительного падежа (5б):

(5а) *u maŭázin* (Бр.); *u kas'c'ól* (Бр.); *za s''v'et, za ɣas* (Лид.).

(5б) *v'éryli ŭ Bóɣa* (Бр.); *kan'á stávili* (Бр.); *unúka vućú* (Лид.); *bráta aryštóvyvali* (Лид.).

В творительном падеже для преобладающего большинства существительных мужского рода единственного числа в обоих регионах характерно окончание {am/óm}:

(6а) *paznakómilas'a z mál'cam* (Бр.); *xvastóm krúcić'* (Бр.); *vúški z mákam* (Лид.); *s ks'anzóm* (Лид.).

Существительные мужского рода на мягкий согласный спорадически получают выступающее здесь в качестве фонетического варианта⁸ окончание {em} (всегда безударное), ср., напр.:

(6б) *pad kámn'em* (Бр.); *vućýc'el'em byŭ* (Бр.); *z' z'ác'em* (Лид.); *byŭ yirójet* (Лид.).

Окончание {em} может варьироваться с окончанием {om} у одних и тех же лексем, при этом немаловажную роль играет ударение, ср., *s kón'em* (с ударением на основе) и *s kan'óm* (с ударением на окончании) или *z ɣétym kul'óm* и *kúl'em*. Сохранение /e/ в заударной позиции в диалекте с сильным аканьем и диссимилятивнонедиссимилятивным яканьем может быть обусловлено контактом белорусских смешанных говоров с региональным вариантом польского языка, где {em} является регулярным окончанием

во множественном числе разделение на одушевленные и неодушевленные существительные производится последовательно: форма винительного падежа у одушевленных существительных всех родов совпадает с формой родительного падежа, у неодушевленных — с формой именительного падежа.

⁸ Под фонетическими вариантами окончаний в представленной работе понимаются фонотактически обусловленные изменения гласных. Сюда же можно отнести и варианты, обусловленные артикуляторными навыками информантов. На данном этапе исследования, учитывая высокую подверженность исследуемого говора колебаниям, невозможно с точностью определить, идет ли речь об алломорфах, т. е. обоснован ли выбор тех или иных окончаний определенными условиями, или о свободных вариантах. Такое разграничение, если это вообще возможно, могут обеспечить только дальнейшие исследования.

творительного падежа единственного числа у существительных мужского и среднего рода (подробнее см. в Stelmaczonek 2004, 109).

Предложный падеж у существительных мужского рода в исследуемых говорах отличается многообразием флективных форм, обусловленным отчасти конечным согласным основы существительного, а также акцентологическим типом. В значении местного падежа окончание {e} имеют существительные мужского рода с основой на твердый согласный, кроме /g/, /k/, /x/ и /r/, /ž/, /c/, при этом в конце основы наблюдается чередование по твердости/мягкости, ср., например:

- (7a) *na m'asakambinác'e* (Лид.); *u kas'c'él'e* (Лид.); *f pásparc'e* (Лид.);
u mařazín'e (Бр.); *va ins'citúć'e* (Бр.); *u zapás'e* (Бр.).

Вариативно, с некоторым превосходством, здесь также выступает [i], см. следующие примеры:

- (7б) *u Brásłavi* (Бр.); *u kalxózi* (Лид.); *u klúbi* (Лид.); *na m'asakambináci*
(Лид.).

Сохранение конечного безударного [e] у существительных женского и мужского рода первого и второго склонения в предложном падеже единственного числа является нормой белорусского литературного произношения, в белорусских говорах наблюдается скорее вариативное употребление [i] и [e], см. здесь, к примеру, Бiрыла & Шуба 1985, 44: «Яшчэ патрэбна агаварыць адхіленне, якое можа быць пры вымаўленні канцавога [e] у назоўніках жаночага і мужчынскага роду першага і другога скланення ў месным склоне адзіночнага ліку, дзе павiнен вымаўляцца крыху аслаблены, але выразны [e]: [у хáц'е], [на рабóц'е], [у л'эс'е], але на дыялектнай глебе часта вымаўляецца [i]: [у хáц'i], [у л'эс'i]».

ДАМБ (1963, Карта 18) отмечает вариативное употребление [e]/[i] как для северо-восточных, так и для югозападных белорусских говоров. В белорусских говорах на территории Краславского района Латвии также используются обе формы, при этом, как отмечает Jankowiak (2009, 137–138), формы с безударным [e] здесь незначительно преобладают. Переход конечного безударного [e] > [i] широко отмечается и для северной польщины кресовой⁹ (см. здесь Grek-Pabisowa & Mařyniakowa 1999, 24–25; Grek-Pabisowa 2002, 36–37; Morita 2006, 84–85).

⁹ Переход конечного безударного [e] > [i] у названного класса существительных рассматривается исследователями в ряду других явлений, известных в северной

Окончание {u} в предложном падеже единственного числа получило в исследуемом говоре довольно широкое распространение, оно отмечается в основном у существительных с основой на /g/, /k/, /x/:

(7в) *na zamkú* (Бр.); *u bánku* (Лид.); *u cexú* (Лид.); *u kuskú* (Лид.); *u sádziku* (Бр.); *na taryú* (Бр.); *u Mínsku* (Бр.); *na jazykú* (Бр.); *u xaladzil'niku* (Лид.); *u atpuskú* (Лид.).

Широкое употребление окончания {u} в предложном падеже у существительных мужского рода свойственно не только всем белорусским говорам, расширенным (по сравнению со многими говорами севернорусского наречия, а также с некоторыми южнорусскими говорами) его употребление является в западных русских говорах, особенно в их южной части. Окончание {u} здесь наблюдается не только у неодушевленных, но и у одушевленных существительных, у существительных с разным количеством слогов в основе, а также при любом акцентологическом типе (см. подробнее в Аванесов & Орлова 1965, 108–109).

Такие спорадические употребления, как *na palú* (Лид.) и *v lisú* (Лид.), являются, по всей вероятности, прямым заимствованием из русского языка,¹⁰ ср., здесь также вариативно с ними употребляемые сочетания *padlóz'e/padlózi* и *u l'és'el'ési*.

Окончание {i} наблюдается в белорусских смешанных говорах у существительных с основой на мягкий согласный, например:

(7г) *na kaní* (Бр.); *na pni* (Лид.); *u výraji* (Лид.).

Существительные мужского рода с основой на шипящие и /t/, /c/ могут присоединять как /y/, так и /e/, причем окончание {e} выступает здесь только под ударением, а {y} — в безударном и ударном варианте:

(7д) *na xútary* (Лид.); *u xarác'ery* (Лид.); *u nóvam dvaré* (Лид.); *va dvaré* (Бр.); *u kancý* (Бр.); *na altážu*¹¹ (Бр.).

польщизне кресовой как переход [e] > [i, y], наблюдаемый у разных частей речи, ср. здесь примеры из Morita (2006, 84–85): *v vil'ni, f kus'c'eli, ranij, jedyn, troxi, pracuji, vuzýji* и др.

¹⁰ Здесь, предположительно, заимствовано не только окончание, а вся основа, на что указывает наличие свойственного русскому языку иканья в примере *v lisú*.

¹¹ Форма предложного падежа (*na*) *altážu* восходит, по всей видимости, к польск. (*na*) *oltárze*, на что указывает польское ударение и конечный согласный основы. Заимствованная из польщизны кресовой форма подверглась в белорусских смешанных

2.2. Существительные среднего рода

Существительные среднего рода имеют в белорусских смешанных говорах в именительном падеже единственного числа следующие окончания: {o} под ударением, {a}, представляющего собой результат редукции конечного /o/ согласно сильному аканью, и окончание {e}, например:

- (8) *v'adró* (Бр.); *takóje zdarén'n'e* (Лид.); *dz'éctva c'áškaje* (Лид.); *takóje ščas'c'e* (Бр.).

В косвенных падежах у существительных среднего рода наблюдается следующая словоизменительная парадигма:

Таблица 2: Словоизменительная парадигма существительных среднего рода в единственном числе

Падеж	Браславский район	Лидский район
Именительный	{a/ó}, {e}	{a/ó}, {e}
Родительный	{a}	{a}
Дательный	предварительно {u}	предварительно {u}
Винительный	= Им.	= Им.
Творительный	{am/óm}, {em} у сущ. ср. р. на {e}	{am/óm}, {em} у сущ. ср. р. на {e}
Предложный	{e}, {i}	{e}, {i}, {u} один пример

В родительном падеже за существительными среднего рода закрепилось окончание {a}:

- (9) *z yumná vyl'es* (Лид.); *m'ašók žyta addalí* (Лид.); *ni máju pan'ác'c'a* (Лид.); *začérpač zólata* (Бр.); *l'ašýli mac'arýnstva* (Бр.).

В дательном падеже, за неимением достаточного количества примеров, удается только предположить, что окончание здесь совпадает с рассмотренным выше окончанием существительных мужского рода в дательном падеже единственного числа, ср. *pól'u*, *s'alú* как *ks'anžú*, *brátu*. Недостаточность примеров существительных среднего рода в форме дательного падежа

говорах фонетическому воздействию аканья (в основе) и иканья (в окончании), при этом [e] > [y] здесь обусловлено твердостью конечного согласного основы.

единственного числа может объясняться, в некоторой степени, общей немногочисленностью класса существительных среднего рода по сравнению с мужским и женским, и соответственно более низкой частотностью их употребления в свободном дискурсе. Об относительной неустойчивости форм среднего рода по сравнению с мужским и женским см. ниже в данной главе.

Форма винительного падежа единственного числа существительных среднего рода совпадает с формой именительного падежа:

- (10) *u víxa* (Лид.); *i palatnó, i sukno addála* (Лид.); *m'ésta nájdz'em* (Бр.); *na kládbišča* (Бр.).

В творительном падеже существительные среднего рода, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на {a/ó}, получают окончание {am/óm}:

- (11a) *mýlam mýliu* (Бр.); *z žyc'c'óm* (Бр.); *slóvam, dz'élam* (Лид.); *z mala-kóm* (Лид.).

Вариант {em}, встречающийся в исследуемых говорах намного реже, присоединяют существительные среднего рода на {e}, ср., например:

- (11б) *mu ni byli iskl'učén'n'em* (Лид.); *z takim l'ačén'n'em* (Бр.).

Вариативность окончаний в предложном падеже единственного числа обуславливается в основном, как и у существительных мужского рода, фонетическими условиями. Окончание {i} наблюдается у существительных среднего рода с мягкой основой:

- (12a) *u póli* (Лид.); *u sastajániji* (Лид.); *u navakól'li* (Бр.).

Существительные с твердой основой в большинстве случаев присоединяют окончание {e}, ср., например:

- (12б) *u yumn'é* (Лид.); *u stádz'e* (Лид.); *na dz'él'e* (Лид.); *u balóc'e* (Бр.); *na m'és'c'e* (Бр.); *u žýc'e* (Бр.),

При этом, как и у существительных мужского рода на твердый согласный, происходит чередование по твердости/мягкости в конце основы (*n/n', d/dz', t/c'* и т. д.). Вариативно здесь также наблюдается окончание {i}, например:

(12в) *u dz'acínstvi* (Бр.); *u dz'éctvi* (Лид.).

Причины возникновения и сохранения фонетических вариантов [e]/[i] здесь такие же, как и у существительных мужского рода в форме предложного падежа единственного числа, см. в предыдущей главе.

Зарегистрированное в Лидском районе окончание {u} в примере *u adz'én'n'u* может быть окказионализмом, но может также иметь и более глубокие причины возникновения, как, например, контакт с региональным польским языком, т. к. известно, что существительные среднего рода на {e} отличаются в польском языке от существительных на {o} тем, что они присоединяют окончание {u}, ср., следующие примеры форм предложного падежа из польского: *polu (pole)*, *sercu (serce)* и *drzewie (drzewo)*, *blocie (bloto)*, см. также в: Коницкая 1996, 76. С другой стороны, появление здесь окончания {u} может быть вызвано и внутриязыковыми факторами, т. е. употребляться по аналогии с соответствующими формами существительных мужского рода. То же самое отмечают Букринская и др. (2008, 154) и для городоксконевельского диалекта на границе Белоруссии и России.

Следует обратить внимание на тот факт, что при общем сохранении среднего рода как грамматической категории в белорусских смешанных говорах у соответствующих форм существительных по сравнению с мужским или женским родом отмечается некоторая неустойчивость, проявляющаяся на всех грамматических уровнях.

На фонетическом уровне формы существительных среднего рода с ударением на основе, в силу сильного аканья, совпадают с формами существительных женского рода, ср., например:

(13) *sérca; dz'éla; c'ésta; žýta* (ср. р.) и *škóla; xáta; daróya* (жен. р.).

Сильное аканье приводит также к неразличению согласуемых с существительными в роде и числе форм личных глаголов прошедшего времени:

(14) *sérca* (ср. р.) *n'e výdz'aržala* (ср. р.) и *pryjéxala* (жен. р.) *s'astrá* (жен. р.) *z Litvú*.

Употребляемые в атрибутивной функции формы прилагательных, внешне не отличающиеся от кратких форм,¹² совпадают у существительных среднего и женского рода, ср.:

¹² Поскольку о генезисе таких форм в белорусских смешанных говорах пока ничего не известно, корректнее в этом отношении будет подавать их с точки зрения

(15) *žyc'e c'áška* (ср. р.) и *pól'ska učyc'él'ka* (жен. р.).

Однако необходимо указать, что такое совпадение указанных форм прилагательных, как и само их возникновение в белорусских смешанных говорах, может иметь другие причины, не связанные напрямую с колебаниями в области среднего рода, см. также в главе 4.1.

На морфосинтаксическом уровне в исследуемых говорах отмечаются случаи согласования существительных среднего рода с местоимениями в форме женского (чаще) или мужского (реже) рода:

(16) *vo jakája žycs'ó* (Лид.); *káždy sv'áta* (Лид.); *takája žyc'a náša* (Лид.); *svajá pól'e býla* (Бр.); *vo jakája yóra býla* (Бр.); *svajá taksí býlá* (Лид.).

Неустойчивость на морфологическом уровне проявляется в частичном совпадении словоизменительных парадигм у существительных среднего и мужского рода во множественном числе. Так, в именительном падеже у существительных среднего рода преобладает окончание {i/y}, как и у существительных мужского рода, ср.:

(17a) *sv'áty* (Бр., Лид.); *vójski* (Бр., Лид.); *saapščénni* (Лид.).

Окончание {i/y} варьируется с «законным» окончанием среднего рода {a}, напр.:

(17b) *s'v'áta* (Лид., Бр.); *čýsla* (Бр.); *pal'á* (Лид.).

Вариативность в этом случае может свидетельствовать о том, что наметившийся процесс унификации окончаний в представленной форме является незавершенным. То же касается и окончания родительного падежа множественного числа, ср., *slóvaŭ* как *damóu*; подробнее об окончаниях существительных во множественном числе см. в главе 3.

При общем сохранении грамматической категории среднего рода колебания отмеченного характера наблюдаются и в других, как контактирующих, так и не состоящих в непосредственном контакте с белорусскими смешанными говорами, диалектах. Расширение класса существительных

самих представителей исследуемого говора, т. е. различать их как «краткие» по сравнению с полными формами прилагательных. От терминов «стяженные», «усеченные» и «именные» следует на данном этапе исследований отказаться.

женского рода за счет существительных среднего рода с ударением на основе отмечается, например, на всей территории акающих говоров, в то время как в говорах северного наречия и в среднерусских (в основном окающих) говорах наблюдается сходное с литературным распределение существительных по родам, хотя и здесь отмечаются свойственные каждому отдельному говору особенности. Так, например, во многих южных говорах, а частью и в переходной полосе, наблюдается, по крайней мере, частичная утрата среднего рода. Она выражается как в склонении соответствующих существительных, так и в согласовании с ними зависимых слов. Переход в женское склонение на {а} охватывает не все слова в равной мере и отражается неодинаково во всех падежах, особенно широко этот переход наблюдается в винительном падеже единственного числа: в *ста́ду*, *в по́лю*, реже в остальных падежах (Кузнецов 1954, 76). Чаще происходит согласование по женскому роду *большая стадо, село*, реже наблюдается переход в мужской род: *молоко вы́тек* (Там же).

Поскольку разрушение категории среднего рода характеризует именно акающие говоры, многие исследователи полагают, что причиной его являются именно фонетические отношения — редукция безударных гласных в окончаниях (Там же, 76–77). В ряде севернорусских говоров наблюдается переход некоторых существительных среднего рода с **безударной флексией** в класс существительных женского рода (Демидова 1979, 6). Для территорий, близких к Смоленску, а также в говорах Южного Приуралья отмечается полный переход существительных среднего рода в грамматическую категорию мужского рода (Аванесов & Орлова 1965, 99–100). Случаи полной элиминации среднего рода представляют собой очень редкие явления, наблюдаемые в основном на территориях, где русские говоры граничат с нерусскими, к примеру, как в говорах Южного Приуралья, граничащих с башкирскими говорами, в которых (как во всех тюркских языках) нет категории рода (Кузнецов 1954, 77; Аванесов & Орлова 1965, 99–100).

Колебания в грамматической категории среднего рода наблюдаются и в северной польщизне кресовой. Ассимиляция форм среднего рода осуществляется здесь, как и в белорусских смешанных говорах, как на фонетическом, так и на морфосинтаксическом уровне. Такие изменения, по мнению исследователей, вызваны, в первую очередь, воздействием на польщизну кресову белорусского (сильного) аканья (Grek-Pabisowa & Magyńska 1999, 32–33). Коницкая (1996), опираясь на выводы других исследователей, причину колебаний в системе окончаний среднего рода в польщизне кресовой видит также в субстратном влиянии литовского языка, в котором отсутствует категория среднего рода.

Субстратное влияние литовского языка нужно принять во внимание и для белорусского смешанного говора, однако здесь в равной степени следует учесть и внутриязыковые факторы, как фонетические (сильное аканье), так и морфологические (тенденцию к образованию окончаний по образцу более устойчивой парадигмы мужского рода).

2.3. Существительные женского рода на {a}

Существительные женского рода на {a}, типа *škóla, vajná, xáta, móva, s'astrá, s'amjá* и др., имеют в единственном числе следующую словоизменительную парадигму:

Таблица 3: Слоизменительная парадигма
существительных женского рода на {a} в единственном числе

Падеж	Браславский район	Лидский район
Именительный	{a}	{a}
Родительный	{y/i}	{y/i}
Дательный	предварительно {e}, {i}	предварительно {e}, {i}
Винительный	{u}	{u}
Творительный	{ó/j/aj}	{ó/j/aj}, {aju} один пример
Предложный	{i}, {e}, {y}	{i}, {e}, {y}

В родительном падеже выбор фонологических вариантов {y/i} обуславливается конечным согласным основы: существительные женского рода с основой на твердый согласный, кроме /g/, /k/, /x/, получают окончание {y}, а существительные с основой на мягкий согласный и на /g/, /k/, /x/ — окончание {i}, например:

(18a) *z jakój staraný* (Лид.); *prócių ulády* (Лид.); *kvarcírų mála* (Бр.).

(18б) *nášaj radní n'e byló* (Лид.); *kal'á daróyi* (Лид.); *niadnéj kap'ějki* (Бр.); *trymális'a svajěj v'óski* (Бр.).

То небольшое количество примеров существительных женского рода в дательном падеже, которое мне удалось извлечь из находящихся в моем распоряжении записей, не позволяет пока сделать окончательный вывод обо всех морфологических признаках, присущих существительным женского рода в форме данного падежа. По предварительным наблюдениям, существительные женского рода на {a} присоединяют в дательном падеже

единственного числа окончания {e} и {i} (второе как фонетический вариант первого), причем {e} больше присуще существительным с твердой основой, как в *dalá jés'c' karón'e, kaz'é* (Бр.); *k mám'e* (Лид.), а второе — существительным с мягкой основой, ср., *relíjiji vučýli* (Бр.); *babúli bylo 90 γadóu* (Бр.).

Спорадически у существительных женского рода на {a} в функции дательного падежа выступают формы, внешне похожие на форму творительного падежа, ср.:

- (19) *a na što ž nam byló splácyvac's'astrój* (Бр.); *mal'čyk byu n'ev'alíki, matkaj za rukú učapíušys'a išou* (Лид.).

В своей статье Гринавецкене и Мацкевич (1979, 52–56) говорят в этом случае об особой форме дательного падежа, выступающей в белорусских пограничных диалектах (в особенности в Браславском и Тракайском регионах) и возникшей под влиянием контакта с литовским языком, в котором {ai} регулярно выражает дательный падеж единственного числа существительных женского рода на твердую основу.

В винительном падеже существительные женского рода на {a} имеют окончание {u}:

- (20) *u xátu* (Лид.); *zbaj bás'n'u* (Бр.); *lámpu zapalila* (Бр.); *pilí addála* (Бр.); *za z'aml'ú* (Лид.).

В творительном падеже в обоих регионах преобладает окончание {aj/ój}:

- (21) *s pálkaj* (Лид.); *z baradój* (Лид.); *zváli šl'áxtaj* (Бр.); *sxaváli pad jáblyn'aj* (Бр.); *z γólaγ γalavój* (Бр.).

Зарегистрированное в Лидском районе окончание {aju} в примере *za čarníkaju* выступает в качестве варианта к окончаниям {ój/aj}. Окончание {aju} приводится для характеристики юго-западных белорусских говоров (Блінава & Мяцельская 1991, 194), а также встречается (наряду с {ój/aj}) преимущественно в юго-западных областях русских говоров (Аванесов & Орлова 1965, 105–106); употребление {óju/aju} характерно и для говоров Смоленщины (Расторгуев 1960, 105).

Предложный падеж у существительных женского рода на {a}, как и у существительных мужского рода, отличается многообразием формы. В зависимости от конечного гласного основы и от ударения существительные женского рода присоединяют окончания {i}, {e} или {y}.

Окончание {i} имеют существительные женского рода с основой на мягкий согласный и /j/:

(22a) *u gimnáziji* (Лид.); *na stáncyji* (Лид.); *u dz'aréuni* (Лид.); *u vármiji* (Бр.); *u z'amli* (Бр.); *u Látviji* (Бр.); *u palícyji* (Бр.); *u γ'ermániji* (Бр.).

Окончания {e} и {y} наблюдаются в белорусских смешанных говорах у существительных женского рода с твердой основой. При этом {y} присоединяют существительные с конечным /c/ в основе и существительные, у которых в предложном падеже конечный /k/ переходит в /c/, т. е. имеет место чередование заднеязычных и свистящих, как остаточное явление II палатализации велярных *z*, *k*, *x* на стыке основы и окончания¹³:

(22б) *u bal'nícy* (Лид.), *na úlicy* (Бр., Лид.); *u xátcy* (Бр.), *na réčcy* (Бр., Лид.), *na fábrycy* (Лид., Бр.); *u v'óscy* (Лид., Бр.); *u stalóucy* (Бр.).

Реже здесь может наблюдаться окончание {e}, выступающее также в основах на /t/ и /γ/, чередующихся с /c'/ и /z'/:

(22в) *u B'érdauce* (Лид.); *pa právaj rucé* (Бр.); *na pál'ce* (рус. 'на палке') (Лид.); *u xác'e* (Бр., Лид.), *na rabóc'e* (Бр., Лид.), *na daróz'e* (Бр.), *u Rýz'e* (Бр.).

Кроме того, окончание {e} наблюдается у существительных с твердой основой, если оно находится под ударением:

(22г) *u c'urm'é* (Бр.); *na sudz'b'é* (Лид.); *pa staran'é* (Лид.); *na vajn'é* (Бр.); *pa trav'é* (Лид.).

¹³ Чередование заднеязычных и свистящих в формах существительных женского рода характерно для большинства белорусских говоров (за исключением говоров к северу от Зап. Двины, а также в пределах линии Витебск — Орша — Смоленск), см. ДАМБ 1963, Карты 65, 66, а также Букринская и др. 2008, 122–123. В свою очередь, исследовательницы Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова указывают на то, что «наличие/отсутствие чередования заднеязычных и свистящих на стыке основы и окончания является одним из важнейших признаков, противопоставляющих белорусские и русские говоры (на территории России это чередование отмечено лишь в узкой полосе говоров вдоль границы с Белоруссией и на территории так называемого «брянского угла»)» (Букринская и др. 2008, 122–123).

В безударном положении отмечается широкая вариативность {e}/{i}, ср.:

(22д) *u škól'e* (Бр.); *na món'e* (Лид.); *na mašyn'e* (Лид.), *u klíniki* (Бр.); *na férmi* (Лид.).

Ср. здесь также вариативность {e}/{i} в ударной позиции у существительных женского рода с мягкой основой, как *u s'amjé* и *u s'amjí*, *na z'amlí* и *na z'amlí'é*.

Если возникновение первого типа вариативности (у существительных с твердой основой) можно связать с фонологическими условиями редукции гласных (или же ее отсутствия) в заударном слоге, то на возникновение второго типа (у существительных с мягкой основой) во многом мог повлиять контакт с региональным русским, причем здесь, по всей вероятности, заимствуется не вся основа — об этом свидетельствует наличие яканья в предударном слоге, — а только свойственное русской морфологии окончание предложного падежа существительных женского рода с мягкой основой.

2.4. Существительные мужского рода на {a}

В белорусских смешанных говорах сохранилась небольшая группа существительных мужского рода с окончанием {a}, обозначающих в основном членов семьи, ср., напр., *bác'ka*, *táta*, *tátka*, *pápa*, *dz'ác'ka*, *dz'ádz'a*, *dz'éduška*. К этому склонению в исследуемых говорах относится также существительное *sabáka*, сохраняющее в подавляющем большинстве случаев¹⁴ морфосинтаксические признаки существительного мужского рода, ср.:

(23) *i sabáka bác'ku abn'úxač* (Лид.); *dač' étamu sabáku* (Лид.); *bal'nóva sabáki* (Бр.); *udáčny sabáka* (Лид.).

У существительных мужского рода на {a} в белорусских смешанных говорах наблюдается следующая словоизменительная парадигма:

¹⁴ Отнесение существительного *sabaka* к существительным мужского рода на {a} в исследуемых говорах не является последовательным. Спорадически оно согласуется с местоимениями и прилагательными женского рода и склоняется по образцу существительных женского рода на {a}, ср., напр., *tája druýája sabáka* (Бр.), *s sabákaj* (Лид.). Такие колебания в области грамматического рода у существительного *sabaka* могут быть вызваны контактом белорусских смешанных говоров с региональным русским, в котором существительное *собака* принадлежит к продуктивному склонению существительных женского рода на {a}.

Таблица 4: Словоизменительная парадигма существительных мужского рода на {a} в единственном числе

Падеж	Браславский район	Лидский район
Именительный	{a}	{a}
Родительный	{y/i}	{y/i}
Дательный	{u}, {i} один пример	{u}
Винительный	{u}	{u}
Творительный	{am}	{am}
Предложный	нет примеров	нет примеров

В родительном падеже в обоих регионах существительные мужского рода на {a} присоединяют окончание {y/i}, при этом {i} наблюдается у существительных с основой на /k/, напр.:

- (24) *ad b́ac'ki* (Бр.); *at páryu* (Бр.); *u nas n'e byló táty* (Лид.); *da dz'ác'ki* (Лид.).

В дательном падеже преобладает окончание {u}:

- (25) *b́ac'ku pamaýac'* (Бр.); *i tátku pryn'as'óm što* (Бр.); *ety kul'kak dau étamu sabáku* (Лид.); *tátu byló 38 ýadóu* (Лид.).

Зарегистрированное в Браславском районе окончание дательного падежа {i} в примере *b́ac'uški nal'éžala z'aml'á* возникло в белорусском смешанном говоре, по всей вероятности, под влиянием контакта с русским языком.

В винительном падеже существительные мужского рода на {a} имеют окончание {u}:

- (26) *navučýla pápu* (Бр.); *b́ac'ku aryštaváli* (Бр.); *pasadzíli tátu* (Лид.); *parácu u étava sabáku* (Лид.).

В творительном падеже сохраняется окончание {am}, как и у существительных мужского рода продуктивного склонения,¹⁵ например:

¹⁵ Ср. здесь, например, *z dz'éduškam* как *s sýnam*. В отличие от окончаний творительного падежа единственного числа у существительных мужского рода на {a}

(27) *z tátam* (Лид.); *s sabákam* (Лид.); *z bác'kam* (Бр.); *zámuzham za dz'ác'kam* (Бр.).

Окончание {óm/ъм} отмечается и в говорах Смоленщины (Расторгуев 1960, 99).

Таким образом, парадигма существительных мужского рода на {a} в белорусском смешанном говоре совпадает в своих отдельных словоформах с соответствующими падежными формами более устойчивых парадигм мужского рода на согласный или женского рода на {a}: общими с существительными мужского рода являются формы дательного и творительного падежа, с существительными женского рода — именительного, родительного и винительного падежей. Для определения флективных особенностей существительных мужского рода на {a} в предложном падеже требуются дальнейшие исследования.

2.5. Существительные женского рода на согласный

Немногочисленная группа существительных женского рода на согласный, типа *mas'*, *Sibír*, *pómašč*, *sív'as'*, *s'm'erc'*, *vlas'c'*, *maladz'ós*, *noč*, *p'éč*, *dólžnas'c'* и т. д., имеет в белорусских смешанных говорах следующую словоизменительную парадигму:

Таблица 5: Словоизменительная парадигма существительных женского рода на согласный в единственном числе

Падеж	Браславский район	Лидский район
Именительный	{Ø}	{Ø}
Родительный	{y/i}	{y/i}
Дательный	нет примеров	нет примеров
Винительный	= Им.	= Им.
Творительный	{u}	{u}
Предложный	{i/y}	{i/y}

В родительном падеже здесь наблюдается окончание {y/i}, при этом фонологический вариант {i} выступает у существительных с мягкой основой, а {y} — с твердой:

в контактном русском языке, где они склоняются как существительные женского рода, ср., с *дедушкой*, например, как с *мамой*.

- (28) *da s'm'érci* (Лид.); *maladz'óžy mnóga* (Лид.); *pašlá da spón'edzi* (Бр.).

Ограниченное количество примеров существительных женского рода на согласный в белорусском смешанном говоре, а также полное их отсутствие в формах дательного падежа может свидетельствовать о намевшемся здесь процессе унификации продуктивного и непродуктивного типа склонения по роду, см. об этом в главе 2.6.

Форма винительного падежа совпадает с формой именительного падежа, например:

- (29) *na p'eč* (Бр.); *pas'c'alí mn'e pas'c'él'* (Бр.); *na takíju dólžnas'c'* (Лид.); *pra svajú móladas'c'* (Лид.).

В творительном падеже существительные женского рода на согласный имеют окончание {u}, при этом здесь может осуществляться ассимиляция /j/ предшествующему согласному (Cj > C'C'):

- (30) *s pry'm'as's'u* (Лид.); *s takój mýslju* (Лид.); *prysýp sól'l'u* (Бр.).

Ассимиляция /j/ предшествующему согласному или употребление мягких долгих согласных широко известна в украинских говорах, в белорусских (за исключением небольшого ареала на территории юго-западных говоров, смыкающегося с территорией украинского языка), а также во всей западной части русских говоров (Аванэсаў и др. 1968, 184; Орлова 1961, 10–11).

В предложном падеже существительные женского рода на согласный получают окончание {u/i}, дифференциация фонологических вариантов окончания предложного падежа производится, как и в родительном падеже, по конечному согласному основы:

- (31) *u sív'azi n'e byu* (Бр.); *pry bal'éz'ni* (Лид.); *u svajéj móladas'ci* (Лид.); *na p'éčy* (Бр.).

2.6. Судьба непродуктивных типов склонения существительных

В белорусских смешанных говорах продуктивное склонение существительных женского рода на {a} пополняется за счет существительных женского рода из непродуктивного склонения на согласный. «Перевод» в продуктивное склонение осуществляется путем добавления к основе существительного женского рода на согласный окончания {a}, таким

образом «модифицированные» существительные приобретают приведенную в таблице 3 парадигму окончаний. Присоединение окончания {а} регулярно наблюдается у существительных *печь* и *жизнь*:

(32a) *kakája žýz'n'a* (Лид.); *raskázvac'svajú žýz'n'u* (Лид.); *p'éča* (Лид.);
za p'éčaj nášaja kómnatka (Бр.); *žýz'n'a bylá xaróšaja* (Лид.)

В некоторых случаях основа таких существительных претерпевает определенные изменения, как выпадение гласных или прибавление суффикса {k}:

(32б) *cérkva stajála* (Бр., Лид.); *i m'ása, i malakó, i kóstku jakúju, us'ó š kupl'áju* (Бр.); *dalá myšcy¹⁶ kl'učý* (Бр.); *zrabili carkvú* (Лид.); *napalili p'éčku* (Лид.); *u cérkvi* (Лид.); *na sv'akróuku* (Бр.).

В таком поведении существительных женского рода на согласный некоторые исследователи белорусских смешанных говоров предполагают влияние литовского языка, в котором существительные женского рода не имеют словоформ с нулевой флексией (Гринавецкене и др. 1977, 9–10; Гринавецкене & Мацкевич 1979, 52–53). Однако наряду с этим здесь необходимо учесть и тенденцию к унификации declinationalных парадигм по категории рода, наблюдаемую также во многих других естественных языках и диалектах. Присоединение окончания {а} к существительным женского рода на согласный наблюдается, к примеру, в севернорусских говорах, ср. здесь *проруба, церква, свекрова* и др. (Демидова 1979, 7), переход в продуктивное {а}-склонение отмечается у отдельных существительных в говорах Смоленщины, например, *постеля* (им. п.), *пастелю* (вин. п.) (Расторгуев 1960, 107), склонение существительного *мышь* по образцу существительных мужского рода на согласный производится в значительном числе говоров центра и почти на всей территории южнорусского наречия, по образцу существительных женского рода — в западной части южного наречия и среднерусских говоров, почти во всех говорах северного наречия (за исключением Онежской группы и прилегающих к ней Белозерско-Бежецких говоров), а также в значительном числе восточных среднерусских говоров (Теплова 1987). Кроме того, процесс

¹⁶ В данном случае существительное непродуктивного склонения показывает свойственное существительным женского рода {а} чередование *k//c*, наблюдаемое перед окончаниями дательного и предложного падежа единственного числа, см. об этом в главе 2.3.

перехода существительных женского рода из непродуктивного склонения на согласный в продуктивное наблюдается и в других славянских (микро) языках, к примеру, в молиско-славянском языке в Италии (Breu 1998, 343) и в лужицком разговорном языке в Германии (Scholze 2008, 46).

О существительных *мать*, *дочь* можно с полной уверенностью сказать, что в белорусских смешанных говорах они перешли в продуктивное склонение на {a}, при этом они приобрели суффикс {k}, ср. *mátka*, *dóčka/dačká*, и склоняются в косвенных падежах без наращения основы, см. примеры:

- (33) *žylá páčěrka z máčexaj, mátki n'a m'éla* (Бр.); *astalás'a dačká* (Бр.); *jéz'dzių da dački* (Бр.); *u jix bylá prapáųšy dóčka* (Лид.); *zabili mál'čyka i mátku* (Бр.); *u mátki try sýna* (Лид.).

Употребление существительных *mátka*, *dóčka* широко известно в западных говорах, особенно в их южной части (Аванесов & Орлова 1965, 113).

У существительных среднего рода с основой на **men* наблюдается, насколько об этом позволяет судить ограниченное количество примеров, вариативность форм: в косвенных падежах здесь выступают как формы без наращения, см. примеры (34а), так и с наращением основы (34б):

- (34а) *urém'a na us'o xvatála* (Лид.); *c'em vrém'em* (Бр.).
(34б) *pram'ežútak vrémini* (Лид.); *s tayó vrémini* (Бр.).

Существительное *временá* не характерно для белорусских смешанных говоров, более употребительными здесь являются выражения *s tux časóų*, *u týja časú* (Лид., Бр.).

Употребление существительного *путь* зарегистрировано в исследуемом говоре только в одном случае, см. (35), здесь оно проявляет морфосинтаксические особенности существительного женского рода на {a}:

- (35) *znájiš što, kudý-ta jéxaų, jakój puc'ój* (Бр.).

Неустойчивость словоизменительной парадигмы у существительного *путь* известно и в других говорах, однако чаще оно сохраняет свой грамматический род и склоняется по образцу продуктивного склонения существительных мужского рода на согласный, ср. формы *путья*, *путью* в говорах южнорусского наречия (Кузнецов 1973, 250–260).

Для заключительных выводов о поведении непродуктивного класса существительных с основой на **men*, а также существительного *путь* требуются дальнейшие исследования.

3. Склонение существительных во множественном числе

Во множественном числе существительные всех родов склоняются по унифицированной парадигме. Кроме того, в белорусских смешанных говорах наблюдается тенденция к образованию единой для всех родов и типов склонения формы именительного падежа множественного числа. Преобладающее большинство существительных в исследуемом говоре форму множественного числа образуют путем прибавления к основе единственного числа окончания {y/i}, см. примеры существительных женского рода в (36а), мужского — (36б), среднего — (36в). Некоторые существительные среднего и мужского рода развивают при этом нафлекссионное (из накоренного) ударение:

(36а) *xátki; ģistóryji; bás'ni; lítary; ázbuki; dz'ěuki.*

(36б) *damy; vučyc'eli; kl'učy kóni; dvarý; xútary; braty; syny; starav'éry; bác'uški; ģarady; b'eray; ģady.*

(36в) *slóvy; balóty; v'ódry; palí; kal'ósy; nam'ary; s'v'áty.*

Менее распространенным у существительных мужского и среднего рода в исследуемом говоре является окончание {a}, чаще всего оно употребляется вариативно, например, в одном контексте у одного и того же информанта *paspartá, pásparty, pášparty* (Лид.); *pis'ma pisála, pisáŭ pis'my* (Бр.); *sv'áty, sv'áta* (Лид.); *paras'áta, paras'áty* (Бр.). Причины возникновения таких вариантов могут быть самыми различными. В случае *paspartá* речь, по всей видимости, идет о заимствовании из контактного русского всей основы вместе с окончанием, в случае *pásparty* заимствованная основа была «модифицирована» диалектным окончанием, в то время как фонология формы *pášparty* является исконно белорусской. Появление таких вариантов, как *sv'áty* и *sv'áta*, может быть обусловлено, напротив, внутриязыковыми (морфологическими) причинами: окончание {y} во множественном числе у существительных среднего рода во многом свидетельствует о частичном совпадении деклинационных парадигм существительных среднего и мужского рода, т. е. речь здесь может идти о перенятии средним родом другой, более устойчивой, парадигмы, см. также в главе 2.2.

Форма множественного числа именительного/винительного падежа на {y/i} у существительных мужского и среднего рода представляет собой ярко выраженную «белорусскую особенность» (Букринская и др. 2008, 147). Свое распространение данная черта получила и в граничащих с белорусскими русских говорах. Окончание {y/i} у существительных среднего рода множественного числа (почти без сосуществования с {a})

в безударном положении распространено преимущественно в центральной части ареала: в Калужской, Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской областях, на северо-западе — в Псковской, Калининской и южных частях Ленинградской и Новгородской областей, а на западе на границе с Белоруссией — в Смоленской и Брянской областях. Во многих говорах окончание {y/i} сосуществует с {a}. В первую очередь, к ним относятся говоры, расположенные вдоль границы оканья-аканья. В говорах западной группы южнорусского наречия, примыкающих к белорусским говорам, ударное окончание {a} распространено значительно реже, чем в русском литературном языке (Букринская 1987, 124–129). То же касается и окончания {y/i} во множественном числе у существительных мужского рода, формы типа *дóмы* — *домы́*, *бе́реги* — *береги́*, *бо́ки* — *бокы́*, *лу́ги* — *лугы́* широко распространены в Западной, Верхне-Днепровской, Верхне-Деснинской группах юго-западного русского наречия, а также в западных среднерусских говорах (Кузнецов 1973, 252). Употребление окончания {a} увеличивается по мере удаления от белорусской границы: оно известно в псковских и гдовских говорах (Демидова 1984, 7–10; Букринская 1991, 56–59), а также во многих говорах южного наречия (кроме юго-запада) (Аванесов & Орлова 1965, 113–114).

Таким образом, по особенностям образования форм множественного числа белорусские смешанные говоры входят в обширный ареал, включающий не только подавляющее большинство белорусских говоров, но и значительный западный массив, как южновеликорусских и средневеликорусских, так и отчасти северновеликорусских говоров.

Парадигма множественного числа существительных выглядит в исследуемом говоре следующим образом:

Таблица 6: Словоизменительная парадигма существительных во множественном числе

Падеж	Браславский район	Лидский район
Им.	{y/i} преобладает у всех родов, {a} редко у сущ. мужск. и средн. р.	{y/i} преобладает у всех родов, {a} редко у сущ. мужск. и средн. р.
Род.	{оу/ау} преобладает, вариативно {óf/af}, Ø, {ej} у опред. сущ-ных	{оу/ау} преобладает, вариативно {óf/af}, Ø, {ej} у опред. сущ-ных
Дат.	{am}	{am}
Вин.	= Им. (неодушевл.) = Род. (одушевл.)	= Им. (неодушевл.) = Род. (одушевл.)

Окончание табл. 6

Падеж	Браславский район	Лидский район
Твор.	{ami} преобладает, {amu} спорадически, {mi} у сущ. типа <i>dz'eci</i> , {ama} два примера	{ami} преобладает, {amu} спорадически, {mi} у сущ. типа <i>dz'eci</i>
Предл.	{ax}	{ax} преобладает, {am}, {ox} редко

В родительном падеже у существительных всех родов и типов склонения преобладает употребление окончания {aц/óц}, например:

(37a) *pal'ákaц* (Лид.); *xátaц* (Лид.); *maŷilkaц* (Лид.); *xaz'ajóц* (Лид.); *s'v'átaц* (Лид.); *slóvaц* (Бр.); *muščynaц* (Бр.); *v'óskaц* (Бр.); *balótaц* (Бр.); *prabl'étaц* (Бр.) *bábaц* (Бр.).

Спорадически и вариативно здесь выступают варианты алломорфа {óf/af}, например:

(37б) *xapunóf* (Бр.); *karóf* (Бр.); *krésnikaf* (Лид.); *abréskaf* (Лид.); *cvitóčkaf* (Лид.).

Наряду с вышеназванными флексиями в белорусских смешанных говорах зарегистрированы немногочисленные случаи употребления нулевого окончания, выступающего преимущественно у существительных женского рода:

(37в) *v'ósak* (Лид.); *av'éčak* (Бр.); *knížak* (Бр.); *saldát* (Лид.).

Вариативность {Ø}/ {aц/óц} здесь наблюдается у одних и тех же существительных, см., например, выше *v'óskaц* и *v'ósak*.

Окончание {ej} сохраняется у ограниченной группы существительных, типа *dz'eci*, *kóni*, *l'údzi*, *s'vin'n'a*, *lóšadi*, *γrošy* и др., хотя {aц/óц} начинает проникать и сюда, ср., напр., зарегистрированные в обоих районах исследуемого говора варианты:

(37г) *kón'aц* (Бр., Лид.), *γróšaц* (Бр., Лид.), *s'vin'n'aц* (Бр., Лид.).

Сохранение нескольких форм окончаний родительного падежа множественного числа является пережитком исторического различия по родам во всех формах множественного числа (см. подробнее в Rott-Zebrowski 1992, 83–95). Такая (остаточная) дифференциация постепенно размывается, что приводит во многих говорах к расширенному употреблению унифицированного окончания родительного падежа множественного числа. В южнорусских говорах тенденция объединения всех родов во множественном числе осуществляется в большей степени, чем в литературном языке. Это выражается в том, что окончание {óf/af} распространяется здесь на существительные среднего и женского рода, а также (реже) включает существительные среднего рода с основой на мягкий согласный (типа *поле*) и существительные женского рода с основой на согласный (типа *лошадь*). Окончание {óf/af} у существительных мужского рода широко распространено в южнорусских говорах, но встречается также и в переходной полосе, в частности в южных областях Псковской группы говоров (Кузнецов 1954, 75; Аванесов & Орлова 1965, 114; Ćekmonas 2001, 115–116). В говорах Смоленщины окончание {eŭ}, {oŭ} отмечается у существительных мужского рода с основой как на твердый, так и на мягкий (типа *конь*, *огонь*, *писарь*) согласный (Расторгуев 1960, 101–102). Расширенное употребление окончания {of/ef} наблюдается и в языке староверов в Латгалии (Ćekmonas 2001, 115–116). Преобладание одной формы окончаний в родительном падеже множественного числа для существительных всех родов и типов склонения свойственно также северной польщизне кресовой, где унифицировались формы {of}, {uf}, ср. следующие примеры существительных женского: *smoródinuf*, *curkof*, *tablétkuf*; среднего: *blotuf*, *lekarstvuf*, а также мужского рода: *procéntuf*, *moskalúf* (Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999, 35). Унификация окончаний родительного падежа множественного числа наблюдается и в литовских диалектах (а также в литературном литовском языке), где окончание {ŭ} стало универсальным маркером для всех именных частей речи в родительном падеже множественного числа (Wiemer 2003, 234).

Наблюдаемая в белорусском смешанном говоре в родительном падеже множественного числа вариативность окончаний сформировалась здесь, по всей видимости, в результате как внешних, так и внутриязыковых факторов. Если за возникновение вариативности {au}/{af} ответственен, в первую очередь, языковой контакт (причем здесь в равной степени могли повлиять как локальный русский, так и северная польщизна кресова, подробнее см. Erker 2009, 300–301), то широкое употребление унифицированного для всех родов и типов склонения окончания родительного падежа

множественного числа свидетельствует скорее о внутриязыковой тенденции к упрощению внутрипарадигматических отношений, которая опять-таки может поддерживаться и фактором языкового контакта. На этом фоне вариативность {Ø}/ {ац/оц} может свидетельствовать о том, что процесс унификации находится еще в стадии развития.

В дательном падеже в обоих районах исследуемого говора наблюдается окончание {am}:

- (38) *mál'cam daц* (Бр.); *rab'átam čytála* (Бр.); *k dz'évačkam* (Бр.); *tym ýúmnam* (Бр.); *l'údz'am* (Лид.); *nóvym uládam* (Лид.); *s'vin'am dam* (Лид.).

В выборе окончания винительного падежа у существительных множественного числа главную роль играет грамматический признак одушевленности/неодушевленности. Так, у одушевленных существительных форма винительного падежа совпадает с формой родительного падежа, например:

- (39a) *zónic' n'émcacц* (Бр.); *kón'ej m'éli* (Лид.); *dz'ac'éj vučýli* (Лид.); *jak pčólaц γadavác'* (Бр.).

У неодушевленных — с формой именительного падежа:

- (39b) *addáli kal'ósy* (Бр.); *us'é s'v'áta s'v'atkaváli* (Лид.); *sabráli súmki* (Бр.); *pijáli p'és'ni* (Лид.); *balóty zaraslí* (Бр.).

В творительном падеже в белорусском смешанном говоре преобладает окончание {ami}, например:

- (40a) *za partyzánami* (Бр.); *z krásnymi lampásami* (Бр.); *krouč búrbałkami idz'éc'* (Бр.); *γayó xlópcy astáliš'a batrakámi* (Лид.); *γus'éj z jáblakami* (Лид.); *z'n'émcami* (Лид.); *z dýrkami* (Лид.).

В качестве варианта здесь может спорадически выступать окончание {amy}, получившее в Браславском районе более широкое распространение, чем в Лидском:

- (40б) *za dz'ac'ámy* (Бр.); *rukámy dajíli* (Бр.); *pirayámy uγaščáli* (Лид.); *z dakumentamy* (Бр.); *taryaváц kanf'étamy* (Бр.); *u barb'é z bal'shavi-kámy* (Лид.).

Окончание {аму} в творительном падеже множественного числа, часто как вариант к {амі}, было отмечено исследователями во многих русских говорах. Оно выступает, к примеру, в говорах Крайнего Севера и Северо-Запада, в онежских говорах, в говорах Псковской области, а также на Смоленщине (Аванесов 1949, 214; Кузнецов 1954, 83; Аванесов & Орлова 1965, 115; Булатова 1981, 99–104; по говорам Смоленщины см. Расторгуев 1960, 102–103). Кроме того, спорадическое употребление окончания {аму} в творительном падеже множественного числа существительных, прилагательных и местоимений наблюдается в белорусских говорах переходной зоны (Блінава & Мяцельская 1991, 195).

Алломорф {мі} в белорусских смешанных говорах сохраняется преимущественно только у существительного *dz'éc'i*, хотя употребление формы (*z*) *dz'éc'mi* в творительном падеже множественного числа непоследовательно, вариативно здесь используются формы *z dz'ec'ámi*, *z dz'ec'ámu*.

В Браславском районе в творительном падеже множественного числа отмечен случай употребления окончания {ама}:

(40в) *rukáma, nauáma gavórac'* (Бр.).

Форма {ама} представляет собой, по всей вероятности, реликт двойственного числа.

В предложном падеже в обоих районах исследуемого говора преобладает окончание {ах} (как безударное, так и под ударением):

(41) *pry n'émcax* (Бр.); *pa bac'kákx* (Бр.); *u pašpartákx* (Бр.); *pry Sav'étax* (Бр.); *u Xralákx* (Бр.); *u xátax* (Бр.); *u vakópax* (Лид.); *pa m'as'cínax* (Лид.); *na sánačkax* (Лид.); *pa rabótax* (Лид.).

В Лидском регионе зафиксировано употребление окончания {ам} в следующих примерах:

(42) *pa sas'édz'am* (Лид.); *pa rajónam* (Лид.); *pa kvarcírám* (Лид.); *pa kibítkam* (Лид.).

По всей вероятности, данные примеры являются предложно-падежной калькой из контактного русского языка, где предлог *на* управляет не предложным, а дательным падежом.

Окончание {ох}, отмеченное в исследуемом говоре в примерах *u kustóx* (Лид.), *u vaskóx* (Бр.), характерно для всех белорусских и украинских диалектов (Бромлей & Булатова 1972, 99). На данном этапе исследований сказать

что-либо о характере употребления этого окончания в белорусских смешанных говорах, т. е. стоит ли за его использованием конкретное условие выбора или оно является здесь свободным вариантом, пока невозможно.

4. Склонение прилагательных

4.1. Парадигма в единственном числе

Прилагательные в единственном числе имеют в белорусских смешанных говорах следующую словоизменительную парадигму:

Таблица 7: Словоизменительная парадигма прилагательных в единственном числе

Падеж	Браславский район			Лидский район		
	мужск.	женск.	средн.	мужск.	женск.	средн.
Им.	{y/i}	{aja}	{aje/óje}	{y/i}	{aja}, реже {a}	{aje/óje}, реже {a}
Род.	{aŭa/óŭa}, редко {ava/ óva}	{aj}	{aŭa/óŭa}, редко {ava/ óva}	{aŭa/óŭa}, ред- ко {ava/óva}, спорад. {ogo}	{aj}, спорад. {ej}	{aŭa/óŭa}, редко {ava/óva}
Дат.	{amu/ómu}	{aj}	{amu/ómu}	{amu/ómu}	{aj}	{amu/ ómu}
Вин.	= Им. (не- одуш.), = Род. (одуш.)	{aju}, реже {uju}	= Им.	= Им. (не- одуш.), = Род. (одуш.)	{uju}, реже {aju}, {u}	= Им.
Твор.	{ym/im}	{aj/ój}	{ym/im}	{ym/im}	{aj/ój}	{ym/im}
Предл.	{ym/im}	{aj/ój}	{ym/im}	{ym/im}, {am/ óm}	{aj/ój}	{ym/im}, {am/óm}

В именительном падеже у прилагательных, согласуемых с существительными мужского рода, в обоих районах исследуемого говора преобладает окончание {y/i}, с существительными женского рода — {aja}, с существительными среднего рода — {aje/óje}, см. следующие примеры:

(43а) *kám'en' bal'sý* (Бр.); *pól'ski jazyk* (Лид.).

(43б) *pól'skaja škóla* (Лид.); *maladz'óš kul'túrناja* (Бр.).

(43в) *xaz'ájstva bal'sóje* (Лид.); *malakó dz'ašóvaje* (Бр.).

С существительными женского и среднего рода, реже с существительными мужского рода, в атрибутивной функции могут употребляться формы, внешне совпадающие с краткими формами прилагательных, ср., например:

- (44) *xl'ebárn'a v'él'ka* (Лид.); *dlínna pastrójká* (Лид.); *učýlišča p'edagagíčeska* (Лид.); *c'áška rabóta* (Бр., Лид.); *damiška stáren'ka* (Бр.).

Подобные формы прилагательных, согласуемые с существительными женского и среднего родов, отмечаются в заонежских говорах Карелии (вместе с местоименными формами) (Скуратова 1979, 19), а также в белорусских говорах Пружанского, Житковичского, Петриковского, Комаринского районов (Мацкевич и др. 1964, 39–59). Сохранение «кратких» форм прилагательных в белорусских смешанных говорах может быть обусловлено и контактом с северной польшицкой кресовой, где такие формы получили широкое распространение, ср. здесь *rosyjska piosenka*; *rosyjska wojska* (из Кур'ян 2001, 186).

В родительном падеже, как и в остальных косвенных падежах, дифференциация грамматических форм прилагательных производится только по женскому и мужскому роду, парадигма форм среднего рода совпала с парадигмой мужского рода. У прилагательных женского рода в обоих регионах преобладает окончание {aj}, у прилагательных мужского и среднего рода — {ага/óга}:

- (45a) *ródnaj s'astrý* (Бр.); *škóly rúskaj* (Лид.).
 (45b) *pólskaja jazyká* (Бр.); *da čyrvónaja kas'c'ólu* (Лид.); *staróga plác'c'a* (Бр.).

Вариативно у прилагательных, согласуемых с существительными мужского и среднего рода, наблюдается окончание {ава/óва}, например:

- (46a) *da pustóva kancá* (Лид.); *čyvo xaróšava* (Бр.).

Подобные варианты распространились в исследуемом говоре, очевидно, в результате контакта с региональным русским языком.

Спорадическое употребление здесь фонологических вариантов {оуо/ауо}, см. примеры в (46б), может быть обусловлено неполным недиссимилятивным аканьем¹⁷:

¹⁷ Неполное недиссимилятивное аканье наблюдается в исследуемом говоре относительно редко. Основным типом безударного вокализма здесь является недиссимилятивное аканье.

(466)*sámayo malótšayo bráta* (Лид.); *nikóyo rúskojo ni byló* (Лид.).

Примеры в (466) следует отличать от спорадически встречающихся в речи информантов форм прилагательных в родительном падеже единственного числа с окончанием {ego/ejo}, как в *do pól'sk'ego vójska* (Лид.), *s pól'sk'égo razmávil* (Бр.). Такие формы являются заимствованиями из северной польщизны кресовой, на что дополнительно указывают и другие признаки: оканье, сохранение (во втором случае) польского типа ударения.

У прилагательных, согласующихся с существительными женского рода в форме родительного падежа единственного числа, спорадически отмечается окончание {ej}, к примеру, *do pól'sk'ej škóly* (Лид.); *dva klásy pól'sk'ej škóly* (Бр.), окончание {ej} выступает также у согласующегося с существительным в роде, числе и падеже числительного *odin*. Окончание {ej}, возникшее как рефлекс напряженных редуцированных (*ь, *ъ перед /j/), отмечается на обширной территории, включающей северо-восточные белорусские говоры, объединяющиеся в этом отношении со смоленскими и могилевскими говорами, а также (в качестве варианта к {oj/aj}) отмечается и в белорусских говорах юго-восточной Латвии (Букринская и др. 2008, 131, 156; Jankowiak 2009, 148).

В дательном падеже прилагательные мужского и среднего рода имеют окончание {amu/ómu}, женского — {aj/ój}:

(47) *starómu* (Лид.); *pól'skamu jazykú vučýli* (Бр.); *k nóvaj uládz'e* (Лид.).

В винительном падеже форма прилагательных, согласующихся с существительными среднего рода, а также прилагательных, сочетающихся с неодушевленными существительными мужского рода, совпадает с формой именительного падежа:

(48a) *slúxaj bóžaje slóva* (Лид.); *u pól'ski dom* (Бр.).

Прилагательные, сочетающиеся в винительном падеже единственного числа с одушевленными существительными мужского рода, совпадают с формой родительного падежа, например:

(48б) *zabráli majjó m'en'saya bráta* (Бр.); *kupili dóbraya kan'á* (Лид.).

У прилагательных женского рода наблюдается различное частотное распределение окончаний по регионам: в Браславском районе преобладает

окончание {aju} (реже {uju}), в то время как в Лидском шире употребляется вариант {uju} (реже {aju}), ср., следующие примеры:

- (49) *u l'ěpšan'kaju* (Бр.); *pryv'azli stárajau dz'ěuku* (Бр.); *u pól'skuju škólu* (Лид.); *u krásnuju ármiju* (Лид.).

Вариативное употребление форм {aju}/{uju} отмечается также и в других белорусских говорах, к примеру, в говоре северо-восточной части Городокского района Витебской области (Букринская и др. 2008, 156). Для установления причин такого распределения окончаний винительного падежа единственного числа у прилагательных женского рода в белорусских смешанных говорах требуются дальнейшие исследования.

Кроме того, в исследуемом говоре отмечено вариативное употребление «кратких» форм прилагательных, употребляемых в основном при существительных женского рода в атрибутивной функции, например:

- (50) *kupili starén'ku xátku* (Лид.); *u pól'sku škólu* (Лид.);

В творительном падеже у прилагательных, согласуемых с существительными мужского и среднего рода, наблюдается окончание {ym/im}, у прилагательных женского рода — {aj/ój}:

- (51a) *s pól'skim* (Бр.); *z bal'šym* (Бр.); *z v'eščavým m'aškóm* (Лид.).
 (51б) *syróz z'aml'ój* (Бр.); *s'al'ánskaj s'amjój* (Лид.).

Предложный падеж прилагательных в белорусских смешанных говорах совпадает по форме с творительным падежом, например:

- (52a) *pry cárskim dvaré* (Бр.); *na litóuskim jazyku* (Бр.); *u drugým kuskú* (Лид.); *na ručnój rabóc'e* (Лид.); *u nóvaj xac'e* (Бр.).

В Лидском районе у прилагательных, согласуемых с существительными мужского и среднего рода, отмечаются спорадические случаи употребления окончаний {am/óm}:

- (52б) *u nóvam dvaré* (Лид.); *u stáram adz'én'n'i* (Лид.); *na svajóm radnóm jazyk'é* (Лид.).

Подобные формы прилагательных являются, по всей вероятности, заимствованными из контактного русского языка.

4.2. Парадигма во множественном числе

Во множественном числе у прилагательных в белорусских смешанных говорах наблюдается следующая парадигма окончаний:

Таблица 8: Словоизменяемая парадигма прилагательных во множественном числе

Падеж	Браславский район	Лидский район
Именительный	{yja/ija}, редко {yje/ije}	{yja/ija}, редко {yje/ije}
Родительный	{yx/ix}	{yx/ix}
Дательный	{ym/im}	{ym/im}
Винительный	= Им. (неодушевл.), = Род. (одушевл.)	= Им. (неодушевл.), = Род. (одушевл.)
Творительный	{ymi/imi}, редко {imy/ymy/amy}	{ymi/imi}
Предложный	{yx/ix}	{yx/ix}

В именительном падеже преобладает окончание {yja/ija}:

- (53) *patkóvy darmavýja* (Бр.); *dz'ěuki krasívyyja* (Бр.); *zamóžnija l'údzi* (Бр.); *rúskija lítary* (Лид.); *takija n'edarázvityja* (Лид.).

Наряду с ним вариативно употребляется фонологический вариант {yje/ije}, ср., напр., *slóvy stáryja dáunišnije* (Бр.); *za to što bayátyje byli* (Лид.), который в силу отсутствия типичного для белорусских смешанных говоров диссимилятивно-недиссимилятивного яканья мог появиться под влиянием контакта, причем здесь как со стороны русского языка, где {yje/ije} является регулярным окончанием прилагательных множественного числа в именительном падеже, так и со стороны северной польшизмы крессовой, см. примеры в Grek-Pabisowa 2001, 132.

В родительном падеже наблюдается окончание {yx/ix}:

- (54) *starýx litóuskix slóu* (Бр.); *us'ákix écix reval'ucýjnyx s'v'átau* (Лид.); *s krupn'éjšyx yspadaróu* (Лид.).

В дательном падеже прилагательные множественного числа имеют окончание {ym/im}:

- (55) *addalí v'askóvym l'údz'am* (Лид.); *jínšym pól'skim škólam* (Лид.).

Форма прилагательных, сочетающихся в винительном падеже с одушевленными существительными множественного числа, совпадает с формой именительного падежа, например:

(56a) *na c'áškija rabóty vyvózili* (Лид.); *užyvájuc' slóvy starýja daŭnišnije* (Бр.).

Форма прилагательных, согласующихся с одушевленными существительными, совпадает с формой родительного падежа:

(56b) *šukác' dz'ėvak krasívux* (Бр.); *malých bratócŭ n'án'čyc'* (Лид.).

В творительном падеже преобладает окончание {ymi/imi}:

(57) *s pánskimi dz'ėc'mi* (Лид.); *célymi v'óskami* (Бр.).

В Браславском районе наблюдается спорадическое употребление окончаний {imu/ymu/amu}. Окончание {imu/ymu/amu} у прилагательных распространено на той же территории, что и окончание {amu} у существительных в творительном падеже множественного числа, см. в главе 3.

В предложном падеже у прилагательных множественного числа в белорусских смешанных говорах наблюдается окончание {ux/ix}:

(58) *u nóvux pašpartáx* (Бр.); *u katalickix s'émjax* (Бр.); *u načál'nyx klásax* (Лид.); *pa usix c'aškix rabótax vazili* (Лид.).

5. Взаимодействие внутренних и внешних факторов

Представленное в предыдущих главах исследование именных парадигм обнаруживает сложную картину конвергирующих в белорусских смешанных говорах внутренних и внешних факторов. На данном этапе можно только принять во внимание все возможные причины возникновения отмеченных фактов без притязания на окончательные выводы.

Наличие особых форм окончаний и вариативности в области именных парадигм в исследуемом говоре может быть вызвано, в первую очередь, фонетическими условиями, т.е. формироваться на базе различных способов артикуляции безударных гласных. Вариативность такого типа представлена, например, в предложном падеже существительных мужского (на согласный), женского и среднего рода в единственном числе, в то время как возникновение словообразовательных форм {a}/{y} в именительном падеже

множественного числа у существительных среднего рода, скорее всего, свидетельствует о морфологически обусловленных колебаниях, вызванных тенденцией к образованию окончаний по образцу более устойчивой парадигмы мужского рода. То же касается и существительных женского рода непродуктивного склонения на **i*, показывающих в белорусских смешанных говорах признаки перехода в продуктивное *a*-склонение, что может, в свою очередь, подтверждать наблюдаемую лингвистами во многих славянских языках и диалектах тенденцию к унификации типа склонения по роду. Хотя в нашем случае также следует принять во внимание часто высказываемое исследователями мнение о возможном влиянии со стороны литовского языка (в качестве субстратного влияния), не располагающего словоформами женского рода с нулевой флексией. Что же касается колебаний, отмеченных в белорусских смешанных говорах в употреблении среднего рода как грамматической категории, то здесь в равной степени надо учитывать как внутриязыковые фонетические факторы (сильное аканье), так и контактное влияние литовского языка, в котором нет категории среднего рода.

В некоторых случаях дополнительные варианты окончаний в своих определенных морфологических функциях могут распространяться на белорусский смешанный говор по образцу контактных идиом. Так, на данном этапе исследования можно предположить, что вариативно употребляемые формы {ava/óva} в родительном падеже прилагательных единственного числа образуются в белорусском смешанном говоре по аналогии с русским языком, варианты окончаний {af/óf} у существительных множественного числа в родительном падеже могли возникнуть в условиях контакта с региональным русским или/и польским, в то время как спорадически употребляемое у прилагательных мужского рода в родительном падеже единственного числа окончание {ogo} представляет собой прямое заимствование из северной польщизны кресовой. Причины и условия таких образований могут прояснить только дальнейшие исследования.

Вариативность в белорусских смешанных говорах может создаваться и на основе различных черт, присущих, в первую очередь, белорусскому диалектному континууму. Предполагать здесь внешнее влияние нет оснований, поскольку белорусские смешанные говоры, проходящие в силу своего географического расположения вдоль всех названных в белорусской традиционной диалектологии диалектных зон, содержат различные черты, приводимые исследователями для дифференциации белорусских (традиционных) говоров. Кроме того, необходимо учесть, что белорусские смешанные говоры как неотъемлемая составляющая белорусского диалектного континуума связаны рядом изоглосс с западными русскими говорами. По ряду явлений языкового строя белорусские смешанные говоры образуют обширные

ареалы, включающие не только подавляющее большинство белорусских говоров, но и значительный западный массив, как южновеликорусских и средневеликорусских, так и отчасти северновеликорусских говоров. Для вычленения таких общих черт и их четкой ареальной распространенности, а также для выяснения возможных условий появления, распространения и выбора в белорусских смешанных говорах дополнительных вариантов окончаний требуются дальнейшие исследования.

6. Вместо заключения

Представленное исследование — это попытка систематизации «хаоса», который исследователи балто-славянского диалектного континуума долгое время не считали достойным внимания. Если исследования северной польшизмы кресовой и контактных литовских диалектов продвинулись за последние двадцать лет на большой шаг вперед, то белорусские смешанные говоры так и остались «книгой за семью печатями». При этом возникшие из контактной ситуации ненормированные говоры представляют собой благодатное поле для исследований. Переплетение свойственных многим естественным языкам и диалектам процессов и контактного влияния со стороны славянских и неславянских языков делают белорусские смешанные говоры уникальным предметом описания.

Исследование белорусских смешанных говоров иногда создает больше вопросов, чем дает ответов на них, но постепенное углубление в суть открывает законы их функционирования и их структуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванэсаў і др. 1968 — *Р. Аванэсаў, К. Атраховіч, Ю. Мацкевіч*. Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1968.
- Аванесов & Орлова 1965 — *Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова* (ред.). Русская диалектология. М., 1965.
- Бірыла & Шуба 1985 — *М. Б. Бірыла, П. П. Шуба* (рэд.). Беларуская граматыка. У 2-х ч. Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. Мінск, 1985.
- Блінава & Мяцельская 1969 — *Э. Блінава, Е. Мяцельская*. Беларуская дыялекталогія. Мінск, 1969.
- Блінава & Мяцельская 1991 — *Э. Блінава, Е. Мяцельская*. Беларуская дыялекталогія. Практыкум. Мінск, 1991.
- Бромлей & Булатова 1964 — *С. Бромлей, Л. Булатова*. Морфологические различия русских говоров // Вопросы диалектологии восточно-славянских языков. М., 1964.

- Бромлей & Булатова 1972 — С. Бромлей, Л. Булатова. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Букринская 1987 — И. А. Букринская. Форма именительного падежа множественного числа существительных среднего рода в русских говорах // Р. И. Аванесов, О. Н. Мораховская (ред.). Русские диалекты (Лингвогеографический аспект). М., 1987.
- Букринская 1991 — И. А. Букринская. Именительный падеж множественного числа существительных женского рода в русских говорах и категория собирательности // Ю. С. Азарх (ред.). Современные русские говоры. М., 1991.
- Букринская и др. 2008 — И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, А. В. Тер-Аванесова. Говоры русско-белорусского пограничья // Л. Э. Калнынь (ред.). Исследования по славянской диалектологии 13. М., 2008.
- Булатова 1981 — Л. Булатова. Взаимоотношения окончаний одноименных форм существительных и прилагательных в русских говорах (на материале безударных окончаний творительного падежа множественного числа) // Р. И. Аванесов (отв. ред.). Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
- Гринавецкене и др. 1977 — Э. Гринавецкене, Ю. Мацкевич, Е. Романович, Е. Чеберук. Нерегулярные явления в фонетике, акцентуации и грамматике белорусских говоров западной зоны // Lietuvos arealinės lingvistikos klausimai (=Lietuvių kalbotyros klausimai 17). Vilnius, 1977.
- Гринавецкене & Мацкевич 1979 — Э. Гринавецкене, Ю. Мацкевич. Некоторые необычные микросистемы в диалектной структуре белорусского говора окрестностей Опса // Baltistica XV (1). Vilnius, 1979.
- ДАМБ 1963 — Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Демидова 1979 — Г. И. Демидова. Именное склонение в севернорусских говорах (единственное число) // Севернорусские говоры. Вып. 3. Ленинград, 1979.
- Демидова 1984 — Г. И. Демидова. Склонение имен существительных в севернорусских и южнорусских диалектах (именительный падеж множественного числа). // Севернорусские говоры. Вып. 4. Ленинград, 1984.
- Коницкая 1996 — Е. Коницкая. Некоторые особенности системы склонения в польском интердиалекте белорусского говора дер. Бражуоле Тракайского района Литвы // Е. Карский и современное языкознание (Материалы шестых научных чтений 25–26 января 1996 г.). Гродно, 1996.
- Кузнецов 1954 — П. Кузнецов. Русская диалектология. Учебник для учительских институтов. М., 1954.
- Кузнецов 1973 — П. С. Кузнецов. Русская диалектология. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и литература». М., 1973.
- Кур'ян 2001 — I. Кур'ян. Сістэмнасць некаторых дыялектных рысаў віленскай польскай гаворкі // Studia nad polszczyzną kresową X. Warszawa, 2001.
- Мацкевич и др. 1964 — Ю. Мацкевич, А. Мурашко, А. Орешонкова. Об итогах работы по составлению атласа белорусских народных говоров // Вопросы диалектологии восточно-славянских языков. М., 1964.
- Орлова 1961 — В. Г. Орлова. Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов // Материалы и исследования по русской диалектологии. В. II. М., 1961.

- Расторгуев 1960 — *П. Расторгуев*. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.
- Скурацова 1979 — *Н. И. Скурацова*. Склонение имен приглагольных в говорах Заонежья Карельской АССР // Севернорусские говоры. Вып. 3. Ленинград, 1979.
- Судник 1975 — *Т. М. Судник*. Диалекты литовско-славянского пограничья (очерки фонологических систем). М., 1975.
- Теплова 1987 — *В. Н. Теплова*. О склонении существительного *мышь* в говорах русского языка // Р. И. Аванесов, О. Н. Мораховская (ред.). Русские диалекты (Лингвогеографический аспект). М., 1987.
- Breu 1994 — *W. Breu*. Der Faktor Sprachkontakt in einer dynamischen Typologie des Slavischen // Mehlig (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1993. München, 1994.
- Breu 1998 — *W. Breu*. Romanisches Adstrat im Moliseslavischen // Die Welt der Slaven XLIII. München, 1998.
- Čekmonas 2001 — *V. Čekmonas*. Russian varieties in the southeastern Baltic area: Rural dialects // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Circum-Baltic Languages (Typology and Contact). Vol. 1: Past and Present. Amsterdam–Philadelphia, 2001.
- Dahl & Koptjevskaja-Tamm 2001 — *Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm* (eds.). Circum-Baltic Languages (Typology and Contact). Vol. 2: Grammar and Typology. Amsterdam–Philadelphia, 2001.
- Erker 2009 — *A. Erker*. Фактор языкового контакта в исследовании особенностей флективной морфологии флективной морфологии ‘Мовы простаі’ (на примере окончаний родительного падежа существительных) // Von Zuständen, Dynamik und Veränderungen bei Pygmäen und Giganten (Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag). Bochum, 2009.
- Grek-Pabisowa 2001 — *I. Grek-Pabisowa*. Przyczynek do badań współczesnej potocznej polszczyzny pisanej polaków na Białorusi // Studia nad polszczyzną kresową X. Warszawa, 2001.
- Grek-Pabisowa 2002 — *I. Grek-Pabisowa*. Współczesne gwary polskie na Litwie i Białorusi. Fonetyka. Warszawa, 2002.
- Grek-Pabisowa & Maryniakowa 1999 — *I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa*. Współczesne gwary polskie na dawnych kresach północno-wschodnich. Warszawa, 1999.
- Jankowiak 2009 — *M. Jankowiak*. Gwary białoruskie na Łotwie w rejonie kraślawskim. Warszawa, 2009.
- Morita 2006 — *K. Morita*. Przemiany socjolingwistyczne w polskich społecznościach na Litwie (region Trocki) i Białorusi (region Iwieniecki). Studium porównawcze. Warszawa, 2006.
- Rott-Żebrowski 1992 — *T. Rott-Żebrowski*. Gramatyka historyczna języka białoruskiego. Lublin, 1992.
- Scholze 2008 — *L. Scholze*. Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Bautzen, 2008.
- Stelmaczonek 2004 — *A. Stelmaczonek*. O języku polskim na Braślowszczyźnie // Studia nad polszczyzną kresową XI. Warszawa, 2004.
- Wiemer 2003 — *B. Wiemer*. ‘Mowa Prosta’ – Präliminaria zu einer strukturellen Beschreibung // R. Blankenhorn, J. Blaszczak, R. Marzari (Hgg.). Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 6. München, 2003.

**Заяц топит баню:
туман в выражениях с переносным значением
в традиционной культуре и в авторской литературе
(на материале литовского и русского языков)**

§ 1. В литовской и в славянской фразеологии есть много интересно и ценного материала, связанного с различными атмосферными явлениями: дождем, снегом, ветром, градом, молнией, росой, радугой и т. д. У нас уже имеется некоторый опыт исследования таких выражений в этнолингвистическом плане: рассматривались в основном традиционные выражения с переносным значением, определяющие снег в литовском и некоторых славянских языках (русском, белорусском, польском, словенском и др.) (Jasiūnaitė, Konickája 2004; Коницкая, Ясюнайте 2006), исследовались метафоры облаков в литовской и русской традиционной культуре и в художественных, прежде всего поэтических, текстах (Коницкая, Ясюнайте 2009). Эти работы позволили выявить некоторые сходства и различия в традиционной языковой картине мира вышеупомянутых народов.

§ 2. Продолжая начатые исследования, мы обратились к литовским и русским устойчивым выражениям с переносным значением, связанным с другим впечатляющим атмосферным явлением — туманом, и рассмотрели их на фоне традиционных выражений и представлений некоторых славянских народов (словенского, польского, чешского), а также представлений других европейских и неевропейских народов.

Материалом для анализа послужили в основном данные словарей большого объема (литовского языка — LKŽ, FŽ; русского языка — ССРЛЯ, СЭРЯ, СРЯ, Словарь Даля), сборников литовского, русского фольклора, фольклора других славянских народов и т. д. Кроме того, учитывался материал из этнографических и этнолингвистических работ и исследований обобщающего характера.

Наши предыдущие исследования показали, что образы атмосферных явлений, представленные в традиционных выражениях, зачастую получают своеобразное продолжение и развитие в авторской литературе. Поэтому во второй части настоящей статьи рассматриваются образы тумана в литовской и русской художественной литературе, главным образом, в поэзии, а также в литературных произведениях, содержащих описания

природы. Литовский материал собирался из произведений классиков литовской литературы XX века — Б. Сруоги, В. Миколайтиса-Путинаса, сборников наиболее известных поэтов XX века — Ю. Марцинкявичюса, К. Брадунаса, Э. Межелайтиса, С. Нерис и др., а также антологии литовской поэзии XX в.; русский материал — из прозаических произведений писателей XX в. — М. Шолохова, В. Конецкого, В. Шаламова и др.; сборников русских поэтов XIX–XX вв. — А. С. Пушкина, И. Никитина, М. Волошина, Н. Заболоцкого, И. Бунина, И. Анненского, А. Блока, А. Ахматовой, А. Белого и др., антологий русской поэзии; часть материала была получена из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в основном из его поэтического подкорпуса. Анализ материала, не претендующего на исчерпывающую полноту, показал, что в авторской литературе своеобразные метафоры тумана встречаются чаще, чем в фольклорных текстах, которым свойственно коллективное авторство.

Особое внимание в исследовании уделено эпитетам слов со значением ‘туман’, так как в них также могут скрываться метафорические значения. В ряде случаев эпитеты позволяют установить область действительности, с которой соотносится интересующее нас атмосферное явление в языковой картине мира разных этнолингвистических сообществ. Анализу эпитетов посвящена третья часть работы¹.

I

§ 3. В первую очередь рассмотрим наиболее интересные литовские традиционные выражения, встречающиеся по всей Литве, в которых упоминаются зооморфные или мифологические персонажи. В разных источниках обнаружено 13 таких выражений:

biesai pilius ir videličius (šakutes) galanda, bus nepagada ‘бесы ножи и вилки точат, будет непогода’ (далекая гора Шатрия покрывается туманом в ясную погоду) (TDr III, 145 (Kltn))²;

¹ На основе материала данной статьи осенью 2008 г. авторами был прочитан доклад на конференции «Картина мира в языке» (Шяуляйский педагогический университет, Литва). Искренне благодарим коллег-этнолингвистов за внимание к нашему сообщению и за высказанные советы и замечания.

² Здесь и далее в литовских фольклорных примерах в скобках в сокращенном виде указывается источник и населенные пункты, где данное выражение было записано. Сокращения соответствуют принятым в литовской диалектологии и фольклористике обозначениям, зафиксированным также в LKŽ (электронная версия: www.lkz.lt). В примерах из художественных произведений указывается фамилия и источник (в сокращенном виде); список сокращений см. в конце статьи.

raganos alų daro ‘ведьмы пиво варят’ (с болот, прибрежных полей, перелесков тянется туман, обычно после дождя) (FŽ, 558 (Žg));

laumės večerę verda ‘лаумы ужин готовят’ (встает туман) (Kl)³;

laumės pečių kūrena ‘лаумы печь топят’ (на лугу поднимается туман) (FŽ, 376 (Tvr));

meška kūrena pečių ‘медведь топит печь’ (над болотами встает туман) (FŽ, 420);

zuikiai verda šnapšę ‘зайцы варят самогон’ (встает туман) (FŽ, 851 (End));

zuikis užkūrė pirtį ‘заяц затопил баню’ (поднялся туман) (FŽ, 851 (Mžk));

kiškis pirtį kūrena ‘заяц баню топит’ (с полей встает туман) (FŽ, 317 (Slm));

zuikiai kūrena pirtį ‘зайцы топят баню’ (встает туман) (FŽ, 851 (Lk));

zuikis pyragus kepa ‘заяц пироги печет’ (LKŽ V, 587 (Krk1));

zuikiai kepa pyragus ‘зайцы пироги пекут’ (встает туман) (FŽ, 851 (End));

zuikiai kiaušinienę kepa ‘зайцы яичницу жарят’ (встает туман) (Анта-лепте, Зарасайский р-н⁴);

lapė užkūrė pirtį, žuvis kepa ‘лиса затопила баню, рыбу жарит’ (встает туман) (FŽ, 374 (Grv)).

§ 4. Такие выражения мы склонны называть этиологическими, так как в них прослеживаются своеобразные попытки объяснить причины появления тумана. В этих фразеологизмах обнаруживаются старые литовские мифологические представления. Пожалуй, самый старый из известных нам фразеологизмов такого рода записан в середине XIX в. в южной Жемайтии, в апилинке Кальтиненай Шилальского района: *biesai peilius ir videlčius galanda* ‘бесы ножи и вилки точат’. Известно, что при заточке какого-либо металлического инструмента на точильный круг все время льют воду, при этом во все стороны распространяются мельчайшие брызги. Туман тоже состоит из таких капелек. Это сходство и послужило основанием для возникновения своеобразного метафорического выражения. Из фольклорного контекста известно, что гора Шатрия — постоянное место пиров ведьм и чертей, поэтому они и точат столовые приборы,

³ Это выражение, не зафиксированное ни в LKŽ, ни в FŽ, было записано Б. Ясюнайте в Жемайтии, в Кулай (Плунгский район) в ходе диалектологической экспедиции 2005 г.

⁴ Выражение было записано Б. Ясюнайте в ходе диалектологической экспедиции 2004 г.

готовясь к угощению. Интересно, что во время записи данного фразеологизма в обыденном крестьянском обиходе вилки не были распространены (Jasiūnaitė 2010, 117). В качестве своеобразной параллели можно также указать выражение из Восточной Аукштайтии *gavėnas peilį galanda* ‘гавенас нож точит’ (LKŽ III, 187 (Ds)): так говорят, когда кто-то пускает солнечных зайчиков. Нож — постоянный атрибут персонажа масленицы гавенаса («масленичника»): он грозитя, что этим ножом отрежет язык непослушным детям, если они будут есть мясо во время поста.

§ 5. В других приведенных выше традиционных выражениях со значением поднимающегося тумана мифологические или зооморфные персонажи топят печку, баню, гонят самогон, варят пиво, готовят еду — то есть ведут себя как люди. Примечательно, что среди антропоморфных персонажей в рассматриваемых выражениях чаще всего упоминаются женские — лауме или ведьма. Туман — это продукт их деятельности. Важную роль при этом играет визуальное впечатление: туман напоминает дым от топящейся печки. Такие фразеологизмы могут перекликаться с другими элементами литовской традиционной культуры: например, выражение *raganos alų daro* ‘ведьмы варят пиво’ из Жагаре можно связать с распространенным в северной Литве обычаем выплескивать в углы бани остаток недопитого пива на радость лаумам (Šliavas 1985, 72).

Выражение с зооморфными персонажами также хорошо соотносится с другими фразеологизмами, известными в литовской этнической культуре. Так, выражение *zuikis pyragus kepa* ‘заяц пироги печет’ прекрасно коррелирует с диалектным фразеологизмом *zuikio pyragas* ‘заячий пирог’ (FŽ, 850 (Pns)) или *zuikio duonelė* ‘заячий хлебец’ (FŽ, 850 (Brs)) — так называют принесенный домой не съеденный в лесу или в поле хлеб или же гостинец для детей (конфеты, пирожки и др.). Они могут соотноситься и с более широким этническим контекстом: приведенное выше традиционное выражение *lapė užkūrė pirtį, žuvis kepa* ‘лиса затопила баню, рыбу жарит’, записанное в литовском островном говоре Гервят в Белоруссии, напоминает об известной восточнославянской сказке, в которой хитрая лиса, притворившись мертвой, выманила у человека рыбу, чтобы полакомиться (Афанасьев 1957 I, 3–11).

§ 6. Интересно, что аналогичные мифологические или зооморфные персонажи — «устроители погоды» известны также в традиционной русской культуре. Здесь «виновники» тумана — черти, ср. выражения: *черти баню топят* (туман поднимается)⁵ (Березович 2007, 490), *черти кашу*

⁵ По утверждению известного этнографа Д. К. Зеленина (1991, 285), русские и другие славяне считают баню нечистым местом: здесь нет икон, нельзя париться

варят (над землей поднимается после дождя пар) (Там же, 488), *черти пиво варят* (встает туман) (Там же, 471). Известен также вариант этого выражения с зооморфными персонажами с тем же значением: *зайцы пиво варят* (Там же, 471). Как видно по приведенным примерам, в русской фразеологии, в отличие от литовской, о погоде заботятся прежде всего антропоморфные мужские мифологические персонажи.

В других славянских культурах это могут быть как женские, так и мужские персонажи: так, словенцы в некоторых местностях о поднимающемся из расселин в горах тумане говорят: *danes pa ga Ančka kuha* 'Сегодня Анчка⁶ варит их (бобы)' (DEDI)⁷, а о поднимающемся с полей тумане говорят: *povodni mož juho kuha* 'водяной варит суп' (Artiče). По свидетельству А. Н. Афанасьева, чехи об осенних туманах, поднимающихся вверх, говорят: *бабы встали* (Афанасьев 1982, 342). Поскольку у некоторых славянских народов туман и облака рассматриваются как явление одной природы (ср. словенское *megla* 'туман' и *meglica* 'облачко' (SSKJ)), представление о тумане может связываться с общими представлениями об *облачных девах* и под. Связь тумана — одного из «водных» проявлений — с женским мифологическим существом закономерна; с другой стороны, появление водяного в таких контекстах также оправдано. Видимо, позже эти образы были заменены чертом как «заместителем» древних природных мифических существ.

§ 7. Как показали исследования специалиста в области германской филологии В. Масюлените, выражения со сходной структурой и значением известны и в немецком языке. В немецкой этнической культуре туман поднимает госпожа Холле — женский мифологический персонаж. Так, о погруженной в туман горе говорят: *Frau Holle macht Feuer darin* 'там госпожа Холле разводит огонь' (Masiulionytė 2007, 70). Здесь можно заметить явную аналогию с литовской горой Шатрией. Как и в литовском или русском языке, причиной появления тумана в традиционных выражениях могут быть готовящие пищу или варящие напитки звери: *die Hasen brauen* 'зайцы варят пиво' (над полем из леса потянулся туман) (Там же, 74),

с крестом на теле, после бани нельзя идти в церковь. См. также подробное описание бани — «нечистого места, где обитали демонические существа» в СД (I, 138).

⁶ *Анчка* — в словенском фольклоре мифическое существо, живущее в ущелье и изображаемое как старая некрасивая женщина, которой пугают детей.

⁷ Любопытные параллели к фольклорным выражениям, связанным с «кулинарным» происхождением тумана, можно найти в русской поэзии XX в., напр.: *земля дымится, словно щей горшок* (Паст 1998, 214); *Старухи, сидя у ворот, хлебали щи тумана, гари* (Заб, 50), ср. также из прозы: *Туман лежал слоистый, плотный, похожий на домашний пирог* (СЭРЯ, 487 (Семенов)).

die Hasen backen Kuchlein (Brot) ‘зайцы пекут пирог (хлеб)’ (надвигается дождь в туманную погоду), *die Füchse brauen (backen Brot)* ‘лисы варят пиво (пекут хлеб)’ (туман поднимается) (Там же, 75), кроме того, в немецком языке известно выражение *die Hasen rauchen* ‘зайцы курят’ (туман поднимается).

Этот материал позволяет утверждать, что сходные фразеологизмы о происхождении тумана распространены в целом ряде европейских культур.

§ 8. В более отдаленных странах, например, на Кавказе, появление тумана представляется несколько иначе: это атмосферное явление связывается со сражающимися сказочными героями, их конями или выделениями какого-либо мифического чудовища. Герои сражаются так долго и яростно, что из их пота возникают болота, а из пара от разгоряченных тел — туман; из пота коней появляются озера, а из их ноздрей клубится туман; туман — это пар, который появляется при дыхании змея, дракона (СЛИЧ, 36, 49, 108). Так проявляется миссия мифических персонажей — создание рельефа из атмосферных явлений. Эти элементы мифического мировоззрения могут быть очень древними (ср. Jasiūnaitė 2010, 255).

Надо сказать, что в славянском мире подобные представления встречаются сравнительно редко: так, в словенской Истре записан текст о возникновении мира и человека, по которому боги при уборке свеклы пили ее сок, справляли малую нужду, и поскольку их вода (= моча) была горячей, она превращалась в туман и облака (Tomšič 1989, 127). У южных славян туман служит также атрибутом или материей, образующей тело мифологического персонажа: у македонцев темный туман — один из атрибутов чудовища ламии (Плотникова 2000, 236), у словенцев злой дух — огромный змей создан из тумана или облака (Tomšič 1989, 143), вилы также созданы из тумана или носят одежду из него (Šmitek 2004, 191).

§ 9. Связь тумана с различными мифологическими персонажами считается универсалией и отмечена у многих народов. Туман часто служит признаком места пребывания этих персонажей: английский эльф сидит в тумане на крыше с фонарем, смеясь над страхом людей (FTBI, 54); белый, как яблоневый цвет, туман покрывает страну фей в шотландских сказках (ŠP, 46); в густом тумане скрывается зеленый Остров юности — своего рода кельтский рай, в котором счастливо живут герои древности (ŠP, 192); у южных славян туман — место пребывания ведьм, где они справляют свадьбу, пляшут и изготавливают (чаще всего варят) град (Šmitek 2004, 191).

§ 10. В литовской традиционной культуре туман в первую очередь ассоциируется с миром умерших. С туманом связано появление блуждающих огней (*žaltvykslės*) — посланников потустороннего мира: *Rudenį, ka būs rūkai, vaikščios liepsnelės* ‘Осенью, когда будут туманы, будут блуждать

огоньки' (LKŽ XI, 916 (Všv)); примечательно, что в приведенной цитате говорится об осени — времени, когда активизируются силы царства мертвых. В одной из сказок умерший отец дарит дочери мешочек с туманом, который помогает ей избавиться от преследователей: *Iš kapo išėjo tėvas ir davė jai rūko maišelį ir žvaigždės rūbus, apsiavimus, karietą, arklus ir vežlį* 'Из могилы вышел отец и дал ей мешочек с туманом и одежду из звезды, обувь, карету, лошадей и возчика' (LPII, 223); *Tada Elenytė atrišo maišelį ir paleidė rūką — pasidarė tamsu, ir nieks nematė, kur ji nuvažiavo* 'Тогда Эляните развязала мешочек и выпустила туман — стало темно, и никто не видел, куда она уехала' (Там же). Фольклорный мотив призраков в тумане позже был воспринят авторами художественных произведений, ср. в поэзии: *Vidurnaktį šmėklos aplinkui vaidinas, ir ūkanoj skendėja klonis tas plūnas* 'В полночь призраки вокруг мерещатся, и в туманной мгле утопает тот голый склон' (Мук-Пут I, 25).

В русских фольклорных текстах также говорится о связи тумана с миром умерших, напр.: *«Я как из поля пошел, так туман поднялся, я в нем вместе с бабушкой и бабушкой ходил». <...> А бабушко-то с бабушкой померли давно* (Черепанова 1996, №55). Так же, как в литовской культуре, призраки из фольклора переключались в художественные тексты, напр.: *Туман поднимался к нам призраком дымным* (Бел, 117).

§ 11. Туман, мгла в литовской традиции символизируют смерть, траур, напр.: *Saulelė tarė užtarydama: Aš tau padėsiu brolio gedėtie. Devynias dienas ūkanota būsiu, o šią dešimtą miglužėm krisiu* 'Солнышко сказало, сочувствуя ей: Я тебе помогу оплакивать брата. Девять дней буду туманным, а в тот десятый упаду мглицей' (ITR, 44); *Kad Nauji metai apsiūkę, kad naktis tamsi — seni žmonys mirs* 'Если Новый год в тумане, если ночь темная — старые люди будут умирать' (LKŽ XVII, 420 (Mžk)). Интересно, что календарная примета, подобная вышеприведенной литовской, есть в словенской традиционной культуре, хотя соотносится не с Новым годом, а с 25 января (по католическому календарю — днем обращения ап. Павла): *Kakor visoko na dan sv. Pavla megla leži, takošne ljudi bo smrt pobrala, natreč ali nizkega, srednjega ali visocega stanu* 'Как высоко в день св. Павла туман лежит, таких людей смерть унесет, а именно: низкого, среднего или высокого сословия' (Kuret 1998 II, 523); в русском фольклорном материале такое соответствие не обнаружено.

§ 12. Связь тумана с представлениями о призраках, отмечаемая и в литовском, и в русском фольклоре, неслучайна. В славянском мире весьма распространенным является верование, «согласно которому душа — это невидимый или едва видимый, прозрачный воздух, пар <...>, туман, дым, дуновение ветра» и т. п. (СД I, 165). С древних пор пар, туман в разных

религиозных традициях считаются субстанцией души. Такие же представления отмечены повсеместно, вплоть до Австралии и Новой Гвинеи, где душа человека проявляется как ветер, вздох, дым, белый туман. По представлениям аборигенов Австралии, еще до зачатия человека его душа, похожая на облачко белого тумана, живет у источников и рек (Vegetnevičius 1995, 50 и далее).

В литовской традиционной культуре мертвые также часто предстают как порыв ветра, туман, пар (Там же, 107). Это широко отражено в повествовательном фольклоре, напр.: *Ta dvasė lyg garas nematomai sunyko* ‘Этот дух, как пар, незаметно исчез’ (VV, 157 (Tlž)); *Žiūri — šita vieta einąs koks rūkas. Sako, kad dūšios turi kelius ir jais vaikšto* ‘Смотрит — по этому месту идет какой-то туман. Говорят, что у душ есть дороги и они по ним ходят’ (JB IV, 50 (Ds)); *Tada moteris pamatė, kad jos bendrakeleivė neturi kojų, o vietoj kojų rūkas* ‘Тогда женщина увидела, что у ее спутницы нет ног, а вместо ног туман’ (JB IV, 68 (Kvr)); *Par kelias dienas po smerčio iš numirėlio kapo išeina tokia dūlia*⁸ ‘Через несколько дней после смерти из могилы умершего выходит такой туман’ (LKŽ II, 819 (Vb)).

Связь тумана с миром мертвых у славян отмечает С. М. Толстая, приводя в доказательство многие славянские языковые выражения, в частности, отражающие традиционные представления, что душа после смерти выходит из человека в виде воздушного столба, тумана, пара, дыма, напр., сербское *Душа је као магла која изађе из човека чим умре* ‘Душа как туман, который выходит из человека, когда он умрет’ (Толстая 2008, 403–404). Словенцы говорят, что ночью на кладбище над могилами поднимается туман, в котором появляются мертвецы (Tomšič 1989, 75), при крике петуха превращающиеся в серый туман и исчезающие (Там же, 23, 123).

§ 13. В литовском языке туман, мгла обозначаются не только словами *rūkas, migla*, но также словом *garas* (с основным значением ‘пар’): *Garas eina iš žemės* ‘Пар идет от земли’ (LKŽ III, 112 (J)); *Kilst iš marių mėlynas garas* ‘Встает с моря голубой пар’ (LKŽ III, 112 (Klp D 74)).

Еще одно значение слова *garas* — ‘дух, душа’ (LKŽ). В сердцах человеку говорят: *Ak tu, šunio gare!* ‘Ах ты, собачий дух!’ (LKŽ III, 112 (Ml)) или *Ak tu, nečystas gare!* ‘Ах ты, нечистый дух!’ (LKŽ III, 112 (Ml)). Сходные фразеологизмы применимы и по отношению к животному: *gyvas garas* ‘живая душа’, ‘какое-либо животное’ (LKŽ III, 112 (Lp)).

⁸ У литовцев есть также отдельные слова для наименования призрака в виде тумана: *dūlia* (LKŽ II, 819 (Vb)), *dūlis* (LKŽ II, 821 (Sml)), ср. *dūlis* (LKŽ II, 821 (Pš)) ‘туман, мгла’, по всей видимости, из *dūluoti* (LKŽ II, 833 (Ds)) ‘неясно виднеться в тумане, мерещиться’.

В литовских заговорах это выражение используется не только по отношению к животным, но и по отношению к человеку: *Tau, drugy, insakau, tavi varau nog žmonių, nog gyvulių, nog paukščių, nog kiekvieno gyvo garo* ‘Тебе, лихорадка, велю, тебя гоню от людей, от животных, от птиц, от любого живого духа (души)’ (LU 162 (Dzūkija)).

Русское слово *пар* также используется синонимично слову *туман* (СРЯ IV, 19), ср.: *Он перед углями сидит, <...> И в поле дальше глядит, Ночным подернутое паром* (Там же (АСП)). В словаре В. Даля также отмечается близость этих явлений: *туман, самые облака образуются из паров* (Даль II, 20). Как и в литовском, в русском языке возможно употребление слова *пар* в значении ‘какое-либо животное’, правда, в очень ограниченной сфере фольклорных текстов, напр., в заговорах: *пар божий Пестроньюшка*⁹ (РЗЗ, 172); *пар божья скотинка* (РЗЗ, 175; ОЗРН, 166); *пар божьей скотине (или лошадушке)* (ОЗРН, 169).

На особенности употребления слова *пар* и его соответствий в славянском мире уже обращал внимание Б. А. Успенский (1996). Приводя польские примеры: *para* ‘пар, туман; жизнь; дыхание’; *psia para* ‘собачий пар (о плохом, никчемном человеке)’ (Там же, 110), он отмечает, что душа любого животного или иноверца во многих славянских культурах называется словами *пар, пара*, а фразеологическое выражение *собачий пар*, иными словами, «собачья душа», является в них ругательством, ср. приведенное выше польское *psia para*, а также сербское *пасья пара*, словенское *pasja para* с тем же значением. По русским традиционным представлениям, *в скоте да в собаке души нет, один пар; У татарина, что у собаки — души нет, один только пар* (Даль II, 20). На северо-западе и юго-востоке Словении считают, что *vol, pes ima paro, ne dušo* ‘у вола, пса пар, не душа’ (Bezljaj 1995, 9), ср. также словенское выражение: *paro vzeti* ‘заколоть животного’, досл. «отнять пар» (Там же). Таким образом, *пар* у славян связывается с миром животных и с некрещеным миром; это подтверждает и представление белорусов и украинцев, что у ребенка до крещения не душа, а *пара* (Толстая 2008, 391).

В литовской народной культуре отсутствует подобное противопоставление крещеного и некрещеного мира: *garas* ‘пар’ может обозначать душу и человека, и животного, что хорошо видно во фразеологии: *Niekur jokio gyvo balselio, gyvo garelio* ‘Нигде ни живого голоса, ни живой души’ (LKŽ III, 112 (rš)), досл. «Нигде никакого живого голосочка, живого парочка»; *Pons varė paskutinį garą, bizūnu šveisdamas* ‘Барин выбивал последний дух, избивая плетьюми’ (LKŽ III, 112 (Nm)).

⁹ Имеется в виду пестрая корова, пеструха.

§ 14. Рассмотренные выше литовские и русские, а также другие славянские выражения, связанные с обозначением тумана на широком инкультурном фоне, показывают, что в традиционных культурах он соотносится с разнообразными явлениями; при этом обнаружены как сходства (ср. связь с мифологическими существами, с миром мертвых), так и различия (в отношении некрещеного мира и животных) литовских и русских традиционных образных выражений.

II

§ 15. Продолжая изучение выражений, связанных с туманом, мы обратились к словарям и к художественным текстам, ограничив исследование литовским и русским языками. Оказалось, что современные языковые картины мира отражают довольно сложные метафорические структуры этого атмосферного явления, лишь отчасти коррелирующие с традиционными представлениями.

Превратившиеся в мельчайшие капельки массы водяного пара получили в языках разнообразные номинации. Литовцы называют их синонимическими словами: *rūkas, migla, ūkas, ūkana, garas, dūlis*. В русском языке слово *туман* — заимствование (тюркизм¹⁰); это же атмосферное явление по говорам, а иногда и в языке художественных произведений называется *мга, мжица, мжичка* (Даль II, 324), *пар, морок, морока* — «маревое, мгла, сухой туман» (Там же, 348) и т. д.

Проанализировав данные из словарей и художественных текстов, мы убедились, что туман может быть связан не только с мифологическими или зооморфными персонажами (как в традиционной культуре), но и с другими объектами. Было выделено несколько лексико-семантических групп выражений, подразделяющихся в свою очередь на подгруппы, в которых туман представлен как: 1) изготовленные человеком бытовые предметы (*нити, волокна, ткани и изделия из них; предметы обихода*); 2) различные объекты, явления неживой природы (*металл; вода; молоко, молочные продукты; дым, облако* и др.); 3) животные и части их тела (*домашние животные; птицы, их крылья* и под.); 4) вещество с неопределенно-количественным определением (*клубы, слои* и др.). Отдельно мы

¹⁰ Интересно, что у туркмен есть и имя собственное Туман. В литературе мы нашли образную мотивировку наречения этим именем ханского сына, родившегося в тумане. Хан, желая ему счастливой доли, нарекает его этим именем, так как быстро рассеивающийся туман можно сравнить с юностью, а солнце, которое засияет после него, будет напоминать долгую и счастливую жизнь, когда, повзрослев, он воцарится на троне своего отца (Благова 2004, 48).

выделили группу периферийных метафор *туман* — *растение, туман* — *состояние* и под.

§ 16. «Бытовые» метафоры тумана образуют подгруппы: 1) *туман* — *волокно, нити*; 2) *туман* — *изделие из волокон или нитей*; 3) *туман* — *изделие из ткани*; 4) *туман* — *предметы обихода*.

К первой подгруппе относятся следующие литовские примеры: *Lug siūlų plonų kamuolėlių vynioja jau rūko gijas* ‘Как клубочек тонких ниток уже наматывает нити тумана’ (Miež P I, 192); *Ūkanos. Dangus ir žemė — pilkas vilnų kamuolys* ‘Туман. Небо и земля — серый клубок шерстяных нитей’ (Rad, 277); *Padangė sau dangalą mezga iš mėlyno rūko šilkų* ‘Поднебесье вяжет себе покрывало из шелков синего тумана’ (Miež P I, 192); *drėgnos vatos prikimštą liguistą lapkričio rytą* ‘набитым влажной ватой болезненным ноябрьским утром’ (Rad, 277); *melsvą vatą* ‘голубую вату’ (Miež P I, 147). К метафоре *туман* — *пряжа, волокно* следует отнести и употребление глаголов определенной семантики, напр.: *su ūkais sapnus suvėlė* (LP I, 384 (Sr)) ‘с туманами сваял¹¹ сны’, *vėjo ratelio suverpta iš rūko, miglos, ūkanos* ‘спряденный на прялке ветра из тумана, мглы’ (Miež P II, 126).

В русском поэтическом языке, так же, как и в литовском, встречается сравнение тумана с волокнами, нитями: *волокна тонких дымов, припав к земле, синеют, лиловеют* (Волош, 17); *Лес навис в свинцовых пасмах* (Паст 1998, 136); *Вечерний туман свои нити прядет* (НКРЯ (Тол А)); *Туман бы распутать мне в длинную нить, да плац бы широкий из сизого сшить* (АРП, 222 (Кюх)); широко распространено сравнение тумана с ватой: *белые, как вата, клочья тумана* (ССРЛЯ XV, 1120); *Пар белесоватый и ползет, и рвется ватой* (Анн, 64); *Палубу снова заволокло рваной ватой* (Ак ПКП, 48). Как и в литовском материале, к метафоре *туман* — *пряжа, волокно* относится употребление глаголов определенной семантики (прядения, распутывания), примеры см. выше.

В основе таких метафор в обоих языках лежат визуальные впечатления: густой, плотный туман ассоциируется с шерстью, ватой, а легкий, слоистый туман напоминает нити. Литовский поэтический язык демонстрирует большую дифференциацию и образность: туман сравнивается с шерстяными или шелковыми нитями, сматываемыми в клубок для вязания; нет в русском материале и метафоры валяния.

§ 17. Ко второй подгруппе относятся следующие распространенные в современной литовской поэзии метафоры: *apsiklosim miglom kaip šilkais* ‘мы укроемся туманами, как шелками’ (LP II, 450 (Deg)); *Ateisiu*

¹¹ Имеется в виду процесс валяния войлочных изделий.

žalią naktį rūkų šilkais apsegti ‘Приду зеленой ночью укрыть шелками туманов’ (LP II, 378 (Širv)); *Plyšta plazdantys šilkai: miglos, ūkanos, rūkai* ‘Рвутся развевающиеся шелка: туманы, мороки, мгла’ (Rad, 164); *Ir vakaro audėjos jau baltas rūko drobeles išaus* ‘И вечерние ткачихи уже соткут белые холсты тумана’ (Miež P I, 260); *Į rūko nailoną susivyniojo* ‘Завернулся в нейлон тумана’ (Miež P II, 147); *džiauna rūko tinklus* ‘сушат сети тумана’ (Miež P I, 55); *Rytas traukia kaip bradinį miglą* ‘Утро тянет туман, как бредень’ (Miež P I, 96). В поэме С. Нерис «Подарки лаумы» (“*Laumės dovanos*“) можно найти образ сворачиваемого, словно полотно, тумана: *Ringuoja laumės¹² rūką nuo pievų vakare* ‘Вечером лаумы сворачивают туман с лугов’ (Nėr I, 252).

В русском художественно-поэтическом языке эта подгруппа представлена очень широко, напр.: *тканию тумана серебристой Оденется темнокудрявый лес* (Никит, 51); *к ветлам, стелющим по лугу холсты тумана* (Паст 1964); *в розовом кружеве вспенившегося под ветром тумана* (Шол, 523); *Лес... весь покрыт серебристой парчой тумана* (Шол, 606); *черными шелками наплывающих туманов* (НКРЯ (Шол)), *сквозь белую плотную марлю морозного тумана* (Шал, 85); *густой бархат тумана* (Конецк, 197); *как черный погребальный креп, густой туман висел над кровлями опустевших домов* (НКРЯ (Загос)). О традиционности в русском языке метафоры *туман — ткань* свидетельствует и устаревшее *дымка* ‘легкая хлопчатобумажная ткань’.

В литовском поэтическом языке с туманом чаще всего сравнивают легкие, струящиеся, нежные ткани со слегка блестящей поверхностью (*шелк*) или белое льняное полотно (*холст*); в современной поэзии эта традиционная метафора может модернизироваться, напр., в сравнении тумана с синтетическим прозрачным *нейлоном*. Стелющийся редкий туман в литературных текстах часто обозначается метафорой *туман — сеть*. В русском же языке впечатление от физических качеств тумана передается при помощи названий конкретных видов тканей: легкий, с просветами туман сравнивается с *кружевом*, плотный и рыхлый — с *бархатом*, плотный и светлый — с *парчой* и т. д. Обнаружены также русские выражения, связывающие туман с трауром, печалью, напр., в творчестве Загоскина (выше, в § 11, отмечалась аналогичная связь в литовской традиционной

¹² Из литовского фольклора известно, что лаумы — хорошие ткачихи: своими шелковыми и холщевыми тканями они одаривают бедных сирот. Эти мифологические существа могут также испортить расстеленные на лугах для отбеливания холсты, особенно в ночь на Ивана Купалу: вплести в полотно волосы из лошадиного хвоста (Лейпалингис) или его заплевать (Алитус) (LKŠ, 231).

сфере). Уподобления тумана *шелку*, как в литовском художественно-поэтическом языке, в русском материале редки; не отмечены в нашем материале и сравнения с *сетью*. Для обоих языков характерно сравнение тумана с расстеленными для побелки на лугу холстами; примечательно, что в литовском поэтическом языке называются и те, кто занимается белеением — женские мифологические существа.

§ 18. Другую распространенную метафору (*туман — изделия из полотна; одежда или ее фрагмент, головной убор*) можно найти в литовских словарях и в поэтических текстах, напр.: *Boluoja ūkanų pala* ‘Белеет пеленка туманов’ (LP II, 425 (Mald)); *baltas storas rūko patalas* ‘белая толстая перина тумана’ (LKŽ IX, 600 (trš)); *raselė — paklodėlė, miglėlė — antklodėlė (kareivio)* ‘роса — простынка, туман — одеяльце (солдата)’ (AM, 507); *palšo rūko uždanga* ‘сивая завеса тумана’ (Nėr I, 134); *Rūkas kabo kaip permatomas šydas* ‘Туман висит, как прозрачное покрывало’ ((LKŽ XIV, 733 (tsp)); *uolas užklojo šaltas šydas* ‘скалы закрыло холодное покрывало’ (Kėkšt, 67); *slepia-si ūkanų skraistėse* ‘прячутся под покровом тумана’ (Мук-Пут I, 259); *parūkavę, lyg pilkom skraistėm nusidangstę krūmai* ‘в тумане, словно покрытые серыми накидками, кусты’ (LKŽ XI, 943 (Paukš.)); *Mano skraistė lengvo rūko plasta padangėj išįsus* ‘моя накидка из легкого тумана под небом разостлана’ (LP I, 447 (Bink)); *baltą nuometą rūko sunkaus* ‘белый повойник тяжелого тумана’ (LP II, 442 (Deg)); *Slepia po balzganu rūko skara* ‘Прячется под белесым платком тумана’ (Miež P II, 21); *Ir uždengė rūkų čiadra kalnabūgrį didingą* ‘И накрыла чадра тумана могучий хребет’ (LP II, 140 (Vencl)); *rūkas raivosi, klostėmis kyla* ‘туман тянется, складками поднимается’ (LP II, 583 (Vain)); *miglynų prasiveria skreitas* ‘приоткрывается туманностей подол’ (LP II, 222 (Žuk)). Метафора *туман — изделия из полотна; одежда* проявляется также в использовании глаголов: в литовской поэзии со словом *rūkas* ‘туман’ часто встречаются глаголы *apvilkti* ‘закутать’, *apsirengti* ‘одеть’, *gaubtis* ‘кутаться, окутываться’, *užkloti* ‘покрыть’, *klostyti* ‘застилать, укрыть’, *apsupti* ‘укутать’, напр.: *Miglom apvilkti sąlančias kariatides* ‘в туманы одеть замерзающие кариатиды’ (Rad, 118); *rūku apsirengė giedra* ‘в туман оделась голубизна’ (Sant, 155); *O nykių bedugnių gylį klosto ūkana šilkinė* ‘А глубь глухих пропастей устилает шелковый туман’ (Мук-Пут I, 152).

В русских словарях обычно отмечается стертая метафора *туман — пелена: белою пеленою тумана* (ССРЛЯ XV, 1120); *туман стелется пеленою* (Даль IV, 442). Она представлена также в литературно-поэтическом языке (напр., у М. Лермонтова, А. Блока, К. Бальмонта,

А. Апухтина, Н. Клычкова и др.). В художественно-поэтическом языке весьма распространены и другие разнообразные реализации метафоры туман — изделия из полотна; одежда; головной убор, напр.: *Туманов млечных* покрывало (НКРЯ (Мережк)); *Стелились тучами*, простынями туманы (НКРЯ (Пришв)); *Деревня, будто большим пуховым одеялом, была укрыта туманом* (Казак, 6); *повсюду портпледы разложит туман* (Паст 1998, 110); *растет, свиваясь на берегу большим белым ковром, плотный туман* (НКРЯ (Пришв)); *волны согретого тумана то скатываются и расстилаются* скатертями (НКРЯ (Тург)); *на бледной завесе мглы* (Бун, 202), *в опостылевшей завесе [тумана]* (Ак ПКП, 53); *окошко завешено белой шторой — белый шерстяной туман* (НКРЯ (Замят)); *сквозь занавес тумана* (НКРЯ (Хом)); *покров туманов* (РПСВ, 294 (Волош)); *за белым пологом тумана* (Шол, 370); *в кошме невучей тьмы* (ВрГ, 21 (Ес)). Метафора туман — одежда или ее фрагмент тоже встречается довольно часто, напр.: *утро в одежде сизой* (РПСВ, 311 (Герцык)), *И снова туман всколыхнулся — фата* (Цвет III, 263); *перевязанные кисейными платками туманов горы* (НКРЯ (Визб)); *В порфире серебряной тумана* (НКРЯ (Струйск)); *Смурой шапкой нависли туманы над челом побелевшей земли* (НКРЯ (Мей)); *город, одетый мантией тумана* (НКРЯ (Горьк)); *где-то сумерки и саваны тумана* (НКРЯ (Бальм)); *повитый ризою полночного тумана* (НКРЯ (Некр)). Так же, как в литовском языке, метафора туман — изделие из полотна передается соответствующими глаголами, напр.: *Оделась даль в осенние туманы* (АРП, 704 (Щерб)); см. также глаголы в других приведенных выше цитатах.

Как видно по примерам, базовая метафора туман — изделия из полотна; одежда; головной убор реализуется как в литовских, так и в русских текстах довольно изобретательно. В обоих языках часто встречаются уже «изношенные» образы, напр., туман — покрывало (в творчестве литовских авторов В. Миколайтиса-Путинаса, К. Бинкиса, С. Нерис, В. Мозурюнаса, Э. Межелайтиса и у русских поэтов Д. Мережковского, Н. Рубцова). Нетрудно заметить, что для обоих языков характерной является частная метафора туман — полотнище, определяющая стелющийся (скатерти, простыни, перина, одеяло и под.) или закрывающий пространство (завеса, штора, занавес, кошма, полог) туман; что обозначено также глаголами (стелиться, занавесить, покрыть, скрыть и др.). К специфическим авторским сравнениям можно отнести литовское сравнение с пеленками, русские — со скатертью, портпледом, ковром; такие сравнения передают впечатление от физических качеств тумана (величины, цвета и плотности). Особенностью русского языка является использование слов пелена,

покров, связанных с церковным обиходом¹³: по-видимому, таким образом передано ощущение торжественности и величия этого атмосферного явления.

В обоих языках туман может ассоциироваться со свободно развевающимися, несшитыми одеждами, которыми просто накрываются или в которые укутываются (*накидка, плащ, мантия; риза, саван*). Основанием для метафоры является то, что туман свободно покрывает землю, предметы на ней. Довольно часто встречается метафорическое сравнение тумана с головными уборами (*фата, шапка, платок*), связанное с тем, что туман падает, спускается сверху. Этим объясняется и своеобразная литовская метафора *туман — повойник* ‘белый холщовый головной убор замужней женщины’. Специфическими можно считать уподобления тумана *складкам* или *подолу* в литовском языке, служащие для обозначения лежащего в низине тумана. Отенок торжественности и печали есть в русских сравнениях тумана с церковными облачениями (*риза*), одеждой покойного (*саван*), напоминающих о традиционной связи тумана с миром умерших (см. выше, §§ 10–12).

§ 19. Уподобления тумана другим бытовым предметам относятся к периферии метафорических систем литовского и русского поэтического языка. Так, в творчестве Э. Межелайтиса обнаружено, напр.: *pudruojas ūkanų rudra* ‘пудрится пудрой тумана’ (Miež P I, 112); *rūko miltų maišą supila* ‘ссыпает мешок муки тумана’ (Miež P I, 64); *žybsniais žaidžiantį jūros rūko celofaną* ‘моментальными вспышками играющего целлофана морского тумана’ (Miež P II, 324). Последний образ представляется не особенно удачным и выглядит не столько новаторским, сколько прозаическим. В русском поэтическом языке не обнаружено подобных сравнений, из периферийных образов можно привести авторскую метафору: *Хлопья редкого тумана, как плохо надутые серые мячи, скользили по реке* (НКРЯ (Рыбак)).

§ 20. В обоих языках большую группу образуют выражения с переносным значением, в которых туман сравнивается с природным веществом или явлением неживой природы. В этой группе выделяются метафоры двух типов: 1) *туман — природное вещество (жидкость; металл; пепел)*; 2) *туман — природное явление (дым; облако)*.

Наиболее распространенную метафору первой подгруппы (*туман — жидкость*) можно найти и в словарях, и в поэтических текстах на обоих

¹³ Так, в словаре В. Даля пелена толкуется, в частности, как «Црк. Плат, с нашитым крестом, для покрытия престола и жертвенника» (1955, III, 28); в русском обиходе широко известен праздник Покрова Богородицы.

языках. В основном распространены сравнения двух типов: *туман* — *вода* и *туман* — *молоко*.

Примеры первого типа метафоры в литовском языке: *Saulaitė bren-da kaip į vandenį* ‘Солнышко бредет, как в воду’ (белесо светит сквозь мглу) (LKŽ XI, 916 (Sk)); *Užsisiautė ... balta migla, per kurią kaip per giliausią vandenį plaukė nuoga saulelė* ‘разбушевался ... белый туман, сквозь который, как в глубочайшей воде, плыло обнаженное солнышко’ (LKŽ X, 99); *iš rūko jūros* ‘из моря тумана’ (Miež P II, 198); *rūkas kaip jūra siūbuoja* ‘туман как море колыхается’ (Marc, 100); *skendėjo ūkanų jūgoj* ‘тонул в море тумана’ (Мук-Пут I, 502); *Susigaubė pelkėmis erdvės miglotos* ‘покрылись горбами болот туманные пространства’ (Мук-Пут I, 204); *Baltos miglos ... gobia slėnį, supa šilą, visa, visa jų tvane* ‘Белые туманы ... укутывают долину, окружают бор, все, все в их разливе’ (LP I, 349 (Gir)); *Paskendo erdvės tvane ūkų* ‘Потонули пространства в разливе тумана’ (Мук-Пут I, 136); *bangos rūko nesmagaus* ‘волны неприятного тумана’ (Мук-Пут I, 105); *Krantai miglų bangose pasinėrė* ‘Берега утонули в волнах туманов’ (LP I, 348 (Gir)). В поэтических текстах также часто используются глаголы со значениями действий, связанных с водой: *lietis* ‘литься’, *grimzti* ‘вязнуть в болоте’, *skęsti* ‘тонуть’, *panirti* ‘погрузиться’, *bristi* ‘брести’, *sunktis* ‘сочиться, просачиваться’, *tirpti* ‘таять’, *gerti* ‘пить’ и под, напр.: *pakalnėm liejasi rūkai* ‘по склонам льется туман’ (Sant, 98), *Migloj paskendęs ežeras* ‘Утонувшее в тумане озеро’ (LP I, 387 (Sr)), *ūkuose panirstančių krantų* ‘погрузившихся в туман берегов’ (LP II, 393 (Balt)), *ūkanon įbridusius bažnyčių bokštus* ‘забредших в туман церковных шпилей’ (Sant, 51).

В русском языке чаще всего встречается метафора *волна* (*волны*) и *зыбь* (*зыби*) *тумана*, напр.: *волны тумана сизого* (Цвет I, 241); *зыби млечные тумана* (Анн, 178); *зыбкая струя летучего тумана* (АРП, 494 (Крас)). К этой базовой метафоре можно отнести и пример: *в окно струей вливается туман* (Цвет I, 83); встречаются также образы водоемов: *туман отовсюду нас морем обстиг* (Паст 1998, 137); *Мы шли в золотистом тумане... тонули в немом океане* (НКРЯ (Бальм)); <*туман кудлатый*> *В берегах сползал куда-то, Как река поверх реки* (Твард, 171); *Туман так плотен и бел, что издали кажется разливом* (Казак, 105). С этой же метафорой связаны и глаголы, напр.: *Белый холодный туман затоплял реку* (Бун, 74); *полян, утопавших в лохматых туманах* (Паст 1998, 106), *Еще в синюющих долинах Плывут туманы...* (ВрГ, 209 (Бун)); *утонувши в тумане по грудь* (РПСВ, 632 (Клычк)) и др.

Метафора *туман* — *вода*, по-видимому, возникла благодаря свойству тумана заполнять низинные места: луга, перелески, прогалины, овраги,

поймы рек. В поэзии большие скопления тумана отождествляются с большими водоемами. В литовском языке самой распространенной представляется метафора *туман* — *море*, реже встречается *озеро*. В нашем материале специфически литовским является сравнение с *болотом*, специфически русскими — с *океаном* и *рекой*. В обоих языках туман может представляться как разлившийся водоем (*разлив*). В обоих языках часты сравнения с *волнами*, что объясняется неопределенностью очертаний тумана, их подвижностью.

§ 21. К образам, связанным с базовой метафорой *туман* — *вода*, можно отнести некоторые редкие сравнения в литовской и русской поэзии, перемещающие туман из сферы природных явлений в сферу человеческой деятельности. Поскольку туман быстро конденсируется и в виде капель падает с ветвей, В. Шимкус сравнивает его с лекарственными каплями: *Lyg migdomieji lašai jums bus jų migla* ‘Как снотворные капли будет для вас их туман’ (Šimkus, 60). В литовских народных песнях туман сравнивается с алкогольными напитками во время пира: *Alučiu lijo, aryniaius snigo, žaliu vynu miglojo* ‘Пивом лилось, хмелем снежилось, зеленым вином туманилось’ (LKŽ VIII, 167 (LTR)); *Alum linojo, midum myglojo, medum šarmojo* ‘Пивом как дождиком лилось, медовухой туманилось, медом как инеем покрывалось’ (LKŽ VIII, 167 (KlvD, 176)).

В русском художественном языке нет аналогов таких литовских сравнений.

§ 24. У базовой метафоры *туман* — *природное вещество (жидкость)* есть также другая интересная версия, а именно, метафора *туман* — *молоко*. Эта метафора представлена в обоих языках. Примеры из литовского языка: *Toksai baltas kaip pienas buvo rūkas* ‘таким белым, как молоко, был туман’ (TD, 49 (Rūt)), *Per rūką, sunkią pieninę miglą, nieko nematyti* ‘Сквозь туман, тяжелую молочную мглу, ничего не видно’ (LKŽ IX, 918 (trš)), *Galaktikų rūką lyg pieną geriu iš mėnulio qsočio* ‘Туман галактик, как молоко, пью из кувшина-месяца’ (LP II, 223 (Žuk)), *Migla tiršta kaip pienas* ‘Туман густой, как молоко’ (Miež P I, 203). Туман сравнивается с белой жидкостью — молоком из-за сходства цвета и консистенции (густоты и тяжести). В творчестве литовского прозаика М. Катилишкиса встретилось и авторское сравнение, в котором упоминается уже переработанное молоко — творог: *Į pakluones iš pievų šliaužė baltas kaip varškė rūkas* ‘к гумнам с лугов полз белый, как творог, туман’ (Katil, 154).

Метафора *туман* — *молоко* в русском языке намного сложнее, здесь представлены самые разные виды (кисло)молочной продукции. Слово *туман* просто заменяется метафорическим обозначением *молоко*, напр.: *Туман теперь стал еще гуще, деревьев не было видно, идти*

пришлось как в молоке (СРЯ IV, 425); Из молока вдруг выехал черный косматый горб — малая скала (Ак ПЧМ, 138). Эта метафора может получить развернутый вид, как, например, в творчестве Б. Пастернака: Паровичок на стрелке кипятит Туман лугов, как молоко с селитрой (Паст 1998, 327). Другие примеры использования базовой метафоры туман — молоко в русской литературе: Опять наполни туман и утопил всю честную компанию в белой простокваше (Ак ПКП, 21); Снаружи был туман, густой, как сметана (НКРЯ (Лаз)); сырая сыворотка тумана (НКРЯ (Капл)); молочный кисель декабрьского морозного тумана (НКРЯ (Гинз)); тумана вешняя сгущенка (Мор, 213). В зависимости от вязкости, плотности, туман сравнивается или с белым, непрозрачным текучим натуральным веществом (молоко), менее текучим продуктом с загустениями (сыворотка, простокваша) или же с более густыми, плотными производными от первичного вещества (сметана, сгущенка, творог).

Как видно по примерам, в русском языке в качестве метафоры чаще, чем в литовском, встречается не только естественное первичное вещество (молоко), но и продукты его переработки. То же свидетельствуется и в случаях сравнения тумана с различными по консистенции кулинарными изделиями в русском литературно-художественном языке: редкая кучка елей, купающаяся в сером, густом, как кисель, тумане (НКРЯ (Тендр)); загустевшая, как студень, масса тумана (НКРЯ (Расп)) и др., для которых литовских аналогов не обнаружилось.

§ 25. Для определения темного, тяжелого, густого тумана в художественных текстах на обоих языках иногда используется образ металла серого цвета — свинца. Метафора туман — металл не очень распространена, удалось зафиксировать только несколько литовских примеров: *miglos tarsį ištirpintas švinas* ‘словно расплавленный свинец тумана’ (LP II, 343 (Mac)); *Vien ežero pilkoji ūkana, pavirtusi švinu* ‘Лишь серый туман озера, превратившийся в свинец’ (Brad, 331). В русской поэзии не обнаружена прямая метафора туман — свинец, но она появляется в распространенном определении густого, тяжелого тумана серого цвета — *свинцовый туман*, напр.: *убегая в свинцовый туман* (НКРЯ (Надс)). Другой, более светлый и легкий туман, сравнивается с серебром, напр.: *отливами и серебром тумана* (Волош, 15). Освещенный солнцем туман сравнивается с легким переливающимся камнем, напр.: *от сплошного опалового тумана* (СЭРЯ, 466 (Герц)); это уподобление также относится к базовой метафоре природных материалов. Основание для сравнения — цвет и консистенция (плотность, тяжесть или наоборот, легкость тумана).

§ 26. К этой же группе следует отнести мало распространенную метафору *туман* — *пепел*, отмеченную в литовской поэзии: *O dabar tarsį pelenus blaško palšą miglą vėjuoti rugsėjai* ‘А сейчас, словно пепел, мечут серый туман ветреные сентябри’ ((LP II, 467 (Маск)). Русская параллель к этой метафоре — выражение *пепельный туман*, напр.: *тонкая пелена пепельного тумана* (СЭРЯ, 466 (Горьк)). Основанием для метафоры служит сходство цвета двух объектов. Кроме того, так передается впечатление легкости тумана.

§ 27. Довольно часто встречается в двух языках еще одна группа метафор: *туман* — *природное явление (облако, дым и под.)*. В литовском словаре и в поэтических текстах она широко распространена, напр.: *Tiršta migla tada šliaužė debesiu gana aukštai virš miesto* ‘Густой туман полз тогда облаком довольно высоко над городом’ (LKŽ XVI, 421 (Baran)); *Pagiriais ūkų debesėliai mėlynavo* ‘На опушках синели облачка тумана’ (LKŽ XVII, 398 (Tat)); *miglių troškinančių debesys* ‘облака душного тумана’ (Мук-Пут I, 504); *miglos debesų* ‘в облаке тумана’ (Miež P I, 191); *Žvaigždėlės apsitraukė, apsinėšė lyg dūmais* ‘Звездочки подернуты туманом, словно дымом’ (Katil, 157); *Miglos dūmeliai vos besilaikydami kybojo virš ražienų* ‘Дымки тумана, едва держась, висели над жнивьем’ (Katil, 162); *ima smilkti rūko dūmais* ‘закурился дым тумана’ (Miež P II, 231); *kyla rūkas tartum dūmas* ‘поднялся туман, словно дым’ (Marc. Pm I, 14); *rūko lauželiai kūrenas* ‘курятся костерки тумана’ (Miež P I, 307); *miglos smilkalais* ‘благовониями тумана’ (Miež P I, 33).

В словарях русского языка и в художественных текстах также встречаются выражения этой группы, напр.: *Туманы бродили, стелились, как тучи, Седые, немые, тяжелые* (РПСВ, 147 (Гип)), *Туман <...> поднимается* облаками (Даль IV, 442); *сиреневая дымка тумана* (ССРЛЯ XVI, 1120); *Туман <...> плыл дымом* (Бун, 200), *в тумане, как в дыму* (РПСВ, 89 (Лохв)). Встречается уподобление тумана не только природному дыму, но и благовониям, напр.: *<В пахучем тумане ...> в волнах холодных его* фимиама (ВрГ, 174 (Ахм)); *В тумане, синее ладана* (Цвет I, 241). Русские, в отличие от литовцев, склонны сравнивать плотный туман с тьмой, мглой, напр.: *В Лондоне туманы мороком стоят* (Даль IV, 442)¹⁴; *в темноту тумана* (РПСВ, 256 (Ив)). В творчестве А. Блока обнаруживаем образ: *спустилась мгла, туманами чревата*, где можно видеть зоо-антропоморфизацию мглы, порождающей туман.

Метафора *туман* — *облако* выглядит несколько парадоксальной: ведь облако и есть видимый издалека белый густой туман. В наивной языковой

¹⁴ Сами англичане различают *mist* ‘туман’, *Scotch mist* ‘шотландский туман’ и *fog* ‘туман’, ср. выражение про всем известный лондонский туман: *London fog*.

картине мира эти природные явления не отождествляются, о чем говорит и их номинация. Однако их родственная природа осознается, что видно по сходству метафор, напр., *облако — полотно или изделия из него* (Коницкая, Ясуняйте 2009, 518) и *туман — полотно или изделия из него* (§ 17–18).

Неслучайность метафоры *туман — дым* в обоих языках очевидна: литовское слово *rūkas* ‘туман’ по образованию связано с глаголом *rūkti* ‘дымиться’, подобно тому, как русское *дым, дымка* образовано от глагола *дымиться*. Туман похож на дым как по виду (часто легкий, серого, белого или голубоватого цвета), так и по характеру перемещения. Старое литовское название тумана *migla* более характерно для западной Литвы, Жемайтии. Родственные ему названия тумана распространены в славянских языках, рус. *мгла*, польск. *mgła*, словен. *megla* и т. д., известны и в древнегреческом, армянском, санскрите (Sabaliauskas 1990, 50). *Dūmas, dūmelis* ‘дым, дымок’ — так по-литовски склонны называть встающий над жнивьем или окутывающий звезды легкий туман, который по-русски часто называют *дымом, дымкой*.

§ 28. Для обозначения густого, тяжелого тумана в обоих языках иногда используется своеобразная природная метафора *туман — фрагмент рельефа*, напр., в литовском языке: *Tos miglos mūškojo kaip kalnas* ‘Эти туманы торчали, как гора’ (LKŽ VIII, 396 (rš)); в русском языке: *глыба мрачного тумана* (НКРЯ (Сок)). Эта метафора из природного мира в поэтическом языке встречается нечасто; интересно, однако, отметить параллель со связью тумана с рельефом в традиционных представлениях, см. § 8. В русском литературно-художественном языке довольно широко представлена метафора из области рукотворных объектов *туман — фрагмент архитектуры*. Устоявшейся является метафора *туман — стена*: *Такой туман, что нос парохода упирался будто в белую стену* (ССРЛЯ XV, 1120); в текстах встречается также: *над озером белеет столп паров* (АРП, 677 (Майк)); *Поседелых туманов развалины* (Бл, 253); *В тумане облачных развалин* (Заб, 241); *речка под кровлей тумана* (РПСВ, 171 (Надс)). Во всех примерах подчеркивается консистенция тумана, его густота.

§ 29. Следующая базовая метафора — зооморфная, связывающая туман с животными или птицами и частями их тела. В литовском поэтическом языке эта метафора очевидна в следующих примерах: *Pučia vėjās mėnulio ragelį — gena rūko širmus ėriukus* ‘дует ветер в рожек месяца — погоняет серых ягнят тумана’ (Miež P I, 194); *Kaip zebraš išmargintas rūkas* ‘как зебра расписанный туман’ (Šimkus, 58); *šlama nušlama rūkas — kaip gulbės* ‘Шуршит и уходит с шуршаньем туман — как лебеди’ (Miež P I, 249); *ūkana, kurios balti sparnai...* ‘туман, белые крылья которого...’ (Miež P I, 386).

В русских художественных текстах нечасто можно встретить метафору туман — животное; метафорическое сравнение с конем можно видеть в примере: *Над Доном на дыбах ходил туман* (Шол, 5). Гораздо чаще обнаруживаются реализации данной базовой метафоры, связанные с птицами: *Лебедем туман поднялся от болот* (Ган); *роняют брызги крылья тумана* (Волош, 37); *легкий утренний туман седые крылья собирает* (НКРЯ (Хом)); *хлопчатый редкий туман ... как коршун над падалью, кружился мед ольхами* (Шол, 208); *туман плывет, завиваясь на кончике кольцами, как тетеревиные хвосты на току* (НКРЯ (Клыч)).

Как видно по примерам, в литовском языке туман может ассоциироваться с серыми лохматыми ягнятами (здесь вспоминаются распространенные метафоры облаков — литовские *baltos avelės* ‘белые овечки’ (LTs V, 449), см.: Коницкая, Ясюнайте 2009, 509). В русской художественной литературе зооморфные сравнения редки, хотя они есть в традиционных текстах, ср. загадку о тумане: *Сивы кабаны все поле облегли* (МЖРФ, 311). Своеобразное литовское авторское сравнение с зеброй «оправдывается» включенностью метафоры туман — животное в арсенал метафор тумана. Метафора туман — птица (крыло), напоминающая метафору облако — птица (крыло, перо) (Коницкая, Ясюнайте 2009, 509–510), представлена в обоих языках образами лебеда и крыльев; возможны и авторские варианты (см. в русской литературе: *коришун, тетеревиные хвосты*).

§ 30. Разновидностью базовой метафоры туман — животное (части его тела) можно считать метафоры туман — волосы (шерсть). В литовской поэзии аллюзию на спутанные волосы (шерсть) можно обнаружить в примере: *Trumpa žolė, ūku gaujuota* ‘короткая трава, взлохмаченная туманом’ (LP II, 618 (Vuč)).

В русском поэтическом языке также обнаружена метафора туман — волосы. Однако здесь мы можем констатировать антропоморфизацию: туман — человек (части его тела), частным случаем которой является сравнение тумана с кудрями или сединой: *А южный шалый ветерок, взбивая седые кудри тумана, летит к Белой Елани* (Черк); *лохматая проседь туманов* (НКРЯ (Лавр)), ср. также эпитет тумана — *седовласый* (Бел, 91); кроме того, туман может сравниваться с бородой: *поползет редкий седой туман и спокойно поднимется к небу, то ласкаясь на прощанье к дремлющим березкам, то расчесывая свою редкую бороду о колючие полы сосен* (НКРЯ (Леск))¹⁵.

¹⁵ Иначе зоо-антропоморфизация тумана представлена в поэзии И. Анненского: *Одни туманы к ней холодные ласкались, И раны черные от влажных губ остались* (Анн, 122), в поэзии М. Волошина: *сочилась желчь шафранного тумана* (Волош, 13).

Метафора *туман* — *волосы* в обоих языках передает зрительное впечатление от слоистого, разорванного тумана, однако существенное различие между литовским и русским поэтическими языками заключается в выраженной связи с миром человека в русском языке и более выразительной связи с животным миром в литовском.

§ 31. Метафоричность *тумана* создается также путем использования слов, обозначающих количество, объем, характерное для обоих рассматриваемых языков.

В литовском языке и в словаре, и в поэтических текстах туман определяется следующими словами со значением количества, объема: *kamuolys* ‘клуб’, *pluoštas* ‘охапка (сена, дров, соломы), стопка (бумаги), клок (волос)’, *našta* ‘ноша (бремя)’, *griūtis* ‘лавина’, напр.: *Ir tiršto rūko kamuoliai šlaitais į viršų slenka* ‘И клубы густого тумана по склонам движутся вверх’ (LKŽ XIII, 21 (Мук-Пут)); *Upės visą šilumą jau išsavo rūko kamuoliais* ‘Реки уже выдохнули все свое тепло клубами тумана’ (LP II, 426 (Mald)); *Rūkas pradeda suptis ir sklaidytis pluoštais* ‘Туман начинает кружить и распадаться на клочья’ (LKŽ X, 361 (LTR)); *Slėnio paupiu sulinkę gluosniai neša našta vakaro miglos* ‘Склонившиеся вдоль реки в долине вербы несут свое бремя вечернего тумана’ (Brad, 124); *Atlaiko akys pilką rūko griūtį* ‘Глаза выдерживают под натиском серой лавины тумана’ (LP II, 606 (Palč)).

Такое употребление характерно и для русского языка: *клочья седого тумана* (ССРЛЯ XV, 1120); *в клоках тумана* (Бел, 85); *в клубах багряного тумана* (НКРЯ (Надс)); *серые космы тумана* (Бун, 200), *среди хлопьев тумана* (Бел, 12); *Туман слоями идет* (Казак 193); *тонут в полосах тумана* (Бел, 48), *Низко ходят туманные полосы* (Бл, 275). Метафора *туман* — *груз* обнаруживается в поэзии Б. Пастернака: *тучней туман, навьючивая спины холмов* (Паст 1998, 122).

Использование абстрактных слов с неопределенно-количественным значением в обоих языках возможно потому, что туман, по Б. Уорфу (1960, 204–205) — неисчислимая субстанция, и, следовательно, к этому атмосферному явлению может быть применена универсальная формула американского ученого: *бесформенное вещество + форма*.

§ 32. В отдельную группу были выделены некоторые семантически разнородные периферийные элементы метафорических систем обоих языков. К редким художественным формам относятся сравнения тумана как с физическими объектами, ср. флористическую метафору: *Ir viršum pievų sklaistės lyg balta gėlė migla* ‘И над лугами рассыпался как белый цветок туман’ (LP I, 602 (Маč)), так и с определенным физическим состоянием человека, его проявлением, видом творческой деятельности.

В русском языке сравнение *туман* — *сон* закреплено в слове: *легкий, как дремота, туман* (ССРЛЯ, 1120), что подтверждается примерами из поэтических текстов: *туман окутывал, как сон* (Бун, 201), *плавают туманы, словно сны* (Гум, 20). Близкой к нему метафорой можно считать сравнение тумана со *сказкой*, напр.: *Все дышит сказкою рассветного тумана* (НКРЯ (Щепк-Куп)), ср. в литовской поэзии: *Rūku sniegutis dulkia kaip pasaka gyva* ‘Снежок туманом пылится, как живая сказка’ (LP II, 94 (Šimk)). В литовской поэзии можно найти и другие необычные метафоры, напр.: *naktis miglota kaip džiazas* ‘ночь туманна как джаз’ (LP II, 510 (Vaič)); Эти образы возникают благодаря зыбкости, неуловимости тумана, его свойству оказывать определенное воздействие на окружающий мир, делая очертания предметов неопределенными.

§ 34. Проведенный анализ метафор тумана показал, что литовские и русские метафоры в современном языке и литературно-художественных текстах отчасти сохраняют связь с традиционными выражениями и отражающими их представлениями. С другой стороны, физические особенности рассматриваемого атмосферного явления (консистенция, цвет, объем и др.) позволяют связывать их с самыми разнообразными объектами живой и неживой природы, с продуктами человеческой деятельности, более того — с определенными состояниями человека и областями творчества. В ходе анализа обнаружилось, что, несмотря на наличие общих лексико-семантических групп, каждый язык отличается своеобразием в оформлении метафорического поля *тумана*.

III

§ 35. Чтобы полнее раскрыть пеструю палитру тумана в поэтических текстах сравниваемых языков — литовского и русского, мы проанализировали эпитеты этого атмосферного явления в литовской и русской поэзии. Они определяются общими для двух языков признаками, отчасти установленными в предыдущем исследовании: 1) цвет, 2) свет, освещенность, 3) другие физические свойства (консистенция, температура, подвижность); 4) связь с эмоциями, психологическим состоянием человека. Мы включили также признак связи с абстрактными явлениями (в частности, с темпоральными представлениями). Полученные результаты обобщены в двух таблицах.

§ 36. Эпитеты тумана в литовском языке, установленные по данным словаря (LKŽ) и художественным текстам, отличаются разнообразием. Для удобства они представлены в в таблице 1.

Таблица 1. Эпитеты тумана в литовском языке

Признак	Эпитет	Авторы	Количество
Цвет (65)	1. baltas 'белый'	Б. Браздженис, С. Нерис, Л. Гира, Я. Дягутите, LKŽ	18
	2. pilkas 'серый'	В. Миколайтис-Путинас, В. Мозурюнас, С. Нерис, К. Брадунас, Г. Радаускас, В. Пальчинскайте	8
	3. melsvas 'синеватый'	К. Якубенас, В. Миколайтис-Путинас, Э. Межелайтис	6
	4. balzganas 'белесый, седой'	Э. Межелайтис, В. Миколайтис-Путинас, LKŽ	6
	5. palšas 'сивый, серый'	С. Нерис, В. Миколайтис-Путинас, Б. Мацкявичюс	4
	6. raudonas 'красный'	В. Миколайтис-Путинас, В. Бразюнас, LKŽ	4
	7. mėlynas 'синий'	С. Нерис, В. Миколайтис-Путинас, Э. Межелайтис	3
	8. palšvas 'светло-серый'	В. Миколайтис-Путинас	2
	9. žalsvas 'зеленоватый'	С. Нерис, Г. Радаускас	2
	10. juodas 'черный'	В. Миколайтис-Путинас, LKŽ	2
	11. šigmas 'сивый'	М. Вайнилайтис, Э. Межелайтис	2
	12. rajuodęs 'почерневший'	Г. Нагис	1
	13. suodinas 'покрытый сажей, закоптевший'	Ю. Вайчюнайте	1
	14. šėmas 'пепельный'	Й. Айстис	1
	15. žilas 'седой'	Й. Айстис	1
	16. gelsvas 'желтоватый'	Г. Радаускас	1
	17. geltonas 'желтый'	Г. Радаускас	1
	18. pūvančių lapų spalvos 'цвета гниющих листьев'	Г. Радаускас	1
	19. išmargintas 'пестрый'	В. Шимкус	1

Продолжение табл. 1

Признак	Эпитет	Авторы	Количество
Освещенность, свет (14)	20. tamsus ‘темный’	Й. Кекштас, LKŽ	4
	21. sidabrinis ‘серебряный’	В. Миколайтис-Путинас	2
	22. sidabro ‘из серебра, серебряный’	В. Миколайтис-Путинас	1
	23. pasidabrintas ‘посеребренный’	В. Миколайтис-Путинас	1
	24. aukso ‘из золота, золотой’	П. Вайчюнас	1
	25. sutemęs ‘потемневший’	Э. Межелайтис	1
	26. šviesus ‘светлый’	В. Сириос-Гира	1
	27. žybsniais žaidžiantis ‘играющий проблесками’	Э. Межелайтис	1
	28. blyškus ‘бледный, блеклый’	Г. Радаускас	1
	29 blukus ‘поблекший’	А. Бернотас	1
Другие физические качества (45)	30. tirštas ‘густой’	Ю. Марцинкявичюс, А. Ника-Нильонас, Й. Айстис, Э. Межелайтис, В. Бразюнас, В. Миколайтис-Путинас, LKŽ	13
	31. sunkus ‘тяжелый’	С. Нерис, LKŽ	3
	32. perregimas ‘прозрачный’	Э. Межелайтис, LKŽ	3
	33. tvankus ‘душный’	В. Миколайтис-Путинас	2
	34. troškinantis ‘вызывающий жажду’	В. Миколайтис-Путинас, Й. Шимкус	2
	35. šaltas ‘холодный’	В. Миколайтис-Путинас, Й. Кекштас	2
	36. storas ‘толстый’	LKŽ	2
	37. plonas ‘тонкий’	К. Брадунас, Э. Межелайтис	2
	38. gilus ‘глубокий’	С. Нерис, LKŽ	2
	39. bekraštis ‘бесконечный’	В. Шимкус, С. Сантварас	2
40. pasidraikęs ‘рассыпанный’	В. Миколайтис-Путинас, Й. Айстис	2	

Продолжение табл. 1

Признак	Эпитет	Авторы	Количество
Другие физические качества (45)	41. slegiantis ‘тяжелый’	Й. Айстис	1
	42. lengvas ‘легкий’	Э. Межелайтис	1
	43. švelnus ‘нежный’	Г. Радаускас	1
	44. šilkinis ‘шелковый’	В. Миколайтис-Путинас	1
	45. rugus ‘рыхлый’	В. Шимкус	1
	46. degantis ‘горящий’	В. Бразюнас	1
	47. vėsus ‘прохладный’	В. Миколайтис-Путинас	1
	48. drėgnas ‘влажный’	Г. Радаускас	1
	49. tylus ‘тихий’	Г. Радаускас	1
	50. siūbuojantis ‘зыбкий’	В. Пальчинскайте	1
Определения эмоций и психических состояний (11)	51. ramus ‘спокойный’	Г. Радаускас, Й. Якштас	2
	52. nesmagus ‘неприятный’	В. Миколайтис-Путинас	1
	53. nykus ‘мрачный’	В. Миколайтис-Путинас	1
	54. niūgus ‘унылый’	Ф. Кирша	1
	55. nuodingas ‘ядовитый, злой’	В. Миколайтис-Путинас	1
	56. sielą marinantis ‘угнетающий душу’	В. Миколайтис-Путинас	1
	57. gedulo ‘траура, печали’	С. Нерис	1
	58. netikrumo ‘неуверенности, тревоги’	LKŽ	1
	59. apsnūdęs ‘сонный’	Й. Айстис	1
	60. rūškanas ‘хмурый, мрачный’	Й. Айстис	1

Окончание табл. 1

Признак	Эпитет	Авторы	Количество
Темпоральные эпитеты (11)	61. amžiu 'веков'	Б. Сруога, С. Англицкис, В. Миколайтис-Путинас, Й. Айстис	4
	62. praeities 'прошлого'	С. Нерис, LKŽ	3
	63. istorijos 'истории'	К. Брадунас	1
	64. laiko 'времени'	К. Брадунас	1
	65. legendų 'легенд'	А. Дрилинга	1
	66. mitų 'мифов'	А. Дрилинга	1

Таблица не претендует на исчерпывающую статистику, хотя в ней представлено 66 различных эпитетов тумана, использованных 146 раз в текстах 33 литовских поэтов, писавших в разное время, и в Словаре литовского языка (LKŽ). Пожалуй, самым «туманным» автором в литовской поэзии является М. Миколайтис-Путинас (23 эпитета). 10 эпитетов найдено у Э. Межелайтиса, 9 — у Г. Радаускаса, 9 — у С. Нерис. По данным таблицы можно создать обычный, стереотипный образ тумана в литовской поэзии: белый, серый или синий, покрывающий землю плотным тяжелым слоем и вызывающий у человека меланхолию, грусть, уныние, заставляющий тосковать об окутанном легендами славном прошлом.

§ 37. В палитре литовского поэтического тумана преобладают холодные цвета и пастельные оттенки, однако встречаются и более яркие проблески красного или желтого цвета. Примечательно, что для определения этого атмосферного явления в литовском языке используются некоторые прилагательные, которыми обычно определяется масть животного: *palšas* 'сивый', *širmas* 'сивый', *šėmas* 'пепельный' (бык, корова).

Из других физических качеств чаще всего характеризуется консистенция (*tirštas* 'густой', *purus* 'рыхлый'), толщина слоя, объем, другие пространственные физические параметры (*storas* 'толстый', *plonas* 'тонкий', *gilus* 'глубокий', *bekraštis* 'бескрайний'); с плотностью связано ощущение веса (*sunkus* 'тяжелый', *slegiantis* 'давящий', *lengvas* 'легкий') и поверхности (*šilkinis* 'шелковый'). Распространенной характеристикой является температура и насыщенность водяными парами (*šaltas* 'холодный', *vėsus* 'прохладный', *degantis* 'горящий', *tvankus* 'душный', *troškinantis* 'вызывающий жажду'), яркость (*blyškus* 'бледный, блеклый', *blukus* 'поблекший'),

способность пропускать свет или звук (*perregimas* ‘прозрачный’, *tylus* ‘тихий’). Блеск, свечение тумана определяют его сравнения с драгоценными металлами (*aukso* ‘золотой’, *sidabro* ‘серебряный’, *pasidabrintas* ‘посеребрённый’, *sidabrinis* ‘серебряный’).

Туман — атмосферное явление, вызывающее у человека определенные эмоции, чаще всего романтической грусти, меланхолии, чувство безнадежности, печали, поэтому многие эпитеты звучат минорно: *nesmagus* ‘неприятный’, *nykus* ‘мрачный’, *niūrus* ‘унылый’, *rūškanas* ‘мрачный’, *sielą marinantis* ‘угнетающий душу’. Традиционно связываемый с неизвестностью, туман в литовском поэтическом языке часто употребляется с названиями временных отрезков, обычно прошлого, напр.: *Iš amžių ūkanos atėjęs* ‘Пришедший из тумана веков’ (Aist, 267); *Pranyko ūkuos praeities* ‘Исчез в тумане веков’ (Nėr II, 573). В фольклорных текстах туманным может быть и будущее: *Ateitis — rūkuose, praeitis — varguose* ‘Будущее — в тумане, прошлое — в бедах’ (LKŽ XI, 917 (Ppг57)).

§ 38. Иначе выглядят эпитеты тумана в русском поэтическом языке¹⁶, представленные в таблице 2.

Таблица 2. Эпитеты тумана в русском поэтическом языке

Признак	Эпитет	Авторы	Количество
Цвет (66)	1. седой	А. Пушкин, И. Анненский, К. Бальмонт, И. Бунин, А. Плещеев, В. Иванов, А. Белый, Н. Гумилев	13
	2. сизый	И. Бунин, Н. Некрасов, М. Волошин, М. Цветаева, И. Анненский	6
	3. голубой	В. Жуковский, И. Бунин, Б. Садовский, А. Ахматова, А. Белый	6
	4. синий	Н. Некрасов, А. Пушкин, М. Лермонтов, М. Волошин, М. Цветаева	6
	5. млечный\молочный	И. Надсон, И. Никитин, А. Белый, И. Анненский	6

¹⁶ Данные для таблицы были собраны по антологиям, поэтическим сборникам, а также из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Из общего объема (более 500 эпитетов) для сопоставимости результатов с литовским материалом взяты полностью данные по наиболее известным поэтам XIX–XX вв. (И. Бунин, К. Бальмонт, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и др.).

Продолжение табл. 2

Признак	Эпитет	Авторы	Количество
Цвет (66)	6. белый	С. Надсон, И. Анненский, Б. Садовский, М. Лохвицкая	4
	7. лазурный	М. Лохвицкая, Ф. Сологуб, М. Цветаева, И. Анненский	4
	8. розовый	М. Лохвицкая, В. Иванов, Н. Гумилев, М. Цветаева	4
	9. багряный	И. Бунин, С. Надсон, М. Волошин	3
	10. радужный	Ф. Сологуб, С. Надсон, Я. Полонский	3
	11. желтый	И. Анненский, О. Мандельштам, Н. Гумилев	3
	12. белесоватый	Н. Гумилев, И. Анненский	2
	13. шафранный	М. Волошин	1
	14. лазоревый	И. Бунин	1
	15. молочно-белый	И. Бунин	1
	16. серый	И. Анненский	1
	17. цветовой	К. Бальмонт	1
	18. черный	В. Иванов	1
Освещенность, свет, сияние (20)	19. серебряный	К. Бальмонт, С. Надсон, М. Лохвицкая	4
	20. серебристый\серебристый	С. Надсон, И. Никитин, И. Бунин	3
	21. темный	И. Бунин, Н. Языков	2
	22. пасмурный	А. Пушкин	2
	23. свинцовый	С. Надсон	1
	24. чадный	К. Бальмонт	1
	25. дымящийся	И. Бунин	1
	26. солнечный	И. Бунин	1
	27. золотистый	К. Бальмонт	1
	28. светящийся	И. Бунин	1

Продолжение табл. 2

Признак	Эпитет	Авторы	Количество
Освещенность, свет, сияние (20)	29. бледный	И. Бунин	1
	30. тусклый	И. Бунин	1
	31. матовый	Н. Некрасов	1
Другие физические качества (78)	32. сырой	И. Бунин, И. Никитин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, А. Майков, А. Белый, М. Цветаева	11
	33. густой	И. Бунин, А. Пушкин, М. Лермонтов, И. Никитин, Ф. Тютчев, Н. Клюев, М. Цветаева, А. Ахматова, О. Мандельштам	10
	34. легкий	И. Бунин, С. Надсон, И. Никитин, К. Бальмонт, Н. Некрасов, А. Ахматова, В. Иванов	9
	35. холодный	И. Бунин, В. Жуковский, Ф. Сологуб, Я. Полонский, А. Ахматова, А. Белый	9
	36. волнистый	А. Пушкин, М. Лермонтов, С. Надсон, А. Белый	6
	37. тонкий	И. Бунин, К. Бальмонт, И. Анненский	6
	38. прозрачный	И. Никитин, К. Бальмонт, Я. Полонский	3
	38. зыбкий	Ф. Сологуб, В. Иванов, А. Жемчужников	3
	39. морозный	М. Лохвицкая, Ф. Тютчев	3
	40. ледяной	М. Цветаева, А. Белый	2
	41. глухой	А. Пушкин, В. Иванов	2
	42. тяжелый	А. Пушкин, Н. Гумилев	2
	43. душистый	Б. Садовский, А. Блок	1
	44. воздушный	К. Бальмонт	1
	45. сухой	И. Бунин	1
46. жаркий	М. Волошин	1	
47. знойный	К. Бальмонт	1	

Признак	Эпитет	Авторы	Количество
Другие физические качества (78)	48. теплый	Я. Полонский	1
	49. переменчивый	К. Бальмонт	1
	50. перелетный	В. Жуковский	1
	51. неподвижный	Ф. Сологуб	1
	52. тихий	А. Белый	1
	53. нежный	Б. Садовский	1
	54. соленый	К. Бальмонт	1
	55. горячий	М. Цветаева	1
	56. росистый	К. Бальмонт	1
Определения эмоций и психических состояний (13)	57. суровый	И. Никитин	1
	58. угрюмый	С. Надсон	1
	59. печальный	А. Пушкин	1
	60. мертвый	И. Анненский	1
	61. ласковый	К. Бальмонт	1
	62. чувственный	К. Бальмонт	1
	63. бредовый	Ф. Сологуб	1
	64. обольстительный	Ф. Сологуб	1
	65. блаженный	М. Цветаева	1
Темпоральные эпитеты (5)	66. вечный	М. Лермонтов	1
	67. бессмертный	С. Надсон	1
	68. первобытный	А. Майков	1
	69. старый	А. Плещеев	1
	70. старинный	М. Цветаева	

В таблице приведено 70 разных эпитетов, которые встретились у 22 русских авторов 182 раза. Больше всего эпитетов обнаружено у И. Бунина (33 случая употребления), А. С. Пушкина (17), К. Бальмонта (16), С. Надсона (16), М. Ю. Лермонтова (15).

§ 39. «Русский туман» окрашен прежде всего в серый (*седой, сизый, свинцовый*), синий (*голубой, лазурный, лазоревый*) и белый (*молочный, белесоватый*) или близкий к ним *серебряный (серебристый)*. Прилагательное *седой*, самый распространенный цветовой эпитет тумана, обычно определяет цвет волос (*седой старик*), а прилагательное *сизый* — цвет оперения птиц (*сизый голубь*). Встречаются также разные оттенки красного (*розовый, багряный*), желтого (*шафранный, желтый*) цвета, передающие освещенность тумана закатным или восходящим солнцем. Туман в русской поэзии — многоцветный, что не свойственно литовской поэзии. В сравнении с литовской цветовой гаммой, здесь преобладают довольно насыщенные, яркие цвета.

Из физических характеристик чаще всего определяется консистенция и вызванное ею ощущение веса (*густой, легкий, тяжелый, тонкий* и под.), влажность (*сырой, но и сухой*), динамичность, нестабильность (*переменчивый, перелетный*), температура (*холодный, ледяной, жаркий, теплый, знойный*). В распределении этих качеств можно заметить определенные отличия от литовского поэтического языка (напр., относительную частотность эпитетов *сырой, легкий, холодный*, распространенность эпитетов, связанных с динамическим характером тумана *волнистый, зыбкий*). В русском поэтическом языке, как и в литовском, туман обычно определяет чувства тоски, грусти (*печальный, угрюмый*), болезненных состояний, нередко связанных с обманом, миражом, бредом (*обольстительный, бредовый*). С туманом могут связываться и противоположные чувства радостного восприятия жизни: *Пронизан солнцем был ласкающий туман (о любви)* (НКРЯ (Бальм)). Заметна синтетичность многих эпитетов: так, эпитет *молочный* определяет не только цвет, но и консистенцию, влажность тумана¹⁷.

¹⁷ Полученные данные сопоставимы с данными «Словаря эпитетов русского языка» (СЭРЯ, 466–467), где выделены похожие группы эпитетов (цвет; плотность, густота, температура, влажность, характер воздействия на человека, психологическое восприятие). Наш материал включает примерно половину приведенных в СЭРЯ эпитетов (47 из 107), повторяются примеры из всех групп. Некоторые эпитеты в нашем материале (напр., *шафранный* (Волош), *пасмурный* (АСП)) относятся к авторским, но не выпадают из общего семантического пространства эпитетов слова *туман*.

Обобщая, можно заметить, что в русском поэтическом языке существует два стереотипа тумана: один седой, сырой, густой, холодный, связанный с печалью и тоской, другой — белый (серебряный) или голубой, легкий, волнистый, вызывающий светлые чувства.

Как и в литовском языке, туман связывается прежде всего с отдаленным прошлым человечества: *вечные, первобытные туманы*. Менее отдаленное прошлое предстает в таких примерах: *Исчезли юные забавы, Как сон, как утренний туман* (АСП I, 194), *Туманные сокрылись дни разлуки* (АСП I, 151), *И на полях туманного былого* (Бел, 35). Однако туман достаточно часто связывается также с будущим: *Но пасмурным туманом Зачем же мне грядущее скрывать* (АСП I, 159), *Впереди густой туман клубится* (РПСВ, 453 (Манд)).

§ 40. Рассмотренные выражения с переносным обозначением тумана в литовском и русском языках демонстрируют весьма неоднородный характер этого впечатляющего атмосферного явления. В пласте традиционных фольклорных метафор обнаруживаются определенные сходства между литовской и славянской, в частности, русской, языковыми картинками мира, отражающие длительный возраст некоторых выражений, а иногда их универсальный характер.

Установлено большое разнообразие метафорических выражений — обозначений тумана в художественном языке двух народов (литовского и русского), при этом возможным оказалось выделение общих базовых метафор. В их реализации есть различия: ср., напр., метафору *туман — складки; подол* в литовском языке, сравнение тумана с *шерстью*, нехарактерное для русского языка; с другой стороны, можно отметить сложную систему метафоры *туман — молоко*, относительную частотность орнитоморфных и антропоморфных метафор в русском языке и др. Отмечена большая «природность» литовской метафорики по сравнению с русской, где чаще встречаются образы, связанные с человеческой деятельностью. Выявлены также специфические для каждого из языков более частные образы. Установлена связь метафорики тумана и облаков (*туман — полотно; туман — овечки; туман — птица*).

Разнообразие метафорических выражений, обозначающих туман, обусловлено изменчивостью консистенции, цвета, плотности, температуры, влажности, характером перемещения и другими свойствами, что подтверждают и рассмотренные эпитеты. Созданные на основе анализа эпитетов стереотипные образы тумана литовской и русской поэзии говорят о различиях в восприятии этого атмосферного явления и его отражении в языковой картине мира двух народов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ФАМИЛИЙ АВТОРОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Balt — A. Baltakis	Бл — А. Блок	Манд — О. Мандельштам
Bink — K. Binkis	Бун — И. Бунин	Мережк — Д. Мережков-
Buč — A. Bučys	Визб — Ю. Визбор	ский
Deg — J. Degutytė	Волош — М. Волошин	Мор — Ю. Мориз
Gir — L. Gira	Герц — А. Герцен	Надс — С. Надсон
Mac — J. Macevičius	Гинз — Л. Гинзбург	Некр — Н. Некрасов
Mack — V. Mackevičius	Гип — Вл. Гиппиус	Пришв — М. Пришвин
Mald — A. Maldonis	Горьк — М. Горький	Расп — В. Распутин
Palč — V. Palčinskaitė	Ес — С. Есенин	Рыбак — А. Рыбаков
Sr — B. Sruga	Загос — Н. Загоскин	Струйск — Д. Струйский
Šimk — J. Šimkus	Замят — В. Замятин	Тол А — А. Толстой
Širv — P. Širvy	Ив — Вяч. Иванов	Тург — И. Тургенев
Vaič — J. Vaičiūnaitė	Клычк — С. Клычков	Хом — А. Хомяков
Vain — M. Vainilaitis	Крас — В. Красов	Цвет — М. Цветаева
Vencł — A. Venclova	Кюх — В. Кюхельбекер	Шал — В. Шаламов
Žuk — A. Žukauskas	Лавр — Б. Лавренев	Шол — М. Шолохов
Анн — И. Анненский	Лаз — И. Лазарев	Щепк-Куп — Н. Щепкина-
АСП — А. Пушкин	Лерм — М. Лермонтов	Куперник
Ахм — А. Ахматова	Леск — Н. Лесков	Щерб — Н. Щербина
Бальм — К. Бальмонт	Лохв — М. Лохвицкая	
Бел — А. Белый	Майк — А. Майков	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ак ПКП — Б. Акунин. Пелагия и красный петух. М., 2003.
- Ак ПЧМ — Б. Акунин. Пелагия и черный монах. М., 2003.
- Анн — И. Анненский. Стихотворения и трагедии. (Библиотека поэта). М., 1990.
- АРП — Антология русской поэзии. Золотой век / Сост., автор предисл. С. Дмитренко. М., 2007.
- АСП — А. С. Пушкин. Сочинения в трех томах. Т. 1. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила. М., 1985.
- Афанасьев 1957 — Русские народные сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Т. 1. М., 1957.
- Афанасьев 1982 — А. Н. Афанасьев. Древо жизни. М., 1982.
- Бел — А. Белый. Собрание стихотворений 1914. М., 1997 (Литературные памятники).
- Березович 2007 — Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М., 2007.
- Бл — А. Блок. Стихотворения. Поэмы. Театр. В 2-х томах. Т. 1. Ленинград, 1972.
- Благова 2004 — Г. Ф. Благова. Мифологически-ассоциативный блок «непогода» в составе праторюкской антропонимии // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рожд. Н. И. Толстого. М., 2004.
- Бун — И. Бунин. Свет незакатный. М., 1995.

- Волош — М. Волошин. Лирика. М., 2007.
- ВрГ — Времена года в поэзии Серебряного века. Какие дни и вечера!.. / Сост. Л. Мезинов. М., 2006.
- Ган — П. Ганин. Предвечерие: <http://www.bodisiti.ru/fulltext/slo/voo/vol/ogde/9htm> (30.05.2010).
- Даль — В. И. Даль. Словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1989.
- Заб — Н. Заболоцкий. Столбцы и поэмы. Стихотворения. (Классики и современники). М., 1989.
- Зеленин 1991 — Д. К. Зеленин. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Казак — Ю. Казаков. Рассказы. Мюнхен, 2005: http://imwerden.de/pdf/kazakov_rasskazy.pdf (20.08.2011).
- Капл — Ю. Каплан. Разные стихи: <http://www.pereplet.ru/text/kaplan19may04.html> (10.05.2010).
- Клыч — С. Клычков. Чертухинский балакирь: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/147738/Klychkov_-_Chertuhinskii_balakir.html
- Конецк — В. Конецкий. Никто пути пройденного у нас не отберет. М., 2003.
- Коницкая, Ясюнайте 2006 — Е. Коницкая, Б. Ясюнайте. Жаворонков снег (происхождение снега в традиционной культуре) // Балто-славянские исследования XVIII. М., 2006.
- Коницкая, Ясюнайте 2009 — Е. Коницкая, Б. Ясюнайте. Колесница Пяркунаса (атмосферные явления в выражениях с переносным значением: облака) // Балто-славянские исследования XVIII. М., 2009.
- Мережк — Д. Мережковский. Туманов млечных покрывало // Крым в русской поэзии: <http://crimea.russianplanet.ru/poetry/sea.htm#pokryvalo> (15.10.2010).
- МЖРФ — Малые жанры русского фольклора. М., 1986.
- Мор — Ю. Мориц. Избранное. М., 1982.
- Никит — И. Никитин. Сочинения. М., 1980.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>.
- ОЗРН — М.И. и А.М. Песковы (сост.). Обереги и заклинания русского народа. М., 1996.
- Паст 1964 — Б. Пастернак. Зарево // День поэзии. М., 1964.
- Паст 1998 — Б. Пастернак. Избранные произведения. М., 1998.
- Плотникова 2000 — А. Плотникова. Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян // Славянский и балканский фольклор. М., 2000.
- РЗЗ — Русские заговоры и заклинания / Отв. ред. В. П. Аникин. М., 1998.
- РПСВ — Русская поэзия «серебряного века». 1870–1919. Антология. М., 1993.
- СД I — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995.
- СЛИЧ — Сказки и легенды ингушей и чеченцев / Сост. А. О. Мальсагов. М., 1986.
- Сокол — С. Соколов. Осенние пряжки (Сергею Есенину). <http://eseniada.narod.ru/poetry-42.html>
- СРЯ — Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. Е. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1951–1965.

- СЭРЯ — К. С. Горбачевич, К. П. Хабло. Словарь эпитетов русского языка. М., 1979.
- Твард — А. Твардовский. Василий Теркин. М., 1973.
- Толстая 2008 — С. М. Толстая. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
- Уорф 1960 — Б. Л. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Т. II. М., 1960.
- Успенский 1996 — Б. А. Успенский. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии, Избранные труды. Т. 2. М., 1996.
- Цвет — М. Цветаева. Собрание сочинений в 7 томах. Т. I, III. М., 1994.
- Черепанова 1996 — О. А. Черепанова. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. С-Пб., 1996.
- Черк — А. Черкасов, П. Московитина. Черный тополь: http://www.gramotey.com/open_file=1269029376.
- Шалам — В. Шаламов. Колымские рассказы. М., 1991.
- Шолохов — М. Шолохов. Тихий Дон. М., 1959.
- Aist — J. Aistis. Katarsis. Vilnius, 1988.
- AM — Aukštaičių melodijos / Parengė L. Burkšaitienė ir D. Krištopaitė. Vilnius, 1990.
- Artiče — Napij se vode iz studenca. Artiče 2009: www.osartice.si (20.05.2010).
- Beresnevičius 1995 — G. Beresnevičius. Sielos fenomenologijos įvadas // Lietuvių kultūros tyrinėjimai. T. I. Vilnius, 1995.
- Bezljaj 1995 — F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. T. 3. Ljubljana, 1995.
- Brad — K. Bradūnas. Prie vieno stalo. Poezijos rinktinė. Vilnius, 1990.
- DEDI — Enciklopedija naravne in kulturne dediščine na Slovenskem: <http://dedi.hruska.si> (12.15.2010).
- FTBI — Folk-tales of the British Isles / J. Riordan (ed.). Moscow, 1987.
- FŽ — Frazеologijos žodynas / Red. J. Paulauskas. Vilnius, 2001.
- ĮTR — Įvairi tautosaka iš rinkinių / Surinko J. Basanavičius. Vilnius, 2002.
- Jasiūnaitė 2010 — B. Jasiūnaitė. Šventieji ir nelabieji frazeologijoje ir liaudies kultūroje. Vilnius, 2010.
- Jasiūnaitė, Konickaja 2004 — B. Jasiūnaitė, J. Konickaja. «Atlėkė paukštis be sparnų» (Atmosferos reiškiniai frazeologijoje: sniegas) // Kalbotyra 51 (1): Lietuvių kalba. Vilnius, 2004.
- JB — J. Balys. Raštai. T. 1–5. Vilnius, 1998–2004.
- Katil — M. Katiliškis. Užuo vėja. Išėjusiems negrįžti. Vilnius, 1984.
- Kėkšt — J. Kėkštas. Žemė. Poezijos antologija. Vilnius, 1991.
- Kuret 1998 — N. Kuret. Praznično leto Slovencev: starosvetne šege in navade od pomladi do zime. 2. knjiga. 3. ponatis. Ljubljana, 1998.
- LKŠ — J. Balys. Lietuvių kalendorinės šventės. Vilnius, 1993.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. T. I–XX. Vilnius, 1941–2002, электронная версия: www.lkz.lt
- LP — Lietuvių poezija (Antologija). T. 1–2. Vilnius, 1967–1969.
- LPĮ — J. Basanavičius (sud.). Lietuviškos pasakos įvairios. T. 1–4. Vilnius, 1993–1998.
- LTs — Lietuvių tautosaka. T. I–V. Vilnius, 1962–1968.
- LU — Lietuvių užkalbėjimai: gydymo formulės / Sud. D. Vaitkevičienė. Vilnius, 2008.
- Marc — J. Marcinkevičius. Vienintelė žemė: eilėraščiai. Vilnius, 1984.

- Marc. Pm — *J. Marcinkevičius*. Poemos. T. 1–2. Vilnius, 1972.
- Masiulionytė 2007 — *V. Masiulionytė*. Apie vieną pasaulio modelio fragmentą: orus valdančios būtybės lietuvių ir vokiečių frazeologijoje // *Filologija* 2007 (2).
- Miež — *E. Mieželaitis*. Poezija. T. I–II. Vilnius, 1968.
- Myk-Put — *V. Mykolaitis-Putinas*. Raštai. T. 1. Vilnius, 1959.
- Nėr — *S. Nėris*. Raštai. T. I–II. Vilnius, 1957.
- Rad — *H. Radauskas*. Lyrika. Vilnius, 1980.
- Sabaliauskas 1990 — *A. Sabaliauskas*. Lietuvių kalbos leksika. Vilnius, 1990.
- Sant — *S. Santvaras*. Lyrika: eilėraščiai. Vilnius, 1984.
- SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991 (электронная версия).
- Šimkus — *V. Šimkus*. Nusileisk dangau ant žemės. Vilnius, 1982.
- Šliavas 1985 — *J. Šliavas*. Žeimelio apylinkės. Kaunas, 1985.
- Šmitek 2004 — *Z. Šmitek*. Mitološko izročilo Slovencev: svetinje preteklosti. Ljubljana, 2004.
- ŠP — Kalvis ir fėjos. Škotų pasakos / Iš anglų k. vertė R. Zagorskienė. Vilnius, 2008.
- TD — Alė Rūta. Teisybės diena. Kaunas, 1992.
- TDr — Tautosakos darbai. Lietuvių tautosakos archyvo leidinys. T. I–VII. Kaunas, 1935–1940.
- Tomšič 1989 — *M. Tomšič*. Noč je moja, dan je tvoj. Istrske štorije. Zbirka ljudskih pravljic s področja Istre (zbirka Glasovi). Ljubljana, 1989.
- VV — *J. Basanavičius* (sud.). Iš gyvenimo vėlių bei velnių. Vilnius, 1998.

Символика рыбы в связи с верхним миром: небесные светила и атмосферные явления

Настоящая работа продолжает цикл статей, посвященных символике рыбы в балто-славянской (преимущественно) традиции. В первой статье данного цикла (Разаускас 2006, 295–352) рассматривалась символика рыбы в связи с нижним миром (в традиционной трехъярусной картине мира) и смертью; во второй (Разаускас 2009, 528–567) — символика рыбы в связи с (воз)рождением и жизнью как признаками среднего мира, а теперь обратимся к символике рыбы, связанной с явлениями, относящимися к верхнему миру.

Из сказанного в предыдущих статьях очевидно, что рыба выступает одновременно и в качестве символа смерти, и символа жизни. Но этим символика рыбы далеко не исчерпывается. «Рыба» также может принимать значения других соответствующих оппозиций. Например, по замечанию В. Топорова, «рыба может символизировать не только плодородие, плодовитость, изобилие (мифопоэтически отмеченным является и образ рыбной икры), сексуальную силу, мудрость, но и скудость, скупость, сексуальную индифферентность (в связи с особенностями размножения рыбы), глупость» (Топоров 1982, 393; см. Biedermann 2002, 505; ER V, 346; Vries 1976, 190). Объединение (медиация) в символике рыбы оппозиций жизни и смерти поддерживается и тем фактом (за подсказку которого я обязан опять же В. Н. Топорову), что она — животное хладнокровное, т. е. имеет кровь (= «жизнь»), но кровь ее холодная (= «смерть»)¹. В свою очередь, противоположные установки, т. е. «амбивалентные позиции в отношении рыбы указывают на двойственность ее природы. С одной стороны, она является нечистой и служит эмблемой ненависти, с другой же, она выступает объектом поклонения» (Юнг 1997, 140).

Двойственная природа налицо и в астрологическом знаке Рыб, притом в самых разных отношениях. Например, «как двенадцатый знак Зодиака, Рыбы означают конец астрологического года, но также и новое начало» (Юнг 1997, 130). Это отражается и в цветовом коде, так как из всего

¹ Ср. к этому белорусскую загадку *Якая ў рыбы кроў?* — *Халодная* (Загадкі 2004, 310, № 3300) и литовский фразеологизм, описывающий очень спокойного, хладнокровного человека: *žuvies kraujo* 'рыбей крови' (FŽ, 882).

спектра цветов, начиная красным и кончая фиолетовым, при сопоставлении их с кругом Зодиака знаку Рыб отводится именно «фиолетово-красный» (см. таблицу: Топоров 1982а, 145), соединяющий конец и начало спектра; при этом красный, особенно пурпурный цвет имеет ярко выраженные положительные духовные и мистические ассоциации, а фиолетовый — отрицательные, демонические (Топоров 1987, 216). По мнению К. Г. Юнга, «отчасти оправданной могла бы быть параллель между напряженной поляризацией противоположностей в раннехристианской психологии и тем фактом, что на зодиакальном знаке Рыб две рыбы часто изображаются движущимися в противоположных направлениях» (Юнг 1997, 102). «Поляризованность, постепенно приобретаемая знаком Рыб, скорее всего связана с тем фактом, что в астрономическом созвездии первая (северная) рыба располагается вертикально, а вторая (южная) — горизонтально. Они движутся почти под прямым углом друг к другу, образуя крест. Такое встречное движение, неведомое большинству более ранних источников, стало настойчиво подчеркиваться в христианские времена» (Юнг 1997, 103). Наконец, «в иранской системе взглядов Юпитер означает жизнь, Сатурн — смерть. Их соединение, таким образом, означает объединение самых крайних противоположностей. В 7 году до н.э. это знаменательное соединение случалось в знаке Рыб не менее трех раз» (Юнг 1997, 91–92; см. Biedermann 2002, 505; Vries 1976, 189). Причем «никак нельзя исключать возможность того, что некоторые образованные христиане знали о *coniunctio maxima* Юпитера и Сатурна в знаке Рыб, имевшем место в 7 году до н.э.» (Юнг 1997, 128). Комбинация двух рыб, наконец, стало обозначать двух сыновей Яхве — Христа и Сатану (Vries 1976, 189). Отсюда двойственный, энантиодромический характер и самого христианского символа рыбы, который не раз подчеркивался Юнгом. Например, «в герменевтических сочинениях Отцов Церкви, восходящих еще к дням первоначального христианства, Христос имеет несколько символов или “аллегорий”, общих с дьяволом. В их числе я назвал бы льва, змею (*coluber*, ‘гадюку’), птицу (дьявол = *nocturna avis*), ворону (Христос = *nyctikorax*, ‘ночная цапля’), орла и рыбу» (Юнг 1997, 89). «Соответственно Иисус выглядит как двойственная личность, часть которой поднимается из хаоса или *hylē* [материи], в то время как другая часть спускается в виде пнеумы [духа] с неба», — согласно выводу, сделанному Юнгом из легенды III в. о *Pistis sophia* (Юнг 1997, 93).

И это, собственно, не должно удивлять, так как именно объединение оппозиций, *coniunctio oppositorum*, придает мифической рыбе свойство медиатора, в конечном счете и предопределившее ее превращение в символ Спасителя.

Подобным образом, например, противоположность жизни и смерти совмещается в понятии души (одном из значений символа рыбы), представляющем как жизненное начало, так и дух умершего, призрак, проявление смерти. Однако в обоих случаях душа — это то, что оживляет бrenную плоть и остается живым как после смерти, так и при смерти, несмотря на различие в оценках ее соответствующих проявлений. Подобным же образом рыба, как морское животное, представляет жизнь в смерти² и, соответственно, — огонь в воде, свет во тьме, дух в материи, сознание в бессознательном, также «свежесть» в «испорченности» (= в соленой воде, см. Vries 1976, 189) и т. п. Это положение «в», собственно, и составляет в данном случае суть *coniunctionis*, отражаемую как половой, сексуальной символикой «жизни», так и символами поедания, заглатывания, пожирания, описывающими «смерть».

В случае проглоченного рыбой героя, как мы уже имели возможность убедиться раньше, «иногда в рыбе разводится огонь» и «огонь в рыбе — вообще распространенный мотив» (Пропп 1998, 316, 317). Ср. хотя бы окончание русской сказки, не имеющей, собственно, никакого отношения к рыбе: *На дворе у них была лужа, а в ней щука, а в щуке-то огонек; этой сказочке конец* (АФНРС II, 278, № 245).

Юнг также напоминает нам «всемирный миф о типичном подвиге героя. Он путешествует на корабле, борется с морским чудовищем, заглатывается им, сопротивляется раздроблению и уничтожению (мотив расчленения) и, будучи уже внутри “кита-чудовища”, достигает жизненного органа, который отрезает или другим способом уничтожает. Часто чудовище погибает оттого, что герой в нем разводит огонь — другими словами, в самом чреве смерти он тайно создает жизнь, восходящее солнце. Таким образом рыба погибает, всплывает на поверхность и выбрасывается на берег» (Jung 1990, 347). «Нетрудно понять, что представляет собой борьба с морским чудовищем: это усилие высвободить эгосознание из смертельной хватки бессознательного. Разжигание огня во чреве чудовища подразумевает то же самое, так как оно представляет собой прием апотропеической магии, нацеленный на то, чтобы развеять

² О фонетическом соотношении слов *море* и *мор*, *с-мерть*, а также их соответствий в других и.-е. языках (вплоть до предположения об их общем происхождении), в данном контексте см. Разаускас 2006, 323–326. К указанной символике рыбы ср. белорусскую загадку: *На тым свеце жывы, а на гэтым мёртвы* = рыба (Загадки 2004, 142, № 1382; Дучыц, Санько 2004, 441; см. Гура 1997, 748; СМ, 417; СД IV, 505). Ср. у Тарковского: *Мы все уже на берегу морском, / И я из тех, кто выбирает сети, / Когда идет бессмертье косяком*; именно поэтому, надо думать, согласно Хлебникову, *Человек / Сидит рыбаком у моря смертей* (Павлович 2004, 480).

мрак бессознательного. Спасение героя в то же время есть восход солнца, триумф сознания» (Jung 1990, 348)³.

В некоторых случаях рыбой заглатывается не герой, которому предстояло бы разжечь у нее в брюхе огонь, но непосредственно сам огонь, впоследствии продолжающий оставаться в рыбе до своего освобождения. Так, «среди американских индейцев и финноугорских народов распространено мнение, что во внутренностях лосося находится огонь» (Топоров 1982, 393; см. Jobes 1962, 1391). У американских индейцев это огонь молнии: «она упала в морскую бездну, где ее проглотил лосось, и из его живота люди доставали тлеющие искры небесного огня» (ЭСС, 543; Biedermann 2002, 496). В финно-угорской мифологии Вяйнямейнен «добыл огонь из чрева огненной рыбы (лосося), изготовив первую сеть для рыбной ловли (в некоторых рунах говорится, что эта рыба проглотила первую искру, которую высек Вяйнямейнен из своего ногтя или при помощи кремня и трута)» (МНМ I, 259), что, в конечном счете, тоже отсылает к молнии. Например:

«Высек пламя Илмаринен,
 Выбил искру Вяйнямейнен,
 На восьмом на небе верхнем,
 Воздуха девятом слое.
 Искра пламени скользнула
 Землю сквозь до подземелья,
 Через копать дымохода,
 Через колыбель младенца.
 Грудь у девы опалила,
 Матери сосцы сжигала.

³ «При спуске в бессознательное сознательный разум оказывается в угрожающем положении, так как он, по всей видимости, сам себя гасит. Это — состояние первобытного героя, проглоченного чудовищем» (Jung 1980, 333). Психологически «полное заглатывание и исчезновение героя во чреве чудовища означает полное отвлечение от внешнего мира. Преодоление чудовища изнутри — это достижение адаптации к обстоятельствам внутреннего мира, а выход (“ускользание”) героя из чрева чудовища [...], которое происходит в момент восхода солнца, символизирует возобновление развития. Характерно, что чудовище, в то время как герой находится в его чреве, совершает ночное морское путешествие на восток. Это, как мне представляется, указывает на то, что регресс не обязательно является лишь шагом назад в смысле дегенерации, а скорее представляет собой необходимую фазу в развитии. Индивид, однако, не осознает своего развития; он ощущает себя в положении притеснения, напоминающем раннюю инфантильную стадию или даже состояние эмбриона во чреве» (Jung 1969, 37).

Мать заковать сумела пламя,
Опустила искру в море. [...]
Гладкий сиг плывет по волнам,
Искру пламени глотает –
Пожиратель боль почувял,
Сиг изведаль муки жженья.
Щука с блеклой чешуёю
Гладкого сига глотает,
Кунжа с чешуёй прозрачной
Щуку блеклую глотает,
Семга красная явилась,
Кунжу светлую сожрала...»;

Вяйнямёйнен выловил семгу и

«Распорол лосося брюхо.
Показалась рыба-кунжа
Из утробы лососиной.
Кунже он утробу взрезал –
Щука серая выходит,
Щуке он разрезал брюхо:
Гладкий сиг оттуда вышел.
Гладкого сига разрезал –
Искра вырвалась наружу...»
(ВПИ, 53–54).

Обратим внимание на то, что огонь высекается «на восьмом на небе верхнем» и падает в море именно с неба. Ср. соответствующий мотив «Калевалы» (XLVII.248–250), где о высечении огня речь вообще не идет — он просто падает с небес (его роняет Небесная Дева). Огонь в конце концов падает в море, и тут — «Вышел синий сиг, погнался, / Ловит огненную искру, / Проглотил он злое пламя» (Калевала 1985, 356). Потом (XLVI-II.219–235) сига проглотила пеструшка, а пеструшку — щука; Вяйнямёйнен выловил щуку, а Сын Солнца разрезал рыбы одну за другой, пока наконец не «Вынул огненную искру, / Что упала с высей неба» (Калевала 1985, 361–362).

Мотив имеет широко распространенные аналогии: например, у кирибати мифический герой Те-ика, буквально ‘рыба’, ловит солнечный луч и возжигает с его помощью под водой огонь, откуда он впоследствии приносится на землю (ER IX, 508). А. Н. Афанасьев также находит этому

мотиву некоторые аналогии в Древней Индии и Древней Греции: «По индийскому преданию, Агни, некогда скрывшийся в воду, был предан рыбою и тогда же изрек на нее проклятие, чтобы она вечно была преследуема ловцами⁴; а греки рассказывали о Гесте, что сброшенный с неба — он был принят богинями вод Евриномою и Фетидою, из которых первая представлялась в Аркадии в рыбьем образе» (Афанасьев II, 81).

Далее Афанасьев указывает на славянский материал. «По любопытному варианту в апокрифической Беседе трех святителей, занесенному в Соловецкий сборник: *в огненном море или огненной реке живет великорыбие — огнеродный кит или змей Елеафам, на коем земля основана; из уст его исходят громаы пламенного огня, яко стрелено дело; из ноздрей его исходит дух, яко ветер бурный, воздымающий огонь геенский. В последние времена он задвигнется, восколеблется — и потечет река огненная, и настанет свету преставление»* (Афанасьев II, 86)⁵. Здесь огонь уже не заглатывается рыбой, а лишь изрыгается, но в свете представления ада в виде пасти или чрева «большой рыбы» (см. Разаускас 2006, 332–344; Журавлев 2005, 386–388) между этими образами нетрудно уловить связь. Обратим также внимание на то, что кит этот — «огнеродный». Ср. русскую загадку: *Из ворот в ворота плывет щука золота* = огонь подкладывают (Загадки 1968, 101, № 3195). Ср. в этом отношении слвц. диал. *horavka, horič* ‘горчак’ (сюда же рус. *горчак* и др.), которые О. Ферианц связывал с глаголом *horēt* ‘гореть’ (Коломиец 1983, 41–42). Во всяком случае, в некоторых традициях имеются данные и буквально об общем происхождении огня и рыбы, например, в мифах американских индейцев (Иванов 1974, 61). В литературе рыба иногда сопоставляется с пламенем огня по внешнему виду, как, например, у литовского писателя Юргиса Савицкиса: *Braškejo, sproginėjo žiežerkos, ore šokinėjo liepsnelės it žuvis iš vandens* ‘Трещали искры, в воздухе прыгали языки пламени словно рыба из воды’ (LKŽ XX, 1011). Ср. также две схожие литовские загадки: *Šili šilutė, žibi žibutė, danguj elnias* ‘Посверкивает сверкушка, поблескивает блёстка, на небе олень’ = змея, рыба, месяц; и, с другой стороны, *Žiba žibutis pelenuos, kekerėžis vandeny, trupingalvis ant dangaus* ‘Поблескивает блёстка в пепле, кекережис [непереводимо] в воде, крошеголов на небе’ = огонь, рыба, месяц (LTs V, 467, 530, № 5547, 6202). Рыба, во второй загадке помещенная в свою естественную среду — воду, в первой определяется как *žibutė* ‘блестка’ (ж.р.), именно так, как во второй загадке — огонь

⁴ См. об этом МНМ I, 36.

⁵ См. (со ссылками на дополнительные источники) Левкиевская 2002, 471; Гура 1997, 757.

žibutis (м.р.) в пепле. При этом в следующей загадке с ответом «рыба» она сама переходит из воды в пепел: *Kybur vybur vandeny, čeberykšt pelenuose* 'Барахт-барахт в воде, бултых в пепле' (LTs V, 528, № 6182).

В свою очередь, в заговорах «нередко огонь находится в самой воде, что перекликается с мифами о происхождении огня из воды: ... *И есть зеленой огонь в море, всем огням царь, жжсет и палит отпадишую нечистую силу, диаволов, еретиков и всех людей...* (заговор на оберег скота)» (Завьялова 1998, 383). По свидетельству А. Коссажевского (1821–1882), к записанным им в Литве представлениям о небесном огне вроде зарницы некий *Girdwoin* добавил, что такие огни часто и то только осенью видны и происходят из моря (поднимаются из моря) 'Коссарzewski 1937, 146). В нашем случае заслуживает внимания и связь таких морских огней непосредственно с рыбой и небом: *W Kotynianach o zorze północnej powiadają że kiedy się zjawia to ma być połów słodzi, których jak wiadomo kiedy na morzu niezmierne mnostwo złowią od ich lusek (żwinu) wychodzi światło i odbija się na chmurach lub horyzoncie* 'В [городке] Калтиненай о северном сиянии рассказывают, что когда оно появляется, то, должно быть, ловят селёдку (?), которую, как известно, если на море в безмерном количестве поймают, от ее чешуи исходит свет и отражается в облаках или на горизонте' (Kossarzewski 1937, 124). Ср. в этой связи фрагмент латышской былички: *Jūrā dzīvojot liela zivs... Kad šī zivs par naktīm skraidot, tad viņas spuras atspīdot pie debesīm. Tas atspīdums esot kāvi* 'В море живет большущая рыба... Когда эта рыба по ночам носится, ее плавники отражаются в небе. Это отражение — северное сияние' (ŠmLPT I, 380, № 196.2).

Тем более выражен образ «огня в воде» в ведийской традиции, где Агни зарождается в водах (иногда буквально под именем *Apām nāpāt* 'отпрыск вод'), в водах находится, в водах скрывается⁶. По мнению А. Б. Кейта, «бегство Агни в воды и принятие там животных форм достаточно лег-

⁶ См. МНМ I, 35–36, 91; Keith 1989, 135–136, 155–156. Ср., например, гимн «Ригведь» III.9.1–2, обращенный к Агни:

«Друзья (твои), мы выбрали тебя,
Бога, (мы,) смертные, для помощи,
Отпрыска вод, счастливого, чудесно сверкающего,
Легко преодолевающего (препятствия), незлобивого.
Любящий дерево, когда ты
Отправился к (своим) матерям — водам,
Ты не должен забывать о возвращении,

(Даже) будучи далеко, (о том) что ты был здесь» (Ригведа 1989, 300, см. 694).

ко объясняется его характером молнии, происходящей из туч, так что мы вряд ли нуждаемся в предположении о восхождении этого мифа к образу убывающей луны, теряющей при этом свой свет и в виде серпа внушающей образ определенного животного — рыбы, естественно отождествляемой с лососем, в облике которого Локи ускользнул от своих преследователей, или даже с Аполлоном в облике дельфина» (Keith 1989, 123). Так, «из вод в тучах происходит огонь молнии, и этот огонь при нисхождении на землю погружается в воду: вода, следовательно, всегда содержит в себе элемент огня, и сам Агни, соответственно, является сыном вод, таким образом совмещая в своей природе два совершенно разных элемента. Но Агни — не только огонь на земле и молния в воздухе, он также и солнце в небе» (Keith 1989, 88).

К.Г. Юнг приводит отрывок европейского средневекового алхимического текста под названием «Allegoriae», в котором говорится: *Est in mari piscis rotundus, ossibus et corticibus carens, et habet in se pinguedinem, mirificam virtutem, quae si lento igne coquatur, donec eius pinguedo et humor prorsus recedit... et quousque lucescat, aqua maris imbuatur* 'В море водится круглая рыба без костей и панциря, содержащая в себе жир удивительного свойства: если его греть на медленном огне, покуда не уйдут жирность и влажность..., он насыщается морской водой и начинает светиться' (Юнг 1997, 147, 170). «Этот рецепт, — по словам Юнга, — повторен в другом, возможно, более позднем трактате того же рода — *Aenigmata philosophorum*», и «общим для обоих трактатов является ироническое завершение рецепта: когда появляется *citrinitas* (*xanthosis*, 'желтизна'), «получается *collyrium* [глазная примочка] философов». Если последние протрут ею свои глаза, то легко смогут постичь секреты философии. Описанная в трактате рыба, — продолжает Юнг, — определенно не рыба в современном смысле слова, но какое-то беспозвоночное. Это подтверждается отсутствием костей и "панциря" — *cortex* (слово, в средневековой латыни обозначавшее попросту "раковину моллюска"). В любом случае, имеется в виду некий организм округлой формы, предположительно — медуза, в изобилии встречающаяся в морях древнего мира» (Юнг 1997, 147–148). Во всяком случае, «в интересующем нас тексте отмечается, что "круглая рыба", будучи нагрета на медленном огне, "начинает светиться". Другими словами, тепло, уже имевшееся в ней, становится видимым в качестве света», в свою очередь «Плиний описывает рыбу — *stella marina*, 'морскую звезду' — озадачивавшую, по его словам, многих великих философов. Об этой рыбе рассказывали, что она горяча, полна огня и сжигает все, к чему прикоснется в море. [...] Как бы то ни было, средневековые с его страстью к символам с жадностью схватилось за легенду

о “морской звезде”. Николя Коссен рассматривал “рыбу” именно в качестве морской звезды и соответствующим образом описывал ее. По его словам, это животное производит такое количество тепла, что не только зажигает все, к чему притрагивается, но и само варит себе пищу» (Юнг 1997, 148). «Picinellus интерпретирует рыбу примерно так же, с тем единственным отличием, что его амплификация более усложнена. “Эта рыба, — заявляет он, — непрерывно светится в воде, и все, к чему она ни прикоснется, разогревается и вспыхивает пламенем”. Свечение здесь — огонь Святого Духа», и «тот удивительный факт, что огонь *stella marina* не гаснет в воде, напоминает нашему автору о *divinae gratiae efficacitas* (‘действии божественной благодати’), воспламеняющей сердца, погруженные в “море греха”» (Юнг 1997, 149). «Наш автор предполагает, что рыба, о которой идет речь, с первых же мгновений своей жизни распространяет свет вокруг себя, а потому может служить эмблемой религии, чей свет животворит верующих», но в то же время Picinellus «объявляет морскую звезду “иероглифом сердца влюбленного”, чью страсть не в силах погасить целое море, независимо от божественного или же мирского характера его любви. Далее автор, допуская непоследовательность, говорит, что рыба эта, хотя и горит, но не светит. Он цитирует Св. Василия: «Теперь вообразите глубокий колодец, непроницаемую тьму, огонь, лишенный свечения, наделенный всей способностью огня жечь, но не испускающий никакого света... Именно так можно представить себе огонь адский». Этот огонь — *concupiscentia, scintilla voluptatis* ‘искра вожеления’. Любопытно бывает замечать, — обобщает сказанное Юнг, — насколько часто средневековые символисты дают диаметрально противоположные интерпретации одного и того же символа, очевидно, не осознавая далеко идущих и небезопасных следствий возможности того, что единство символа подразумевает тождество противоположностей. Так, в алхимии мы можем встретить точку зрения, согласно которой Бог и сам “пылает” во все том же подземном или подводном огне» (Юнг 1997, 149–150)⁷.

В алхимии (например, в «*Liber de compositione Alchemiae*») также известно сопоставление рыбьих глаз (*oculi piscium*) с искрами огня (*scintillae*) (Jung 1969, 196), причем в таком случае «рыбьи глаза являются маленькими душами-искрами» (Юнг 1997а, 67). По словам Юнга, «вариант представлен

⁷ Здесь можно указать и на то, что «изящно передаваемый образ осьминога был излюбленным мотивом искусства керамики древнего Крита. С восемью щупальцами, что, подобно лучам, расходятся в четырех основных и четырех промежуточных направлениях, он играл роль глубоководного солнечного символа, противоположного своему верхнему, небесному двойнику: он не источает свет, не озаряет, а удерживает, захватывает, тянет к себе и поглощает» (Кэмпбелл 2002, 298).

у сэра Джорджа Рипли, утверждавшего, что при “высыхании моря” остается некая субстанция, которая “сверкает, как рыбий глаз” (Jung 1969, 196–197). «По мнению Дорна, этим сверкающим глазом является солнце», и этот «рыбий глаз всегда открыт, подобно глазу Бога» (Юнг 1997а, 66, 67).

Далее, согласно Юнгу, «рыба во сне иногда означает не родившееся дитя, поскольку дитя до своего рождения живет в воде как рыба; похожим образом солнце при погружении в море превращается одновременно в дитя и в рыбу» (Jung 1990, 198). Однако «с восходом возродившегося солнца эта рыба, находившаяся во мраке, в окружении всех ужасов ночи и смерти, превращается в сияющую, огненную дневную звезду» (Jung 1990, 199–200).

Ср. в этом отношении чешский заговор: *Vychází sluníčko z hory ven, jako vy rybičky z vody s tohohle hovátka ouroky vejdi ven!...* ‘Выходит солнышко из-за горы, как вы, рыбки, из воды, выходите, сглазы, из этой скотины!...’ (Вельмезова 2004, 197, № 302).

Ср. литовскую поэтессу: *Saulė, lyg žiotys plėšrios žuvies, / prarijo debesį / ir žiūri į mane* ‘Солнце, словно пасть хищной рыбы, / заглотила облако / и смотрит на меня’ (Sutema 1992, 93).

Из сказанного видно, что представляемый рыбой образ «огня в воде», в котором огонь нередко спускается в воду непосредственно с неба, на что мы обратили внимание с самого начала рассмотрения этого образа, постоянно связывается с солнцем. Эта связь проявляется, например, и в китайской циклической системе из 64 гексаграмм *гуа* «Книги перемен», в ее сопоставлении с зодиакальным кругом: «Зимнему солнцестоянию и началу козерога соответствует гуа *Фу* (‘возврат’), в которой свет, линия *ян* — самая нижняя. Линии света, постоянно увеличиваясь в числе, к весеннему равноденствию и началу овна формируют гуа *Да чжуан* (‘мощь великого’). Здесь свет, линии *ян*, начинают преобладать. В то время как в рыбах — *Тай* (‘рассвет’), одинаковое число линий *ян* и *инь*» (Аргуэлес 1993, 66)⁸. Одинаковое число линий света и тьмы опять же напоминает нам о равновесии противоположностей.

* * *

Ключ к пониманию такого рода образов можно найти в широко распространенных представлениях о пути небесных светил, в частности солнца, по небесным и подземным, в зависимости от смены дня и ночи, водам. По словам В. Н. Топорова, «в тех космогонических версиях, где

⁸ Гексаграммы 24, 34 и 11, см. соответственно Щуцкий 1960, 269 и сл., 297 и сл., 231 и сл.

мировой океан объемлет всю вселенную, солнце объезжает землю вверху на солнечной ладье, внизу — на рыбе, выступающей в качестве ездового животного солярного божества» (Топоров 1982, 392; ср. Войтович 2005, 418). Следовательно, при заходе солнце садится на рыбу — или же заглатывается рыбой как «небесный огонь», о чем речь шла выше, — и при восходе восстает с рыбы — или же изрыгается рыбой, выходит из рыбы, наподобие героя, победившего ее своим огнем. Однако при этом следует обратить внимание на то, что и верхняя половина пути небесных светил часто представляется водной, проходит по «небесным водам».

Один из самых известных архаичных примеров этого мы находим в Древнем Египте, где, по словам Р.И. Рубинштейна, «существовали представления, согласно которым небо — это водная поверхность, небесный Нил, по которому днем солнце обтекает землю. Под землей тоже есть Нил, по нему солнце, спустившись за горизонт, плывет ночью» (МНМ I, 421, см. 425; II, 359)⁹. Иными словами, «днем [солнце] Ра, освещая землю, плывет по небесному Нилу в барке Манджет, вечером пересаживается в барку Месектет и спускается в преисподнюю, где, сражаясь с силами мрака, плывет по подземному Нилу, а утром опять появляется на горизонте» (МС, 460). В иных случаях умерший признается, что он плывет в ладье солнца (Ра) по небесному озеру (EBD, 152). В свою очередь, ср. Бытие 1.6–7: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделит она воду от воды. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так»; также Бытие 8.2 о конце потопа: «И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба»; также Псалтырь 148.4: «Хвалите Его, небеса небес и воды, которые превыше небес». По обобщению Н.В. Брагинской, «в библейской космогонии в акте творения первичная вода раздвигается, образуется верх и низ, и океан мировой помещается над сводом небесной тверди, через окна-отверстия в которой небесные воды орошают землю дождем. В вавилонской мифологии небесный океан создает под землей водную бездну преисподней. Звезды и светила либо прикреплены к тверди, либо плавают по небесному океану» (МНМ II, 207). В древнегреческом Океане звезды обычно омываются (например, в «Илиаде» V.6, VIII.485, XVIII.489, XIX.1 и др.) (Onians 2000, 249). В традиции алтайского шаманизма считалось, что небо зимой замерзает; например, об одном «сильном» шамане рассказывали, что он «камлал однажды в начале зимы, когда небо уже “замерзло”, и пробился туда при помощи тесла (*адалгы*),

⁹ См. также Матье 1996, 182; Элиаде 1998, 345 (соответствующий отрывок из «Текстов пирамид»); Spence 1998, 78, 131, 172 и др.

разбив им лед; присутствующие на молении могли видеть, как от его ударов кусочки льда летели в юргу» (Потапов 1991, 223, см. 139, 141, 220). По наблюдению А. М. Хокарта, в австралийском племени «аранда верят в то, что над небесным сводом находятся воды. Индийское слово в значении 'океан' означает одновременно и небесные воды, и воды, окружающие землю. В одном египетском тексте говорится: "Вода жизни, которая на небесах, она приходит. Вода жизни, которая в недрах земли, она приходит". Неудивительно поэтому, что Варуна, великий древнеиндийский бог неба, также является и божеством вод, впоследствии ограничившим свою власть Океаном, поскольку на небе его заменил Шива. Таким же образом Один является как морским, так и небесным богом» (Hocart 1970, 284–285). Из индоевропейских традиций представления о верхних и нижних водах особенно выражены именно в древнеиндийской. Так, в «Ригведе» I.10.8 при обращении к Индре говорится: «Завоюй небесные воды!»; далее ср. I.25.7: «Кто знает след птиц, / Летающих по воздуху, / Знает челны морские»; I.105.1: «Месяц в глубине вод: / Прекраснокрылый мчится по небу»; обращение к Ашвинам в I.116.3: «Вы вывезли его на одушевленных, / Плывучих по воздуху, водонепроницаемых ладьях»; опять к Ашвинам в I.182.5: «Вы создали среди вод для сына Тугры / Этот одушевленный крылатый челн...»; о боге огня говорится в III.22.3: «О Агни, ты движешься к потоку неба, / Ты обращаешься к богам, которые возбуждают вдохновение, / (Ты движешься) к водам, которые находятся / В светлом пространстве по ту сторону солнца и которые внизу» (Ригведа 1989, 14, 30, 126, 141, 224, 309). Ср. еще V.45.10–11 о Сурье (Солнце): «Сурья поднялся на светлое море [...]. / Мудрые вели (его), словно лодку по воде [...]. // Я сотворил молитву, завоевывающую для вас солнце в воде»; VII.6.7: «Из океана ближнего и дальнего / Агни взял (блага) с неба (и) с земли»; о Варуне в VIII.41.8: «Тайный океан, мощный, / Он словно поднимается на небо» (Ригведа 1995, 50, 186, 360) и т. п. В «Ваджасанея-Самхите» XXIII.48, в частности: «Брахман — светило, подобное солнцу. Небо — озеро, подобное океану» (Елизаренкова, Топоров 1984, 19; Топоров 1999, 17). Согласно Ф.Б. Я. Кёйперу, «в ночном аспекте космоса космические воды образуют ночное небо и автоматически оказываются над землей» и, таким образом, «это небо представляет нижний мир в положении вверх дном» (Кёйпер 1986, 158, 159). Или, по уточнению Т. Я. Елизаренковой из вступительной статьи к русскому изданию избранных трудов Ф.Б. Я. Кёйпера, ночью «нижний мир Варуны простирается как ночное небо над землей. Подземные космические воды становятся небесным океаном, звезды выступают как соглядатаи Варуны. Таким образом, Варуна является одновременно богом изначальных вод под землей, "каменного

дома” и ночного неба. В архаичной индоиранской космологии считалось, что ночью солнце возвращается через нижний мир с запада на восток. Нижний мир ночью выглядит как висящий над землей в перевернутом положении» (Кёйпер 1986, 14), т. е. «ночью нижний мир нависает над землей в перевернутом виде как ночное небо» (Кёйпер 1986, 17). Или же, по словам Б. Я. Волчка, «статус владыки нижнего мира непременно предполагает власть Варуны и над ночным небом. Так как солнце, луна и звезды заходят за горизонт, то необходимо было постулировать наличие нижнего мира, аналогичного верхнему. Дневное небо — верхний мир, ночное небо — нижний; отсюда идентификация подземных вод и нижнего мира с ночным небом и луной. Поэтому бог-покровитель нижнего мира одновременно управляет и ночным небом. Представление о Варуне как о владыке ночного неба характерно для древнеиндийских памятников начиная с вед» (Волчок 1986, 100). Как и само представление о небесных и подземных водах: ср., например, «Айтарея упанишаду» 1.1.2: «Он создал эти миры: небесные воды, частицы света, смерть, воду. Небесные воды — над небом, небо — [их] опора, воздушное пространство — частицы света, земля — смерть; что находится внизу, то — вода» (Упанишады 2003, 500). Ср. др.-инд. *útsa-* ‘ключ, родник, источник’, метафорически применяемое к туче; также *taviṣá-*, *tavīṣá-*, *tāviṣá-*, *tāvīṣá-* одновременно ‘море’ и ‘небо’ (Monier-Williams 1999, 181, 441, 445–446; Кочергина 1996, 238), на что справедливо обратил внимание уже А. Н. Афанасьев (Афанасьев II, 64). В том же духе древнескандинавский кеннинг *sandhimmin*, буквально ‘небо песка’, обозначает море (Елизаренкова, Топоров 1984, 39).

Суточную меню местами подземных и небесных вод также, видимо, подразумевает предание австралийского племени дьяуан о «Мундьярра, утренней и вечерней звезде», которое повествует: «Когда-то очень давно, еще во Времена сновидений, один из темнокожих мужчин отправился к реке, чтобы искупаться и собрать мидии. Когда этот человек вошел в воду, то увидел блестящий камень: он лежал на дне реки. Мужчина достал его из воды. Теперь мокрый, сверкающий камень лежал у него на ладони, и он смотрел на него. Но как только ему захотелось получше рассмотреть камень, тот вырвался из рук и взлетел в небо... А камень этот был на самом деле темнокожим человеком, и звали его Мундьярра», и впоследствии «он стал первой яркой звездой как раз над тем местом, где Морвей [Солнце] погас, сойдя с неба»; в конце концов, Мундьярра сам предсказывает свою судьбу так: «Я уйду сейчас и опускаюсь в морскую пучину. И там, под водой, я буду ждать, пока Морвей, солнце, уйдет, завершив свой долгий путь. Только тогда настанет мой час снова подняться по другую сторону моря» (Кудиновы 1987, 106–107).

По мнению Г. Береснявичюса, в литовской космологии также «считалось, что посмертный мир, будучи под землей, при вращении сфер (или небесного свода) ночью находится над землей» (Beresnevičius 1990, 105). А. Ю. Греймас в свое время даже имел смелость утверждать, хотя с явным преувеличением, что «в литовской религии все, что происходит на небе, в первую очередь является отражением жизни на морском дне» (Greimas 1990, 140). Как бы то ни было, небо в литовской традиции, особенно в загадках, действительно нередко представляется морем или другим водоемом, например, созвездие Плеяд (*Sietýnas*) загадывается как *Vidury marių virkščių saujelė* ‘Посреди моря стержней горсть’ (Būgienė 1999, 66; LF, 161, № 312). Ср. также загадки с ответом «Солнце»: *Mėlyna jūra ugnies kamuolys rieda* ‘По синему морю огненный шар катится’ (MS, 99); *Gale lauko katilėlis plauko* ‘На краю поля котелок плавает’ (LLM, 10, № 9; LTs V, 451, № 5371); в связи с образом перевернутого водоема ср. также загадки с ответом «месяц (луна)»: *Sūris šuliny* или *Šuliny sūris* ‘В колодце сыр’; *Vidur prūdo kraštas bliūdo* ‘Посреди пруда край блюда’ (LTs V, 454, № 5413, 5414; ср. LLM, 11, № 20, 21); *Kas tai, kas tai: vidur prūdo kraštas bliūdo?* ‘Что это, что это: посреди пруда [виден] край блюда?’ (Dieveniškės 1968, 373, № 73); *Gale lauko aukso lėkštė plauko* ‘На краю поля золотая тарелка плавает’ (MS, 75). Ср. еще с ответом *Perkūnas* ‘гром, Перун’: *Dundulis dunda po vandeniniu tiltu* ‘Громыха громыхает под водяным мостом’ (= небом) (LLM, 21, № 101; LTs V, 465, № 5525).

Подобным образом море или Даугаву (Двину), по которым Солнце и души умерших плывут в латышских представлениях, Л. Х. Грей (L. H. Gray) описывает как небесный океан или небесную реку, вспоминая при этом, кстати, и индоиранскую мифологию (LM II, 136). Показательны в этом отношении следующие латышские дайны:

*Ai, Saulīte, bridaliņa,
Brida dienu, brida nakti:
Dienu brida dziļu jūru,
Nakti dziļu ezerīnu.
(BDS, № 33733)*

‘Ай, Солнышко бродячее,
Днем и ночью ходит в брод:
Днем по глубокому морю,
Ночью по глубокому озеру’.

*Mēnešņš, kara vīrs,
Dienu, nakti laivīnā;
Saulės meita, pastarīte,
Zēģelīšu audējiņa.
(BDS, № 33733).*

‘Месяц, воин,
Днем и ночью на корабле;
Дочь Солнца, поскрѣбушка,
Ткѣт паруса’.

Ср. также соответствующие литовским латышские загадки с разгадкой «солнце»: *Skaista puķe ezerā: dienu zied balta, rīta nu vakarā sarkana* ‘Прекрасный цветок в озере: днем цветет белым [цветом], утром и вечером красным’; *Sviesta ciba* (var. *bļoda*) *ezerā* ‘Миска (вар. блюдо) с маслом в озере’; *Sviesta pika ezerā* ‘Глыба масла в озере’; *Sviesta ciba Daugavā* ‘Миска с маслом в Даугаве’; *Zelta ciba ezerā* ‘Золотая миска в озере’; *Siers jūras dibenā* ‘Сыр на дне моря’; *Zelta poga jūras vidū* ‘Золотая пуговица посреди моря’; *Vērsis peld jūrā, ragi vien laukā* ‘В море купается бык, только рога снаружи’ и т. п. (AnLTM, 239, 241, № 2680, 2684–2686, 2700); почти то же самое с разгадкой «месяц», с дополнительными вариантами: *Tauku pīte ezerā* ‘Комок масла в озере’; *Sudraba bļoda ezerā* ‘Серебряное блюдо в озере’; *Siers akā* ‘Сыр в колодце’ и т. п. (AnLTM, 190, № 2000–2004); с полной откровенностью ср. *Zila jūra zelta oliem piesēta* ‘Синее море золотыми камешками (яйцами) усеяно’ = небо (AnLTM, 104, № 805)¹⁰.

Также ср. соответствующие белорусские загадки: *У горадзе-гарадзе плыве тарелачка на вадзе*; *У новым гарадзе плыла миска на вадзе* = солнце (Загадки 2004, 24, № 34, 35; Никифоровский 1898, 28, № 507, 508); украинские: *Серед моря-моря стоить золота комора* = месяц; *По морі, по морі золота тарілка плаває* = небо и солнце (НЗ, 9, 11, № 11, 32); русские: *Золотая кубышка на воде не тонет*; *Посередине моря стоит золотая камора* = солнце; *По синему небу тарелка плывет*; *Посередь болота лежит кусок золота* = месяц; *На море на коробанском много скота тараканского, один пастух королецкий* = небо, звезды и месяц (Загадки 1968, 21, 22, № 107, 158, 165; СдЗРН, 228, 234, № 1841, 1865м; Даль II, 346); также отчасти: *Поле водочное, огород кожанный, овцы аржанские, пастух уховский* = небо, земля, лес, леший (ХдВЗ, 84, № 890; СдЗРН, 236, № 1898; см. Журавлев 2005, 441). В связи с образом верхних вод, отделенных небесной твердью, можно указать польскую загадку: *Kiedy najwięcej jest dziur na niebie?* ‘Когда на небе больше всего дыр?’ = *Jak deszcz pada* ‘Во время дождя’ (Ясюнайте, Коницкая 2009, 519).

Согласно А. Н. Афанасьеву, вообще «в народных русских заговорах океан-море означает небо, что очевидно из той обстановки, в какой употребляется это выражение; так, в одном заговоре читаем: *посреди океан-моря выходила туча грозная с буйными ветрами, что ветрами северными, подымалась метель со снегами*. Украинская загадка выражается о солнце: *середь моря-моря* (= неба) *стоить червона комора*. Под влиянием означенной

¹⁰ Шире о «небесных водах» в латышской народной традиции см. Suchocki 1987, 154–158.

метафоры и согласно с тем наглядным впечатлением, по которому небесный свод представляется обнимающим землю», — по мнению А. Н. Афанасьева, — родилось убеждение, что земля «утверждена на водах»; во всяком случае, «до сих пор употребительны выражения: *луна выплывает из-за туч, месяц плывет по небу*; подобные обороты встречаем и в немецком языке, и в связи с ними Шварц указывает на следы старинного представления молодого, двурогого месяца — ладьею» (Афанасьев II, 69).

То же уподобление неба водному пространству очевидно в обычных и литературных литовских и русских выражениях, связанных с облаками: ср. *laiviniai debesys* ‘облака в виде лодки, корабля’ (дословно ‘лодочные, корабельные облака’); *Žirnius reikia sėti, kai dangus yra pridengtas mažomis debesų vilnimis, tada ir žirniai augs tokiomis vilnimis* ‘Горох надо сеять, когда небо покрыто мелкими волнами облаков, тогда и горох вырастет такими волнами’ (народное поверье); *Net tie maži debesėliai, išsisklaidę po mėlyną dangaus jūrą, stovėjo nesijudindami...* ‘И даже эти маленькие облака, рассыпанные по синему морю неба, стояли неподвижно...’: *Čia pat po mano kojų gulėjo balta debesų jūra* ‘Тут же, под моими ногами, лежало белое море облаков’ (Й. Билюнас); *Šilkasparniai debesėliai saulės blizgančioj šviesoje lyg ant marių baltos burės dangaus krištole plaukioja* ‘Шелковистые перья облаков в блестящем свете солнца, словно на море белые паруса, плавают в кристальном небе’ (К. Бинкис); *Bekraštis šemų debesų okeanas* ‘Бескрайний океан сизых облаков’ (А. Венуолис); *Užkelia mane ant debesėlių plausto* ‘Меня подняло на облачной паром’; *Tolimam danguj du debesėliai, balti balti lyg jūroj du maži laiveliai supos* ‘В далеком небе два облачка, белые-белые, как два морских кораблика, кружат’ (В. Мачернис); в русской литературе см., например, у И. Бунина: *Необозримый океан белых застывших волн, сияющих под солнцем...*; *В синем море небе островами стояли кое-где белые прекрасные облака*; *Океан белых застывших волн*, т.е. облаков; *Зыбь облаков и мелка, и нежна*; *Легкой мелкой зыбью облака плывут* и т. п. (Ясюнайте, Коницкая 2009, 506, 509, 510, 513, 522, 524). У Мачерниса ср. еще: *Kai debesys plauko rajuodę virš sodo* ‘Когда тучи плывут почерневши над садом’ (Мацёрнис 1993, 26). В русской литературе также следует обратить внимание на уподобление небу водной поверхности: *Река, на севере гремяща... Ты тут подобна небесам* (Державин); *Как опрокинутое небо, / Под нами море трепетало* (Тютчев) и т. п. (Павлович 2004, 360).

Наконец, А. Ф. Журавлев обращает наше внимание на то, что и в современном практичном, далеком от поэзии мире (по меньшей мере сознательно) метафора ‘небо’ : ‘океан’ (с преломлением ‘полет’ : ‘плавание’) отнюдь не утратила своего значения. «Уже в наше время она развернута в словах, профессиональной и книжной фразеологии типа

воздухоплаватель, аэронавигация, воздушное судно, воздушный флот, на борту самолета, аэронавтика, космонавтика, астронавтика (где второй компонент сложения — от др.-гр. *naútēs* ‘моряк, мореход’), космическое плавание, космический корабль, пилот (через франц. *pilote* и итал. *piloto* ‘лоцман’ < **pedoto* к др.-гр. *pēdōtēs* ‘рулевой’ от *pēdōn* ‘весло; собственно лопасть весла’), *аэропорт*, *космическая гавань* и т. д. с многочисленными аналогиями в других европейских языках» (Журавлев 2005, 275).

Но мы вернемся к традиционной мифологической картине мира и вместе с Н. И. Толстым подметим, что «связь земной воды с водой небесной является основой мифологических представлений древних славян о природе благодатного дождя и причинах засухи. Несомненно, что первоначально именно естественные земные и еще более — подземные воды были объектом ритуальных действий во время засухи, и прежде всего — источники»; таким образом, «удаленные от поверхности земли вверх и вниз водные стихии связаны как сообщающиеся сосуды, и закупорка нижних водных резервуаров ведет, по древним верованиям, к закупорке верхних. Этим объясняется необходимость “отворения, открывания” заброшенных (закупоренных) источников во время засухи» (Толстой 2003, 93). В свою очередь, в славянской (русской) традиции «восприятие ирия как места, находящегося одновременно на небе и под землей, видимо, отразилось в понимании Млечного Пути как подземной реки», поскольку «локализация потустороннего мира одновременно на небе и под землей находит широкие типологические аналогии» (Успенский 1982, 145–146) и, как мы могли убедиться, имеет объяснение, основанное на вращении небесного свода. Ср. представления русинов Буковины о стране блаженных рахманов, наполовину людей, наполовину рыб (ср. рус. дон. *рахманки* ‘внутренности рыбы’), куда на зиму улетают птицы и уползают змеи (см. там же). Во всяком случае, поскольку действительно во многих традициях по Млечному Пути души умерших отправляются на тот свет¹¹, они вполне могли бы это делать в облике рыб, который им весьма свойственен (см. Разаускас 2006, 326–328), как, кстати, и облик звезд. В свою очередь, согласно обобщению А. Лебёфа (ссылавшегося, в частности, и на Б. А. Успенского), «как перелет — уход и возвращение — некоторых птиц, так и миграция рыб служит календарным показателем, связанным с Млечным Путем» (Lebeuf 1996, 151).

Напомним, что в Древнем Египте душа умершего отправлялась на тот свет по Млечному Пути, который в свою очередь считался Небесным

¹¹ Здесь не имеет смысла распространяться об этом хорошо известном представлении, ограничимся указанием на: Тайлор 1989, 173, 291; Элиаде 1998, 1596–365; Левкиевская 2002, 170; Balys II, 29; Beresnevičius 1990, 131–132.

Нилом (EBD, 90, 97). Вообще «реку видели в Млечном Пути многие народы Востока. Арабы именовали его просто *Нахро* ‘река’. Река эта могла конкретизироваться. В Индии это было русло Ганги, в Греции — Эридан (мифическая река). Входящие в название уточнения отмечали нахождение “реки” на небе (аккад. ‘река неба’, ассир. ‘река великой бездны’, кит. *Тяньхэ* ‘небесная река’; подобные названия есть в Японии и Вьетнаме), ее извивающийся характер (ассир. ‘змеиная река’) и, конечно же, — ее наполнение (аккад. ‘река сверкающей пыли’; ‘река пыли’ у чукчей и коряков; кит. *Иньхе* ‘серебрянная река’, вьетнам. *Song Ngan* с тем же смыслом). Еще одно китайское название Млечного Пути — *Синхе*, известное также вьетнамцам (*Tinh Hà*), значит ‘звездная река’, при этом «“речные” названия Млечного Пути есть и в Индонезии, на острове Тимор, у аборигенов Австралии, а также в Экваториальной Африке и в некоторых языках американских индейцев» (Карпенко 1985, 16; см. Элиаде 1998а, 61). Добавим, что китайское название Млечного Пути *Тяньхэ* состоит буквально из *тянь* ‘небо’ и *хэ* ‘река’, соответственно древнеиндийские названия его *ākāśagaṅgā* или *svargaṅgā* означают буквально ‘Ганга неба’, а согласно Т. Я. Елизаренковой, «в настоящее время считают, что название священной реки в “Ригведе” Сарасвати тоже могло обозначать Млечный путь» (Журавлев 2005, 786–787). Наконец, среди множества других предметов (пояс, веревка, трещина, столб, змея, облако и т. п.) в названиях Млечного пути встречается и невод, и это «название подразумевает, что звезды — это рыбы» (Карпенко 1985, 23).

* * *

Действительно, раз уж на небе имеются моря и реки, то там, должно быть, водится и рыба. В первую очередь здесь следует привести тот факт, что в протоиндийском письме понятие ‘звезда’ передавалось непосредственно пиктограммой, изображающей рыбу (см. Альбедиль 1986, 45, 48, 49, 52, 57, 58 и 67–68). Например, — в имени «верховного бога протоиндийской цивилизации *per-min*, обычно переводимого как ‘Великая звезда’ (имеется в виду Юпитер). Знак ‘рыба’ (*min*), входящий в этот блок, означает и ‘рыба’, и ‘звезда’: чаще всего в протоиндийских текстах он употребляется как омоним и переводится ‘звезда’. Однако в некоторых контекстах блок *per-min* может означать и ‘Великая рыба’» (Волчок 1986, 102–103) (причем последнее определение связывается с протоиндийским богом вод Вароли, без влияния которого, по мнению автора, не обошлось формирование как образа, так и самого имени древнеиндийского Варуны).

По словам Юнга, «примечательно, что в арабской традиции область, окружающая небесный полюс, представляют в форме рыбы. Казвини говорит: «Полюс можно увидеть. Вокруг него расположены [...] темные

звезды, все вместе складывающиеся в подобие рыбы; посреди нее и находится полюс». Это означает, что Полюс, в древнем Египте указывавший на область Сета и, в то же время, на обиталище четырех сыновей Гора, помещался как бы в теле рыбы» (Юнг 1997, 142).

По замечанию Аристотеля («История животных» VI.80) относительно озерных и речных рыб, «нерестятся все в определенное время года; карп пять или шесть раз, мечет икру чаще всего при звездах» (Аристотель 1996, 254).

Славяне «два черных пятна на жабрах трески считают следами пальцев апостола Петра, который вынимал у нее изо рта монету для уплаты подати. Западные украинцы показывают эту “рыбу с грошом”, выловленную св. Петром¹², на звездном небе» (СМ, 418; СД IV, 506; см. Гура 1997, 754). В русской загадке с ответом «небо и звезды» последние также связываются с рыбой: *Рассыпался горох по сту дорог, никто его не соберет: Ни царь, ни царица, ни красна девица, ни бела-рыбица* (РФ, 131).

В Литве верили, что «звездные ночи предвещают богатый рыбой год» (АК, 10; ср. выше замечание Аристотеля). А в одной литовской колядке девушка, избегая преследований нелюбимого жениха, сначала превращается в рыбу в реке (не один пример такой метаморфозы был рассмотрен в Разаускас 2006, 318–323), а после этого сразу же — в звезду:

<i>O aš pavirtau, lelimoj,</i>	‘А я превратилась, лелимой,
<i>Upelej žuvelė, lelimoj...</i>	В речушке в рыбку, лелимой...
<i>Žuvelį pagavo, lelimoi,</i>	Рыбку поймали, лелимой,
<i>Da ne mani jaunų, lelimoi.</i>	Да не меня молодую, лелимой.
<i>O aš pavirtau, lelimoi,</i>	А я превратилась, лелимой,
<i>Dangui žvaigždėlė, lelimoi.</i>	На небе в звездочку, лелимой’

(АК, 63; вар.: LTsU, 85, № 66; LLD XX, 104, № 23 и др.)

В другой литовской народной песне мы находим прямое сопоставление звезд с рыбами: *Kiek yr marėj žiuvelių, / Tiek ant dangaus žvaizdelių* ‘Сколько в море рыбок, / Столько на небе звездочек’ (BsJK, 159, № 1).

А по мнению В. Войтовича, на рождественском столе рыба является символом месяца, и в старинных колядках рыба посреди космических вод моря или Дуная указывает на месяц, плывущий по небу (Войтович 2005, 418).

¹² Речь идет о Матф. 17.27, где Иисус дает Петру указания, как поступить со сборщиками пошлин: «Но чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, закинь уду, и первую рыбу, которая попадетя, возьми; и открыв рот ее, найдешь статир; вынь его и дай им за Меня и за себя».

* * *

Поэтому неудивительно, что в образе «небесной рыбы» выступает и «дневная звезда» — солнце (Jobes 1962, 574), а рыбий хвост может восприниматься как символ солнечных лучей (Jobes 1962, 575; Vries 1976, 189). Ср. также предположение о том, что в ирландской традиции в облике лосося выступает бог солнца (MacKillop 2004, 377). О том, как солнце садится на рыбу, заглатывается рыбой или же непосредственно превращается в рыбу при своем ночном погружении в морские пучины, уже говорилось. Теперь же к этому можно добавить, что иногда оно связывается с рыбой или рыбами и в своем дневном пути по «небесным водам». Так, древнеегипетское божественное солнце Ра в своем дневном плавании по «небесному Нилу», как и в ночном по «подземному», с обеих сторон барки сопровождалось рыбами Ант и Абту, или Абду, первая из которых из-за золотистого цвета своей чешуи непосредственно уподоблялась солнцу (другая была цвета *lapis lazuli*) (Lurker 1995, 51; Spence 1998, 131). Так, в «Египетской книге мертвых», в частности, говорится: «Весла Ладьи Сектет не забыты, и Ладья Солнца движется в покое. Да узрят глаза мои великого Ра, когда он появляется в небе на рассвете и когда голова его Врага слетает с плеч. Да узрят они Гора у рулей Ладьи. Да узрят они рыбу Абту в момент [ее?] рождения; да узрят они рыбу Ант, когда она показывает путь Ладье Ант, плывущей в ее водах» (Бадж 2005, 319; ср. Uždavinys 2003, 185). В связи с этим представляет интерес следующая латышская дайна:

Saule brauca pār Daugavu,
Laša kaula kamaniņas:
Asarītis zirgu dzina,
Rauda tura kamaniņas.
 (BDS, № 33916).

‘Солнце едет по Даугаве,
 Саночки из костей лосося:
 Окунь коня подгоняет,
 Красноперка держит саночки’.

Причем, по мнению Я. Курсите, «лосось, видимо, символизирует сияние солнечных саней. В свою очередь, окунь и красноперка могли бы обозначать в рыбьем коде спутников Солнца — Божьего сына (*Dieva dēls*) и Дочь солнца (*Saules meita*)» (Kursīte 1996, 357)¹³.

По данным Н. Я. Никифоровского о поверьях белорусов Витебской губернии, «щупак всегда стоит головою в ту сторону, где должно быть

¹³ Здесь, может быть, стоит упомянуть мифологическое сказание ливов о свадьбе дочери Матери Моря и сына Солнца: молодые едут в колеснице, запряженной рыбами, в сопровождении стаи танцующих и играющих рыб (Niemi 1996, 539).

солнце. А потому, по направлению *щупачей* головы, можно знать о положении солнца на небосклоне, хотя последний и закрыт густыми тучами» (Никифоровский 1897, 197, № 1515; см. Дучыц, Санько 2004, 440).

В славянской традиции известны такие «архаические зооморфные образы солнца, как корова, свинья (*свинка* — *золотая щепинка*, ср. *вепрь*), петух, кулик, жаворонок, щука и т. п.», например: *Из ворот в ворота лежит щука золота* = солнце (Иванов, Топоров 1965, 135; СдЗРН, 226, № 1821; Загадки 1968, 22, № 186). Ср. также: *Погляди через ворота — там щука золота* = солнце восходит (Загадки 1968, 22, № 192). С солнцем, кстати, можно соотнести и образ «золотой рыбки» как таковой. Ср. буквально такие славянские названия рыб (особенно в связи с мифической спутницей Солнца), как «рус. *золотая рыбка* ‘красноперка’, ‘гольян’, ‘одомашненная форма серебряного карася’; пол. *złota rybka* ‘золотой карась’; чеш. *zlatá rybka* ‘то же’, *rybička zlatá* ‘золотой карп’; словц. *zlatá rybka* ‘красноперка’; с.-хорв. *zlatna rib(ica)* ‘золотой карась’, ‘гольян’; болг. *златна рибка* ‘золотой карась’» (Усачева 2003, 123)¹⁴. Притом целый ряд славянских названий рыб непосредственно состоит из определения «золотой» (в этом качестве можно упомянуть и лит. *aukšlė, áukšlė* ‘уклейка’, И. Ледером сопоставленное с лит. *áuksas* ‘золото’, см.: Laumane 1973, 75; Коломиец 1983, 92), например: «рус. *з(о)лотавка* ‘гольян’; пол. *złotwiec* ‘золотой карась’, ‘золотой линь’; с.-хорв. *златан* ‘гольян’, ‘золотой карась’, *златар* ‘гольян’, *златаш* ‘золотой карась’, *злат(н)ица* ‘гольян’, *златка*, *златва* ‘уклейка’ (*златан*, *златни*), *златовчица* ‘голец’, *златовка* ‘форель’, *златуља* ‘голец’», в свою очередь, «в ряде языков отмечены ихтионимы, образованные от прилагательного *солнечный*: пол. *ślonecznica* [...], чеш. *slunečnice* ‘верховка’, словц. *slnečnica* ‘верховка’ (из чеш.), ‘рыбец’, с.-хорв. *сунчаница* ‘гольян’ (*сунчан*, однако здесь нельзя исключить калькирования, ср. нем. *Sonnenfischchen* ‘верховка’); чеш. *sluníčko* ‘гольян’, ‘горчак’ (ср. другие значения этого слова: ‘солнышко’, ‘божья коровка’). Чешские диалектные формы *slunka*, *slunko*, *slunek* ‘верховка’, ‘гольян’ можно интерпретировать как образования от именной основы *slun(-ce)*» (Усачева 2003, 62; см. Коломиец 1983, 34). Литовское название рыбы *sáulažuvė* ‘верховка, овсянка (*Leucaspius delineatus*)’ буквально означает ‘солнце-рыба’ (LKŽ XII, 191). Ср. также такое наименование рыбы, как *луна рыба* ‘самглав’, по определению В. Даля, «неуклюжая, плоская, круглая, зад обрубом, в Средиземном море» (Даль II, 273). Были ли поводом для этих названий рыб лишь определенные внешние ассоциации, или же за ними кроются также и архаичные представле-

¹⁴ Об определении *золотой* в названиях рыб см. еще Усачева 2003, 110, 113.

ния о небесных светилах в образе рыбы, однозначно судить не станем. Однако образы подобного рода продолжают существовать. Ср. несколько примеров из русской литературы: *Кит солнце, тресковые луны, / И выводки звезд-осетров / Плывут в океанах, где шуны / Иных, всемогущих ловцов*, Клюев; *В глазах у провидца не пятна, а солнечных камбал стада*, Клюев; *И солнце, колыхнувши флот, / Всплыло на водяной арене, / Как обалдевший кашалот*, Пастернак; *Я наживляю мой крючок / Трепещущей звездой. / Луна — мой белый поплавок / Над черною водой. // Сижу, старик, у вечных вод / Я тихо так пою, / И солнце каждый день клюет / На удочку мою*, Ходасевич (Павлович 2004, 311)¹⁵.

Типологически интересным может быть известное, например, в Перу «представление, что некоторые рыбы ведут свое происхождение от небесной рыбы, которая очень заботится о сохранении своего потомства. Эти породы считаются святыми» (Пропп 1976, 228).

* * *

Наконец, в облике небесной рыбы может предстать не только солнце, но и туча, ее «заглатывающая». Так, по убеждению А. Н. Афанасьева, «в мифических сказаниях древности облака и тучи были уподобляемы рыбам, плавающим в воздушном океане» (Афанасьев II, 127). И поскольку «одновременно с представлением неба воздушным океаном поэтическая фантазия стала сближать носящиеся по нему облака и тучи с рыбами», то и «чудовищная морская рыба есть громоносная шука, плавающая в воздушном океане, а мальчик-семилеток, который, сидя в ее утробе, высекает огонь и разводит страшно пожигающее пламя, принадлежит к породе мифических карликов, обитающих в облачных пещерах и приготавливающих там на сильном огне кузнечных горнов молниеносные стрелы» (Афанасьев II, 79). И приведенный выше сюжет «Калевалы» об огне, проглоченном рыбой, А. Н. Афанасьеву представился следующим образом: «Но вот неосторожная дева уронила огонь; рассыпаясь искрами, он упал в море, вскипятил воды и озарил их блеском. Это море — воздушный океан, в котором плавают облака-рыбы. Здесь проглатывает огонь шука; чувствуя внутри жгучую боль, она шумно носится по водам и бросается из стороны в сторону. Тогда начинается лов шуки = поэтическая картина грозы»

¹⁵ По замечанию Н. В. Павлович, «в поэтических образах слова: сом, пескарь, шука, малек, акула, кашалот, кит и проч. ведут себя одинаково, т. е. участвуют в основном в одних и тех же парадигмах образов. Это значит, что если солнце — камбала, шука, осетр..., то оно может отождествляться и с акулой, кашалотом, китом и т. д.» (Павлович 2004, 311).

(Афанасьев II, 80). Действительно, ср. в белорусской сказке из Полесья: *А Лья тым часам паднімае такія грымоты, што аж земля стогне: няма ні дня, ні ночы; хмары таўкуцца, як вьюны ў рэшаце; на небе кініць, як у гаршку...* (Сержпутоўскі 1999, 44, №7; ЛП, 131, № 142). Показательно также следующее белорусское поверье о происхождении туч: по данным С. М. Толстой, «белорусы полагали, что тучи выходят из моря, когда “самая большая рыба разгуляется и всколыхнет воду”»; при этом «“под тучу” хорошо [...] ставить невод» (СМ, 469, 470). Ср. соответствующий щучий облик водяного: «У лужичан известны рассказы рыбаков о водяном, принимающем облик чудовищной, сильной щуки. Иногда у такой щуки телячьи глаза, она прыгает на спину рыбаку, исчезает в виде черного облака или улетает уткой» и т. д. (Гура 1997, 753). Уподобление облака или тучи рыбе имеет место и в литературе. В русской, например, у Паустовского: *...и стаи перистых облаков — летучих рыб, заснувших в зеленоватом небе* (Ясюнайте, Коницкая 2009, 507); в литовской, например, в поэзии Д. Каёкаса: *...jo [bokšto] skardą debesys žemi / paliesdavo kaip tingios žuvis / kad liečia kauburius pilvais* ‘низкие тучи касались [башенной] жести / так, словно ленивые рыбы / касаются животами бугров’ (Kajokas 1997, 155). В связи с этим ср. лтш. *plots* ‘стая рыб’, *plote* ‘то же’ и в то же время ‘темная туча’; при этом с данными латышскими апеллятивами этимологически соотносится литовское название озера *Pluotinėlis* (< **Pluotas*) (Karaliūnas 1987, 200).

В этой связи кстати будет вспомнить хорошо известный в балтийской традиции сюжет о «летающих озерах», из которых вместе с водой иногда на землю падают рыбы. Например, в литовской: *Ties sadžiu Tyrelių buva didelis ežeras. Vienakart užėja un Tyreliu juodas debesis ir stavėja (kabėja) užgulįs laukus čielas tris dienas. Žmanės, prieidami artyn, matė debesį žuvis plaukančias, tarytum ežerįj* ‘Близ хутора Тиреляй было большое озеро. Однажды зашла на Тиреляй черная туча, залегла над полями и простояла (провисела) целых три дня. Люди, подходя ближе, видели в туче рыбу, плавающую, словно в озере’ (BsV, 481, № XXV.184; KMG, 58); *Tik užtemsta, naktis pasidaro, žuvis pradeda kristi, ežeras pasikėlęs viską nešasi* ‘Вдруг темнеет, наступает ночь, рыба начинает падать, озеро, поднявшись, все несет с собой’ (PJBg, 212, № 1); *...Tik užžia užia, kelias kelias! Kad pasikėlė! Tai ėjo ežeras per Ratnyčią. Kunigas mišias laikė — visi išbėgiojo. Kartu su ežeru ir žuvis ėjo, liko duobėse žuvų* ‘Вдруг зашумело, зашумело, и поднимается, поднимается! Ну, поднялось! Так и пошло озеро по [ручью] Ратнича. Священник обедню служил, так все разбежались. Вместе с озером и рыба шла, осталось в ямах много рыбы’ (KMG, 72). В следующих преданиях идущее по воздуху озеро вместе с рыбой непосредственно отождествляется с тучей: *...Vakare juodas*

debesis atslinko nuo Lygumų. Triukšmaudamas į lanką atėjo ežeras su visa žuvimi. Jis tuojau užliejo lanką su šieno kupetomis. Rytą žmonės, kurie nieko nežinojo, kas atsitiko, atvažiavo į lanką šieno vežti, bet vietoj pažįstamos lankos ir šieno kupetų rado vandenį. Ežere kur ne kur plaukiojo šienas. Žmonės pasakoja, kad tuo metu, kai ežerasėjo į naują vietą, iš debesies ant laukų ir daržų krito žuvis ‘Вечером черная туча надвинулась от [села] Лигумос. С шумом в луг пришло озеро со всей рыбой. Оно тотчас же залило луг со всеми стогами сена. Наутро люди, ничего не знавшие о случившемся, приехали на луг за сеном, но на месте знакомого луга нашли воду. На озере там и сям плавало сено. Люди рассказывают, что в то время, как озеро шло на новое место, из тучи на поля и огороды падала рыба’ (KMG, 37–38); *Žmonės sako, kad ežerai keliaują iš vienos vietos į kitą. Nusinešą ir visas žuvis. Kur dabar yra Andriejavo ežeras, Kapstatas vadinamas, senovėj buvo sausa lanka. Aplinkui žmonės ten šienaudavo. Vieną vasarą, mergelėms šieną begrėbiant, atėjo ponaitis ir sako: «Skubėkit, mergelės, skubėkit, ir teskuba šieną nuvežti, svečių bus». Ant rytojaus šieną atėmus praūžia, prašniokščia juodas debesys. Žmonės žino, kad čia ežeras parkeliauna...* ‘Люди говорят, что озера ходят с одного места в другое. Уносят с собой и всю рыбу. Там, где теперь находится Андреевское озеро, называемое Капстатас, в давние времена был сухой луг. Вокруг люди там сено косили. В одно лето, когда девушки гребли сено, пришел молодой барин и говорит: «Поспешите, девушки, поспешите, и пусть поспешат сено свезти — гости придут». Назавтра, только сено убрали, с шумом, с рокотом надвигается черная туча. Люди знают, что это озеро приходит’ (Balys 1949, 82, № 79). То же в латышской традиции: *Kādu dienu Dievs paņēmis šo ezeriņu un aiznesis viņu uz to vietu, kur tas tagad atrodas. Tur toreiz bijusi liela dziļa bedre, jo tur rakta grants. Dievs iemetis ezeriņu šai bedrē nu sacījis: «Guli nu tagad te!» Pa ceļu, pa kuru ezers nests, bijis sabiris ļoti daudz zivju no ezera* ‘Однажды Бог взял это озеро и отнес его на то место, где оно сейчас находится. Там тогда была большая яма, поскольку там копали гравий. Бог кинул озеро в эту яму и сказал: «Лежи теперь здесь!» По пути из озера напало очень много рыбы’ (TPD, 15, № 19) и т. п.

С этим непосредственно связан редкий, но все же достаточно определенный мотив «рыбного дождя». Во-первых, дождь связывается с рыбой в приметах и фразеологизмах. Например, в литовских народных толкованиях снов: *Žuvis sapnuoji — lietus* ‘Рыбу во сне видишь — к дождю’; *Žuvį, vundenį sapnuoji — prieš lytų...* ‘Рыбу, воду видишь во сне — к дождю’; *Žuvį sapnuoti — bus lietaus* ‘Рыбу видеть во сне — будет дождь’; *Susapnuoti, kad gaudai žuvis ir labai daug pagauni ar jos būva pasmirdusios — ilgas lietus bus* ‘Увидеть во сне, что ты ловишь рыбу и много уже поймал, или же она протухшая — долгий будет дождь’; то же может предрекать во сне

и просто пойманная рыба, рыбаки, рыбная ловля и т. п. (Višinskaitė 2007, 19, 86, 169, 174–175). Подобным образом об одном человеке, видевшем вещи сны, рассказывается: *Jei jis tą naktį pirm to sapnuodavo apie žuvis, tai kaip rytoj rasdavos lytings ors* ‘Если он в ночь перед этим видел во сне рыб, так назавтра стояла дождливая погода’ (BsJK, 44, № 18). Фразеологизм *žuvų gauti* ‘получить рыбу’ означает ‘намокнуть под дождем’ (FŽ, 883). Во-вторых, с данным мотивом, видимо, связано и известное во всей Литве поверье о том, что радуга засасывает с земли воду на небо, а вместе с водой — и рыбу, которая потом падает на землю с дождем (Balys 1954, 21). По словам Н. Лауринкене, «в литовском фольклоре о радуге говорится, что вместе с водой из водоема она может засосать и то, что находится в нем или рядом с ним. Одним из объектов, засасываемых радугой, является рыба: *Ji sugeria vandenį. Ji sugeria ir mažas žuveles...* ‘Она поглощает воду. Она поглощает и маленьких рыбок...’ (LTR 1539/29). В одном латышском сказании также говорится о рыбе, засасываемой вместе с водой из водоема: *Varavīksna, sūcot ūdeni, uzsūc visu to, kas ir ūdenī, sevišķi zivis. Ja parādās Varavīksna, tad zivis glābjas tuvāk pie dibena* ‘Когда Радуга засасывает воду, она засасывает и все то, что находится в воде, особенно рыбу. Если показалась Радуга, то рыба прячется ближе ко дну’. Сюжет о засасываемой радугой воде с рыбой известен и в немецком фольклоре» (Laurinkienė 2004, 193)¹⁶. Притом некоторые информанты еще в XX в. этому искренне верили, например, по словам Пятраса Заланскаса из Юго-восточной Литвы: *Bet tai tikrai yra! Aš pats matis tuos dalykus* ‘Но это поистине так! Я сам видел эти вещи’ (ZIČUS, 241, см. 58).

Сны о рыбе часто толкуются как предвестие дождя и в славянской народной традиции (СМ, 417; СД IV, 505). Ср. толкования снов, записанные в Полесье в начале и конце XX в.: *Рыбу сніць зімою — адліга [оттепель], а ўлетку — дождж* (Сержпутоўскі 1998, 70, № 429); *Рыбка большынство на ныгòду [непогоду] сныця: як сныця, шо рыбу шчэ ловыш — дошч будэ* (МПЭ, 137–138); и, в свою очередь, поверья: *Калі вечарам рыба грае да выскаквае з вады, та будзе дождж* (Сержпутоўскі 1998, 94, № 750); *Кажуць, што як весялуха цягне з ракі воду, та яна часами разам з вадою ўцягне й рыбу да й падыме ўгору на хмары. После вялікае навалыніцы часта находзяць на абалоні рыбу, як яна ўпадзе з мхур разам з дажджом* (Сержпутоўскі 1998, 37, № 71); *Як радуга — буде доршч. Вона набірае воду ў рецы. И рыбу тягне з водой. Сусед пойшоў пасці коня, сідзіць — пэрэд ім ў траві рыбіна — то з радуги* (Валенцова 2001, 373).

¹⁶ Латышский текст в приведенной цитате Лауринкене — из AnIT, 45.

Интересно в этой связи, что посмертный мир туземных гренландцев, по данным Э. Б. Тайлора, лежит «на небе, куда души взбираются по радуге и где они раскидывают шатры вокруг большого озера, полного рыб и птиц. Когда это озеро над небом переполняется, на земле бывает дождь, если же его берега прорвутся, будет второй потоп» (Тайлор 1989, 293). В свою очередь, по представлениям африканских акаузимов, в давние времена небо было так близко, что всякому, кто желал половить рыбу, достаточно было «ткнуть палкой в небо, и рыба проливалась на землю словно дождь» (ER XIII, 349). Из этих, видимо, более архаичных представлений со всей очевидностью следует, что если радуга и «засосала» рыбу на небо, то совсем не случайно, и что проливается она вместе с водой на самом деле из Небесного Водоема, того самого, надо полагать, в котором плавают звезды и по которому плывут солнце с луной. Данному мифологическому образу полностью соответствует представление, согласно которому, астрологический знак Рыб на самом деле связан именно с верхними водами в противоположность нижним водам, которые представляет Пак (Chevalier, Gheerbrant 1996, 1147).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альбедиль 1986 — *М. Ф. Альбедиль*. Типы протоиндийских надписей // Этническая семиотика: Древние системы письма. М., 1986.
- Аргуэлес 1993 — *Х. и М. Аргуэлес*. Мандала. М., 1993.
- Аристотель 1996 — *Аристотель*. История животных. М., 1996.
- Афанасьев I–III — *А. Н. Афанасьев*. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. I–III. М., 1995.
- АфНРС II — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах / Подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа. М., 1958. Т. II.
- Бадж 2005 — *Э. А. У. Бадж*. Египетская книга мертвых. Москва–Санкт-Петербург, 2005.
- Валенцова 2001 — *М. М. Валенцова*. Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики: Астрономия, метеорология, время // Восточнославянский этнолингвистический сборник: исследования и материалы. М., 2001.
- Вельмезова 2004 — *Е. В. Вельмезова*. Чешские заговоры: Исследования и тексты. М., 2004.
- Войтович 2005 — *В. Войтович*. Українська міфологія. Київ, 2005.
- Волчок 1986 — *Б. Я. Волчок*. Протоиндийский бог разлива // Этническая семиотика: Древние системы письма. М., 1986.
- ВПИ — Высек пламя Илмаринен: Антология финского фольклора / Пер. с финск., сост., вступ. ст. Э. Г. Рахимовой. М., 2000.

- Гура 1997 — А. В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль П — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1981.
- Дучыц, Санько 2004 — Л. Дучыц, С. Санько. Рыба // Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2004.
- Елизаренкова, Топоров 1984 — Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров. О ведийской загадке типа *brahmodya* // Паремнологические исследования. М., 1984.
- Журавлев 2005 — А. Ф. Журавлев. Язык и миф: Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Завьялова 1998 — М. В. Завьялова. Семантическое поле «огонь» в русских и литовских заговорах // Балто-славянские исследования 1997. М., 1998.
- Загадки 1968 — Загадки / Издание подготовила В. В. Митрофанова. Ленинград, 1968.
- Загадки 2004 — Загадки: 2-е видання, випраўленае і дапрацаванае / Складнікі: М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. Мінск, 2004.
- Иванов 1974 — Вяч. В. Иванов. Восстановление первоначального текста кетского мифа о разорителе орлиных гнезд // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту, 1974.
- Иванов, Топоров 1965 — Вяч. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.
- Калевала 1985 — Калевала / Перевод Л. П. Бельского. Петрозаводск, 1985.
- Карпенко 1985 — Ю. А. Карпенко. Названия звездного неба. М., 1985.
- Кейпер 1986 — Ф. Б. Я. Кейпер. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Коломиец 1983 — В. Т. Коломиец. Происхождение общеславянских названий рыб (К IX международному съезду славистов). Киев, 1983.
- Кочергина 1996 — В. А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. Издание 3-е, исправленное и дополненное. М., 1996.
- Кудиновы 1987 — В. М. Кудинов, М. В. Кудинова. Сумка кенгуру: Мифы и легенды Австралии. М., 1987.
- Кэмпбелл 2002 — Дж. Кэмпбелл. Мифический образ. М., 2002.
- Левкиевская 2002 — Е. Е. Левкиевская. Мифы русского народа. М., 2002.
- Матье 1996 — М. Э. Матье. Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М., 1996.
- МНМ I-II — Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. Т. I. Москва, 1980; Т. II. М., 1982.
- МПЭ — А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983.
- НЗ — Народні загадки / Упоряд., предмова М. К. Дмитренко. Київ, 2003.
- Никифоровский 1897 — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897.
- Никифоровский 1898 — Простонародные загадки / Собрал в Витебской губернии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1898.

- Павлович 2004 — *Н. В. Павлович*. Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 2004.
- Потапов 1991 — *Л. П. Потапов*. Алтайский шаманизм. Ленинград, 1991.
- Пропп 1976 — *В. Я. Пропп*. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976.
- Пропп 1998 — *В. Я. Пропп*. Собрание трудов: Морфология (волшебной) сказки; Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.
- Разаускас 2006 — *Д. Разаускас*. Символика рыбы, связанная с нижним миром и смертью, в балто-славянской традиции // Балто-славянские исследования XVII. М., 2006.
- Разаускас 2009 — *Д. Разаускас*. Рыба как символ (воз)рождения и жизни // Балто-славянские исследования XVIII. М., 2009.
- Ригведа 1989 — Ригведа. Мандалы I–IV / Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. М., 1989.
- Ригведа 1995 — Ригведа. Мандалы V–VIII / Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. М., 1995.
- РФ — Русский фольклор. Хрестоматия / Составители: Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. М., 2001.
- СД IV — Славянские древности: Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого. Т. IV. М., 2009.
- СдЗРН — Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Составил Д. Садовников. С.-Петербург, 1876.
- Сержпудоўскі 1998 — *А. К. Сержпудоўскі*. Прымкі і забабоны беларусаў–палешукоў. Мінск, 1998.
- Сержпудоўскі 1999 — *А. К. Сержпудоўскі*. Казкі і апавяданні беларусаў–палешукоў. Мінск, 1999.
- СМ — Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Издание 2–е, исправленное и дополненное. М., 2002.
- Тайлор 1989 — *Э. Б. Тайлор*. Первобытная культура. М., 1989.
- Топоров 1982 — *В. Н. Топоров*. Рыба // МНМ II.
- Топоров 1982a — *В. Н. Топоров*. Месяцы // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. Т. II. М., 1982.
- Топоров 1987 — *В. Н. Топоров*. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре — *svet— // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- Топоров 1999 — *В. Н. Топоров*. «Второе» происхождение — загадка в ритуале (ведийская космологическая загадка типа *brahmodya*: структура, функция, происхождение) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 2. М., 1999.
- Упанишады 2003 — Упанишады / Перевод с санскрита, предисловие, комментарии и приложение А. Я. Сыркина. Третье издание, исправленное. М., 2003 (страницы указываются по сквозной нумерации).
- Усачева 2003 — *В. В. Усачева*. Славянская икhtiологическая терминология: Принципы и способы номинации. М., 2003.

- Успенский 1982 — Б. А. Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.
- ХдВЗ — И. Худяков. Великорусские загадки // Этнографический сборник, VI. Санкт-Петербург, 1864.
- Щуцкий 1960 — Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960.
- Элиаде 1998 — М. Элиаде. Священные тексты народов мира. М., 1998.
- Элиаде 1998а — М. Элиаде. Религии Австралии. Санкт-Петербург, 1998.
- ЭСС — Энциклопедический словарь символов / Автор-составитель Н. А. Истомина. М., 2003 (по большей части перевод словаря Н. Biedermann. *Knaurs Lexikon der Symbole*. München, 1998 без указаний на то).
- Юнг 1997 — К. Г. Юнг. Аион: Исследование феноменологии самости. Москва, Киев, 1997.
- Юнг 1997а — К. Г. Юнг. *Mysterium Coniunctionis*. Москва, Киев, 1997.
- Ясюнайте, Коницкая 2009 — Б. Ясюнайте, Е. Коницкая. Колесница пяркунаса (атмосферные явления в выражениях с переносным значением: облака) // Балтославянские исследования XVIII. М., 2009.
- AK — *Atvažiuoja Kalėdos: Advento–Kalėdų papročiai ir tautosaka* / Sudarė N. Marcinkevičienė, E. Venskauskaitė. Vilnius, 2000.
- AnIT — *Latviešu tautas teikas: Izcelšanās teikas. Izlase* / Sastādītāja A. Ancelāne. Rīga, 1991.
- AnLTM — *Latviešu tautas mīklas. Izlase* / Sastādītāji A. Ancelāne. Rīga, 1954.
- Balys 1949 — J. Balys. *Istoriniai padavimai*. Chicago, 1949.
- Balys 1954 — J. Balys. *Tautosaka apie dangų*. Sodus, Michigan, 1954.
- Balys II — J. Balys. *Raštai*. T. I–V. Vilnius, 1998–2004.
- BDS — *Krišjāņa Barona Dainu skapis*: <<http://www.dainuskapis.lv>>.
- Beresnevičius 1990 — G. Beresnevičius. *Dausos: Pomirtinio gyvenimo samprata senojoje lietuvių pasaulėžiūroje*. Vilnius, 1990.
- Biedermann 2002 — H. Biedermann. *Naujasis simbolių žodynas*. Vilnius, 2002.
- BsJK — *Juodoji knyga* / Surinko J. Basanavičius. Vilnius, 2004.
- BsV — *Iš gyvenimo vėlių bei velnių* / Surinko J. Basanavičius. Vilnius, 1998.
- Būgienė 1999 — L. Būgienė. *Mitinis vandens įprasminimas lietuvių sakmėse, padavimuose ir tikėjimuose* // *Tautosakos darbai*. T. XI (XVIII). Vilnius, 1999.
- Chevalier, Gheerbrant 1996 — J. Chevalier, A. Gheerbrant. *A Dictionary of Symbols*. London, 1996.
- Dieveniškės 1968 — Dieveniškės. Vilnius, 1968.
- EBD — *The Ancient Egyptian Book of the Dead* / Translated by R. O. Faulkner. London, 1993.
- ER — *The Encyclopedia of Religion* / Editor in chief M. Eliade. V. I–XV. New York, 1993.
- FŽ — *Frazeologijos žodynas* / Redagavo J. Paulauskas. Vilnius, 2001.
- Greimas 1990 — A. J. Greimas. *Tautos atminties beiėškant. Apie dievus ir žmones*. Vilnius–Chicago, 1990.

- Hocart 1970 — *A. M. Hocart*. Kings and Councilors: An Essay in the Comparative Anatomy of Human Society / Edited and with an Introduction by R. Needham, Foreword by E. E. Evans-Pritchard. Chicago-London, 1970 (1936).
- Jobes 1962 — *G. Jobes*. Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols. New York, 1962.
- Jung 1969 — *C. G. Jung*. The Structure and Dynamics of the Psyche. Princeton University Press, 1969.
- Jung 1980 — *C. G. Jung*. Psychology and Alchemy. Princeton University Press, 1980
- Jung 1990 — *C. G. Jung*. Symbols of Transformation. Princeton University Press, 1990.
- Kajokas 1997 — *D. Kajokas*. Meditacijos: rinktinė. Vilnius, 1997.
- Karaliūnas 1987 — *S. Karaliūnas*. Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė. Vilnius, 1987.
- Keith 1989 — *A. B. Keith*. The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads. London, 1925; Delhi, 1989.
- KMG — Kai milžinai gyveno: Padavimai apie miestus, ežerus, kalnus, akmenis / Parengė B. Kerbelytė. Vilnius, 1983.
- Kossarzewski 1937 — Tautosaka iš Kossarzewskio «Lituanikos» / Parengė J. Balys // Tautosakos darbai. T. III. Kaunas, 1937.
- Kursīte 1996 — *J. Kursīte*. Latviešu folklorā mītu spoguļi. Rīga, 1996.
- Laumane 1973 — *B. Laumane*. Zivju nosaukumi latviešu valodā. Rīgā, 1973.
- Laurinkienė 2004 — *N. Laurinkienė*. Vaivorykštė lietuvių žodinėje tradicijoje // Tautosakos darbai, XX (XXVII). Vilnius, 2004.
- Lebeuf 1996 — *A. Lebeuf*. The Milky Way, a path of the souls // Astronomical Traditions in Past Cultures: Proceedings of the First Annual General Meeting of the European Society for Astronomy in Culture (SEAC), Smolyan, Bulgaria, 31 August–2 September 1993 / Ed. by V. Koleva and D. Kolev. Sofia, 1996.
- LF — Lietuvių folkloro chrestomatija / Parengė B. Kerbelytė, B. Stundžienė. Vilnius, 1996.
- LKŽ XII, XX — Lietuvių kalbos žodynas. T. XII, XX. Vilnius, 1981, 2002.
- LLD XX — Lietuvių liaudies dainynas, t. XX: Kalendorinių apeigų dainos. I: Advento-Kalėdų dainos. Vilnius, 2007.
- LLM — «Menu mįslę keturgyslę»: Lietuvių liaudies mįslės / Paruošė K. Grigas. Vilnius, 1970.
- LM II — Lietuvių mitologija / Sudarė N. Vėlius. T. II. Vilnius, 1997.
- LTR — Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas.
- LTs V — Lietuvių tautosaka, t. V: Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai / Paruošė K. Grigas. Vilnius, 1968.
- LTsU — Lietuvių tautosaka, užrašyta 1944–1956 / Vyr. redaktorius K. Korsakas. Vilnius, 1957.
- Lurker 1995 — *M. Lurker*. An Illustrated Dictionary of the Gods and Symbols of Ancient Egypt. London, 1995.
- MacKillop 2004 — *J. MacKillop*. Oxford Dictionary of Celtic Mythology. Oxford University Press, 2004.
- Mačernis 1993 — *V. Mačernis*. Sielos paveikslas. Vilnius, 1993.

- Monier-Williams 1999 — A Sanskrit-English Dictionary, etymologically and philologically arranged, with special reference to cognate Indo-European languages by Sir. M. Monier-Williams. New edition, greatly enlarged and improved with the collaboration of professor E. Leumann, professor C. Cappeller, and other scholars. Oxford University Press, 1899; Delhi, 1999.
- MS — Mįslių skrynelė: 3000 lietuvių mįslių ir minklių / Sudarytojas S. Lipskis. Vilnius, 2002.
- Niemi 1996 — *A. R. Niemi*. Lituaniaistiniai raštai: Lyginamieji dainų tyrinėjimai / Sudarė ir iš suomių kalbos vertė S. Skrodenis. Vilnius, 1996.
- Onians 2000 — *R. B. Onians*. The Origins of European Thought about the Body, the Mind, the Soul, the World, Time, and Fate. Cambridge, (1951) 2000.
- PJBg — Padavimai iš Juozo Būgos rankraščių / Parengė I. Žilienė // Tautosakos darbai. T. V (XII). Vilnius, 1996.
- Spence 1998 — *L. Spence*. Myths and Legends of Egypt. London, (1915) 1998.
- Suchocki 1987 — *J. Suchocki*. Co Słońce robi nocą? Przyczynek do rozważań nad wizją świata w Bałtyjskich kulturach ludowych, na materiale *dain* Łotewskich // Etnografia Polska. T. XXXI. 1987.
- Sutema 1992 — *L. Sutema*. Poezijos rinktinė. Vilnius, 1992.
- ŠmLPT I — Latviešu pasakas un teikas / Pēc A. Lercha-Puškaiša un citiem avotiem sakopojis un dediģējis prof. P. Šmits. S. I. Rīģā, 1925.
- TPD — The Tibetan Book of the Dead: The Great Liberation through Hearing in the Bardo by Guru Rinpoche according to Karma Lingpa / A new translation from the Tibetan with commentary by Francesca Fremantle and Chōgyam Trungpa. Berkeley and London, 1975.
- Uždavinys 2003 — *A. Uždavinys*. Egipto mirusiųjų knyga. Kaunas, 2003.
- Višinskaitė 2007 — *A. Višinskaitė*. Lietuvių liaudies sapnų aiškinimai ir pasakojimai apie sapnus: Sandara, funkcionavimo specifika, reikšmės (daktaro disertacija). Kaunas, 2007.
- Vries 1976 — *A. de Vries*. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam-London, 1976.
- ZIČUS — Čiulba ulba sakalas: Petro Zalansko tautosakos ir atsiminimų rinktinė / Sudarė ir parengė D. Krikštopaitė, N. Vėlius. Vilnius, 1983.

С. И. РЫЖАКОВА

«Латышский ландшафт»: этнокультурный символизм и ландшафтные практики

Zeme — tā ir valsts.
(‘Земля — это государство’)
Я. Райнис

Nationalism is never beyond geography
(Billig 1995, 77)

Ландшафтные образы — важная составная часть всякой культуры, они служат территориальному укоренению человеческих сообществ, связывают природные и культурные границы, наделяют отдельные разнообразные топографические единицы (реку, озеро, гору, поселение и т. д.) культурными, во многом мифологизированными, чертами. Закрепление в сознании местного населения и приезжих определённых образов местности, своеобразных «географем» или топосов — существенный элемент национальных культур. Это происходит с помощью художественной образности и реализуется во множестве культурных практик.

Понятие ландшафта (ср. англ. *country*), сформированное в средневековой Дании, Фризии и Голландии, первоначально обозначало совокупность определенной земли, ее обитателей, и их права на самоуправление (Калуцков 2008, 14–15). В европейском искусстве и литературе ландшафт впервые появился в эпоху Возрождения, когда природа стала самостоятельным объектом познания и художественного отображения. В голландской живописи XVI в. ландшафт стал пейзажем, обрел одновременно исторические, социальные и психологические черты (Rosenthal 1982). Позднее, в конце XVIII–XIX вв., в рамках романтизма ландшафт связывается с конкретными человеческими сообществами, национализируется, соединяется с мистической интерпретацией истории. Происходит мифологизация и психологизация ландшафта, он начинает восприниматься как причина, порождающая национальный характер.

Представление о ландшафтах начинает использоваться и в географии, и в гуманитарной науке. В рамках позитивизма формулируется географический детерминизм национальных культур (в частности, направление конца XIX в. «Новая культурная география» Видаль де ла Бланша, представленное на страницах издаваемого им журнала «*Annales de Géographie*»); речь шла

об изучении «отдельных индивидуальных пространств и местностей», «о заполнении пространств» (Геттнер 1930, 113). Основателем ландшафтной школы географических исследований в Беркли в 1920-е гг. стал Карл Зауэр, автор книги «Морфология ландшафта». В отечественной географии сформировалось направление антропогеографии, также разрабатывающее ландшафтные культурные представления (В. П. Семенов-Тян-Шанский прибегает к поэтизмам при обозначении типов ландшафтов, выявляет, как искусство, музыка, литература влияют на географические образы; он обращается к концепции культурных миров в 1920–30 гг.; в 1970-е появились работы Ф. Н. Милькова (Мильков 1973)). В. Н. Топоров в своих работах использовал термин гео-этническая панорама, как «максимально широкий по диапазону, синтетически-обобщающий по характеру способ “разового” узрения целого, дающего ответ на поставленные три вопроса — где? (представляемое страной-землей или населяющим ее народом), когда? (время), кто? (держатель власти над этим пространством в это время, творец “исторического” деяния, “этническое” тело в его пространственном аспекте)» (Топоров 1997, 24). Итак, сформировавшееся в 1920-е гг. и развивавшееся в дальнейшем представление о культурном ландшафте (*cultural landscape*, *paysage culturel*, предмет культурно-географических исследований) как картине мира закрепило его качество «запечатленной историей» определенных групп, в том числе и этнических общностей (см. Sauer 1925; Кириченко 2001; Каганский 2002; Калущков 2008). Подобно истории, культурный ландшафт обретает субъективные и объективные черты: это и сама местность, и художественные образы о ней, и память, заключенная в ней, и результат приспособления человеческого коллектива к среде (Cosgrove 1984; 1993). Связь психологии и ландшафта отмечается в ряде работ (например, Голд 1990). Выявляется, какую роль в формировании всякого культурного ландшафта играет не только фактическая реальность, географическая среда обитания, но и художественная образность, романтические идеи, выраженные в поэзии, вообще художественной литературе и изобразительном искусстве. Позднее культурные ландшафты стали также и элементами национальной культуры, они отчасти политизируются (об этом свидетельствуют дискуссии о т. н. «естественных границах» страны, «этнизация» и «национализация» — иногда конфликтная, когда на один ресурс претендуют различные этнические и национальные группы — частей ландшафта), а также становится объектом законодательства: с 1992 г. они, подобно монументальным памятникам, включаются в список объектов охраны ЮНЕСКО (Веденин, Кулешова 2004). Происходит и «национализация», а позднее и коммерциализация ландшафта (открытки с контурами страны — один из самых рас-

пространственных туристических сувениров во всем мире — представляют собой словно бы «фотографию на память»). Одновременно складывается и структурно-семиотическая традиция исследования ландшафтов. Начинают различаться репрезентация¹ и интерпретация культурного ландшафта, выявляются категории «ландшафтного кода» (система, позволяющая «читать» ландшафт: Колобовский 2004), анализируются такие пространственные свойства культурного ландшафта, как центрированность (стягивание мест к системообразующим центрам, формирование пространства разной плотности) и полимасштабность (ср. термин «анаморфоза» — кажимость, соединение разных образов воедино; представления, по которым центр имеет большую значимость, масштаб, величину, и «пустоту» других мест; разнозначимость слагающих его мест) (Калуцков 2008, 89, 97).

Предшественниками «латышского ландшафта» были несколько исторических этапов и версий «**балтийского ландшафта**», элементы которого описаны в польских, латинских и немецких средневековых источниках (начиная еще с «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского), и отражены в картографии. Отдельные черты культурного пространства будущей Латвии (священные рощи, особенности поселений и домашнего быта местного населения, формирование «узуса» Ливонского ордена, как монашеской братии, так и городского торговых и ремесленнических слоев, строительство укреплений, замков, церквей, складывание городов, проведение базаров) были описаны в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского, Рифмованной хронике, а также в хронике Балтазара Рюсова (1578 г.), хронике Саломона Хеннинга (второй половины XVI в.), в сочинении Пауля Эйхорна «Historica Lettica» (1649 г.), в протоколах церковных комиссий Лифляндии 1713–1774 г. Последние два источника содержат особенно большое количество свидетельств о сохранении языческих обрядов среди латышских крестьян (BRMŠ IV, 152–159).

Более яркий и цельный образ начинает формироваться в немецкой литературе XVIII в. и, в частности, в записках путешественников и публицистике, особенно в сочинениях Гарлиба Меркеля «Древности Видземе», «Латыши, особливо в Ливонии» и других. Здесь хорошо видно, как документальные зарисовки, в том числе и описание домашнего быта латышей, подчинены идейному замыслу автора — жесткой критике произвола помещиков и крепостнических порядков Остзейского края как первопричине

¹ Репрезентация — представление или предъявление ландшафта с помощью литературного или музыкального произведения, фото, картины, карты и других видов текстов.

его плачевного общественного состояния. Весьма интересные зарисовки местного культурного ландшафта встречаются в трудах путешественника О. Гуна 1802 г. («Топографические сведения о Лифляндии») (LVVA, 6810 f., 1 arg., 15 l).

Своеобразный облик балтийского ландшафта создавался на протяжении XVIII и начала XIX в., в трудах на русском языке, для которых различия между землями были довольно незначительны, их часто объединяли под общим названием — «Остзейские губернии». Несколько более индивидуальные, подробные и непосредственные заметки появляются в **записках русских путешественников и заметках публицистов**, подробно исследованных Л. Зайонц и Л. Киселевой. Для немногочисленных описаний этого края русскими путешественниками XVIII — начала XIX вв.², как отмечает Л. О. Зайонц, чрезвычайно типична одна неизменная картина: отсутствие границ, размытость пейзажа, неопрятность городов, отсутствие чего-либо примечательного. Рисуется безликие территории, населенные простым народом (Зайонц 2005, 18–29). Н. М. Карамзин (1766–1826), путешествовавший по Лифляндии в 1789 г., писал так: «В этой стороне смотреть не на что. Леса, песок, болота; нет ни больших гор, ни пространных долин», ее можно «проехать, зажмурясь»; он отмечает отсутствие густо посаженных деревень: «в одном месте видишь два двора, в другом три, четыре и церковь... Впрочем, я почти не видел проезжих: так пуста эта дорога» (Карамзин 1984, 9–11). Курляндские же пейзажи, иностранная территория, показалась ему гораздо более живописными и интересными, как и столица герцогства, Митава: «вот мой первый иностранный город, думал я, и глаза мои искали чего-нибудь отменного, нового» (Там же). В. М. Севергин же отмечал: «вся сия страна, если бы подвержена была зною стран восточных, составляла бы песчаные степи непроходимые» (Севергин 1803, 25). В целом, для русского взгляда XVIII в. эти земли воспринимались как пограничные, но не окраина, а, как отмечает Л. О. Зайонц, «пространство “между”, причем не между центром и периферией, не приграничье, а **между двумя перифериями** (выделение мое — *С.Р.*) — Европы и Азии, их “общие”, веками оспариваемые пограничные земли... вчерашнее “приграничье” завтра становилось “заграницей” и наоборот» (Зайонц 2005, 29). Л. О. Зайонц обозначила общую картину Остзейского края в русской литературе метафорой

² В произведениях светского литературного путешествия Ф. В. Растопчина («Путешествие по Пруссии», 1786 г.), В. М. Севергина («Записки Путешествия по западным провинциям Российского государства», 1803 г.), Н. М. Карамзина («Письма русского путешественника», 1789 г.)

«спящие земли»; со временем, хотя и запоздало, они стали источником вдохновения, и русские писатели-романтики с энтузиазмом «узнали» в них и воспели отечественное рыцарское средневековье — феодальную Ливонию (см.: Зайонц 2005, 30; Rosenthal 1960; 1962). И позднее, в 1834 г. путешественник Арсеньев пишет о «самом невыгодном впечатлении от Лифляндии», «глубокие пески, каменистая почва, тощие нивы, редкое население, бедные села, города, не представляющие ни изящества в построении, ни богатства в промышленной деятельности» (Арсеньев 1834, 111). Знаменитое стихотворение Ф. И. Тютчева 1830 г., написанное по дороге из Петербурга в Мюнхен, гласит: *Через ливонские я проезжал поля. / Вокруг меня все было так уныло... / Бесцветный грунт небес, песчаная земля — Все на душу раздумье наводило.* Новый взгляд на этот край мы видим в сочинениях Ф. В. Булгарина, который уже ощущал границу между Лифляндией и Эстляндией, определяемую по живописности пейзажа: «Кто знает Лифляндию по большой почтовой дороге из Нарвы в Ригу, тот не имеет ни малейшего понятия об этой стране. Странно, что большая почтовая дорога будто нарочно проходит через самые бесплодные и скучные места, которые несколько оживляются только в окрестностях Дерпта и Вольмера. Верста в сторону — и виды бесподобные! Вы знаете, друзья, что Лифляндия имеет свою Швейцарию так, как Саксония имеет свою...». Итак, Лифляндская Швейцария, по Булгарину, менее величественна, чем Саксонская, но милее (Булгарин 1839, 5).

О «**латышском ландшафте**» с уверенностью можно говорить только начиная с 1850–1870-х гг., когда намечается единый пространственный образ будущей Латвии (хотя еще без Латгале), построенный на этнографическом принципе. Первая латышская книга о латышской географии, составленная Кришьянисом Бароном, «Описание нашей родины», с приложением «Народы Курземе и Видземе и их соседи, их обычаи и языки», вышла еще в 1859 г. (Barons 1859). Как до, так и после этого, выходило немало составленных в основном немцами и русскими политико-региональных, географических и некоторых этнографических описаний и карт, предлагавших несколько иной идейный облик региона. Важными источниками для формирования цельного представления о латышской географии стали труды выдающегося этнографа, краеведа и фольклориста Э. А. Вольтера, исследовавшего проблемы этнографических областей латышей, литовцев и белорусов³. Немецкий поэт и журналист Виктор

³ См.: Э. А. Вольтер. О народах Прибалтики и Литвы сведения о Литве, Жмуди и Латвии и Эстии (1918) // Архив РАН. Ф. 135. Оп. 2. ед. хр. 796; Э. А. Вольтер. Этнографическая граница латышского племени с великороссами и белорусами //

фон Андреянов публикует в 1890-е гг. в газете «Zeitgeist» цикл статей под названием «Картины из Латвии»: «в представлениях латышских национальных политиков [Латвия] простирается от Куршской косы до северной оконечности Курляндии, от Даугавы до расположенной посредине Лифляндии небольшой реки Салацы и вдоль Даугавы далеко вглубь Витебской губернии» (Zeitgeist 1895, June 17). Однако как до, так и после этого выходило немало политико-региональных, географических и некоторых этнографических описаний и карт, предлагавших несколько иной идейный облик региона.

В истории формирования латышского ландшафта можно выделить следующие два этапа: **художественно-романтический**, когда создавались художественные, поэтические образы, в которых активно использовался мифологический материал, и **краеведческо-этнографический**, когда формировалось закрепление представлений на данной территории, это создание и актуализация определенных «мест памяти», формирование почитаемых мест и святынь регионального и национального масштаба. В первом случае речь идет о сложении круга идей (что происходило примерно с 1850-х гг.), во втором — об укоренении их в физическом ландшафте (что началось в основном с 1880-х гг.). Формирование государства Латвия существенно поспособствовало латтонизации культурного ландшафта, ландшафтному укоренению национально-романтических образов.

Идейные истоки латышского ландшафта лежат в **художественной литературе** и, прежде всего, в поэзии Аусеклиса, Е. Лаутенбаха-Юсминьша, А. Пумпурса, многих других, в том числе и Я. Райниса. В поэме «Лачплесис» А. Пумпурса боги создают ландшафты, несут плодородие земле (Pumpurs 1888, I, 113–120). Как отмечает Я. Курсите, в молодой латышской романтической поэзии силен мотив, по которому латышский ландшафт создают боги и исключительно на благо латышей: в «Лачплесисе» А. Пумпурса фигурируют бог плодородия Патримпс (взятый из средневекового прусского священного пантеона), который, *поднялся и сказал*: / «*Балтия, хлебная земля, / Но золотые, наливающиеся колосья / Только одним латышам дам; / Латыши на нивах Балтии / Соберут богатые урожаи, / Но плуги и серпы чужаков / Поломаются на поросших пнями полянках!*» (Pumpurs 1888, I, 113–120). Подобным же образом божество вод Антримпс (прусская аналогия — Autrīmps) защищает латышей от вторжения чужих судов на море. Правда, у А. Пумпурса речь шла

не о Латвии, а о «Балтийской земле», «Балтии», что тоже было еще малоизвестным для широкой публики термином. Когда в 1869 г. начинает выходить «Балтийский Вестник», то редакторы поясняли своим читателям, что это такое — «Балтия», объясняя значение слова *balts* как «большой и счастливый» (Kursīte 1998, 9). Другой мотив — в стихотворении Аусеклиса «Озеро Эйма» — представляет латышей как коллективный народ-демиург, чьи серпы, лопаты и плуги преобразуют «Балтийскую землю», которая до появления тут народа-пахаря представляла собой темный лесные чащи, большие болота, бесплодные поля (Kursīte 1998, 11). Романтическое стихотворение Аусеклиса, названное «Latvija» — один из первых случаев использования этого будущего обозначения страны. В творчестве Ф. Малбергиса и Аусеклиса (стихотворение «Eīma ezers») возникает тема латышей как демиургов, чья прародина — Индия, пришедших на свою землю и преобразующих лесную, бесплодную, дикую страну.

Существенным источником формирования латышских культурно-ландшафтных представлений стал **латышский фольклор**, начало целенаправленного и планомерного сбора которого относится к 1860-м гг. На пересечении профессионального художественного творчества и становящегося все более известным фольклора рождались ключевые образы ландшафта Латвии. В латышской художественной литературе XIX в. были выделены эти важнейшие ландшафтные образы, наполненные этномифологическими представлениями и составившие золотой фонд латышских географов: Балтийское море (*Baltijas jūra*), скала Стабурарс (*Staburaga klints, Staburags*), Синяя гора (*Zilais kalns*), река Даугава (*Daugavas upe, Daugava*), озеро Буртниекс (*Burtnieka ezers*), озеро Лубанас (*Lubānas ezers*). В дальнейшем этот список дополнялся, появлялись культурные ландшафты локального и регионального значения; весьма приветствуемая (начиная с 1920-х гг.) практика познавательного туризма по Латвии способствовала выявлению и поднятию культурного статуса новых ландшафтных единиц, что наблюдается и поныне⁴. Поиск городищ стал одним из важнейших способов одновременно обращения к своей истории и формирования локальных ландшафтных зон; совместный проект археологов и фольклористов под руководством Ю. Уртанса — лучший тому пример (Urtāns 2009).

⁴ Примером тому может быть инициатива Историко-культурного музея Айзкраукле «Кална зиеди» по выявлению, описанию и изучению культурно-исторических валунов; эта работа ведется с 1990-х гг., ее результатом стали многие выставки, публикации, конференции и включение некоторых найденных камней в список памятников республиканского культурного значения (Jakubenok_01. PF 28.10.1008, Rīga).

Важным для создания облика Латвии, в обеих его формах (как реального, так и образного пространства), стал период начала XX в. и годы первой мировой войны. В публицистике и эмблематике (знамена латышских стрелковых полков) закрепляется несколько важнейших культурных образов латышской национальной географии. Это происходило в эпоху колоссальных исторических перемен, ознаменовавшихся ослаблением предыдущего миропорядка: балтийский край постепенно терял связь с метрополией. Главный принцип нового территориального объединения, заложившего основу латвийского национального ландшафта, стал этнический: ставилась задача «собираания земель латышских», объединения в рамках одной страны людей, говоривших по-латышски (а также и по-ливски, и по-латгальски — хотя Латгале всегда отделялась от «балтийских земель»), и считавших себя латышами, а также быстро ассимилирующихся тогда ливов и сохранявших свою самобытность латгальцев, которые в большинстве своем были в XX в. летонизированы. Летонизация, в том числе и культурно-ландшафтная, распространилась и на многих литовцев, белорусов, эстонцев, русских Латвии и практически на всех ливов.

Процесс формирования территории независимой Латвийской республики был отражен в первой части Меморандума о Латвии (названной «Земли, населенные латышами», (LVVA 2570 f., 14 arg., 1733. l., 5. lp.), представленной латвийской делегацией Мирной конференции в Париже в 1919 г. (Mierīņa 1999, 183)). А. Миериня, исследовавшая этот документ, отмечает, что в его составлении участвовали археолог Ф. Балодис, литератор (в будущем министр культуры Латвии) А. Кеныньш, М. Скуениекс. Тут отмечены земли, компактно заселенные латышами, пограничные и этнически смешанные земли, очерчивались общие конфигурации территории Латвии (за независимость которой еще шла борьба, как дипломатическая, так и вооруженная; см. Mierīņa 1999, 183–186). Наиболее сложный и спорный вопрос — восточная граница Латвии — был разрешен мирным договором (11 августа 1920 г.) и договором о границе с РСФСР (принят в январе 1921 г., реализован к 1923 г.⁵) (Mierīņa 1999, 191).

Образ Латвии как географической территории (а также и ее культурных ландшафтов, и национальных символов — флага, гербов) начали популяризировать, в частности, посредством серии почтовых открыток, издаваемой в типографии Я. Риекстыньша (Цесис, 1916–1919 гг.), а также марок, денежных купюр и т. п. Параллельно с закреплением административной

⁵ Этот вопрос заново обсуждался в 1990 — начале 2000-х гг. и завершился подписанием договора о границе 2007 г.

территории Латвии создавалась и символическая ландшафтная образность страны, некоторые истоки которой имеют довольно долгую предысторию.

Одной из примечательных культурно-ландшафтных особенностей, сформулированных во время формирования этнонациональной культуры, было представление о **«неподвижности», территориальной стабильности** латышей. Так, А. Спекке делает вывод, что «в ходе двухтысячелетнего существования мы констатируем относительно мало перемен, которые касались бы первоначального места жительства балтийских народов на юго-западном побережье Балтийского моря, в то время как вокруг них происходили очень существенные перемены с передвигавшимися германскими, славянскими и финскими народами», хотя нужно учитывать и медленное, небольшое продвижение балтов к северу и западу из-за наступавших славян, продвигавшихся к востоку, занимавших территорию южной и центральной России. А. Спекке указывает, что в ходе двух тысяч лет балты пережили множество нападений со всех сторон — как прямых, так и методом медленного выдавливания: «Выбрав свое жизненное место, где сначала можно было обосноваться на жилье, не подвергаясь серьезной опасности, учитывая политическую неопределенность соседей, балтийские народы, начиная с германского движения против них с XII в., и XVI в. — завоевательные походы царской России, переживают удары судьбы» (Spekke 1938, 73]. Но «балтийские народы и им умели противостоять, не без потерь, но с успехом, который и сегодня можно наблюдать. Два больших жернова, германский и славянский, не сумели смолотить балтийское зерно, но сделали его — с определенной точки зрения — более выносливым, сильным» (Spekke 1938, 74). Подчеркивая «долгое историческое существование» латышей и эстонцев, А. Спекке при этом критикует точку зрения, что немцы и Ливония позволили балтийским народам не раствориться. Он полагает, что национальная культура, образовавшаяся уже в древности, позволила латышскому народу пережить неоднократную смену власти, сохранить свою национальную самобытность (Šņē 2008, 377), и приверженность «своему месту» сыграла в этом огромную роль.

Однако представление о «неподвижности», «осёдлости», приверженности определенной, своей земле, постоянстве латышей как народа сочетается с представлением о психологически постоянно **подвижной границе** (как восточной, так и западной), что связано с исторической сменой государственной принадлежности, с вхождением латвийских земель то в одну, то в другую страну. Это создает основание для ощущения определенной нестабильности, опасности, исходящей извне. В эссе «Долгота Риги» в книге «Карта Родины» Петр Вайль пишет: «57-й градус северной

широты, на четыре южнее Ленинграда, на полтора севернее Москвы. Другое дело долгота — 24-я: Питер на шесть градусов восточнее, Москва — и вовсе на четырнадцать. В другую же сторону до Берлина десять, до Вены семь, до Стокгольма шесть градусов. Запад недалеко, зато в составе империи — долго. Не то западная Россия, не то восточная Европа» (Вайль 2007, 397). Он отмечает также, что жизнь в Латвии учила его своеобразному альтернативному сознанию, «допущение иного равноправного варианта, мнения, высказывания» (Вайль 2008, 397).

Тема латышского ландшафта стала одной из основных во всех первых популярных сочинениях, вышедших после получения Латвией независимости и представляющих латышскую историю и культуру. Это были сборник «Наша Родина. Сцены из природы и истории Латвии», составленный Т. Зейфертсом (и изданный в Цесисе в 1919 г. (Zeiferts 1919)), произведения Фр. Залитса «История Латвии для школ и самообучения» (Zālits 1921), «Малая хрестоматия по истории Латвии. Курс для начальных школ», составленная А. Биркертсом (Birkerts 1922), «История Латвии в картинах и отдельные зарисовки из всеобщей истории. Для 3 и 4 классов начальной школы» П. Дрейманиса (Dreimanis 1924). Все эти сочинения начинались с разделов «древнелатвийская («древнебалтийская») природа» с описанием «древнелатышской усадьбы», «древнелатышского замка» (противопоставляемого «замку рыцаря») и более или менее подробным описанием сельскохозяйственного цикла с присущими ему праздниками. В этих сочинениях видна еще очень тесная связь ландшафтных образов с художественным воображением, в особенности с литературой и поэзией. В дальнейшем стандартизация культурных образов (в том числе и стереотипных представлений) об отдельных частях природного и культурного ландшафта Латвии, а также и его латонизации, в независимой республике усиливалась вместе с преобразованием топографической и географической номенклатуры.

Интересно отметить высокую долю ландшафтных и ботанических формантов в латышских фамилиях (формировавшихся, как известно, главным образом, начиная с 1820-х гг. и очень часто становившихся результатом личного выбора). Лингвист, специалист в области латышской ономастики и антропонимии В. Э. Сталтмане отмечает, что большинство латышских фамилий — непрозвищные, произведены от названий деревьев (березка, елка, дуб, липа — Берзиньш, Эглитис, Озолиньш, Липиньш) и ландшафтных доминант (гора, река — Калныньш, Упитис и т.п.). До начала XIX в. при определении фамилий латышских крестьян использовалось название хуторов, то есть можно предположить, что выбор ландшафтных тем неслучаен: такие фамилии могли играть сходную

роль с предыдущими названиями домов (Сталтмане 1978, 115–146). В публицистике 1920-х гг. сформировалась и ассоциативная связь ландшафта с психологией: была обнаружена схожесть ландшафта с представлениями о латышском характере, а именно о таких чертах, как неагрессивность, спокойствие, соразмерность, простота и естественность (Lariņš 1936; Grīnberga, Auns 2003). Главные визуальные доминанты культурной географии Латвии в результате культурного «укоренения», рутинизации были объединены и зафиксированы. Обратимся к отдельным важнейшим элементам латышского ландшафта, топосам и их культурным представлениям.

Балтийское море — одна из важнейших и старейших культурно-географических доминант всех балтийских стран. В зависимости от точки зрения и позиции наблюдателя море выступает то центром (объединяя циркумбалтийский регион), то границей (разделяя Фенно-Скандию, Прибалтику и северные области центральной Европы) ландшафта балтийского мира. «Морская ориентация» Латвии, как и всех окрестных стран, predeterminedена и гидрологически: к морю стремится большинство местных рек. Доминанту моря, ориентацию на него, отметил латвийский историк первой половины XX века А. Спекке: «Судя по новым геополитическим теориям, море образует так называемые культурные области (провинции): морские побережья воспринимаются как периферии, стремящиеся к морю, своему центру гравитации...» (Spekke 1937, 75).

Ведущую роль моря закрепил и советский топоним «Прибалтика», не различающий отдельные республики, но выделивший их «приморское» положение как ведущее (что отражало, во многом, имперскую геополитическую интенцию «выхода к морю»).

В латышском фольклоре и календарной обрядности море встречается весьма часто, выступает важным культурным локусом. Море — это, прежде всего, место, где садится солнце, поэтому наиболее часто оно фигурирует в заговорной традиции, особенно в заговорах на уничтожение (см. текст типа «Черная змея муку молола на камне посреди моря»; синтагма «посреди моря» широко встречается в славянских магических текстах и относится, по-видимому, к общему балто-славянскому наследию). В латышской и литовской культурной географии и топонимике море представляет собой пространственный «низ» (Vēliūš 1983) и ассоциируется с хтоническим миром (восточные же и южные области как Латвии, так и Литвы, оказываются расположенными «наверху» выстраиваемой таким образом «пространственной вертикали»). Если для «внешнего взгляда» Балтийское море предстает важнейшим признаком «латвийской географии» в принципе, то для латышской фольклорной картины мира это

окраина, более (Рижский залив) или менее (Большое море) domestичированная, это «низ», куда (вместе с заходящим Солнцем) можно отправить все нежелательное, но откуда регулярно приходят сезоны года и другие гости. Из-за моря появляются как люди (торговцы и завоеватели), так и боги («уходящие» / «приходящие» «гости», персонификация календарных праздников). На морском берегу, согласно текстам латышских народных песен, совершаются битвы богов и героев: важнейший мифологический сюжет, битва громовержца Перконса (или Солнца, или иного героя) с хтоническим, змееподобным противником происходит именно на морском побережье.

В латышской литературе и живописи тема моря представлена в двух ракурсах — в контексте романтической (восходящей к мифопоэтическим сюжетам) или реалистической (где речь идет о рыбаках как «тружениках моря», см. «Сын рыбака» Вилиса Лациса) традиций. На практике они могут и объединяться: так, ежегодно летом в Латвии проводятся Праздники моря, один из них в рамках Дней ливской культуры в конце августа. В приморских городах Салацгриве, Вентспилсе, Колке, Лиенае летом отмечаются Дни рыбака (ведущие свой отсчет еще с советских времен), сопровождаемые обрядами почитания моря, поминовения погибших в его водах.

Итак, если в латышском фольклоре море это, прежде всего, выход, промежуточное пространство, отделяющее «этот» мир от «того», то для рыбаков — это повседневная сфера хозяйственной деятельности. В современной геополитике это точка отсчета для возможного объединения разных государств в рамках «стран Балтии», «Прибалтики» или «Циркумбалтии». Для жителей и гостей балтийского края взморье (особенно с середины XIX в.) это место отдыха, знакомств, времяпрепровождения, навевающее романтическое настроение.

Балтийское море не стало до конца «латышским»; латышская этническая культура его не охватывает, но только соприкасается с ним. Море оказывается тесно связанным со **временем** — как циклическим, календарным (приносит «календарные праздники» и уносит их (Рыжакова 1997)), соединяет прошлое и будущее, так и историческим, судьбоносным: например, в конце XII — начале XIII вв. оно принесло сюда крестоносцев — завоевателей, а в 1944 г. унесло множество семей беженцев. Ветер перемен, неизвестности, решающейся судьбы, теснее всего ассоциирующийся с морем, отражен, в частности, в тексте народной песни: *Jūrā gāju naudas gūt / Saujā nesu dvēseliti; / Balta bija jūras nauda, / Dārģa mana dvēselite* ‘В море иду деньги добывать, / В горсти несу (свою) душеньку, / Белыми были морские деньги, / Дорогая — моя душенька’.

Среди множества воспетых в народной и профессиональной поэзии **рек Латвии** некоторые обрели статусы областных, региональных и национальных. Национальный культурно-географический перечень, постепенно формировавшийся в поэтизированном краеведении, и особенно активно — в 1920–1930-х гг. в рамках просветительских программ «познай Родину», включает «самую быструю, красивую и извилистую реку» Гаюю, «с самыми скалистыми берегами, загадочную» Салацу, «поэтическую» Айвиекте, «гордую» Венту, «широкую, полноводную, медленную» Лиелупе. Но главной доминантой культурной географии Латвии стала «национальная», самая длинная река **Даугава**⁶ (Западная Двина, общая длина 1020 км, из которых 375 км на территории Латвии), разрезающая и/или объединяющая пространство Латвии на две части и таким образом выделяющая историко-этнографические области к юго-западу (Курземе и Земгале) и северо-востоку (Видземе и Латгале)⁷. Река Даугава, веками служившая границей государств, водоразделом⁸, но и водной артерией, торговым путем, соединявшим восточные и западные земли, стала «спинным хребтом» молодого латвийского государства, его центральной «осью», по обе стороны от которой симметрично отходят культурные провинции. Это отразилось в знаменитом стихотворении Райниса, похожем на национальное заклинание: *Daugav' abas malas mūžam nesadalas, / I Kurzeme, i Vidzeme, i Latgale mīsu!* 'Обе стороны Даугавы вовеки не разделятся, / И Курземе, и Видземе, и Латгале наши!' ...

В распространяемых сейчас Институтом Латвии информационных буклетах о национальных символах Даугава называется «рекой латвийской судьбы», «матерью всех рек» (хотя причина этого не называется). Это может быть связано с распространенным в латышских народных песнях и отчасти в заговорах мотивом реки, в частности, Даугавы, наполненной душами усопших предков. О наделении реки Даугавы мистическими

⁶ Ср. «русская» Волга, «украинский» Днепр, «польская» Висла, «чешская» Влтава.

⁷ Пятая область, не всегда выделяемая в этнографической литературе, однако особая для районирования Прибалтики и по материальной культуре, и по языку, это Аугшземе или Селия. Она пересекает Даугаву в районе города Екабпилс / Крустпилс, охватывая некоторые территории нынешней Видземы (до Мадоны), в основном располагается на крайнем юго-востоке Латвии (крупнейшие города — Илуксте, Селпилс) и на приграничных территориях Литвы.

⁸ См. у Н. Виксныньша: «Несчастье состоит в том, что у нашей земли нет естественных рубежей и что наша крупнейшая река — Даугава не образует естественную границу с каким-то государством, но напротив, разрезает центральную часть наших земель, и поэтому наша территория открыта для нападения противника со всех сторон» (Vīksniņš 1935, 5).

свойствами писала Янина Курсите (Kursīte 1992). С отдельными местами Даугавы связаны национальные мифы и образы: прежде всего, это крутые берега в Лиелварде — место действия эпоса «Лачплесис», множество других островов, излучин, склонов, прибрежных достопримечательностей, а также ныне затопленный (в результате работ по строительству Плявиньской ГЭС) **Стабурагс** — прибрежная туфовая скала со сбегающими ручьями, важный латышский романтический символ. Проект строительства Плявиньской ГЭС был разработан в 1959 г. и оказался связанным с борьбой против «буржуазного национализма». Память о Стабурагсе сохранялась в течение всего последующего времени, а с середины 1980-х гг. началось активное посещение латышами этого места. Коллекция краеведческого и художественного материала, посвященная образам Стабурагса и истории местности, хранится в частном доме писателей Владимира Кайяка и Мары Свире, носящем имя «Стабурагс» и стоящем прямо над затопленной скалой на берегу Даугавы (Kaijaks_03 PF 17.07.2010 Staburags). Рядом на лужайке находится каменная скульптура «Ухо Диевса» и роща молодых деревьев: начиная с 1995 г. сюда с торжественным визитом приезжали все президенты Латвии и высаживали здесь дубки. Большой интерес к затопленному Стабурагсу проявляют и сотрудники музеев, в частности, Юрмальского краеведческого музея, Волдемарс Райнс и группа, занимающаяся подводной археологией, проводившая свои исследования этого памятника (Rains_01 PF 23.07.2008 Aizkraukle; Rains_09 PF 12.07.2010 Jurmala). Массовые активные протесты против проекта создания в середине 1980-х гг. Даугавпилсской ГЭС шли во многом под лозунгом «спасения Даугавы» как «нашей», «священной» реки, символа латышской культуры. Это движение стало одной из гражданских инициатив, поспособствовавших общественному объединению конца 1980-х гг. (Шкапарс 2006).

Специально этой реке (как естественной истории ее русла, так и всем ее историко-культурным аспектам) посвящен **Музей Даугавы**, расположенный на острове Доле недалеко от Саласпилса. Общие латвийские темы затрагивал выходивший в 1980–1990-х гг. культурный альманах «Daugavas raksti» («Письмена Даугавы»). Разнообразный фольклорный, географический и исторический материал, связанный с культурным ландшафтом Латвии, в том числе реками, и прежде всего Даугавой, объединен в школьной программе (например, существует задание «пишем письмо реке», когда река предстает и собеседницей, и объектом описания и восхищения).

Озера Латвии тоже стали примечательными национальными элементами ландшафта. Одна из латвийских провинций, Латгале, подобно восточными областями Литвы, поэтически именуется «краем озёр»

(с крупнейшими озерами Лубанас и Разнас); эта метафора уже стала художественным штампом и ныне используется в рекламных туристических текстах. Весьма образны иногда используемые в художественной литературе, дизайне и искусстве сюжеты латышских народных преданий, повествующих о летающих озерах-облаках, перемещающихся в пространстве и накрывающих собой целые поселения, жизнь которых таинственным образом продолжается под толщей воды (слышен звон колоколов и т. п.; ср. русское предание о Китеж-граде). Среди республиканских, районных и местных достопримечательностей выделяются наиболее широкие и глубокие озера, озера, с которыми связаны легенды и предания (например, Чертово озеро недалеко от Аглоны). Но, наверное, важнейшим озером, получившим общелатышскую славу и ставшим национальным символом, стал видземский **Бургниекс**, с которым ассоциируется легендарный подвиг Лачплесиса по поднятию таинственного «Замка Света», «вместилища тайной мудрости». Неслучайно в 1988 г. именно тут состоялось представление рок-оперы «Лачплесис» (композитор З. Лиепиньш, сценарий М. Залите; см. Jansone-Zirnīte 2008; Zirnītis_01. PF 01.07.1998, Viļņi).

Хотя, строго говоря, гор в Латвии нет (высочайшая вершина Латвии — Гайзинькалнс, Гайзиньш, 317 м), представление о «**горах**» составляет примечательную черту латышского культурно-географического воображения. Правда, весьма холмистый и очень живописный ландшафт характерен для Курземе, т. н. «видземской Швейцарии» (около Сигулды), для некоторых областей центральной Видземе (окрестности города Цесис) и бассейна реки Салаца. «Калныньш» (от *kalns*, лтш. ‘гора’) — одна из самых распространенных латышских фамилий (которые, как уже говорилось, во многом изобретались самими латышами после отмены крепостного права в 1817 и 1819 гг. (Сталтмане 1981)). Весьма частотен формант *kalns* для топонимов, и особенно для названий хуторов Латвии. Гора встречается и в национальной символике и эмблематике: образы высокой горы мы видим на знаменах 8 Валмиерского и 6 Тукумского стрелковых батальонов, созданных в 1916 г. художником Ансисом Цирулисом (Rinka 2008, 75).

С представлениями о «горах», «холмах» отказывается связанной тема «**городищ**», играющая огромную роль в развитии «банального национализма» и имеющая прямое отношение к моделированию «Древней Латвии». Изучение, посещение, поэтическое воспевание городищ объединяет интерес к «своей истории» с альтернативными официальному христианству религиозно-духовными поисками (неоязыческая обрядовая практика), местным краеведением, развивающимся экологическим, а в некоторых случаях и культурно-национальным, «брендованием», идущим

в рамках туризма и в целом досуговой деятельности (этнопикники, фестивали древней культуры на городищах). Отсутствие построек, а во многих случаях и планомерных археологических раскопок, предоставляет большую свободу для воображения и позволяет строить самые смелые гипотезы по поводу исторической, культурной и духовной значимости конкретных городищ. Так, в Видземе (около Валмиеры) и в Курземе (около Дундаги) имеются холмистые поросшие лесами возвышенности, называемые «Синими горами»; с ними связывается множество преданий об обитающих на них ведьмах и колдунах, этногенетических легенд. Отношение к городищам в Латвии подобно обращению к средневековым руинам в Германии середины XIX в., заложившему основу возникновения чувства национального единства (Fritzsche 2004, 92).

Руины средневековых (немецких) замков и церквей в Латвии сформировали иные историко-ландшафтные образы, близкие к теме городищ, однако принципиально отличающиеся от них в национальной истории. Эстетизированные руины балтийского средневековья были освоены в рамках романтической картины мира XIX в., стали туристическими объектами. Индустриальные же руины XX в. воспринимаются часто как последствия «безвременья», оккупации, которые требуется преодолеть своими силами и с помощью международных организаций. Как городища, так и руины Латвии маркируют разрыв во времени, превращение части жизни в «прошлое», смену прошлого и настоящего или разных этапов прошлого. Они могут служить формой критики прогресса («memento mori»). На возможность нового обращения к руинам, актуализации прошлого, которое они потенциально несут в себе, указывает Шёнле: «согласно мифологии бинарных чередований, прошлое оседает в виде руин, для того, чтобы возродиться однажды, когда политическая ситуация обратится к нему» (Schönle 2006, 660). Тем более легко эта трансформация возможна с холмами, на которых, по предположению археологов, могли в прошлом располагаться древнебалтские городища.

«**Лесная**», и вообще «**древесная**», тема занимает чрезвычайно важное место среди латышских культурно-ландшафтных представлений. Об этом свидетельствуют работы поэта Иманта Зиедониса, в частности, написанная им в соавторстве с сыном Римантом книга «Латвия, земля лесов» (Ziedonis I., Ziedonis R. 2006). Леса — существенная географическая доминанта всей Балтии; лесные массивы по сей день — один из важнейших природных ресурсов, «золотой фонд» балтийских республик. В ландшафте Латвии леса ныне составляют 44.1% всей площади, древесина — один из важнейших статей экспорта. В Латвии на сегодняшний день имеется 4 природных резервата (первый в 1912 г., Морицсала на озере Усмас),

3 национальных парка с заповедными зонами, 1 биосферный резерват, 211 природных заповедников, 22 природных парка, 6 природоохранных зон. Леса тесно вплетены и в повседневную культуру латышей: тут распространено собирательство ягод и грибов, отчасти целебных трав. Теснейшую, интимную связь с лесом обеспечивает традиция хуторских хозяйств у эстонцев и латышей: жилые и хозяйственные постройки могут быть буквально вплетены в лес, соседские хозяйства обязательно будут отделены друг от друга участками леса. Любопытно, что в первом письменном упоминании этнонима латышей, в латышском стихотворении, помещенном в «*Ver Lukiscanum*» — книге, изданной на 18 языках в честь короля Польши Владислава Вазы в 1648 г., они фигурируют как народ, живущий среди лесов: *Starpan to lele meže tas Latwis dzywoiams* ‘Среди большого леса живет латыш...’ (Bušs 2003). Дуб и липа (являющиеся в латышском фольклоре символами «парня» и «девушки») объявлены национальными деревьями Латвии и стали своеобразным этнонациональными «тотемами». Неслучайно одну из своих важнейших этнографических работ А. Биленштейн посвятил латышским деревянным постройкам и деревянной утвари, утвердив, таким образом, своеобразный стереотип о противостоянии латышского «деревянного царства» немецкому «каменному» (Bielenstein 1907–1918).

Отдельные деревья, в частности, огромные и весьма старые (*dižkoki*), заслужили особое место в современной национальной символике; многие из них считаются местами проведения языческих обрядов и формами проявления священного, они поэтизированы и мифологизированы. Элементы традиционных обычаев, связанных с деревьями, сохранялись в Латвии еще в первой половине XX в. Классификацией, описанием, сохранением, изучением культурных функций таких деревьев занимаются Комиссия по сохранению и изучению природного и культурного наследия, краеведческие и экологические организации, местные самоуправления, клубы исторической реконструкции, музеи, школы, да и многие отдельные частные лица, энтузиасты.

Весьма примечательным культурным явлением Латвии и Литвы начиная с конца 1980–1990-х гг. стало появление «**священных лесов**» — особым образом организованных экологических ниш между освоенным и неосвоенным пространством, между повседневностью и сферой сакрального. Их формирование было связано с идеями романтизма конца XVIII–XIX вв., затем они стали важным элементом неязыческих движений, в настоящее время это также и один из способов освоения среды для приверженцев «зеленого образа жизни». Это рощи, лесные массивы, лесопарки и их части, в публицистике и массовом сознании прямо или

косвенно определяемые как особенные, почитаемые, чудесные места, связанные со сверхъестественным началом. Они выполняют несколько функций: будучи государственными или частными, а некоторые и коммерческими предприятиями, они встроены в экономическую жизнь, приносят регулярный доход и обеспечивают рабочие места. Обладая юридическим статусом национальных или муниципальных парков, заповедников, историко-культурных зон отдыха, особо охраняемых территорий, они служат в современных условиях западного общества некоторым (хотя, разумеется, весьма и весьма условным) аналогом священных рощ древности, известных у многих народов мира, существовавших кое-где в Европе до XIX века и до сих пор бытующих, в частности, на Северном Кавказе, в Поволжье, в Сибири. Они вовлечены в культуру повседневности: вокруг них создаются этические представления, запреты и предписания. В дизайне таких лесопарков ярко отражаются как модные тенденции, так и глубокие культурные традиции: это и создание маршрутов, оформление центра (или нескольких взаимосвязанных семантически нагруженных зон), периферии и границы, а также формирование стереотипического фокуса взгляда их посетителей. Наконец, вокруг священных лесов уже сложилось несколько форм индивидуальных и коллективных религиозных практик: там могут проводиться обряды, с ними связаны обычаи, формируются (иногда целенаправленно) представления о более или менее персонифицированных «хозяевах» (богах, духе или духах и т. п.), оберегающих лес и властвующих над приходящими туда людьми.

Все священные леса в балтийских странах являются примером «изобретения культурной традиции». Это отнюдь не отменяет определенную историческую преемственность, как отложившуюся в общественной памяти, так и отраженную в ландшафтной и экологической деятельности. Для создания «священных лесов» имеются некоторые исторические предпосылки. Однако не меньшую, а, по-видимому, и большую роль в истории их создания играют процессы профессиональной, интеллектуальной мифологизации XIX–XX вв., формирование национального культурного пространства и ландшафта. Этому способствуют современные экономические, юридические и идеологические обстоятельства. Иногда «священные леса» — часть коммерческой деятельности, в том числе туристического бизнеса; они уже стали своего рода «брендами», описаны в путеводителях, брошюрах для туристов, в популярной литературе, рекламируются в средствах массовой информации.

Истоки создания современных «священных лесов» лежат в воскрешении европейской (кельтской, германской, славянской, финской, балтийской) древности конца XVIII–XIX вв., а также в создании мест национальной

славы. В Лифляндии этот процесс активно начался с середины XIX в. Неоязыческие движения, развивающиеся сначала в Латвии и Эстонии (с 1920-х гг.) а затем и в Литве (с 1960-х гг.) стали, среди прочего, формой поиска и освоения народных святынь (Рыжакова 2010). В создании этнических ландшафтов (а в определенной мере именно к ним можно причислить «священные леса» латышей) ярко прослеживается динамический баланс между двумя тенденциями — сохранением культурного наследия (обнаружение, выявление и музеефикация старинных мест обитания древних балтов, городищ, могильников, укреплений, возможных культовых центров и т. п.; тщательная фиксация исторических данных, легенд, преданий и других фольклорных текстов, связанных с этими местами) и свободным творчеством художников, дизайнеров, краеведов, народных целителей, музыкантов и прочих энтузиастов, творческих людей.

Другая, не менее распространенная тема — это увлеченность многих латышей **камнями Латвии**. Большие валуны ледникового происхождения, мульды, следовики, камни со специально выбитыми ямками, некоторые из которых взяты под охрану государства, составляют примечательную часть культурно-мифологического ландшафта Латвии. Их поиском, описанием, сохранением и исследованием, а также наделением новой семантикой занимаются государственные организации и отдельные люди (приверженность к этому безвозмездному труду многие из них шутливо объясняют своей особой «каменной болезнью») (Рыжакова 2000, 13–16).

Один из наиболее известных и ярких примеров соединения идеи «священного леса» и «священных камней», получивший известность в масштабе всей Латвии и даже распространившийся за ее пределами (сюда приезжают посетители из Литвы, Польши, Эстонии и других стран), это **Покайни**, лесной массив, принадлежащий предприятию «Государственные леса Латвии» и охватывающий около 450 га территории между городом Добеле и поселком Иле в провинции Земгале⁹. Он расположен на холмах и в низинах и имеет множество скоплений камней (группами, «каменными речками», отдельно стоящими валунами ледникового происхождения — всего насчитывается около 2000 «экспонатов»). Внимание к этим каменным скоплениям было привлечено в начале 1990-х гг., в ходе обработки лесосек и других лесных работ. К этому времени уже было известно о наличии тут ряда природных аномалий (Rotbaha 2006, 144–145). Группой географов, экстрасенсов и любителей древнебалтийской стари-

⁹ В частности, подземных пустот, которые еще в советское время хотели использовать как хранилища для газа, подобно подземным пустотам в Инчукалне (см.: Ziedonis I., Ziedonis R. 2006, 92).

ны была выдвинута гипотеза о существовании тут древнего святилища. При очищении леса безвозмездно работали тысячи человек, собиравшиеся в свободное время со всех концов Латвии. Это были истинные энтузиасты — географы, краеведы, археологи, целители, экстрасенсы. Они очищали от мха и земли камни, чистили пруды, создавали тропинки, лестницы. Никаких особых преобразований с камнями не проводилось, скульптур из них не создавали, только расчищали землю вокруг, обнажали поверхность камня. Некоторым камням придавали вертикальное положение, чтобы они стали «работать» как своего рода «космические антенны», связывающие землю со Вселенной.

Многим скоплениям камней и отдельным валунам давались названия, которые теперь написаны на дощечках, установленных возле них (отчего создается некоторое ощущение музейности Покаяне). Появлялись названия «Камень-Целитель», «Свадебный камень», «Камень Бога (Диевса)», «Камень Отца», «Камень Матери» и многие подобные.

Параллельно шло исследование, а в большей степени — фантазирование, придумывание свойств, которыми валуны обладают, и действий, которые они оказывают. В отношении почти каждого из камней были созданы предания. Так, с камнем «Отец» гипотетически связывается место упокоения полулегендарного племенного вождя земгалов Намейсиса («борца за сохранение космической идентичности латышей»; подробнее идею о том, что он нашел свою смерть вскоре после 1200 г. в лесу Покаяни, описывает Зинаида Андерсоне). Проглядывающий контур меча, который держит фигура «Отца», является своего рода «символом свободы этноса» (Rotbaha 2006, 144–145). Дайла Ротбаха в книге «Священные места Латвии и их люди» называет этот лес «знаменитым святилищем Латвии и Европы», «огромной системой, которая отражает Вселенную», «сетью, которая находится в связи с Космосом», где «цивилизации друг за другом оставляли свидетельства своей веры» (Eadem, 34–35). Она предупреждает, что камни тут находятся повсюду, «они усиливают энергетику места», и что посетитель леса должен исполниться трепетом и вниманием, шагать осторожно, чтобы не сдвинуть камни с их сакральных мест, не нарушить продуманную систему, по которой они размещены. Она направляет читателя по определенному маршруту, пролегающему мимо отдельных валунов и групп камней, который оказывается путешествием по своего рода «божественному телу», как бы распростертому на земле (Рыжакова 2007, 32–35). Впрочем, большинство авторов не настаивают на исключительности и единственной правильности своих маршрутов, но приветствуют как самостоятельное мифотворчество, так и нахождение путей каждым, приходящим сюда: «и сегодня у посетителей есть возможность пройтись

по святилищу, ориентируясь на свои личные взгляды» (Rotbaha 2006, 141). Камни постоянно сравниваются с «библиотекой», которая может давать информацию тем, кто в состоянии ее воспринять. Вот что мы читаем в информационном листке, который можно приобрести в киоске перед входом в лесной массив: «...Сегодня ученые погрязли в рутине, и пришло время спросить: а действительно ли истинны ключи, имеющиеся в руках у ученых? Реальности смешиваются, и на Земле происходят многие необычные события и явления. К ним относятся также и активизация древних святилищ, календарей и каменных библиотек. Они начинают “говорить”. Святилища — двери в другую реальность. Только нужно помнить, что замки Времени можно открыть только с помощью Любви».

Нужно отметить хорошее хозяйствование и маркетинг, организованные в этом лесном массиве. Здесь организована охрана, имеется стоянка для машин, вход осуществляется по билетам, продаются открытки, памятные деревянные знаки (орнаментальный символ леса изготовлен дизайнером Валдисом Целмсом). Сюда приезжают работать экстрасенсы и народные целители. Путешествие по лесу возможно как индивидуальное, так и с гидом. Лес Покайне стал знаменит: посетители приезжают сюда тысячами, и не только из Латвии. Экскурсоводы встречаются разные: кто-то является с приборами, измеряющими биополе, кто-то — с металлическими детекторами. Иные берут с собой корзины — собрать заодно грибов или ягод. Кто-то забрасывает слушателей обилием эзотерической информации. Ту группу, с которой автор настоящей работы прошла по лесу в 2004 г., вела географ и краевед Инга Янсоне. Ее рассказы вполне рассудительны: «одни говорят о Покайне как о “центре европейского жречества”, другие — как о природной аномалии, которой заинтересовалось даже НАСА, третьи же не видят здесь ничего, кроме леса с большим скоплением валунов ледникового происхождения. Где же здесь правда? Видимо, где-то посредине... Давайте посмотрим на то, чего достигли многие энтузиасты, приезжающие сюда и своим трудом соорудившие интересные вещи...» (Pokaĩņi_01. PF. 12.09.2004. Pokaĩņi).

Примечательно, что Покайне позиционируются одновременно и как этническая святыня латышей, и как надэтнический и наднациональный духовный центр, открытый для всякого проходящего сюда человека. Лесные урочища, подобные Покайне, имеются и в других частях Латвии (а также Литвы и Эстонии). Это форма ландшафтной культуры апеллирует к глубоким чувствам, к исторической и культурной памяти народа, но не чужда и игре, допускает свободную интерпретацию как истории, так и религиозного смысла данного места и его артефактов. Наконец, в контексте массовой культуры, рыночной экономики и общества потребления

такие ландшафтные формы могут легко стать брендами, сформировать свою мифологию, дизайн, предметное наполнение, привлечь регулярные потоки туристов¹⁰; очевидно, что это уже произошло с лесом Покайне. Этот лесной массив уже вписан в ряд структур общественной жизни Латвии — экономическую, образовательную, идеологическую, духовную, и в этом смысле приближается к статусу музея под открытым небом, не важно, назовем ли мы его «местом языческих обрядов», «лесопарком» или «природоохранной зоной». Таким образом, «священный лес», объединяя историю, литературу и повседневность, хорошо служит «местом памяти»¹¹ и формой преобразования случайного и малоприметного в закономерное, культурно значимое, создает и упорядочивает отдельные, индивидуальные действия в особую культурную практику.

Близкая к «священным лесам» тема — «священные подземелья и пещеры», к которой на материале латышского фольклора и этнографии обратился фольклорист Сандис Лайме в своей работе «Святое подземелье» (Laimē 2009).

Поместье (*muiža*) исторически было ключевой единицей в культурной географии многих стран Восточной Европы, в том числе в балтийских землях. Поместья объединяли сельское население и противопоставлялись городу. В поместье разделялись владельцы (подчас два уровня: номинальные, как граф Шереметев, который почти не бывал в своих имениях в Латвии, и его «наместники», фактические хозяева) и крестьяне, ремесленники, прислуга, служившие тут. В конце XIX в. началась трансформация поместий (что было метафорически обозначено в первом латышском романе 1879 г. как «Времена землемеров»): они разделялись, становились собственностью новых хозяев, в годы Латвийской республики отчасти превращались в музеи. Функционально к представлению о «поместье» близко понятие «**хутора**» (лтш. *viensēta* — ‘хутор, однодворка’), что представляется наиболее типичной формой поселения латышей, репрезентирующий самый комфортный и привычный образ жизни и часть ландшафтного пейзажа (хотя латыши живут также и в деревнях, и в поселках). Отдельные разбросанные хутора, расстояние между которыми может варьироваться от двухсот-трехсот метров до пяти-семи километров, образуют важнейший ландшафтный фон сельского пейзажа Латвии.

Латышское понятие *lauki* (‘поля’, ‘сельская местность’) является специфической идиомой, вокруг которой создано значительное ассоциативное поле значений и которое чрезвычайно важно для описания

¹⁰ См.: Ashworth 1995, 68–84.

¹¹ См.: Nora 1984–1991.

латышской картины мира. Понятие *lauks* — ‘поле’, ‘пахотное поле’ (особенно если уточняется — *rudzu lauks* ‘ржаное поле’), во второй половине XX в. подверглось некоторому культурно-семантическому изменению и стало означать любой загородный участок земли, находящийся в собственности семьи, в том числе «дачу». Другое гнездо его значений связано с земледелием; большинство латышей до второй половины XIX в. (когда началось формирование местной интеллигенции и усилилась урбанизация) были крестьянами. Связь человека с *lauki* (то есть индивидуализированной и окультуренной природой) стало важнейшей формой современной саморепрезентации латышей, что показало социо-антропологическое исследование Д. Бейтнере (Beitnere 2003): миф самоописания латышей, сохранившийся до сегодняшнего дня с середины XIX в., это крестьянский миф («мы, латыши — сельскохозяйственный народ»). Сельская местность Латвии (*Latvijas lauki*) до сих пор во многом представляется важнейшим хранилищем «латышскости», которую не способен взрастить и сохранить город. До сих пор актуальным остается культурное противопоставление «Рига» (город) — «деревня, сельская местность, воля» (*lauki*). Всякое преодоление этого стереотипа (в частности — обращение к свободному рынку, городской образ жизни) нередко начинает интерпретироваться как угроза самой латышскости. Это подтверждают данные этнографического исследования И. Болдана: важнейшие признаки «латышскости», с точки зрения ее информантов, это принадлежность к данной территории и земле («латыш, как правило, горд за свою маленькую землю», «только там может быть латышом», осуждает «искателей счастья», настоящие латыши — *lauku cilvēki*, сельские жители, «у земли, у природы»).

Аграроцентричность доминирует в латышской речевой символике. «Пахарь» (*ārājs, ārājiņš*) в латышском фольклорно-поэтическом языке стало метафорой, обозначающей «мужчину» вообще, «добытчика», «мужа», «отца семейства» или «жениха». Известно обозначение мореплавателей как «море пашущих» (*jūras arāji*). В современной латышской публицистике распространены выражения «деревня — бастион латышскости» (*laukos latvietības bastions*), «деревенские дом, пейзаж» (*lauku sēta, ainava*), «свой уголок, свой клочок земли» (*savs kaktiņš, savs stūrītis zēmē*), «Латвия возродится из деревень» (*Latvija atdzimst no laukiem*), «мы — народ пахарей» (*mēs — arāju tauta*), «пришел в толоку» (то есть пришел на помощь, даже если речь идет о научном проекте). Абсолютное большинство латышских поговорок происходят из лексики крестьян-земледельцев.

В исследовании, проведенном нами с М. В. Завьяловой, имеются интересные данные и об отношении современной молодежи Латвии к земле. Латышами и литовцами концепт «земля» воспринимается весьма

конкретно — для большинства испытуемых это не «глобус» или «планета» (хотя такие ответы тоже были), а «почва», «урожай», «кормилица», «растительность», «природа». Многие ассоциативные связи позволяют сблизить концепты «дом» и «земля»: земля тоже воспринимается как однозначно «свое» пространство, место жительства: «дом», «родина», «мать», «жизнь», «своя», «я живу», «моя», «родное место», «источник жизни». Конкретное восприятие земли связано с работой, земледелием, заботой, плодородием. Земля даже часто воспринимается как одушевленный персонаж («живая», «жизнь», «любящая», «наказывающая»). У латышей, в отличие от литовцев и тем более русских, появляются ассоциации, связывающие понятие своего дома, своей земли с концептом «государство» и определением этого государства — Латвией: «государство, свой дом, народ»; «пахотная земля, Латвия»; «моя, Латвия, родное место»; «Латвия, государство, свобода, плодородие». В ответах литовцев на этот стимул подобных реакций нет. Это нам представляется чрезвычайно интересным, так как свидетельствует о процессах соединения традиционных этнокультурных символов и элементов гражданского общества, и возможно, является частью новой этнополитической мифологии (Рыжакова, Завьялова 2008, 99–106).

Еще одной важнейшей природно-культурной формой латышского ландшафта являются **кладбища**. Как правило, они подразделяются (или внутренне членятся) на лютеранские, католические, православные. Почти всегда они залеснены. Частое посещение кладбищ весьма распространено среди латышей; считается неприличным украшать могилы искусственными цветами, что интерпретируется как дурной вкус и признак лени. Несколько раз в году («вечер свечей» в феврале, 1 ноября — день всех святых у католиков) посещение кладбищ обязательно. Но наиболее интересным обычаем, характерным именно для Латвии, выступает т. н. «кладбищенский праздник», который раз в год, в большинстве случаев в июле или августе, объединяет всех членов семей.

Кроме вполне материализованных элементов латышского ландшафта, как природного, так и антропогенного характера, несколько слов нужно сказать и о таких сугубо универсальных и природных, но весьма сильно «этнонационализированных» в латышской культуре явлениях, как противоположные, но взаимодополняющие друг друга, **туманы и солнце**. Туманы, эфемерное состояние атмосферы, весьма характерное для климата Латвии, запечатлены в произведениях лучших живописцев, на почтовых открытках, отражены в фольклорных и литературных текстах. Туман в латышской культурной географии предстает и как природное явление, и как локус, место, и как актер, действующая сила, таким образом туман

преобразует ландшафт, активно участвует в творении ландшафта, скрывая некоторые части пейзажа. Туман может покрыть нечто, но может и сам оказаться чем-то иным, превратиться во что угодно. В широко известной народной песне «Темная ночь, зеленая трава» содержится образ ночного тумана как главного, самого критического момента, который нужно пережить: *Migla, migla, liela rāsa, Pazūds manis kumeliņš./ Nokrīt migla, nokrīt rāsa, Atrod' savu kumeliņu...* ‘Туман, туман, большая роса, пропал мой конёк. / Опадет туман, опадет роса, найду своего конька’ (LD 33865).

В текстах латышских заговоров на увеличение дойности коров «морские туманы» призываются в вымя как исток молока (LBV I 399).

Об амбивалентности тумана, возможностях, которые, согласно латышским фольклорным текстам, несет с собой туман, упоминает Я. Курсите (Kursīte 2008, 7–9). Если в фольклоре туман маркирует промежуточное положение (ситуацию опасности, перехода, преобразования), а также связан с миром усопших душ (велей), а в профессиональном искусстве это типичный признак романтической картины мира, то в современном политическом дискурсе метафора «тумана» — очевидно, употребляется в значении сглаженности, завуалированности реальных проблем, для обозначения нежелания (а может быть, и невозможности?) признать и преодолеть определенные политические, экономические трудности и т. п.

Образ солнца с начала формирования латышской этнонациональной символики стал одним из самых частотных и разнообразных символов; проводы солнца, особенно на морском побережье, а также в ходе празднования Яновой ночи, вошли в число романтических элементов повседневной культуры. Однако более важно символическое солнце, часто появляющееся в латышской эмблематике: на знаменах латышских стрелковых батальонов 1916–1917 гг. (Rinka 2008, 81), на первых почтовых марках (LVA, 2204 f., 4 apr., 52.l, 8. lp.), на большинстве первых почтовых открыток Латвии (Rinka 2008, 84–45).

Солнце (лтш. *Saule*, жен. рода) в латышском фольклоре выступает как культурная героиня, победительница хтонического черного противника — Йодса. Кроме того, Солнце связано с пространством, миром, вообще протяженностью, и соответственно — свободой действий, возможностью развиваться. Образ Солнца постоянно используется в магических текстах, нацеленных на преодоление трудностей, победу и обретение блага.

Тему солнца в латышских народных песнях подробно изучала В. Вике-Фрейберга, психолог и исследовательница латышского фольклора и национальной идентичности, а также и бывший президент Латвии (Vīke-Freiberga 1994; 1997; 1999), обращалась к ней и фольклорист Б. Рейдзәне (Reidzāne 2005, 4).

Тема солнца стала одной из ведущих в ходе празднования Общелатышского Праздника песни 2008 г.; «Латвия — Земля Солнца» (“Latvija — Saules zeme”) — так был назван главный, заключительный концерт сводных хоров, а за три года до этого под руководством режиссера Мары Кимеле и с участием хора «Kamēg...» было создано сценическое музыкально-театральное представление с аналогичным названием (Lierīņa 2005, 5). Его высоко оценил музыкальный критик Орестс Силабриедис, хотя и отметил, что «едва ли Латвия может ассоциироваться с Землей Солнца даже у самого горячего патриота. Очевидно, пояснение нужно искать в мифологических пластах, где содержатся представления о многообразии солнца, его материнских качествах и связи с плодородием, и это, видимо, составляет нашу духовную поддержку, по крайней мере, для поддержания в порядке внутреннего мира. Так сказать, зову солнце, и оно является» (Silabriedis 2005, 4). Состоялось представление музыкального проекта «Мировые песни о солнце», хор «Kamēg...» под руководством Мариса Сирмайса исполнил специально заказанные вокальные произведения профессиональных музыкантов разных стран. Этот проект, чрезвычайно высоко оцененный музыковедами и хорошо воспринятый образованной публикой, уже вошел в «золотую классику» латвийской хоровой культуры.

В 2006 г. в Риге появился Музей Солнца, основанный на частной коллекции Иветы Гражуле. В выставочном зале представлены изображения солнца, солнечных божеств и духов, связанных с солярной тематикой, из многих стран света: как этнографические предметы (и культовые, и повседневные), так и авторские работы. В магазинчике продаются разнообразные сувениры, представляющие тему солнца; имеется и мастерская, где посетителям предлагают раскрасить и взять себе на память гипсовую форму в виде солнечного лика. Важным лозунгом музея стал призыв Райниса «Ave Sol!» — «Славься, Солнце!», отраженный также и в названии знаменитого латвийского хора, и в обозначении концертного зала Риги (созданного в здании бывшей православной церкви Петра и Павла).

Главным локусом латышского ландшафта стала **сельская местность** (лтш. *lauki*), как освоенная и ухоженная природная среда, по возможности не оторванная от сельского хозяйства, находящаяся рядом с лесом, морем, рекой или озером, и обязательно включающая в себя сад или хотя бы цветник. Как правило, имеется в виду хуторской образ жизни, то есть индивидуальное хозяйство. Яркий пример тому — рисунки в повестях Я. Яунсудрабиньша «Белая книга» и «Зеленая книга», представляющие типичные зарисовки из латышской сельской жизни.

Примечательно подчеркнутое **внимание латышей к микроструктуре местности**, окружающей природной среды. Так, при отсутствии в Латвии сколько-нибудь высоких гор, «Калныньш» стала одной из самых частотных латышских фамилий, «Кални» — распространенное обозначение хутора, в топонимии и антропонимии постоянно реферируются и другие обозначения пейзажных частей (долина, лещина, бор, роща, озеро, река и т. п.).

Знание важнейших географических достопримечательностей Латвии (их названий и параметров, величины, длины, глубины) — обязательная составная часть латвийского патриотического воспитания, как до второй мировой войны, так и сегодня. Проект «познай Латвию!» (*iepazīsti Latviju!*) был существенной частью национального строительства в 1920–1930-е гг., он действовал на всех уровнях общественного просвещения, начиная от кружков скаутов — *мазпулков* и кончая рекомендациями по проведению свободного времени для всех слоев населения. Элементарные знания по географии Латвии — о «самой высокой возвышенности», «самом большом» и «самом глубоком озере» Латвии проверяются в рамках экзамена на получение гражданства. В принципе, аналогичные формы познавательного туризма (правда, уже во многом коммерческого) существуют и сейчас. В них наблюдаются элементы экологического сознания, идеи здорового образа жизни, а также и поэтизация окружающей среды и повседневного быта. Наконец, примечательно, что на современных латвийских денежных банкнотах представлены почти исключительно природные и ландшафтные образы (а также и эмблематика), это дуб, река Даугава, крестьянский дом с деревом, парусное судно и герб города Риги, а также археологические и этнографические предметы (узор шестиконечной розетки, типичный для украшения прялок, средневековая фибула, тканый узор скатерти или одеяла); край и фон всех денежных купюр покрыты мелкими сетками латышского народного геометрического орнамента. По два ромба, символизирующих в одной из распространенных интерпретаций графических орнаментальных символов солнца (здесь — восходящее и заходящее) украшают аверс медных и бронзовых монет (называемых в современном латышском просторечии «черными деньгами») — 1, 2, 5, 10 и 20 сантимов, «знак Усиньша» был использован на 2-латовой монете 1993 г. (выпущенной в честь 75-летия провозглашения Латвийской республики). Природные символы фигурируют на монетах, сделанных из серебряно-латунного сплава (т. н. «белые деньги») — верхушка сосны на 50 сантимах, рыба (лосось) на однолатнике и корова на двулатнике.

Тесная связь Латвии как страны, земли, и латышей, до самого недавнего времени отражалась и в историческом представлении о глубиной

территориальной стабильности, оседлости латышей, их приверженности своему месту, любви к своему ухоженному культурному ландшафту, традиции постоянного ухода за своим домом и могилами своих близких, любовь к сбору ягод, грибов, лекарственных трав, а также и в таком все еще распространённом мнении, что «только в Латвии латыш может чувствовать себя хорошо». Правда, современная глобализация, и в частности, активная латышская эмиграция последних лет, может скорректировать эти представления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсеньев 1834 — *К. И. Арсеньев*. Путевые записки. Ямбург. Нарва. Гдов. Псков. Изборск. Печоры. Псковская губерния. Рига. Ливония // Библиотека для чтения. Т. 5. СПб, 1834.
- Булгарин 1839 — *Ф. В. Булгарин*. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г. СПб, 1839.
- Вайль 2007 — *П. Вайль*. Карта родины. М., 2007.
- Веденин, Кулешова 2004 — Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. СПб, 2004.
- Геттнер 1930 — *А. Геттнер*. География. Ее история, сущность и методы / Ред. и вступ. статья Н. И. Баранского. Л. — М., 1930.
- Голд 1990 — *Дж. Голд*. Психология и география: Основы поведенческой географии. М., 1990.
- Зайонц 2005 — *Л. О. Зайонц*. «Через ливонские я проезжал поля...»: начало традиции // Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст / Ред. М. В. Завьялова, Н. Н. Казанский, Т. В. Цивьян. СПб, 2005.
- Исаков 1960 — *С. Г. Исаков*. О ливонской теме в русской литературе 1820–30-х гг. // Ученые записки Тартуского университета. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 98. Тарту, 1960.
- Исаков 1962 — *С. Г. Исаков*. Прибалтика в русской литературе второй половины 1830-х — 1850-х гг. // Ученые записки Тартуского университета. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 119. Тарту, 1962.
- Каганский 2002 — *В. Л. Каганский*. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2002.
- Калуцков 2008 — *В. Н. Калуцков*. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.
- Карамзин 1984 — *Н. М. Карамзин*. Письма русского путешественника. Л., 1984.
- Кириченко 2001 — *Е. И. Кириченко*. Запечатленная история России. Т. 1–2. М., 2001.
- Колобовский 2004 — *Е. Ю. Колобовский*. Культурный ландшафт и национальный пейзаж: две стороны одной реальности // Историческая география: теория и практика. СПб., 2004.
- Мильков 1973 — *Ф. Н. Мильков*. Человек и ландшафты. Очерки антропогенного ландшафтоведения. М., 1973.

- Рыжакова 1997 — С. И. Рыжакова. Латышские календарные праздники как «приходящие-уходящие гости»: анализ одной мифологемы // Календарно-праздничная культура народов Зарубежной Азии: традиции и инновации. М., 1997.
- Рыжакова 2000 — С. И. Рыжакова. Спит камушек без снов... (О некоторых мифологических представлениях о камнях у латышей) // Живая старина. 2000. № 3.
- Рыжакова 2007 — С. И. Рыжакова. Священный лес Покаяни в Латвии: изобретение традиции? // Живая Старина. 2007. № 1 (53).
- Рыжакова 2010 — С. И. Рыжакова. Священные леса: создание или преобразование традиции? (латышский и литовский случаи) // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». М., 2010, № 2.
- Рыжакова, Завьялова 2008 — С. И. Рыжакова, М. В. Завьялова. Этнические образы и стереотипы: по результатам сравнительного исследования среди молодежи Латвии и Литвы (1999–2003 гг.). М., 2008.
- Севергин 1803 — В. М. Севергин. Записки Путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802 году. СПб, 1803.
- Сталтмане 1978 — В. Э. Сталтмане. О лексическом значении основ, образующих латышские фамилии // Имя нарицательное и собственное / Отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1978.
- Сталтмане 1981 — В. Э. Сталтмане. Латышская антропонимия. Фамилии. М., 1981.
- Топоров 1997 — В. Н. Топоров. «Гео-этнические» панорамы в аспекте связей истории и культуры (к происхождению и функциям) // Культура и история. Славянский мир. М., 1997.
- Шкапаре 2006 — Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте / Составитель Я. Шкапаре. Рига, 2006.
- Ashworth 1995 — G. J. Ashworth. Heritage, Tourism and Europe: a European Future for a European Past? // Heritage, Tourism and Society / Ed. by D. T. Herbert. L., 1995.
- Barons 1859 — K. Barons. Mūsu tēvzemes apraksīšana un dažī pielikumi īsumā saņemtī. Grāmatiņa priekš skolām un mājām. Ar 1 landkarti. Jelgava, 1859.
- Beitnere 2003 — D. Beitnere. Pašreference latviešu kultūras paradigmā (20. gadsimta 20. — 40. un 90. gadi līdz mūsdienām). LU Filozofijas un socioloģijas institūts, Rīgas Stradiņa universitāte, Disertācija socioloģijā. Rīga, 2003.
- Bielenstein 1907–1918 — A. Bielenstein. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten: Ein Beitrag zur Ethnographie, Culturgeschichte und Archaeologie der Völker Russlands im Westgebiet. Erster Teil: Die Holzbauten der Letten. Санкт-Петербург, 1907; Zweiter Teil: Die Holzgeräte der Letten. Петроград, 1918.
- Billig 1995 — M. Billig. Banal Nationalism. London, 1995.
- Birkerts A. 1922 — Mazā Latvijas vēstures chrestomatija. Pamatskolu kurss / Sast. A. Birkerts. 1 daļa. Aizvēsture. Feodālisms. Rīga, 1922.
- BRMŠ — Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai / Sudarė N. Vėlius. T. 1–3. Vilnius, 1994–2003.
- Bušs 2003 — O. Bušs. Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpieni. Rīga, 2003.
- Cosgrove 1984 — D. Cosgrove. Social formation and symbolic landscape. London, 1984.

- Cosgrove 1993 — *D. Cosgrove*. Landscape and Myths, Gods and Humans // Landscape politics and Perspectives. Providence, 1993.
- Dreimanis 1924 — *P. Dreimanis* P. Latvijas vēstures ainās un atsevišķi tēlojumi no vispārējās vēstures (pamatskolas III un IV klasēm). Rīga, 1924.
- Fritzsche 2004 — *P. Fritzsche*. Stranded in the Present: Modern Time and the Melancholy of History. Harvard University Press, 2004.
- Grīnberga, Auns 2003 — Latvieši. XX gadsimta 20.–30 gadu autoru rakstu krājums / Sast. H. Grīnberga, M. Auns. Rīga, 2003.
- Kursīte 1992 — *J. Kursīte*. Mīstiskā Daugava // LZA Vēstnesis. 1992. Augusts.
- Kursīte 1998 — *J. Kursīte*. Nacionālā ainava 19.gs.latviešu literatūrā // Letonica. Rīga. 1998. N. 1.
- Jansone-Zirnīte 2008 — *A. Jansone-Zirnīte*. Laikam klāt laiks. Rīga, 2008.
- Laime 2009 — *S. Laime*. Svētā pazeme. Latvijas alu folklorā. Rīga, 2009.
- Lapiņš 1936 — *K. Lapiņš* K. Dzimtenes ideja. Latvietis un viņa tēvu zeme. Rīga, 1936.
- LBV — Latviešu buramie vārdi. II d. / K. Straubergs. Kabata, 1990.
- LD — *K. Barons, H. Vīsendorfs*. Latvju Dainas. 1–6.sēj. Jelgava–Rīga–Pēterburga, 1894–1915.
- Liepiņa 2005 — *I. Liepiņa* I. Saule kā aksioma // Kultūras forums. 29.04–6.05.2005.
- LVA — Latvijas Valsts Arhīvs. Государственный архив Латвии
- LVVA — Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs. Государственный исторический архив Латвии
- Mieriņa 1999 — *A. Mieriņa*. Latvijas valsts robežas (1918–1940) // Latvijas zemju robežas 1000 gados / Sast. A. Caune. Rīga, 1999.
- Nora 1984–1991 — Le lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. Paris, 1984–1991. T. I–VII.
- PF — личный архив автора.
- Pumpurs 1888 — *A. Pumpurs*. Lačplēsis. Tautas epos. Rīga, 1888.
- Reidzāne 2005 — *B. Reidzāne*. Dievs vai māmuliņa? // Kultūras forums. 29.04–6.05.2005.
- Rinka 2008 — Ansis Cīrulis. Saules pagalmos / Sast. R. Rinka. Rīga, 2008.
- Rosenthal 1982 — *M. Rosenthal*. British Landscape Painting. Oxford, 1982.
- Rotbaha 2006 — *D. Rotbaha*. Latvijas svētvietas un to ļaudis. Rīga, 2006.
- Sauer 1925 — *C. O. Sauer*. The morphopoly of landscape. University of California, 1925.
- Schönle 2006 — *A. Schönle*. Ruins and History: Observations on Russian Approaches to Destruction and Decay // Slavic Review. Vol. 65. N. 4 (2006).
- Silabriedis 2005 — *O. Silabriedis*. Vai Latvija ir Saules zeme? // Kultūras forums. 6.–13.05.2005.
- Šnē 2008 — *A. Šnē*. Arnolds Spekke un viņa Latvijas vēstures ģeopolitiskais skatījums // A. Spekke. Latvijas vēsture. Latvju tautas likteņcīņās Eiropas krustceļos. (Stokholma, 1948). Rīga, 2008.
- Spekke, 1937 — *A. Spekke*. Dažas agro viduslaiku arābu ģeografu ziņas par baltu tautām // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 3, 1937.
- Spekke 1938 — *A. Spekke*. Baltu tautas kristīgās ēras pirmajā gadu tūkstošā // Tautas Vēsturei. Rīga, 1938.
- Urtāns 2009 — *J. Urtāns*. Atrast pilskalnu. Rīga, 2009.
- Vēlius 1983 — *N. Vēlius*. Senovės baltų pasaulėžiūra. Vilnius, 1983.

-
- Vīke-Freiberga 1994 — *V. Vīke-Freiberga*. Trejādas saules: Mitoloģiskā saule. Rīga, 1994.
- Vīke-Freiberga 1997 — *V. Vīke-Freiberga*. Trejādas saules: Kosmoloģiskā saule. Rīga, 1997.
- Vīke-Freiberga 1999 — *V. Vīke-Freiberga*. Trejādas saules: Hronoloģiskā saule. Rīga, 1999.
- Vīksniņš 1935 — *N. Vīksniņš*. Mēģinājums raksturot latvieti un viņa kultūru. Rīga, 1935.
- Zālītis 1921 — *Fr. Zālītis*. Latvijas vēsture skolām un pašmācībai. Rīga, 1921.
- Zeiferts 1919 — Mūsu Dzimtene. Ainas iz Latvijas dabas un vēstures / Sast. T. Zeiferts. Cēsīs, 1919.
- Ziedonis I., Ziedonis R. 2006 — *I. Ziedonis, R. Ziedonis*. Mežu zeme Latvija. Rīga, 2006.

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ

Studies of Lithuanian and other Baltic Languages in Japan*

1. Introduction

The aim of this paper is to review facts on the research and education of Lithuanian and other Baltic languages in Japan. We will give a brief historical account and illustrate the present situation of our thesis. Accordingly, we will mention the names only of prominent Japanese scholars who have authored either monographs or major studies in this field: even if we try to limit ourselves to just one linguistic field such as comparative linguistics, it is far beyond the scope of this paper to go through the works of all scholars who have written about these languages and their aspects. Subsequently, we will present our own views on future prospect of Baltic studies in Japan.¹

2. Research of Lithuanian and other Baltic language

There is a prevailing reality that few scholars in Japan who specialize in Lithuanian and other Baltic languages. The number of such scholars is significantly smaller than the number of specialists in Russian and other Slavic languages. Consequently, there are considerably fewer people who can actually speak Baltic languages as opposed to those who can speak Slavic languages. In terms of percentages, researchers of the Baltic languages make up about 1% of those of the Slavic languages. In reviewing the works of scholars of Baltic languages, with whom we are familiar, we may be able to acknowledge all the names of researchers who study this field in Japan forthwith.

In Japan, linguistic research has a clear distinction between inferred major and minor languages. Japan seemingly has no fewer specialists of English, French and Russian (the declared «major» languages) than other countries do. It can also be stated that at present synchronic linguistic studies are much more popular than the diachronic ones. Unfortunately, languages such as Lithuanian

* Toshikazu Inoue has co-authored with Koji Morita (formerly, associate professor at Jagiellonian University, Cracow and at present, associate professor at Tokyo City University of Foreign Studies, Tokyo) a similar article on the studies of Baltic languages in Japan (refer to *Acta-Baltico-Slavica* 31, 99–107). Some data has been cited from that source in this paper.

or Latvian, which should be considered as «important» with regard to the historical comparative approach, do not appear to receive proper attention. Furthermore, the situation with studies of «minor» Slavic languages fares no better. An example of this is numbers; whereby, in Japan, there are fewer than a dozen specialists of Polish and there is one or two specialist of Bulgarian, Belarusian, or some other «minor» Slavic languages respectively.

A compelling reason behind this situation is the minute demand for the mastery or research of these «minor» languages in Japan. This proper niche is wanting where the knowledge of the Baltic languages could be practically applied. Likewise, there are no educational or scientific institutions where these languages are constantly researched and lectured on. Hence, the demand for such specialists is also absent. Certainly, the same tendency may be observed in other countries as well, but one must say that, in Japan, this is especially obvious.

3. Education of Lithuanian and other Baltic Languages

Currently, there are no separate departments of Lithuanian and other Baltic languages at any university in Japan. A number of significant works on the subject have been written by individual scholars who teach English or Russian at institutions of higher education. Michio Yano, former Professor at the Department of General Linguistics at Nagoya University, who has specialized in teaching Lithuanian and other Baltic languages, is the only exception. Presently there are no linguists of this kind in Japan.

Lithuanian and other Baltic languages are most often offered as optional courses at public (typically national) universities within the departments of general linguistics, or at universities of foreign studies. Research showed that lectures on Lithuanian were given at Nagoya University for three decades until 2000. Lithuanian has been taught at Osaka University of Foreign Studies, which merged in 2007 with Osaka University, since 1997, at Kyoto University since 2006, and at Tokyo University and Tokyo University of Foreign Studies since 2009. And, both Lithuanian and other Baltic languages have been lectured at Kobe City University of Foreign Studies since 2006. For a short period from 2000 to 2002, lectures on Baltic languages were offered at Kyoto University as well, but only Lithuanian is being taught at present.

Lecturers who teach Lithuanian or other Baltic languages in Japan most often use textbooks and other teaching materials that have been published outside Baltic countries. One reason for this is because sufficient materials stemming from Lithuania or Latvia are very difficult to obtain. An example of this is the inevitable utilization of the text, «An Introduction to Modern Lithuanian»

written by L. Dambriūnas, W.R. Schmalstieg, and A. Klimas. Another such textbook, co-authored by M. Ramonienė and Ian Press is «Colloquial Lithuanian». There are a few others that may not be mentioned herein. The second reason, why preference is given to foreign materials, is that the students are more familiar with English than with other European languages.

What are some incentives for Japanese students to study Lithuanian or other Baltic languages? We assert that these languages can be most interesting, from a linguistic point of view, for students to pursue. Japanese students usually decide to study Lithuanian after learning that Lithuanian and other Baltic languages stand out as very archaic when compared among the Indo-European languages. Most students who want to master Lithuanian have already been studying other European languages for some time, but even they find Lithuanian very challenging. The most difficult part for them seems to be the understanding of how to inflect the grammatical forms of Lithuanian words. Many students do not make it their aim to obtain fluency, since their interest is purely linguistic. However, those with a stronger motivation, make such efforts as to visit Lithuania and to improve their knowledge at Vilnius or Kaunas universities.

4. Japanese specialists in the Baltic languages: historical and present research & teaching of Baltic languages

In Japan traditional study of Baltic languages as well as the display of interest in them has derived from researchers who learned Lithuanian, Latvian or Old Prussian solely on their own efforts and subsequently becoming propagators. Certainly, until departments of Baltic language studies which could be affiliated with educational or scientific institutions are established, the future of this scientific field will continue to remain dependant on the personal efforts and endeavors of individual scholars. The good news is that more recently some scholars have been given scientific degrees for their monographs or major publications on the subject. And though Japanese specialists in the Baltic languages are minimal, we can observe the fostering of three generations of such scholars.

4.1. The first generation of specialists in the Baltic languages

The first generation is represented by two specific scholars: the aforementioned **Michio Yano** (1937–2000), former Professor at Nagoya University, and **Ikuo Murata** (born in 1938), former Professor at Tokyo Economic University.

Michio Yano was a renowned Japanese scholar with significant achievements in the field of comparative linguistics. His main field of research of the

Baltic languages was the accentuation in Lithuanian and in Old Prussian language. Most of his works were written in Japanese and the scholar himself rarely attended international conferences. If he had propagated his works in some major European language, he would probably have been given greater attention and acknowledgment in the world community of researchers of the Baltic languages.

As part of his effort to advocate studies of the Baltic languages in Japan, Yano taught Lithuanian at the Department of General Linguistics at Nagoya University for over 20 years (the exact period is not known, but probably from 1975 to 1997). The representatives of the third generation of specialists of the Baltic languages in Japan, Tamio Yanagisawa and Eiko Sakurai, were his students (further details about them below).

Here are some publications written by Michio Yano worth noting:

1984–1993: Introductory remarks on the history of accentuation of Baltic and Slavic languages 1–7 // *The Journal of the Faculty of Literature*. Nagoya University. Literature 30–39.

1994–1995: Accentuation of Old Prussian verbs 1–2 // *The Journal of the Faculty of Literature*. Nagoya University. Literature 40–41.

Ikuo Murata is a well known Japanese specialist in the Baltic languages and translator. The main field of his research is the morphological history of the Baltic languages. He has published some scientific paper in this field. He has also written a number of articles on the Baltic languages, literature and culture as well as compiled Lithuanian and Latvian dictionaries with brief overviews of their grammar. Murata has visited Lithuania and Latvia many times and translated literary works into Japanese. His works and professional activities are given an entry in «Lietuvių kalbos enciklopedija» (Lithuanian Language Encyclopedia) (Vilnius: Institute of The Lithuanian Language, 1999, 425–426).

Here are some major works published by Ikuo Murata in the last three decades:

1981: The absorption process of neuter forms in the Baltic languages // *The Bulletin of the International Institute for Linguistic Sciences*. Kyoto Sangyo University 2(2), 33–51.

1982: Nominative plural in *-ai* in Baltic // *The Bulletin of the International Institute for Linguistic Sciences*. Kyoto Sangyo University 3(2), 60–75.

1983: On the thematic genitive singular in Indo-European // *The Bulletin of the International Institute for Linguistic Sciences*. Kyoto Sangyo University 4(2), 36–51.

1986: The *o*-stem nom. acc. sg. form and the fate of neuter nouns in East Baltic // *The Journal of Indo-European Studies* 14 (3/4).

1994: *Lietuvių kalbos 1500 svarbių žodžių*. Tokyo.

1997: *Latviešu valodas 1500 svarīgu vārdu*. Tokyo.

Translations:

1996: Jonas Mekas. *Miške*. Tokyo.

1996: Jonas Mekas. *Semeniškių idilės*. Tokyo.

2000: Valdas Adamkus. *Likimo vardas — Lietuva*. Tokyo.

2005: Jonas Mekas. *Laiškai iš niekur*. Tokyo.

4.2. The second generation of specialists in the Baltic languages

Two scholars must be mentioned as representatives of the second generation: **Toshikazu Inoue**, Professor at Kobe City University of Foreign Studies, and **Kenji Tanaka**, Professor at Kobe Pharmaceutical University.

Toshikazu Inoue (born in 1948) is a specialist in Russian by profession. He began his research of the Baltic languages during his master's course in linguistics. After coming across the monograph by R. Trautmann «Die altpreussischen Sprachdenkmäler», at the library of the department of comparative linguistics, he engrossed himself into the world of Old Prussian language. At that time, two studies were published by W. R. Schmalstieg, «Studies in Old Prussian» (1976) and «A Grammar of Old Prussian» (1974). These works became the main source of information for Inoue's Master of Arts thesis, «A Graphology of Old Prussian Enchiridion». This study was later published at Kobe City University of Foreign Studies as a monograph in two volumes (refer to below). After studying Old Prussian for some time, Inoue began doing research on the translations of Luther's catechism into all three Baltic languages in addition to teaching Russian. His works and professional activities are also described in «Lietuvių kalbos enciklopedija» (1999, 257–258).

A prolific scholar, Inoue is also enthusiastically involved in teaching the Baltic languages. He gave lectures on Lithuanian at former Osaka University of Foreign Studies from 1997 through 2000 and on the Baltic languages at Kyoto University from 2000 through 2002. He has taught Lithuanian at Kyoto University and the Baltic languages (Lithuanian included) at Kobe City University of Foreign Studies since 2006.

Works by Toshikazu Inoue are listed below:

1980: A characteristic of the Old Prussian vocabulary // *The Kobe City University Journal* 31 (2), 1–15.

1980–1981: A comparison of the parallel texts of three Old Prussian catechisms 1–2 // *The Kobe City University Journal* 31 (3), 75–94; 31 (5), 49–66.

1981: Old Prussian «parallel texts» in comparison with Vilentas' Enchiridion // *The Kobe City University Journal* 32 (2), 69–90.

1983: *A Graphology of Old Prussian Enchiridion*. Kobe.

1985: *A Graphological and Phonological Study of Old Prussian Enchiridion*. With the Critical Text. Kobe.

1985: On the double reflex of IE syllabic sonants in Balto-Slavic // *The Kobe City University Journal* 36 (5), 59–80.

1986: Some remarks on the illative, allative and adessive in Baltic // *The Kobe City University Journal* 37 (1–3), 143–157.

1987: *A Study on the Lexical Correspondences of Baltic and Slavic Languages* (Studies in Balto-Slavic 1). Kobe.

1988: On the reflex of PIE syllabic sonants in Balto-Slavic and other IE languages // *General Linguistics* 28 (2), 79–86.

1988: A problem in comparing the Baltic and Slavic syntax — on the usage of grammatical cases // *The Bulletin of the International Institute for Linguistic Sciences*. Kyoto Sangyo University 9, 5–20.

1989: Лексические «дивергенция» и «конвергенция» между балтийскими и славянскими языками: статистический анализ материалов словаря Р. Траутмана // *Baltistica* 25 (1), 24–43.

1990: Подход к изучению прусского языка — доклад на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета // *The Kobe City University Journal* 41 (2), 1–15.

1992: *Нормализация прусского языка Энхиридиона*. Том 1. *Нормализация словаря* (Studia Baltico-Slavica 2). Kobe.

1992: *Old Prussian Enchiridion: translation with notes 1* // *The Kobe City University Journal* 43 (7), 1–15.

1993: *Old Prussian Enchiridion: translation with notes 2* // *The Kobe City University Journal* 44 (6), 91–101.

1995: On the S. Grunau's vocabulary 1–2 // *The Kobe City University Journal* 46 (3/4).

1998: К вопросу о языке перевода прусского Энхиридиона // W. Smoczyński (ed.). *Colloquium Pruthenicum secundum*. Papers from the Second International Conference on Old Prussian held in Mogilany near Cracow on October 3rd–6th 1996. Kraków, 81–89.

2001: Некоторые заметки к изданному Бецценбергером тексту латышского Катехизиса 1586 года // J. Marcinkiewicz & N. Ostrowski (eds.). *Munera lingvistica et philologica Michaeli Hasiuk dedicata* (Poznańskie Studia Bałtystyczne 1. Poznań, 113–119).

2002: *Латышский перевод лютеранского Малого Катехизиса 1586 года*. Критическое издание текста и глоссарий (Studia Baltico-Slavica 3). Kobe.

2009: *Lituanistinės ir baltistinės studijos Japonijoje: Baltų kalbų tyrimai ir dėstymas* // A. Judžentis (ed.). *Kalba ir žmonės*. Vilnius, 235–248.

Kenji Tanaka (born in 1949) is one of the few scholars in Japan who specialize in Latvian. His research ranges from old to modern Latvian, his major field of studies being Latvian proverbs and lexicology. Tanaka has published his works in Japanese. He is a specialist in English by profession.

Here are some major studies published by Kenji Tanaka:

2001: A semantic study of the Latvian phraseology «kā + processed goods nouns» // *Libra: the Journal of Kobe Pharmaceutical University in Humanities and Mathematics* 2, 43–66.

2002: A note on the «reduplicated headwords» in G. F. Stender's *Lettsches Lexikon* (1789) // *Libra: the Journal of Kobe Pharmaceutical University in Humanities and Mathematics* 3, 33–48.

2003: A note on the gender of Latvian nouns recorded in *Wörter=Büchlein* (1705): with special reference to German loanwords // *Libra: the Journal of Kobe Pharmaceutical University in Humanities and Mathematics* 4, 67–81.

2004: Latvian proverbs containing the keyword 'dog (suns)' and its contextually associated words // *Libra: the Journal of Kobe Pharmaceutical University in Humanities and Mathematics* 5, 19–40.

2005: Semantic transfer in the Latvian phraseology «kā + nouns»: a cultural-semantic approach to similes // *Studies in Cross-Cultural Communication: Exchange, Communion, Coexistence*. Osaka International University, 1–16.

2006: A note on the Latvian noun-phrase entries in *Wörter=Büchlein* (1705) // *Libra: the Journal of Kobe Pharmaceutical University in Humanities and Mathematics* 7, 43–60.

2009: An annotation to the Latvian fairy tale 'Baltā Pasaka' from the collection *Višādas Pasakas* by Imants Ziedonis // *Libra: the Journal of Kobe Pharmaceutical University in Humanities and Mathematics* 10, 75–91.

Translations:

1998: V. Rūķe-Draviņa. The Standardization Process in Latvian. Kobe.

4.3. The third generation of specialists in the Baltic languages

Three linguists best represent the youngest generation, they are: **Tamio Yanagisawa**, Professor at Nagoya University, **Eiko Sakurai**, lecturer at Osaka University, and **Kaishiro Kanno**, former doctoral student at the University of Latvia, who is now working at the Japanese Embassy in Riga, Latvia.

Tamio Yanagisawa (born in 1953), a former student of Professor Yano, is known as the most prominent specialist in Lithuanian accentology. His numerous studies on the Lithuanian language were published in the 1990s. Recently he has focused on the typology of various languages in the former Soviet Union. Yanagisawa's Lithuanian-Japanese dictionary with grammar appendix was published in 1999. It contains about 10,000 words.

Major published studies by Tamio Yanagisawa are as follows:

1991: Lithuanian conjugation // *The Journal of the Faculty of Letters Nagoya University* 37, 27–47.

1993: Low Lithuanian accentuation // *The Journal of the Faculty of Letters Nagoya University* 39, 25–47.

1997: Об акцентуации в Жемайтском наречии литовского языка // *Japanese Slavic and East European Studies* 18, 129–164.

1999: *Trumpas lietuvių-japonų kabų žodynas*. Nagoya.

Eiko Sakurai (born in 1967) was another former student of Professor Yano, who has been perpetually specializing on the morphology and syntax of the Lithuanian language. She began to research the Baltic languages in addition to the Slavic languages during her doctor's course in linguistics. She has visited Lithuania many times and received a scholarship from the Lithuanian Ministry of Education in 1997 to study at Vilnius University. Sakurai has published a number of papers on Lithuanian verbs and participles. She is currently working on a scholarly study of the comparative-contrastive analysis of tense and aspect systems in the Baltic and Slavic languages, with focus on Lithuanian and Russian.

Eiko Sakurai taught Lithuanian language at Nagoya University from 1997 till 2000. She has also given lectures on Lithuanian at Osaka University of Foreign Studies since 2001, which merged with Osaka University in 2007, as previously mentioned. Furthermore, she has also been lecturing since 2009 at both Tokyo University and Tokyo University of Foreign Studies. A Lithuanian textbook by Sakurai was published at the end of 2007. The textbook is written for linguists but also for anyone interested in Lithuanian.

Major published works by Eiko Sakurai are:

1994: Determinants of the order of attributes within noun phrases in Lithuanian // *Nagoya Working Papers in Linguistics* 10, 35–81.

1995: Aspect and compound tense in Lithuanian // *Nagoya Working Papers in Linguistics* 11, 1–50.

1997: Verbal aspect and meaning-functions of compound tenses in Lithuanian // *GENGO KENKYU: Journal of the Linguistic Society of Japan* 112, 98–131.

1999: Сопоставительный анализ видовых систем русского и литовского языков // *Бюллетень Японской ассоциации русистов* 31, 82–97.

1999: Verbal aspect and past habitual tense (with suffix *-dav-*) in Lithuanian // *Nagoya Working Papers in Linguistics* 15, 137–170.

2000: Lithuanian proverbs: Temporal interpretations of proverbs // *Bulletin of the Language Institute of Gakushuin University* 24, 15–23.

2000: Language, culture and history of Lithuania // *Bulletin of the Language Institute of Gakushuin University* 24, 24–31.

2000: Adverbial (semi-predicative) functions of the past participles in Lithuanian: Relative time reference // Nagoya Working Papers in Linguistics 16, 147–174.

2002: Tense, aspect and temporal expressions in Baltic: An analysis by comparison with Slavic // JINBUN 1, 55–72.

2002: The grammar and semantic structure of proverbs: Temporal expressions in Lithuanian proverbs // KOTOWAZA: The Proverb 2, 1–10.

2003: Значения и функции страдательных причастий прошедшего времени в литовском языке — О темпоральности и атрибутивной функции // Russian and Eastern European Studies 7, 105–131.

2003: Адвербиальные (полупредикативные) функции причастий и деепричастий прошедшего времени в литовском и русском языках // Бюллетень Японской ассоциации русистов 35, 1–9.

2004: Tense and aspect of participles in Lithuanian and Russian: Toward a comparative-contrastive Study of Baltic and Slavic Languages // Forum of International Development Studies 26, 129–145.

2007: Lietuvių kalba. Tokyo.

2008: Combination of past participles functioning as adverbials with main verbs in Lithuanian: Aspect and transitivity // Acta Linguistica Lithuanica 59, 80–107.

2009: Lituainistinės ir baltistinės studijos Japonijoje: Baltų kalbų tyrimai ir dėstymas // A. Judžentis (ed.). Kalba ir žmonės. Vilnius, 235–248.

2010: Aspect and perfect in Lithuanian: Based on contrastive aspectology with Russian // Journal of the Institute of Language Research 15, 105–130.

2014: Past habitual tense in Lithuanian // P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.), Contemporary Approaches to Baltic Linguistics. Berlin, Boston: Mouton de Gruyter. (forthcoming).

Kaishiro Kanno (born in 1971) is a Japanese scholar specializing in the Baltic and Slavic languages. He is currently a lecturer at University of Riga, Latvia. As a doctoral student at Tokyo University, Kanno has published some papers on the category of verbal mood in Latvian. He has contributed articles on the Latvian language and people for the popular Japanese linguistic journal, «GENGO». We should take note here of his paper published in 2001 about the narrative mood in modern Latvian (refer to: К пересказывательному наклонению в современном латышском языке // Slavic Studies 48. Sapporo, 139–166).

5. Future prospects of Baltic studies in Japan

As previously noted, there are no separate departments of Lithuanian nor other Baltic languages affiliated with educational or scientific institutions in Japan. Moreover, there are no academic societies in this field, which may publish

academic journals, organize scientific meetings or conferences, and provide information about the newest trends and results in the field of Baltic studies. Unless this situation will change, the future of Baltic studies in Japan will remain strictly dependant on the personal efforts of individual scholars.

The first and foremost problem for the advancement of Baltic studies in Japan is related to the difficulties in obtaining information and scientific publications from Lithuania or Latvia. These publications are essential prerequisites for proper research. Generally, it may not be difficult to obtain information about publications on Baltic studies in Russia, Europe or America, nor to have them delivered to Japan. And, though quite a number of publications on the Baltic languages are available from the other countries, proper Baltic studies require the inclusion of materials from countries of origin of Baltic languages. While information about the scientific works published in Lithuania or Latvia is extremely scarce, even if available in Japan, secondary problems arise with arranging materials to be shipped to Japan in any manner whatsoever.

Unfortunately, there is no established practice of shipping books from the Baltic countries. One major reason is the low demand for Baltic publications in Japan. We take note, however, that during the Soviet times, information about limited publications in the field of Baltic studies (e.g., grammars, dictionaries, and scholarly studies) were publicized in the catalog «New books» (*Новые книги*). When the Baltic countries gained independence, Japan was severed from acquiring any information on the publishing world of Lithuania and Latvia. And though some of the newest studies have reached Japan, researchers are forced to share them, which create great inconvenience for individual research. Whether the problem exists in the Japan's system for the importation of foreign books or in the Lithuanian or Latvian system of promoting publications abroad, the future prospects for Baltic studies in Japan will remain obscure so long as the *status quo* remains.

A final conjecture is that young scholars often do not choose Baltic studies as their professional field due to the lack of sources for information on the subject. What is more, it can be cumbersome for beginners or non-specialists to acquire information and materials on an individual basis through the Internet alone. In addition, the use of public research funds for the Internet purchase of publications is usually limited, except when really necessary. As representative specialists of the Baltic studies in Japan, we are truly challenged with the immediate task of solving these numerous problems.

Человек и источник в истории: к 20-летию Научных Чтений по гуманитарным наукам в Даугавпилсе

Распад Советского Союза не привел, к счастью, к нарушению научных связей на постсоветском пространстве. Напротив, количество международных встреч по разным областям гуманитарных знаний, на проведении которых ранее особенно сказывалось давление официальной государственной идеологии, существенно увеличилось. Появилась возможность для более свободной дискуссии, начали обсуждаться темы, находившиеся прежде под запретом. Значительно возросло и число научных центров, организующих встречи ученых-гуманитариев.

Далее пойдет речь о ежегодных конференциях по гуманитарным наукам (Гуманитарных Чтениях), точнее, об исторической секции, работающей в рамках этого научного форума. Чтения организует с 1991 г. Гуманитарный факультет Даугавпилсского университета (до 2001 г. — Педагогический университет). Среди инициаторов проведения «Чтений» были профессора Даугавпилсского университета, ученые с мировым именем: филолог, член-корр. Латв. АН Федор Федоров и историк и философ Иоэль Вейнберг¹. После преобразования Даугавпилсского университета в 2001 г. из профессионально ориентированного в учебное заведение широкого профиля, в его работе больше внимания стали уделять научным исследованиям как учащихся, так и преподавательского состава. Соответственно более высокие требования стали предъявляться и к научному уровню представляемых на Чтения докладов, в связи с чем росла популярность этого научного форума среди ученых-гуманитариев и в Латвии, и в других странах. Всего за 21 год работы Чтений с докладами на 6 секциях (балтийского, германского, славянского языкознания, литературоведения, истории) выступили более 3 тыс. ученых из 24 стран.

Уже со вторых Чтений в их составе работает историческая секция, которой руководит коллектив Кафедры истории Гуманитарного факультета. Квалифицированный отбор докладов из массы заявок, умелое построение заседаний, дружеская обстановка способствуют тому, что многие

¹ См.: *Ф. Федоров*. Слово об Иоэле Вейнберге // *Vēsture: avoti un cilvēki*. Vēsture XIV (XX Zinātniskie lasījumi). Daugavpils, 2011.

докладчики, приехав один раз, становятся завсегдатаями этих научных встреч. Помимо латвийских ученых (из ЛГУ, ДУ, Лиепайской Педакадемии, Высшей школы в Резекне, сотрудники архивов, музеев и др.), в работе секции участвовали ученые из более чем 10 стран. Тематика докладов по большей части связана с историей Латвии и латышей с древнейших времен до современности, а также с историей соседних народов. Хотя, по концепции Чтений, тематика докладов не ограничивается ни регионом, ни хронологическим периодом².

Начиная с 7-й сессии, материалы докладов в виде статей печатаются в сборниках под названием «История: источники и люди»³. Обычно каждый сборник включает статьи большей части выступавших на прошедшей сессии и выходит в свет к началу следующей встречи. На настоящее время издано 15 сборников⁴. Далее дается обзор статей сборников, начиная с XII сессии Чтений (2002), то есть со времени изменения типа университета, и с VI выпуска сборника (2003).

От древнейших времен до конца XVIII в.

История древнейшего и раннесредневекового периодов является не слишком популярной среди докладчиков Чтений. На археологическом материале построены статьи *Илзе Бируты Лозе* (Рига) — о результатах изучения артефактов (каменных топоров) эпохи неолита (XIV)⁵, *Инны Лаздини* (Рига) — о типах поясных пряжек как идентифицирующем материале по истории восточной Латвии в IX–XII вв. (XV), а также *Антониу Вицане* (Рига, XVI) — о функциональном и символическом

² Об истории секции и организующей ее работу кафедре истории Гуманитарного факультета см.: *I. Saleniece. Janvāra Zinātniskie lasījumi Daugavpilī: cilvēki un vēsture // Vēsture: avoti un cilvēki. Vēsture XIV (XX Zinātniskie lasījumi). Daugavpils, 2011.*

³ *Vēsture: avoti un cilvēki* (с указанием порядкового номера сессии Научных чтений (**№** Zinātniskie lasījumi) и номера выпуска (*Vēsture №*), Daugavpils universitāte. Akadēmiskais apgāds «Saule» соответственно 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2004, 2006, 2007, 2009, 2009, 2010 (Отв. ред. В. Шалда), 2011, 2012 (Отв. ред. И. Саленице)).

⁴ Данный обзор был сдан в печать в 2012 г. В начале 2013 г. вышел в свет 16-й сборник.

⁵ Здесь и далее в скобках — номера выпусков сборников материалов Чтений. Имя участника конференции полностью, а также название города, из которого он прибыл, указаны только при первом упоминании. При дальнейших ссылках на статьи того же автора приводится только инициал имени; название города не повторяется.

значении кнута (хлыста) по находкам из средневековых погребений на территории Латвии.

Вопросы истории Латвии VIII–XII вв., главным образом связанные со скандинавским влиянием в регионе (по письменным источникам и исследованиям латышской и международной историографии XX — начала XXI в.), получили отражение в серии статей *Ирины Буши* (Рига, VI–XIII).

Немногочисленными докладами представлен и Ливонский период. Свой вклад в изучение крестоносного завоевания Восточной Прибалтики и образования ливонских феодально-духовных государств (1188–1255) вносит *Гинтс Скутанс* (Рига, VII). К упоминанию Дюнабурга в Ливонской хронике Германа Вартберга (середины XIV в.), обращается *Геновефа Барковска* (Даугавпилс, X). Отношения между Рижским архиепископом Сильвестром и его вассалами в середине XV в., расширения права наследования женщинами изучает *Вия Стикане* (Рига, VI, VII). *Эва Эйхмане* (Рига) рассматривает пиратство в Балтийском море в конце XIV–XV вв. как следствие обострения политического и экономического кризиса в Западной Европе (XI). В поле зрения рижских историков *Андриса Зеленковса* (VI, VII) и *Рудолфса Брузиса* (XIII) — вопросы вооружения и военной техники Ливонии. *Р. Брузис* представил также статью о результатах изучения боевых топоров XV–XVI вв. из археологических раскопок в Латвии (XIV).

К истории Латвии XVII–XVIII вв. обращается *Мария Голубева* (Рига, VI). Опираясь на мемуары современников, она предлагает свою версию исторического портрета супруги курляндского герцога Петра Бирона Доротеи. Значение органной музыки в общем культурном контексте шведской Лифляндии (1621–1710) изучает *Иева Вилюма* (Рига, IX). Результаты археологических раскопок в имении крупных землевладельцев Борхов в г. Прейли, проливающие свет на историю этой семьи в XVIII — начале XIX в., содержатся в статье *А. Вицане* (XIV).

Деятельности Ордена иезуитов в Латгале в XVIII в. и его культурному наследию посвящена статья *Руты Каминской* (Рига, XV).

История Латвии и латышей в XIX — в начале XX в.

История XIX–XX в. несравненно больше привлекает внимание участников Чтений, чем предшествующие периоды. Это связано как с тем, что Видземе и Курземе оказались наиболее динамично развивающимся регионом Российского государства, так и с процессами национально-культурного возрождения латышей.

К рубежу XVIII–XIX вв. — эпохе Великой французской революции и Наполеоновских войн отсылают читателя статьи *Эдгарса Цеске*

(Рига) о влиянии идей якобинцев на взгляды и творчество курляндской поэтессы Э. фон дер Рекке и литератора Ф. И. Шульца (*XIV*), а также о жизни и деятельности в Германии и Дании (1796–1806 гг.) крупного общественного деятеля, просветителя, активного противника Наполеона Г. Меркеля (*XV*).

Изучению событий войны 1812 г. на территории Латвии — организации обороны Риги и Даугавпилса, пожару, уничтожившему значительную часть рижских пригородов, отношению к Наполеону в прибалтийско-немецком обществе, историографической традиции в изучении данной темы, запискам современников-европейцев и др. — посвящены статьи *Аниты Черпинской* (Рига, *XI–XIV*).

Со становлением археологической науки в Латвии связаны доклады рижских ученых *Витолдса Муйжниека* и *Юриса Урманса*. *В. Муйжниеке* обращается к истории археологических исследований в Латвии в годы правления Николая I и к влиянию их результатов на представления о материальной культуре, народном костюме, быте населения средневековой Латвии (*VIII*). *Ю. Урманс* (*IX*) прослеживает историческую закономерность в динамике изучения городищ Аугшземе в XIX — первой половине XX в.

Истории типографского дела и книгопечатания в Латвии в конце XIX — начале XX в. посвящены статьи *Гуны Вайновской* (Рига, *XII, XIV, XV*), *Дайна Розе* (Рига) пытается выявить в латышской публицистике (и конкретно в трудах А. Лерха-Пушкайтиса) некоторые черты национальной идентичности, связанные с восприятием окружающей природы (*XIII, XIV*).

Лига Ирбе (Рига) изучает документы по транспортировке заключенных по маршруту Рига — Иркутск во второй половине XIX в. (*XIV*).

Противоречивые проблемы младолатышского движения проанализировал *Виталийс Шалда* (Даугавпилс, *VI*). Он же вместе с *Татьяной Бартеле* (Рига) разрабатывает тему народного образования в Латвии в начале XX в. в контексте развития народной школы малых народов Российской империи, а также влияния на образовательный процесс и настроения учащихся революции 1905–1907 гг. (*IX, XII, XIII*). *Даце Лусе* (Рига, *XI*) анализирует, каким образом события 1905 г. отразились в характерах и образах произведений латышских писателей того времени. Становлению латышской национальной оперы и одному из ее основателей П. Юрьянсу посвящено исследование *Гинтса Зелмениса* (Рига, *VII*).

Деятельность еврейской рабочей организации «Бунд» на территории Латвии в начале XX в. рассматривает *В. Шалда* (*VI*). О белорусах в Латгале в XIX в. рассказывается в работе *Г. Барковской* (*IX*).

Две статьи **Евгении Назаровой** (Москва) посвящены истории латышей за пределами этнических территорий. В одной из них она рассматривает неизвестные ранее архивные документы 1805–1806 гг. о латыше-офицере Карле Крастине (Карлисе Крастыньше), возможно, первом латыше в российском офицерском корпусе (XV). В другой статье **Е. Назарова** обращается к вновь найденным материалам конца XIX в. из архивов Москвы по истории семьи одного из лидеров латышского возрождения К. Биезбардуса (XIII).

Латыши в Советской России/СССР. 1917–1940 гг.

Вопрос, который постоянно находится в сфере внимания историков Латвии, России и других стран постсоветского пространства — участие латышей в революции 1917 г. и карательных структурах большевистской власти. **Янис Силиньш** (Рига, XIV) представил социальный портрет лидера латышских большевиков на примерах П. Стучки, Ю. Данишевского, Ф. Розиньша и других известных коммунистов. Несколько статей о латышах в Советской России/СССР в 1918–1938 гг. опубликовал **В. Шалда**. В некоторых из них он пишет о латышских коммунистах и чекистах, отмечая, что в оценках их деятельности резко поменялись идеологические акценты, но чаще не на основании объективного подхода к источникам, а по политическим соображениям (VIII–XI). Интересна статья об усилиях лидеров латышской общины в Москве по сохранению национальной культуры и идентичности (XII). О жизни латышских артистов — беженцев мировой войны в Советской России в годы Гражданской войны пишет **Т. Бартеле** (VIII). Ей же принадлежит исследование об участии московской латышской коммунистической секции в мобилизационной кампании в Красную армию в 1918–1920 гг. (XI).

К теме латышей-коммунистов в предвоенном СССР относятся также статьи белорусских историков **Галины Яковлевой** (Витебск, XI) — о деятельности среди латышского населения в Белорусской ССР Эмилии Лейланд и **Олега Яновского** (Минск, X) — о Вильгельме Кнорине (Кнориньше), большевике с дореволюционным стажем и профессоре БелГУ, его вкладе в становление белорусской высшей школы.

Материалы краеведов о социальных и этнокультурных проблемах латышей, постоянно проживающих на севере современной Беларуси, представил **Николай Пивовар** (Витебск, XIII).

О жизни латгальской общины в Сибири в 1918–1938 гг. рассказывает **Ксения Шумская** (Новосибирск, XIII).

История Латвийской республики в 1918–1940 гг.

Наибольший интерес современные латышские историки проявляют ко времени существования первого Латвийского независимого государства. Материалы рижских архивов по периоду существования советской власти в Латвии с декабря 1918 по июнь 1919 г. и формирования вооруженных сил Латвийской советской республики изучает **Янис Шилиньш** (Рига, XIII). Политический плакат как источник для изучения отношения в обществе к работе Сaeймы и выборам в органы самоуправления в 1922–1931 гг. изучает **Гинта Брумане** (Рига, XIV). Тема исследования **Китии Бите** (Рига, XIII) — создание и деятельность института полиции в Латвийской республике, а **Юрис Матисанс** (Рига, XIV) обращается к конкретному вопросу — правовому оформлению принципов дисциплинарной ответственности полицейских. Изучению работы интендантской службы Латвийской армии (армейских магазинов в Даугавпилсе) посвящена статья **Юриса Цыгановса** (Рига, XI). Государственные и региональные геральдические знаки Латвии и восприятие их в обществе разных регионов страны изучают **Сигита Шнее** (Рига, VII–VIII) и **Талис Виго Пумпуриньш** (Цесис-Даугавпилс, VII, XI).

Были проанализированы также отдельные аспекты внешней политики Латвии в 1919–1940 гг. Латвийско-французским отношениям (по документам ЛГИА) посвящены статьи **Алды Бражуне** (Рига, XII–XIV); политику нейтралитета, в которой власти Латвии видели возможность избежать вовлечения в конфликт великих держав, изучает **Янис Керусс** (Рига, VIII, IX). **Эрикс Екабсонс** (Рига, VI) на широкой источниковой базе реконструирует дипломатические контакты между Латвией и Польшей по пограничным вопросам. Цели и задачи, стоявшие на повестке дня в отношениях между дипломатическими службами Латвии и северных стран в 20–30-х гг., анализирует **Валтерс Щербинскис** (Рига, VI). О латвийском генерале и дипломате Фрицисе Коциньше, оказавшемся на посту посла Латвии в СССР в трагические дни весны-лета 1940 г., рассказывает **Эдгарс Энгизерс** (Рига, XV). **Сандра Григаравичюте** (Вильнюс) обстоятельно исследует источники по латвийско-литовским отношениям, в том числе конвенцию между Литвой и Латвией (1921 г.), регулировавшую работу латышских школ в Литве и литовских в Латвии (XII). Ей же принадлежат статьи о работе латвийских консульств в Клайпеде, Шяуляе и Вильнюсе (IX), а также литовских консульств в Даугавпилсе в 1923–1931 гг. (XI) и в Риге в 1925–1940 гг. (XIII).

Историю железнодорожного и автомобильного транспорта в Латвийской республике и значение его в завоевании независимости и развитии экономики страны изучает **Гинтс Путикис** (Елгава, XII, XV).

Историки фиксируют изменения, происходившие в Латвии после перехода от демократического государства к авторитарному режиму (переворот 15 мая 1934 г.). На материалах газет «Лидумс» («Подсека»), «Брива земе» («Свободная земля»), различных партийных и прочих документов *Татьяна Кузнецова* (Даугавпилс, VI, VII) прослеживает этапы формирования идеологии Латвийского Земледельческого союза и постепенной подготовки латвийского общества к установлению авторитарного режима К. Улманиса. С изучением особенностей идеологии авторитарного режима Улманиса связаны и исследования *Иветы Линши* (Рига, X, XIV). *Г. Зелменис* (VIII, IX) исследует вопросы влияния государственных ведомств на культурную жизнь республики до и после установления авторитарного режима в 1934 г. С проблемой авторитаризма в Латвии связана и статья *Ольги Тереховой* (Рига, XII), проанализировавшей реакцию латвийской прессы в 1938 г. на массовое уничтожение евреев в Германии и Австрии («Хрустальную ночь»).

О целях и мотивациях меценатства в Латвийской республике рассуждает *Лайла Кундзиня* (Рига, XV) на примере деятельности спонсоров (и завещанных ими капиталов) Латвийского университета К. Морберга, В. Петкевича, Р. Хирша. Школьное образование на примере учебных заведений г. Лиепая в 1919–1940 гг. — тема статьи *Ариу Колосовой* (Лиепая, XII).

Источники по истории Риги в годы первой Латвийской республики, отражающие проблемные стороны жизни большого города — вопросы морали и нравственности, изучает *И. Линша* (IX, XI, XII). С историей Риги связано и исследование *Зиты Петерсоне* (Рига, XIII) — оно посвящено такой характерной черте городской торговли, как торговля в киосках.

Историей учреждения самоуправления в Латгале и конкретной хозяйственной и финансовой деятельности этой институции в Латвийском государстве в 1920–30-х гг. занимаются *Илзе Гоба* (Даугавпилс, X) и *Илга Цимбуле* (Екабпилс, XII). Проблемы аграрной истории Латгале в те же годы — предмет исследования *Владиславса Малаховскиса* (Резекне, VIII–XI) и *Иветы Лаурены* (Даугавпилс, XV).

О создании народных консерваторий в Резекне и Даугавпилсе, а также о месте музыкального образования в культурной политике и формировании национального самосознания в Латвийской республике пишет *Валда Чакша* (Резекне, X–XV).

Конкретный вопрос истории латышей в Литве: проблемы латышской школы в Литовской республике 1918–1940 гг. изучает *Бенедиктас Шеткус* (Вильнюс, VIII).

Национальные меньшинства в Латвийской республике 1918–1940 гг.

Не обойдена вниманием история национальных меньшинств в Латвийской республике. Так, в статье *Алдуса Пурса* (США, VII) социально-политическая и культурная жизнь страны в годы Первой Латвийской республики рассматривается на фоне разнообразных взаимоотношений между латышами, малыми нациями Латвии, а также живущими в стране иностранцами.

Т. Бартеле излагает результаты своего изучения деятельности русско-го театрального общества в Латвийской республике 1925–1939 годов (XV).

К вопросу о том, за что воевали прибалтийские немцы в белой армии генерала Н. Юденича, участвуя в эстонской освободительной войне 1918–1919 гг., обращается в своей статье *Карстен Брюггеманн* (Гамбург — Нарва, VII). О том, как прибалтийские немцы относились к борьбе латышей за независимость и созданию своего государства, пишет *Раймонде Церузис* (Рига, XI). В статье *Расы Парпуце* (Рига, XII) говорится о культурных ценностях, хранившихся у латвийских немцев накануне войны в 1939–1941 гг.

Статьи по истории евреев в Латвийской республике (погромам 1918–1920 гг., еврейской прессе в довоенной Латвии, политическим и молодежным организациям, др.) принадлежат перу *Бориса Волковича* (Даугавпилс, VI, IX–XII).

История Латвии в 1940–1945 гг.

Аннексия Латвии Советским Союзом и начало советизации поставили перед жителями страны проблему выбора: принять навязанные перемены или бороться за сохранение независимости. В связи с этим отметим статью *Айнаrsa Лерхуса* (Рига, XI), где рассмотрены документы о продолжавшейся в годы Второй мировой войны деятельности сотрудников внешнеполитического ведомства Латвийской республики.

После оккупации Латвии гитлеровскими войсками новая администрация старалась не только установить контроль над занятыми территориями, но и ликвидировать нововведения советской власти. Эти действия нашли отражение в статье *Ирене Саленице* (Даугавпилс, VIII) о школьной политике германских властей в Латгале в 1941 г. Об отношении фашистской администрации к польским и белорусским школам в Латвии в годы оккупации рассказывается в статье *Э. Екабсонса* (VIII). Ему же принадлежит работа о польском движении сопротивления в Восточной Латвии в 1941–1944 гг. (VII). К проблеме коллаборационизма в Латвии в годы войны обратился *Эдвинс Эвартс* (Рига, VIII). Он же рассматривает особенности

оккупационного режима в Латгале в связи с многонациональным составом региона (XIV). **В. Малаховский** (XV) знакомит читателя с документами о трагедии староверов деревни Аудрины в Латгале, сожженной фашистами в 1942 г. из-за укрывательства бежавших из плена красноармейцев.

В годы Второй мировой войны 201 латышская стрелковая дивизия Красной армии прославилась особым героизмом. Вместе с тем, детального представления о внутренней жизни дивизии до настоящего времени не было. Это пробел ликвидирует **Илзе Ермацине** (Рига), рассматривая такие вопросы из истории дивизии, как дезертирство, а также лечение и восстановление в госпитале дивизии раненых военнослужащих (XIV, XV).

Дмитрий Олехнович (Даугавпилс, VII–VIII) и **Каспарс Зеллис** (Рига, VIII, IX) используют материалы подконтрольной оккупационным властям латвийской прессы как источник для изучения нацистской пропаганды, в которой делался особый акцент на антикоммунистических и антисемитских сюжетах. **К. Зеллис** (X) обратился также к проблеме потребления алкоголя в латышской среде в период немецкой оккупации. Воспоминания латгальцев как источник сведений о повседневной жизни в Латгале в период немецкой оккупации использует **Юрис Павловичс** (Рига, XIV). О специфике нацистской пропаганды, направленной на русское население Латвии в 1941–1945 гг. (через русскоязычную прессу), пишет **Оярс Степенс** (Рига, XIV).

Изучению Холокоста в Латвии посвящены работы **Иосифа Штеймана** (Даугавпилс, VII) и **Иосифа Рочко** (Даугавпилс, IX). Чрезвычайно интересные документы о судьбах детей, вывезенных в концлагеря Латвии с территории БССР и РСФСР, частично оказавшихся затем в латвийских семьях (на правах усыновленных или работников, к которым хозяева относились очень по-разному), а частично увезенных гитлеровцами в Германию, приводит в своей статье **Арон Шнеер** (Иерусалим, VII).

Латвия в 1940–1980-х гг.

Вопросов борьбы с советской властью после изгнания из Латвии фашистов коснулись **Улдис Нейбургс** (Рига, VII), анализировавший прессу латышских партизан в 1945–1950 гг., и **Джеффри Свейн** (Глазго, XI), изучавший настроения национальных партизан в Латгале, надеявшихся на помощь из Европы, и в этой связи — слухи о возможной британской интервенции в Латвию летом 1945 г. С представлениями латышской о будущем их страны связана его же статья о сотруднике латышской редакции Московского радио Янисе Ниедре, осмелившемся в 1943 г. в прямом эфире предположить, что после изгнания фашистов в Латвии может быть восстановлено Народное правительство, игнорируя тем самым

инкорпорацию Латвийского государства в СССР в 1940 г. (VII). Деятельность национальных партизан в годы войны и после ее окончания по материалам их воспоминаний обсуждает *Клинта Лочмеле* (Рига, XV).

Очевидный диссонанс между моральным состоянием жителей Латгалы в условиях массовых депортаций 1949 г. и бравадно-победными репортажами в официальной советской прессе показывает *И. Саленице* (X). Тему депортированных и расстрелянных в 1940–1950-х гг. по источникам органов госбезопасности разрабатывает *Айнарс Бамбалс* (Рига, IX, XI, XII, XIV–XV). Свидетельства устных источников об аннексии и депортациях в Восточной Латвии в 1944–1945 гг. рассматривает *Ирене Элксне-Гайслер* (Каламазу, США, XIV).

И. Штейман (VI) на материалах дискуссий латвийских коммунистов по национальным вопросам анализирует разногласия и интриги в их среде в первые послевоенные годы, а также причины разгрома национал-коммунистов. О становлении 7-летней школы в Латгалы в послевоенное время и отличии задач советской школы от семилетней школы довоенной Латвии размышляет *Зане Стапкевича* (Даугавпилс, XIV). Тему советизации латгальской молодежи в 1944–1954 гг. она продолжает в совместной статье с *Иветой Богдановичей* (Даугавпилс, XV).

Ивета Шкиньке (Рига, XIV) вводит в научный оборот архивные документы, содержащие рассказы репрессированных и высланных жителей Краславского округа в 1949 г. Жизнь первого послевоенного поколения ученых Латвии по их воспоминаниям изучает *Илзе Апине* (Рига, XV).

Мемуары как свидетельство событий в Латвии в 40–60-х гг. в контексте диссидентских движений в СССР использует *Синтия Бухановска* (Рига, X). Вопрос о свободе вероисповедания в советской Латвии и о контактах латвийских лютеран с единоверцами в Германии изучает *Занда Манкуса* (Рига — Грейсвальд, Германия, VII, VIII). *Юрис Миллерс* (Рига, XIV) анализирует источники контроля КГБ за творческой интеллигенцией в Латвии советского времени.

Очень малоизученной проблеме — деятельности правительств бывших стран Балтии в изгнании — посвящена статья *С. Григаравичюте* (X), которая на материалах из архива МИД Дании представила деятельность членов такого правительства Латвии в 1946–1972 гг.

Латвия в постсоветское время

Блок статей связан с проблемами постсоветского периода и возрождения национального государства в новых исторических условиях. *Дагния Балтиня* (Бранденбург, Германия) пытается понять, какие черты

в психологии, идеологии и общежитии советского времени закрепились в ментальности жителей Латвии и являются тормозом для развития современного общества (XII). Историко-социологическое исследование идеологических и политических настроений в стране на рубеже XX и XXI вв. по материалам предвыборных опросов провел *Андрис Купшанс* (Даугавпилс, XI). *Петерис Клишс* (Екабпилс) обратился к изучению источников и литературы о работе латвийских представителей в ООН в 1991–2001 гг. (XI). Историю партийного строительства в Латвии на примерах создания и деятельности «Народной партии» и партии «Новое время» изучает *Имантс Меднис* (Рига, VIII, IX). К аспектам гендерной истории — службе женщин в вооруженных силах и других силовых структурах Латвии обратилась *Илзе Питне* (Рига, XII, XIII).

К. Бите, продолжая тему истории латвийской полиции, изучает вопросы правового урегулирования социальных гарантий сотрудников полиции после 1990 г. (XIV). *Илзе Питне* (Рига) рассматривает карикатуры современных латвийских художников как отражение событий политической и общественной жизни в Латвии 1991–2008 гг. (XIV).

Конкретные оценки состояния современного общества представлены в статье *Лилии Горбацевич* (Даугавпилс). Сопоставляя латвийские материалы с аналогичными данными из европейских стран, она приходит к заключению о резком снижении значимости духовных ценностей в современном мире и выход в общественном мировоззрении на первый план «психологии денег», стирающей национальные, культурные, возрастные различия (VII).

К вопросам национальной самоидентификации жителей страны, не относящихся к титульной нации, и влияния конкретной политической ситуации на национальное самосознание на примере латышей за рубежом и русских в Латвии обращается в своих статьях *И. Апуле* (VI–VIII, XIII, XIV).

Важным аспектом современной латвийской действительности остается вопрос о судьбе русскоязычного меньшинства в Латвии. Проводя социологические опросы среди респондентов разных социальных групп русского населения, *Татьяна Лизута* (Рига, VII) пытается выяснить, насколько и в каком виде возможна их интеграция в латвийское общество при сохранении последним мультинациональных черт.

Религия и общество в Балтийском регионе. XIX–XX вв.

В связи с актуальностью взаимоотношений института церкви и общества в современном мире очень важными представляются работы, освещающие разные аспекты религиозной жизни в регионе в XIX–XX вв. Так, *Кристина*

Анте (Рига) по архивным материалам и упоминаниям в прессе исследует отдельные аспекты истории религиозных конфессий (католической, лютеранской, православной) и межконфессиональных отношений в Курляндской (отчасти и Лифляндской) губернии в XIX в. (*VIII–XI, XIII–XV*).

В сфере внимания *Александра Гаврилина* (Рига) — история православия в Латвии в XIX — нач. XX в.: пастырская, общественная и политическая деятельность иерархов, отношение церкви к иноверцам, церковь в годы Первой русской революции и др. (*VI, VIII–IX, XI*). Ему же принадлежит исследование о православном священнике родом из Латгалы о. Иоанне Легком, который в годы Второй мировой войны служил в Псковской епархии, позднее — в Риге, а с 1945 г. — в приходах Русской Зарубежной церкви в Германии и США (*VII*). К теме Православной церкви в Латвии в годы Второй мировой войны — использования гитлеровцами православных приходов для своей пропаганды — обращается *Байба Пазане* (Рига, *XIV*). Пастырской и общественной деятельности католического архиепископа Эдуарда Роопа (1851–1939), который в годы служения в Виленской и Могилевской епархиях много сделал для развития национального самосознания литовцев и латышей, посвящена статья *Антонины Козырской* (Торунь, *XV*).

Результаты исследования архивных материалов о латышских баптистах в 1918–1940-х гг. представил *Олег Ермолаев* (Даугавпилс, *XV*). Отношение правительства Улманиса к разным конфессиям и сектам изучает *Инесе Рунце* (Резекне — Рига, *VI–VIII*).

Раса Пауките-Шакнене (Вильнюс, *X*) по латвийским и литовским документам предвоенного и советского времени изучает значение церковного крещения ребенка в его социальной легитимации. *Занда Манкуса* (Рига — Грейсвальд, Германия) изучает возможности свободного вероисповедования в советской Латвии и контактов латвийских лютеран с германскими единоверцами (*VII, VIII*).

Проблемы историографии истории Латвии

Не обойдена вниманием и историография истории Латвии. *Александру Иванову* (Даугавпилс) принадлежат обобщающие работы по историографии за разные периоды истории Латвии (*VI, VII*). Марксистскую историографию Латвии начала XX в. изучает *И. Меднис* (*VII*). *А. Иванов* и *Хенрихс Сомс* (Даугавпилс) изложили концепцию издания собрания сочинений крупного латышского (латгальского) историка Болеслава Брежго (*XII*). Работы по истории Латвии в современной белорусской историографии анализирует *Евгений Гребень* (Минск, *XV*).

История других стран. XII–XX вв.

1. Балтийский регион и Восточная Европа

Историю Латвии и латышей в полной мере можно понять только в сравнительно-историческом контексте. В связи с этим на Чтениях представлены результаты исследования разных проблем истории Литвы, Беларуси, России, Эстонии и других соседних стран.

Манвидас Виткунас (Вильнюс, *XV*), изучает вооружение и способы ведения военных действий литовцев и ятвягов в XII–XIII вв.

История Великого княжества Литовского исследуется учеными Литвы и Беларуси. **Олег Дзярнович** (Минск) анализирует сведения из книг Литовской Метрики о порубежных конфликтах между землевладельцами ВКЛ в 1-й пол. XVI в. (*XI*), **Ольга Бобкова** (Минск) по завещаниям шляхетских родов 2-й пол. XVI в. (из Белорусского национального исторического архива) рассматривает материалы о наследовании движимого и недвижимого имущества в дворянских семьях, о местах погребения и др. (*XI*). **Рита Регина Тримонене** (Шяуляй, *XII*) представила просопографическое исследование о представителях литовской знати по судебным книгам литовских поветов 2-й пол. XVI — 2-й пол. XVIII в. **Неле Асадаушкене** (Вильнюс, *VIII, IX*) по материалам личной переписки магнатских семей ВКЛ и другим источникам изучает генеалогию высшей знати княжества, внутрисемейные отношения, уровень образования разных поколений семьи, интересы, занятия членов рода и др. аспекты темы. **Бируте Салаткене** (Шяуляй, *XII*) на основании комплексного анализа письменных и археологических источников прослеживает историю одной дворянской усадьбы с XV в. до современности. Тематически к этой работе примыкает и статья **Анджея Пукиито** (Каунас, *XII*) о деятеле польской послевоенной эмиграции Ежи Гедройце — потомке одного из родов колонизированной знати ВКЛ.

С историей появления на территории Литвы членов близкого к императорскому двору рода Зубовых и их литовских потомков с конца XVIII в. и вплоть до середины XX в. знакомит **Валентина Шимкувене** (Шяуляй, *VIII*).

В нескольких статьях литовских историков представлена история Литовского государства в 1918–1940 гг. **Данута Милявичене** и **Вида Пункене** (Вильнюс) по мемуарной литературе воспроизводят общественно-политическую ситуацию в Литве в 1917–1918 гг., в период обсуждения вопроса о возможности создания Литовского королевства (*VIII*). О боевых действиях в районе Зарасай — Даугавпилс во время литовской войны за независимость (1918–1920 гг.) пишет **Гинтаутас Якийтис** (Вильнюс, *XV*).

Пранас Янаукас (Каунас) рассматривает проблему литуанизации народа и государства, долгое время находившегося под польским и русским влиянием, в том числе процесс замены польских фамилий литовскими, переход с русского на литовский язык в работе парламента, а также отношение между литовскими поляками и литовским государством (*VIII, IX, XI, XII, XV*). Об обстоятельствах превращения литовского языка в государственный язык в независимой Литве в 1918–1922 гг. пишет в своей статье *Саулюс Каубрис* (Вильнюс, *IX*). Он же знакомит с историей немецкой общины в Каунасе в 20-х гг. XX в. (*X*), а также исследует настроения литовских поляков в 1938 г. в свете польско-литовских межгосударственных отношений (*XI*). В сфере внимания *С. Григаравичюте* — новые источники о работе литовского посольства в Вильнюсе накануне возвращения города Литве (*XV*) и сведения литовской прессы 1944–1948 гг. о литовцах в Дании (*XIV*).

О литовской общине в США, сложившейся еще из эмигрантов из Российской империи, которые оставались там и после создания независимой Литвы, рассказал *Эгидиус Мажинтас* (Норейкишкис–Каунас, *XIII*). Тему литовской эмиграции — уже в конце и после Второй мировой войны, в 1945–1960 гг. продолжают *Линас Салдукас* и *Дайва Данкуте* (Каунас). *Л. Салдукас* пишет о научной и творческой интеллигенции, покинувшей Литву уже в 1944 г. (*XIII*), *Д. Данкуте* — о внутреннем размежевании литовцев-эмигрантов по социально-политическим настроениям (*X*).

Этнокультурные различия в разных районах Литвы на основании региональных особенностей этнической музыки выявляет *Ромуальдас Ананавичюс* (Каунас, *XII*).

К истории караимов в Литве обращается итальянский ученый *Морено Бонда* (Турин, *X*).

Тему белорусского народа в годы Второй мировой войны разрабатывает *Е. Гребень*. В его статьях рассматриваются такие вопросы, как способы выживания народных масс в годы фашистской оккупации, в том числе, занятия различными видами малого предпринимательства (*IX, XI, XIII*). Важным является также изучение документов об использовании германскими оккупационными властями в Беларуси подконтрольных им профсоюзных организаций для контроля над населением и в пропагандистских целях (*X*). В связи с широким использованием Интернета в современном мире (в том числе научной, но не всегда достоверной информации), весьма важен предложенный *Е. Гребнем* анализ актуальных вопросов Второй мировой войны в белорусском интернет-пространстве (*XIV*).

Украинская тема нашла отражение в статье *Дмитрия Титаренко* (Донецк, *VIII*): он пишет о политике фашистской администрации по налаживанию отношений с населением г. Мариуполя, поощрении

национально-культурной деятельности на низовом уровне до того момента, пока культурно-национальное единение не приводит к мыслям о национальном государстве.

История Эстонии советского времени представлена на Чтениях исследованиями *Олафа Мертельсманна* (Тарту) об особенностях и последствиях сталинской национальной политики для населения этой республики (*IX, XIV*). Он же обращается к влиянию государств Балтии на международные отношения в послевоенной Европе («Холодная война») (*XV*).

Русская/российская тематика представлена исследованиями по истории XIX–XX вв. В статьях *Валерия Никулина* (Калининград) всесторонне освящается подготовка и проведение реформы по отмене крепостного права в России. Автор анализирует документы о работе Секретного комитета по крестьянскому делу 1857 г. (*XII*) и об участии в разработке этой реформы видного государственного деятеля России Я.И. Ростовцева (*XIV*), об изменениях в русской деревне Северо-западного региона в первые пореформенные годы (*VI, XI*). Он же пишет о переменах в хозяйственной деятельности русской деревни после личного освобождения крестьян, в частности, об активизации промысловой деятельности крестьян (у него — о судебных промыслах (*XV*)). Возможности изучения аграрной истории России на рубеже XIX–XX вв. по материалам Удельного ведомства рассматривает *Наталья Никулина* (Калининград, *XV*).

Е. Назарова исследует документы, отражающие особенности жизни русского населения в Нарве (в 1864–1865 гг.), находящейся в двойном административном подчинении — Петербурга и Ревеля (*XIV*).

Ирина Ружинская (Петрозаводск, *X*) представила сообщение о личности и деятельности предпринимателя — старовера федосеевского толка Федора Гучкова.

Судьбы русской творческой интеллигенции на переломе исторических эпох — с последней четверти XIX в. до первых послереволюционных лет, по мемуарам Е. Н. Чирикова изучает *Анастасия Назарова* (Москва, *XIII*). В сфере внимания *Марии Михайловой* (Москва, *XIII*) — история жизни на фоне развития русского демократического движения общественной деятельницы, издательницы, педагога конца XIX — начала XX в. А. М. Кальмыковой. Ей же в соавторстве с *Владимиром Шулятиковым* (Москва) принадлежит статья о том, как социал-демократы описывались в русской литературе — на примере произведения Л. Андреева «Рассказ о семи повешенных» (*XIV*).

Тамара Амбросимова (Санкт-Петербург) изучает проблемы многонационального российского города в конце XIX — начале XX в.,

а конкретно — разные аспекты истории петербургских финнов (*XIII*). Ей же принадлежат исследования по теме «восприятие русской интеллигенцией революции 1917 г.» (*XIV–XV*). О стратегии выживания русской интеллигенции в условиях адаптации к советской власти в послереволюционный период по документам из архивов Беларуси пишет *Г. Яковлева (X)*. К некоторым фактам из жизни русской научной и творческой интеллигенции (деятельность Михаила Чехова в Латвии, история «Русского балета» С. Дягилева), покинувшей после революции Россию, а также к истории русской высшей школы в эмиграции обращается *Алина Литвиненко (Рига, VI–IX)*.

Несколько статей посвящены истории Германии и выдающимся представителям германского общества в XIX–XX вв. *Берндт Ульрих Хукер* (Фехта, Германия, *IX*) вспоминает о писателе, художнике, краеведе и путешественнике Германе Альмере (1821–1902), известном своими поездками по прибрежным приморским районам и путевыми заметками. *Иоахим Купорка* (Фехта, *VII*) опровергает навязываемое геббельсовской пропагандой мнение, причисляющее к сторонникам национал-социализма известного в Германии религиозного и общественного деятеля епископа Клеменса Августа графа Галена. Тот же автор изучает материалы секретных служб о германских социал-демократах накануне войны (*IX*).

2. Другие страны

В ряде статей речь идет об исторических сюжетах далеких от Балтии регионов, в плане методики работы они полезны для исследователей разных регионов и эпох. Произведению египетского хрониста XIII в. ал-Джабарти «Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий» в контексте мусульманской историографии посвящена статья *Владислава Ужюлиса* (Рига, *VII*). *Имантс Лавиньш* (Рига, *XV*) по картам, составленным персидским ученым второй половины IX — начала X в. и географами его школы, восстанавливает их представления о реках Восточной Европы. *Лилита Земите* (Рига, *XI*) изучает, как люди эпохи Просвещения изображаются в трудах французских философов 2-й пол. XVIII в. В сфере внимания *Ольги Меренковой* (Санкт-Петербург, *XVI*) бангладешские иммигранты и возможности их адаптации в британском обществе.

Проблемы источниковедения

На Чтениях обсуждается и методика работы с отдельными видами источников. Об особенностях работы с источниками по устной истории Латвии и Эстонии пишут *И. Саленице* (*XI*) и *О. Мертельсманн (VIII)*.

О методике работы с биографиями как историческим источником пишет *Мартыньш Минтаурс* (Рига, IX).

Даце К. Бормане (Рига, XV) предлагает рассматривать памятники устной истории и исторические нарративы, отталкиваясь от принципов работы таких крупных специалистов по теории и методологии истории, как М. Блок, К. Г. Фабер, Дж. Леви и др.

Артурс Медвецкис (Лиепая, VI) анализирует возможности мемуарной литературы в качестве источника по современной бытовой истории.

Андрис Мурниеке (Рига, XIV) подходит к различным составляющим методик школьного образования от Средних веков до конца XIX в. как к источнику для изучения культурных аспектов жизни общества в соответствующие эпохи.

Антропологический и био-археологический материал *Гунтис Герхардс* (Рига) использует для реконструкции условий жизни, питания, болезней населения, жившего на территории Латвии с древнейших времен до конца XVIII в. (XII, XV). Свои разработки он дополняет конкретным исследованием письменных и археологических свидетельств об эпидемиях чумы в Латвии в XIII–XVIII вв. (XIV).

Опытом по работе с источниками по региональной истории делятся *Х. Сомс* (VIII) и *Герман фон Лаэр* (Фехта, XI).

Дидзис Берзиньш и *Гита Силяя* (Рига, XV) рассматривают дневники солдат военного времени с точки зрения влияния их содержания на формирование общественной памяти в современной Латвии.

О. Терехова (XIII) аргументировано показала, что представления об отношении полов в европейском обществе, начиная с конца XVIII в., могут быть источником по социальной истории.

Результат сложной работы по реконструкции комплекса источников собрания «Moscowica-Rutenica» из ЛатГИА, весьма ценного для русской средневековой истории, представил *А. Иванов* (VIII). Он же дает оценку состояния современной латвийской археографии (XI).

Много лет внимание ученых Латвии и Германии привлекает великолепный памятник полиграфии конца XIX в. — альбом цветных иллюстраций (акварелей и рисунков) по истории Ливонии — «Terra Mariana» (1888). Альбом был изготовлен специально в качестве подарка папе Римскому Леону XIII к 50-летию юбилею его служения. Подбор иллюстраций осуществлялся под руководством известного для своего времени краеведа, историка и этнографа Латгале Густава Мантейфеля (1832–1916). Богатый визуальный материал издания в качестве источника по истории Латгале изучает *Х. Сомс* (VI, VII). Другой исследователь альбома, выступавший с результатами своей работы на Чтениях, — немецкий историк *Б. У. Хукер* (VI).

Социология и историческое самосознание

В качестве источника по современной истории активно используются статистические данные и социологические опросы среди разных социальных слоев и возрастных групп населения. Вопрос о достоверности статистических данных при их использовании в качестве исторического источника рассматривает *Г. фон Лазр (X)*.

Результаты работы с молодежью Калининградской обл. России в плане формирования их самосознания как граждан России и особого региона страны изложены в сообщении *Н. Никулиной (XIII)*. *Жилвитис Шакнис* (Вильнюс) на основании таких опросов воссоздает образ жизни молодежи в Юго-Восточной Латвии и Северо-Восточной Литве (*X*). Тему истории и логики современного социума в свете материалистической феноменологии изучают *Виктор* и *Татьяна Вороновы* (Даугавпилс, *XI*). Своими наблюдениями в связи с дискуссиями по вопросам национальной идентичности в современном обществе России поделился *Николай Вихляев* (Даугавпилс — Москва, *XII*).

Вопрос о том, какие принципы формирования исторического самосознания будущего поколения должны использоваться и уже используются в латвийских школах в новых условиях становления демократического общества рассматривает *Андрис Купшианс* (Даугавпилс, *VII*).

Информационные технологии в изучении истории

В век развития информационных технологий перед специалистами стоит задача по созданию компьютерных баз данных исторических источников. О том, как идет разработка программ передачи текстов источников в сетевом варианте, о сложностях и промежуточных итогах такой работы информируют *Алексей Варфоломеев*, *Марина Чарута*, *Игнат Кравцов* (все — Петрозаводск) и *А. Иванов (VI, VII, IX, X, XII–XV)*.

В формате настоящего очерка мы можем лишь в таком кратком виде обрисовать десятилетнюю работу секции Истории Даугавпилсских Гуманитарных Чтений. Тем не менее, показанное в этом очерке тематическое разнообразие изучаемых проблем отражает исследовательские приоритеты участников Чтений, что позволяет составить представление как о научных интересах и направлениях работы латвийских историков, так и о темах по истории Балтии и соседних народов, актуальных в современной историографии постсоветской Европы.

Предлагаемый обзор можно также рассматривать как своего рода путеводитель по тематике исторической науки Латвии начала XXI в., к которому стоит обратиться, чтобы узнать, что уже сделано по изучению той или иной проблемы.

Статьи публикуются на латышском (с аннотацией на английском), русском, английском, немецком языках, так что содержание их доступно практически всем интересующимся. К тому же в каждом сборнике есть электронные адреса авторов, что позволяет читателю при необходимости связаться с ними. Главный недостаток сборников — их очень маленький тираж. Поэтому они редко попадают даже в крупнейшие библиотеки за пределами Латвии, в том числе, и в российские. Только несколько последних выпусков есть в московской Государственной Исторической библиотеке. Начиная с XIV выпуска сборники выкладываются в Интернете. Очень желательно, чтобы в Интернете со временем были размещены и предыдущие сборники, что сделало бы материалы Чтений максимально доступными для всех заинтересованных лиц.

Е. Л. Назарова

Л. П. Баршчэўскі, А. Ф. Гуцаў.

Кароткая граматыка латышскай мовы

Мінск: Радыёла-плюс, 2008. — 96 с. — (Серія «Беларускія ЕўраГраматыкі»).

ISBN 978–985–448–086–2.

В 2008 году в минском издательстве «Радыёла-плюс» начала выходить серия книг «Беларускія ЕўраГраматыкі». Это замечательное начинание даёт белорусам возможность на родном языке познакомиться с грамматическим строем различных языков Европы, причём безусловно важен и общекультурный аспект — повышение статуса самого белорусского языка. О задачах проекта в нескольких интервью более подробно говорил директор издательства Владимир Сивчиков¹, подчеркивавший в частности, что готовящиеся грамматики не являются переложениями соответствующих описаний, изданных на других языках, — это самостоятельные сочинения белорусских авторов, ориентированные именно на белорусского читателя, то есть содержащие в частности некоторые элементы сопоставления иностранного и родного языка. В. Сивчиков отмечает даже, что грамматики составляются с учётом черт белорусского менталитета, правда, реализовать это в работе столь конкретного жанра нам представляется весьма затруднительным.

Одной из первых в названной серии — наряду с польской и латинской — вышла и грамматика латышского языка. Таким образом, белорусские филологи опередили латышских коллег, которые на своём родном языке белорусской грамматики не имеют...

Структура книги вполне традиционна: сжатые сведения по латышской фонетике и графике (с. 3–5), описание латышской морфологии (как и следовало ожидать, занимающее большую часть книги — с. 6–76), несколько замечаний об особенностях синтаксиса (с. 77–83) и краткий разговорник — формулы приветствия, прощания, благодарности, частые вопросы, время, цвета, различные надписи и т. п. (с. 84–93). Заключает книгу список из 10 источников, среди которых как объёмные грамматики на разных языках — Т. Матиассена (1997), Я. Х. Хольста (2001), Ю. и Д. Пети (2004), так

¹ См., например: <http://budzma.org/news/hramatyki-napisanyya-byez-movy-pasyarednicy.html#more-12343>, <http://www.svaboda.org/content/transcript/1742761.html>, <http://www.polskieradio.pl/zagranica/by/news/artyku199810.html>

и практическая грамматика Б. Цеплите и Л. Цеплитиса (1991²), доступные в интернете руководства по латышскому языку Я. Лелиса³ и А. Стейнберга⁴ (без указания автора) и классический самоучитель Б. Х. Векслера и В. Юрика (6-е изд. 1988 г.). Этот самоучитель, несмотря на подробный грамматический указатель, конечно, не является практической грамматикой, но всё же слишком жёстким представляется утверждение директора издательства в одном из указанных интервью: «з латышскай мовай мы вылучыліся, бо такой граматыкі няма нават па-расейску!». Из источников на русском языке можно было бы ожидать указания развёрнутого очерка латышского языка В. Э. Сталтмане в книге «Языки мира: балтийские языки» (Москва, 2006), небесполезно авторам и читателям было бы и грамматическое описание латышского языка в нашей книге «Материалы для латышско-русского словаря» (Санкт-Петербург, 2002⁵). Не следует забывать и несколько раз переиздававшийся в Латвии грамматический справочник В. Гружане, А. Ечи и В. Спрогиса (последнее издание 1995 г.⁶), весьма похожий по жанру на рецензируемую грамматику. В список источников включены также русско-латышские разговорники и пиратское (без указания авторов) издание латышско-русского и русско-латышского словаря А. Плесумы и Е. Славинской⁷: Русско-латышский словарь = Латышско-русский словарь = Krievu-latviešu vārdnīca = Latviešu-krievu vārdnīca: Ок. 20 000 слов / сост. и подгот. Лингвистич. центр «Vārds». Рига: Vards. — Минск: Лотаць, 1999. 268, 320 с., встреч. паг. ISBN 985-630-705-8 (это второй тираж словаря, первый был выпущен в 1996 г.).

Сведения о произношении фактически сводятся к таблице соответствия букв и звуков, содержащей необходимые комментарии: указывается, что латышские шипящие [š], [ž], [č], [č] мягче соответствующих белорусских звуков, что звуки [f], [h], [õ], [o] встречаются только в заимствованных словах, при характеристике большинства согласных подчёркивается,

² В 1997 г. вышло второе издание этой книги.

³ http://courses.washington.edu/latvian/basic_latvian/html/grammar_introduction.htm. тот ресурс, к сожалению, по техническим причинам более не доступен, желающим придётся пользоваться книгой: J. Lelis. Basic Latvian = Latviešu valodas mācība iesācējiem. [Lincoln (Nebraska)]: Amerikas Latviešu apvienība, 1992 (3-е изд.).

⁴ <http://www.latvianstuff.com/Language.html>.

⁵ Доступно также в сети интернет: <http://www.genling.nw.ru/Staff/Andronov/publicat/mono/lvru.htm>

⁶ Грамматика латышского языка: краткий справочник / В. Гружане, А. Еча, В. Спрогис. Рига: Zvaigzne ABC, 1995.

⁷ К сожалению, и в Москве этот же словарь был переиздан таким же пиратским образом без указания авторов: Русско-латышский словарь. Латышско-русский словарь. Москва: ТОО Компания Гепта Трейд, 1995. 268, 320 с. встреч. паг.; 17 см. Парал. загл. на латыш. яз. Книга-перевёртыш. 15000 экз. ISBN 5-87683-015-1.

что они «заўсёды цвёрдыя», последовательно описывается оглушение и озвончение согласных. Более экономно было бы перенести описание общих особенностей латышского произношения в следующий за таблицей раздел дополнительных замечаний, в котором указана, например, такая важная черта, как продление глухих шумных между краткими гласными. Это позволило бы обратить внимание читателя на последовательное противопоставление долгих и кратких (авторами называемых также «звычайныя») гласных, на то, что в конце слова в латышском в отличие от белорусского звонкие согласные не оглушаются, и др. В таблице алфавита без понятной причины различаются характеристики кореллирующих звуков: [ġ] («сярэдняязычны, нёбны гук паміж вельмі мяккім выбухным *t* і мяккім *ð* (расійскім *дъ*)», с. 3) и [k] («вельмі мяккае, нёбнае *кь*», с. 4); [i] («кароткае *i* (*й* — пасля іншага галоснага)⁸», с. 4) и [u] («кароткое складовае *у*», с. 4 — не указано, что также может обозначать второй элемент дифтонга), [ie] («вымаўляецца як злітнае *ie*⁹ (с націскам на *e*)», с. 5) и [uo] («*ўо*», с. 4).

Известная проблема латышской графики — двузначность букв *e* и *ē* (в таблице алфавита авторы широкое произношение указывают как первый вариант, а узкое как второй, хотя в языке более часто как раз узкое произношение). Правильное чтение этих букв представляет много трудностей для изучающих язык (иногда и для носителей языка), поэтому в практических руководствах оно зачастую показывается при помощи специальных дополнительных знаков. Так же обещают поступать и авторы рецензируемой грамматики (с. 5; широкие звуки обозначаются ими при помощи звёздочки — *e**, *ē**, хотя в наше время не должно бы составлять технической проблемы и использование традиционного обозначения при помощи седиля — *ę*, *ę̄*). К сожалению, это благое намерение авторов полностью провалилось: в книге огромное количество случаев, где произношение широких звуков не обозначено (*krēsls* с. 16, *deguns*, *deguntiņš*, *tēvs* с. 17, *vecs* с. 19, *cilvēka* с. 20, *uzdevums* с. 21, *zēni*, *zēnus* с. 28, *vesels* с. 30, *esmu*, *gribētu*, *bernam* с. 32 и мн. др.), есть и примеры, когда широкий звук показан не на месте (*brē*kt* с. 36 и др.). Особенно неприятна путаница с произношением этих звуков в глагольных формах и образцах глагольных парадигм, где их чередование очень характерно (*sēd* с. 38, *redzams* с. 47, *cēlusi*, *cēlusies* и др. с. 48–49, 54, 57, *ņemtu* с. 51, *gribētu*, *varētu* с. 58 и др.). Появлению узкого звука в форме 2-го лица ед. ч. настоящего времени посвящено специальное правило и иллюстрирующая его таблица (с. 43), но в других таблицах оно

⁸ Точнее в том же слогe, то есть в составе дифтонга, ср. *saira*: [sa-ira] ‘распался, распался’ и [saïra] ‘сайра’.

⁹ Точнее по-белорусски, видимо, было бы передавать *iэ*.

не применяется: *pe*ldi* с. 40, *sē*di* с. 41 (а на с. 41 случайно сформулировано «с точностью до наоборот»).

Недостаточно сведений о просодической структуре латышского языка: отмечено лишь, что ударение падает на первый слог и приведены некоторые исключения. Полезно было бы обозначать ударение на первом слоге в примерах специальным значком (особенно часто это важно для местоимений (с. 66) и наречий (с. 70–71)). Ничего не сказано о функциональных особенностях долгих слогов как носителей слоговых акцентов, что, в общем, простительно для краткой грамматики, если бы не курьёзная ситуация: авторы обещают при помощи всё той же звёздочки¹⁰ отмечать прерывистый акцент в случаях, когда он имеет смыслоразличительное значение (с. 5), но примеров этого в книге нет...

Латышская морфология описывается традиционным образом — по частям речи (вряд ли необходимо в практической грамматике иностранного языка давать их определения: трудно себе представить, чтобы читатель, интересующийся языками, нуждался в объяснении того, что такое имя существительное, прилагательное и т. п.) Несколько удивляет порядок расположения частей речи, когда местоимение следует за глаголом, который разбивает, таким образом, описание склоняемых слов, что нецелесообразно ни с дидактической, ни с теоретической точки зрения¹¹.

Описание имени существительного содержит краткий обзор грамматических категорий, примеры парадигм склонения с комментариями и раздел об образовании диминутивов, отдельно рассматриваются отглагольные существительные с суффиксом *-šan-* (в том числе возвратные). Авторы оперируют системой падежей, включающей творительный, ни слова не говоря об альтернативной точке зрения (отрицающей наличие творительного падежа в современном латышском языке), несмотря на то, что именно она излагается в большинстве указываемых в конце книги источников. В любом случае можно было обратить внимание читателя на то, что творительный падеж не имеет собственной формы, всегда совпадая в единственном числе с винительным, а во множественном числе с дательным. Типы склонения представлены достаточно полно. Слишком мало сказано,

¹⁰ Это предполагает, вероятно, появление двух звёздочек подряд, например, в слове *dēls* (широкий гласный и прерывистый акцент...) — почему бы опять же не использовать традиционное обозначение при помощи знака «крышки» (˘)?

¹¹ Так как местоимения образуют систему, параллельную системе знаменательных частей речи, их можно было бы рассматривать не только после глагола (ведь вопрос о «местоглаголиях» в практической грамматике не поднимается), но и после наречия (тем более что местоименные наречия включены в главу о местоимениях).

однако, о чередованиях согласных в конце основы. Так, во втором склонении (мужском *i*-склонении) оно происходит не «у некоторых назоўнікаў» (с. 10), а является правилом, имеющим несколько групп исключений (из которых указана лишь одна — мужские имена на *-tis* и *-dis*, — но не отмечено, что чередования не происходит, лишь если это имя двусложное), совсем не упомянуты исключения в чередовании у существительных четвёртого склонения (женского *e*-склонения). К сожалению, нет отдельного описания форм звательного падежа, которые не подчиняются общим закономерностям классификации существительных по типам склонения; в частности, не отмечены формы с нулевым окончанием (*cilvēk!* (такая форма встречается в примере на с. 22), *māt!*, *meit!* (в парадигме приведено *meita!* с. 13)), у существительных третьего склонения приведены формы на *-us* (*alus!*, *turgus!* с. 11) вместо правильных *alu!*, *tirgu!* (понятно, что звательный падеж встречается обычно лишь у одушевлённых существительных, например, *Miku!*, *Ingu!*). В комментарии о «существительных общего рода» (с. 12) уместно было бы отметить сходство латышского с белорусским при отличии от русского или литовского (и даже латгальского): окончания некоторых падежных форм таких существительных (дат. п. ед. ч. в латышском, дат. и твор. п. ед. ч. в белорусском) в обоих языках различаются в зависимости от рода: ср. лтш. м. р. *žūprat*, ж. р. *žūpai*, блр. м. р. *п'яніцу*, *п'яніцам*, ж. р. *п'яніцы*, *п'яніцай*. Весьма полезен раздел о диминутивах, правила образования которых описаны с большой подробностью (без внимания оставлены лишь диминутивы с суффиксом *-uk-*), с перечислением отклонений (напрасно к таковым отнесены слова *lietus* и *vidus*, которые образуют регулярные диминутивы *lietutiņš* и *vidutiņš* (*lietiņš* и *vidiņš* весьма редки); *tētiņš* является регулярным диминутивом от *tētis* (а не от *tēvs*); напротив, отклонения имеют диминутивы *gotiņa*, *šunelis*, образованные авторами «по правилам»: **sunelis* (с. 15, 17), **govtiņa* (с. 16)). Интересно, что при описании склонения сегмент *-us* считается окончанием (*al-us*, с. 11), а при описании образования диминутивов *и* называется гласным конца основы (с. 16) и предлагается морфемная сегментация *al-u-s*.

Раздел о прилагательных начинается с определения, утверждающего, что прилагательные отвечают на вопросы «*які?*, *якая?*, *якое?*, *якія?*, *чыі?*, *чыя?*, *чыё?*, *чыё?*» (с. 19). Думается, что это определение некритически заимствовано из белорусской грамматики, так как в латышском языке нет притяжательных прилагательных (то есть вопрос *чыі?* невозможен). Эту особенность авторам следовало бы сформулировать более явно, не ограничиваясь сообщением, что в роли прилагательных часто употребляется родительный падеж существительного (с. 20). В связи с этим, крайне уместно было бы освещение такого интересного и широко распространённого явления в латышском языке, как «*ģēnīfveņi*» (застывшие формы родительного падежа,

являющиеся фактически неизменяемыми прилагательными и употребляемые как несогласованные определения: *vācu*, *divsējumu*, *mūsdienu* и др.). Сомнительно или, во всяком случае, недостаточно обоснованно, утверждение, будто особенностью латышского языка является преобладание производных прилагательных (с. 19): все приведённые в качестве иллюстрации примеры на белорусский переведены также производными прилагательными (с другой стороны, вообще говоря, производных слов в наших языках, естественно, больше, чем первичных)... В описании местоименных форм прилагательных слишком мало внимания обращено на их формы звательного падежа (с. 22), которые в зависимости от формы определяемого существительного совпадают с именительным или родительным. Описание степеней сравнения традиционно, хотя в последнее время всё более распространяется точка зрения, что в значении превосходной степени широко употребляется форма сравнительной с местоименным окончанием, приставка *vis-* лишь подчёркивает это значение, так же как и местоимение *pats* (авторы грамматики почему-то считают, что сочетания с местоимением *pats* для выражения значения превосходной степени употребляются очень редко, с. 23). Полезно было бы описать варианты сравнительной конструкции (с предлогом *par*, с союзами *nekā* и *kā*).

Списки количественных и порядковых числительных удобнее было бы организовать в виде таблицы, облегчающей наблюдение соответствий и отношений производности. Если список количественных числительных начинается со слова *nulle*, то в список порядковых естественно было бы включить его соответствие — *nultais* (отсутствующее, правда, в словарях латышского языка). Авторы приводят несуществующую форму им. п. ж.р. числительного *trīs*: **trijas* (с. 26, 28), хотя в таблице склонения этой ошибки нет (с. 31). Интересны замечания об употреблении числительных и синтаксисе сочетаний с ними (с. 26–31). При обозначении цены употребление числительных от 2 до 9 в именительном падеже отнюдь не обязательно, — по данным корпуса латышского языка (www.korpuss.lv), значительно чаще встречается винительный падеж (*cepure maksā seši dolāri* → *sešus dolārus*). Неясно описана ситуация со склонением сочетаний с числительными на *-padsmit* и *-desmit* (с. 28): эти числительные в современном языке в общем случае не влияют на падеж считаемого существительного, определяемый синтаксической позицией словосочетания, хотя в позиции именительного и винительного падежа престижной нормой всё ещё является управление родительным падежом считаемого слова (*vienpadsmit cilvēki* // *cilvēku*). Вряд ли необходимо столь подробно иллюстрировать употребление родительного падежа в сочетаниях с существительными, обозначающими количество или меру (с. 29–30) — латышский язык здесь соответствует белорусскому.

Раздел о глаголе содержит описание глагольных категорий и форм. К личным формам авторы относят лишь инфинитив, а причастия и деепричастия¹² рассматривают как отдельные части речи (но описывают в том же общем разделе о глаголе), причём при расположении материала принимают оригинальное решение: помещают причастные образования после личных форм настоящего времени изъявительного наклонения. Такой порядок (не представляющийся нам оптимальным) объясняется «дыдактычнымі мэтамі» (с. 33–34) и связан, видимо, с необходимостью описания аналитических глагольных форм (сложного настоящего, страдательного залога), в состав которых входят причастия прошедшего времени, и форм пересказывательного наклонения, основанных на формах деепричастий на *-ot*¹³.

В описании глагольных категорий традиционно выделение пяти наклонений, хотя трактовка дебитива как наклонения противоречит логике ввиду совместимости его показателя с показателями других наклонений (авторов, видимо, не смущает, что «формы павіннаснага ладу могуць ужывацца таксама ў переказвальным і ўмоўным ладзе», с. 62); эвиденциал тоже может рассматриваться как самостоятельная категория. Необычна (и никак не обоснована) трактовка возвратных глаголов как форм третьего — возвратного — залога (с. 32). Авторы указывают также, что возвратные глаголы могут обозначать большую интенсивность действия, однако это не кажется нам характерной особенностью латышского языка. Во всяком случае, приводимые в книге примеры неубедительны: невозвратный глагол *smiet* существенно уступает по частотности своей паре — глаголу *smieties*, так что сравнение оказывается не совсем «чистым», *klausīt* и *klausīties* различаются лексическим значением, вряд ли интенсивностью различаются глаголы *skatīt* и *skatīties*. (Может быть, в качестве примера подошла бы пара *lūgt* и *lūgties*.)

Относительно категории вида сказано, что она латышскому языку не свойственна, хотя приставки часто придают глаголу значение завершённости действия (с. 33, 64), и для краткой практической грамматики этого, вероятно, достаточно (в связи с категорией вида в латышском языке обычно рассматриваются пары приставочных глаголов и сочетаний с наречиями типа *ieiet* : *iet iekšā*). В таблице на с. 64–65 глагольные приставки представлены в сопоставлении с белорусскими. Отметим, что таблица содержит все латышские глагольные приставки (за исключением формообразующих *jā-* и *ne-*),

¹² Обратим внимание на замечательную внутреннюю форму белорусских терминов: дзеепрыметнік «глаголоприлагательное» и дзеепрыслоў «глаголонаречие».

¹³ Здесь описываются все причастные образования — не только входящие в состав аналитических форм и пересказывательного наклонения, и не только производные от основы настоящего времени (что могло бы быть другим формальным основанием такого расположения материала).

хотя авторы оговариваются, что они приводят лишь важнейшие. Некоторые соответствия приставок проиллюстрированы неудачно: пример *atsaukt* следовало бы перевести не «паклікаць» а «адклікаць» (например, приказ или депутата), *salasīt* значит не просто «прачытаць», а «прачытаць нешта цяжкае для чытання, напрыклад неразборліва напісаннае».

Так называемые сложные формы времён и наклонений справедливо сопоставляются с английскими и немецкими формами системы перфекта (с. 35; правда, в заблуждение может ввести перевод таких сложных форм исключительно глаголами совершенного вида: предложение *Es esmu lasījis šo grāmatu* в общем случае переводится с глаголом несовершенного вида: *Я чытаў гэту кнігу*). Достаточно было бы показать общую модель образования сложных форм, а не повторять трижды аналогичные описания и таблицы (с. 48, 53, 57). Заметим, что в латышском языке сложные формы будущего времени довольно часто имеют значение предположения о действии в прошлом, и именно такое значение в первую очередь реализуется в приводимых авторами примерах: *Es būšu lasījis <šo> grāmatu* ‘Я, здаецца, чытаў гэту кнігу’ (а не ‘Я (раней/перад там) прачытаю кнігу’, с. 35), *Vaira saka, ka viņa būšot rakstījusi vēstuli Lindai* ‘Вайра кажа, што яна, быццам бы, пісала ліст Ліндзе’ (а не ‘Вайра кажа, што яна напіша (ліст) Ліндзе’, с. 61). Это специфическое значение будущего времени следовало бы отметить в грамматике. При характеристике сослагательного наклонения допускается распространённая ошибка: ему приписывается категория настоящего времени (с. 58), что неправоммерно ввиду отсутствия необходимых для противопоставления форм прошедшего или будущего времени (сослагательное наклонение в латышском языке не различает времён, но имеет формы, противопоставленные по категории перфекта).

Образование глагольных форм — довольно сложный раздел латышской морфологии. К сожалению, рецензируемая грамматика в этой части содержит весьма много недочётов (оставляет желать лучшего и техническое выполнение таблиц: ср., например, разноречивое употребление прописных букв¹⁴ на с. 37 (*IET* (3-е лицо) но *Ies*; *DZĪVŪja*, *DZĪVŪs* при *TROKŠŅoja*, *TROKŠŅos*), подачу примеров то курсивом, то прямым шрифтом на с. 43–46 и т. п.).

¹⁴ Прописными буквами авторы обозначают корень глагола, хотя называют его почему-то основой (с. 36). По-видимому, это является опечаткой, иначе соответствующее предложение оказывается неинформативным: «...канчаткі... дадаюцца непасрэдна да АСНОЎ дзеяслова» — окончания всегда присоединяются непосредственно к основам. Заметим, однако, что в первичных глаголах окончания не всегда присоединяются непосредственно к корню, ср.: *skrie-n-u*, *kļū-st-u* и др. (возможна, правда, интерпретация сегментов *-n-*, *-st-* и под. не как суффиксов, а как субморфов в составе алломорфов корня, но, судя по расстановке дефисов в примерах на с. 62 (*sie-n*, *glāb-j-as*), авторы не являются её сторонниками).

Авторы следуют традиционной классификации глаголов на три спряжения (которые более корректно было бы называть структурными типами: I — первичные, II — вторичные и III — смешанные), но не всё описывают достаточно аккуратно. Авторы говорят, что первичные глаголы можно разделить на правильные и неправильные (с. 38), но не сообщают признака, по которому это производится, а встречающиеся примеры противоречивы: на с. 37 приводятся основные формы неправильных глаголов *būt* и *iet* (традиционно относимый к неправильным глагол *dot* здесь не упоминается, хотя позже его парадигмы приводятся вместе с парадигмами названных глаголов — с. 46, 50)¹⁵, из текста на с. 39 следует, что неправильными являются первичные глаголы с окончанием *-i* в форме 2-го лица ед. ч. (но у глаголов *iet* и *dot* в этой форме окончание нулевое). В целом, типы образования основ первичных глаголов не описываются (для изучающего язык эта классификация действительно не имеет значения), приводятся лишь два десятка примеров (с. 52). При описании спряжений на с. 37 отсутствует комментарий о глаголе *dabūt*, который (без особой надобности) появляется в таблице форм будущего времени на с. 56; почему-то среди типов глаголов второго спряжения приведено два примера глаголов на *-ot* (*dzīvot* и *trokšņot*) и ни одного на *-īt* (ранее упомянут глагол *cienīt*).

В общей таблице личных окончаний глаголов (с. 39) удивляет отсутствие окончаний 1-го и 2-го лица мн. ч. *-ām*, *-āt* (при наличии окончания 3-го л. *-a*). Таким образом, сведено на нет противопоставление двух парадигм окончаний (которые мы называем «краткостной» и «долготной»), совершенно правильно сформулированное самими авторами для возвратных глаголов (с. 45). Окончания *-ām*, *-āt* появляются, естественно, при описании глаголов типа *darīt*, но пояснение, что здесь имеет место продление гласных (с. 41), не выдерживает никакой критики: эти окончания не являются производными от окончаний *-am*, *-at*, — различие парадигм объясняется разницей тематических гласных и восходит к общебалтийскому праязыку. По мнению авторов по «долготной» парадигме спрягаются только глаголы III спряжения (смешанные) на *-īt* (с. 41), но так же спрягаются глаголы на *-in-ā-t* и глагол *zināt* (в грамматике неизменно появляющийся в не соответствующей литературной норме форме 3-го лица *zin* — с. 81 (дважды), 83 (дважды)). К сожалению, неверно, будто в словарях латышского языка «звычайна падаюцца формы 3-й асобы адзіночнага ліку¹⁶ простых часоў: цяперашняга і прошлага» (с. 38): эти

¹⁵ Это странно, так как глагол *dot* специфичен как раз с точки зрения соотношения формообразующих основ, а не парадигм окончаний.

¹⁶ Как отмечают сами авторы (с. 34), формы единственного и множественного числа в третьем лице совпадают.

формы действительно более информативны, но приводят словари обычно формы 1-го лица единственного числа (как это делают и авторы грамматики в списке глаголов на с. 51–52). Радует раздел об омонимичности глагольных форм (с. 52–53), весьма полезный для изучающих язык.

Много внимания уделено непростым правилам образования формы 2-го лица ед. ч. настоящего времени (с. 41–44), однако некоторые случаи в них не учтены: чередования *k/c*, *g/dz* не происходит у глаголов долготного спряжения (*saku, saki, saka*), а также у глагола *mācēt (māku, māki, māk)*¹⁷; окончание *-i* присоединяют не только основы настоящего времени на *-st-* (с. 44), но и основы, характеризующиеся одновременно чередованием корневых гласных *a/o* [uo], *i/ī*, *u/ū* (рефлексом древнего инфикса) и исходом на *t, d, p* (*klupt: klūpu, klūpi, klūp*).

Правило образования формы 2-го лица мн. ч. повелительного наклонения сформулировано не вполне корректно: «ўтвараюцца ад формаў адзіночнага ліку, да якіх дадаюцца суфіксы *-iet* (незваротныя дзеясловы) або *-ieties* (зваротныя дзеясловы)» (с. 59). Присоединяется суффикс, конечно, не непосредственно к форме 2-го лица ед. ч., а к её основе (иначе получались бы несуществующие формы типа *guli → *gulijiet*, хотя в таблице дана правильная форма *guliet*). Кроме того, хотя вопросы морфемики и не являются центральными для краткой практической грамматики, правильнее было бы показать сегментацию: *-ie-tie-s* (суффикс + окончание + постфикс). Подчеркнём, что возвратным постфиксом в латышском является *-s* (а не *-ies*, с. 33), обуславливающее появление расширенных алломорфов предшествующих морфем (показатель инфинитива *-tie-*, личные окончания *-o-* [uo], *-ie-*, *-amie-*, *-atie-* и т. п.). Не вызывает возражений описание сочетаний с частицей *lai*, выступающих в функции 3-го лица повелительного наклонения, в разделе о частицах (с. 75), полезной была бы лишь ссылка на эту информацию в разделе об императиве.

Пересказывательное наклонение авторы связывают в первую очередь с косвенной речью (с. 60), однако оно широко употребляется и в других случаях, а в косвенной речи нормально и употребление изъявительного наклонения (пересказывательное наклонение отнюдь не обязательно). Вслед за традиционными грамматиками, к сожалению, отрицается наличие форм прошедшего времени пересказывательного наклонения (*gājis, bijis gājis*), широко распространённых, в частности, в сказках. По-видимому, случайно остались неописанными сложные формы пересказывательного наклонения возвратных глаголов (с. 61).

¹⁷ Среди иллюстрирующих правила примеров вообще отсутствуют глаголы смешанного типа, что может создать ложное впечатление, будто правила к ним не относятся.

При описании дебитива («долженствовательного наклонения») отмечено, что объект выражается именительным падежом (с. 63), но в примеры проник такой естественный для иностранцев винительный (*jābeidz eksāmenu*, с. 62). О специфике местоимений *es, tu, mēs, jūs, sevīs*, при обозначении объекта употребляющихся в винительном падеже, в грамматике не сказано.

Описание страдательного залога (с. 63–64) сводится к указанию модели его образования и парадигмам спряжения вспомогательного глагола *tikt* в настоящем, прошедшем и будущем времени. Выбор вспомогательного глагола (*tikt* или *būt*) связан не с различием простых и сложных глагольных форм, как отмечают авторы, а с противопоставлением акционального и статального пассива (модель соответствует немецкой и отличается от русской или литовской), причём оба глагола могут выступать как в простой, так и в сложной форме: *ir ticis rakstīts, ir bijis rakstīts*. Приведённый пример с глаголом *būt* (*Mēs bijām pārlicināti par savu uzvaru*) не совсем удачен из-за адъективированного характера причастия. В качестве характерных особенностей латышского языка следовало бы отметить также, что страдательный залог в нём не образуется при помощи возвратных глаголов и исключает выражение субъекта действия (лишь при страдательных причастиях в функции определения субъект выражается родительным падежом (а не творительным, как в белорусском), ср. характерный пример на с. 77: *mūžības skartie — кранутыя вечнасьцю*).

Причастия и деепричастия латышского языка в грамматике описаны крайне скудно. Их образование не объясняется, а лишь иллюстрируется примерами в виде таблиц, чего явно недостаточно, чтобы читатели могли самостоятельно создавать необходимые формы. В частности, утверждение, что причастия склоняются как прилагательные (с. 47), не позволяет построить парадигму действительных причастий прошедшего времени. Из множества конструкций с причастными образованиями, столь характерных для латышского языка, указано лишь обозначение одновременного второстепенного действия деепричастиями с суффиксом *-dam-* (не отмечено, в частности, что в этой функции употребляются и деепричастия на *-ot*, не описано и обозначение предшествующего второстепенного действия при помощи действительных причастий прошедшего времени). Конструкция дательного самостоятельного появляется в разделе синтаксиса (с. 78), но охарактеризована с двумя ошибками: «назоўнік у род. скл. (должно быть: дав. скл. — А. А.) са зваротным дзеепрыслоўем» — отнюдь не только деепричастия возвратных глаголов употребляются в этой конструкции; следовало пояснить, которое из деепричастий образует такую конструкцию. Совсем не освещены конструкции с деепричастием на *-am/-ām* (оно вообще не упомянуто среди причастных образований).

После главы о глаголе описываются местоимения и местоименные наречия. Приводимый список разрядов местоимений организован на смешанных основаниях: почему-то только местоимения-существительные и местоимения-прилагательные распределены по разрядам в соответствии со значением (личные, указательные, вопросительные и т. д.), в то время как местоимения-числительные и местоименные наречия представлены как самостоятельные цельные разряды (№ 9 и 10) уже без объединения в группы. Описание склонения местоимений могло бы быть более сжатым и легче обозримым, если бы авторы указали, что особенные парадигмы имеют лишь местоимения *es, tu, mēs, jūs, sevis, šis, tas, kas* и *pats*, а остальные местоимения склоняются как прилагательные. Полезен был бы комментарий о различиях в употреблении вариантов местного падежа (*šajā, šai, šinī*), об отсутствии в литературном языке формы местного падежа у местоимения *kas* и нередко встречающейся в этой функции в разговорной речи формы *kamī*. Важно отметить, что местоимение *kurš* в латышском языке может употребляться как местоимение-существительное, относясь в таком случае исключительно к лицам в отличие от местоимения *kas*, могущего обозначать как лица, так и предметы (ср. *Kurš tas bija? — Кто это был?* и *Kas tas bija? — Кто это был? // Что это было?*). Поэтому вряд ли следует объяснять употребление местоимения *kurš* в примере *Kurš zina atbildi?* неполнотой предложения (*Kurš no jums zina atbildi?*); во всяком случае, степень неполноты таких предложений гораздо меньше, чем приводимых рядом *Kurā Jēkabs dzīvo? Kādas Kristīne nopirka?*, непонятных без контекста (с. 81).

В разделе о наречиях характеризуются способы их образования (от прилагательных, от глаголов), приводятся примеры, сгруппированные по значению (наречия места, времени, образа действия и меры). Авторы сообщают, что «нярэдка ў якасці прыслоўяў выступаюць і ўласна прыметнікі» (с. 71), имея в виду различные предикативы (заметим, что правила выбора между наречием и прилагательным в этой функции в грамматиках латышского языка не сформулированы, ср. *skaidrs!* но *interesanti!*). При описании степеней сравнения следовало указать, что приставка *vis-* является безударной (как это сделано в разделе о прилагательных — с. 23).

После раздела о наречиях почему-то следует раздел о словосложении — не логичнее ли было рассматривать этот материал вместе со словообразованием существительных и прилагательных? В целом, описание латышских композитов весьма информативно и полезно (отмечена их характерная черта — отсутствие так называемых соединительных гласных и частое сохранение окончания родительного падежа в первом компоненте, показаны варианты соответствий в белорусском языке).

Из служебных частей речи, видимо, наиболее сложен предлог, требующий знания не только значения, но и управления. В предлагаемой авторами таблице, к сожалению, отсутствуют примеры, поэтому неохваченными оказываются многие особенности употребления предлогов. Недостаточно сообщить, что предлог *uz* управляет родительным или винительным падежом, а предлог *pa* — дательным или винительным: остаётся неясным, что выбор падежа не произволен, а связан с передаваемым значением. Напомним, что при сочетании со словом во множественном числе все предлоги латышского языка управляют дательным падежом — эта важная и интересная особенность латышского языка оставлена в грамматике без внимания.

В разделе синтаксиса обращается внимание на отличный от белорусского порядок слов в словосочетаниях с несогласованным определением в родительном падеже. Порядок слов в предложении характеризуется как свободный, но непонятно, почему авторы допускают лишь четыре его варианта для предложения из четырёх слов (с. 79) — теоретически их может быть 24 ($= 1 \times 2 \times 3 \times 4$). Если же их, по мнению авторов, всё-таки 4, то необходимо уточнение, какие неприемлемы. Понятно, что варианты могут быть более и менее нейтральными, и это следовало бы отметить (ср. примеры авторов *Vasarā es peldos upē* и *Upē vasarā es peldos*, с также возможным *Vasara peldos upē es* и др.). Вполне допустимы (но различны с точки зрения актуального членения) и предложения типа *Mirdza blonda ir*, *Blonda ir Mirdza* и др. варианты, квалифицируемые авторами как грамматически неправильные (с. 79). О порядке слов следует сказать ещё в связи с несколькими странными примерами, встретившимися в разных местах книги: *Vai Jūs varētu man pateikt, kur tuvākā banka atrodas?* (с. 58), *Kad Jānis Rainis nomira?* (с. 80), *Kurā stāvā Dainis dzīvo?* (с. 81), *Kādās cepures Ilze nopirka?* (с. 81). В них представлен отнюдь не латышский, а скорее латинский порядок слов со сказуемым в конце предложения.

Из представленного обзора видно, что недостатков у рецензируемой грамматики немало. Можно указать отдельные грамматические ошибки (*visas... logas, logām = visi... logi, logiem* с. 30, *perku* и др. формы = *pērku*, с. 43–44, *mēs nebūtu sēdējis (= sēdējuši) mājās* с. 58, *divdesmit minūtes pāri divpadsmit (= divpadsmitiem)* с. 87) и опечатки (*Rītei = Ritai, jāizšķirās = jāizšķiras*, с. 63, *atvanojiet = atvainojiet*, с. 86). Неприятное впечатление производит также путаница в употреблении курсивных и полужирных букв (в примерах наклонений на с. 32 формы сослагательного, пересказывательного и «долженствовательного» выделены курсивом, а изъявительного и повелительного почему-то нет; на с. 81 вопросительное слово «*no kurienes*» выделено курсивом, а «*uz kurieni*» — нет; ср. также: «*nāc*» но «*audz*» с. 43, «*bijām pārliecināti*»

но «*tiek pārdotas*» с. 63, «*reģionālās*» с. 77, «*Aizņemts*» с. 90 и мн. др.). В некоторых случаях авторами предлагаются несколько вольные переводы примеров, в учебной литературе следовало бы точнее придерживаться оригинала: *Guntis tur nebija, nedz arī grib tur iet?* — *Гунтыс там і не быў, і не хоча там з'яўляцца* с. 82; *Kad Anna atnāks, mēs sāksim ēst* — *Кали прыйдзе Ганна, мы сядзем есці/за стол* с. 83; ср. также *Vai tu atcerēsies nopirkt sieru?* — *Ці не забыў ты купіць сыр?* с. 80 (прошедшее время вместо будущего).

К сожалению, рецензируемая латышская грамматика не может быть признана успешной публикацией и вряд ли подойдёт в качестве основного справочника для изучающих латышский язык в Белоруссии. В настоящий момент она более интересна для знающих латышский язык (как объект критического разбора), чем для начинающих его изучение.

Несмотря на то, что процедура внутреннего рецензирования является неотъемлемой частью подготовки научных и учебных публикаций, помогающей авторам избежать ошибок и улучшить свой труд, рассматриваемая грамматика (которая определена как «даведачнае выданне») рецензентов не имеет (на обороте титульного листа высказывается благодарность сотрудникам латвийского посольства и делегации ЕС в Белоруссии за содействие и полезные советы). Может быть, пока не следовало писать новую грамматику по-белорусски? Не лучше ли просто перевести подходящую латышскую грамматику с другого языка? В качестве таковой мог бы послужить, например, названный выше справочник В. Гружане, А. Ечи и В. Спрогиса — пока латвийскими лингвистами не решена весьма актуальная задача создания современной стандартной практической грамматики латышского языка для иностранцев.

Надеемся, что другие вышедшие (и планируемые) «Беларускія ЕўраГраматыкі» написаны более аккуратно и являются действительно надёжными пособиями, к которым читатели будут обращаться за серьёзной информацией, а не просто полиглотствовать, довольствуясь поверхностными знаниями о языке («збіраць усю бібліятэчку»), чтобы «дзяўчыне на дваццаці мовах у каханні прызнацца»)¹⁸...

А. В. Андронов

¹⁸ Из интервью с В. Сивчиковым (<http://www.polskieradio.pl/zagranica/by/news/artukul99810.html>).

За время подготовки к изданию настоящего тома «Балто-славянских исследований» в серии «Беларускія ЕўраГраматыкі» вышла и «Кароткая граматыка літоўскай мовы» В. Вячорки (Мінск: Радыёла-плюс, 2010. — 166 с.). Надо сказать, что этот труд разительно отличается от рассматриваемого в настоящей рецензии, — он вполне может служить образцом грамматического описания языка для задуманного издателями серии формата.

Marta Eva Běťáková, Václav Blažek. Encyklopedie baltské mytologie

Praha: Nakladatelství Libri, 2012. 288 st.

В такой многомерной теме, как мифология, всегда сложно найти нужный баланс между «мифологической реальностью» и фантазией «мифологов», особенно, когда мифологическая традиция уходит корнями в глубокую древность. В случае с балтийской мифологией в связи с этим актуальным является вопрос достоверности источников, по поводу которых и по сей день ведутся жаркие споры среди балтистов (см., например, работы Н.А. Михайлова, посвятившего большую часть своих трудов именно этой теме).

Поэтому братья за описание балтийской мифологии и, в частности, за создание энциклопедии (по определению претендующей на объективность) — смелая инициатива, достойная большого уважения. В данном случае примечательно еще и то, что книга вышла на чешском языке: тем самым чешские ученые во многом закрывают «балтийскую лауну» в мифологических штудиях ближайших к балтам славянских соседей. Несомненным достоинством книги является ее лингвистическая составляющая: она дает возможность рассмотреть многие явления традиционной культуры в широкой языковой перспективе. Это позволяет авторам поместить балтийский пантеон в контекст индоевропейской традиции, привлекая ведийский, германский, романский и др. материал. Однако, в книге мало отсылок к славянскому материалу, как представляется, в данном случае необходимому. К сожалению, авторы не обращаются к энциклопедии «Славянские древности» (Этнолингвистический словарь в 5 томах под ред. Н.И. Толстого: т. I: 1995; т. II: 1999; т. III: 2004; т. IV: 2009).

Несомненной заслугой авторов и сильной стороной их работы является подкрепление многих данных этимологическим анализом. Остается только посоветовать, что не был учтен «Прусский словарь» В.Н. Топорова (Прусский язык: Словарь. — Т. 1 (A–D): 1975; Т. 2 (E–H): 1979; Т. 3 (I–K): 1980; Т. 4 (K–L): 1984) и выявленные там мифологические и языковые параллели.

Важным принципом в подаче материала является то, что каждый персонаж снабжен библиографической справкой, позволяющей оценить его достоверность. И в этом смысле примечательно, что в энциклопедию

включены также поздние литературные мифологические персонажи, являющиеся плодом фантазии их авторов (например, Юрате и Каститис, Милда и Каунис и т.п.).

При огромном объеме научной литературы и источников (в связи с чем труд, проделанный авторами, несомненно, заслуживает самой высокой оценки), к сожалению, стоит отметить недостаточное использование современных исследований по балтийской мифологии. Здесь прежде всего следует упомянуть работы Н.А. Михайлова (см. его полную библиографию в настоящем томе), В.Н. Топорова (в списке литературы упоминаются в основном его работы по гидронимии, в то время как упущены многие труды, посвященные собственно мифологии балтов, как в широком теоретическом аспекте, например, работы о мировом древе или основном мифе индоевропейцев, так и о более частных проблемах и отдельных персонажах), Д. Разаускаса (в частности, монография о литовском демоне Веюкасе, а также работы, посвященные отдельным мифологическим персонажам и явлениям), Н. Лауринкене, давно и успешно занимающейся «малыми божествами» (в книге есть ссылка только на работу о Перкунасе) и др. Если бы авторы уделили больше внимания современным исследованиям по балтийской мифологии, вероятно, статья об Эгле могла бы измениться — литовские фольклористы недавно опубликовали многотомное исследование, посвященное вариантам этой сказки в разных традициях и их сравнительному анализу (Pasaka Eglė žalčiū karalienė. T. 1: Lietuvių variantai (2007); T. 2: Latvių variantai (2007); T. 3: Finų, slavų, romanų, tiurkų variantai (2008); T. 4: Tyrinėjimai, kitos žinios (2008)).

Энциклопедия в основном направлена на описание антропоморфных мифологических персонажей (представителей высшего пантеона и низшей мифологии); кроме того, в нее включены также статьи, посвященные мифологическим представлениям об устройстве мира («небеса», «мир», «преисподняя»), отдельным мифологическим сюжетам («небесная свадьба») и явлениям («дайна», «удел, судьба», «душа умершего»). Несколько удивляет логика таких включений: если, например, существуют статьи, посвященные камням, имеющим определенные мифологические названия (*Kaukaspenis*, *Laumės papas*), вероятно, было бы оправдано включение в энциклопедию обобщающей статьи о камне. То же можно сказать и о мифологии животных: есть статьи о медведе, волке, уже, а также о «рыбьем короле», но нет, например, статьи о змее, важнейшем мифологическом персонаже балтийской мифологии, соответственно нет и упоминания «змеиною короля». Не вполне понятно включение в энциклопедию статей о Теодоре Нарбутте и Андрейсе Пумпурсе: если авторы хотели

описать вклад в балтийскую мифологию ее балтийских исследователей, то, вероятно, этот список должен был бы быть значительно расширен.

Существенным недостатком является отсутствие именного и предметного указателя.

Однако на недостатках не хотелось бы останавливаться (хотя представляется важным их упомянуть), поскольку они нисколько не умаляют ценности издания. Главная задача — общий обзор и систематизация мифологических данных — успешно выполнена. Дана объемная картина балтийских мифологических представлений, дополненная историческими и источниковедческими данными, приведенными в довольно подробном предисловии, а также сводными списками прусских божеств, данными в приложении; в приложение помещен и текст легенды о происхождении Вильнюса в изложении М. Стрыйковского в оригинале и с переводом на чешский (выбор именно этого сюжета, на наш взгляд, нуждается в комментарии). Отдельную ценность для читателя представляет список источников по балтийской мифологии, приведенный в хронологическом и алфавитном порядке.

В целом появление этой энциклопедии М. Е. Бетаковой и В. Блажека, несомненно, является событием для чешской (да и шире — для славянской) баллистики, поскольку подобных изданий крайне мало, и они чрезвычайно важны не только для балтистов и славистов, но и для индоевропейцев, как для этнолингвистов, так и для мифологов и фольклористов. Нет сомнения, что эта книга вызовет интерес у широкого круга читателей.

М. В. Завьялова

НЕКРОЛОГИ

Николай Михайлов

(11 июня 1967 Москва — 25 мая 2010 Удине)

К моменту выхода настоящего сборника из печати пройдет уже больше трех лет со дня смерти Николая Михайлова. За это время было написано много некрологов, изданы два сборника, посвященные его памяти, и книга его избранных статей, собранных Михаилом Евзлиным. Готовится к публикации недописанная им книга о славянской мифологии. И до сих пор трудно представить, что Николая уже нет с нами...

Все некрологи, независимо от того, кем они написаны (литовцами, русскими, словенцами, итальянцами; молодыми или пожилыми коллегами, мифологами или лингвистами, друзьями юности или наставниками) проникнуты глубоко личными воспоминаниями и трогательными чувствами. Очень трудно отделить в своей памяти образ Коли как ученого и просто как человека, очень близкого и родного для всех нас (как для коллектива редколлегии, так и для многих авторов этого сборника). Приводимые ниже тексты посвящены прежде всего талантливому человеку и близкому другу, но, несомненно, и большому ученому, коим является Николай Михайлов. В заключение публикуется библиография его работ.

По пути слов: памяти Николая Михайлова

В предисловии к своему роману Сервантес говорит: человек есть дитя своих трудов. Это в полной мере относится не только к странствующему рыцарю, ищущему *дела*, которые дали бы ему новое рождение, но также к ученым людям, ищущим *слова*. Странствия Николая Михайлова

начались в Москве, а окончились во фриульском городе Удине (северо-восточная Италия), с давних пор оказавшемся на перекрестке путей, ведущих из латинских земель в германские и славянские. Здесь соединялись и разъединялись языки, которые стали содержанием научной и преподавательской деятельности Николая Михайлова в городском университете на кафедре славянских языков. Его лингвистическим способностям удивлялся великий Топоров, учеником которого он был с самых малых лет. Владимир Николаевич посвящал его не только в тайны языков, их происхождения и развития, но и ходил с ним по музеям, объясняя ему значение картин великих художников.

В доме Владимира Николаевича и Татьяны Яковлевны произошла моя первая встреча с Николаем Михайловым. Я пришел, сопровождая профессора Марцио Марцадури, а Коля — вместе с мамой, Татьяной Владимировной. В следующий раз мы встретились в Италии, в Тренто. Николай Михайлов стал моим наставником, от него перешла ко мне мудрость и методы московской семиотической школы, в недрах которой он вырос в полном смысле этого слова.

Это был, как я сейчас думаю, самый плодотворный в интеллектуальном и научном отношении период для нас обоих, в который были заложены все основные идеи, ставшие для нас ведущими в последующие годы. К этому периоду относятся фундаментальные статьи Николая Михайлова, в которых производится радикальный пересмотр культуртрегерского лжемифа Прометея, книги по балто-славянской мифологии и исследование по ранней словенской письменности, ставшее классическим, не говоря о множестве работ, связанных с его преподавательской деятельностью — в начале в качестве лектора русского языка в Пизанском Университете, а затем профессора словенской литературы и языка в Удине.

Мы встречались каждую неделю, беседовали, окруженные Доломитовыми Альпами, в городе, который до сих пор называют Городом Собора по имени знаменитого Тридентского собора XVI века. Под прямым влиянием работ Николая Михайлова я стал писать первую свою книгу по мифологии (*Космогония и ритуал*), которая определила весь мой дальнейший научный путь вплоть до сего дня, когда Коля больше нет. Но только физически. Духовное интеллектуальное его присутствие я ощущаю постоянно, рассматриваю все свои работы как продолжение и завершение нашего совместного дела.

И все же основным делом для Николая Михайлова была не мифология, хотя он продолжал ей заниматься до самого последнего дня, о чем свидетельствует его неоконченная книга о славянской мифологии, а наука о словах, их тайных значениях. Это влечение к слову вполне проявилось

в его дипломной работе *Греческий космогонический миф в «Теогонии» Гесиода* (1989), в которой он дает блестящий этимологический анализ фундаментального для гесиодовской космогонии (и вообще для архаических представлений) понятия Χάος'а. Анализируя слово, его скрытый корень, из которого вырастают все его бесчисленные, как листья, значения, исследователь подходит к тому пределу, на котором (или с которого) он наблюдает целую систему архаических представлений, лежащих по ту сторону слов. Следуя за этимологией или цепочкой значений, ведущей к последнему и предельному значению, Николай Михайлов встал на пороге бытия, за которым не было уже никаких слов. Означает ли это, что слова потеряли смысл? Вовсе нет. Слова со своими значениями остались по эту сторону. В этом, собственно, состоит парадокс слова, который чувствовали великие мистические мыслители: за словом открывается бездна, но ведет к ней слово.

И хотя после того, как Николай Михайлов стал профессором словенской филологии в Удине, он отдалился от классических языков, и его внимание сосредоточилось почти исключительно на славянском и балтийском фольклоре, влечение к слову как «отпечатку» архаических миросистем никогда не ослабевало в нем, как то можно видеть из его образцовой во всех отношениях статьи по реконструкции славянских космогонических и космологических представлений на лингвистическом материале, т. е. опять же через слова, через выявление ставших невидимыми и неощутимыми значений слов.

В определенном отношении эта работа с древними этимологиями напоминает не столько археологию, сколько палеонтологию. Слово можно сравнить с окаменелостью, на которой *первозначение* является не в живом виде, а в форме мертвого следа-отпечатка, оставленного на камне как напоминание о мифическом *illo tempore*, когда слово концентрировало в себе энергию бытия, было живым словом богов, обращенным к людям.

Николай Михайлов жил среди этих слов, как древний маг среди таинственных предметов, которые только другим казались обыкновенными вещами. Эти слова замолкли вместе с ним. Но все же не совсем: остались его статьи и книги, в которых слова «озвучиваются», приоткрывая свой древний смысл, свое сокровенное бытие, которое открывается немногим, избранным. И Николай Михайлов был одним из тех немногих избранных.

* * *

Вижу — в обратной перспективе памяти — мою первую встречу с Колей. Его, тогда шестилетнего мальчика, привели к нам в гости. Родители заранее предупредили нас с сестрой (мы были несколькими годами старше Коли), что Коля необычный мальчик и с ним надо быть деликатными, чтобы ничем его не задеть. И когда у нас на пороге появилась маленькая фигурка в черной дубленке (большой редкости для Москвы начала семидесятых годов) и синем шарфе, я сразу ощутила необычность, «особость» этого человека. Произвел впечатление не только элегантный внешний вид Коли, но и его степенная, рассудительная манера говорить и вести себя, и вместе с тем, его трогательная робость, застенчивость.

Первое впечатление оказалось верным. В Коле поражала удивительная одаренность, с одной стороны, и хрупкость, незащищенность, с другой. Эта одаренность проявлялась и в аналитическом складе ума, мгновенно проникающего в суть проблемы, и в остроумии, любви к интеллектуальной игре, шутке; и в потрясающем знании иностранных языков, превышающей, на мой взгляд, способности полиглота, поскольку Коля не просто «схватывал» новый язык буквально на лету, а глубоко вживался в него и связанные с ним культуру, менталитет. В старших классах Коля за несколько недель усвоил итальянский от своего школьного товарища-итальянца; я в это время последовательно и медленно учила итальянский в университете, и, конечно, меня не мог не поразить такой процесс мгновенного «запечатлевания» иностранного языка в памяти. А несколькими годами раньше Коля также вдохновенно и вдохновляюще учил литовский во время нашей совместной экспедиции в Пелясу. Там же я наблюдала и зарождение Колиного интереса к литуанистике — в ходе занятий и бесед с В. Н. Топоровым, привившим своему ученику глубокую любовь к балтистике. Намного позже «своим» стал и словенский язык.

Колина одаренность проявлялась и в человеческих отношениях, в его умении сочувствовать и сопереживать, входить в положение другого и пытаться помочь ему. Я помню наш разговор во Флоренции весной 1998 г., когда я рассказывала Коле о моем будущем муже и не вполне ясных перспективах, поскольку мы жили в разных странах. Я была глубоко тронута желанием Коли вникнуть в мою ситуацию, помочь, подбодрить, его радость за меня; и это при том, что в это время Коля готовился к конкурсу в Университете и очевидным образом волновался. Я очень благодарна Коле за его участие и сочувствие по отношению к моей маме после папиной смерти, за те часы, которые Коля провел вместе с ней

в воспоминаниях и разговорах; знаю, что для нее это было большой поддержкой.

Вероятно, оборотной стороной Колиной способности к сопереживанию и была его хрупкость, ранимость, незащищенность. Обратная сторона человеческой глубины. Когда Коля уехал за границу, наши встречи не прекратились; они стали более редкими, но не менее теплыми. Лидо ди Езоло, Тренто, Ора, Валентиновка — я помню каждую из них, то радостную, когда казалось, что недуг отступил и даже преодолен, то горестную, когда Коля изнемогал под его тяжестью, но всегда искреннюю и глубокую. Пунктир встреч... Какая встреча была последней, не помню, наверно, потому, что она не последняя...

Анна Топорова

ПУБЛИКАЦИИ Н. А. МИХАЙЛОВА

Монографии

- 1) Elementi fondamentali della grammatica russa / in collaborazione con M. Yevzlin, R. Antonioli, a cura di S. Pescatori. Trento, 1992. 96 p.
- 2) Mitologia slava: stato attuale e prospettive degli studi. Prefazione. Fonti. Bibliografia essenziale // Mitologia Slava. I. Studi sulla mitologia dei popoli slavi. Antologia. Prefazione e cura di N. Mikhailov. Pisa, 1993. 228 p.
- 3) [второе издание] Mitologia Slava. I. Studi sulla mitologia dei popoli slavi. Antologia. Prefazione e cura di N. Mikhailov. Seconda edizione corretta e ampliata. Pisa — Genova, 1995.
- 4) (совместно с П.-У. Дини) Mitologia baltica. Studi sulla mitologia dei popoli baltici. Antologia. Pisa, 1995. 190 p.
- 5) Dizionario italiano-sloveno, sloveno-italiano. Milano, 1996. 590 p.
Rec.: J. Moder. Italijansko-slovenski in slovensko-italijanski slovar iz Italije. Tui sreča včasih ne pride sama // Književni listi, «Delo», 12.02.1998. P. 16.
- 6) I monumenti linguistici sloveni dell'epoca dei manoscritti. Lingua e letteratura slovena dai Monumenti di Frisinga a P. Trubar. Con una nuova edizione del manoscritto di Cergneu. Pisa, 178 p.
Rec.: Lj. Russi. Monografija o slovenskih rokopisih. Prispevek italjanske slavistike k slovenističnim raziskavam // «Delo», Književni listi, 9.10.1997.
- 7) Frühslovenische Sprachdenkmäler. Die handschriftliche Periode der slowenischen Sprache XIV. Jh. bis 1550. Amsterdam / Atalanta, 1998. 451 p., иллюстрации.
- 8) Baltische und slawische Mythologie. Ausgewählte Artikel. Madrid, 1998. 165 p.
- 9) Jezikovni spomeniki zgodnje slovenščine. Rokopisna doba slovenskega jezika (od XIV. stol. do leta 1550). Trieste / Trst, 2001. 256 p.
- 10) Mythologia slovenica. Poskus rekonstrukcije slovenskega poganskega izročila. Trieste / Trst, 2002. 141 p.

- 11) Этимология и мифология / ред. М. Евзлин. Мадрид, 2011. 138 стр.
- 12) Zgodovina slovanske mitologije v XX. stoletju (незаконченная рукопись, хранится в архиве НМ. Состав: план книги, предисловие, библиография, более двадцати главок, полный список которых должен был выстроить и состояние исследований по славянской мифологии, и устройство славянского пантеона в реконструкции; в данное время готовится к публикации).

Статьи

- 1) Ха́ос в *Теогонии* Гесиода (из дипломной работы «Греческий космогонический миф в Теогонии Гесиода: структура текста, реконструкция, сравнительный комментарий. Москва, 1989») // Н. А. Михайлов. Этимология и мифология / ред. М. Евзлин. Мадрид, 2011. С. 11–16.
- 2) Нηρεΐς у Гесиода. К семантике имени (из дипломной работы «Греческий космогонический миф в Теогонии Гесиода: структура текста, реконструкция, сравнительный комментарий. Москва, 1989») // Н. А. Михайлов. Этимология и мифология / ред. М. Евзлин. Мадрид, 2011. С. 17–19.
- 3) К возможности реконструкции фрагментов славянской космогонии/космологии на материале заговоров // Н. А. Михайлов. Этимология и мифология / ред. М. Евзлин. Мадрид, 2011. С. 50–70.
- 4) Нерей в «Теогонии» Гесиода. К семантике имени // Балканские чтения 1. М., 1990. С. 45–47.
- 5) «Теогония» Гесиода как индоевропейский космогонический текст // Языки культуры в античности. М., 1990. С. 16–17.
- 6) Время и пространство в одном стихотворении Сефериса // Балканские чтения 1. М., 1990. С. 144–146.
- 7) К одному литовскому названию бобра (В связи с балканскими параллелями) // Образ мира в слове и ритуале. (Балканские чтения 1). М., 1992. С. 108–111.
- 8) *Ведьма* как архетипический персонаж // Балканские чтения 2. Симпозиум по структуре текста. М., 1992. С. 50–52.
- 9) A proposito di una interpretazione del teonimo slavo Perun // Ricerche slavistiche. 1992–1993. Vol. 39–40. N. 2. P. 89–94.
- 10) Еще раз о словенском Куренте. Некоторые параллели // Балканские чтения 3. 1994. С. 119–122.
- 11) К реконструкции отдельных фрагментов славянской космологии на основе фольклорных источников (1. К проблеме «первичности и вторичности источников по славянской мифологии; 2. Космологический мотив «страдания земли»; 3. «Тартарары» — первопространство и нижний мир в русской народной традиции; 4. Антропология русского заговорного универсума. Границы обитания человека) // Књижевна историја. XXVI, 94. Београд, 1994. С. 325–337.
- 12) Локи и Прометей. К типологии протоперсонажа // Знаки Балкан. Часть I. М., 1994. С. 116–134.
- 13) О некоторых аспектах «филантропической» культуртрегерской деятельности Прометей // Знаки Балкан. Часть I. М., 1994. С. 172–183.
- 14) Appunti su *Belobog e *Černobog // Ricerche slavistiche. 1994. Vol. 41. P. 41–51.

- 15) *Mitologia slava. Parte prima: la tradizione slava orientale — le divinità principali // Bollettino dell'associazione Iskra. N. 2. 1994. P. 4–6.*
- 16) *Mitologia slava. Parte seconda: la tradizione degli slavi del Baltico — le divinità principali // Supplemento a «Il Cerchio e le linee». VII. N. 3. 1994. P. 4–6.*
- 17) *Das «gemischte» slawisch-baltische Pantheon von Christian Knauthе // Res Balticae 1, 1995. С. 115–139.*
- 18) *Еще о *Белобоге и *Чернобоге (К возможности прочтения некоторых косвенных источников) // Славяноведение. 1995, № 3. С. 89–96.*
- 19) *Lett. *nāve*, lit. *novis*, altslaw., altruss. **navī* u. a. Zum Problem der Realisierung eines balto-slawischen (Ur)stammes auf der mythologischen Ebene // Pontobaltica. 1996. Vol. 6. P. 95–102.*
- 20) *Mitologia slava. Parte terza: demonologia slava // Supplemento a «Il cerchio e le linee». N. 5. 1996. P. 3–5.*
- 21) *Baltico-slovenica. Alcuni paralleli mitologici // Res Balticae, 1996. Vol. 2. P. 151–178.*
- 22) *Фрагмент словенской мифопоэтической традиции // Концепт движения. Структура словесных и несловесных текстов славянской традиции. М., 1996. С. 127–141.*
- 23) *Slovanska mitologija in slovensko bajeslovje // Koledar Mohorjeve družbe v Celovcu 1997. Cevolec, 1996. P. 111–114.*
- 24) *Некоторые итоги работы по описанию и реконструкции славянской духовной культуры (К выходу в России двух книг по славянской мифологии и этнографии) // Russica Romana. 3. 1996. P. 363–371.*
- 25) *«Slovanski mit» v zahodnoevropskem «modelu sveta». Nekaj «etnokulturoloških» opazk // «Celovški zvon», December 1996, Letnik XIV/53. Klagenfurt, 1996. P. 27–32.*
- 26) *Vieno šaltinio lingvistiškos-mitologinės reabilitacijos klausimu. Jono Lasickio «De Diis Samagitarum» // Naujasis židinys–Aidai. 1997. Nr. 11–12. P. 449–454.*
- 27) *Černjejski rokopis iz XV.–XVI. Stoletja. O vlogi slovenščine v Benečiji v poznem srednjem veku // Koledar Mohorjeve družbe v Celovcu-1998. Klagenfurt, 1997. P. 56–59.*
- 28) *«Альпийская» модель мира: к организации пространства (южнотирольский «Alpenraum») // Натура и культура. Славянский мир. / отв. ред. И. И. Свирида. М., 1997. С. 41–47.*
- 29) *К реконструкции отдельных космогонических / космологических и «антропологических» фрагментов славянской модели мира на материале русских заговоров // А. Arkhipov, I. Polinskaya (ed.). Studies in Slavic Folklore and Folk Culture. V. 2, Berkeley Slavic Specialities. Oakland, California, 1997. P. 57–76.*
- 30) *Kr(e)snik, eine Figure der Slowenischen Version des urslawischen Hauptmythos // Књижевна историја, XIX. 101. 1997. P. 23–37.*
- 31) *Eines der ersten slowenischen Sprachdenkmäler: Klagenfurter Handschrift (Celovški / Rateški rokopis), XIV. Jh. // Ponto-baltica. 1997. Vol. 7. P. 129–161.*
- 32) *Eine slowenisch-prußische lexikalisch-mythologische Parallele: *kres* / *kresze* // Slovenski jezik — Slovene Linguistic Studies. 1997. Vol. 1. P. 153–169.*
- 33) *Baltoslovanska mitologija — baltiska in slovanska mitologija — slovenska mitologija. Nekaj terminoloških opomb // «Tradiciones» 26, Ljubljana, 1997. P. 77–99.*

- 34) Славяне в рамках славянской и западноевропейской (итальянской) модели мира. «Этномифология» и реальная ситуация // Славяноведение, 2, 1997. С. 46–48.
- 35) О роли словенского языка в Венеции на рубеже 15-го — 16-го вв. К 500-летию первой записи Цернейской рукописи // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. М., 1998. С. 143–160.
- 36) Baltische Mythologie. Der aktuelle Zustand der Forschung. Probleme und Perspektiven // Baltistik: Aufgaben und Methoden, «Indogermanische Bibliothek», 19. Heidelberg: Universitätsverlag; Carl Winter Verlag, 1998. P. 409–416.
- 37) Еще один раз об одном трактате по литовской мифологии (Попытка реабилитации труда Яна Ласицкого о жемайтских богах) // Polytronon. К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 428–438.
- 38) Балтийские боги в «сербо-лужицком пантеоне» А. Френцеля // Балто-славянские исследования 1997. М., 1998. С. 392–399.
- 39) Einige Anmerkungen zur slowenischen mythopoetischen Tradition im Rahmen der slawischen Mythologie // Studia mythologica Slavica. 1998. Vol. 1. P. 55–60.
- 40) Словенские числительные в «Рукописи из Удине» (1458) // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 279–285.
- 41) Die sogenannte «slowenische Homilieskizze» („Slovenski načrt za pridigo“) aus der handschriftlichen Periode der slowenischen Sprache // Slovenski jezik Slovene Linguistic Studies, 2 / 1999. Ljubljana — Lawrence, P. 77–90.
- 42) Edition der Handschrift mit slowenischen Monatsnamen (1466) aus Škofja Loka // Festschrift V. V. Ivanov. Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999. С. 619–625.
- 43) Epitetni pomen slovanskih poganskih teonimov kot morebitna razlaga polikefalnosti nekaterih božanstev (še enkrat o rekonstrukciji slovanske mitologije) // «Traditiones», 28/1. Ljubljana, 1999. P. 179–183.
- 44) Einige Anmerkungen zum Begriff «baltisch-slawische» Mythologie // Aspekte baltischer Forschung. R. Eckert zum 65. Geburtstag, München — Greifswald, 2000. P. 206–225.
- 45) «Антропология» русского заговорного универсума // Миф в культуре: человек-не человек. М., 2000. С. 112–121.
- 46) К одной балто-южнославянской фольклорно-ритуальной формуле: лит. *laima lemė*, лтш. *laima nolemj*, слвн. *sojenice sodijo* // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 193–197.
- 47) Una riflessione sugli ultimi sviluppi di studi mitologici // Studia mythologica Slavica. 2000. Vol. 3. P. 219–221.
- 48) (совместно с П.-У. Дини) I Materiali preliminari per la bibliografia della mitologia baltica (1900–2000). II. Ulteriori aggiornamenti // Res Balticae. Pisa, 2001. N. 7. P. 101–116.
- 49) O enem mitoloskem traktatu iz XVII. stoletja: M. Frent(z)el «De idolis Slavorum» // Studia mythologica Slavica. Ljubljana — Udine, 2001. P. 17–24.
- 50) Jezikovni spomeniki zgodnje slovenscine. Rokopisna doba slovenskega jezika (od XIV. stol. do leta 1550) // Jezikovni spomeniki zgodnje slovenscine. Rokopisna doba slovenskega jezika. Trieste, 2001.

- 51) Baltoslavų mitologija — baltų ir slavų mitologija — slovėnų mitologija. Keletas terminologinių pastabų // Liaudies kultūra. 2001, Nr. 1. P. 7–18.
- 52) Traktat o slovanskih bogovih iz XVII. stol.: M. Fren(t)zel, Dissertationes historicae tres de idolis Slavorum // Studia mythologica slavica. 2001. Vol. 4. P. 17–24.
- 53) Русские могилы на евангелическом кладбище в Меране // Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri. Padova, 2002. P. 277–282.
- 54) Note su alcune interpretazioni dello stato attuale degli studi della mitologia slava // Studia mythologica Slavica. Ljubliana, 2003, Vol. VI. P. 289–292.
- 55) Slaviškoji baltų kalbų kilmė ir vienas baltų-slavų mitologijos fragmentas M. J. Thunmann'o veikale «Untersuchungen über die alte Geschichte einiger nordischen Völker» // Slavistica Vilnensis [Kalbotyra]. 2003. Nr. 52. Šąs. 2. P. 77–83.
- 56) Una curiosa coincidenza nei trattati di Łasicki (1580?) e di Thunmann (1772) // Res Balticae. — 2004. Vol. 9. P. 195–201.
- 57) Baltų mitologijos tyrinejimų esama padėtis // Liaudies kultūra. Vilnius, 2003. N. 4. P. 67–69.
- 58) Словенская мифология: между Балканами и Центральной Европой // Балканские чтения 8. В поисках «западного» на Балканах. М., 2005. С. 121–123.
- 59) Das Problem der Existenz der «Urmythen» in den Traditionen ohne eigene epische Primärquellen // Балтийские перекрестки. Этнос, конфессия, миф, текст. Санкт-Петербург, 2005. С. 344–350.
- 60) Slovanski teonim *Henillo/Honidlo* in baltski *Goniglis Dziewos* // Studia mythologica slavica, 2006. Vol. IX. P. 323–326.
- 61) «Запад на Балканах» или «балканский запад» в лингвистическом аспекте: даламатинский язык // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти В. Н. Топорова. М., 2007. С. 280–286.
- 62) Укр. *мольфар*, слвн. *malavar* и др. Демонологическая параллель // Terra Balkanica. Terra Slavica. Балканские чтения 9. К юбилею Т. В. Цивьян. М., 2007. С. 93–97.
- 63) К одной прусско-словенской этнолингвистической параллели: языческий праздник *kresze/krês* // Этнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика. У част академика Светлане Толстој. Београд: Српска академија наука и уметности, 2008. С. 245–248.
- 64) Ancora una volta sul Trattato di mitologia samogizia di Jan Łasicki // Res Balticae. 11. 2008. P. 145–153.
- 65) Še enkrat o t.i. Načrtu za pridigo iz 16. stoletja ter o problemu avtrotstva zgodnjeslovenskih rokopisov // Slovenski jezik v 16. stoletju — sborni povzetkov. Ljubljana, 2008. P. 24.
- 66) (совместно с Т. В. Цивьян) *Rauda boružei* — Плач по божьей коровке (статья В. Н. Топорова и стихотворение М. Мартинайтиса // Балто-славянские исследования XVIII. М., 2009. С. 568–577.

Рецензии

- 1) G. Reale. Per una nuova interpretazione di Platone // Вестник древней истории, 3, 1990. С. 190–195.
- 2) Marojević R. Lingvistika i poetika prevodjenja: medjuslovenski prevod. Beograd, 1989 // Советское славяноведение, 5, 1991. С. 96–99.

- 3) В. Н. Топоров. Пушкин и Голдсмит в контексте русской Голдсмитианы (к постановке вопроса), *Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 29*, Wien, 1992 // *Ricerche slavistiche*. 1992–1993. Vol. 39–40. N. 2. P. 317–319.
- 4) Л. Г. Невская. Балто-славянское причитание. Реконструкция семантической структуры // *Ricerche slavistiche*. 1994. Vol. 41. P. 340–343.
- 5) *Formalisti o Puškinu*, Beograd, 1994, 142 cc. // *Ricerche slavistiche*. 1995. Vol. 42. P. 565–566.
- 6) Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов. Дело славистов: 30-е годы. Москва, 1994, 285 cc. // *Ricerche slavistiche*. 1995. Vol. 42. P. 565.
- 7) D. J. Ovsec. *Slovanska mitologija in verovanje*, Ljubljana, 1991, 538 pp. // *Ricerche slavistiche*. 1995. Vol. 42. P. 566–570.
- 8) L. Moszyński. *Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft*, Köln-Weimar-Wien, 1992, 144 S. // *Ricerche slavistiche*. 1995. Vol. 42. P. 571–573.
- 9) Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов / Отв. ред. С. М. Толстая, Т. В. Цивьян. Москва, 1993; Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. Отв. ред. В. В. Иванов, Т. Н. Свешникова. Москва: Наука, 1993; Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст / Отв. ред. Т. М. Николаева. Москва: Индрик, 1994, вып. I // *Russica Romana*. 1995. Vol. 2. P. 409–413.
- 10) *Cultura, mitologia, religione dei Balti. Segnalazioni di alcuni libri pubblicati in Lituania* // *Res Balticae*. 1995. Vol. 1. P. 195–197.
- 11) V. Vyčinas. *Didžiosios deivės epocha*. Vilnius: Mintis, 1994, 142 p. // *Res Balticae*. 1996. Vol. 2. P. 229–230.
- 12) M. Bartninkas. *Senovės lietuvių religija ir mitiniai vaizdiniai*. Vilnius: Valstybinis leidybos centras, 1993, 207 p. // *Res Balticae*. 1996. Vol. 2. P. 230–231.
- 13) *Senovės baltų kultūra. Dangaus ir žemės simboliai* / sudarė E. Usačiovaitė. Vilnius: Academia, 1995, 235 p. // *Res Balticae*. 1996. Vol. 2. P. 232–236.
- 14) *Dieveniškės* / sudarė Venantas Mačiekus. Vilnius: Mintis, 1995, 525 p. // *Res Balticae*. 1996. Vol. 2. P. 236–238.
- 15) (совместно с П. У. Дини) Z. Zinkevičius. *Lietuvių kalbos istorija. Rodyklės ir bibliografija*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995, 374 p.; Z. Zinkevičius. *Lietuvių kalbos istorija. Vadovėlis aukštosioms mokykloms*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996, 325 p.; Z. Zinkevičius. *The History of the Lithuanian language, with a foreword by William R. Schmalstieg* / English translation of Ramutė Plioplyš. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996, 374 p. // *Res Balticae*. 1996. Vol. 2. P. 248–249.
- 16) *Razvoj slovenske etnologije od Štreklja in Murka do sodobnih etnoloških prizadevanj*. Zbornik prispevkov s kongresa, Ljubljana, Cankarjev dom, 24.-27. oktober 1995, uredila Rajko Muršič in Mojca Ramšak, Slovensko etnološko društvo. Ljubljana, 1995, 320 pp. // *Ricerche slavistiche*, XLIII. 1996. P. 693–696.
- 17) *South Slavic Folk Culture. A Bibliography of Literature in English, German, and French on Bosnian-Herzegovian, Bulgarian, Macedonian and Serbian Folk Culture*, compiled and edited by Klaus Roth and Gabriele Wolf with the cooperation

- of Tomislav Helebrant, Slavic Publishers Inc., Columbus, Ohio, 1994 // *Ricerche slavistiche*, XLIII. 1996. P. 696–697.
- 18) Naujas stimulas baltų mitologijai tyrinėti // *Kultūros barai*. 1997. Nr. 12. P. 101–103. [О кн.: *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai*. I. Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos / sudarė N. Vėlius. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996, 743 p.]
- 19) Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. I. Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos / sudarė N. Vėlius. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996, 743 p. // *Res Balticae*. 1997. Vol. 3. P. 248–250.
- 20) Балто-славянские исследования 1988–1996. Сборник научных трудов / отв. редакторы Т. М. Судник, Е. А. Хелимский. Москва: Индрик, 407 pp. // *Res Balticae*. 1997. Vol. 3. P. 241–244.
- 21) N. Laurinkienė. Senovės lietuvių dievas Perkūnas kalboje, tautosakoje, istoriniuose šaltiniuose. Vilnius, 1996, 238 pp. [Tautosakos darbai, t. IV (XI)]; N. Laurinkienė. God Perkūnas of Ancient Lithuanians. Abstract of the Thesis for Habilitated Doctor of Humanities Degree (Folcloristics). Vilnius, 1996, 39 pp. // *Res Balticae*. 1997. Vol. 3. P. 250–252.
- 22) Aktuelle Probleme der Baltistik. Allgemeine Literatur- und Sprachwissenschaft. Eine Schriftenreihe der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald / hrsg. von Jürgen Klein und Günter Weise. Essen: Die Blaue Eule, 1996, 170 pp. // *Res Balticae*. 1997. Vol. 3. P. 252–253.
- 23) Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого, тт. I–II, М., 1998; Языки большие и малые. In memoriam Akad. Nikita I. Tolstoj [Slavica Tartuensia. IV]. Tartu, 1998 // *Slavica Tergestina*. 1999. Vol. 7. P. 193–199.
- 24) Очерки истории культуры славян / редакционная коллегия В. Волков, В. Петрухин, А. Рогов, С. М. Толстая, Б. Н. Флоря, Москва, Индрик, 1996, 464 стр. // *Slavica Tergestina*. 1999. Vol. 7. P. 199–202.
- 25) *Lietuvių mitologija*, 2, Vilnius, 1997 // *Res Balticae*. 1999. Vol. 5. P. 269–271.
- 26) P. Merkù. Slovenska krajevna imena v Italiji. Priročnik. / Toponimi sloveni in Italia. Manuale, Trst, 1999 // *Ponto-baltica*. 1998–1999. Vol. 8–9. P. 198–199.
- 27) Marc L. Greenberg. A Historical Phonology of the Slovene Language, Universitätsverlag C. Winter, Heidelberg, 2000, 200 p. // *Slavica Tergestina*. 2001. Vol. 9. P. 321–325.
- 28) Балто-славянские исследования 1998–1999. Сборник научных трудов. Москва: Индрик, 2000, 400 pp. // *Baltistica*. 2001. T. 35. Šąs. 2. P. 248–251.
- 29) I. Šimelionis. Vilnija šimtmečių verpetuose. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2002, 399 p. // *Res Balticae*. 2002. Vol. 8. P. 265–266.
- 30) Rosanna Benacchio. I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto, Udine, [Biblioteca di studi linguistici e filologici, 4], Società Filologica Friulana, 2002, pp. 196 // *Ce fastu? Rivista della Società Filologica Friulana «Graziadio I. Ascoli», LXXIX (2003) 2*. P. 309–311.
- 31) I. Šimelionis. Vilnija šimtmečių verpetuose. Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas. Vilnius, 2002, 399 p. — И. Шимелёнис. Вильния в водовороте столетия литовской литературы и фольклора. Вильнюс, 2002, 399 с. // Балто-славянские исследования XVI. М., 2004. С. 441–442.

- 32) Nuo kulto iki simbolio. Senovės baltų kultūra, a cura di E. Usačiovaitė, Kultūros, filosofijos ir meno institutas, Vilnius 2002, 376 pp. // *Studia Mythologica Slavica*. VII, 2004. P. 183–184.
- 33) Словенска митологија. Енциклопедијски речник, редактори Светлана М. Толстој, Љубинко Раденковић. Београд, Zepher Book World, 2001, 736 с. // *Studia Mythologica Slavica*. VII. 2004. P. 185–188.
- 34) Балтийские языки. Российская академия наук. Институт языкознания; Ред. колл.: В. Н. Топоров, М. В. Завьялова, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, А. В. Андронов, Ю. Б. Коряков. М.: Academia, 2006, 224 с. // *Балто-славянские исследования XVII. М., 2006. С. 488–492.*
- 35) G. Beresnevičius. Lietuvių religija ir mitologija. Vilnius, 2004 // *Tautosakos darbai*, XXX. 2005. P. 264–265.

Тезисы, библиографии, некрологи и другое

- 1) К организации пространства в южнотирольской модели мира: «Alpenraum» // *Натура и культура. Тезисы конференции. Москва, ноябрь 1993. М., 1993. С. 22–26.*
- 2) Человек : не-человек. (К антропологии русских заговоров) // *Миф и культура: человек — не-человек: Тезисы конференции. М., 1994. С. 37–40.*
- 3) Примеры «двойного» табуирования в двуязычной среде // *Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. М., 1995. С. 70–72.*
- 4) Славяне в восприятии славян и некоторых европейских неславянских народов (итальянцы) // *Славяне в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции, 20–22.02.1996. М., 1996. С. 46–47.*
- 5) Materiali preliminari per una bibliografia della Mitologia baltica, a cura di P. U. Dini, N. Mikhailov // *Res Balticae*, 3, 1997. P. 165–213.
- 6) Lingvistinė baltų teonimų analizė J. Lasickio veikale «De Diis Samagitarum» (XVI a. pab.) // VIII tarptautinio baltistų kongreso «Baltų kalbos XVI ir XVII amžiuje» pranešimų tezės, 1997 m. spalio 7–9 d. Vilnius, 1997. P. 97–98.
- 7) Казимерас Эйгминас (1929–1996) // *Балто-славянские исследования 1988–1996. Сборник научных трудов / отв. редакторы Т. М. Судник, Е. А. Хелимский. М., 1997. С. 395–396.*
- 8) «Salve, carissime...» // *Homo sum. Žodžiai Kazimierui Eigminui. Vilnius, 1998. P. 242–246.*
- 9) Zu den slawischen «Etymologien» der baltischen Theonyme im Traktat A. Frenzels // *Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск I. Секция баллистики, 10–12 марта 1998 г. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 1998. С. 26.*
- 10) Die Briefe von A. Leskien an R. van der Meulen / N. Mikhailov, J. Schaeken // *Res Balticae*, 1998, Nr. 4. P. 213–231.
- 11) Nauji žingsniai baltų mitologijos rekonstrukcijoje // *Baltistica IX, 2000, Starptautiskasis baltistu kongressas «Baltu valodas laikmetu griežos», 03.10.2000–06.10.2000. Rīga, 2000. P. 203–205.*
- 12) I materiali preliminari per una bibliografia della Mitologia baltica (1900–2000) II. Ulteriori aggiornamenti, compilata di P. U. Dini, N. Mikhailov // *Res Balticae*, 2001, Nr. 7. P. 101–116.

- 13) Lietuvių kosmogoninės sakmės ir slovėnų kosmologiniai pasakojimai iš Mengešo ir Šiškos // Kultūrų kryžkelės. Etnokonfesiniai procesai Baltijos regione. Tarptautinė konferencija. Sankt-Peterburg, 2004. P. 38.
- 14) Vladimiras Toporovas (1928 07 05–2005 12 05) // Baltistica XLI (I), 2006, P. 157–159.
- 15) (совместно с Т. В. Цивьян) Владимир Николаевич Топоров. Некролог // Калининградские архивы Вып. 7. Калининград, 2007. С. 280–286.
- 16) Vladimiras Nikolajevičius Toporovas — lietuvių kalbos ir lietuvybės mokytojas // Vladimiras Toporovas ir Lietuva. Vilnius, 2008. P. 155–161.

Редактирование

- 1) La cultura spirituale russa. A cura di Luigi Magarotto e Daniela Rizzi. Università di Trento, 1992 (подготовка текста).
- 2) Il russo universitario per principianti di M. Yevzlin. A cura di Nikolaj Mikhailov. Università degli Studi di Trento, 1992.
- 3) В. Н. Топоров. Эней — человек судьбы. Подготовка текста Н. Гринцера, М. Евзлина, Н. Михайлова. Москва, 1993.
- 4) М. Евзлин. Космогония и ритуал. Москва, 1993 (редактирование текста)
- 5) В. Н. Топоров. О мифопоэтическом пространстве (V. N. Toporov. Lo spazio mitopoetico). A cura di N. Mikhailov e M. Yevzlin («Studi slavi», Università degli studi di Pisa, n. 2), Pisa — Genova, 1994.
- 6) М. Л. Гаспаров. Античность в русской поэзии начала XX века. Prefazione di S. Garzonio («Studi slavi», Università degli studi di Pisa, n. 4). Pisa — Genova, 1995 (подготовка текста).
- 7) Т. Попович. Динамика традиции («Studi slavi», Università degli studi di Pisa, n. 5). Pisa, 1996.
- 8) V. Toporov. Baltų mitologijos ir ritualo tyrimai. Rinktinė / sudarė Nikolaj Mikhailov. Vilnius, 2000.
- 9) Res Balticae. Miscellanea italiana di studi baltistici. A cura di P. U. Dini, N. Mikhailov. Pisa, 1995–2003.
- 10) Studi slavi, Pisa (Genova), 1993–1998 (совместно с G. Dell’Agata, S. Garzonio, P. U. Dini, J. Marušková).
- 11) Studia mythologia Slavica, 1998–2010 (совместно с М. Кропеч), ZRC SAZU, Ljubljana, Slovenija — Dipartimento di Lingue e Civiltà Centro-orientali, Università degli Studi di Udine, Italia.

Публицистика

- 1) Kaip Maskvoje reaguojama į įvykius Lietuvoje // Laisvas žodis. Nr. 4(16), 15.02.1989.
- 2) „Nacionalinis klausimas“ ir nacionaizmo kvapas. Žvilgsnis iš Maskvos į Lietuvą // Komjaunimo tiesa. Nr. 175(11330), 12.09.1989.
- 3) [La lettera sul Centro di Lituania a Mosca] // Atgimimas. Nr. 20(82), 23–30.05.1990.
- 4) Repubbliche baltiche // Europa-2, Mete e regioni, «Touring Club Italiano». Milano, 1991. P. 20–31.

- 5) Repubbliche baltiche. Lituania, Lettonia, Estonia // Grandi Città e Itinerari d'Europa. Vol. II. «Touring Club Italiano». Milano, 1996. P. 192–208.
- 6) Staroslovansko poganstvo in slovensko ljudsko izročilo. I. Triglav // Družina in Dom. Nr. 1, januar 1997. P. 9.
- 7) Staroslovansko poganstvo in slovensko ljudsko izročilo. II. Sventovit // Družina in Dom. Nr. 3, marec 1997. P. 10.
- 8) Staroslovansko poganstvo in slovensko ljudsko izročilo. III. Perun // Družina in Dom. Nr. 4, april 1997. P. 9.
- 9) Staroslovansko poganstvo in slovensko ljudsko izročilo. IV. Mokoš in Živa // Družina in Dom. Nr. 5, maj 1997. P. 10.
- 10) Laiškas redaktoriui. Apie Vladimira Toporova // Naujasis židynys — Aidai. 1998 m. lapkritis-gruodis. P. 453–454.

Переводы

- 1) V. Čajkanović. Dabog // Mitologia Slava. I. Studi sulla mitologia dei popoli slavi. Antologia. Prefazione e cura di N. Mikhailov. Pisa, 1993. P. 60–62 (с сербского на итальянский)
- 2) Idem // Mitologia Slava. Studi sulla mitologia dei popoli slavi. Antologia. Prefazione e cura di N. Mikhailov. Seconda edizione corretta e ampliata. Genova — Pisa, 1995, p. 60–62 (с сербского на итальянский)
- 3) П. У. Дини. О топониме Пиза в индоевропейской перспективе // Балканские чтения, 3. М., 1994. С. 18–21 (с итальянского на русский)
- 4) (совместно с П. У. Дини) A. Sabaliauskas. Sull'edizione italiana di Antanas Salys // Res Balticae. Pisa, 1995. P. 177–180 (с литовского на итальянский)
- 5) (совместно с П. У. Дини) S. Karaliūnas. Lit. dial. *mōja* e gr. μοῦα 'madre' // Res Balticae. Pisa, 1995. P. 73–76 (с литовского на итальянский)
- 6) S. Gardzonio. M. Lopatto — rusų poetas iš Vilniaus Florencijoje // Res Balticae, Pisa, 1995. P. 181–185 (с итальянского на литовский)
- 7) (совместно с Т. В. Цивьян) М. Элиаде. Кузнецы и алхимики // Мирча Элиаде. Азиатская алхимия. М., 1998. С. 140–269. (с французского на русский).

Интервью

- 1) Люция Армонайте. Зачет по литовскому языку... в Москве // Вечерние новости. Вильнюс, 16.06.1989. С. 8.
- 2) Фердинандас Каузонас. Русские люди — наши люди // Республика. Вильнюс, № 15 (1315), 23 января 2001 г. стр. 12. (= Ferdinandas Kauzonas. Rusų žmonės — mūsų žmonės // Respublika, 2001 m. sausio 23 d. P. 23)
- 3) Tomaž Švagelj. Slovenska mitološka tradicija je zelo arhaična // Delo, 30 mar. 2001.
- 4) Ivanka Hergold. Pogovor s prof. Dr. Mikhailovom // Mladika. Trst, Št. 03/04. Maj 2001. P. 13–16.
- 5) Ines Cergol Bavčar. Jezikovni spomeniki zgodnje slovenščine ruskega slavista Nikolaia Mikhailova. «Slovanska duša je koketirajoča provokacija» // Sobota, 16 junija 2001. P. 24.
- 6) Jože Zadavec. Razgledi evropskega svetovljana // Družina, 30. 22 julija 2002.

О Николае Михайлове

- 1) Tatjana Rojc. Rokopisna doba slovenskega jezika še ni povsem raziskana // Primorski dnevnik, 6.06.2001. S. 8.
- 2) Nijolė Laurinkienė. Nikolajus Michailovas ir Lietuva // Naujasis židinys — Aidai. Vilnius, 2010. P. 202–204.
- 3) Marija Zavjalova. Nikolajui Michailovui — mokytoju ir draugui (1967.06.11–2010.05.25) // Liaudies kultūra. Nr. 3. 2010. P. 76–77.
- 4) Algirdas Sabaliauskas. Nikolajų Michailovų išlydint (1967–2010) // Tautosakos darbai, XXXIX, 2010. P. 262–265.
- 5) Antanas Jonkus. Nikolajus Michailovas 1967 06 11–2010 05 25 (in memoriam) // http://moscovia1.narod.ru/maskvieciai/2010_06_Michailovas.htm
- 6) Nikolaj Michailov // Vilniaus universiteto kraštotyriminkų ramuva: <http://www.ramuva.lt/index.php/istorijos/metai-ir-zmones/193-nikolai-michailov>
- 7) Paulius Jurkevičius. Netikėta mirtis Italijoje pakirto Lietuvos bičiulį, garsų baltistą N. Michailovą // Lietuvos rytas. 2010.05.27 [http://www.lrytas.lt/-12749440641272893475-netik%C4%97ta-mirtis-italijoje-pakirto-lietuvos-bi%C4%8Diul%C4%AF-gars%C5%B3-baltist%C4%85-n-michailov%C4%85.htm?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=rss]
- 8) Silvo Torkar. In memoriam — Nepričakovana smrt ruskega slavista in baltista. Umrl je Nikolaj Mihajlov // Sobota, 29 maja 2010. P. 12.
- 9) Silvo Torkar. Nikolaj Mihajlov (1967–2010) // Jezikoslovní zapiski, 2010, 2. S. 197–198 (сокращенный вариант опубликован в газете Delo, 10.06.2010).
- 10) Monika Kropiej. Nikolaj Mickailov (Moskva 11.6.1967 — Videm, 25.5.2010) // Studia Mythologica Slavica, 13, 2010. P. 7–12.
- 11) Necrologie: professor Nikolaj Michailov // Messaggero di Udine. 26 maggio 2010. P. XVII.
- 12) Стефано Гардзонио. Дорогой Николай... // Salix sonoga: памяти Николая Михайлова. М., 2011. С. 11–12.
- 13) Людас Гиравитис. Когда мы сидели под деревом жизни // Salix sonoga: памяти Николая Михайлова. М., 2011. С. 13.
- 14) Альгирдас Сабалюскас. Провожая Николая Михайлова // Salix sonoga: памяти Николая Михайлова. М., 2011. С. 14–17.
- 15) Мария Завьялова. Николаю Михайлову — учителю и другу // Salix sonoga: памяти Николая Михайлова. М., 2011. С. 18–21.
- 16) Ниёле Лауринкене. Николай Михайлов и Литва // Salix sonoga: памяти Николая Михайлова. М., 2011. С. 22–27.
- 17) Бируте Валькюнене-Палуянскайте. Conoscere causas — познать смысл // Salix sonoga: памяти Николая Михайлова. М., 2011. С. 28–29.
- 18) Ирена Френч. Николай моими глазами // Salix sonoga: памяти Николая Михайлова. М., 2011. С. 30–32.
- 19) Сильво Торкар. Николай Михайлов (1967–2010) // Salix sonoga: памяти Николая Михайлова. М., 2011. С. 33–35.
- 20) Моника Кроей. In memoriam // Salix sonoga: памяти Николая Михайлова. М., 2011. С. 36–39.

- 21) С. М. Толстая. Голос из почтового ящика // *Salix sonoga: памяти Николая Михайлова*. М., 2011. С. 40–56.
- 22) Александр Решин. Вспоминая друга // *Salix sonoga: памяти Николая Михайлова*. М., 2011. С. 57–61.
- 23) Elvyra Usačiovaitė. Pirmoji meilė — Lietuva // *Senovės baltų kultūra. Sakralieji baltų kultūros aspektai*. Vilnius, 2013. P. 9–28.
- 24) Tatjana Cívjan. Nikolaj Michailov: iš nepublikuotų ir neužbaigtų darbų // *Senovės baltų kultūra. Sakralieji baltų kultūros aspektai*. Vilnius, 2013. P. 29–46.
- 25) Marija Zavjalova. Nikolajaus Michalovo baltų ir slavų mitologijos tyrinėjimai // *Senovės baltų kultūra. Sakralieji baltų kultūros aspektai*. Vilnius, 2013. P. 47–57.

Велта Эрнестовна Сталтмане

(9 сентября 1926 — 16 апреля 2010)

24 апреля 2010 г. в Хованском крематории в Москве прошло прощание с Велтой Эрнестовной Сталтмане — филологом, специалистом по балтийским и славянским языкам, почетным доктором Латвийской Академии наук, одним из немногих московских преподавателей латышского языка.

Она ушла из жизни внезапно, будучи, несмотря на возраст и проблемы со здоровьем, очень активным человеком, трудясь, общаясь, путешествуя, воспитывая внуков. Еще утром она обговаривала предстоящие дела по телефону со многими своими знакомыми, в том числе и с пастором латышской лютеранской общины Юрисом Симакиным, которому всего неделю спустя пришлось провести заупокойную службу.

Судьбе было угодно, чтобы Велта Эрнестовна оказалась человеком трех эпох и двух культур, в молодые годы пережила войну, смену властей, панику бегства от советской власти. Только по стечению обстоятельств (заболела мать) семья, уже собравшаяся ехать на Запад, осталась дома.

Велта Эрнестовна родилась в Салиенской волости (включенной потом в Даугавпилсский район), в провинции Аугшземе (Селии) — юго-восточной Латвии. Родители были крестьянами: мать получила в наследство 5 га земли, на которых выращивали зерно, разводили огороды, пасли коров. При этом родители были людьми образованными, общественно

активными, интересовались политикой, постоянно обсуждали вопросы истории и современности, трем своим дочерям дали хорошее образование.

С детства Велта Эрнестовна научилась чувствовать латышскую культуру. Отец, любивший читать, познакомил её и с русской литературой. Еще в молодости, в царской армии его определили писарем в штаб за хороший почерк и умение писать и читать по-русски. Своим трем дочерям он читал произведения русских классиков, правда, в латышских переводах.

Годы учебы в старших классах гимназии пришлось на войну. В город до гимназии с хутора приходилось довольно далеко ходить пешком. Иногда молодую девушку подвозили немецкие солдаты. Страх и удивление, что не боялась садиться к ним в машину, пришли много позже.

В 1947 г. Велта Эрнестовна поступила в Латвийский университет, на филологический факультет; на последнем курсе работала также лаборантом в Институте языка и литературы АН Латвийской ССР. Планам продолжить учебу в аспирантуре в Риге помешал весьма неприятный случай. Отец после войны добровольно передал всю землю в колхоз, и поэтому его не коснулись репрессии. Тем не менее, незадолго до окончания университета его дочь вызвали в «компетентные органы» и целый день допрашивали, желая получить признательные показания против преподавателей университета, намекая на возможные неприятности для отца и для нее самой. Она не поддавалась страху, в конце концов, ее отпустили без последствий, но после окончания университета появилось желание уехать подальше от Риги. В 1952 г. Велта Эрнестовна по распределению поехала преподавать латышский язык в Резекненский зооветеринарный техникум. Там она проработала год, а когда получила известие, что можно попробовать сдавать экзамены в аспирантуру в Институт языкознания АН СССР, решила рискнуть и поступила.

Кандидатскую диссертацию «О видах глагола в современном латышском литературном языке», написанную под руководством академика Б.А.Серебрянникова, Велта Эрнестовна защитила в 1958 г., уже будучи сотрудником Института языка и литературы АН СССР. Тогда же она участвовала в работе над 2-м томом «Грамматики современного латышского литературного языка» (Рига, 1962 г.; там ею написаны некоторые разделы синтаксиса сложноподчиненного предложения).

Три года аспирантуры дали начало не только ее научной карьере. В Москве она познакомилась с инженером и преподавателем МВТУ им. Баумана А. М. Сошинским. В 1961 г. они поженились, и Велта Эрнестовна окончательно переселилась в Москву.

Семья, воспитание двух сыновей, обычные для советской женщины того времени бытовые проблемы, долгая болезнь, а затем и смерть мужа

сочетались с постоянной научной работой. Первым местом работы стал Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэро съемки и картографии, где в Отделе транскрипции Велта Эрнестовна в соавторстве с С. А. Тюриным составила «Инструкцию по передаче на картах географических названий Латвийской ССР», участвовала в подготовке Словаря географических названий Латвийской ССР (в серии словарей географических названий СССР; том вышел в свет в 1965 г.).

В 1962–1965 гг. В. Э. Сталтмане — младший научный сотрудник сектора культуры речи Института русского языка АН СССР, готовит материалы для раздела по правилам склонения иноязычных имен в русском языке для материалов первого издания словаря «Слитно или раздельно?» (работа над словарем велась в Орфографической комиссии Института русского языка АН СССР под руководством Л. П. Калакуцкой, Л. К. Чельцовой, Б. З. Букчиной), пишет часть текста для коллективной работы «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.)». Одновременно началась работа над словарем латышского литературного языка (Велта Эрнестовна участвовала в подготовке материалов для первых двух томов: *Latviešu literārās valodas vārdnīca*, 1.-2. sēj. R., 1972–1973).

В 1965 г. Велта Эрнестовна перешла на работу в сектор структурной и прикладной лингвистики (руководимый тогда А. А. Реформатским) Института языкознания АН СССР. Именно здесь она сложилась как крупный ученый в области ономастики, стала ведущим специалистом в стране по латышской антропонимии, опубликовала две монографии (в третьей была соавтрором), несколько десятков статей, явилась соавтором ряда коллективных трудов. Последний из вышедших при ее жизни коллективных трудов (в 2006 г.), в работе над которым она принимала самое активное участие — «Балтийские языки» из серии «Языки мира». Для этого издания Велта Эрнестовна написала очерк о латышском языке. К сожалению, важный труд ее жизни, «Материалы для словаря латышских фамилий» (ок. 50 а.л.), пока не опубликован и хранится у сына Кирилла (еще при жизни Велты Эрнестовны одна из копий этого труда была передана в Институт латышского языка и готовится, правда, очень медленно, к изданию).

Велта Эрнестовна прекрасно вписывалась в каждый коллектив, где работала, жила, бывала. Вокруг нее возникала какая-то особая аура доброжелательности, дружелюбия, деятельности. Ей были свойственны природная тактичность, внимательность, аккуратность, трудолюбие, чувство юмора, умение ненавязчиво, но вовремя материально и эмоционально помочь тому, кто нуждался в помощи. И при этом — требовательность

к исполнению начатой работы к себе самой и к другим. Зерно протестантской этики, заложенное с детства, в семье, и попавшее на благодатную почву?

За долгие годы жизни в Москве Велта Эрнестовна отлично овладела русским языком, говорила практически без акцента, любила правильную, красивую речь. С семьей и друзьями много ходила в походы по России. Но при этом она никогда не теряла связи с родиной, всегда была и оставалась латышкой, очень быстро вовлекала собеседника в некое латышское культурно-национальное пространство, заражала латышским духом. Очень переживала, что в спешке современной жизни в худшую сторону меняется манера произношения в латышском языке, утрачивается красота устной латышской речи.

Очень радовалась Велта Эрнестовна созданию в 1989 г. Московского общества латышской культуры, возможности частого общения с соотечественниками. Пока были время и силы, посещала встречи в латышском историческом клубе при обществе, была активным членом латышского лютеранского прихода (при церкви на территории посольства Латвии). Появилась возможность научить родному языку слушателей языковых курсов при обществе.

К преподаванию латышского языка у Велты Эрнестовны было особое отношение. Конечно, преподавательская деятельность давала дополнительный заработок. Но было также сочетание внутренней потребности и чувства гражданской обязанности («если не я, то кто?!»). Заниматься с ней было интересно; она увлекалась сама и увлекала своих учеников. Очень тщательно готовилась к урокам, подбирала латышскую художественную литературу для чтения. У многих бывших учеников Велты Эрнестовны сохранились тоненькие листочки, на которых она (для каждого в группе!) распечатывала стихотворения и другие тексты для занятий. Среди ее учеников были и специалисты (историки, этнографы и т. п.), которым язык был нужен для работы, и выросшие в Москве латыши, желавшие выучить язык предков, и просто те, кто хотел лучше узнать Латвию. Велта Эрнестовна была первым преподавателем латышского языка в МГИМО, вела занятия в Дипломатической академии и др.

Приняв решение оставаться по паспорту гражданкой России (здесь налаженный дом, дети, внуки, друзья и коллеги), Велта Эрнестовна была, по сути дела, также и истинной гражданкой Латвии — гражданкой в несравненно большей степени, чем те, кто подчас кичится своим латышским происхождением и латвийским гражданским паспортом. Она переживала из-за сложных отношений между Латвией и Россией; очень болезненно относилась к антилатышским настроениям многих москвичей, старалась,

когда была возможность, разубеждать, объяснять суть происходящего, необъективность претензий и т. п. Но не принимала и многие шаги в национальной политике и практике Латвии, могла написать в латвийскую газету — высказать свое мнение по поводу каких-то изменений в Латвии, которые казались ей неразумными, несправедливыми.

Каждый год, если позволяло здоровье, Велта Эрнестовна ездила в Латвию, гостила в семьях своих сестер. Теперь она вернется в Латвию навсегда: по завещанию прах ее захоронили на родине. Всем, кто знал и помнит Велту Эрнестовну, будет ее очень не хватать.

Е. Л. Назарова, С. И. Рыжакова

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ВЕЛТЫ ЭРНЕСТОВНЫ СТАЛТМАНЕ¹

Монографии

- 1) Латышская антропонимия. Фамилии / Отв. ред. А. В. Суперанская. Академия наук СССР, Институт языкознания. М., 1981. 227 с.
- 2) Ономастическая лексикография / Отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1989. 112 с.
- 3) Теория и методика ономастических исследований. М., 1986; Изд. 2. М., 2007; изд. 3. М., 2009. 256 с. (в соавторстве с А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, А. Х. Султановым).

Словари, энциклопедические и справочные издания

- 1) Poļu valodas īpašvārdi. Rīga: Zinātņu Akadēmijas izdevniecība. 1961. 80 lpp. (Norādījumi par citvalodu īpašvārdu pareizrakstību un pareizrunu latviešu literārajā valodā, 5. laidniens.)
- 2) Poļu īpašvārdu pareizrakstība un pareizruna latviešu valodā / Red. I. Birzvalka. 2. izd. Rīga, 1998. 88 lpp. (в соавторстве с И. Бирзвалкой).
- 3) Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. 2. sēj. Sintakse // Atb. red. E. Sokols. Rīga, 1962 (в соавторстве с А. Бергмане, А. Блинкеней, Р. Грабисом).
- 4) Инструкция по передаче на картах географических названий Латвийской ССР (в соавторстве с С. А. Тюриным). 2-е переработанное издание. М., 1966. 17 с.
- 5) Справочник по передаче латышских собственных имен на русский язык. Проект / Под ред. А. А. Реформатского [Рига, 1966]. 166 с. (роптапринт).
- 6) Латышский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 255.
- 7) Латышский язык // Языки мира: Балтийские языки / Под ред. В. Н. Топорова и др. М., 2006. С. 155–193.

¹ Авторы благодарны А. В. Андронову за помощь в подготовке библиографии.

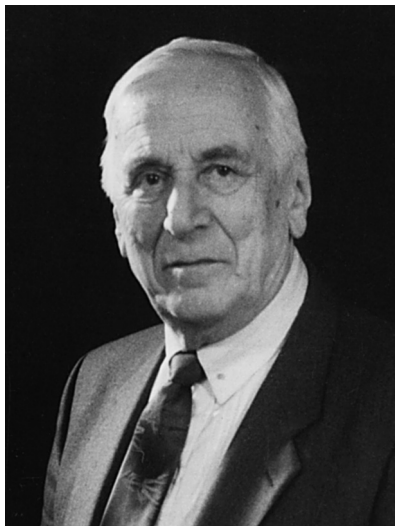
Статьи

- 1) Perfektīvā un imperfektīvā veida verbu gramatiskais raksturojums mūsdienu latviešu literārajā valodā // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1958, Nr. 6. 27.–36. lpp.
- 2) Verbu veidi mūsdienu latviešu literārajā valodā // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Valodas un literatūras institūta raksti, 7. sēj., 1958. 5.–47. lpp.
- 3) Priedēkļa verbu veidiskās nozīmes mūsdienu latviešu literārajā valodā // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1958, Nr. 7. 13.–22. lpp.
- 4) Divu verbu veidu (perfektīvā un imperfektīvā) korelācijas iespējas mūsdienu latviešu valodā // Rakstu krājums. Veltījums akad. prof. Dr. J. Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei. Rīga, 1959. 607.–631. lpp.
- 5) Par dažiem priedēkļa verbu skaidrojuma principiem latviešu literārās valodas vārdnīcā // Leksikoloģijas un leksikogrāfijas jautājumi (Latvijas Valsts Universitātes Raksti, 13. sēj.). Rīga, 1961. 193.–208. lpp.
- 6) О применении так называемых типовых толкований значений в Словаре латышского литературного языка // Проблема толкования слов в филологических словарях. Сборник статей Института языка и литературы АН Латвийской ССР, т. 14. Рига, 1963. С. 57–62.
- 7) К вопросу о морфологическом оформлении латышских имен собственных в русской транскрипции // Топономастика и транскрипция / Под ред. А. А. Реформатского. М., 1964. С. 146–162.
- 8) Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965 (в соавторстве с Б. З. Букчиной, Н. А. Еськовой, Л. П. Калакуцкой, Л. К. Максимовой, М. В. Пановым, А. В. Суперанской). 500 стр.
- 9) Раздельное, слитное и дефисное написание собственных названий // Орфография собственных имен. М., 1965. С. 44–80.
- 10) Образование женских форм латышских фамилий // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1969. № 6. С. 46–54.
- 11) Образование женских форм фамилий в латышском языке как лингвистический эксперимент // Ономастика / Отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М., 1969. С. 102–108.
- 12) Диминутивные формы латышских личных имён и фамилий (в сравнении с русскими) // Baltų ir slavų antroponimikos klausimai. Tarprespublikinė konferencija. Šiauliai, 1970. P. 35–37.
- 13) Формы латышских женских фамилий в системе латышского и родственных языков // Антропонимика / Отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М., 1970. С. 126–130.
- 14) Родительный падеж в структуре балтийских топонимов в сравнении со славянскими // Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С. 144–151.
- 15) О двояком морфологическом оформлении иноязычных хоронимов в русском языке // Ономастика и норма / Отв. ред. Л. П. Калакуцкая. М., 1976. С. 107–115.
- 16) К истории латышских фамилий // Историческая ономастика / Отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1977. С. 159–180.
- 17) О лексическом значении основ, образующих латышские фамилии // Имя нарицательное и собственное / Отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1978. С. 115–146.

-
- 18) Фамилии со славянскими формантами у латышей // Восточно-славянская ономастика. Исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1979. С. 261–280.
 - 19) О некоторых параллелях в латышской, литовской и эстонской антропонимии // Baltu valodas senāk un tagad. Rīga, 1985. 127.–133. lpp. (совместно с Т. Кагановой).
 - 20) Типология посессивных конструкций в современных балтийских языках // Baltu valodas senāk un tagad. Rīga, 1985. 209.–216. lpp. (в соавторстве с Т. Булыгиной).
 - 21) Фамилии на -sops у латышей // Ономастика, типология, стратиграфия / Отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1988. С. 18–28.
 - 22) Par latviešu uzvārdu vārdnīcas uzbūves principiem // Onomastica Lettica. Rīga, 1990. 182–199 lpp.

Ю. В. Откупщиков

(29 августа 1924 — 25 сентября 2010)

Мне довелось видеть и слышать Юрия Владимировича Откупщикова относительно немного. Однако встречи с ним очень памятли и их трудно определить иначе как подарок судьбы. Здесь надо оговориться. Первые впечатления, сложившиеся во время московского симпозиума по этимологии и лексикологии в мае 1984 г., поневоле граничили с настороженностью. Откупщиков выступал с докладом «Диалектный материал и этимология». Вооруженный большими листами бумаги с начертанными на них балто-славянскими сравнениями, он непреклонно развизвал эти сравнения, которые были совершенно не в духе председательствовавшего на заседании неформального главы симпозиума О. Н. Трубачева.

Воплощенная суровость, сильная воля, мощный интеллектуальный напор и заряженность на бескомпромиссную до жесткости дискуссию — таким увиделся мне (и, вероятно, не только мне) профессор ЛГУ Ю. В. Откупщиков. Последующие встречи на конференциях и симпозиумах 2001–2005 гг. (Вильнюс, Петербург, Екатеринбург) в целом сохранили этот образ, который однако претерпел заметные изменения. В холодном октябре 2003 года во время конференции памяти К. Буги в Вильнюсе мне довелось оказаться с ним в одном гостиничном номере. Более близкое

общение и тогда и впоследствии дополнило уже знакомые черты новыми, и первоначальное отчуждение к нему сменилось восхищением. Удивительная одаренность, открывавшая перед ним стезю и математика, и шахматиста (он выбрал, правда, другую). Без преувеличения героическая, даже для его поколения, биография: тяжелый физический труд без скидок на возраст перед войной и в ее начале, уход добровольцем на фронт ценой сокрытия серьезного физического недостатка (пострадавшей в детстве от полиомиелита ноги), прорыв к высотам учености в послевоенные годы, подвижнический труд педагога и ученого... Он был без всякого преувеличения, в самом высоком смысле слова сыном Отечества.

Образ прошедшего суровые испытания человека дополнялся колоритной привычкой к купанию в ледяной воде, иногда в обществе проф. Р. Эккерта. Вспоминается рассказ Откупщикова: «Осенью, ледок уже по берегам, плывем по Неве с Эккертом, по берегу идет В. К. Журавлев и комментирует: “Советский пловец вырывается вперед, пловец из дружественной ГДР вырывается вперед...”». Еще он рассказывал, как однажды на тридцатиградусном морозе, после купания в Неве, наткнулся на милиционера, который, загородив по рассеянности вход в раздевалку, стал допытываться у него, как он стал «моржом». Юрий Владимирович вынужден был просить стража порядка прервать беседу и пропустить его внутрь.

Требовательность, хорошо знакомая всем, кто сталкивался с Ю. В. Откупщиковым в научной и педагогической работе, лишь внешне заслоняла его доминирующую черту — гуманистическое и одновременно оптимистическое отношение к людям и к жизни. Гуманизм Откупщикова был основан на глубоком, идущем от ума и жизненного опыта понимании людей, на чувстве справедливости.

Заслуги Юрия Владимировича перед отечественной наукой и образованием хорошо известны и не раз становились предметом специальных работ¹. Он автор ряда книг и многих других публикаций, всего около 240, по различным проблемам классической филологии и языкознания. Значительная часть статей и рецензий перепечатаны в 2 сборниках 2001 года², вышедших в Петербурге.

Глубина и широта знаний, профессиональное владение любым привлекаемым языковым материалом (в том числе монгольским, обращение

¹ Библиографию трудов Ю. В. Откупщикова и публикаций о нем см. в настоящем томе. См. также некролог: A. Andronovas, J. Filimonovas. Jurijus Otkupščikovas // Baltistica, XLVI⁽²⁾, Vilnius, 2012. P. 349–353.

² Очерки по этимологии и Opera philologica minora, см. в упомянутой библиографии Ю. В. Откупщикова № 196 и 199.

к которому было обусловлено трехлетней командировкой в Монголию в 1950-х), четкое формулирование теоретических оснований исследования, эксплицитность и логичность изложения — таковы характерные черты научного стиля Ю. В. Откупщикова. Он, несомненно, обладал даром этимологических прозрений, но делал ставку не на озарения и догадки, а на выработанную им самим оригинальную, весьма строгую и стройную логически, в определенной степени формализованную (в чем его иногда по недоразумению упрекали) методику выстраивания словообразовательных рядов (моделей) и выявления чередований суффиксов с особым вниманием к суффиксам, вошедшим в состав корня. Эта методика была вполне оригинальной, хотя и имела нечто общее с исследовательскими приемами раннего Э. Бенвениста и особенно Ф. Шпехта. Выстраивая внешне простые, но убедительные и очень наглядные ряды наподобие

гоити — (из)гой — жити — жи-в-ъ
*кроити — (но)крой — *крити — кри-в-ъ*
*роити — рои — *рити 'течь' — лат. rī-v-us 'ручей'*

и подключая к ним по необходимости ряды «изосемантические» (верифицирующие семантическую сторону сопоставлений), он получал наглядную и оригинальную картину истории словообразовательных связей и новые этимологические решения. Эта методика была отражена в очень удачной научно-популярной книге Откупщикова «К истокам слова» (многokrатно переиздававшаяся), с которой буквально в последние дни жизни ознакомился Е. А. Хелимский, чему я был свидетель. Увлеченно выстраивая собственные ряды русских глаголов и отглагольных дериватов по методике Откупщикова, он нашел ее очень перспективной: «Откупщиков — голова!».

Марризм и война никак не способствовали развитию в России и Ленинграде балтистики и славистики. Выдающийся филолог-классик, Ю. В. Откупщиков стал столпом отечественной балто-славистики, продолжив вслед за Б. А. Лариним петербургско-ленинградскую научную традицию исследований в данной отрасли языкознания. В этой отрасли, как и в ряде других, где он себя проявил (особенно в этимологических исследованиях), он был по преимуществу автодидактом.

Обращение к балто-славянскому материалу можно найти не только в его специальных публикациях на эту тему (около 2 десятков статей), но и во многих других сочинениях, начиная от частных этимологических этюдов и кончая монографией «Из истории индоевропейского словообразования» (1969, испр. и доп. переиздание 2005). Глубокий интерес

к балтистике органически сочетался у него с заинтересованно-приятным отношением к носителям балтийских языков, особенно к литовцам, дружбой с Й. Казлаускасом, с длительными пребываниями в Литве.

На обширном конкретном материале Ю. В. Откупщиков подтвердил часто остающееся декларативным положение о важности балтийских данных для славистики: литовский язык для слависта столь же важен, как для романиста — латинский.

Если попытаться определить ту область балто-славистики, вклад в которую Ю. В. наиболее заметен, то, вероятно, это исследование лексических изоглосс, связывающих славянские и балтийские языки. Прежде всего он уточнил само понятие изоглосс и критерии их выделения, подчеркивая, что «массовость» изоглосс, связывающих определенные языки, является важным аргументом в пользу их родства. Опираясь на выработанные им принципы изучения изоглосс, Откупщиков значительно обогатил корпус важнейших лексических сходжений между балтийскими и славянскими языками, нередко полемизируя при этом с О. Н. Трубачевым. Едва ли не основным пунктом полемики была славянская ремесленная терминология. В освещении Трубачева ее внеславянские связи свидетельствуют о древнейшей близости славянских и латинского языков и о «постэтногенетичности» балто-славянских отношений для славянского языкового типа. Эта концепция была подвергнута Откупщиковым острой, аргументированной и весьма убедительной критике. Разрабатывая важнейшие тематические группы ремесленной терминологии (названия руды, металлов, кузнечная терминология и т. п.), он подтвердил ближайшее родство славянских и балтийских языков, тесную связь их материальной культуры.

О. Н. Трубачев упрекал Ю. В. Откупщикова в недооценке факторов соседства, конвергенции, контактности, но Откупщиков хорошо понимал их важность и сделал большой вклад в изучение балтизмов славянских языков, уточнив критерии их выделения и обнаружив немало новых фактов этого рода. Несомненно его разностороннее влияние на «Словарь балтизмов в славянских языках» Ю. Лаучюте (1982). В то же время, Откупщикову удалось показать ошибочность или уязвимость многих этимологических решений (в духе А. Брюкнера), квалифицирующих балтийские слова как славизмы. Такова, например, его трактовка лит. *prāstas*, лтш. *prasts*.

Специфика вклада Ю. В. Откупщикова в изучение балто-славянских изоглосс (лексических и иных) заключается также в том, что он продемонстрировал не только их «массовость», но и «комплексность» как специфическую черту балто-славянского ареала. Особо тесные генетические связи балтийских и славянских языков подкрепляются, как убедительно показал Откупщиков, не столько изолированными лексическими

соответствиями, сколько «пучками» изоглосс. Среди них те, о которых он рассказывал на упомянутом выше московском симпозиуме 1984 года: *suxomá* — *sausatà*, *suxméнь* — *sausmenà* ‘сухое место’, *сушь* — *sàysis* ‘сухая пора’, *сушить* — *sàisyti*, *сушинá* — *sausienà* ‘сухость’ и т. п. При этом он подчеркивал, что подобные «пучки» не отмечаются ни у Р. Траутмана, ни у М. Фасмера, хотя Траутман и фиксирует одинаковые производные в балтийских и славянских языках. Сравнение греч. *ἄσος* ‘сухой’ — лит. *sàisas* — слав. *suxъ* общеизвестно, но лишь в балто-славянском эта изоглосса «обросла» производными. Существенно, что «массовые» словообразовательные схождения дополняются словоизменительными: балтийское склонение идентично славянскому, формирование причастий совпадает во многих деталях и т. д.³

Ю. В. Откупщиков стремился максимально расширить базу балто-славянского сравнения. Отсюда его внимание к диалектной лексике, к материалам Большого литовского словаря (LKŽ) и латышского словаря К. Мюленбаха и Я. Эндзелена, словарям русских говоров и др. Важные данные для балто-славянского лексического сравнения Откупщиков обнаружил в изданном Б. А. Лариным «Словаре-дневнике» Р. Джемса (XVII в.).

Вслед за В. В. Мартыновым Ю. В. Откупщиков подчеркивал, что в изучении связей балтийских и славянских языков особенно важно установление их совместных словообразовательных моделей, и следовал этому положению в своей исследовательской практике. Присоединение к словообразовательному ряду литовских и русских слов

sraumiõ — струмень *aktiõ* — камень *sausmenà* — сухмень

отношения *armiõ* — рамень и обоснование правомерности привлечения лат. *armentum* были основными логическими звеньями в цепи рассуждений, позволивших Откупщикову добиться решающего прогресса в объяснении рус. диал. *рамень* ‘лес (возле пашни)’ и близких слов⁴, в частности, топонима *Раменское*. Убедительный анализ словообразовательных связей привел его к ряду ярких решений также при изучении балтизмов, в частности, к надежным объяснениям и со славянской и с балтийской сторон русских слов *ковиш*, диал. *кувиклы*.

Большим вкладом в балто-славистику стало исследование Ю. В. Откупщикова, посвященное адъективам с основой на *-и-*.

³ Opera philologica minora, с. 333–334; Очерки по этимологии, с. 56.

⁴ См. также дополнение О. Н. Трубочева в словаре М. Фасмера (s. v. *рамень*); Этимологический словарь славянских языков. Вып. 32. М., 2005: 187–189.

Используя свою методику исследования словообразовательных связей, он нашел новый подход к теме сонантов в структуре индоевропейского (балтийского, славянского) корня, открывший интересные, хотя и нуждающиеся в дальнейших уточнениях перспективы.

Весьма полезными и конструктивными стали его обращения (в том числе при рецензировании известной публикации В. Н. Чекмана) к таким проблемам сравнительного языкознания, как ряды гуттуральных и непоследовательное отражение сатемности в балто-славянском. Весомы его голос в дискуссии по проблеме древнейших отношений балтийских и славянских языков, оценка существующих на этот счет концепций (в частности, теории о происхождении славянского языкового типа из балтийского), эксплицитный и глубокий анализ отличий языкового родства и сродства (союза). Известным утешением и поддержкой тем славистам и индоевропеистам, которые не признают ларингальной теории, может служить скептическая ее оценка Откупщиковым⁵.

Очень важным (до конца не оцененным и не освоенным наукой) аспектом его деятельности в сфере балто-славистики стали топонимастические исследования, в особенности анализ гидронимии бассейна Оки и поиски балтийских гидронимов в Мордовии, предполагающие существенное расширение границ балтийской гидронимии.

Всесторонняя оценка вклада Ю. В. Откупщикова в балто-славистику, не говоря о его вкладе в науку вообще, могла бы занять, вероятно, целую монографию. Его научные труды востребованы, цитируются и явно будут жить еще долго. Сейчас нет войн и террора, но филология отнюдь не в безопасном положении. Делу, которому отдал свою жизнь Откупщиков, угрожают «реформы» образования и Академии наук. Образ большого ученого и педагога, сильного, привыкшего побеждать трудности человека, каким был Юрий Владимирович, служит в этой ситуации нравственной опорой и источником оптимизма.

А. Е. Аникин

⁵ Opera philologica minora, с. 141.

Библиография работ Ю. В. Откупщикова¹

Монографии, статьи, рецензии, тезисы докладов

Работы, вошедшие в сборники «Очерки по этимологии» (ОЭ, № 196) и «Opera philologica minora» (OPhM, № 199), снабжены указанием на страницы переиздания.

1953

1. Социально-политические идеи в творчестве Эврипида: дисс. ... канд. филол. наук. Л. Ч. 1. Текст дисс. 258 с. Ч. 2. Примечания и сноски. 117 с.
2. Социально-политические идеи в творчестве Эврипида: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л. 17 с.

1958

3. Б, Б^в, П, П^в, В, В^в, Ф, Ф^в гийгүүлэг чүүдээр монгол оюутнуудад авиан зүйн цээж бичлэг явуулсан туршлагаас [Из опыта проведения фонетических диктантов на звуки Б, Б^в, П, П^в, В, В^в, Ф, Ф^в в монгольской аудитории] // Шинджлэх ухаан, техник. № 3. Улаанбаатар. С. 39–44 (на монгольском языке, в соавторстве с В. И. Гариным).
4. Внешняя политика Афин 438–431 гг. в свете трагедий Эврипида // Вестник древней истории АН СССР. № 1. С. 35–51. [OPhM: 7–26]
5. К вопросу о переводе и толковании отдельных мест из философских писем Эпикура // Вестник Ленингр. ун-та. № 8. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 2. С. 119–132. [OPhM: 69–81]

1959

6. Монгол сургуулиудад орос хэл заах аргын зарим асуудлууд [Некоторые вопросы методики преподавания русского языка в монгольских школах] // Шинджлэх ухаан, техник. № 1. Улаанбаатар. С. 48–51 (на монгольском языке, в соавторстве с В. И. Гариным).
7. Монголо-латинские параллели: К вопросу о типологических исследованиях в языкознании. Улаанбаатар. 20 с. (Studia Mongolica. T. I, Fasc. 14.) [OPhM: 420–430]

¹ Первые указатели научных трудов Ю. В. Откупщикова были подготовлены И. Г. Неустроевой (см.: Юрий Владимирович Откупщикова. Указатель научных публикаций. СПб., 1994. С. 7–21; *Linguistica et philologica*. Сборник статей к 75-летию профессора Юрия Владимировича Откупщикова. СПб., 1999. С. 7–22). Настоящий список публикаций подготовлен Е. Г. Филимоновым при участии А. В. Андропова.

1960

8. «Андромаха» Эврипида и Архидамова война // Вестник древней истории АН СССР. № 3. С. 43–60. [ОФМ: 26–47]

1961

9. К этимологии ирландского *brán* // Романская филология. (Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 299. Сер. филол. наук. Вып. 59). Л. С. 143–147. [ОЭ: 332–336]
10. К этимологии литовского *agnis* // Проблемы языкознания. (Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 301. Сер. филол. наук. Вып. 60). Л. С. 161–164. [ОЭ: 216–219]
11. О датировке трагедии Эврипида «Ифигения в Тавриде» // II Всесоюзная конференция по классической филологии: Тез. докл. Л. С. 27–28.
12. О происхождении названия озер *Ильмень* и *Селигер* // Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя: Тез. докл. Л. С. 10–11.
13. Об этимологии латинского *frēnum* // Вестник Ленингр. ун-та. № 20. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 4. С. 138–142. [ОЭ: 265–272]
14. Die Außenpolitik Athens in den Jahren 438–431 im Lichte der Tragödien des Euripides // Bibliotheca classica orientalis. Jg. 6, H. 6. S. 353–354 (Autoref. von № 3).

1962

15. Die «Andromache» des Euripides und der Archidamische Krieg // Bibliotheca classica orientalis. Jg. 7, H. 6. S. 164 (Autoref. von № 8).
16. Über die Etymologie des lateinischen *frēnum* // Bibliotheca classica orientalis. Jg. 7, H. 6. S. 344 (Autoref. von № 13).
17. Zur Frage der Übersetzung und Deutung einiger Stellen aus den philosophischen Briefen Epikurs // Bibliotheca classica orientalis. Jg. 7, H. 2. S. 116 (Autoref. von № 4).

1963

18. «Гераклиды» Эврипида и Архидамова война // Вестник Ленингр. ун-та. № 8. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 2. С. 86–96. [ОФМ: 48–60]
19. К этимологии слов *стена*, *стеня*, *тень* и *сень* // Из истории слов и словарей. Л. С. 130–137. [ОЭ: 153–159]
20. О происхождении слова *невѣста* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 4. М. С. 96–103. [ОЭ: 133–139]
21. О слове *тъгда* в Супрасльской рукописи // Вопросы теории и истории языка. Л. С. 218–219. [ОЭ: 160–161]
22. О старославянском сигматическом аористе // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. XXVII. С. 154–172. [ОФМ: 372–393]
23. Об этимологии слов *борона* и *борозда* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 4. М. С. 87–95. [ОЭ: 90–97]
24. Тюркское ли заимствование слово *штаны*? // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 4. М. С. 103–110. [ОЭ: 162–167]

1964

25. Die «Herakliden» des Euripides und der Archidamische Krieg // Bibliotheca classica orientalis, Jg. 9, H. 5. S. 299–300 (Autoref. von № 18).
26. Mongolisch-lateinische Parallelen // Bibliotheca classica orientalis. Jg. 9, H. 5. S. 295 (Autoref. von № 7).

1965

27. Из истории словообразования в славянских языках // Очерки по словообразованию и словоупотреблению. Л. С. 106–114.
28. О происхождении слов *рамень* и *раменье* // Вопросы общего языкознания. Л. С. 88–96. [ОЭ: 143–151]
29. The Etymology of Late Latin *frementum* // Annali, sezione linguistica. Vol. VI. Napoli. P. 137–144. [русский перевод: ОЭ 259–265]

1966

30. Карийские надписи Африки: Предварительные результаты дешифровки. Л. 34 с. [ОФМ: 231–260]
31. Из истории праславянского словообразования // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. V. М. С. 79–93. [ОЭ: 35–47]
32. Латинский язык. [Учебник для ун-тов]. Л. 235 с. (с коллективом авторов: А. И. Зайцев, Т. П. Корыхалова и др.).
33. Новый лингвистический журнал (обзор первого тома журнала *Baltistica*) // Вестник Ленинградского ун-та. № 20. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 4. С. 160–161.
34. О датировке трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» // Язык и стиль античных писателей. Л. С. 134–143. [ОФМ: 60–68]
35. О происхождении слова *барахло* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. V. М. С. 73–79. [ОЭ: 81–86]
36. Рец.: Этимологический словарь русского языка / Сост. Н. М. Шанский. Вып. 1–2. Изд. МГУ, 1963–1965 // Русский язык в школе. № 3. С. 117–122. [ОЭ: 360–371]
37. Словообразовательные модели и этимология // Международный симпозиум «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии»: Тез. докл. М. С. 22.
38. Этимология латинского *armentum* в свете словообразовательных данных // III Всесоюзная конференция по вопросам классической филологии: Тез. докл. Секция латинского языка. Киев. С. 53–54.

1967

39. Из истории индоевропейского словообразования. Л. 323 с.
40. Об отношении карийского алфавита к крито-микенскому и кипрскому силлабарю = Sul rapporto dell'alfabeto cario con il sillabario cretese-miceneo e cipriota // Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di micenologia. Roma. (Incunabula Graeca, Vol. XXV, 1) P. 426–432 = 433–437. [ОФМ: 225–230]

41. Рец.: В. Г. Ветвицкий. Занимательное языкознание (фонетика, имя существительное): Пособие для учителей. М.; Л., 1966 // Русский язык в школе. № 2. С. 115–119. [ОФМ: 435–442]
42. Рец.: Perrot J. Les dérivés latins en *-men* et *-mentum*. Paris, 1961. 381 p. // Baltistica. III₍₁₎. P. 123–128. [ОФМ: 286–293]

1968

43. Белорусский материал и славянская (русская) этимология // Беларуская лексікалогія і этымалогія: Тэзісы дакладаў. Мінск. С. 123–124.
44. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. М.; Л. 160 с.
45. О топониме *Тюмень* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI. М. С. 134–141. [ОЭ: 353–359]

1969

46. Лексические балтизмы в белорусском языке (ответы на анкету) // Лексічныя балтызмы ў беларускай мове (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск. С. 31–35.
47. О происхождении древнегреческих топонимов на *-(ó)εσσα / -οῦσσα* // IV конференция по классической филологии (секция греческого и латинского языков): Тез. докл. Тбилиси. С. 51–53.
48. О семантическом аспекте этимологического исследования // Вопросы теории и истории языка. Л. С. 202–208. [ОЭ: 47–53]
49. Словообразовательные модели и этимология // Этимология. 1967. М. С. 80–87. [ОЭ: 6–14]

1970

50. К этимологии лит. *káušas*, лтш. *kaúss* ‘череп; ковш’ // Baltistica. VI₍₂₎. P. 185–192. [ОЭ: 226–234]
51. Рец.: Е. В. Язвницкий. Говорите правильно: Эстетика речи: Книга для учащихся. 2-е изд., доп. Л., 1969 // Русский язык в школе. № 4. С. 120–123. [ОФМ: 442–449]

1971

52. Из истории балто-славянских лексических отношений // Baltistica. VII₍₂₎. P. 119–128. [ОЭ: 168–177; ОФМ: 320–329]
53. Рец.: Г. П. Цыганенко. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970 // Русский язык в школе. № 3. С. 117–121. [ОЭ: 372–381]

1972

54. О принципах отбора лексических изоглосс // Baltistica. I priedas. P. 115–124. [ОФМ: 131–139]

1973

55. Академик Янис Эндзелин (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. № 2. С. 111–113.

56. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы // Балканское языкознание. М. С. 5–29. [ОФМ: 171–191]
57. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. 2-е изд., испр. и доп. М. 256 с.
58. Лексические заимствования в условиях двуязычия // Русский язык в национальной школе. № 3. С. 10–18. [ОЭ: 69–80]
59. О древнем названии хлеба в балтийском, славянском и германском // Изв. АН Латв. ССР. № 2 (307). С. 84–89. [ОЭ: 177–184]
60. О слове *хлеб* в балтийском, славянском и германском // Балтийские языки в их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками: Тез. докл. Рига. С. 30–35.
61. Рец.: К. Мустейкис. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс, 1972 // Русский язык в национальной школе. № 5. С. 86–90. [ОФМ: 403–411]
62. Рец.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. I–VII. Изд. МГУ, 1960–1972 // Русский язык в школе. № 4. С. 99–102. [ОЭ: 381–390]
63. Этимологические этюды (*корыто, расшива, мочало*) // Русский язык в школе. № 1. С. 80–82. [ОЭ: 111–113, 152, 131–133]
64. Этимологические этюды, 2 (*медь, площадь, журавика*) // Русский язык в школе. № 3. С. 109–111. [ОЭ: 127–130, 139–140, 110–111]
65. Этимологические этюды, 3 (*гнезв, гнедой*) // Русский язык в школе. № 5. С. 96–98. [ОЭ: 105–110]

1974

66. Греческий язык и проблема догреческого субстрата // III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы: Доклады и сообщения советской делегации. Бухарест, 4–10 сентября 1974 г. М. С. 1–15.
67. Греческий язык и проблема догреческого субстрата // III congrès international d'études du sud-est européen: Résumés. Т. II. Bucarest. P. 64.
68. Из древней гидронимии (реки *Березина* и *Борисфен*) // Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae. Т. 24. P. 277–292. [ОЭ: 336–352]
69. Латинский язык. [Учебник для ун-тов]. 2-е изд., доп. и перераб. Л. 256 с. (с коллективом авторов: А. И. Зайцев, Т. П. Корыхалова и др.).
70. Литовский язык и праславянские реконструкции // Baltistica. X₍₁₎. P. 7–20. [ОФМ: 335–346]
71. «Поликлиника» // Русский язык в школе. № 2. С. 105–106. [ОЭ: 140–143]
72. Dar kartą apie konstrukciją *Reikia vaikų guldyti* // Leksikos ir sintaksės klausimai. Šiauliai. P. 151–156. [русский перевод: ОФМ: 369–372]

1975

73. *Брусника* (историко-этимологический этюд) // Вопросы лингвистики Вып. 3. (Учен. зап. Томского ун-та. № 93). Томск. С. 31–37. [ОЭ: 97–105]
74. Греческая колонизация Причерноморья и карийцы // Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах восточного Черноморья»: Тез. докл. Тбилиси. С. 18–20.

75. Из балтийской демонологии (лит., лтш. *ragana* 'ведьма') // III Всесоюзная конференция по балтийскому языкознанию: Тез. докл. Вильнюс. С. 134–136.
76. Из наблюдений над детской речью в условиях русско-литовского двуязычия // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвизма: Матер. к конф. Минск. С. 379–381.
77. О происхождении древнегреческих топонимов на *-(ό)εσσα / -οῦσα* // Сб. статей. Проблемы античной культуры. Тбилиси. С. 271–281. [ОФМ: 157–166]
78. Словообразование и реконструкция древнейшей семантики слова // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии: Тез. докл. конф. Вып. 2. М. С. 30–32.
79. Фракийский, фригийский и карийский // Античная балканистика 2: Предварительные материалы. М. С. 23–24. [ОФМ: 203–204]

1976

80. Греческий язык и проблема догреческого субстрата // Балканские исследования. [Вып. 2] Проблемы истории культуры. М. С. 188–195. [ОФМ: 150–157]
81. К этимологии лит. *gu̯bas* // Baltistica. XII₍₁₎. Р. 65–72. [ОЭ: 219–226]
82. О географическом и лингвистическом аспектах топонимического исследования // Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск. С. 78–84. [ОЭ: 61–68]
83. Об этимологическом словаре белорусского языка // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Вып. 1. Томск. С. 112–118. [с. 113–117 (об этимологии слова *кувалда*) = 206, с. 113–117]
84. Рец.: Балто-славянские исследования. М., 1974 // Советское славяноведение. № 2. С. 101–104. [ОФМ: 393–399]
85. Рец.: Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974 // Вопросы языкознания. № 5. С. 165–171. [ОФМ: 139–149]
86. Субстратные словообразовательные модели древнегреческого языка // XIV Международная конференция античников социалистических стран: Тез. докл. Ереван. С. 316–318.

1977

87. К этимологии лат. *armentum* // Іноземна філологія. Вип. 45. (Питання класичної філології. № 14). Львів. С. 16–22. [ОЭ: 240–247]
88. Новый документ о Писареве-гимназисте // Вестник Ленингр. ун-та. № 2. Сер. ист., яз., лит. Вып. 1. С. 151–152. [ОФМ: 451]
89. О происхождении лит., лтш. *ragana* 'ведьма' // Baltistica. XIII₍₁₎. Р. 271–275. [ОЭ: 234–239]

1978

90. Программа по исторической грамматике латинского языка. Л.
91. Словообразовательный и этимологический анализ догреческих *-ss*-топонимов и антропонимов // Античная балканистика, 3: Предварительные материалы. М. С. 39–40.

92. Топонимические изоглоссы и вопросы этногенеза греков // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Кратк. сообщ. Л. С. 71–72.

1979

93. Рец.: Н. В. Подольская. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978 // Вопросы языкознания. № 3. С. 155–157.
94. Словообразовательные модели догреческого субстрата // Проблемы античной истории и культуры. Т. 1. Ереван. С. 490–496. [ОФМ: 191–196]

1980

95. Иберия Пиренейская и Иберия Кавказская // Историчность и актуальность античной культуры: Науч. конф.: Тез. докл. Тбилиси. С. 121–122. [ОФМ: 204–206]
96. Индоевропейская этимология и происхождение др.-греч. *(F)οἶνος* и лат. *vīnum* // Всесоюзная научная конференция «Проблема античной истории и классической филологии»: Тез. докл. Харьков. С. 156–157.
97. Кариийцы в Причерноморье (ономастика) // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси. С. 65–78. [ОФМ: 212–225]
98. О фракийско-малоазийской ономастике Северного Причерноморья // Симпозиум «Античная балканистика» Предварит. матер. Тез. докл. М. С. 45–46.
99. Прилагательные с *u*-основой в балтийском и славянском // IV Всесоюзная конференция балтистов. Тез. докл. Рига. С. 167–168.

1981

100. Балтизмы в русских диалектах и некоторые вопросы этногенеза балтов // Конференция «Проблемы этногенеза и этнической истории балтов»: Тез. докл. Вильнюс. С. 109–112.
101. О происхождении слова *верига* // Этимологические исследования. Свердловск. С. 95–104.
102. Этимология русских фразеологизмов // Русский язык в школе. № 4. С. 84–87 (в соавторстве с В. М. Мокиенко).

1982

103. Из истории индоевропейского языкознания (К выходу в свет книги В. И. Георгиева) // Вопросы языкознания. № 3. С. 19–30. [ОФМ: 87–101]
104. К вопросу об оригинальности прологов Теренция // Традиции и новаторство в античной литературе (сер. *Philologia classica*. Вып. II). Л. С. 142–149. [ОФМ: 82–86]

1983

105. Балтийские и славянские прилагательные с *-u-* основой // *Baltistica*. XIX₍₁₎. Р. 23–39. [ОФМ: 346–361]
106. Балтийский и славянский // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур: К IX Международному съезду славистов. Л. С. 53–66. [ОФМ: 294–306]

107. Догреческие *-ss*-топонимы и антропонимы (словообразовательный и этимологический анализ) // Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов. М. С. 61–66. [ОФМ: 196–202]
108. Палеобалканские элементы в микенской фонетике // *Concilium Eirene XVI: Proceedings of the 16th International Eirene Conference. Prague. Vol. 3. P. 145–150.* [ОФМ: 166–171]

1984

109. Закон Лахмана в свете индоевропейских данных (гипотезы и факты) // Вопросы языкознания. № 2. С. 83–90. [ОФМ: 261–272]
110. Диалектный материал и этимология // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: Тез. докл. М. С. 38–39.
111. Методы анализа лексических изоглосс и членение индоевропейской языковой общности // III Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания «Типы языковых общностей и методы их изучения»: Тез. докл. М. С. 117–119.
112. Фракийцы, фригийцы и карийцы в доисторической Элладе // Античная балканистика: Предварительные материалы к международному симпозиуму. М. С. 32–33. [ОФМ: 202–203]
113. Этимология // Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). М. С. 337–338.

1985

114. Балто-славянские языковые отношения (лексический материал, методы исследования) // *Tarptautinė baltistų konferencija: Pranešimų tezės. Vilnius. P. 194–195.*
115. К вопросу о роли мерянского субстрата в процессе формирования русского языка (по поводу гипотезы О. Б. Ткаченко) // Вестник Ленингр. ун-та. № 9. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 2. С. 63–68. [ОФМ: 414–420]
116. Новое пособие по истории греческого языка // Вестник Моск. ун-та. Сер. «Филология». № 2. С. 86–89 (в соавторстве с А. И. Зайцевым).
117. Об индоевропейском происхождении лат. *vīnum*, др.-греч. (φ)οῖνος ‘вино’ // Вопросы языкознания. № 4. С. 95–103. [ОЭ: 281–293]
118. Словообразование — семантика — этимология (о происхождении лат. *dominus*) // Античная культура и современная наука. М. С. 176–178. [ОЭ: 256–258]
119. Рец.: V. Ambrazas. *Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. Vilnius, 1979* // *Baltistica. XXI*₍₂₎. P. 195–198. [ОФМ: 399–403]

1986

120. Диалектный материал и этимология // Этимология. 1984. М. С. 191–197. [ОЭ: 53–61]
121. Догреческий топоним *Παρνα(σ)ός* и индоевропейское словообразование // Языки и литература народов Балканских стран. Л. С. 125–135. [ОЭ: 324–331]
122. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. 3-е изд., испр. М. 176 с.

123. Карийский и греческий язык: Генетические и этно-культурные отношения // Die Antike und Europa. Zentrum und Peripherie in der antiken Welt. 17. Internationale Eirene-Konferenz: Resümes. Berlin. S. 163–164.
124. О мнимых славизмах в балтийских языках // Балто-славянские исследования. 1984. М. С. 89–102. [ОЭ: 184–199]
125. Программа дисциплины «История латинского языка». М. 9 с.
126. Фракийско-карийские изоглоссы // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры: Тез. и предварит. матер. к симпозиуму. М. С. 171–173.

1987

127. Выступление на заседании круглого стола «Этногенез славян» // IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983: Матер. дискуссии. Киев. С. 148–149.
128. Генетическое родство и лексические изоглоссы // XIV. Internationaler Linguistikkongress. Berlin. S. 458.
129. Латинская флексия *-osio* в G. S. *e/o*-основ // Язык и стиль памятников античной литературы (сер. *Philologia classica*. Вып. III). С. 120–126. [ОФМ: 279–283]
130. Русское диал. *кувиклы* // *Baltistica*. XXIII₍₁₎. P. 28–32.

1988

131. Балто-славянская проблема (лексический материал и методы исследования) // *Baltistica*. XXIV₍₁₎. P. 11–26. [ОФМ: 306–320]
132. Догреческий субстрат. Л. 264 с.
133. К вопросу об индоариях в Крыму и в Причерноморье // Проблемы античной культуры: Тез. докл. Крымской науч. конф. Ч. 1. Симферополь. С. 25–27. [ОФМ: 431–432]
134. Происхождение оронима *Кавказ* // Резюме докладов II Международного симпозиума «Грузия в контексте историко-литературных взаимосвязей Востока и Запада», 12–14 октября 1988 г. Тбилиси. С. 56, 137.
135. Словообразовательный критерий при определении заимствования // Словообразовательные и словосочетательные гнезда и типы. Владивосток. С. 62–68. [ОЭ: 14–19]
136. *Baltico-Thracica* // *Linguistique balkanique*. XXXI, 1–2. P. 15–19. [ОЭ: 300–306]
137. *Ἐξαιτιάος* и *Ἰυδαμταίης* // Международный симпозиум «Античная балканистика 6»: Тез. докл. М. С. 35–37.

1989

138. Балтийские гидронимы Мордовии // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры»: Тез. докл. и сообщ. М. С. 67–68. [ОФМ: 365–366]
139. Балто-славянская ремесленная лексика (названия металлов, металлургия, кузнечное дело) // Славяне. Этногенез и этническая история. Л. С. 44–52 (список литературы в конце сборника, с. 156–175). [ОЭ: 200–209]

140. Блр. *lanikla* 'заплата' — балтизм или «псевдобалтизм»? // *Baltistica*. XXV₍₂₎. P. 168–172. [ОЭ: 117–121]
141. К вопросу об огласовке корня латинских сигматических форм // Вопросы языкознания. № 6. С. 20–22. [ОФМ: 272–275]
142. *Кавказ* (этимологический этюд) // *Linguistique balkanique* XXXII, 3–4. P. 159–163. [ОЭ: 311–318]
143. Карийский и греческий язык: Генетические и этно-культурные отношения // *Klio*. Bd. 71, H. 1. S. 66–69. [ОФМ: 207–211]
144. Рус. диал. *ленгус* 'лентяй' // *Baltistica*. XXV₍₁₎. P. 60–65. [ОЭ: 122–127]
145. Ряды индоевропейских гуттуральных // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л. С. 39–69. [ОФМ: 101–130]

1990

146. Герундий // Лингвистический энциклопедический словарь. М. С. 103.
147. Лахмана закон // Лингвистический энциклопедический словарь. М. С. 255–256.
148. Уилера закон // Лингвистический энциклопедический словарь. М. С. 532.

1991

149. Из ономастики Северного Причерноморья // *Acta associationis internationalis «Terra antiqua Balcanica»*. VI. *Serdicae*. P. 143–147. [ОЭ: 306–311]
150. К истокам слова (отрывки) // Слово о русском языке. М. С. 29–32, 35–43, 204–210.

1992

151. Из палеобалканской ономастики Северного Причерноморья (*Пантикап* и *Пантуканей*) // Проблемы балканистики. СПб. С. 107–114. [ОЭ: 318–324]
152. *Aquil(o) impotens* у Горация // *Horatiana* (сер. *Philologia classica*. Вып. IV). СПб. С. 89–93. [ОЭ: 272–275]

1993

153. Балтийские и славянские названия овцы и барана // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. Vilnius. XXX. P. 63–69. [ОЭ: 209–215 (без литовского резюме)]

1995

154. Словообразование и этимология // Проблемы гуманитарного образования в школе: содержание, методология, методика. Ижевск. С. 13–18.

1996

155. О происхождении слова *барбос* // Филологические записки. Вып. 7. Воронеж. С. 139–143. [ОЭ: 86–90]
156. Словообразовательный анализ в этимологических исследованиях // Разные грани единой науки: ученые — молодым славистам. СПб. С. 162–178. [ОЭ: 19–35]

1997

157. К этимологии лат. *pulc(h)er* 'красивый' // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. Проф. А. И. Зайцеву ко дню 70-летия: СПб. С. 204–209. [ОЭ: 275–280]
158. К этимологии слова *меткий* // Актуальные проблемы истории русского языка: Тез. докл. науч. конф., посвященной 70-летию проф. В. М. Маркова. Казань. С. 7–9. [ОФМ: 449–451]
159. К гипотезе о балто-славянском «языковом союзе» // Вопросы индоевропейского словообразования и классической филологии. Томск. С. 22–31. [ОФМ: 329–335]
160. Лат. *dīvus* и *deus* // ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ (сер. Philologia classica. Вып. V). СПб. С. 163–174. [ОЭ: 247–255]
161. О балтийской гидронимии бассейна Оки // VIII tarptautinis baltistų kongresas: Pranešimų tezės. Vilnius. P. 105–107. [ОФМ: 363–365]
162. Реликты прилагательных с *u*-основой в латинском языке // Классические языки и индоевропейское языкознание: Материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения проф. И. М. Тронского. СПб. С. 45–46. [ОФМ: 283–284]
163. У истоков индоевропейского стиха // Филологические записки. Вып. 9. Воронеж. С. 257–259. [ОФМ: 433–435]

1998

164. Балто-балканские ономастические изоглоссы // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. I. Секция баллистики: Тез. докл. СПб. С. 29–31. [ОФМ: 366–368]
165. Из истории латинского склонения // Классические языки и индоевропейское языкознание: Сб. ст. по материалам чтений, посвященных 100-летию со дня рождения проф. И. М. Тронского. СПб. С. 134–138. [ОФМ: 275–279]
166. Несколько заметок о славянских балтизмах // Kalbotyra. T. 46₍₂₎. Slavistica Vilnensis 1997. Язык. История. Культура: Сб. статей, посвященный 60-летию проф. В. Н. Чекмонаса. С. 26–28. [ОФМ: 362–363]
167. О склонности латинского языка к четному числу мор // Индоевропейское языкознание и классическая филология: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 63–64. [ОФМ: 285–286]
168. ΑΠΟΛΟΓΩΝ: Мифолого-этимологический этюд // Античный мир: Проблемы истории и культуры; Сб. науч. статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб. С. 35–42. [ОЭ: 293–300]

1999

169. Древнейшая греческая ономастика Северного Причерноморья // Боспорский феномен: Материалы междунар. науч. конф. СПб. С. 92–100.
170. Древнейшая ономастика Северного Причерноморья // Кафедра классической филологии. Учебные программы. СПб. С. 83–85.
171. Историческая грамматика латинского языка // Кафедра классической филологии. Учебные программы СПб. С. 36–41.
172. Лат. *dingua* > *lingua*, *dacruma* > *lacrima* // Hyperboreus. Vol. 5, fasc. 2. С. 195–204.

173. Лат. *habēre* — нем. *haben* и индоевропейские глаголы с *ē*-основой // Индоевропейское языкознание и классическая филология — III: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 59–61.
174. Об этимологии топонима *Симеуз* // Пилигримы Крыма — 98. Междунар. науч. конф.: Материалы. Симферополь. С. 231–232.
175. Сонанты в структуре балтийского корня // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. I. Секция баллистики: Тез. докл. СПб. С. 25–26. [ОФМ: 412–413]
176. Спорные вопросы истории латинского языка // Кафедра классической филологии. Учебные программы. СПб. С. 91–92.
177. Этимологизация древнейшей греческой ономастики // Кафедра классической филологии. Учебные программы. СПб. С. 80–82.
178. Этимологический анализ слова // Кафедра классической филологии. Учебные программы. СПб. С. 96–99.

2000

179. Балтийские и славянские причастия // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. I. Секция баллистики: Тез. докл. СПб. С. 40–42.
180. Балто-славянские глаголы с *-ē*-основой // *Hungaro-Baltoslavica 2000*. Budapest. P. 26.
181. Лат. *mortuus*, др.-рус. *мъртъвь* // *Colloquia classica et indoeuropeica II*. СПб. С. 107–112.
182. Латинский *imperfectum* на *-(ē)bā-* // Индоевропейское языкознание и классическая филология — IV. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 85–87.
183. Место латинского языка среди других индоевропейских языков // Международная конференция «Древние языки в системе университетского образования». Тез. докл. М. С. 12–16.
184. Об этимологии слова *очень* // Слово во времени и пространстве. К 60-летию проф. В. М. Мокиенко. СПб. С. 127–134.
185. Словообразовательный анализ балтийской гидронимии бассейна Оки // *Hungaro-Baltoslavica 2000*. Budapest. P. 106–108.
186. Фестский диск. Проблемы дешифровки. СПб. 40 с.
187. *Baltų kalbos ir indoeuropietiškos rekonstrukcijos* // *Starptautiskais baltistu kongress «Baltu valodas laikmetu griežos»: Referātu tēzes*. Rīga. 221.–224. lpp.

2001

188. Балтийские языки и германские этимологии // Материалы чтений «110 лет со дня рождения акад. В. М. Жирмунского». СПб. С. 111–117.
189. Балто-славянские языковые отношения // Учебные программы по специализации «Балтистика». СПб. С. 66–68.
190. Гидронимы балтийского происхождения в бассейне Оки // Международная конференция «Этимология и ономастика» памяти К. Буги. Тез. докл. Вильнюс. С. 34–38.

191. Закон Уилера и индоевропейское языкознание // *Studia linguistica*. Памяти А. В. Десницкой (1912–1992). СПб. С. 123–129.
192. Интерференция в условиях детского двуязычия // Международная Бодуэновская конференция. Тез. докл. Казань. С. 5–7.
193. Латинский, балтийский и славянский // Индоевропейское языкознание и классическая филология — V. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 99–106.
194. О синтаксической конструкции *infinitivus cum nominativo* // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. I. Секция баллистики: Тез. докл. СПб. С. 27–28.
195. Об этнической принадлежности скорченных погребений Северного Причерноморья // Боспорский феномен: Материалы междунар. науч. конф. Часть 2. СПб. С. 7–14.
196. Очерки по этимологии. СПб. 479 с.
197. Плавт, Теренций и новоаттическая комедия // Сборник статей к 80-летию проф. Н. А. Чистяковой. СПб. С. 99–114.
198. *Δαίδαλος* ‘плотник’ // *Hyperboreus*. Vol. 7, fasc. 1–2. In memoriam A. I. Zaicev. Petropoli. С. 11–16.
199. *Opera philologica minora* (античная литература, языкознание). СПб. 455 с.

2002

200. Вопросы исторической грамматики латинского языка в трудах И. М. Тронского // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VI. Материалы чтений, посвященных проф. И. М. Тронскому. СПб. С. 132–139.
201. Катакомбы // *Studio*. Журнал для изучающих иностранные языки № 3–4. С. 128.
202. Критерии разграничения исконной и заимствованной лексики в балто-славянском ареале (фонетический аспект) // Материалы XXXI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. I. Секция баллистики: Тез. докл. СПб. С. 37–39.
203. Об этимологии гидронима *Мокиша* // Труды Международной Бодуэновской конференции. Казань. С. 24–29.
204. Принципы историзма в этимологических исследованиях // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН А. В. Десницкой. СПб. С. 167–174.
205. Принципы этимологизации ономастики. Русская диалектная этимология // Материалы IV Международной конференции. Екатеринбург. С. 71–75.
206. *Ἀνάχαρις* (этимологический этюд) // Боспорский феномен: Материалы междунар. науч. конф. Часть 2. СПб. С. 253–257.

2003

207. Балтийские словообразовательные модели в гидронимии бассейна Оки // *Tarptautinė Kazimiero Vūgos konferencija: Etimologija ir onomastika*. Vilnius. P. 43–49.
208. Индоевропейские и балто-славянские глаголы с основой на *-ē-* // Материалы междунар. конф. «II Бодуэновские чтения». Казань. С. 101–102.

209. „Nelaboji dvasia“ Okos baseino baltiškoje hidronimijoje // Kazimieras Jaunius (1848–1908): tarmėtyrininkas ir kalbos istorikas. Konferencijos pranešimų tezės. Vilnius. P. 49–51.
210. Словообразование и ономастическая этимология // Материалы XXXII международной филологической конференции. Вып. I. Секция баллистики. СПб. С. 22–24.
211. Структура индоевропейского корня по Э. Бенвенисту // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 83–84.
212. Atabulus ventus in Apulia ferventissimus // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. I, часть 1. СПб. С. 145–158.

2004

213. В. Порциг о диалектном членении индоевропейской языковой области // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VIII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 194–199.
214. Гаяна Галустовна Анпеткова-Шарова. In memoriam // Cathedra petropolitana: к 70-летию Кафедры классической филологии (ser. Philologia classica. Вып. VI). С. 259–260.
215. Древняя гидронимия бассейна Оки // Балто-славянские исследования XVI. Сб. науч. трудов. М. С. 83–114 (резюме на англ. яз. С. 644).
216. Индоевропейские отглагольные прилагательные и формирование балтийских причастий претерита с суффиксом *-t-* // Материалы XXXIII международной филологической конференции. Вып. I. Секция баллистики. Тез. докл. СПб. С. 28–30.
217. О происхождении этнонима *Λαυδάριοι* // Cathedra petropolitana: к 70-летию Кафедры классической филологии (ser. Philologia classica. Вып. VI). С. 100–109.
218. Об этимологии этнонима *Νευροί* // Боспорский феномен: Материалы междунар. науч. конф. Часть 2. СПб. С. 239–245.
219. Этимология, дестимологизация и словоупотребление // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ. СПб. С. 401–408.

2005

220. Две Иберии // ΣΤΕΦΑΝΟΣ: Сб. науч. трудов. М. С. 284–300.
221. Диалектный материал и балто-славянские лексические изоглоссы // Материалы XXXIV международной филологической конференции. Вып. I. Секция баллистики. Тез. докл. СПб. С. 26–28.
222. Заметки к надписи «Дуэноса» (CIL, I, 4) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — IX. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. С. 172–174.
223. Из истории индоевропейского словообразования. 2-е изд. СПб. С. 316.
224. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. 4-е изд., перераб. М. 352 с.

225. Латинский язык. [Учебник для ун-тов]. 3-е изд. СПб. 256 с. (с коллективом авторов: А. И. Зайцев, Т. П. Корыхалова и др.).
226. О так называемых «речных суффиксах» *-ша* и *-кша* в гидронимии бассейна Оки // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Матер. междунар. науч. конф. Екатеринбург. С. 17–19.
227. Семантические группы балтийской гидронимии бассейна Оки // *Kalbos istorijos ir dialektologijos problemos 1*. Vilnius. P. 83–103.
228. *Rytinė baltų hidronimų riba // X tarptautinio baltistų kongreso «Baltų kalbų istorija ir tipologija» pranešimų tezės*. Vilnius. P. 64–66.

2006

229. Балтийские языки и индоевропейские реконструкции // Балто-славянские исследования XVII. Сб. науч. трудов. М. С. 110–115.
230. К вопросу об изменяемости основ склонения // III Международные Бодуэновские чтения. Труды и материалы. Т. I. Казань. С. 179–181.
231. Курьезы перевода // Материалы XXXV международной филологической конференции. Вып. I. Секция баллистики. Тез. докл. СПб. С. 30–31.
232. Об этимологии гидронима *Ловать* // Индоевропейское языкознание и классическая филология — X. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. С. 215–220.

2007

233. *Стогны града* // Грани русистики. СПб. С. 324–329.
234. *Policlinique* или *polyclinique?* // *Tradita non explorata* (сер. *Philologia classica*. Вып. 7). СПб. С. 110–117.
235. *Dyszk Fajstos. Problemy odszyfrowania* // *DO-SO-MO. Fascicula Mycenologica et Classica Polona*, 7, Piotrcoviae. P. 14–77.

2008

236. Этимология и устное народное творчество // История. Мир прошлого в современном освещении: Сб. науч. статей к 75-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. С. 35–39.

Редактирование

1. Вопросы филологии. Вып. IV. Л., 1974. 251 с. (редактор лингвистической части с. 3–117).
2. Язык и литература античного мира (сер. *Philologia classica*. Вып. I). Л., 1977. 143 с.
3. А. А. Дерюгин. Программа курса «Латинский язык». М., 1980. 12 с.
4. Традиции и новаторство в античной литературе (сер. *Philologia classica*. Вып. II). Л., 1982. 244 с.
5. К. Алиев. Античные источники по истории Азербайджана. Баку, 1986. С. 1–131.
6. А. И. Зайцев. Программа дисциплины «Введение в классическую филологию». М., 1986. 6 с.

7. А. И. Зайцев. Программа дисциплины «История древнегреческого языка». М., 1986. 15 с.
8. Язык и стиль памятников античной литературы (сер. *Philologia classica*. Вып. III). Л., 1987. 189 с.
9. *Noratiana* (сер. *Philologia classica*. Вып. IV). Л., 1992. 227 с.
10. О. Н. Сорокин. Индоевропейские гуттуральные и их рефлексy в греческом и латинском языках. Томск, 1994. 165 с.
11. МННМНЭ ХАРИН. К 100-летию со дня рождения проф. А. И. Доватура (сер. *Philologia classica*. Вып. V). СПб., 1997. 239 с.

**Кандидатские диссертации,
выполненные под руководством Ю. В. Откупщикова**

1. О. А. Олекене. Глагольно-именные предложные словосочетания с временным значением в современном литовском литературном языке и их соответствия в русском. Вильнюс, 1969.
2. Ю. А. Лаучюте. Лексические балтизмы в славянских языках. Л., 1971.
3. Л. Т. Леушина. Образования с суффиксальным *-и- в древнегреческом, латинском и других индоевропейских языках Л., 1977.
4. В. П. Казанскене. Древние греческие и латинские образования с суффиксальными *-т-, *-тен-, *-н-. Л., 1980.
5. Ц. Р. Арутюнян. Армяно-греческие лексические эксклюзивные изоглоссы. М., 1984.
6. С. Ю. Крицкая. Марк Теренций Варрон и античная этимология (на материале трактата «О латинском языке»). М., 1985.
7. О. Н. Сорокин. Индоевропейские гуттуральные и их рефлексy в греческом и латинском языках. Л., 1985 (диссертация опубликована отдельной книгой под редакцией Ю. В. Откупщикова, см. раздел «Редактирование», № 10).
8. Н. А. Юхнявичене. Образ государственного деятеля в «Истории» Геродота. М., 1987.
9. Е. Г. Филимонов. Праиндоевропейская монофтонгизация и ее следы в латинском языке. СПб., 2006.

**Публикации,
посвященные Ю. В. Откупщику**

1. A. Sabaliauskas. Otkupšikovas Jurijus // *Lietuviškoji tarybinė enciklopedija*. T. 8. Vilnius, 1981. P. 383–384.
2. A. Sabaliauskas. Lietuvių kalbos tyrinėjimo istorija. [D. 2]. 1940–1980 m. Vilnius, 1982. P. 134–135.
3. A. Sabaliauskas. Jurijus Otkupšičikovas // *Mintis ir ženklas*. Vilnius, 1983. P. 174–175.
4. А. И. Зайцев, Н. И. Степанов, Н. А. Чистякова. Ю. В. Откупщиков (к 60-летию со дня рождения) // *Вестник Ленинградского университета*. 1985, № 9. Сер. ист., яз., лит. Вып. 2. С. 126–127.

5. Измерить годами трудно (к 60-летию Ю. В. Откупщикова) // Ленинградский университет. 7 сентября 1984 г. С. 10 (автор — коллектив кафедры классической филологии ЛГУ).
6. A. Sabaliauskas. Otkupšikovas Jurijus // Tarybų Lietuvos enciklopedija. T. 3. Vilnius 1987. P. 252.
7. J. Palionis, A. Sabaliauskas. Rytų slavų kalbininkai liuanistikos baruose. Vilnius, 1990. P. 90–93.
8. Юрий Владимирович Откупщиков. Указатель научных публикаций. СПб., 1994 (авторы-составители — А. И. Зайцев, И. Г. Неустроева).
9. А. И. Зайцев, И. Г. Неустроева. Ю. В. Откупщиков (к 75-летию со дня рождения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1994. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 2 (№ 9). С. 128–129.
10. А. И. Зайцев. Юрий Владимирович Откупщиков (к 75-летию со дня рождения) // Linguistica et philologica. Сборник статей к 75-летию проф. Юрия Владимировича Откупщикова СПб, 1999. С. 3–6.
11. A. Sabaliauskas. Otkupšičikov Jurij // Lietuvių kalbos enciklopedija. Vilnius, 1999. P. 449.
12. И. В. Нарусевич. Великий гранд филологии // Ялик № 38, февраль 2000. С. 1–2.
13. Ю. [А.] Лескина. Откупщиков Юрий Владимирович // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Т. 3. 1905–2004, Н–Я. Казань, 2004. С. 90–91.
14. Е. Г. Филимонов. Магия голоса // Санкт-Петербургский университет № 20 (3678), 15 сентября, 2004. С. 34–35.
15. Откупщиков Юрий Владимирович // Профессора Санкт-Петербургского университета. СПб. 2004. С. 461–462.
16. Ю. В. Гидулянова. К 80-летию профессора Юрия Владимировича Откупщикова // Ялик. Научно-информационный бюллетень СПбГУ, № 62. Февраль 2005. С. 2.
17. М. Рутман. Если мать провожает с улыбкой... // Санкт-Петербургские ведомости, 8 мая, 2008. С. 5.
18. A. Sabaliauskas. Otkupšičikov Jurij // Lietuvių kalbos enciklopedija. Vilnius, 2008. P. 383.
19. Юрий Владимирович Откупщиков. К 85-летию / Сост. Е. Г. Филимонов. СПб., 2009.
20. Откупщиков Юрий Владимирович // Почетные профессора Санкт-Петербургского университета. СПб., 2009. С. 60–62.
21. A. Sabaliauskas. Otkupšičikov Jurij // Visuotinė lietuvių enciklopedija. T. XVII. Vilnius, 2010. P. 165.
22. В. С. Дуров. Феномен Откупщикова // В. С. Дуров. Перебирая в памяти былое... СПб. 2012. С. 93–99.
23. A. Andronovas, J. Filimonovas. Jurijus Otkupšičikovas (1924 08 29–2010 09 25) // Baltistica, XLVI₍₂₎, Vilnius, 2012. — P. 349–353.
24. A. Sabaliauskas. Lietuvių kalbos tyrinėjimo istorija. [D. 3]. 1980–2010 m. Vilnius, 2012. P. 513–518.